

Русская старина

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНУАРИЯ 1870 г.

1901

ИЗДАНИЕ — 30-е

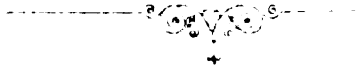
ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО СЕДЬМЬЯД

JK

89

107

IVERSITY
IES
GTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Общественнаго Польза

1901.

№ 39.

ПОРТРЕТЪТЪ НА ГЕНЕРАЛА
КОЛОДНИКЪТЪ.

Русская старина

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1901.

ЮЛЬ.—АВГУСТ.—СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО СЕДЬМОЙ.

DK

1

189

v. 107

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., № 39.

1901.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

И С Т О Р І Я

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. Ѳ. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

закрывающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.

Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться

въ Товарищество «Общественная Польза», Большая

Подъяческая, № 39.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ

ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА

СОЛОВЬЕВА

(Дополнительный томъ къ „ИСТОРИИ РОССИИ“).

Предлагаемый томъ составляетъ какъ бы продолженіе и дополненіе къ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ того же автора и изданъ въ ея форматѣ.

Содержаніе: Исторія паденія Польши. Императоръ Александръ I. Начало Русской земли. Древняя Россія. Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго. Историческія письма. Восточный вопросъ. Прогрессъ и религія. Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ. Писатели Русской исторіи XVIII вѣка. Н. М. Карамзинъ. А. Л. Шлецеръ. Шлецеръ и антиисторическое направленіе.

Дополнительный томъ заключаетъ въ себѣ 51 листъ (808 страницъ текста, напечатаннаго четкимъ, убористымъ шрифтомъ.

Цѣна 4 р. безъ пересылки, на веленовой бумагѣ 5 р. Въ переплетѣ 5 р.; на веленовой бумагѣ 6 р. Пересылка по разстоянію и вѣсу. Съ требованіями обращаться въ книжный складъ Товарищества „Общественная Польза“. С.-Петербургъ, Никольскій переулокъ, 8.

Великій князь Николай Павловичъ

съ 1814 по 1822 годъ.

III ⁴⁾.

Выѣхавъ изъ Павловска 13-го (25-го) сентября 1816 года, великій князь Николай Павловичъ безостановочно слѣдовалъ до Берлина, спорадая отъ нетерпѣнія поскорѣй увидѣться со своей невѣстой, принцессой Шарлоттой. Онъ прѣѣхалъ въ Берлинъ 21-го сентября (3-го октября) и затѣмъ почти все время проводилъ въ Шарлоттенбургѣ, гдѣ находился дворъ.

Принцессу Шарлотту уже называли въ семьѣ Александрой. При первомъ же свиданіи ея съ Николаемъ Павловичемъ, между ними произошелъ, между прочимъ, слѣдующій разговоръ, свидѣтельствующій о находчивости великаго князя.

— Вы являетесь какъ разъ кстати, — обратилась она къ нему, — чтобы разрѣшить важный вопросъ, который мы, мои сестры и я, все рѣшали и никакъ не могли рѣшить: петербургскіе часы показываютъ на три четверти впередъ противъ берлинскихъ; развѣ у васъ время идетъ быстрѣе, чѣмъ у насъ?

— Я того мнѣнія, — отвѣчалъ великій князь, улыбаясь, — что нигдѣ время не идетъ такъ быстро, какъ возлѣ васъ.

Характеру принцессы была свойственна нѣкоторая туманная мечтательность, великій же князь, по выраженію Лакруа, не обнаруживалъ

⁴⁾ См. „Русскую Старину“ іюнь 1901 г.

никакой склонности къ неопредѣленнымъ идеямъ и нѣмецкому идеалу: онъ умѣлъ размышлять, но не мечтать.

Несмотря на такое несходство въ характерахъ и въ склонностяхъ, симпатіи и чувства будущихъ супруговъ вполне гармонировали между собою; они находили удовольствіе въ прогулкахъ по тѣнистымъ аллеямъ шарлоттенбургскаго парка и прекрасно понимали другъ друга, даже въ тѣ моменты краснорѣчиваго молчанія, которое вдругъ наступаетъ среди влюбленныхъ.

— Вотъ, я поймала васъ,—замѣтила ему принцесса, въ одинъ изъ подобныхъ моментовъ,—не пытайтесь защищаться: вы мечтаете, какъ и я.

— Я не мечтаю,—отвѣчалъ онъ, съ восторгомъ смотря на нее,—я думаю, я думаю о васъ¹⁾.

Часы и дни, проведенные Николаемъ Павловичемъ въ королевской семьѣ, пролетѣли быстро, и снова приближалось время разлуки съ тою, которой предназначено было идти съ нимъ рука объ руку по жизненному пути.

Послѣ большихъ осеннихъ маневровъ прусскихъ войскъ, на которыхъ присутствовалъ великій князь вмѣстѣ съ королемъ, Николай Павловичъ отправился 15-го (27-го) октября въ дальнѣйшій путь. Первой остановкою его былъ Веймаръ; здѣсь онъ провелъ два дня съ сестрою великою княгинею Марією Павловною.

Свѣдѣнія о дальнѣйшихъ путешествіяхъ Николая Павловича довольно темны и сбивчивы. Спрашивается, какою дорогою направился великій князь въ Калѣ, для перѣзда въ Англію?

Григорій Андреевичъ Глинка въ письмахъ къ своей женѣ пишетъ 21-го октября (2-го ноября) изъ Веймара: «завтра рано поутру отправляемся мы въ Кассель (Гессенскій), оттуда уже въ Брюссель». Дальнѣйшихъ же указаній по этому вопросу въ перепискѣ не встрѣчается²⁾. Баронъ Николаи въ своихъ письмахъ также ничего не говоритъ, какимъ путемъ великій князь пріѣхалъ въ Калѣ.

Между тѣмъ Лакруа въ своей исторіи утверждаетъ, будто передъ отплытіемъ въ Англію великій князь провелъ нѣсколько дней инкогнито Парижѣ, при чемъ сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя подробности о третьемъ посѣщеніи Николаемъ Павловичемъ французской столицы.

По разсказу Лакруа, великій князь не замедлилъ посѣтить въ Нельи герцога Орлеанскаго, давшаго ему еще въ 1814 году, какъ выражается Николай Павловичъ, первые уроки супружескаго счастья. Великій князь провелъ у герцога цѣлый день. По словамъ Лакруа, этотъ день оказалъ рѣшающее вліяніе на судьбу великаго князя: громадное впечатлѣніе,

¹⁾ Laeroix, „Histoire de la vie du règne de Nicolas I“. Т. I, p. 128.

²⁾ „Русск. Стар“. 1876 г., т. XVII.

произведенное на него видомъ домашняго счастья герцога Орлеанскаго, окончательно предрасположило его къ семейной жизни. Николай Павловичъ и герцогъ разстались въ восторгѣ другъ отъ друга; великій князь призналъ его идеаломъ мудраго и честнаго человѣка и просилъ позволенія на обратномъ пути изъ Англіи снова посѣтить его, чтобы почерпнуть въ его семейномъ быту уроки для устройства собственнаго своего домашняго очага, послѣ брака. Они разстались на всегда. Впослѣдствіи политика ихъ разлучила и сдѣлала изъ императора Николая Павловича послѣ 1830 года непримиримаго врага Людовика-Филиппа, короля французевъ.

Въ это же пребываніе въ Парижѣ, великій князь познакомился съ Шатобрианомъ, впадшимъ въ то время въ немилость у правительства Людовика XVIII.

Разговаривая съ нимъ объ этомъ, великій князь замѣтилъ между прочимъ:

— Я удивляюсь, виконтъ,—сказалъ онъ,—что вы, другъ Бурбоновъ, а дѣлаете имъ болѣе зла, чѣмъ это могли бы сдѣлать ихъ враги.

— Зачѣмъ же они не слушаютъ моихъ совѣтовъ,—съ живостью возразилъ Шатобрианъ,—если бы русскій подданный явилъ бы императору Александру сколько доказательствъ преданности....

Николай Павловичъ не далъ ему докончить фразы и оборвалъ его слѣдующимъ характернымъ для него отвѣтомъ:

— Его величество императоръ принимаетъ совѣты только тогда, когда самъ удостоитъ спрашивать ихъ.

Во время своего разговора съ великимъ княземъ Шатобрианъ старался доказать ему, что престолъ Людовика XVIII повисъ надъ бездной, въ которой кипятъ тайныя общества и заговоры, порожденные атеизмомъ, либерализмомъ и бонапартизмомъ.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—теперь всѣ государства въ такомъ положеніи: революція подводитъ подъ нихъ подкопы; и у васъ въ Россіи имѣются свои минеры; но когда настанетъ время зарядить мину и воспламенить зарядъ, Франція, будьте въ томъ увѣрены, надѣлитъ васъ своими пальниками.

Великій князь передалъ впослѣдствіи императору Александру зловѣщее предсказаніе Шатобриана.

Вечеромъ 5-го (17-го) ноября великій князь прибылъ въ Калѣ и былъ крайне удивленъ ожидавшему его здѣсь официальному приему: Людовикъ XVIII, уважая некогда великаго князя въ Парижѣ, приказалъ однако отдать ему всѣ почести при отплытіи его въ Англію.

Переѣздъ совершился на англійской яхтѣ «Royal Sovereign».

Хотя Николай Павловичъ по прибытіи въ Лондонъ былъ встрѣченъ съ большими почестями, но принцъ-регентъ былъ враждебно настроенъ

противъ Россіи и въ частности противъ императора Александра. Эта враждебность была вызвана двумя причинами: во-первыхъ отказомъ дочери принца-регента выйти замужъ за принца Оранскаго.

А такъ какъ вскорѣ принцъ Оранскій женился на великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ, то принцъ-регентъ перенесъ все свое неудовольствіе, по поводу разстройства брака, котораго онъ страстно желалъ, на принца Оранскаго и на его супругу.

Другая причина неудовольствія заключалась въ томъ, что принцъ-регентъ чувствовалъ большую слабость къ различнымъ орденомъ знакамъ и былъ очень недоволенъ, что императоръ Александръ не жаждетъ ему русскихъ орденовъ, въ особенности ни «цѣпи, ни костюма» ордена Св. Андрея Первозваннаго. Обыкновенно онъ надѣвалъ на себя всѣ иностранные ордена, которые ему были поднесены, и очень гордился ими.

Принцъ-регентъ все свое неудовольствіе далъ почувствовать Николаю Павловичу. Назначивъ часъ для пріема великаго князя, онъ заставилъ его ждать своего выхода. Такъ прошло цѣлыхъ двадцать пять минутъ, пока, наконецъ, графъ Ливенъ не послалъ адъютанта напомнить принцу-регенту, что его ждетъ великій князь. Только тогда онъ вышелъ.

Чтобы отплатить за такую нелюбезность, великій князь, приглашенный на другой день къ принцу-регенту къ парадному обѣду, умышленно опоздалъ на пятнадцать минутъ. Принцъ-регентъ понялъ урокъ и сталъ вести себя въ отношеніи къ великому князю болѣе приличнымъ образомъ¹⁾.

Николай Павловичъ провелъ въ Англіи четыре мѣсяца, и пріемъ, оказанный ему, былъ, по свидѣтельству Г. А. Глинки, «дружелюбнѣйшій», и всѣми было проявлено «добротство угождать и предупреждать всѣ желанія и мысли высокаго посѣтителя». Изъ Лондона великій князь совершалъ поѣздки по Англіи и Шотландіи. Въ Эдинбургѣ Николай Павловичъ пробылъ шесть дней, но въ прочихъ городахъ остановки бывали крайне непродолжительны. Глинка обрисовываетъ, въ своей перепискѣ, характеръ этихъ поѣздокъ великаго князя слѣдующимъ образомъ: «Трудно подѣлиться тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на

---

¹⁾ Ф. Мартенсъ, „Трактаты съ Англіей, 1801—1831“, С.-Петербургъ, 1885, стр. 260. Вслѣдствіи, въ январѣ 1817 года великій князь провелъ пять дней въ гостяхъ у принца-регента въ Брайтонѣ, и, какъ пишетъ Г. А. Глинка: „безъ малѣйшаго стѣсненія, пользуясь вниманіемъ и расположеніемъ принца; погода стояла прекрасная, устраивались прогулки и балы, на которыхъ являлись первѣйшія красавицы въ мірѣ, и гремѣла музыка; я думаю, что воображеніе представить мнѣ однажды это время какъ рядъ волшебныхъ явленій“. „Русская Старина“ т. 17-й, стр. 92.

меня видѣ столькохъ городовъ, замковъ и живописныхъ мѣстностей, ибо мы ведемъ чисто кочевую жизнь, быстро переѣзжая съ мѣста на мѣсто. Такъ, на примѣръ, чѣмъ бы остановиться на нѣсколько дней для подробнаго осмотра Бристоля и Бата, двухъ большихъ городовъ, представляющихъ много интереснаго, мы проведемъ тамъ лишь по нѣсколько часовъ».

Во время своего пребыванія въ Лондонѣ, великому князю приходилось знакомиться съ самыми разнообразными политическими и государственными дѣятелями, которыми гордилась тогда Англія, но онъ лично предпочиталъ общество и бесѣды съ представителями британской арміи. Герцогъ Веллингтонъ, два раза уже встрѣчавшійся съ великимъ княземъ въ Парижѣ, въ 1814 и 1815 годахъ, считалъ своимъ долгомъ окружать брата императора Александра вниманіемъ и предупредительностью и нерѣдко служилъ ему руководителемъ и спутникомъ при обзорѣ замѣчательныхъ военныхъ и промышленныхъ учрежденій ⁴⁾.

Николай Павловичъ менѣе всего интересовался ораторскими преніями въ палатѣ лордовъ и въ палатѣ общинъ, а также разговорами объ этихъ явленіяхъ англійской общественной жизни.

По поводу же столь распространенныхъ въ Англіи клубовъ и митинговъ, Николай Павловичъ замѣтилъ однажды генералу Кутузову:

«Если бы, къ нашему несчастію, какой-нибудь злой геній перенесъ къ намъ эти клубы и митинги, дѣлающіе болѣе шума, чѣмъ дѣла, то я просилъ бы Бога повторить чудо смѣшенія языковъ, или, еще лучше, лишить дара слова всѣхъ тѣхъ, которые дѣлаютъ изъ него такое употребленіе».

Если бы графъ Нессельроде услышалъ этотъ рѣзкій отзывъ, онъ остался бы, вѣроятно, доволенъ словами «наблюдателя» и окончательно успокоился бы на счетъ возможнаго увлеченія конституционными порядками со стороны великаго князя.

Изъ Лондона великій князь ѣздилъ, между прочимъ, два раза въ Кларемонъ, загородный дворецъ принцессы Шарлотты, дочери принца-регента, вышедшей замужъ за принца кобургскаго Леопольда, сдѣлавшагося впоследствии бельгійскимъ королемъ. Во время посѣщенія великимъ княземъ Кларемонскаго замка, его видѣлъ лейбъ-медикъ принца Леопольда Штокмаръ, который оставилъ намъ описаніе наружности Николая Павловича въ то время. По его словамъ, это былъ необыкновенно красивый, плѣнительный молодой человекъ, прямой, какъ

⁴⁾ Николай Павловичъ произвелъ вообще на англійское общество самое благопріятное впечатлѣніе. Когда великій князь проѣзжалъ верхомъ по улицамъ или по паркамъ, публика, любящая его красивою и величавою осанкою, говорила: «взглянувъ на него, какъ не сказать, что это наследникъ русскаго императора».

сосна, съ правильными чертами лица, открытымъ лбомъ, красивыми бровями, необыкновенно красивымъ носомъ, красивымъ маленькимъ ртомъ, тонко очерченнымъ подбородкомъ; военный костюмъ его отличался простотою. «Его манера держать себя»,—прибавляетъ Штокмаръ,—полна оживленія, безъ натянутости, безъ смущенія и тѣмъ не менѣе очень прилична. Онъ много и прекрасно говоритъ по-французски, сопровождая слова недурными жестами. Если даже не все, что онъ говорилъ, было очень остроумно, то, по крайней мѣрѣ, все было не лишено пріятности; повидимому, онъ обладаетъ рѣшительнымъ талантомъ ухаживать. Когда въ разговорѣ онъ хочетъ отгнѣнить что-либо особенное, то поднимаетъ плечи къверху и нѣсколько аффективно возводитъ глаза къ небу. Во всемъ онъ проявляетъ большую увѣренность въ самомъ себѣ, повидимому, однако безъ всякой претензіи. Онъ ѣлъ очень умѣренно для человѣка его лѣтъ и пилъ лишь одну воду. Послѣ обѣда, когда графиня Ливенъ ¹⁾ сыграла на роялѣ, онъ поцѣловалъ ей руку, что показалось англійскимъ дамамъ крайне страннымъ, но въ то же время рѣшительно желательнымъ. Мистрисъ Кэмбелъ (статсъ-дама принцессы Шарлоты, отличавшаяся требовательностью и строгостью въ своихъ сужденіяхъ о мужчинахъ) была неизсякаема въ своихъ похвалахъ на счетъ великаго князя: «О какое очаровательное созданіе! Онъ дьявольски красивъ! Это будетъ самый красивый мужчина въ Европѣ!» Когда вечеромъ всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, для великаго князя былъ принесенъ кожаный мѣшокъ, набитый сѣномъ на конюшнѣ, его людьми, на которомъ онъ всегда спалъ». По словамъ Штокмара, англичане увидѣли въ этомъ со стороны великаго князя желаніе порисоваться! ²⁾.

5-го (17-го) марта, великій князь покинулъ Англію и переправился въ Калѣ. По желанію императора Александра, Николаю Павловичу было предложено не заѣзжать въ Парижъ, на обратномъ пути въ Россію. Проѣздомъ въ Брюссель, великій князь остановился на нѣсколько часовъ въ Лиллѣ и Мобежѣ, гдѣ были расположены войска русскаго оккупационнаго отряда графа М. С. Воронцова. Какъ въ Лиллѣ, такъ и въ Мобежѣ великаго князя торжественно привѣтствовала французская національная гвардія и городскія власти. Въ Мобежѣ въ отвѣтъ на рѣчь подпрефекта, Николай Павловичъ тоже произнесъ рѣчь, первую и послѣднюю за время его путешествія:

— Его величество императоръ,—сказалъ онъ,—питаетъ къ Франціи

¹⁾ Это была Дарья Христофоровна, супруга русскаго посла графа Ливена и сестра генералъ-адъютанта Александра Христофоровича Бенкендорфа, будущаго шефа жандармовъ.

²⁾ Denkwürdigkeiten aus den Papieren des Freiherrn Christian Friedrich v. Stockmar. Braunschweig. 1872, p. p. 97—99.

привязанность, которую вамъ угодно было признать, принявъ его солдата, какъ братьевъ по оружію. Развѣ вы, и тѣ и другіе, не являетесь защитниками отечества? Національная гвардія—прекрасное учрежденіе, пока она не мѣшается въ политику и остается и подчиняется военной дисциплинѣ. Національная гвардія, такую, какъ я ее понимаю, представляется мнѣ могучею силою страны. Вы замѣтите мнѣ, быть можетъ, что у насъ въ Россіи нѣтъ національной гвардіи? Да, но вскорѣ у насъ будутъ военныя поселенія, которыя ее замѣнятъ и которыя болѣе отвѣчаютъ нашей системѣ правленія. Если я буду имѣть удовольствіе снова увидѣть васъ, господа, я опять заговорю съ вами о нашихъ военныхъ поселеніяхъ, и вы не откажетесь дать мнѣ взамѣнъ свѣдѣнія на счетъ національной гвардіи. Сегодняшній пріемъ вашъ доказываетъ мнѣ, что, возвратясь къ вамъ, я буду вполне увѣренъ найти здѣсь друзей.

Вечеромъ графъ Воронцовъ далъ въ честь Николая Павловича большой балъ, на который собралась вся аристократія родовая, промышленная и финансовая изъ окрестныхъ городовъ и замковъ.

Въ ту же ночь великій князь выѣхалъ въ Брюссель для свиданія съ великой княгиней Анной Павловною, а оттуда въ Штутгартъ для свиданія съ великой княгиней Екатериной Павловною. Въ заключеніе онъ остановился еще въ Веймарѣ и затѣмъ 3-го (15-го) апрѣля прибылъ въ Берлинъ. Здѣсь Николай Павловичъ провелъ двѣ недѣли въ обществѣ своей невѣсты. Пребываніе великаго князя въ Пруссіи сопровождалось этотъ разъ большою и неожиданною для него радостью: король назначилъ своего будущаго зятя шефомъ 3-го Бранденбургскаго кирасирскаго полка. 27-го апрѣля (9-го мая) 1817 года, великій князь возвратился въ Петербургъ.

IV.

Вернувшись изъ заграничнаго путешествія, великій князь Николай Павловичъ пробылъ въ Петербургѣ только около мѣсяца, а затѣмъ снова отправился въ путь къ прусской границѣ для встрѣчи своей невѣсты принцессы Шарлотты.

Принцесса Шарлотта выѣхала изъ Берлина въ Петербургъ 31-го мая (12-го іюня) 1817 года. Въ ея путешествіи въ Россію ее сопровождали ея братъ, принцъ Вильгельмъ, впоследствии императоръ германскій Вильгельмъ I, и свита состояла изъ оберъ-гофмейстерины графини Гаазе, флейлины графини Трихсесъ, ея воспитательницы Вильдерметъ, оберъ-гофмейстера барона Шильденъ, камергера графа

Лоттумъ, секретарей Шамбо и Шиллеръ, доктора Буссе, протоіерея Музовскаго и изъ необходимаго числа прислуги. При принцѣ Вильгельмѣ состоялъ, кромѣ того, генераль Натцмеръ; военная же свита принца состояла изъ его личнаго адъютанта, поручика графа Шлифена и сверхъ того изъ полковника Градова, маіора Луказу и поручика Мутіусъ.

Теперь какъ-бы исполнялось пророческое слово о принцессѣ Шарлоттѣ, сказанное нѣкогда королевой Луизой:

«Наши дѣти—наши сокровища. Дочь моя Шарлотта замкнута въ себѣ, сосредоточена, но, какъ и у ея отца, подъ холодной, повидимому, внѣшностью бьется горячее сочувствующее сердце; вотъ причина, по которой въ ея обращеніи проглядываетъ нѣчто величественное. Если Господь сохранить ея жизнь, я предчувствую для нея блестящее будущее».

Передъ отъѣздомъ своей дочери Фридрихъ-Вильгельмъ снабдилъ генерала Натцмера особою письменною инструкціею, содержаніе которой наглядно доказываетъ отрицательныя выгоды, добытыя Россіею отъ политики, поставившей ее съ 1815 года во главѣ реакціи въ Европѣ. Въ каждой строчкѣ этой инструкціи проглядываетъ недовѣріе къ Россіи и высказывается полное сомнѣніе въ безкорыстїи политическихъ намѣреній императора Александра. Такъ продолжалось до 1854 года, а между тѣмъ сами же наши союзники открыто отреклись не разъ отъ дружескихъ услугъ, навязываемыхъ Европѣ творцомъ священнаго союза, а затѣмъ и его преемникомъ...

Инструкція, врученная королемъ Натцмеру, заключалась въ слѣдующемъ:

«Наши политики того мнѣнія, что слѣдуетъ употребить съ нашей стороны всевозможныя усилія, чтобы не допустить войны между Россіей и Портой и тѣмъ отклонить всеобщую войну.

«Относительно революціоннаго движенія въ Пруссїи, слѣдуетъ сказать, что нужно предоставить людямъ думать все, что имъ вздумается, лишь бы они повиновались и платили. Серьезнаго ничего нѣтъ. Есть основаніе предполагать, что императоръ дѣлаетъ столько шуму изъ этого революціоннаго духа лишь для того, чтобъ было чѣмъ оправдать громадный составъ своей арміи. Въ такомъ смыслѣ онъ высказался Пруссїи и Австрїи.

«Относительно образованія ландвера — сказать правду. Убѣдить императора, что вся наша военная система основана на оборонительныхъ цѣляхъ. Для другихъ цѣлей наши силы не достаточны—у насъ подъ ружьемъ не болѣе 110.000 человекъ, но въ случаѣ нападенія мы можемъ располагать четырехъ-сотъ-тысячной арміей и даже больше...»

Истинная цѣль императора заключается, конечно, въ желаніи быть

посредникомъ въ Европѣ и черезъ это играть первую роль, а чтобы имѣть возможность угрожать, онъ намѣренъ сохранить свои многочисленныя арміи ⁴⁾. Но прусское правительство не довольствовалось всѣмъ этимъ. Генераль Гральманъ, стоявшій во главѣ прусскаго генеральнаго штаба, снабдилъ Натцмера еще слѣдующими вопросными пунктами, которые, безъ всякаго сомнѣнія, приличнѣе было бы ставить Наполеону передъ нашествіемъ 1812 года, чѣмъ союзной намъ державѣ въ 1817 году, въ моментъ бракосочетанія дочери прусскаго короля съ вѣроятнымъ наследникомъ престола:

«Можетъ быть,—пишетъ Гральманъ,—вамъ удастся узнать кое-что о слѣдующемъ:

- 1) Поддерживается ли еще у Риги предмостное укрѣпленіе?
- 2) Будутъ ли вновь отстроены рижскіе форштаты, окружающіе крѣпость, и въ какомъ отдаленіи отъ укрѣпленій?
- 3) Приступили ли дѣйствительно къ укрѣпленію Пскова и что именно сдѣлано въ этомъ отношеніи?
- 4) Въ какомъ положеніи находятся древнія укрѣпленія Новгорода?
- 5) Въ какомъ положеніи находятся Нарва и Ивангородъ ⁵⁾?

Путешествіе принцессы Шарлотты до самой русской границы было непрерывнымъ рядомъ овацій и проявленія къ ней сочувствія со стороны ея соотечественниковъ.

⁴⁾ Aus dem Leben des Generals Oldwig von Natzmer. Berlin 1876. T. I, p. 228.

⁵⁾ Изъ выше поименованной біографіи генерала Натцмера, стр. 237.

Натцмеръ отвѣчалъ по поводу сдѣланныхъ ему вопросовъ:

„Рижская крѣпость поддерживается крайне дурно. Предмостное укрѣпленіе новое и потому содержится лучше прочихъ укрѣпленій. Но оно расположено неудовлетворительнымъ образомъ.

На русскомъ берегу предмѣстія вновь отстроены, но въ разстояніи лишь 800 шаговъ отъ крѣпостныхъ верковъ. На противоположномъ берегу воспрещено вновь возводить ихъ. У Зовгольма, около Риги, Двину можно перейти въ бродъ. Съ нѣмецкой стороны весьма легко бомбардировать городъ. Всѣ бруствера такъ низки, что на нихъ можно взобраться безъ помощи лѣстницъ.

„Цитадель не снабжена лучшими верками. Широкій водной ровъ съ одной стороны и Двина съ другой стороны представляютъ собою лучшую защиту города.

„Одинъ французскій инженеръ, недавно посланный императоромъ въ Ригу для осмотра ея и изысканія способовъ для лучшей обороны города, какъ говорятъ, отвѣтилъ ему: „Sire, la nature y a tout fait, l'art a tout gaté“.

Король поблагодарилъ Натцмана за доставленныя имъ интересныя свѣдѣнія. И все это писалось въ то время, когда Натцмеръ собирался сказать императору: „Sire, nous amepons, ce que nous avons de plus cher et de plus precieuses“.

Натцмеръ не позабылъ также о Новгородѣ и на поставленный ему четвертый вопросъ доносилъ въ Берлинъ уже впоследствии, что тамъ не осталось и слѣдовъ прежнихъ укрѣпленій.

8-го (20-го) іюня принцесса Шарлотта и принцъ Вильгельмъ прибыли въ Мемель. Въ честь ихъ пріѣзда были устроены триумфальныя ворота, суда распѣвались флагами, и появленіе путешественниковъ встрѣчено безконечнымъ «ура!» Почти одновременно съ ними въ Мемель пріѣхалъ полковникъ Аддербергъ, адъютантъ великаго князя Николая Павловича, съ извѣстіемъ о прибытіи великаго князя въ Полагенъ.

На другой день по прибытіи въ Мемель, принцъ Вильгельмъ, по совѣту Натцмера, рѣшилъ сдѣлать визитъ великому князю въ Полагенъ, но по дорогѣ туда встрѣтился съ Николаемъ Павловичемъ, желавшимъ прибытіемъ въ Мемель инкогнито доставить сюрпризъ принцу и принцессѣ. При встрѣчѣ они поспѣшили выйти изъ экипажей, сердечно поцѣловались и вмѣстѣ отправились въ Мемель.

Переѣздъ черезъ русскую границу совершился 9-го (21-го) іюня. Вдоль пограничной черты, со стороны Пруссіи и Россіи выстроились отряды войскъ русскихъ и прусскихъ. Въ семь часовъ утра великій князь въ формѣ своего Бранденбургскаго кирасирскаго полка, явился передъ строемъ пруссаковъ, гдѣ его встрѣтилъ принцъ Вильгельмъ съ обнаженною шпагою. Николай Павловичъ, поздоровавшись съ войсками, сказалъ имъ: «Мои друзья, помните, что я на половину вашъ соотечественникъ и, какъ вы, вхожу въ составъ арміи вашего короля».

Въ 9 часовъ подъѣхала придворная карета, изъ которой вышла принцесса Шарлотта, встрѣченная своимъ братомъ; она обошла ряды прусскихъ войскъ, чтобы съ ними проститься. Затѣмъ подъ руку съ принцемъ Вильгельмомъ принцесса направилась къ русской границѣ. Великій князь поспѣшилъ къ ней на встрѣчу и, протягивая руку, какъ бы желая помочь ей переступить пограничную черту, сказалъ шепотомъ:

— Наконецъ-то вы среди насъ, дорогая Александра, а затѣмъ произнесите такъ, чтобы быть услышаннымъ окружающими: Добро пожаловать въ Россію, ваше королевское высочество.

Послѣ того, онъ провелъ принцессу по рядамъ русскихъ войскъ и сказалъ, обратясь къ офицерамъ:

— Это не чужая, господа; это дочь вѣрнѣйшаго союзника и лучшаго друга нашего государя.

Въ Полагенѣ, Николай Павловичъ представилъ своей невѣстѣ русской придворной штатъ; онъ состоялъ изъ княгини Волконской (рожд. княжны Репниной), фрейлинъ графини Шуваловой и Ушаковой, оберъ-мундшенка графа Захара Чернышева, гофмейстера Альбеделя, камергера князя Долгорукова и камеръ-юнкера графа Соллогуба.

Дальнѣйшее путешествіе по Россіи было крайне утомительно, такъ какъ стояла страшная жара, а дорожная пыль дѣлала его еще болѣе тяжелымъ. Тѣмъ не менѣе на каждой станціи, великій князь показывалъ принцу Вильгельму войска и производилъ имъ ученіе. По этому

поводу Натцмеръ отмѣчаетъ у себя въ дневникѣ, что «нельзя повѣрить, чѣмъ этотъ господинъ способенъ заниматься по цѣлымъ днямъ».

Во время пути дѣлалось все, чтобы торжественностью встрѣчь смягчить вполнѣ естественную грусть принцессы Шарлотты. Особенно блестящъ былъ въѣздъ въ Ригу, хотя проявленный при этомъ восторгъ показался Натцмеру нѣсколько искусственнымъ.

16-го (28-го) іюня, принцесса Шарлотта прибыла въ Дерптъ. На слѣдующій день праздновалось рожденіе ея брата, принца Карла, и это обстоятельство должно было особенно оживить ея грусть по покинутой родинѣ; поэтому неудивительно, что у нея на глазахъ часто навертывались слезы, и она казалась печальнѣе обыкновеннаго. Къ вполнѣ понятной тоскѣ о родинѣ у принцессы Шарлотты присоединился еще страхъ при мысли о встрѣчѣ съ императрицей Маріей Ѳеодоровной, рассказы о которой напугали ее; страхъ этотъ былъ такъ силенъ, что наканунѣ встрѣчи она плакала отъ того, что ей предстояло познакомиться со вдовствующей императрицей.

18-го (30-го) іюня, принцесса Шарлотта прибыла въ Косково, гдѣ къ ней выѣхали на встрѣчу императоръ Александръ, императрица Марія Ѳеодоровна и великій князь Михаилъ Павловичъ. Страхъ принцессы оказался напраснымъ. Она въ воспоминаніяхъ пишетъ: «Я очутилась въ объятіяхъ моей будущей свекрови, которая отнеслась ко мнѣ такъ нѣжно и ласково, что сразу завоевала мою любовь. Императоръ привѣтствовалъ меня съ тою любезностью и съ такими сердечными и изысканными словами, которыя были ему одному свойственны». Вообще свиданіе было въ высшей степени трогательное и сердечное. Государь представилъ своей матери принца Вильгельма, пользовавшагося съ 1814 года особеннымъ его расположеніемъ, съ словами: «рекомендую вамъ моего новаго брата», на что императрица отвѣтила, обнявъ принца: «стало быть, и у меня теперь однимъ сыномъ болѣе».

Дальнѣйшій путь шелъ черезъ Гатчину и Царское Село. Въ Гатчинѣ осматривали дворецъ, въ которомъ воспитывались младшіе великіе князья. Дворецъ этотъ своимъ мрачнымъ видомъ произвелъ на иностранцевъ тяжелое впечатлѣніе.

19-го іюня (1-го іюля) принцесса прибыла въ Павловскъ, гдѣ собрался весь дворъ; тамъ же ее поджидала и императрица Елисавета Алексѣевна. Новизна впечатлѣній дотога поразила принцессу, что она растерялась и не замѣтила императрицы, какъ вдругъ ласковый голосъ произнесъ, обращаясь къ ней: «Не найдется ли у васъ и для меня взгляда?» Въ отвѣтъ принцесса бросилась въ объятія императрицы, тронувшей ее своимъ радушнымъ привѣтствіемъ, безъ всякихъ преувеличеній, безъ выраженія излишнихъ чувствъ.

Вдовствующая императрица была въ восторгѣ отъ невѣсты и ска-

зала, что идеаль всѣхъ ея желаній исполнился, потому что небо послало ей такую дочь. Это расположеніе Маріи Θεодоровны къ принцессѣ возрастало, можно сказать, съ каждымъ днемъ, такъ что графиня Ливенъ имѣла полное основаніе сказать впоследствии великой княгинѣ Александрѣ Θεодоровнѣ: «*Sie sind das Herzblatt der Kaiserin Mutter* (вы—любимица императрицы матери)».

20-го іюня (2-го іюля) послѣдовалъ торжественный въѣздъ принцессы Шарлотты въ Петербургъ. Всѣ смотрѣли на нее съ нѣжвѣйшимъ участіемъ, вспоминая добродушіе, красоту и несчастіе ея матери. Что касается великаго князя Николая Павловича, то, какъ замѣчаетъ современникъ, русскіе тогда еще мало знали его ¹⁾; «едва вышедъ изъ отрочества, два года провелъ онъ въ походахъ за границей, въ третьемъ проскакалъ онъ всю Европу и Россію и, возвратясь, началъ командовать Измайловскимъ полкомъ. Онъ былъ несообщителенъ и холоденъ, весь преданный чувству долга своего; въ исполненіи его онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ и къ другимъ. Въ правильныхъ чертахъ его бѣлаго блѣднаго лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которыя въ первой молодости облегли чело его, были какъ будто предвѣстіемъ всѣхъ напастей, которыя постигнутъ Россію во дни его правленія. Не при немъ они накопились, не онъ навлекъ ихъ на Россію; но природа и люди при немъ ополчились. Ужаснѣйшія преступныя страсти въ его время должны были потрясти міръ, и гнѣвъ Божій справедливо карать ихъ. Увы! буря зашумѣла въ то самое мгновеніе, когда взялся онъ за кормило, и борьбою съ нею долженъ былъ онъ начать свое царственное плаваніе. Никто не зналъ, никто не думалъ о его предназначеніи; но многіе въ неблагоклонныхъ взорахъ его, какъ въ неясно писанныхъ страницахъ, какъ будто уже читали исторію будущихъ золъ. Сіе чувство не могло привлекать къ нему сердце. Скажемъ всю правду: онъ совсѣмъ не былъ любимъ. И даже въ этотъ день ликованія царской семьи, я почувствовалъ въ себѣ непонятное мнѣ самому уныніе».

Во время торжественнаго шествія, по правую руку императора Александра ѣхалъ великій князь Николай Павловичъ, а по лѣвую принцъ Вильгельмъ; великій князь Михаилъ Павловичъ находился рядомъ съ братомъ. Принцесса слѣдовала въ золоченомъ открытомъ ландо съ обѣими императрицами. Войска разставлены были по всему пути, начиная отъ Московской заставы. По прибытіи въ Зимній дворецъ, отслуженъ былъ молебенъ, послѣ котораго принцесса въ первый разъ приложилась ко кресту. Торжество заключилось прохожденіемъ войскъ церемоніальнымъ маршемъ; великіе князья находились во главѣ своихъ полковъ.

¹⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля, часть 5-я, стр. 70.

Императрица, принцесса и дворъ находились на существовавшемъ тогда деревянномъ балконѣ. «Съ этого балкона меня показали народу», записала принцесса.

Въ тотъ же день Шильденъ и Натцмеръ передали государю — первый письмо короля, а второй рапортъ о состояніи полка его имени. Натцмеръ пишетъ объ этомъ свиданіи: «Императоръ много говорилъ со мною о военныхъ, о нашемъ корпусѣ офицеровъ, которые опередили русскій. На мои слова: «Sire, nous amepons ce que nous avons de plus cher», онъ отвѣтилъ, что онъ прекрасно знаетъ и чувствуетъ, какую жертву принесли ему король и нація, но что черезъ это узы дружбы и согласія будутъ еще болѣе скрѣплены, если только это представляется возможнымъ. Онъ употребить всё усилія, чтобы принцесса была бы здѣсь счастлива.

Когда поздно вечеромъ, въ день своего вѣзда въ Петербургъ, послѣ всѣхъ пережитыхъ волненій, послѣ блеска торжественной встрѣчи въ столицѣ и ослѣпительной роскоши развернувшейся передъ нею придворной жизни, столь не походившей на все то, что ей приходилось видѣть съ дѣтства, принцесса Шарлотта очутилась наконецъ одна въ своей комнатѣ, она почувствовала, по словамъ ея біографа Гримма, — что она находится въ міровомъ царствѣ, гдѣ все представляется ей въ исповинскихъ формахъ ¹⁾.

22-го іюня (4-го іюля) изъ Варшавы прибылъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. «Je le trouvai bien laid», пишетъ о немъ будущая императрица въ своихъ воспоминаніяхъ, прибавляя: «хотя я уже видѣла его ребенкомъ въ Берлинѣ въ 1805 году».

24-го іюня (6-го іюля) состоялось муропомазаніе принцессы Шарлотты, нареченной великой княжною Александрой Θεодоровной. Событіе это оказало громадное вліяніе на ея нравственное состояніе. Мысль о переимѣнѣ религіи дотогу угнетала ее, что съ самаго своего вѣзда въ Петербургъ вплоть до 24-го іюня она плакала, какъ только оставалась одна.

Въ своихъ воспоминаніяхъ императрица Александра Θεодоровна, упоминая о своемъ тогдашнемъ душевномъ настроеніи, впоследствии писала:

«Протоіерей Музовскій, посвящавшій меня въ догматы греческой церкви и который долженъ былъ подготовить меня къ первому причастію св. таинъ, былъ человекъ прекрасный, но не особенно краснорѣчивый на нѣмецкомъ языкѣ. Не такого человека было мнѣ нужно для того, чтобы пролить миръ въ мою душу и успокоить ее въ подобную

¹⁾ Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland, von A. Th. von Grimm.— Leipzig 1878. Т. 1, р. 77.

минути; но я нашла въ молитвѣ то, что можетъ дать спокойствіе, я читала назидательныя книги, болѣе не думала о земныхъ вещахъ и была преисполнена счастьемъ приобщиться въ первый разъ святыхъ Таинъ! 24-го іюня я отправилась въ церковь; меня повелъ императоръ. Съ грѣхомъ пополамъ я прочла символъ вѣры по-русски; рядомъ со мною стояла игуменья въ черной рясѣ, тогда какъ я была одѣта вся въ бѣлое, съ маленькимъ крестомъ на шеѣ; я имѣла видъ жертвы; такое впечатлѣніе произвела я на все наше прусское общество, которое съ состраданіемъ и со слезами на глазахъ видѣло появленіе бѣдной принцессы Шарлотты въ церковномъ обрядѣ, столь мистическомъ и странномъ въ глазахъ протестантовъ. Мвропомазаніе моей невѣстки цесаревны совершилось при совершенно иныхъ условіяхъ: она нашла здѣсь прекраснаго священника, который объяснилъ ей слово за слово догматы и обряды нашей церкви, къ которымъ она имѣла время привыкнуть въ теченіе двухъ-мѣсячнаго пребыванія въ Россіи. Но для меня все это случилось весьма быстро; все совершилось и окончилось въ теченіе шести дней. Съ той минуты, какъ я приобщилась св. Таинъ, я почувствовала себя въ мирѣ съ самой собою и не проливала болѣе слезъ».

25-го іюня (7-го іюля) въ день рожденія великаго князя Николая Павловича, происходило обрученіе. 28-го іюня (10-го іюля) великая княжна Александра Ѳеодоровна подписала актъ отреченія отъ наслѣдственныхъ правъ въ Пруссіи въ присутствіи графа Нессельроде, прусскаго посланника Шёлера, своихъ дамъ и великаго князя Николая Павловича.

30-го іюня (12-го іюля) состоялся на Семеновскомъ плацу большой парадъ войскамъ гвардейскаго корпуса. Во время парада императоръ Александръ часто подзывалъ генерала Натцмера и давалъ ему различныя объясненія. Натцмеръ воспользовался случаемъ и сказалъ государю, какое счастье для Европы, что всѣ эти войска принадлежатъ ему. Complimentъ, повидимому, понравился, и Александръ замѣтилъ, что онъ никогда не употребитъ ихъ съ дурною цѣлью (*malfaisant*), но всегда будетъ стремиться поддерживать ими спокойствіе въ Европѣ.

1-го (13-го) іюля, въ день рожденія великой княжны Александры Ѳеодоровны, былъ совершенъ обрядъ бракосочетанія ¹⁾.

¹⁾ Въ день бракосочетанія Николай Павловичъ получилъ отъ наслѣднаго принца прусскаго поздравительное письмо, въ которомъ тотъ ему писалъ между прочимъ: „Помните и ради самого неба никогда не забывайте, что только изъ любви къ вамъ Шарлотта оставила свою семью, свое отечество и свою вѣру! Оставайтесь моимъ другомъ изъ любви къ Шарлоттѣ и другомъ моего народа, потому что онъ заслуживаетъ этого“. (*Aus dem Leben des Generals Oldwig von Natzmer. T. 1, p. 249*).

«Я чувствовала себя очень, очень счастливой, когда наши руки соединились; съ полнымъ довѣріемъ отдавала я свою жизнь въ руки моего Николая, и онъ никогда не обманулъ этой надежды», писала Александра Ѳеодоровна, вспоминая день 1-го іюля 1817 года.

Вѣнцы вовремя вѣнчанія держали надъ Николаемъ Павловичемъ великій князь Михаилъ Павловичъ, а принцъ Вильгельмъ — надъ Александрой Ѳеодоровной,

Послѣ торжественнаго обѣда и бала, новобрачные съ церемоніею поѣхали въ предназначенный для нихъ Аничковскій дворецъ. Императоръ Александръ и императрица Елисавета Алексѣевна отправились туда заранѣе и встрѣтили новобрачныхъ съ хлѣбомъ-солью. Затѣмъ, былъ семейный ужинъ съ приглашеніемъ нѣкоторыхъ старыхъ приближенныхъ: Ламздорфа, графини Ливенъ и прусскихъ дамъ. Прочая свита ужинала за другимъ столомъ.

Императоръ Александръ подошелъ къ Натцмеру и сказалъ ему, что это счастливѣйшій день, до котораго онъ дожилъ; онъ только желалъ бы, чтобы король былъ свидѣтелемъ всего этого, однако онъ не теряетъ надежды, что король вскорѣ лично убѣдится въ счастіи своей дочери и, можетъ быть, найдетъ семейство умноженнымъ, что, можно надѣяться, и случится.

По случаю совершившагося бракосочетанія находившимся при Николаѣ Павловичѣ кавалерамъ назначены были награды. Генераль Ламздорфъ также не былъ забытъ. Онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, а сверхъ того императоръ Александръ пожаловалъ ему перстень съ своимъ портретомъ и табакерку съ портретами своихъ родителей и алмазною надписью: «Богъ благословилъ ихъ выборъ». Императрица Марія Ѳеодоровна, съ своей стороны, вручила «Papa Lamsdorf» другую табакерку, осыпанную драгоценными камнями, расположенными такимъ образомъ, что начальныя буквы ихъ французскихъ названій составляли слово: «Reconnnaissance¹⁾»).

Съ бракосочетаніемъ великаго князя Николая Павловича связано событіе, составившее важную эпоху въ исторіи инженернаго искусства въ Россіи. 3-го іюля 1817 года послѣдовало назначеніе его генералъ-инспекторомъ по инженерной части и шефомъ 1-гв. Сапернаго баталіона.

Этимъ назначеніемъ Николаю Павловичу открывался наконецъ путь къ самостоятельной государственной дѣятельности, и къ тому же на по-

¹⁾ Въ теченіе семнадцати лѣтъ, проведенныхъ при великихъ князьяхъ, графъ Ламздорфъ получилъ слѣдующія награды: чинъ генерала-отъ-инфантеріи, ордена: св. Александра Невскаго, св. Владиміра первой степени и св. Андрея Первозваннаго. Затѣмъ, 31-го октябрю, 1821 года графъ Ламздорфъ назначенъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта.

прищѣ, вопліѣ соотвѣтствовавшемъ его всегдашней наклонности къ инженерному дѣлу, замѣченной у него еще въ отроческіе годы.

Послѣ цѣлаго ряда торжествъ, ознаменовавшихъ собою бракосочетаніе великаго князя Николая Павловича, императорская фамилія покинула Петербургъ. Императоръ Александръ съ императрицей Елисаветой Алексѣвной переѣхали въ Царское Село, а императрица Марія Ѳеодоровна въ сопровожденіи новобрачныхъ, великаго князя Михаила Павловича и принца Вильгельма отправилась въ свою любимую резиденцію—Павловскъ. Слѣдующіе затѣмъ два мѣсяца прошли для новобрачныхъ въ безпрерывныхъ переѣздахъ изъ одного загороднаго дворца въ другой, при чемъ главнымъ ихъ мѣстопребываніемъ оставался Павловскъ. Здѣсь этикетъ, поддерживаемый императрицей-матерью, нѣсколько ослабѣвалъ, и воцарялось самое неподдѣльное веселіе, поддерживавшееся прогулками цѣлымъ обществомъ, танцами и разными *petits-jeux*. Иногда же въ дурную погоду устраивалось литературное чтеніе, при чемъ читали: Жуковский, Уваровъ и Плещеевъ.

Беззаботное теченіе жизни при Павловскомъ дворѣ было нарушено на время лишь слѣдующимъ прискорбнымъ случаемъ.

7-го (19-го) іюля принцъ Вильгельмъ отправился осматривать лошадей великаго князя Михаила Павловича и передъ конюшными былъ укушенъ въ ногу собакою. Поднялась страшная тревога. Позвали Вилліе, и онъ для предупрежденія возможныхъ послѣдствій рѣшился вырѣзать рану и прижечь. Великій князь приказалъ тотчасъ убить собаку и, тѣмъ затруднивъ точное изслѣдованіе, возбудилъ среди врачей опасенія за будущее. Принцъ перенесъ операцію со стойкостью и хладнокровіемъ; ни одной жалобы не сорвалось у него съ языка. Къ счастью, все ограничилось для принца только нѣсколькими днями, проведенными въ постели.

Въ связи съ этимъ событіемъ въ воспоминаніяхъ перваго камеръ-пажа великой княгини Александры Ѳеодоровны, Дарагана, рассказанъ случай, живо характеризующій личность Николая Павловича ¹⁾. На другой день послѣ несчастнаго приключенія съ принцемъ Вильгельмомъ, Александра Ѳеодоровна послала своего пажа узнать, какъ принцъ провелъ ночь. Возвратившись, онъ встрѣтилъ великую княгиню подъ руку съ великимъ княземъ, готовымъ уже сойти къ императрицѣ; они остановились, и пажъ началъ говорить впередъ приготовленную французскую фразу о спокойной ночи и хорошемъ состояніи здоровья принца и, желая блеснуть своимъ французскимъ выговоромъ, началъ картавить. При первыхъ же словахъ: «*Votre Altesse Impériale*», великій князь, смотря на него и придавъ своему лицу комически серіозное выраженіе,

¹⁾ «Воспоминанія перваго камеръ-пажа великой княгини Александры Ѳеодоровны. 1817—1819». «Русская Старина» 1875 года. Т. 12-й и 13-й.

началъ повторять за нимъ каждое слово, картавя еще болѣе, чѣмъ онъ. Великая княгиня захохотала, а бѣдный пажъ, краснѣя и конфузясь, старался скорѣе кончить. Къ его счастью, фраза не была длинна. Послѣ обѣда, проводя великую княгиню и великаго князя во флигель и ожидая приказаній, онъ стоялъ не веселый въ приемной, когда великій князь, вышедши изъ комнаты великой княгини, подошелъ къ нему, поцѣловалъ и сказалъ:

— Зачѣмъ ты картавишь? Это физическій недостатокъ, а Богъ избавилъ тебя отъ него. За француза никто тебя не приметъ, благодари Бога, что ты русскій, а обезьяничать никому не годится. Это позволительно только въ шутку.

Потомъ, поцѣловавъ его еще разъ, онъ отпустилъ его до веч ера «Этотъ урокъ»,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Дараганъ,—«остался мнѣ памятенъ на всю жизнь.»

Разсказъ о приведенномъ случаѣ дополняется въ тѣхъ же воспоминаніяхъ интересной характеристикой Николая Павловича въ бытность его великимъ княземъ.

«Выдающаяся черта характера великаго князя Николая»,—пишетъ Дараганъ,—«была любовь къ правдѣ и неодобреніе всего поддѣльнаго, напускнаго. Въ то время императоръ Александръ Павловичъ былъ въ апогеѣ своей славы, величія и красоты. Онъ былъ идеаломъ совершенства. Всѣ имъ гордились, и все въ немъ нравилось; даже нѣкоторая изысканная картинность его движеній, сутуловатость и держаніе плечъ впередъ, мѣрный твердый шагъ, картинное отставленіе правой ноги держаніе шляпы такъ, что всегда между двумя раздвинутыми пальцами приходилась пуговица отъ галуна кокарды, кокетливая манера подносить къ глазу лорнетку,—все это шло къ нему, всѣмъ этимъ любовались. Не только гвардейскіе генералы и офицеры старались перенять что-либо изъ манеръ императора, но даже великіе князья Константинъ и Михаилъ поддавались общей модѣ и подражали Александру въ походкѣ и манерахъ. Подражаніе это у Михаила Павловича выходило немного угловато, не натурально, а у Константина Павловича даже утрировано, каррикатурно. По врожденной самостоятельности характера, не увлекался этой модой только одинъ великій князь Николай Павловичъ. Въ то время великій князь Николай Павловичъ не походилъ еще на ту величественную, могучую, статную личность, которая теперь представляется всякому при имени императора Николая. Онъ былъ очень худощавъ и отъ того казался еще выше. Обликъ и черты лица его не имѣли еще той огруглости, законченности, красоты, которая въ императорѣ невольно поражала каждого и напоминала изображенія героевъ на античныхъ камняхъ. Осанка и манеры великаго князя были свободны, но безъ малѣйшей кокетливости или желанія нравиться, даже натуральная весе-

лость его, смѣхъ, какъ-то не гармонировали со строго классическими, прекрасными чертами его лица, такъ что многіе находили великаго князя Михаила красивѣе. А веселость эта была увлекательна, это было проявленіе того счастья, которое, наполняя душу юноши, просится наружу. Въ павловскомъ придворномъ кружкѣ онъ былъ иногда веселъ до шалости».

Какъ примѣръ этой веселости Дараганъ рассказываетъ слѣдующій случай.

Въ одинъ лѣтній день императрица Марія Ѳеодоровна, великій князь съ супругою и камеръ-фрейлина Нелидова вышли на террасу павловскаго сада. Великій князь шутилъ съ Нелидовой; это была сухощавая небольшая старушка, весьма умная, добрая, веселая. Вдругъ великій князь беретъ ее на руки, какъ ребенка, несетъ въ караульную будку, оставляетъ ее въ ней и строгимъ голосомъ приказываетъ стоящему на часахъ гусару не выпускать арестантку. Нелидова проситъ о прощеніи, императрица и великая княгиня смѣются, а великій князь бросается снова къ будкѣ, выносятъ Нелидову и, опустивъ ее на то мѣсто, съ котораго взялъ, становится на колѣни и цѣлуетъ ея руки ¹⁾.

Повидимому, подобная веселость, проявлявшаяся при томъ въ самомъ тѣсномъ кружкѣ, не удовлетворяла императрицу Марію Ѳеодоровну. Она находила своихъ младшихъ сыновей недостаточно изысканными и свѣтскими въ обществѣ и, сравнивая ихъ съ принцемъ Вильгельмомъ, выговаривала имъ, что они садятся въ углу съ вытянутыми и скучными лицами, точно медвѣди или марабу. По поводу этого замѣчанія Александра Ѳеодоровна записала въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее:

«Правда, что мой Николай, какъ только онъ находился въ обществѣ и, въ особенности, на балу, принималъ выраженіе крайне философское (*bien philosophe*) для его 21-го года. Мы, онъ, какъ и я, были поистинѣ счастливы и довольны только тогда, когда оставались наединѣ въ нашихъ комнатахъ».

Вдовствующая императрица дотога бывала иногда недовольна отсутствіемъ свѣтскаго лоска у великихъ князей Николая и Михаила, что, несмотря на свое пристрастіе къ этикету, дѣлала имъ замѣчаніе даже въ присутствіи постороннихъ лицъ. Такъ Натцмеръ рассказываетъ въ своемъ дневникѣ, что императрица Марія Ѳеодоровна при посѣщеніи принца Вильгельма во время его болѣзни 12-го (24-го) іюля, въ присут-

¹⁾ Это была Екатерина Ивановна Нелидова (р. 1758). Въ своихъ воспоминаніяхъ императрица Александра Ѳеодоровна упоминаетъ о Е. И. Нелидовой въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „*Mademoiselle Nelidoff me parut étonnante de laideur, de disgrâce et de mauvaise odeur*“.

Это впечатлѣніе вынесла принцесса Шарлотта, при первомъ представленіи ей Нелидовой, въ день пріѣзда въ Павловскъ, 19-го іюня 1817 года.

ствѣн принца и Натцмера стала сильно выговаривать находившимся здѣсь великимъ князьямъ, что они слишкомъ натянуты и малодюбезны въ обществѣ дамъ. При этомъ она совершенно разсердилась и, въ концѣ концовъ, сказала, что они должны бы брать примѣръ съ принца Вильгельма.

Вообще Марія Θεодоровна строго держала своихъ младшихъ сыновей даже тогда, когда, казалось, они могли бы пользоваться относительной свободой дѣйствій. Для характеристики этихъ отношеній приведемъ слѣдующій случай, рассказанный въ воспоминаніяхъ Александры Θεодоровны. 11-го (23-го) іюля Николай Павловичъ съ великой княгиней отправились вдвоемъ изъ Павловска въ Царское Село къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Возвратясь оттуда, они встрѣтились со вдовствующей государыней, спросившей ихъ, гдѣ они катались. Услышавъ, что они были въ Царскомъ Селѣ, она замѣтила имъ, что прежде, чѣмъ отправиться туда, они должны были спросить у нея позволенія на это.

Однажды во время обѣда великая княгиня Александра Θεодоровна почувствовала себя дурно и лишилась чувствъ. Николай Павловичъ почти на рукахъ вынесъ ее изъ церкви и привелъ во флигель, гдѣ находилось помѣщеніе, занимаемое великокняжескою четвою. Когда затѣмъ великій князь вышелъ изъ внутреннихъ комнатъ, онъ подошелъ къ дежурному камеръ-пажу Дарагану и спросилъ его:

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Семнадцать, отвѣчалъ тотъ.

— Вотъ видишь,—продолжалъ весело великій князь,— я тебя старше четырьмя годами, а уже женатъ и скоро буду отецъ.

При этихъ словахъ онъ поцѣловалъ Дарагана, и его лицо засіяло счастьемъ.

Съ этого дня при дворѣ стали говорить о беременности великой княгини ¹⁾.

¹⁾ Спрашивается, когда это случилось, въ какой день?

Въ запискахъ императрицы Александры Θεодоровны не сказано дня, а сказано только: „*A une messe où je m'efforcai de rester debout, je tombais évanouie comme raide morte. Nicolas m'emporta dans ses bras; je n'en savais rien, je jettai un cri lorsqu'on me donna des sels à respirer et je repris mes sens. Cet accident, qui au premier moment effraya les assistants, fut comme l'annonce de ma grossesse à laquelle moi même je croyais à peine et cette nouvelle rejouit tout le monde! On dit qu' à la place où j'étais tombée on trouva des feuilles de roses effeuillées apparamment de mon bouquet, ce qui parut très poétique aux dames*“.

Дараганъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что это случилось въ концѣ августа.

Въ дневникѣ Натцмера сказано, что 8-го (20-го) іюля великая княгиня

20-го іюля (1-го августа) дворъ переселился въ Петергофъ, гдѣ 22-го іюля, въ день тезоименитства императрицы Маріи Ѳеодоровны, состоялась обычная великолѣпная иллюминація. Между тѣмъ принцъ Вильгельмъ уже настолько оправился отъ своей раны, что могъ 24-го іюля въ первый разъ выйти къ разводу.

Въ этотъ день дворъ совершилъ поѣздку въ Кронштадтъ, гдѣ императоръ Александръ произвелъ смотръ флоту. На обратномъ пути императоръ Александръ взялъ ружье, далъ по ружью братьямъ Николаю и Михаилу и велѣлъ Адлербергу командовать ружейные приемы, къ общей забавѣ многочисленнаго общества ¹⁾.

27-го іюля (8-го августа) начались подъ Петергофомъ маневры. Одной стороной командовалъ генераль-адъютантъ баронъ Дибичъ, а другой генераль-адъютантъ баронъ Толь.

«О талантахъ обоихъ командовавшихъ генераловъ Дибича и Толя», — пишетъ Натцмеръ, — «трудно судить по этимъ маневрамъ, потому что здѣсь они могли лишь проявить умѣніе въ точномъ исполненіи данной имъ задачи. Но по всему ясно видно, что у Толя при выполненіи имъ своихъ обязанностей проявляется болѣе спокойствія, чѣмъ у другаго. Его приказанія коротки и опредѣленны, а между тѣмъ у Дибича они болѣею частью противорѣчивы и обнаруживаютъ у него отсутствіе спокойнаго общаго взгляда ²⁾. Впрочемъ, оба генерала оставались вѣрны основному положенію: въ началѣ боя отдавать непріятелю безъ всякой надобности деревни и укрѣпленныя позиціи, а потомъ овладѣвать ими обратно цѣною громаднхъ усилій. Обыкновенно русскіе поступали такимъ образомъ въ прошлую войну и, повидимому, наѣрены придерживаться подобному образу дѣйствій и впредь. Лично императоръ дѣлалъ нѣкоторыя, болѣею частью, очень вѣрныя замѣчанія о ходѣ маневровъ, но такъ какъ предположенія къ нимъ были выработаны вели-

---

упала въ обморокъ во время обѣдни. Назначенный въ этотъ день балъ былъ отмененъ.

Затѣмъ 6-го (18-го) августа генераль записалъ, что великая княгиня Александра Ѳеодоровна не присутствовала на церковномъ нарядѣ Преображенскаго полка, потому что она вчера лишилась чувствъ, что случается почти каждый разъ во время церковной службы.

¹⁾ Это оригинальное препровожденіе времени, въ гатчинскомъ вкусѣ подтверждается какъ собственноручными записками императрицы Александры Ѳеодоровны, такъ и дневникомъ Натцмера.

²⁾ «Толь маневрировалъ довольно хорошо, но Дибичъ горячился и путалъ», — пишетъ генераль Паскевичъ въ своихъ запискахъ. Оказывается такимъ образомъ, что отзывъ Паскевича близко сходится съ характеристикой, сдѣланной Натцмеромъ. Князь Щербатовъ, «Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ» т. 1-й.

чайшими геніями русской арміи, то онъ и не рѣшался открыто высказывать генераламъ свое неудовольствіе.

«Матеріаль этой грозной арміи, какъ всѣмъ извѣстно, превосходитъ и не заставляетъ желать ничего лучшаго. Но, къ нашему счастью, всѣ безъ исключенія оберъ-офицеры никуда не годны, а большая часть офицеровъ въ высшихъ чинахъ также не многимъ ихъ лучше, лишь малое число генераловъ помышляютъ о своемъ истинномъ призваніи, а прочіе, наоборотъ, думаютъ, что достигли всего, если имъ удастся удовлетворительно провести свой полкъ церемоніальнымъ маршемъ передъ государемъ. Никто не думаетъ о высшемъ образованіи среди офицеровъ и о цѣлесообразныхъ упражненіяхъ войскъ. Императоръ, несмотря на свое пристрастіе къ мелочамъ, сознаетъ этотъ недостатокъ, свойственный всей арміи, но утѣшается мыслью, что въ настоящую пору нельзя измѣнить это положеніе дѣлъ вслѣдствіе недостатка подготовленныхъ къ тому офицеровъ. Но, на сколько мнѣ извѣстно, ничего не дѣлается, чтобы помочь бѣдѣ. Я не знаю ни одного образовательнаго заведенія для молодыхъ офицеровъ.

«Просто не понятны тѣ ошибки, которыя дѣлались генералами, противно всякому здравому смыслу. Мѣстность совершенно не принималась въ соображеніе, равно какъ родъ войска, который для нея годится. Въ артиллеріи замѣтно болѣе военной сноровки; вообще это лучший родъ оружія въ русской арміи».

Нельзя не остановиться на этой рѣзкой, но правдивой характеристикѣ, сдѣланной Натцмеромъ. Остается только сожалѣть, что въ подобной военной школѣ возросъ великій князь Николай Павловичъ, благодаря указанному обстоятельству. Недостатки, отмѣченные наблюдательнымъ прусскимъ генераломъ, въ общихъ чертахъ сохранились, безъ существенныхъ измѣненій, болѣе тридцати лѣтъ и не утратили своего значенія и въ эпоху Крымской войны. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ прочесть краткую замѣтку, вписанную княземъ А. С. Меншиковымъ въ своемъ дневникѣ, незадолго до высадки союзныхъ войскъ въ Крымъ. Послѣ небольшихъ маневровъ, произведенныхъ въ окрестностяхъ Севастополя, 24-го августа (5-го сентября), князь записалъ:

«Увы, какіе генералы и какіе штабъ-офицеры: ни малѣйшаго не замѣтно понятія о военныхъ дѣйствіяхъ и расположеніи войскъ на мѣстности, о употребленіи стрѣлковъ и артиллеріи. Не дай Богъ настоящаго дѣла въ полѣ» ¹⁾.

---

¹⁾ Н. Шильдеръ, «Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность». С.-Петербургъ. 1885. Т. 1-й, стр. 289.

«24-го августа князь Меншиковъ произвелъ въ окрестностяхъ Севастополя маневры войскамъ, стоявшимъ въ лагерѣ. Тотлебенъ сопровождалъ свѣтлѣйшаго. Маневры были крайне неудачны, генералы Моллеръ и Кирь-

Но возвратимся къ 1817 году. Въ это время великій князь Михайлъ Павловичъ готовился предпринять образовательное путешествіе по Россіи, подобное тому, которое совершено было Николаемъ Павловичемъ въ 1816 году. Императрица Марія Ѳеодоровна избрала для сопровожденія великаго князя генераль-лейтенанта Ивана Ѳеодоровича Паскевича, который въ это время командовалъ 2-ю гренадерскою дивизіею. Вызванный изъ Смоленска въ Петербургъ, Паскевичъ явился къ государю во время маневровъ, производившихся подъ Петергофомъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, который дружески его привѣтствовалъ и сказалъ: «Ты знаешь, что назначень ѣхать съ братомъ».

«Я не могъ бы лучше быть принятъ государемъ, какъ тогда»,—отмѣтилъ Паскевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ. «Ты у меня лучший генералъ въ арміи»,—сказалъ ему императоръ Александръ, «на все сподобень, на все годенъ. Я прошу тебя съ братомъ путешествовать. Это не только дѣло государственное, но дѣло моего къ тебѣ довѣрія, и ты сдѣлаешь мнѣ собственно одолженіе. Требую отъ тебя, чтобъ ты открылъ ему, что знаешь, надѣюсь, что ты на то способны найдешь». Повидимому, генералъ Паскевичъ не очень довѣрялъ искренности словъ, съ которыми къ нему обратился императоръ Александръ,—потому что сопровождаетъ лестныя слова государя замѣчаніемъ: «Мнѣ очень было больно, что система въ правительствѣ не перемѣняется: обольстить словами чело-вѣка, когда онъ нуженъ, и въ той же пропорціи оказать неблагодарность и при малѣйшей кажущейся несправности, безъ разбора, обижать и взыскивать во всякомъ случаѣ—черезъ-чуръ строго ¹⁾».

люковъ напутали порядкомъ, такъ что и разобраться было трудно. Командующій войсками остался всѣмъ ходомъ дѣла крайне недовольнымъ. Возвращаясь въ Севастополь, князь Меншиковъ въ мрачномъ раздумьѣ ѣхалъ рядомъ съ Тотлебенемъ; дорогою онъ ему только сказалъ: „Что я буду дѣлать съ подобными генералами; что же меня ожидаетъ, если придется дѣйствовать съ ними противъ непріятеля“.

¹⁾ Князь Щербатовъ, «Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ». Т. 1-й, стр. 309.

Замѣтнимъ адѣсь, что во время обратнаго движенія русскихъ войскъ изъ Франціи въ Россію въ 1815 году произошло въ Крейцнахѣ столкновеніе мѣжду нѣсколькими солдатами Московскаго гренадерскаго полка изъ дивизіи Паскевича и жителями города. За этотъ безпорядокъ Паскевичу объявленъ былъ высочайшій выговоръ въ приказѣ. Императоръ Александръ сказалъ при этомъ случаѣ Барклаю-де-Толли, что онъ на Паскевичѣ хочетъ показать примѣръ и, если увидятъ, что онъ одного изъ лучшихъ генераловъ своей арміи не пожалѣлъ, то поймутъ, какъ другимъ за безпорядокъ можетъ достаться.

Паскевичъ былъ дотого огорченъ полученнымъ выговоромъ, что хотѣлъ подать въ отставку.

11-го (23-го) августа великій князь Михаилъ Павловичъ отправился въ путь въ сопровожденіи генерала Паскевича. Началась поѣздка по Россіи, совершенно курьерская, во время которой, по словамъ Паскевича, «много видишь, но мало приобретаешь основательныхъ о Россіи свѣдѣній».

Поручая попеченію Паскевича юнаго великаго князя, императрица Марія Ѳеодоровна не упустила случая просить избраннаго ею руководителя, чтобы Михаилъ Павловичъ, «болѣе занимался гражданскою частью и елико возможно менѣе военною».

— Я знаю,—сказала императрица,—что у него есть особое расположеніе къ фронту, но ты старайся внушить ему, что это хорошо, но гораздо существеннѣе узнать бытъ государства.

Отсюда видно, что императрица Марія Ѳеодоровна не переставала бороться съ врожденными склонностями своихъ сыновей; но настойчивыя требованія ея ни къ чему не привели; заботливой матери не удалось искоренить особое расположеніе къ фронтовымъ занятіямъ ни въ Николаѣ Павловичѣ, а еще менѣе въ Михаилѣ Павловичѣ.

Преслѣдуя эту цѣль, нужно замѣтить, что лучшаго выбора спутника великому князю трудно было сдѣлать; но и онъ оказался безсильнымъ въ борьбѣ съ эзерцирмейстерствомъ. Для характеристики господствовавшего тогда въ военныхъ сферахъ направленія и предъявляемыхъ имъ требованій, по отношенію къ войскамъ, лучше всего привести слѣдующую замѣтку генерала Паскевича:

«Послѣ 1815 года, фельдмаршалъ Барклай-де-Толли, который зналъ войну, подчиняясь требованіямъ Аракчеева, сталъ требовать красоту фронта, доходящую до акробатства, преслѣдовалъ старыхъ солдатъ и офицеровъ, которые къ сему способны не были, забывъ, что они еще недавно оказывали чудеса храбрости, спасли и возвеличили Россію. Много генераловъ подалось этимъ требованіямъ; такъ на примѣръ, генералъ Ротъ, командующій 3-ю дивизіюю, который въ одинъ годъ разогналъ всѣхъ бывшихъ на войнѣ офицеровъ, и наши георгіевскіе кресты пошли въ отставку и очутились виновными приставами. Армія не выиграла оттого, что, потерявъ офицеровъ, остались съ одними эзерцирмейстерами. Я требовалъ строгую дисциплину и службу, я не потакалъ беспорядкамъ и распутству, но я не позволялъ акробатства съ носками и колѣнками солдатъ. Я сильно преслѣдовалъ жестокость и самоуправство, и хорошихъ храбрыхъ офицеровъ я оберегалъ. Но, къ горю моему, фельдмаршалъ Барклай-де-Толли имъ заразился. Это эзерцирмейстерство мы переняли у Фридриха II, который отъ отца своего наследовалъ эту выучку. Хотѣли видѣть въ томъ секретъ его побѣдъ; не понимая его генія, принимали наружное за существенное. Фридрихъ былъ радъ, что принимаютъ то, что лишнее, и, какъ всегда

случается, перенимая, еще болѣе портятъ. У насъ экзерцирмейстерство приняла въ свои руки бездарность, а какъ она въ большинствѣ, то изъ нея стали выходить сильные въ государствѣ, и послѣ того никакая война не въ состояніи придать ума въ обученія войскъ. Что сказать намъ, генераламъ дивизій, когда фельдмаршалъ свою высокую фигуру нагибаетъ до земли, чтобы равнять носки гренадеръ? И какую потомъ глупость нельзя ожидать отъ армейскаго маіора? Фридрихъ II этого не дѣлалъ. Но кто же зналъ и помнилъ, что Фридрихъ дѣлалъ? А Барклай-де-Толли былъ тутъ у всѣхъ на глазахъ. Въ годъ времени войну забыли, какъ будто ея никогда не было, и военныя качества замѣнились экзерцирмейстерской ловкостью».

Трудно представить болѣе грозную и правдивую критику военныхъ порядковъ, установившихся у насъ въ Россіи послѣ Наполеоновскихъ войнъ; они многое объясняютъ въ послѣдующихъ затѣмъ событіяхъ.

Къ этой правдивой оцѣнкѣ, сдѣланной будущимъ сподвижникомъ императора Николая и фельдмаршаломъ княземъ варшавскимъ, нужно присовокупить то, что пишетъ по тому же поводу Д. В. Давыдовъ:

«Для лицъ, не одаренныхъ возвышеннымъ взглядомъ, любовью къ просвѣщенію, истиннымъ пониманіемъ дѣла, военное ремесло заключается лишь въ несносно-педаггическомъ, убивающемъ всякую умственную дѣятельность парадированіи. Глубокое изученіе ремешковъ, правилъ вытягиванія носковъ, равенія шеренгъ и выдѣлыванія ружейныхъ приѣмовъ, коими щеголяютъ всѣ наши фронтовые генералы и офицеры, признающіе уставъ верховъ непогрѣшимости, служатъ для нихъ источникомъ самыхъ высокихъ поэтическихъ наслажденій. Потому и ряды арміи постепенно наполняются лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военнаго устава; лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе различными частями войскъ, что приносить этимъ личностямъ значительныя, незаконныя, матеріальныя выгоды, которыя правительство, повидимому, поощряетъ. Этотъ порядокъ вещей получилъ, къ сожалѣнію, полную силу и развитіе со времени вступленія на престолъ императора Николая; онъ и братъ его великій князь Михаилъ Павловичъ не щадятъ ни усилій, ни средствъ для доведенія этой отрасли военнаго искусства до самаго высокаго состоянія. И подлинно, относительно равенія шеренгъ и выдѣлыванія темповъ наша армія безспорно превосходитъ всѣ прочія. Но Боже мой! Каково большинство генераловъ и офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, вслѣдствіе чего они ненавидятъ всякую науку. Эти бездарныя невѣжды, истые любители изящной ремешковой службы, полагаютъ, въ премудрости своей, что война, ослабляя приобрѣтенныя войскомъ въ мирное время фронтова свѣдѣнія, вредна лишь для него. Какъ будто бы войско обучается не для войны, но

исключительно для мирныхъ экзерцицій на Марсовомъ полѣ. Прослуживъ не одну кампанію и созная по опыту пользу строеваго образованія солдатъ, я никогда не дозволю себѣ безусловно отвергать полезную сторону военныхъ уставовъ; изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ пользу системы, основанной лишь на обремененіи и приглушеніи способностей изложеніемъ неимовѣрнаго количества мелочей, не поясняющихъ, но крайне затемняющихъ дѣло. Я полагаю, что надлежитъ весьма остерегаться того, чтобы начертаніемъ общихъ правилъ стѣснять частныхъ начальниковъ, отъ большаго или меньшаго умственнаго развитія коихъ должно вполне зависѣть приложеніе къ дѣлу изложенныхъ въ уставѣ правилъ. Налогать оковы на даровитыя личности и тѣмъ затруднять имъ возможность выдвинуться изъ среды невѣжественной посредственности—это верхъ безсмыслія. Такимъ образомъ можно достигнуть лишь слѣдующаго: бездарные невѣжды, отличающіеся самымъ узкимъ пониманіемъ дѣла, окончательно изгоняютъ отовсюду способныхъ людей, которые, убитые бессмысленными требованіями, не будутъ имѣть возможности развиться для самостоятельнаго дѣйствія и безусловно подчинятся большинству. Грустно думать, что къ этому стремится правительство, не понимающее истинныхъ требованій вѣка, и какія заботы и огромныя матеріальныя средства посвящены имъ на гибельное развитіе системы, которая, если продлится на долго, лишитъ Россію полезныхъ и способныхъ слугъ. Не дай Боже убѣдиться намъ на опытъ, что не въ одной механической формалистикѣ заключается залогъ всякаго успѣха. Это страшное зло не уступаетъ, конечно, по своимъ послѣдствіямъ татарскому игу!—Мнѣ, уже состарившемуся въ старыхъ, но несравненно болѣе свѣтлыхъ понятіяхъ, не удастся видѣть эпоху возрожденія Россіи. Горе ей, если къ тому времени, когда дѣятельность умныхъ и свѣдущихъ людей будетъ ей наиболѣе необходима, наше правительство будетъ окружено лишь толпою неспособныхъ и упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ людей. Усилія этихъ лицъ не допускать до него справедливыхъ требованій вѣка могутъ свергнуть государство въ рядъ страшныхъ золь»¹⁾).

Опасенія, высказанныя нашимъ славнымъ партизаномъ, къ несчастію, оправдались самымъ блистательнымъ образомъ въ 1853 году!

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Записки Дениса Васильевича Давыдова. Лондонъ 1863, стр. 11.

О не именованіи князя А. В. Суворова титуломъ свѣтлости.

Предложеніе военнаго губернатора, главноначальствующаго гражданскою частью въ Москвѣ и Московской губерніи, фельдмаршала графа И. П. Салтыкова второму военному губернатору Архарову ¹⁾.

6-го декабря 1799 г. № 2133.

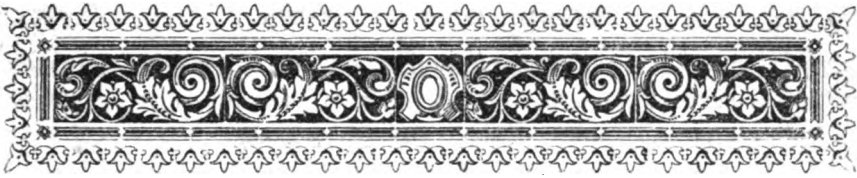
По отношенію ко мнѣ господина генерала-отъ-инфантеріи генераль-прокурора И. К. Беклешова, что его императорское величество, свѣдавъ, что отъ нѣкоторыхъ чиновниковъ въ письмахъ употребляется титулъ, не принадлежащій князю Италійскому графу Суворову-Рымникскому, его свѣтлости, высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы впредь сего указомъ неутвержденнаго титула не давалось, предписываю в. в.—у для свѣдѣнія чрезъ кого слѣдуетъ о томъ здѣсь объявить.

---

¹⁾ Въ „Русской Старинѣ“ 1900 (№ 5 стр. 336) была напечатана записка графа Хвостова: „Исторія о свѣтлости князя Суворова“. Въ дополненіе къ ней печатаемъ настоящее „Предложеніе“.

Р е д.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XX ¹).

Постройка Николаевской желѣзной дороги.—Инженеръ-полковникъ Мельниковъ.—Обѣзды графомъ Клейнмихелемъ для осмотра работъ.—Подрядчики.—Кувшинъ и помѣщикъ Шарабановъ.—Направленіе линіи Николаевской дороги.—Положеніе землекоповъ.—Ускореніе работъ.—Проѣздъ императора Николая изъ Петербурга въ Москву.—Открытіе пути.— Столкновеніе повозовъ.— Неустроенность дороги.— Назначеніе В. А. Панаева начальникомъ изыскавній для линіи желѣзной дороги по Доведскому бассейну

Въ предъидущей главѣ я сказалъ, что, по окончаніи академическаго курса въ Институтѣ путей сообщенія, мы съ братомъ отправились на постройку Николаевской желѣзной дороги.

Дорога дѣлилась на двѣ дирекціи: Сѣверную и Южную; каждая дирекція дѣлилась на нѣсколько участковъ, а участки на нѣсколько дистанцій.

Начальникомъ Сѣверной дирекціи былъ инженеръ-полковникъ Мельниковъ, а Южной—инженеръ-полковникъ Крафтъ.

Сѣверная дирекція была раздѣлена на 6-ть участковъ и слишкомъ на 30 дистанцій, длиною отъ 12 до 16 верстъ. Центральное управленіе Сѣверной дирекціи Мельникова помѣщалось въ Чудовѣ на Московскомъ шоссе, гдѣ близко проходила линія желѣзной дороги. Личный составъ этого центральнаго управленія былъ у Мельникова до крайности ограниченъ, по собственному его желанію.

Кромѣ инженернаго начальства, было учреждено полицейское

¹) См. „Русскую Старину“ іюнь 1901 г.

управленіе. На всю желѣзную дорогу было откомандировано два дивизиона конныхъ жандармовъ; начальникомъ этого управленія былъ назначенъ генераль-адъютантъ князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій.

Пріѣхавши въ деревню Кузнецово, въ которой мы проживали за годъ предъ тѣмъ, во время изысканій, мы помѣстились съ начальникомъ участка Семичевымъ (впослѣдствіи строитель Московско-Курской желѣзной дороги) въ одной избѣ, разгороженной пополамъ. Когда же развилась работа составленія проектовъ, то, по тѣснотѣ мѣста, я перешелъ къ товарищу Поземковскому, жившему въ другой избѣ въ той же деревнѣ.

Мнѣ и брату поручено было составленіе проектовъ и постройка мостовъ на семь 6-мъ участкѣ.

Мельниковъ посѣщалъ работы довольно часто, непременно разъ въ мѣсяцъ, а то и болѣе. Во время его пріѣздовъ, онъ останавливался съ нами въ одной избѣ. Простота его обращенія, его рассказы о путешествіяхъ, его широкіе человѣчные взгляды, его образованность, чистота и возвышенность его отношенія къ дѣлу приводили насъ въ восторгъ, подымали нашъ духъ и поддерживали въ насъ энергію въ глуши, гдѣ мы были отрѣзаны отъ бѣла-свѣта. Имѣтъ начальника съ такими качествами и свойствами, да при томъ перваго у насъ инженера по образованію, таланту и знаніямъ, было великое счастье. Мы положительно влюбились въ него.

Гр. Клейнмихель, обыкновенно, объѣзжалъ работы въ теченіе лѣта и передъ закрытіемъ работъ, позднею осенью, когда бывала всегда распутица, и при этомъ онъ мирился со всѣми обстоятельствами такого путешествія. Ъхаль, пока было можно, въ своей коляскѣ; если же приходилось бросать коляску, то пересаживался въ чей-либо легонькій тарантасъ, а когда выпадалъ въ это время снѣгъ, то графа везли на саяхъ, приспособленныхъ, въ одну ночь, изъ дровней, придѣлывая къ нимъ спинку и бочки, обитые рогожей.

Однажды такое обстоятельство случилось во время ночлега графа у меня. День былъ холодный. Ъхавъ по моей дистанціи и видя, что работы отстали, онъ нѣсколько разъ подзывалъ къ себѣ подрядчика Кузьмина и бранилъ его. Пріѣхавъ на границу нашего VI участка, гдѣ надо было мѣнять лошадей, графъ вышелъ изъ саней и вошелъ въ ковтору Кузьмина, чтобы обогрѣться и выпить чаю.

Выйдя изъ конторы, графъ жестоко накинулся на Кузьмина.

— Что ты думаешь—закричалъ онъ,—такъ продолжать дѣло?—ты обманщикъ, мошенникъ, забралъ казенныя деньги и не хочешь отработать ихъ. Да ты знай, что если я доложу государю, такъ тебя въ 24 часа отправятъ въ Сибирь.

Словомъ сказать, графъ ругалъ Кузьмина такъ, что хуже ругать было невозможно.

Все это происходило въ присутствіи насъ, сопровождавшихъ графа до этого пункта, инженеровъ и другихъ выѣхавшихъ встрѣтить его, а также въ присутствіи всей свиты, ѣхавшей съ нимъ, и разнаго конторскаго люда. Затѣмъ, графъ сѣлъ въ сани и укатилъ. Мы, не имѣвшіе обязанности сопровождать графа далѣе, вошли тоже въ контору обогрѣться и выпить чаю. Вслѣдъ за нами входитъ Кузьминъ. Мы удивились, такъ какъ ему слѣдовало сопровождать графа до Чудова.

— Что же вы не поѣхали?—спросилъ кто-то Кузьмина.

— Я дальше не поѣду. Не хочу больше такихъ ругательствъ слушать.

Кузьминъ имѣлъ замѣчательно выразительную наружность. При томъ, онъ былъ высокаго роста съ длинною бородою, совсѣмъ почти посеребрившеюся.

Пока мы пили чай, Кузьминъ сидѣлъ, насупившись, молча, и вдругъ сказалъ, не обращаясь ни къ кому.

— Ну, ваше сіятельство, обидѣлъ ты меня горько, посрамилъ при людяхъ, такъ знай, что за каждое твое ругательное слово ты заплатишь мнѣ по 100.000 рублей, а въ Сибирь меня не упрчешь.

Видя сильное раздраженіе Кузьмина, намъ долѣе оставаться было не удобно, и мы тотчасъ же уѣхали. И представьте себѣ, что Кузьминъ сдержалъ вырвавшееся у него въ обидѣ слово. Онъ дождался окончанія работъ, и тогда предъявилъ претензію на нѣсколько милліоновъ рублей, что составляло несравненно болѣе той суммы, которая считалась за нимъ въслѣдствіе неотработанныхъ имъ передовыхъ денегъ, ежегодно выдававшихся ему передъ наймомъ рабочихъ.

Вотъ тогда-то онъ открылъ карты, основавъ свои претензіи на той редакціи, которая заключалась въ контрактѣ, а именно,—что онъ взялъ работы по урочному положенію, а не по смѣтѣ, т. е. не по цѣнѣ, введенной въ смѣтѣ на каждую кубическую сажень, и что смѣта составлена съ нарушеніемъ урочнаго положенія, т. е. будто бы не законно.

Когда мы окончили и представили проекты мостовъ, департаментъ желѣзныхъ дорогъ сталъ пріискивать подрядчика для постройки ихъ на нашемъ, 6-мъ участкѣ. Подрядчики, вообще, боялись гр. Клейнмихеля и избѣгали брать дѣла по вѣдомству путей сообщенія. Графъ зналъ это, знало объ этомъ, отчасти, и общество, и зналъ даже государь. Поэтому гр. Клейнмихель очень былъ доволенъ, когда появлялся на постройки капитальный подрядчикъ; во-первыхъ, потому, что такая личность представляла болѣе обезпеченія и, во-вторыхъ, потому, что это какъ бы парализовало и опровергало неблагоприятное для него мнѣніе, распространенное въ обществѣ.

По этимъ соображеніямъ, постарались привлечь богатаго московскаго купца Торлецкаго, занимавшагося подрядами. Графъ былъ этимъ очень доволенъ и приказалъ заключить съ Торлецкимъ контрактъ; всѣ условія подряда, простиравшагося на сумму 1.200.000 руб., были соглашены, дѣло казалось устроеннымъ, оставалось только подписать контрактъ. Но вдругъ, передъ самымъ подписаніемъ его, по неизвѣстной причинѣ, Торлецкій отказался взять на себя подрядъ. Графъ жестоко разсвирѣпѣлъ на Торлецкаго и на департаментъ, и приказалъ послѣднему, во что бы то ни стало, немедленно сыскать подрядчика, такъ какъ отърылась уже весна.

Въ это самое время пріѣхалъ средняго состоянія помѣщикъ Вышневолоцкаго уѣзда, нѣкій Шарабановъ, взявъ небольшой подрядъ на поставку гравія на желѣзную дорогу, для чего и имѣлъ немного залоговъ. Когда онъ явился торговаться на поставку гравія, департаментъ, въ виду строжайшаго приказанія графа отыскать немедленно подрядчика, удѣпился за Шарабанова, тѣмъ болѣе, что онъ былъ отставной инженеръ путей сообщенія.

Шарабановъ, конечно, сталъ отказываться, потому, что дѣло очень большое, а у него имѣется залоговъ не болѣе, какъ на $\frac{1}{10}$ того дѣла, которое ему предлагаютъ.

— Это можно уладить, — отвѣчали ему, — мы пустимъ на торги только одинъ мостъ, на который вашихъ залоговъ хватитъ, а вы, затѣмъ, доставьте залоговъ для другихъ мостовъ, тогда и заключимъ контрактъ на всю работу, по примѣру сданнаго вамъ перваго моста.

Такъ и было сдѣлано, и гр. Клейнмихель успокоился.

Шарабановъ досталъ залоговъ и, такимъ образомъ, внезапно и неожиданно явился большимъ подрядчикомъ на дѣло въ 1.200.000 руб. Онъ былъ человѣкъ толковый и, въ виду, нежданно и негаданно, свалившейся на него благодати, принялся за дѣло очень энергично. Къ концу года, пришлось ему получить квитанціи на 100.000 руб., и онъ поѣхалъ въ Петербургъ за полученіемъ денегъ.

Нѣсколько времени спустя, въ одинъ вечеръ, пришелъ къ намъ прикащикъ изъ конторы Шарабанова. Мы жили уже тогда съ братомъ въ казенномъ домикѣ, находившимся вблизи конторы Шарабанова.

— Что тебѣ нужно? — спросилъ я.

— Третьяго дня, въ ночь, пріѣхалъ нашъ баринъ, легъ сейчасъ же спать, да вотъ вторыя сутки и не просыпается; будили, будили, толкали, толкали — все спитъ.

Мы немедленно пошли въ контору. Видимъ, человѣкъ живъ, но спитъ. Стали толкать, все то же.

Въ это время доктора на желѣзной дороге не случилось; бывшій былъ уволенъ, а вновь назначенный изъ Петербурга еще не пріѣхалъ,

но ожидался со дня на день. Мы распорядились немедленно послать тройку въ уѣздный городъ Боровичи. Но едва уѣхала посланная тройка, какъ мы услышали колокольчикъ, и затѣмъ подъѣхала кибитка. Оказалось, что это былъ докторъ, присланный изъ Петербурга. Это былъ молодой человѣкъ, недавно окончившій курсъ въ Медицинской академіи. Только-что онъ снялъ шубу, его повели къ больному. Освидѣтельствовавъ и прослушавъ больнаго, онъ потребовалъ ножницы и бритву, чтобы остричь и обрить голову больнаго. Когда больнаго приподняли, чтобы держать его въ сидячемъ положеніи для обрѣтія головы, лежавшая подъ нимъ подушка скатилась, а подъ ней оказался большой пакетъ, завернутый въ бумагу.

Развернули пакетъ, и тамъ оказалась груда сторублевыхъ бумажекъ; всего 100.000 руб.

Понятно, что деньги эти опечатали и сдали прикащику Шарабанова. Все это произошло, пока стригли и брили Шарабанова. Когда эта операція кончилась, докторъ приготовилъ мушку и наложилъ сплошь на всю голову. Черезъ нѣсколько часовъ больной очнулся. Докторъ нашелъ у него сильнѣйшее воспаленіе мозга. Приѣзжай онъ нѣсколькими часами позже, вѣроятно, Шарабановъ отправился бы на тотъ свѣтъ. Фамилія этого энергическаго молодаго еще тогда доктора: Торопогрицкіи.

Произошла болѣзнь его отъ того обстоятельства, что онъ неожиданно увидѣлъ себя обогащающимся и получилъ въ руки кушъ въ 100.000 руб. Онъ выздоровѣлъ, но въ немъ произошла какая-то перемена. Изъ человѣка дѣловаго и расчетливаго онъ сдѣлался легкомысленнымъ, вѣтреннымъ, пересталъ пристально заниматься дѣломъ, поручилъ его роднымъ, а самъ жилъ преимущественно въ Петербургѣ и все свое время проводилъ въ цыганскомъ таборѣ, во времена дирижера Соколова. Вскорѣ онъ влюбился въ одну цыганку и всѣ свои заработки по подряду кидалъ въ таборъ безтолковымъ образомъ. Возьметъ, напримѣръ, 5—6 ложъ въ первомъ ярусѣ итальянской оперы и рассадитъ тамъ однѣхъ цыганокъ. Между тѣмъ, цыганка не сдавалась, или, лучше сказать, таборъ не выпускалъ ее. Но когда таборъ увидѣлъ, что вытянулъ изъ Шарабанова все и тянуть изъ него больше нечего, то, надо отдать ему справедливость, онъ выпустилъ цыганку, которая и поѣхала къ Шарабанову въ деревню. Съ тѣмъ началъ Шарабановъ дѣло, съ тѣмъ и остался, т. е. съ небольшимъ имѣніемъ около Волочка, Афимино.

Не лишнимъ считаю теперь упомянуть о направленіи линіи Николаевской желѣзной дороги.

Начну съ того, чтобы объяснить нелѣпость легенды о томъ, что будто-бы императоръ Николай I, положивъ линейку на поданную ему карту и проведя прямую линію карандашемъ, приказалъ вести желѣзную дорогу по этой прямой линіи. Легенда эта повторялась бесконечно

*

число разъ стоустою молвою, признавалась за неоспоримый фактъ въ образованныхъ кружкахъ и даже въ высшихъ сферахъ, и неоднократно подтверждалась серьезными органами печати. Въ распространѣніи этой легенды играла не малую роль и умышенная тенденціозность, силвшаяся представить черту характера императора Николая, конечно, съ невыгодной стороны, желая какъ бы набросить тѣнь на великій, бесспорно, умъ императора.

Вопросъ о направленіи желѣзной дороги отъ Петербурга до Москвы долгое время обсуждался въ особомъ комитетѣ, называвшемся тогда комитетомъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ засѣдали министры и нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта. Огромное большинство означеннаго учрежденія полагало, что надо вести дорогу на Новгородъ. Между тѣмъ, государь не раздѣлялъ этого мнѣнія. Утомленный безконечными спорами по этому предмету, онъ призвалъ къ себѣ инженеръ-полковника Мельникова (впослѣдствіи министръ), который, вмѣстѣ съ другимъ инженеръ-полковникомъ Крафтомъ, былъ назначенъ для производства изысканій и постройки дороги. Мельниковъ считался особенно талантливымъ и блестяще-образованнымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, человѣкомъ, чтó и было извѣстно государю.

Государь опросилъ Мельникова: какого онъ мнѣнія о направленіи дороги?

Мельниковъ, коротко и ясно, высказался такъ:

— Дорога должна соединять двѣ весьма населенныя столицы; все движеніе, какъ грузовое, такъ и пассажирское, будетъ сквозное. Въ непродолжительномъ времени должны примкнуть къ Москвѣ другія дороги со всѣхъ концовъ Россіи; такимъ образомъ, сквозное движеніе между Петербургомъ и Москвой разовьется въ нѣсколько десятковъ разъ противъ настоящаго. Было бы большою ошибкою и неисчислимою потерей въ общей государственной экономіи, если обречь дальнѣйшія поколѣнія на уплату 80-ти слишкомъ верстъ, въ продолженіе цѣлаго вѣка или болѣе, пока прямой расчетъ не вынудилъ бы строить другую, болѣе кратчайшую дорогу отъ Петербурга до Москвы.

— Радъ, сказалъ государь, что ты одного со мной мнѣнія; веди дорогу прямо!

Слова «веди дорогу прямо» не означали вести по прямой линіи, а относились къ тому, чтобы не держаться направленія на Новгородъ.

Только исключительное невѣжество, по отношенію къ извѣстнымъ предметамъ, могло поддерживать означенную легенду. Множество разъ мнѣ случалось слышать повтореніе ея людьми образованными. Обыкновенно, въ подобномъ случаѣ, я спрашивалъ такого господина:

— Проѣзжалъ ли онъ по Николаевской дорогѣ.

— Какъ же, много разъ.

— Развѣ же вы не обратили вниманія на то, что во многихъ мѣстахъ поѣздъ идетъ по кривой, что для каждаго пассажира должно быть очевидно?

Тогда такой господинъ попадалъ въ положеніе Гоголевскаго почтмейстера; только воздерживался отъ удара себя въ лобъ ладонью и извѣстнаго возгласа.

Я началъ свою дѣятельность съ самаго возникновенія устройства Николаевской желѣзной дороги. Въ то время не было сколько-нибудь сносныхъ картъ на пространствѣ между Петербургомъ и Москвой, годныхъ для того, чтобы руководиться ими для начертанія наивыгоднѣйшей линіи въ техническомъ отношеніи.

Вслѣдствіе такого обстоятельства, было рѣшено пробить сперва прямую линію отъ Петербурга до Москвы. Для этого, на основаніи астрономическихъ данныхъ о долготѣ и широтѣ означенныхъ пунктовъ, были рассчитаны углы прямой линіи съ меридіанами, и подъ этими углами приступили, одновременно, къ пробиванію линіи отъ Петербурга и отъ Москвы. Обѣ партіи встрѣтились около небольшой деревни Бологое (нынѣ населеніе этого мѣста превышаетъ, кажется, 10.000 жителей). Замѣчательно то, что линіи, пробитыя на основаніи вышесказаннаго расчета, разошлись около Бологое около полуверсты ¹⁾). Понятно, что такой результатъ можно было признать блестящимъ и, въ то же время, показавшимъ, съ какою аккуратностью и точностью велась пробивка обѣихъ линій.

Эти-то линіи, вслѣдствіе отсутствія надлежащихъ картъ, и послужили основаніемъ для производства подробныхъ изысканій.

Тверь и Клинъ попали почти на прямую линію отъ Москвы до Волочка; а на прямой отъ Петербурга до Волочка сдѣлано лишь незначительное отклоненіе къ Чудову, вслѣдствіе удобства мѣстности.

Затѣмъ, дальнѣйшія изысканія состояли въ томъ, чтобы, придерживаясь общихъ прямыхъ направленій между означенными пунктами, обходить особенно выдающіяся препятствія, какъ напримѣръ: озера, глубокія болота, конечно, подвергавшіяся предварительно зондировкѣ, неудобные переходы черезъ рѣки, слишкомъ выдающіяся возвышенности и проч.

При отсутствіи сколько-нибудь годныхъ картъ и при мѣстности, на $\frac{1}{10}$ покрытой сплошными лѣсами, не было никакой возможности, даже въ частностяхъ, ориентироваться обзоромъ мѣстности, хотя бы съ отдаленныхъ возвышенныхъ пунктовъ. При подобныхъ условіяхъ, ко-

---

¹⁾ Небезынтересно упомянуть здѣсь, что, при пробивкѣ линіи отъ Петербурга напали на Петровскую просѣку, которою пользовались, отчасти, мѣстные жители по зимамъ.

нечно, не могли не быть промахи въ разныхъ частяхъ установленной наконецъ линіи. Напримѣръ, переходъ черезъ оврагъ и небольшую рѣчку Веребью обусловилъ виадукъ въ 25 саж. вышины и 275 саж. длины, громаднаго объема выемку, достигавшую, мѣстами, болѣе 7½ саж. глубины на протяженіи 15 верстъ и непрерывный по оной подъемъ съ уклономъ въ 0,008. На всѣ эти работы понадобилась громадная сумма. Будь карты, будь опредѣлены на ней высоты, хотя изрѣдка, промахъ, относительно перехода черезъ Веребью, былъ бы немислимъ, и въ немъ никого и ни въ чемъ обвинить нельзя. Этотъ промахъ не есть слѣдствіе незнанія, невнимательности, лѣности, нерадѣнія или чего-либо подобнаго, тѣмъ болѣе, что всѣ, отъ мала до велика, работали въ то время восторженно, сознавая, что они пионеры въ великомъ дѣлѣ устройства первой желѣзной дороги въ своемъ отечествѣ, безъ всякаго иностраннаго элемента; что они должны быть учителями будущихъ дѣятелей, и сильно гордились выпавшимъ на ихъ долю положеніемъ. Оправдали ли себя эти пионеры? путь судить потомство.

И такъ, по совѣсти, никого нельзя укорять въ указанномъ крупномъ промахѣ. Можно было бы указать и другіе, менѣе крупные, въ которыхъ тоже никто не виноватъ, но это будетъ лишнимъ. Вина въ томъ, что не было карты!

Понятно, что промахи относительно прведенія линіи обнаруживались уже во время самой постройки, по мѣрѣ развитія работъ. Тогда-то я и пришелъ къ твердому убѣжденію, что возможное сокращеніе милліоновъ зависитъ исключительно отъ наивыгоднѣйшаго начертанія линіи. Всѣ же прочія обстоятельства не играютъ очень существенной роли въ дѣлѣ сокращенія расходовъ. Вслѣдствіе этого, у меня, еще съ того времени, затаилась мысль идти, по окончаніи постройки дороги, не на работы постройки, а на обширныя изысканія, если таковыя представятся.

Я упомянулъ уже выше, что полицейское управленіе, состоявшее изъ конныхъ жандармовъ, было ввѣрено генералъ-адъютанту, князю Бѣлосельскому-Бѣлозерскому; но онъ вскорѣ умеръ, и оно раздѣлилось на двѣ половины. На Сѣверную дирекцію назначенъ былъ жандармскій полковникъ Виландъ, а на Южную—полковникъ Тизенгаузенъ, и конная команда была спѣшена. Начальникомъ полицейскихъ порядковъ, на нашемъ 6-мъ участѣ, былъ сначала жандармскій офицеръ изъ числа нѣсколькихъ порядочныхъ, котораго вскорѣ смѣнилъ другой, тоже изъ числа сносныхъ; но затѣмъ появился бурбонъ, т. е. произведенный въ офицеры изъ солдатъ.

Не безынтересно рассказать объ отношеніяхъ полицейскаго, непосредственнаго начальства къ рабочему люду, т. е. исключительно къ землекопамъ, составлявшимъ громадную массу.

Но прежде этого я сдѣлаю очеркъ организаціи подрядческаго упра-

вленія земляными работами, для которых скопилось ежегодно болѣе 40.000 человѣкъ. Всѣ земляныя работы на Николаевской дорогѣ попали въ руки одного подрядчика Кузьмина, такъ какъ его товарищъ, Шавринъ, имя котораго и было главной гарантіей для правительства, внезапно умеръ.

Я буду говорить объ означенной организаціи на нашемъ 6-мъ участкѣ, которая была совершенно одинакова и на прочихъ участкахъ.

Въ центрѣ участка, бывшемъ въ то время пустыремъ, а нынѣ Валдайская станція, находилась центральная контора, которой, на протяженіи 60 верстъ, подчинялись еще пять конторъ. Въ каждой конторѣ былъ прикащикъ и его помощникъ, бухгалтеръ и куча писарей, независимо, конечно, отъ десятниковъ и табельщиковъ, которые должны были присутствовать при работахъ. Одного конторскаго люда, на всемъ 60 верстномъ участкѣ, было, приблизительно, до 50 человѣкъ. При конторахъ содержалось большое количество лошадей, назначенныхъ для развозки по линіи провіанта, печенаго хлѣба, досокъ, тачекъ и проч.; но главнымъ употребленіемъ этихъ лошадей была развозка и катаніе служащихъ въ конторахъ, при чемъ однимъ изъ предлоговъ къ содержанію лошадей была наложенная на подрядчика обязанность держать по линіи почту для развѣзда офицеровъ за установленные прогоны, что случалось, быть можетъ, не болѣе двухъ трехъ разъ въ недѣлю, такъ какъ большинство офицеровъ держало собственныхъ лошадей. При центральной конторѣ имѣлось, напримѣръ, не менѣе 40 лошадей, и можно было видѣть, что въ праздники вывѣзжало оттуда по 4 или по 5 троекъ въ церковь или въ одинъ изъ ближайшихъ городовъ: Валдай или Боровичи.

При главной конторѣ имѣлся, въ буквальномъ смыслѣ, винный погребъ, и въ запасѣ было, конечно, всегда не менѣе ящика шампанскаго Клико или Редереръ, и не малое количество прочихъ винъ. Словомъ сказать, въ подрядческомъ управленіи господствовало разливное море. Въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ, когда я буду очерчивать постройку мною Курско-Кіевской желѣзной дороги, читатель увидитъ, что я имѣлъ личный составъ по всѣмъ отраслямъ работъ, на протяженіи 230 верстъ, въ 3 или 4 раза менѣе, чѣмъ личный составъ одной Валдайской центральной конторы, завѣдывавшей, всего на 60 верстъ, одними земляными работами.

Теперь обращусь къ рабочему люду, т. е. къ землекопамъ. Въ то время, землекопы, преимущественно, нанимались въ Витебской и Виленской губерніяхъ изъ литовцевъ. Это былъ самый несчастный народъ на всей русской землѣ, который походилъ скорѣе не на людей, а на рабочій скотъ, отъ котораго требовали въ работѣ нечеловѣческихъ силъ, безъ всякаго, можно сказать, вознагражденія. Забитость и какъ бы ндіотство этихъ людей, трудно описуемое, усугублялось еще почти не-

знаніемъ русскаго языка. Когда я увидаль этихъ людей первый разъ на работахъ, то былъ пораженъ слѣдующимъ фактомъ: каждый человѣкъ, прежде нежели пройти мимо меня, сгибался такъ, что туловище приходило въ горизонтальное положеніе; затѣмъ мелкимъ шажкомъ онъ подбѣгалъ ко мнѣ, схватывалъ конецъ полы сюртука, цѣловалъ его при словахъ: «цѣлую, пане полковнику», и удалялся въ томъ же согнутомъ положеніи. Понятно, что впредь я вездѣ воспрещалъ подобныя сцены.

Подрядчики нанимали землекоповъ, заключая контракты съ волостными правленіями или съ помѣщиками. Но иногда помѣщики брались работать за задѣльную плату, т. е. являлись поставщиками, приводя на работы собственныхъ своихъ крѣпостныхъ людей или крѣпостныхъ отъ своихъ сосѣдей. Помню, что однажды явились у насъ такими поставщиками два помѣщика, которые сами жили при работахъ. Одинъ изъ этихъ помѣщиковъ, Клодтъ,—кажется съ титуломъ барона,—пригналъ артель въ 1.200 человѣкъ, а другой—Буйницкій,—въ 1.500 человѣкъ. Первый былъ довольно порядочный человѣкъ, а второй, хотя и вполне свѣтски образованный богатый помѣщикъ, былъ въ полномъ смыслѣ слова эксплуататоръ негровъ.

Кузьминъ забралъ впередъ деньги и все время работъ оставался большимъ должникомъ казны, а потому осенью расчеты съ рабочими дѣлались подѣ правительственнымъ надзоромъ. Кузьминъ съинтриговалъ такъ, чтобы наблюденіе за этими расчетами было поручено полицейскому управленію, а не намъ, инженерамъ. Вслѣдствіе этого, расчеты,—за которыми наблюдали бурбоны, готовые за даровые харчи и вино угождать подрядчику и допускать вопіющее зло—производились возмутительнымъ образомъ, а не такъ, какъ мы произвели расчетъ людямъ въ первый годъ. Кромѣ того, бурбонъ, о которомъ я упомянулъ, но фамиліи котораго не помню, появившійся во главѣ жандармской команды нашего 6-го участка, ежедневно занимался поркою людей по просьбамъ и жалобамъ прикащиковъ и десятниковъ. Эти экзекуціи совершались такъ, что я не могъ видѣть ихъ, живя въ верстѣ отъ конторы за возведенною уже высокою насыпью; но я зналъ, что подобныя экзекуціи совершались часто. Поэтому, рабочіе считали главнымъ своимъ начальствомъ полицію; но прикащики и прочій подрядческій людъ, зная, что участь ихъ зависитъ отъ насъ, можно сказать, трепетали передъ нами. Однажды я, возвращаясь съ работъ, долженъ былъ проѣхать мимо конторы и напалъ на экзекуцію. Два или три человѣка лежали подѣ ударами розогъ; ихъ визги и крики взорвали мою душу. Я приподнялся въ тарангасѣ и громкимъ голосомъ заревѣлъ: — «Стой. . . . ребята, вставайте!» Разумѣется, все стихло, никто не осмѣлился пикнуть; я дождался, пока

не убрали атрибуты экзекуціи, и бурбонъ, присутствовавшій тутъ, не ушелъ въ подрядческую контору, и тогда я уѣхалъ.

Сей бурбонъ подавъ по начальству рапортъ о моемъ поступкѣ, и, конечно, я былъ бы отданъ подъ судъ; но Виландъ, главный начальникъ полицейскаго управленія, будучи человѣкомъ образованнымъ, воспитанникомъ Института путей сообщенія, не далъ хода этому рапорту. Для характеристики означеннаго бурбона, я упомяну, что онъ былъ женатъ на помѣщицѣ, имѣвшей одну душу, а потому у нихъ была собственная крѣпостная прислуга, молодая дѣвушка. Мученія, которымъ ее подвергали, кромѣ безпрестанной порки, выше всякаго описанія: ее сажали на горячую плиту, запирали дня на два въ хлѣвъ, накормивъ предварительно селедкой, и не давали пить. Несчастная не смѣла никому пожаловаться; но кто-то сообщилъ намъ объ этихъ фактахъ, и мы позвали эту несчастную, разспросили ее и въ первый пріѣздъ Виланда сообщили ему обо всемъ. Бурбонъ былъ удаленъ, а что сдѣлалось съ несчастною дѣвушкой, я не знаю.

Черезъ 7 лѣтъ послѣ начала постройки Николаевской дороги, она не была еще окончена, чему воспрепятствовали политическія событія 1848 и 1849 годовъ, когда суммы, ассигнованныя на желѣзную дорогу, должны были быть употреблены на другія надобности. Но въ означенномъ 1850 году, во время пріѣзда государя въ Москву на коронаціонный день, 22-го августа, императоръ спросилъ Клейнмихеля за обѣденнымъ столомъ:

— Когда же ты провезешь меня въ Москву по желѣзной дорогѣ?

Клейнмихель отвѣтилъ моментально:

— На будущій годъ на коронацію, ваше величество!

За столомъ былъ директоръ работъ Мельниковъ; но Клейнмихель не спросилъ у него, въ этотъ моментъ, ничего, а послѣ обѣда позвалъ его въ кабинетъ и сказалъ:

— Вы слышали мой отвѣтъ государю?

— Слышалъ,—отвѣчалъ Мельниковъ,—но это немислимо.

— Вы слышали, и это должно быть и будетъ!

Не зная еще ничего объ означенномъ эпизодѣ, бывшемъ въ Москвѣ, мы получаемъ въ половинѣ сентября предписаніе, гласящее, что дорога къ 1-му августа будущаго 1851 года должна быть приведена въ такой видъ, чтобы войска гвардейскаго корпуса могли быть доставлены въ Москву начиная съ 15-го августа, и чтобы императоръ могъ проѣхать въ Москву къ 22-му августа, и затѣмъ требовались немедленно сообщенія о необходимыхъ средствахъ для достиженія этой цѣли.

По позднему времени никакія распоряженія, могущія подвинуть работы въ теченіе настоящаго рабочаго сезона, были немислимы. Въ концѣ сентября нельзя нанимать рабочихъ, и если бы они и были на-

няты, то пришли бы на работы въ половинѣ октября, и могли бы работать съ трудомъ не болѣе двухъ недѣль. Оставалось подумать о работѣ зимой. Въ песчаныхъ грунтахъ это еще дѣло возможное, но въ глинистыхъ земляная работа, въ сущности, почти невозможна.

Обыкновенно, на земляныхъ работахъ стараются прежде всего возводить насыпи, такъ какъ онѣ требуютъ осадки, а выемки оставляются до послѣдняго времени. На моей дистанціи были, по преимуществу, длинныя выемки, и потому эта дистанція была отставши отъ другихъ. Однако, на общемъ совѣтѣ, — между Мельниковымъ, начальникомъ участка, Семичевымъ, и мною, какъ начальникомъ дистанціи, — рѣшено было производить работы зимою, несмотря на то, что выемки состояли изъ крѣпко-глинистаго грунта, который, при морозѣ, обращался въ камень. Работы эти могли быть производимы только посредствомъ пороховыхъ взрывовъ. Оказалось, что взрывать порохомъ каменные породы гораздо удобнѣе, чѣмъ взрывать замерзшую глину, которая не дѣлится на пласты.

За зиму успѣхъ былъ мало значительный, а между тѣмъ подошла весна. Гр. Клейнмихель, съ нетерпѣніемъ слѣдившій въ это время за ходомъ работъ вообще на Николаевской дорогѣ, пустился самой ранней весной самъ осматривать работы, по невообразимой распутицѣ. Обыкновенно, при проѣздѣ его по нашему 6-му участку, ночлегъ, или обѣдъ назначался въ домѣ, занимаемомъ мною, который былъ помѣстительнѣе другихъ. Приѣхавъ этотъ разъ на ночлегъ, онъ тотчасъ позвалъ меня къ себѣ и заставилъ объяснить ему: надѣюсь ли я окончить работы къ сроку, и какія мнѣ нужны средства? Какъ опытный администраторъ, онъ понималъ, что въ данномъ случаѣ все будетъ зависѣть отъ дистанціонныхъ офицеровъ, производителей работъ.

Я объяснилъ ему, что наличныя рабочія силы совершенно недостаточны, что досокъ, тачекъ, польскихъ лопатъ и разнаго другаго инструмента слишкомъ мало, что можетъ пройти мѣсяць или болѣе прежде, нежели подрядчикъ укомплектуетъ все до нужнаго размѣра, и что остается единственное средство обязать подрядчика обратиться къ мѣстнымъ жителямъ, хотя и не землекопамъ, но которые, вмѣсто лопатъ, могутъ вооружиться, для рытья земли, сошниками, надѣтыми на толстыя палки, а вырытую землю выносить въ рогожахъ, мѣшкахъ и въ чемъ ни попало. Клейнмихель, выслушавъ меня, позвалъ Мельникова и Семичева и сказалъ имъ:

— Прошу васъ исполнять всѣ требованія производителя работъ, а тебѣ приказываю донести мнѣ немедленно, если твои требованія не будутъ исполняться!

На другой день, выѣзжая рано утромъ и садясь въ экипажъ, онъ повторялъ то же при всей свитѣ, добавивъ, обращаясь ко мнѣ:

— Если ты не донесешь мнѣ въ-время, въ случаѣ надобности, то жестоко отвѣтишь мнѣ!

Конечно, подобныя же приказанія Клейнмихель, вѣроятно, отдавалъ всѣмъ дистанціоннымъ офицерамъ, у которыхъ окончаніе въ-время работъ было подѣ большимъ сомнѣніемъ.

Дѣйствительно, мы такъ и распорядились. Едва крестьяне засѣяли яровое поле, мы кликнули, какъ говорится, кличь, по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, и къ намъ явились тысячи народа съ бабами. Мужики рыли землю сошниками, а бабы таскали ее,—кто въ мѣшкахъ, кто въ рогожахъ, кто въ фартукахъ и даже, просто, въ подолахъ. Въ одинъ мѣсяцъ выемки были пробиты на ширину одного пути безъ откосовъ, такъ какъ пробивки ихъ дѣлались въ крѣпкомъ глинистомъ грунтѣ,— и дѣло возможности открытія движенія въ-время было обезпечено. Въ этомъ фактѣ рисуется и энергія, и большой здравый смыслъ Клейнмихеля, какъ министра, понимавшаго, что когда нужно дѣло, то бюрократическій порядокъ непременно сгубитъ его.

Такимъ образомъ, съ 15-го августа, началось движеніе войскъ изъ Петербурга въ Москву; 20-го мы провезли государя, а государыня осталась въ Петербургѣ. Послѣ того, ежедневно, съ конвертомъ къ императрицѣ посылался поѣздъ изъ Москвы, состоящій изъ пассажирскаго и багажнаго вагона, при чемъ обратный поѣздъ, для пущей предосторожности, не долженъ былъ выѣзжать изъ Петербурга ранѣе прибытія поѣзда изъ Москвы, потому, что былъ уложенъ лишь одинъ путь, что на многихъ станціяхъ не было разъѣздовъ, и телеграфъ не былъ еще тоже устроенъ.

Случилось, что одинъ изъ поѣздовъ, долженствовавшій придти въ Москву, не прибылъ въ-время. Государь встревожился, и Клейнмихель послалъ немедленно пакетъ, назначенный для государыни въ Петербургъ такъ, чтобы онъ доставлялся дистанціонными офицерами, отъ одного къ другому, на дрезинахъ. Отправленный изъ Москвы утромъ, этотъ пакетъ дошелъ до меня, въ 350 верстахъ отъ Москвы, часовъ въ семь вечера. Доѣхавъ до сосѣда, я не засталъ его дома и поѣхалъ до слѣдующаго офицера, но и того не засталъ дома. Тогда я, въ виду наступившей ночи, рѣшился ѣхать прямо до Петербурга на дрезинѣ, мѣняя людей. Между тѣмъ, я каждую минуту могъ встрѣтить поѣздъ, который не могъ ожидать встрѣтить ѣдущую дрезину на пути. Надо было ежесекундно глядѣть впередъ, а сонъ неудержимо клонилъ меня, такъ какъ продолжительная ѣзда на дрезинѣ необыкновенно сильно располагаетъ ко сну. Чувствуя, что, задремавши, я могу кувырнуться впередъ подѣ дрезину, я приказалъ людямъ привязать меня къ спинкѣ дрезины, и прибылъ въ Петербургъ къ 7 часамъ утра, находясь въ ѣздѣ 11 часовъ и проѣхавъ 250 верстъ. Передавъ конвертъ надлежащему лицу, я вско-

чиль на паровозъ и поѣхалъ обратно, такъ какъ домашніе не могли знать, что я покатылъ на дрезинѣ въ Петербургъ. На Угловской станціи я сошелъ съ паровоза, не думая, конечно, какая ужасная участь предстояла этому паровозу.

Въ Москвѣ прошло уже болѣе полутора сутокъ, что не было изъ Петербурга поѣзда и никакого еще извѣстія о причинѣ его задержки. Клейнмихель не вытерпѣлъ и приказалъ послать поѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ. Мельниковъ, понимая всю опасность такого распоряженія, рѣшился самъ ѣхать съ московскимъ поѣздомъ, и вотъ этотъ-то поѣздъ и столкнулся съ тѣмъ, съ котораго я сошелъ на Угловкѣ. Поѣзда встрѣтились около Клина на кривой въ выемкѣ такъ, что машинисты могли увидеть передовые фонари только тогда, когда не было уже спасенія, но они успѣли открыть свистки. Вотъ что рассказывалъ Мельниковъ, какъ очевидецъ, объ этой катастрофѣ:

— Я сидѣлъ въ вагонѣ, какъ вдругъ послѣдовалъ такой сильный толчекъ, что я слетѣлъ съ сидѣнья и растянулся на полу; вагонъ не раздробило потому, что онъ былъ одинъ. Выйдя изъ него, первое, что я увидѣлъ,—это кондуктора, перерѣзаннаго тормозовымъ кругомъ; оба паровоза поднялись на дыбы, уперлись другъ въ друга передними колесами и ревѣли въ открытые свистки, какъ борящіеся львы. Машинистъ одного паровоза былъ убитъ, а кочегаръ выброшенъ, но остался живъ; но на другомъ паровозѣ тендеръ вскочилъ на паровозъ и придавилъ машиниста и кочегара на котлѣ паровоза. Не было никакой возможности высвободить ихъ оттуда, и они жарились въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ неслыханныхъ страданіяхъ и въ виду всѣхъ, на котлѣ паровоза.

Поэтому, невольно, рождается сравненіе между воинномъ, идущимъ на приступъ, или стоящимъ подъ ядрами и пулями, ожидая смерти, и машинистомъ паровоза, могущимъ ожидать ежесекундно смерти и ежесекундно напрягать свое вниманіе, чтобы не сгубить тысячи людей, жизнь которыхъ находится въ зависимости отъ него.

По отъѣздѣ государя изъ Москвы, движеніе по дорогѣ было прекращено, и только изрѣдка посылались поѣзда временнымъ управленіемъ, которое, за отсутствіемъ телеграфа, предваряло о томъ письменно за полсутки.

Въ непродолжительномъ времени послѣдовало предписаніе графа Клейнмихеля о приведеніи дороги къ 1-му октября въ такое положеніе, чтобы съ этого срока можно было открыть регулярное движеніе въ размѣрѣ одного почтоваго и двухъ или трехъ товарныхъ поѣздовъ съ каждаго конца.

Къ 1-му октября дорога была въ слѣдующемъ положеніи:

На нѣкоторыхъ большихъ станціяхъ паровозныя зданія не были готовы, и потому паровозы должны были стоять на открытомъ воздухѣ.

Зданій для водоснабженій, на многихъ промежуточныхъ станціяхъ и отчасти на большихъ, вовсе еще не было, а для этого настроены были на высокихъ сваяхъ деревянные баки, въ которыхъ вода могла мерзнуть.

Пассажирскія станціи не были тоже готовы. Напримѣръ, на Окуловской станціи не было въ окнахъ рамъ, отверстія ихъ были забиты досками, сдѣланъ былъ лишь одинъ черный полъ и то не по всему зданію; печей, конечно, тоже не было, а отапливалась лишь желѣзной печуркой, небольшая, съ временными рамами, комната, гдѣ помѣщена была касса.

Изъ большихъ станцій, приблизительно, окончены были: Любаньская, Бологовская, Спировская и Тверская. Другія же большія станціи находились, однако, въ болѣе сносномъ положеніи, чѣмъ Окуловская.

Несмотря, однако, на такія условія, 1-го октября 1851 года движеніе было открыто. Къ несчастью, наканунѣ и въ ночь на 1-е октября, выпалъ глубокій снѣгъ, до 5 вершковъ толщины, и надо замѣтить, пролежалъ всю зиму безъ значительныхъ оттепелей.

При сказанныхъ условіяхъ, бѣдствія начались съ первыхъ же дней движенія. Нечего и говорить, что поѣзда не приходили въ-время; отъ господствовавшихъ въ это необычное время метелей и заносовъ поѣзда останавливались, не дойдя до той или другой станціи, и замерзали на подорогѣ, оставаясь на мѣстѣ часовъ по 12 и болѣе. При отсутствіи телеграфа наѣзжалъ слѣдующій поѣздъ, который долженъ былъ тоже стоять или возвратиться на предшествующую станцію. Представьте себѣ положеніе пассажировъ: стоятъ многіе часы на морозѣ, въ неотоплявшихся еще тогда вагонахъ и безъ пищи. Случалось, что многіе уходили въ окрестныя деревни. Но и на нѣкоторыхъ станціяхъ немногимъ было лучше. Напримѣръ, случалось, что въ Окуловкѣ задерживали поѣздъ потому, что путь впереди былъ загражденъ. И вотъ многія сотни пассажировъ должны были оставаться иногда сутки въ холодномъ зданіи и обогрѣваться, поочередно, лишь въ одной небольшой комнатѣ. О буфетѣ, конечно, не могло быть и поминна: вся наличность съѣдобнаго быстро пропадала, такъ какъ тогда въ Окуловкѣ не было почти жителей, и надо было посылать за хлѣбомъ въ деревни, которыя были за нѣсколько верстъ.

Когда поѣздъ останавливался на дорогѣ, то приходилось посылать на станцію сторожа нѣшкомъ съ требованіемъ помощи. Хорошо, если станція, гдѣ находились паровозы, была близка, а если нѣтъ, то сторожъ сообщалъ лишь ближайшей станціи, откуда надо было еще ѣхать съ извѣстіемъ на дрезинѣ, такъ какъ телеграфа не существовало, а между тѣмъ станціи, гдѣ были паровозы, отстояли другъ отъ друга на 70 верстъ. Потомъ, случалось, конечно, что дежурный и другой подготовленный паровозъ уже высланы на линію; стало-быть, надо растапливать паро-

возъ, а на это требовалось около трехъ часовъ, да и случалось, что подвезти паровозъ къ водоемному баку нечѣмъ, и приходилось подвигать его людьми. Коротко говоря, при счастливыхъ условіяхъ, помощь стоящему на пути, среди станцій, поѣзду могла быть подана никакъ не ранѣе 6-ти или 7-ми часовъ, а иногда и цѣлыхъ 12-ти. Затѣмъ, съ каждымъ днемъ уменьшалось количество годныхъ въ ѣзду паровозовъ, вслѣдствіе сторапія трубокъ отъ грязной воды и дурной конструкціи паровозовъ, при которой не принимались въ соображеніе означенныя обстоятельства.

Многіе начальники станцій, присланные на мѣста, не только не имѣли никакого понятія о движеніи, но иные никогда и не видали желѣзной дороги: ихъ собрали, можно сказать, на толкучемъ рынкѣ (по поводу этого ниже будетъ приведенъ одинъ эпизодъ); машинисты, въ свою очередь, рѣшительно, выбивались изъ силъ, и, наконецъ, пассажиры стали, весьма натурально, возмущаться. Такимъ образомъ, въ первое время открытаго движенія явился такой сумбуръ, что невозможно его себѣ представить и описать.

Движеніемъ завѣдывалъ не Мельниковъ, а особое начальство, и мы, какъ производители работъ постройки дороги, не принимали въ этомъ движеніи участія. Вдругъ, внезапно, послѣдовало распоряженіе графа Клейнмихеля, которымъ приказывалось дистанціоннымъ офицерамъ сопровождать всѣ почтовые поѣзда по своей дистанціи.

Исполнить эти распоряженія не было возможности, во всякомъ случаѣ, для дистанцій, въ серединѣ дороги лежащихъ. Напримѣръ, на моей дистанціи петербургскій поѣздъ, по распisanію, проходилъ въ 11 часовъ вечера, а московскій—въ 2 часа ночи. Можно было сопроводить только одинъ изъ двухъ поѣздовъ. Поэтому, мы, между собою, порѣшили сопроводить ежедневно поѣздъ московскій, отъ Бологое до Петербурга, съ тѣмъ, чтобы по пріѣздѣ туда сейчасъ же ѣхать обратно съ поѣздомъ, ѣдущимъ въ Москву, и такимъ образомъ приходилось находиться въ пути цѣлыя сутки. Но наше сопровожденіе поѣздовъ не могло измѣнить отчаянныхъ условій движенія. Мы могли только проявлять болѣе или менѣе находчивости въ данныхъ затрудненіяхъ и принимать должныя мѣры, чтобы не заморозить пассажировъ отъ холода и не уморить ихъ отъ голода.

Въ первый же мой обратный путь изъ Петербурга, для сопровожденія почтоваго поѣзда, я узналъ въ Окуловкѣ, что на пути стоятъ замерзшій поѣздъ и дальше ѣхать нельзя. Распорядившись такъ, чтобы нѣсколько обезпечить пассажировъ отъ голода и холода, я взялъ паровозъ и поѣхалъ съ тѣмъ, чтобы помочь замерзшему поѣзду, пихая его сзади. Доѣхавъ туда, мы, общими усиліями двухъ паровозовъ, несмотря на метель, сдвинули поѣздъ и пошли впередъ. Вдругъ у моего паровоза

лопнулъ болтъ, соединяющій тендеръ съ паровозомъ, и потому послѣдній не могъ быть снабжаемъ водою. Я рѣшился оставить тендеръ, который, въ случаѣ остановки при движеніи, могъ причинить бѣду, наскочивъ на паровозъ. Забравъ, по возможности, больше дровъ на паровозъ, мы тронулись безъ тендера. Когда воды уменьшилось до предѣла возможности, а до предстоящей станціи мы еще не доѣхали, тогда я остановилъ поѣздъ, приказалъ отвинтить рычагъ съ предохранительнымъ клапаномъ и валить на это мѣсто кучи снѣга. Снѣгъ, разумѣется, таялъ съ такою быстротою, что едва успѣвали его подносить. Поднявъ, такимъ образомъ, уровень воды въ котлѣ, я могъ ѣхать далѣе и остановился лишь разъ для того, чтобы перетащить нѣсколько дровъ съ тендера передняго паровоза. Такимъ образомъ, я довелъ поѣздъ до первой станціи, поставилъ его на объѣздной путь и очистилъ дорогу для слѣдующаго поѣзда.

Изъ вышеизложеннаго читатель можетъ уже представить себѣ, отчасти, всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ было открыто движеніе по Николаевской желѣзной дорогѣ, и къ какимъ средствамъ приходилось прибѣгать, чтобы кое-какъ поддерживать движеніе и избѣгать основательнаго неудовольствія со стороны пассажировъ. Въ то время появилась, между прочимъ, карикатура, изображающая поѣздъ, стоящій въ сугробахъ снѣга, и пассажировъ, высунувшихся изъ оконъ вагона, съ открытыми ртами, кричащихъ, конечно, о помощи отъ холодной и голодной смерти, и рядомъ лихая тройка, летящая по шоссе.

По поводу временно порученнаго намъ, начальникамъ дистанцій, наблюденія за движеніемъ, я нахожу нужнымъ пояснить слѣдующій фактъ. Въ то время, когда у насъ не было желѣзныхъ дорогъ, то въ Институтѣ путей сообщенія была прочитана, буквально, лишь одна лекція о конструкціи паровозовъ въ общихъ чертахъ. Такимъ образомъ не было въ то время ни одного инженера въ корпусѣ, который былъ бы знакомъ съ этою отраслью знаній, за исключеніемъ лишь общей теоріи сопротивленія движенію по рельсамъ.

Чувствуя такой пробѣлъ въ существенномъ вопросѣ, до желѣзной дороги относящемся, въ чемъ никто не былъ виноватъ, такъ какъ въ началѣ сороковыхъ годовъ этотъ вопросъ ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, не былъ еще разработанъ, я тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ превосходнаго сочиненія: «Guide du mécanicien constructeur et conducteur de machines locomotives», составленнаго четырьмя знаменитыми французскими инженерами, принялся за изученіе означеннаго вопроса.

Вслѣдствіе этого ко времени открытія движенія по Николаевской желѣзной дорогѣ, я ознакомился съ теоретической стороною вопроса, а съ открытіемъ движенія сталъ знакомиться и съ практической стороною дѣла. Для этого я почти ежедневно ѣздилъ съ поѣздами на паровозѣ. Сначала, конечно, высматривалъ, а потомъ самъ сталъ водить поѣзда.

Здѣсь кстатѣ упомяну объ одномъ курьезномъ эпизодѣ: однажды, при отходѣ поѣзда съ Окуловской станціи, я, по обыкновенію, всталъ на паровозъ. Надо сказать, что контрагентъ Уайненсъ, о которомъ будетъ мною сказано въ одной изъ послѣдующихъ главъ,—при заключеніи контракта съ правительствомъ, поставилъ въ условіе, чтобы никто, кромѣ машиниста, или его, Уайненса, агента, не имѣлъ права входить на паровозъ. Такой порядокъ былъ понятенъ, но, конечно, это правило не могло относиться до инженера, завѣдывающаго дистанціей и наблюдающаго за движеніемъ. Но въ интересы контрагента, и интересы слишкомъ существенные, входило то соображеніе, чтобы всѣми мѣрами не допустить инженеровъ до ознакомленія ихъ съ его дѣломъ, и онъ лихорадочно слѣдилъ за этимъ, зная, что они не подготовлены къ данному вопросу. Между тѣмъ, до него не могли не дойти слухи, что на линіи находится инженеръ, который, изучивъ вопросы теоретически, чуть не ежедневно ѣздитъ на паровогахъ и знакомится съ практической стороной дѣла. Вотъ одинъ изъ его агентовъ, находившійся въ Окуловѣ, обратился къ начальнику станціи съ требованіемъ, чтобы онъ, на основаніи инструкціи, удалилъ меня, какъ посторонняго человѣка, съ паровоза. И вотъ, когда я всталъ на паровозъ, ко мнѣ подошелъ начальникъ станціи и сказалъ:

— Прошу васъ сойти съ паровоза.

Надо замѣтить, что начальникъ станціи былъ подвыпивши.

— Вы, кажется, рехнулись!—отвѣтилъ я,—развѣ вы не знаете, что я начальникъ дистанціи и наблюдаю за движеніемъ. Да развѣ вы въ первый разъ видите меня на паровозѣ?

— Инструкція этого не допускаетъ,—прошу васъ сойти.

— Я не сойду.

— Въ такомъ случаѣ, я позову жандарма,—и онъ привелъ его.

— Удали этого господина съ паровоза,—сказалъ начальникъ станціи
Тогда я сошелъ съ паровоза и внушительнымъ голосомъ сказалъ:

— Если вы осмѣлитесь повторить еще это слово, то не вы меня, а я васъ сейчасъ арестую.

Жандармъ зналъ, конечно, что я начальствующее лицо и въ чинѣ капитана, а начальникъ станціи неизвѣстная личность, только-что откуда-то присланная, а потому, безъ сомнѣнія, исполнилъ бы мое приказаніе. Понятно, что если бы дѣло дошло до этого, то я долженъ бы былъ вступить немедленно въ обязанности начальника станціи; но послѣдній, озадаченный моими словами, удалился, и я поѣхалъ.

Юридически, право было на сторонѣ начальника станціи, такъ какъ инструкція не дѣлала исключеній и гласила: не допускать никого на паровозъ; но если бы я вошелъ на паровозъ, отъѣхавшій хотя бы на 10 саженой отъ станціи, право было на моей сторонѣ.

Этотъ начальникъ станціи въ тотъ же день донесъ рапортомъ по начальству о томъ, что я, вопреки его приказанію и существующей инструкции, поѣхалъ на паровозъ. Мѣстное начальство послало этотъ рапортъ въ Петербургъ, и бывший тогда начальникъ дороги, Крафтъ, который не зналъ меня потому, что онъ былъ до того начальникомъ Южной дирекціи и при томъ отчаянный бюрократъ,—хотѣлъ дать ходъ означенному рапорту; но помощникъ его, инженеръ-полковникъ Зуевъ, задержалъ рапортъ и вызвалъ меня въ Петербургъ. Когда я объяснилъ ему все дѣло, то Крафтъ оставилъ рапортъ безъ послѣдствій.

Вышло однако курьезное стеченіе обстоятельствъ. Вернувшись дня черезъ три изъ Петербурга, упомянутаго начальника не было уже на станціи. Въ это время пріѣхала полиція и арестовала его. Оказалось, что сей господинъ, бывший гдѣ-то прежде, кажется, полицейскимъ чиновникомъ, скрывался отъ слѣдствія и суда по какому-то уголовному дѣлу о кражѣ. Поэтому читатель можетъ видѣть, что я имѣлъ право сказать выше, что, при началѣ движенія, начальниковъ станцій «набирали, можно сказать, на толкучемъ рынкѣ».

Прослуживъ года полтора на ремонтѣ, имѣя уже опытность въ постройкѣ и ознакомившись въ достаточной мѣрѣ съ механическою стороною подвижнаго состава, я не пожелалъ оставаться долѣе на ремонтѣ, который не могъ представлять никакого поприща для инженернаго дѣла. Поэтому, я обратился къ начальству съ просьбою о прикомандированіи меня къ Александровскому механическому заводу, рассчитывая образовать себя, такимъ образомъ, въ смыслѣ компетентнаго инженера для постройки паровозовъ и проч.

Между тѣмъ, Александровскій заводъ находился въ рукахъ контрагента Уайненса, который имѣлъ сильное вліяніе въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, и, по его интригѣ, просьба моя была отклонена. Тогда я, рассчитывая, для дальнѣйшаго образованія, отправиться за границу, подалъ рапортъ объ отставкѣ. Но представленіе о моей отставкѣ задержалъ у себя, умышленно, начальникъ отдѣленія, пославъ его по начальству лишь въ началѣ января. Это прошеніе и было возвращено назадъ за позднимъ его представленіемъ, такъ какъ въ то время существовало правило—подавать въ отставку не позже 25-го декабря. Получивъ обратно рапортъ, не имѣвшій дальнѣйшаго хода, я сдалъ дистанцію брату и рапортовался больнымъ. По существовавшему тоже правилу, офицеръ, проболѣвшій 4 мѣсяца, увольнялся отъ службы; между тѣмъ меня, безъ всякаго временнаго вступленія на службу и безъ подачи новаго медицинскаго свидѣтельства, отъ службы не увольняли, и я, оставаясь въ такомъ положеніи почти цѣлый годъ, дождался новаго срока и подалъ вторично рапортъ объ отставкѣ, и рапортъ мой дошелъ до гр. Клейнмихеля.

Надо замѣтить, что служба на Николаевской дорогѣ была самою видною въ вѣдомствѣ путей сообщенія. Бывшій тогда главноуправляющій, графъ Клейнмихель, всегда старался, всѣми мѣрами, не выпускать своихъ подчиненныхъ въ отставку безъ видимой причины, подозрѣвая, что уходящій изъ его вѣдомства чѣмъ-нибудь недоволенъ и намѣренъ перейти въ другое вѣдомство, гдѣ можетъ явиться малымъ или большимъ, враждебнымъ ему элементомъ. Кромѣ того, въ немъ была замѣтна черта самолюбія въ томъ, что онъ умѣетъ оцѣнивать людей лучше, чѣмъ другіе начальники.

Когда графу Клейнмихелю доложенъ былъ мой рапортъ объ отставкѣ, онъ призвалъ самое приближенное къ нему лицо, полковника Серебрякова, и сказалъ ему:

— Что онъ (т. е. я) затѣялъ, какое же онъ можетъ имѣть лучшее положеніе, чѣмъ то, которое онъ занимаетъ, и при томъ лично мнѣ извѣстенъ? Узнай, чего онъ хочетъ?

Когда Серебряковъ обратился ко мнѣ, то я сказалъ:

— Сообщите главноуправляющему, что я не имѣю другаго желанія, какъ примѣнить свою дѣятельность къ серьезному дѣлу, и что на ремонтъ устроенной уже дороги я не вижу поприща для инженера.

Послѣ того не прошло и недѣли, какъ послѣдовалъ приказъ главноуправляющаго слѣдующаго содержанія:

«Инженеръ капитанъ Панаевъ 2-й назначается начальникомъ изысканій особой вѣтви для желѣзной дороги, имѣющей цѣлью развитіе каменноугольной промышленности въ Донецкомъ бассейнѣ».

Ни начальный, ни окончательный пункты въ приказѣ не были обозначены. Понятно, что эта вѣтвь должна была примкнуть къ предполагавшейся Черноморской дорогѣ въ какомъ-либо пунктѣ. Я несказанно обрадовался такому порученію, которое открывало мнѣ широкое поле для изученія вопроса, о которомъ я мечталъ. Передо мною явилась территория слишкомъ въ 200 верстъ ширины и болѣе 500 верстъ длины.

Слѣдовательно, я и очутился въ особыхъ условіяхъ, которыя дали мнѣ возможность не только вообще выполнить съ успѣхомъ возложенное на меня порученіе, но и выяснить себѣ многія теоретическія основы для начертанія наивыгоднѣйшихъ линій съ технической стороны,—о чемъ будетъ говорено ниже.

Такимъ образомъ, я и удался съ Николаевской желѣзной дороги и попалъ опять подъ начальство генерала Мельникова, столь много всѣми нами любимаго.

XXI.

Главные участники постройки Николаевской желѣзной дороги: графы Толь и Клейнмихель; генералы Мельниковъ и Крафтъ.

Теперь я долженъ посвятить нѣсколько страницъ главнымъ участникамъ постройки Николаевской желѣзной дороги.

Мысль объ ея постройкѣ зародилась, конечно, у императора Николая Павловича тогда, когда дана была концессія на устройство Царскосельской желѣзной дороги, въ видѣ опыта. Эту мысль и сталъ преслѣдовать бывшій тогда главноуправляющій путями сообщенія графъ Толь.

Графъ Толь, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ героевъ 1812 года и взятія Варшавы въ 1831 году. Это былъ одинъ изъ самыхъ образованнѣйшихъ людей своего времени, но, несмотря на это, сознавая, что онъ не специалистъ въ инженерномъ дѣлѣ, избралъ себѣ товарищемъ одного изъ самыхъ талантливыхъ инженеровъ, подходящаго къ такому званію по чину, инженеръ-генераль-лейтенанта Деятина. Затѣмъ, онъ выбралъ двухъ лицъ, молодыхъ, и, убѣдившись въ ихъ познаніяхъ, талантѣ и рыцарской честности, Мельникова и Крафта, отправилъ ихъ за границу, въ Европу и Америку, для изученія желѣзныхъ дорогъ, дабы, по возвращеніи ихъ, поручить имъ устройство нынѣшней Николаевской дороги.

Я поступилъ въ Институтъ путей сообщенія при графѣ Толѣ и оставался тамъ еще при немъ до производства въ офицеры.

Графъ Толь обращалъ особое вниманіе на Институтъ путей сообщенія, т. е. на разсадникъ инженеровъ. Привлекая туда наилучшихъ профессоровъ по всѣмъ отраслямъ, Институтъ при немъ достигъ своего апогея и стоялъ не только не ниже Политехнической парижской школы, съ ея специальностями, давшей столько знаменитыхъ людей по всѣмъ отраслямъ, составляющихъ гордость Франціи, но даже—выше ея; ибо въ то время профессорами по математикѣ и соприкосновеннымъ съ нею наукамъ были: гениальный Остроградскій, Буняковский, Чижовъ, Гессъ и Купферъ, академики разныхъ академій, словомъ сказать, европейскія знаменитости. А изъ инженеровъ профессорами были, какъ я уже упоминалъ: Мельниковъ, Кербедзъ, Севастьяновъ и прочія лица, которыя были перечислены выше. Съ такими силами Институтъ, въ полномъ смыслѣ слова, процвѣталъ; лучшимъ доказательствомъ замѣчательной подготовки инженеровъ въ это незабвенное для Института время—служить постройка Николаевской желѣзной дороги. Кромѣ Мельникова и Крафта, видѣвшихъ желѣзныя дороги за границею, ни одинъ инженеръ, изъ находившихся при постройкѣ Николаевской дороги, не видалъ до тѣхъ поръ ничего, кромѣ игрушки—Царскосельской желѣзной дороги.

При графѣ Толѣ продолжалась постройка Московскаго шоссе, строилось Варшавское шоссе, построено много шлюзовъ, въ томъ числѣ извѣстные шлюзы на Ладожскомъ каналѣ.

Въ это же время былъ построенъ замѣчательный мостъ на Московскомъ шоссе у Бронницъ черезъ рѣку Мсту. Впервые въ Россіи была употреблена арочная система для неслыханнаго до того времени большаго отверстія въ 25 саж.

О преемникѣ графа Толя графѣ Клейнмихелѣ существовали разныя мнѣнія, въ томъ числѣ его считали чрезвычайно суровымъ, какимъ-то звѣремъ, уподобляющемся графу Аракчееву, изъ школы котораго онъ и вышелъ. Въ дѣйствительности, Клейнмихель былъ до крайности горячъ, нетерпѣливъ, необыкновенно энергиченъ, быстръ въ рѣшеніяхъ и обладалъ характеромъ твердымъ и, въ особенности, независимымъ. Онъ не терпѣлъ ни малѣйшаго вмѣшательства, кого бы то ни было, въ дѣла, до него относящіяся, и потому, вскорѣ по вступленіи въ званіе главноуправляющаго путями сообщенія, достигъ de facto закрытія дѣятельности образованнаго до него Комитета желѣзныхъ дорогъ.

Приведу одинъ фактъ нетерпимости Клейнмихеля относительно вмѣшательства въ его дѣла. На третій годъ постройки дороги, въ концѣ сезона 1845 г., объѣхалъ работы герцогъ Лейхтенбергскій. Въ то время онъ стоялъ во главѣ корпуса горныхъ инженеровъ, а начальникомъ штаба былъ генералъ-лейтенантъ Чевкинъ, который и сопровождалъ герцога. Герцогъ имѣлъ порученіе, послѣ объѣзда горныхъ сибирскихъ округовъ, объѣхать и работы Николаевской желѣзной дороги. Послѣ этого объѣзда былъ составленъ всеподданнѣйшій докладъ, авторомъ котораго былъ, конечно, Чевкинъ. Послѣдствіемъ означеннаго доклада явилось: потеря Чевкинымъ мѣста начальника штаба и зачисленіе его въ званіе сенатора. Съ тѣхъ поръ и закатилась, на долгое время, звѣзда Чевкина.

Клейнмихель не былъ государственнымъ мужемъ въ широкомъ значеніи этого слова, но онъ былъ очень уменъ, талантливъ и обладалъ особенною опытностью въ вопросахъ административнаго свойства, и потому былъ всегда на мѣстѣ, что бы ни попадало въ кругъ его дѣятельности, а слѣдовательно, превосходнымъ министромъ врученной ему отрасли. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ его не жаловали. Но онъ пользовался такимъ исключительно-громаднымъ довѣріемъ императора Николая Павловича, какого едва-ли достигалъ кто-либо изъ другихъ министровъ. А потому, онъ рѣшительно не обращалъ вниманія ни на кого, смѣло вступалъ въ борьбу со всѣми и твердо шелъ, помимо всѣхъ возможныхъ препятствій и постороннихъ интригъ, къ цѣли, которую назначилъ себѣ. Не менѣе того, несмотря на свое могущество, мнѣ вспоминается рассказъ моего брата Ліодора, который былъ адъютантомъ штаба и долженъ былъ разъ или два въ недѣлю дежурить у Клейнми-

хеля. Вотъ, что́ рассказывалъ братъ. Когда Клейнмихель собирался ѣхать къ государю съ докладомъ, онъ множество разъ говаривалъ брату:

— Вѣдь ты знаешь, какимъ довѣріемъ я пользуюсь у государя и какъ онъ меня любитъ, но вѣришь ли ты, что всякій разъ, когда ѣду съ докладомъ, меня бьетъ лихорадка.

Иные и понынѣ характеризуютъ Клейнмихеля названіемъ—писаря, желая этимъ, неприличнымъ для него, названіемъ характеризовать его какъ исключительнаго бюрократа; между тѣмъ, въ дѣйствительности, графъ Клейнмихель представлялъ изъ себя олицетвореннаго врага бюрократическаго порядка. Извѣстно, какъ императоръ Николай презиралъ бюрократическій порядокъ, и уже это одно показываетъ, что исключительный бюрократъ никогда не могъ быть облеченъ тою силою, какою облекъ императоръ Николай I графа Клейнмихеля.

По обыкновенію, каждое лицо, вступающее во главу какого-либо управленія, относится къ прежнему управленію недовѣрчиво и съ предубѣжденіемъ. Такъ и Клейнмихель вступилъ въ новую свою должность съ видимымъ намѣреніемъ подтянуть, какъ говорится, вѣдомство, будто бы распущенное. Между тѣмъ, въ вѣдомствѣ путей сообщенія господствовалъ строгій и весьма раціональный порядокъ по работамъ, постоянно контролируемый особыми инспекторами, назначенными изъ высшихъ инженеровъ, никакого соотношенія къ работамъ не могущихъ имѣть.

Графъ Клейнмихель по своему горячему характеру, тотчасъ же началъ громить направо и налево. Въ первый годъ стали появляться его приказы, занимавшіе десятки страницъ, которые такъ заинтересовали публику, что многіе подписывались на эти приказы. Но онъ скоро увидалъ, что не такъ черенъ чортъ, какъ его малюютъ и, будучи въ душѣ человѣкомъ справедливымъ, употребилъ всѣ старанія, чтобы загладить слѣды обрушившагося грома на тѣхъ лицъ, которые не заслуживали того. Въ самомъ непродолжительномъ времени, Клейнмихель полюбилъ вѣдомство путей сообщенія, значительно распространилъ сферу его дѣятельности и, оставаясь громовержцемъ во внутреннемъ управленіи вѣдомствомъ, явился самымъ энергическимъ защитникомъ его передъ другими, такимъ, какого не было ни прежде, ни послѣ. Клейнмихель каралъ, когда это было нужно, своихъ подчиненныхъ, и каралъ жестоко, но никого,—кто бы онъ ни былъ,—не допускалъ обижать или оскорблять ихъ; въ противномъ случаѣ обидчику, при могуществѣ Клейнмихеля, пришлось бы не по нутру.

Графъ Клейнмихель отличался умѣньемъ ставить людей на мѣста, сообразно ихъ способностямъ и знаніямъ и, въ особенности, любилъ въ нихъ энергію. Онъ никогда не удалялъ людей отъ дѣла по личной антипатіи. Напримѣръ, графъ Клейнмихель не жаловалъ Мельникова,

директора работъ Николаевской дороги, по причинѣ сильной разнородности ихъ характеровъ: Клейнмихель былъ огонь и воплощенная энергія, Мельниковъ же былъ холоднаго и спокойнаго характера и не отличался энергіей. Во время постройки Николаевской дороги между ними были непрерывныя столкновения, и, несмотря на всевозможныя интриги противъ Мельникова, Клейнмихель, уважая въ немъ его познанія, его рыцарскую честность и вообще его достоинства, никогда и не подумалъ замѣнить его другимъ лицомъ. Вообще говоря, Клейнмихель былъ рѣдкій администраторъ; онъ сдѣлалъ многое для урегулированія и поднятія значенія вѣдомства путей сообщенія. Онъ ввелъ новое урочное положеніе, которое, хотя по нѣкоторымъ работамъ, и установило уроки неисполнимые, не менѣе того, по своей обстоятельности, и до сихъ поръ служитъ основой для составленія смѣтъ на работы.

Кромѣ того, Клейнмихель раздѣлилъ всю Россію на округа, подчинивъ вѣдомству воѣ губернскія строительныя комиссіи, а, слѣдовательно, почтовые тракты, не говоря, конечно, о шоссе, каналахъ и общественныхъ зданіяхъ, которые состояли уже въ вѣдомствѣ; онъ же издалъ и правила для частныхъ построекъ въ городахъ и проч. Словомъ сказать, все, что только могло относиться къ строительному дѣлу въ государствѣ, все сосредоточивалось въ вѣдомствѣ путей сообщенія. И что же мы видимъ теперь—по прошествіи полустолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ почтовые тракты и нѣкоторыя шоссе перешли въ вѣдѣніе земствъ? Мы видимъ, что въ теченіе такого огромнаго періода времени, долженствовавшаго ознаменоваться прогрессомъ въ жизни государства, произошло не улучшеніе означенныхъ путей, а ухудшеніе, доходящее до своего предѣла.

Подчинивъ себѣ строительныя комиссіи, предсѣдателями которыхъ были губернаторы, онъ, тѣмъ самымъ, подчинялъ ихъ себѣ. Не могу умолчать, чтобы не рассказать то, что творилось во время объѣздовъ Клейнмихеля по Россіи. Такъ какъ телеграфовъ не было, то губернаторъ выѣзжалъ заранѣе на границу своей губерніи и ожидалъ проѣзда по два, по три дня, согнавъ, на всякій случай, неизвѣстно зачѣмъ, до 100 и болѣе обывательскихъ лошадей, которыя должны были ожидать проѣзда и развѣхаться затѣмъ по домамъ, не получивъ за это ни копѣйки вознагражденія. Я былъ не разъ свидѣтелемъ подобныхъ фактовъ, вытекавшихъ, конечно, не отъ распоряженій Клейнмихеля.

Клейнмихель объѣзжалъ работы Николаевской дороги два раза въ годъ, весною и осенью, большею частью въ самую распутицу. Объѣзжалъ не для того только, чтобы убѣдиться въ положеніи дѣла, но и для того, чтобы на мѣстѣ разрѣшать разные вопросы. Онъ дотога былъ мало възыскателемъ во время своихъ путешествій, что не разъ, въ распутицу,

когда съ колесной ѣзды надо было переходить на санную, приходилось возить его на дровняхъ, къ которымъ, за ночь, придѣлывали только отводы. Ночеваль онъ по крестьянскимъ избамъ, пока не были построены казенные дома, у того офицера, гдѣ настигала его ночь. Къ приѣзду Клейнмихеля часто готовились проекты сооружений и вообще доклады по разнымъ вопросамъ, требующимъ его утвержденія. Тутъ же, во время его остановокъ на ночлегъ или обѣдъ, онъ подписывалъ ихъ, зная, что если дѣло пойдетъ обыкновеннымъ порядкомъ, то до утвержденія пройдутъ многіе мѣсяцы, и подписывалъ ихъ не безсознательно, а требуя личнаго подробнаго объясненія. Надо замѣтить при этомъ, что Клейнмихель не былъ вполне чуждъ нѣкоторыхъ техническихъ вопросовъ: извѣстно, что онъ былъ главнымъ дѣятелемъ у Аракчеева по постройкамъ въ военныхъ поселеніяхъ, гдѣ, кромѣ гражданскихъ сооружений, устраивались шоссеыя дороги и небольшіе мосты. Не надо упускать тоже изъ виду, что Клейнмихель былъ главнымъ распорядителемъ по возобновленію Зимняго Дворца послѣ пожара, истребившаго его въ 1837 году. Дворецъ былъ возстановленъ въ теченіе менѣе одного года, т. е. въ такой срокъ, о которомъ никто не могъ бы и помыслить. Безъ энергіи Клейнмихеля это устройство никогда не было бы осуществлено въ означенный срокъ. Но такова была воля императора, и Клейнмихель привелъ эту волю въ исполненіе, за чтѣмъ и получилъ графское достоинство. Можно ли было повернуть такъ быстро дѣло при бюрократическомъ, писарскомъ порядкѣ?

Какъ опытный администраторъ, Клейнмихель зналъ, что въ описанномъ выше фактѣ ¹⁾ все будетъ зависѣть отъ дистанціонныхъ офицеровъ, производителей работъ, и потому самъ, помимо департамента, директора работъ и начальниковъ участка, разсуждалъ, при первомъ же, послѣ означеннаго эпизода, проѣздѣ по работамъ, непосредственно съ дистанціонными офицерами, требовалъ отъ нихъ указанія средствъ для достиженія цѣли, и, затѣмъ, при нихъ объявлялъ начальствующимъ лицамъ, чтобы они исполняли немедленно всѣ требованія производителя работъ; а ему, тутъ же, приказывалъ доносить прямо ему, Клейнмихелю, о томъ, если требованія его, производителя работъ, не будутъ исполнены. Спрашивается теперь: былъ ли это бюрократъ, обзываемый писаремъ, или это былъ человѣкъ существа дѣла? Заботясь безустанно объ ограниченіи возможныхъ злоупотребленій, Клейнмихель брался за корень. Онъ преслѣдовалъ въ этихъ случаяхъ не только Фауста, но обрушался всею силою свойственной ему энергіи и на Мефистофеля.

Я приведу здѣсь одинъ случай, который, впрочемъ, былъ уже разсказанъ мною подробно въ одной изъ моихъ статей, напечатанной въ

¹⁾ Ускоренія постройки дороги для проѣзда императора Николая.

№ 85 «С.-Петербургских Вѣдомостей» за 1883 годъ. Департаментъ желѣзныхъ дорогъ заключилъ контрактъ на поставку шпалъ и продольныхъ лежней на всю Николаевскую дорогу съ извѣстными европейскими торговцами лѣсомъ: Громовымъ и Скрыбинымъ. По контракту, эти подрядчики обязывались сдать весь матеріалъ, до 2.000.000 штукъ, только въ 3-хъ пунктахъ на рѣкахъ Волгѣ, Мстѣ и Волховѣ. Клейнмихель былъ въ восторгѣ отъ приобрѣтенія въ подрядчики такихъ капитальныхъ тузовъ лѣсной торговли, какими были Громовъ и Скрыбинъ. Контрактъ съ ними былъ заключенъ по всѣмъ правиламъ юридическаго искусства, со внесеніемъ подрядчиками законныхъ залоговъ и т. д. Затѣмъ, контрактъ этотъ былъ разосланъ, черезъ Мельникова и начальниковъ отдѣленій, дистанціоннымъ офицерамъ съ предписаніемъ составить смѣты, по урочному положенію, на развозку по линіи дороги матеріаловъ изъ упомянутыхъ пунктовъ, выбирая ближайшій къ мѣсту работъ.

Оказалось, что въ отдаленныхъ мѣстахъ работъ шпалы обходились бы отъ 4 до 5 руб. за штуку, тогда какъ дѣйствительная стоимость шпалы не превышала, въ то время, 30 коп.

Мельниковъ не замедлилъ донести Клейнмихелю о безобразномъ контрактѣ, заключенномъ департаментомъ. Клейнмихель, уразумѣвъ, конечно, подкладку дѣла, не задумался ни минуты; онъ призвалъ къ себѣ подрядчиковъ и предложилъ три условія: или прогуляться по владимірскѣ, или отказаться отъ контракта, или поставить всѣ шпалы и доски по всей линіи, а не въ 3-хъ пунктахъ, съ надбавкою нѣсколькихъ процентовъ къ той цѣнѣ, которая значится въ контрактѣ.

Графъ Клейнмихель шутить не любилъ и былъ человѣкъ энергическій, который не преклонялся, вообще, передъ принципомъ «свершившагося факта» потому только, что тотъ или другой фактъ совершался съ соблюденіемъ установленныхъ формъ и правилъ. Характеръ и воззрѣнія графа были всѣмъ не безызвѣстны, а потому подрядчики, конечно, въ виду приличнаго внушенія, имъ сдѣланнаго, предпочли послѣднее предложеніе, съ надбавкою, кажется 40 проц. или 50, т. е. обязались на означенныхъ условіяхъ ставить поперечины по всей линіи, а не въ трехъ пунктахъ. Такимъ образомъ, цѣна на поперечины была установлена болѣе умѣренная въ предѣлахъ отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 40 к. или 1 р. 50 к.,—точныхъ цифръ не помню. Переходъ отъ перспективы въ 5 р. къ 1 р. 50 к. былъ, конечно, громадною побѣдою. Какъ же, въ дѣйствительности, совершилась операція поставки поперечинъ? Громовъ и Скрыбинъ, не шевелясь и не расходуя ни одной копѣйки, раздали поставку поперечинъ по линіи разнымъ другимъ подрядчикамъ. На самомъ невыгодномъ для нихъ участкѣ они сдали поставку поперечинъ одному подрядчику по 70 к. за штуку. Этотъ подрядчикъ раз-

даль поставку мелкимъ поставщикамъ по 25 и 27 к. Съ тѣхъ поръ прошло 45 лѣтъ, и цѣна поставки въ тѣхъ мѣстахъ не превышаетъ, кажется еще и теперь, 70 к. за штуку.

Что бы сказали современные юристы и юрисконсульты о поступкѣ Клейнмихеля? Насиліе! беззаконіе! произволъ! закричали бы они. Между тѣмъ, подрядчики не только не пострадали, а имѣли и при новыхъ условіяхъ огромный барышъ. Устроителямъ контракта, администраторамъ, конечно, дѣло это не прошло совершенно безнаказанно, но юридически всѣ были правы, и администраторы, и подрядчики. Клейнмихель былъ бичъ и наводилъ ужасъ на всякаго, кто стремился къ злоупотребленіямъ, и билъ его, какъ я уже сказалъ, въ корень.

Клейнмихеля упрекали въ грубой манерѣ обращенія съ людьми: между тѣмъ, онъ обладалъ особеннымъ тактомъ въ этомъ отношеніи, что случалось мнѣ наблюдать много разъ, такъ какъ во время его объѣздовъ Николаевской дороги ему всего чаще приходилось ночевать или обѣдать у меня. Съ одними онъ былъ дѣйствительно грубоватъ, съ другими же былъ вполне джентльменомъ; но на всѣхъ постоянно производилъ впечатлѣніе могущества, и это приносило большую пользу для всего, имъ управляемаго.

Клейнмихель, сознавая особенную горячность своего характера, нерѣдко допускалъ, чтобы доклады читалъ ему одинъ мелкій чиновникъ его канцеляріи, очень талантливый, но вышедшій, кажется, изъ писарей. Докладчикъ же, т. е. директоръ департамента или начальникъ отдѣленія, ожидалъ въ это время взгляда Клейнмихеля на представленный докладъ. Если Клейнмихель былъ недоволенъ докладомъ, то или рвалъ его тутъ же на клочки, или срывалъ свое сердце на чтецѣ доклада.

Въ послѣднія времена, разныя газеты, находясь въ полномъ невѣдѣніи, при всякомъ удобномъ случаѣ, глумятся надъ памятью Клейнмихеля. Опроверженія на разный, печатаемый ими вздоръ, которыя я дѣлалъ, газеты не помѣщаютъ на томъ основаніи, что законъ не ограждаетъ памяти умершихъ, и я являюсь въ этомъ случаѣ совершенно постороннимъ человѣкомъ.

Еще недавно, одна газета, для очерненія характера Клейнмихеля, привела фактъ, представляющій вопіющій вздоръ, который она выдала за истину. Я написалъ опроверженіе, котораго, конечно, газета не помѣстила, а цензурный комитетъ, а равно и главное управленіе по дѣламъ печати, не имѣя на подобные случаи твердаго закона, не сочли себя въ правѣ обязать газету къ напечатанію означеннаго опроверженія.

Мое опроверженіе заключалось въ слѣдующемъ, которое считаю не лишнимъ, вообще, привести здѣсь.

Въ одной газетѣ напечатана была статья, подъ заглавіемъ: «Изъ прошлаго», г. Александровымъ. Статья эта представляетъ такую вопиющую неправду, что каждый порядочный человекъ, имѣющій возможность опровергнуть ее, обязанъ исполнить это. Я находился на Николаевской ж. д. въ продолженіе 12 лѣтъ, съ самаго начала ея постройки, и былъ товарищемъ Журавскаго. Поэтому я и принимаю эту обязанность на себя. Изложенные въ статьѣ факты полная выдумка, неизвѣстно откуда заимствованная.

Статья повѣствуетъ, что главноуправляющій графъ Клейнмихель, сопровождая императора Николая Павловича, ѣздившаго первый разъ по Николаевской ж. д., для осмотра ея работъ, не приказалъ назначить остановку поѣзда на Мстинскомъ мосту, строителемъ котораго былъ молодой инженеръ Журавскій, не пользовавшійся будто бы любовью Клейнмихеля за то, какъ намекаетъ г. Александровъ, что этотъ инженеръ обладалъ всестороннимъ образованіемъ, особеннымъ умомъ и энергіей, и что его-де держали въ вѣдомствѣ путей сообщенія по необходимости. Обиженный будто бы такимъ распоряженіемъ Клейнмихеля, Журавскій задумалъ насолить ему и рѣшился самопроизвольно и нагло остановить царскій поѣздъ на построенномъ имъ мосту.

Между тѣмъ, вотъ дѣйствительные факты:

1) Журавскій строилъ мостъ не черезъ Мсту, а черезъ Веребью.
2) Клейнмихель не только не недолюбливалъ Журавскаго, а гордился имъ, какъ гордился имъ и директоръ постройки инженеръ-генераль Мельниковъ (впослѣдствіи министръ), и они оба относились къ Журавскому съ особеннымъ почетомъ.

3) Никакой, однако, необходимости въ Журавскомъ не было. Мосты, подобные тому, который строилъ Журавскій, возводились и на другихъ пунктахъ Николаевской ж. д., напримѣръ: на Мстѣ и Сходнѣ, а также на Волховѣ, Волгѣ и Тверцѣ. Слѣдовательно, въ способныхъ и дѣльныхъ инженерахъ-строителяхъ недостатка не было.

4) Самымъ выдающимся сооруженіемъ на Николаевской ж. д. былъ, конечно, мостъ черезъ Веребью, который имѣлъ 25 сажень высоты и 275 саж. длины, построенный по особой, новой американской системѣ. Подобнаго сооруженія не было тогда ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ. Этимъ сооруженіемъ желали блеснуть графъ Клейнмихель и Мельниковъ, и потому, на этомъ мосту, была назначена остановка, особенно продолжительная, въ сравненіи съ другими пунктами. Чтобы видѣть всю грандіозность сооруженія, надо было спуститься въ долину рѣчки Веребья; для этого и было все приготовлено для государя. Государь спустился внизъ, прошелъ поперекъ всю долину и, такимъ образомъ, увидѣлъ картину моста во всемъ блескѣ.

5) Въ то время, когда государь шелъ по долинѣ, съ одного берега

на другой, поѣздъ долженъ былъ переѣхать мостъ на противоположную сторону. Мостъ, только-что оконченный, былъ, конечно, превосходно окрашенъ, и все блестяло; но не гармонировали съ этимъ блескомъ лишь ржавыя рельсы, по которымъ не было еще ѣзды, шлифующей ихъ; главному десятнику, находившемуся при постройкѣ моста, показалось это некрасивымъ и, не будучи, конечно, знакомъ съ условіями движенія паровозовъ, онъ выкрасилъ рельсы, передъ самымъ проходомъ поѣзда, черной масляной краской. Само собою разумѣется, что какъ только поѣздъ въѣхалъ на мостъ, то колеса паровоза стали буксовать. Тогда немедленно бросились рабочіе стирать краску и посыпать рельсы пескомъ. Все это происходило тогда, когда государь переходилъ долину по низу. Такимъ образомъ, задержки въ остановкѣ противъ росписанія не было, и государь тутъ же поздравилъ Журавскаго съ чиномъ подполковника и крестомъ св. Владиміра.

Вотъ истина.

Между тѣмъ, газета приписала Клейнмихелю низкое, изъ какой-то злобы на молодого подчиненнаго, намѣреніе не показывать государю самое важное на Николаевской ж. д. сооруженіе, и что, въ довершеніе всего, Клейнмихель посадилъ Журавскаго на одинъ мѣсяцъ на гауптвахту, тогда какъ ничего подобнаго не было.

Еще при жизни Клейнмихеля кто-то пустилъ въ ходъ одинъ анекдотъ, который, послѣ его смерти, выдавался газетами за истину. Клейнмихель былъ необыкновенно аккуратенъ въ исполненіи назначаемыхъ имъ, для того или другаго, часовъ, и приказывалъ напоминать ему объ этомъ. Вотъ однажды, ночью, кажется, въ Вышнемъ-Волочкѣ, ему доложили, что пора ѣхать туда, куда было назначено.

— Еще рано, — сказалъ Клейнмихель, посмотрѣвъ на свои часы, поставленные по Петербургскому времени.

— Нѣтъ, не рано, ваше сіятельство; по здѣшнему меридіану уже столько-то часовъ.

— Что за глупости, чтобы каждый городишко имѣлъ свой меридіанъ, — отвѣтилъ Клейнмихель и приказалъ переводить свои часы, во время его путешествія, по мѣстнымъ меридіанамъ.

И вотъ недоброжелатели Клейнмихеля вздумали цитировать его отвѣтъ, какъ фактъ будто бы вопіющаго его невѣжества.

По поводу нѣсколькихъ, высказанныхъ мною эпизодовъ, я вспоминаю одинъ фактъ, имѣющій связь съ усами, которыхъ до Клейнмихеля инженеры не имѣли права носить.

Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, бывшій репетиторомъ при Институтѣ путей сообщенія изъ какого-то второстепеннаго предмета, сталъ появляться на репетиціи съ обязанными платкомъ щеками, сильно не выбритыми.

Мы полагали, что у него болят щеки или зубы, и, наконецъ. долгое время, пересталъ показываться на репетиціи. Одинъ изъ посѣтившихъ этого офицера разсказалъ, что онъ засталъ его дома выбритымъ, но съ отросшими значительно усами, и что онъ объявленъ женихомъ молодой дѣвушки, баронессы Т..., дочери директрисы Патриотическаго института. Въ это время, случилось, что государь посѣтилъ Патриотическій институтъ, и молодая баронесса была представлена государю, какъ невѣста. Государь поздравилъ ее; но въ ту же минуту баронесса бросилась на колѣни, сказавъ, что она имѣетъ большую просьбу.

— Что такое?—спросилъ государь.

— Ваше величество, окажите милость, разрѣшите носить усы моему жениху.

Понятно, что государь разсмѣялся; но относительно его отвѣта версій было много, клонившихся не въ пользу молодой баронессы.

Однако, по прошествіи года, или нѣсколько болѣе, появился приказъ Клейнмихеля о разрѣшеніи инженерамъ носить усы.

И такъ, — уже изъ тѣхъ немногихъ приведенныхъ фактовъ сдѣланной мною правдивой характеристики графа Клейнмихеля, которую, конечно, подтвердятъ всѣ лица, служившія въ его время, — онъ былъ, какъ видно, въ высшей степени замѣчательный администраторъ.

Но графу Клейнмихелю можно сдѣлать одинъ весьма важный упрекъ: онъ реформировалъ Институтъ путей сообщенія и обусловилъ тѣмъ начало его паденія, въ чемъ помогало ему угодливое новое начальство Института, не нашедшее въ себѣ смѣлости и духа разъяснить Клейнмихелю прежнее высокое значеніе этого заведенія, которое, до того времени, пользовалось уставомъ, подобнымъ уставу Парижской политехнической школы, каковой уставъ послѣдней остается до сихъ поръ почти неприкосновеннымъ со временъ Наполеона I, а школа эта, конечно, можетъ считаться наилучшимъ образовательнымъ и воспитательнымъ заведеніемъ во всемъ мірѣ.

Обращаюсь теперь къ Мельникову. Блестящія способности, быстрота соображенія и вообще талантливость Мельникова были замѣчены еще тогда, когда онъ учился въ Институтѣ путей сообщенія. Тогдашній главноуправляющій, герцогъ Александръ Виртембергскій, посѣщавшій нерѣдко Институтъ, не разъ вызывалъ Мельникова послѣ окончанія лекціи и приказывалъ ему повторить сейчасъ же лекцію, только что оконченную профессоромъ, по предметамъ высшей математики или механики. Герцогъ вообще гордился Мельниковымъ, и репутація послѣдняго была такъ громка, что имъ гордилось все вѣдомство путей сообщенія. Его служебный путь былъ, можно сказать, триумфальнымъ шествіемъ. Мельниковъ былъ сначала репетиторомъ, впоследствии бле-

стящимъ профессоромъ прикладной механики, и въ то же время исполнялъ разныя порученія. Такъ, напримѣръ, когда былъ снесенъ бурей верхній куполъ Троицкаго собора, то ему поручено было построить новый куполъ, который онъ выстроилъ по своей, очень остроумной, системѣ, и который до сихъ поръ, болѣе полустолѣтія, стоитъ цѣль и невредимъ. Модель этого купола можно видѣть въ музеѣ Института путей сообщенія.

Когда въ Европѣ начали строить желѣзныя дороги, то Мельникова отправили за границу для изученія ихъ. По возвращеніи, онъ продолжалъ быть профессоромъ въ Институтѣ; но когда императоръ Николай Павловичъ рѣшилъ уже строить желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Москву, Мельникова вновь отправили за границу, поручивъ ему, по его же предложенію, ознакомиться преимущественно съ дорогами въ Соединенныхъ Штатахъ.

По возвращеніи въ этотъ разъ Мельникова изъ Америки, неотлагательно былъ рѣшенъ вопросъ о постройкѣ дороги между Петербургомъ и Москвою, и онъ назначенъ былъ начальникомъ Сѣверной дирекціи, отъ Петербурга до Бологова, а начальникомъ Южной дирекціи былъ назначенъ Крафтъ.

Во время производства работъ, Мельниковъ, хотя и не былъ единственнымъ начальникомъ всей дороги, но, не менѣе того, онъ положительно былъ душою всего дѣла и учителемъ всего и всѣхъ по техническимъ вопросамъ, и учителемъ великимъ. Въ то время, какъ я уже упоминалъ выше, на Николаевской дорогѣ не было ни одного инженера, не только знакомаго съ постройками желѣзныхъ дорогъ, но и выдаваго ихъ кромѣ игрушки—Царкосельской дороги. А какъ построена Николаевская дорога,—извѣстно всему свѣту. Этотъ фактъ доказываетъ и силу учителя, а равно, какъ было уже сказано выше, основательное образованіе инженеровъ, дававшееся до того времени въ Институтѣ путей сообщенія.

Система управленія Мельниковымъ отличалась полнымъ отсутствіемъ формализма, бюрократизма и педантизма. Производители работъ были абсолютно избавлены отъ переписки, а потому могли вполне отдаваться своему дѣлу. Единственная письменная обязанность производителя работъ заключалась въ написаніи, разъ въ мѣсяцъ, одного неизбѣжнаго рапорта: «деньги на жалованье», или «разѣзды, присланныя при такомъ-то предписаніи, получены и на приходъ такою-то статью въ книгу записаны». Мельниковъ очень часто объѣзжалъ работы, входилъ самъ во все и на мѣстѣ давалъ разрѣшенія. Но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ стѣснялъ инициативу производителей работъ; напротивъ, онъ всячески поощрялъ въ нихъ инициативу и радовался, когда они придумывали что-нибудь новенькое, или дѣлали въ проектахъ какое-либо

измѣненіе къ лучшему. Такимъ образомъ, онъ не только управлялъ работами, но и сознательно готовилъ людей къ самостоятельной дѣятельности.

Всѣ подчиненные не только любили и искренно уважали Мельникова, но, можно сказать, обожали его.—Долгое время инженеры жили по деревнямъ въ крестьянскихъ избахъ, въ глуши, нерѣдко среди лѣсовъ и болотъ и безвыѣздно проводили тамъ годы. Мельниковъ сильно вліялъ на поддержаніе духа и на поднятіе нравственной стороны своихъ подчиненныхъ. Его посѣщенія работъ были, въ полномъ смыслѣ слова, праздниками для инженеровъ. Онъ проводилъ по нѣсколько дней вмѣстѣ со всѣми въ избѣ. Зачастую всѣ спали въ повалку на полу, на сѣнѣ или соломѣ,—покрытыхъ чѣмъ Богъ послалъ. Нетребовательность Мельникова въ отношеніи собственнаго комфорта была, можно сказать, легендарною; напримѣръ, несмотря на свои годы и высокое занимаемое имъ въ то время положеніе, онъ не имѣлъ своего экипажа и разѣзжалъ по работамъ на перекладныхъ тарантасикахъ. Будучи человѣкомъ высоко-образованнымъ, путешествовавшимъ за границей,—что въ то время была большая рѣдкость—и видѣвшимъ многое, онъ, во время своихъ посѣщеній, рассказывалъ такъ, что мы заслушивались. Его взгляды были возвышенны, глубоко нравственны и чисты. Вообще Мельниковъ дѣйствовалъ на своихъ подчиненныхъ обаятельно, и его принимали за образецъ, которому всякій хотѣлъ уподобиться.

По поводу системы управленія Мельниковымъ своею Сѣвѣрною дирекцію, гдѣ онъ абсолютно изгналъ бюрократизмъ, я долженъ сказать, что на Южной дирекціи, которою управлялъ Крафтъ, характеръ управленія былъ діаметрально противоположный;—тамъ царилъ отчаянный бюрократизмъ, переходящій за предѣлы возможности.

Но прежде нежели характеризовать степень этого бюрократизма, я расскажу нѣчто объ отношеніяхъ, существовавшихъ между Мельниковымъ и Крафтомъ.

Мельниковъ и Крафтъ оба были выдающимися инженерами, имѣвшими громкую репутацію, и среди высшаго начальства, и среди корпуса инженеровъ, какъ людей свѣдущихъ, умныхъ, честныхъ и благородныхъ; вотъ ихъ-то и намѣтилъ гр. Толь для предполагавшейся постройки Николаевской ж. д., а потому и послалъ ихъ вмѣстѣ въ Америку. Однако, почти всѣмъ казалось, что Мельниковъ стоитъ нѣсколько выше по необыкновенно-блестящимъ своимъ способностямъ, ширинѣ взглядовъ и даже по образованію. Кромѣ того, онъ имѣлъ уже извѣстность практическаго строителя, пріобрѣтенную замѣчательною и имъ самимъ придуманною системою постройки Троицкаго купола, и затѣмъ былъ блестящимъ профессоромъ практической механики, о чемъ я уже упоминалъ въ своемъ мѣстѣ.

Мельниковъ и Крафтъ были совершенно противоположныхъ характеровъ. Мельниковъ былъ человекъ общительный, откровенный. Крафтъ, наоборотъ, былъ человекъ не экспансивный, сдержанный, скрытный и самый строгій формалистъ въ сношеніяхъ съ людьми.

Одинъ былъ вѣрнымъ представителемъ русскаго, веселаго характера и исключительнаго таланта; другой былъ представителемъ усилившаго, неподвижнаго нѣмецкаго педанта. Оба отправились въ путешествіе вмѣстѣ и работали сначала обоюдно, но, въ концѣ концовъ, разладили и развѣхались.

При исключительныхъ способностяхъ, Мельниковъ быстро научился англійскому языку и потому могъ легко входить въ сношенія съ американскими инженерами и вообще съ тамошними людьми, которыхъ привязывалъ къ себѣ простотой своего обращенія. А Крафту языкъ давался туго, и, по сдержанности своей, онъ не могъ привязывать людей.

Когда Мельниковъ и Крафтъ вернулись въ Петербургъ, то отталкивающія отношенія были настолько сильны, что они рѣшительно не видѣлись другъ съ другомъ, за исключеніемъ оффиціальныхъ встрѣчъ. Между тѣмъ постройку Николаевской ж. д. раздѣлили на двѣ половины и ввѣрили ихъ этимъ лицамъ.

Разладъ между ними былъ извѣстенъ гр. Толю при ихъ назначеніи, и, въ особенности, видѣлъ его гр. Клейнмихель. Когда онъ объѣзжалъ работы по Николаевскій ж. д., одинъ долженъ былъ откланиваться съ нимъ въ раздѣльномъ пунктѣ, въ Бологомъ, а другой встрѣчалъ его. При этихъ неизбежныхъ встрѣчахъ Мельникова и Крафта, они никогда не подавали другъ другу руки. Клейнмихель менажировалъ означенныя отношенія и никогда не сводилъ ихъ у себя вмѣстѣ, несмотря на общность интересовъ двухъ дирекцій.

Мельниковъ, какъ я уже упоминалъ, объѣзжалъ работы каждый мѣсяць, а не рѣдко и чаще, оставаясь иногда въ томъ или другомъ пунктѣ по нѣсколько дней. Вслѣдствіе этого, упрощались всѣ распоряженія по работамъ. Крафтъ же объѣзжалъ разъ въ годъ и то не всегда. Сообразно этому и начальники участковъ и дистанцій сносились исключительно на бумагахъ.

На пути между Петербургомъ и Москвою назначены были къ постройкѣ три станціи 1-го класса: Вишерская, Бологовская и Тверская, а между ними назначены были станціи 2-го класса: Любаньская, Окуловская, Спировская и Клинская. Пассажирскія станціи, какъ 1-го, такъ и 2-го класса, были одинаковы повсюду. Разница состоитъ въ томъ, что станція 1-го класса гораздо длиннѣе станціи 2-го класса.

Передъ приступомъ къ постройкѣ зданія, начальникъ дистанціи въ Клину получилъ отъ начальника участка чертежъ для Клинской станціи

2-го класса. Между тѣмъ, канцелярія участка выслала ему чертежъ пассажирской станціи 1-го класса, а надпись на этомъ чертежѣ гласила: Клинская станція 2-го класса.

Начальникъ дистанціи приступилъ къ работамъ, возвелъ фундаментъ и часть перваго этажа зданія. Тогда только начальникъ участка, при объѣздѣ линіи, замѣтилъ огромную ошибку. Оставалось, конечно, сломать часть возведеннаго зданія, за каковую работу надо было заплатить подрядчику; но изъ какихъ суммъ? Пока размышляли, какъ помочь горю, вскорѣ наѣхалъ Клейнмихель, которому, въ виду не рѣшеннаго еще ничѣмъ вопроса, не доложили о случившемся обстоятельстве. Клейнмихель, осмотрѣвъ за нѣсколько часовъ работы по Тверской станціи 1-го класса, пріѣхалъ на Клинскую станцію и, обходя работы, вдругъ остановился и спросилъ: «Развѣ, здѣсь, въ Клину назначена станція 1-го класса?» — Послѣ того умалчивать о случившемся грѣхъ было уже не возможно. Клейнмихель не приказалъ ломать излишне построеннаго, а разрѣшилъ продолжать строить пассажирское зданіе 1-го класса. Но начальникъ участка былъ удаленъ съ желѣзной дороги и получилъ другое назначеніе на Кавказѣ.

При посѣщеніи насъ Мельниковымъ, мы, дистанціонные офицеры, были въ полномъ курсѣ всего, чтò относилось до постройки дороги. И потому, если бы подобный канцелярскій промахъ случился на Сѣверной дирекціи, то начальникъ дистанціи тотчасъ увидалъ бы ошибку въ присланномъ чертежѣ и, конечно, до разъясненія дѣла, не приступилъ бы къ работамъ. Тамъ же, на Южной дирекціи, гдѣ господствовало бюрократическое отношеніе къ дѣлу, начальникъ дистанціи не былъ нисколько виноватъ: онъ исполнялъ полученное имъ предписаніе, въ полной увѣренности, что исполняетъ должное. Приведенный мною фактъ, кажется, довольно рельефно обрисовываетъ зло бюрократическихъ порядковъ.

Дорога была открыта въ концѣ 1851 года; она обошлась дорого, и невѣдающіе люди думали обвинять въ этомъ директоровъ работъ и вообще мѣстныхъ инженеровъ; между тѣмъ, тѣ и другіе были ни при чемъ: всѣ контракты заключались въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, т. е. въ учрежденіи бюрократическомъ и потому безответственномъ. Упрекали также директоровъ и инженеровъ въ медленности работъ; они и въ этой медленности ни при чемъ. Во-первыхъ, работы производились въ размѣрѣ, сообразномъ съ ассигнуемыми годовыми бюджетами, а въ теченіе 1848 и 1849 годовъ работы были почти совсѣмъ приостановлены, ибо суммы, которыя были ассигнованы на желѣзную дорогу, были обращены на венгерскую кампанію и на другія военныя потребности; во-вторыхъ, неисправность многихъ подрядчиковъ,—что замедляло ходъ работъ,—нисколько не зависѣла ни отъ директоровъ работъ, ни во-

обще отъ мѣстныхъ инженеровъ, ибо хозяйственной системы работъ на Николаевской дорогѣ не было.

По окончаніи Николаевской дороги, Мельниковъ былъ назначенъ начальникомъ изысканій отъ Москвы въ Крымъ съ подлежащими развѣтвленіями. Затѣмъ, по назначеніи главноуправляющимъ Чевкина, преемникомъ котораго явился Мельниковъ лишь въ 1862 году, ему мало приходилось работать собственно по прямой служебной дѣятельности. Въ этотъ промежутокъ времени онъ обратилъ свое вниманіе на развитіе частнаго пароходства по Волгѣ и организовалъ Волго-Донское Общество, которое, подъ его главнымъ руководствомъ, построило дорогу между Волгой и Дономъ и положило начало пароходству по Дону. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старался своими трудами содѣйствовать учрежденію Общества пароходства и торговли въ Черномъ морѣ для плаванія по немъ и за границу.

Въ 1862 году Мельниковъ былъ назначенъ главноуправляющимъ путями сообщенія. Первою его заботою было достигнуть устройства желѣзныхъ дорогъ правительствомъ; съ большимъ трудомъ онъ достигъ этого и распорядился постройкою дороги отъ Москвы до Курска. Но сферы, симпатизирующія концессионерамъ и враждебныя постройкѣ дорогъ правительствомъ, взяли верхъ. Мельниковъ былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ и былъ вынужденъ соглашаться на концессіи лицамъ, не представлявшимъ никакой гарантіи для правительства—ни матеріальной, ни нравственной. Наплывъ въ то время разныхъ учредителей, выльзшихъ изъ невѣдомыхъ щелей, можно считать не единицами, а многими десятками; сдѣлана была попытка къ ограниченію этихъ господъ, жаждавшихъ лакомага кусочка, но и это ограниченіе было обойдено подъ прикрытіемъ земствъ.

Я высказалъ большія достоинства и заслуги Мельникова, но справедливость требуетъ сказать, что онъ не былъ устойчиваго характера; онъ не жаловалъ борьбы и уступалъ большею частью натиску. Этой уступчивости и надо приписать раздачу желѣзныхъ дорогъ въ частныя руки, вопреки его взглядамъ; уничтоженіе извѣстныхъ правъ инженеровъ при ихъ выпускѣ и ограниченіе вообще сферы дѣятельности министерства путей сообщенія отдачею въ другія вѣдомства разныхъ отраслей вѣдѣнія сего министерства, которыя, къ сожалѣнію, по естественной причинѣ, и пришли нынѣ въ полный упадокъ.

Мнѣ хорошо извѣстны разсужденія Мельникова въ то время: «Да! ничего не подѣлаешь, надо уступать; но я угѣшаюсь тѣмъ, что неурядица скоро должна исчезнуть, ошибки можно впослѣдствіи исправить, и потери со временемъ тоже вознаградятся; но дороги нужны обширной

Россіи, она покроеся сѣтью, это главное, и каждая верста построенной желѣзной дороги есть благо».

Итакъ, Мельниковъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей, съ яснымъ и быстрымъ умомъ, былъ человѣкомъ, которымъ Россія можетъ гордиться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императоръ Николай I и Наполеонъ III.

(Изъ бумагъ генерала де-Кастельбажака, бывшаго посланникомъ въ Россіи) ¹⁾

получивъ извѣстіе объ іюльской революціи, императоръ Николай сказалъ г. Бургуену, повѣренному въ дѣлахъ Франціи въ Петербургѣ:

— Ну что же, получили ли вы извѣстія отъ вашего правительства, т. е. отъ г. генераль-лейтенанта? ²⁾, ибо я не признаю, какъ вамъ извѣстно, инаго порядка вещей и его одного считаю законнымъ.

Этими презрительными словами объясняется образъ дѣйствій, котораго держалась Россія въ теченіе восемнадцати лѣтъ по отношенію къ правительству Людовика-Филиппа.

Императоръ Николай, самодержавный монархъ, не могъ признать того, что онъ называлъ вѣроломствомъ герцога Орлеанскаго. Революціонные принципы, которые проповѣдывалъ сперва Филиппъ Эгалитэ, а затѣмъ Людовикъ-Филиппъ, возбуждали въ немъ живѣйшее отвращеніе.

Хотя въ сношеніяхъ между монархами и появилось, впрочемъ, довольно поздно, обращеніе «*Monsieur mon frère*», но Николай I никогда не относился къ французскому королю какъ равный къ равному.

Поэтому революція 1848 г. и манифестаціи демагоговъ хотя и вызвали въ Россіи опасенія, но не заставили ее пожалѣть о порядкѣ вещей, который былъ только терпимъ, но не признавался законнымъ.

¹⁾ Baron Durrieu. Nicolas I-er et l'avènement de Napoléon III. Papiers du général de Castelbajac, Ambassadeur en Russie. См. „Le Carnet historique et littéraire“, Paris. Avril 1901. № 4.

²⁾ Карлъ X былъ назначенъ послѣ казни Людовика XVI генераль-лейтенантомъ королевства.

Таково было положеніе дѣлъ, когда принцъ-президентъ назначилъ въ 1849 г. полномочнымъ посланникомъ и чрезвычайнымъ посломъ въ Россію генерала маркиза де-Кастельбажака ¹⁾, коего рекомендовалъ его старый другъ и товарищъ по оружію, министръ иностранныхъ дѣлъ генераль de la Hitte.

Генераль Кастельбажакъ былъ, если можно такъ выразиться, провозвѣстникомъ франко-русскаго союза, который онъ всегда восхвалялъ; объ этомъ свидѣлствуютъ его депеши; всѣ авторы, писавшіе о военныхъ и дипломатическихъ событіяхъ того времени, какъ-то Тувенель, Сорель, de Saint-Amand, говорятъ единогласно, что онъ старался воздѣйствовать въ этомъ смыслѣ на свое правительство.

Поэтому не лишено интереса привести нѣкоторые отрывки изъ его переписки съ французскими и русскими дипломатами за 1850, 1851 и 1852 гг. и ноты, коими обмѣнялись между собою въ то время министры иностранныхъ дѣлъ той и другой державы. Эти письма сообщены намъ маркизомъ де-Кастельбажакомъ, сыномъ генерала, который сопровождалъ своего отца въ Петербургъ въ качествѣ чиновника, состоявшаго при посольствѣ.

Въ донесеніи, посланномъ принцу-президенту, тотчасъ по пріѣздѣ въ Россію, генераль де-Кастельбажакъ набросалъ великолѣпный портретъ императора Николая I.

«Императоръ, — пишетъ онъ, — человекъ несомнѣнно выдающійся какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи; это дѣйствительно тотъ набожный, человеколюбивый, твердый и просвѣщенный самодержецъ, какой необходимъ для обширной Россійской имперіи при настоящихъ условіяхъ ея цивилизаціи и совершающагося въ ней соціального движенія; онъ стоитъ также, насколько это возможно для человека въ переживаемое нами тревожное время, вполне на высотѣ той роли, каковую ему приходится волей неволей играть въ серьезныхъ революціонныхъ осложненіяхъ, волнующихъ Европу. Его физическая и нравственная дѣятельность изумительна: онъ посѣщаетъ учебныя заведенія, больницы, госпитали, канцеляріи министерствъ, мастерскія, ка-

---

¹⁾ Маркизъ Арманъ де-Кастельбажакъ родился въ замкѣ Рико (Rica) въ департ. Верхнихъ Пиренеевъ, 12-го іюня 1787 г., скончался въ 1864 г.; онъ началъ карьеру блестящимъ образомъ, совершивъ во времена Имперіи всѣ кампаніи, служа въ легкой кавалеріи, и былъ назначенъ Карломъ X командиромъ 1-го драгунскаго полка. Выйдя въ отставку въ 1830 г., онъ вновь поступилъ на службу въ 1837 г., былъ послѣдовательно генераль-инспекторомъ кавалеріи и командующимъ 11-й дивизіи въ Бордо, смѣщенный въ 1848 г. временнымъ правительствомъ, онъ удалился въ свое имѣніе de Caumont, гдѣ онъ и получилъ указъ принца-президента о назначеніи его посланникомъ въ Россію.

зармы, гауптвахты, появляясь въ нихъ неожиданно во всякое время дня и ночи, то пѣшкомъ, то въ саняхъ или дрожкахъ, совершенно одинъ; и даже его камердинеръ зачастую не знаетъ, куда онъ ѣдетъ. Онъ гуляетъ также каждый день одинъ, по улицамъ въ толпѣ, и послѣдній изъ его подданныхъ можетъ подойти къ нему и подать ему прошеніе, на которое, въ большинствѣ случаевъ, получается отвѣтъ черезъ сутки.

«Императоръ Николай держитъ себя съ благородствомъ, достоинствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ сердечной привѣтливостью; у него великодушное и доброе сердце, но онъ неумолимъ по отношенію къ тѣмъ, кто его обманываетъ; онъ находилъ, что король Людовикъ-Филиппъ поступилъ относительно его не вполне рыцарски, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ преданностью къ законной монархической власти, было причиною, что онъ относился къ Франціи, во все продолженіе этого царствованія, скорѣе какъ рыцарь, нежели какъ политикъ и монархъ, принося въ жертву своему отвращенію къ человѣку великій принципъ — поддержанія монархической власти».

Маркизь де-Кастельбажакъ, какъ военный генераль, имѣлъ гораздо чаще, нежели посланники прочихъ великихъ державъ, случай видѣть императора на парадахъ и кавалерійскихъ ученіяхъ, на которые Николай всегда приглашалъ французскаго посланника. Этихъ двухъ людей сближала любовь къ военной службѣ, доходившая у нихъ до страсти, и серьезный интересъ, съ какимъ они относились къ вопросамъ, касающимся организаціи войска; это создало между ними взаимное довѣріе, которое усугублялось возвышенностью ихъ характера и со временемъ значительно облегчило веденіе всегда щекотливыхъ дипломатическихъ переговоровъ.

Между тѣмъ какъ генераль де-Кастельбажакъ упорчивалъ такимъ образомъ свое положеніе въ Петербургѣ, событія приняла во Франціи серьезный оборотъ. Нелѣпая конституція, которая сдѣлала невозможными сношенія между президентомъ республики и палатою, раздвоеніе верховной и исполнительной власти и въ особенности появившійся на горизонтѣ призракъ социализма увеличивали затруднительное положеніе правительства, которое твердо рѣшило водворить въ странѣ порядокъ.

Дезорганизація, которую систематически поддерживали Луи Бланъ, Прудонъ, Консидеранъ, дѣйствовавшіе по камертону Мадзини, находила приверженцевъ въ рядахъ самой умѣренной партіи. То было время, когда виконтъ Гюго, нѣкогда пэръ Франціи, склонился къ интернаціонализму, который былъ въ модѣ въ извѣстной средѣ.

Въ составѣ министерства произошла перемѣна, мѣсто генерала de la Hitte, личнаго друга генерала де-Кастельбажака, занялъ маркизь Тюрго, который писалъ въ Петербургъ 1-го ноября 1851 г.:

«Благодаря Бога, новый кабинетъ состоитъ изъ людей, любящихъ порядокъ и чрезвычайно энергичныхъ, которые рѣшили не отступать передъ криками и запальчивостью, коими намъ угрожаетъ палата; мы будемъ бороться до конца, но если насъ низвергнуть, то я опасуюсь, что послѣ насъ останутся только одни социалисты».

1-го декабря 1851 г., наканунѣ государственнаго переворота, министръ иностранныхъ дѣлъ написалъ, въ самой палатѣ, нижеслѣдующія строки, смыслъ которыхъ понятея самъ собою:

«Это жалкое маленькое министерство, которымъ такъ пренебрегали, убѣдилось наконецъ въ томъ, что палаты безсильны сдѣлать что-либо полезное для страны.

«Продолжая еще существовать фактически, палата уже утратила всѣ свои законныя права. Общественное мнѣніе за насъ, и мы увѣрены, что никакія зажигательныя парламентскія рѣчи не могли бы вновь возжечь пламя. Около двухсотъ членовъ палаты уже явились къ намъ, чтобы увѣрить насъ въ своей готовности оказать намъ, въ случаѣ надобности, свое содѣйствіе; большинство будетъ на нашей сторонѣ, когда мы сочтемъ нужнымъ къ нему обратиться за его содѣйствіемъ. Чтобы ни случилось, рассчитывайте вполнѣ на твердость правительства и на осторожность, съ какою оно постарается распутать сильно затянутый узелъ, нить котораго мы держимъ въ своихъ рукахъ. Успокойте окружающихъ, если они тревожатся».

Случай, о которомъ онъ говорилъ, долженъ былъ вскорѣ представиться; Каваньякъ, Бедо, Лефло и Тьеръ, конечно, не ожидали сюрприза, который готовили имъ Морни, Мопа, Сентъ Арно и Персиньи.

Принцъ Людовикъ-Наполеонъ, вполнѣ увѣренный въ себѣ и рѣшившій идти до конца въ усовершенствованіи французской правительственной системы, хотѣлъ однако знать, какое впечатлѣніе произвели послѣднія событія на русское правительство.

Къ тому же, Киселевъ ¹⁾, странное поведеніе котораго ставило нерѣдко въ неловкое положеніе маркиза Тюрго и Нессельроде, продлилъ болѣе, нежели было принято, свою чисто-дипломатическую болѣзнь.

Но чувства императора Николая были гораздо опредѣленнѣе взглядовъ его уполномоченнаго, и Тюрго писалъ де-Кастельбажаку 31-го декабря:

«Благодарю васъ за увѣреніе, что его императорское величество узналъ съ удовольствіемъ о событіи 2-го декабря, которое получило нынѣ одобреніе семи съ половиной милліоновъ голосовъ. Повѣрьте, любезный генераль, и въ особенности постарайтесь, чтобы и

---

¹⁾ Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, тогдашній посолъ нашъ въ Парижѣ.

другіе повѣрили, что Франція, отрѣшившись отъ тѣхъ химеръ, которымъ она такъ долго предавалась, возвращается, вопреки всѣмъ стараніямъ партій, къ порядку и къ монархической власти, которая одна можетъ побѣдить анархію. Францію угнетаютъ съ 1848 года негодяи, которые, не имѣя болѣе возможности пускаться въ ходъ обманчивыя въ ихъ устахъ слова общественное благо и свобода, ненавидятъ все честное и порядочное. Мы хотимъ мира, порядка, труда: вотъ въ чемъ мы полагаемъ наше самолюбіе, нашу славу, и мы этого достигнемъ, я въ томъ увѣренъ. Постарайтесь убѣдить въ этомъ его величество, и вы окажете этимъ большую услугу нашей странѣ. Я не прошу васъ жаловаться на г. Киселева ¹⁾, не скрываете, однако, что, по нашему мнѣнію, онъ относится къ Франціи несправедливо и что свѣдѣнія, доставляемые имъ, несомнѣнно пристрастны, такъ какъ всѣ люди, съ которыми онъ находится въ личныхъ и дружескихъ отношеніяхъ, принадлежатъ къ тѣмъ партіямъ, отъ которыхъ мы отдѣлились съ помощью Божіей и нашей доблестной арміи».

Хотя императоръ Николай Павловичъ былъ доволенъ ударомъ, нанесеннымъ демагогу принцемъ Людовикомъ-Наполеономъ, но все же онъ былъ сильно озабоченъ очевиднымъ стремленіемъ новаго правительства возстановить императорскую власть; онъ все еще былъ сторонникомъ идей священнаго союза.

Не подлежитъ сомнѣнію, что французскій темпераментъ не особенно мирится съ монархомъ *in partibus*, и страна, избравъ себѣ главу, коему она вручила управленіе, не придавала уже особеннаго значенія его титулу.

Тувенель, сообщая де Кастельбажаку объ одномъ разговорѣ своемъ съ Киселевымъ, писалъ:

«Онъ сказалъ мнѣ, что императоръ Николай и петербургскій кабинетъ опасаются, какъ бы принцъ не поддастся соблазну и не пошелъ по стопамъ своего дяди и чтобы насильственное похищеніе власти не испортило съ одной стороны прекрасное его поприще, а съ другой не нарушило бы всеобщій миръ. Я тотчасъ съ живостью повторилъ слова «насильственное похищеніе власти» и спросилъ Киселева, считаетъ ли онъ преступнымъ тотъ фактъ, что принцъ уступилъ желанію народа, выраженному въ законной формѣ».

¹⁾ 29-го января 1852 г., Тувенель, бывшій въ то время директоромъ министерства иностранныхъ дѣлъ, писалъ о Киселевѣ: „Онъ отдаетъ справедливость качествамъ Людовика-Наполеона, его поступкамъ и издаваемымъ имъ декретамъ, но, связанный издавна съ политическими дѣятелями стараго заката, онъ не можетъ не раздѣлять ихъ довѣрія, освободиться отъ связи съ этими людьми, которыхъ привыкли считать оракулами общественнаго мнѣнія и которые такъ жестоко ошиблись относительно общественнаго мнѣнія всей Франціи“.

Послѣ трехъ лѣтъ тревоженій и броженія умовъ, Франція нуждается прежде всего въ покоѣ; ей необходимо позаботиться о возмѣщеніи денежныхъ потерь, о заключеніи торговыхъ договоровъ и извлеченіи изъ нихъ всевозможныхъ выгодъ; ей необходимо добиться того, чтобы ея сношенія съ иностранными державами сдѣлались болѣе дружественны. Хотя принцъ Людовикъ-Наполеонъ приступилъ къ выполненію своихъ плановъ довольно круто, но огромное большинство населенія, т. е. масса ремесленниковъ, земледѣльцевъ и вообще всѣхъ тѣхъ, кто живетъ средствами страны, а не любители легкой наживы почувствовали значительное облегченіе и стали надѣяться на лучшее будущее.

Генералъ де-Кастельбажакъ, въ конфиденціальной депешѣ отъ 1-го января 1852 г., увѣрялъ Тюрго, что извѣстіе о государственномъ переворотѣ, совершившемся во Франціи, было встрѣчено въ Петербургѣ весьма сочувственно.

«Императоръ Николай, узнавъ о переворотѣ, громко высказалъ свое удовольствіе:—О, молодецъ!—воскликнулъ онъ, говоря о Людовикѣ-Наполеонѣ. Послѣ того, какъ было предложено отмѣнить законъ 31-го мая, въ «Journal de St. Pétersbourg» помѣщались однѣ недоброжелательныя къ Франціи статьи, извлеченныя изъ «Times'a» и «la Correspondance Belge»; послѣ же переворота было достаточно замѣчанія, сдѣланнаго мною графу Нессельроде, чтобы въ томъ же журналѣ помѣщались только однѣ сочувственныя статьи къ Франціи и къ принцу-президенту. Если въ поведеніи г. Киселева замѣчается еще нѣкоторая сдержанность, обусловленная тѣми взглядами, какіе онъ предполагаетъ въ своемъ монархѣ, то я увѣренъ, что его собственные взгляды сильно измѣнятся послѣ полученія писемъ отъ канцлера '»).

При своихъ строгихъ принципахъ и открытости своего характера, императоръ Николай допускалъ существованіе во Франціи только законной монархіи или республики, и ужь, разумѣется, онъ былъ не республиканецъ.

Но его личная антипатія къ королю Людовику-Филиппу еще усиливала его предубѣжденіе противъ орлеанскихъ принцевъ, коихъ онъ считалъ, вслѣдствіе ихъ отказа подчиниться существующему порядку, болѣе чѣмъ когда-либо представителями революціонныхъ принциповъ и парламентскаго образа правленія.

Императоръ Николай, прежде всего христіанинъ и европеецъ, же-

') .Я сообщу вамъ окончательно взглядъ графа Нессельроде, который, относясь вполне довѣрчиво къ тѣмъ извѣстіямъ, которыя онъ получаетъ непосредственно отъ насъ, бываеъ повергнутъ иной разъ донесеніями Киселева въ недоувѣріе, совершенно несвойственное съ его любовью къ спокойствію". (Письмо Тувенеля къ генералу де-Кастельбажаку, отъ 29-го февраля 1852 г.).

лалъ сохраненія христіанской цивилизаціи, но, несмотря на свое явное предпочтеніе къ старшей линіи Бурбоновъ, онъ долженъ былъ убѣдиться послѣ голосованія 20-го декабря въ безсиліи графа Шамбора въ данномъ случаѣ и въ популярности принца Людовика-Наполеона.

Эта популярность, или, лучше сказать, власть, пріобрѣтенная имъ, не внушала петербургскому кабинету тѣни подозрѣнія; но Николай I, съ юныхъ лѣтъ и даже съ дѣтства, былъ предубѣжденъ противъ имперіи; къ тому же официальные и секретные договоры, заключенные союзными монархами, направляли его желанія въ другую сторону. Врожденное ему великодушіе и личное его благоволеніе къ президенту не могли пересилить его отвращенія къ слову имперія, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, положеніе, созданное государственнымъ переворотомъ 2-го декабря, было превосходно во всѣхъ отношеніяхъ, и французское правительство, никѣмъ не тревожимое въ то время, не имѣло никакой надобности принять форму правленія.

— Все, что будетъ вызвано необходимостью,—говорилъ онъ,—и что будетъ сдѣлано въ интересахъ соціальнаго порядка, будетъ законно и увѣнчается успѣхомъ; все то, что будетъ предпринято безъ этой настоятельной необходимости, будетъ безразсудно и пагубно.

Однако, взглядъ русскаго правительства мало-по-малу измѣнялся въ пользу поворота, совершавшагося въ общественномъ мнѣніи Франціи подъ вліяніемъ текущихъ событій, и всѣ возраженія императора Николая были направлены не противъ самой сущности, а противъ внѣшней стороны вопроса.

Графъ Нессельроде послалъ Друену-де-Люису длинную ноту, написанную съ неподобною ясностью и опредѣленностью; не безъинтересно будетъ привести изъ нея отдѣльныя мѣста:

«Мы не имѣемъ ни права, ни притязанія указывать французскому народу, какую именно форму правленія онъ долженъ избрать въ своихъ собственныхъ интересахъ. Это вопросъ, касающійся исключительно однихъ французовъ и до котораго намъ нѣтъ дѣла. Нельзя сказать того же о вопросѣ династическомъ и о цифрѣ, имъ принимаемой, которая будетъ свидѣтельствовать о возстановленіи во Франціи династіи; послѣднее касается событій, актовъ, обязательствъ, цѣлой совокупности международныхъ отношеній, къ коимъ Европа не относится и не можетъ относиться равнодушно и коими она не можетъ пренебрегать.

«Допустивъ, что наслѣдникъ Наполеона не приметъ цифру V, во всякомъ случаѣ и цифра III также затрогиваетъ исторію. Намъ говорить, что фактически и по праву императоръ Наполеонъ II царствовалъ, что отъ его имени издавались указы, акты и т. п.; это могутъ признавать во Франціи, но для Европы это совсѣмъ иное дѣло. Для Европы царствованіе Наполеона I прекратилось съ 1815 года; слѣдовательно,

онъ не могъ отречься отъ престола, въ 1815 г., въ пользу своего отсутствующаго сына, который въ силу этого не царствовалъ въ глазахъ остальнаго міра ни фактически, ни по праву....

«Итакъ, два историческихъ факта и два случая общественнаго права, смѣло и рѣшительно противопоставленные другъ другу. Франція въ правѣ желать Наполеона; ея правительство можетъ заявить намъ объ этомъ; но въ то же время пусть онъ не говоритъ, что въ новомъ положеніи нѣтъ ничего, что могло бы вызвать возраженіе со стороны Европы.

«Посланіе принца-президента къ сенату написано откровеннѣе; въ этомъ надобно отдать ему справедливость. Онъ говорилъ въ немъ ясно и опредѣленно, безъ всякихъ софизмовъ и словоизверженій, что, возстановляя императорскую династію, Франція возстановляла сознательно то, что Европа ниспровергла, и что она мститъ этимъ за 1815 годъ....

«Повторяю еще разъ, мы цѣнимъ благотѣльное вліяніе, какое актъ 2-го декабря оказалъ на поддержаніе всеобщаго спокойствія; со своей стороны, мы требуемъ, чтобы французское правительство не преувеличивало чрезмѣрно опасности, намъ угрожающія, и наши обязательства по отношенію къ нему до такой степени, чтобы сдѣлать намъ уступки, не соотвѣтствующія нашему достоинству».

Какъ видимъ, русская дипломатія, вынужденная признать, что возстановленіе имперіи было естественнымъ событіемъ, проистекавшимъ изъ цѣлаго ряда благопріятныхъ обстоятельствъ, дошла до того, что ей приходилось придавать значеніе только формѣ или той или другой цифрѣ.

Впрочемъ, еще до полученія въ Парижѣ ноты Нессельроде, плебисцитъ высказался за имперію 7.800.000 голосовъ противъ 250.000. Поэтому Друенъ-де-Люисъ могъ насмѣшливо писать Киселеву въ отвѣтъ на ноту Нессельроде, сообщенную ему русскимъ посланникомъ:

«Благодарю васъ за сдѣланное вами сообщеніе, которое принято мною какъ сообщеніе чисто личное, дружеское и понято въ этомъ смыслѣ. Императоръ не читалъ его.

«Люди, желающіе придти къ соглашенію, должны объясниться между собою для предупрежденія въ будущемъ прискорбныхъ разногласій или ложныхъ толкованій. Всякое же объясненіе, если оно является послѣ совершившагося факта, бываетъ неумѣстно и можетъ породить еще большее разногласіе и придать объясненію нежелательный смыслъ. Я не послѣдую въ этомъ случаѣ примѣру графа Нессельроде и скажу только, что я нахожу его ноту написанною весьма изящнымъ слогомъ».

Имперія была создана, но отношенія французскаго министерства къ иностраннымъ были въ теченіе нѣсколькихъ дней натянуты, не столько

въ смыслѣ признанія европейскими правительствами происшедшей перемѣны по существу, сколько по отношенію къ самой формѣ этого признанія. Нерѣшительность, выказанная тремя сѣверными дворами въ вопросѣ о признаніи за императоромъ французовъ титула «Наполеонъ III», задержала, сравнительно, довольно на долго посылку вѣрительныхъ грамотъ французскимъ дипломатамъ.

Генераль де-Кастельбажакъ совѣтовалъ даже порвать политическія сношенія съ Россіей въ случаѣ, ежели между нею и дворами прусскимъ и австрійскимъ состоялось бы болѣе тѣсное соглашеніе.

Императоръ Николай, поздравляя французскаго посланника чрезъ посредство своего канцлера «съ неподлежащей сомнѣнію кончиною республики и съ восшествіемъ на престолъ принца Людовика-Наполеона», очевидно хотѣлъ этимъ дать понять свое явное нежеланіе, чтобы новая династія носила имя Наполеона.

Съ другой стороны, читая депеши, посланныя русскому кабинету его посланниками въ Берлинъ и Вѣнѣ, становится яснымъ, что духъ священнаго союза все еще одушевлялъ потомковъ тѣхъ людей, кои были побѣждены при Іенѣ, Аустерлицѣ и Ваграмѣ.

Англія, содѣйствіемъ которой державы старались заручиться въ этомъ случаѣ, отнеслась къ Франціи любезнѣе и выказала пожалуй болѣе политической дальновидности, отрѣшившись отъ нравственныхъ и дѣйствительно уже нѣсколько устарѣвшихъ узъ, кои соединяли ее съ европейскимъ концертомъ трактатами 1815 г. и Вѣнскимъ конгрессомъ.

Но дворы прусскій и австрійскій, находясь въ зависимости отъ Россіи, не рѣшились взять на себя отвѣтственность въ окончательномъ и безусловномъ признаніи императора Наполеона III; поэтому, этотъ вопросъ обсуждался во Франціи исключительно съ русской точки зрѣнія.

Хотя Николай I въ частномъ письмѣ къ императору отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ объ его личныхъ качествахъ и его умѣніи руководить событіями, но самая форма этого письма показывала, что русскій императоръ не признавалъ титула, принятаго Наполеономъ III.

Императоръ Наполеонъ не отвѣчалъ лично на это письмо или, лучше сказать, повременилъ отвѣтомъ; въ Парижѣ вскорѣ были получены вѣрительныя грамоты, написанныя хотя и съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ не совсѣмъ обычныхъ подробностей во внѣшней формѣ, но коими, во всякомъ случаѣ, официально былъ признанъ титулъ, избранный самимъ императоромъ французовъ.

Въ сущности, французское правительство въ значительной степени было обязано этимъ генералу де-Кастельбажаку, который велъ всѣ переговоры съ большимъ тактомъ и сдержанностью, не придавая особен-

наго значенія формальной сторонѣ дѣла. Наполеонъ III былъ чрезвычайно признателенъ ему за это.

Знаменитыя вѣрительныя грамоты, данныя Киселеву, въ коихъ императоръ Николай называлъ Наполеона III не братомъ, а своимъ добрымъ другомъ, были представлены Наполеону 5-го января 1853 г. Новый императоръ съумѣлъ скрыть неприятое впечатлѣніе, испытанное имъ, вѣроятно, по поводу отступленія отъ общепринятыхъ между монархами обычаевъ.

Онъ держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, что это заставило всѣхъ безпристрастныхъ людей признать, что въ этомъ случаѣ умѣніе держать себя и выдержка оказались на его сторонѣ.

Николай I сдѣлалъ крупную ошибку въ тотъ моментъ, когда союзъ съ Франціей могъ бы имѣть для Россіи весьма выгодныя послѣдствія.

Генераль Кастельбажакъ оставался французскимъ посланникомъ вплоть до объявленія Крымской войны; онъ всѣми силами старался покончить вопросъ о Святыхъ мѣстахъ почетнымъ для обѣихъ сторонъ образомъ, но всѣ его усилія сломились о твердую волю русскаго императора.

Впрочемъ, Николай I высоко цѣнилъ качества французскаго посланника и—фактъ, неслыханный въ лѣтописяхъ дипломатіи,—послалъ ему, въ знакъ своего личнаго уваженія, орденъ св. Александра Невскаго 1 ст., въ тотъ самый день, когда произошелъ разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Франціей.

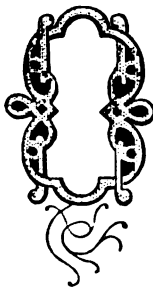

Воспоминанія протоіероєя І. І. Базарова.

VIII 1).

Прибытіє въ Карлсруэ великой княгини Ольги Ѳеодоровны.—Генераль Константинъ.—Прїѣздъ І. І. Базарова въ Петербургъ для помѣщенія сына въ семинарію.—Студенческія движенія 1860—1861 г.г.—Графъ Путятинъ министр народнаго просвѣщенія.—Священникъ Гумилевскій.—Рецензія на книгу „Библейская исторія“.—Возраженіе на нее І. Базарова.—Мысль объ изданіи заграничнаго духовнаго журнала.

Осенью 1860 года моя высочайшая ученица великая княгиня Ольга Ѳеодоровна прибыла на родину въ Карлсруэ, и какъ вскорѣ затѣмъ пришло извѣстіе о тяжелой болѣзни императрицы Александры Ѳеодоровны, а потомъ и ея кончинѣ, вслѣдствіе чего наша великая княгиня Ольга Николаевна поспѣшно отправилась въ Петербургъ, то насъ вызвали въ Карлсруэ для совершенія панихиды. Мнѣ было чрезвычайно интересно увидать прежнюю принцессу Цецилію послѣ двухлѣтняго пребыванія ея въ Россіи православною русскою великою княгиней. Хотя за это время у насъ не прекращалась съ нею усердная переписка, служившая какъ бы продолженіемъ моихъ религіозно-нравственныхъ наставленій, тѣмъ не менѣе мнѣ утѣшительно было увидать на опытѣ, что моя высочайшая ученица стала искренне православною, совершенно русскою, вполнѣ великою княгинею.

Въ эту зиму мнѣ удалось познакомиться въ Стутгартѣ съ однимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. То былъ нашъ артиллерійскій генераль

1) См. „Русскую Старину“ іюнь 1901 г.

Константиновъ, извѣстный своею ученостію и своею необычайною толщиною. Помню, какъ мы разъ съ нимъ были на Рейнѣ и поднимались къ замку Штольценфельсъ близъ Кобленца. Для подъема на эту крутую гору обыкновенно предлагаются туристамъ ослы. И мой спутникъ Константиновъ попробовалъ возсѣсть на одно изъ этихъ животныхъ. Но на котораго изъ нихъ онъ ни влѣзетъ, тотъ падаетъ подъ нимъ на всѣ четыре ноги. Наконецъ, привели ему мула, но и его должны были два проводника тащить за узды, а два другіе подталкивать сзади, чтобы втащить такую тяжесть на вершину горы. Въ другой разъ у меня съ нимъ случилось смѣшное приключеніе въ Стутгартѣ, тоже вслѣдствіе этой непомятой толщины его. Повелъ я его въ одинъ музей, въ которомъ входъ былъ устроенъ чрезъ турникетъ, обозначающій число входящихъ посѣтителей. Константиновъ, хотя и видѣлъ, что ему трудно будетъ пролѣзть сквозь эту вертушку, однако попробовалъ и завязъ въ ней, но такъ, что ни назадъ, ни впередъ. Тогда онъ понатужился и со всей этой машиной ввалился въ музей, конечно, сломавъ весь проходъ, за что долженъ былъ поплатиться, такъ какъ нѣмцы не соглашались принять въ расчетъ его толщину, какъ смягчающее въ этомъ случаѣ обстоятельство. Изъ своей служебной и научной практики Константиновъ рассказывалъ мнѣ много интереснаго. Между прочимъ, онъ рассказывалъ, какъ ему не удалось фейерверкъ на коронаціи въ Москвѣ. Ему было отпущено на это 200.000 рублей, и дана была цѣлая команда для приготовления и сожженія фейерверка. Назначенъ былъ и день для этого въ ряду другихъ празднествъ. Но противъ этого Константиновъ сейчасъ же запротестовалъ, справедливо говоря, что назначенный задолго день можетъ оказаться неудобнымъ для такого зрѣлища, или дождь или туманъ могутъ помѣшать. Тогда ему назначили три дня, изъ которыхъ въ одинъ онъ непременно долженъ былъ сжечь свой фейерверкъ. И дѣйствительно, первый изъ назначенныхъ дней былъ дождливый, второй—туманный. Насталъ послѣдній; дожда не было, не было и тумана, но зато былъ сильный вѣтеръ, дувшій какъ разъ въ сторону зрителей.

— И вотъ, говорилъ онъ, когда я зажегъ свой фейерверкъ, дымъ попалъ прямо на палатки высочайшихъ особъ, и онѣ изъ моего искусства не видали ничего, и данные мнѣ для этого 200.000 рублей пошли на воздухъ безъ цѣли.

Одинъ разъ приходитъ онъ ко мнѣ и говорить:

— Прощайте. Я ѣду въ Парижъ стрѣлаться съ Брегетомъ!

Оказалось, что Константиновъ изобрѣлъ какой-то очень мудреный снарядъ для измѣренія скорости полета ядра и заказалъ для этого разныя умашины у извѣстнаго фабриканта Брегета въ Парижѣ. Вдругъ онъ знаетъ, что такой же точно снарядъ готовится въ Лондонѣ какимъ-

то ученымъ. По мнѣнію Константинова, Брегетъ выдалъ или продалъ его секретъ и его изобрѣтеніе въ Англію, и если это такъ, то онъ вызоветъ его на дуэль. Отправился онъ туда и потомъ, вернувшись, рассказалъ мнѣ, что Брегетъ ничѣмъ не виноватъ, что англичанинъ по извѣстному совпаденію идей, когда два челоуѣка на двухъ противоположныхъ концахъ свѣта заняты бываютъ тою же мыслью, попалъ на ту же самую математическую формулу, какъ и Константиновъ. Но, дорожа честію этого изобрѣтенія, онъ отправился въ Лондонъ и предложилъ своему сопернику рѣшить третейскимъ судомъ, кто изъ нихъ двухъ раньше началъ думать и приводить въ исполненіе новоизобрѣтенный способъ. На основаніи представленныхъ съ обѣихъ сторонъ документовъ, третейскій судъ рѣшилъ, что честь первенства въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ русскому генералу. Протоколъ этого рѣшенія былъ опубликованъ въ газетахъ, и Константиновъ торжествовалъ, гордяся тѣмъ, что доставилъ славу русскому имени. Но каково же было его разочарованіе, когда онъ получилъ вслѣдъ за этимъ изъ Россіи строжайшій выговоръ отъ своего начальства, которое поставляло ему на видъ, что онъ не имѣлъ права предавать гласности дѣло, взятое правительствомъ въ свои руки, и что онъ самъ, Константиновъ, посланный за границу на казенный счетъ, не имѣлъ болѣе права собственности на это изобрѣтеніе и потому не въ правѣ былъ и защищать публично честь своего изобрѣтенія, не испросивъ напередъ на то разрѣшенія отъ правительства. Такъ смотрѣли у насъ въ то время на дѣятельность людей, состоявшихъ на службѣ, приравнивая ихъ личность къ слѣпымъ орудіямъ правительственной машины.

Въ 1861 году мнѣ предстояла забота объ опредѣленіи старшаго сына моего, которому теперь исполнилось 16 лѣтъ, въ семинарію. Судя по его серьезному не по лѣтамъ характеру, я очень надѣялся на расположеніе его къ духовному званію. Напрасно меня отговаривали отъ этого мои родные и знакомые, выставляя на видъ, что мой сынъ не такъ воспитанъ, чтобы отдавать его въ семинарію и посвящать въ духовное званіе. Послѣднее особенно возмущало меня.

— Напротивъ, говорилъ я всѣмъ, я хотѣлъ бы дать сыну моему самое блестящее воспитаніе, чтобы онъ могъ посвятить его на свою дѣятельность въ духовномъ званіи. И какъ бы хорошо и полезно было привлекать въ наше званіе побольше людей съ хорошимъ воспитаніемъ.

И я рѣшилъ осенью везти сына моего въ Петербургскую семинарію.

Такъ какъ мой сынъ былъ заранѣе записанъ въ семинарію и приготавлился дома къ поступленію въ среднее отдѣленіе, по тогдашнему въ философскій классъ, то онъ былъ принятъ безъ экзамена изъ личнаго, какъ мнѣ сказали, довѣрія ко мнѣ. Чтобы семинарская жизнь не показалась ему, воспитанному въ родительскомъ домѣ за границею, слишкомъ

дикою, я помѣстилъ его въ семьѣ моего товарища по академіи, священника такъ называемой надворотной церкви, П. А. Горизонтова, у котораго былъ сынъ почти однихъ лѣтъ съ моимъ.

Но я попалъ съ нимъ въ Петербургъ въ самое смутное время студенческаго движенія, какъ и вообще начинавшагося броженія умовъ въ нашей молодежи. Я давно уже опасался этого и былъ доволенъ, что мои подроставшіе сыновья находились при мнѣ внѣ Россіи, вдали отъ тѣхъ тлетворныхъ вліяній, которыя въ это время заражали наше юношество. Помню, какъ за годъ передъ тѣмъ къ намъ явился въ Стутгартъ одинъ изъ представителей этого новаго у насъ направленія, студентъ Харьковскаго университета, прїѣхавшій гувернеромъ въ одно русское семейство, проживавшее въ Стутгартѣ. Здѣсь, кромѣ молодыхъ мальчиковъ, вѣрннхъ его воспитанію, онъ встрѣтилъ нѣсколько юношей русскихъ, обучавшихся въ здѣшнихъ гимназіяхъ, отъ 16 до 19 лѣтъ. И вотъ онъ принялся, по тогдашнему выраженію, развивать эту молодежь. Разъ,—это было у меня въ одно изъ воскресеній, когда ко мнѣ собирались всѣ русскіе,—онъ собралъ вокругъ себя эту молодежь и началъ просвѣщать ее. Я со стороны наблюдалъ за этимъ и къ немалому удовольствію замѣтилъ, какую неблагоприятную для себя почву нашелъ этотъ носитель новыхъ идей въ моихъ молодыхъ людяхъ. Они слушали его, или ничего не понимая, или страшно скучая слышаннымъ. Дѣло въ томъ, что въ нѣмецкихъ школахъ воспитывается только трудолюбіе и интересъ къ ученію, которые дѣлаютъ юношей недоступными ни къ какимъ другимъ общественнымъ, а еще менѣе политическимъ вопросамъ. Даже среди университетской молодежи въ статутахъ ихъ корпорацій на первомъ планѣ стоятъ запрещеніе заниматься политикою. Къ этому ведетъ отчасти самый образъ жизни въ Германіи, гдѣ такъ благоразумно дѣти и вообще учащаяся молодежь удаляются отъ участія въ общественныхъ увеселеніяхъ, вслѣдствіе чего здѣшніе гимназисты даже старшаго возраста остаются долго еще дѣтьми, предаваясь съ бѣльшимъ увлеченіемъ какой-нибудь игрѣ въ мячъ, чѣмъ танцованію въ обществѣ молодыхъ дамъ. Оттого здѣсь молодые люди не только мужскаго, но и женскаго пола такъ долго сохраняютъ свою дѣтскую невинность и даже наивность. Меня всегда поражало это явленіе, которое можно наблюдать каждодневно въ Стутгартѣ, когда въ полдень оканчиваются классы, и съ одной стороны выходятъ изъ политехнической школы студенты, а съ другой высыпаютъ изъ екатерининскаго института толпы дѣвочекъ и дѣвицъ отъ 8-ми до 17-ти лѣтъ съ тетрадками и книжками въ мѣшкахъ. Эти юноши и дѣвицы встрѣчаются, сталкиваются, не обращая другъ на друга никакого вниманія, видимо занятые одними только своими школьными интересами. Когда при этомъ подумаешь, какія у насъ происходятъ исторіи между гимназистами и

гимназистками, когда читаешь въ газетахъ, что тамъ-то одинъ гимназистъ застрѣлся отъ любви, а другой лишилъ себя жизни отъ того, что не выдержалъ экзамена, невольно приходишь къ заключенію, въ какой здоровой атмосферѣ растетъ молодежь въ Германіи, и какая гнилая должна быть эта атмосфера у насъ въ Россіи. Да и немудрено, когда у насъ дѣтей, еще маленькихъ, приучаютъ на такъ называемыхъ дѣтскихъ балахъ къ тщеславію, разсѣянности и почти разврату, а въ возрастѣ отъ 12 до 16 лѣтъ не только воспитывающіеся въ семействахъ, но даже воспитанники учебныхъ заведеній, кадеты и пажи, танцуютъ на балахъ и принимаютъ дѣятельное участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ. На нашъ взглядъ и вкусъ нѣмцы—прескучный народъ, а между тѣмъ какъ многому мы могли бы поучиться у этого порядочнаго и солиднаго народа. Нѣмецкій характеръ—совершенный антиподъ русскаго, и потому русскій человѣкъ никогда не въ состояніи сдѣлаться нѣмцемъ, хотя бы онъ всю жизнь провелъ между нѣмцами; но зато, позаимствовавъ много хорошаго отъ нѣмца и вмѣстѣ утративъ многіе изъ своихъ національныхъ недостатковъ, онъ дѣлается не космополитомъ, но вполне порядочнымъ человѣкомъ, безъ славянской распущенности, но и безъ нѣмецкой угловатости. Вообще изъ всѣхъ слияній различныхъ національностей самый лучший результатъ даетъ сліяніе нѣмецкой съ русскою.

Студенческое движеніе 60-го года началось, какъ извѣстно, изъ-за матрикулъ, которыя вздумалъ ввести вновь назначенный министромъ просвѣщенія адмиралъ графъ Путятинъ. Только-что пріѣхавши изъ-за границы, я еще ничего не зналъ объ этомъ движеніи и потому очень былъ удивленъ, когда, отправляясь съ сыномъ въ семинарію, я увидалъ на Невскомъ проспектѣ слѣдующую картину. По троттуару, обращенному къ Гостиному двору, тянулась безконечная процессія студентовъ по два въ рядъ; по сторонамъ ея двигались въ извѣстномъ разстояніи полицейскіе. На мой вопросъ возшему насъ извозчику, что это такое? тотъ простодушно отвѣчалъ:

— А Богъ его знаетъ! Надо полагать, похороны какія.

Но то было, какъ я послѣ узналъ, шествіе *in cogroge* всего университета въ Колокольную улицу къ попечителю Филипсону съ протестомъ противъ матрикулъ, положившее начало дальнѣйшимъ беспорядкамъ въ зданіи университета и окончившееся закрытіемъ университета. Мнѣ случилось въ это самое время познакомиться лично съ графомъ Е. В. Путятинымъ. Имѣвъ порученіе отъ нашей великой княгини просить его за одного стутгартскаго нѣмца, пожелавшаго служить въ Россіи по учебной части, я явился къ министру въ моментъ его упорной борьбы съ профессорами университета за придуманную имъ мѣру, поведшую къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Я засталъ его съ воспаленными отъ слезъ глазами, съ дрожавшими губами и руками. Стараясь спокойно

выслушать мою просьбу, гр. Путятинъ нервно тербилъ свои бакенбарды, произнося смиренно одну только фразу:

— Что же-съ! я готовъ сдѣлать, что можно-съ!

Это первое впечатлѣніе личности министра, а болѣе извѣстнаго моряка и даже дипломата, было мнѣ крайне загадочно и даже неприятно. Видѣть лицо, столь высоко поставленное, и при томъ въ такую трудную минуту совсѣмъ какъ будто растерявшимся—было крайне и жалко и досадно. Послѣ, когда я ближе познакомился съ графомъ, я могъ лучше уяснить себѣ его характеръ. Не одаренный отъ природы блестящими способностями, онъ былъ закаленнымъ слугою долга. Про него, какъ моряка, извѣстно было, что онъ былъ строгъ до жестокости съ своими подчиненными. Помню, какъ извѣстный нашъ синологъ, архимандритъ Аввакумъ, не могъ безъ слезъ рассказывать объ одномъ происшествіи на кораблѣ, случившемся на его глазахъ во время плаванія въ японскихъ водахъ. Одинъ матросъ провинился чѣмъ-то, и Ефимъ Васильевичъ Путятинъ, тогда еще не графъ, послалъ его на верхъ мачты. Бѣдный матросикъ полетѣлъ далеко въ море.

— И что же вы думаете,—прибавлялъ со слезами о. Аввакумъ,—нашъ Путятинъ только махнулъ рукой со словами: «туда и дорога!»

А между тѣмъ, Путятинъ вовсе не былъ жестокимъ по сердцу. Какъ семьянинъ, онъ былъ любящимъ отцомъ, какъ христіанинъ—самый смиренный исполнитель предписаній церкви. Въ послѣднемъ отношеніи онъ проводилъ свою обычную строгость дисциплины до крайнихъ предѣловъ и потому былъ поклонникомъ папской системы, не переставая быть искренно православнымъ. Мнѣ случалось видѣть его въ такомъ раздраженіи, при чемъ у него тряслись губы и на глазахъ выступали слезы, когда рѣчь заходила о деспотизмѣ въ католической церкви. Тутъ онъ не могъ удержать себя, защищая верховный авторитетъ въ церкви, безъ котораго, по его убѣжденію, не можетъ существовать церковь. А между тѣмъ онъ былъ смиреннымъ почитателемъ православныхъ обрядовъ и особенно іерархіи. Со многими изъ нашихъ и восточныхъ владыкъ онъ былъ знакомъ лично, и всѣ его уважали и почитали, какъ ревнителя православія. До назначенія министромъ народнаго просвѣщенія, графъ Путятинъ находился въ Лондонѣ въ качествѣ нашего повѣреннаго по дѣламъ морскаго вѣдомства. Женатый на англичанкѣ, онъ пользовался тамъ большою симпатіей и съ своей стороны сочувствовалъ многому хорошему въ англійскихъ учрежденіяхъ. Но его симпатіи были направлены не на либеральную сторону этихъ учреждений, а туда, гдѣ царила строгая и даже суровая дисциплина. Поэтому онъ впоследствии опредѣлилъ своего старшаго сына въ Оксфордскій университетъ, плѣвившись строгою замкнутостью и почти монастырскою дисциплиною въ этомъ

высшемъ палладіумѣ науки въ Англіи. Подъ этими-то впечатлѣніями онъ хотѣлъ ввести строгую дисциплину и въ русскіе университеты. Къ несчастію, онъ попалъ на постъ министра въ такую эпоху, когда у насъ, послѣ строгаго режима предшествовавшаго царствованія, все стремилось вздохнуть свободно, и Путятинъ съ своею энергіею въ проведеніи своихъ принциповъ долженъ былъ пасть предъ всеобщою распатанностью общества тогдашняго времени.

Въ это время и на церковной почвѣ стали появляться энергичскіе дѣятели, старавшіеся провести въ жизнь новыя начала. Съ однимъ изъ такихъ дѣятелей мнѣ пришлось познакомиться въ Петербургѣ. То былъ, повидимому, одинъ изъ заурядныхъ приходскихъ священниковъ на Пескахъ о. Гумилевскій. При тогдашней безжизненности нашей церкви онъ сразу обратилъ на себя всеобщее вниманіе своею смѣлою дѣятельностью сначала только въ своемъ приходѣ. Онъ началъ съ того, что обратилъ вниманіе на нищенство на паперти своей церкви и разъ, идя на службу, онъ взялъ одного изъ такихъ нищихъ за руку, возвелъ его съ собою на церковную кафедру и тутъ же обратился къ своимъ прихожанамъ съ сильною рѣчью о томъ, какъ непростительно богатымъ и достаточнымъ проходить въ храмъ мимо нищей братіи, не думая помочь бѣднякамъ такъ, чтобы они не принуждены были на паперти протаскивать руку къ мимоходящимъ прихожанамъ за милостынею, и въ заключеніе предложилъ устроить церковное попечительство о бѣдныхъ. Предложеніе это было охотно принято, и при церкви на Пескахъ образовалось первое церковное попечительство съ домовъ призрѣнія, церковною школою и затѣмъ больницею. Дѣло это было тогда такъ ново, что обратило на себя всеобщее вниманіе и сочувствіе. Но именно по своей новости оно не понравилось духовному начальству, не понравилось особенно потому, что инициативу въ такомъ общественномъ дѣлѣ взялъ на себя простой приходскій священникъ, не испросивъ напередъ ни разрѣшенія, ни благословенія церковной власти. А между тѣмъ въ это время стали появляться и другіе храбрецы самостоятельной пастырской дѣятельности. Такъ, между прочимъ, рассказывалъ мнѣ о себѣ В. П. Полисадовъ, бывшій тогда протоіереемъ Петропавловскаго собора.

— Иду я,—говорилъ онъ,—разъ въ соборъ къ обѣднѣ. Былъ воскресный день. У Троицкаго моста вижу я цѣлую толпу рабочихъ, почиивающихъ мостовую. Это возмутило меня. Я остановился, подозвалъ рабочихъ къ себѣ и началъ говорить имъ, какъ они смѣютъ нарушать праздникъ работою во вредъ себѣ и на соблазнъ другимъ? На ихъ оправданіе, что ихъ заставляетъ начальство работать, я отвѣтилъ, что въ дѣлѣ Божьемъ начальство тутъ—я. Сейчасъ же бросайте работу и за мной въ церковь. Приведа эту толпу за собой въ соборъ, я прямо вошелъ

*

на кафедре и произнесъ проповѣдь о святости воскреснаго дня, не пощадивъ словъ обличенія противъ тѣхъ, кто заставляетъ людей работать въ праздники.

За эту храбрость отцу Полисадову пришлось отвѣчать передъ консисторіею по жалобѣ полиціи за его уличное самоуправство. Но за него былъ законъ, предписывающій блюсти воскресные дни, и онъ былъ оправданъ. Но не такъ было съ о. Гумилевскимъ. На него пошли разнаго рода гоненія, можетъ быть вызывавшія и съ его стороны извѣстнаго рода раздражительность, кончившіяся тѣмъ, что его сослали изъ Петербурга въ Шлиссельбургъ, откуда, впрочемъ, его послѣ возвратили по настоятельной просьбѣ прихожанъ; но уже было поздно. Надломленныя силы и прибавившееся къ этому отчаяніе, выразившееся, какъ говорятъ, въ свойственномъ въ такихъ случаяхъ русскому чело-вѣку утѣшеніи выпиванія рюмочки, скоро свели этого преждевременнаго борца за правду жизни въ могилу. О. Гумилевскій вмѣстѣ съ пастырскою дѣятельностью предпринялъ было и литературную, начавъ издавать духовный журналъ «Духъ христіанина», въ которомъ онъ думалъ проводить свѣтлыя понятія въ жизнь церкви. Я хотѣлъ было сотрудничать ему въ этомъ дѣлѣ и послалъ въ его журналъ статью подъ заглавіемъ: «Духъ христіанства въ церковной жизни православнаго народа», въ которой я старался освѣтить въ сознаніи простыхъ людей всѣ ихъ религіозные обычаи и привычки, начиная съ крестнаго знаменія, полагаемаго крестьяниномъ даже на рту, при званіи, и до самыхъ важныхъ отправленій религіознаго культа. Но статья эта была возвращена мнѣ редакціею съ помѣткою цензора: «статью эту, какъ заключающую въ себѣ много мыслей темныхъ, неточныхъ и невѣрныхъ, печатать въ этомъ видѣ не позволяется».

Впослѣдствіи въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ о. Гумилевскій писалъ: «Я все тружусь такъ же, какъ и прежде. Изъ-за епархіальнаго листка на меня воздвиглось гоненіе, но я не падаю духомъ о укрѣпляющемъ меня Иисусѣ. Слово—сѣмя, посеешь—выростетъ. Вѣдь и вы не остаетесь безъ гоненій. Въ Москвѣ сдѣлали тяжелый отзывъ по поводу вашего протеста. Таковы-то эти высокоумные мудрецы наши. Имъ все бы системы списывать, да другихъ чернить. О, Богъ имъ судья и будетъ надъ ними судъ. Какъ-то они выдержатъ, если ужъ такъ испугались слабого пера какого-нибудь приходскаго священника въ родѣ меня. Не оставьте нашъ журналъ вашимъ теплымъ сочувствіемъ и пришлите что-нибудь—особенно по благотворительной части, которая такъ мало извѣстна еще у насъ. Враговъ у нашего журнала очень много, но зато много и друзей. Уже дважды оберъ-прокуроръ требовалъ въ Синодѣ запрещенія нашего журнала все изъ-за меня, лѣтописца, да владыка еще поддержалъ. Что будетъ, не знаю, но буду честно трудиться до

конца. Попросите вашего умнаго о. діакона (Репловскаго) еще подарить насъ статейкою въ родѣ критики на Чельцова. Не оставляйте вашей доброй мысли о заграничномъ русскомъ духовномъ журналѣ. Вѣрьте,—дѣло пойдетъ не такъ, какъ у парижскаго Уніона (L'Union chrétienne). Въ иностранныхъ языкахъ мы не сильны, а русскій знаемъ и любимъ. Если состоится дѣло ваше, во мнѣ найдете честнаго пегербургскаго корреспондента. Что бы еще написать вамъ? Дѣлъ такъ много, что голова кругомъ идетъ. Помолитесь обо мнѣ, чтобы Господь помогъ мнѣ въ моихъ трудахъ и начинаніяхъ. Духовное братство затѣваю, а сейчасъ берусь за новую затѣю о діакониссахъ. Не хочу, чтобы умерло дѣло, которое уже болѣе полугода совершается у меня въ приходѣ. Все готово,—лица есть,—остановка въ средствахъ. Уповаю не на людей, а на Господа, потому что люди только препятствуютъ, да и не можетъ быть иначе. Мы такъ погрязли въ эгоизмѣ, что все намъ кажется эгоистическимъ. Вѣрно, вѣкъ ужъ таковъ. Такъ надобно идти наперекоръ вѣку!»

Гоненіе на меня, о которомъ упоминаетъ о. Гумилевскій въ этомъ письмѣ, состояло въ слѣдующемъ. Послѣ того, какъ мою книжку «Библейскую Исторію» премировали въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, я обратился въ Св. Синодъ съ просьбою ввести ее въ употребленіе и въ духовныхъ училищахъ. Синодъ предварительно поручилъ С.-Петербургской духовной академіи разсмотрѣть ее и представить о ней отзывъ конференціи; академія поручила это своему профессору церковной исторіи Чельцову, а тотъ, узнавъ, что моя книжка составлена по образцу нѣмецкой, такъ называемой «Calwer 52 biblische Geschichten», составленной моимъ пріятелемъ докторомъ Бартомъ въ Кальвѣ, извѣстнымъ миссіонеромъ и пietetомъ, по просьбѣ котораго я и сдѣлалъ этотъ переводъ на русскій языкъ,—узнавъ обо всемъ этомъ и заподозривъ въ этомъ замѣчательномъ фактѣ злонамѣренную пропаганду протестантизма, вооружился всею силою своей профессорской учености противъ мнимой тенденціи оригинала и также безпощадно напалъ и на переводчика, обвиняя его не только въ сочувствіи къ этой тенденціи, но прямо въ рационализмъ и невѣріи. По счастью, онъ такъ зарвался и заврался, въ своей рецензіи, что мнѣ нетрудно было не только опровергать его, но даже обличить его самого въ невѣжествѣ и даже въ погрѣшности противъ евангельскаго текста. Когда мнѣ сообщенъ былъ текстъ этой рецензіи, я пришелъ въ негодованіе и подаль отъ себя протестъ въ конференцію академіи, прося ее заставить профессора Чельцова отказаться отъ многихъ словъ и выраженій въ его рецензіи, оскорбительныхъ для моего сана, моей личности и моего званія магистра богословія. У меня сохранилась черновая этого протеста, и я тѣмъ охотнѣе, даже теперь, по прошествіи почти 30-ти лѣтъ, выписываю здѣсь нѣкоторыя

особенно сильныя мѣста, что, подавая этотъ протестъ, я дѣйствительно рисковалъ воздвигнуть противъ себя гоненіе, отъ котораго нѣкогда не освободился въ подобномъ случаѣ и такой человекъ, какимъ былъ Г. П. Павскій, бывший законоучителемъ наслѣдника всероссійскаго престола. Во введеніи къ этому протесту я писалъ: «Я предпринимаю это состязаніе съ г. рецензентомъ не столько для того, чтобы защищать свой трудъ, который, конечно, дорогъ каждому по праву собственности, сколько для того, чтобы обратить вниманіе конференціи академіи на несправедливость многихъ изъ тѣхъ обвиненій, которыя взводятся рецензією какъ на самую книжку вообще, такъ и на издателя оной. Г. рецензентъ, отдавъ надлежащую справедливость нѣмецкому оригиналу, подавшему мнѣ поводъ издать подобную книжку и на русскомъ языкѣ, вооружается противъ духа протестантства, который, по его мысли, чувствуется уже и въ разбираемомъ (нѣмецкомъ) руководствѣ для дѣтей. Онъ говоритъ, что этотъ духъ книжки составляетъ существенный недостатокъ ея въ глазахъ каждаго безпристрастнаго христіанина. Такимъ образомъ г. рецензентъ съ самаго начала заподозриваетъ нѣмецкую книжку въ извѣстной тенденціи, а автора оной въ рационализмъ или, какъ онъ выражается, въ миѳическомъ богословіи. Не желая и не имѣя нужды ни защищать, ни оправдывать моего оригинала, я долженъ, однако, сказать, что предположенія рецензента касательно направленія протестантства въ настоящее время (въ 60-хъ годахъ) очень ошибочны, потому что не оправдываются дѣйствительностью. То, что рецензентъ называетъ «миѳическимъ богословіемъ», было явленіемъ переходнымъ въ нѣмецкой богословской школѣ, обнаружившимся въ 30-хъ годахъ въ Штраусѣ, и съ тѣхъ поръ загнаннымъ въ стѣны Тюбингенскаго университета, но вовсе не проникшимъ въ жизнь народа. Начиная съ 1848 и 1849 годовъ, рационализмъ въ Германіи почти совсѣмъ подавленъ и мало-по-малу беретъ перевѣсъ пietetизмъ, который не только не допускаетъ никакихъ миѳовъ въ библіи, но напротивъ такъ вѣруетъ въ букву оной, что нашъ соотечественникъ Хомяковъ въ своей знаменитой брошюрѣ «*Quelques mots par un chretien orthodoxe aux communions occidentales*» справедливо укоряетъ современныхъ протестантовъ въ фетишизмъ, смѣясь надъ ихъ рабскимъ поклоненіемъ буквѣ писанія. Если бы г. рецензентъ зналъ ближе о настоящемъ направленіи протестантства, онъ не сталъ бы напрасно подозрѣвать и автора книжки «*Biblische Geschichten*» въ томъ, будто для него исторія Іова или Товита были сказки, повѣсти или литературные вымыслы, на томъ одномъ основаніи, что эти рассказы не вошли въ собраніе его библейскихъ исторій. Правда, рецензентъ смягчилъ свой строгій приговоръ, вставивъ при этомъ слово вѣроятію. Но на основаніи вѣроятностей мы могли бы осуждать людей во многомъ и возводить ихъ

на костры, чему такой печальный примѣръ мы имѣемъ въ исторіи инквизиціи. Мнѣ же, близко знакомому съ авторомъ этой книжки, было больно выслушать такой несправедливый и обидный приговоръ о человѣкѣ почтенномъ, посвятившемъ всю свою жизнь на полезную дѣятельность по части христіанскихъ миссій, на распространеніе полезныхъ книгъ въ народѣ, и недаромъ украшеннаго знаками отличій почти всѣхъ европейскихъ государствъ и даже Анною 2-й степени и отъ нашего государя. Зная отъ самого автора, что эта книжка съ тѣмъ и была издана, чтобы противодѣйствовать духу раціонализма, прокравшемуся въ школы, я безбоязненно взялся по его настоятельной просьбѣ за изданіе ея и на русскомъ языкѣ. Но г. рецензентъ, задавшись мыслію, что авторъ нѣмецкой книжки, какъ протестантъ, долженъ быть зараженъ мнѣнческимъ богословіемъ, становится въ обвиненіяхъ противъ него все сильнѣе и сильнѣе, пока, наконецъ, не доходитъ до вопиющей несправедливости. А какъ рецензентъ замѣтилъ, что всѣ недостатки оригинала остались безъ исправленія въ переводѣ на русскій языкъ, то, очевидно, всѣ обвиненія противъ оригинала косвенно падаютъ и на мою книжку. Поэтому я и считаю священнымъ для себя долгомъ защищаться противъ этихъ обвиненій.

«Первое, что заставляеть рецензента заподозрѣвать оригиналъ (слѣдовательно, и переводъ) въ духѣ новѣйшаго направленія протестантства, есть то обстоятельство, что изъ среды ветхозавѣтныхъ исторій выпущены рассказы объ Іовѣ, Юдифи и т. п. (?). Но самъ же рецензентъ призналъ за этою книжкою «искусство въ наборѣ историческихъ свѣдѣній», а въ концѣ рецензіи назвалъ приличнымъ данное ей названіе: «Дважды 52 библейскія исторіи», слѣдовательно, если это не исторія, а исторіи, то нельзя и требовать, чтобы въ ней была полная исторія. Почему же рецензентъ не обвиняеть автора въ мнѣнческомъ богословіи за то, что онъ изъ числа судей разсказалъ объ одномъ только Гедеонѣ? Почему ему не показалось при этомъ, что исторіи Іевфая, Сампсона и подобныхъ въ глазахъ автора вѣроятно однѣ сказки, повѣсти, литературные вымыслы? Если нужно объясненіе особенно со стороны издателя русской книжки, почему въ нее не вошли исторіи Іова, Товита и Юдифи, то это оправдывается, во 1-хъ, тѣмъ, что изданная книжка дѣйствительно не есть полная исторія, а во-вторыхъ тѣмъ, что въ ней излагается непрерывная исторія народа Божія, въ которую Іовъ и Товитъ вошли бы какъ эпизоды, а Юдифь—какъ мелкая подробность. Замѣчу при этомъ, что исторіи Юдифи напрасно искалъ я и въ полной исторіи протоіерея Богословскаго, доставившей однако автору оной степень доктора богословія.

«Второе обвиненіе оригинала, а слѣдовательно и перевода состоитъ въ слѣдующемъ: «Притчи занимають едва-ли не половину мѣста (?);

бывъ перемѣшаны съ разсказами о дѣйствительныхъ событіяхъ, онѣ наводятъ на всю исторію какой-то призрачный колоритъ». Это обвиненіе—совершенная клевета. Во 1-хъ, по л о в и н у мѣста сказано очень неопредѣленно. Въ нѣмецкой книжкѣ притчи занимають три параграфа изъ 52 новозавѣтныхъ разсказовъ; въ русскомъ изданіи притчи составляютъ только одну статью на 48 другихъ и занимають только 6 страницъ на 210 всей книжки. Зачѣмъ же рецензентомъ сказано въ о ф ф и ц і а л ь н о м ѣ д о н е с е н і и конференціи академіи: «половину мѣста»? и какого мѣста? развѣ между разсказами о дѣйствительныхъ событіяхъ? Но и это неправда. Во 2-хъ, говорится, что, притчи перемѣшаны съ разсказами о дѣйствительныхъ событіяхъ. Что разумѣть подь словомъ перемѣшаны? То ли, что рядомъ съ притчею поставлено дѣйствительное событіе? Но этого не находится въ книжкѣ. Или слово перемѣшаны разумѣть такъ, что нѣкоторыя дѣйствительныя событія приняты за притчи и наоборотъ? Перваго рецензентъ утверждать не можетъ потому, что въ статьѣ о притчахъ онъ не найдетъ ни одного разсказа, котораго самъ Іисусъ Христосъ или евангелисты не назвали бы притчею. Вѣроятно же всего послѣднее, т. е. что г. рецензентъ самъ принялъ нѣкоторыя изъ дѣйствительныхъ событій за притчи и потому укоряетъ автора нѣмецкой и русской книжки, будто о н и перемѣшали притчи съ дѣйствительными событіями. Это предположеніе совершенно подтверждается замѣчаніемъ рецензента по поводу картинокъ къ разсказамъ о богатомъ и Лазарѣ и сострадательномъ Самарянинѣ, которые онъ называетъ притчами. Но я здѣсь имѣю случай доказать г. рецензенту справедливость моихъ словъ касательно направленія протестантства «въ наше время» вопреки его предположенію о какомъ-то «миѣическомъ богословіи», существующемъ только въ книгахъ, да, можетъ быть, въ головахъ какихъ-нибудь Professoren, какъ ихъ въ насмѣшку называютъ здѣсь сами же нѣмцы. Протестантъ «нашего времени», т. е. представитель большинства вѣрующихъ христіанъ въ Германіи, не возьметъ на свою совѣсть назвать притчею ни разсказа о богатомъ и Лазарѣ, ни повѣствованія о милосердномъ Самарянинѣ, и почему? Потому что въ евангеліи не сказано, чтобы это были притчи. И авторъ русской книжки въ свою очередь не берется назвать этихъ повѣствованій притчами, — тѣмъ болѣе, что многіе изъ православныхъ толковниковъ признають ихъ за дѣйствительныя событія. Поэтому-то обѣ эти статьи не вошли въ параграфъ подь именемъ: притчи Іисуса Христа, а поставлены отдѣльно.

«Но какъ назвать тѣ подозрѣнія, которыя рождаются въ умѣ рецензента при разсматриваніи картинокъ въ моей книжкѣ? Надо было имѣть большое искусство критика, чтобы изъ недостатка картинки въ разсказѣ о Преображеніи вывести заключеніе, что поэтому это—притча,

а притча, имѣющая картинку,—исторія. Дѣтскому же уму, какъ ни «представляйте себѣ свойства первыхъ его впечатлѣній», трудно и подумать что-нибудь подобное, да и не всякому взрослому удастся додуматься до того, будто такое изложеніе исторіи мѣстами съ картинками, а мѣстами безъ картинокъ «только и хорошо для приготовленія будущихъ (?) послѣдователей миѣчскаго богословія (!!!).

«Далѣе, говоритъ рецензентъ,—но за это, что слѣдуетъ далѣе, я готовъ принести формальную жалобу конференціи С.-Петербургской духовной академіи на г. экстраординарнаго профессора Чельцова съ покорнѣйшею просьбою заставить его или отказаться отъ своихъ словъ или просить извиненія у конференціи академіи за свой недосмотръ и за неумѣстную горячность выраженій. Вотъ эти слова г. рецензента, какъ они находятся въ подлинномъ его представленіи въ конференцію С.-Петербургской духовной академіи отъ 22-го января 1860 года, за подписью г. Чельцова:

«Далѣе, пишетъ онъ, поспѣшность (?) и легкость (!) протестантской критики извѣстны всякому безпристрастному христіанину; но страннѣе всего, что духъ этого лукавства вѣетъ уже въ первоначальномъ руководствѣ для дѣтей. Я не спрашиваю, продолжаетъ профессоръ Чельцовъ, почему опущена исторія Сусанны (!), тогда какъ можно было изложить исторію Вирсавіи, но не могу не обратить вниманія на эту злонамѣренную и по дерзости достойную Порфирія и с мѣшку надъ Спасителемъ нашимъ І. Христомъ, или надъ боговдохновенностью евангелія, будто Спаситель искалъ на смоковницѣ плода въ такую пору, когда еще не время было смоквамъ,—изъ чего слѣдуетъ, что Онъ или проклялъ и осудилъ ее на вѣчное безплодіе совершенно несправедливо (потому что виновато ли дерево, разсуждаетъ рецензентъ, если оно не даетъ того, чего по природѣ не можетъ дать?) и своимъ проклятіемъ обнаружилъ въ себѣ безразсудное движеніе, если только все это было на самомъ дѣлѣ (!) или вся эта исторія неразумно выдуманна (!!!!) евангелистомъ и служить доказательствомъ и поясненіемъ, какъ должно понимать боговдохновенность евангелія. Подобныя несправедливыя критическія замѣтки я считаю неумѣстными не только въ руководствѣ для дѣтей, но ни въ какой христіанской книгѣ.

«Если бы эта филиппика относилась и къ одной только нѣмецкой книжкѣ, и тогда чувство правды заставило бы меня съ негодованіемъ возстать противъ такой капитальной погрѣшности профессора академіи, граничащей съ грѣхомъ. Но г. рецензентъ, раскритиковавъ оригиналъ со всею строгостью на основаніи придуманныхъ имъ самимъ предположеній, въ своемъ представленіи академической конференціи прибавилъ: «къ сожалѣнію, всѣ эти недостатки остались безъ исправленія въ пере-

водѣ на русскій языкъ». И дѣйствительно, слова, приведшія въ такое негодованіе рецензента, «ибо еще не время было быть смоквямъ», находятся и въ моей книжкѣ. Но пусть г. профессоръ Чельцовъ раскроетъ евангеліе отъ Марка и посмотритъ въ гл. XI стихъ 13-й, и онъ, конечно, съ ужасомъ увидитъ, что то, въ чемъ онъ видѣлъ «вѣющій духъ лукавства», что онъ называлъ «злонамѣренною и по дерзости достойною Порфирія насмѣшкою надъ Спасителемъ» (!), въ чемъ онъ предполагалъ намекъ на «безразсудную выдумку евангелиста», что все это не что иное, какъ подлинныя слова евангелиста Марка: не убо бѣ время смоквамъ, переведенныя по-русски: ибо еще не время было быть смоквамъ. Если это со стороны профессора церковной исторіи только недосмотръ, то какъ же онъ можетъ такъ смѣло пускаться въ подобныя разсужденія, что изъ этого (т. е. теперь уже изъ этихъ словъ евангелиста) слѣдуетъ, что или Онъ (т. е. І. Христосъ) проклялъ и осудилъ смоковницу на вѣчное безплодіе совершенно несправедливо (въ скобкахъ прибавляются подробныя соображенія, почему это несправедливо) и своимъ проклятіемъ обнаружилъ въ себѣ безразсудное движеніе! Какъ назвалъ подобныя разсужденія? Это грѣхъ, оскорбляющій и вѣрующее сердце и самую евангельскую истину. Но мнѣ не хочется вѣрить, чтобы профессоръ академіи могъ сдѣлать такую ошибку, назвавъ слова евангелиста насмѣшкою надъ Спасителемъ. Невозможно, чтобы онъ такъ неподробно зналъ евангельскія сказанія. Я стараюсь во всемъ этомъ обвиненіи отыскать другой смыслъ и, взявъ на себя часть вины, оправдаться въ такомъ капитальномъ преступленіи предъ своею совѣстію, предъ ученою конференціею С.-Петербургской духовной академіи, наконецъ передъ церковію, передъ Богомъ. Рецензентъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «подобнаго рода (т. е. какъ эти слова, взятые изъ XI главы евангелиста Марка) несправедливыя критическія замѣтки я счи та ю неумѣстными не только въ учебномъ руководствѣ для дѣтей, но ни въ какой христіанской книгѣ». Въ этомъ приговорѣ я стараюсь доискаться такого смысла, что не слѣдовало бы этихъ словъ евангелиста вставлять при разсказѣ о смоковницѣ въ видѣ критической замѣтки потому, что въ этомъ видѣ она похожа «на злонамѣренную и по дерзости достойную Порфирія насмѣшку надъ Спасителемъ нашимъ І. Христомъ». Если я выразумѣлъ эти слова такъ, то, принимая на себя обвиненіе даже въ этомъ видѣ, какъ на переводчика, оставившаго безъ исправленія всѣ недостатки оригинала,—я приношу жалобу на автора такого обвиненія ему же самому, приношу ее во имя духовнаго сана, лежащаго на мнѣ, который никто не смѣетъ заподозрѣвать въ такихъ антихристіанскихъ, порфирьевскихъ злонамѣренныхъ замыслахъ, приношу ее во имя истины, которая не должна быть такъ дерзко оскорбляема предъ ученымъ трибуналомъ высшаго духовнаго учили-

ща,—и во имя всего этого прошу покорнѣйше г. профессора Чельцова отказаться предъ академической конференціею отъ своихъ словъ, выказанныхъ имъ официально по поводу или непонятныхъ имъ словъ евангелиста или перетолкованныхъ въ христіански-обидную сторону для автора книжки, въ которой они вставлены съ чистою совѣстью, какъ истинныя слова евангелиста, и какъ бы въ предупрежденіе взведеннаго обвиненія поясненныя въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ символическимъ значеніемъ этой дѣйствительно безплодной въ то время смоковницы».

Продолжая далѣе защищаться противъ рецензій моей книжки, я не могъ вынести личной обиды въ слѣдующемъ замѣчаніи Чельцова на слова: «нерѣдко народъ израильскій не зналъ, къ кому обратиться, чтобы исхать суда и защиты». На это мѣсто рецензентъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: «Не зналъ этого только переводчикъ». На это я отвѣчалъ въ своемъ протестѣ слѣдующимъ образомъ: «Итакъ, здѣсь уже не рецензія, а личность. Этими словами рецензентъ предполагаетъ въ переводчикѣ такое невѣжество, что не усумнился прибавить: только переводчикъ. Что можно прибавить на подобную неучтивость, особенно когда она произносится человѣкомъ официальнымъ и при томъ предъ ученымъ трибуналомъ? Но отвращая глаза отъ личности, я обращаюсь къ разсматриваемой книжкѣ и ищу секрета въ этомъ замѣчаніи рецензента. Чтобы пояснить свою мысль, онъ прибавляетъ: «народъ зналъ» и, какъ бы недовольный еще этимъ, добавляетъ: «даже и составитель нѣмецкаго оригинала зналъ». Послѣ этого, конечно, становится очевиднымъ, что сила этого замѣчанія рецензента состоитъ только въ томъ, чтобы донести конференціи академіи, что переводчикъ не знаетъ, къ кому слѣдовало обратиться народу израильскому за судомъ и защитою. Переводчикъ не считаетъ своимъ долгомъ извиняться передъ г. рецензентомъ въ своемъ невѣществѣ, а въ защиту критикуемаго текста указать на слова Книги Судей гл. XVII, ст. 6, XXI, 25.

«Въ заключеніе своей рецензій г. Чельцовъ говоритъ, что «все это (?) болѣею частію неважныя погрѣшности». Но если бы все это были дѣйствительно погрѣшности, то, напротивъ того, онѣ были бы очень важны. А я считаю себя въ правѣ оспаривать именно это сужденіе рецензента, будто все это—погрѣшности. Я съ своей стороны не думаю, чтобы при изданіи библейской исторіи въ какихъ бы то ни было малыхъ книжкахъ, не могло быть и рѣчи о достоинствахъ научныхъ. Напротивъ, изъ настоящаго отзыва на замѣчанія рецензій можно уже видѣть, какъ много надобно имѣть науки или навыка въ св. писаніи, чтобы передать правильно то или другое евангельское слово, а тѣмъ болѣе, чтобы не ошибиться, принявъ слово Божіе за какое-либо замѣчаніе человѣческое. Ребенку еще простительно «вѣрить всему без-

условно», но непростительно взрослымъ навязывать ему вѣру слѣпую во что бы то ни было своимъ личнымъ авторитетомъ, а потому гораздо спасительнѣе давать ему по возможности самое слово Божіе, какъ авторитетъ непререкаемый, — о чемъ и старался издатель русской книжки, выписывая большею частію буквально выраженія и слова изъ евангелія по русскому переводу, узаконенному опредѣленіемъ Св. Синода. Къ крайнему изумленію авторъ рецензіи, подавнѣй на эту книжку въ конференцію С.-Петербургской духовной академіи, или не догадался или не хотѣлъ понять этого. Поэтому-то, выписывая, напримѣръ, цѣлую тираду изъ моей книжки въ образецъ «оборотовъ рѣчи, нигдѣ не терпимыхъ», онъ не потрудился справиться съ русскимъ переводомъ евангелія, иначе онъ могъ бы увидать, что эти «обороты рѣчи» списаны слово въ слово со стиховъ евангелія отъ Маттея. По выпискѣ этихъ словъ авторъ рецензіи прибавляетъ: «ни одна европейская грамматика не допускаетъ такого словосочетанія». Надобно имѣть всю самоувѣренность автора этихъ словъ, чтобы произнести такой судъ противъ перевода, сдѣланнаго Св. Синодомъ, въ предисловіи къ которому три митрополита говорятъ ко всѣмъ христіюлюбивымъ читателямъ слѣдующее: «О трудящихся же въ семъ дѣлѣ молитѣ Бога Слова, да дастъ и умножитъ имъ свѣтъ и силу къ вѣрному и неукоснительному продолженію и совершенію начатаго». — Я готовъ болѣе слѣдовать этому увѣщанію, нежели грамматическимъ замѣчаніямъ г. рецензента.

«Въ заключеніе всего, покорнѣйше прошу какъ конференцію академіи, такъ и г. профессора Чельцова принять благосклонно настоящій мой отзывъ и видѣть въ немъ не самооправданіе авторскаго самолюбія, а ученое состязаніе въ пользу истины. При нашихъ закрытыхъ судахъ обвиняемому нѣтъ другаго пути къ защитѣ себя, кромѣ аппелляціи къ высшему авторитету. Полезно было бы возводить подобные случаи въ публичные диспуты. Тогда по крайней мѣрѣ предъ судомъ общественнымъ можно было бы и краснѣть за свои ошибки и торжествовать за правду».

Этотъ протестъ мой былъ представленъ въ Св. Синодъ, и тамъ рѣшено было перенести споръ нашъ на судъ Московской духовной академіи, а самую книжку представить на разсмотрѣніе митрополита Филарета. Бывшій тогда ректоромъ Московской духовной академіи протоіерей Горскій, которому поручено было Св. Синодомъ рѣшить нашъ споръ съ Чельцовымъ, далъ отъ себя такого рода отзывъ: «Библейская исторія протоіерея Вазарова не представляетъ сомнѣнія со стороны православія. Замѣчанія профессора Чельцова мѣстами слишкомъ рѣзки, особенно въ первоначальномъ своемъ видѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и не совсемъ основательны, какъ напримѣръ, о неблаговременности плодовъ на смоковницѣ; однако же многія нельзя не признать справедливыми. Поэтому

неудовлетвореніе, оставляемое въ душѣ невѣрностію и привязчивостію нѣкоторыхъ замѣчаній, вознаграждается представленіемъ очевидной пользы многихъ другихъ для исправленія мѣстъ, явно погрѣшительныхъ».

Митрополитъ же Филаретъ, не входя въ разборъ рецензіи Чельцова, сдѣлалъ отъ себя замѣчанія на мою книжку, изъ которыхъ нѣкоторыя очень характеристичны по своей манерѣ, бывшей столь свойственною этому архипастырю. Такъ, замѣтивъ вообще о необходимости просмотра и исправленія книжки, онъ дѣлаетъ такого рода замѣчанія: «Богъ былъ вѣчно. Здѣсь несообразность. Былъ—означаетъ только прошедшее время; а вѣчно—всѣ времена». Далѣе: «Миръ явился по одному Его слову. Въ каждый изъ шести дней творенія Господь изрекалъ слово и не одно». Еще: «Это было не то небо, какое мы видимъ. Читающій естественно спросить: какое же? гдѣ же оно дѣлось? откуда же взялось нынѣшнее?»—Не понравилось митрополиту выраженіе: «твердынебеса». «Если хотѣли писать ясно, замѣчаетъ онъ, ясно ли это для отрока?» А противъ описанія райскихъ деревьевъ, о которыхъ у меня было сказано, что на нихъ было весело смотрѣть, а тѣмъ пріятнѣе ѣсть плоды съ нихъ, митрополитъ Филаретъ замѣтилъ: «Это не описаніе красоты рая, а выраженіе чувства лакомаго человѣка». А на слова изъ проклятія Каина: «на землѣ, которая отверзла челюсти свои», онъ положительно разсердился, поставивъ противъ этой фразы: «неупотребительно, грубо, неестественно». Хотя вся вина моя въ этомъ мѣствѣ состояла въ томъ, что я употребилъ здѣсь слово *челюсти* вмѣсто *уста*, находящееся въ русскомъ переводѣ библіи. Далѣе есть нѣсколько саркастическихъ замѣтокъ въ родѣ слѣдующихъ: «Не будетъ тебѣ ни мѣста на земли. Гдѣ же будетъ послѣ сего Каинъ? на воздухѣ? или подъ землею?» или: «На стр. 81—послѣднимъ изъ судей былъ Самсонъ, а на стр. 88—сдѣлался судіею первосвященникъ Илій. Итакъ, послѣ послѣдняго судіи былъ еще судія, видно, очень послѣдній?» Въ заключеніе всѣхъ этихъ и подобныхъ замѣтокъ высокопреосвященный Филаретъ прибавляетъ: «указываю только примѣры и повторяю, что пересмотра требуетъ многое».

Св. Синодъ, сообщивъ мнѣ въ копіи какъ отзывъ протоіерея Горскаго, такъ и замѣчанія митрополита Филарета, предоставилъ мнѣ «если я пожелаю, воспользоваться этими замѣчаніями, исправить по нимъ мою книжку и снова войти съ представленіемъ о принятіи ея въ руководство въ духовныхъ училищахъ».

Представляя затѣмъ вновь исправленную книжку въ духовно-учебное управленіе при Св. Синодѣ, я хотя и оговорился, что замѣчанія высокопреосвященнѣйшаго митрополита московскаго принялъ безпрекословно, однако противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ долженъ былъ дать свои объясненія. Такъ, по поводу замѣчанія на слова: «это было не то небо, какое мы видимъ»,—я далъ такое объясненіе: «Авторъ позволяетъ себѣ

думать, что объясненіе на эти слова лежитъ въ послѣдующей затѣмъ фразѣ: то была неустроенная смѣсь всего. А «откуда взялось нынѣшнее небо», видно изъ творенія втораго дня. Поэтому это замѣчаніе осталось безъ исправленія въ текстѣ моей книжки и въ новомъ ея изданіи. Также точно авторъ не умѣлъ воспользоваться и замѣчаніемъ на счетъ тверди небесной, — тѣмъ болѣе, что онъ ни въ одной исторіи для дѣтей не нашелъ болѣе яснаго опредѣленія того, что въ бытописаніи Моисея названо твердью. Выраженіе «на которыя было весело смотрѣть, а тѣмъ болѣе пріятно ѣсть плоды съ нихъ» оставлено авторомъ безъ перемѣны, несмотря на замѣчаніе, сдѣланное по поводу этихъ словъ, потому что автору казалось, что эти слова очень близко передаютъ библейское выраженіе о древахъ райскихъ: всякое древо красное въ видѣніи и доброе въ снѣдѣ. (Б. II, 9.) Указаніе несообразности въ наименованіи послѣднимъ судіею Сампсона, между тѣмъ какъ затѣмъ слѣдуетъ названіе судіею первосвященника Иліи, собственно не касается исторической точности. Что же касается до правильности выраженія, которое какъ будто наводитъ на мысль, что «послѣ послѣдняго судіи былъ еще судія, видно, очень послѣдній», то изъ историческаго хода событій и самаго образа выраженія автора можно уразумѣть, что послѣ многихъ судей-вождей званіе это перешло сначала къ первосвященнику Иліи и потомъ къ пророку Самуилу. Имѣя это въ виду, авторъ и выразился такимъ образомъ: «послѣ многихъ вождей, судившихъ во Израилѣ, сдѣлался судіею первосвященникъ Илій».

На это объясненіе не послѣдовало болѣе возраженія, и такимъ образомъ авторъ вышелъ цѣль и невредимъ изъ борьбы съ своими рецензентами и судьями, и книжка его допущена была къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ, а потомъ принята была въ число руководствъ для приготовительныхъ классовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ.

Какъ эпизодъ къ этой длинной и — можетъ быть — уже скучной исторіи о моей книжкѣ, нельзя не упомянуть о подвигѣ бывшаго у меня дьякономъ Репловскаго. Какъ разъ среди моей борьбы съ Чельцовымъ изъ-за его безцеремонной рецензій на мою книжку, не меньше меня возмущившей и Репловскаго, появился первый томъ церковной исторіи самого профессора Чельцова, предпринятой съ претензіей на ученую постановку этой науки. Репловскій, обладавшій ученостью гораздо большею, чѣмъ профессоръ академіи, напалъ съ такою силою на этотъ первый у насъ опытъ постановки исторической науки, что совершенно уничтожилъ автора онаго, уличивъ его не только въ ложномъ взглядѣ на исторію вообще, но даже въ относительномъ невѣжествѣ по части исторической критики, такъ что бѣдный Чельцовъ не осмѣлился болѣе продолжать своего труда, который ограничился выпускомъ только этого перваго тома. Критика Репловскаго была помѣщена въ «Духѣ Христіа-

вина», издававшемся подъ редакціею о. Гумилевскаго, и появленіе этой статьи напрасно приписывалось моему вліянію, какъ бы въ отместку за рецензію Чельцова. Здѣсь я былъ совсѣмъ ни при чемъ.

Но въ то время, какъ офіціальная іерархія такъ нападала на мою книжку, мнѣ тѣмъ утѣшительнѣе было слышать сочувственные отзывы о ней людей слова и дѣла. Такъ, между прочимъ, мнѣ писалъ о ней мой московскій корреспондентъ, тогдашній издатель «Душеполезнаго Чтенія», священникъ Ключаревъ, впоследствии преосвященный Амвросій «Вслѣдъ за вашимъ письмомъ,—писалъ онъ отъ 17-го августа 1861 года,—я получилъ экземпляръ вашей священной исторіи. Благодарю васъ за него. Книжка написана мастерски. Читая ее, я думалъ, отчего бы ея умному автору, ревнующему о духовномъ просвѣщеніи нашего народа, не написать статейки для «Душеполезнаго Чтенія», издаваемого тоже для народа? Теперь эту думу я обращаю въ просьбу. Изъ всего необозримаго поля исторіи церкви Божіей выберите эпизодъ или монографію по сердцу, напишите, какъ написана ваша исторія, и это будетъ прекрасный подарокъ нашимъ читателямъ. Я прошу васъ искренно, и вы примите мою просьбу къ сердцу».

Но сотрудничать въ духовномъ журналѣ въ зиму 1861—2 года мнѣ не пришлось, такъ какъ въ это время мы вздумали-было издавать свой журналъ за границую. Первую мысль объ этомъ возымѣлъ нашъ дьяконъ Репловскій; первое сочувствіе этому предпріятію оказалъ о. Янышевъ въ Висбаденѣ, а самое дѣятельное участіе принялъ о. Толмачевъ, бывший тогда въ Карлсруэ. Мысль этого заграничнаго журнала состояла въ томъ, что всѣ заграничные наши священники, живя въ различныхъ иностранныхъ земляхъ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ и даже въ Америкѣ, имѣли бы сообщать много любопытнаго каждый изъ своего мѣстопробыванія касательно церковной жизни христіанскихъ народовъ и ученобогословской дѣятельности болѣе просвѣщенныхъ изъ нихъ. О. Толмачевъ, который взялъ на себя составить программу этого духовнаго учено-литературнаго журнала, хотѣлъ дать ему названіе: «Церковный стражъ», выбравъ для сего эпиграфомъ слова св. писанія: «Стража дахъ ты дому Израилеву» (Ис. III, 17), «Шедъ постави себѣ стража, и еже аще узриши возвѣсти» (Исх. XXI, 6), «вся искушающе, добрая держите (I Солуя. V, 20)». Такимъ образомъ, самымъ названіемъ и эпиграфомъ задуманнаго изданія опредѣлялся уже и характеръ его. «Церковный стражъ,—писалъ онъ въ своей программѣ,—будетъ зорко слѣдить за чистотою вселенской истины и возвѣщать все, еже аще узритъ поучительное для православнаго христіанина въ религіозномъ отношеніи внѣ предѣловъ нашего отечества».

«Вообще,—говорится далѣе въ этой программѣ.—«Церковный стражъ» поставляетъ свою цѣлю не только подстергать то или другое замѣчательное явленіе въ области иноземной духовной жизни и науки, но и

остерегать истину православія отъ наплыва разныхъ иноземныхъ идей, заносимыхъ къ намъ отвнѣ». Сообразно съ этою задачею, о. Толмачевъ предлагалъ раздѣлить журналъ на 4 отдѣла: 1) учено-литературный, 2) церковно-педагогическій, 3) критико-библиографическій и 4) современную хронику и смѣсь. Журналъ долженъ бы выходить ежемѣсячно до 10 печатныхъ листовъ, цѣною не менѣе 6 рублей безъ пересылки. Мѣстомъ изданія назначался Карлсруэ, гдѣ имѣлась русская типографія. Отвѣтственнымъ редакторомъ долженъ былъ быть я при соредакціи о. Янышева и Толмачева. Но главную дѣятельность по журналу общимъ согласіемъ возлагали на Репловскаго, какъ на ходячую бібліотеку и всесторонняго книгоѣда.

Противъ этой программы возсталъ о. Янышевъ. Самое названіе журнала «Церковный стражъ» не понравилась какъ ему, такъ и намъ. Кромѣ возлагаемаго этимъ названіемъ на заграничныхъ священниковъ какого-то шпіонничанья въ видѣ подстерегательства и остерегательства, самый звукъ названія подвергался опасности въ устахъ недоброжелателей обратиться изъ Стража въ церковнаго сторожа. Поэтому о. Янышевъ предложилъ издавать «Заграничное церковное обозрѣніе» и при томъ не въ видѣ ежемѣсячнаго журнала, а выпусками отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ, ограничивъ программу изданія двумя отдѣлами: 1) обозрѣніемъ современнаго состоянія инославныхъ церковнымъ общинъ и 2) отчетомъ о современномъ теченіи университетской богословской науки. Но какъ въ этомъ видѣ задуманное нами изданіе теряло главный характеръ разнообразія всевозможныхъ свѣдѣній изъ разныхъ концовъ свѣта, гдѣ только находились наши заграничныя церкви, то мы, принявъ только вновь предложенное названіе для нашего журнала: «Заграничное православное обозрѣніе», рѣшились напередъ обратиться ко всѣмъ нашимъ сослуживцамъ за границею, спрашивая мнѣнія каждаго изъ нихъ о нашемъ предпріятіи и прося ихъ содѣйствія. По отдаленности различныхъ нашихъ миссій, переписка эта затянулась на цѣлыя годы, и только очень немногіе отозвались съ сочувствіемъ къ нашему предпріятію, а другіе совсѣмъ ничего не отвѣчали. Между тѣмъ послѣдовала рассказанная уже катастрофа съ несчастнымъ Репловскимъ, а безъ него, какъ фактотума нашей редакціи, мы убоились взяться за дѣло, и такъ это предпріятіе кануло въ воду, хотя по задуманному плану обѣщало большой интересъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П о п р а в к а :

Въ іюньской книжкѣ журнала, въ запискахъ І. І. Базарова (стр. 513, строка 6 и 7) П. А. Валуевъ названъ министромъ государственныхъ имуществъ. Онъ былъ въ то время директоромъ департамента министерства государственныхъ имуществъ.

Изъ неизданныхъ писемъ В. А. Жуковскаго.

I.

Къ Антону Антоновичу Прокоповичу-Антонскому ¹⁾.

12 апрѣля (1837).

Милостивый государь Антонъ Антоновичъ.

Въ юль мѣсяцѣ надѣюсь имѣть очастіе васъ наконецъ увидѣть ²⁾. Дай Богъ! Пора намъ свидѣться. Въ задатокъ посылаю вамъ весь мой скарбъ поэтическій и прозаическій ³⁾, твоя отъ твоихъ ⁴⁾. Желаю васъ найти здоровымъ и въ этой надеждѣ обнимаю васъ сердечно съ искреннимъ къ вамъ почтеніемъ, которое всегда во мнѣ живо было и будетъ.

Всѣмъ сердцемъ вашъ по старому Жуковскій.

---

¹⁾ Нѣсколько писемъ Жуковскаго къ А. А. Прокоповичу-Антонскому напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1883 г., книга первая, стр. 324—332.

²⁾ Въ 1837 году Жуковскій сопровождалъ цесаревича Александра Николаевича въ его путешествіи по Россіи. Цесаревичъ выѣхалъ изъ Царскаго Села 2-го мая и направился черезъ Новгородъ, Тверь, Ярославль, Кострому, Вятку, Пермь и Екатеринбургъ въ Тобольскъ. Въ Москву цесаревичъ прибылъ 24-го іюля 1837 года.

³⁾ Экземпляръ четвертаго изданія Сочиненій Жуковскаго, вышедшаго въ свѣтъ въ 1835—1837 гг.

⁴⁾ А. А. Прокоповичъ-Антонскій стоялъ во главѣ университетскаго благороднаго пансіона, когда въ немъ воспитывался Жуковскій, который всегда питалъ чувства признательности къ своему наставнику.

II.

Къ Степану Петровичу Шевыреву.

1.

9 марта 1838.

Посылаю вамъ это письмо съ Евгеніемъ Лукичемъ Милькѣвымъ, котораго я узналъ въ Тоболь(с)кѣ и который далъ мнѣ прочесть нѣсколько своихъ стихотвореній, означающихъ много таланта ¹⁾). Нигдѣ и ничему не учась, онъ приобрѣлъ замѣчательное искусство писать. Онъ жаждетъ учиться. Я его рекомендовалъ графу Строганову ²⁾, который хочетъ ему помочь въ достиженіи къ его цѣли. Рекомендую его и вамъ. Вы будете умѣть узнать ему цѣну, поможете ему добрымъ совѣтомъ и облегчите для него трудное его дѣло. Познакомьте его съ Погодинымъ ³⁾ и Баратынскимъ ⁴⁾. Чтобы лучше съ нимъ васъ познакомить, прилагаю записку, имъ о себѣ по просьбѣ моей написанную. Вспомните, читая ее, что онъ совершенно ничему не учился и ничего порядочнаго не читалъ. Много ли у насъ такъ хорошо, правильно, просто и приятно напишутъ? Прошу передать эту записку для возвращенія мнѣ Александру Михайловичу Тургеневу ⁵⁾, живущему у Дмитрія Солунскаго близъ Тверскаго, въ домѣ Новосильцевой.

Простите. Не забывайте искренно преданнаго вамъ Жуковскаго.

2.

1 сентября 1849, Варшава ⁶⁾.

Не могу не написать къ вамъ нѣсколько строкъ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ. Ну ужъ полакомили вы меня вашими статьями объ

¹⁾ Стихотворенія Милькѣва были изданы отдѣльною книжкою въ Москвѣ въ 1843 году. Съ Милькѣвымъ Жуковскій познакомился въ Тобольскѣ во время путешествія по Россіи цесаревича Александра Николаевича.

²⁾ Графу Сергѣю Григорьевичу, тогдашнему попечителю Московскаго учебнаго округа.

³⁾ Михаиломъ Петровичемъ.

⁴⁾ Поэтомъ Евгеніемъ Абрамовичемъ.

⁵⁾ А. М. Тургеневу (р. 1772†1863), автору извѣстныхъ Записокъ, изданныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1885 и слѣд. годовъ.

⁶⁾ Отвѣтное письмо Шевырева, отъ 17-го сентября 1849 г., напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875 года, книга третья, стр. 374—375. Въ Варшаву Жуковскій прѣѣзжалъ на нѣсколько дней въ августѣ мѣсяцѣ, чтобы представиться императору Николаю Павловичу и получить разрѣшеніе на дальнѣйшее пребываніе за границею для лѣченія жены.

Одиссея ¹⁾! Мнѣ до прїѣзда моего въ Варшаву не было извѣстно, ска-
заль ли кто хоть слово о моей новорожденной дочкѣ и о ея вступленіи
въ свѣтъ. Вы приняли ее, какъ добрый другъ, отецъ и покровитель, и
она съ хорошею репутаціею покажется передъ людьми. Рекомендую въ
вашу милость вторую часть Одиссеи: эту часть я переводилъ соп атоге
и я люблю ее болѣе первой. Трудъ совершился неизмѣнно скоро, въ
94 или 96 дней ²⁾; но поправка была совѣстная; переводъ шелъ ря-
домъ съ печатаніемъ; но по близости Карлсеру (гдѣ типографія) отъ
Бадена (гдѣ я жилъ) я могъ имѣть до шести корректуръ одного и того
же листа и поправлялъ до тѣхъ поръ, пока не былъ самъ доволенъ:
въ корректурѣ гораздо лучше видятся ошибки, нежели въ рукописи.
Остались однако нѣкоторыя мѣста, которыя надлежало бы поправить;
да я ихъ и поправилъ, но этихъ поправокъ не могъ уже напечатать ³⁾.
Бунтъ выгналъ меня изъ Бадена; корректуру послѣдняго листа я уже
послалъ изъ Страсбурга въ Карлсеру ⁴⁾. Вотъ вамъ мой отчетъ. Желалъ
бы доставить вамъ эти варианты для «Москвитянина»; но здѣсь въ Вар-
шавѣ не успѣлъ этого сдѣлать. Сейчасъ уѣзжаю опять въ Баденъ, гдѣ
оставилъ жену больную. Во время же пребыванія здѣсь я не имѣлъ ми-
нуты свободнаго времени. Нынѣшнюю зиму еще я принужденъ про-
вести за границею. Авось на слѣдующую весну Богъ освободитъ меня
изъ этого заключенія ⁵⁾. А вы потѣшите меня, сказавъ мнѣ два слова
о моей второй части ⁶⁾: вѣроятно, вы напишете объ ней статью въ до-
полненіе къ написаннымъ; былъ бы для меня самый пріятный отъ
васъ подарокъ получить всѣ статьи вмѣстѣ. Можете послать черезъ

¹⁾ Рядъ статей Шевырса о переведенной Жуковскимъ первой части
Одиссеи, въ которыхъ онъ по достоинству оцѣнилъ этотъ поэтический трудъ
Жуковского, напечатанъ въ „Москвитянинѣ“ 1849 г., Критика и библиогра-
фія, № 1, стр. 41—48; № 2, стр. 49—53; № 3, стр. 91—117.

²⁾ Вторая часть Одиссеи (пѣсни XIII—XXIV) была переведена Жуков-
скимъ въ 97 дней (въ періодъ съ 1-го мая 1848 по 23-е апрѣля 1849), какъ
это видно изъ составленной имъ самимъ таблицы хода его работы по пере-
воду Одиссеи (см. Стихотворенія Жуковского, изд. 9-а, т. IV, стр. 479).

³⁾ Эти поправки сохранились въ бумагахъ Жуковского (см. Бумаги В. А.
Жуковского, стр. 113), и ими воспользовался П. А. Ефремовъ при печатаніи
Одиссеи въ 9-мъ изданіи „Стихотвореній В. А. Жуковского“ (Спб. 1895 г.)

⁴⁾ Корректурѣ послѣдняго листа Одиссеи была отправлена Жуковскимъ
изъ Страсбурга въ Карлсеру 12-го (24-го) мая 1849 г. (см. письмо Жуков-
скаго къ Д. П. Сѣверину отъ этого числа, напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“
1900 г., сентябрь, стр. 48).

⁵⁾ Надежда Жуковского вернуться въ Россію, какъ извѣстно, не осуще-
стилась.

⁶⁾ Статей Шевырса о переводѣ второй части Одиссеи въ печати не по-
являлось.

Булгакова ¹⁾). Напишите же ко мнѣ; мой адресъ: à Bade-Bade, maison Kleinmann. Сердечно васъ обнимаю. Дружескій поклонъ отъ меня Хомякову ²⁾, Кирѣевскимъ ³⁾, Дмитріеву ⁴⁾, Свербеевымъ ⁵⁾, нашему поэту Павловой и ея мужу ⁶⁾ и Чадаеву ⁷⁾.

Вашъ Жуковскій.

III.

Къ графу Владимиру Александровичу Сологубу.

14 (26) ноября (1844), Франкфуртъ в(а) М(айнѣ).

Вотъ вамъ отвѣтъ дѣломъ на письмо ваше, любезный графъ. Я очень радъ, что не былъ принужденъ отвѣчать вамъ отрицательно на ваше требованіе. Нашлась піеса ⁸⁾, которую я хотѣлъ послать Плетневу ⁹⁾ и все не посылалъ, потому что гѣнился переписать. При полученіи же письма вашего явился мнѣ и писарь, русскій человѣкъ, разсудившій поселиться въ Европѣ, поссорясь съ своимъ господиномъ. Его явленіе вмѣстѣ съ письмомъ вашимъ было мнѣ знаменіемъ, что піеса должна принадлежать вамъ—вотъ она переписана, и я ее вамъ посылаю. Если же бы ея не случилось въ запасѣ, изъ Одиссеи не послалъ бы ничего. Она не иначе явится въ свѣтъ, какъ вся цѣликомъ. Нынѣшнимъ утромъ я кончилъ одиннадцатую пѣсню; но еще надобно будетъ долго поправлять ее. Посылаемая мною піеса удивитъ васъ своимъ содержаніемъ. Многіе, прочитавъ ее, скажутъ, что я ударился въ піетизмъ, въ мистику. Воля всякому говорить что хочетъ. Я читалъ эту повѣсть въ прозѣ и захотѣлъ попробовать разсказать ее со всею простотою прозы, не сдѣлавшись прозаическимъ. Удалось ли—пусть судятъ читатели. Содержаніе этой повѣсти мнѣ весьма по сердцу. Я

¹⁾ Александра Яковлевича, московскаго почтдиректора, пріятеля Жуковскаго.

²⁾ Алексѣю Степановичу.

³⁾ Ивану и Петру Васильевичамъ.

⁴⁾ Михаилу Александровичу.

⁵⁾ Дмитрію Николаевичу („Записки“ котораго изданы въ Москвѣ въ 1899 году) и его женѣ Екатеринѣ Александровнѣ, рожд. княжнѣ Щербатовой.

⁶⁾ Каролинѣ Карловнѣ Павловой (р. Янишь) и ея мужу, Николаю Филипповичу Павлову.

⁷⁾ Петру Яковлевичу.

⁸⁾ „Капитанъ Боппъ“, написанная Жуковскимъ въ 1843 году.

⁹⁾ Петру Александровичу.

назначаю ее для дѣтей. Свѣжему, молодому сердцу такого рода впечатлѣнія могутъ быть благотворны. Чѣмъ раньше въ душу войдетъ христіанство, тѣмъ вѣрнѣе и здѣшняя и будущая жизнь. Безъ христіанства же жизнь кажется мнѣ уродливою загадкою, заданною злымъ духомъ человѣческому заносчивому уму для того, чтобы хорошенько его помучить и потомъ посмѣяться надъ его самонадѣянностью—ибо загадка безъ отгадки. Но дѣло не объ томъ; если Боппъ вамъ не покажется слишкомъ неблагопрістойнымъ для вашего фешіонабельнаго альманаха ¹⁾, примите его. Гоголь не далъ ничего, ибо нѣтъ ничего. И дѣйствительно его литературная мощь пуста; все еще на станкѣ; ничто не кончено. Прощайте. Пришлите вашъ альманахъ, когда выйдетъ. Прошу отъ меня обнять тетю, дядю, Аполлину съ мужемъ ²⁾. Особенный поцѣлуй отъ меня и отъ жены нашей прелестной Софьѣ ³⁾, которую мы любимъ всѣмъ сердцемъ. Дочка моя ⁴⁾ кланяется вашей дочкѣ ⁵⁾.

Вашъ Жуковскій.

IV.

Къ Сергѣю Семеновичу Уварову ⁶⁾.

(Вѣроятно, вторая половина 1830-хъ годовъ).

Вотъ вамъ двѣ просьбы, любезнѣйшій Сергѣй Семеновичъ, о исполненіи которыхъ или конхъ прошу васъ убѣдительно.

Первая о Глинкѣ ⁷⁾. Прилагаю письмо его. Прошу васъ не отвергать его просьбы. Чего онъ желаетъ? Своими трудами поддерживать семью свою. Въ этомъ выгода правительства, чтобы люди находили сами средства жить, а не оставались на рукахъ его. Глинка совершенно почти нищій; на рукахъ у него жена и дочь. Если воспретить ему ра-

¹⁾ Для альманаха графа В. А. Сологуба (р. 1813†1882) „Вчера и сегодня“ на 1845 годъ. „Капитанъ Боппъ“ и былъ напечатанъ въ этомъ альманахѣ.

²⁾ Своенченицу графа Сологуба, Аполливарію Михайловну Веневитинову (рожд. графиню Вельгорскую, р. 1818†1884) и ея мужа, Алексѣя Владиміровича Веневитинова (р. 1806†1872).

³⁾ Жена графа Сологуба, графиня Софья Михайловна, дочери графа М. Ю. Вельгорскаго.

⁴⁾ Александра Васильевна (р. 1842†1899), бывшая впоследствии замужемъ за барономъ Верманомъ.

⁵⁾ Графиня Софья Владиміровна Сологубъ (р. 1841†1849).

⁶⁾ Три письма Жуковскаго къ С. С. Уварову изъ болѣе ранняго времени (1811 и 1815 гг.) напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 г., сентябрь, стр. 10—15.

⁷⁾ О Сергѣѣ Николаевичѣ Глинкѣ († 1847).

ботать перомъ, или продать право на изданіе журнала его ¹⁾ другому, то надобно указать или дать средства, чѣмъ жить. Я убѣдилъ его, что онъ не имѣетъ права продавать право на изданіе журнала, который давно не существуетъ. Но было бы несправедливо отказать ему въ правѣ возобновить этотъ журналъ, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ ни плохъ, его направленіе извѣстно и безвредно.

Однимъ словомъ, потѣшите меня вашимъ покровительствомъ бѣдному Глинкѣ; онъ чудакъ, часто досадный, но истинно честный и добрый человекъ.

Другая просьба о Эртелѣ. Прилагаю записку его и прошу васъ обратить на нее благосклонное вниманіе.

Третья экстренная просьба о кашѣ. Когда будутъ приняты всѣ мѣры, чтобъ она была только съ хорошимъ чухонскимъ масломъ, а не съ кирпичами, то благоволите назначить день торжественнаго переселенія каши въ наши желудки (послѣ будущаго вторника); я буду готовъ оказать вамъ дѣятельную помощь въ такомъ истинно русскомъ подвигѣ.

Жуковский.

V.

Къ князю Петру Андреевичу Вяземскому.

Милостивый государь князь Петръ Андреевичъ.

Увѣдомленіе вашего сіятельства о помѣщеніи моего родственника Жуковскаго управляющимъ въ какую-то таможду ²⁾, которой имъ, благодаря пакостному почерку почтеннаго вашего писаря, осталось для меня непроницаемою тайною, я получилъ и приношу вашему сіятельству князю Петру Андреевичу мою искреннюю благодарность. Мнѣ пріятно было изъ вашей подписи, сдѣланной въ знакъ вашей неизмѣнной ко мнѣ дружбы съ какими-то особенными закорючками, увидѣть, что вы благоволите состоять въ живыхъ, почему и прошу ваше сіятельство князя Петра Андреевича быть увѣреннымъ, что я пребываю съ извѣстнымъ вамъ искреннимъ почтеніемъ къ вашей персонѣ относительно вашего ума и сердца и прочихъ различныхъ качествъ вашей природы вашего сіятельства князя Петра Андреевича покорный слуга В. Жуковский.

Сего 1844 сентября 3 (15), Франкфуртъ н(а) М(айнѣ).

¹⁾ Глинка издавалъ „Русскій Вѣстникъ“ въ 1808—1824 годахъ.

²⁾ Въ 1844 году нѣкто Павелъ Андреевичъ Жуковский былъ назначенъ управляющимъ Нурецкою тамождою.

VI.

Къ Леонтію Васильевичу Дубельту.

10 (22) октября 1848.

Здравствуйте, любезнѣйшій дядюшка Леонтій Васильевичъ. Я надѣялся самъ нынѣшнею осенью обнять васъ; анъ нѣтъ, живи не такъ, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велитъ. Жена больна, и я принужденъ переселиться въ Баденъ, отдать ее на руки Гутгерта ¹⁾ и между тѣмъ жить, скрѣпя сердце, посреди бунта, всякаго рода пакостей, и заводить тѣмъ, которые ушли отъ этого волкана въ покойное, пристанище нашей святой Руси. Прошу васъ переслать приложенное письмецо фонъ деръ Бриггену ²⁾. Прошу также обо мнѣ помнить съ вашею прежнею благосклонностію; а чтобы вѣрнѣе остаться въ вашей памяти, я поручилъ передать вамъ отпечатанные томы новаго изданія моихъ сочиненій ³⁾; въ нихъ найдете многіе вамъ неизвѣстные стихотворные грѣхи мои; между прочимъ и Одиссею. Вы получите вашъ экземпляръ отъ Родіонова ⁴⁾; онъ же доставитъ вамъ послѣ и слѣдующіе томы. Благovolите взять отъ него еще экземпляръ и переслать его ф(онъ) деръ) Бриггену отъ меня.

Простите, дядюшка; будьте здоровы и помните преданнаго вамъ Жуковскаго.

Мой адресъ: à Bade-Bade; maison Kleinmann.

VII.

Къ Андрею Александровичу Краевскому.

1.

Суббота.

Не можете ли побывать у меня завтра поутру въ десять часовъ вмѣстѣ съ Язвинскимъ ⁵⁾. Весьма обяжете. Извините, что на адресѣ

¹⁾ Баденскаго доктора.

²⁾ Декабристу Александру Феодоровичу фонъ-деръ-Бриггену. Это письмо Жуковскаго къ Бриггену, тоже отъ 10-го (22-го) октября 1848 года, напечатано въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 626. Письма Жуковскаго къ Бриггену и Бриггена къ Жуковскому посылались чрезъ Л. В. Дубельта, тогдашняго начальника III Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи.

³⁾ Послѣдняго, сдѣланнаго самимъ Жуковскимъ и печатавшагося въ Карлсруэ.

⁴⁾ Ростислава Родіоновича Родіонова, служившаго старшимъ чиновникомъ въ собственной канцеляріи императрицы Александры Феодоровны. Р. Р. Родіоновъ исполнялъ порученія Жуковскаго по высылкѣ ему жалованья и разсылкѣ разнымъ лицамъ экземпляровъ новаго изданія его сочиненій.

⁵⁾ Вѣроятно, съ Александромъ Феликсовичемъ Язвинскимъ, писателемъ-

только ваша фамилія. Вѣдь мнѣ извѣстна только та часть вашего имени, которая принадлежитъ потомству ¹⁾. Вашъ Жуковскій.

2.

(Вѣроятно 1837 г.).

Благодарю васъ за доставленіе книгъ. Увѣдомьте, какъ здоровье Шевырева ²⁾. Мнѣ надобно послать къ нему экземпляръ сочиненій ³⁾. Какъ зовутъ Вельмана ⁴⁾?

3.

Я былъ у Фуса ⁵⁾, и онъ обѣщалъ мнѣ свое ходатайство и согласіе. Пускай Плюшаръ ⁶⁾ побываетъ теперь у Фуса. Жуковскій.

4.

(Въ первыхъ числахъ февраля 1838 г.).

Я слышалъ отъ Вяземскаго ⁷⁾, что нѣкоторыя мѣста въ моей рѣчи ⁸⁾

педагогомъ, изобрѣтателемъ мнемонической метода изученія исторіи. Имъ было издано нѣсколько трудовъ (Метода преподаванія хронологіи (Спб. 1837) и др.).

¹⁾ Записка имѣетъ такой адресъ: Его высокоблагородію Краевскому. Она относится къ тридцатымъ годамъ, къ началу знакомства Жуковскаго съ Краевскимъ. Въ остальныхъ запискахъ Жуковскаго къ Краевскому послѣдній называется уже по имени и отчеству (въ текстѣ или на адресахъ).

²⁾ Степана Петровича.

³⁾ Вѣроятно, 4-го изданія Сочиненій Жуковскаго, вышедшаго въ свѣтъ въ 1835 году, въ семи томахъ (томъ 6-й вышелъ въ 1836 г.); въ 1837 г. къ этому изданію напечатанъ 8-й томъ, а въ 1844 году девятый.

⁴⁾ Рѣчь идетъ объ Александрѣ Фомичѣ Вельманѣ.

⁵⁾ Вѣроятно, съ академикомъ Павломъ Николаевичемъ Фусомъ (р. 1798† 1855).

⁶⁾ Издатель „Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду“, которыхъ Краевскій былъ редакторомъ.

⁷⁾ Князя Петра Андреевича.

⁸⁾ Въ привѣтственной рѣчи Жуковскаго на пятидесятилѣтнемъ юбилей И. А. Крылова, происходившемъ 2-го февраля 1838 г. Эта рѣчь Жуковскаго была напечатана въ № 32 „Русскаго Инвалида“ за 1838 годъ. Въ № 6 „Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду“ 1838 г., отъ 5-го февраля, была напечатана статья „Пятидесятилѣтній юбилей И. А. Крылова“, но въ ней рѣчь Жуковскаго не помѣщена. Министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ былъ недоволенъ упоминаніемъ въ этой рѣчи о Пушкинѣ. Въ „Сочиненіяхъ“ Жуковскаго эта рѣчь не была помѣщаема до 8-го изданія (Спб. 1885), гдѣ она перепечатана (т. VI, стр. 34—35) изъ „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“ 1838 года.

должны быть вымараны. Если это правда, то прошу совсѣмъ не помѣщать моей рѣчи. Я никакъ не могу согласиться на такое обрѣзаніе ¹⁾).

Жуковскій.

Покажите намъ статью, когда она къ вамъ возвратится отъ министра ²⁾).

5.

Пятница. (Вѣроятно 1839 г.).

Я уже лично говорилъ съ вами, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, о госпожѣ Вейдемейеръ ³⁾ и сообщилъ ей вашъ отзывъ. Она весьма рада работать для «Отечественныхъ Записокъ» ⁴⁾ и согласна на тѣ условія, кои вы мнѣ назначили. Теперь дѣло состоитъ въ томъ, чтобы вы на это ваше согласіе выразили опредѣленнѣе. вмѣсто всякаго письменнаго условія будетъ ваша записка ко мнѣ, въ которой означте, чего желаете отъ г-жи Вейдемейеръ и на что въ пользу ея согласны. Ея требованія умѣренны; 50 рублей въ мѣсяць или 600 въ годъ. Если вы захотите платить ей, какъ сказали мнѣ, 300 рублей въ началѣ года и 300 въ концѣ, то дѣло въ шляпѣ. Прошу васъ дать мнѣ отвѣтъ категорическій. И я весьма былъ бы радъ лично съ вами переговорить объ этомъ дѣлѣ; но для этого надобно намъ свидѣться. Это хорошо было въ старыя времена; а теперь вы какъ-то глядите на меня косо; и путь къ дверямъ моимъ для васъ заросъ травой. Всему виною журнализмъ. На всякой случай скажу вамъ, что я всякой день до 10 часовъ дома; а живу уже поближе къ землѣ ⁵⁾, въ домѣ доктора Фольборга, бывшемъ Толя, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской.

Преданный вамъ Жуковскій.

---

¹⁾ По этому же поводу князь П. А. Вяземскій писалъ 4-го февраля 1838 года А. А. Краевскому слѣдующее: „Мое посредничество тутъ ничего не подѣйствуетъ. Надобно Жуковскому переговорить съ министромъ, тѣмъ богѣе, что о немъ идетъ дѣло. Мое мнѣніе печатать статью, какова есть, чтобы не терять времени, а тамъ увидимъ, что будетъ“ (см. Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1895 годъ, приложения, стр. 68).

²⁾ С. С. Уварова.

³⁾ Татьяна Васильевна Вейдемейеръ, рож. княжна Херхеулидзева. За-мѣтку о ней см. въ Словарѣ русскихъ писателей, изд. С. Венгеровымъ, т. V (Спб. 1897), стр. 297.

⁴⁾ „Отечественныя Записки“ Краевскій сталъ издавать съ 1839 года.

⁵⁾ Ранѣе Жуковскій жилъ въ верхнемъ этажѣ Зимняго Дворца.

VII.

Къ князю Владимиру Федоровичу Одоевскому ¹⁾.

1 ²⁾.

(1837).

Жду васъ въ вечеру въ 9 часовъ со всею ватагою, съ Краевскимъ, Враскимъ ³⁾ и Плетневымъ. Надобно непременно съѣхаться. Ж.

2.

(Записка князя Одоевскаго къ Жуковскому):

Понедѣльникъ (1837 г.).

Не хотите ли билетъ на сегодняшній концертъ Штейна—импровизатора? У меня есть къ вашимъ услугамъ. Одоевскій.

(Отвѣтъ Жуковскаго на этой же запискѣ):

Не Штейнъ, а наша сходка. Нынче мы условились быть всѣ у меня.

3.

(17 апрѣля 1837).

Приходите нынче въ вечеру въ 9-ть часовъ или хоть въ $\frac{1}{2}$ 9-го. Если не найдете, подождите. Если вамъ надобно будетъ во дворецъ, одѣнетесь у меня; или уѣдете отъ меня къ заутренѣ ⁴⁾. Кончимъ все вмѣстѣ для «Современника». Вы будете поправлять одно, я другое, такъ все и будетъ въ шляпѣ.

4.

(1837).

Я вчера писалъ о стихахъ Пушкина къ Уварову ⁵⁾. Что онъ скажетъ, не знаю. Статью мою о Пушкинѣ ⁶⁾ печатайте, какъ велитъ цен-

¹⁾ Пять записокъ Жуковскаго къ князю В. Ф. Одоевскому были мною напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 г. сентябрь, стр. 53—54.

²⁾ Первые четыре записки относятся къ 1837 году; касаются онѣ изданія „Современника“, которое, послѣ смерти Пушкина, приняли на себя князь Вяземскій, Жуковскій, князь Одоевскій, Плетневъ и А. А. Краевскій.

³⁾ Борисъ Алексѣевичъ Враскій, который былъ женатъ на свояченицѣ князя В. Ф. Одоевскаго, Зинаидѣ Степановнѣ Ланской, служилъ въ то время экспедиторомъ III Отдѣленія собственной его величества канцелярїи.

⁴⁾ Въ 1837 году Пасха приходилась 18-го апрѣля.

⁵⁾ Сергѣю Семеновичу, министру народнаго просвѣщенія.

⁶⁾ Статья „Послѣднія минуты Пушкина“, помѣщенная въ V томѣ „Совре-

соръ; и вы же и раздайте ее нашимъ пріятелямъ. А мнѣ пришлите экземпляровъ двадцать, Титулъ послѣ первой піесы... Это такъ безобразно, что и сказать не умѣю. Нельзя ли это переимѣнить какъ-нибудь? Право, такъ будетъ стыдно. Отыщите «Литературную Газету» Дельвига; тамъ, кажется, напечатано что-то изъ Арапа ¹⁾, да и другія статьи еще есть въ прозѣ Пушкина. Пожалуста поскорѣ отыщите. Не напечатать ли заглавіе такъ: Современникъ, журналъ Александра Пушкина ²⁾? А простѣе только Современникъ. Книжка V. VI. VII. VIII.

5.

Князь Одоевскій, прошу васъ нынче на вечеръ ко мнѣ и съ супругою ³⁾. Мои уважатъ завтра. Нельзя ли притащить Глинку ⁴⁾? Жду васъ непременно. Ж.

VIII.

Къ Федору Ивановичу Герману.

Любезнѣйшій Федоръ Ивановичъ. Возвращаю вамъ ваши бумаги, Что дѣлать. Не удалось, ни у императрицы, ни у великихъ князей. Подождемъ до будущаго года. Авось будемъ счастливѣе. Вы между тѣмъ не дремлите, и если узнаете о какой ваканціи, то дайте знать немедленно. Теперь же рѣшительно нѣтъ ваканціи ⁵⁾. Жуковскій.

менника“ за 1837 годъ, въ началѣ тома, съ особою постраничною помѣтою римскими цифрами (I—XVIII).

¹⁾ Въ „Литературной Газетѣ“ 1830 года, № 13, былъ напечатанъ Пушкинымъ отрывокъ изъ его повѣсти „Арапъ Петра Великаго“ (изъ третьей главы) подъ заглавіемъ: „Ассамблея при Петрѣ I“.

²⁾ „Современникъ“ въ 1837 г. выходилъ подъ такимъ заглавіемъ: „Современникъ. Литературный журналъ А. С. Пушкина, издаваемый по смерти его княземъ П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, П. А. Плетневымъ и А. А. Краевскимъ“.

³⁾ Княгиню Ольгою Степановною, рожденною Ланскою.

⁴⁾ Михаила Ивановича, знаменитаго композитора.

⁵⁾ На оборотѣ этой записки рукою библиографа В. И. Межова сдѣлана слѣдующая замѣтка: „Собственноручное письмо В. А. Жуковскаго къ Ф. И. Герману объ опредѣленіи Е. И. и В. И. Межовыхъ на казенный счетъ въ одно изъ учебныхъ заведеній. Впослѣдствіи Межовы были опредѣлены по ходатайству В. А. Жуковскаго, одинъ пансіонеромъ наслѣдника цесаревича, нынѣ царствующаго государя императора, въ Гатчинскій сиротскій институтъ, другая же пансіонеркою наслѣдницы цесаревны, нынѣ царствующей государыни императрицы въ С.-Петербургскій Воспитательный домъ.—В. Межовъ. 19 февр. 1868 года“.

IX.

Къ Ѳеодору Петровичу Опочнину ¹⁾.

11 ноября 1835.

Милостивый государь Ѳеодоръ Петровичъ.

Посылаю вамъ того бѣдняка, о коемъ имѣлъ честь просить васъ лично. Вы меня истинно обяжете, оказавъ ему покровительство. Позвольте ему объясниться съ вашимъ превосходительствомъ. Не прошу васъ принять участіе въ жалкомъ его положеніи, ибо васъ не нужно просить быть добрымъ: вы это сами умѣете наилучшимъ образомъ.

Душевно преданный вамъ Жуковскій.

X.

Къ Ивану Михайловичу Снегиреву.

Четвергъ (7-го сентября 1839) ²⁾.

Я не могъ пріѣхать къ вамъ по обѣщанію, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ, ибо вмѣсто того, чтобъ гулять, занемогъ и вчера принималъ лекарства. Теперь опять здоровъ. Завтра, если что опять не помѣшаетъ и если погода будетъ благоприятная, пріѣду къ вамъ часовъ въ десять утра. Увѣдомьте, будете ли вы дома.

Преданный вамъ Жуковскій.

XI.

Къ неизвѣстнымъ лицамъ.

1.

Мая 15, 1820.

Милостивый государь Александръ Васильевичъ.

Пользуюсь вашимъ благосклоннымъ ко мнѣ расположеніемъ и честь имѣю представить вамъ самого Тимофея Ивановича Ляхова, о коемъ

¹⁾ Ѳеодоръ Петровичъ Опочнинъ (р. 1778†1852) былъ въ 1835 г. шталмейстеромъ высочайшаго двора и предсѣдателемъ частнаго собранія попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Петербургѣ. Впоследствии онъ былъ оберъ-гофмейстеромъ и членомъ Государственнаго Совѣта.

²⁾ На письмѣ рукою И. М. Снегирева сдѣлана помѣта: Сент. 7, 1839 г.

я просилъ васъ и которому вамъ угодно было обѣщать свое покровительство. Я бы непременно самъ лично прїѣхалъ повторить вамъ свою просьбу, когда бы хлопоты отъѣзда не отняли у меня времени; по возвращеніи изъ Павловска буду имѣть честь явиться къ вамъ съ своею благодарностію, которую изъясляю здѣсь заранѣе, прося васъ вѣрить тому почтенію и той совершенной преданности, съ коими честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Василій Жуковскій.

Р. S. Я не считалъ за нужное повторять въ письмѣ моемъ то, о чемъ я уже имѣлъ честь вамъ говорить. Ляховъ налицо, и онъ самъ объяснитъ вамъ все то, что до него касается.

2.

(1822 г.)

Никакъ не умѣю сказать вашему превосходительству, что стоитъ нѣмецкая ученая проказа; мой берлинскій корреспондентъ разсудилъ сохранить эту тайну про себя: вѣроятно не болѣе трехъ рублей 6 гривенъ, то есть одного талера; но такъ какъ удовольствіе услужить вамъ цѣню я въ 100.000 рублей, то не вы мой должникъ, а я еще остаюсь вамъ долженъ 99.996 рублей и 40 копеекъ, которые постараюсь заплатить, какъ скоро выиграю большой лотъ въ лотерею. Благодарю васъ за ваши дружескія заботы о моемъ Узникѣ¹⁾: ему нужно ваше покровительство, чтобы съ нѣкоторою благопристойностію выйти на свѣтъ изъ печальнаго заключенія. Ж.

3.

Постараюсь исполнить ваше желаніе, но какъ скоро, не знаю, и ничего не могу обѣщать. Дождусь минуты вдохновенія. Ж.

4.

Доску вашу получилъ и постараюсь что-нибудь и какъ-нибудь на ней нацарапать. Важное NB: Дурнаго, то есть весьма дурнаго, не дамъ; полудурное съ Богомъ. Вамъ преданный Жуковскій.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

¹⁾ Переводъ „Шильонскаго узника“ вышелъ въ свѣтъ отдѣльною брошюрою въ 1822 году; цензурное дозволеніе помѣчено 14-мъ апрѣля.

**Еъ заботахъ администраціи Юго-Западнаго края о помѣщичьихъ
крестьянахъ.**

16-го ноября 1846 года главный начальникъ края пишетъ конфиденціально гг. начальникамъ губерній:

«Въ управляемыхъ мною губерніяхъ нерѣдко происходятъ несчастные случаи отъ наказанія помѣщичьихъ крестьянъ, въ особенности беременныхъ женщинъ.

«Какъ на подобныя случаи постоянно обращено вниманіе государя императора, то я и вмѣняю себѣ въ обязанность покорнѣйше просить ваше превосходительство принять за правило, чтобы лица, кои будутъ изобличены слѣдствіемъ въ наказаніи крестьянъ, заболѣвшихъ или умершихъ послѣ того, немедленно были вызываемы изъ имѣній, коими они завѣдываютъ, въ уѣздный городъ, и содержались бы тамъ подъ арестомъ и подъ надзоромъ полиціи, смотря по важности павшихъ на нихъ обвиненій, впредь до окончанія производящихся о нихъ дѣлъ».

Сообщилъ Алексѣй Мердеръ.

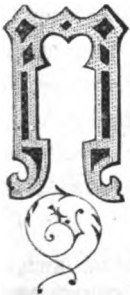

Россія и папекій престолю.

II ¹⁾.

Побѣдоносное шествіе на Москву. 1605 г.

Соотношеніе военныхъ силъ.—Двѣ арміи Годунова.—Неумѣніе Мстиславскаго воспользоваться обстоятельствами.—Несвоевременное мщеніе.—Положеніе дѣлъ въ Рязьскѣ.—Приказъ Годунова.—Искусство Корелы.—Отзывъ Маржерета.—Впечатлѣніе, произведенное событіями въ Путивлѣ.—Монахи—убійцы. Обнаруженный заговоръ.—Возращеніе къ первоначальному плану.—Димитрій ищетъ нравственной поддержки, въ Польшѣ.—Призывъ къ оружію казаковъ и татаръ.—Грандіозный планъ.—Ногайскіе татары принимаютъ сторону Димитрія.—Крымскіе татары.—Скрытая сила.—Смерть Годунова.—Различныя версіи лѣтописцевъ.—Слухи, переданныя Мышковскимъ.—Присяга Ѳеодору Годунову и его матери.—Басмановъ принимаетъ начальство надъ войскомъ.—Посланный въ лагерь подъ Кромь.—Раздоръ, вызванный присягой.—Военная хитрость поляковъ.—Басмановъ признаетъ Димитрія.—Армія Годунова съѣзжаетъ его примѣру.—Депутація, прибывшая въ Путивль.—Хозяинъ положенія.—Аркюдусъ въ Краковѣ.—Свѣдѣнія, сообщенныя имъ Павлу V.—Откровенное признаніе виленскаго епископа.—Переговоры, веденныя Димитріемъ.—Условія, предложенныя боярами.—Отъѣздъ изъ Путивля.—Восторгъ населенія.—Кромь.—Остановка полковыхъ священниковъ въ Орлѣ.—Тула.—Волненіе народа въ Москвѣ.—Посланцы Димитрія.—Его воззваніе.—Паденіе Годуновыхъ.—Гнусныя сцены.—Успѣхъ Димитрія.—Депутація, посланная въ Тулу.—Игнатій, архіепископъ рязанскій.—Смерть правительницы и царя Ѳеодора.—Различныя разсказы объ этомъ событіи.—Ссылка патріарха Іова и двухъ архимандритовъ.—Свѣдѣтельство Арсенія.—Димитрій въ Серпуховѣ.—Въѣздъ въ Москву.—Остановка на Лобномъ мѣстѣ.—Посвященіе св. храма.—Осужденіе и помилованіе Шуйскаго.

Мослѣ пораженія при Добрыничахъ походъ на Москву былъ, собственно говоря, оконченъ; послѣ этого уже не было болѣе большихъ сраженій; происходили только отдѣльныя стычки и осады городовъ, не имѣвшія никакого значенія.

Соотношеніе силъ обѣихъ армій было таково: Димитрія окружали только остатки польскихъ эскадроновъ, небольшое число казаковъ и вновь испеченные солдаты изъ русскихъ

¹⁾ См. „Русск. Старину“ іюнь 1901 г.

крестьянъ. Несравненно значительнѣе были силы, коими располагалъ Годуновъ: къ его услугамъ были двѣ большія арміи, находившіяся на театрѣ военныхъ дѣйствій и готовыя вступить въ бой. Одна изъ нихъ, одержавшая побѣду при Добрыничахъ, оставалась подъ командою Мстиславскаго и Шуйскаго. Во главѣ другой находился Шереметевъ; она стояла лагеремъ въ окрестностяхъ Кромъ, готовясь къ осадѣ этой крѣпости. Несмотря на эти несомнѣнные преимущества, положеніе Годунова сдѣлалось вскорѣ критическимъ: онъ побѣждалъ враговъ изъ плоти и крови, но душа народа ускользала отъ него.

Вначалѣ, царевичу пришлось только пользоваться промахами своихъ противниковъ. Князь Мстиславскій, вмѣсто того, чтобы нанести Дмитрію рѣшительный ударъ, промедлилъ, занявшись осадю Рылска. Эта крѣпость, одна изъ первыхъ перешедшая на сторону претендента, осталась вѣрна Дмитрію, несмотря на испытанныя имъ неудачи; ея упорное сопротивленіе было равносильно громогласному признанію правъ новаго монарха. Другая, не менѣе крупная ошибка Годунова состояла въ томъ, что вся Комарницкая волость, помогавшая Дмитрію, была предана огню и мечу и отдана на разграбленіе голоднымъ и разсвирѣпѣвшимъ солдатамъ; это жестокое возмедіе было на руку Дмитрію; всѣ несчастные, коихъ преслѣдовали какъ дикихъ звѣрей, бѣжали, не надѣясь на прощеніе, и искали спасенія въ Путивлѣ, гдѣ ихъ ожидалъ радушный приѣмъ. Съ другой стороны, казаки, шедшіе на Москву, убѣдили многіе города перейти открыто на сторону претендента. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, семь крѣпостей, предавшихся царевичу, ото-слали къ нему своихъ воеводъ, не хотѣвшихъ ему покориться, закованныхъ въ ручные кандалы. Одна изъ этихъ крѣпостей носила ненавистное для Дмитрія названіе Борисгородъ и была съ царственной самоувѣренностью переименована въ Царьгородъ ¹⁾.

Между тѣмъ какъ число приверженцевъ претендента возросло, армія Мстиславскаго понемногу таяла и распадалась. Эта тайна обнаружилась изъ перехваченныхъ писемъ къ Борису Годунову, которыя дышали глубокимъ уныніемъ. Подъ Рылскомъ дѣла шли все хуже и хуже: не возможно было бороться противъ дезертирства, принявшаго эпидемическій характеръ; тѣхъ же, которые оставались подъ знаменами, нечѣмъ было кормить; продовольствіе войска было сопряжено съ неимо-вѣрными затрудненіями. Военное начальство, не находя средствъ помочь бѣдѣ, поговаривало о необходимости распустить армію. Послѣднее пораженіе, не предвѣщавшее ничего хорошаго, какъ бы оправдывало

¹⁾ Архивъ папскаго престола, IV, f. 58, 1605 г. 14-го апрѣля, письмо Дмитрія къ Рангони.—Семь крѣпостей, упомянутыхъ въ этомъ письмѣ, суть: Воронежъ, Осколь, Бѣлгородъ, Валуйки, Борисгородъ, Елецъ, Ливны.

этотъ совѣтъ. Мстиславскій пытался взять крѣпость приступомъ, но князь Долгорукій обсыпалъ осаждающихъ такимъ градомъ ядеръ, что побѣдитель при Добрыничахъ счелъ нужнымъ отступить къ сѣверу и даже далѣе, дабы «не проливать христіанской крови» ¹⁾, говорить лѣтопись.

Но Мстиславскому не долго пришлось отдыхать. Борисъ Годуновъ былъ выведенъ изъ терпѣнія неблагоприятными извѣстіями, доходившими до него со всѣхъ сторонъ; отступление Мстиславскаго привело его въ негодованіе; въ виду угрожавшей опасности, онъ не хотѣлъ дать отдыха войскамъ. Мстиславскому было послано приказаніе соединиться съ Шереметевымъ, который уже осаждалъ нѣкоторое время Кромы. Эта крѣпость, съ деревянными стѣнами и башнями, окруженная болотами и тростниками, перешла на сторону Димитрія. Такъ какъ она имѣла весьма важное стратегическое значеніе, находясь на полупути отъ столицы и театра военныхъ дѣйствій, то Борису Годунову хотѣлось взять ее какъ можно скорѣе. До тѣхъ поръ пока она находилась въ рукахъ непріятеля, московская армія не могла идти на югъ и угрожать претенденту, такъ какъ она была бы разобщена съ центральными губерніями. Будучи въ рукахъ Годунова, она преградила бы претенденту путь къ Москвѣ чрезъ Калугу и вынудила бы его отступить на правый берегъ Оки, усѣянный крѣпостями. Такимъ образомъ противники самою силою вещей были вынуждены встрѣтиться подъ Кромами.

На сторонѣ осаждающихъ, послѣ соединенія обѣихъ армій, было преимущество ихъ численнаго превосходства. Кромѣ того въ ихъ распоряженіи находилось семьдесятъ орудій. Въ Кремлѣ придавали значеніе только цифрамъ и возлагали всѣ надежды на численность войска, забывая о томъ, что гарнизономъ Кромъ командовалъ атаманъ Корела, народный герой Донскаго войска; въ этомъ худощавомъ, на видъ невзрачномъ человѣкѣ было такъ много ума и отваги, что онъ пользовался среди казаковъ славою колдуна. Ему удалось пробраться въ крѣпость съ сильнымъ отрядомъ и, хотя онъ не располагалъ особыми средствами, но успѣлъ, съ помощью казаковъ и стрѣльцовъ, превратить Кромы въ короткое время въ неприступную крѣпость. Земля доставляла ему все необходимое: онъ извлекалъ изъ нея матеріалъ, изъ котораго возводились прикрытія, валы, траншеи, были вырыты рвы и подземныя галереи. Подъ землею выросъ цѣлый городъ; хотя онъ былъ мраченъ и лишенъ свѣжаго воздуха, но представлялъ собою надежное убѣжище для осажденныхъ. Дикія дѣти степей вели въ немъ веселую жизнь,

¹⁾ Наше собраніе. Письмо всендзовъ къ Стривери отъ 17-го марта 1605 г.— Rome et Démétrius, стр. 204, № 4. — Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 62. — Платоновъ, Очерки, стр. 268 и сл.

обсуждали свои планы, не боясь быть застигнутыми врасплохъ непріателемъ, который не посмѣлъ бы проникнуть въ эти подземелья, имѣвшія всего одинъ выходъ. Казаки, превосходные стрѣлки, часто дѣлали вылазки и всегда съ успѣхомъ.

Осаждающіе разъ десять или двѣнадцать рѣшались идти на приступъ, но всякій разъ были отбиты съ значительнымъ урономъ. Зрѣлище было въ высокой степени интересное: горсть храбрецовъ стѣсняла дѣйствія двухъ большихъ армій. Остроумный капитанъ Маржереть, осуждая бездѣйствіе московскихъ войскъ, говоритъ: они стояли подъ Кромами, «не дѣлая ничего другаго, какъ только заставляя смѣяться надъ собою».

Эта злополучная осада нигдѣ не произвела такого сильнаго впечатлѣнія, какъ въ мѣстѣ временнаго пребыванія претендента — въ Путивлѣ. Несмотря на понесенное имъ пораженіе, Сѣверское княжество было въ его рукахъ, Кромьы были его аванъ-постомъ; жители Путивля оберегали его съ такою преданностію, что московская армія не могла не только напасть на него врасплохъ, но даже потревожить его спокойствіе, а между тѣмъ всѣ помыслы Годунова были направлены именно противъ личности претендента. Повелитель Кремля чувствовалъ, что существовавшая противъ него оппозиція воплотилась въ таинственной личности царевича, которому слѣдовало поэтому нанести рѣшительный ударъ. Годуновъ говорилъ это во всеуслышаніе, не скрывая своихъ желаній.

Но все же мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія говорить, будто покушеніе на жизнь Дмитрія было произведено съ его вѣдома, какъ то утверждали поляки. Это случилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ половинѣ марта въ Путивлѣ появились три старыхъ монаха; они пріѣхали изъ Москвы и держали себя такъ странно, что были арестованы и заключены въ тюрьму. При обыскѣ у нихъ оказались зажигательнаго свойства письма, подписанныя Борисомъ Годуновымъ и патріархомъ Іовомъ. Царь обѣщаль жителямъ Путивля полное и безусловное прощеніе, если они выдадутъ ему Дмитрія живымъ или мертвымъ и перебьютъ поляковъ. Патріархъ изрекалъ противъ мнимаго царевича и его сторонниковъ грозныя проклятія. Монахамъ велѣно было распространить эти письма въ народѣ и составить въ тайнѣ заговоръ. Они были въ-время арестованы, и одинъ изъ нихъ, будучи подвергнутъ пыткѣ, во всемъ сознался. Неудача этого плана принесла Дмитрію косвеннымъ образомъ пользу; при обыскѣ, полицейскіе нашли у монаховъ въ сапогахъ конфиденціальныя письма, писанныя ими къ своимъ довѣрительямъ. Дмитрій, говорилось въ этихъ письмахъ съ полной откровенностію, «есть истинный сынъ Іоанна IV; напрасно было бы вести борьбу

противъ его праваго дѣла». Это свидѣтельство, признанное нелицеприятнымъ, еще болѣе увеличило обаяніе царевича ¹⁾).

Къ тому же, Димитрій сумѣлъ воспользоваться тѣмъ сравнительнымъ спокойствіемъ, какимъ онъ наслаждался въ Путивлѣ. Переживъ первый моментъ отчаянія, онъ ободрился и устремилъ вновь свои взоры на позолоченные куполы Кремля, имѣвшіе для него особую притягательную силу. Онъ занялся съ удвоенной энергіей военными приготовлениями и развитіемъ своихъ политическихъ плановъ. Его старанія не пропали даромъ; всѣ его дальнѣйшія дѣйствія отмѣчены единствомъ; видно, что они были направлены твердою рукою. Хотя Димитрій руководствовался указаніями, сдѣланными ему Сигизмундомъ, но въ первоначальномъ планѣ, составленномъ въ Брагинѣ ²⁾ и изложенномъ претендентомъ князю Вишневецкому, произошла весьма существенная перемѣна.

Живя въ Путивлѣ, царевичъ усердно поддерживалъ сношенія съ Польшей, писалъ письма воеводѣ Сендомірскому, членамъ семейства Мишекъ, кардиналу Маціевскому, нунцію Раинони ³⁾; сообщалъ имъ о себѣ извѣстія, описывалъ свои успѣхи и неудачи и обращался къ нимъ съ просьбами о помощи. Бывшій черниговскій воевода, князь Татевъ даже былъ посланъ въ Варшаву въ качествѣ представителя будущаго московскаго царя, но его благоразумно не допустили на сеймъ, и онъ не слышалъ брани, которой осыпали его монарха. Въ Польшѣ Димитрій искалъ главнымъ образомъ нравственной поддержки. Онъ убѣдился во время пребыванія въ Краковѣ, что для него было весьма важно поддержать добрыя отношенія съ польскимъ дворомъ и магнатами. Что касалось войска, то онъ понималъ, что онъ могъ найти солдатъ и въ иномъ мѣстѣ, при томъ за болѣе дешевую плату и болѣе стоворчивыхъ.

Сигизмундъ смотрѣлъ на дѣло иначе. Идти на Москву съ одними казаками и татарами было, какъ припомнимъ, по его словамъ, безумной, необыточной мечтою; поэтому, находясь въ предѣлахъ польской республики, Димитрій заботился все время о томъ, чтобы имѣть въ рядахъ своего войска поляковъ. Но во время похода, большая часть этихъ буйныхъ волонтеровъ, обманутыхъ въ своихъ надеждахъ на легкую наживу, покинули его; было слишкомъ смѣло разсчитывать на то, что

¹⁾ Наше собраніе. Письмо ксендзовъ къ Стривери отъ 17-го марта 1605 г. *Rome et Démétrius*, стр. 204, № 4.

²⁾ Въ ст. Цирлинга кн. апрѣль, стр. 108 и 113, вмѣсто Брагинъ напечатано по ошибкѣ Брамнѣ.

³⁾ Собр. гос. грам., т. II, стр. 196, № 87; стр. 198, № 88. Нѣмцевичъ, т. II, стр. 355. Архивъ царскаго престола IV, f. 58, 59, 64.

имъ на смѣну явятся другія лица. Слѣдовательно, Дмитрію силою вещей пришлось вернуться къ той программѣ, которая подверглась столь строгой критикѣ въ Краковѣ; онъ развилъ ее до колоссальныхъ размѣровъ. Отъ степей Днѣпра и Дона до Уральскихъ горъ на востокъ и до береговъ Чернаго моря на югъ всѣ казаки и татары призывались имъ къ оружію; имъ было назначено собраться въ извѣстный, заранѣе намѣченный пунктъ. Организовавъ эту массу наемнаго войска, жаждавшаго добычи, Дмитрій предполагалъ двинуть его на Москву, оставляя по пути гарнизоны и увеличивая свои силы волонтерами. Такимъ образомъ столица была бы окружена огромными силами и не имѣла бы возможности получить подкрѣпленій изъ провинціи. Таковъ былъ грандіозный и смѣлый планъ, составленный Дмитріемъ; это выясняется изъ уцѣлѣвшихъ его писемъ и изъ хода дальнѣйшихъ событій ¹⁾.

23-го марта были посланы тайные агенты въ бассейны Дона, Волги, Терека и Урала, и уже 30-го апрѣля Дмитрію донесли о скоромъ прибытіи новыхъ войскъ.

Донскіе казаки не только сами отозвались на призывъ Дмитрія, они оказали ему весьма существенную услугу, успѣвъ привлечь на его сторону ногайскихъ татаръ, могущественную орду, которую въ Кремлѣ считали преданной царю. Годуновъ хотѣлъ, чтобы эти татары кочевали между Чернымъ и Каспійскимъ морями и были подчинены одному главѣ, который былъ бы вассаломъ московскаго царя. Но онъ дѣйствовалъ неумѣло; лукавые кочевники перехитрили его. Дмитрій и русскіе лѣтописцы обвиняютъ Годунова въ томъ, что онъ поддерживалъ раздоръ между татарами ²⁾.

Въ началѣ Борисъ имѣлъ виды на Истерека (Isterek), коего онъ хотѣлъ сдѣлать своимъ ленникомъ; онъ послалъ ему драгоцѣнную саблю и велѣлъ сказать, что это оружіе поразитъ враговъ Россіи или тѣхъ, кто не сумѣетъ имъ воспользоваться, но въ то же время, чтобы лучше обезпечить себя, онъ оказывалъ милости сопернику Истерека. Послѣдній, заподозрѣвъ измѣну и предчувствуя опасность, рѣшилъ упредить ее. Онъ перешелъ вмѣстѣ съ семьюдесятью другими князьями на сторону Дмитрія, облизился съ донскими казаками, пріѣхавшими къ нему для переговоровъ по этому поводу, присягнулъ Дмитрію на вѣрную службу и предложилъ въ заложники своихъ собственныхъ дѣтей. Это было весьма важнымъ приобрѣтеніемъ для царевича, онъ велѣлъ передать Истереку свою живѣйшую благодарность и приказалъ ему выступить въ походъ въ началѣ весны.

¹⁾ Нижеслѣдующія подробности заимствованы изъ двухъ писемъ Дмитрія къ Рангони отъ 14-го апрѣля и 13-го мая 1605 г. Архивъ папскаго престола, IV, f. 58, 59.

²⁾ Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 40.

3-го мая настала чередъ крымскихъ татаръ; этому наемному войску были присланы подарки, коихъ оно, разумѣется, не ожидало изъ Путивля; это было прекрасное средство заручиться его содѣйствіемъ и заставить его признать права Дмитрія на московскій престолъ.

Видя изумительную дѣятельность претендента, которая распространялась на столь отдаленныя мѣстности, видя, какое множество людей дѣйствовало въ его пользу, какими онъ располагалъ обширными средствами и какъ легко одерживалъ побѣды, испытываешь весьма понятное изумленіе и невольно задаешь себѣ рядъ вопросовъ, на которые нѣтъ возможности отвѣтить удовлетворительно. Во-первыхъ, кѣмъ былъ составленъ этотъ обширный, стройный, чисто русскій планъ, въ цѣломъ несомнѣнно выработанный человѣкомъ, который былъ посвященъ въ тайны кремлевской политики и зналъ основательно страну? Кто доставлялъ необходимыя деньги для содержанія всѣхъ этихъ людей, снаряженія посольствъ и организаціи войска? Какимъ образомъ, Дмитрій, понесъ пораженіе, могъ такъ быстро поправить свои дѣла? Откуда почерпнулъ онъ столь твердую увѣренность въ томъ, что онъ будетъ вскорѣ въ состояніи выступить въ походъ? Что дѣлала московская партія, нетерпѣніемъ которой счумѣли воспользоваться въ Краковѣ? Несомнѣнно, что, тотчасъ послѣ понесеннаго пораженія, пребываніе претендента въ Путивлѣ сдѣлалось началомъ его дальнѣйшихъ побѣдъ. Конечно, его противники сдѣлали рядъ ошибокъ, кои послужили ему на пользу; казаки, увлеченные общимъ водоворотомъ, завербовали ему приверженцевъ; но это еще не объясняетъ ни быстроты совершившейся перемѣны, ни единства, коимъ отмѣчены всѣ дальнѣйшія дѣйствія Дмитрія. Не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ какой-то тайной силою, о которой мы только можемъ догадываться по достигнутымъ ею результатамъ.

Въ то время какъ Дмитрій былъ окрыленъ надеждами, а его войска стягивались въ Ливны, Кремль понесъ невоснаградимую утрату. 5-го мая въ Путивль прискакалъ изъ Москвы Аврамъ Бахметевъ съ предложеніемъ своихъ услугъ и съ извѣстіемъ о кончинѣ Годунова. Событіе это было чревато послѣдствіями. Въ этомъ никто не сомнѣвался. Претендентъ былъ въ себя отъ радости: его главнѣйшій врагъ исчезъ въ самый критическій для него моментъ, наканунѣ выступленія въ походъ ¹⁾. Это было лучше всякой побѣды; Дмитрій боялся только, какъ бы это извѣстіе не оказалось ложнымъ. Но это опасеніе вскорѣ разсѣялось: прибывшіе гонцы и плѣнные подтвердили вѣсть о кончинѣ Бориса; письма, полученныя изъ Ливенъ, отъ 9-го мая, разошля послѣд-

¹⁾ Письмо Дмитрія къ Равони отъ 13-го мая 1605 г. Архивъ папскаго престола, IV, f. 59.

нее сомнѣніе. Ливенскій воевода описывалъ даже подробности печальнаго событія: 29-го апрѣля, во время аудіенціи, данной Борисомъ иностраннымъ посламъ, у него сдѣлалось сильное кровотеченіе; кровь полилась у него изъ рта, изъ носа, глазъ, ушей изо всѣхъ поръ; царь упалъ съ престола навзничъ и нѣсколько часовъ спустя скончался. Едва успѣлъ пріѣхать патріархъ Іовъ и постричь умирающаго, по обычаю, въ монахи.

Скоропостижная кончина царя, само собою разумѣется, должна была вызвать подозрѣнія. Избавивъ Годунова отъ безвыходнаго и крайне тревожнаго положенія, она послужила на пользу Димитрію. Поэтому ее объясняли двояко: одни приписывали смерть Бориса яду, присланному изъ Путивля, другіе объясняли ее самоубійствомъ. Оффиціальныи разсказъ объ этомъ событіи, который повторяли Димитрій, поляки, всѣ окружающіе претендента и всѣ рускіе лѣтописцы, вполне согласуется съ сообщеніемъ ливенскаго воеводы; это было самое безобидное изъ всѣхъ объясненій ¹⁾.

Въ Краковѣ ожидали этой развязки. Объ этомъ свидѣтельствуетъ великій маршалъ польскаго двора, Сигизмундъ Мышковскій, присвоившій себѣ иностранныи титулъ маркиза Мирова, который велъ дѣятельную переписку съ итальянскими князьями. За годъ передъ тѣмъ, именно 6-го января 1604 г., онъ писалъ кардиналу Альдобрандини и герцогу Мантуйскому, сообщая о смерти Годунова, какъ о событіи вполне достовѣрномъ; и что удивительнѣе, онъ описывалъ даже подробности этого событія. По его словамъ, бояре учинили допросъ Димитрію, который находился тогда еще въ Польшѣ, и убѣдились въ томъ, что онъ былъ истинный сынъ Іоанна IV. Тогда въ Кремлѣ разыгралась трагическая сцена, бояре сообщили Борису Годунову о появленіи царевича; онъ отвѣчалъ имъ высокомерно и раздражительно: бояре не выдержали, выхватили сабли изъ ноженъ и умертвили того, кто въ ихъ глазахъ уже былъ не болѣе какъ бездѣльникъ и похититель престола ²⁾. Разумѣется, всѣ росказни, передаваемыя маркизомъ, были сущимъ вымысломъ, но для насъ имѣетъ значеніе источникъ, изъ котораго онъ исходилъ, и дата, когда онъ были сообщены. Если придворный сановникъ, имѣвшій доступъ въ интимный кругъ короля польскаго и принимавшій участіе въ политическихъ интригахъ, запомнилъ эти разсказы и передалъ ихъ своимъ иностраннымъ корреспондентамъ, значитъ, эти слухи дѣйствительно ходили въ Польшѣ и имѣли долю вѣроятія.

Какъ бы то ни было, теперь уже нѣтъ возможности согласовать эти

¹⁾ Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 64.

²⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 112 f. 113. Мантуа, архивъ Gonzaga, Busta 559.

разнорѣчивые рассказы, но несомнѣнно, что внезапная кончина Бориса повергла его семейство и его приверженцевъ въ страшную тревогу и уныніе.

Послѣ него осталось двое несовершеннолѣтнихъ дѣтей, Ѳедоръ и Ксенія, изъ коихъ первому было всего шестнадцать лѣтъ.

Руководящая роль принадлежала ихъ матери, которая была объявлена правительницей. Ея имя вызывало въ народѣ рядъ прискорбныхъ воспоминаній. Марія Григорьевна была дочерью Малюты Скуратова, героя опричины и тѣлохранителя Іоанна Грознаго. Въ присягѣ, которая была принесена народомъ, имя правительницы упоминалось рядомъ съ именами ея дѣтей ¹⁾. Такимъ образомъ самое сокровенное желаніе Годунова исполнилось: престолъ перешелъ къ его потомству. Суждено ли ему было сдѣлаться основателемъ династіи или только быть отцомъ прославленной жертвы? Могла ли эта наскоро созданная монархія устоять противъ бури и вынести борьбу съ путивльскимъ претендентомъ? Единственной защитницею престола была въ то время армія, стоявшая подъ Кромами; для того чтобы удержать эту армію въ повиновеніи, можно было рассчитывать только на одного человѣка. И этотъ человѣкъ измѣнилъ ей.

Первыми же мѣры, принятыя новымъ правительствомъ, показываютъ, что онѣ принимались съ полною надеждою на Петра Басманова, на его преданность, умѣніе вести войну и счастье. Онъ не поддался обольщенію претендента, спасъ Новгородъ-Сѣверскъ, праздновалъ побѣду въ Москвѣ и имѣлъ вліяніе на войско. Все это давало ему полное право на званіе главнокомандующаго арміей, коимъ онъ и былъ назначенъ. Ему и никому иному была ввѣрена честь знамени и участь династіи, ибо хотя онъ былъ подчиненъ князю Ростовскому, но это объяснялось только старшинствомъ послѣдняго въ чинѣ. Три воеводы: Мстиславскій, Василій и Дмитрій Шуйскіе, терявшіе попусту время подъ Кромами и позорившіе свою славу, были отозваны въ Москву въ первыхъ числахъ мая, на ихъ мѣсто отправились вновь назначенные предводители войска, въ сопровожденіи новгородскаго митрополита Исидора. Имъ было повелѣно прежде всего привести войско къ присягѣ, а затѣмъ предоставлялось дѣйствовать по ихъ собственному усмотрѣнію.

Прибывъ къ мѣсту своего назначенія, Басмановъ убѣдился, что выполнить возложенное на него порученіе было чрезвычайно трудно. Духъ войска былъ сильно поколебленъ. Его ряды порѣдѣли, вслѣдствіе дезертирства солдатъ, коихъ замѣнили неотесанными мужиками. Между осажденными и осаждающими установились тайныя сношенія. Они выполняли по предварительному уговору примѣрныя атаки и отступленія,

¹⁾ Собр. гос. грам., т. II, стр. 191, № 85.

при чемъ нѣкоторой опасности подвергались только тѣ, которые не были посвящены въ тайну. Невольно являлся вопросъ, не потворствовали ли этому въ тайнѣ сами воеводы, или по крайней мѣрѣ не относились ли они къ исполненію важнѣйшихъ своихъ обязанностей съ большимъ нерадѣніемъ.

Это вызвало раздоры среди войска. Подобно огню, тлѣющему подъ пепломъ, въ немъ давно уже таился духъ мятежа, который вспыхнулъ, по словамъ Ивана Голицына, во время принесенія присяги. Форма присяги, предложенная Басмановымъ, показалась солдатамъ подозрительною. До тѣхъ поръ Борисъ Гудуновъ и патриархъ Іовъ отождествляли Димитрія съ разстригою Гришкою Отрепьевымъ; теперь же, когда надобно было цѣловать крестъ, имя Гришки не было упомянуто; говорилось только о разбойникѣ, именуемомъ себя Димитріемъ, царевичемъ Углицкимъ. Весьма вѣроятно, что въ Москвѣ этимъ хотѣли только избѣжать недоразумѣній, но подъ Кромами это умалчаніе, сдѣланное очевидно съ умысломъ, было принято за ловушку: «Такъ, претендентъ, говорили въ войскѣ, не Гришка Отрепьевъ; его не смѣютъ назвать этимъ именемъ или какъ-нибудь иначе; почему же ему не быть истиннымъ сыномъ Іоанна IV, спасшимся чудеснымъ образомъ отъ козней Годунова?» Это предположеніе казалось правдоподобнымъ; возбужденные умы охотно вѣрили ему, и когда дѣло дошло до присяги, то всѣ стали колебаться ¹⁾).

Въ то же время военная хитрость, придуманная Запорскимъ, была причиною, что осаждающіе совершенно упали духомъ. Онъ подошелъ къ Кромамъ во главѣ сильнаго отряда поляковъ и казаковъ и съ самою Троицы старался найти удобный моментъ, чтобы ворваться въ крѣпость и присоединиться къ осажденнымъ. Не желая дѣйствовать силою, онъ прибѣгнулъ къ хитрости, пославъ по дорогѣ въ Кромы гонца съ письмами, въ коихъ осажденныхъ ободряли надеждою на скорую побѣду вслѣдствіе прибытія къ нимъ многочисленнаго подкрѣпленія. Гонцу было приказано доскакать какъ бы нечаянно до аванпостовъ осаждающей арміи и отдаться въ плѣнъ. Онъ ловко исполнилъ это опасное порученіе; его схватили, обыскали, прочли найденныя при немъ письма и подвергли пыткѣ; во время пытки онъ подтвердилъ тревожныя вѣсти. Тогда въ лагерѣ распространилась настоящая паника: хитрость удалась.

17-го мая разрѣшились наконецъ всѣ недоумѣнія. Въ этотъ день произошло нѣчто въ родѣ сраженія. Самъ Басмановъ, командовавшій

¹⁾ Архивъ цापскаго престола, IV, f. 64, письмо Димитрія Мнишеку отъ 25-го мая 1605 г. То же письмо, на польскомъ языкѣ, отъ 24-го мая у Нѣмцевича, т. II, стр. 356. Формула присяги въ Собр. гос. грам., т. II, стр. 191, № 85.

арміей Годунова, погубилъ ее. Передъ началомъ сраженія или какъ только оно началось, онъ торжественно перешелъ на сторону Димитрія, провозгласилъ его законнымъ наслѣдникомъ престола, истиннымъ потомкомъ московскихъ царей и въ знакъ своей преданности цѣловалъ ему крестъ ¹⁾. Было ли это условлено заранѣе или же эта сцена была разыграна неожиданно для Димитрія? Современники объ этомъ молчатъ. Они не обмолвились ни словомъ о переговорахъ, которые происходили вѣроятно между командующими обѣихъ армій. Несомнѣнно одно, что этотъ мирный исходъ вполне соответствовалъ желаніямъ солдатъ. Всѣ были глубоко возволнованы. Бывшіе противники пожимали другъ другу руки: можно было подумать, что всѣ давно уже были на сторонѣ Димитрія и ожидали только условленного знака, чтобы заявить открыто свои чувства. Съ этой минуты въ Кромахъ было одно войско, и оно было всецѣло предано царевичу. Противъ этой поголовной измѣны протестовали только нѣсколько воеводъ, но и они были скоро образумлены. Одни изъ нихъ бѣжали, поспѣшивъ въ Москву съ извѣстіемъ о постигшемъ несчастіи, другіе были арестованы, связаны и отвезены въ Путивль, какъ преступники. Въ томъ числѣ былъ Иванъ Годуновъ, близкій родственникъ покойнаго Бориса. Онъ не унизился и въ несчастіи и, въ то время какъ иные пресмыкались у ногъ Димитрія, онъ не хотѣлъ преклониться передъ нимъ и въ наказаніе за это былъ заключенъ въ тюрьму.

Побратавшись подъ стѣнами Кромъ съ приверженцами Димитрія, армія Годунова хотѣла выразить свою преданность и покорность самому царевичу. Съ этою цѣлью, 22-го мая была послана въ Путивль многочисленная депутація съ княземъ Иваномъ Голицынымъ во главѣ ²⁾. Этотъ услужливый бояринъ держалъ себя въ этомъ случаѣ удивительно двулично; заявивъ себя преданнымъ слугою претендента, онъ не находилъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы поносить Бориса: по его увѣренію, армія, стоявшая подъ Кромами, была жертвою ошибки, ее нельзя было считать виновною, она была жестоко обманута и если бы не двусмысленная формула присяги, то войско все еще было бы слѣпо предано Годуновымъ. Но теперь все объяснилось, всѣ признали истиннаго царевича и будутъ на вѣки ему преданы. Не поспеявъ извиненія и обѣщанія и присягнувъ Димитрію, князь Голицынъ заявилъ о своемъ намѣреніи послать въ Москву довѣренныхъ людей, чтобы приготовить народъ, и умолялъ Димитрія немедленно отправиться въ Кремль и возложить на свою главу корону предковъ. Въ день своего

¹⁾ Наше собраніе, письмо Лавицкаго къ Стривери, отъ 15-го іюня 1605 г.

²⁾ Наше собраніе, письмо Чижовскаго къ Стривери отъ 28-го мая 1605 г. Архивъ папскаго престола, IV, f. 64.

отреченія отъ православія Димитрій мечталъ въ будущемъ о коронѣ, теперь же московскій бояринъ предлагалъ ему эту корону отъ имени народа. Можно себѣ представить, что предложеніе было принято съ радостью.

Начиная съ мая мѣсяца, Димитрій былъ уже хозяиномъ положенія. Побѣда за побѣдою слѣдовали съ изумительною быстротою. Напрасно было бы доискиваться въ русскихъ лѣтописяхъ причины столь быстрыхъ успѣховъ: онѣ даютъ на это одинъ отвѣтъ. По ихъ словамъ, единственнымъ орудіемъ всего этого былъ Басмановъ: онъ предчувствовалъ неизбѣжную побѣду Димитрія, его поразило неосторожное слово, сказанное Семеномъ Годуновымъ, и онъ поспѣшилъ перейти на сторону болѣе сильнаго. Напрасно искать какого-либо объясненія въ письмахъ самого Димитрія: онъ разглагольствуетъ въ нихъ о казакахъ и татарахъ, но что касается его сношеній съ москвитянами, то объ этомъ онъ умалчивалъ. Всѣ предположенія и догадки имѣли бы смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы мы могли сослаться на какой-либо подлинный документъ. Изъ таковыхъ сохранился, насколько намъ извѣстно, всего одинъ документъ, да и тотъ не имѣетъ значенія первоисточника и служить только отголоскомъ взглядовъ нѣкоторыхъ именитыхъ бояръ.

Въ то время въ Польшѣ путешествовалъ нѣкто Петръ Аркудіусъ, бывшій воспитанникъ коллегіи св. Аеанасія, уроженецъ острова Корфу. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ сопровождалъ въ Москву Льва Салѣгу, съ цѣлью разыскать какія-то греческія рукописи, что впрочемъ ему не удалось. Аркудіусъ былъ у папы довѣреннымъ лицомъ по дѣламъ Восточной церкви. По пріѣздѣ въ Краковъ, онъ велъ продолжительныя бесѣды съ кардиналомъ Маціевскимъ и съ воеводою Мнишекъ, которые интересовались вопросомъ о воссоединеніи православныхъ христіанъ съ Римомъ. Рѣчь шла главнымъ образомъ о «русинахъ», но также и о москвитянахъ. Было упомянуто имя Димитрія; будущее церкви рисовалось въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ. Аркудіусъ предавался радужнымъ надеждамъ; онъ утверждалъ, что москвитяне легко могутъ воссоединиться съ латинской церковью, лишь бы имъ не навязывали латинскихъ обрядовъ, и что ихъ воссоединеніе будетъ прочнѣе, нежели у русиновъ; въ своемъ рвеніи онъ торопиль папу Павла V подготовить многочисленныхъ работниковъ, чтобы собрать на нивѣ Господней эту жатву ¹⁾. Съ этихъ поръ Аркудіусъ заинтересовался царевичемъ. Онъ собиралъ о немъ всевозможныя свѣдѣнія; документъ,

¹⁾ Римъ, архивъ Доріа, рукоп. Альдобрандини, письмо Аркудіуса папѣ Павлу V отъ 14-го августа 1605 г. и его же письмо къ кардиналу San Giorgio.

о которомъ мы упоминали выше, былъ сообщенъ ему епископомъ виленискимъ, Венедиктомъ Войною. Если вѣрить этому документу, то между царевичемъ и боярами происходили настоящіе переговоры и обѣими сторонами былъ заключенъ какъ бы настоящій договоръ: претенденту предлагали корону, но съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, сущность которыхъ сводилась къ слѣдующимъ пунктамъ:

Религія остается неприкосновенною. Димитрій будетъ пользоваться такою же неограниченною самодержавною властью, какою пользовался его отецъ.

Желательно однако, чтобы онъ даровалъ московитамъ права на подобіе тѣхъ, какими пользуются поляки.

Званіе сенатора (sic) не можетъ быть даваемо иностранцамъ, но имъ могутъ жаловаться движимыя и недвижимыя имущества.

Димитрій можетъ имѣть при дворѣ людей любой національности.

Иностранцы, которые будутъ служить ему, получаютъ право соорудить свои церкви, чтобы соблюдать правила своей вѣры.

Димитрій, занятый вопросомъ о магометанской вѣрѣ, со своей стороны, выговорилъ себѣ право заключать по своему благоусмотрѣнію союзы для борьбы противъ турокъ, но онъ не далъ никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній относительно правъ, какія хотѣли выговорить себѣ москвитяте, ограничившись обѣщаніемъ обратить серьезное вниманіе на этотъ вопросъ.

Все, что Аркудіусъ узналъ отъ Войны, было передано имъ кардиналу San Giorgio въ Римъ. Собирая эти свѣдѣнія, Петръ Аркудіусъ предпослалъ имъ свои замѣчанія, въ которыхъ говорилъ, что допущеніе ко двору иностранцевъ и разрѣшеніе строить церкви было условіе весьма благопріятное для католиковъ, коимъ открывался такимъ образомъ доступъ въ Московію, а разъ они туда проникнутъ, ихъ уже трудно будетъ выпроводить. Царевичу приписывались самыя благія намѣренія, отъ коихъ онъ впрочемъ не отказывался. По существу этотъ обоюдный договоръ, если только онъ былъ когда-либо заключенъ, былъ очень опасенъ для Димитрія, ибо хотя онъ и не отказывался отъ свободы дѣйствій, но онъ давалъ этимъ боярамъ въ руки оружіе противъ себя: послѣдніе со временемъ могли потребовать отъ него награды за свое усердіе.

Какою бы силою ни имѣли эти переговоры, во всякомъ случаѣ они происходили втайнѣ и не могли оказать непосредственнаго вліянія на народъ. Иное дѣло—торжественныя манифестаціи, происходившія подъ Кромами. Онѣ открыли претенденту путь въ Москву, передъ нимъ рисовалась картина погруженной въ отчаяніе столицы, обезумѣвшіе отъ ужаса соперники и ревностные защитники его дѣла. Отъѣздъ изъ Путивля былъ назначенъ на 25-е мая; между тѣмъ какъ Димитрій ѣхалъ

не спѣша, небольшими переходами, бояре готовяли почву для его приѣма въ столицѣ.

Эта военная прогулка продолжалась съ мѣсяць. Она служила для полковыхъ священниковъ неистощимымъ источникомъ удивленія ⁽¹⁾. Бывъ такъ недавно свидѣтелями прискорбной измѣны поляковъ, они не могли придти въ себя отъ изумленія при видѣ москвитянъ, приходившихъ въ неописанный восторгъ при одномъ извѣстїи о приближенїи Димитрія. Въ главныхъ пунктахъ его остановокъ воздвигались, какъ бы по волшебству, роскошныя палатки; горожане и крестьяне толпились на его пути, воеводы спѣшили ему на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью; у всѣхъ вырывался изъ глубины души восторженный кликъ въ честь возлюбленнаго царя, краснаго солнышка, истиннаго сына Іоанна IV. Казалось, будто чувство, долго сдерживаемое силою, сломивъ всѣ преграды, излилось, наконецъ, наружу. И природа участвовала во всеобщемъ ликованїи; яркое майское солнце проливало свои горячіе лучи на волнующуюся разодѣтую по-праздничному толпу татаръ, казаковъ, польскихъ всадниковъ, московскихъ дворянъ, которые торжественно везли въ Кремль послѣдняго отпрыска Рюрика.

Въ Кромахъ Димитрій распустилъ часть осаднаго войска, пославъ остальную часть подъ Орель, куда онъ отправился и самъ. Присмотрѣвшись ближе къ укрѣпленїямъ, возведеннымъ наскоро Корелою, полковые священники восторгались умомъ и изобрѣтательностью казацкаго атамана. Осаждающіе также имѣли все необходимое: прекрасно укрѣпленный лагерь, множество просторныхъ палатокъ, обиліе военныхъ орудій и снарядовъ. Можно было только удивляться, что они испытывали одни пораженія.

Дальнѣйшій походъ арміи пришлось совершить въ тропическую жару; земля пересохла, войско вздымало на своемъ пути цѣлыя облака пыли, къ этому присоединилось чрезвычайное утомленіе, такъ что оба іезуита заболѣли въ Орлѣ лихорадкою. Извѣщенный объ этомъ Димитрій выказалъ заболѣвшимъ нѣжную заботливость. Онъ поручилъ ихъ попеченію мѣстныхъ властей и щедро позаботился о неизбѣжныхъ при ихъ болѣзни расходахъ. По прошествїи четырехъ дней больные оправились отъ лихорадки и догнали главныя силы арміи въ Тулѣ, довольно значительномъ и хорошо укрѣпленномъ городѣ, всегда переполненномъ войскомъ, которое содержалось тамъ наготовѣ, чтобы идти въ походъ противъ татаръ. Въ числѣ жителей Тулы насчитывали до 700 поляковъ, взятыхъ въ плѣнъ во время войны и бывшихъ участниковъ походовъ Баторія. Они соревновали съ русскими въ желанїи оказать по-

⁽¹⁾ Наше собраніе, дневникъ о Лавицкаго, f. 25 v°; письмо Чижовскаго къ Стривери отъ 15-го іюня 1605 г. и письмо Лавицкаго къ нему же.

вому монарху восторженный пріемъ. Димитрій не уклонялся отъ овацій, не запрещалъ привѣтствовать и провозглашать себя, разсылалъ всюду грамоты съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на престолъ, послалъ гонцовъ даже въ Сибирь съ присяжными листами, въ которыхъ говорилось, что священныя узы связуютъ страну съ царицею Мареею Феодоровною и съ царемъ Димитріемъ Ивановичемъ ¹⁾. Сочувствіе, которое выказывалъ ему народъ въ Москвѣ, оправдывало эту смѣлость.

Слухъ о побѣдахъ, такъ легко одержанныхъ Димитріемъ, проникъ въ столицу и повергъ правительство въ ужасъ и смятеніе. Пославъ Басманова въ Кромь, Годуновы лишились самой надежной своей поддержки; съ измѣною Басманова, они потеряли всю армію. Ихъ покинули неожиданно всѣ ихъ защитники, а когда мятежъ охватилъ провинцію, то имъ пришлось возложить всѣ надежды на Москву, или, лучше сказать, на одинъ Кремль, такъ какъ народъ не былъ на сторонѣ партіи, сгруппировавшейся вокругъ тогдашнихъ представителей власти. Очевидно, агенты, посланные княземъ Голицынымъ изъ Кромъ, не терпели времени даромъ. Обаяніе Димитрія возрастало по мѣрѣ того, какъ въ городѣ появлялись бѣглецы, которые были готовы признать его своимъ законнымъ царемъ.

Новое правительство дѣйствовало въ духъ Бориса Годунова: виновные въ смутѣ были наказаны, нѣкоторые были осуждены даже на смертную казнь. Это показываетъ, что Годуновы не понимали всей опасности своего положенія и не сумѣли воспользоваться тѣми средствами, какія оно предоставляло имъ. Но поколебленное правительство, которому угрожали со всѣхъ сторонъ опасность и измѣна, не могло уже заглушить голосъ народа потоками крови. Въ сущности, было только одно средство произвести поворотъ въ общественномъ мнѣніи: вдова Іоанна IV пережила драму, разыгравшуюся въ Угличѣ, ея показаніе могло имѣть неоспоримый вѣсъ; вопль матери могъ убѣдить народъ и упрочить власть Годуновыхъ. Потеряли ли они окончательно голову подъ вліяніемъ страха или ей не довѣряли, какъ бы то ни было, Годуновы не обратились за помощью къ этой женщинѣ, насильственно заключенной въ монастырь, и старались подавить мятежъ силою.

Въ то время какъ эти событія разыгрывались въ Москвѣ и къ оборонѣ города готовились довольно вяло, въ окрестностяхъ столицы, въ Красномъ Селѣ, появились 10-го іюня, двое посланныхъ Димитрія, Гаврило Пушкинъ и Наумъ Плещеевъ ²⁾. Они пріѣхали съ намѣреніемъ, на глазахъ у правительства, возмутить народъ, склонить его въ пользу претендента и распространить его грамоту. Народъ, очевидно,

¹⁾ Собр. гос. грам., т. II, стр. 200—203, № 89, 90, 91.

²⁾ Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 66.

подготовленный и подкупленный заблаговременно, принялъ ихъ радостно, торжественно сопровождалъ въ городъ, на лобное мѣсто, гдѣ быстро собралась огромная толпа, привлеченная звуками набата. Сторонники Годунова были уже безсильны, ихъ противоудѣйствіе не имѣло значенія; несмотря на всѣ ихъ старанія, грамота Димитрія была тутъ же прочитана всенародно.

Составленная съ неподобнымъ искусствомъ, отмѣченная истинно царской умѣренностью, грамота была написана на имя трехъ бояръ: князя Ѳеодора Мстиславскаго, Василія и Димитрія Шуйскихъ, т. е. тѣхъ трехъ воеводъ, которые скорѣе оберегали, нежели осаждали Кромь, и всѣхъ другихъ бояръ, дворянъ, чиновныхъ людей, купцовъ и гражданъ московскихъ. Главнымъ пунктомъ было обращеніе къ совѣсти народа, который присягалъ передъ Богомъ въ вѣрности Іоанну IV и его потомству, и Димитрій, именемъ Бога и этой клятвы, требовалъ возстановленія своихъ правъ, какъ прирожденный монархъ. Онъ не унизился до того, чтобы доказывать несомнѣнность своего происхожденія; народу было достаточно его слова; онъ былъ обязанъ своимъ чудеснымъ спасеніемъ Провидѣнію. Зато въ грамотѣ не былъ пощажень Годуновъ, названный измѣнникомъ, тираномъ, похитителемъ престола. Что касалось остальнаго, то Димитрій готовъ былъ предать забвенію все случившееся въ предъидущее царствованіе и приписать все легковѣрію и невѣдѣнію народа; всѣмъ было обѣщано полное и безусловное прощеніе. У него была одна цѣль: возратить престолъ своихъ предковъ, избѣгнувъ кровопролитія. Многіе города уже изъявили ему свою покорность, почему бы и остальнымъ не послѣдовать ихъ примѣру? Чтобы этотъ совѣтъ проявель большее впечатлѣніе, Димитрій заявлялъ, что онъ располагаетъ грозными силами, въ рядахъ его войска находятся русскіе, поляки, татары, къ нему со всѣхъ сторонъ подходятъ подкрѣпленія, которыя сосредоточиваются въ Воронежѣ, и это войско, подобно неудержимому потоку, наводнитъ страну; онъ не допуститъ въ Москву только нагайскихъ татаръ, чтобы они не разграбили городъ. Не такъ поступалъ Годуновъ, повелѣвшій предать сѣверскую землю разграбленію и перебить безъ разбора всѣхъ заподозрѣнныхъ въ мятежѣ. Въ заключеніе въ грамотѣ говорилось, что въ царствованіе Димитрія будутъ процвѣтать миръ, благоденствіе и обиліе плодовъ земныхъ, сулились награды и милости каждому сословію въ отдѣльности, гнѣвъ Божій и царскій—въ случаѣ сопротивленія.

Слушая это посланіе, толпа заволновалась и стала неистовствовать.

Словно повинуюсь какому-то тайному приказанію, она устремилась къ царскому дворцу и стала громко требовать низложенія Годуновыхъ. Молодой Ѳеодоръ, съ его матерью и сестрою, были самымъ грубымъ образомъ схвачены въ царственномъ жилищѣ и водворены въ ихъ

прежнемъ домѣ, къ которому была приставлена стража. Съ ихъ родственниками Вельяминовыми и Сабуровыми обошлись еще суровѣе: они были заключены въ темницы.

За уличными беспорядками послѣдовали оргіи и грабежи. Въ царскихъ погребехъ хранилось большое количество меда и разнаго рода винъ; герои дня были не прочь отпраздновать въ нихъ свою побѣду. Едва удалось спасти неприкосновенное казенное имущество; чернь удовлетворилась тѣмъ, что ею были разграблены дома нѣкоторыхъ бояръ и иностранцевъ. При этомъ происходили омерзительныя сцены: грабители выламывали двери, опустошали комнаты, забирали лошадей и скоть, и устраивали разливное море изъ спиртныхъ напитковъ. Вышибленное дно бочки вызвало всеобщій восторгъ; спокойствіе водворилось въ городѣ только тогда, когда всѣ окончательно перепились ¹⁾).

Этотъ день имѣлъ для Дмитрія рѣшающее значеніе. Начало было сдѣлано; дальнѣйшія событія слѣдовали въ томъ же духѣ. Дмитрій еще не тронулся изъ Тулы, его войско еще не двинулось съ мѣста, а жители Москвы уже присягали ему, посылали ему депутаціи, умоляли его пріѣхать въ свой добрый городъ Москву. Не менѣе усердія выказывали бояре и сановники. Всѣ соревновали другъ передъ другомъ въ желаніи выказать свое усердіе новому царю. Клялись всѣми святыми, что Дмитрій есть прирожденный сынъ Іоанна IV.

Эти манифестаціи, казавшіяся вполнѣ добровольными, какъ нельзя лучше соотвѣтствовали планамъ Дмитрія. Онъ имѣлъ возможность вступить въ столицу, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла; при такихъ обстоятельствахъ его возвращеніе было равносильно признанію его царственнаго происхожденія.

Вѣрный своему слову, предавъ забвенію прошлое, царевичъ никого не обвинялъ и принималъ всѣхъ пріѣзжавшихъ къ нему одинаково благосклонно. При немъ находился рязанскій архіепископъ Игнатій, который давалъ его новымъ подданнымъ «для цѣлованія крестъ» ²⁾). Родомъ грекъ, бывшій архіепископомъ въ Кипрѣ, онъ пріѣхалъ нѣкогда вмѣстѣ со своими соотечественниками, искать счастья въ Россіи; Борисъ Годуновъ наградилъ его епархіей. Когда въ Тулѣ его паства приняла сторону претендента, онъ послѣшилъ послѣдовать ея примѣру, предложивъ Дмитрію Ивановичу свои услуги и засвидѣтельствовавъ ему свое почтеніе.

Путь въ Москву для Дмитрія отнынѣ былъ открытъ. Городъ былъ готовъ принять своего монарха. Если у него и были еще враги, то они скрывались, не смѣя показаться. Только нѣкоторыя лица внушали ему

¹⁾ Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 67.

²⁾ Дмитріевскій, стр. 103.

безпокойство. Прежде всего являлся вопросъ о Годуновыхъ: что дѣлать со сверженной правительницей и съ царемъ, лишеннымъ престола? Оставить ихъ живыми было опасно, отправить на тотъ свѣтъ не было причины. Вдова Бориса, всѣми покинутая, пришла въ отчаяніе, приняла яду, дала яду своему сыну, и, 20-го іюня, они оба скончались, предоставивъ бѣдную Ксеію ея горькой участи.

Таковъ былъ, по словамъ приверженцевъ Дмитрія, конецъ Годуновыхъ. Въ лѣтописяхъ это событіе описано иначе. Онѣ утверждаютъ, что изъ Тулы были посланы въ Москву оба князя Голицына и Масальскій, чтобы покончить съ Годуновыми. Они сослали родственниковъ Годунова и приказали задушить юнаго Феодора и его мать. Что касается Ксеіи, то ее пощадили; какъ увидимъ, не къ счастью для нея ¹⁾. Безъ сомнѣнія, внезапное исчезновеніе Годуновыхъ было весьма кстати для Дмитрія; но съ его ли вѣдома были совершены эти убійства? Сдѣлано ли это по его приказанію, или онъ только не препятствовалъ совершить это другимъ? Далъ ли онъ кому-либо опредѣленные приказанія или только намекомъ выразилъ свое желаніе? Надобно сознаться, что мы не имѣемъ данныхъ утверждать то или другое, хотя насильственная смерть этихъ жертвъ не подлежитъ сомнѣнію.

Личное участіе Дмитрія болѣе замѣтно въ суровыхъ карахъ, постигшихъ нѣкоторыхъ лицъ изъ высшаго духовенства. Быть можетъ, имъ руководило при этомъ злопамятство бывшаго чернеца, но несомнѣнно, что при этомъ также играли роль политическія соображенія, необходимость быть осторожнымъ и желаніе охранить свое царское достоинство.

Патріархъ, всецѣло преданный Годунову, такъ недавно предававшій Дмитрія проклятію, не могъ появляться при дворѣ монарха, котораго онъ много разъ проклиналъ и которому угрожалъ муками ада; разумѣется, Дмитрій не могъ терпѣть его подлѣ себя. Лица, посланные къ патріарху Іову Дмитріемъ, объявили ему о лишеніи его патріаршаго сана; съ него сняли патріаршее облаченіе, одѣли на него грубую власяницу и заточили въ Старицкій монастырь. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ всѣми современниками; побужденіе, руководившее при этомъ Дмитріемъ, вполне понятно. Болѣе загадочна была кара, постигшая въ то же время архимандритовъ Варлаама и Василія. Они были смѣщены и должны были отправиться въ ссылку. Въ чемъ же ихъ обвиняли? Почему они не могли оставаться во главѣ своихъ монастырей? Арсеvій, архіепископъ элассунскій, у котораго мы заимствуемъ

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 499, письмо Чижовскаго Савицкому отъ 17-го августа 1605 г. Дмитріевскій, стр. 99. Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 69.

вышеупомянутое свидѣніе, не объясняетъ этого; но его свидѣтельству нельзя не довѣрять. По занимаемому имъ положенію онъ могъ быть хорошо освѣдомленъ. Уроженецъ Фессалии, онъ сопровождалъ вѣкогда Іеремію II въ Москву; при немъ былъ утвержденъ въ Кремлѣ патриаршій престолъ, и онъ поселился навсегда среди гостепріимныхъ русскихъ людей, въ чемъ ему не пришлось впрочемъ раскаяться. Онъ былъ назначенъ настоятелемъ Архангельскаго собора; занимая эту высокую должность, онъ находился постоянно въ сношеніи съ дворомъ и съ высшими сферами. Онъ говоритъ обо всемъ, какъ очевидецъ, и мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія заподозрить его въ неискренности ⁽¹⁾.

Въ то время какъ принимались всѣ эти мѣры, армія выступила 24-го іюня изъ Тулы и двинулась къ столицѣ; мѣстное населеніе встрѣчало ее повсюду съ восторгомъ, который возросталъ по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ. Въ Серпуховѣ палатки, разбитыя для царя, возбудили особенное удивленіе поляковъ. Обширныя, роскошно убранныя, украшенныя башнями, снабженныя массивными дверями, онѣ походили на маленькія крѣпостцы. Внутри стѣны были покрыты обоями. Особенно изящнымъ убранствомъ отличалась столовая. Димитрій могъ угощать за своимъ столомъ многочисленныхъ приглашенныхъ. Бояре позаботились объ этомъ, пославъ ему поваровъ, кухонную прислугу и съѣстные припасы въ изобиліи.

Торжественный въѣздъ въ Москву состоялся 30-го іюня; погода была великолѣпная, чисто лѣтняя. Древняя столица русскихъ царей радостно встрѣчала царевича; о Годуновыхъ никто не сожалѣлъ, всѣ симпатіи народа были на сторонѣ героя дня. Загудѣли церковные колокола; ихъ радостный звонъ возвѣстилъ о приближеніи царскаго поѣзда. Какая смѣсь одеждъ, какое разнообразіе лицъ и типовъ! Подъ звуки военной музыки, шествіе открывали семьсотъ поляковъ, съ воинственнымъ видомъ, въ блестящихъ доспѣхахъ; это были остатки арміи, сформированной для похода въ Москву. За ними шли стрѣльцы въ красныхъ съ золотомъ кафтанахъ, московская конница съ барабанами и трубами. Ихъ сомкнутые ряды прерывались запряженными шестеркою парадными каретами и вноходцами въ роскошныхъ попонахъ. Далѣе потянулась длинная вереница духовенства: архіепископы, епископы, священники, архимандриты шли въ полномъ облаченіи, каждый неся въ рукахъ икону или евангеліе. Почетное мѣсто занималъ архіепископъ рязанскій Игнатій, окруженный четырьмя священниками. Но всеобщее вниманіе было сосредоточено на Димитріи; его появленіе

⁽¹⁾ Димитріевскій, стр. 100. Среди поляковъ ходилъ слухъ, будто Іовъ призналъ Димитрія. Наше собраніе, письмо Лавицкаго къ Стривери, отъ 15-го іюня 1605 г. Дневникъ о. Лавицкаго, f. 25 v°. Боржа, 397.

вызвало у толпы восторженные клики и потоки слезъ. Кто посмѣлъ бы въ этотъ моментъ назвать его искателемъ приключеній? Страна привѣтствовала его единогласно, принесла ему повинную и считала его своимъ монархомъ. Всѣ признали въ немъ царевича, истиннаго потомка св. Владиміра, сосланнаго нѣкогда въ Угличъ и чудесно спасагося отъ смерти. Развѣ это не былъ дѣйствительно царь всея Россіи, этотъ человѣкъ, ѣхавшій во дворецъ своихъ предковъ, подъ эгидою православнаго духовенства, окруженный любовью народа?

Остановившись на короткое время, по обычаю, на лобномъ мѣстѣ, съ котораго нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были провозглашены его права на престоль, царевичъ долженъ былъ по принятому обычаю посѣтить прежде всего три главныя Кремлевскія святыни. Набожный православный народъ видѣлъ, какъ царь благоговѣнно преклонилъ колѣна передъ иконами въ Успенскомъ соборѣ, какъ онъ оросилъ слезами въ Архангельскомъ соборѣ могилы Іоанна IV и Θεодора Іоанновича. Тѣло Бориса Годунова покоилось въ томъ же священномъ мѣстѣ. Движимый нѣжнымъ, сыновнимъ чувствомъ, Димитрій повелѣлъ вынести его изъ усыпальницы царей и предать землѣ внѣ Кремлевскихъ стѣнъ. Въ Успенскомъ соборѣ протопопъ Терентій привѣтствовалъ «самодержца всея Россіи» витѣватою рѣчью; этотъ даровитый проповѣдникъ превзошелъ этотъ разъ самого себя, превознося Димитрія. Его устами говорила вся Москва, въ его рѣчи вылилось радостное чувство, одушевлявшее въ тотъ день всѣхъ и cadaго. Отправляясь во дворецъ, Димитрій не хотѣлъ проѣхать мимо дома Годуновыхъ, который онъ приказалъ немедленно разрушить. Такимъ образомъ исчезли послѣдніе слѣды ихъ кратковременнаго величія ¹⁾. Но можно ли было положиться на чувства народа; могъ ли новый обитатель Кремлевскихъ палатъ чувствовать себя въ нихъ въ полной безопасности?

Едва не на слѣдующій день послѣ торжественнаго въѣзда въ Москву, былъ обнаруженъ заговоръ, напомнившій Димитрію столь несвоевременно о суровой дѣйствительности. Никто не посмѣлъ бы открыто идти противъ восторженной толпы; пзмѣнникъ дѣйствовалъ въ тайнѣ, но онъ былъ вскорѣ обнаруженъ. Это событіе представляется въ высшей степени таинственнымъ. Главное дѣйствующее въ немъ лицо—Василій Шуйскій, настоящій сфинскъ древней Москвы. Онъ служилъ Годунову, призналъ Димитрія и, будучи помилованъ имъ, тотчасъ принялся снова за происки. Отецъ Андрей, въ письмѣ отъ 14-го іюля, обвиняетъ его довольно туманно въ томъ, что онъ распространялъ противъ царя

¹⁾ Дмитріевскій, стр. 100. Кіампи, т. I, стр. 227. Наше собраніе, дневникъ о. Лавицкаго, т. 26; письмо Лавицкаго къ Аквавивѣ, отъ 21-го сентября 1605 г.; Акты арх. эксп., т. II, стр. 383, № 224.

злонамѣренно клевету, говорилъ, будто Димитрій былъ только орудіемъ въ рукахъ поляковъ и іезуитовъ, что онъ врагъ православной вѣры и намѣренъ уничтожить православныя церкви. Другія лица высказывали опредѣленіе, въ чемъ именно заключалось преступленіе Шуйскаго: по ихъ словамъ, онъ говорилъ прямо, что Димитрій не сынъ Іоанна IV, а разстрига Гришка Отрепьевъ. Во всякомъ случаѣ, вопросы, затронутые княземъ Василиемъ, несомнѣнно, были первостепенной важности, такъ какъ Димитрій счелъ необходимымъ предложить ихъ немедленно на обсужденіе сановитыхъ бояръ.

Это происходило въ первыхъ числахъ іюля, тотчасъ послѣ его торжественнаго вѣзда въ Москву и наканунѣ коронаціи. Слѣдовательно, Шуйскій старался помѣшать утвержденію на престолѣ новаго монарха; какъ знать, кѣмъ мечталъ замѣнить его будущій кандидатъ на московскій престолъ? 9-го іюля (н. ст.) епископы и бояре были созваны въ чрезвычайное засѣданіе для разсмотрѣнія вины Шуйскаго. Царь самъ обратился къ собору съ замѣчательною рѣчью, въ которой всѣ обвиненія Шуйскаго были разбиты въ пухъ и прахъ; приговоръ судей былъ такъ единодушенъ, что виновный былъ приговоренъ къ смертной казни. Димитрій утвердилъ этотъ приговоръ, отложивъ его исполненіе до слѣдующаго дня.

10-го іюля все было приготовлено для казни; безчисленная толпа собралась взглянуть на печальное зрѣлище. Шуйскій готовился уже положить голову на плаху, и палачъ взмахнулъ уже топоромъ, какъ вдругъ осужденному было объявлено отъ имени царя помилованіе. Чѣмъ была вызвана эта неожиданная переменна? Было ли это помилованіе слѣдствіемъ внезапнаго, великодушнаго порыва, или же оно было вызвано политической необходимостью или простымъ расчетомъ? Это трудно рѣшить. Но если царь рассчитывалъ на признательность Шуйскаго, то онъ жестоко ошибся; изменна дѣлала свое дѣло ¹⁾.

Проявивъ милосердіе, Димитрій хотѣлъ какъ можно скорѣе ознаменовать начало своего царствованія знакомъ своей сыновней преданности, муропомазаться и короноваться царскою короною. Москва ожидала этихъ празднествъ.

---

¹⁾ Наше собраніе, письмо Лавицкаго къ Стриверу, отъ 14-го іюля 1605 г. Сокращенный итальянскій переводъ у Кіампи, т. I, стр. 227. Русск. ист. библ., т. XIII, собр. 51. Нѣмовскій, стр. 115. Платоновъ, очерки, стр. 287.

КНИГА III. АПОГЕЙ СЛАВЫ.

I.

Коронованіе Димитрія 1605 г. 31-го іюля.

Высшая точка эпопей. — Мать Димитрія. — Онъ требуетъ, чтобы она засвидѣтельствовала о немъ. — Встрѣча съ сыномъ. — Всѣ растроганы ихъ свиданіемъ. — Вѣздъ въ Москву. — Возвращеніе ссыльныхъ. — Нагіе и Романовы. — Приготовленія къ коронованію. — Умалчиваніе объ исповѣди. — *Via sacra*. — Рѣчь Димитрія. — Верхъ апопсеза. — Въ Архангельскомъ соборѣ. — Лучъ древней славы. — Литургія въ Успенскомъ соборѣ. — Критическій моментъ. — Приѣмъ въ Кремлѣ. — Рѣчь о. Николая. — Откровенность Димитрія. — Посланіе патріарха Игнатія.

Торжественный вѣздъ въ Москву былъ кульминаціоннымъ пунктомъ въ эпопей Димитрія; онъ могъ послѣ этого въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ предаваться упоенію успѣха своего фантастичнаго приключенія.

Непріятный случай съ Шуйскимъ былъ вскорѣ позабытъ; толпу волновало другое событіе: въ Москву ожидали царицу. Она была пострижена въ Никольскомъ монастырѣ и приняла въ монашествѣ имя Мары; объ ея дальнѣйшемъ пребываніи въ монастырѣ, который былъ такъ же безмолвенъ, какъ могила, не было ничего извѣстно. Долголѣтняя жизнь въ монастырскихъ стѣнахъ не изгладила изъ ея памяти воспоминаній прошлаго. Драма, разыгравшаяся въ Угличѣ, произошла на ея глазахъ; она сжимала въ своихъ рукахъ окровавленную жертву; могло ли материнское чувство обмануть ее? До тѣхъ поръ она хранила упорное молчаніе, затаявъ чувства глубоко въ своемъ сердцѣ. Говорили, будто Борисъ Годуновъ велъ съ нею какіе-то тайственные переговоры въ то время, какъ народъ былъ взволнованъ появленіемъ претендента; но въ глазахъ толпы ея авторитетъ былъ неприкосновененъ: ее никто ни о чемъ не спрашивалъ, и она еще не высказалась. Димитрій смѣло обратился къ Марѣ съ просьбою сказать свое рѣшающее слово, онъ хотѣлъ, чтобы ее слышала вся Москва.

Рѣчь была за матерью. Но могла ли эта несчастная женщина сказать правду? Хватило ли бы у нея смѣлости сказать то, что она думала? Признать Димитрія истиннымъ сыномъ Іоанна IV — значило открыть себѣ путь къ благополучію и счастію; отвергнуть его, какъ презрѣннаго лгуна и обманщика, было равносильно подвергнуть себя страшной мести. Если только Марѣ не впала въ полную апатію, то она не могла быть безпристрастной. Ея враги утверждаютъ, что для того, чтобы за-

ручиться ея содѣйствіемъ, были пущены въ ходъ угрозы и обѣщанія. Ставка, за которую шла борьба, вполне стояла этого. Но если по этому поводу совѣщались заранѣе, то объ этихъ переговорахъ не сохранилось ни малѣйшаго слѣда.

Намъ извѣстна только виѣшняя обстановка этого событія и нѣкоторыя подробности. Толпа не вдавалась въ тонкія соображенія. Она видѣла въ Марѣѣ только мать, и приговоръ матери имѣлъ для нея рѣшающее значеніе.

Все было обставлено такъ, чтобы возбудить умиленіе и восторгъ народа. Въ концѣ іюля, Димитрій отправился въ с. Тайнинское на встрѣчу Марѣѣ, ѣхавшей въ Москву. По словамъ Лавицкаго, ихъ встрѣча произошла въ полѣ. Свидѣтелями этой сцены были русскіе и поляки, стекшіеся со всѣхъ сторонъ. Встрѣча произошла просто и умилительно, въ ней не было ничего неестественнаго. Встрѣтившись, Марѣа и Димитрій заплакали, сынъ бросился къ ногамъ матери, мать обняла сына; казалось, они оба возродились къ новой жизни. Впечатлѣніе, произведенное ими на всѣхъ, было самое благопріятное. Если это была только комедія, то надобно сознаться, что ея участники въ совершенствѣ разыграли свою роль. Толпа была растрогана, увидавъ Димитрія, шедшаго съ непокрытой головою возлѣ кареты, въ которой ѣхала его мать. Сыновняя любовь проявлялась, говорили очевидцы, помимо его воли; только она и могла внушить такое нѣжное вниманіе. Настала ночь; пришлось сдѣлать остановку. Димитрій долго бесѣдовалъ съ матерью. Ихъ слезы, слезы радости, были краснорѣчивѣе всѣхъ словъ.

Въѣздъ въ Москву совершился на слѣдующій день, 28-го іюля, при звонѣ колоколовъ и несмѣтномъ стеченіи народа. Димитрій ѣхалъ верхомъ возлѣ кареты царицы Марѣы. Когда онъ появился въ Кремлѣ, въ народѣ пронесся шепотъ одобренія. Восторгъ народа усилился, когда царь прослѣдовалъ съ матерью въ Успенскій соборъ поклониться св. иконамъ и принести благодареніе Богу. Жители Москвы были умилены этимъ зрѣлищемъ. Никто изъ царей не выказывалъ своей матери такого почтенія; тутъ заговорилъ, очевидно, голосъ крови, природа предъявила свои права, въ этомъ не могло быть сомнѣнія. Димитрій поддерживалъ умы въ этомъ настроеніи, окружая все время царицу самой почтительной нѣжностью. Въ Вознесенскомъ монастырѣ было приготовлено для нея роскошно обставленное помѣщеніе; ей прислуживало множество слугъ. Къ великому назиданію набожныхъ православныхъ христіанъ, Димитрій посѣщалъ свою мать чуть не ежедневно ¹⁾.

¹⁾ Наше собраніе, Дневникъ о. Лавицкаго, f. 27. — Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргесе, II, 499, письмо Чижовскаго къ Савицкому отъ 17-го августа 1605 г. и Лавицкаго къ Аквавинѣ отъ 21-го сентября. — Руск. Лѣт. т. VIII, стр. 71.

Съ возвращеніемъ царицы Марѳы участь многихъ лицъ должна была измѣниться. Прежде всего это отразилось, разумѣется, на Нагихъ. Въ Москвѣ появились дяди и три брата царицы, возвращенные изъ ссылки. Послѣдніе увидѣли въ царскомъ дворцѣ здоровымъ и невредимымъ племянника, убіеніе котораго въ Угличѣ они засвидѣтельствовали по крайней мѣрѣ официально, и ничто не указываетъ, что они были этимъ сколько-нибудь смущены. Романовы возвратились въ Кремль, какъ побѣдители, и были осыпаны знаками вниманія и предупредительности. Въ столицу былъ привезенъ даже прахъ тѣхъ лицъ, кои скончались въ ссылкѣ. Самый выдающійся членъ этой семьи, бояринъ Фѳодоръ Никитичъ, въ монашествѣ Филаретъ, какъ видно, ожидалъ уже съ нѣкоторыхъ поръ перемѣны своей судьбы ¹⁾.

Живя подъ строгимъ надзоромъ въ монастырѣ, въ которомъ былъ заточенъ, онъ сталъ держать себя вдругъ совершенно иначе: монахъ сталъ интересоваться исключительно свѣтскими дѣлами, бесѣдовалъ о соколиной охотѣ, о собакахъ, лошадяхъ, говорилъ объ отомщеніи и вмѣсто того, чтобы благочестиво распѣвать псалмы, весело болталъ о разныхъ мірскихъ предметахъ. Какъ разъ въ это время появился на горизонтѣ Димитрій; этимъ совпаденіемъ объяснилась вполнѣ въ послѣдствіи перемѣна, происшедшая въ Филаретѣ. Нѣкоторыя другія боярскія фамиліи, подвергшіяся преслѣдованію Годунова, заняли свои прежнія мѣста въ Кремлѣ и были восстановлены въ своихъ правахъ. Великому торжеству предшествовала реакція, послужившая многимъ ко благу.

31-го іюля, три дня спустя послѣ пріѣзда царицы, совершилось коронованіе и муропомазаніе Димитрія, увѣнчавшее его сокровенныя желанія и придавшее ему въ глазахъ народа ни съ чѣмъ не сравнимое обаяніе. Было весьма важно, чтобы Москва вопла, какъ можно скорѣе, въ свое обычное состояніе, чтобы потомокъ св. Владимира былъ законнымъ образомъ признанъ церковью. Московскій царь призывалъ образъ византійскаго базилевса, окруженный сверхъестественнымъ сіяніемъ. Подобно восточному цезарю, онъ получилъ свою власть отъ Вседержителя вселенной, поэтому передача этой власти должна была быть обставлена ослѣпительнымъ блескомъ. Такимъ образомъ между царемъ и его подданными, между избранникомъ свыше и православными христіанами, могли возникнуть священныя узы.

Наканунѣ великаго дня коронованія, новообращенный католикъ долженъ былъ приготовиться къ предстоящему таинству. Въ то время, когда ему приходилось преодолѣвать трудности военнаго времени, онъ общалъ полковымъ священникамъ, въ порывѣ искренняго благочестія, исповѣдаться у нихъ наканунѣ коронованія. Отецъ Андрей ставитъ ему

¹⁾ Акты ист., стр. 64, № 54.

это желаніе въ заслугу, но, къ сожалѣнію, не распространяется по поводу этого обстоятельства ¹⁾).

Исповѣдываться — еще куда ни шло, это можно было сдѣлать въ тайнѣ, но какъ было поступить относительно св. Причастія? Это таинство входило въ церемоніаль короновація; это ставило царя, принявшаго въ тайнѣ католическою вѣру, въ весьма затруднительное положеніе. Рѣшится ли онъ принять Причастіе изъ рукъ православнаго патріарха? Посмѣетъ ли онъ уклониться отъ этого исконнаго обычая? Димитрій высказалъ свои сомнѣнія Рангони на другой же день послѣ своего отреченія отъ православія; Рангони писалъ объ этомъ въ Римъ, но изъ Рима не спѣшили отвѣтомъ, хотя съ тѣхъ поръ прошелъ уже цѣлый годъ. Это молчаніе видимо не смущало Димитрія. Сколько намъ извѣстно, онъ не возобновлялъ своей просьбы и не настаивалъ на скорѣйшемъ разрѣшеніи его недоумѣнія. Увѣренность не измѣняла ему.

Успенскій соборъ пользовался въ Москвѣ тѣмъ же преимуществомъ, какъ Реймскій соборъ во Франціи. Въ немъ должно было совершиться, по установленному издревле обряду, священное короновація царя. Всѣ знатнѣйшіе бояре должны были исполнять во время этого обряда извѣстныя обязанности; для того чтобы придать церемоніалу болѣе торжественный характеръ, поспѣшили избраніемъ новаго патріарха. Въ этотъ санъ былъ возведенъ архіепископъ рязанскій Игнатій. Димитрій рѣшилъ извлечь всевозможную для себя пользу изъ этого историческаго дня.

Онъ шелъ въ соборъ во главѣ процессіи, облаченный въ порфиру, сверкавшую драгоценными камнями, попирая ногами малиноваго цвѣта бархатный коверъ, затканый золотомъ. Впереди царя шелъ священникъ, крестообразно кропившій святою водою эту *via sacra*. Приблизившись къ алтарю, Димитрій позволилъ себѣ отступить отъ установленнаго обряда. Онъ произнесъ рѣчь, рассказалъ всю свою исторію, свое происхожденіе, испытанныя имъ несчастія и свое чудесное спасеніе... Его рѣчь, выслушанная присутствующими въ безмолвномъ молчаніи, звучала все болѣе и болѣе правдиво. По словамъ полковыхъ священниковъ, въ храмъ было пролито не мало слезъ; хотя, быть можетъ, онѣ текли не такъ обильно, какъ говорятъ, но не подлежить однако же сомнѣнію, что рѣчь, произнесенная Димитріемъ, не вызвала никакого возраженія: его считали достойнымъ короны.

Настала очередь патріарха Игнатія. Онъ произнесъ установленныя молитвы, муропомазалъ Димитрія, подалъ ему знаки царскаго достоинства, корону Іоанна IV, скипетръ, державу и возвелъ его на престоль Іоанна, Василія и Владиміра. Тогда высшіе сановники государства,

¹⁾ Наше собраніе, дневникъ о. Лавицкаго, f. 29.

и въ числѣ ихъ патріархъ, прошли одинъ за другимъ передъ царемъ и, склонивъ голову, цѣловали его руку, помазанную священнымъ елеемъ. Выше этого не могло быть почестей. Цвѣтъ русскаго народа добровольно склонялъ главу передъ Димитріемъ и провозгласилъ его передъ Богомъ и людьми, въ самомъ сердцѣ Россіи, подъ сводами высоко чтимаго храма по своему собственному желанію царемъ и великимъ княземъ всея Руси. Можно ли было болѣе блистательнымъ образомъ опровергнуть клеветниковъ? Противъ этого всенароднаго рѣшенія нельзя было ничего возразить, иначе пришлось бы признать, что вся Россія заблуждалась, и что она всѣхъ обманула, предложивъ корону искателю приключеній. Димитрію было важно упрочить свою связь съ прошлымъ, призвать великія тѣни своихъ предковъ и поручить себя ихъ покровительству. Подобнаго рода манифестаціи были умѣстнѣе всего въ усыпальницѣ царей. Вѣрный древнему обычаю, Димитрій, тотчасъ послѣ коронованія, отправился въ Архангельскій соборъ и палъ ницъ передъ гробницами великихъ князей, царей Іоанна IV и Ѳеодора Іоанновича. Послѣ коронованія всѣ цари имѣли обыкновение поклоняться праху своихъ предковъ; Димитрій исполнилъ сверхъ этого еще одинъ маленький обрядъ. У алтаря, въ придѣлѣ св. Іоанна Климаксаго, его ожидалъ архіепископъ Арсеній; Димитрій преклонилъ передъ нимъ колѣна. Архіепископъ возложилъ на его голову шапку Мономаха и запылъ «аксіось»; клиръ повторилъ этотъ напывъ; монарха осѣнилъ лучъ древней славы¹⁾.

Церемонія закончилась обѣдней въ Успенскомъ соборѣ, отслуженною въ присутствіи царя патріархомъ Игнатіемъ въ сослуженіи многочисленнаго духовенства со всей пышностью и великолѣпіемъ восточной церкви. Въ то время, какъ дымъ кадиль возносился къ небу, какъ символъ священническихъ молитвъ, для Димитрія приближалась роковая минута. Передъ нимъ возставала грозная дилемма: либо пріобщиться св. тайнъ по православному обряду, либо отказаться отъ причастія, вызвавъ этимъ скандалъ; иного выбора не было. Такъ какъ скандала не произошло, то надобно полагать, что Димитрій пріобщился св. тайнъ. Но объ этомъ никто не говоритъ опредѣленно. Русскіе и поляки упоминаютъ объ этомъ обстоятельстве весьма туманно. Полковые священники, которые внимательно слѣдили за всѣмъ, также ничего не говорятъ объ этомъ: по ихъ словамъ, большее число собравшихся мѣшало имъ видѣть то, что происходило у алтаря²⁾. Однако, самъ Димитрій выдалъ себя, быть можетъ, неволью. Вскорѣ послѣ коронаціи онъ энергично сталъ хлопотать о Маринѣ и доказывалъ, что она не можетъ быть коронована,

¹⁾ Димитріевскій, 103, 124.

²⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп Боргезе, II, 499, письмо Лавицкаго къ Аквавинѣ отъ 21-го сентября 1605 г.

если она не приобщится по православному обряду. Онъ говорилъ это какъ бы на основаніи опыта, требуя отъ своей невѣсты выполненія обряда, коему онъ подчинился самъ.

За священнымъ обрядомъ коронаванія слѣдовало свѣтское празднество и придворный церемоніалъ. Изъ собора высшіе сановники Имперіи, бояре и прочія лица отправились во дворецъ принести поздравленіе царю и выразить ему свою преданность. Туда же прибыли и начальники маленькой польской арміи. Ихъ сопровождали, по желанію Димитрія, оба полковые священника. Самые знатные люди Московскаго государства и сіѣсивые поляки цѣловали вторично руку царя; они видимо были счастливы выказать ему свою вѣрноподданническую преданность и готовы были служить ему вѣрою и правдою. Зрѣлище было умиленное, но довольно однообразное; эта трогательная сцена была нѣсколько оживлена о. Николаемъ, который обратился къ Димитрію съ нѣсколькими теплыми, прочувствованными словами.

Иезуитъ въ Кремлѣ, говорящій царю рѣчь на польскомъ языкѣ, было явленіемъ невиданнымъ, несслыханнымъ; оно возбудило всеобщее любопытство. Импровизированная имъ рѣчь была, вѣроятно, самая обиденная; это были, конечно, подходящія къ случаю пожеланія, высказанныя въ общепринятыхъ выраженіяхъ, но Димитрій выслушалъ ихъ съ видимымъ удовольствіемъ, перевелъ нѣкоторыя мѣста этой рѣчи на русскій языкъ и сказалъ въ отвѣтъ нѣсколько любезныхъ словъ.

Во время пиршества, слѣдовавшаго за этимъ приемомъ, одинъ изъ поляковъ подошелъ къ ксендзамъ и сказалъ имъ по порученію Димитрія на ухо, что царь относится къ нимъ все съ тѣмъ же благоволеніемъ, помнитъ свои обѣщанія, по-прежнему сожалеетъ о томъ, что ихъ нельзя привести въ исполненіе немедленно, и одушевленъ желаніемъ основать коллегии и церкви. Деликатное вниманіе царя этимъ не ограничилось: онъ выразилъ удовольствіе по поводу того, что онъ короновался 31-го іюля, въ тотъ именно день, когда празднуется память Игнатія Лойолы, и велѣлъ передать иезуитамъ, что онъ считаетъ это совпаденіе счастливымъ предзнаменованіемъ и что онъ отправитъ вскорѣ посольство въ Римъ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ ласковыхъ словъ, при видѣ всеобщей радости и веселья, будущее казалось иезуитамъ полнымъ самыхъ успокоительныхъ, радужныхъ надеждъ. Открывалось обширное поле для распространенія евангельскаго ученія; Московія распахнула двери на Востокъ; открывался широкій путь вплоть до азіатскихъ плоскогорій; являлась возможность проникнуть въ эти таинственныя страны, къ полудикимъ народамъ, и низвергнуть ихъ идоловъ. Смѣлый, чуть не призрачный планъ Поссевина былъ близокъ къ осуществленію; кремлевскіе гости упивались этой надеждою.

Въ то время, какъ Москва радостно встрѣчала своего монарха,

въ самые отдаленные города были посланы гонцы съ извѣщеніемъ о вступленіи Дмитрія Ивановича на престолъ его предковъ и съ требованіемъ учинить ему присягу. Патріархъ Игнатій не щадилъ своихъ трудовъ. Онъ разослалъ гонцовъ даже въ Сибирь, приказывая имъ созывать вездѣ народъ и духовенство, объявлять имъ о вступленіи на престолъ новаго царя, звонить въ колокола и молиться за здравіе царицы Марѣи и ея сына Дмитрія ¹⁾). Вскорѣ слухи объ этомъ удивительномъ событіи распространились за границую.

II.

Краковъ служитъ центромъ, куда стекаются всѣ извѣстія о Дмитріи. — Письма полковыхъ священниковъ. — Дневникъ Лавницкаго. — Рангоны, посредникъ между іезуитами и папскимъ престоломъ. — Отецъ Аквавива. — Антоній Поссевицъ. — Письмо къ новому Соломону. — Книжечка Бареццо - Барецци. — Маркизь Мирова. — Флорентинскіе агенты. — Капитанъ Иванъ-ла-Бланкъ, прообразъ репортера. — Его наилучшій кліентъ, французскій посланникъ въ Венеціи. — Депешн Канэ, представляемый Генриху IV. — Мечты о кардинальской шапкѣ для Поссевина. — Франческо Соранцо. — Фема Ронкароли. — Брачные планы австрійскаго правительства. — Дружескіе голоса. — Оптический обманъ.

Облетѣвъ всю Россію, имя царя Дмитрія Іоановича стало произноситься и во всей Европѣ. Хотя извѣстія передавались въ то время не по электрическому проводу, тѣмъ не менѣе, они проникали всюду хотя не такъ быстро, какъ теперь, но зато въ болѣе пространныхъ документахъ. Не безъинтересно прослѣдить, откуда шли извѣстія о московскомъ царѣ, и какимъ образомъ они проникали за границу, доходили до Рима, Венеціи, Флоренціи, ко двору Генриха IV и Рудольфа II.

Центромъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ извѣстія, получавшіяся изъ Московіи, былъ г. Краковъ, Вавельскій замокъ, домъ нунція, монастырь св. Варвары. Главныя свѣдѣнія получались отъ полковыхъ священниковъ, состоявшихъ при арміи Дмитрія. Король польскій, вѣроятно, получалъ также свѣдѣнія отъ своихъ личныхъ агентовъ, но ихъ донесенія не дѣлались общимъ достояніемъ, между тѣмъ какъ письма о. Николая и Андрея переходили изъ рукъ въ руки. Корреспонденція обоихъ іезуитовъ носитъ интимный характеръ. Они писали своимъ настоятелямъ съ полной откровенностью, руководимые желаніемъ высказаться какъ другу. Они были всецѣло поглощены возложенной на нихъ миссіей, охотно распространялись о своемъ духовномъ общеніи съ поль-

¹⁾ Собр. гос. грам., т. II, стр., 204 № 92.

скими солдатами, высказывали свои затрудненія, надежды, писали о своихъ занятіяхъ, словомъ, обо всемъ, что ихъ занимало; въ письмахъ встрѣчается много интереснаго. Въ силу занимаемой ими должности и въ силу вещей они касались также событій, волновавшихъ въ то время Москву. Герою этихъ событій было отведено въ ихъ письмахъ не послѣднее мѣсто. Ихъ интересовала его фізіономія, его способности, его планы. Они считали Дмитрія, какъ мы уже сказали, прирожденнымъ сыномъ Іоанна IV. Голосъ народа разсѣялъ всѣ ихъ сомнѣнія. Въ фантастическомъ походѣ на Москву все казалось имъ предопредѣленнымъ свыше; невидимыя силы играли въ немъ болѣе значительную роль, нежели стратегія. Зато надежда не покидала ихъ, даже въ тѣ минуты, когда ихъ постигали неудачи, когда имъ приходилось переносить разныя превратности судьбы. Устроившись въ Москвѣ, Лавицкій составилъ дневникъ, который начинается съ появленія Дмитрія въ Польшѣ и прерывается 31-го іюля 1605 г. Этимъ дневникомъ онъ руководствовался при своей перепискѣ, въ которой встрѣчаются по сравненію съ нимъ пробѣлы, сокращенія и дополненія ¹⁾).

Въ монастырѣ св. Варвары ожидали писемъ отъ ксендзовъ съ нетерпѣніемъ: и не мудрено, они получались такъ издалека и въ нихъ сообщалось такъ много новаго. Ихъ читали съ жадностью, давали читать друзьямъ, быть можетъ, передавали ихъ содержаніе королю. Весьма вѣроятно, эти письма препровождались въ подлинникѣ и къ нунцію. Они были пріятною находкою для Рангони; онъ считалъ долгомъ снимать съ нихъ копіи, оставляя у себя иной разъ самыя оригиналы и посылая ихъ въ Римъ. Такимъ образомъ, нѣкоторыя изъ писемъ, посланныхъ въ Краковъ, попали въ хранилище Боргезе, въ Ватиканъ. Обыкновенно Рангони пользовался ими, какъ матеріаломъ при составленіи своихъ депешъ, и дополнял ими тѣ свѣдѣнія, которыя онъ получалъ при дворѣ или отъ самого Дмитрія. Онъ сдѣлался такимъ образомъ довѣреннымъ лицомъ и посредникомъ между іезуитами и папскимъ престоломъ.

Извѣстія изъ Москвы получались въ Италиіи еще другимъ путемъ и разносились оттуда по бѣлу-свѣту. Во-первыхъ, ксендзы писали время отъ времени своему генералу, отцу Клавдію Аквавивѣ; но эти служебныя письма не выходили изъ сферы іезуитскаго ордена и Ватикана. Центромъ, куда стекались всѣ сообщенія пропаганды, было другое лицо—Антоній Поссевинъ, съ которымъ обмѣнивались письмами Децій Стривери, провинціалъ польскихъ іезуитовъ, Гаспаръ Савицкій, духовникъ Дмитрія, и изрѣдка оба полковые священника. Поссевинъ, пре-

¹⁾ О. Савицкій также велъ дневникъ. Извлеченія изъ него напечатаны у Велевицкаго.

старѣлый борецъ за католическую вѣру, писатель и человекъ въ высшей степени дѣятельный, полный воспоминаніями объ Іоаннѣ IV и о Баторіи, воспыпалъ юношеской страстью къ московскому царю. Онъ проживалъ въ то время въ Венеціи, печаталъ свою Bibliotheca у Бареццо-Барецци и поддерживалъ постоянныя сношенія съ итальянскими принцами и съ французскими дипломатами. Переходъ Генриха IV въ католическую вѣру сблизилъ его съ этимъ королемъ, участіе Поссевина въ этомъ дѣлѣ было оцѣнено по заслугамъ.

Появленіе Дмитрія подало ему надежду на осуществленіе въ будущемъ его давнишнихъ плановъ относительно славянскихъ земель и Востока. Московскій царевичъ высказалъ о Николаю, во время своихъ продолжительныхъ бесѣдъ съ нимъ въ Путивлѣ, желаніе получить отъ Поссевина славянскую біблію. Ему было извѣстно, вѣроятно, о порученіи, съ какимъ этотъ іезуитъ былъ посланъ нѣкогда къ Іоанну IV; просьба о присылкѣ Библии была продиктована, вѣроятно, простою любовью. Но чаша была полна, эта послѣдняя капля переполнила ее.

Поссевинъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые стали бы скрывать интересныя новости, получаемыя имъ изъ Москвы, и не попытался бы воспользоваться благоприятнымъ настроеніемъ новообращеннаго католика.

Библія весьма кстати дала ему возможность вступить въ сношеніе съ Дмитріемъ. Онъ могъ бы послать ему біблію, напечатанную въ Острожскѣ. У него сохранился экземпляръ, подаренный ему княземъ Константиномъ Острожскимъ, но это роскошное изданіе имѣло одинъ недостатокъ: оно было напечатано въ православной типографіи; поэтому Поссевинъ предпочелъ послать царевичу нѣкоторыя другія книги духовнаго содержанія, въ коихъ онъ былъ совершенно увѣренъ; къ посылкѣ было приложено письмо, въ которомъ говорилось о дружбѣ и союзѣ съ Польшею, объ отомщеніи Швеціи, о крестовомъ походѣ противъ турокъ и о проповѣди евангелія въ Казани, Астрахани и въ странахъ Азіи.

«Дмитрію, какъ второму Соломону,—говорилъ Поссевинъ,—суждено воздвигнуть храмъ, который превзойдетъ своимъ великолѣпиемъ храмъ іерусалимскій,—это будетъ духовный храмъ душъ, возвращенныхъ въ лоно истинной церкви».

Эта программа должна была примѣняться въ Россіи, но было весьма важно, чтобы объ ней знали и чтобы къ ней отнеслись съ сочувствіемъ за границею. Поссевинъ писалъ по этому поводу разнымъ лицамъ, между прочимъ герцогу Урбинскому Франческо, съ цѣлью разсказать ему исторію Дмитрія и обратить его благосклонное вниманіе на царевича. Въ особенности ему хотѣлось сообщить эти извѣстія во Флоренцію и Парижъ. Въ письмахъ къ великому герцогу То-

сканскому Фердинанду, онъ обсуждалъ вопросъ объ основаніи «русинской» типографіи въ Тосканѣ. Распространеніе полезныхъ книгъ на народномъ языкѣ было всегдашнею заботою Поссевина; онъ видѣлъ съ грустью, что въ Россіи это дѣло было въ зачаткѣ; какая прекрасная задача для принца изъ дома Медичи,—говорилъ онъ,—покровительствовать народу, которому принадлежитъ будущее, открыть ему широкіе горизонты!

Относительно Генриха IV онъ предавался еще болѣе соблазнительнымъ мечтамъ: онъ хотѣлъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ вызвать между нимъ и царемъ благородное соревнованіе, въ предположеніи, что имъ захочется превзойти другъ друга и что церковь могла бы отъ этого выиграть.

Вскорѣ Поссевинъ, какъ увидимъ, изложилъ самымъ пространнымъ образомъ свои виды на Москву папѣ Павлу V. Но пока, чтобы не терять времени, онъ хотѣлъ заинтересовать въ нихъ общество и съ этой цѣлью издалъ свое коротенькое, но весьма содержательное *Relazione*. Эта тоненькая книжечка, переполненная восторженными отзывами о Дмитріи, появились въ Венеціи въ исходѣ 1605 года. На обложкѣ ея стояло имя Бареццо-Барецци, но подъ именемъ этого издателя скрывался Поссевинъ.

Изъ итальянцевъ онъ одинъ переписывался съ полковыми священниками, и означенное *Relazione* представляетъ извлеченіе изъ ихъ писемъ. Пользованіе этими письмами и предпосланное имъ предисловіе изобличаютъ перо іезуита, появлявшагося нѣкогда при московскомъ дворѣ; въ Краковѣ всѣ называли его авторомъ этой брошюры. Онъ самъ заботился о ея распространеніи; она пользовалась одно время довольно большой пзвѣстностью. Отецъ Москера (*Mosquera*) издалъ ее на испанскомъ языкѣ, другія лица перевели ее на французскій, нѣмецкій и латинскій языки. Такимъ образомъ исторія Дмитрія сдѣлалась популярною на Западѣ¹⁾.

Іезуиты, находившіеся при арміи Дмитрія, со словъ которыхъ говорить Поссевинъ, писали обо всемъ, какъ очевидцы; въ этомъ отношеніи ихъ письма имѣютъ несомнѣнное значеніе. Но кромѣ ихъ, въ Краковѣ были придворные, дипломаты и услужливые агенты, которые

¹⁾ Наше собраніе, письмо Поссевина къ Дмитрію отъ 10-го іюля 1605 г. Флоренція, государственный архивъ, кол. Урбино, *Ci. I. Div. G. f. CLXXI, CCXIX*; кол. Медичи, *filza 933*. Кіампи, *Esame crit.* стр. 49. Бареццо въ „Русск. Ст.“ Книжечка Бареццо Барецци составляетъ большую рѣдкость. Въ Императорской петербургской публичной библиотекѣ хранятся изданія, появившіяся въ Венеціи, Мюнхенѣ, Грацѣ (на нѣмецкомъ и латинскомъ языкѣ), Прагѣ, Валладолидѣ.

жадно прислушивались ко всѣмъ извѣстіямъ и спѣшили передать ихъ за границу.

Такъ, напримѣръ, маркизь Мирова, маршалъ королевскаго двора, имѣвшій, по занимаемому имъ положенію, возможность слышать все, что говорилось во дворцѣ, и передать впечатлѣнія, вызываемыя въ немъ событіями, велъ правильную переписку съ кардиналомъ Альдо-брандини, великимъ герцогомъ тосканскимъ и герцогомъ мантуйскимъ. Въ Италіи живо интересовались всѣмъ происходившимъ въ другихъ государствахъ; польскій маркизь охотно рассказывалъ своимъ корреспондентамъ о Борисѣ Годуновѣ и о Дмитріѣ Ивановичѣ, и эти чужеземныя имена не пугали людей, читавшихъ Данте и Петрарка. Нѣкоторые италіянцы, проживавшіе въ Польшѣ, также изоощряли свои дипломатическія способности по поводу событій, совершавшихся въ Московскомъ государствѣ: такъ, напримѣръ, Нери Джиральди (Neri Giraldi) и Серниджи (Sernigi) посылали донесенія тосканскому канцелеру Велларію Винти.

Но самымъ дѣятельнымъ и энергичнымъ изъ всѣхъ этихъ охотниковъ до новостей былъ капитанъ Иванъ Ла-Бланкъ (Jean La Blaque), настоящій прообразъ современнаго репортера. Его жизнь была богата событіями; уроженецъ Лангедока, по выраженію Поссевина, кальвинистъ самаго послѣдняго разбора, онъ потерялъ все свое состояніе и оставилъ родину въ 1580 г. Весьма вѣроятно, это была одна изъ жертвъ религиозныхъ войнъ, которыя волновали въ то время Францію. Несчастный нашелъ убѣжище въ Швеціи; Спигзмундъ принялъ его къ себѣ на службу, и Ла-Бланкъ такъ привязался къ своему новому монарху, который былъ впрочемъ ревностнымъ католикомъ, что послѣдовалъ за нимъ изъ Стокгольма въ Краковъ. Военная служба оставляла ему досугъ, коимъ онъ не прочь былъ воспользоваться для увеличенія своихъ средствъ. Въ политикѣ ему не повезло; его проектъ союза Польши со Швеціей подъ покровительствомъ Генриха IV потерпѣлъ полное фіаско; не рассчитывая извлечь болѣе никакой выгоды съ этой стороны, онъ занялся корреспонденціей. Оффиціозное репортерство сдѣлалось его ремесломъ въ 1617 г. Онъ похвалялся Ришелье, епископу люсонскому и будущему кардиналу, что «Генрихъ Великій и затѣмъ царствующій король и его мать возложили на него обязанность сообщать ихъ величествамъ о всѣхъ текущихъ событіяхъ при сѣверныхъ дворахъ». Дѣйствительно, въ 1604 г. въ числѣ его клиентовъ помпозно нунція Рангони находились посланники французскій и венеціанскій ¹⁾.

¹⁾ „Calvinista pessimo (La Blaque) se già non è convertito“, замѣтка, сдѣланная на подѣ Поссевинымъ. Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 66, f. 339. См. тоже II, 223, 230, 234. Сапаяе, т. II, стр. 399. Парижъ, національная библ., отд. французскія рукоп.; 15967, passim. Дандигъ, государственный архивъ, завѣщаніе Ла-Бланка.

Богатый торговый городъ Лагунъ считался въ то время обсерваціоннымъ постомъ, гдѣ завязывались сношенія съ Востокомъ и даже съ Московіей. Представителемъ наихристіаннѣйшаго короля въ Венеціи былъ Филиппъ Канэ де-Френъ (Canaue de Fresnes), новообращенный гугенотъ, большой другъ Поссевина. Онъ интересовался славянскими странами и старательно изучалъ письма Ла-Бланка, котораго онъ считалъ «человѣкомъ благороднымъ и весьма способнымъ»; письма іезуитовъ давали ему возможность провѣрять сообщенія Ла-Бланка, и онъ описывалъ французскому королю въ своихъ депешахъ исторію Димитрія во всѣхъ ея подробностяхъ. Эти депеши прочитывалъ въ Парижѣ статсъ-секретарь Виллеруа, который представлялъ ихъ Генриху IV.

Усердіе Канэ шло еще далѣе: онъ не только посвящалъ короля во всѣ подробности переворота, совершившагося въ Москвѣ, онъ внушалъ бывшему гугеноту цѣлый планъ католической пропаганды: Генрихъ IV могъ быть, по его словамъ, апостоломъ евангелія въ Россіи, онъ могъ послать въ Кремль, совмѣстно съ Павломъ V, легата, и тотъ іезуитъ, на котораго была бы возложена эта миссія, получилъ бы кардинальскую шапку. «Эта обширная, почти необъятная имперія будетъ большимъ приобрѣтеніемъ для католической церкви»,—писалъ Канэ статсъ-секретарю Виллеруа, 12-го іюля 1605 г. «И когда это извѣстіе (о вступленіи Димитрія въ Москву) подтвердится, то, я полагаю, было бы вполне согласно съ благочестивыми чувствами, одушевляющими его величество, просить папу о назначеніи о. Поссевина легатомъ въ эту страну, гдѣ онъ такъ долго и благотворно работалъ со временъ Григорія XIII и Сикста V, и возвести его въ кардинальскій санъ, чтобы придать его посольству еще болѣе значенія. Я знаю, что онъ далекъ отъ этой мысли, рѣшивъ провести въ уединеніи цѣлый годъ въ Лорето ¹⁾), какъ только онъ окончитъ печатаніе своихъ сочиненій. Но я забочусь болѣе о благѣ церкви, нежели о личной пользѣ ея членовъ, и прошу васъ извинить меня, м. г., если я вамъ высказываю слишкомъ откровенно то, что, по моему мнѣнію, можетъ послужить къ славѣ Божіей и къ чести и славѣ его величества, если онъ порекомендуетъ человѣка, столь преисполненнаго высокими достоинствами ²⁾). Генрихъ IV не послѣдовалъ совѣтамъ своего посланника: онъ оставилъ въ покоѣ Поссевина съ его книгами, Москву съ ея православіемъ, но образъ Димитрія запечатлѣлся въ его умѣ и, когда капитанъ Маржеретъ, возвратился изъ Россіи, то онъ выразилъ желаніе выслушать легендарную исторію Димитрія.

При королевскомъ дворѣ въ Прагѣ исторія Кремлевскаго триумфа-

¹⁾ Городъ въ итальянской провинціи Анкона, куда стекается ежегодно до 50.000 богомольцевъ.

Прим. перевод.

²⁾ Canaue, т. II, стр. 652 и др.

тора вызвала совершенно иного рода соображенія. Рудольфъ II имѣлъ своими агентами въ Москвѣ нѣкоего Луку Паули и Генриха Логау, которые сообщали ему обо всемъ происходившемъ въ Россіи. Ихъ донесенія, въ томъ видѣ, какъ они дошли до насъ, слишкомъ не полны, чтобы можно было судить о томъ, на сколько они были достовѣрны. Быть можетъ, въ Прагѣ болѣе руководствовались извѣстіями, доходившими изъ Кракова. Нунцій г. Праги, Ферреріо, переписывался иногда со своимъ коллегой Рангони; пармскій агентъ Ома Ронкарони препровождалъ своему властителю Рануціо Фарнезе (Ranuce Farnès) письма полковыхъ священниковъ. Венеціанскій посланникъ, Франческо Соранцо, черпалъ свѣдѣнія также изъ польскихъ источниковъ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что Габсбурги внимательно слѣдили за событіями, происходившими въ Москвѣ. Соранцо подмѣтилъ даже, что они выказывали къ новому царю болѣе симпатіи, нежели къ Борису Годунову. Мы имѣемъ весьма вѣрный показатель ихъ настроенія: когда Годуновъ старался всѣми силами заключить брачный союзъ съ австрійскимъ домомъ, то представители габсбургской монархіи уклонялись отъ положительнаго отвѣта; къ Дмитрію же они отнеслись совершенно иначе и сами подумывали предложить ему въ невѣсты эрцгерцогиню; въ выборѣ не было затрудненія, такъ какъ у Карла Штирійскаго было множество дочерей. Царь могъ сдѣлаться зятемъ польскаго короля, и послѣдствіемъ этого брачнаго союза было бы заключеніе тройственнаго союза. Но всѣ эти проекты разбились о сильную и неизмѣнную привязанность Дмитрія къ Маринѣ ⁴⁾.

Восходя такимъ образомъ къ первоначальнымъ источникамъ, откуда шли всѣ слухи, распространявшіеся за границею о московскомъ царѣ, становится понятнымъ, почему они были столь благопріятны ему и какимъ образомъ они доставили ему такую быструю извѣстность. Противники Дмитрія не высказывались, они рѣшили молчать до поры до времени; пока раздавались только голоса людей, дружески къ нему расположенныхъ и, все то, что они говорили о немъ, быстро облетало самыя отдаленныя страны. Въ сущности, неопытные наблюдатели поддавались въ этомъ случаѣ неизбежному оптическому обману. Перемѣна, казавшаяся Кавѣ-де-Френу столь желательной и къ достиженію которой Поссевианъ и полковые священники стремились всею душою, была почти неосуществима, хотя Дмитрію, несомнѣнно, предстояло заняться вопросомъ о религіи. Онъ не могъ отъ этого уклониться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁴⁾ Вѣна, государственный архивъ, Russica, 1604 и 1605 г. Венеція, государственный архивъ, Germania, Dispassi, 1605 г., f. 31, депеша Соранцо отъ 29-го августа.

Всеволодъ Порфиріевичъ Коховскій.

(Биографическая замѣтка).

Всего іюня исполнилось 10 лѣтъ со дня кончины организатора Педагогическаго музея, солдатскихъ и народныхъ чтеній, генераль-лейтенанта Всеволода Порфиріевича Коховскаго.

Въ некрологахъ о немъ была указана выдающаяся его дѣятельность на этомъ поприщѣ.

Прилагая при настоящей книжкѣ портретъ Всеволода Порфиріевича, редакция считаетъ необходимымъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Всеволодъ Порфиріевичъ Коховскій происходилъ изъ древняго и знатнаго дворянскаго рода. Предки рода Коховскихъ были чешскими рыцарями и получили гербъ свой (пень съ 5-ю обсѣченными вѣтвями, пронзенный крестомъ), въ самомъ началѣ христіанства въ Чехіи.

Въ 1100 году рыцарь Дерзславъ Остржевъ перешелъ въ Польшу, гдѣ его фамилія измѣнилась въ Нечуя, и представители этого рода по владѣнію «Коховъ» стали называться Нечуя-Коховскіе.

Коховскіе имѣли свои войска и занимали высокое положеніе при дворѣ и на службѣ, будучи старостами, маршалами, подкоморіями и пр.

Изъ польскихъ представителей этого рода особенно замѣчательнъ исторіографъ короля Яна Казимира, подкоморій (камергеръ) краковскій.

Веспасіанъ Коховскій—типичный представитель рыцарства конца XVI и начала XVII вѣка. Онъ происходилъ изъ Краковской линіи рода Коховскихъ, другая же линія, изъ коей происходилъ Всеволодъ Порфиріевичъ, въ половинѣ XVI вѣка перешла въ Смоленскъ, а въ 1654 году приняла русское подданство и православіе. Всѣ члены этой линіи были награждены вотчинами и пожалованы царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ стольники ко двору и записаны въ боарскую книгу.

Всѣ представители рода Коховскихъ служили въ военной службѣ, и многіе изъ нихъ награждены георгиевскими крестами. Родъ Коховскихъ находился въ родствѣ съ князьями Друцкими-Соколинскими, Храповицкими, Ермоловыми, Давыдовыми, гр. Хвостовыми, гр. Тышкевичами, Потемкиными, Энгельгардами и др.

Родъ Коховскихъ внесенъ въ 6-ю часть дворянской родословной книги Смоленской губерніи.

Всеволодъ Порфиріевичъ Коховскій родился и выросъ не въ родной Смоленской губерніи, а въ имѣніи своей матери Стародубкѣ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи.

Отецъ Всеволода Порфиріевича, Порфирій Ивановичъ Коховскій, въ молодости служилъ въ военной службѣ, но, вслѣдствіе полученныхъ подъ Силистріей нѣсколькихъ ранъ и контузій, рано вышелъ въ отставку и жилъ въ имѣніи своей жены, со времени назначенія его любимаго брата слободско-украинскимъ (харьковскимъ) губернаторомъ, предоставивъ смоленскія родовыя земли управленію матери своей, рожденной Храповицкой, и братьямъ.

Первое свое образованіе Всеволодъ Порфиріевичъ получилъ въ городѣ Бахмутѣ, въ англійскомъ пансіонѣ Кукъ, о которомъ навсегда сохранилъ благодарное воспоминаніе. Затѣмъ былъ помѣщенъ въ Дворянскій полкъ, откуда вышелъ 18-ти лѣтъ офицеромъ¹⁾; въ 1854 году участвовалъ въ дѣлѣ подъ Силистріей, былъ контуженъ въ голову и, получивъ Анну 4-й степени за храбрость, перешелъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ, откуда поступилъ въ Николаевскую академию генеральнаго штаба. Выпущенный изъ академіи по первому разряду, Всеволодъ Порфиріевичъ не перешелъ на службу въ генеральный штабъ, а по совѣту генераль-адъютанта Исакова, принялъ должность начальника учебнаго отдѣленія въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній и сталъ во главѣ зарождавшагося тогда Педагогическаго музея.

Въ 1870 году, полковникъ Коховскій назначенъ предсѣдателемъ постоянной комиссіи Педагогическаго музея, и съ тѣхъ поръ, до самой смерти, въ продолженіе 21 года неустанно трудился надъ созданиемъ того учрежденія, которое заслужило себѣ почетную извѣстность въ Россіи и за границей.

Съ 1888 года Педагогическій музей получилъ постоянное существованіе, и генераль Коховскій былъ назначенъ первымъ его директоромъ. Объ его дѣятельности говорилось уже подробно на страницахъ «Русской Старины» въ годъ его кончины.

---

¹⁾ Сохранился дневникъ, веденный В. П. во время пребыванія его въ Дворянскомъ полку. Редакція „Русской Старины“ надѣется напечатать его на страницахъ своего журнала.

Достаточно сказать, что при немъ состоялось: 1.768 засѣданій, 1.452 чтенія, 116.854 уроковъ, рассмотрѣно 977 народныхъ и солдатскихъ чтеній, которыхъ Всеволодъ Порфиріевичъ былъ первымъ инициаторомъ, напечатано 1.500.000 брошюръ, и музей посѣтило 1.165.000 человекъ.

Всеволодъ Порфиріевичъ состоялъ почетнымъ членомъ во многихъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ обществахъ, въ которое время былъ председателемъ Фребелевскаго общества.

Въ 1889 году Всеволодъ Порфиріевичъ произведенъ въ генерал-лейтенанты и вскорѣ послѣ этого высочайшимъ приказомъ назначенъ членомъ совѣта Императорскаго человеколюбиваго общества, съ оставленіемъ въ прежней должности. Онъ скончался 1-го іюня 1891 г. послѣ долгой и мучительной болѣзни; но до послѣдняго дня своей жизни Всеволодъ Порфиріевичъ заботился и работалъ надъ своимъ дорогимъ дѣтищемъ, Педагогическимъ музеемъ, раскрывавшимъ широко свои двери всѣмъ желавшимъ познаний. Религіозныя бесѣды, ученые сообщенія, музыкальные уроки, народные и солдатскія чтенія, уроки подаванія первой помощи при несчастныхъ случаяхъ—все нашло себѣ мѣсто подъ кровомъ музея.

Жизнь и работа кипѣла въ его стѣнахъ.

Къ этимъ немногимъ біографическимъ даннымъ присоединяемъ нѣсколько писемъ, сохранившихся въ семействѣ В. П. Коховскаго.

1.

Письмо Н. В. Исакова—В. П. Коховскому.

26-го декабря 1881 г.

Весьма сожалѣю, что засѣданіе Государственнаго Совѣта лишаетъ меня возможности присутствовать при чтеніи отчета въ комиссіи о народныхъ чтеніяхъ и привѣтствовать лично ваше превосходительство съ тѣмъ замѣчательнымъ успѣхомъ этого дѣла у насъ въ Россіи, которымъ, по всей справедливости, обязано вашей личной настойчивой и просвѣщенной работѣ.

Вы мнѣ не откажете въ правѣ судить о ней, если примете во вниманіе, что я почти 10 лѣтъ былъ, сознаюсь, какъ-бы только постороннимъ свидѣтелемъ въ ходѣ и борьбѣ ея съ кучею разныхъ препятствій и затрудненій, начиная съ первыхъ шаговъ.

Мотивы, по которымъ я предоставилъ вамъ полную свободу дѣйствій, вполнѣ оправдались на дѣлѣ, и вамъ принадлежитъ вся заслуга этого чрезвычайно полезнаго предпріятія.

Искренно желаю ему дальнѣйшаго, болѣе спокойнаго и широкаго

*

развитія; наши ожиданія могутъ легче исполниться теперь, когда прежнихъ многихъ препятствій не существуетъ и общество вполне расположено къ вашему дѣлу, и вашею заботливостью привлечено уже къ нему столько талантливыхъ и усердныхъ, выше всякихъ похвалъ, сотрудниковъ.

2.

Письмо графа Д. А. Милютина—В. П. Коховскому.

25-го февраля 1882 г.

Вновь приношу вашему превосходительству искреннюю мою благодарность за присылку мнѣ отчета о десятилѣтніи народныхъ чтеній. Меня радуетъ успѣхъ этого полезнаго дѣла, всецѣло принадлежащаго вамъ, инициативѣ и трудамъ вашимъ.

Отъ всей души желаю, чтобы, съ легкой вашей руки, оно и впредь продолжало развиваться повсемѣстно.

3.

Письмо графа Д. А. Милютина—В. П. Коховскому.

10-го марта 1883 г.

Приношу искреннѣйшую благодарность за присланный мнѣ вашимъ превосходительствомъ «Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея» за послѣдніе два года.

Читая этотъ отчетъ, я не могъ не радоваться тому замѣчательному развитію, которое приняло это учрежденіе подъ разумнымъ руководствомъ вашимъ и при горячей заботливости вашей объ успѣхѣ этого полезнаго дѣла.

4.

Письмо Н. В. Исакова—В. П. Коховскому.

12-го января 1890 г.

Я вамъ мимоходомъ говорилъ о намѣреніи моемъ привлечь васъ къ дѣятельности сродной вамъ и только шире открывающей возможность проявленія вашего опыта и знанія. Я разумѣлъ подъ этимъ привлеченіе васъ въ совѣтъ Человѣколюбиваго общества. Вы на-дняхъ получите

приглашеніе къ тому отъ митрополита, какъ главнаго попечителя общества. Я увѣренъ, что вы дадите ваше согласіе съ твердымъ намѣреніемъ быть дѣятельнымъ членомъ совѣта, что именно совѣту и нужно, чего онъ постоянно ищетъ. Вы найдете, съ одной стороны, учебную часть въ нашихъ благотворительныхъ заведеніяхъ, какъ почву для приложенія раціонально выработанныхъ началъ, съ другой, общіе вопросы по благотворительности общественной и частной, требующіе водворенія какой-нибудь осмысленной организаціи въ нихъ.

Не сомнѣваюсь, что то и другое представитъ вамъ столько серьезнаго общественнаго интереса, что вы не откажете положить на нихъ часть вашего труда.

Когда официально вы будете извѣщены, мы постараемся собраться нѣсколько человѣкъ и переговорить о главныхъ основаніяхъ,—пока это только предувѣдомленіе совершенно частнаго характера.

5.

Письмо Н. В. Исакова—В. П. Коховскому.

16-го января 1890 г.

Совѣтъ Человѣколюбиваго общества избралъ вновь четырехъ членовъ кромѣ васъ: Григорія Алекс. Черткова, Юзефовича и адмирала Лисянскаго. Такъ какъ мысль, руководившая избраніемъ состояла въ приобрѣтеніи лицъ, которыя бы посвятили хотя небольшое время на серьезное вниманіе къ дѣятельности Человѣколюбиваго общества, и такъ какъ первое, что встрѣчаетъ каждый новый членъ,—это совершенную неизвѣстность этой дѣятельности, то предполагаю, что новые члены не откажутъ мнѣ въ разсмотрѣннн всего, касающагося Человѣколюбиваго Общества—сообща.

Я полагаю бы пригласить новыхъ членовъ одновременно съ тѣмъ, чтобы изложить имъ настоящее положеніе дѣлъ и предстоящія задачи общества и выслушать отъ нихъ всѣ вопросы, могущіе заинтересовать ихъ и поставить въ нѣкоторое знакомство съ ходомъ дѣлъ. Для этого я поджидаю, чтобъ новые члены получили официально предложеніе отъ митрополита на вступленіе въ члены Совѣта общества.

Сіонисты въ 30-хъ годахъ.

Въ 30-хъ годахъ въ Россіи, особенно западной, распространились воззванія сіонистовъ за подписью L. S. Siegfried Justus I, освободителя и искупителя израиля, посланнаго Богомъ для сооруженія храма въ Іерусалимѣ.

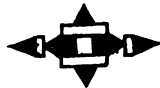
Особо уполномоченный, вѣкій Зейфертъ, предлагалъ при этомъ желающимъ дипломы различныхъ степеней:

- 1) Дѣйствительный тайный совѣтникъ.
- 2) Дѣйствительный городской совѣтникъ правъ и преимуществъ выяснятся по завоеваніи Палестины.
- 3) Почетный гражданинъ Іерусалима имѣеть преимущественное право заниматься торговлею и дѣлами.

Цѣнность диплома опредѣлена въ 3.000 талеровъ, впередъ вносится всего лишь 5 проц.

Права обывателей возстановляемаго израильскаго царства имѣють быть объявлены во всеобщее свѣдѣніе въ непродолжительномъ времени.

Сообщилъ А. Мердеръ.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императора Александра II и именно въ декабрѣ 1856 года на барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа было возложено собираніе матеріаловъ для исторіи царствованія императора Николая I, и съ этою цѣлю подъ его предсѣдательствомъ была образована особая коммиссія.—Изъ трудовъ этой коммиссіи въ «Русской Старинѣ» (1899—1900) были напечатаны записки самого барона Корфа; нынѣ, съ соизволенія Государя Императора, помѣщаются ниже матеріалы для исторіи цензуры въ царствованіе императора Николая I.

Ред.

I.

Краткій очеркъ цензуры до вступленія на престолъ императора Николая I.—Разрѣшеніе заводить вольныя типографіи.—Подчиненіе цензуры Управѣ Благочинія.—Закрытіе частныхъ типографій въ 1796 г.—Учрежденіе постоянной цензуры.—Цензура при императорѣ Павлѣ.—Новый уставъ при императорѣ Александрѣ I.—Вліяніе на цензуру министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына.—Статьи «Духа Журналовъ», «Дамскаго Журнала» и другихъ.—Произволъ цензоровъ.—Назначеніе адмирала А. С. Шишкова министромъ народнаго просвѣщенія.—Дѣятельность его въ царствованіе императора Александра I.

М остановленія о цензурѣ, въ настоящемъ значеніи этого слова, начали проявляться у насъ не прежде временъ Петра Великаго; но и тогда, и долго послѣ, они относились лишь къ церковнымъ книгамъ и сочиненіямъ богословскимъ, которыя запрещалось печатать, а напечатанныя за границею обращать въ продажу безъ разрѣшенія Синода. Это объясняется не столько еще предпочтительнымъ количествомъ издавшихся въ то время книгъ духовнаго содержанія, сколько тѣмъ, что всѣ, впрочемъ, очень немногочисленныя

типографіи были тогда казенныя, состоявшія при разныхъ управленіяхъ и вѣдомствахъ; слѣдственно, ничто не могло быть издаваемо въ свѣтъ безъ разрѣшенія этихъ самыхъ вѣдомствъ, конечно, отвѣчавшихъ и за содержаніе всего пропущеннаго ими въ печать.

Первый цензурный законъ по книгопечатанію гражданскому послѣдовалъ въ 1771-мъ году, но лишь для однѣхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ. Онъ былъ изданъ при дозволеніи иностранцу Гартунгу завести, собственно для такихъ книгъ, первую въ Россіи вольную типографію. Ему предоставлялось печатать въ ней единственно то, «что не предосудительно ни христіанскимъ законамъ, ни правительству, ниже добродравію». Гартунгу запрещено было выпускать книги безъ дозволенія Академіи наукъ, а объявленія—безъ разрѣшенія полиціи ¹⁾.

Наконецъ, въ 1783-мъ году сдѣланъ былъ важный шагъ къ распространенію у насъ книжнаго дѣла. Типографіи, въ правѣ ихъ учрежденія и содержанія, приравнены къ фабрикамъ и заводамъ, и, на этомъ основаніи, каждому дана воля заводить ихъ, для печатанія книгъ и на русскомъ языкѣ, гдѣ самъ пожелаетъ, «съ тѣмъ, однакожъ», какъ выражался указъ, «чтобъ ничего въ сихъ типографіяхъ противнаго законамъ Божиимъ и гражданскимъ, или же къ явнымъ соблазнамъ клонящагося, издаваемо не было, чего ради отъ Управы Благочинія отдаваемые въ печать книги свидѣтельствовать, и ежели чтѣ въ нихъ противное сему запрещенію явится, запрещать» ²⁾.

Такимъ образомъ, у насъ на самомъ дѣлѣ были уже и цензурныя правила и цензура. Но первыя ограничивались однимъ основнымъ, весьма широко выраженнымъ началомъ, послѣдняя же лежала не на какихъ-либо особыхъ установленіяхъ или лицахъ, а на общемъ полицейскомъ начальствѣ.

Все это продлилось, однако, не долго. Послѣ извѣстныхъ дѣлъ: Новиковскаго (1784 г.) и Радищевскаго (1790 г.), и всего болѣе подъ вліяніемъ опасеній, навѣянныхъ западными смутами, первоначальныя воззрѣнія Екатерины совершенно измѣнились. Въ самые послѣдніе дни ея царствованія (16-го сентября 1796 г.) состоялось повелѣніе: 1) изъ числа существующихъ типографій оставить только находящіяся при присутственныхъ мѣстахъ и казенныхъ училищахъ, изъ частныхъ же единственно заведенныя съ особеннаго высочайшаго соизволенія, а всѣ прочія «въ разсужденіи происходящихъ отъ того злоупотребленій» уничтожить;

2) учредить постоянную цензуру, въ столицахъ подъ вѣдѣніемъ Сената, а въ прочихъ, указанныхъ для того мѣстахъ, подъ наблюденіемъ

¹⁾ Указъ 1771 г. марта 1-го.

²⁾ Указъ 1783 г. января 15-го.

губернскихъ начальствъ, изъ трехъ въ каждомъ мѣстѣ лицъ: духовнаго по выбору Синода, гражданскаго по опредѣленію Сената, и ученаго по назначенію Академіи наукъ;

3) впредь не издавать ничего безъ осмотра въ одной изъ этихъ цензуръ и «безъ одобренія, что въ сочиненіяхъ, или переводахъ ничего закону Божію, правиламъ государственнымъ и благонравію противнаго не находится»;

4) привозъ иностранныхъ книгъ дозволятъ лишь къ поименованнымъ въ указѣ пунктамъ, и равномѣрно не иначе, какъ по осмотру и одобренію той же цензуры.

Въ царствованіе императора Павла I, упомянутая коренная мѣра получила только нѣкоторыя дополненія, именно учреждено нѣсколько новыхъ цензурныхъ пунктовъ, и всѣ они подчинены с.-петербургской цензурѣ. Сверхъ того, книги, которыя цензура признаетъ недозволёнными, или даже сомнительными, вѣдно вносить на разсмотрѣніе императорскаго совѣта ¹⁾. Въ числѣ цензурныхъ постановленій этого времени особенно замѣчательнъ указъ 17-го апрѣля 1800 года, которымъ запрещенъ ввозъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ онѣ ни были, безъ всякаго изъятія, «такъ какъ черезъ ввозимыя изъ-за границы книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія». Со вступленіемъ на престолъ императора Александра, внѣшнія обстоятельства, вынудившія правительство закрыть частныя типографіи, уже не существовали, а пятилѣтній опытъ доказалъ, что средство это было весьма недостаточно для достиженія своей цѣли. По крайней мѣрѣ эти двѣ причины приведены были въ указахъ, которыми: 1) снято было запрещеніе на впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ; 2) дозволялось опять каждому заводить типографіи для печатанія книгъ на всѣхъ языкахъ, наблюдая только, чтобъ въ нихъ «не было ничего противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ, или къ явнымъ соблазнамъ клонящагося, и 3) уничтожались цензуры всякаго рода, по городамъ учрежденныя, и разрѣшеніе книгъ къ печатанію возложено на губернаторовъ, которымъ, для разсмотрѣнія ихъ, предоставлено употреблять директоровъ народныхъ училищъ ²⁾.

Вскорѣ послѣ того, какъ извѣстно, составъ высшаго государственнаго управленія получилъ новый видъ. Учреждены были министерства, и, съ распредѣленіемъ между ними дѣлъ, цензурная часть передана въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Послѣдствіемъ этого было снабженіе ея особымъ уставомъ, но «не для стѣсненія,—какъ упо-

¹⁾ Указъ 1797 г. іюля 4-го.

²⁾ Указъ 1802 г. февраля 9-го.

миналось въ докладѣ министра,—свободы мыслить и писать, а единственно для принятія пристойныхъ мѣръ противъ злоупотребленія оной».

Въ уставѣ 1804 г. іюля 9-го, довольно краткомъ по объему, всего не болѣе 47-ми параграфовъ, главное назначеніе цензуры выражалось тѣмъ, чтобы, «доставить обществу книги и сочиненія, способствующія истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, и удалить книги и сочиненія, противныя сему намѣренію». Съ этою цѣлію запрещено что-либо печатать и обращать въ продажу безъ разсмотрѣнія цензуры, а самая цензура поручена университетамъ, то-есть цензурнымъ при нихъ комитетамъ изъ профессоровъ и магистровъ, въ общемъ вѣдѣніи учрежденнаго тогда же при министерствѣ народнаго просвѣщенія Главнаго управленія училищъ.

Основаніемъ дѣйствій установленной такимъ образомъ цензуры поставлены слѣдующія три главныя начала: 1) наблюдать, чтобы въ пропускаемыхъ къ печатанію книгахъ, періодическихъ изданіяхъ и представляемыхъ на театрѣ пьесахъ «ничего не было противнаго закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого-либо гражданина»; 2) въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій «руководствоваться благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣсть въ оныхъ, которыя по какимъ-либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію; когда же мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше толковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать»; 3) «скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія».

Въ такомъ видѣ цензурный уставъ оставался безъ измѣненія болѣе 20-ти лѣтъ, т. е. въ продолженіе всего царствованія императора Александра I, ¹⁾.

Но съ 1817 года, т. е. со времени учрежденія новаго министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и назначенія во главу этого министерства князя Александра Николаевича Голицына, цензура получила особый, вопреки либеральнымъ правиламъ устава, стѣснительный отгѣнокъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго.

Въ самые первые мѣсяцы своего управленія, и именно 4-го апрѣля 1818 года, князь Голицынъ отнесся ко всѣмъ попечителямъ учебныхъ

---

¹⁾ Цензура духовныхъ книгъ предоставлена была особымъ духовнымъ цензурнымъ комитетамъ.

округовъ съ официальнымъ предписаніемъ, въ которомъ ясно высказалось новое направленіе, наступившее для русской цензуры и русской печатной мысли: «По соображеніямъ моимъ нахожу я,—говорилъ князь Голицынъ,—что какъ до изданія устава о цензурѣ, такъ и послѣ того, вообще выходили и могли выходить у насъ книги, коихъ содержаніе, въ отношеніи къ духу правительства и религіи, могло по тогдашнимъ обстоятельствамъ и времени весьма противно быть принятымъ нынѣ твердымъ правиламъ, кои правительство, по точной волѣ государя императора, вводитъ и укоренять старается. Вслѣдствіе того, по долгу званія моего, обязываюсь я употребить всѣ зависящія отъ меня мѣры къ недопущенію во вновь печатаемыхъ книгахъ никакихъ мыслей и правилъ, нетерпимыхъ нынѣ правительствомъ. Посему прошу предписать подвѣдомственному вамъ цензурному комитету, чтобы оный, при разсмотрѣніи сочиненій и переводовъ, предполагаемыхъ къ напечатанію вторымъ, третьимъ и вообще возобновляющимся тисненіемъ, наблюдалъ строжайше, дабы подобныя мѣста въ книгахъ сихъ, содержащія въ себѣ мысли и духъ, противные религіи христіанской, обнаруживающіе или вольнодумство безбожничества, невѣрія и неблагочестія, или своевольство революціонной необузданности, мечтательнаго философствованія, или же опорочиванія догматовъ православной нашей церкви, и тому подобное, были непременно запрещаемы къ печатанію, хотя бы въ напечатанныхъ прежде книгахъ и находились».

Что же признавалось, по мысли князя Голицына, вольнодумнымъ, нехристіанскимъ, своевольнымъ и необузданнымъ?

24-го мая 1818 года министръ писалъ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа:

«Примѣчено мною, и даже въ бытность мою въ Москвѣ находилъ я неоднократно, что издатель «Духа Журналовъ» помѣщаетъ въ немъ статьи, содержащія въ себѣ разсужденія о вольности и рабствѣ крестьянъ, о дѣйствіяхъ правительства и многія другія неприличности. Сверхъ того, въ книжкѣ 20-й помѣщена и такая статья, о которой прежде того было именно общее распоряженіе по цензурѣ, чтобы оной не печатать ни въ какомъ журналѣ, все сіе побуждаетъ меня просить ваше превосходительство потребовать отъ упомянутаго издателя объясненія, на какомъ основаніи дозволено ему издавать свой журналъ, который, сколько извѣстно, и по самому названію его судить можно, могъ бы заключать въ себѣ только извлеченія изъ газетъ и другихъ журналовъ, и періодическихкихъ сочиненій изящнѣйшаго и примѣчанія достойнѣйшаго. На посвященіе же сего «Духа Журналовъ» сужденіямъ о томъ, что касается собственно до правительства, вѣрно не было даваемо ему позволенія. Таковыя матерія могутъ быть токмо печатаемы, когда правительство по усмотрѣнію своему само находитъ то нужнымъ, и даетъ свое прика-

заніе: ибо ему одному можетъ быть извѣстнымъ, что изъ такихъ матерій и въ какое именно время прилично сообщать для свѣдѣнія публики. Посему издателямъ не слѣдуетъ писать ни въ подкрѣпленіе какой-либо о подобныхъ предметахъ мысли, ни противъ оной: то и другое нерѣдко бываетъ равно вредно, подаіемъ повода къ разнымъ заключеніямъ и толкамъ. Журналъ «Сынъ Отечества» равнымъ образомъ, какъ кажется, отошелъ отъ первоначальной своей цѣли и принимаетъ на себя сужденіе о такихъ же матеріяхъ, о коихъ ему судить не слѣдовало бы вовсе.

«По всѣмъ симъ причинамъ нашель я себя въ обязанности препоручить вашему превосходительству обратить вниманіе цензуры на издаваемые журналы и другія сочиненія, дабы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не было печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе вольности, или рабства крестьянъ, не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ, ни вообще матерій, касающихся до распоряженія правительства (какъ то говорится въ статьѣ о крѣпостяхъ на дома въ уѣздахъ, и городахъ той же 20-й книжки «Духа Журналовъ»; или весьма неприличные намеки дѣлаются тамъ же въ смѣси, о всенародныхъ аудіенціяхъ). А какъ книжка сія не была вовсе на просмотрѣніи у цензора статскаго совѣтника Тимковскаго, хотя на ней разрѣшеніе его пменемъ и напечатано, то я прошу васъ, милостивый государь мой, потребовать отъ издателя оной статскаго совѣтника Яценкова и отъ содержателя типографіи, въ коей она печаталась, отвѣта, по какому праву приступили они къ тому, уклонясь отъ общихъ законныхъ постановленій. При томъ нужно подтвердить цензурѣ правило, что никто не имѣетъ права быть самъ цензоромъ подаваемого имъ въ печать; тотъ же, кто произведетъ цензуру какого-либо сочиненія, долженъ непременно скрѣплять по листамъ оное и отвѣтствовать за сіе; а типографія, напечатавшая что-либо безъ такой подписи цензора, подвергается строжайшему отвѣту, о чемъ я не премину отнестись къ г. санктпетербургскому военному генералъ-губернатору и просить о подтвержденіи сего всѣмъ типографіямъ снова.

«По исполненіи вами сего, я буду ожидать донесенія вашего о распоряженіяхъ, вами вслѣдствіе того учиненныхъ, и отвѣтахъ, какіе вы получите съ собственнымъ вашимъ на все то мнѣніемъ».

На предложенный вопросъ издатель журнала г. Яценковъ отвѣчалъ ¹⁾:

«Во исполненіе предписанія его сіятельства г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ 24-го дня прошлаго мая о истребованіи отъ меня объясненія по разнымъ статьямъ, касательно издаваемого мною «Духа Журналовъ» честь имѣю представить слѣдующее:

¹⁾ 7-го іюня 1818 года.

«Во-первыхъ, касательно права печатанія статей, до правительства относящихся.

«Высочайше конфирмованнаго устава о цензурѣ въ § 22-мъ повелѣно: «скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, челоуѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго, или какой бы то ни было отрасли управленія, не токмо не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія».

«На основаніи сего высочайшаго узаконенія, которое никакимъ послѣдующимъ отмѣнено не было, печатались и печатаются во всѣхъ почти журналахъ и даже во многихъ газетахъ сужденія о разныхъ предметахъ, до правительства относящихся. На томъ же основаніи помѣщаемы были таковыя сужденія и въ «Духъ Журналовъ», въ продолженіе болѣе трехъ лѣтъ. Нѣкоторыя статьи сего рода сообщаемы были официально отъ разныхъ министерствъ для напечатанія въ семь журналъ.

«Многочрнтныя повторенія о пользѣ свободнаго книгопечатанія для самаго правительства, читаемыя въ «Сѣверной Почтѣ», газетѣ, издаваемой подъ руководствомъ министра, исправлявшаго должность министра народнаго просвѣщенія, не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія, что-бы система сія, въ границахъ благоучрежденной цензуры, измѣнилась.

«Въ началѣ и въ концѣ каждаго года, въ объявленіи о предметахъ, долженствующихъ входить въ составъ «Духа Журналовъ», всегда помѣщалась, между прочими, и сія статья: «Наблюдатель Отечества, или разсужденія о разныхъ предметахъ, до благосостоянія отечества относящихся». Таковыя же объявленія печатались многократно, какъ въ здѣшнихъ, такъ и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» съ дозволенія полицейской цензуры, на основаніи законовъ.

«Во-вторыхъ, касательно напечатанныхъ въ «Духъ Журналовъ» статей о рабствѣ и вольности. Сужденія о семъ предметѣ печатаемы были и въ прошломъ году несравненно въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ и прямо относительно къ крѣпостному состоянію въ Россіи; но всегда въ защиту того порядка вещей, какой существуетъ нынѣ на основаніи законовъ. Почему и не было сдѣлано противъ статей сего рода никакого замѣчанія отъ начальства. Въ семь же 1818 году, въ 12-й книжкѣ напечатана статья о рабствѣ въ иностранныхъ государствахъ, о которой менѣе всего можно было опасаться, чтобъ она произвела неблагопріятное впечатлѣніе, какъ потому, что она относится преимущественно до иностранцевъ, и только по сравненію касается до русскихъ, такъ и потому, что она не есть сочиненіе, но заимствована изъ иностранныхъ журналовъ, слѣдовательно, была читана и въ чужихъ

земляхъ и здѣсь, гораздо прежде, нежели явилась въ «Духъ Журналовъ».

«Когда же въ опроверженіе «Духа Журналовъ» напечатана была въ 19-й книжкѣ «Сына Отечества» статья объ иностранныхъ крестьянахъ, то начальство не только не нашло ничего предосудительнаго въ ученыхъ состязаніяхъ о семь предметѣ, но еще гласно изъявило за то издателю «Сына Отечества» свое отличное одобреніе.

«Но какъ скоро отъ вышняго начальства сдѣлано распоряженіе, чтобы прекратить всякія пренія о сей матеріи, то болѣе уже ничего о семь предметѣ печатаемо не было.

«Въ третьихъ, въ разсужденіи 12-й книжки «Духа Журналовъ»: Въ сей книжкѣ напечатана рѣчь г. малороссійскаго военнаго губернатора князя Репнина. Въ ней нѣтъ ничего ни о рабствѣ, ни о свободѣ крестьянъ, а только самое легкое и осторожное напоминаніе объ улучшеніи участи крѣпостныхъ крестьянъ въ томъ кругу гражданскаго ихъ бытія, въ которомъ они законами поставлены. Предметъ не новой: можно указать тысячу узаконеній, то же самое, и еще сильнѣе подтверждающихъ.

«Рѣчь сія прислана къ главному издателю «Духа Журналовъ» печатная. Она говорена была въ торжественномъ собраніи всего малороссійскаго дворянства такимъ лицомъ, которое на своемъ посту есть органъ воли монаршей; слѣдовательно, принята за официальную; а потому и не оставалось никакого сомнѣнія къ напечатанію оной съ печатнаго уже экземпляра.

«Мнѣ не было тогда извѣстно словесное приказаніе его высокопревосходительства управляющаго министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, данное цензору статскому совѣтнику Тимковскому, о недозволеніи печатать рѣчи сей. Если бъ я могъ хотя мало подозрѣвать о такомъ распоряженіи, то бы нарушить онаго не осмѣлился. Но принявъ рѣчь сію за официальную, какъ она и есть, не счелъ необходимымъ испросить цензорскаго одобренія къ напечатанію оной вновь, основываясь на § 38 высочайшаго устава о цензурѣ.

«Въ заключеніе имѣю честь объяснить, что я въ изданіи журнала не полагалъ иной цѣли, кромѣ пользы общественной, бывъ всегда удаленъ не только дѣйствовать, но и мыслить вопреки намѣреніямъ правительства, какъ скоро намѣренія сіи, всегда благотворныя, сдѣлаются явными».

Противъ такихъ возраженій министру, конечно, отвѣчать было нечего, однако же онъ призналъ нужнымъ подвергнуть «Духъ Журналовъ» болѣе строгой цензурѣ и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, именно 3-го февраля 1819 года, остановилъ свое вниманіе на слѣдующихъ двухъ мѣстахъ одной его статьи: 1) «какъ часто мы винимъ людей въ

томъ, въ чемъ виновны гражданскія наши учрежденія»; 2) «Подлинно нельзя не пожалѣть о нашихъ гражданскихъ учрежденіяхъ, которыя наиболѣе благопріятствуютъ тѣмъ, кои и безъ того уже судьбою облагодѣтельствованы. У богатаго тысячи и милліоны растутъ сами собою, какъ будто хлѣбъ въ землѣ, а у бѣднаго малая лепта пропадаетъ, какъ зерно, падшее на камень или на распутіи». Князь Голицынъ напелъ эти мѣста совершенно непозволительными, и потому, сверхъ выговора издателю, велѣлъ объявить ему, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался отнынѣ издавать въ свѣтъ никакихъ сужденій на счетъ нашего правительства. Наконецъ, въ слѣдующемъ году министръ и окончательно запретилъ журналъ, по разнымъ соображеніямъ, изложеннымъ имъ въ предписаніи попечителю С.-Петербургскаго округа отъ 6-го октября 1820 г.

«Въ періодическомъ изданіи, подъ названіемъ: «Духъ Журналовъ»,—говорилъ онъ,—всегда замѣчаемы были мною мысли и изъясненія непозволительныя и противныя уставу о цензурѣ. Прежде неоднократно позволялъ себѣ издатель онаго возставать на распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ по части мануфактурной, когда не позволялся ввозъ въ Россію чужестранныхъ произведеній; потомъ, когда по новому тарифу послѣдовало разрѣшеніе на свободный ввозъ оныхъ, журналъ сей осмѣлился критиковать и сіе распоряженіе; такъ что съ основательностью можно изъ сего заключить о намѣреніи издателя представлять въ глазахъ читателей своего журнала всѣ распоряженія правительства, какія бы они ни были, необдуманнми и противными общей пользѣ, единственно изъ желанія охудать оное во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Журналъ сей нарушалъ правила устава и самого благоприличія, даже и въ томъ, что осмѣливался судить и хулить разсужденія и соображенія лицъ самыхъ почтенныхъ, именуя ихъ въ своихъ замѣчаніяхъ, вовсе непристойныхъ, и о такихъ предметахъ, о коихъ и самъ не представлялъ ничего, подтверждавшаго лучшія о нихъ свѣдѣнія. Неоднократно уже были дѣлаемы замѣчанія цензурѣ здѣшней за разныя непозволенные статьи сего журнала, кои ею пропускались къ напечатанію; примѣтно даже, что издатель, пользуясь въ прежнее время званіемъ цензора, успѣшилъ печатать свои книжки безъ надлежащаго просмотрѣнія другимъ цензоромъ, коему порученъ былъ надзоръ за его журналомъ. Издатель и самъ былъ призываемъ ко мнѣ для личныхъ моихъ ему замѣчаній. Наконецъ, нынѣ вновь оказалось въ книжкѣ № 17 и № 18 сего журнала явное порицаніе имъ монархическаго правленія, такимъ образомъ, что примѣтно безъ наималѣйшаго сомнѣнія постоянное направленіе изданія сего дѣйствовать въ противность видамъ и интересамъ правительства, что ни въ какихъ земляхъ терпимо и попускаемо быть не можетъ.

«Всѣ сіи причины совокупно побуждаютъ меня просить ваше превосходительство о сдѣланіи по цензурному комитету надлежащаго распоряженія, дабы съ начала наступающаго 1821 года журналъ сей былъ прекращенъ; оставляя же изданіе онаго на послѣдніе мѣсяцы сего года единственно для удовлетворенія подписавшихся, препоручаю вамъ предписать цензурѣ, чтобы имѣла строжайшее и особенное за онымъ наблюденіе, подъ точною отвѣтственностью цензора, который просматривать будетъ, предварительно объявивъ о всемъ томъ и издателю».

Дѣйствуя точно также прямо вопреки цензурному уставу и, тѣмъ не менѣе, ссылаясь прямо на него, князь Голицынъ писалъ въ 1820 году попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа: «По поводу напечатанныхъ въ разныя времена въ «Духъ Журналовъ» и въ «Журналъ древней и новой словесности» статей, касающихся собственно до правительства, неоднократно замѣчаемо было мною С.-Петербургскому цензурному комитету, что таковыя статьи могутъ быть токмо печатаемы, когда правительство, по усмотрѣнію своему, само находитъ то нужнымъ и даетъ свое приказаніе, безъ котораго ни подъ какимъ видомъ не должно быть печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе распоряженій правительства. Несмотря на то, въ книжкѣ журнала «Невскій Зритель», за мартъ, помѣщена опять цѣлая статья, подъ названіемъ: «О вліяніи правительства на промышленность», въ коей дѣлаются замѣчанія правительству въ постановленіяхъ и распоряженіяхъ его, и даются оному наставленія весьма неприличныя ни въ какомъ отношеніи. Такое смѣлое присвоеніе частными людьми себѣ права критиковать и наставлять правительство ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть позволено».

Поэтому министръ предписывалъ «единожды на всегда цензурѣ, ни подъ какимъ видомъ не пропускать никогда подобныхъ сочиненій и переводовъ, подъ отвѣтственностію цензурнаго комитета». Между тѣмъ, всѣ самыя сильныя мѣста статьи «Невскаго Зрителя» были слѣдующія: «...Вліяніе правительства на промышленность, чтобъ быть оной полезнымъ, должно быть основано на благоразуміи и просвѣщеніи; ему слѣдуетъ постоянно руководствоваться однимъ началомъ: общею пользою, быть удалену пристрастія и перемѣнчивости»... «Правительство должно ограничить себя облегченіемъ способовъ къ заготовленію различнаго рода запасовъ для продовольствія, обезпеченіемъ правъ собственности, открытіемъ путей къ сбыту произведеній, доставленіемъ наивозможно большей свободы промышленности. Послѣ сего, оно можетъ покоиться и предоставить все остальное собственному попеченію производителей»... «Въ намѣреніи ободрять собственные произведенія земли, многіе думаютъ, что должно запретить привозъ иностранныхъ; но кромѣ того, что сія система во многихъ государствахъ будетъ вредна для фабрикъ, она

изыскаетъ драгоцѣннѣйшій источникъ мѣны, отъ котораго существенно приумножается народное богатство»... «Не менѣе заблуждаются и тѣ, кои предполагають запрещать и вывозъ собственныхъ произведеній земли подъ тѣмъ предлогомъ, что свои фабриканты должны имѣть на нихъ исключительное право: черезъ это средство земледѣлецъ подчиняется фабриканту; опредѣляется цѣнность продуктовъ по промышленности, подверженной частымъ перемѣнамъ»... «Тамъ только обезпечена собственность, гдѣ законодательство не подвержено частымъ перемѣнамъ. Правительство не можетъ увеличить или уменьшить правъ, какъ съ выгодой для одного и потерей для другаго состоянія: лучше имѣть несовершенные законы, нежели безпрестанно ихъ перемѣнять безъ причинъ и по обстоятельствамъ переходящимъ; торговля и промышленность не будутъ имѣть основанія; онѣ сдѣлаются одною игрою случая»... «Вліяніе правительства должно ограничиваться обезпеченіемъ собственности, заготовленіемъ предметовъ продовольствія, покровительствованіемъ произведенію. Если оно желаетъ вмѣшиваться въ способы различныхъ производствъ, устанавливать куплю и продажу—договоры то симъ оно только приведетъ въ упадокъ промышленность, повредитъ собственнымъ своимъ пользамъ»...

Впрочемъ, въ нѣкоторое оправданіе князя Голицына, надо замѣтить, что въ это время уже вообще измѣнился взглядъ нашего правительства: оно ступило на дорогу, совершенно противоположную той, по которой шло въ первые годы царствованія императора Александра I.

Въ 1821 году было рѣшено въ комитетѣ министровъ знаменитое въ то время дѣло о крестьянахъ князя Кочубея, и при этомъ признано, что возмущеніе этихъ крестьянъ возбуждено одною статьею «Историческаго, статистическаго и географическаго журнала», гдѣ въ апрѣльской книжкѣ за 1820 г. были напечатаны сужденія о томъ, что государь императоръ позволилъ крестьянамъ покупать свою свободу, что для увеличенія благосостоянія въ Россіи необходимо доставить крестьянамъ большую гражданскую свободу и т. д. Министру народнаго просвѣщенія было вслѣдствіе того поручено «воспретить пропуски цензурами къ напечатанію всѣхъ сочиненій, кои касаются будутъ какъ настоящаго политическаго состоянія крестьянъ въ Россіи, такъ и будущихъ въ отношеніи къ нимъ видовъ. Ясно, что послѣ такого рѣшенія, утвержденнаго высочайшею властью, нечего уже было думать о той свободѣ печати, которая была дарована цензурнымъ уставомъ 1804 года. Но министерство народнаго просвѣщенія не удовольствовалося однимъ точнымъ исполненіемъ порученія, возложеннаго на него комитетомъ министровъ: мѣру, касавшуюся спеціально однихъ статей о крестьянахъ, оно, уже отъ себя, распространило еще дальше, и въ циркулярѣ (отъ 3-го декабря 1821 г.) князь Голицынъ, на основаніи

мнѣнія Главнаго правленія, высказаль, что «частному человѣку нельзя никогда дозволить публиковать догадокъ своихъ въ дѣлѣ государственномъ, если причины и виды высшей власти ему неизвѣстны, а еще менѣе, если бы оныя были ему открыты по какому-либо случаю».

Въ отношеніи религіозномъ, вліяніе князя Голицына на цензуру было еще неблагопріятнѣе и произвольнѣе.

Такъ, еще въ 1819 году, самъ министръ обратилъ особенное вниманіе на извѣстное письмо Ломоносова къ графу И. И. Шувалову (1766 года) «О размноженіи и сохраненіи російскаго народа», напечатанное въ мартовской книжкѣ «Журнала древней и новой словесности» за тотъ годъ. Это письмо показалось министру чѣмъ-то совершенно непозволительнымъ. Онъ нашель, что въ немъ «содержатся разныя выраженія и мысли, частію предосудительныя ученію и обрядамъ, принятымъ православною грекоросійскою церковію, частію же несправедливныя и оскорбляющія честь нашего духовенства, коихъ ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало бы пропускать къ напечатанію». Между тѣмъ Ломоносовъ въ своемъ письмѣ жаловался только на вредъ, происходящій для размноженія народа русскаго отъ очень разнообразныхъ климатическихъ, мѣстныхъ и бытовыхъ причинъ и, въ томъ числѣ, возставаль противъ суевѣрія и грубаго упрямства. Здѣсь онъ между прочимъ говорилъ: «...Попы не токмо деревенскіе, но и городскіе, крестятъ младенцевъ зимою въ водѣ самой холодной, иногда и со льдомъ, указывая на предписаніе требника, чтобы вода была натуральная, безъ примѣшенія, и вмѣняютъ теплоту за примѣшанную матерію... Такихъ упрямыхъ поповъ, кои хотять насильно крестить холодною водою, почитаю я душегубцами, затѣмъ, что желаютъ, послѣ родинъ и крестинъ, вскорѣ и похоронъ для своей корысти». Далѣе Ломоносовъ жаловался на общее прожорство во время масляницы и св. недѣли, а также на грубую постную пищу, которая и здоровому желудку тягостна; онъ указываль, что много вреда приноситъ упаденіе нашего великаго поста на такое время года, когда рыба бываетъ цинготная и мокротная, вслѣдствіе того, что весенняя вода наполнена разными скверностями, накопленными отъ людей и животныхъ. Вслѣдствіе того, Ломоносовъ предлагаль масляницу положить въ маѣ, великій постъ въ полной веснѣ и началъ лѣта, а св. недѣлю около Петрова дня, когда бывають новые плоды и свѣжая рыба. За всѣ эти мысли, хотя въ основѣ ихъ лежала забота о народномъ здравіи и благосостояніи, князь Голицынъ велѣль сдѣлать цензору, пропустившему эту статью, замѣчаніе, объявивъ ему при томъ, что, при первомъ же подобномъ «случаѣ», онъ будетъ уволенъ отъ должности цензора, а журналъ передать для разсматриванія другому цензору; но такъ какъ между тѣмъ письмо Ломоносова было отпечатано отдѣльною брошюрою и поступило въ продажу, то по сношенію князя Голицына съ министромъ

внутреннихъ дѣлъ, упомянутая брошюра была изъята изъ обращенія въ публикѣ.

Въ 1821 году, князь Голицынъ не позволилъ печатать переводъ съ польскаго «Историческихъ записокъ о Россіи въ царствованіи Лжедмитрія», на томъ основаніи, что «польскіе писатели имѣли свои причины писать, будто бы Лжедмитрій былъ истиннымъ царевичемъ, а это совершенно противорѣчитъ преданіемъ нашей церкви».

Въ виду такой строгости князя Голицына во всемъ, относившемся до религіи или ея обрядовъ, тѣмъ болѣе является страннымъ и неожиданнымъ разрѣшеніе, данное имъ же въ 1822 году, вопреки даже мнѣнію Дерптскаго цензурнаго комитета, напечатать небольшое сочиненіе на вѣтскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Совѣты какъ молиться о изліяніи Св. Духа». Цензурный комитетъ полагалъ запретить эту книгу, потому что въ ней говорилось о совершенной свободѣ не только молитвы и проповѣди, но и устройства самому себѣ, каждымъ частнымъ человѣкомъ, молитвеннаго дома, или моленья, что, по мнѣнію комитета и на основаніи закона, не могло имѣть мѣста безъ разрѣшенія и вѣдома правительства и духовнаго начальства. Но князь Голицынъ положилъ по этому дѣлу (5-го апрѣля 1822 года) такую резолюцію, писанную рукою директора департамента министерства народнаго просвѣщенія, извѣстнаго В. М. Попова: «Отвѣчать, что сомнѣніе цензурнаго комитета въ дозволеніи къ напечатанію сей рукописи не имѣетъ достаточнаго основанія, ибо она содержитъ въ себѣ токмо совѣтъ благонамѣренный частнаго человѣка, и при томъ по такому предмету, который не только не противенъ христіанскому ученію вообще, но подтверждается самымъ священнымъ писаніемъ, какъ сіе и приводимые попечителемъ (графомъ Ливеномъ) тексты между прочимъ свидѣтельствуютъ. Моленіе Богу и приглашеніе къ тому другихъ, прошеніе объ изліяніи Духа Святаго суть только существенныя обязанности христіанина и столько извѣстны каждому изъ Слова Божія, что невозможно находить въ томъ ни малѣйшаго основанія къ соблазну; тѣ же, кто могутъ симъ соблазняться, безъ всякаго сомнѣнія, соблазняются и всѣмъ ученіемъ христіанскимъ. Посему г. министръ признаетъ со своей стороны справедливымъ разрѣшить напечатаніе сей пьесы въ томъ уваженіи, что запрещеніе къ изданію оной было бы и весьма неблаговиднымъ препятствіемъ въ сообщеніи христіанскихъ истинъ. Самое сіе запрещеніе послужило бы скорѣе къ соблазну людей, чтущихъ истины христіанскаго ученія и ожидающихъ отъ правительства по крайней мѣрѣ свободнаго дозволенія въ семъ случаѣ, а не препятствій». Это какъ бы отступленіе князя Голицына отъ обыкновенной его системы по части статей и книгъ, касающихся догматовъ и обрядовъ религіозныхъ, объясняется особенностію личнаго его направленія и настроенія въ дѣлѣ вѣры. Князь Голицынъ былъ нѣчто

*

въ родѣ сектатора, не признававшего непреложности всѣхъ постановленій православной церкви и замѣнявшего нѣкоторыя изъ ея учрежденій собственными мистическими и другими измышленіями. Этотъ образъ мыслей раздѣлялъ и его директоръ департамента, В. М. Поповъ: оба они присутствовали на сходкахъ и моленіяхъ, которые мало имѣли общаго съ предписаніями православной церкви, и потому оба могли пропускать въ печать такія книги и статьи, которыя проповѣдывали «свободное изліяніе Св. Духа». Извѣстно, что именно этотъ образъ мыслей въ послѣдствіи былъ одною изъ главныхъ причинъ паденія Голицына.

Далѣе, сверхъ дѣлъ политическихъ и религіозныхъ, князь Голицынъ имѣлъ особенный свой взглядъ на то, что слѣдуетъ допускать въ печати для народа и для учащагося юношества. Такъ, напримѣръ, въ 1820 году всюду изъяты были изъ употребленія, по исходатайствованному имъ на то высочайшему повелѣнію, «таблицы чтенія для ученія по ланкастерской системѣ», потому что тутъ, въ числѣ прочихъ примѣровъ, приводились нѣкоторыя народныя пословицы, казавшіяся князю «весьма безнравственными, бесполезными или могущими служить поводомъ къ соблазну». Таковы были пословицы: «когда бы не Богъ, кто бы намъ помогъ.—Не всякъ монахъ, на комъ клобукъ.—Урвать да уйти.—Хоть хлѣба крома, да воля своя.—Жаль друга, да не какъ себя.—Что взято, то и свято. Горестъ молчать не любить.—Хоть биты быть, а за рѣку плыть.—Воды и царь не уйметъ.—Деньги и камень долбятъ.—Тотъ смѣлъ, кто на коня сѣлъ.—Съ кого судья взять, тотъ и правъ сталъ.—Сытъ да не пьянъ, такъ и все тутъ». Эти таблицы показались министру до того вредными и опасными, что онъ вытребовалъ ихъ даже изъ Императорской публичной бібліотеки, несмотря на протестъ директора ея, А. Н. Оленина, предлагавшаго хранить тѣ таблицы въ особой, секретной комнатѣ бібліотеки.

Въ томъ же 1820 году былъ также сдѣланъ отъ министра выговоръ московской цензурѣ за пропускъ въ печать переводнаго романа «Валентина или беззаботная голова» (книга, повидимому, дѣйствительно не совсѣмъ нравственной), и при этомъ высказано, что большинство романовъ «совершенно ничтожны и для чтенія вредны, равно какъ и сказки волшебныя и простонародныя, не приносящія не только ни малѣйшей пользы, ни чести для жителей государства, но и служащія болѣе къ развращенію вкуса и ума».

Въ 1823 году, князь Голицынъ велѣлъ сдѣлать замѣчаніе князю Шаликову, издателю «Дамскаго журнала», во-первыхъ, за эпикурейское, по его мнѣнію, направленіе этого журнала (ставившаго «цѣлю настоящей жизни и счастья чувственныхъ наслажденій»), но еще болѣе за насмѣшку, безъ приличія и дерзко, надъ тѣми, кто жаловался на разорительныя послѣдствія моды».

Вообще цензура время князя Голицына считала своею обязанностью поправлять слогъ, выраженія и самыя мысли авторовъ, не стѣсняясь въ этомъ отношеніи даже относительно самыхъ знаменитыхъ нашихъ писателей. Такъ, наприм., несмотря на длинное собственноручное письмо Жуковскаго къ князю Голицыну, съ жалобами на цензуру, требовавшую отъ него самыхъ бессмысленныхъ перемѣнъ въ его балладѣ «Ивановъ вечеръ» (переводъ изъ Вальтеръ-Скотта), князь въ 1822 г. согласился съ цензурой и велѣлъ печатать балладу согласно съ ея замѣчаніями, вслѣдствіе чего баллада была сначала переименована въ «Дункановъ вечеръ», а потомъ получила названіе «Смальгольмскій баронъ», при чемъ выпущены въ разныхъ мѣстахъ текста слова: «священникъ, панихида», и т. д., какъ непозволительныя въ свѣтской балладѣ. Далѣе, въ слѣдующемъ 1823 году, князь Вяземскій жаловался также Голицыну на цензора Краевскаго, который «рѣшительно запрещаетъ ему сказать въ своей статьѣ (о «Вѣстникѣ Европы» и Каченовскомъ), почему онъ уважаетъ дарованіе такого-то писателя и почему не раздѣляетъ мнѣній другаго, принимаетъ на себя обязанность рецензента и съ учительскою заботливостію наставляетъ его, Вяземскаго, искусству писать по-своему, замѣняя слова его своими и выкидывая выраженія, по мнѣнію его, некрасивыя или неправильныя». Доказательства неправильныхъ и даже противозаконныхъ дѣйствій цензора были слишкомъ осязательны, и министру слѣдовало бы, казалось, только удовлетворить автора; но онъ сталъ, вмѣсто того, требовать объясненій, дѣло тянулось нѣсколько мѣсяцевъ и, наконецъ, кончилось ничѣмъ, за выхodomъ князя Голицына изъ министерства народнаго просвѣщенія въ половинѣ 1824 года. Уже въ 1826 году, при новомъ министрѣ, адмиралѣ Шишковѣ, велѣно считать это дѣло (впрочемъ, ничѣмъ не разрѣшенное) конченнымъ.

Наконецъ, въ томъ же 1823 году, когда князь Андрей Урусовъ жаловался министру, что цензоръ дѣлаетъ самовольныя поправки слога въ его переводѣ греческихъ и римскихъ пословицъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что «отъ этого перевода пахнетъ латинствомъ, и что цензоръ многихъ мѣстъ не понимаетъ», князь Голицынъ не уважилъ жалобу князя Урусова и нашелъ дѣйствія комитета правильными, потому что за 13 лѣтъ до того (въ 1810 г.) Главное училищъ правленіе предписало циркуляромъ, не имѣвшимъ обязательной силы закона, всѣмъ цензурнымъ комитетамъ наблюдать за исправностію слога въ печатаемыхъ сочиненіяхъ.

Преемникомъ князя Голицына въ министерствѣ народнаго просвѣщенія былъ адмиралъ Шишковъ, котораго образъ мыслей, уже и прежде довольно извѣстный, еще болѣе подтвердился не далѣе какъ черезъ двѣ

недѣли (1-го іюня 1824 года) послѣ вступленія его въ должность ¹⁾. Разсматривая статьи, назначенныя для напечатанія въ «Академическихъ Вѣдомостяхъ», Шишковъ нашель въ ихъ числѣ одну, извѣстнаго профессора статистики при С.-Петербуржскомъ университетѣ Германа, представляющую статистику смертоубійствъ и самоубійствъ въ Россіи за два послѣдніе года. По поводу этой статьи послѣдовала слѣдующая резолюція новаго министра: «Статью эту я почитаю не токмо ни къ чему не нужною, но и вредною: 1) какая надобность знать о числѣ сихъ преступленій? 2) по какимъ доказательствамъ всякій читатель можетъ удостовѣренъ быть, что число сіе отнюдь не увеличено? 3) къ чему извѣщеніе о семъ можетъ служить? Развѣ къ тому только, чтобъ колеблющійся преступникъ, видя предъ собою многихъ предшественниковъ, могъ почерпнуть изъ того ободреніе, что онъ не первый къ такому дѣлу приступаетъ? Мнѣ кажется, подобныя статьи, неприличныя къ обнародованію оныхъ, надлежало бы къ тому, кто ихъ прислалъ для напечатанія, отослать назадъ съ замѣчаніемъ, чтобъ и впредь надъ такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извѣщать о благихъ дѣлахъ, а такія, какъ смертоубійства и самоубійства, должны погружаться въ вѣчное забвеніе»..

Легко понять, какой тонъ былъ данъ цензурѣ этою резолюціею, и въ этомъ отношеніи любопытенъ, какъ примѣръ, слѣдующій фактъ. Извѣстный съ весьма печальной, впрочемъ, стороны Магницкій, въ концѣ 1823 года, т. е. еще во время князя Голицына, прислалъ изъ Казани въ Петербургъ переводъ сочиненія подъ заглавіемъ: «Нѣчто о конституціяхъ», не назвавъ при томъ своего имени. Голицынъ, узнавъ изъ «Ежемѣсячныхъ Вѣдомостей» о поступленіи въ цензуру такого сочиненія, встревожился уже отъ одного его заглавія, потребовалъ рукопись къ себѣ и оставилъ ее въ своемъ кабинетѣ. Такъ на этомъ дѣлѣ и остановилось. Но въ 1824 году, послѣ удаленія Голицына изъ министерства народнаго просвѣщенія, выступилъ на сцену Магницкій, недовольный долгимъ неполученіемъ никакого разрѣшенія. Онъ прямо объявилъ себя переводчикомъ этого сочиненія и сталъ требовать отъ цензурнаго комитета объясненія, какимъ послѣдній руководствуется закономъ, не дозволяя печатать его перевода. Цензурный комитетъ не колеблясь призналъ сочиненіе, переведенное Магницкимъ, за написанное вполнѣ «въ духѣ самодержавнаго монархическаго правленія», но въ то же время нашель, въ числѣ причинъ, по которымъ этотъ переводъ не могъ быть допущенъ въ печать, слѣдующія: «во-первыхъ, нѣтъ ни нужды, ни пользы, ниже приличія, разсуждать публично о конституціяхъ въ государствѣ, благоденствующемъ

¹⁾ Адмиралъ Шишковъ утвержденъ въ званіи министра народнаго просвѣщенія именнымъ высочайшимъ указомъ 15-го мая 1824 года.

подъ правленіемъ самодержавнымъ; во-вторыхъ, нѣкоторыя сужденія о семъ предметѣ политики могутъ показаться неприятыми и для союзныхъ съ Россією иностранныхъ державъ, имѣющихъ правленіе конституціонное; въ третьихъ, изданіе въ свѣтъ сего сочиненія на русскомъ языкѣ можетъ подать поводъ издателямъ періодическихъ сочиненій и другихъ книгъ писать о конституціяхъ, а публикѣ—дѣлать свои заключенія и, можетъ быть, превратныя толкованія на счетъ появленія сихъ особаго рода сочиненій». Наконецъ, комитетъ всего болѣе затруднялся потому, что имѣлъ въ виду предписаніе князя Голицына, которымъ было велѣно пропускать лишь тѣ разсужденія о правительствѣ, которыя само оно сочтетъ нужными, «потому что никто другой не въ состояніи судить, которыя изъ подобныхъ матерій и въ какое именно время прилично сообщать для свѣдѣнія публики». Прочитавъ все это, министръ Шишковъ нашелъ доводы комитета совершенно удовлетворительными и утвердилъ ихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П о п р а в к и :

Въ статьѣ „Радецкій и Скобелевъ“, помѣщенной въ іюньской книжкѣ, вкрались слѣдующія неточности:

- Стр. 597 строка 19 сверху напечатано: Сельвинскій переваль, должно быть: Сельчинскій переваль.
 „ 601 „ 7 снизу напечатано: предупреждено, должно быть: предупреждаю.
 „ 607 „ 26 сверху: Онъ въ 12 часовъ дня энергично атаковалъ, должно быть: Онъ и принялъ рѣшеніе въ 12 часовъ дня энергично атаковать.
 „ 615 „ 11 сверху: колоннъ, и генералъ Скобелевъ: должно быть: колоннъ, а генералъ Скобелевъ.

**Собственноруч. письмо И. И. Дмитриева графу Н. П. Румянцову
съ благодарностью за радушный пріемъ Н. М. Карамзина.**

11-го апрѣля 1816 г. Москва.

Исполняя пріятный для меня долгъ, посвящаю вашему сіятельству усерднѣйшее поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ всего христіанства.

Между тѣмъ позвольте мнѣ, м. г., какъ другу Карамзина, изъявить вамъ и сердечную благодарность мою за весьма лестное для него ваше гостепріимство. — Онъ растроганъ вашимъ благовоительнымъ пріемомъ и исполненъ къ вамъ искренняго почтенія. — Теперь свиданія мои съ нимъ стали для меня еще пріятнѣе прежнихъ: я могу говорить съ нимъ часто о васъ, говорить съ тѣмъ, который одинаково со мною чувствуетъ.

Примите, м. г., увѣреніе въ душевномъ почтеніи и признательности и проч.

Удаленіе В. И. Даля изъ Николаева.

Другъ и биографъ знаменитаго автора «Толковаго словаря» П. И. Мельниковъ - Печерскій рассказываетъ о причинѣ удаленія молодого Даля изъ Николаева весьма немного. «Случилось», — рассказываетъ Мельниковъ ¹⁾, — «что про одну еврейку, пользовавшуюся особеннымъ покровительствомъ тогдашняго командира Черноморскаго флота вице-адмирала Грейга, написано было хоть не очень складное, но мѣтко попавшее въ цѣль стихотвореніе. Горячо вступившійся за милую дочь израиля посѣдѣлый адмиралъ захотѣлъ, во что бы ни стало, узнать имя дерзкаго, что осмѣлился пошутить надъ усладою позднихъ дней его... Кому же написать стихи? Разумѣется, «сочинителю» ²⁾. Дѣло кончилось тѣмъ, что мичманъ Даль волей-неволей долженъ былъ оставить Черноморскій флотъ и перейти на службу въ Балтійскій». Объ этой еврейкѣ, по слухамъ, шинкаркѣ Лія (или Лейкѣ), сперва любовницѣ, а потомъ законной женѣ А. С. Грейга, рассказываетъ нѣкоторыя интересныя подробности Ф. Ф. Вигель въ своихъ «Запискахъ» ³⁾.

Какимъ же образомъ, спрашивается, дознались, что сатирическіе стишки на «усладу позднихъ дней» адмирала написалъ В. И. Даль? Вотъ что рассказалъ мнѣ по этому поводу одинъ мой знакомый, человекъ преклоннаго возраста, долго подвизавшійся въ Николаевѣ на педагогическомъ поприщѣ:

Сперва на Даля, какъ на «сочинителя», пало только подозрѣніе. Такъ какъ оно ничѣмъ не подкрѣплялось, то тогдашній николаевскій полиціймейстеръ Теодоровъ (впослѣдствіи новороссійскій и бессарабскій генераль-губернаторъ) придумалъ устроить у него обыскъ. Но явиться

¹⁾ „Полное собраніе сочиненій В. И. Даля“. Томъ I (СПб., 1897, стр. XVIII).

²⁾ Такъ, по словамъ Мельникова, прозывали Даля въ Николаевѣ.

³⁾ „Записки Ф. Ф. Вигела“. Часть VII (Москва, 1897, стр. 199—202).

прямо съ обыскомъ къ офицеру было дѣло невозможное. Теодоровъ придумалъ хитрость. Съ цѣлой ватагою чиновниковъ, съ различными инструментами, явился онъ къ дому, гдѣ жили Даль и его матушка; компанія разставила свои приборы, принялась измѣрять троттуаръ веревкою и продѣлывать разныя странныя махинаціи. Самого Даля дома не было (нечего и говорить, что время его отсутствія изъ дому было выбрано нарочно), а была только его мать. Увидѣвъ Теодорова съ его спутниками, любопытная женщина отворила окно и стала внимательно смотрѣть на происходившее. Чиновники дѣлали свое «дѣло» какъ ни въ чемъ не бывало, съ самымъ серьезнымъ видомъ. Вдругъ Теодоровъ озабоченно принялся шарить у себя по карманамъ, будто чего-то ища, и, наконецъ, словно не найдя, обратился къ матери Даля съ просьбой дать ему листъ бумаги: свою, дескать, забылъ дома, а тутъ дѣло важное и спѣшное. Г-жа Даль не только предложила ему бумаги, но попросила безъ стѣсненій войти въ кабинетъ сына и тамъ написать что нужно. Теодорову этого только и хотѣлось. Попавъ въ кабинетъ Даля, онъ быстро и ловко нашелъ въ его бумагахъ черновикъ сатирическаго стихотворенія. Подозрѣніе подтвердилось, виновность Даля была, такимъ образомъ, доказана, и онъ понесъ заслуженное возмездіе».

За достовѣрность этой исторіи вполне поручиться нельзя, но въ ея пользу говорить то обстоятельство, что лицо, передавшее мнѣ этотъ рассказъ, слышало его въ Николаевѣ отъ одного старожилы. Рассказъ этотъ, конечно, мало прибавляетъ къ біографіи автора «Толковаго словаря живаго великорусскаго языка», но онъ живо рисуетъ нравы русской провинціи въ «доброе, старое время».

Николай Лернеръ.

Изъ архива И. Е. Великопольскаго ¹⁾.

14.

Графъ А. А. Закревскій—М. Я. Мудрову.

23-го апрѣля 1831 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь Матѣи Яковлевичъ. Получивъ послѣднее письмо вашего превосходительства отъ 18-го сего мѣсяца, спѣшу равнымъ образомъ поздравить васъ съ наступившимъ праздникомъ Воскресенія Христова и повторить желаніе мое о скорѣйшемъ приѣздѣ вашемъ, вмѣстѣ съ прочими членами Совѣта въ Петербургъ ²⁾. Удивляюсь, что гг. Дядьковскій и Чеботаревъ такъ замедлили доставленіемъ мнѣній своихъ; но, не смотря на сомнѣніе въ выполненіи ими общанія своего, не могу согласиться на отъѣздъ вашъ, до совершеннаго окончанія статей, къ «Трактату» ³⁾ относящихся; почему и прошу ваше пре-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, 1901 г., июнь.

²⁾ Мудровъ, въ сопровожденіи тронхъ студентовъ Московскаго университета и А. Х. Чеботарева, выѣхалъ изъ Москвы 12-го мая, а уже 8-го іюля умеръ въ Петербургѣ отъ болѣзни, бороться съ которой онъ былъ вызванъ.

³⁾ Сочиненіе это вышло въ свѣтъ уже послѣ смерти Мудрова—въ декабрѣ 1831 г. подъ заглавіемъ: „Трактатъ о повально-заразительной болѣзни холеры, бывшей въ Россіи въ 1830 и 1831 году, сочиненный членами Медицинскаго Совѣта при Центральной комиссіи и рассмотрѣнный Медицинскимъ Совѣтомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ С.-Пб. 1831 8°. Сюда вошли статьи членовъ Совѣта: Дядьковского, Нагумовича, Венедиктова и Мудрова; послѣднему принадлежатъ главы о „Способѣ лѣченія повально-заразительной холеры, который принятъ большинствомъ членовъ Медицинскаго Совѣта при Центральной комиссіи“ (стр. 382—504), о „Простонародномъ лѣченіи“ (стр. 539—561) и „Заключеніе трактата“ (стр. 562—566).

восходительство пригласить отъ имени моего гг. Дядьковского и Чеботарева къ принятію всѣхъ мѣръ для немедленнаго окончанія занятій своихъ, по исполненіи коихъ всему Совѣту надо будетъ послѣпить отъѣздомъ своимъ. Очень радъ вступленію къ «Трактату», вами вновь составленному, и увѣренъ, что оно совершенно оправдаетъ ожиданія мои.

Зная чувства глубокаго уваженія, вами казанскому архіерею Филарету всегда оказываемыя, спѣшу увѣдомить ваше превосходительство о награждѣ его брилліантовымъ крестомъ на клобукъ, которую, къ удовольствію моему, я успѣлъ испросить у его величества столь достойному во всѣхъ отношеніяхъ пастырю.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою графъ А. Закревскій.

Рукою М. Я. Мудрова помѣтка: «Г. членъ Дядьковскій обѣщался кончить къ 4-му мая, ученый секретарь—къ 5-му мая».

15.

Влад. Раф. Зотовъ ¹⁾—Ив. Ерм. Великопольскому.

15-го іюня 1865 г. [С.-Петербургъ].

М. Г. Иванъ Ермолаевичъ! Вслѣдствіе изъявленнаго вами желанія имѣть ручательство членовъ посреднической комиссіи ²⁾, что если вы отправитесь за границу, то вернетесь къ сроку или по востребованію, разумѣется кромѣ случаевъ болѣзни или другихъ законныхъ препятствій,—изъявляю на это полную готовность. Владиміръ Зотовъ.

16.

Ал. Н. Иконниковъ ³⁾—А. Ѳ. Лабзину.

9-го іюля 1817 г.

Ваше превосходительство милостивый государь Александръ Ѳеодоровичъ! Вы изводите ѣхать въ Царское Село. Тамъ удостойте про-

¹⁾ Плодовитый писатель, переводчикъ и журналистъ, род. въ 1821 г., ум. въ 1896 году.

²⁾ См. выше, письмо № 1.

³⁾ Алексѣй Николаевичъ Иконниковъ состоялъ гувернеромъ Царско-сельскаго лицея со дня его основанія. По словамъ гр. М. А. Корфа, «въ этомъ добромъ, благородномъ, умномъ и образованномъ человѣкѣ всѣ хоро-

честь посвящаемое мое вамъ слабое упражненіе, которое честь имѣю поднести вамъ.—Я написалъ мысли мои о истинномъ воспитаніи ¹⁾, служа гувернеромъ при питомцахъ Императорскаго лица; мысли сіи почерпнуты изъ нѣкоторыхъ статей изданнаго вашимъ превосходительствомъ прежняго «Сіонскаго Вѣстника».

Вы, мой милостивый благодѣтель, повѣрьте сіи «Мысли о истинномъ воспитаніи», кои, право, собраны въ лицей и въ садахъ Царскосельскихъ.

Ваше превосходительство! не оставьте сіе упражненіе мое вашимъ благосклоннымъ вниманіемъ.

Съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ, благодарностію и преданностію честь имѣю быть вашего превосходительства милостиваго государя всепокорнѣйшій слуга Ал. Иконниковъ.

17.

П. М. Капцевичъ ²⁾—М. Я. Мудрову.

29-го іюля 1809 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь мой Матвѣй Яковлевичъ! Присланную вами при письмѣ къ г. военному министру ³⁾ сочиненія вашего подъ заглавіемъ «Слово съ пользою (sic) о предметахъ военной гігіены, или науки сохранять здравіе военно-служащихъ» ⁴⁾, по приказанію его сіятельства возвращая къ вамъ, имѣю честь увѣдомить, что слѣдуетъ представить

шія качества подавляясь неодолимою страстію къ вину... Литераторъ и писатель, Иконниковъ сочинялъ для насъ, въ началѣ нашего лицейскаго поприща, небольшія піесы, которыя разыгрывались нами, съ ширмами вмѣсто кулисъ и въ форменныхъ нашихъ сюртукахъ и мундирахъ, передъ всею Царскосельскою публикою“. Иконниковъ пробылъ въ лицей недолго и вышелъ изъ него уже въ 1812 г. Юноша-Пушкинъ записалъ въ своемъ дневникѣ любопытную характеристику этого страннаго чловѣка (см. Соч. Пушкина, изд. Литер. Фонда, т. V, стр. 3—4; Я. К. Гротъ. „Пушкинъ и его лицейскіе товарищи и наставники“. С.-Пб. 1899, стр. 242—243).

¹⁾ Эта объемистая (48 страницъ въ листъ) тетрадь, сохранившаяся доселѣ въ бумагахъ Мудровыхъ, состоитъ изъ 3 главъ и носитъ заглавіе «Мысли о истинномъ воспитаніи; писаны 1815 года. Всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходяй отъ Отца свѣтовъ» и имѣетъ посвященіе „Его Прев-ву Александру Ѳедоровичу Лабзину посвящаетъ вѣрнопреданнѣйшій и покорнѣйшій Алексѣй Иконниковъ, 23-го апрѣля 1817 г.“.

²⁾ Петръ Михайловичъ Капцевичъ (р. въ 1772, ум. 27-го іюля 1840 г.), тогда дежурный генераль, а впослѣдствіи генераль-губернаторъ Западной Сибири и Оренбургскій.

³⁾ Графу А. А. Аракчееву.

⁴⁾ См. письмо № 2.

оную вамъ чрезъ свое начальство ¹⁾). Пребывая съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашъ покорный слуга Петръ Капцевичъ.

18.

А. Ѡ. Лабзинъ—А. Х. Чеботареву ²⁾).

16-го сентабря 1820 г. [С.-Петербургъ].

Любезный другъ Андрей Харитоновичъ! ³⁾). Видя, что мнѣ не кончить моего дѣла съ московскими книгопродавцами, я рѣшаюсь печатать книгу ⁴⁾ здѣсь подъ собственнымъ надзоромъ и на свой коштъ; почему и прошу васъ ее ко мнѣ выслать, московскимъ же книгопродавцамъ объявить, что ежели изъ нихъ кто имѣтъ ее желаетъ, тотъ, внесе по 40 р. ассигнаціями за экземпляръ, по числу внесенной нынѣ каждымъ суммы, такое число и экземпляровъ «Ключа» получить. А еслибъ кто захотѣлъ взять вдругъ 100 экземпляровъ, тому уступится книга по 30 р. экземпляръ. По выпускѣ же ея она продаваться будетъ не ниже 50 рублей.

Вашъ покорнѣйшій слуга А. Лабзинъ.

Р. С. Именинницу ⁵⁾ поздравляемъ.

¹⁾ Когда формальность эта, потребованная Аракчеевымъ, была исполнена Мудровымъ въ точности, онъ получилъ отъ графа слѣдующее письмо отъ 18-го августа 1809 года:

Милостивый государь мой Матвѣй Яковлевичъ! Благодаря васъ покорно за доставленное мнѣ чрезъ г. Данилова слово ваше о пользѣ и предметахъ военной гнгиены, и отдавая полную справедливость тазантамъ вапимъ, честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ вашъ покорный слуга г. Аракчеевъ.

²⁾ Все письмо писано безъ зъ.

³⁾ Андрей Харитоновичъ Чеботаревъ, братъ жены М. Я. Мудрова—Софьи Харитоновны, былъ въ это время въ отставкѣ и проживалъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ. Съ Лабзинымъ онъ былъ знакомъ чрезъ семью Мудровыхъ.

⁴⁾ „Ключъ къ тайнствамъ природы“. Сочиненіе г. Эккартсгаузена. 4 части. С.-Пб., въ Морской типографіи. 1821, 8°, съ гравюрами (цензурное дозволеніе дано въ Москвѣ, 24-го мая 1820 года); въ каталогѣ Плавильщикова цѣна указана 150 р. асс.; первое изданіе этого сочиненія въ переводѣ Лабзина вышло въ 1804 году, въ Москвѣ.

⁵⁾ Софью Харит. Мудрову.

19.

Н. А. Лохвицкій ¹⁾—А. Х. Чеботареву.

19-го января 1830 г. Киевъ.

Милостивый государь, Андрей Харитоновичъ! По вашему порученію я все исполнилъ, и въ доказательство прилагаю въ полученіи г-мъ Дюлю извѣстныхъ вещей росписку. Напрасно вы въ такую сумму написали заемное письмо,—и Боже меня сохрани, чтобъ мы взяли проценты!

¹⁾ Кюдрать Андреевичъ Лохвицкій (род. 9-го марта 1774 или 1775 г., ум. послѣ 1843 г.), малороссъ по происхожденію, бывшій сначала пѣвчимъ въ Москвѣ, а съ 1787 г. воспитывавшійся въ семьѣ Х. А. и С. И. Чеботаревыхъ вмѣстѣ съ ихъ сыномъ Андреемъ (къ которому и обращено это письмо), съ 1793 года находился въ военной службѣ и былъ поручикомъ, затѣмъ, въ чинѣ тит. сов., съ 1796 года служилъ стряпчимъ уголовныхъ дѣлъ въ Вознесенскомъ намѣстничествѣ (нынѣ Херсонская губ.), въ 1798 году былъ опредѣленъ форштмейстеромъ въ Московскую губ., откуда уволенъ былъ за сдѣланный имъ на кого-то доносъ, проживалъ, затѣмъ, въ Петербургѣ, а съ 1809 по 1816 годъ былъ совѣтникомъ Кронштадтскаго портового отдѣленія вѣдомства Главнаго управленія ревизіи государственныхъ счетовъ (Мѣсяцесловъ на 1796, 1812—1816 гг.). Въ это время онъ сблизился съ кружкомъ мистиковъ и былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Лабина и Татариновой, собравія коихъ часто посѣщалъ. Попавъ снова подъ судъ въ 1817 году, за доносъ же, Лохвицкій послѣ того долго не служилъ, а числился при Герольдіи въ чинѣ статскаго совѣтника. Въ 1823 году онъ переселился въ Киевъ и началъ заниматься археологическими изысканіями, совершенно не будучи подготовленъ къ нимъ въ научномъ смыслѣ. Въ октябрѣ 1824 года, по указанію и порученію митр. Евгенія Болховитинова, Лохвицкій открылъ въ Киевѣ камни фундамента древней Десятинной церкви и часть мозаическаго ея пола (см. «Отеч. Зап.» 1825 года, ч. XXI, № 59, стр. 380—408), за что былъ избранъ соревнователемъ Московскаго общества Исторіи и Древностей; вскорѣ послѣ того онъ открылъ также фундаментъ Ильинской церкви и Золотыя ворота. Съ этихъ поръ Лохвицкій непрестанно производилъ различныя раскопки, безъ стѣсненія при этомъ фантазируя и всѣми силами стараясь придать своимъ открытіямъ значеніе первостепенной важности; онъ ссорился со всѣми, кто пытался работать въ томъ же направленіи, и въ 1826 году не постѣснился послать доносъ на своего соперника—художника Н. Е. Ефимова, командированнаго въ Киевъ изъ Академіи художествъ А. Н. Оленинымъ для производства раскопокъ и снятія рисунковъ (сообщ. Вс. И. Срезневскій). Впослѣдствіи, Лохвицкій, состоявшій уже при киевскомъ военномъ губернаторѣ по особымъ порученіямъ, собралъ довольно большую коллекцію древностей, часть которой въ 1836 году пожертвовалъ въ только что открытый при Киевскомъ университетѣ Музей древностей, который онъ и устроилъ и котораго первымъ хранителемъ состоялъ. Уволенный уже 29-го января 1838 года отъ завѣдыванія музеемъ, вслѣдствіе

Взаимно обще съ женою моею Марією Гавриловною васъ и любезнѣйшую сестрицу вашу Софію Харитоновну, а супругу друга моего Матвѣя Яковлевича поздравляемъ съ новымъ наступившимъ годомъ.—Дай Боже, въ тріединой любви сущій! чтобъ и мы всѣ причастники были существа Твоего!

Благодарю васъ, любезнѣйшій другъ и братъ, за радостное ваше увѣдомленіе о благодѣтельномъ внесеніи въ исторію Россійскую полезнымъ сыномъ отечества нашего, Николаемъ Алексѣевичемъ г-мъ Полевымъ имя мое и мой посильный трудъ, Богомъ подкрѣпленный въ разсужденіи раскрытія церкви въ старомъ Кіевѣ, Святодесятинной ¹⁾. Описаніе объ ней, планы и рисунки я послалъ прямо къ г-ну издателю «Телеграфа Московскаго», Н. А. Полевому прошлаго года; но онъ мнѣ ничего не отвѣчалъ и не знаю, получилъ ли онъ всѣхъ тѣхъ рисунковъ. Древнія вещи сей церкви государыня императрица, въ проѣздъ чрезъ Кіевъ, разсматривала; посредствомъ поднесенія графиню Анною Алексѣевною Орловою-Чесменскою нѣкоторыя вещи удостоила принять на память, а прочія мнѣ возвратила. Но государыня великая княгиня Елена Павловна, въ проѣздъ также чрезъ Кіевъ истекшаго года въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не только разсматривала тѣ всѣ древности, въ

полной къ тому неспособности, Лохвицкій въ 1843 году пытался продать часть своихъ коллекцій М. П. Погодину. Дальнѣйшая его судьба намъ не извѣстна.

Въ молодости Лохвицкій напечаталъ двѣ своихъ оды: «На покореніе Варшавы» (С.-Пб. 1794) и «На рожденіе в. к. Мпхана Павловича» (С.-Пб. 1798). Въ библіотекѣ Кіевской духовной академіи находятся записки Лохвицкаго, извлеченіе изъ которыхъ сдѣлалъ проф. Ф. М. Терновскій въ «Трудахъ Кіевск. Дух. Ак.» 1863 г., № 10 и въ «Кіевлянинѣ» 1865 г., № 144—146. О Лохвицкомъ см. еще: В. С. Иконниковъ. Истор.-статист. записки объ ученыхъ и учебно-вспомогат. учрежденіяхъ университета св. Владимира, Кіевъ. 1884, стр. 60—66 (въ ст. проф. В. Б. Автоновича); его же, Опытъ русской исторіографіи, т. I, стр. 192—193; Н. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. II и VII; «Кіевская Старина» 1839 года, № 7 («Изъ бумагъ Л.»); Н. В. Закревскій. Описаніе Кіева, изд. 3-е, М. 1868; Н. И. Гречъ. Путевыя письма... ч. III, С.-Пб. 1839, стр. 196—197; Сборникъ статей, читанныхъ въ отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. V, вып. I, стр. 33, 36.

¹⁾ Полевой, говоря въ своей «Исторіи русскаго народа» (т. I, М. 1829, стр. 232) объ основаніи св. Владиміромъ Десятинной церкви въ Кіевѣ, замѣчаетъ въ подстрочной выноскѣ: «Десятинная церковь много терпѣла при бѣдствіяхъ Кіева, а въ 1240 году Батый совершенно разорилъ и разрушилъ оную. Изъ остатковъ одной стѣны устроена была впоследствии церковь небольшая. Остальное пространство заросло землею и было въ семь запустѣній до 1824 г. Тогда, по благословенію митрополита Евгенія, знаменитаго любовію своею къ отечественнымъ древностямъ, чиновникъ 5-го класса г-нъ Лохвицкій разрылъ землю, и подъ нею найдено было все основаніе древней Десятинной церкви» и т. д.

Десятинной церкви освященныя, въ присутствіи великаго князя Михаила Павловича,—даже всѣ удостоила взять къ себѣ въ музей и къ нимъ принадлежащіе документы подлинныя и мнѣ тутъ же лично вручили брилліантовый перстень за раскрытіе сей церкви; и все уже къ ея высочеству отправлено, а о полученіи она увѣдомила здѣшняго губернатора.

Прошу васъ, какъ удостоенный и утвержденный корреспондентъ Общества Московскаго Исторіи и Древностей ¹⁾, повидаться съ Николаемъ Алексѣевичемъ и спросить его, получилъ ли онъ мое описаніе сей церкви, и меня увѣдомить. Я ему послалъ 1-ю часть раскрытія; 2-я же у меня будетъ готова по первому вашему отзыву съ согласія Н. А. Полевого; а 3-я часть заключать будетъ вновь строящуюся на мѣстѣ Десятинной ²⁾.—Для любителей сея Святодесятинной матери всѣхъ церквей и святыхъ угодниковъ россійскихъ, я увѣренъ, что пріятно знать болѣе и болѣе объ ней; и точно, никто болѣе меня не можетъ знать о вѣрности сихъ раскрытій.

Благодарите за меня благодѣтеля моего издателя «Телеграфа» за подарокъ его журнала. Мы восхищаемся, читая его.

Его сіятельство г-нъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ у меня въ домѣ остановился съ своею супругою на время настоящихъ контрактовъ ³⁾ Кіевскихъ и въ знакъ памяти и своего ко мнѣ благорасположенія подарилъ мнѣ свою булатную саблю, которою защищалъ Россію во всѣ кампаніи своего вѣрнаго служенія. Этотъ мечъ (вотъ моя рѣчь) да будетъ памятникомъ раскрытія Богородичной, Святодесятинной церкви въ Кіевѣ. По времени, сію саблю сего великаго героя и защитника Санктпетербургской столицы да удостоитъ Московское Общество Исторіи и Древностей принять и внести въ исторію настоящихъ событій ⁴⁾.

Я слышалъ, что въ газетѣ Санктпетербургской публикуется о изданіи книги о раскрытіи Десятинной церкви. Мнѣ хотѣлось бы знать, кто ее издаетъ, и, о семъ узнавъ отъ Николая Алексѣевича, также прошу меня почтить извѣстіемъ.

¹⁾ Это званіе Лохвицкій получилъ за раскопки на мѣстѣ Десятинной церкви.

²⁾ Этимъ занялся на свои средства богатый помѣщикъ, отставной гвардіи поручикъ А. С. Анненковъ, у котораго съ Лохвицкимъ были неоднократныя столкновенія.

³⁾ То-есть, ярмарки.

⁴⁾ Саблю эту Лохвицкій пожертвовалъ въ Музей древностей при университетѣ св. Владиміра (В. С. Иконниковъ. Ист.-статист. записки объ ученыхъ и учебно-воспитат. учрежденіяхъ университета св. Владиміра, Кіевъ. 1884).

Ваша любовь ко мнѣ, въ письмахъ изліянная, для меня радость и награда за постоянную взаимно братскую дружбу. Съ симъ чувствомъ привѣтствую благодарностію, есмь и пребуду вѣрный въ братолюбіи слуга Кюдрать Лохвицкій.

20.

С. А. Мудрова ¹⁾—М. Я. Мудрову.

1-го іюня [1819 г.].

Любезнѣйшій дядинька, Матвѣй Яковлевичъ! Пишу къ вамъ сіи малыя строки съ однимъ отъѣзжающимъ очень умнымъ и добрымъ человѣкомъ и бывшимъ нѣкогда моимъ учителемъ, котораго прошу васъ покорнѣйше, милой дядинька, принять и не оставить, ежели ему будетъ нужда, въ помощи или совѣтахъ вашихъ. Надѣюсь на доброту сердца вашего, что вы въ ономъ ему не откажете и, вѣрно, его полюбите, потому что онъ весьма хорошо говоритъ по-латыни. При семъ цѣлуя васъ мысленно, милой дядинька, отъ всего моего сердца поздравляю васъ съ чиномъ статскаго совѣтника ²⁾, желая вамъ болѣе и болѣе милостей отъ царя Небеснаго и земнаго.

Вѣрно уже теперь любезная тетенька ³⁾ со воѣмъ семействомъ въ деревнѣ? Итакъ, прошу васъ покорнѣйше, когда будете писать къ нимъ, засвидѣтельствовать имъ мое усердное почтеніе. Моля Господа о сохраненіи драгоценнаго для меня, милой дядинька, здоровья вашего, остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ ваша покорнѣйшая слуга и племянница Софья Мудрова.

---

¹⁾ Софья Алексѣевна Мудрова, родная племянница Матвѣя Яковлевича, дочь роднаго его брата Алексѣя Яковлевича, умершаго въ 1801 году; Софья Алексѣевна была принята А. Ѳ. Лабзиннымъ и его женою Анной Евдокимовной и воспитана, какъ родная дочь. (Словарь профессоровъ Московскаго университета, т. II, М. 1855, стр. 120).

²⁾ Полученъ Мудровымъ 19-го апрѣля 1819 г. за составленіе проектовъ Медицинскаго института и Клиническаго института при Московскомъ университетѣ.

³⁾ Софья Харитоновна Мудрова (род. въ 1786 г. † 10-го августа 1833 г.), рожд. Чеботарева, дочь профессора и ректора Московскаго университета Х. А. Чеботарева; въ это время у нея было двое дѣтей: дочь Софья (род. 1815 г. † 1897 г.), впоследствии бывшая замужемъ за Иваномъ Ермолаевичемъ Великопольскимъ, и сынъ Нилъ (род. 1816 г.), умершій въ малолѣтствѣ.

Приписка А. Е. Лабзиной ¹⁾.

И я васъ, мой милый другъ, поздравляю съ полученіемъ монаршей милости и желаю отъ сердца моего болѣе и болѣе получить!

Рекомендую вамъ сего человѣка, хорошаго нашего пріятеля и насъ любящаго Дмитрія Ефимыча Василевскаго ²⁾. Приласкай же его, мой другъ; онъ, можетъ быть, покажется тебѣ страннымъ, но какъ узнаете его, то увидите, что онъ—добрый, умный и честный человѣкъ. Можетъ быть, ему надобность будетъ съ кѣмъ-нибудь познакомиться,—то прошу васъ рекомендовать его. Онъ теперь ѣдетъ въ чужіе края при одномъ молодомъ человѣкѣ, а по возвратѣ думаетъ жить въ Москвѣ и познакомиться съ университетомъ; тогда-то вы можете ему быть полезны. Я этого человѣка очень люблю; онъ съ нами часто дѣлалъ длинные осенніе вечера: мы всѣ—за работой, а онъ намъ читалъ книжку и говорилъ свои сужденія. Не знавши человѣка, я бы вамъ не рекомендовала. Вы мнѣ все это сдѣлаете; оказанная ему ласка приметя мною такъ, какъ бы это было мнѣ сдѣлано. Онъ же нѣкогда былъ учителемъ и Сонѣ, которую онъ очень любилъ и прилагалъ большое объ ней стараніе, безо всякихъ интересовъ, хотя самъ бѣдный человѣкъ.

Я знаю, что теперь твоего семейства нѣтъ въ Москвѣ, то прошу отъ меня написать мое истинное почтеніе, а малюточекъ за меня пусть почтенная и любезная Софья Ивановна поцѣлуетъ, особливо Нила, ко-

¹⁾ Анна Евдокимовна Лабзина (род. въ 1758 г., ум. въ 1827 г.), жена извѣстнаго мистика, вице-президента Академіи художествъ Александра Феодоровича Лабзина (род. въ 1766 г., ум. въ 1825 г.). Записки Анны Евдокимовны вскорѣ появятся на страницахъ „Русской Старинѣ“.

²⁾ Д. Е. Василевскій (род. въ 1781 г., ум. ?), впоследствии (съ 1822 г.) ординарный профессоръ Московскаго университета по кафедрѣ правъ политическаго и народнаго; сынъ священника Калужской губерніи, воспитанникъ духовной семинаріи и Педагогическаго института, по окончаніи котораго служилъ преподавателемъ (1810—1819 г.) русской словесности, миеологии и всеобщей исторіи въ Академіи художествъ, въ которой А. Э. Лабзинъ занималъ сначала должность конференцъ-секретаря, а затѣмъ—вице-президента. Въ это время Василевскій, по рекомендаціи князя А. Н. Голицына (министра народнаго просвѣщенія), отправлялся въ Германію и Францію на три года съ отставнымъ майоромъ Александромъ Ермолаевичемъ Мельгуновымъ въ качествѣ воспитателя его сына—Николая Александровича (род. 1804 г., умеръ 4-го февраля 1867 г.), впоследствии извѣстнаго литератора, о которомъ см. очеркъ А. И. Кирпичникова „Между славянофилами и западниками“ въ „Русской Старинѣ“ 1898 г., № 11 и 12 („С.-Пб. Вѣдомости“ 1820 г., № 38, стр. 467; Словарь профессоровъ Московскаго университета, т. I, М. 1855, стр. 145—въ біографіи Д. Е. Василевскаго; Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. I, стр. 105).

того очень много сердце мое любить: видно, во мнѣ осталась старая привычка любить мужчинокъ болѣе, нежели женщинъ.

Да утѣшить васъ Господь ими: они оба милы и для васъ драгоценны. Андрею Харитоновичу ¹⁾ мое усердіе прошу сказать; я слышала, что онъ съ вами въ Москвѣ.

Что за лѣнь, мой другъ, на тебя напала, что ты не отвѣчаешь на мое письмо ничего? Кажется, не мудрено сказать два слова: «да» или «нѣтъ», и дать мнѣ знать участь той, которая живетъ въ сердцѣ моемъ и для которой, кажется, я живу. Горько будетъ умирать мнѣ, не зная ея участи! Съ чѣмъ и какъ она останется? Я бы желала, чтобы она ни отъ кого не зависѣла и никому не была въ тягость, и это меня, признаюсь вамъ, окрушаетъ очень. Никто ея не знаетъ такъ хорошо, какъ я, и чувства ея никто не будетъ знать безъ меня.

Прости, мой милый другъ, болѣе писать не могу; я же нездорова ужъ нѣсколько дней. Мы остались всѣ живы. Александръ Ѳеодоровичъ ²⁾, благодареніе Богу, теперь здоровъ.

Остаюсь навсегда съ чувствомъ любви и дружбы ваша вѣрная служница А. Лабзина.

Прошу покорно доставить приложенное письмо, куда надписано: оно нужно для меня.

21.

М. Я. Мудровъ—С. Х. Мудровой ³⁾.

28-го іюля 1830 г.

Желаю вамъ добраго здравія и веселія. Софью Харитоновну прошу гулять не до устатку, Софья Матвѣевнѣ ⁴⁾ вдоволь. Надеждѣ Ивановнѣ ⁵⁾ гулять съ отдыхомъ.

Dominus vobiscum!

Посылаю вамъ изображеніе внутренности единственной въ своемъ

¹⁾ Чеботареву, шурину Мудрова.

²⁾ Лабзинъ.

³⁾ Жена М. Я. Мудрова—Софья Харитоновна, рожд. Чеботарева.

⁴⁾ Дочь Мудрова, въ 1831 г. вышедшая замужъ за Ивана Ермолаевича Великопольскаго.

⁵⁾ Н. И. Венсовичъ, дочь доктора и ординарнаго профессора анатоміи, физиологій и судебной медицины Московскаго университета Ивана Ѳеодоровича Венсовича, товарища Мудрова по университету; послѣ смерти Венсовича (11-го февраля 1811 г., 42 лѣтъ) Мудровъ взялъ подъ свое покровительство двухъ его дѣтей—сына Александра и дочь Надежду, которые и прожили въ домѣ Мудровыхъ, воспитываясь съ ихъ дѣтьми.

родѣ церкви св. Констанціи ⁴⁾; съ оной взята круглая форма внутренности Пехринской церкви, съ тою разницею, что вмѣсто колоннъ—арки на стѣнкахъ. Смотри № 10 въ Пиранези ⁵⁾. Описание церкви сей въ «Itinéraire de Rome» ⁶⁾ находится на 185-й страницѣ. Самая церковь стоитъ на разстояніи италіанской мили за «Porta Pia», или, по-древнему,—«Porta Numentana». Улица туда идетъ мимо Квиринальскаго дворца. Для сего прилагаю планъ Рима. Римскія дороги весьма важны въ ученомъ свѣтѣ.

Dominus vobiscum iterum, iterumque et semper. Благословеніе всѣмъ. Препокорный и послушный Матеей Мудровъ.

Церковь Пехринскую прошу выстудировать и сдѣлать видъ внутренности, также списать надпись на мраморной доскѣ.

Приписка А. Х. Чеботарева.

Любезная сестра! Мы всѣ, слава Богу, живы и здоровы. Очень приятно было читать описаніе встрѣчи вашей въ Пехрѣ. Просьбу твою помню и, въ исполненіе ея, домовничаю и никуда изъ дому не отлучаюсь.

Завтра свезутъ изъ Краснаго Села Алекоѣя Ѳеодоровича Мерзлякова ⁴⁾ на Ваганьково. «Юбилеемъ» заключилъ свои пѣśni ⁵⁾.

⁴⁾ Batistero e sepolcro di Santa Constanza—въ Римѣ, построена въ первые вѣка христіанства; она представляетъ изъ себя круглое въ основаніи зданіе съ куполомъ, поддерживаемымъ 24-мя колоннами. Описание и рисунокъ ея—въ книгѣ Jules Gailhabaud: „Monuments anciens et modernes“. t. II, Paris, 1853.

⁵⁾ Иванъ-Батистъ Пиранези (род. въ 1720 г., ум. въ 1778 г.),—извѣстный итальянскій граверъ, издатель большого числа атласовъ съ рисунками и видами, относящимися до архитектуры, древностей, топографіи и т. п. Работы его, вмѣстѣ съ сочиненіями его сына Франческо Пиранези (род. въ 1748 г. ум. въ 1810 г.) были изданы въ 1836 г. фирмою F. Didot въ 29 томахъ.

⁶⁾ Это извѣстное сочиненіе Magiano Vasi многократно издавалось на итальянскомъ и другихъ языкахъ; здѣсь, вѣроятно, имѣется въ виду французскій переводъ, напечатанный въ 1819 году въ Римѣ подъ заглавіемъ „Itinéraire instructif de Rome à Naples, ou description générale des monumens anciens et modernes et des ouvrages les plus remarquables en peinture, sculpture et architecture de cette ville célèbre et de ses environs“.

⁴⁾ А. Ѳ. Мерзляковъ умеръ 26-го іюля 1830 г. на своей дачѣ въ Сокольникахъ; 29-го числа гробъ съ останками его былъ перенесенъ на рукахъ товарищами и учениками его до церкви Тихвинской Богоматери, что въ Красномъ Селѣ (гдѣ нынѣ Алексѣевскій монастырь), а оттуда—на Ваганьково кладбище.

⁵⁾ 26-го іюня 1830 г., на торжествѣ празднованія 75-тилѣтняго юбилея Московскаго университета, Мерзляковъ, уже больной и слабый, читалъ стихи

Мадамъ Делиль ¹⁾ свидѣтельствуеъ тебѣ свое почтеніе.

Мы вчера весьма встревожились, увидя, что узелъ съ бѣльемъ забытъ, и хотѣли посылать нарочнаго съ онымъ въ Пехру; теперь отправляемъ съ онымъ Егора.

Цѣлую мысленно твои ручки, пребываю со всегдашнею преданностью и братнею любовью твоимъ покорнѣйшимъ братомъ и слугою А. Чеботаревъ.

Софѣ Матвѣевнѣ низко кланяюсь.

22.

М. Я. Мудровъ—С. Х. Мудровой.

6-го декабря 1830 г. Пенза.

Любезный милый другъ Софья Харитоновна! Опять приѣхали въ Пензу на Николинъ день. Помолились въ соборѣ за дражайшаго именинника, да Господь возвеселитъ его радостью. Были у преосвященнаго Іоанна ²⁾ и, пообедавъ, отправились въ Тамбовъ. Софѣ Матвѣевнѣ и Надеждѣ Ивановнѣ—благословеніе, а madame Delille—низкій поклонъ съ воплемъ крѣпкимъ: Ogenus! Атинькѣ и воѣмъ домашнимъ поклонъ.

Весь вашъ Матвѣй Мудровъ.

Р. С. Декабря 2-го былъ въ Болгарахъ, т. е. въ развалинахъ великаго града болгаръ, древней столицы болгарскаго царства. Накупилъ древностей и обломковъ, съ тѣмъ приятнымъ намѣреніемъ, чтобы Софью Матвѣевну нарядить болгаркою въ маскарадѣ. Это будетъ ходячая древность на юныхъ ногахъ.

Прощайте! М. Мудровъ.

Приписка А. Х. Чеботарева.

Любезная сестра! Вотъ мы и въ Пензѣ. Сегодня были на молебнѣ за здравіе великаго нашего государя. Послѣ заѣзжали къ новому здѣшнему архіерею, который былъ студентомъ въ Нижнемъ во время приѣзда туда Матвѣя Яковлевича ³⁾ и его тотчасъ узналъ. Сдѣлалъ одно только

свои „Юбилей“ (Словарь профессоровъ Московскаго университета, ч. II, М. 1855, стр. 96—97).

¹⁾ Гувернантка, жившая у Мудровыхъ.

²⁾ Іоаннъ Доброзраковъ (ум. 23-го іюня 1872 г.), сынъ священника Нижегородской губерніи, съ 5-го августа 1830 г. епископъ пензенскій, съ 1835 г.—нижегородскій, а съ 1847 по 1867 г.—архіепископъ донской.

³⁾ Это было въ 1812 году, когда Мудровъ, вмѣстѣ съ ректоромъ и другими профессорами, покинулъ Москву, чтобы въ Нижнемъ-Новгородѣ провести все смутное время непріятельскаго нашествія.

замѣчаніе, что тогда у Матвѣя Яковлевича волосы были черные, а впрочемъ не находить большой въ немъ перемѣны.

О Болгарахъ прочтите подробнѣе въ Карамзиновой «Исторіи Россійскаго Государства». Графъ ¹⁾ такъ милостивъ къ Матвѣю Яковлевичу, что, замѣтя желаніе его видѣть Болгары, назначилъ для медицинскаго совѣта особый маршрутъ, только чтобъ доставить Матвѣю Яковлевичу возможность удовлетворить свое любопытство, а самъ поѣхалъ чрезъ Нижній Новгородъ.

Мы не могли безъ сердечнаго восхищенія читать въ послѣднемъ письмѣ твоёмъ описаніе материнскихъ чувствъ твоихъ при взглядѣ на любезную Софью Матвѣевну. Дай Богъ, чтобъ она всегда утѣшалась отца и мать! Кланяюсь ей низехонько и цѣлую твои ручки, оканчиваю, ибо лошади заложены и садимся въ кибитки! Весь твой братъ и слуга А. Чеботаревъ.

23.

М. Я. Мудровъ—С. Х. Мудровой.

9-го декабря 1830 г. Тамбовъ.

Любезный милый другъ Софья Харитоновна! Декабря 8-го дня, благодареніе Господу Богу, пріѣхали мы въ Тамбовъ. Его сіятельство графъ Арсеній Андреевичъ ²⁾ возвѣстилъ мнѣ о письмѣ и посылкѣ, а вчера, декабря 8-го дня, получилъ отъ его самого письмо твое во Владимірѣ, отъ 3-го декабря; и посылку, то-есть, книги мнѣ передали. Сегодня же вечеромъ получилъ и второе письмо твое отъ 5-го декабря. Премного благодарю за любопытныя для меня вѣсти медицинскія, которыя ты, мой милый другъ, умѣла написать. Но скоро, скоро, мы будемъ, аще восхоцетъ Богъ, разговаривать съ тобою и со всѣми присными не письменно, но viva voce. Исторію сію ты будешь читать въ письмѣ Андрея Харитоновича.

Теперь поговоримъ о важномъ дѣлѣ, и безъ пристрастій. Мнѣ не хочется вѣхаться въ Прѣсенскій домъ ³⁾. Обдумай все хорошенько и сдѣлай консиліумъ, съ кѣмъ тебѣ угодно. Резоны суть слѣдующіе, о которыхъ я прежде къ тебѣ писалъ: 1) Мой дорожный домъ, моя свита домашняя, прошли оквозъ огнь холерной и по сихъ поръ не опалилися, но не знаю, нѣтъ ли искры изъ насъ въ комъ-ни-

¹⁾ А. А. Закревскій.

²⁾ Закревскій.

³⁾ Собственный домъ Мудрова на Прѣсенскихъ прудахъ, перешедшій потомъ къ его зятю И. Е. Великопольскому и послѣднимъ проданный.

будь и въ нашихъ домашнихъ вещахъ, несмотря на то, что мы жестоко были окуриваемы Андреемъ Харитоновичемъ ¹⁾). Итакъ, боюсь, чтобъ не привезти въ домъ холеры!!! Думай и гадай! 2) По приѣздѣ моемъ вся Москва ко мнѣ повалитъ съ визитами, и ворота не будутъ заперты. За кого можно поручиться, что въ посѣтителяхъ нѣтъ холеры? 3) Присылки отъ больныхъ начнутся, и передняя опять наполнится лакеями и больными. За кого можно поручиться, что въ людяхъ нѣтъ холеры? 4) Москва осталась не окуреною, а мы выкурили и Саратовъ, и Казань. 5) Въ Москву я ѣду, но остаюсь въ службѣ у министра внутреннихъ дѣлъ, хотя его сѣятельство и ѣдутъ въ Петербургъ: ибо еще Медицинскій совѣтъ не кончилъ своихъ дѣлъ. Итакъ, я долженъ приѣхать, по моему, либо въ Арбатскій домъ, ежели онъ пустъ, либо въѣхать въ трактиръ. А намъ квартиры будутъ отведены казенныя. Одинъ членъ, г. Дядьковскій, только въѣдетъ въ свой домъ, а два члена—г. Нагумовичъ и г. Венедиктовъ ²⁾ станутъ на квартирахъ. И мы всѣ съ ученымъ секретаремъ нашимъ должны будемъ продолжать нѣсколько времени нашъ Медицинскій совѣтъ, пока не dokonчимъ назначеннаго намъ дѣла. По секрету же скажу, что мнѣ предстоитъ и сочиненіе нѣкоторыхъ артикуловъ для «Трактата». Когда же все сіе удастся мнѣ сдѣлать, ежели я начну путешествовать утромъ и вечеромъ по Москвѣ? Я уже не говорю объ университетскихъ моихъ занятіяхъ, которыя прекращены будутъ, дондеже меня возвратитъ въ министерство просвѣщенія теперешній мой благодѣтельный, рѣдкій начальникъ — графъ Арсеній Андреевичъ, господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ, къ которому я принадлежу точно такъ, какъ ножны къ его шпагѣ. Итакъ, вотъ тебѣ, мой другъ, задача! Андрей Харитоновичъ взялся къ тебѣ продолжать ту же матерію. Распоряженіемъ сего дѣла не медли, ибо мы въ дорогѣ не спимъ, иначе, какъ въ повозкахъ, а выходимъ только пить чай и обѣдать. Несмотря на то, графъ Арсеній Андреевичъ еще скорѣе насъ ѣздитъ, и вдвое скорѣе: у него впередъ фельдъегери скачутъ, а у меня лошади готовятся по моему приѣздѣ. И такъ,—мы близко отъ Москвы, какъ ты, мой милый другъ, читаешь сіи полуночныя строки.

Софѣ Матвѣевнѣ и Надеждѣ Ивановнѣ благословеніе. Наденькину нарыву я радуюсь; это кончитъ всѣ ея болѣзни. Наденька, будь здорова къ моему приѣзду! Попроси Михайла Вильмовича ³⁾, чтобъ

---

¹⁾ Чеботаревымъ, ученымъ секретаремъ Центральной комиссіи по борьбѣ съ холерой.

²⁾ О нихъ см. примѣч. къ письму 11-му.

³⁾ Михайлъ Вильгельмовичъ Рихтеръ, д-ръ медицины, профессоръ Московскаго университета.

онъ разрѣзалъ нарывъ, ежели онъ готовъ, либо пусть попроситъ онъ Федора Андреевича¹⁾).

Madame Delille! Gratias agamus Domino Deo nostro, который возвращаетъ насъ здоровыхъ послѣ трехмѣсячнаго путешествія, и путешествія не безопаснаго.

Препрощайте! Атинькѣ и всѣмъ домашнимъ кланяюсь.

Totus vester, semper devotissimus.

Matth. Mudrow.

Примиска А. Х. Чеботарева.

P. S. Вотъ тебѣ и еще рацея:

Матвѣю Яковлевичу гораздо бы пріятнѣе было пріѣхать въ свой кабинетъ, въ которомъ онъ еще не жилъ, и жить на Прѣснѣ, гдѣ холеры не было,—но разсуди сама, любезная сестра, что каковы должны быть чувства Матвѣя Яковлевича! Пріятно ли ему мыслить, что при его возвращеніи занесутъ къ вамъ въ домъ холеру или мы сами въ вещахъ своихъ привеземъ ее? По чести, однѣ эти мысли, одно такое опасеніе окружать его! И потому, не лучше ли, чтобъ на первое время онъ не въѣзжалъ въ Прѣсенскій домъ? Если Арбатскій домъ пусть, то онъ въѣдетъ въ него, и ты заблаговременно прикажешь его отапливать, и вѣроятно, въѣдетъ въ оный съ двумя членами совѣта; если жъ княгиня Барятинская живетъ еще въ немъ, то не лучше ли будетъ намъ въѣхать въ трактиръ, пока отведутъ намъ, какъ членамъ Медицинскаго совѣта при Центральной комиссіи, казенную квартиру. Вы будете пріѣзжать къ намъ всякій день, пока минется всякая боязнь заразительности; отъ сего сердце Матвѣя Яковлевича будетъ успокоено, и онъ будетъ вдвое здоровѣе прежняго; если же пріѣдетъ на Прѣсню, то внутреннее безпокойство и опасеніе безпрестанно будетъ тревожить духъ его, что можетъ имѣть вредное вліяніе на его силы физическія.

Думаемъ и раздумываемъ, и сами не знаемъ, какъ съ симъ сладить и сообразиться, но все выходитъ одинъ и тотъ же результатъ, что безопаснѣе въ Прѣсенской домъ не въѣзжать. И поэтому, любезная сестра, пришли, если будетъ почта — по оной, а если не будетъ почтоваго дня, — то пришли съ нарочнымъ 14-го числа въ Бронницы письмо, и извѣсти насъ, пороженъ ли Арбатскій домъ, чтобы мы знали, въ него ли, или въ трактиръ пріѣхать.

Прощай! до радостнаго свиданія.

¹⁾ Федоръ Андреевичъ Гильдебрандтъ (род. въ 1773 г., ум. въ 1845 г.), докторъ медицины и хирургіи, ординарный профессоръ хирургіи въ Московскомъ университетѣ.

Притиска М. Я. Мудрова.

1 часъ по-полночи. По разсчету надѣмся выѣхать 11-го числа изъ Тамбова и быть 14-го декабря въ Бронницахъ, куда не вздумайте сами выѣхать, ибо можемъ запоздать днемъ, и, упаси Богъ! неподвижные случаи могутъ, какъ и въ прошедшій разъ, еще бросятъ насъ въ другую сторону; и потому Матвѣй Яковлевичъ просить, чтобъ отнюдь не выѣзжали къ нему на встрѣчу. Аминь. Матвѣй Мудровъ.

Притиска А. Х. Чеботарева.

Тамбовъ. 10-го декабря 1830 г. Матвѣй Яковлевичъ у графа и теперь съ нимъ работаетъ въ послѣдній разъ въ Тамбовѣ. Сегодня получимъ отправленіе и прогонныя деньги. Завтра, если Богъ дастъ, вѣроятно, выѣдемъ. Впрочемъ, если не успѣемъ уложиться, то можемъ выѣхать и 12-го числа, но я постараюсь, чтобъ выѣхать завтра, хоть вечеромъ. До Москвы отсюда только 467 верстъ; полагаю, что будемъ ѣхать день и ночь (развѣ сдѣлаемъ только маленькій роздыхъ въ Рязани), — слѣдовательно, можемъ въ четвертыя сутки пріѣхать въ Москву, что, по разсчету должно быть, если выѣдемъ завтра, — 15-го, а если выѣдемъ послѣ-завтра, — то 16-го декабря. И потому пришли 15-го числа въ Бронницы письмо или нарочнаго, насъ увѣдомить, пусть ли Арбатскій домъ, или занять, дабы знали, въ него ли, или въ трактиръ къ шадаше Oberst вѣхать. Этому непременно такъ быть должно, ибо Матвѣй Яковлевичъ, зная, что Москва не окурена, боится возрожденія въ ней холеры и не хочетъ быть поводомъ занесенія ея въ нашъ домъ; и несмотря на то, что мы довольно окурены, но, по пріѣздѣ въ Москву, я вновь подвергну сильной окуркѣ все, до послѣдней вещи, съ нами бывшее въ дорогѣ... Надежда Ивановна Тимоеева отъ холеры изъ Тамбова уѣхала въ Москву, а изъ Москвы въ С.-Петербургъ, вмѣстѣ съ дочерью, г. Чубаровою, и имѣла несчастіе тамъ ея лишиться. Она избѣжала холеры, но умерла отъ простудной горячки.

Теперь вы, я думаю, радуетесь, что оцѣпленіе снято и Москва объявлена благополучною. Всѣ московскія дамы, я думаю, въ запуски пустились дѣлать визиты, но Матвѣй Яковлевичъ очень доволенъ, что ты ворота Прѣсененскаго дома еще не растворила; пусть дурачутся другіе, сколько хотятъ, а мы побережемся еще нѣкоторое время, ибо береженаго, по пословицѣ, самъ Богъ бережетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо кн. Багратиона Варклаю-де-Толли объ отставномъ полковникѣ графѣ Виттѣ.

19-го октября, 1811 г. Житомиръ.

Прежде сего сообщалъ я вамъ свѣдѣнія, полученныя мною отъ отставнаго полковника графа Витта, а сей разъ упомяну и о немъ самомъ. Сколько я его знаю, онъ лжець и самый неосновательный человекъ; но жена его какъ умная и хорошая женщина, управляетъ его поступками такъ, чтобы не лишился онъ довѣренности у насъ, равно и въ герцогствѣ Варшавскомъ не потерялъ хорошаго о себѣ мнѣнія.

По моему замѣчанію, кажется, что онъ двуличка. Сіе не дурно было, когда бы справедливо обо всемъ насъ извѣщаль и показанія его со стороны ихъ были бы вѣрны. Я сидѣлъ съ нимъ глазъ на глазъ довольно долго и всячески выспрашивалъ, какимъ образомъ знаетъ онъ всѣ обстоятельства тамошняго края и по какой связи такъ часто туда ѣздить? На сіе отвѣчалъ мнѣ, что имѣеть тамъ много дѣлъ по домашнимъ оборотамъ и при томъ тѣсную связь съ многими особами, да и будто о каждомъ отъѣздѣ его извѣстно и всѣмъ. Между прочимъ обѣщавается онъ доставить намъ хорошую и весьма вѣрную связь, посредствомъ которой можетъ получать обо всѣхъ происшествіяхъ не токмо въ Варшавѣ, но и въ кабинетѣ самого Наполеона происходящихъ. Есть въ Варшавѣ одна женщина по фамиліи мадамъ Вобанъ—я самъ ее знаю лично; но большаго знакомства съ нею не имѣю. Графъ же Виттъ даетъ мнѣ слово, что, бывъ съ нею весьма знакомъ и на дружеской ногѣ, непременно склонить ее на нашу сторону. Женщина сія хитрая, умная и интриганка, находится безотлучно при князѣ Понятовскомъ, который къ ней такъ привязанъ и столь слѣпо во всемъ довѣряетъ, что безъ ея совѣта ничего не предпринимаетъ, какъ по дѣламъ военнымъ, такъ и гражданскимъ. Словомъ сказать—она истинный его другъ и совершенный для него законъ.

Особа сія предвидитъ, что герцогство Варшавское не что иное есть какъ одно мечтаніе, слѣдовательно охотно пожелаетъ убѣдить и князя Понятовскаго придерживаться стороны вѣрной и надежной.

Все сіе графъ Виттъ обѣщаетъ устроить чрезъ одного хорошаго своего знакомаго италянца, сущаго врага французской націи, живущаго теперъ въ Вѣнѣ и котораго онъ хочетъ для сего вызвать, какъ человѣка, имѣющаго большую связь и дружбу съ мадамъ Вобанъ. Что все непременно выполнено имъ будетъ, коль скоро примется въ нашу службу.

Изъ сихъ объясненій замѣчаю я, что единственная цѣль исканій и одно желаніе графа Витта есть войти въ нашу службу какими бы то средствами ни было. По мнѣнію моему, изъ виду его упускать не должно. А потому всепокорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, написать ко мнѣ: что будто уважая представленіе мое, свидѣтельствуемое о усердіи и приверженности графа Витта, неоднократно намъ оказанныя, охотно желаете явить въ томъ свое пособіе; но полагая, что намѣренія его такого рода, что гораздо легче ему и удобнѣе произвести оное въ дѣйствіе, имѣя всю свободу отлучаться во всякое время куда угодно. Коль же скоро обѣщанное имъ будетъ выполнено и связь предполагаемая дѣйствительно устроится, то за большое удовольствіе почтете исходатайствовать ему у государя императора высочайшее соизволеніе о принятіи его въ службу.

Открывая сямъ мысли мои о графѣ Виттѣ, полагаю я, что, обольщая его таковымъ обнадеживаніемъ, употребить онъ всѣ силы къ выполненію, и ежели предпринимаемое успѣхъ возымѣетъ, то большею послужить для насъ выгодною.

P. S. Отъ человѣка достойнаго всякаго вѣроятія, который получилъ равно отъ надежныхъ же людей, имѣю я свѣдѣніе, что Наполеонъ единственно тѣмъ только занятъ и всѣ напрягаетъ силы, чтобы склонить ласкою, либо понудить угрозами прусскаго короля присоединиться къ Рейнскому союзу.

Свѣдѣніе сіе, хотя конечно уже вамъ извѣстно, но, получа за достоинное, вамъ сообщаю. Въ такомъ положеніи дѣлъ весьма нужно, чтобъ и наши не дремали.

Изъ записокъ стараго преображенца ¹⁾.

1858 годъ.

XVI ²⁾.

Назначеніе ротнымъ командиромъ. — Введеніе въ войскахъ гимнастики, фехтованія и стрѣльбы. — Смотръ государемъ стрѣльбы въ лагеряхъ 1858 года. —
Моя женитьба.

6-го сентября 1857 года я былъ назначенъ командиромъ 2-й стрѣлковой роты. Это назначеніе очень меня поощрило и позволило надѣяться на лучшую будущность. Незавидная служба младшимъ, заштатнымъ офицеромъ, казалось, кончилась безповоротно, и я попалъ въ число ротныхъ командировъ, да еще при крайне благопріятныхъ условіяхъ. Стрѣлковыя роты должны были всю зиму, — до поздней весны, оставаться въ загородномъ расположеніи. Ихъ приводили въ Петербургъ только для большихъ парадовъ. Затѣмъ, начальство, не исключая и полковаго, почти не вмѣшивалось въ дѣло обученія стрѣлковъ.

— Вотъ вамъ рота, учите какъ хотите, только придерживайтесь общимъ требованіямъ, а тамъ, — въ лагеряхъ, на смотрахъ, видно будетъ, какъ и чему вы учили!

При такой постановкѣ дѣла, ротному командиру необходимо было подумать, прежде всего, о томъ, чему и какъ слѣдуетъ учить? Программы, инструкціи, приказы, конечно, рѣшали эти вопросы болѣе или менѣе удовлетворительно, но не мѣшаетъ, однакоже, присмотрѣться къ

¹⁾ См. «Русскую Старину» июнь 1901 г.

²⁾ Промежуточныя главы напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“, 1884 г. т. III и 1885 г. т. I.

нимъ пристальнѣе. Крымская война и осада Севастополя дали внушительный отвѣтъ на 1-й вопросъ: «чему учить?»

Перехожу, стало быть, ко второму вопросу: «какъ учить?» На этотъ вопросъ могъ тоже всякій себѣ отвѣтить, что, прежде всего, надобно учиться самому, чтобы знать, какъ учить солдатъ. Вотъ мы всѣ и стали учиться и я со всѣми. Началь-то я самообученіе гораздо раньше,—еще въ походѣ. Все, что было издано или написано о теоріи стрѣльбы, гимнастики, фехтованія и объ обученіи грамотѣ, было просмотрѣно, прочтено, затвержено.

За практикою въ стрѣльбѣ дѣло не становилось. Стрѣлковыя роты упражнялись въ ней каждый день, и ротный командиръ могъ практиковаться, когда и сколько ему угодно. О грамотѣ нечего и говорить. На столько-то, слава Богу, хватало у меня грамотности. Другое дѣло: гимнастика и фехтованіе. Тутъ надобно было ѣздить въ Петербургъ. Противъ Михайловскаго манежа и на концѣ Инженернаго плаца, стояли и теперь стоятъ два круглыхъ павильона. Въ одномъ изъ нихъ помѣщалась гимнастическая и фехтовальная зала. Обученіе гимнастикѣ поручено было специалисту шведу—де-Роону.

Мысль о необходимости тѣлеснаго развитія обуяла не только военныхъ, но и все высшее общество. Въ началѣ 60-хъ годовъ частное гимнастическое заведеніе Роона очень напоминало понятіе объ адѣ или чистилищѣ. Сильные и слабые, старики и дѣти присѣдали, вытягивались, коверкались, прыгали и лазали на всѣ лады. Увлеченіе было общее. Изреченіе древнихъ о необходимости «здороваго духа въ здоровомъ тѣлѣ» было у всѣхъ на языкѣ. Дошло до того, что на царскомъ смотру Образцоваго баталіона многіе офицеры ходили по канату и выдѣлывали на немъ штуки. Помню наше общее негодованіе.

— Ну, ужъ это черезъ чуръ,—говорили мы всѣ,—вѣдь это ужъ просто паясничество. Вѣчно пересолять!

Такъ и случилось. Молодой, сильный, богатый, знатный человекъ искалѣдилъ себя на всю жизнь. Это—Демидовъ, преображенецъ, стрѣлокъ; онъ прыгнулъ въ ширину, но на какое-то неслыханное разстояніе. Слѣдствіемъ былъ переломъ ноги, въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ,—на вершокъ ниже колѣна. Я помню, какъ несли Демидова на носилкахъ черезъ весь городъ до собственнаго дома въ собственномъ переулкѣ. Будь это скромный армейскій офицеръ, исторія его не имѣла бы большой огласки; но мать Демидова была знатная барыня съ большимъ вѣсомъ при дворѣ и въ высшемъ обществѣ. Она стала кричать на всѣхъ перекресткахъ и бранить безъ пощады начальство и самихъ офицеровъ. Тогда и припадки неистоваго самообученія вошли нѣсколько въ свои берега.

Поговорю о высшей фехтовальной школѣ. Корпусное начальство

наняло француза г. Давэ и водворило его въ Михайловскомъ павильонѣ. Французъ все дѣлаетъ съ граціею и со вкусомъ. Давэ облекся въ изящный костюмъ, напоминавшій гладіаторовъ или бродячихъ жонглеровъ; между прочимъ онъ надѣлъ мягкіе башмаки и вмѣсто рутиннаго топанья и стука ногами онъ выступалъ, двигался и отступалъ мягко, плавно, граціозно. Вмѣсто прежней прямой постановки корпуса, онъ нагибалъ его впередъ и выставялъ голову, скрывая грудь. Его прямые и косвенные удары и отбивы были мѣтко направлены, крѣпко ударялись въ цѣль и отличались ловкостью и быстротою. Онъ имѣлъ и завѣтные удары, которые приберегались для знатоковъ, но съ другой стороны у него было множество шарлатанскихъ приемовъ, рассчитанныхъ на то, чтобы пустить пыль въ глаза. На него обѣгались смотрѣть толпами, и желающіе учиться умножались съ каждымъ днемъ. Прозелиты старыхъ учителей дезертировали къ Давэ. Старые же, обиженные и задѣтые за живое, встрепенулись. Соколовъ вызвалъ Давэ на состязаніе. Зрѣлище было любопытное. Давэ нагнетъ тѣло впередъ головою,—и Соколовъ тоже. Давэ начнетъ кружить и ѣздить концомъ рапиры, чтобы спутать противника,—Соколовъ тихо и спокойно высвободитъ свою, найдетъ незащищенное мѣсто и кольнетъ мѣтко и удачно. Давэ, видя, что фокусами ничего тутъ не выиграешь, возьметъ да присядетъ. Смотримъ,—и Соколовъ присѣлъ. Подползаютъ другъ къ другу, сходятся, расходятся, ловятъ каждую оплошность, пускаютъ въ ходъ лучшіе удары, но въ концѣ концовъ силы не только оказались равными, но многіе утверждали съ гордостію, что русскій отплатилъ французу каждый ударъ съ процентами. Слѣдствіемъ было, что множество учениковъ перекочевало отъ Давэ обратно къ Соколову. Я всегда любилъ рапирный бой, не переставалъ учиться ему съ пажескихъ временъ, между прочими и у Соколова, по старой пажеской памяти. Теперь я попробовалъ взять нѣсколько уроковъ у Давэ, въ надеждѣ, не передастъ ли онъ чего новаго, особенно въ штыковомъ бою, нужномъ для обученія солдатъ. Но прежде всего слѣдовало умѣть задобрить учителя. Дѣло въ томъ, что ни Соколовъ, ни прочіе изъ прежнихъ учителей не брали денегъ ни въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, ни въ Инженерномъ павильонѣ; они имѣли частные уроки, но на дому; въ фехтовальной же залѣ они считали труды свои оплаченными правительствомъ, и преподаваніе свое—службою. Я имѣлъ наивность думать, что Давэ тѣхъ же правилъ. Только, вдругъ, замѣчаю, что французъ что-то долго не допускаетъ меня къ очереди, а если и допустить, то учить вяло, неохотно и крайне дорожить временемъ. Я сконфузился, воображая, что онъ считаетъ меня мало способнымъ, но одинъ адъютантъ штаба, спасибо, открылъ мнѣ глаза. Онъ, разъ, при Давэ обратился ко мнѣ, вынулъ кошелекъ, поднялъ его на воздухъ, зазвенѣлъ деньгами и запѣлъ:

— J'ai de l'argent, j'ai de l'argent. Ah, que mon coeur est content! Я растерялся и ждалъ, что французъ обидится. Ничуть не бывало. Давé любезно захихикалъ, замоталъ утвердительно головою и мило проговорилъ:

— Oui, oui, c'est ça... c'est ça!

Мы тоже шутя условились въ цѣнѣ, и я сталъ учиться у Давé на рапирѣ и на штыкахъ. Успѣхи же свои я провѣрялъ въ практическомъ штыковомъ бою съ однимъ изъ вице-инструкторовъ, лейбъ-гусарскимъ унтеръ-офицеромъ. Этотъ уже не училъ, а иногда только проучивалъ. Случалось мнѣ, бывало, слишкомъ грубо и сильно кольнуть его и больно зашибить ему руку или ногу, онъ разоердится, но смолчить и какъ только замѣтитъ, что я гдѣ-нибудь плохо закрылся, онъ вдругъ, сильнымъ ударомъ плашмя, такъ жутко шлепнетъ меня, что искры изъ глазъ посыпятся; вспомнишь бывало слова писанія: «Ею же мѣрою мѣрите,—возмѣрится вамъ». Но, кажется, довольно о самоубученіи. Вѣдь оно только средство для достиженія цѣли, а цѣлью моею было умѣнье обучить солдатъ. Приступаю къ этой существенной части разсказа.

По однимъ книгамъ и книжнымъ толкованіямъ нельзя выучиться ремеслу; практика учить; объ ней и пойдетъ рѣчь. Простолоудинъ или вообще человекъ, не бравшій никогда въ руки ружье, побаивается его. Эта старая и простая истина вдругъ бросилась теперь въ глаза. Вотъ и придумали очень хорошее пробное средство: тушеніе свѣчей капсюлями. Прошу представить длинный деревянный столъ и на немъ пять или десять свѣчей—въ линію. Противъ каждой стоитъ солдатикъ, а подлѣ него—оффиціальная нянька, въ лицѣ ротнаго или отдѣленнаго командира, фельдфебеля, унтеръ-офицера и проч. Раздается съ фланга первый починъ: Пафъ! Ротный командиръ разводитъ руками и начинаетъ увѣщевать:

— Помилуй, да зачѣмъ же ты оба глаза зажмурилъ! Какъ же ты цѣлить будешь съ закрытыми глазами? И на что такъ сильно дергать за спускъ? Чего ты боишься?....

Не успѣлъ онъ договорить, какъ рядомъ: Пафъ! Фельдфебель свиститъ.

— Фю-ю-ю! Этакъ ты, братъ, мѣтишь въ свѣчку, а попадешь въ печку! На что рвешь за спускъ? Ты помалу тани!

Трудно было искоренить эти инстинктивные порывы могучаго чувства самосохраненія. Положимъ, удавалось, наконецъ, доводить солдата до спокойнаго спуска курка при капсюльной пробѣ. Но на стрѣльбищѣ, когда бывало онъ станетъ стрѣлять боевымъ зарядомъ (сначала учили,—сядя), откуда вдругъ возьмутся старыя привычки дергать и жмуриться. Эти привычки держались довольно долго и упорно. У иныхъ стрѣлковъ онѣ оставались навсегда.

Такихъ старались спустить въ линейныя роты.

Поведу теперь рѣчь о гимнастикѣ. Приготовительную гимнастику (одни движенія, безъ машинъ) солдаты не любили. Русскій человѣкъ терпѣть не можетъ непродводительнаго труда или такой работы, гдѣ онъ не видитъ прямой пользы и ошутительныхъ результатовъ. А кто знаетъ солдатскую манеру выражаться, тотъ сейчасъ же замѣтитъ, чего ребяташки не долюбиваютъ.

— Ну, что, кончили?—спросишь, бывало, встрѣчнаго.

— Точно такъ; отмахались!—отвѣчаетъ стрѣлокъ.

Прибавляю еще, что комнатную гимнастику они называли: «г и м н а з и ч е с к і й ф р у н т ъ» (гимнастическій фронтъ). Этихъ двухъ словъ, кажется, довольно для характеристики дѣла.

Гимнастика съ машинами была другая статья. Солдаты не обзывали ее «фрунтомъ», а просто: «гимназією» и говорили, что она: «не въ примѣръ занятіе». То же подтверждаю и я. Мнѣ самому она служила развлеченіемъ. Тутъ проявлялась, во-первыхъ, н а р о д н о с т ь солдата. Я хочу сказать, что новгородца, тверитянина, орловца и прочихъ изъ внутренней Россіи, сейчасъ можно было узнать по полету. Сила, ловкость, удаля, смѣтка били въ глаза. Истый же руссакъ—охотникъ любоваться досужествомъ земляковъ; это порождало соревнованіе, а оно всему дѣлу голова! Бывало, старый солдатъ добродушно осклабится и пробурчитъ.

— Ишь ты, анаеема, какъ онъ сигаетъ (т. е. прыгаетъ), безпремѣнно должонъ быть изъ ярославскихъ!

Такое изреченіе стояло десяти похвалъ начальника. Молодежь слушала и, не говоря ни слова, спѣшила безъ команды сигать, покрикивая:—Эге... а ну-ка и я!—Командиры и офицеры стрѣлковыхъ частей не были педантами (исключенія не знаю), а всего менѣе на гимнастикѣ. Они занимались только со слабыми и неумѣлыми, да и то терпѣливо и непринужденно и заботливо. Остальные могли лазить, прыгать, шутить, смѣяться безъ стѣсненія. Кстати о неумѣлыхъ поясю примѣромъ. Какъ я сказалъ о ярославцѣ, костромичѣ и проч., такъ же и еще легче было узнать чухонца, литовца, заголодалаго, забитаго бѣлорусса, а въ особенности х о х л а.

Стоитъ деревянная лошадь (кобыла) и передъ нею трамплинъ¹⁾. Малороссъ стоитъ шагахъ въ двадцати. Его учать:

— Смотри же, не зря разбѣгайся... примѣръ, сколько тебѣ нужно... Какъ, значить, разбѣжишься къ доскѣ... тутъ ты руки на кобылу, какъ можно подальше, а ногами объ доску... и норови въ сѣдло! Понимаешь?

— Слушаю-сь! Понимаю-сь!

¹⁾ Деревянный наклонный треугольникъ, дающій силу и эластичность прыжку.

Малороссъ нашъ начинаетъ «примѣряться», то-есть—пучить глаза и подпрыгивать, страшно махая руками. Вдругъ онъ пускается бѣжать въ перевалку, немилосердно топая ногами. Казалось, трампливъ разлетится въ дребезги отъ огромныхъ ступней его, но объ рукахъ-то онъ и позабылъ, а безъ рукъ вскочить на кобылу—дѣло непосильное. Манежъ дрожить отъ хохота и прибаутокъ.

— Ого... го... го! ай да полтавскій! Эхъ, жаль, хвоста у кобылы нѣтъ, а то бы и осѣдалъ! Эге... ге..., землячекъ, лѣсенку припаси, да нѣтъ, братцы, на что лѣсенку... онъ и безъ нея... Ну-ка, ну-ка еще... катая черезъ голову!..

Озадаченный хохоль плетется назадъ. Иногда онъ самъ смѣется, а иногда страшно переконфузится. Въ послѣднемъ случаѣ я подходилъ бывало и говорилъ:

— Не слушай ты ихъ, Кравчукъ, плюнь на нихъ, что они зубы скалятъ! А вотъ ты на зло имъ не прыгай... пускай они прыгаютъ сами, а мы съ тобой посмотримъ.

Солдатикъ ободрялся.

— Точно такъ, ваше сіятельство, нехай бы я побачивъ, якъ вѣны сигаютъ. Можѣ-бъ и потрафилъ.

Тогда я обращаюсь къ публикѣ.

— Эй, вы, смѣшливые: легко смѣяться, а ну-ка покажите намъ, какъ надо прыгать, мы, ужъ нечего дѣлать, поучимся у васъ!

Вся компанія съ гамомъ бѣжитъ на дистанцію. Еще секунда, и трамплинъ грохочетъ, кобыла стонетъ отъ молодецкихъ прыжковъ. Большинство прядаетъ черезъ всю лошадь и опускается на другомъ концѣ. Кравчукъ мой оживляется. По лицу его видно, какъ онъ, по-своему, хвалитъ молодцовъ:

— Ахъ, не хай ихъ!.. А щобъ подралъ ихъ бисъ!

Пользуясь его вдохновеніемъ, я вдругъ говорю:

— Эхъ была не была, качнемъ и мы!

Затѣмъ прыгаю самъ, и не успѣлъ я слѣзть,—смотрю: летитъ Кравчукъ и на этотъ разъ его грузная фигура взмахнула уже на лошадь и даже не очень далеко отъ сѣдла. Но чтѣ уморительнѣе всего: въ ту же минуту, какъ онъ взобрался на кобылу, Кравчукъ молодецки подбоченился и оглядывалъ всѣхъ кругомъ необыкновенно гордо. Солдаты, да, признаюсь, и я съ ними, покатывались со смѣху. Но въ этихъ случаяхъ, они никогда не забывали аплодировать по-своему:

— Гляди-ка... гляди... ай да хохликъ! Нѣтъ, братцы, нѣче надъ нимъ смѣяться... вишь, какъ браво на конѣ сидитъ! Онъ, гляди, еще енѣрала заслужитъ!

Теперь на очередь выступаетъ фехтованіе. Вслѣдствіе особенностей, свойственныхъ ему элементарныхъ правилъ и учебныхъ прие-

мовъ, фехтованіе легко могло впасть въ рутину, тѣмъ болѣе, что начинающихъ ставили во фронтъ и учили по темпамъ и по командѣ. Задача была, стало быть, въ томъ, чтобы не дать дѣлу выродиться въ прежнюю темпистіку, а учить осмысленно. Для этого я становился противъ солдата съ рапирю и, удостовѣрившись, что онъ нѣсколько знаетъ основанія, приказывалъ ему надѣть маску и говорилъ:

— Ну, смотри, я буду колоть, а куда, самъ замѣчай и отбивай.

Затѣмъ, бывало, быстро пододвинешься и только сильно топнешь ногою. Смотришь,—солдатъ неистово начинаетъ махать палкою вправо и влѣво, но, замѣтивъ, что рапира моя опущена и что я вовсе не колоть, а только топнулъ, онъ самъ усмѣхается.

— Помилуй,—говорю ему,—неужто ты и въ сраженіи такъ-то будешь?

Конечно, такой фокусъ удавался только по разу и то не со всякимъ, но суета увеличивалась при настоящихъ ударахъ. Они воображали, что главное дѣло отбивать крѣпче и размахистѣе. Отучивалъ же я отъ того тѣмъ, что крайне быстро покажу ударъ въ правую сторону. Солдатъ махнетъ туда же и откроетъ всю грудь. Тогда тихонько трогаю концомъ палки въ открытую грудь и говорю:

— Видишь, какъ ворота настезь, а ты такъ закрой, чтобы ни въ ворота, ни въ калитку, ни даже въ щель бы не пройти штыку!

И это глупѣйшее толкованіе помогало лучше всего! Нападенію я самъ учить не могъ по странной причинѣ. Солдатику никакъ не могъ понять, что ему позволительно колоть или, какъ онъ говорилъ, «шпырять», ротнаго командира. Напрасно я уговаривалъ и убѣждалъ. Удары были вялы, нерѣшительны, и я, боясь еще вкоренить дурныя привычки, ставилъ за себя инструктора-солдата, а самъ только наблюдалъ и училъ.

Заканчиваю очеркъ обученія (боюсь сказать, образованія) оговоркою. Предоставлять каждому ротному командиру вводить свою систему и учить безусловно какъ онъ хочетъ, конечно, немислимо. Еще въ 1857 году появились руководства по всѣмъ отраслямъ учебнаго дѣла, даже съ чертежами и рисунками. Я ничего своего не вводилъ, не создавалъ, не утверждалъ, а старался только держаться не буквы, а разума. Да и эта заслуга не моя. Многимъ я обязанъ былъ барону Андрею Николаевичу Корфу, завѣдывавшему Царскосельскою стрѣлковою школою. Въ его рукахъ былъ клубокъ руководящихъ нитей стрѣлковаго обученія. Корфъ—мой товарищъ вдвойнѣ: по Пажескому корпусу (онъ вышелъ годомъ позже меня) и по Преображенскому полку. Сверхъ того, еще болѣе сблизились мы у дяди его барона (послѣ графа) Модеста Андреевича Корфа. Поэтому я не упустилъ ѣздить въ стрѣлковую школу и пользовался указаніями и совѣтами самого Корфа и помощника его Герстфельда 2-го, тоже преображенскаго товарища. Поясню примѣромъ ска-

*

занное мною сейчасъ. Намъ дали къ руководству подробнѣйшія правила для обученія стрѣльбѣ. Постановка тѣла, держаніе ружья, прицѣливаніе, спускъ, ну, словомъ, все до мельчайшихъ указаній, было изложено тамъ и даже очень толково. Казалось бы, держись буквально и баста! Но отъ знающихъ людей я скоро услышалъ и узналъ по опыту, что всѣ эти правила прекрасны только для начинающихъ. Но чуть солдатъ станетъ порядочно стрѣлять, надобно предоставить ему волю. Доказать не трудно. Короткоручка будетъ держать ружье ближе къ казенной части; длиннорукій,—напротивъ. Приземистый и малорослый станетъ такъ; худой и высокій,—иначе. Кому достанется ружье съ твердымъ спускомъ, будетъ тянуть за спускъ. Въ противномъ случаѣ — выйдетъ обратное и т. д.

Царскосельскую стрѣлковую школу я описывать подробно не буду. Чтобы дать понятіе о ея значеніи въ общемъ строѣ стрѣлковаго дѣла, достаточно сказать, что она была разсадникомъ учителей, инструкторовъ, средоточіемъ всѣхъ знаній, словомъ,—авторитетомъ и руководителемъ дѣла, какъ капельмейстеръ въ оркестрѣ. Напримѣръ, всѣ донесенія военныхъ агентовъ нашихъ за границу сообщались Корффу, и мы могли легко справиться о нихъ. Но самъ Корффъ, полагаю, относился къ нимъ осторожно, а обо мнѣ уже и говорить нечего. Не такъ думалъ товарищъ мой, командиръ 1-й стрѣлковой роты. Онъ узналъ, что агентъ нашъ въ Лондонѣ, генераль Игнатьевъ, сообщилъ, что англійскіе стрѣлки прижимаютъ лѣвый локоть къ груди и лѣвою рукою поддерживаютъ ружье подъ спусковою скобкою, такъ что весь стволъ остается на вѣсу. Это дѣйствительно даетъ устойчивость прицѣливанію, но только въ тихую погоду. При вѣтрѣ,—дѣло дрянъ. Командиръ 1-й стрѣлковой роты, не обинуясь, принялъ англійскую прикладку къ руководству и исполненію для всей роты. Результаты оказались на царскомъ смотрѣ въ лагерѣ 1858 года, о чемъ рѣчь впереди.

Скажу нѣсколько словъ о досугахъ, увеселеніяхъ и развлеченіяхъ солдатъ. Многіе изъ читающихъ, конечно, сейчасъ же скажутъ: «Ага, вѣрно, о кабакахъ!» Ну, пожалуй! Во всей деревнѣ Славянкѣ, то-есть въ обихъ слободахъ, не было ни одного открытаго кабака. Это строго воспрещалось дворцовымъ управленіемъ. Зато въ каждомъ почти домѣ былъ потайной кабакъ. Это даже плохо скрывалось. Не было того дня (даже и въ будни), чтобы по всей слободѣ, далеко за полночь, не слышались пьяныя пѣсни. Буйные, безпутные, развратные славянскіе парни, цѣлыми шеренгами, ходили съ конца въ конецъ, горланили, ругались, дрались. Но никогда съ ними не показывалось ни одного солдата; я даже не помню случая, гдѣ бы встрѣтилъ на улицѣ хмѣльнаго стрѣлка. Правда, что они меня знали и по наслышкѣ и по опыту; даже не одни солдаты, а и славянскіе мужики знали меня. Слухомъ земля полнится.

Федоровское отъ Славянки не очень далеко, а тамъ каждый ребенокъ зналъ, что при мнѣ пьянство или столкновение съ солдатами не сошло бы даромъ съ рукъ не только мужику, но и волостному головѣ. Впрочемъ, авторитетъ мой тутъ ни при чемъ. Въ 1-й стрѣлковой ротѣ можно было замѣтить то же явленіе. Дѣло въ томъ, что умѣнье, гдѣ и когда пить, доходило у солдатъ до геніальности. Фельдфебеля и унтеръ-офицеры пили по ночамъ. Всѣ же вообще придерживались всенародной политики: «Въ своей слободѣ ни, ни! а въ чужой пожалуй, тyani!» Повторяю, что я придратъся даже ни къ кому не могъ.

Только по понедѣльникамъ (тяжелый день), да послѣ праздниковъ видишь, бывало, въ манежѣ лица крайне унылыя, блѣдныя, усталыя. Если замѣтишь, что приунылъ исправный солдатъ, подойдешь и скажешь:

— Ну, братъ, ты что-то сегодня не въ духѣ. Иди-ка домой, займись грамотою, да смотри, чтобы угару не было въ хатѣ, а то голова разболится.

Солдатъ сейчасъ же пойметъ, взглянетъ какъ-то благодарно, но никогда не поблагодаритъ. У нихъ тоже свой тактъ! Да и какъ къ нимъ было придираться? Читатель самъ видитъ, какія были требованія, какая была ихъ служба, какъ тутъ и не погулять человѣку. Напротивъ, мы старались, какъ бы и въ будни развлечь нашихъ тружениковъ. Дорога изъ Большой слободы въ Малую тянулась крутымъ спускомъ. По наступленіи холодовъ, мы приказывали поливать спускъ водою, завелп санки, и вся рота съ наслажденіемъ пользовалась этимъ развлеченіемъ, которое такъ любить лихая русская натура.

Въ 1858 г. въ военныхъ кружкахъ много толковали объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній. Очень можетъ быть, что уже и въ ту пору полковые командиры имѣли секретныя инструкціи о смягченіи карательныхъ мѣръ, но рѣшительно не могу припомнить, чтобы намъ было внушено или предписано что-либо новое въ этомъ смыслѣ.

Во время ученій офицеры часто разсуждали о системахъ тѣлесныхъ наказаній въ иностранныхъ арміяхъ. Солдаты, лежа вблизи на травѣ, прислушивались и, когда мы шли домой, послѣ ученья, до меня доходили курьозные комментаріи.

— Слыхали братцы, — повѣствовалъ какой-то балагуръ, — что господа-то сказывали, вишь, у людей не то, какъ у насъ... тамъ вишь, и сѣкуцій, почитай, что не полагается...

— Ну, вѣтъ, братъ, — ему возражали, — безъ порки не обойдешься. Какъ же... коли, къ примѣру, кто тамъ у нихъ джо напράкудить (т. е. напалить), по головкѣ, штоль, они его гладятъ?.. — Гладятъ не гладятъ, а тамъ у нихъ все жъ не какъ у насъ. У насъ, на примѣръ, провинился... сейчасъ ложись... отдеруть... шабашъ. У нихъ, значить, разряды подѣланы; первымъ дѣломъ запишутъ... и по второму разу

опять таки запишутъ, а, наконецъ,—по третьему, извѣстно выдерутъ такъ самѡ, какъ и нашего брата. Однако, есть, вишь, у нихъ и во- льготные... ну, тѣмъ, значить, сѣкуціи вовсе не полагается.... а высидка...

Тутъ старый солдатъ перебилъ рассказчика и вставилъ слово:

— И чево, чево люди не придумаютъ! Нѣтъ, землячекъ, коли ва- шего брата не пороть, такъ што съ нимъ подѣлаешь? На высидку, вишь.. да што ему высидка? Еще крѣпчае проспится, да покорно тебя побла- годарить! А то еще запишутъ... поди, страхъ какой. Э... Эхъ, чудеса. Нѣтъ, а вотъ, какъ бывало, Александра Васильичъ Жарковъ, такъ тотъ, первымъ дѣломъ, всю спину такъ тебѣ распишетъ, что по другому разу и писать не придется.... Такой письменный станеть, што ахъ!

Солдаты захохотали, и разговоръ прекратился.

Изъ лагерной жизни, о которой я также повѣствовалъ съ избыт- комъ и достаточно, я выберу только самое существенное. Это смотръ стрѣльбы государя. На немъ вѣдь должны были оказаться результаты трудовъ нашихъ въ цѣломъ году. Можно представить себѣ, съ какимъ волненіемъ мы его ожидали. Наконецъ, наступилъ и смотръ. Государь пріѣхалъ, сталъ за линією стрѣлковъ, велѣлъ дать сигналъ,—испытаніе началось. У солдатъ былъ предрасудокъ, что та часть, изъ которой грянетъ первый выстрѣлъ, притянетъ счастье на свою сторону. Былъ у меня солдатикъ, нѣкто Павловъ, старый, грязный и сильно пьющій. Когда-то онъ хорошо стрѣлялъ, но теперь руки дрожали у него отъ пьянства, такъ что онъ даже не ходилъ и на домашнюю учебную стрѣльбу, а занимался литьемъ пуль.

Въ ту пору позволялось стрѣлкамъ палить стоя, лежа, сидя,—какъ кому угодно. Присутствовавшій тутъ какой-то иностранный принцъ могъ увидѣть странный казусъ. Иные стрѣлки вовсе снимали каску; другіе надѣвали ее задомъ напередъ (задній козырекъ меньше и не такъ мѣшаетъ цѣлиться), наконецъ, и, чтѡ смѣшнѣе всего, иные надѣ- вали каску по фронту. Государь смѣялся и показывалъ принцу; принцъ тоже улыбался, но желательно бы знать, что онъ думалъ про нашъ головной уборъ? Я искалъ глазами Павлова. Онъ спокойно растянулся на землѣ, надѣлъ каску по фронту, сдѣлалъ изъ лѣвой руки подставку и прислушивался. Порядокъ на смотру былъ такой. Государь давалъ знакъ штабъ-горнисту, который трубилъ сигналъ «стрѣлять»; всѣ прочіе горнисты подхватывали, и дѣло начиналось. Едва успѣлъ штабъ-горнистъ протрубить первый тактъ сигнала, такъ что прочіе рожки еще не смѣли и начать, смотрю, въ одной моей ротѣ сверкнулъ огонекъ, забѣлѣлъ и разостлался легкій клубокъ дыма. Выстрѣлъ шелкнулъ: это былъ знаменитый первый. Павловъ успѣлъ таки распочать. Долго трещалъ и переливался огонь восьми ротъ 1-й дивизіи, наконецъ, послѣдняя пуля зыкнула. Ударили отбой. Государь поѣхалъ къ ми-

шенямъ. Мои мишени были предпоследнія; 1-ой стрѣлковой роты— последнія съ фланга. Государь взглянулъ на мои, сказалъ что-то принцу, показывая на отверстія, потомъ кивнулъ мнѣ головою со словами: «очень хорошо стрѣляли... сколько всего?» Я выговорилъ цифру попавшихъ пуль. Государь обернулся и поблагодарилъ стрѣлковъ.

Затѣмъ онъ подѣхалъ къ 1-ой стрѣлковой ротѣ, но, къ общему удивленію, посмотрѣлъ и, ничего не сказавъ, повернулъ лошадь и поѣхалъ назадъ къ линіи. Принцъ дипломатически отвернулся въ сторону, вынулъ платокъ и сталъ сморкаться. Когда мы шли назадъ отъ мишени къ линіи, я слышалъ, какъ командиръ 1-ой роты бранилъ солдатъ, вслѣдствіе чего они еще болѣе растерялись. Слѣдующая стрѣлба происходила, помнится, съ наибольшей дистанціи.

Въ концѣ, государь опять смотрѣлъ мишени, и я съ моими стрѣлками, во второй разъ услышалъ царское «спасибо!». 1-я стрѣлковая рота потерпѣла окончательную и сильнѣйшую неудачу. Въ мишени едва виднѣлись кое-гдѣ слѣды пуль. На этотъ разъ, государь покачалъ головою и сказалъ: «Ну, это уже очень... и очень незавидно!».

30-го августа я получилъ орденъ Анны 3-й степени. Это самая лучшая и крупная точка, какую могу поставить въ концѣ моей записки о стрѣлковой службѣ.

Чтобы не бросать службы тотчасъ по полученіи награды, я выжидалъ шесть мѣсяцевъ (съ августа 1858 по февраль 1859). 9-го февраля 1859 г. мнѣ разрѣшенъ былъ 11-ти мѣсячный отпускъ, но я остался въ Петербургѣ и недолго искалъ невѣсты, такъ какъ она давно была у меня на примѣтѣ. Съ малыхъ лѣтъ былъ я знакомъ съ однимъ почтеннымъ, прекраснымъ семействомъ, даже состоялъ съ нимъ въ дальнемъ родствѣ. Суженую свою я зналъ еще ребенкомъ, а въ то время ей было уже 18 лѣтъ, а мнѣ 29.

Въ мартѣ 1859 года, въ самый день Благовѣщенія, я сдѣлалъ предложеніе, а въ іюлѣ былъ уже женатъ. О семействѣ жены моей и о ней самой буду имѣть случай упомянуть, но о женитьбѣ много говорить не буду; она не можетъ имѣть общественнаго интереса, тѣмъ болѣе, что я былъ женатъ всего одинъ годъ. Въ то же самое лѣто была высочайше утверждена коммиссія для соображенія способовъ о будущемъ устройствѣ членовъ бывшихъ царскихъ домовъ грузинскаго и имеретинскаго. Я принялъ въ ней участіе, въ качествѣ выборнаго депутата.

Объ этомъ дѣлѣ, мало кому въ Россіи извѣстномъ, но весьма любопытномъ я далъ себѣ обѣтъ разсказать со всѣми мнѣ извѣстными подробностями. Поэтому слѣдующая XVII глава выдѣлится изъ моихъ записокъ особымъ, самостоятельнымъ трудомъ, подъ заглавіемъ «Багратиды въ Россіи».

Князь Н. К. Имеретинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо О. Козодавлева къ В. Н. Каразину по поводу устройства въ Москвѣ конторы Филотехническаго общества.

17-го апрѣля 1815 г., С.-Петербургъ.

Отношеніе ко мнѣ Филотехническаго общества о послѣднемъ съѣздѣ онаго въ генварѣ мѣсяцѣ, съ приложеніемъ протоколовъ двухъ собраній онаго, и ваше письмо съ первою частію отчета я получилъ. Изъявляя вамъ за сіе мою благодарность, съ немалымъ удовольствіемъ нахожу я во всемъ томъ свидѣтельство о стараніи членовъ сего сословія къ распространенію полезныхъ хозяйственныхъ свѣдѣній. Я не могу при семъ случаѣ не признать, что вездѣ видны усердіе и дѣятельность ваши въ исполненіи порученій общества и во многихъ опытахъ, служащихъ къ улучшенію разныхъ предметовъ домоводства. Для меня будетъ всегда пріятно содѣйствовать по моей возможности трудамъ и успѣхамъ Филотехническаго общества и по званію моему доводить обѣ оныхъ до свѣдѣнія его императорскаго величества.

Впрочемъ, изъ означенныхъ протоколовъ явствуетъ также, что общество имѣло въ предположеніи учрежденіе въ Москвѣ конторы. Въ разсужденіи сего я долгомъ считаю повторить вамъ, милостивый государь мой, то самое, о чемъ было писано мною въ прошедшемъ году къ бывшему г. главнокомандующему въ Москвѣ, для сообщенія вамъ, то-есть, что заведеніе коммерческихъ конторъ и торговыхъ оборотовъ въ разныхъ городахъ, не только россійскихъ, но и иностранныхъ, выходитъ изъ круга ученыхъ и экономическихъ обществъ, и подлежитъ непосредственному вѣдомству установленныхъ для того начальствъ. Слѣдовательно, если бы Филотехническое общество желало учредить что-либо подобное въ свою пользу и принять на себя новыя обязательства сверхъ тѣхъ, о коихъ первоначально было мнѣ представлено отъ онаго и мною доведено до высочайшаго его императорскаго величества свѣдѣнія, то я полагаю, что на основаніи высочайшаго рескрипта 10-го марта 1811 года, г. Слободско-украинскому гражданскому губернатору, даннаго, коимъ правила и упражненія сего общества предоставлены обыкновенному покровительству законовъ, оно можетъ въ такомъ случаѣ испросить позволеніе отъ мѣстныхъ начальствъ.

Все сіе я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, довести до свѣдѣнія Филотехническаго общества при будущемъ его съѣздѣ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашимъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшимъ слугою Осипъ Козодавлевъ.

Поклоненіе тѣлу императора Павла I.

Весьма цѣнный историческій трудъ Н. К. Шильдера «Императоръ Павелъ Первый» заслуживаетъ самаго внимательнаго къ себѣ отношенія.

По всей вѣроятности, книга эта останется на долго настольною для всѣхъ приступающихъ къ занятіямъ русскою исторіею конца XVIII вѣка.

Именно вслѣдствіе этого необходимо теперь же, на первыхъ порахъ, сдѣлать дополненія, которыя вызываются небольшими пробѣлами, столь извинительными и естественными въ такомъ громадномъ трудѣ.

Однимъ изъ такихъ пробѣловъ является неполное и не вполне точное изложеніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ поклоненіе тѣлу императора Павла Петровича и прощаніе съ нимъ народа.

Вотъ что говоритъ объ этомъ Н. К. Шильдеръ (стр. 501):

«Послѣ перенесенія тѣла императора Павла въ малую Тронную залу (состоявшагося 17-го марта), народъ допущенъ былъ въ Михайловскій замокъ для прощанія. Въ первый же день посѣтили замокъ 11.118 человекъ; въ одинъ изъ слѣдующихъ дней эта цифра возросла до 19.600 человекъ. Очевидецъ, Николай Ивановичъ Гречъ пишетъ: «Едва войдешь въ дверь, указывали на другую съ увѣщаніемъ: извольте проходить. Я разъ десять отъ нечего дѣлать ходилъ въ Михайловскій замокъ и могъ видѣть только подошвы ботфортовъ императора и поля широкой шляпы, надвинутой ему на лобъ». Къ этому Н. К. Шильдеръ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Такъ какъ Гречъ не говоритъ ничего о коронѣ (возложенной императоромъ Александромъ I на голову покойнаго императора 17-го марта, передъ самымъ перенесеніемъ тѣла

изъ опочивальной), то, слѣдовательно, нужно предположить, что онъ видѣлъ тѣло императора Павла, когда оно еще находилось въ опочивальнѣ. Въ то время голова была дѣйствительно накрыта шляпою».

Спрашивается: если Гречъ могъ видѣть тѣло императора въ опочивальной, да еще «разъ десять», то какъ же это согласовать со словами автора, что народъ былъ допущенъ въ Михайловскій замокъ для прощанія лишь «послѣ перенесенія тѣла императора Павла въ малую Тронную залу», т. е. послѣ 17-го марта? Далѣе: какой это «первый день», въ который посѣтили замокъ 11.118 человекъ? 17-е или 18-е марта? Какъ поклонялись всѣ эти лица, такъ же, какъ Н. И. Гречъ или иначе? Наконецъ, что же было между 12-мъ и 17-мъ марта, т. е. въ теченіе пяти дней? Неужели же народъ не допускался? Но въ такомъ случаѣ какъ же Н. И. Гречъ попалъ въ замокъ 10 разъ?

Всѣ эти недоразумѣнія разрѣшаются слѣдующимъ образомъ.

Съ 12-го по 31-е марта 1801 года, былъ веденъ, по неизвѣстной причинѣ, двойной камеръ-фурьерскій журналъ. Второй изъ нихъ значительно подробнѣе перваго. Оба они отпечатаны въ нынѣшнемъ году. Всѣ неясности въ изложеніи даннаго вопроса въ 15-й главѣ книги «Императоръ Павелъ Первый» произошли оттого, что Н. К. Шильдеръ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи втораго камеръ-фурьерскаго журнала.

Вотъ какъ происходило дѣло въ дѣйствительности.

Приведенный рассказъ Греча относится лишь къ первымъ днямъ, т. е. отъ 12-го до 17-го марта, когда тѣло императора оставалось въ «обыкновенной бывшей его опочивальной комнатѣ» ¹⁾. Это подтверждается и словами Греча, которыхъ Н. К. Шильдеръ не приводитъ: «тѣло покойнаго императора было выставлено въ длинной проходной комнатѣ, ногами къ окнамъ» ²⁾. Дѣйствительно, уже съ 12-го марта допускались всякаго состоянія люди для поклоненія тѣлу, но они не цѣловали его, а, «проходя мимо тѣла, каждый дѣлалъ благоговѣйный низкій поклонъ» ³⁾. Такимъ образомъ было допущено 12-го марта 582 человекъ, 13-го—1.192, 14-го—11.993, 15-го—12.918 и 16-го—15.768, всего 42.453 человекъ. Весьма вѣроятно, что весь этотъ народъ пропускался черезъ комнату съ однимъ лишь поклономъ только вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія (о чемъ упоминаетъ и Гречъ), такъ какъ послѣ перенесенія тѣла императора въ большія залы замка всѣ «подходили къ рукѣ покойнаго» ⁴⁾.

¹⁾ Камеръ-фурьерскій журналъ, 1801 года, январь — июнь. Спб. 1900, стр. 297.

²⁾ Н. И. Гречъ, «Записки изъ моей жизни», Спб. 1886, стр. 154.

³⁾ Камеръ-фурьер. журн., стр. 285.

⁴⁾ Камеръ-фурьерскій журналъ, стр. 303 и слѣд.

17-го марта въ 5 часовъ тѣло императора, «которое до того лежало въ его почивальной на обыкновенной кровати, было одѣто въ императорскую мантию и положено на парадную кровать, близь которой по ту сторону на небольшомъ столѣ, покрытомъ малиновымъ бархатомъ съ золотымъ гасомъ на такой же подушкѣ, приготовлена была императорская золотая корона». Въ 7 часовъ императоръ Александръ Павловичъ возложилъ корону на голову покойнаго императора. Послѣ литіи тѣло было перенесено въ аудіенцъ-камеру и поставлено на тронъ подъ балдахиномъ.

Въ этотъ день, въ виду церемоніи, было допущено къ поклоненію всего 72 человѣка утромъ и 171 человѣкъ вечеромъ, которые «подходили къ рукѣ покойнаго» ¹⁾).

Въ слѣдующіе два дня, 18-го и 19-го марта, было «допущено къ рукѣ» 11.118 и 19.600 человѣкъ, «въ томъ числѣ воспитанницы благороднаго общества» ²⁾).

20-го марта тѣло покойнаго императора было «съ парадной на тронѣ кровати положено во гробъ, до того близъ трона приготовленный» и перенесено «черезъ парадные покои и большое аудіенцъ-зало въ Траурный залъ, на пригготовленный тутъ катафалкъ»; по сторонамъ были размѣщены императорскія регалии и ордена ³⁾).

На слѣдующій день, 21-го марта было «допущено къ рукѣ» 16.071. человѣкъ ⁴⁾).

Въ послѣдній день передъ погребеніемъ, 22-го марта, «допущено къ поклоненію 9.573 человѣка, изъ коихъ къ рукѣ допускались точію состоящіе въ рангахъ двухъ классовъ и таковыхъ фамиліи, прочіе-жь, проходя мимо катафалка, каждый свидѣтельствовалъ тѣлу благоговѣйный поклонъ» ⁵⁾).

Въ Петропавловскомъ соборѣ 23-го марта послѣ отпѣванія присутствовавшіе подошли къ рукѣ покойнаго императора, а затѣмъ тѣло было опущено въ могилу ⁶⁾).

Маршрутъ траурнаго шествія 23-го марта переданъ въ трудѣ Н. К. Шильдера очень кратко: «по Невскому проспекту, мимо Гостиного двора, черезъ Исакиевскій и Тучковъ мосты въ Петропавловскую крѣпость». Вотъ какъ опредѣляетъ этотъ маршрутъ второй камеръ-фурьерскій журналъ, говоря о распредѣленіи войскъ. Войска собрались въ 5 часовъ утра и «построились шпалерникомъ отъ воротъ Ми-

¹⁾ Тамъ же, стр. 303.

²⁾ Тамъ же, стр. 311.

³⁾ Тамъ же, стр. 315.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 324.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 325.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 260 и 329.

хайловскаго замка, именуемыхъ Троицкими, до Кабинета, отъ онаго по Невскому проспекту, мимо Гостинаго двора, Казанскаго собора и по глазису Адмиралтейской крѣпости до Исаакіевскаго черезъ рѣку Неву моста, оный миновавъ, Васильевскаго острова по набережной уллицѣ и по первой линіи до моста Тучкова, а сей миновавъ по главнымъ улицамъ Санктъ-Петербургской стороны и Большому проспекту, ведущему къ Троицкому собору и до воротъ Петропавловской крѣпости, именуемыхъ Троицкими»¹⁾.

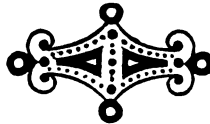
Не совсѣмъ ясно въ этомъ маршрутѣ указаніе на Большой проспектъ, ведущій къ Троицкому собору. Въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ теперь, Большой проспектъ ведетъ въ другую сторону, а къ Троицкому собору подходитъ Каменноостровский проспектъ.

Любопытно также, что Иоанновскія ворота крѣпости, названныя такъ въ честь Іоанна Антоновича, о чемъ свидѣтельствуесть находящаяся на нихъ дата «1741», именуются въ маршрутѣ траурнаго шествія «Троицкими».

И такъ: къ прощанію съ тѣломъ императора Павла Петровича было допущено «благоговѣннымъ поклономъ» съ 12-го по 17-е марта 42.453 человекъ и 22-го марта около 9.000 человекъ, всего болѣе 50.000 человекъ и «допущено къ рукѣ» съ 17-го по 21-го марта включительно 46.978 человекъ, да 22-го и 23-го марта около 1.000, а всего до 48.000 человекъ.

Показанія Н. И. Греча вполне точны, но пока ихъ приурочивали не къ тѣмъ днямъ, къ которымъ они относятся—они вводили въ заблужденіе.

А. В. Половцовъ.

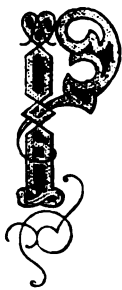
¹⁾ Тамъ же, стр. 326.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XL 1).

Свиданіе съ генераломъ Лапланомъ.—Фигнеръ и его италянскій легіонъ.— Свиданіе русскаго императора съ королемъ прусскимъ и шведскимъ королевскимъ принцемъ.—Организація союзныхъ арій.—Приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ.—Движенія войскъ.—Планъ кампаніи.—Заслуги Бернадотта.—Генералъ Ланской.—Моро.—Дѣйствія Левенштерна въ окрестностяхъ Бѣлицы.—Особенность казачьей службы.

Вайонъ, опредѣленный актомъ о перемиріи для крѣпостей, равнялся $\frac{1}{4}$ нѣмецкой мили; эту черту надобно было считать границею нашихъ позицій.

Генералъ Лапланъ хотѣлъ занять пространство, равное одной французской милѣ, противъ чего я возсталъ, и это повело къ нескончаемымъ переговорамъ и перепискѣ.

Я послалъ капитана Колычева, дѣльнаго молодого офицера, тщательно вымѣривъ мѣстность, которую я считалъ принадлежащею намъ и, убѣдившись въ томъ, что я былъ правъ, писать генералу Лаплану:

«Ваше превосходительство! Судя по рапорту, представленному мнѣ капитаномъ Колычевымъ, я вижу съ прискорбіемъ, что вы заняли мѣстность, которую я не намѣренъ вамъ уступить.

«Мнѣ предписано поставить цѣпь аванпостовъ въ разстояніи четверти нѣмецкой мили отъ вѣренной вамъ крѣпости.

«Поэтому я поручилъ капитану Колычеву условиться на этотъ

1) См. „Русскую Старину“ іюнь 1901 г.

счетъ съ уполномоченнымъ вами офицеромъ, и не торговаться о какихъ-либо ста саженьяхъ, лишь бы деревни Ленгенбергъ и Раабзенъ и высоты, лежащія впереди Чопица (Tchoritz), остались въ моихъ рукахъ.

«Прошу ваше превосходительство сдѣлать соответствующее распоряженіе, дабы означенные пункты были немедленно переданы въ мое распоряженіе. Честь имѣю быть и пр. Левенштернъ.

Фрауштадтъ, 22-го іюля 1813 г.

Послѣ того какъ мы обмѣнялись нѣсколькими письмами, генералъ Винценгероде уполномочилъ меня предложить генералу Лаплану свиданіе, чтобы рѣшить возникшія между нами недоразумѣнія полюбовно.

Для опредѣленія границъ мѣстности, которая въ силу заключеннаго перемирія должна была остаться нейтральной, были назначены уполномоченные: майоръ Коста, начальникъ штаба Матенъ (Matin) и инженеръ Делюве.

Я съѣхался съ ними въ Лехенфельдсѣ (Lechenfelds); многіе французскіе офицеры, любопытствовавшіе видѣть вблизи казаковъ, сопровождали чиновъ этой комиссіи.

Я принялъ ихъ любезно; спорный вопросъ былъ быстро улаженъ; обмѣнявшись всевозможными любезностями, мы разстались наилучшими друзьями въ мірѣ.

Генералъ Лапланъ былъ очень доволенъ исходомъ этого свиданія и прислалъ мнѣ со своимъ адъютантомъ письмо для передачи его брату, который находился въ плѣну въ Россіи. Этому адъютанта сопровождалъ молодой графъ де-Шампаньи, бывший впоследствии, временно, военнымъ министромъ во Франціи, котораго я имѣлъ удовольствіе видѣть въ Мобежѣ и Парижѣ, адъютантомъ герцога Ангулемскаго; въ то время онъ и не подозрѣвалъ, какую видную роль ему суждено было играть со временемъ.

Перемиріе протекло для меня весьма быстро; хотя я былъ постоянно занятъ, но, по сравненію съ моею предыдущей безпокойной партизанскою службою, мои новыя занятія были для меня отдохновеніемъ.

Отрядъ Фигнера былъ расформированъ; эскадроны, входившіе въ его составъ, возвратились къ своимъ полкамъ, но онъ не сидѣлъ сложа руки и проявилъ изумительную дѣятельность, занявшись организаціей испано-итальянскаго легіона. Ему удалось, съ разрѣшенія Барклая-де-Толли, организовать отрядъ изъ 700 или 800 плѣнныхъ и дезертировъ, отданныхъ въ его распоряженіе. Они были обмундированы какимъ-то чудомъ: у нихъ были мундраны изъ зеленого сукна, съ чернымъ воротникомъ и обшлагами, шитыми серебромъ; на каскахъ было написано крупными буквами: «Легіонъ мести».

Фигнеръ говорилъ очень хорошо по-итальянски и льстилъ себя надеждою увеличить свой отрядъ, какъ только возобновятся военныя дѣйствія; онъ былъ весь поглощенъ мыслию освободить Италію отъ ига Наполеона, надѣялся проникнуть въ эту страну и возбудить тамъ возстаніе.

Мы нерѣдко посмѣивались надъ его мечтами, но невольно преклонялись передъ его организаторскимъ талантомъ. Его отрядъ, походившій въ началѣ на шайку разбойниковъ, прибрѣталъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе видъ прекрасно организованнаго войска. Къ сожалѣнію, этотъ отрядъ не оправдалъ надеждъ, которыя возлагалъ на него Фигнеръ, всѣ его старанія пропали даромъ. При первомъ же серьезномъ дѣлѣ солдаты покинули своего командира, и Фигнеръ, чтобы спастись, былъ вынужденъ броситься въ Эльбу; онъ былъ убитъ въ то время, какъ переплывалъ рѣку.

Нашъ отдыхъ былъ только предвѣстникомъ новой бури. Дѣятельность, съ какою реорганизовывалась наша армія, была по истинѣ изумительна. Къ намъ непрерывно подходили резервные батальоны, рекруты, ремонтныя лошади; Наполеонъ сдѣлалъ большую ошибку, не употребивъ всевозможныхъ усилій, чтобы заключить миръ до тѣхъ поръ, пока не были сосредоточены всѣ силы, которыя мы успѣшили стянуть во время перемирія.

Онъ не остановился въ-время у Смоленска въ 1812 г., а тутъ остановился не кстаті въ 1813 г. Ему слѣдовало или заключить миръ немедленно или преслѣдовать насъ по пятамъ до самой Вислы.

Ловкое движеніе, совершенное нами на Швидницѣ (Schwiednitz), напоминавшее фланговое движеніе, совершенное на Калужскую дорогу въ 1812 г., конечно, могло напугать Наполеона, но все таки ему не слѣдовало останавливаться; ничто не мѣшало ему съ однимъ или двумя корпусами отдалиться на время отъ операціонной линіи къ Вислѣ, снять осаду крѣпостей и предоставить ходу событіямъ сдѣлать остальное.

Политическія соображенія заставили его сдѣлать огромную ошибку, которой воспользовались Пруссія и Австрія.

Со временемъ трудно будетъ повѣрить, что, проигравъ два сраженія (при Люценѣ и Бауценѣ), мы были сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

Начались переговоры; въ Прагѣ долженъ былъ состояться конгрессъ; онъ собрался только для вида. Между тѣмъ населеніе Пруссіи возстало поголовно; Австрія успѣла вооружиться.

Въ Трахенбергѣ состоялось свиданіе русскаго императора съ королемъ прусскимъ и со шведскимъ королевскимъ принцемъ. Послѣдній командовалъ арміей, въ составъ которой входили русскіе отряды барона Винценгероде и графа Воронцова, прусскіе корпуса Бюлова и Табунцина и двадцатипятитысячный шведскій армейскій кор-

пусъ подъ командою маршала Штединга (Steding); вся совокупность этихъ силъ называлась сѣверо-германской арміей (armée du Nord de l'Allemagne).

Князь Шварценбергъ принялъ начальство надъ большою арміей, сформированной изъ австрійскихъ корпусовъ, изъ русскихъ войскъ подъ командою Барклая и Витгенштейна, русской гвардіи, пруссаковъ и прусскаго корпуса Клейста.

Маршалъ Блюхеръ командовалъ Силезской арміей, въ составъ которой входилъ корпусъ Сакена, графа Ланжерона и генерала Юрка.

Главная квартира арміи находилась въ Рейхенбахѣ. Главнокомандующимъ всей русской арміи былъ Барклай.

Эта новая комбинація была результатомъ свиданія, состоявшагося въ Трахенбергѣ; она сохранялась въ величайшей тайнѣ; объ ней никто не зналъ до окончанія перемирія, которое имѣло самыя благія послѣдствія для коалиціи.

Всѣ расчеты Наполеона были разстроены. Онъ хотѣлъ сочинить миръ на подобіе того, который былъ предложенъ имъ въ Тильзѣ и Вѣнѣ послѣ битвы при Маренго. Всѣ его планы разбились о желѣзную волю императора Александра.

Перемиріе было заключено по мысли Австріи, предложившей свое вооруженное посредничество.

Съ этимъ предложеніемъ былъ посланъ къ Наполеону тотъ самый графъ Бубна, котораго я едва не взялъ въ плѣнъ въ тылу неприятельской арміи. Если бы и имѣлъ несчастіе задержать его, то все дѣло приняло бы иной оборотъ. Было бы потеряно драгоцѣнное время. Слѣдовательно, все дѣлается къ лучшему въ этомъ мѣрѣ и то, что показалось мнѣ неудачею, было заранѣе намѣчено Провидѣніемъ, если только оно занимается жалкими муравьями, именуемыми людьми.

Расчетъ Австріи оказался вѣренъ. Ей надобно было выиграть время для того, чтобы окончить свои вооруженія и быть въ состояніи объявить войну Наполеону въ случаѣ, если бы онъ не согласился заключить миръ на предложенныхъ ему условіяхъ.

Россія также воспользовалась перемиріемъ, такъ какъ она успѣла получить подкрѣпленіе; Пруссія сохранила пока свою территорію, которую ей пришлось бы иначе оставить; такимъ образомъ она имѣла въ своемъ распоряженіи всѣ необходимыя для нея средства продовольствія. Три державы рѣшили употребить въ дѣло всѣ средства, коими они располагали, зная по опыту, что при подобныхъ обстоятельствахъ необходимо располагать чрезвычайными силами.

Проигравъ сраженіе при Люценѣ и Бауценѣ, русская и прусская арміи не могли льстить себя надеждою, что при ихъ тогдашнемъ положеніи побѣда могла бы склониться на ихъ сторону въ третій разъ.

Поэтому если бы русской арміи пришлось тогда еще раз сразиться съ Наполеономъ, то она перешла бы, по всей вѣроятности, на правый берегъ Одера. Что же сдѣлала бы тогда армія короля прусскаго?

Трудно повѣрить, что она отдѣлилась бы отъ русской арміи. Сраженіе, проигранное на берегахъ Вислы, имѣло бы неисчислимыя послѣдствія.

Таково было положеніе дѣлъ передъ заключеніемъ перемирія; къ счастью, оно было заключено, и дѣла приняли совершенно оной оборотъ.

Во время перемирія къ намъ присоединились Австрія и Швеція, и наша армія увеличилась на 225.000 человекъ. вмѣстѣ съ тѣмъ успѣли подойти резервы и подкрѣпленія; они удвоили численность нашихъ силъ, и Пруссія сдѣлала такое усиліе, коему подобнаго нѣтъ примѣра въ исторіи.

Слѣдовательно, перемиріе было во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно выгодно для союзныхъ войскъ; оно было счастьемъ для Пруссіи и спасеніемъ для Европы.

Невольно задаешь себѣ вопросъ, почему Наполеонъ заключилъ столь невыгодное для него перемиріе, въ такой моментъ, когда всѣ шансы были на его сторонѣ? Наполеонъ испыталъ уже не мало неудачъ. Начиная кампанію 1813 г., онъ весьма мало рассчитывалъ на успѣхъ.

Впрочемъ, собравъ всѣ войска, которыя были у него подъ рукою, онъ все еще имѣлъ въ своемъ распоряженіи грозную армію и надѣялся окончить войну, давъ непріятелю рѣшительное сраженіе. Но онъ ошибся. Дважды одержавъ побѣду, онъ не могъ ею воспользоваться: у него было для этого слишкомъ мало кавалеріи.

Союзныя войска, медленно отступая передъ его побѣдоносной арміей, приблизились къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ въ ихъ распоряженіи были продовольственныя средства; Наполеона испугало поголовное ополченіе пруссаковъ, а фланговое движеніе, совершенное изъ Лигница къ Швейдницу, окончательно смутило его. Онъ припомнилъ фланговое движеніе, погубившее его въ 1812 году.

Наполеону было извѣстно о вооруженіяхъ Австріи; сопоставивъ фланговое движеніе на Швейдницъ съ этими вооруженіями, онъ увидѣлъ, что союзники имѣли совершенно опредѣленный планъ дѣйствій.

Тогда онъ счелъ нужнымъ дѣйствовать осторожно и рѣшилъ остановиться на берегу Эльбы, чтобы прикрыть тѣ мѣстности, которыя были имъ завоеваны, обучить новобранцевъ и дѣйствовать на союзниковъ дипломатическимъ путемъ.

Коммиссары или уполномоченные обѣихъ воюющихъ армій съѣхались на совѣщаніе въ Неймаркъ, въ Силезіи.

Со стороны Пруссіи были назначены: генераль-лейтенантъ Клейстъ и полковникъ Валентини; со стороны Россіи генераль-лейтенантъ, гене-

раль-адъютантъ графъ Шуваловъ и полковникъ Михаилъ Орловъ; со стороны Франціи: дивизионный генераль графъ Дюмустье (?) и генераль-адъютантъ графъ Флаго (Flahault).

Города Бреславль и Неймаркъ были объявлены нейтральными.

Одно время надѣялись, что миръ будетъ заключенъ. Въ союзной арміи никто этого не желалъ.

Пораженіе, понесенное подъ Люценомъ и Бауценомъ, обмануло всѣ надежды, одушевлявшія войска въ началѣ кампаніи 1813 года. Крови было пролито много, лавровъ пожато весьма мало; всѣ усилія не привели ни къ чему. Наполеонъ, не одержавъ ни одной рѣшительной побѣды, все же двигался впередъ; былъ моментъ, когда можно было подумать, что его звѣзда снова восходила.

Перемиріе приближалось къ концу; французскіе уполномоченные еще не пріѣхали въ Прагу, а войска уже начала свои движенія.

Корпусъ барона Винценгероде, въ которомъ я находился, получилъ приказаніе идти къ Берлину, гдѣ сосредоточилась сѣверная армія.

Новый планъ кампаніи былъ выработанъ русскимъ императоромъ, королемъ прусскимъ, шведскимъ королевскимъ принцемъ Бернадоттомъ, и англійскимъ и австрійскимъ посланниками, въ Трахенбергѣ.

Было рѣшено, что шведскій королевскій принцъ двинетъ 20.000 корпусъ противъ маршала Даву и сосредоточить около 70.000 человекъ русскихъ, пруссаковъ и шведовъ въ окрестностяхъ Берлина, чтобы идти тотчасъ по окончаніи перемирія къ Эльбѣ, переправиться черезъ эту рѣку между Торгау и Магдебургомъ и направиться къ Лейпцигу.

Странно было видѣть бывшаго французскаго маршала, товарища боевой славы Наполеона, воевавшего теперь противъ него. Побужденія, руководившія Бернадоттомъ, когда онъ принялъ участіе въ этой грандіозной борьбѣ, были весьма разнообразны. Ему надобно было отразить нашествіе непріятели, осуществить соединеніе Норвегіи съ Швеціей и содѣйствовать возстановленію независимости Европы.

По договору, заключенному съ Россіей и Англіей, Швеція обязалась выставить армію въ 30.000 человекъ. Державы гарантировали ей въ свою очередь соединеніе съ Норвегіей.

Позиція сѣверной арміи была слишкомъ выдвинута по сравненію съ положеніемъ, занятымъ остальными войсками. Извѣстный генераль Моро обратилъ на это вниманіе Бернадотта; сами прусскіе генералы полагали, что нельзя будетъ спасти Берлинъ, находившійся слишкомъ близко къ району дѣйствій непріятели.

Сравнивая этотъ городъ со старой проституткой, пруссаки говорили, что онъ не стоитъ того, чтобы о немъ заботиться, и что его надобно покинуть.

Бернадоттъ былъ противъ этого: онъ понималъ, что эта проститутка

все же имѣла великое значеніе для Пруссіи, какъ средоточіе ея матеріальныхъ средствъ, какъ очагъ, поддерживавшій воодушевленіе народа, и какъ центръ, изъ котораго исходило побужденіе для защиты королевства.

Поэтому онъ рѣшилъ двинуться впередъ, взять на себя инициативу движенія и воспользоваться тѣми преимуществами, какія всегда бываютъ связаны съ этой инициативою. Планъ его увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

Кампанія, веденная шведскимъ королевскимъ принцемъ, замѣчательная по проникательности, съ какою онъ угадывалъ движенія неприятеля, быстротѣ, съ какою онъ предупреждалъ ихъ, цѣлесообразности его диспозицій и энергіи, съ какою онъ приводилъ въ исполненіе свои намѣренія, всегда будетъ предметомъ изученія для генераловъ, командующихъ арміями.

Въ этой кампаніи Бернадоттъ проявилъ изумительную осторожность и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлость, коихъ требовали обстоятельства; отдавая приказанія съ изумительною ясностью, онъ никогда не ставилъ подчиненныхъ въ затруднительное положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлялъ корпуснымъ командирамъ необходимую свободу дѣйствій, намѣчая имъ только крупныя стратегическія движенія, которыя должны всегда совершаться по указанію командующаго арміей. Онъ выказывалъ всегда величайшее попеченіе о солдатахъ и заботился вмѣстѣ съ тѣмъ объ интересахъ мѣстныхъ жителей; словомъ, онъ проявилъ всѣ качества, отличающія доблестнаго воина, мудраго политика и истиннаго друга челоуѣчества.

Впослѣдствіи, и даже во время самой кампаніи, многіе критиковали дѣйствія Бернадотта, не думая о томъ, что онъ былъ не только командующимъ арміей, но вмѣстѣ съ тѣмъ шведскимъ королевскимъ принцемъ, отвѣтственнымъ за тѣ 30 тысячъ шведовъ, которые были ему нужны впослѣдствіи для завоеванія Норвегіи.

Всѣ приготовленія къ дальнѣйшему движенію арміи были сдѣланы въ величайшей тайнѣ. Только одному начальству было извѣстно, въ какомъ направленіи двинутся войска.

Мнѣ было приказано передать наблюденіе за демаркаціонной линіей и блокадою Глогау генералу Ланскому, сосредоточить мой отрядъ, идти съ нимъ къ Франкфургу на Одерѣ и ожидать тамъ прибытія генерала Винценгероде.

Я былъ очень радъ увидѣться съ моимъ бывшимъ начальникомъ, храбрымъ и честнымъ генераломъ Ланскимъ, которому я сообщилъ всѣ необходимыя свѣдѣнія относительно блокады Глогау и демаркаціонной линіи. Я не видалъ его со времени сраженія при Бауценѣ; но любилъ его всею душою, и время, которое я служилъ подъ его начальствомъ, всегда будетъ для меня незабвеннымъ.

*

Онъ былъ еще молодъ, красивъ собою, храбръ, одѣвался изысканно, былъ очень проницателенъ и обладалъ здравымъ сужденіемъ. Живой, даже вспыльчивый, онъ ненавидѣлъ людей медлительныхъ и педантичныхъ. Самое скорое рѣшеніе всегда было, по его мнѣнію, наилучшимъ. Недоступный зависти, онъ любилъ выдвигать своихъ подчиненныхъ.

Вслѣдъ за мною пріѣхалъ во Франкфуртъ генералъ Винценгероде.

Я остановился на денекъ въ замкѣ принцессы Гогенцоллернской, сестры княгини de Sagan, у которой былъ очень хорошо принято въ Вѣнѣ. Я встрѣтилъ у нея графа Ностица, который поступилъ въ послѣдствіи на русскую службу и съ которымъ я очень сошелся; наши дружескія отношенія не прекращались до его смерти. Это былъ человѣкъ выдающійся; я еще буду имѣть случай говорить о немъ.

Генералъ Винценгероде приказалъ мнѣ перейти Шпре у Кѣпника (Коерник), оставить Берлинъ вправо и направиться на Тельтовъ, Саармюнде, Бѣлицъ и Трейенбризенъ къ границѣ Саксоніи.

Будучи такъ близко къ Берлину, я не могъ не заѣхать въ этотъ городъ, гдѣ провелъ двое сутокъ самымъ пріятнѣйшимъ образомъ.

Обстоятельства благоприятствовали мнѣ; я познакомился въ Берлинѣ съ знаменитымъ генераломъ Моро, только-что пріѣхавшимъ изъ Америки.

Въ его наружности не было ничего выдающагося. Онъ былъ очень простъ въ обращеніи, носилъ голубой фракъ, высокіе сапоги съ желтыми отворотами, говорилъ скромно, безъ всякой претензіи. По его наружности никто не могъ бы заподозрѣть въ немъ героя Гогенлиндена.

Генералъ Винценгероде, коего я встрѣтилъ случайно у генерала Моро, не сдѣлалъ мнѣ никакого замѣчанія по поводу того, что я пріѣхалъ въ Берлинъ безъ его позволенія; онъ даже былъ видимо доволенъ увидѣться со мною и совѣтовалъ мнѣ поспѣшить въ Трейенбризенъ, чтобы принять командованіе демаркаціонной линіей на границѣ Саксоніи.

Это новое порученіе, свидѣтельствовавшее объ его довѣрїи ко мнѣ, показывало, что онъ былъ доволенъ моими дѣйствіями на Одерѣ.

Остановившись въ Берлинѣ, въ Петербургскомъ отелѣ, подъ Липами, я познакомился съ извѣстной г-жей де-Лихтенау, бывшей Ризъ (Riez). Она уже не походила на ту красавицу, которая кружила голову покойному королю; это была просто-на-просто кумушка, сохранившая нѣкоторые слѣды прежней красоты.

Проѣхавъ не останавливаясь чрезъ Шарлоттенбургъ и Потсдамъ, я вошелъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Трейенбризенъ, въ непосредственное сношеніе съ генераломъ Тюменомъ (Thümen), командовавшимъ постами влѣво отъ моей позиціи, и просилъ его относиться по-сосѣдски къ майору Ребреву, котораго я поставилъ съ полкомъ въ самомъ Трейенбризенѣ.

Моя главная квартира находилась въ Бѣлицѣ.

При первомъ же осмотрѣ передовыхъ постовъ я увидѣлъ, что французскій кордонъ былъ весьма слабо занятъ войсками; сообразно съ этимъ и я разставилъ свои посты.

Войсками, стоявшими противъ меня, командовалъ генераль Домбровский; его главная квартира находилась въ Ютербокѣ (Jüterbock).

Главная квартира Винценгероде находилась въ Бранденбургѣ.

Въ Бѣлицѣ меня ожидала депутація берлинскихъ купцовъ, пріѣхавшихъ просить, чтобы я оказалъ имъ содѣйствіе для того, чтобы провезти черезъ Саксонію повозки, нагруженныя колоніальными товарами, ввозъ которыхъ былъ воспрещенъ во всё государство, занятыя войсками Наполеона.

Я отлично понималъ, какія выгоды это сулило берлинскимъ торговцамъ и какой ущербъ это могло нанести континентальной системѣ, поэтому я не колеблясь донесъ о просьбѣ негоціантовъ генералу Винценгероде, прося его разрѣшенія исполнить ихъ просьбу.

Онъ одобрилъ все, что я ему предложилъ, и предоставилъ мнѣ принять всё мѣры, какія будутъ признаны мною необходимыми для того, чтобы провезти повозки съ товаромъ незамѣтно черезъ линію французскихъ аванпостовъ. Это было самое трудное; я взялся за это дѣло и приказалъ подвезти къ ночи всё телѣги къ моему послѣдному пикету, находившемуся на Виттенбергской дорогѣ; затѣмъ я велѣлъ своимъ патрулямъ дѣлать всю ночь разъѣзды.

Французы, привыкшіе къ этимъ разъѣздамъ, которые повторялись каждую ночь, отодвинули свои аванпосты, чтобы избѣжать столкновенія; телѣги проѣхали полемъ по указанію опытныхъ проводниковъ и выѣхали снова на большую Виттенбергскую дорогу позади французскихъ постовъ. Купцы съ помощью звонкой монеты быстро столкнувались съ французскими властями, оставленными въ Виттенбергѣ; телѣги были переправлены черезъ Эльбу и, минуя Лейпцигъ и Франкфуртъ, прибыли во Францію, гдѣ торговцы продали свой товаръ съ огромнымъ барышемъ.

Единственное условіе, поставленное мною купцамъ, было: доставлять мнѣ всё свѣдѣнія о французской арміи, какія они могли получить.

Они исполнили это требованіе очень искусно, и я имѣлъ такимъ образомъ возможность доставить шведскому королевскому принцу самыя точныя свѣдѣнія до начала кампаніи, что выставило меня въ его глазахъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, какъ онъ неоднократно высказывалъ генералу Винценгероде.

Когда я уѣзжалъ изъ Берлина, то генераль Винценгероде приказалъ выдать мнѣ 200 дукатовъ въ вознагражденіе шпіонамъ. Я возвратилъ ему эту сумму, такъ какъ купцы служили мнѣ безвозмездно лучше, нежели шпіоны за плату.

Я воспользовался пріостановкою военныхъ дѣйствій, чтобы произвести подробный смотръ моему отряду и заготовить все необходимое для его обмундированія, на что мною было употреблено сукно, которое я захватилъ въ Саксоніи и въ Силезіи, такъ что правительству не пришлось истратить на это ни гроша. Я оставилъ при своемъ отрядѣ только тѣхъ лошадей, которыя были въ состояніи выносить тѣ, подѣ часъ безумные разѣзды, которые я совершалъ; всѣхъ же остальныхъ, признанныхъ мною негодными, я отослалъ въ тылъ арміи, рассчитывая укомплектовать свои эскадроны лошадьми, которыя должны были придти съ Дона.

Особенно тщательно были осмотрѣны мною походные ранцы; я приказалъ также снять съ сѣделъ подушки, подѣ которыми хитрые казаки прячутъ обыкновенно свою добычу; ибо хотя я признавалъ эту добычу ихъ собственностью, но строго требовалъ, чтобы они складывали ее въ узлы и посылали въ свой кошъ, подѣ присмотръ выборнаго казака.

Начальникъ казацкаго отряда долженъ всегда строго слѣдить за этимъ и неоднократно подтверждать это приказаніе во время похода, ибо казакъ, несмотря на всѣ свои прекрасныя свойства, все же остается человѣкомъ, а тотъ, кто имѣетъ при себѣ все свое имущество, само собою разумѣется, не можетъ быть столь смѣлъ и рѣшителенъ, какъ тотъ, кому приходится защищать только свою шкуру.

Не обремененный никакой заботою, казакъ смѣло пойдетъ на всякое предпріятіе, и когда ему удастся захватить добычу, онъ охотно отправляетъ ее въ обозъ, такъ какъ онъ увѣренъ, что все будетъ цѣло. Не было примѣра, чтобы казацкій кошъ былъ взятъ непріателемъ, или чтобы тѣ, кому было поручено слѣдить за цѣлостью добычи, не оправдали довѣрія своихъ товарищей.

Не слѣдуетъ однако думать, что эти казацкіе коши организованы на подобіе обоза регулярныхъ войскъ. Это кочевое войско, за которымъ не идетъ ни одной телѣги, всѣ вещи укладываются на вычныхъ лошадей, а иной разъ на верблюдовъ или на ословъ.

Кошевые казаки не останавливаются въ деревняхъ, а всегда въ открытомъ полѣ и, лежа на травѣ, прислушиваются къ малѣйшему подозрительному шуму. Предвидя опасность, они немедленно переѣзжаютъ въ другое мѣсто; находясь всегда въ сношеніи съ полкомъ, они знаютъ о всѣхъ его движеніяхъ. Эти молодцы избѣгаютъ всѣхъ опасностей только благодаря своему уму и смѣтливости, развитой до высокой степени.

Я боюсь, что, стараясь упорядочить казацкое войско, его лишатъ самаго драгоцѣннаго свойства, отличающаго казаковъ, т. е. той замѣчательной смѣтливости и сообразительности, которой ни гусары, ни уланы никогда не достигнутъ; это свойство весьма цѣнно для тѣхъ задачъ,

которыя приходится выполнять легкой кавалеріи; прочія націи по справедливости завидуютъ намъ въ этомъ отношеніи.

Въ ожиданіи возобновленія непріязненныхъ дѣйствій, французская армія начала совершать передвиженіе.

Въ приказѣ генерала Винценгероде отъ 14-го августа, привезенномъ мнѣ его адъютантомъ барономъ Строгоновымъ, говорилось: «по полученіи этого приказанія вы соберете вашъ отрядъ и послѣ завтра, 16-го августа, въ 5 часовъ по-полудни, начнете непріязненныя дѣйствія.

«Ожидайте отъ меня дальнѣйшихъ приказаній въ Трейенбризенѣ и донесите мнѣ все, что вы узнаете тѣмъ временемъ интереснаго, посылая ваши донесенія съ курьеромъ въ Гольцовъ, гдѣ я буду находиться».

«Р. S. Завтра, около 5 часовъ по-полудни, я двинусь изъ Гольцова въ Бельцигъ, откуда я тотчасъ войду въ сношеніе съ вами и сообщу вамъ свои дальнѣйшія приказанія. Винценгероде».

XLI.

Открытіе военныхъ дѣйствій. — Порученіе Левенштерну захватить Наполеона. — Партизанскія дѣйствія. — Парадный обѣдъ въ Герцбергѣ. — Захватъ денегъ и непріятельской кассы.

Война возобновилась. На мою долю выпало сдѣлать первые выстрѣлы.

Предчувствіе, никогда меня не обманывавшее, подсказало мнѣ, что я и этотъ разъ выйду благополучно изъ борьбы, которая обѣщала быть кровопролитной. Поэтому я со спокойнымъ сердцемъ перекрестился и началъ непріязненныя дѣйствія.

Взявъ съ собой двѣсти человекъ казаковъ, я вышелъ съ ними на Виттенбергскую дорогу, чтобы вызвать непріятеля на бой, но онъ отъ этого уклонился и отступилъ на всѣхъ пунктахъ. Такимъ образомъ я дошелъ безпрепятственно до Марцана (Marzahn). Тутъ я остановился и, опасаясь засады со стороны поляковъ, стоявшихъ напротивъ меня и имѣвшихъ время изучить мѣстность, я повернулъ обратно и разослалъ въ разныхъ направленіяхъ небольшіе отряды.

Ночь прошла спокойно; на разсвѣтѣ я получилъ отъ генерала Винценгероде слѣдующій приказъ:

«Я проведу ночь въ Бельцигѣ (Belzig); по полученіи настоящаго письма вы отправитесь въ Ютербокъ, гдѣ находилась главная квартира генерала Домбровскаго, прогоните непріятеля, если онъ еще на-

дится тамъ, и разошлете оттуда по всѣмъ направленіямъ развѣдчиковъ, чтобы имѣть извѣстія о непріятелѣ, который старается скрыться съ нашихъ глазъ.

«Направляйте мнѣ всѣ извѣстія въ Ниमेंъ.

«Мѣстность между Нименомъ (Niemen) и Бельцигомъ будетъ занята моими войсками.

«Я буду сообразовать свои дальнѣйшія движенія съ тѣми извѣстіями, какія получу отъ васъ изъ Ютербока, который, я полагаю, будетъ занятъ вами».

Брюкъ,

16-го августа 1813 г. въ 8^{3/4} ч. вечера.

Я пошелъ немедленно въ Ютербокъ, откуда прогналъ слабый отрядъ уланъ, оставленный тамъ Домбровскимъ, чтобы наблюдать за нами.

Остановившись въ этомъ мѣстечкѣ, я разослалъ развѣдчиковъ по разнымъ направленіямъ.

Между Трейенбризеномъ и Ютербокомъ я встрѣтилъ сильный отрядъ гусаръ; мои передовые казаки атаковали ихъ и были весьма удивлены, узнавъ въ нихъ прусскихъ гусаръ изъ отряда Гельвига. Эта ошибка очень насмѣшила насъ; гусары, понявъ, что мы приняли ихъ за непріятели, не тронулись съ мѣста и кричали казакамъ: «Prussen, Pruss, Pruss».

Прежде нежели мои развѣдчики успѣли вернуться, я получилъ отъ генерала Винценгероде приказаніе совершить новую экспедицію, если будетъ возможно, обойти непріятели съ лѣваго фланга и съ тыла и захватить въ плѣнъ Наполеона.

Этотъ документъ слишкомъ любопытенъ, чтобы не привести его здѣсь; мнѣ кажется, никому другому не давали подобнаго порученія:

«Мною только-что получено отъ шведскаго королевскаго принца извѣстіе, — писалъ мнѣ Винценгероде, — что императоръ Наполеонъ отправится лично къ арміи маршала Удино.

«Онъ направляется изъ Дрездена въ Баруть (Baruth), съ намѣреніемъ идти оттуда прямо на Берлинъ, разбить насъ и торжественно вступить въ эту столицу.

«Необходимо теперь же тревожить его лѣвый флангъ, а если окажется возможнымъ, и его тылъ.

«Эту экспедицію поручаютъ выполнить вамъ; ваша предъидущая дѣятельность служить мнѣ порукою въ томъ, что вы оправдаете возлагаемое на васъ довѣріе.

«Королевскій принцъ сообщилъ мнѣ, что императоръ Наполеонъ будетъ слѣдовать за арміею подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя гвардейской кавалеріи (по всей вѣроятности, л.-гв. конныхъ егерей).

«Если бы вамъ посчастливилось взять его въ плѣнъ, то королевскій принцъ обѣщаетъ вашему отряду 500.000 р. вознагражденія и пропорціональную этому сумму вамъ и вашему штабу.

«Вы занимаете позицію весьма благопріятную для того, чтобы совершить эту экспедицію. Вы пойдете изъ Ютербока къ Баруту, гдѣ находится главная квартира Удино; потревожите, насколько будетъ возможно, лѣвый флангъ противника, проскользните затѣмъ въ тылъ непріятельской арміи, постараетесь выйти на большую Дрезденскую дорогу, а далѣе будете поступать по своему усмотрѣнію; отрядъ, который можетъ вамъ оказать поддержку, будетъ находиться въ Бѣлицѣ; этимъ отрядомъ командуетъ генераль графъ Оруркъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ коего вы будете состоять, и которому вы обязаны посылать свои донесенія.

«Въ случаѣ, если вамъ не удастся пробраться въ Ютербокъ и если настоящій приказъ будетъ полученъ вами по пути между этимъ послѣднимъ пунктомъ и Трейенбризеномъ, постарайтесь все-таки достигнуть намѣченной цѣли, идя по направленію къ Люкенвальде».

Бѣлицъ, 17-го августа 1813 г. 4 часа по полудни.

«P.S. По повелѣнію королевскаго принца, я иду со всей моей кавалеріей (за исключеніемъ 300 лошадей, которыя будутъ стоять въ Бѣлицѣ подъ командою графа Орурка) чрезъ Потсдамъ въ Шарлоттенбургъ».

Мнѣ было очень лестно, что на меня возлагали подобное порученіе, но я не заблуждался относительно опасности, съ коею это было сопряжено. Во-первыхъ, очень трудно предпринимать что-либо въ самомъ началѣ новой кампаніи въ тылу непріятельской арміи, когда она еще свѣжа и хорошо организована, когда всѣ мѣры предосторожности еще строго соблюдаются и каждый горитъ желаніемъ сразиться съ непріателемъ, поэтому надобно быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ и столкновеніямъ.

Но, несмотря на все это, я былъ очень радъ, что мнѣ было поручено преслѣдовать Наполеона; сердце трепетало у меня отъ радости при мысли, что быть можетъ мнѣ посчастливится встрѣтить его по пути.

Конные егеря, конвоировавшіе его, были старые воины, которые заставили бы меня, конечно, дорого заплатить за мою смѣлость, но это не помѣшало бы мнѣ атаковать ихъ, гдѣ бы я ихъ ни встрѣтилъ. Чтобы придать себѣ бодрости, я говорилъ себѣ мысленно, что преимущество бываетъ всегда на сторонѣ атакующаго. Къ тому же мнѣ были извѣстны силы французовъ, тогда какъ они не имѣли понятія о численности моего отряда; имъ приходилось защищать драгоцѣнное сокровище;

заслышавъ шумъ, они навѣрно остановились бы, чтобы построиться въ боевой порядокъ и оказать упорное сопротивление, между тѣмъ, какъ Наполеонъ и его свита постарались бы ускакать къ арміи Удино и къ войску, которое стояло въ Дрезденѣ.

Въ этомъ предположеніи, я выбралъ 200 отборныхъ лошадей и офицеровъ, извѣстныхъ своею отвагою, такъ какъ простой храбрости не достаточно въ подобномъ случаѣ, и предупредилъ ихъ, чтобы они были наготовѣ и, не принимая участія въ битвѣ, которую я начну, зорко слѣдили бы за всѣмъ происходящимъ и бросились бы опретью за тою группою, которая отдѣлится отъ общей массы, и преслѣдовали бы ее неутомимо, между тѣмъ какъ я съ главными силами отряда займусь остальными.

Мои казаки горѣли желаніемъ оказать себя достойными того довѣрія, которое возлагалось на нихъ; обѣщанная награда была для нихъ хорошею приманкою. А я! Развѣ я нуждался въ наградѣ, когда вся Европа была бы мнѣ благодарна за плѣненіе Наполеона.

Но пора было приступить къ дѣлу. Для того, чтобы скрыть свое фланговое движеніе, мнѣ слѣдовало прежде всего отдалиться отъ указанного мнѣ направленія.

Господа генералы и ихъ штабные офицеры не имѣютъ никакого понятія о дѣйствіяхъ подобнаго рода. Они воображаютъ, что можно тревожить флангъ непріятеля и въ то же время съ тѣмъ же отрядомъ пробраться незамѣтно на его коммуникаціонную линію. Надобно дѣлать то или другое, но совершить оба движенія одновременно невозможно.

То же самое можно сказать и объ инструкціяхъ, которыя главнокомандующіе даютъ легкой кавалеріи, возлагая на нее какое-нибудь чрезвычайное порученіе. Поэтому я рѣшилъ уклониться отъ исполненія первой части данныхъ мнѣ инструкцій и, сдѣлавъ большой объѣздъ, пробраться на коммуникаціонную линію непріятельской арміи, коею командовалъ маршалъ Удино.

Я пошелъ изъ Ютербока въ Рорбекъ, гдѣ перешелъ черезъ маленькую мутную рѣчку съ намѣреніемъ направиться оттуда на Швейницъ или Эссенъ (Essen), смотря по обстоятельствамъ; моею цѣлью было перейти р. Шварцъ-Эльстеръ и перерѣзать такимъ образомъ коммуникаціонную линію французской арміи, по которой она сообщалась съ Виттенбергомъ и Йоргау.

Въ Она (Ohna) развѣдчики донесли мнѣ, что они замѣтили пѣхотную колонну, направляющуюся въ Графендорфъ. Я тотчасъ оставилъ принятое мною направленіе и поспѣшилъ ей на встрѣчу.

Завидѣвъ меня, непріятель построился въ карре, но я не далъ ему времени на размышленіе, атаковавъ его съ полкомъ Попова 13-го; колонна была мигомъ смята и цѣликомъ взята въ плѣнъ: въ наши руки

достались 450 человекъ съ оружіемъ и обозомъ. Это была колонна шедшая на соединеніе съ арміей и выступившая изъ Виттенберга на-канунъ.

Моя экспедиція началась удачно.

Я отослалъ плѣнныхъ съ ихъ оружіемъ къ графу Орурку; генераль Винценгероде и шведскій королевскій принцъ были весьма довольны этимъ началомъ, при чемъ первый писалъ графу Орурку:

«Ваше сіятельство! Я получилъ ваше донесеніе изъ Треббина (Treb-
bin), равно донесеніе барона Левенштерна изъ Графендорфа.

«Королевскій принцъ очень доволенъ поведеніемъ этого храбраго офицера и приказалъ мнѣ высказать ему это, что я и поручаю сдѣлать вамъ.

«Объ этомъ славномъ подвигѣ будетъ упомянуто въ дневномъ приказѣ.

«Такъ какъ армія идетъ впередъ и я сегодня же займу съ своей кавалеріей Бѣлицъ, Соармюнде и Треббинъ, то мы должны занять съ девятью казацкими полками, состоящими подъ вашимъ начальствомъ, Ютербокъ и произвести рекогносцировки по всѣмъ направленіямъ отъ Виттенберга до Барута такъ далеко, какъ окажется возможно.

«Завтра пріѣдетъ въ Трейенбризенъ генераль Чернышевъ, и его казаки произведутъ рекогносцировку всей мѣстности между Виттенбергомъ и Цербстомъ.

«Сегодня же пріѣдетъ въ Треббинъ генераль Иловайскій; онъ вышлетъ развѣдчиковъ изъ Миттвальда до Барута, слѣдовательно, вашъ лѣвый флангъ долженъ находиться въ непрестанномъ сообщеніи съ корпусомъ Чернышева.

«Ваши пять батальоновъ егерей и артиллерія останутся въ Бѣлицѣ, впредь до полученія приказаній.

«Моя главная квартира будетъ сегодня въ Саармюнде, а завтра въ Бѣлицѣ».

Отославъ плѣнныхъ и написавъ донесеніе, я далъ моему отряду нѣсколько часовъ отдыха и, отобѣдавъ въ замкѣ, по приглашенію его владѣлицы, направился къ Швейницу и безпрепятственно перешелъ Эльстеръ. Я оставилъ въ замкѣ аррьергардъ, которому было приказано выступить четверть часа спустя и слѣдовать за мною.

Можно себѣ представить мой гнѣвъ, когда я узналъ отъ одного слуги, которому удалось пробраться ко мнѣ, что этотъ аррьергардъ разграбилъ замокъ и напугалъ его гостепримныхъ владѣльцевъ.

Я поспѣшилъ обратно и, заставъ казаковъ на мѣстѣ преступленія, приказалъ имъ возвратитъ награбленное и тотчасъ наказалъ виновныхъ.

До назначенія военнаго суда офицеръ былъ арестованъ, унтеръ-офицеръ разжалованъ, и каждому казаку было дано по моему приказа-

нию сто ударовъ нагайкой во дворѣ замка. Кромѣ того, я приказалъ имъ слѣдовать за отрядомъ пѣшкомъ во все время экспедиціи, не принимать никакого участія въ дѣлежѣ добычи. Идти пѣшкомъ есть величайшее наказаніе и величайшій позоръ для казака, который родится, такъ сказать, на лошади.

Но ихъ слѣдовало строго наказать, и я надѣялся, что ничего подобного впредь не случится. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ мои казаки не позволяли себѣ болѣе грабить мирныхъ гражданъ.

Узнавъ въ Швейницѣ, что въ Шенвальде находилось кавалерійское депо, я отправился въ ту же ночь, чтобы напасть на него врасплохъ, и захватилъ 150 лошадей и 40 кавалеристовъ.

Это былъ конскій лазаретъ; я взялъ только 35 здоровыхъ лошадей и всѣхъ людей, дозволивъ крестьянамъ взять остальныхъ лошадей въ свою пользу.

Совершивъ эту экспедицію, я возвратился въ ту же ночь въ Швейницъ и направился въ Герцбергъ, приближаясь къ большой дорогѣ, которая идетъ въ Торгау.

Мнѣ удалось такимъ образомъ перерѣзать вторую коммуникаціонную линію непріятеля, тогда какъ онъ и не подозрѣвалъ еще о моемъ присутствіи у него въ тылу.

Я отрядилъ полковника Барнекова съ полкомъ Ребреева, приказавъ имъ обойти Герцбергъ, а самъ пошелъ прямо, чтобы никто не могъ ускользнуть отъ меня, и все находившееся на этомъ пути попало въ мои руки, какъ рыба въ неводъ; Барнековъ прибылъ въ Герцбергъ съ одной стороны, въ то время, какъ я вступалъ туда съ другой.

Я взялъ по пути въ плѣнъ 10 офицеровъ, большой обозъ запасныхъ лафетовъ, повозокъ, фургоновъ и госпиталь, нагруженный на 30 повозкахъ и направлявшійся въ Виттенбергъ.

Этотъ походный госпиталь крайне стѣснилъ меня; что было дѣлать со столькими повозками? Я быстро принялъ рѣшеніе. Не имѣя возможности увезти ихъ, я написалъ французскому коменданту Виттенберга, что, благодаря случайности военного времени, я очутился между нимъ и французской арміей и благодаря той же случайности завладѣлъ госпиталемъ, но, воюя со здоровыми людьми, я отсылаю ему больныхъ, чтобы онъ ухаживалъ за ними, чего въ моемъ положеніи не могу сдѣлать.

Я поручилъ одному саксонскому чиновнику сопровождать этотъ транспортъ и, освободившись отъ этой обузы, занялся уничтоженіемъ лафетовъ и провіантскихъ повозокъ, въ чемъ просилъ жителей помочь мнѣ, разрѣшивъ имъ оставить себѣ фуражъ и все то, что могло быть имъ полезно.

Я остановился на нѣсколько часовъ въ одномъ изъ великолѣпнѣй-

шихъ домовъ Герцберга, на городской площади. Этотъ домъ принадлежалъ вдовѣ, дочь которой, очаровательная дѣвушка, была въ тотъ день именинница. Весь домъ имѣлъ праздничный видъ, но мое появленіе нарушило торжество.

Я увидѣлъ парадно сервированный столъ, но гостей не было; хозяйка дома отвѣчала на мой вопросъ, что дамы живутъ въ сосѣднемъ замкѣ, узнали вѣроятно о моемъ появленіи и боялись пріѣхать.

— Напишите этимъ дамамъ, — сказалъ я, — успокойте ихъ и попросите ихъ пріѣхать подъ конвоемъ моихъ казаковъ, которыхъ я пошлю за ними.

Я приказалъ тотчасъ отправить за дамами 60 человекъ казаковъ и офицера съ письмомъ; онъ вернулся съ многочисленной компаніей и, пока мои люди и лошади подкрѣпляли свои силы, мы провели нѣсколько часовъ весьма пріятно.

Барнековъ, нашъ поэтъ, написалъ подходящіе къ обстоятельствамъ стихи. Во время обѣда я обдумывалъ, какимъ образомъ добраться до третьей коммуникаціонной линіи непріятеля, т. е. выйти на Дрезденскую дорогу, по которой долженъ былъ проѣхать Наполеонъ, чтобы попасть въ главную квартиру Удино.

Самое главное было выѣхать на эту дорогу, не бывъ замѣченнымъ непріятелемъ.

Я избралъ центральнымъ пунктомъ моихъ операцій городъ Зонневальде (Sonnevalde), окрестности котораго были очень лѣсистыя, и надѣялся, что мнѣ удастся устроить тамъ засаду.

Прибывъ въ Зонневальде, я послалъ два отряда, по 50 человекъ въ каждомъ, проселочными дорогами съ хорошими проводниками, приказавъ имъ стать такъ, чтобы ихъ не могли увидѣть, и помѣстить ведеты на деревьяхъ; одинъ изъ этихъ отрядовъ долженъ былъ находиться по близости отъ меня, возлѣ большой дороги, которая вела изъ Зонневальда въ главную квартиру Удино, и составить мой крайній лѣвый флангъ, между тѣмъ, какъ второй отрядъ долженъ былъ стоять въ такомъ же разстояніи на моемъ правомъ флангѣ, возлѣ дороги, идущей изъ Зонневальде въ Дрезденъ, по которой долженъ былъ ѣхать Наполеонъ.

Въ разставленные мною такимъ образомъ сѣти неминуемо должно было попасть все, что очутилось въ районѣ, занятомъ этими отрядами.

Но, чтобы не обратить преждевременно вниманія непріятеля, я приказалъ казакамъ пропустить всѣ отдѣльные маленькіе отряды, и людей, которые будутъ идти одни, и задерживать только курьеровъ или генераловъ, которые будутъ ѣхать въ каретѣ, приказавъ ни въ какомъ случаѣ не вступать въ бой, такъ какъ и одинъ ружейный выстрѣлъ могъ выдать мое присутствіе.

Особенно важно было задержать курьеровъ, которые должны были, по всей вѣроятности, ѣхать впереди Наполеона.

Не прошло и получаса, какъ ко мнѣ привели кабинетнаго курьера, мундиръ котораго былъ съ верху до низу обшитъ галунами; онъ ѣхалъ въ почтовой каретѣ, на которой была слѣдующая надпись: «великая армія, главная квартира арміи, кабинетъ императора (*grande armée grand quartier général, cabinet de l'empereur*)».

Этотъ курьеръ спалъ въ каретѣ и не успѣлъ уничтожить своихъ депешъ; я получилъ ихъ въ такомъ же неприкосновенномъ видѣ, какъ если бы я былъ самъ маршалъ Удино.

Въ одной изъ депешъ принцъ Невшательскій сообщалъ маршалу Удино, что императоръ не поѣдетъ къ его арміи, а отправится въ Силезію, чтобы разбить маршала Блюхера.

Четверть часа спустя мнѣ привели втораго курьера, везшаго дублировать этой депеши, всю корреспонденцію, полученную изъ Франціи, небольшой серебряный сервизъ маршала Удино, ящикъ превосходнаго краснаго вина и 260 крестовъ Почетнаго Легіона съ патентами на нихъ, подписанными гроемейстеромъ ордена, графомъ Ласепедомъ.

Содержаніе этихъ депешъ въ высшей степени огорчило меня. Никогда въ жизни я не испытывалъ столь тягостнаго чувства. Всѣ мои старанія, вся моя хитрость пропали даромъ. Но все же я не могъ сидѣть сложа руки; надобно было что-нибудь предпринять.

Познакомившись съ содержаніемъ главнѣйшихъ депешъ, такъ какъ не было никакой возможности прочесть то безчисленное количество писемъ, которыя были присланы изъ Франціи, я собралъ своихъ казаковъ и, оставивъ отрядъ, который занималъ дорогу, ведущую въ главную квартиру Удино, въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ былъ поставленъ, чтобы прикрывать мое движеніе, и пошелъ на Дрезденскую дорогу, открыто, не прячась, съ цѣлью атаковать непріятели, гдѣ бы онъ ни попался мнѣ, и захватить все, что попало бы мнѣ въ руки, и затѣмъ вернуться обратно тою же дорогою; если же я встрѣтилъ бы какое-нибудь препятствіе, то рѣшилъ идти прямо на Добрылюкъ и оттуда на соединеніе съ силезской арміей.

Едва успѣлъ я проѣхать съ четверть версты, какъ мнѣ донесли, что намъ на встрѣчу двигалась колонна пѣхоты, въ головѣ которой шли лейбъ-гренадеры въ медвѣжьихъ шапкахъ, а за нею двигался обозъ.

Я тотчасъ послалъ подполковника Барнекова и храбраго маіора Ребреева, съ тремя сотнями казаковъ, чтобы отрѣзать этой колоннѣ отступленіе къ Дрездену, а самъ съ остальной частью отряда поспѣшилъ ей на встрѣчу.

Результатъ этого маневра былъ весьма благоприятный, колонна повернула обратно, но Барнековъ и Ребреевъ уже успѣли преградить ей

путь. Тогда колонна построилась въ каре и прислонилась своими повозками къ живой изгороди, росшей по краю широкаго рва. Но храбрые казаки Попова 13-го, не боявшіеся никакой опасности, окутанные столбомъ пыли, который мѣшалъ что-либо видѣть на разстояніи трехъ шаговъ, храбро атаковали эту массу пѣхоты.

Черезъ нѣсколько минутъ вся колонна была взята въ плѣнъ, ни одинъ человекъ не успѣлъ ускакать. Въ моихъ рукахъ очутилась цѣлая рота гренадеръ саксонской гвардіи въ ихъ великолѣпныхъ красныхъ мундирахъ и мѣховыхъ шапкахъ и походная колонна въ 550 человекъ солдатъ съ 20 офицерами, военные интенданты, врачи, саксонскіе фельдъегеря и касса, въ которой было 800 тысячъ франковъ.

Я потерялъ не много людей, но мнѣ пришлось оплакивать убитаго, во время этой атаки, превосходнаго офицера, капитана Персіанова; моей лошади попала въ ноздрю пуля, и она сдѣлалась съ тѣхъ поръ боязлива.

Взявъ столь богатую добычу, окруженный плѣнными, я не зналъ, что дѣлать, и находился въ весьма затруднительномъ положеніи; не трудно было взять плѣнныхъ, но трудно было ихъ удержать и выпутаться изъ западни, въ которую я попалъ по собственной своей винѣ.

Возможно ли было стѣсненному плѣнными и добычею ускользнуть отъ непріятельской арміи, которая, слышавъ выстрѣлы, конечно, догадалась бы о моемъ присутствіи. Какимъ образомъ было возстановить сообщеніе съ нашей арміей?

Эта экспедиція замѣчательна не по количеству золота, которое досталось въ мои руки,—это было дѣло счастья и удачи,—она замѣчательна тѣмъ, что я благополучно выпутался изъ бѣды; въ этомъ была, мнѣ кажется, нѣкоторая доля заслуги, но никто не принялъ этого во вниманіе; золото, взятое мною, возбудило зависть; если бы люди знали, какъ мало я придавалъ ему значенія! Меня не радовало обладаніе сокровищемъ, взятымъ мною съ бою, я былъ въ отчаяніи, что отъ меня ускользнулъ какимъ-то чудомъ Наполеонъ, этотъ великій полководецъ, смущавшій покой Европы.

Но я горевалъ одинъ, всѣ остальные ликовали, думая только о захваченныхъ деньгахъ.

Послѣ этой блестящей экспедиціи я отступилъ къ Зонненвальде и старался внести нѣкоторый порядокъ въ тотъ хаосъ, который водворяется обыкновенно въ отрядѣ послѣ одержанной подобнаго рода побѣды, которая султъ такіа положительныя выгоды всѣмъ принимавшимъ въ ней участіе.

Замѣтивъ, что казаки бросали алчные взгляды на три повозки, нагруженные золотомъ и запряженные каждая прекрасною осьмеркою лошадей, я боялся, чтобы при малѣйшей тревогѣ они не кинулись на нихъ, чтобы опустошить ихъ; въ такомъ случаѣ небольшого непріа-

тельскаго отряда, человекъ въ 100 уланъ, было бы достаточно, чтобы перевернуть у насъ все верхъ дномъ.

Чтобы предупредить подобную случайность, я приказалъ развязать одну повозку, вынулъ изъ нея нѣсколько маленькихъ боченковъ, которые всѣ были снабжены изящными ярлычками съ надписями и содержали каждый по 100 франковъ, кои приказалъ раздать казакамъ.

Мои молодцы были въ восторгѣ, каждый изъ нихъ получилъ свою долю добычи. Черезъ полчаса въ отрядѣ водворилось спокойствіе; тогда я рѣшилъ выступить изъ Зонненвальде, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ непріателемъ, который, конечно, не замедлил бы преслѣдовать меня.

(Продолженіе слѣдуетъ).

въ государственно-правовомъ положеніи обѣихъ земель.

Жестокія репрессивныя мѣры, объявленныя англійскимъ главнокомандующимъ со времени состоявшагося (на бумагѣ) присоединенія республики, являются безпримѣрными въ современной военной исторіи. Гдѣ видано, чтобы изгнанію были подвергаемы женщины и дѣти, кормилицы которыхъ находятся на поляхъ битвы! Гдѣ бывало, чтобы, у населенія безъ дальнихъ разговоровъ отбирались лошади, волю, мулы, повозки; чтобы людей хватали какъ преступниковъ только за то, что отказываются дать подъ присягою обѣщаніе не шаршати нейтралитета?..

На войну съ бурами смотрѣли въ Англіи какъ на игру, которая, во всякомъ случаѣ, окончится къ Рождеству; побѣду считали дѣломъ заранѣе рѣшеннымъ; между тѣмъ, англійскіе генералы поочередно претерпѣвали поражения, отчасти при невѣроятныхъ обстоятельствахъ. Главнокомандующаго Буллера заимѣнили лордомъ Робертсомъ, а Робертсъ все требовалъ войскъ, войскъ и войскъ. Когда дѣла буровъ пошли хуже, въ Англіи раззались крики радости по поводу миновавшей опасности, хотя, въ сущности, говорить объ этомъ было еще преждевременно.

Бурская война,—говоритъ д-ръ Тилле въ заключеніе,—является свидѣтельствомъ безсилія Англіи въ сухопутной войнѣ: она обнаружилась передъ всѣмъ свѣтомъ печальное состояніе британской арміи и ея управленія. Англія утратила всякій военный престижъ; кромѣ того, сильно пострадала ея репутация культурной страны, вслѣдствіе варварскихъ мѣръ, принятыхъ англійскими главнокомандующими какъ противъ мирныхъ буровъ, такъ и противъ жившихъ въ южно-африканскихъ республикахъ иностранцевъ.

Не мало интересныхъ свѣдѣній сообщается въ книгѣ д-ра А. Тилле объ англійской арміи вообще.

Англійскій офицеръ не любитъ своего мундира, онъ снимаетъ его тотчасъ же, какъ только освободится отъ служебныхъ занятій, и вообще избѣгаетъ появляться въ формѣ на бойкихъ улицахъ... Британская постоянная армія слагается изъ отбросовъ англійскаго народа, сохранившихъ лишь столько энергіи, сколько требуется для того, чтобы за обильное продовольствіе и около 30 к. карманныхъ денегъ въ сутки продѣлывать воинскія упражненія въ теченіе трехъ часовъ ежедневно. Да и эти люди бунтуютъ и сбѣгаютъ, если казенная ѣда окажется случайно невкусною. Въ армію стекается всякій сбродъ: тутъ и какой-нибудь прикащикъ, уволенный отъ должности за воровство, и какой-нибудь забредшій въ городъ молодой бродяга, и юноша, котораго

ограбили мошенники и который не знаетъ, гдѣ преклонить голову; тутъ и челоуѣкъ, опасающийся на завтра ареста за совершенное воровство со заломомъ. Такимъ образомъ, при всѣхъ своихъ отрицательныхъ сторонахъ, англійская армія приноситъ Великобританіи и извѣстнаго рода пользу въ томъ смѣслѣ, что освобождаетъ ее отъ наиболѣе испорченныхъ и нравственно опустившихся общественныхъ элементовъ.

Со службою въ арміи сопряжено безбрачіе, которое, при семи, двѣнадцати и двадцати одномъ годахъ службы, получаетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ при всеобщей воинской повинности.

Корпуса офицеровъ въ британской арміи не существуетъ: въ ней есть только единичные, разрозненные офицеры, лишенные духа общности, какъ члены арміи. Большинство стыдится своего положенія и по возможности скрываетъ его. Офицеры одного и того же гарнизона бывають часто незнакомы между собою; они стекаются въ армію со всевозможныхъ попріщъ и обладаютъ лишь очень незначительнымъ специально-военнымъ образованіемъ. Съ весны 1900 г. общественное положеніе ихъ еще болѣе понизилось въ глазахъ публики вслѣдствіе производствъ въ офицеры очень большаго числа унтеръ-офицеровъ.

Въ смыслѣ нравственныхъ качествъ милиція стоитъ гораздо выше постоянной арміи, но зато она ниже ея въ отношеніи солдатской выучки и стрѣльбы; конная милиція называется юмари; она слагается исключительно отъ земельныхъ арендаторовъ, коневодовъ, хозяевъ извоза, содержателей манежей, бывшихъ конныхъ полкисменовъ, владѣльцевъ, омнибусовъ и т. п., людей, которые могутъ поставить въ строй лошадей и умѣють ѣздить верхомъ. Офицеры этого войска состоятъ почти силою изъ мелкихъ дворянъ-землевладѣльцевъ и отставныхъ кавалерійскихъ офицеровъ.

Что касается волонтеровъ, то этого рода войско имѣется только въ Англіи и Шотландіи; въ Ирландіи ихъ нѣтъ. До лѣта 1900 г. волонтеры обязаны были служить лишь на британскихъ островахъ; но потомъ ихъ обязали нести службу какъ внутри, такъ и внѣ Соединеннаго королевства. Волонтеры содержатъ себя, обмундировываются и нанимають себѣ квартиру на собственные средства, государство же даетъ ему оружіе и боевые припасы и принимаетъ на себя всѣ прочія издержки по баталіону. Въиномъ волонтеровъ является ихъ артиллерія въ составѣ 98-ми батарей; вооружены онѣ отчасти 6-ти-фунтовыми полевыми орудіями, но ни одна изъ этихъ батарей не была отправлена въ Южную Африку.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **Городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаа. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXII-й.

АВГУСТЪ.

1901 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Великій князь Николай Павловичъ съ 1814 по 1822 годъ. Н. К. Шильдера. (Окончаніе).	225—238	XIII. Изъ архива И. Е. Велікопольскаго. Сообщилъ Б. Л. Модзалевскій.	427—435
II. Выговоръ императора Павла I генераль-аудитору. Сообщилъ профессоръ Лузановъ.	239—240	XIV. Изъ біографіи Я. Ф. Головацкаго. Сообщилъ И. П. Корниловъ.	437—439
III. Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.	241—266	XV. Церемоніаль бракосочетанія в. к. Константина Павловича въ 1796 году. Сообщ. П. Парійскій.	441—448
IV. Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи. Сообщ. А. А. Оомиль.	267—283	XVI. Записная книжка „Русской Старины“: Крестьянши въльдохудецъ (стр. 284).— Публичные разговоры о свободѣ, съ точекъ зрѣнія столичной и мѣстной. Сообщ. Алексѣй Мердереъ (360).— Барклай-де-Толли при вступленіи его въ должность военн. министра (390).— Императорскій цензоръ.— Высочайшее повелѣніе о камеръ-юнкерѣ Тагберѣ (394).— О печатаніи мажонскихъ пѣсень (426).— Высочайшій рескриптъ генераль-поручицѣ Рахминовой съ замѣчаніемъ объ излишности ея совѣтовъ (436).— О доставленіи списка книгъ, напечатанныхъ Синодальною типографіею съ 1801 по 1806 г. (440).	
V. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.	285—320	XVII. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).	
VI. Памяти Ивана Петровича Корнилова. Ал. Савельева.	321—322		
VII. Россія и палснй престоль. П. Пирлинга.	323—359		
VIII. А. С. Шишковъ—защитникъ Россійской Академіи.	361—366		
IX. Встрѣча съ сыномъ Шамиля и его разсказы объ отцѣ. Нв. Захарьина (Игунина).	367—389		
X. Записка А. И. Тургенева о В. А. Жуковскомъ, представленная имъ въ 1816 г. Сообщ. Н. А. Вычковъ.	391—393		
XI. Цензура въ царствованіи императора Николая I.	395—404		
XII. Записки генерала В. И. Левенштерна.	405—425		

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ Н. А. Вычковъ.
2) Портретъ Марины Мнишекъ. Грав. И. И. Хелмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1901 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ подѣлать редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.
1901.

Бібліографическій листокъ.

Н. Орловъ. Забайкальцы въ Манчжуріи въ 1900 году. Очерки изъ похода Хайларскаго отряда генерала Н. Орлова въ въ Китаѣ въ 1900 г. Съ картою и планами. С.-Петербургъ 1901.

Раздоры при императорскомъ дворѣ въ Пекинѣ, усиленная дѣятельность тайныхъ обществъ, которыми постоянно кишитъ Китай, назойливыя притязанія католическихъ миссіонеровъ, отчасти неловкіе, отчасти своекорыстные шаги европейской дипломатіи,—все это привело весной 1900 г. къ матежному взрыву въ Китаѣ, къ столкновенію китайцевъ съ иностранцами, въ давленію со стороны вооруженной силы европейцевъ, къ бомбардированію, штурму и занятію Таку и, наконецъ, къ безумному рѣшенію со стороны китайцевъ — объявленію вражды всѣмъ иностранцамъ, какіе только находятся въ Китаѣ.

«Русское правительство, въ виду пожара, охватившаго весь Китай, на огромное разстояніе соприкасающей съ Россіей своей сѣверной границей, вынуждено было объявить мобилизацію Приамурскаго края, затѣмъ сформировать нѣсколько отрядовъ, чтобы вторгнуться въ Манчжурію со всѣхъ сторонъ, и, кромѣ того, послать отрядъ на самую чувствительную точку Китая, по направленію къ Пекину».

Книга генерала Н. А. Орлова, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, состоитъ изъ 14 очерковъ, обрисовывающихъ дѣятельность Хайларскаго отряда въ 1900 г.

Прежде всего авторъ говоритъ о состояніи Хайларскаго отряда передъ походомъ въ Манчжурію. На сформированіе этого отряда было первоначально назначено: 2 пѣшихъ казачьихъ батальона, одна конная батарея и четыре конныхъ сотни, впослѣдствіи составъ увеличился. Всѣ эти части были импровизованы, созданы, такъ сказать, въ послѣднюю минуту изъ казачковъ, получившихъ, однако, обученіе. Забайкальскіе казаки — хорошіе стрѣлки. Оказался большой недостатокъ въ офицерахъ; для укомплектованія оберъ-офицерскихъ вакансій въ пѣшихъ батальонахъ прислали 22 офицера изъ Казанскаго округа. Штаба у отряда вначалѣ не было. Изъ Хабаровска отъ высшаго начальства пришло такое увѣдомленіе, чтобы штаба не формировать, а достаточно одного офицера генеральнаго штаба. Такъ какъ такого офицера во всемъ Забайкальѣ не было, то отрядъ оказался бы безъ штаба. Но обходиться совсѣмъ безъ него невозможно; необходимы распоряженія для боевыхъ дѣйствій, нужна была переписка и по части хозяйственной, инспекторской. За нѣсколько мѣсяцевъ похода набралось 2.000 исходящихъ номеровъ; значить, пужы были и писаря, чтобы исписать такую уйму бумаги. Тогда наказной ата-

манъ, генераль Маіевскій, уступилъ въ отрядъ лучшаго своего офицера, старшаго адъютанта областнаго штаба по хозяйственной части, подполковника Воложанинова, который исправлялъ во все время похода должность начальника штаба Хайларскаго отряда. Тыловыя учрежденія подошли уже потомъ. Полевая хлѣбопекарня, посланная изъ Виленскаго военнаго округа, пришла въ Хайларъ, когда отрядъ возвращался, окончивъ походъ, и только тогда воспользовался хлѣбомъ изъ хлѣбопекарни. Медицинская часть оставляла желать многого. Медикаментовъ было очень мало. Послѣ нѣкотораго времени похода уже не оказалось ничего, такъ что даже кастороваго масла и хинина не хватало; нечѣмъ было лѣчить больныхъ. Въ доказательство печальнаго состоянія медицинской части, генераль Орловъ приводитъ слѣдующій случай. Съ однимъ тифознымъ, котораго надо было усыпить, потому что онъ не могъ спать, врачъ прибѣгъ къ особенному средству — далъ ему бѣлый порошокъ и сказалъ: «послѣ этого бѣлаго порошка ты долженъ непременно заснуть», — и больной заснулъ. Порошокъ оказался содой.

Отдѣленіе Краснаго Креста имени Ея Императорскаго Величества Александры Федоровны прибыло уже въ самомъ концѣ похода. Летушій артиллерійскій паркъ, въ которомъ была крайняя потребность съ самаго начала похода, пришелъ къ отряду только въ августѣ, т. е. когда были уже одержаны двѣ большіе победы. Инженерный паркъ былъ сформированъ изъ 19 человѣкъ.

О занятіи Хайлара мы узнаемъ изъ частнаго письма генерала Орлова отъ 22-го іюля 1900 г.

Театръ военныхъ дѣйствій, обширный по своему пространству, представлялъ очень много особенностей, но въ общемъ былъ благоприятенъ. Бомбардированіе Влагоевicensка и разгромъ китайцами строящейся Манчжурской желѣзной дороги вызвалъ быстрое сформированіе Хайларскаго отряда, который сосредоточился у русской границы, у поселка Абагайтуй, уже 11-го іюля, между тѣмъ какъ первоначально сосредоточеніе это предполагалось было окончить къ 1-му августу.

Въ первомъ сраженіи при Огуни, 17-го іюля, было болѣе 10.000 китайцевъ, а русскій отрядъ едва насчитывалъ 2.500 человѣкъ. Десять часовъ русскіе находились на позиціи подъ частымъ и непрерывнымъ огнемъ непріятеля; затѣмъ забайкальцы перешли въ общее наступленіе, разбили на-голову противника и преслѣдовали на разстояніи 18 верстъ. На полѣ сраженія было зарыто 800—900 китайскихъ труповъ; взято два орудія, два знамени, много оружія и патроновъ. Потери русскихъ оказались, сравнительно, незначительными: всего 8 убитыхъ.

МАРИНА МНИШЕКЪ.

МАРИЯ СБОРЧИЦА.

Великій князь Николай Павловичъ съ 1814 по 1822 годъ.

V ¹).

вадцатаго августа (1-го сентября) 1817 года императоръ Александръ принялся опять путешествовать; государь отправился сначала въ Витебскъ, а затѣмъ и далѣе для осмотра войскъ первой арміи, которою командовалъ фельдмаршалъ князь Барклай-де-Толли. Тогда же рѣшено было, что весь дворъ осенью переселится въ Москву, гдѣ предполагалось провести всю зиму и весну.

18-го (30-го) сентября великій князь Николай Павловичъ съ супругою выѣхали изъ Петербурга въ Москву. Король Прусскій разрѣшилъ принцу Вильгельму продлить свое пребываніе въ Россіи и сопутствовать сестрѣ во время ея путешествія; принца по-прежнему сопровождалъ генералъ Натцмеръ. Положеніе, въ которомъ находилась великая княгиня, препятствовало быстрому переѣзду; поэтому путешественники пробыли въ дорогѣ 12 дней.

Во время пути Натцмеръ имѣлъ случай убѣдиться, съ какимъ сочувствіемъ встрѣчается въ Россіи введеніе военныхъ поселеній. На пути отъ Новгорода въ Крестцы собралась толпа крестьянъ въ нѣсколько сотъ человекъ, вышедшихъ изъ лѣса, для принесенія великому князю жалобы по поводу расквартированія у нихъ въ деревняхъ гренадер-

¹) См. „Русскую Старину“ іюль 1900 года.

скаго имени графа Аракчеева полка; они заявили, что у нихъ все отбираютъ, выгоняютъ изъ домовъ и что они уже нѣсколько недѣль не видѣли своихъ жилищъ. «Русскіе говорятъ», пишетъ Натцмеръ, «что въ то время, какъ мы стараемся превратить нашихъ крестьянъ въ солдатъ, у нихъ наоборотъ изъ солдатъ хотятъ сдѣлать крестьянъ. Вообще недовольство новымъ учрежденіемъ повсемѣстно».

«Можете судить, сколь поразила подобная встрѣча (незванныхъ прибавлю)», замѣчаетъ современникъ въ своихъ запискахъ, «они всё бросаются на колѣна, плачутъ, крикомъ своимъ просятъ, дабы ихъ пощадили. Женщины и дѣвки пѣли ргімо въ сей мелодіи; но великій князь отдѣлался словами и продолжалъ дорогу. Прекрасный разительный примѣръ пруссакамъ о нашемъ домашнемъ благоденствіи, улучшеніи, счастіи и пресчастіи ¹⁾».

Крестьяне не довольствовались этимъ протестомъ. Они также остановили императрицу Марію Ѳеодоровну во время проѣзда ея въ Москву, прося ея о защитѣ и милости. Сверхъ сего они снарядили еще депутацію въ Варшаву, къ цесаревичу Константину Павловичу, чтобы умолять его о заступничествѣ. Но всё эти протесты не привели ни къ чему, и крестьянамъ, обреченнымъ на неожиданное благополучіе войти въ составъ военныхъ поселеній, оставался только одинъ исходъ: покориться постигшей ихъ печальной участи. Императоръ Александръ оставался непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи насильно облагодѣтельствовать русскій народъ и сказалъ, что военныя поселенія будутъ «хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова».

30-го сентября (12-го октября) вся царская семья съѣхалась на послѣдней станціи передъ Москвою, за исключеніемъ великаго князя Михаила Павловича, который еще путешествовалъ по Россіи ²⁾. Торжественнаго въѣзда въ столицу не было; каждый пріѣхалъ туда самъ по себѣ. На слѣдующее утро Александра Ѳеодоровна, подойдя къ окну,

¹⁾ Записки Александра Ивановича Мартоса. „Русскій Архивъ“ 1893 года Книга 2-я стр. 585. Въ воспоминаніяхъ императрицы Александры Ѳеодоровны читаемъ: „En chemin nous avons trouvé par ci par là les habitants de quelques villages à genoux pour implorer, qu'on ne changeât pas leur sort“ ^{*}).

²⁾ По дорогѣ намъ попадались тамъ и сямъ жители нѣсколькихъ деревень, умолявшихъ на колѣнахъ, чтобы не мѣняли ихъ судьбу.

³⁾ 1-го (13-го) ноября великій князь Михаилъ Павловичъ, по окончаніи путешествія по Россіи, также пріѣхалъ въ Москву, въ сопровожденіи своего ментора генерала Паскевича. Императоръ Александръ назначилъ тогда Паскевича начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи; но Ивану Ѳеодоровичу еще не скоро пришлось вступить въ командованіе гвардейскими войсками. Въ мартѣ 1818 года началось заграничное путешествіе великаго князя, окончившееся только въ слѣдующемъ году; Паскевичъ снова ему сопутствовалъ.

увидѣла передъ собою впервые Москву, которая, подобно панорамѣ, разстигалась у ногъ ея. «Сердце мое забилось: я повяла Россію, я гордилась тѣмъ, что принадлежу ей!»—вотъ въ какихъ выраженіяхъ великая княгиня записала свои впечатлѣнія.

1-го (13-го) октября великая княгиня Александра Ѳеодоровна въ первый разъ участвовала въ выходѣ въ Успенскій соборъ и положила, какъ она пишетъ, 18 земныхъ поклоновъ передъ образами и раками святыхъ. «Колѣнопреклоненія дотога утомили мои ноги», признается она, «что я едва могла двигать ими».

12-го (24-го) октября происходила закладка храма во имя Спасителя Христа, на Воробьевыхъ горахъ, на которой присутствовалъ также великій князь Николай Павловичъ, равно какъ и принцъ Вильгельмъ. Великая княгиня Александра Ѳеодоровна отсутствовала.

Во время пребыванія двора въ Москвѣ, великій князь Николай Павловичъ окончательно разошелся со своимъ гофмаршаломъ Кирилломъ Александровичемъ Нарышкинымъ. Взаимныя отношенія обострились до того, что великая княгиня Александра Ѳеодоровна увидѣла себя вынужденною настоять на удаленіи Нарышкина; по ея мнѣнію, отъ рѣшенія этого вопроса зависѣли миръ и спокойствіе въ велико-княжескомъ домѣ ¹⁾.

На мѣсто Нарышкина великій князь избралъ графа Гаврилу Францовича Модена. Извѣщая 26-го декабря 1817 года графа Модена объ утвержденіи государемъ его назначенія, Николай Павловичъ прибавилъ: «*Soyez à moi, comme je suis à vous pour la vie et de coeur et d'âme*» ²⁾. Дѣйствительно, между великимъ княземъ и графомъ Моденомъ установились наилучшія отношенія, продолжавшіяся и послѣ воцаренія Николая Павловича.

Александра Ѳеодоровна оставила въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующую характеристику графа Модена: «Мы были какъ нельзя болѣе довольны графомъ Моденомъ, заступившимъ мѣсто Кирилла Нарышкина; онъ отличался изысканными манерами стариннаго версальскаго двора, держалъ себя съ достоинствомъ, даже когда шутилъ, былъ услужливъ безъ низкопоклонства и устраивалъ все какъ нельзя лучше. Его можно было упрекнуть только въ нѣкоторой обидчивости».

15-го (27-го) декабря 1817 года принцъ Вильгельмъ покинулъ Москву, направляясь черезъ Варшаву въ Берлинъ; императоръ Александръ разстался съ нимъ съ искреннимъ сожалѣніемъ, тщетно ста-

¹⁾ Натцмеръ въ своемъ дневникѣ отъ 29-го октября (10-го ноября) пишетъ, что распространились рассказы, что великая княгиня Александра Ѳеодоровна не достаточно внимательна къ императрицѣ-матери; онъ прямо приписываетъ подобныя сплетни Нарышкину.

²⁾ Будьте моимъ такъ же, какъ я вашъ на всю жизнь сердцемъ и душою *

раясь удерживать его еще болѣе при своемъ дворѣ. На сколько огорчена была этимъ отъѣздомъ великая княгиня Александра Феодоровна, видно изъ слѣдующихъ строкъ ея воспоминаній: «Я проводила его съ такою грустью, что почувствовала новый приливъ тоски по поводу разлуки съ отцомъ, братьями и сестрами; это была ужасная минута! Но, переживъ ее, я еще болѣе сблизилась съ моимъ Николаемъ, я почувствовала, что въ немъ одномъ имѣю поддержку и опору въ моей новой родинѣ, и его нѣжность совершенно вознаградила меня за все то, что я потеряла. Мы читали вмѣстѣ, и я вспоминаю съ наслажденіемъ объ этой мирной жизни въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ моимъ родамъ».

Прощаясь съ генераломъ Натцмеромъ, императоръ Александръ поручилъ ему передать королю выраженія своихъ дружескихъ чувствъ, прибавивъ, что онъ, его армія и вся страна его во всякое время готовы къ услугамъ Фридриха-Вильгельма.

Въ январѣ 1818 года императоръ Александръ отправился на непродолжительное время въ Петербургъ; возвратившись 2-го (14-го) февраля въ Москву, государь снова выѣхалъ 21-го февраля (5-го марта), направляясь въ Варшаву для открытія перваго польскаго сейма.

Великій князь Николай Павловичъ также вынужденъ былъ на короткое время побывать въ Петербургѣ, чтобы вступить въ управленіе инженернымъ корпусомъ по званію генераль-инспектора по инженерной части. Это важное для русскаго инженернаго дѣла событіе совершилось 20-го января (1-го февраля) 1818 года.

Вступая въ должность генераль-инспектора Николай Павловичъ издалъ собственноручный приказъ, подлинникъ котораго хранится и по нынѣ въ Главномъ инженерномъ управленіи, въ кабинетѣ, гдѣ занимался впоследствии великій князь. Въ приказѣ этомъ сказано:

«По высочайшей волѣ государя императора вступилъ я 20-го числа сего января въ должность генераль-инспектора по инженерной части. Давая о семъ знать по инженерному корпусу, долгомъ поставлю подтвердить всѣмъ чинамъ онаго, что ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, усердіемъ о пользѣ государственной и отличнымъ поведеніемъ, всякій заслужитъ государевы милости, а во мнѣ найдетъ усерднаго для себя ходатая предъ лицомъ его величества. Но въ противномъ случаѣ, за малѣйшее упущеніе, которое никогда и ни въ какомъ случаѣ прощено не будетъ, взыщется по всей строгости законовъ. Отъ усердія и твердости господъ начальниковъ, отъ рвенія и полного повиновенія подчиненныхъ, ожидаю имѣть всегдашнее удовольствіе, и твердо на сіе надѣясь, увѣряю всѣхъ и каждого, что умѣю цѣнить милость государеву, сдѣлавшую меня начальникомъ столь отличнаго корпуса. 20-го января 1818 г. генераль-инспекторъ по инженерной части Николай».

2-го (14-го) февраля великій князь прибылъ обратно въ Москву.

Однообразно и тихо проходило время въ Москвѣ, въ ожиданіи великаго событія. 21-го февраля императоръ Александръ уѣхалъ въ Варшаву. Наступилъ великій постъ. «Мы выѣзжали очень мало», пишетъ Александра Теодоровна; «при дворѣ не было ни одного вечерняго собранія, но часто давались обѣды. По воскресеньямъ обѣдали обыкновенно у матушки въ платьяхъ со шлейфами и на вечеръ оставались въ томъ же костюмѣ; вечеръ проводили у нея въ бесѣдѣ и въ игрѣ въ макао. Признаюсь, это такъ наскучило мнѣ въ сравненіи съ воскреснымъ препровожденіемъ времени въ Берлинѣ, гдѣ мы рѣзвились, играли и особенно веселились, что я съ трудомъ могла скрыть свою тоску. Общество на этихъ собраніяхъ ужасно отзывало стариною. Старые, полуслѣпые сенаторы, вельможи времени императрицы Екатерины, находившіеся въ отставкѣ лѣтъ по двадцати или тридцати!»

17-го (29-го) апрѣля во время свѣтлой недѣли совершилось великое событіе: въ исходѣ одиннадцатаго часа утра родился будущій царь-освободитель, великій князь Александръ Николаевичъ.

«Въ 11 часовъ», пишетъ императрица Александра Теодоровна, «я услышала первый крикъ моего перваго ребенка. Никсъ цѣловалъ меня, заливаясь слезами, и мы возблагодарили Бога вмѣстѣ, не зная еще, даровалъ ли онъ намъ сына или дочь, когда матушка, подойдя къ намъ, сказала: — «это сынъ». Счастіе наше удвоилось, однако, я помню, что почувствовала что-то внушительное и грустное при мысли, что это маленькое существо будетъ современемъ императоромъ!»

Какъ вѣкогда Державинъ привѣтствовалъ рожденіе Александра I-го, такъ и Жуковский воспѣлъ рожденіе будущаго Александра II-го вдохновенными стихами, въ которыхъ вниманіе читателя невольно останавливается на строкахъ:

Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: ч е л о в ѣ к ѣ.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать.
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать,—
Вотъ правила царей великихъ внуку! ¹⁾.

Другой поэтъ Рылѣевъ, нѣсколько позже, также привѣтствовалъ царственаго отрока не менѣе пророческими стихами:

Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной любви,
И рабства духъ не благородный,
Неправосудье—истреби.

¹⁾ „Государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ на рожденіе великаго князя Александра Николаевича въ Москвѣ“.

Будь блага подданныхъ ревнитель:
 Оно есть первый долгъ царей;
 Будь просвѣщенья покровитель:
 Оно надежный другъ властей.
 Старайся духъ постигнуть вѣка,
 Узнать потребность русскихъ странъ;
 Будь человекъ для человека,
 Будь гражданинъ для согражданъ.
 Будь Антониномъ на престолахъ,
 Въ чертогахъ мудрость водвори —
 И ты себя прославишь болѣ,
 Чѣмъ всѣ герои и цари ¹⁾.

Одинъ русскій писатель по поводу стиховъ Рылѣва справедливо замѣчаетъ: «Чудесное происходитъ явленіе. Упоенная славой Россія, ничего не желавшая тогда, кромѣ мира, навѣваетъ на дѣтскую душу отрока свое дыханіе времени, и, при строгомъ, желѣзномъ по волѣ отцѣ, влагаетъ въ юнаго сына нѣгу кроткаго сердца, чувствительность въ самыхъ тонкихъ проявленіяхъ и отгѣнкахъ, любовь къ счастію человека, безконечное смиреніе и природное миролюбіе» ²⁾.

Крещеніе великаго князя Александра Николаевича совершено было 5-го (17-го) мая въ церкви Чудова монастыря въ присутствіи императрицъ Елизаветы Алексѣевны и Маріи Ѳеодоровны, духовникомъ ихъ величествъ Кривицкимъ. Восприемниками были императоръ Александръ, императрица Марія Ѳеодоровна и дѣдъ новорожденнаго король Фридрихъ-Вильгельмъ III. «Это былъ прелестнѣйшій маленькій ребенокъ, бѣленькій, пухленькій, съ большими темносиними глазами; онъ улыбался уже черезъ шесть недѣль», пишетъ Александра Ѳеодоровна о новорожденномъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Императоръ Александръ узналъ о рожденіи племянника при проѣздѣ черезъ мѣстечко Бѣльцы въ Бессарабіи; государь тотчасъ же назначилъ великаго князя Александра Николаевича шефомъ л. гв. гусарскаго полка.

1-го (13-го) іюня императоръ Александръ возвратился въ Москву изъ своей поѣздки по южнымъ областямъ Россіи, для встрѣчи короля прусскаго, обѣщавшаго навѣститъ свою дочь и видѣть своего перваго

¹⁾ „Видѣніе“, ода на день тезоименитства его императорскаго высочества великаго князя Александра Николаевича, 30-го августа 1823 года.

²⁾ Князь Мещерскій: Исторія царствованія императора Александра II. С. Петербургъ 1882.

внука. Къ этому времени прибылъ также изъ Варшавы цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

4-го (16-го) іюня состоялся торжественный вѣздъ Пруссаго короля въ Москву; его сопровождалъ наслѣдный принцъ, старшій братъ великой княгини Александры Ѳеодоровны. Король оставался въ Москвѣ одиннадцать дней. Прогулка по городу и окрестностямъ, обѣды, балы и иллюминаціи слѣдовали другъ за другомъ съ такою быстротою, что дамы едва успѣвали переодѣваться. Къ 19-му іюня (1-му іюля) весь дворъ собрался въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ, а 22-го іюня (4-го іюля) послѣдовалъ торжественный вѣздъ въ Петербургъ.

«Все дотога походило на мой прошлогодній вѣздъ», пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Александра Ѳеодоровна, «что я была какъ бы во снѣ. Только проѣзжая мимо Аничкова дворца и увидѣвъ въ одномъ изъ оконъ на рукахъ у няни нашего маленькаго Сашу, настоящее дало ебя знать самымъ пріятнымъ образомъ, и глаза мои наполнились слезами. Выходя изъ экипажа у Казанскаго Собора, императоръ предложилъ мнѣ руку и, замѣтивъ мое смущеніе, сказалъ мнѣ на ухо: «этихъ душевныхъ волненій не слѣдуетъ стыдиться, такъ какъ они должны быть пріятны Господу».

Въ Петербургѣ, по примѣру Москвы, также начались нескончаемыя празднества: смотры, парады, приемы, балы, катанье по островамъ, посѣщенія институтовъ. По словамъ Александры Ѳеодоровны, «послѣднія заняли много времени, такъ какъ императрицѣ доставляло удовольствіе показывать ихъ медленно и обстоятельно, останавливаясь на каждомъ шагу, чтобы объяснить королю что и почему. Она шла подъ руку съ моимъ отцомъ, императрица Елисавета Алексѣевна съ наслѣднымъ принцемъ, а я обыкновенно доставалась на долю императора, который казался въ восторгѣ отъ этого и говорилъ по этому поводу тысячу пріятныхъ, любезныхъ и лестныхъ для меня вещей, приводившихъ меня въ самое прекрасное настроеніе. Вдругъ во время этихъ празднествъ и удовольствій, въ одинъ прекрасный день, мой Николай захворалъ послѣ парада и возвратился домой дрожа отъ лихорадки, блѣдный, весь позеленѣвшій, почти совершенно обезсиленный. Я испугалась; его уложили въ кровать, и на слѣдующій день обнаружилась корь. Болѣзнь была довольно легкая и шла обыкновеннымъ путемъ. Я ухаживала, за нимъ, но, однако, время отъ времени появлялась на празднествахъ.

«Петергофскій праздникъ, справлявшійся всегда 22-го іюля, былъ отпразднованъ въ этомъ году 1-го іюля, по случаю пребывания короля, моего отца... Прошло еще нѣсколько дней, и мой отецъ покинулъ насъ; мы провозжали его до Гатчины... Едва возвратившись въ Аничковъ

дворецъ, у меня оказалась корь... Нашего малютку удалили; онъ жилъ въ Таврическомъ дворцѣ, подъ покровительствомъ императрицы-матери».

Наслѣдный принцъ прусскій пробылъ еще въ Петербургѣ до 24-го іюля (5-го августа).

Петербургъ вскорѣ опустѣлъ. 27-го августа (8-го сентября) императоръ Александръ отправился на конгрессъ въ Ахенъ. Обѣ императрицы также выѣхали за границу, такъ что великій князь Николай Павловичъ съ супругою оставались до конца года единственными представителями царской семьи въ столицѣ. До сихъ поръ Николай Павловичъ занималъ только должность генераль-инспектора по инженерной части; приказомъ отъ 27-го іюля 1818 года, онъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи (полки л.-гв. Измайловскій и Егерскій). Эту скромную должность великій князь Николай Павловичъ занималъ до 1825 года.

Согласно данной великокняжеской четѣ инструкціи, что дѣлать въ праздничные дни, Николай Павловичъ съ супругою присутствовали, 30-го августа, на торжественномъ богослуженіи въ Невской Лаврѣ, въ день тезоименитства императора Александра. «Это было настоящее испытаніе для меня, бѣдной женщины, всю жизнь не имѣвшей достаточно силъ для того, чтобы стоять во время церковныхъ церемоній; помню, что я испугалась, смотря на себя, по возвращеніи съ этого утомительнаго выѣзда! Волосы мои, которые были завиты, совсѣмъ распустились; я была блѣдна, какъ мертвецъ, и вовсе не интересна въ моемъ розовомъ глазетовомъ платьѣ, съ кокошникомъ, шитымъ серебромъ на головѣ».

Теперь, послѣ всѣхъ путешествій и отъѣзда большаго двора за границу, великій князь Николай Павловичъ могъ, наконецъ, предаться радостямъ тихой семейной жизни въ Аничковскомъ дворцѣ—жизни, къ которой онъ давно уже стремился и не переставалъ мечтать. Надежды его осуществились въ полной мѣрѣ, и онъ имѣлъ справедливое основаніе сказать своей супругѣ:

— Если кто-нибудь спросить, въ какомъ уголкѣ міра скрывается истинное счастье, сдѣлай одолженіе, пошли его въ аничковскій рай.

По словамъ Жуковского, опредѣленнаго къ молодой великой княгинѣ преподавателемъ русскаго языка, ничего не могло быть трогательнѣе, какъ видѣть великаго князя въ домашнемъ быту. Лишь только переступалъ онъ къ себѣ за порогъ, какъ угрюмость вдругъ исчезала, уступая мѣсто не улыбкамъ, а громкому радостному смѣху, откровеннымъ рѣчамъ и самому ласковому обхожденію съ окружающими.

Императрица Марія Ѳеодоровна разрѣшила Николаю Павловичу провести нѣсколько дней для охоты въ Гатчинѣ. Онъ съ радостью вос-

пользовался этимъ позволеніемъ и провелъ здѣсь нѣсколько дней въ самомъ тѣсномъ избранномъ кругу. «Всѣ были веселы, любезны, каждый по-своему и разговорчивы; всѣ разошлись довольные другъ другомъ», пишетъ Александра Θεодоровна.

Въ городѣ сезонъ баловъ начался рано и былъ открытъ баломъ въ Аничковскомъ дворцѣ 30-го октября. По разсказу Александры Θεодоровны, «это было событіе для нашего Аничковского дворца, такъ какъ намъ предстояло въ первый разъ принимать у себя петербургское общество и меня увидѣли впервые исполняющей обязанности хозяйки дома! Къ намъ отнеслись снисходительно; очень хвалили нашъ балъ, нашъ ужинъ, нашу привѣтливость и подобнымъ поощреніемъ возбуждали въ насъ желаніе принимать и веселить общество у себя. Когда человѣкъ молодъ и красивъ, когда сама любишь танцовать, легко всѣмъ угодить безъ особенныхъ усилій».

22-го декабря 1818 года (3-го января 1819 года) императоръ Александръ возвратился изъ-за границы въ Царское Село. 25-го декабря состоялся большой выходъ въ Зимнемъ дворцѣ, и въ тотъ же день императоръ Александръ обѣдалъ у Николая Павловича въ Аничковскомъ дворцѣ. «Государь», по свидѣтельству Александры Θεодоровны, «былъ братски добръ къ Николаю и ко мнѣ; онъ заходилъ къ намъ довольно часто по утрамъ, и его политическіе разговоры были въ высшей степени любопытны».

Императрица Марія Θεодоровна возвратилась въ Петербургъ изъ заграничнаго путешествія наканунѣ новаго года, что ей однако не помѣшало быть на выходѣ и въ церкви 1-го января. «Она признавалась, что чувствуетъ себя нѣсколько утомленною», пишетъ Александра Θεодоровна, «но ей никогда не дѣлалось дурно», какъ намъ, бѣднымъ слабымъ женщинамъ.

Разочитывали веселиться зимою, какъ внезапная кончина королевы Виртембергской Екатерины Павловны повергла все царское семейство въ горе и трауръ. Императоръ Александръ былъ крайне опечаленъ потерю любимой сестры.

VI.

12-го (25-го) іюля 1819 года, императоръ Александръ присутствовалъ въ Красномъ Селѣ на линейномъ ученіи 2-й бригады 1-й гвардейской дивизіи, которою командовалъ великій князь Николай Павловичъ. Государь остался доволенъ войсками и былъ чрезвычайно милостивъ къ

своему брату. Послѣ ученія императоръ съ братомъ и великой княгиней Александрой Θεодоровной обѣдали втроемъ.

Обѣдъ сопровождался разговоромъ, получившимъ историческое значеніе.

По разсказу Александры Θεодоровны, императоръ Александръ, сидя послѣ обѣда между ними и дружески бесѣдуя, вдругъ перемѣнилъ тонъ и, сдѣлавшись весьма серьезнымъ, началъ въ слѣдующихъ приблизительно выраженіяхъ говорить своимъ слушателямъ, что онъ остался доволенъ утромъ тѣмъ, какъ братъ исполняетъ свои обязанности, какъ начальника бригады, что онъ вдвойнѣ обрадованъ такимъ отношеніемъ къ службѣ со стороны Николая, такъ какъ на немъ будетъ лежать современемъ большое бремя, что онъ смотритъ на него какъ на своего замѣстителя (remplacant) и что это должно совершиться ранѣе, чѣмъ предполагають, а именно еще при жизни его, императора. «Мы сидѣли какъ окаменѣлыя, широко раскрывъ глаза, не будучи въ состояніи произнести ни слова. Государь продолжалъ: «кажется, вы удивлены; такъ знайте же, что мой братъ Константинъ, который никогда не заботился о престолѣ, рѣшилъ нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, формально отказаться отъ него, передавъ свои права брату своему Николаю и его потомству. Что же касается меня, то я рѣшилъ отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждается въ монархахъ молодыхъ и обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться въ-время. Я полагаю, что то же самое сдѣлаетъ король прусскій, назначивъ на свое мѣсто Фрица».

«Видя, что мы были готовы разрыдаться, онъ постарался утѣшить насъ, успокоить, сказавъ, что все это случится не тотчасъ, что, можетъ быть, пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ прежде, нежели онъ приведетъ въ исполненіе свой планъ; затѣмъ онъ оставилъ насъ однихъ. Можно себѣ представить, въ какомъ мы были состояніи. Никогда ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову даже во снѣ. Насъ точно громомъ поразило; будущее казалось мнѣ мрачнымъ и недоступнымъ для счастья. Это былъ достопамятный моментъ въ нашей жизни».

Не смотря на этотъ разговоръ, служебное положеніе великаго князя Николая Павловича нисколько не измѣнилось и въ послѣдующіе годы; онъ продолжалъ съ обычнымъ рвеніемъ исполнять свои скромныя обязанности бригаднаго командира и по-прежнему находился въ сторонѣ отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ ¹⁾.

¹⁾ Въ рукописномъ журналѣ Михайловскаго-Данилевскаго за 1819 годъ есть одно довольно странное указаніе. Онъ пишетъ: „Съ 1819 года великій князь Николай Павловичъ началъ присутствовать въ кабинетѣ императора Александра, при всѣхъ докладахъ военныхъ и гражданскихъ“.

Нѣсколько большая сфера дѣятельности открывалась Николаю Павловичу, какъ генераль-инспектору по инженерной части,—должность, которая въ сущности плохо согласовалась съ званіемъ бригаднаго командира, въ которомъ будущій замѣститель (remplaçant) императора Александра пробылъ почти восемь лѣтъ. Безспорно, подобное распоряженіе представляетъ собою довольно оригинальный способъ приготовления къ царственному поприщу избраннаго наслѣдника престола.

Николай Павловичъ, при всей своей безпритязательности, самъ тяготился своимъ служебнымъ положеніемъ, какъ видно изъ разсказа, записаннаго княземъ А. С. Меншиковымъ въ дневникѣ за 1823 годъ, отъ 15-го ноября. Генераль-адъютантъ А. Ѳ. Орловъ, въ разговорѣ съ великимъ княземъ, сказалъ, что ему желательно отдѣлаться отъ командованія бригадой; Николай Павловичъ, покраснѣвъ, воскликнулъ: «Ты Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, а я Николай Павловичъ, между нами есть разница и ежели тебѣ тошна бригада, каково же мнѣ командовать бригадою, имѣя подъ своимъ начальствомъ инженерный корпусъ съ правомъ утверждать уголовные приговоры до полковника».

Дѣятельность Николая Павловича какъ генераль-инспектора была во всѣхъ отношеніяхъ блестящая и благотворная; она принесла великую пользу государству, вызвавъ къ жизни русскій инженерный корпусъ. Для достиженія этой цѣли великій князь призналъ необходимымъ безотлагательно учредить специальное инженерное училище. Это важное государственное дѣло осуществилось 24-го ноября 1819 года, когда императоръ Александръ утвердилъ докладъ генераль-инспектора объ учрежденіи Главнаго инженернаго училища съ кондукторскими и офицерскими классами. Начальникомъ училища великій князь избралъ графа Егора Карловича Сиверса. Торжественное открытіе училища послѣдовало 16-го марта 1820 года; оно было помѣщено въ зданіи бывшаго Михайловскаго замка, названнаго Инженернымъ замкомъ¹⁾.

Еще другое училище, также военное, хотя и не специальное, обязано было своимъ возникновеніемъ просвѣщенной заботливости Николая Павловича.

Когда великій князь съ гвардіею находился въ 1822 году, въ Вильнѣ, онъ обратилъ вниманіе на то, что молодые люди, поступающіе въ гвардейскіе подпрапорщики, оказывались совершенно несвѣдущими

Эти слова Данилевскаго не подтверждаются никакими другими современными свидѣтельствами; Николай Павловичъ въ своихъ запискахъ также не упоминаетъ объ этомъ обстоятельстве, которое онъ едва-ли обошелъ бы молчаніемъ.

¹⁾ До окончательнаго приспособленія покоевъ инженернаго замка для своего новаго предназначенія, училище помѣщалось въ одномъ изъ такъ называемыхъ павильоновъ.

въ военныхъ наукахъ. Желая отстранить этотъ недостатокъ, онъ повелѣлъ собрать подпрапорщиковъ 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи въ бригадную квартиру и организовалъ соответственное ихъ обученіе подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ. Этотъ опытъ привелъ къ тому, что, по возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, великій князь представилъ проектъ объ учрежденіи постоянной Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, утвержденный императоромъ Александромъ 9-го мая 1823 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь повелѣлъ состоять этой школѣ подъ главнымъ надзоромъ великаго князя Николая Павловича.

Лѣтомъ 1819 года возвратился изъ заграничнаго путешествія великій князь Михаилъ Павловичъ, а вмѣстѣ съ нимъ появился въ Петербургѣ и генералъ Паскевичъ. Онъ не вступилъ, однако, въ командованіе данной ему еще въ 1818 году, 2-й гвардейской пѣхотной дивизіею, которая была ввѣрена генералъ-майору барону Вистрому. Паскевичу же, вмѣсто самостоятельнаго командованія, повелѣно было состоять при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, такъ какъ императрица Марія Ѳеодоровна опасалась оставить своего сына безъ опытнаго руководителя. Михаилъ Павловичъ вступилъ тогда въ командованіе 1-й бригадою 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Только 11-го мая 1821 года, генералъ Паскевичъ освободился, наконецъ, отъ своего неопредѣленнаго положенія негласнаго совѣтника и руководителя совершеннолѣтняго великаго князя, получивъ начальство надъ 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею. Съ этого времени Ивану Ѳеодоровичу Паскевичу суждено было сдѣлаться «отцомъ-командиромъ» великаго князя Николая Павловича.

Въ апрѣлѣ 1821 года, императоръ Александръ повелѣлъ войскамъ гвардейскаго корпуса выступить въ походъ къ Вильнѣ; они расположились въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Въ сентябрѣ государь предполагалъ произвести гвардіи смотръ и маневры. Для этой цѣли войска сосредоточились къ Бѣшенковичамъ. Во время царскихъ смотровъ оба великіе князья принимали дѣятельное участіе въ упражненіяхъ своихъ бригадъ ¹⁾. Государь остался доволенъ гвардіею, но не разрѣшилъ ей возвратиться въ Петербургъ; соображенія политическаго свойства, связанныя съ воспоминаніемъ о семеновской исторіи 1820 года, побу-

---

¹⁾ Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Витебскъ 12-го (24-го) сентября 1821 года, а великій князь Николай Павловичъ, послѣдовалъ за государемъ 13-го сентября. Замѣтимъ здѣсь, что Николай Павловичъ возвратился изъ-за границы 10-го (22-го) сентября, послѣ почти годичнаго отсутствія изъ Россіи съ великою княгинею Александрой Ѳеодоровною.

дили императора Александра продлить еще опалу гвардіи, удержавъ ее вдали отъ столицы. Въ связи съ этими соображеніями находилось также послѣдовавшее тогда увольненіе генераль-адъютанта Васильчикова отъ командованія гвардейскимъ корпусомъ; онъ былъ замѣненъ генераль-адъютантомъ Ѡ. П. Уваровымъ, который однако остался въ Петербургѣ, почему генераль Паскевичъ, какъ старшій, вступилъ въ командованіе гвардіею. Тогда, въ свою очередь, Паскевичъ предложилъ великому князю Николаю Павловичу вступить въ командованіе 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею. Паскевичъ расположился въ Минскѣ, а Николай Павловичъ поселился въ Вильнѣ.

Время командованія здѣсь Николая Павловича ознаменовано было неприятною исторіею съ офицерами л.-гв. Егерскаго полка, вызванною требовательностью и рѣзкостью выговоровъ со стороны великаго князя. Паскевичъ немедленно поскакалъ въ Вильну, чтобы разобрать дѣло; по его совѣту, Николай Павловичъ отправился въ Петербургъ, для личнаго доклада случившагося дѣла государю. Все обошлось, сравнительно, довольно благополучно, переводомъ въ армию нѣсколькихъ офицеровъ тѣми же чинами.

Весною гвардія начала готовиться къ новому царскому смотру. Въ Вильну явился наконецъ генераль-адъютантъ Уваровъ, и великій князь Николай Павловичъ снова вступилъ въ управленіе своей бригадою. Начальство принялось усердно учить войска, и труды ихъ увѣнчались успѣхомъ; 22-го мая 1822 года состоялся парадъ въ Вильнѣ, въ присутствіи императора Александра, а затѣмъ гвардія выступила въ обратный походъ въ Петербургъ.

Здѣсь гвардейская служба пошла обычнымъ порядкомъ, при чемъ генералу Паскевичу представился не разъ случай сдерживать чрезмѣрное усердіе своего бригаднаго начальника. Паскевичъ по-прежнему не сочувствовалъ господствовавшей тогда утонченности маршировки и выправки войскъ и въ своихъ отрывочныхъ замѣткахъ пишетъ: «Регулярство въ арміи необходимо, но о немъ можно сказать то, что говорятъ про иныхъ, которые лбы себѣ разбиваютъ Богу молясь. Оно хорошо только въ мѣру, а градусъ этой мѣры—знаніе войны, указываетъ, а то изъ регулярства выходитъ акробатство. Не разъ возвращаясь съ плаца, мнѣ приходило желаніе все бросить и въ отставку вполне предаться семейной жизни; но я почувствовалъ, что скоро понадобится для серьезнаго дѣла. Россія, я тогда понималъ, безъ войны и скорой войны не обойдется. Волненіе въ Греціи—это начало разложенія Турецкой имперіи. Безъ войны и турки изъ Европы не уйдутъ, и европейцы ихъ не пустятъ, — слѣдовательно, быть войнѣ. Вотъ почему я рѣшился все терпѣть и выжидать свое время»¹⁾.

¹⁾ Князь Щербатовъ: Генер.-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, т. 1-й, стр. 376.

Это время приближалось и наступало быстрѣе, чѣмъ предполагалъ тогда Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ.

12-го (24-го) февраля 1825 года, Паскевичъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ, а 27-го числа того же мѣсяца (11-го марта) командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса. Паскевичъ переселился въ Митаву, а великій князь Николай Павловичъ сдѣланъ былъ наконецъ начальникомъ дивизіи.

Н. К. Шильдеръ.

Выговоръ Императора Павла I Генераль-Аудиторіату.

1.

Изъ критеріа держаннаго при гарнизонномъ генерала-маіора князя Долгорукова полку.

Упоминаемаго полка подпоручикъ Шубинъ сужденъ по всевысочайшему вашему императорскаго величества повелѣнію въ нижеслѣдующихъ преступленіяхъ: 1) во время стоянія ево Шубина въ караулѣ былъ пьянъ, съ проходящихъ людей срывалъ шляпы и безъ всякой причины билъ обывателей. 2) когда за сіи поступки велѣно было ево Шубина съ караула смѣнить, то онъ Шубинъ, не имѣя о семъ письменнаго приказа, присланнаго для смѣны ево прапорщика Шалимова до того не допустилъ и, наконецъ, 3) когда дежурный маіоръ Орловской приказалъ взять ево Шубина подъ арестъ, то противъ посланныхъ обнажилъ онъ шпагу.

Подпоручикъ Шубинъ въ судѣ показалъ, что онъ во время стоянія его въ караулѣ пьянъ не былъ, съ проходящихъ же въ нѣмецкомъ платьѣ людей круглыя шляпы снималъ, соображаясь съ высочайшимъ отъ вашего императорскаго величества о не ношеніи таковыхъ шляпъ воспрещеніемъ, которыя и обратно тѣмъ людямъ возвращалъ. Пришедшаго для смѣны ево прапорщика Шалимова не допустилъ до того потому, что онъ ему никакого о томъ

По сентенціи приговорено: онаго Шубина по силѣ указа 775-го года апрѣля 28-го дня, воинскаго сухопутнаго устава 36-го, 41-го, 43-го и морскаго устава же 30-го артикуловъ и дворянской грамоты 6-й статьи лиша чиновъ и дворянскаго достоинства, казнить смертію, аркибузировать. Которой и содержится на гоубтвахтѣ скованный.

Генераль - лейтенантъ Воеводской уважая молодая онаго Шубина лѣта, мнѣніемъ полагаетъ, чтобъ ево яко недостойнаго быть въ службѣ изъ оной исключить.

письменнаго повелѣнія не объявилъ, шпаги же ни противъ кого онъ Шубинъ не обнажалъ.

Во всѣхъ сихъ преступленіяхъ изобличаютъ его Шубина пять человекъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Сверхъ сего присланные въ судъ разнаго званія четыре человека утвердили, что подпоручикъ Шубинъ при снятіи съ нихъ круглыхъ шляпъ былъ пьянъ и мѣщанина Рыжинова билъ изъ своихъ рукъ. Сей мѣщанинъ за отлучкою его по своимъ надобностямъ не спрашиванъ; по призывѣ же онаго Шубина въ военный судъ, для очной съ учащими его людьми ставки усмотрѣнъ онъ пьянымъ, былъ въ безобразномъ видѣ и имѣлъ оцарапанное лицо.

Въ службѣ онъ Шубинъ состоитъ съ 1789-го года изъ дворянъ, въ настоящемъ чинѣ съ 1798-го года, въ походахъ и дѣйствительныхъ сраженіяхъ находился, въ штрафахъ не бывалъ, отъ роду ему 27 лѣтъ.

Генераль-аудиторъ, князь Иванъ Шаховской.

Октября 20-го дня 1798 г.

2.

Записка генераль-адъютанта Ливена князю Шаховскому.

26-го октября 1798 г.

Государь императоръ соизволилъ указать возвратить къ вашему сіятельству приложенной при семъ судъ, произведенной гарнизоннаго князя Долгорукаго полка, надъ подпоручикомъ Шубинымъ за несправедливое обвиненіе въ поступкахъ его, которые его величествомъ найдены достойными похвалы.

3.

Высочайшій приказъ 26-го октября 1798 года.

«Его императорское величество дѣлаетъ выговоръ Генераль-Аудиториату за пустое обвиненіе гарнизоннаго князя Долгорукова полка подпоручика Шубина, коего поступокъ его величество похваляетъ».

Сообщ. Профессоръ Лузановъ.

Воспоминанія протоіеря І. І. Базарова.

IX ¹).

Графъ Путятинъ въ Стутгартѣ.—Студенческіе безпорядки въ Петербургѣ.—Характеристика духовенства, сдѣланная самими духовными лицами.—Вопросъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній.—Вечеръ въ Думѣ въ пользу бѣдныхъ литераторовъ и музыкантовъ.—Рѣчь Павлова: „Тысячелѣтіе Россіи“.—Князь Гр. М. Щербатовъ.—Священ. Ключаревъ и его журналъ „Душеполезное чтеніе“.—Священ. Гумилевскій.—Н. И. Пироговъ.—Поѣздка въ Петербургъ.

Въ зиму 1861—1862 года въ Канштатѣ, близъ Стутгарта, поселился на долгое время графъ Е. В. Путятинъ. Послѣ исторіи съ матрикулами онъ долженъ былъ оставить свой министерскій постъ, на которомъ онъ былъ замѣненъ Головиннымъ, и уѣхалъ за границу. Еще осенью 1861 года онъ прибылъ въ Стутгартъ, чтобы приискать квартиру для своего семейства, и явился ко мнѣ. Странно было это явленіе. Мнѣ докладываютъ, что какой-то бѣдный человѣкъ желаетъ меня видѣть. Привыкнувъ къ подобнымъ явленіямъ, я даже не поспѣшилъ выйти къ обычному для меня просителю. Наконецъ, выхожу и вижу: въ корридорѣ стоитъ, прижавшись къ двери, человѣкъ въ поношенномъ пальто съ шерстянымъ шарфомъ на шеѣ и съ непокрытою головою. Обратившись къ нему съ вопросомъ по-нѣмецки, я къ своему изумленію узналъ передъ собою того самаго графа Путятина, у котораго я недавно былъ въ Петербургѣ просителемъ въ его министерской квартирѣ. Такъ много было смиренія и самоуничженія у этого замѣчательнаго человѣка, изъ

¹) См. „Русскую Старину“ июль 1901 г.

простыхъ мелкихъ дворянъ достигшаго своими трудами и самоотверженіемъ на службѣ до графскаго достоинства и министерскаго портфеля. Помогши графу найти требовавшуюся для него квартиру, — а ему понадобился цѣлый домъ для его большого семейства, — я разстался съ нимъ въ надеждѣ увидѣться и познакомиться съ его семействомъ черезъ нѣсколько недѣль, когда нанятая квартира будетъ устроена на зиму, въ ожиданіи чего графъ Путятинъ отправился въ Гейдельбергъ. Но не прошло и трехъ дней, какъ онъ является ко мнѣ снова блѣдный, разстроенный, съ трясущимися губами. Что случилось? Въ Гейдельбергѣ въ это время собралось множество русскихъ студентовъ, особенно изъ участвовавшихъ въ безпорядкахъ, бывшихъ при графѣ Путятинѣ. Вотъ эти-то господа, узнавъ о прибытіи его въ Гейдельбергъ, вздумали устоять ему тамъ Katzenmusik. Подговоривъ, конечно, для этого и сочувствовавшихъ имъ Commilitiones изъ иностранцевъ, они собрались большою толпою передъ гостиницею, въ которой остановились Путятинны, и начали бросать въ окна гнилыя яблоки и картофель съ неистовыми криками regeat, сопровождаемыми завываніями по-кошачьи и по-собачьи. Конечно, скандалъ этотъ былъ прекращенъ мѣстною полиціею, но графъ Путятинъ былъ такъ напуганъ этимъ, что онъ пріѣхалъ спросить у меня совѣта, не опасно ли ему будетъ поселиться въ Канштатѣ въ такой близости отъ Гейдельберга—всего въ 3-хъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ? Я, конечно, его успокоилъ, объяснивъ, что это была только демонстрація буйной молодежи противъ его официального положенія, а не покушеніе на его личность, и что студенты въ Германіи не имѣютъ привычки дѣлать подобныя демонстраціи внѣ университетскихъ городовъ, и потому онъ можетъ быть совершенно безопасенъ въ Канштатѣ. Послушавшись моего совѣта, онъ не возвращался болѣе въ Гейдельбергъ, а выписалъ скоро оттуда свое семейство. Обласканные великою княгинею Ольгою Николаевною и принятые любезно какъ посольствомъ, такъ и русскими, проживавшими въ Стутгартѣ и Канштатѣ, Путятинны скоро вздохнули спокойно на новомъ мѣстожителствѣ и остались въ немъ надолго.

Въ это время въ Россіи, особенно въ Петербургѣ происходило броженіе умовъ и поразительные безпорядки, особенно среди юношества. Имѣя старшаго сына въ Петербургской семинаріи, я получалъ отъ него свѣжія извѣстія обо всемъ происходившемъ вокругъ и около него. Такъ въ январѣ 1862 года онъ между прочимъ писалъ мнѣ: «А въ семинаріи нашей теперь происходятъ странныя дѣла. На Рождествѣ, какъ вы уже знаете, было исключено около 50 человекъ и между ними одинъ П—овъ. Но у него есть дядя въ Синодѣ, и этотъ дядя пожаловался кому слѣдуетъ, вслѣдствіе чего П—овъ былъ опять принятъ. Вчера, говорятъ, митрополитъ далъ

инспектору сильный нагоняй за беспорядки въ семинаріи и за распущенность воспитанниковъ. Поэтому онъ воротился въ ужасно раздраженномъ состояніи и пошелъ прямо въ занятые классы. Это было около 6 часовъ вечера. Подошедъ къ одному и видя, что читаетъ «Современникъ», сталъ бранить его, зачѣмъ онъ читаетъ такія глупости. Въ это время вбѣгаетъ другой воспитанникъ также съ «Современникомъ» въ рукахъ. На него и напалъ инспекторъ: Гдѣ ты былъ? что дѣлалъ? да какъ смѣешь?—Тотъ несчастный сробѣлъ и старался найти какое-нибудь извиненіе, но по своему обыкновенію только заикался и не могъ ничего выговорить. Тутъ инспекторъ размахнулся и влѣпилъ ему двѣ пощечины и затѣмъ поставилъ его на колѣни».—Этотъ фактъ пощечины монахомъ духовному воспитаннику такъ возмущилъ меня, такъ поднялъ со дна души моей всѣ передуманныя думы о плачевномъ состояніи родной церкви, что я принялся опять писать съ негодованіемъ и энергіею противъ закоснѣлой старинны бурсы и Домостроя. По этому поводу я писалъ и къ Бажанову, и къ Урусову, и И. В. Рождественскому. Бажановъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ довелъ до свѣдѣнія митрополита объ этомъ грубомъ поступкѣ, и тотъ обѣщаль ему удалить инспектора семинаріи, назначивъ его ректоромъ въ какую-то другую семинарію.

Но самымъ горячимъ сочувствіемъ отозвался на мои сѣтованія мой дядюшка-пессимистъ, И. В. Рождественскій. Вотъ его письмо ко мнѣ:

9-го марта 1862 года. С.-Петербургъ.

«Любезный и почтенный Иванъ Ивановичъ. Письмо ваше, на дняхъ полученное, произвело на меня сильную тревогу. Хотя я не воспиталь ни одного изъ своихъ дѣтей, но отцомъ былъ, и забота мѣ родителямъ сочувствовать умѣю. Поэтому мнѣ понятно ваше негодованіе на педагоговъ нашего мелководнаго и мутнаго Обводнаго канала, понятно ваше опасеніе за сына, который, живя въ вашемъ домѣ до 15-ти-лѣтняго возраста, видалъ много четвероногихъ, а о пощечинахъ, вѣроятно, и въ сказкахъ не читывалъ; понятна ваша заботливость обо всемъ духовномъ юношествѣ, которому назначена, можетъ быть, иная судьба, чѣмъ наша, и которое чѣмъ раньше мы облагородили бы, тѣмъ вѣрнѣе могли бы достигаться и великія цѣли государственнаго преобразованія; понятно, наконецъ, и ваше рвеніе—вернуть наше сословіе бѣлою стороною на лицо... Когда могъ и какъ умѣлъ, я всегда выражалъ и выражаю предъ всѣми свои мнѣнія въ вашемъ духѣ, можетъ быть, даже менѣе благо-разумно, чѣмъ какъ слѣдовало бы въ моемъ скромномъ положеніи. И не я одинъ здѣсь раздѣляю вашу образъ мыслей; за лучшими стремленіями вѣка слѣдятъ нѣкоторые, особенно изъ людей нестарыхъ (слишкомъ молодыхъ я мало знаю). Кажется, есть уже кое-какіе зачатки и добрыхъ

*

плодовъ на нашей запущенной нивѣ. Но—какъ скоро сорвалось съ языка слово нива, неволью приходится мнѣ охлаждать ваши пылкія желанія и если не спорить съ вами, то по крайней мѣрѣ не во всемъ соглашаться. Извѣстенъ простой и непреложный законъ: чѣмъ больше и глубже испорчена почва, тѣмъ медленнѣе и труднѣе поправляется. Какой-нибудь одинъ чертополохъ легко вырвать съ корнемъ и одною рукою. Но когда этимъ плодовитымъ снадобьемъ пропитаны цѣлые милліоны квадратныхъ верстъ,—что вы сдѣлаете въ какія-нибудь пять—шесть лѣтъ, съ нѣсколькими сотнями рабочихъ рукъ, да еще такихъ, изъ которыхъ многія покрыты мозолями отъ подписыванія пустыхъ бумагъ, другія съ слабыми мускулами отъ изнѣженнаго воспитанія, третьи—съ кривыми пальцами отъ кривыхъ дѣлъ? Васъ возмущаетъ мысль, какимъ образомъ въ нынѣшнее время, въ Петербургѣ, въ образцовомъ училищѣ, явился такой педагогъ, которому прилично было бы процвѣтать только въ эпоху Беркаевъ, Тохтамышей, Батыевъ и другихъ знаменитыхъ хановъ Золотой орды? Согласенъ, что возмутительно, но какъ же и не быть такому явленію, когда этотъ педагогъ принадлежитъ еще къ тому поколѣнію, въ которомъ многіе и на свѣтъ поторопились явиться потому больше, что кулаки дражайшихъ родителей вытѣснили ихъ изъ утробы матерней? Вамъ кажется, что этого варвара сегодня же надо судить, осудить, выбросить вонъ. Хорошо, но кто его станетъ судить? Разумѣется, старшіе. А эти старшіе, лѣтъ десять назадъ, сами были точно такими же педагогами, и потомъ, сдѣлавшись старшими, повторяли привычную расправу уже не надъ школьниками, а надъ посѣдлыми служителями алтаря Господня. Но положимъ, что судить другихъ легче, чѣмъ себя; этого осудили, выбросили; кѣмъ же замѣнить его? По-вашему бѣлымъ. И мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы этого, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайнему моему разумѣнію, признаюсь вамъ, что въ большинствѣ случаевъ такая замѣна, въ настоящую пору, была бы едва-ли лучше, а иногда, вѣроятно, еще хуже. Не удивляйтесь, и въ насъ течетъ та же испорченная кровь отцовъ и дѣдовъ. Если служба не приучаетъ насъ къ деспотизму, а семейная жизнь—къ безчувственности,—это не значитъ еще, что мы неспособны быть деспотами и жестокосердыми. И вы, и я хорошо знаемъ одного представителя нашего сословія, который, будучи не архіереемъ и отцомъ большой семьи, въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ съ самою строгою систематическою послѣдовательностью отстаивалъ всѣ деспотическія мѣры, даже вопреки инымъ архіереямъ, и съ дѣтьми своими всегда обращался такъ дурно, какъ немногіе монахи-инспекторы семинарій. Отчего это? Конечно, не отъ одного личнаго характера, потому что это явленіе не одинаковое у насъ. Знаете ли вы, хотя по слухамъ, нашихъ архіереевъ изъ вдовыхъ священниковъ? Исключите изъ нихъ

одного Иннокентія Камчатскаго и затѣмъ — всѣхъ Наваинаиловъ, Александровъ, Христофоровъ и пр., сравнивайте съ какимъ угодно Варлаамомъ, Иустиниомъ и др.,—не порадуется за бѣлое духовенство. Мнѣ довольно близко извѣстны всѣ лучшіе протоіереи и священники Петербурга; но если бы кто предложилъ выбрать изъ нихъ по совѣсти не только архіерея, а хоть бы ректора семинаріи,—право, я задумался бы серьезно. Многіе хорошіе люди хороши именно только для своихъ мѣстъ: исправно совершаютъ десятки лѣтъ стереотипные уроки о потопѣ, о возвращеніи изъ плѣна, о богатомъ и Лазарѣ, о разныхъ членахъ, прошеніяхъ, заповѣдяхъ, говорятъ изрѣдка длинныя проповѣди, толкуютъ съ грѣхомъ пополамъ въ свѣтскомъ обществѣ о назидательныхъ предметахъ, вѣжливо принимаютъ и провожаютъ входящихъ къ нимъ, радушно здороваются и прощаются съ своими Лизами, Петями, Вѣрочками,—и только. Зато на обратной сторонѣ медали у нихъ: отсталость отъ книжнаго дѣла, погруженіе во всякія житейскія мелочи и дразги, привычка за каждый шагъ ожидать подачи, склонность чтить каждое благородіе титуломъ боярина, расположеніе кланяться всякому толстому карману, непобѣдимая зависть, а иногда и ненависть ко всякому товарищу, у котораго есть лишніе два-три знакомые погреба, или двѣ-три духовныя дочери и пр. и пр. Ну куда мы годимся съ такими качествами? Вы скажете, ужели же сидѣть сложа руки по уши въ болотѣ и любоваться, какъ коршуны летаютъ вокругъ и ходятъ выклеивать намъ глаза?—Зачѣмъ сидѣть. Но и выскочить изъ болота вдругъ нельзя. Надобно терпѣливо барахтаться на берегъ, пусть не воображаетъ, что болотный иль скоро отстанетъ отъ него, можетъ быть, вонючій запахъ его у этого счастливица останется на весь его вѣкъ, а завидная доля чистоты достанется только его потомкамъ, болѣе или менѣе близкимъ. Это уродливое подобіе опять возвращаетъ мою мысль къ воспитанію. Положимъ, что вамъ удалось бы замѣнить ненавистнаго педагога Обводнаго канала кѣмъ - нибудь болѣе достойнымъ,—скажу для шутки—хотя мою гуманною и довольно опытною особою. Думаете ли вы, что я въ состояніи былъ бы вести всю массу семинаристовъ съ тою же деликатностью, съ какою умѣлъ бы вести вашего сына и немногихъ другихъ? Увѣряю васъ, это рѣшительно невозможно. Гуманность у насъ теперь—любимый конекъ и единственно вѣрная примѣта передовыхъ людей. Шагу не сдѣлаешь, чтобы не наткнуться на нее; печатнаго листа не прочитаешь, чтобы не встрѣтить ее десять разъ. Въ воскресныхъ школахъ всѣхъ уличныхъ ребятишекъ принято величать вы; о розгахъ и пикнуть никто не смѣетъ. Самъ великій Пироговъ, родоначальникъ нашихъ педагогическихъ реформъ, едва не подвергся проклятію на всѣхъ журнальныхъ сборищахъ, когда въ одномъ циркулярѣ своемъ обмолвился, упомянувши, что розги, хоть скверная вещь,

но въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ могутъ быть употребляемы. Такъ вотъ какое вводится у насъ галантерейное обращеніе. А результатъ? Результатъ, покажѣтъ, только тотъ, что ученики учатся мало, а насмѣхаются надъ своими учителями много, нѣкоторыхъ изъ нихъ отрѣпаютъ собственнымъ приговоромъ, другихъ—просто выталкиваютъ изъ классовъ, и—творятъ, что хотять. Университетскія исторіи, конечно, дошли до васъ, хотя въ искаженномъ видѣ. Теперь дѣло подвигается дальше. Вотъ небольшой образчикъ: на первой недѣлѣ нынѣшняго поста, въ церкви одной изъ здѣшнихъ гимназій, когда священникъ читалъ среди церкви великій канонъ, нѣсколько его питомцевъ забрались въ алтарь, выпили бывшее тамъ вино, нарядились въ облаченія, какое кому попало, посадили одного изъ среды себя на престолъ и—воздавали ему поклоненіе. Чтò бы вы сдѣлали, если бы вамъ довелось въ эту минуту войти въ алтарь, въ званіи духовнаго отца и наставника этихъ благородныхъ юношей? Можно прибавить еще, что законоучитель этой гимназіи—одинъ изъ лучшихъ, и по образованію, и по характеру, и по добросовѣстности исполненія своего долга. Что же слѣдуетъ изъ всего этого? спросите вы. По мнѣнію моему, одно изъ двухъ: или нынѣшнее поколѣніе дѣтей не годится еще для гуманнаго обращенія, какъ пропитанное горькимъ наслѣдіемъ отъ своихъ предковъ, или—гуманность не должна исключать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, строгія, даже суровыя мѣры. Путь любви и терпѣливаго убѣжденія, разумѣется, самый лучший—при исправленіи не только дѣтей, но и взрослыхъ; однако же не безъ основанія Англія и Франція, идеалы современной цивилизаціи, доселѣ продолжаютъ сокрушать выи грѣшниковъ пѣтлею и топоромъ. Больно смотрѣть, какъ наша распушенность послѣ деспотизма быстро ведетъ насъ къ деспотизму еще худшему,—къ безумному преобладанію своеволія и къ дерзкому поруганію надъ всякимъ серьезнымъ убѣжденіемъ. Не думайте, пожалуйста, что я защитникъ обскурантизма, оплеухъ, словаря толкучаго рынка, или пошлыхъ личностей, въ какихъ бы онѣ ни были костюмахъ. Нѣтъ, я на сторонѣ всего свѣтлаго и живаго, всякаго прогресса,—но прогресса воздержнаго, устойчиваго и терпѣливаго. Я хотѣлъ только высказать вамъ, что вдругъ намъ переродиться нельзя, безъ особеннаго чуда, что долго еще придется намъ сносить разныя уродливости въ нашемъ быту, что двигаться впередъ надобно обдуманно, не торопясь, безъ вражды между сословіями, безъ неприязни къ убѣжденіямъ, чтобы царство, раздѣлившееся на ся, совсѣмъ не опустѣло. Если я не успѣлъ убѣдить васъ,—увѣрьтесь, по крайней мѣрѣ, изъ этого длиннаго письма, стоившаго мнѣ, при сильномъ головокруженіи, цѣлаго длиннаго утра,—увѣрьтесь въ томъ, что ваши горячія слова я принялъ близко къ сердцу.

«Саша, спасибо ему, бываетъ у меня, хоть изрѣдка. Говорятъ, что онъ учится и ведетъ себя хорошо. Мои дѣла тянутся, какъ и вся жизнь, кое-какъ. Здоровье плохо. Все наскучиваетъ. Часто фантазирую объ отставкѣ, или инвалидномъ домѣ. Михаилу Измайловичу передалъ вашъ поклонъ и показалъ ваше письмо. Искренно васъ любящій и почитающій І. Рождественскій».

Мнѣ приходится изрѣдко заносить въ свои воспоминанія письма ко мнѣ современныхъ дѣятелей. Я дѣлаю это тѣмъ охотнѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ личностей, конечно, будутъ принадлежать исторіи, и будущимъ ихъ біографамъ будетъ очень интересно заглянуть въ ихъ переписку по вопросамъ, занимавшимъ въ ихъ время общество или по крайней мѣрѣ людей мыслящихъ. Вотъ одно изъ такихъ писемъ ко мнѣ изъ Висбадена о. Янышева, нынѣ протопресвитера и духовника ихъ величествъ. Оно писано въ самомъ началѣ 1862 года, въ то время, когда всѣхъ насъ занимала только-что пробудившаяся дѣятельность по нашей богословной литературѣ и когда мы задумывали основать свой собственный журналъ за границею, а пока обрадовались появленію «Духа христіанина» о. Гумилевскаго, которому я особенно сочувствовалъ въ главной его идеѣ, обозначенной самымъ наименованіемъ журнала. Вотъ по этому-то поводу мнѣ и писалъ о. Янышевъ слѣдующее:

«Слова и намѣренія ваши на счетъ «Духа христіанина», идея журнала Василя Петровича съ его программю, возбужденіе меня къ сотрудничеству,—все это такъ электрически дѣйствуетъ на меня и всякій разъ, при подобныхъ возбужденіяхъ, заставляетъ жалѣть, что Висбаденъ—такое суетливое для меня мѣсто служенія и подвижное, не дающее возможности на два дня сосредоточиться въ какихъ-нибудь, того требующихъ, занятіяхъ. Коренныя истины христіанства, въ свѣтѣ ума, науки, исторіи и современной практической жизни, поле привлекательное, но требующее отличнаго знакомства съ исторіею философіи и государственною наукою, зрѣлости и устойчивости собственнаго взгляда и, конечно, проникновенія духомъ этихъ истинъ до раздѣленія души же и духа: иначе это будетъ полемъ логомахи, бездѣйственнаго вліянія на современное и ни на какое другое поколѣніе; это служеніе Богу въ духѣ и истинѣ, требующее своего «освященнаго алтаря», своихъ и большихъ жертвъ и своихъ жрецовъ. Въ качествѣ послѣдняго изъ левитовъ, я отъ души готовъ и общаніемъ, и дѣломъ отвѣчать на вашъ вызовъ; но такъ какъ я вѣрю безусловно и вашей твердости въ принятыхъ намѣреніяхъ, и вашему болѣе опытному, особенно при настоящихъ вашихъ отношеніяхъ къ ученому люду и у себя въ Стутгартѣ, и въ Россіи,—понимаю и нашихъ потребностей, то и прошу идти дѣйствительно впереди насъ, вами приглашаемыхъ, дѣломъ и словомъ, и не оставлять, по крайней мѣрѣ меня, вашимъ совѣтомъ и

поощренієм, особливо потому, что ежедневныя заботы иногда невольно заставляют бросить все, мало-мальски отлагаемое. Съ своей стороны, одно могу на первый раз выставить особенно на видъ будущимъ дѣятелямъ въ пользу церкви,—это то, что современное поколѣніе проникается болѣе и болѣе философіею и, слѣдовательно, требуетъ и отъ насъ философскаго образованія, которое бы чувствовалось въ самой простой, повидимому, и безупречной христіанской статьѣ. Много ли найдется такихъ дѣятелей нашего поколѣнія? Вотъ почему я никогда не вѣрилъ во вліяніе «Странника» на образованное и прогрессивное общество,—признаюсь—боюсь, сомнѣваюсь въ успѣхѣхъ «Духа христіанина», если ему не подмогутъ статьи, въ родѣ статьи о Репловскаго, и сотрудники, въ родѣ Н. Л. Зайцева, которому я очень желаю счастья познакомиться съ Стутгартомъ и который, кажется, внялъ моему совету. Не философское невѣріе намъ, конечно, нужно, но философское развитіе, которымъ такъ сильны люди невѣрующіе, хотя они-то и должны были бы быть немощными предъ «Духомъ христіанина». И законоучители гимназій—даже съ В. П.—мъ во главѣ—не будутъ много полезны собственно невѣрующему поколѣнію, и все оттого, что не будутъ понимать другъ друга. «Православное обозрѣніе» по справедливости выше всѣхъ современныхъ духовныхъ журналовъ относительно современной пользы; но не замѣчали ли и вы, что оно или на переводныхъ статьяхъ выѣзжаетъ, или на оригинальныхъ,—но юнѣйшаго поколѣнія. Гдѣ же надежда?—въ семъ послѣднемъ. А намъ, если хотимъ значить что-нибудь для литературной современности и точно явиться съ «истиннымъ христіанствомъ» на аренѣ свѣта и не уронить его, а поставить на подобающую высоту сравнительно со всѣмъ, что есть на землѣ,—нужно изрыть этотъ свѣтъ въ его, по крайней мѣрѣ, главныхъ направленіяхъ, überwinden ихъ въ себѣ самихъ, и потомъ уже явиться «учителями» на подобіе Единого Учителя. А то вѣдь истины христіанства извѣстны, и исторія догматовъ по-своему объяснена господами литераторами, а съ этимъ и всякая христіанская личность и событіе вѣры—имъ не въ диковину. Изволили ли вы прочитать «Сущность христіанства» Фейербаха въ оригиналѣ или лондонскомъ русскомъ переводѣ? Наука трудно побѣждается и самою наукою, потому что кто же самъ себѣ врагъ? Одна современная психологія губить всякій зародышъ вѣры въ «откровенное христіанство» въ исторіи и въ жизни; какая геркулесовская сила нужна, или лучше — благодать пророка, чтобы двигать горами невѣрія? И западные отцы не совсѣмъ-то успѣваютъ въ этихъ чудесахъ вѣры».

«Съ «Духомъ христіанина» или съ авторомъ его я вошелъ въ тѣсныя сношенія особенно потому, что въ о. Гумилевскомъ я видѣлъ настоящаго піонера по части оживленія нашей церкви. Онъ первый пробудилъ дремавшую дотолѣ нашу іерархію, стараясь направить духовенство

наше на практическую пастырскую дѣятельность. Слишкомъ рыный по характеру, иногда рѣзкій, по молодости, иногда слишкомъ увлекавшійся, онъ съ энергіею и самопожертвованіемъ преслѣдовалъ свои цѣли и наконецъ добился добрыхъ результатовъ, пожертвовавъ, можетъ быть, за это своею жизнью. Издали я старался ему помочь, чѣмъ могъ, не щадя даже совѣтовъ, не всегда ему пріятныхъ. Изъ прилагаемыхъ здѣсь двухъ писемъ его ко мнѣ въ началѣ 1862 года видно, какъ онъ страдалъ за свое дѣло, какъ боролся со встрѣчавшимися ему на пути препятствіями и какъ раздражался противъ иногда только мнимыхъ враговъ своихъ. Вотъ эти два письма его ко мнѣ:

1) «Первое слово—простите. Простите, что поздно и коротко пишу. Изнемогъ среди дѣлъ. Нѣтъ времени,—нѣтъ силъ,—а требуются тысячи силъ для дѣла борьбы и жизни.—Семинарская исторія вѣрна. Не горячитесь. Это зло вездѣ и преслѣдовать оное въ журналѣ въ настоящее время не могу. Все противъ меня,—за меня одни простые люди.—Братство затѣялъ въ Петербургѣ, является братство—въ Черниговѣ. Лучшая награда для меня.—Возстановленіе діакониссъ провозгласилъ и теперь... готовъ умереть. Это слово тоже не замретъ. Жизнь дошла до рѣшенія этого вопроса.—Ваша прекрасная статья, съ которою я вполне, вполне, всѣмъ сердцемъ согласенъ—будетъ помѣщена, вѣроятно, въ майской книжкѣ.—Затѣвайте духовный журналъ за границу—у насъ ничего нельзя теперь сдѣлать. Въ руки взяли,—исходу нѣтъ; но я радъ, что двѣ мои идеи живыя прошли. Больше мнѣ ничего не нужно. Моя приходская воскресная школа въ нынѣшнемъ посту преобразилась вполне въ народную.—Матери съ дѣтьми сидятъ за скамьями и слушаютъ, что я имъ говорю.—Пишу немного. Утомленъ цѣлодневнымъ трудомъ, а завтра вставать надо, служить надо.—Положилъ дорогу къ религіозному роману. Моя «Настасья», или по поправкѣ цензуры «Анастасья», печатается въ числѣ 10.000 экземпляровъ для простаго народа. Наконецъ-то пускаюсь въ народъ съ открытымъ моимъ словомъ. Пусть судятъ меня фарисеи, пусть хоть ссылаютъ меня эти лицемѣры,—мнѣ ничто теперь не страшно. Христосъ со мною—мнѣ ли унывать? Вашъ собратъ св. А. Гумилевскій».

2) «Прежде всего позвольте принести вамъ мою искреннюю благодарность за дѣятельное сочувствіе къ братству, заводимому мною. Теперь это уже не мечта, а дѣло живое, фактъ почти уже свершившійся. Скоро примусь за составленіе устава православнаго братства. Объ немъ уже начинаютъ поговаривать даже и въ свѣтскихъ журналахъ. Помолитесь за успѣхъ этого начинанія, а я теперь примусь уже за дѣло о діакониссахъ. Сочиненіе о діакониссахъ печатается уже на страницахъ нашего журнала, но надобно старое прилагать къ нашему времени. Въ мартовской книжкѣ я дѣлаю первый шагъ къ этому. Что выйдетъ—не

знаю, а говорить надобно. Діакониссы должны быть у насъ непремѣнно. Журнала нашего не запретили. Этимъ мы обязаны владыкѣ нашему. Онъ твердо сталъ за наше дѣло, и теперь мы можемъ трудиться, не опасаясь смерти; а то вѣдь Богъ знаетъ, что ужъ задумали? Поговаривали, что недурно было бы рясы снять съ насъ. Но теперь все, кажется, оставили. Толстой сходитъ съ поля брани; спутникъ его—Аскоченскій, бичующій насъ въ каждомъ номерѣ, тоже прижимаетъ хвостъ,—заря занимается, хотя и много еще темныхъ облаковъ.—Уповаю на Господа. Благодарю васъ за искренній отзывъ о моихъ фельетонахъ. Не вы одни высказываете мнѣ это, многіе бранятъ меня за это и въ печати и въ жизни, а я все-таки хочу держаться легкаго фельетона. Не думайте, чтобы я дѣйствовалъ такъ безъ цѣли, вѣтъ,—это даетъ мнѣ возможность подъ видомъ шутки смѣло высказывать мысли, необходимыя для жизни нашей. Сила отъ этого не только не утрачивается, а удваивается и слова мои обращаются въ дѣла.—Вопросъ о благочинныхъ рѣшенъ уже въ Кіевѣ фактически. Простите, добрый о. протоіерей, болтуна-лѣтописца, глубоко почитающаго васъ священника А. Гумилевскаго».

Гумилевскій подозрѣвалъ въ недоброжелательствѣ къ себѣ ревельскаго епископа Леонтія и по своему обыкновенію рѣзко отзывался объ немъ. Напротивъ того, этотъ епископъ, одинъ изъ немногихъ, принадлежалъ къ молодой партіи и сочувствовалъ ея стремленіямъ. Такъ въ одномъ изъ писемъ своихъ ко мнѣ (отъ 26-го февраля 1862 г.) на мое ходатайство передъ нимъ за журналъ Гумилевскаго, онъ отвѣчалъ слѣдующее:

«Письмо ваше я перечитывалъ не разъ и вполне соглашаюсь съ мыслями вашими; но, къ сожалѣнію, я не могу быть редакторомъ журнала *statu quo*. Правда, наблюденіе главное можно бы взять на себя, но навязываться не хочу. Вамъ извѣстно, что я желалъ давать направленіе «Духу христіанина» и указалъ Гумилевскому то и тѣ; но гг. редакторы взяли за направленіе отрицательное, и въ первыхъ книжкахъ дѣло испортили. Поднялась война; чуть не запретили журналъ; послѣднія книжки осторожили, но все-таки прорывается по мѣстамъ безтактность. Одна изъ причинъ этому то, что нѣтъ одного главнаго редактора. Впрочемъ, журналъ идетъ хорошо по числу подписчиковъ и свою пользу приносить. Въ немъ есть живое слово и есть статьи дѣльныя. Ошибки на первыхъ порахъ неизбѣжны. Мнѣ особенно не понравилась статья «О недостаткахъ вѣры въ русскомъ народѣ» (2-я статья). Раздѣленіе вѣры неосновательно; главная мысль худо обставлена, и анекдоты есть весьма непріятные. Во всякомъ случаѣ нельзя не порадоваться, что духовная журналистика начала разрабатывать вопросы живые, близкіе къ современному быту нашему. «Православное обозрѣніе» и «Труды кіевской академіи» въ этомъ отношеніи идутъ твердо и настойчиво.

«Странникъ» тоже, думаю, получаете. И онъ приноситъ пользу массѣ. Очень я радъ, что у васъ теперь причтъ разумный, пусть работаютъ для общаго блага. О Репловскому передайте мое благословеніе. Его статьи читаются съ удовольствіемъ. Дай Богъ, чтобы съ вашей легкой руки и при другихъ нашихъ заграничныхъ церквахъ были ученые псаломщики. Какъ бы желалось, чтобы вы заняли должность ректора сперва хоть С.-Петербургской семинаріи, а потомъ академіи. Не оставьте этой мысли. Жаль, если запасъ педагогическихъ свѣдѣній останется безъ полнаго приложенія, а педагоговъ у насъ такъ мало. Проектъ преобразования нашихъ духовныхъ училищъ конченъ и представленъ въ Св. Синодъ; теперь хотятъ напечатать его и разослать къ архіереямъ для окончательнаго потомъ рѣшенія. Дѣло опять замедляется, а нужда настоятъ крайняя въ перемѣнѣ стараго. Мы живемъ въ такое время, что прежніе годы дѣятельности считаются нынѣ недѣлями. Подъ-часъ, право, страшно становится».

Вотъ еще одно изъ писемъ ко мнѣ преосвященнаго Леонтія, изъ котораго также видно, что этотъ архипастырь не отставалъ стѣ вѣка:

Мая 7-го, 1862 г.

«Весьма благодаренъ за ваше любезное письмо и за присылку извѣстныхъ листовъ. Хотѣлъ я отвѣчать вамъ съ Горчаковымъ, отправлявшимся въ Стутгартъ на свою должность, но не успѣлъ. Съ вашими мыслями относительно реформы въ нашихъ заведеніяхъ духовно-учебныхъ я согласенъ во многомъ; и, конечно, рано или поздно многое исполнится само собою по естественному теченію дѣлъ. Составленный комитетомъ проектъ о преобразованіи нашихъ учебно-духовныхъ заведеній скоро будетъ напечатанъ и разосланъ извѣстнымъ лицамъ для обсужденія. Конечно, вы будете имѣть экземпляръ; тогда можно судить многостороннѣе. Что касается до меня, то я забочусь о томъ, чтобы какъ-нибудь пріучиться — быть полезнымъ пастыремъ церкви; учоба ушла уже отъ меня — официально, хотя дома я занимаюсь въ свободное время литературой. Къ сожалѣнію, формальность нашего дѣлопроизводства много поглощаетъ драгоцѣннаго времени; впрочемъ, проектъ о сокращеніи переписки и по нашему вѣдомству готовъ; если онъ приведенъ будетъ въ исполненіе Св. Синодомъ, дѣло значительно упростится и механизмъ дѣлопроизводства облегчится. Я читалъ весь проектъ (бралъ у владыки), составленный особымъ комитетомъ, и мнѣ онъ понравился. Потребность преобразования нашихъ духовныхъ заведеній сознается всѣми, и всѣ ждутъ его съ нетерпѣніемъ, но не скоро дождутся. Правда — лучше поздно, чѣмъ никогда, лучше не скоро, да скоро; но люди обыкновенно нетерпѣливы. Главный недостатокъ у насъ въ педагогіи, а она доселѣ не преподается въ нашихъ даже академіяхъ. Хорошо бы написать

какое-либо на первый разъ руководство. Вамъ это довольно удобно; да не скоро можно провести въ печать. Нутка, возьмитесь начертить педагогику.

«Если найдете приличнымъ, передайте мое глубокое почтеніе ея высочеству великой княгинѣ».

Между тѣмъ, въ Петербургѣ въ это время происходила страшная неурядица. Молодежь, взбудораженная новыми реформами, не знала удержу и пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы заявить свой протестъ и неуваженіе къ авторитету власти. Хороши были, впрочемъ, и сами авторитеты, выступавшіе поборниками этого новаго направленія юношества. Вотъ одна изъ картинокъ, хорошо иллюстрирующая тогдашнее время. Заимствую ее изъ письма моего сына ко мнѣ, который былъ личнымъ свидѣтелемъ одной изъ такихъ сценъ. «На прошлой недѣлѣ,— писалъ онъ мнѣ отъ 8-го марта 1862 года,—я былъ на вечерѣ въ пользу бѣдныхъ литераторовъ и музыкантовъ. Меня соблазнило то, что за рубль можно было послушать и повидать всѣ здѣшнія знаменитости, какъ, напримѣръ, Рубинштейна, Венявскаго, Некрасова и т. п. Между прочимъ въ программѣ было показано, что Павловъ будетъ читать «Тысячелѣтіе Россіи». Я думалъ, что это статья изъ мѣсяцеслова, и потому сначала не обращалъ большаго вниманія на его слова; слышалъ только, что онъ говорилъ о началѣ и развитіи цивилизаціи. Но вдругъ онъ вскопчилъ, замахалъ руками и съ сжатыми кулаками закричалъ громкимъ голосомъ, дѣлая сильное удареніе на подчеркнутыхъ словахъ: «Не прельщайтесь блестящею мишурою побѣдъ и триумфовъ. Наше отечество находится въ самомъ жалкомъ положеніи». Тутъ его прервали самыя неистовыя рукоплесканія и самыя бѣшенныя браво. Когда, наконецъ, буря утихла, онъ продолжалъ съ тѣмъ же остервенѣніемъ: «Манифестъ 19-го февраля раздѣлилъ наше настоящее отъ прошлаго бездонною пропастью. Наши администраторы находятся теперь на скользкой стезѣ, и каждый попятный шагъ можетъ низвергнуть ихъ стремглавъ въ эту страшную пропасть, каждый попятный шагъ можетъ навлечь на отечество наше ужасное несчастіе. Единственное средство избѣгнуть этого—сближеніе съ народомъ. Наше молодое поколѣніе должно пожертвовать для достиженія этой цѣли тѣми незначительными преимуществами, какими оно пользуется нынѣ. Имѣйя уши слышати да слышать». Я не все понялъ, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ кричалъ на всю залу, а въ нѣкоторыхъ говорилъ слишкомъ тихо. Но вся послѣдняя часть его рѣчи была ежесекундно прерываема криками и рукоплесканіями, а по окончаніи ея онъ былъ нѣсколько разъ вызываемъ. На другой день нашъ профессоръ Люперольскій рассказывалъ намъ о рѣчи Павлова въ классѣ и о томъ паѳосѣ, съ которымъ говорилъ Павловъ, обыкновенно читающій свои лекціи вяло и монотонно».

А вотъ и эпѣлогъ къ этой исторіи. Отъ 16-го марта мой сынъ писалъ мнѣ: «На 3-ій день послѣ рѣчи Павлова, его взяли и на 4-ый отправили въ Ветлугу. Профессоры рѣшились прекратить свои лекціи въ Думѣ. Костомаровъ однако же продолжалъ, и вотъ на его лекціи произошла страшная путаница. Онъ сказалъ, что онъ врагъ всякихъ бесполезныхъ демонстрацій или что-то въ родѣ того. Тутъ стали шикать и аплодировать—все вмѣстѣ. Особенно шикала одна дѣвица, по имени Зайцева, которую знаетъ Ольга К., встрѣчающаяся съ нею въ рисовальной школѣ, гдѣ она проповѣдуетъ разныя эмансипированныя идеи, какъ, напримѣръ, что не надо слушаться родителей, что нынѣ не такой вѣкъ и проч. На этой лекціи Костомарова произошелъ ужасный беспорядокъ. Въ различныхъ концахъ залы, различные ораторы вставали на стулья, кричали, шумѣли и, наконецъ, кончили тѣмъ, что составили адресъ съ жалобой на то, что Павлова сослали безъ суда. Адресъ подписали около 3.000 мужчинъ и дамъ».

Пробуя свое литературное участіе во вновь появившихся тогда духовныхъ журналахъ, я посылалъ свои статьи и въ Москву въ издававшийся тамъ подъ редакторствомъ о. Ключарева журналъ «Душеполезное чтеніе». Но потому ли, что я издали не попадалъ въ тояъ текущей русской жизни, или потому, что взглядъ мой на потребности читающей публики былъ невѣренъ, статьи мои не проходили въ свѣтъ, задержанныя на пути или цензурою или самою редакціею. Вотъ, напримѣръ, отвѣтъ на одну изъ такихъ попытокъ редактора «Душеполезнаго чтенія», въ то время скромнаго приходскаго священника, а впоследствии знаменитаго архипастыря Амвросія:

Іюля 16-го, 1862 г.

«Не знаю, чѣмъ и начать письмо мое къ вамъ: такъ мнѣ стыдно передъ вами за свое невѣжество. Цѣлые полгода я не отвѣчалъ вамъ на доброе и прямое письмо ваше. Простите меня ради Бога, и да не повредитъ вина моя нашимъ добрымъ отношеніямъ, которыя только-что начались было. Я сердцемъ чувствую, что вы человекъ добрый и снисходительный, и какъ-то надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ прощеніи—христіанскомъ».

«Первая причина моей медленности въ отвѣтъ была въ томъ, что вы задѣли меня за живое своими замѣчаніями о моемъ журналѣ, и мнѣ хотѣлось многое сказать вамъ по поводу этихъ замѣчаній. Собираясь писать много, я ждалъ для этого свободнаго времени, чтобы подѣлиться съ вами на просторѣ своими мыслями и ощущеніями, но его-то, свободнаго времени—и не оказывалось. Каждый день приносилъ новыя заботы и неизбежныя развлеченія. Набросать кое-что мнѣ не хотѣлось,—и вотъ незамѣтно дней пропущенныхъ для письма къ вамъ накопилось полгода, и я оказался въ томъ фальшивомъ и тяжеломъ положеніи, изъ

котораго прошу васъ вывести меня христіанскимъ прощеніемъ. Жизнь московскаго приходскаго священника, осажденнаго множествомъ знакомыхъ, да еще и журналиста—сложная и суетливая жизнь. Для серьезнаго дѣла мнѣ остается только свободное отъ службы и при томъ раннее утро. Прибавьте къ этому, что я уже три года страдаю болѣзнью глазъ, отъ которой два, а иногда и три дня въ недѣлю (въ которые глаза мои прижигаются ляписомъ) и всѣ вечера безъ исключенія я не могу ни читать, ни писать. Отъ этого и теперь мнѣ все-таки приходится сказать вамъ кое-что и наскоро.

«Я сказалъ, что вы задѣли меня за живое своими замѣчаніями о «Душеполезномъ чтеніи». Это не значитъ, что вы зацѣпили мое самолюбіе, а что коснулись предмета, наиболѣе меня занимающаго и озабочивающаго, о которомъ у меня, говоря по-русски, болитъ сердце. Большая часть вашихъ замѣчаній такого рода, что я отвѣчалъ на нихъ про себя: «правда, но что прикажете дѣлать?». Моя главная задача, мое искреннѣйшее желаніе при началѣ изданія было—послужить нашему простому, въ собственномъ смыслѣ, народу и вообще всѣмъ сословіямъ, невѣжественнымъ въ дѣлѣ вѣры, общепонятнымъ и сердечнымъ изложеніемъ христіанскаго, душеполезнаго ученія во всѣхъ его видахъ. Это было наше знамя, вы такъ его и поняли. Но мы, говорите вы, невѣрны своему знамени, какъ и другіе наши духовные журналы. Совершенная правда. Отчего это?—Не говоря о другихъ духовныхъ изданіяхъ и ихъ издателяхъ, я скажу вамъ о своемъ и о себѣ, насколько я самъ понимаю дѣло.

«Съ перваго года нашего изданія опытъ показаль намъ, что мы съ своимъ знаменемъ очутились на той несчастной роковой чертѣ, которая отдѣляетъ нашъ простой народъ отъ полуобразованнаго общества. Люди изъ простаго народа, до которыхъ достигали наши книжки, принимали ихъ съ любовью, полуобразованные оглянулись на нихъ съ улыбкою. «Что это, говорили они, насъ хотятъ грамотѣ учить? Это не современно». Но такъ какъ простой народъ нашъ доселѣ почти никакихъ книгъ (кромѣ чисто церковныхъ) еще не покупаетъ, а о журналахъ и понятія еще не имѣетъ, то мы рисковали остаться безъ подписчиковъ. Сельское духовенство по предписаніямъ нѣкоторыхъ архіереевъ стало было порядочнымъ проводникомъ нашего журнала въ народъ если не для покупки, то по крайней мѣрѣ для чтенія; но безъ повторенія консисторскихъ указовъ о выпискѣ журнала на церковный счетъ и эти проводники начали намъ измѣнять. Чтѣ оставалось дѣлать? Надобно было съ измѣнной своей задачѣй прилаживаться къ понятіямъ людей съ претензіями на образованность и на современность. И мы съ своей точки зрѣнія стали касаться вопросовъ современныхъ, которые могли интересовать свѣтское общество и самое духовенство. И я отъ души жалѣю объ этой

измѣнѣ нашей первоначальной мысли. Оказалось труднымъ и излагать одно ученіе. Простой народъ скоро устаетъ на чтеніи учительныхъ статей, потому что не привыкъ къ размышленію о предметахъ отвлеченныхъ, свѣтскіе люди ими скучаютъ, потому что у нихъ испорченъ вкусъ легкимъ журнальнымъ чтеніемъ. Таковы-то плоды нашего просвѣщенія. Вотъ почему мы помѣщаемъ охотно рассказы и анекдоты.

«Прибавьте къ этому второе, весьма важное обстоятельство. Передовые изъ нашего духовенства (молодежь, какъ вы говорите) какъ сначала взглянули, такъ и теперь продолжаютъ смотрѣть на наше дѣло съ совершеннымъ презрѣніемъ. Такой трудъ для нихъ кажется мелочью, дѣломъ ребячьимъ. Ихъ интересуютъ великіе вопросы литературнаго кружка; миллионы православнаго народа для нихъ не стоятъ вниманія. Вы, можетъ быть, думаете, что мы завалены статьями, что намъ остается только выбирать и что дурной вкусъ нашъ причиною дурнаго выбора статей. Увы! Лучшіе наши таланты смотрятъ по верхамъ, большинство нашего магистерства спитъ непробуднымъ сномъ лѣни, и въ статьяхъ, отъ него получаемыхъ, царствуетъ школьная формальность, отвлеченность и сухость. Даровитыхъ охотниковъ потрудиться надъ тѣмъ, чтобы высвободить догматическое ученіе и даже нравственное изъ школьныхъ формъ и научнаго языка, въ который у насъ его запутали, приблизить его къ пониманію народа, выработать для него новую, живую и ясную рѣчь—пока еще нѣтъ. Самое лучшее для насъ было бы въ настоящее время—это рассказы изъ библейской и церковной исторіи, одушевленные и пересыпанные слегка догматическимъ и нравственнымъ ученіемъ. Вотъ почему я просилъ васъ объ нихъ. А пока—до времени намъ остается успокоиться на той мысли, что какъ бы Христосъ ни проповѣдывался, только бы проповѣдывался.

«Видите, я совершенно согласенъ съ вами. Въ вашихъ замѣчаніяхъ я нашелъ то, о чемъ самъ думаю постоянно, но, какъ видите, внѣшнія причины мѣшаютъ нашему журналу быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть. Помогите намъ въ этомъ. Сказавши, что невѣріе проникаетъ въ наше общество, вы выразились слабо; оно систематически въ немъ распространяется и при томъ такими дѣятелями, которые забираютъ въ руки власть. Сильнаго противодѣйствія ему не видится; народъ съ своею любимою святою вѣрою остается беззащитнымъ. Въ него врываются просвѣтители и учителя съ ожесточеннымъ невѣріемъ, и нѣтъ пастуха, который бы отогналъ этихъ зубастыхъ волковъ отъ брошеннаго стада. Время критическое. Въ народѣ открывается многое множество школъ, а читать ему нечего. По мѣрѣ распространенія въ немъ грамотности, книжные промышленники не замедлятъ снабдить его всякою литературною мерзостью, а мы все будемъ думать, что это вопросъ несовремен-

ный. Вы далеко отъ отечества, многого не видите, что мы видимъ и отчего намъ плакать хочется.

«Не безъ стѣсненія сердца перехожу я къ слову о присланной вами статьѣ и признаюся вамъ, что отчасти она была причиною моей медленности въ отвѣтъ на письмо ваше. Но я скажу вамъ о ней свое мнѣніе съ такою же откровенностью, съ какою вы говорили о моемъ журналѣ. Я затрудняюсь ее печатать потому: 1) что она катехизическаго характера, а у насъ ужъ печатаются катехизическія поученія преосвященнаго Евсевія, хотя, по правдѣ сказать, плохія, но излагающія ученіе по плану и порядку. По всей вѣроятности, ваша статья совпадетъ съ его бесѣдами по содержанию. А вѣдь она одна. 2) Въ ней несмотря на небольшой объемъ ея, слишкомъ много захвачено истинъ, относящихся къ ученію о лицѣ Иисуса Христа, и оттого многое не раскрыто съ тою ясностью, какая нужна для простыхъ читателей. 3) Принявши за особенный способъ изясненія новозавѣтныхъ истинъ сопоставленіе ихъ съ прообразами ветхаго завѣта, вы не могли избѣгнуть важнаго неудобства: то въ ветхозавѣтной картинѣ, то въ ученіи новозавѣтномъ безпрестанно выступаютъ черты, требующія свѣтлыхъ красокъ, т. е. длинныхъ, дополнительныхъ толкованій, совершенно необходимыхъ для читателей незнакомыхъ съ богословіемъ. Я по опыту знаю, что догматическое ученіе можно излагать съ пользою для простыхъ, только взявши предметъ частный, одну мысль и изясняя ее всѣми способами, выводами, приложеніями, примѣрами, сравненіями и т. п., какъ дѣлалъ св. Тихонъ Воронежскій—единственный народный учитель нашъ. Не посѣтуйте на меня за это откровенное объясненіе. Потому-то и нѣтъ у насъ догматическихъ статей, что, по моему мнѣнію, это дѣло чрезвычайно трудное, требующее особеннаго подвига ученаго богослова. Жаль, что вы не принялись за прощаніе Моисея съ народомъ. Теперешній характеръ своего изданія я считаю случайнымъ. Я буду биться изо всѣхъ силъ, чтобы сдѣлать его популярнымъ. Если это не удастся—брошу его.

«Забылъ я сказать свое мнѣніе на вашу замѣтку объ аскетическихъ сочиненіяхъ. Они, по-моему, полезны для монастырей, изъ которыхъ весьма многіе выписываютъ нашъ журналъ. Да судя по себѣ, я заключаю, что они хорошо расшевеливаютъ засыпающую совѣсть и пристыжаютъ лѣнь и мірянина.

«Конецъ слова: глаза очень устали. Простите всѣ мои прегрѣшенія и возмогайте о Господѣ.

«Съ искреннимъ уваженіемъ и нелицемѣрною преданностью честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою свящ. А. Ключаревъ».

А въ то же время редакторъ «Духа христіанина», рыцарскій поборникъ всего новаго и живаго, находилъ способъ не пропущенныя петербургскою цензурою мои статьи и замѣтки проводить въ свѣтъ безпрепят-

ственно въ московскихъ журналахъ подъ тамошнею цензурою, которая была снисходительнѣе петербургской, изъ чего слѣдуетъ, что цензура вообще слѣдовала не положительнымъ правиламъ, даннымъ ей въ руководство, а личнымъ взглядамъ или расположенію духа каждаго цензора въ отдѣльности. Это мнѣ очень напоминаетъ цензора начала 50-хъ годовъ, покойнаго протоіерея Окунева, который не хотѣлъ пропустить мой первый тогда литературный трудъ на томъ основаніи, что ему тогда оставался одинъ только годъ до полученія пенсіи за цензурство и потому онъ не пропускалъ болѣе ничего въ печать, боясь за какой-нибудь промахъ или изъ-за придирки высшей цензуры лишиться мѣста и не получить ожидаемой пенсіи. А придирки того времени, какъ онъ объявилъ мнѣ, могли быть такого рода.

— Вотъ вы,—говорилъ онъ мнѣ, — употребляете слово: дурной при- мѣръ. Скажутъ, какъ это священникъ, да еще въ назидательной книжкѣ, употребляетъ такое вульгарное слово, которое напоминаетъ собою и дурень и, пожалуй, дуракъ. И чего это смотрѣлъ цензоръ, пропустившій эту книжку. Дать ему за это отставку.

Не мудрено, что подобная этому цензура въ 60-хъ годахъ, когда пробудилась живая мысль, приводила въ отчаяніе.

При наступленіи лѣтнихъ каникулъ, я желалъ имѣть моего старшаго сына, находившагося въ С.-Петербургской семинаріи, при себѣ, чтобы провѣрить при личномъ свиданіи съ нимъ, какое впечатлѣніе произвелъ на него годъ жизни въ Россіи при тогдашней обстановкѣ и въ какой степени я могъ надѣяться на исполненіе моихъ надеждъ и желаній видѣть въ старшемъ сынѣ моемъ достойнаго пастыря церкви. Для этого я обратился съ просьбою къ оберъ-прокурору о дозволеніи моему сыну поѣздки за границу на каникулярное время. Но процедура того времени и особенно необычайность вопроса объ увольненіи воспитанника семинаріи за границу такъ затянули это дѣло, что я опасался неудачи въ моемъ ходатайствѣ объ этомъ, какъ вдругъ уже въ іюнѣ самъ государь, заинтересованный въ этомъ письмомъ великой княгини Ольги Николаевны, спросилъ у оберъ-прокурора, данъ ли сыну Базарова отпускъ за границу, и—на другой же день у него былъ паспортъ въ рукахъ.

По этому поводу князь Урусовъ писалъ мнѣ:

С.-Петербургъ. 10-го 22-го (7) іюня 1862 г.

«Слѣшу васъ увѣдомить, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, что отпускъ вашего сына разрѣшенъ, согласно съ вашимъ желаніемъ.

«О псаломщикахъ А. П. Ахматовъ пишетъ съ этимъ же курьеромъ Николаю Федоровичу. Вы изволите видѣть, что мы съ радостью и готовностью исполняемъ порученія Стутгартской духовной миссіи.

«Въ послѣднее время мы были встревожены пожарами. Несчастіе—

ужасное, разразившееся надъ тысячами бѣдняковъ—имѣло однако то благодатное вліяніе, что обнаружило во всей силѣ—преданность истинно - русскаго народа къ вѣрѣ и приверженность его къ государю. Я самъ видѣлъ въ то ужасное время, какъ народъ молился, и самъ слышалъ, какъ онъ тронуть былъ присутствіемъ на пожарѣ и печалію своего царя. Государыня изволила быть на-дняхъ на мѣстѣ опустошенія; меня тутъ не было, но единогласно мнѣ сказывали, что, при видѣ ея величества, восторгъ погорѣвшихъ былъ неописанный. Но сколько, съ одной стороны, возбуждено въ народѣ чувство любви, столь же сильно въ немъ чувство омерзѣнія къ врагамъ церкви и власти. Глубоко обманулись тѣ, которые надѣялись, что найдутъ опору въ народѣ при усиліяхъ колебать все, что имѣетъ только нѣкоторый авторитетъ. Нельзя не признать, что постоянныя журнальныя разсужденія о недостаткахъ существующаго порядка вещей, желчныя осужденія всѣхъ безъ изъятія предметовъ народнаго уваженія, нападки на всѣ явленія, исходящія отъ какой бы то ни было законной власти—увлекли нашу молодежь, неопытную, впечатлительную—и сдѣлали ее недобольною, несчастною и нетерпѣливо переносящею всякую дисциплину и всѣ требованія порядка. Будемъ надѣяться, что грустныя послѣдствія такой разнузданности будутъ дѣйствительнымъ урокомъ и для руководителей и для руководимыхъ.

«Не сѣтуйте, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, на растянутость моего письма; вы въ немъ увидите выраженіе господствующихъ у насъ мыслей.

«Испросивъ вашего благословенія, остаюсь преданнѣйшимъ и покорнѣйшимъ вашимъ слугою Урусовъ».

Съ наступленіемъ зимы я снова принялся за свою кабинетную работу, большая часть которой отдавалась на переписку по поводу занимавшихъ тогда всѣхъ вопросовъ по преобразованію духовнаго воспитанія. Можетъ быть, эта самая ревность моя по этому предмету подала поводъ къ тому, что въ Петербургѣ стали думать о назначеніи меня ректоромъ семинаріи или даже академіи. Но самъ я былъ далеко отъ этой мысли, какъ по совершенной неподготовкѣ къ подобному занятію, такъ и вообще потому, что начиналъ уже терять надежду на возможность моего возвращенія на службу въ Россію. Но объ этомъ будетъ рѣчь послѣ, по порядку воспоминаній моихъ, а теперь я не могу ничѣмъ лучшимъ закончить воспоминанія 1862 года, какъ прилагаемымъ при семъ письмомъ ко мнѣ князя С. Н. Урусова, полнымъ живаго интереса для тогдашняго и даже настоящаго времени. Вотъ это письмо:

С.-Петербургъ, 27-го октября (8-го ноября) 1862 года.

«Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ. Сегодня получилъ я ваше письмо и книгу о духовныхъ училищахъ; спѣшу васъ благодарить и отвѣчать.

Книга уже была мнѣ извѣстна. Вы обязательно присылкою предварили исполненіе нашего требованія. Мы съ вами довольно долго говорили объ этомъ животрепещущемъ предметѣ, чтобы у васъ осталось какое-либо сомнѣніе въ душевномъ моемъ воззрѣніи на нашъ духовно-учебный міръ. Посылаю вамъ тему циркуляра (секретнаго), который разосланъ къ преосвященнымъ. Вы увидите, что мы не впади въ прелесть. Сознавая всю неудовлетворительность, всю безотрадность нашего положенія, мы однако должны добраться до корня зла. Не спорю,—преобладаніе формы, исключительность направленія, вліяніе извѣстнаго, неодушевленнаго элемента составляютъ органическіе недостатки учрежденія. Но утѣшительнѣ ли вамъ представится другая не духовная среда, гдѣ совершается движеніе, извѣстное подъ приторнымъ именемъ прогресса? Спросите у родителей, которые образуютъ своихъ дѣтей въ свѣтскихъ заведеніяхъ. Это сказано мною не для извиненія духовнаго воспитанія, а указана другая причина зла. Хорошо отворить окно, когда можно впустить свѣжій воздухъ, но если въ полу-развалившуюся лачугу проникають міазмы,—то какъ ее ни строй, ни чини, нельзя ее оградить отъ гнилой мѣстности. Россія имѣетъ дѣло съ двумя поколѣніями: одно—отжившее, безжизненное; другое—полу-испорченное, самоувѣренное, помышляющее только о ломкѣ; извольте изъ того и другаго строя выбирать орудія для созданія чего-либо прочнаго. Добросовѣстный голосъ опыта, указывающій на злоупотребленія,—достоинъ уваженія. А когда цѣлая партія кричитъ молодежи: «Вы загнаны, вы истерзаны, вы забиты деспотизмомъ»,—удивительно ли, что молодежь волнуется, увлекается и вступаетъ въ борьбу не съ личностями, а съ коренными принципами. И молодежь, не только учащаяся, но и учащая,—наставники, разбросанные по всѣмъ концамъ Россіи и подготовляющіе будущихъ учителей. Конечно, есть заведенія, гдѣ ученики боятся начальниковъ, но есть и такіа заведенія, гдѣ начальники дрожатъ передъ учениками. Намъ скажутъ: «перемѣните начальниковъ». А мы отвѣтимъ: «Кѣмъ? укажите». И кромѣ того, надо платить, надо одѣвать, надо кормить, надо строить. Свѣтскія заведенія берутъ деньги за ученье и щедро вознаграждаютъ учителей. Естественно, что лучшіе люди изъ духовнаго званія переходятъ на свѣтское поприще. У насъ остается, положимъ, бѣлое духовенство. Недавнее назначеніе протоіерея Горскаго ректоромъ Московской академіи есть знаменательное явленіе. Но при всемъ моемъ уваженіи къ бѣлому духовенству,—смѣю спросить: развѣ оно много сдѣлало для духовныхъ училищъ, состоящихъ большею частію подъ его управленіемъ? Развѣ примѣры жестокости, корыстолюбія, небрежности не встрѣчаются въ ректорахъ уѣздныхъ училищъ? Безъ людей ничего не сдѣлаешь. Надо ихъ готовить, но и для приготовленія нужны люди, и не малое

*

число, когда вопросъ рѣшается объ участи 54.000 учащихся. Впрочемъ, не прогнѣвайтесь, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, что, подѣ вліяніемъ тяжкаго впечатлѣнія, начертана мною такая мрачная картина. Въ Россіи нѣкоторые умѣютъ еще молиться. Въ теченіе этого мѣсяца, мнѣ случалось быть нѣсколько разъ въ храмъ съ одной особой, которая умѣетъ молиться за русскій народъ. При молитвѣ вѣрующихъ, мы не пропадемъ. Со стороны дѣятелей нужно самоотверженіе; со стороны тѣхъ, которые ихъ судятъ,—нужно терпѣніе и сознаніе трудностей. Можно мигомъ разобрать зданіе, когда матеріалы для новаго сооруженія подѣ рукою; въ Россіи еще надо дѣлать кирпичи, и, пока они не сдѣланы, нельзя не поступать осмотрительно. Кончаю это длинное, несвязное писаніе (въ 3 часа ночи), обративъ просвѣщенное ваше вниманіе на утѣшительную дѣятельность кіевскаго духовенства: возьмите ихъ журналы, какъ-то: «Труды академіи», «Руководство для сельскихъ пастырей», «Воскресное чтеніе», «Епархіальныя вѣдомости»—и тогда вы можете мнѣ возразить, что я къ вамъ писалъ въ припадкѣ ипохондріи.

«Прошу вашего благословенія и молитвъ. Ваше сочувствіе мнѣ всегда дорого. Искренно преданный вн. С. Урусовъ».

Въ зиму 1862—63 года мнѣ привелось испытать первое неудобство съ моими учеными псаломщиками, на которое я сначала не обратилъ вниманія, радуясь только тому, что я имѣю теперь сослуживцами богословски образованныхъ людей, съ которыми можно было вести бесѣду и которые достойно представляли за границею причтъ русской церкви какъ передъ русскими, такъ и передъ иностранцами. Дѣло въ томъ, что наша высшая духовная школа, давая своимъ воспитанникамъ солидное богословское образованіе, упускаетъ изъ виду ихъ прямое и главное назначеніе быть пастырями церкви, священнослужителями, умѣющими исправлять церковныя требы. Тѣмъ же недостаткомъ грѣшатъ и наши семинаріи. Вслѣдствіе этого изъ нашихъ разсадниковъ духовенства, какъ высшихъ, такъ и среднихъ, выходятъ кандидаты на священство не только безъ знанія церковнаго устава, но даже безъ знакомства съ самыми обыкновенными приѣмами при совершеніи богослуженія. Особенно этимъ пренебрегаютъ наши академики, считая ниже своего достоинства знать дьячковскую и пономарскую службу, какъ бы забывая или не желая знать, что и генераломъ нельзя быть, не прошедши службы простаго солдата, хотя бы то было въ кадетскомъ корпусѣ. Такимъ образомъ, первые, поступившіе ко мнѣ псаломщиками кандидаты богословія не только не знали устава церковнаго, но даже самыхъ простыхъ церковныхъ напѣвовъ. И вотъ что случилось. Въ Ульмѣ, недалеко отстоящемъ отъ Стутгарта, городѣ Виртембергскаго королевства, умеръ одинъ бѣдный ремесленникъ, родомъ сербъ и слѣдо-

вательно православнаго вѣроисповѣданія. Городское управленіе Ульма взяло на себя похороны этого бѣдняка и просило прислать русскаго священника для погребенія. Получивъ это приглашеніе и зная, что расходы на эту поѣздку придется поставить на церковный счетъ, я взялъ съ собою одного только псаломщика. Прибывши въ Ульмъ, мы отправились прямо въ городскую больницу, гдѣ умеръ этотъ сербъ. Тамъ въ тѣсной комнатѣ мы совершили надъ гробомъ кое-какъ отпѣваніе, то читкомъ, то вполголоса, такъ какъ мой кандидатъ богословія не умѣлъ пропѣть порядочно даже «Господи, помилуй». Но каково же было наше изумленіе и даже испугъ, когда, прибывши съ тѣломъ на кладбище, мы нашли тамъ толпы народа, передъ которыми намъ приходилось пропѣть литію и вѣчную память. Жители Ульма, узнавъ о погребеніи серба по русскому обряду, стеклись со всѣхъ сторонъ посмотрѣть на это невиданное зрѣлище. Когда мы начали литію, мой псаломщикъ запѣлъ «Со духи праведныхъ скончавшихся» на такой ладъ, что я не могъ никакъ попасть въ тонъ, чтобы навести его на настоящій напѣвъ, и предпочелъ оставить его одного пѣть, успокоивая себя тѣмъ, что здѣсь никого не было, кромѣ нѣмцевъ, которые все равно никогда не слыхали нашихъ церковныхъ напѣвовъ. И дѣйствительно, на другой день мы читаемъ въ мѣстныхъ газетахъ описаніе этого погребенія, при чемъ корреспондентъ, возвеличивая нашъ обрядъ, особенно восхищался пѣніемъ псаломщика, которое собственно было ни на что не похоже, не имѣя ни тѣни подобія нашихъ погребальныхъ напѣвовъ.

Въ эту зиму мнѣ удалось познакомиться въ Стутгартѣ съ нашимъ знаменитымъ хирургомъ-педагогомъ Пироговымъ. Онъ находился въ это время въ Гейдельбергѣ, гдѣ ему поручено было руководить нашу ученую молодежь, собравшуюся туда учиться послѣ студенческихъ исторій и временнаго закрытія Петербургскаго университета. Мнѣ тѣмъ интереснѣе было взглянуть на этого замѣчательнаго человѣка въ его новомъ званіи педагога, послѣ того, какъ я видѣлъ его въ Петербургѣ въ фартукѣ хирурга. Тогда, еще бывши студентомъ академіи, я воспользовался приглашеніемъ своихъ земляковъ студентовъ Медицинской академіи, чтобы присутствовать при его практическихъ чтеніяхъ въ клиникѣ. Какъ теперь помню его угрюмую фигуру, съ руками, заложенными въ фартукъ, передъ кроватью одного оперированнаго больнаго, какъ онъ ровнымъ и твердымъ голосомъ объяснялъ своимъ столпившимся тутъ же вокругъ кровати больнаго ходъ послѣ операціоннаго срастанія жилъ, какъ тутъ же съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ онъ полоснулъ по отрѣзанной по колѣно ногѣ больнаго имѣвшимися у него за пазухой фартука ножемъ и какъ при отчаянномъ крикѣ несчастнаго онъ перепелъ съ своими студентами къ слѣдующей кровати, не измѣнивъ

своего хладнокровія ни въ голосѣ, ни въ манерѣ демонстрацій. У меня тогда пробѣжалъ морозъ по кожѣ и отъ этого крика оперированнаго, и отъ этого хладнокровія оператора. Теперь въ кабинетѣ нашего посланника В. П. Титова я видѣлъ передъ собою— правда—ту же угрюмую фигуру, но скорѣе уже спокойнаго человѣка не съ ланцетомъ въ рукахъ, а съ перомъ мыслителя. Въ разговорѣ онъ не былъ особенно общителенъ, но интересовался всѣмъ, что касается педагогическаго устройства нѣмецкихъ учебныхъ заведеній.

Весною этого года мой сосѣдъ по службѣ, о. Янышевъ отправился съ семейю на побывку въ Россію, предоставивъ мнѣ свой висбаденскій приходъ, вслѣдствіе чего я не разъ долженъ былъ ѣздить туда для совершенія разныхъ требъ и богослуженія. Очень любопытно было то впечатлѣніе, какое произвела на о. Янышева, какъ свѣжаго человѣка, обновившаяся въ это время Россія. Въ прилагаемомъ здѣсь письмѣ его ко мнѣ видно чувство человѣка, удаленнаго судьбою и долгомъ службы отъ родины, и вмѣстѣ радость при видѣ перерождающагося отечества. Вотъ это письмо:

«Достоуважаемый и достолюбезнѣйшій отецъ Іоаннъ Іоанновичъ.

«Возвратившись изъ С.-Петербурга въ прошлый понедѣльникъ, первымъ долгомъ считаю я немедленно выразить вамъ глубочайшую благодарность за неоставленіе паствы моей въ мое отсутствіе и за посѣщеніе Висбадена по дѣламъ служенія.

«Не знаю, какъ вы себя чувствовали въ Россіи въ послѣднее пребываніе тамъ, а меня просто охватило тамъ чувство радости и, можно сказать, блаженства со всѣхъ сторонъ. Какъ родившагося въ деревнѣ и до 20-ти лѣтняго возраста прожившаго въ провинціи, прежде всего интересовало меня освобожденіе крестьянъ, и мнѣ хотѣлось убѣдиться, истинно ли оно и сознано ли самими крестьянами? Промыслъ послалъ мнѣ встрѣтить въ Питерѣ человѣкъ двѣнадцать крестьянъ—калужанъ, и рассказы ихъ заставляли возвращаться съ слезами благодарности къ Богу и восторга о счастьи этихъ бывшихъ невольниковъ, болѣе же всего о томъ, что они вполнѣ сознаютъ сами это счастье, съ крестнымъ знаменіемъ рассказываютъ о немъ, и—если бы вы послушали—какъ они обожаютъ виновника его. И скота-то у нихъ стало больше, и хлѣбъ-то родится лучше, и ребятишки-то рождаются здоровѣе, и храмы-то и въ малые праздники полны, и священники-то стали больше имъ любы и больше о нихъ заботятся и больше получаютъ; а оброкъ-то заплатитъ, говорятъ они, теперь намъ п л е в к а стоитъ: заработки на каждомъ шагѣ; и порядка въ деревняхъ больше, потому что сами лучше умѣютъ расправиться съ недобрыми людьми. При всемъ этомъ у нихъ не замѣтно и тѣни озлобленія или мести противъ бывшихъ помѣщиковъ, изъ которыхъ о добрыхъ съ признательностью вспоминаютъ, а о худыхъ

говорять: «Господь съ ними, Онъ имъ Судья!». О томъ, какъ они фотографическій портретъ государя ставили въ церквахъ, вы, безъ сомнѣнія, слышали, такъ какъ тутъ не обходилось безъ вмѣшательства В. Б. Бажанова, посылавшаго взамѣнъ этихъ карточекъ образъ Св. Александра Невскаго.

«Въ низшемъ духовенствѣ, т. е. нашей братіи—священникахъ, съ притчами—также показалось мнѣ много переимѣны на лучшее; о картахъ почти не слышно, а слышно непрестанно о благоустройствѣ приходовъ, объ училищахъ, о благочиніи богослуженія, о призрѣніи бѣдныхъ и больныхъ; замѣтно очень болѣе свободное, хотя отнюдь не революціонное отношеніе къ епархіальному начальству; въ приходскомъ духовенствѣ почти и не видно жажды къ отличіямъ и наградамъ, а напротивъ въ комитетѣ объ улучшеніи духовенства цѣлая партія предлагала совсѣмъ отмѣнить всякіе ордена и вышніе знаки отличія. Въ церквахъ Питера и Москвы—значительное усиленіе доходовъ, благолѣпія въ лучшемъ вкусѣ, опрятности въ содержаніи, хотя и недостаточно еще той чинности при богослуженіи и сосредоточенности вниманія, какія господствуютъ у строгихъ протестантовъ. Словомъ, благочестіе въ массѣ народной, по всей вѣроятности, растетъ, а не умаляется, какъ этого хотѣлось бы необузданной молодежи.

«Но и эта молодежь, по замѣчаніямъ о. В. П. Полисадова и о. Сергіевскаго, становится сдержаннѣе и благоразумнѣе въ своихъ требованіяхъ, хотя и не освободилась отъ вліянія (стыдно сказать!) Бюхнера и Фогта. Здѣсь, какъ и вообще въ университетскихъ наставникахъ, нужна твердая и просвѣщенная реакція, нужны люди съ характерами и солидною ученостію. Авось и ихъ Богъ пошлетъ. А теперь, кажется, ихъ скорѣе, чѣмъ прежде, послушали бы, можетъ быть, послушались бы.

«Въ старцахъ—іерархахъ, да и не въ старцахъ то же, чтó и прежде: недовѣрчивость, крайняя опасливість и страхъ предъ всякою новизною, хотя бы эта новизна была старѣе ихъ пращуровъ; но видно однакожь болѣе снисходительности къ низшимъ, доступности для всѣхъ и желанія быть популярнымъ. Бесѣдуя съ ними, къ чему Богъ послалъ мнѣ много случаевъ, такъ и чувствуется, что эти добрые люди слишкомъ высоко сидятъ и не могутъ чувствовать того, что движетъ сердцами ихъ подчиненныхъ; хотя и здѣсь высокопреосвященный Исидоръ, по своей относительной молодости и отличному здоровью, а высокопреосвященный Филаретъ, по уму и опытности, достойно занимають каждый въ своей средѣ первенствующія мѣста и смотрять и видять шире и глубже, чѣмъ ихъ ближайшіе сотрудники. Владыка московскій, ужъ Богъ знаетъ по какому внушенію, почтилъ меня даже предложеніемъ—чего бы вы думали?—быть ректоромъ духовной академіи, и на мое возраженіе—даже то, что я женатъ и имѣю малыхъ дѣтей, отвѣчалъ новымъ насто-

яніемъ послужить церкви на этомъ поприщѣ, хотя впоследствии, убѣдившись, что мы за границею не для удовольствія живемъ и не совсѣмъ праздно, сказали: «ну и это есть дѣло Божье».

«Мірѣ чиновный погруженъ въ проектахъ, редакціяхъ и заботахъ по внутреннимъ преобразованіямъ и по приготовленіямъ къ войнѣ, которую тамъ неминуемо ожидаютъ и къ которой съ жаркимъ энтузіазмомъ готовятся.

«Признаюсь, какъ ни мимолетно было пребываніе мое на родинѣ, но на этотъ разъ удалось рѣшительно окунуться съ головою въ Русь святую,—и я благодарю Бога и добрыхъ людей, оказавшихъ мнѣ содѣйствіе въ этой поѣздкѣ. Нечего уже и говорить, какъ счастливы была дома среди своихъ Александра Ефимовна и дѣти, весьма неохотно расстававшіяся снова съ С.-Петербургомъ. Еще вамъ усерднѣйшій поклонъ и почтеніе отъ преосвященнаго Леонтія, котораго владыка митрополитъ никакъ не хочетъ отпустить отъ себя въ епархію....

«Всею душой вашъ преданный и покорнѣйшій слуга протоіерей Іоаннъ Янышевъ. 10—22 мая 1863 года. Висбаденъ».

Между тѣмъ, у меня самого была забота на счетъ сына моего, оставшагося по моему совѣту еще на годъ въ семинаріи. Не теряя еще надежды воспитать его для духовнаго званія, я рѣшился самъ поѣхать въ Петербургъ, чтобы лично убѣдиться въ его настроеніи и попытать уговорить его окончить курсъ семинаріи. Прибывъ для этого въ началѣ августа въ Петербургъ, я отправился въ домъ Горизонтова, у котораго въ семействѣ жилъ мой сынъ. На мои разпросы о немъ о. Горизонтовъ, вмѣсто всякаго отвѣта, повелъ меня въ комнату, занимаемую моимъ сыномъ, и указалъ мнѣ протоптанную имъ дорожку отъ одного угла комнаты въ другой, которую онъ продѣлалъ, какъ маленкій узникъ, ходя взадъ и впередъ съ своими думами. Этого было довольно, чтобы убѣдиться въ неблагоразуміи долге насиловать волю молодого человѣка, и я долженъ былъ разстаться съ своей мечтою сохранить своего старшаго сына въ духовномъ званіи, пожалѣвъ, что не удержалъ его при себѣ за границею до академіи. Тогда, можетъ быть, не видя безобразія тогдашней семинарщины, онъ скорѣе свылся бы съ духовною атмосферою въ болѣе упорядоченной обстановкѣ. Но теперь было поздно, и я далъ ему свое согласіе на поступленіе въ университетъ, куда онъ и былъ принятъ съ дополнительнымъ только экзаменомъ по математикѣ и новѣйшимъ языкамъ.

Оставаясь въ Петербургѣ весь августъ и сентябрь, я, между прочимъ, хотѣлъ показать сыну моему празднество Александра дня, который въ этотъ годъ справлялся особенно торжественно, въ присутствіи государя и всей царской фамиліи. Для этого отправляясь въ лавру передъ самымъ прибытіемъ туда крестнаго хода, я поручилъ ему нести за мною

камилавку, въ качествѣ причетника, иначе его не пропустили бы туда. Пропедши первыя ворота, я остановился здѣсь съ нимъ, чтобы видѣть встрѣчу государя митрополитомъ съ крестнымъ ходомъ изъ лавры. Когда, слѣшившись съ коней, на которыхъ они сопровождали крестный ходъ до лавры, государь, окруженный великими князьями и свитою, вступилъ на мостъ, ведущій къ главнымъ воротамъ лавры, его величество замѣтилъ меня стоящимъ у перилъ моста и подозвалъ къ себѣ. Не останавливаясь въ шествіи, я долженъ былъ пройти нѣсколько шаговъ рядомъ съ государемъ, при чемъ его величество изволилъ поздравить меня съ днемъ рожденія великой княгини Ольги Николаевны, празднующимся также 30-го августа, прибавивъ: «я получилъ сегодня отъ Ольги Николаевны телеграмму. Она здорова», и съ этими словами отпустилъ меня. Но кто бывалъ при дворѣ, тотъ знаетъ, что когда государь, какъ солнце, освѣтитъ кого, то сейчасъ и луна, и звѣзды преклоняются передъ этимъ счастливецемъ. Такъ было и здѣсь со мною. Лишь только я отступилъ на шагъ отъ государя, какъ всѣ слѣдовавшіе за нимъ стали протягивать мнѣ руки, здороваясь со мною, а за ними и вся свита, изъ которой я большую половину вовсе не зналъ лично, стала тѣсниться вокругъ меня съ привѣтствіями. Въ заключеніе же всего, когда государь, приложившись ко кресту, прошелъ со всею свитою вслѣдъ за митрополитомъ въ соборъ и народъ уже устремился по мостику въ лавру, я вижу, что сквозь эту толпу пробивается иподіаконъ въ облаченіи по направленію ко мнѣ. Запыхавшись, онъ едва успѣлъ выговорить: «его высокопреосвященство проситъ ваше высокопреподобіе на завтракъ къ высочайшему столу», какъ насъ захватила толпа и потащила своимъ теченіемъ въ лавру къ собору. Здѣсь одинъ какой-то мѣщанинъ, вѣроятно видѣвшій всю эту сцену, протискался ко мнѣ съ вопросомъ: «позвольте узнать, кто вы такой будете?» и на мой отвѣтъ, что я заграничный священникъ, онъ прибавилъ: «а этотъ молодецъ, указывая на моего сына, не сынокъ ли вамъ будетъ?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ самонадѣянно замѣтилъ: «то-то я говорю. Это видно сейчасъ по портрету».—Пробравшись вмѣстѣ съ сыномъ въ алтарь собора, я тамъ неожиданно для себя очутился въ цѣлой толпѣ своихъ заграничныхъ сослуживцевъ. Здѣсь были: протоіерей Поповъ изъ Лондона, о. Васильевъ изъ Парижа, о. Полисадовъ изъ Берлина и о. Раевскій изъ Вѣны, такъ что, стоя въ кучкѣ въ алтарѣ, мы обратили на себя вниманіе городского духовенства, собирающагося въ этотъ день въ соборъ, особенно нашими подстриженными волосами, а о. Поповъ бритую бородою, и многіе подходили къ намъ, чтобы освѣдниться, кто мы такіе? По окончаніи обѣдни я послѣшилъ на приглашенный завтракъ къ митрополиту. Въ эту минуту тамъ ожидали прибытія изъ собора государя, и у подъѣзда стоялъ тогдашній генераль-губернаторъ

петербургскій, князь Суворовъ. Завидѣвъ меня подходящимъ къ подъѣзду, онъ устремился ко мнѣ на встрѣчу съ латинскимъ привѣтствіемъ. Извѣстно, что князь Суворовъ воспитывался въ Швейцаріи въ школѣ іезуитовъ и отсюда вынесъ латынь свою. Но я, забытый нѣмецкимъ языкомъ, не могъ отвѣтить ему ни однимъ словомъ по-латыни, хотя тоже въ свое время въ семинаріи объяснялся на латинскомъ языкѣ, такъ какъ въ тридцатыхъ годахъ въ семинаріяхъ всѣ главные предметы, словесность, философія и даже богословіе изучались по латинскимъ руководствамъ, а въ философскомъ классѣ какъ объясненія профессора, такъ и отвѣты учениковъ велись по-латыни. Здѣсь же, у подъѣзда митрополита на привѣтствія латиниста князя Суворова я не могъ даже сказать: «gratias ago», языкъ только поворачивался на «danke Ihnen» и вмѣсто «Domine» произносилъ: «mein Herr!» Князь Суворовъ это замѣтилъ и съ шуткою сказалъ: «А что! совсѣмъ ужъ онѣмечился». При этомъ случаѣ я припоминаю рассказъ князя, какъ онъ отвѣчалъ покойному государю Николаю Павловичу на допросъ по поводу бунта 14-го декабря, въ которомъ Суворовъ тоже былъ замѣшанъ. «Когда меня ввели въ кабинетъ государя,—разсказывалъ онъ,—онъ обратился ко мнѣ со словами: «И ты, Суворовъ, противъ меня». На чтѣ я отвѣчалъ: «государь! вы сами виноваты въ томъ, оставивъ меня воспитываться въ республиканской Швейцаріи, да еще въ іезуитской школѣ». Этотъ отвѣтъ, прямой и откровенный, такъ поразилъ государя, что онъ тутъ же обнялъ меня и съ словами: «не забывай же, что ты—Суворовъ!» отпустилъ меня». Все наказаніе князю Суворову ограничилось тѣмъ, что онъ не смѣлъ являться 14-го декабря во дворецъ на молебень, справлявшійся до самой кончины государя Николая Павловича въ воспоминаніе подавленія крамолы. Но и эта опала снята была съ него въ 50-мъ году по совершеніи 25-тилѣтія царствованія государя, и съ тѣхъ поръ Суворовъ сталъ своимъ домашнимъ человѣкомъ въ царской семьѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Николай Ивановичъ Тургеневъ

ВЪ СВОЕМЪ ОПРАВДАНИИ.

Въ майской книжкѣ «Русской Старины» (№ 5, стр. 235—275) были напечатаны письма Н. И. Тургенева къ братьямъ. Въ письмахъ этихъ онъ упоминаетъ объ оправдательной запискѣ по обвиненію его въ участіи въ тайномъ обществѣ, извѣстномъ подъ именемъ Декабристовъ. Записка эта написана на французскомъ языкѣ и озаглавлена: «Notes d'un des accusés (Nicolas Tourgueneff) sur le rapport de la commission d'Enquête, a être publiées après la mort» (Замѣчанія одного изъ обвиняемыхъ [Николая Тургенева] на донесеніе слѣдственной комиссіи должны быть напечатаны послѣ его смерти). Свое оправданіе Н. И. излагаетъ параллельно съ «Донесеніемъ», а потому въ помѣщаемой ниже статьѣ текстъ «Донесенія» напечатанъ болѣе крупнымъ шрифтомъ. Ред.

Magna est veritas... et pravalebit.

«Вашему величеству, при самомъ назначеніи комиссіи и почти въ минуту усмиренія бывшаго мятежа, угодно было напомнить, что, слѣдуя побужденіямъ собственнаго сердца и примѣру славныхъ предковъ своихъ, вы лучше хотите простить десять виновныхъ, нежели одного невиннаго подвергнуть наказанію. Сямъ правиломъ мудраго великодушія, комиссіи постоянно руководствовалась въ продолженіе слѣдствія¹⁾; но съ другой стороны не теряла изъ вида возло-

¹⁾ Напечатанное съ разрядкою подчеркнута Н. И. Тургеневымъ въ печатномъ „Донесеніи“ слѣдственной комиссіи.

женной на нее обязанности стараться, посредствомъ точныхъ изысканій, очистить государство отъ зловредныхъ началъ, обезпечить тишину и порядокъ, успокоить совершенно гражданъ мирныхъ, преданныхъ престолу и закону».

Мы увидимъ далѣе, придерживалась ли слѣдственная коммиссія и верховный уголовный судъ этого принципа мудрости и великодушія.

...«Основаніемъ своихъ заключеній (коммиссія) почти всегда полагала признаніе самихъ подозрѣваемыхъ или бумаги, ими писанныя».

Мною не было сдѣлано никакого признанія, и въ дѣлѣ не имѣется никакихъ бумагъ, писанныхъ мною собственноручно. Слѣдовательно, по отношенію ко мнѣ не существовало тѣхъ доводовъ, на которыхъ коммиссія основывала свои заключенія.

...«Получаемыя съ каждымъ днемъ новыя свѣдѣнія доказывали необходимость распространенія слѣдствія; но коммиссія, соображаясь въ точности съ правилами, вашимъ величествомъ предначертанными, не иначе употребляла данную ей власть и приступала къ розысканіямъ, какъ въ случаяхъ явной надобности. По требованіямъ оной, взяты подъ стражу или призваны къ допросу лишь тѣ даже изъ членовъ тайныхъ обществъ, о коихъ по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ должно было заключить, что они или участвовали въ самыхъ преступныхъ умыслахъ и могутъ еще быть опасны, или что показанія ихъ нужны для обличенія главныхъ мятежниковъ и обнаруженія всѣхъ плановъ ихъ. О многихъ, коихъ имена означены въ особомъ у сего подносимомъ спискѣ, какъ несовершенно знавшихъ цѣль тайнаго общества, къ коему они принадлежали, или удалившихся отъ онаго по чувству вины своей, коммиссія положила только довести до высочайшаго вашего свѣдѣнія, предавая судьбу ихъ правосудію и милосердію вашего императорскаго величества. Но всѣ, по изложеннымъ причинамъ, долженствовавшіе обратить на себя вниманіе коммиссіи, допрошены съ надлежащимъ тщаніемъ и точностію¹⁾: отвѣты ихъ объяснены сличеніемъ, подтверждены очными ставками и почти во всѣхъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ главныхъ обстоятельствахъ, относящихся къ цѣли заговора, составу тайнаго общества и дѣйствіямъ руководителей онаго, показанія ихъ совершенно согласны»²⁾.

¹⁾ Недопрошенъ Николай Тургеневъ, который былъ требованъ, но не явился изъ-за границы для отвѣта.

²⁾ Тѣмъ изъ допрошенныхъ, кои оказались или непринадлежащими къ злоумышленнымъ тайнымъ обществамъ, или совершенно отставшими отъ оныхъ, немедленно возвращена свобода.

Если бы комиссія дѣйствительно потребовала арестованія только тѣхъ, коихъ можно считать, на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтельскихъ показаній, причастными къ самымъ преступнымъ замысламъ и если бы она придерживалась въ этомъ случаѣ принципа, указаннаго его императорскимъ величествомъ, то мнѣ никогда не было бы предъявлено требованія явиться въ судъ, по обвиненію въ государственномъ преступленіи, ибо не только не существуетъ достовѣрныхъ свидѣтельскихъ показаній, которыя давали право смотрѣть на меня какъ на человѣка причастнаго самымъ преступнымъ замысламъ, но не было и вовсе никакихъ показаній, коими я обвинялся бы въ какихъ бы то ни было преступныхъ намѣреніяхъ. Я говорю это, предполагая, что редакторъ «Донесенія» слѣдственной комиссіи вполнѣ ясно понималъ смыслъ, который законъ придаетъ слову свидѣтельское показаніе, и что слѣдовательно подъ этимъ не подразумеваются отвѣты, данные на лукавые вопросы, или заявленія опровергаемыя фактами или датами. Доказательствомъ того, что редакторъ понималъ это слово въ томъ именно смыслѣ, какъ я, служитъ то обстоятельство, что сама комиссія не приняла этихъ противорѣчивыхъ и бездоказательныхъ показаній; было бы очень трудно осудить меня, если бы верховный уголовный судъ держался этого правила, или, лучше сказать, если бы онъ не уклонился отъ предписаннаго ему закономъ пути судить только на основаніи фактовъ, доказанныхъ слѣдственной комиссіей, и не основалъ бы свой приговоръ на томъ именно обвиненіи противъ меня, которое было устранено слѣдственной комиссіей. Слѣдовательно, я въ правѣ заключить, что если бы комиссія дѣйствовала согласно съ вышеприведенными словами и сообразно съ ея собственнымъ заключеніемъ относительно взведенныхъ на меня обвиненій, однимъ словомъ, если бы она осталась вѣрна самой себѣ, то мнѣ никогда не было бы предъявлено требованіе явиться въ судъ.

Хотя я не принадлежу къ числу лицъ, которыя вышли изъ общества, по словамъ комиссіи, сознавъ свою вину, и хотя я не могъ быть причисленъ къ этому разряду, такъ какъ я никогда не придавалъ означенному обществу никакого значенія, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что я вышелъ изъ общества, не только по причинѣ моего отъѣзда изъ Россіи приблизительно за два года до возстанія 14-го декабря 1825 г., но гораздо раньше. Слѣдовательно, я долженъ былъ по всѣмъ правиламъ быть причисленъ къ разряду тѣхъ лицъ, относительно которыхъ комиссія ограничилась перечисленіемъ ихъ именъ въ особомъ спискѣ, поданномъ его величеству.

Мы увидимъ далѣе, что на основаніи вышеупомянутыхъ принциповъ, принятыхъ комиссіей, а именно въ виду отсутствія досто-

вѣрныхъ свидѣтельскихъ показаній и доказательства существованія самыхъ преступныхъ замысловъ, меня не могли вызвать въ судъ. Въ вызовѣ было сказано, что я принималъ участіе въ возмущеніи 14-го декабря 1825 г. и что я обвиняюсь въ государственномъ преступленіи. Я отвѣчалъ, что за нѣсколько дней до полученія этого вызова, я уже послалъ въ Петербургъ оправдательную записку по обвиненію меня въ принадлежности къ тайнымъ обществамъ; и я твердо былъ убѣжденъ въ то время, что она будетъ признана достаточною; чтобы снять съ меня обвиненіе въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя мнѣ были приписаны, и что здоровье не позволяетъ мнѣ предпринять поѣздки въ Россію. Не стараясь никоимъ образомъ оправдать свой отказъ явиться въ судъ, я былъ убѣжденъ, что этой записки будетъ вполне достаточно, чтобы оправдать меня отъ всѣхъ обвиненій, которыя могли быть предъявлены мнѣ на законномъ основаніи.

...«Побужденія ихъ (членовъ тайнаго общества), какъ говоритъ Александръ Муравьевъ въ своемъ письменномъ отвѣтѣ на допросъ, была ложно понимаемая любовь къ отечеству, служившая для нихъ самихъ покровомъ безпокойнаго честолюбія; они не чувствовали, какъ нынѣ признаютъ единогласно во всѣхъ показаніяхъ своихъ, что чрезъ предполагаемые ими средства, никакая истинно полезная цѣль не могла быть достигнута¹⁾; что существованіе такого сообщества было незаконно и противно нравственности²⁾; что слѣдствіемъ онаго, рано или поздно, и можетъ быть даже безъ участія многихъ членовъ, должны были быть преступленія, ихъ собственная гибель и вредъ для государства»³⁾.

Хотя основаніе общества меня не касается, но справедливость требуетъ замѣтить, что о каждомъ обществѣ и о цѣляхъ, какія преслѣдуются его членами, можно судить только по уставу общества или по личнымъ заявленіямъ его членовъ. Уставъ общества, къ которому я принадлежалъ, извѣстенъ и касается всѣхъ членовъ вообще; личные цѣли, которыя они преслѣдовали, составляли ихъ личное дѣло. Разумѣется, нельзя оспаривать того факта, что замыслы нѣкоторыхъ членовъ общества, о коихъ не только не было упомянуто въ уставѣ, но кои скрывались отъ прочихъ членовъ, не могли никоимъ образомъ быть приписаны этимъ послѣднимъ, ибо каждый, само собою разумѣется, долженъ отвѣчать только за себя. Если это такъ, то, просматривая уставъ общества, членомъ

¹⁾ Слова Александра Муравьева.

²⁾ Слова Никиты Муравьева.

³⁾ Слова князя Сергѣя Трубецкаго.

кого я состоялъ, совершенно немислимо найти въ немъ что-либо противное законамъ общественной нравственности (исключая тайны, которая соблюдалась точно также масонами, коимъ не возбранялось тогда пребываніе въ Россіи); еще менѣе можно найти въ этомъ уставѣ задатковъ преступленій и бѣдствій, угрожающихъ государству. Если лица, учреждая какое бы то ни было общество, предвидать тѣ бѣдствія, о коихъ тутъ говорится, слѣдовательно, у нихъ имѣются заднія мысли, допустить которыя въ данномъ случаѣ невозможно. Впрочемъ, это первоначальное общество меня не касается.

«Они (члены общества) тогда же предложили присоединиться къ нимъ Якушкину, не задолго передъ тѣмъ уѣхавшему изъ Петербурга, и генераль-маіору Михаилу Орлову, который въ сіе время думалъ, вмѣстѣ съ графомъ Мамоновымъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Тургеневымъ, завести другое общество подъ названіемъ Русскихъ рыцарей. На совѣщаніяхъ между ими и Александромъ Муравьевымъ, они взаимно приглашали другъ друга въ свое общество и не могли согласиться въ правилахъ для соединенія. Генераль-маіоръ Орловъ сначала, какъ онъ самъ объявляетъ, хотѣлъ составить общество только для наблюденія за лихоимствомъ и другими безпорядками внутренняго управленія и полагалъ испросить на то высочайшаго одобренія; потомъ, вѣря дошедшимъ до него слухамъ, будто покойный императоръ намѣренъ возстановить Польшу въ прежнемъ видѣ, и приписывая сіе вліянію польскихъ тайныхъ обществъ, имѣлъ мысль посредствомъ своего сообщества противоѣдствовать онымъ; планъ его не исполнился, и, общество имъ предполагаемое, не составилось».

Такова ли была цѣль этого общества или нѣтъ, это меня не касается. Я не только не принадлежалъ къ нему, но даже узналъ о его существованіи только изъ «Донесенія» слѣдственной комиссіи.

Генераль Орловъ показалъ мнѣ ритуаль двухъ масонскихъ степеней и далъ мнѣ съ нихъ копію; мнѣ кажется, что онѣ не были выдуманы имъ самимъ, но заимствованы изъ какого-нибудь устава стариннаго масонскаго общества, существовавшаго въ Москвѣ. Я не былъ, сколько помнится, занятъ въ то время основаніемъ этого втораго общества, которое, судя по свойствамъ этихъ двухъ степеней, имѣло характеръ не политическаго, а скорѣе мистическаго общества; да и въ настоящее время мнѣ трудно представить себѣ, что я былъ занятъ въ то время основаніемъ общества, совмѣстно съ двумя лицами, изъ коихъ одного (графа Мамонова) я не видалъ никогда въ жизни. До чтенія этого «Донесенія» мнѣ также не было извѣстно объ отношеніяхъ, существовавшихъ между Александромъ Муравьевымъ и генераломъ Орловымъ.

Намѣренія, выраженные генераломъ, не могутъ меня касаться, такъ какъ мнѣ ихъ никогда не сообщали.

Впрочемъ, общество, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, какъ видно, вовсе не было основано, и о немъ далѣе не упоминается.

«Общество вскорѣ измѣнило свое образованіе, принявъ новое имя Союза Благоденствія и предложенный новый уставъ, сочиненный Александромъ, Михаиломъ Муравьевыми, княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ и Петромъ Колошинымъ».

Коммиссія упоминаетъ тутъ впервые объ обществѣ, къ которому я принадлежалъ. Все, предшествовавшее учрежденію этого общества, какъ-то: уставы, грамоты, а равно и тайныя цѣли его основателей отнюдь меня не касаются. Тѣ, коимъ все это было совершенно неизвѣстно, не могутъ быть отвѣтственны за гнусныя и преступныя намѣренія тѣхъ лицъ, кои признаютъ себя во всемъ этомъ виновными. Повторяю еще разъ, что всякій отвѣчаетъ за самого себя.

Тутъ надобно замѣтить, что такъ какъ временемъ основанія другаго общества (Союза Спасенія) названъ февраль мѣсяцъ 1817 г., то принявъ во вниманіе все происшедшее вслѣдъ за тѣмъ, до основанія Союза Благоденствія, учрежденіе этого послѣдняго можетъ быть отнесено только къ концу 1817 г. или къ началу 1818 г.

О характерѣ вновь возникшаго общества, именуемаго Союзомъ Благоденствія, можно судить главнымъ образомъ по его уставу, касающемуся одинаково всѣхъ членовъ, коихъ связываетъ взаимная отвѣтственность. Никакой второй части этого устава никогда не существовало, по крайней мѣрѣ мнѣ это не было извѣстно; съ этимъ согласна и слѣдственная коммиссія (см. ниже).

Теперь попрошу читателей прослѣдить содержаніе этого устава.

«Сочинители (устава), именовъ основателей сообщества, объявляютъ, что одно благо отечества есть цѣль ихъ, что сія цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства, что правительство, несмотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей, что учреждаемое ими общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ, и не скрываетъ своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти будетъ трудиться въ тайнѣ. Они дѣлили членовъ на четыре разряда, или отрасли; каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, не отказываясь совершенно и отъ занятій по другимъ. Въ первой предметомъ дѣятельности было челоуѣколюбіе, то-есть успѣхи частной и общей благотворительности: она имѣла надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство

онихъ и самое правительство о могущихъ вкратъ въ онѣя злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, равно и о средствахъ исправленія, или усовершенствованія. Во второй, умственное и нравственное образованіе, распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно ланкастерскихъ и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, равно и черезъ примѣры доброй нравственности, разговоры и сочиненія, съ симъ и съ цѣлію общества сообразныя. Членамъ сей второй отрасли порученъ былъ надзоръ за всѣми школами; они должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за границей и всякому чужеземному вліянію».

Благо отечества—единственная цѣль общества, которое предлагало даже свои услуги правительству, чтобы дѣлать добро: предложеніе быть можетъ излишнее и главное непрошенное, но по крайней мѣрѣ въ этомъ нѣтъ ничего преступнаго.

Необходимость соблюдать тайну объяснялась въ данномъ случаѣ необходимостью не подвергать труды общества недоброжелательнымъ и злонамѣреннымъ истолкованіямъ.

Не будучи, по своему характеру, вообще говоря, поклонникомъ секретныхъ дѣлъ и поступковъ, я долженъ однако замѣтить, что соблюденіе тайны въ этомъ обществѣ было положительно необходимо, если только оно хотѣло что-нибудь дѣлать. Недоброжелательство старается всегда истолковать въ дурную сторону самые честные и обыденные поступки; въ Россіи недоброжелательство еще дѣятельнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ гдѣ-либо.

Я помню, что во время голода, свирѣпствовавшего въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Имперіи, нѣкоторыя лица предлагали открыть всенародную подписку въ пользу голодающихъ; со стороны властей тотчасъ послѣдовало запрещеніе или, лучше сказать, отказъ на просьбу открыть эту подписку; лицамъ же, выступившимъ съ этимъ предложеніемъ, былъ данъ совѣтъ оставить эту благотворительную затѣю, такъ какъ на нее могутъ взглянуть какъ на заговоръ или злоумышленіе или что-то въ этомъ родѣ; пришлось собирать пожертвованія тайно.

Филантропія и воспитаніе—таковы были предметы занятій двухъ первыхъ отдѣловъ общества: трудно отгадать, что имѣлъ въ виду доброжелательный редакторъ, подчеркнувъ слова: «и съ цѣлію общества сообразныя»; такъ какъ эта цѣль была уже указана, то само собою разумѣется, что воспитаніе должно было клониться ко благу отечества.

«Въ третьей отрасли вниманіе было обращено на дѣйствія судовъ; члены обязывались не уклоняться отъ должностей по выбо-

рамъ дворянства и другихъ въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностію, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства. Наконецъ, члены четвертой отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи; стараться изыскивать, опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ... Вѣроятно, что для сего въ особенности, нѣкоторые (въ томъ числѣ Михайло Муравьевъ) предлагали испросить согласіе покойнаго императора на учрежденіе ихъ общества; но сіе предложеніе не принято прочими членами».

Правосудіе въ судахъ, политическая экономія—таковы были предметы занятій двухъ другихъ отдѣловъ.

Если могло возникнуть какое-либо сомнѣніе относительно искренности цѣлей и намѣреній общества, если можно было заподозрѣть, что у него была какая-нибудь посторонняя цѣль, помимо указанной въ уставѣ,—а редакторъ видимо имѣлъ это подозрѣніе, такъ какъ онъ счелъ нужнымъ напечатать курсивомъ фразу: «и съ цѣлію общества с о о б р а з ы я»,—то это сомнѣніе или это подозрѣніе, разумѣется, должны были исчезнуть, видя, что нѣкоторые члены общества предлагали ходатайствовать объ утвержденіи его императоромъ. Если обратить вниманіе на это обстоятельство, то приходится убѣдиться, что подобное предложеніе отнюдь не совмѣстимо съ какими бы то ни было преступными замыслами членовъ общества. Кому они это говорили? Кому они предлагали это? Они не обращались къ постороннимъ, они говорили объ этомъ между собою; имъ нечего было въ то время скрывать другъ отъ друга, слѣдовательно, у нихъ не могло быть никакого повода обманывать себя, а изъ этого вытекаетъ, что это предложеніе было сдѣлано искренно, а въ такомъ случаѣ ясно, что не только въ уставѣ общества, но и въ намѣреніяхъ его членовъ не было ничего преступнаго. Но, могутъ мнѣ возразить, что эти самые люди нѣсколько времени передъ тѣмъ обсуждали, однако, или, по крайней мѣрѣ, говорили о преступленіи, о царубійствѣ и т. п.

Боже мой! я въ этомъ именно и вижу доказательство ихъ искренности и отсутствія всего преступнаго въ ихъ намѣреніяхъ въ то время, когда они учреждали новое общество.

Не ясно ли изъ этого, что они убѣдились на опытѣ, что всѣ ихъ тайные происки не привели ровно ни къ чему? Не эта ли именно не-

удача заставила ихъ оставить преступный и избрать честный путь? Не утверждая даже, что они стали дѣйствовать иначе, вслѣдствіе совершившагося въ нихъ нравственнаго возрожденія, не ясно ли, что простой здравый смыслъ долженъ былъ внушить имъ мысль попытаться дѣйствовать невинными средствами, коль скоро преступныя средства оказались неэффективны? Нельзя ли въ такомъ случаѣ считать доказаннымъ, что если они избрали невинный и нравственный путь и, если хотите, были вынуждены избрать его, то, слѣдовательно, общество не имѣло никакихъ иныхъ цѣлей сверхъ указанныхъ въ уставѣ? Настаивать на этомъ подозрѣніи было бы не только противно всѣмъ правиламъ самой простой справедливости, это было бы противно простой очевидности, это значило бы, говоря вульгарно, искать вчерашняго дня.

Прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшее изложеніе, комиссіи было бы справедливо остановиться и рассмотреть самый характеръ и свойство этого общества. Выше было уже доказано, что общество, въ моментъ своего основанія, не преслѣдовало никакой преступной цѣли, и что даже учредители его не имѣли и не могли имѣть никакихъ преступныхъ умысловъ. Справедливость требуетъ не терять изъ вида этой характерной черты отсутствія въ обществѣ всякихъ преступныхъ цѣлей въ моментъ его основанія. Мы увидимъ далѣе, что общество сохранило это отличительное свойство, составлявшее его основной принципъ, до того момента, когда оно было распушено; нѣкоторые лица, принадлежавшія къ обществу проявили впоследствии совершенно иные цѣли и намѣренія; но справедливость требуетъ, чтобы ответственности были подвергнуты въ такомъ случаѣ только тѣ лица, кои высказывали или раздѣляли эти намѣренія. Тѣ члены, которые никогда не переступали принципа, выраженнаго въ уставѣ общества, ответственны только за этотъ принципъ. Взаимная ответственность членовъ далѣе этого не идетъ. Всѣ обязательства, налагаемыхъ уставомъ общества, каждый членъ отвѣтственъ только за себя лично.

Если читатель убѣдится въ томъ, что общество не преслѣдовало въ моментъ своего основанія никакихъ преступныхъ цѣлей, и прослѣдитъ внимательно все то, въ чемъ обвиняли меня лично, то онъ увидитъ, что вся моя вина состояла только въ томъ, что я принадлежалъ къ этому не преступному обществу, не преслѣдовавшему и никакихъ преступныхъ цѣлей.

«Образованіе онаго (общества) было слѣдующее: старѣйшіе члены, основатели общества, или первоначально вступившіе въ оное, составляли такъ называемый Коренной Союзъ; изъ него избирали Совѣтъ Кореннаго Союза, т. е. Блюстителя и

пять засѣдателей, изъ коихъ одинъ прочими, подъ руководствомъ Блюстителя, былъ назначаемъ въ председатели и тогда именовался Главою Союза; каждые четыре мѣсяца выходили изъ совѣта два засѣдателя и на мѣсто ихъ поступали другіе; Блюститель смѣнялся въ концѣ года. Когда прочіе члены Кореннаго Союза присоединялись къ Совѣту, то изъ сего образовалась Коренная Управа. Коренной Совѣтъ имѣлъ исполнительную власть въ Союзѣ, Коренная Управа—законодательную; она же, какъ выше означено, избирала чиновниковъ и была верховнымъ судилищемъ въ Союзѣ. Совѣтъ могъ признать членами и сдѣлать своими уполномоченными, въ ихъ мѣстѣ пребыванія, людей, пользовавшихся довѣренностію Кореннаго Союза; Управа назначала еще Временную Законодательную Палату, для разсмотрѣнія, поясненія и дополненія законовъ Союза, но не измѣняя цѣли онаго. Сіи, Палатою сочиненные законы должны были съ одобренія Управы имѣть временную силу до окончательнаго утвержденія оныхъ Верховнымъ Правленіемъ Союза, которое тогда только могло быть установлено, когда бы Союзъ совершенно составился».

Дѣйствительно, я былъ членомъ упомянутаго тайнаго общества, но, читая этотъ пунктъ «Донесенія», я не могъ припомнить всей процедуры, его организаціи и управленія; самыя слова Коренной Союзъ, коренная Управа и проч. совершенно ускользаютъ изъ моей памяти. Причина тому весьма простая, и именно, что на самомъ дѣлѣ никогда не существовало ни Кореннаго Союза, ни Коренной Управы, ни Временной Законодательной Палаты, никакого раздѣленія власти, ни ассесоровъ, ни измѣненій правилъ и цѣлей общества. Я нахожу въ концѣ того-же пункта «Донесенія» доказательство, что этого фантастическаго законодательства никогда не существовало. Въ этомъ пунктѣ говорится, что правила Временной Палаты должны были утверждаться какимъ-то верховнымъ правленіемъ, которое могло быть ограничено не прежде окончательнаго составленія Союза. А такъ какъ въ «Донесеніи» не сказано, что онъ состоялся или что это какое-то верховное правленіе было организовано (а это доказываетъ, что Союзъ не былъ окончательно учрежденъ), то изъ этого слѣдуетъ, что организація, о которой здѣсь идетъ рѣчь, фактически никогда не существовала и Союзъ не былъ учрежденъ окончательно. Посмотримъ, какія заключенія выводить изъ этого редакторъ «Донесенія»?

«Изъ всего сказаннаго очевидно, говоритъ онъ, что всѣ распоряженія въ семъ тайномъ обществѣ, особенно же направленіе онаго къ какой-либо цѣли, оставались въ рукахъ основателей или Коренныхъ Членовъ».

Что можетъ быть болѣе очевидно и доказано слѣдствіемъ, какъ не то

обстоятельство, что этотъ писанный уставъ общества никогда не былъ осуществленъ на дѣлѣ ¹⁾)?

Въ «Донесеніи» говорится и далѣе о томъ, что правленія созывались; что Центральныи Союзъ имѣлъ преимущество; что въ каждомъ правленіи былъ Совѣтъ; что дѣла рѣшались по большинству голосовъ; что постановленія принимались такимъ же образомъ; упоминается о почетной и позорной книгѣ. Все это существуетъ, быть можетъ, на бумагѣ, но болѣе нигдѣ, и редакторъ былъ обязанъ указать на это, изъ уваженія къ истинѣ и въ особенности ради точности, какой по закону долженъ отличаться всякій судебный актъ. Найдутся читатели, которые вообразятъ, что все перечисленное здѣсь существовало, а между тѣмъ это чистѣйшая выдумка. Гдѣ эти рѣшенныя дѣла, эти преимущества, коими пользовалось общество, эти почетныя и позорныя книги?

Говорить же редакторъ, упоминая о сборахъ, какими облагались члены, что это правило соблюдалось рѣдко. Справедливость требовала сказать то же самое и объ остальныхъ правилахъ. Не видя, чтобы правила, изложенныя въ уставѣ, соблюдались на практикѣ, редакторъ, какъ честный человекъ, обязанъ сказать изъ уваженія къ правдивости уголовного судопроизводства, что это общество существовало скорѣе на бумагѣ, нежели фактически.

«Таковы были, объявленныя въ 1-й части устава, цѣль и правила Союза Благоденствія.—Вторая часть не была сочинена, или по крайней мѣрѣ не была одобрена Кореннымъ Союзомъ, ибо написанный княземъ Трубецкимъ проектъ оставленъ безъ вниманія, и Александръ Муравьевъ бросилъ его въ огонь съ другими бумагами въ 1822 году.—Но объ оной упоминали, и, можетъ быть, сверхъ приманки для любопытства, видѣли въ ней средство когда-нибудь открыть новымъ членамъ настоящія намѣренія осно-

¹⁾ Трудно представить себѣ что-нибудь гнуснѣе того намека, который дѣлаетъ тутъ редакторъ. Самый алостный инквизиторъ не вывелъ бы изъ всего имъ же сказаннаго объ обществѣ инаго заключенія, какъ то, что общество это не имѣло никакой организаціи и что оно не было учреждено окончательно, какъ это высказалъ, быть можетъ, нечаянно самъ редакторъ. Тѣмъ не менѣе, противорѣча самъ себѣ, онъ говоритъ, что очевидно учредитель общества имѣлъ право вести его къ извѣстной цѣли. Пусть всякій добросовѣстный человекъ скажетъ, можно ли говорить недобросовѣстно, можно ли доводить до такой степени коварство, хитрость и ложь въ судебномъ актѣ? Очевидно, редакторъ хотѣлъ во что бы то ни стало доказать, что общество имѣло извѣстную цѣль! Не найдя на это нигдѣ никакихъ намековъ, онъ далъ волю своему воображенію, чтобы создать эту цѣль и представить ее на строгій судъ судей и вызвать злобу читателей доклада. Поступая такимъ образомъ, онъ какъ нельзя лучше выдаетъ цѣль, которую онъ самъ преслѣдовалъ. Примѣч. Н. И. Тургенева.

вателей общества ¹⁾.—Они не строго и даже очень мало сообразовались и съ правилами, въ первой части означенными.—При заведеніи управъ рѣдко былъ наблюдаемъ предположенный порядокъ; оныхъ было двѣ въ Москвѣ: 1-я подъ предсѣдательствомъ Александра Муравьева, который, послѣ отставки своей, жилъ тамъ нѣсколько времени; 2-я подъ предсѣдательствомъ князя Ѳедора Шаховскаго; обѣ существовали не долго; въ Петербургѣ также двѣ: у л. гв. Егерскаго офицера Семенова и у полковника Бурдова».

Въ этомъ пунктѣ впервые упоминается въ «Донесеніи» объ истинныхъ цѣляхъ основателей общества.

Грустно видѣть, что о столь важномъ обстоятельстве упомянуто, такъ сказать, вскользь, и говорится болѣе подробно въ примѣчаніи. Что касается меня, то я не могу отнестись такъ легко къ изложенію, имѣющему такое огромное значеніе для моего оправданія. Поэтому скажу на это примѣчаніе слѣдующее:

Секретарь общества Семеновъ показалъ, что цѣлью общества было измѣнить государственный строй и что эта цѣль была извѣстна въ началѣ главнымъ членамъ, а затѣмъ о ней узнали и остальные.

Весьма возможно, что секретарь сказалъ это, но доказалъ ли онъ справедливость своихъ словъ? Что касается меня, интересно знать, принадлежалъ ли я къ числу тѣхъ лицъ, коимъ эта цѣль была извѣстна, или кои о ней догадывались? Намѣренія людей проявляются только въ ихъ поступкахъ. Человѣческіе законы могутъ карать только за поступки. Одинъ Богъ имѣетъ право и, что еще важнѣе, власть и возможность судить за намѣренія.

Надобно ли говорить въ странѣ мало мальски цивилизованной, что всякое намѣреніе, не сопровождаемое дѣйствіемъ, не можетъ и не должно подвергаться суду и уголовному наказанію? Если бы было иначе, то къ какой казни пришлось бы приговорить несчастнаго баварскаго крестьянина, который, разсердившись на кого-то, рѣшилъ извести его молитвою (Ihn todt zu beten).

Что касается способовъ къ достиженію цѣли, указанныхъ тутъ секретаремъ (общества), то нельзя видѣть ничего преступнаго въ желаніи распространять политическія знанія и вліять на общественное мнѣніе. Въ этомъ случаѣ идетъ рѣчь также объ однихъ и тамъ намѣреніяхъ и болѣе ни о

---

¹⁾ Сіе намѣреніе не долго хранилось въ тайнѣ: „сначала,—говоритъ титулярный совѣтникъ Семеновъ, бывшій секретаремъ тайнаго общества,—знали только главные, а впоследствии проникли и другіе члены, что цѣлю Союза было измѣненіе государственныхъ установленій: для оной и для той, которая была объявлена въ уставѣ, признавали равно нужнымъ усилывать общество, распространять политическія знанія и стараться овладѣть мнѣніемъ публики.

чемъ, ибо нѣтъ доказательствъ, что общество съ успѣхомъ распростра- няло политическія свѣдѣнія (это было довольно трудно, принимая во вниманіе тѣ знанія, какими обладали въ этомъ отношеніи сами члены общества) или что оно съ успѣхомъ вліяло на общественное мнѣніе.

Изъ этого слѣдуетъ, что изъ заявленія, сдѣланнаго секретаремъ, можно вывести одно единственное заключеніе, что нѣкоторые члены, изъ его друзей, имѣли поползновеніе измѣнить существующій порядокъ вещей въ Россіи, но что это поползновеніе не могло быть цѣлью общества и что въ то же время они желали учиться и поучать другихъ въ разныхъ отрасляхъ политическихъ наукъ. Что касается общества, самого по себѣ, то справедливо ли будетъ приписать ему это желаніе измѣнить существующій порядокъ и видѣть въ этомъ цѣль общества, по той лишь причинѣ, что лица, имѣвшія это желаніе, были членами общества? Развѣ въ Россіи нѣтъ, какъ и во всякой иной странѣ, людей, принадлежащихъ ко всѣмъ сословіямъ, начиная отъ коронованныхъ особъ до самыхъ скромныхъ читателей газетъ, которые не желали бы видѣть въ чемъ-нибудь перемѣны? Что касается Россіи въ частности, то развѣ не позволительно было желать преобразованій, коль скоро они совершались ежедневно со временъ Петра I и когда самъ покойный императоръ объявилъ о возможности кореннаго преобразованія существующаго порядка вещей? (См. рѣчь его величества на польскомъ сеймѣ).

Какъ бы неосновательно ни было это обвиненіе общества и какъ бы мимоходомъ ни упомянулъ объ этомъ редакторъ, все-таки надобно замѣтить, что это обвиненіе, въ томъ именно видѣ, въ какомъ упоминаетъ онъ о немъ, встрѣчается тутъ въ «Донесеніи» впервые.

Поэтому его надобно принять во вниманіе. Въ переводѣ на юридическій языкъ это обвиненіе сводится къ слѣдующему: секретарь общества заявилъ, не подтвердивъ свои слова никакими доказательствами и въ противорѣчіе письменнымъ документамъ, приложеннымъ къ слѣдственному дѣлу, что общество имѣло цѣлью измѣнить государственный строй, при чемъ не указано, въ чемъ именно это измѣненіе должно было состоять и что средствомъ для достиженія этой цѣли должно было служить распространеніе политическихъ свѣдѣній и вліяніе на общественное мнѣніе, при чемъ не сказано, что эти средства были пущены въ ходъ или имѣли какой-либо успѣхъ.

Таковъ первый пунктъ обвиненія противъ общества. Мы постараемся восполнить отсутствіе системы въ изложеніи редактора, упомянувъ при этомъ пунктѣ все то, что можетъ быть отнесено къ нему.

Въ «Донесеніи» говорится, что учредители общества не подчинялись въ точности правиламъ устава: вѣрнѣе было бы сказать, что этотъ уставъ вовсе не соблюдался.

Два правленія, существовавшія въ Москвѣ, были учреждены, вѣроятно, до моего вступленія въ общество, ибо, ставъ его членомъ, я слышалъ, что Александръ Муравьевъ и князь Шаховской уже не состояли въ правленіи.

Я не былъ знакомъ съ членами обоихъ петербургскихъ управъ точно такъ же, какъ и съ московскими. Я познакомился лично съ однимъ изъ названныхъ здѣсь предсѣдателей, съ Бурцовымъ, гораздо позже, въ Москвѣ, въ то время, когда общество распалось. Истина того, что я говорю, легко можетъ быть доказана пробѣркою датъ.

«Впрочемъ, дѣятельность сего тайнаго общества (Общества Зеленой книги), какъ по всему видно, была сосредоточена въ такъ называемомъ Коренномъ Союзѣ, и сія дѣятельность всего болѣе обращалась на умноженіе членовъ, особенно въ Петербургѣ, гдѣ была большая часть Коренной Управы¹⁾».

Такъ какъ въ примѣчаніи сказано, что я вступилъ въ это общество, то я полагаю, что я вступилъ въ него именно въ то время. Я не могу въ точности припомнить это.

«Однако же, если вѣрить показаніямъ одного посторонняго свидѣтеля, не подтвержденнымъ извѣтми допрошенныхъ, составившіе сію Управу располагались тогда дѣйствовать на общее мнѣніе, изданіемъ особаго журнала, пѣсенъ, каррикатуръ и хотѣли для этого имѣть литографію за границей и тайную типографію въ отдаленной отъ столицы деревнѣ²⁾».

Вотъ этимъ-то именно даннымъ и не слѣдуетъ довѣрять, когда дѣло разбирается въ уголовномъ порядкѣ съ величайшей строгостью и точностью³⁾.

¹⁾ Генераль-маіоръ Михайло Орловъ и Николай Тургеневъ, не успѣвъ въ намѣреніи завести свое общество, вступили въ Союзъ Благоденствія.

²⁾ Такъ говоритъ сочинитель записки, найденной въ бумагахъ покойнаго императора, бывшій, какъ видно, членомъ Союза Благоденствія.—Изданіе журнала предпринималъ дѣйст. ст. сов. Николай Тургеневъ: есть нѣсколько возмутительныхъ пѣсенъ, которыя тогда были сочинены и можетъ быть выпускаемы, но точно ли по предписаніямъ тайнаго общества, того нельзя сказать утвердительно.

³⁾ Я ссылаюсь въ этомъ случаѣ на авторитетъ покойнаго императора, который не повѣрилъ, повидимому, всѣмъ даннымъ, которыя редакторъ привелъ и постарался представить въ своемъ собственномъ освѣщеніи; по крайней мѣрѣ не замѣтно, чтобы императоръ воспользовался этой замѣткой. Она, найденная въ бумагахъ покойнаго императора, подтверждаетъ высказанное мною въ приложеніи къ моимъ замѣткамъ предположеніе, что его величеству не только было извѣстно о существованіи тайнаго общества, но было извѣстно и то обстоятельство, что я принадлежалъ къ этому обществу.

Ежедневныя газеты, промышляющія скандальной хроникой, позволяютъ себѣ прибѣгать къ подобнаго рода ораторскимъ приѣмамъ, но это не спасаетъ ихъ отъ приговора суда, когда ихъ обвиняютъ въ диффамаци.

И что это за данныя, сообщенныя частными лицами? Они не подтверждены показаніями обвиненныхъ; да, разумѣется, они не подтверждены, но въ такомъ случаѣ къ чему говорить о нихъ? Эти обороты рѣчи, которые были бы невинны въ литературномъ произведеніи, производятъ пагубное впечатлѣніе на умы тѣхъ лицъ, которые должны произнести свой приговоръ, руководствуясь «Донесеніемъ».

Въ этихъ, не подтвержденныхъ, свидѣтелями данныхъ говорилось о журналѣ, пѣсняхъ и т. д. и т. д.

Въ примѣчаніи сказано, что я взялъ на себя изданіе журнала. Незвѣстный авторъ незвѣстной замѣтки донесъ на меня, будто я имѣлъ намѣреніе издавать журналъ. «Издавать», сказано въ «Донесеніи», значитъ представляя журналъ предварительно на утвержденіе цензуры! Еще разъ, къ чему же упоминать объ этомъ доносѣ, въ которомъ ровно ничего не доносится, и объ изданіи журнала, который никогда не издавался?

Существуютъ возмутительнаго свойства пѣсни, которыя, быть можетъ, распространялись... но которыя не могутъ однако быть приписаны обществу. Ну такъ что же изъ этого слѣдуетъ? Редакторъ могъ бы съ еще бѣльшимъ основаніемъ сказать, что существовали эпитаммы, быть можетъ, возмутительнаго свойства, остроты возмутительнаго свойства, которыя онъ, конечно, не подумаетъ приписать этому обществу. Мнѣ извинительно употреблять выраженіе бытъ можетъ, такъ какъ я не обвиняю другихъ, а только защищаюсь.

Что касается самого редактора, то ему надлежало бы знать, что въ дѣлахъ уголовныхъ слово бытъ можетъ никогда не должно осквернять

Редакторъ, видѣвшій, вѣроятно, упомянутую замѣтку, говоритъ, что авторъ ея видимо былъ членомъ Союза Благоденствія. Надобно полагать, что въ его замѣткѣ заключалось не мало фактическихъ подробностей, такъ какъ въ ней говорится даже о существовавшемъ намѣреніи издавать журналъ, а равно сообщается много подробностей о личностяхъ, и я назвалъ въ ней однимъ изъ редакторовъ этого журнала. Задолго до моего выѣзда изъ Россіи я былъ убѣжденъ въ томъ, что покойному императору было подробно извѣстно о всѣхъ существовавшихъ въ то время тайныхъ обществахъ и что онъ зналъ и о моемъ участіи въ нихъ. Вышеупомянутая замѣтка подтверждаетъ справедливость этого мнѣнія; я не считаю себя въ правѣ приводить по этому поводу какія-либо нынѣ доказательства, прошу только читателя припомнить это обстоятельство въ то время, какъ онъ будетъ читать въ „приложеніи“ то, что я говорю о милостивомъ отношеніи ко мнѣ императора передъ моимъ отъѣздомъ. Примѣч. Н. И. Тургенева.

уста и перо обвинителя. Весь духъ, въ коемъ написана эта достопримѣчательная замѣтка, свидѣтельствуетъ скорѣе всего о добродушіи адвоката, который старается всѣми возможными и невозможными средствами заставить восторжествовать свое дѣло; добродушіе, которое вошло въ пословицу точно такъ же, какъ безпристрастіе и умѣренность какого-нибудь законовѣда, излагающаго факты единственно съ цѣлью удовлетворить правосудіе и исполнить долгъ честнаго человѣка.

Какъ ни незначительно само по себѣ обвиненіе въ томъ, что я имѣлъ намѣреніе издавать журналъ, но, не желая пропускать ничего касающагося меня въ этомъ «Донесеніи», я скажу, что дѣйствительно я имѣлъ однажды намѣреніе издавать журналъ; но авторъ найденной замѣтки напрасно говорить, что я бралъ на себя эту обязанность или принималъ на себя передъ кѣмъ бы то ни было подобное обязательство. Мое намѣреніе издавать журналъ не имѣло ничего общаго съ Обществомъ. Я припоминаю, что мною было написано съ этой цѣлью объявленіе и роздано нѣкоторымъ лицамъ, разумѣется, не однимъ только членамъ общества, коихъ литературные таланты едва-ли были достаточны, чтобы пополнить страницы журнала. Я долженъ присовокупить, что я рассчитывалъ въ то время украсить предполагаемый журналъ нѣсколькими произведеніями остроумнаго редактора «Донесенія»¹⁾, литературнымъ дарованіемъ коего я нѣкогда восхищался; нынѣ же это дарованіе сдѣлалось пагубнымъ для меня и, смѣю сказать, и для него, ибо, не довольствуясь составленіемъ «Донесенія», просто на основаніи показаній, данныхъ обвиненными, и обстоятельствъ, подтвержденныхъ слѣдствіемъ, при чемъ оно было бы, разумѣется, не такъ стройно и полно, но болѣе правдиво, болѣе согласно съ сущностью изложеннаго дѣла, онъ увлекся своими литературными приѣмами и старался представить читателямъ (какъ онъ думалъ, — но это были судьи!) стройное и цѣльное произведеніе (между тѣмъ какъ данныя, обнаруженные слѣдствіемъ, не представляли ничего цѣльнаго и яснаго) и описать факты, въ стройной связи съ ихъ причинами и неизбежными послѣдствіями, тогда какъ они представлялись ему разрозненными, безсвязными. Желая придать набросанной имъ картинѣ связность и стройную гармонию, онъ обобщалъ то, что долженъ былъ представить, какъ частный случай, изображалъ дѣйствія массы людей, тогда какъ онъ долженъ былъ показать только поступки отдѣльныхъ лицъ; онъ рассчитывалъ произвести большее впечатлѣніе своимъ повѣствованіемъ, дополняя его воображеніемъ вмѣсто того, чтобы придерживаться точнаго изложенія представленныхъ ему фактовъ. Это несчастное желаніе заставило его исказить «Донесеніе» выраженіями въ родѣ нижеслѣдующихъ:

¹⁾ Извѣстно, что составителемъ «Донесенія» былъ Д. Н. Блудовъ.

«быть можетъ, чего нельзя утверждать, но которыя не были подтверждены и т. д., и т. д.

Пріятное для самолюбія редакторское искусство можетъ быть умѣстно въ ученическихъ сочиненіяхъ или, самое бѣльшее, въ дипломатическихъ нотахъ; но, разумѣется, не въ актахъ уголовного судопроизводства. Уголовное право воспрещаетъ не только украшать показанія, излагаемыя для судей, но предписываетъ даже излагать всѣ обстоятельства дѣла въ томъ порядкѣ, въ какомъ они представляются въ тождественныхъ выраженіяхъ, заимствованныхъ изъ показаній, данныхъ обвиняемыми добровольно, и въ особенности предписываетъ ограничиваться только передачею тѣхъ обстоятельствъ дѣла, которыя вполнѣ выяснены и доказаны, не позволяя себѣ не только высказывать какія-либо неосновательныя предположенія, но даже приводить соображенія, бездоказательныя и неправдоподобныя, не относящіяся къ дѣлу. Уголовныя дѣла ведутся для торжества истины, но не для того, чтобы угождать вкусамъ. Да не скажетъ читатель, что я преувеличиваю вліяніе, какое можетъ имѣть докладчикъ, на исходъ дѣла; я самъ достаточно опытенъ въ подобнаго рода трудахъ, и поэтому могу утверждать, что все сказанное мною о впечатлѣніи, которое должно было произвести это «Донесеніе», ничуть не преувеличено.

Сообщ. А. А. Ооминъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Крестянинъ вольнодумецъ.

Всеподданнѣйшее письмо Алексѣя Чемеровцова.

14-го мая 1814 г. Парижъ.

Алексѣй Ивановъ Чемеровцовъ музыкантъ, принадлежащій помѣщицѣ Елисаветѣ Семеновнѣ Синявиной, проданный ею графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, выѣхалъ съ нимъ изъ Россіи въ 1796 году, оставилъ его въ нѣмецкой землѣ, пропитывался въ теченіе осьмнадцати лѣтъ музыкою, давая концерты на флейтѣ въ знаменитыхъ городахъ Германіи и Франціи, и обученіемъ нѣмецкому, французскому и русскому языкамъ, женатъ на французкѣнѣ.

Бывъ обученъ нѣсколько исторіи, географіи, ариѳметикѣ и нѣкоторымъ иностраннымъ языкамъ, имѣя отъ самаго юношества непреодолимое желаніе быть полезнымъ отечеству моему, я не могъ снести безчеловѣчныхъ поступковъ съ родителями моими вышеупомянутой сей помѣщицы, но долгъ мнѣ повелѣваетъ предать оныя вѣчному умолчанію.

Несносно терзаемъ состояніемъ невиннаго отца моего и имѣя можетъ быть разсудокъ мой разсѣяннымъ, я рѣшился оставить графа Алексѣя Григорьевича Орлова, намѣреваясь подать просьбу милостивому моему монарху; но случай отдалялъ меня далѣе и далѣе отъ моего отечества, какъ вдругъ благословенное мгновеніе Франціи и всей Европы настало, и въ день Святыя Троицы, торжествуемый вашимъ императорскимъ величествомъ въ Парижѣ, жена моя осмѣлилась вручить самимъ вамъ челобитную мою, въ которой я рабски просилъ милостиваго прощенія въ моемъ преступленіи и высочайшаго позволенія поселиться съ фамиліею моею въ окрестностяхъ Саратова, или удостоиться счастья быть музыкантомъ въ капеллѣ благотворнаго моего сударя.

Теперь еще, по совѣту господина Лагарпа, дерзаю возобновить сію просьбу; или, если вашему императорскому величеству разсудится за благо требовать отъ меня какой другой либо службы, то я съ восхищеніемъ готовъ посвятить нѣкоторыя пріобрѣтенныя познанія для благосостоянія отечества моего. Средства, коими я могу оному быть полезнымъ, суть слѣдующія:

- 1) Земледѣльческая экономя російскія короны.
- 2) Способъ умножить число російскаго народа.

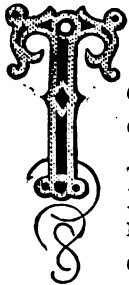
Подробности сихъ средствъ я никому иначе не открою, какъ лично самому Богомъ данному мнѣ монарху, къ которому любовь и преданность моя суть безпредѣльны.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXII ¹⁾.

Житіе-бытiе во время постройки Николаевской желѣзной дороги.—Сосѣдніе помѣщики.—Семейство Квашниныхъ-Самаринныхъ—Дѣвица-отшельница.—Ея братъ, пропавшій безъ вѣсти.—Моя женитьба на дѣвицѣ Мельгуновой, племянницѣ отшельницы.

Теперь разкажу о нашемъ житіѣ-бытіѣ на 6-мъ участкѣ, внѣ служебныхъ обязанностей, во время постройки Николаевской дороги. Я уже сказалъ, что я съ братомъ поселились въ деревнѣ Кузнецовѣ, вмѣстѣ съ начальникомъ участка Семичевымъ, и что въ той же деревнѣ жилъ товарищъ Поземковский ²⁾. Кромѣ нихъ были еще товарищи: баронъ Черкасовъ, Шашковъ, жившіе въ другихъ деревняхъ, и Миклуха-Маклай, который былъ гораздо старше насъ, уже женатъ и имѣлъ дѣтей. Въ это-то время и подросталъ будущій извѣстный герой Гвиней. Миклуха жилъ верстахъ въ 25 отъ центра, т. е. отъ Кузнецова, и пріѣзжалъ туда рѣдко. Всѣ же остальные офицеры нашего 6-го участка непрерывно видѣлись другъ съ другомъ, жили дружно и составляли какъ-бы одну семью.

Сначала, около трехъ лѣтъ, мы вообще жили по окрестнымъ деревнямъ; но впоследствии, при развитіи работъ, правительство разрѣшило

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июль 1901 годъ.

²⁾ Впоследствии, въ чинѣ тайнаго совѣтника, членъ Совѣта Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ.

постройку домовъ для насъ, т. е. для производителей работъ. Стоимость этихъ домовъ, по даннымъ чертежамъ, была исчислена по 2.500 руб. Этотъ расходъ былъ признанъ большимъ, и потому правительство отпустило офицерамъ по 1.600 руб. съ разрѣшеніемъ строить дома по усмотрѣнію cadaго, безъ опредѣленнаго плана. За эту цѣну, вслѣдствіе случайной дешевизны лѣса, мнѣ удалось построить довольно большой домикъ, а именно въ 6 саж. дл. и 6 саж. шир., съ мезониномъ, и онъ былъ больше, чѣмъ у другихъ товарищей.

Я сошелся дружески съ Семичевымъ (впослѣдствіи строитель Московско-Курской ж. д.). Это былъ человѣкъ очень умный, серьезный и хотя не имѣлъ совсѣмъ свѣтскаго образованія, но былъ человѣкъ развитой, такъ что бесѣды съ нимъ не могли быть скучными, тѣмъ болѣе, что онъ любилъ русскую литературу. Характера онъ былъ однако мрачнаго, очень твердаго и несообщительнаго, не менѣе того, во взглядахъ на жизнь и людей, мы во многомъ сходились.

Семичева нѣтъ уже на свѣтѣ, нѣтъ и другаго нашего товарища, барона Ивана Илановича Черкасова. Это былъ одинъ изъ самыхъ милѣйшихъ, честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, какихъ я встрѣчалъ въ жизни. Съ свѣтской точки зрѣнія, онъ былъ весьма образованъ, но былъ человѣкъ не вполне развитой вслѣдствіе особеннаго рода воспитанія. И потому, въ его характерѣ было необыкновенно много оригинальнаго, типичнаго, заслуживающаго, быть можетъ, описанія; но это завекло бы меня далеко. Всѣ, кто только зналъ Черкасова, были исполнены уваженія къ этому человѣку, и я очень любилъ его. Впослѣдствіи онъ былъ бѣловскимъ дворянскимъ предводителемъ, отказавшись отъ званія губернскаго преводаителя, потому, что желалъ жить въ своей деревнѣ, лежащей близко къ городу Бѣлеву.

Всѣ остальные наши товарищи еще живы, и о нихъ я долженъ умолчать; но если бы и пришлось что-либо сказать, то кромѣ самаго хорошаго я не могъ бы ничего сказать объ этихъ людяхъ.

Когда мы построили на отпущенныя намъ деньги дома, каждый на своей дистанціи, тогда, само собою разумѣется, наша совмѣстная жизнь прекратилась. Я построилъ себѣ домъ на самомъ берегу р. Шегринки, у окраины лѣса, въ удаленіи отъ всякаго жилья. Рѣчка Шегринка славилась необыкновенной величины форелями, достигавшими до 5 фут., отличалась быстрымъ теченіемъ и кристальной водой, съ температурой, никогда не превышающей 12° въ сильныя жары. Кромѣ того, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ ней находили не мало раковинъ, заключавшихъ въ себѣ жемчужины, но очень мелкія. Не мало такихъ жемчужинъ хранилось въ семействѣ Квашина-Самарина, во владѣніи котораго находилась Шегринка почти на всемъ протяженіи ея теченія.

У моей тещи, урожденной Квашниной - Самариной, было даже ожерелье изъ этихъ жемчужинъ.

Когда я, въ 1847 году, переѣхалъ на житье въ свой домъ, я не былъ одинокъ во время лѣта, потому что тогда прїѣзжала ко мнѣ матушка съ своими племянницами; но по зимамъ я оставался одинъ-одинешенекъ. Первую зиму съ 1847 на 1848 годъ, я взялъ отпускъ и провелъ ее въ Петербургѣ. Въ это время, разразилась во Франціи революція, и я тотчасъ же подписался на газету «La Presse», издававшуюся знаменитымъ публицистомъ и политическимъ дѣятелемъ Емилемъ Жиранденомъ, считавшимся человѣкомъ преданнымъ Россіи, и потому его журналъ былъ допущенъ у насъ.

Получая эту газету, я уже не испытывалъ одиночества въ зимнее время. Чтеніе ея не только съ излишкомъ наполняло свободное отъ занятій время, но доставляло неисчерпаемый источникъ наслажденія.

Чтобы повѣрить этому, надо вспомнить и перенестись въ ту эпоху, когда вся Европа подумала, что она перерождается къ иной жизни. И сколько политическаго и соціальнаго интереса представляла тогда одна Франція.

Провозглашеніе республики, майскіе дни, когда великій ораторъ усмиряетъ безъ выстрѣла двухсоттысячную толпу; іюньскіе дни и диктаторъ Кавеньякъ, уложившій до 25.000 людей и тѣмъ обратившій Сену, буквально, въ кровавый потокъ, затѣмъ разстрѣлявшій, безъ суда и слѣдствія, нѣсколько тысячъ людей, захваченныхъ на баррикадахъ и выведенныхъ на казнь какъ стадо барановъ, безъ знанія даже именъ этихъ людей. Затѣмъ дебаты въ Національномъ Собраніи, относящіяся до состоянія конституціи, при чемъ газета помѣщала полные стенографическіе отчеты всѣхъ рѣчей.

Въ то время выступали такіе ораторы, какъ Ламартинъ, Ледрю-Ролень, Одильонъ-Баро, Викторъ Гюго, Луи-Бланъ, Тьеръ, Жюль-Фавръ, и проч. Нынѣ нѣтъ и помину о подобныхъ ораторахъ. Одно время, Жиранденъ, выпущенный изъ тюрьмы, открылъ войну противъ Кавеньяка за его подвиги въ іюньскіе дни. Гражданское побѣненіе Кавеньяка и избраніе въ президенты Луи-Наполеона, который, исключительно, обязанъ побѣдой въ избирательной войнѣ Жирандену,—таковъ былъ громадныи интересъ чтенія, въ первый годъ послѣ февральской революціи, излагаемаго, сверхъ того, въ органѣ, дирижируемомъ такимъ публицистомъ, какъ Жиранденъ. Понятно, что такое чтеніе поглощало и время и умъ.

Послѣ того, Жиранденъ сталъ публиковать свои проекты относительно политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ реформъ, а равно указывалъ дорогу для иностранной политики. Всѣ вопросы онъ ставилъ

категорически, съ необыкновенною ясностью, безъ всякихъ колебаній и никакихъ компромиссовъ не терпѣлъ.

Органъ Жиардена былъ воспитательнымъ органомъ для политическихъ, экономическихъ и социальныхъ дѣятелей, т. е., короче сказать, былъ воспитательнымъ органомъ для государственныхъ людей.

Не было почти ни одного дня, чтобы Жиарденъ не помѣщалъ свои передовыя статьи, полныя самыхъ опредѣленныхъ, здравыхъ и практическихъ взглядовъ. Его статьи отличались и по самой формѣ относительно редакціи ихъ: никогда лишнихъ словъ, размазыванія, длинныхъ періодовъ и предложеній. Словомъ сказать, всегда излагалъ все коротко и ясно.

У меня твердо вѣзались въ памяти два капитальныхъ проекта Жиардена: о государственномъ налогѣ и объ организаціи государственной администраціи.

Относительно налога онъ предлагалъ заимствовать идею изъ процвѣтавшей нѣкогда Флорентійской республики, а именно изъ той эпохи, которая именуется въ исторіи Золотымъ вѣкомъ. Онъ свелъ все къ одному прямому налогу въ формѣ страхованія, налогу самому справедливому, уравнительному, самому легкому при оцѣнкѣ и охотно всеми платимому, какъ платять всѣ страхующіе свои имуществва. Кромѣ того, онъ видѣлъ въ такомъ налогѣ самую сильную узду, налагаемую на социальную болѣзнь вѣка, т. е. на непомѣрное развитіе роскоши, отвлекающей рабочій людъ отъ дѣйствительно-производительнаго труда. Независимо отъ этого, съ такимъ налогомъ онъ связывалъ превосходно паспортную систему.

Проектъ Жиардена о налогѣ можетъ показаться невыполнимымъ, но надо прочесть весь его трактатъ, могущій занять добрую книгу, въ которомъ онъ развилъ вопросъ детально и показалъ всю практичность своей идеи.

Я храню у себя полные экземпляры «La Presse» Жиардена не только за тѣ времена, но и за послѣдующіе годы и всѣ органы, въ разное время имъ издававшіеся, а именно: «La Presse», «La Liberté» и «La France». Къ Жиардену я возвращусь еще далѣе, когда я познакомился съ нимъ въ послѣдствіи.

Чтеніе газеты, относящейся ко времени, послѣдовавшему за Февральской революціей, послужило мнѣ просвѣтлѣніемъ моихъ взглядовъ.

Въ то время множество людей представляли себѣ, что Французская республика поведетъ къ возрожденію общества и къ рѣшенію социальныхъ вопросовъ въ благотворномъ для людей смыслѣ.

Но вотъ появляются июньскіе дни, разрѣшившіеся неслыханной катастрофой; затѣмъ дебаты въ Національномъ Собраніи рельефно обрисовали общественный строй и господствующія въ немъ идеи. Поязка

мало-по-малу спадывала съ глазъ, и иллюзія рушилась. Все живое, все истинное, все правдивое и возвышенное безпощадно давилось въ этомъ Собраніи.

Тогда я вздумалъ написать весьма объемистую статью для «Современника», въ которой старался очертить все зло, вытекающее изъ парламентскаго режима и изъ пресловутой политической теоріи бѣльшинства. Эта рукопись хранится у меня до сихъ поръ. Однако, статью эту цензура не пропустила; но въ послѣдствіи я проводилъ сложившіяся еще тогда у меня идеи въ моихъ французскихъ и русскихъ брошюрахъ, печатавшихся за границей, а равно, позже того, и въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ. Понятно, что, при означенныхъ условіяхъ, живя по зимамъ, одинъ-одинохонекъ, въ своемъ домикѣ, удаленномъ отъ всякаго жилья и заносимомъ сугробами снѣга, я одиночества не испытывалъ.

Итакъ, мы жили дружно, часто сѣзжались, время проводили между собой весело, но не за картами, о которыхъ у насъ и помину не было.

Изрѣдка мы гуртомъ ѣздили къ сосѣдямъ, которыхъ было немного, и они, по большей части, жили далеко.

Въ лѣтнее время проживало около насъ семейство Козиныхъ, въ превосходно устроенной усадьбѣ, Михайловскомъ, лежащемъ въ двухъ верстахъ отъ станціи Валдайки. Это имѣніе принадлежитъ теперь одному изъ моихъ братьевъ, Крониду. Семейству Козиныхъ я посвятилъ уже цѣлую главу. Понятно, что эти сосѣди представляли хорошее развлеченіе, особенно мнѣ и брату, какъ прежнимъ близкимъ имъ знакомымъ. Сашенька, вышедшая уже замужъ, пріѣзжала тоже на лѣто въ Михайловское и осталась такой же веселой, умной и острой, какой была и въ дѣвущкахъ.

У Семичева былъ товарищъ въ Институту путей сообщенія, инженеръ Щербаковъ. Онъ былъ уже женатъ и имѣлъ дочку одного года ¹⁾. Г-жа Щербакова была особенно хороша собою, съ римскимъ профилемъ, нѣсколько смугловата, но съ мягкимъ, живымъ румянцемъ.

Она была молода, весела, умна, привѣтлива и до крайности внимательная хозяйка; къ тому же—талантливая музыкантша, положительно виртуозка. Это былъ сильный магнитъ, тянувшій насъ въ семейство Щербаковыхъ.

---

¹⁾ Эта дочка выросла на нашихъ глазахъ, была прелестнымъ ребенкомъ, вышла замужъ за Эртеля, скоро овдовѣла и потомъ была начальницей Варшавскаго института, приобрѣла извѣстность, какъ особенно благоразумная и сердечная воспитательница юношества.

Такъ какъ Щербаковы жили въ Ямѣ Яжелбицѣ, слишкомъ за 60 верстъ отъ насъ, то мы не могли ѣздить туда часто, и ѣздили только по большимъ праздникамъ, на Рождество, масленицу, Пасху и на именины хозяина или хозяйки; но ѣздили съ тѣмъ, чтобы оставаться у нихъ по 3 или по 4 дня.

Соберемся, бывало, всѣ въ Кузнецовѣ и покатымъ на четырехъ тройкахъ, гуртомъ. Доѣдемъ до Зимогорья (почтовая станція на шоссе въ предмѣстьѣ Валдая) и остановимся на ночлегъ. Зимогорская почтовая станція славилась между путешествующими не какою-либо спеціальностью, какъ Померанія — вафлями, Яжелбица — форелью, Едрово—рыбчиками, Торжокъ—пожарскими котлетами (мѣсто ихъ рожденія), а вообще возможностью отлично поѣсть, вслѣдствіе случайно пріобрѣтеннаго хозяиномъ гостиницы великолѣпнаго, тонкаго повара. Кто изъ путешественниковъ зналъ это, тотъ непременно останавливался часа на два или на три въ Зимогорьѣ и заказывалъ обѣдъ спеціально.

Пріѣхавши въ Зимогорье, мы, конечно, заказывали ужинъ, который послѣ нашей скудной пищи въ глуши, гдѣ ни у кого изъ насъ не было повара, являлся тѣмъ болѣе превосходнымъ. На другой день, мы отправлялись на своихъ тройкахъ въ Яжелбицы, и тутъ же по хорошей дорогѣ, по шоссе, начиналась перегонка. Поземковскій держалъ превосходныхъ лошадей, такъ какъ онъ имѣлъ большой конный заводъ на Битюгѣ. У Черкасова были тоже прекрасныя лошади со своего завода рысистой породы. У насъ съ братомъ была тройка небольшого роста лошадей — казанокъ, которую подарилъ намъ братъ Аркадій, извѣстный знатокъ лошадей, изучавшій ихъ всю жизнь. Кореннымъ въ нашей тройкѣ былъ настоящій иноходецъ, необыкновенной быстроты, никогда не сбивавшійся съ хода, но необходимо было, чтобы везли прістязныя, а онъ только бѣжалъ. Обыкновенно наша тройка оставляла далеко за собой рысистыхъ рослыхъ лошадей. Впослѣдствіи знаменитый живописецъ лошадей, Сверчковъ, нарисовалъ эту тройку, и эта картина находится у меня.

Въ Яжелбицахъ Щербаковъ занималъ двѣ двухъэтажныя избы, принадлежащія священнику, соединилъ ихъ, передѣлалъ и оклеилъ, конечно, обоими. Комнаты были маленькія, но тамъ было уютно и симпатично. Мы пріѣзжали обыкновенно къ первому праздничному дню.

Въ этотъ день пріѣзжали къ Щербаковымъ знакомые помѣщики съ семействами, въ числѣ барышенъ были двѣ, замѣчательно хорошенькія: одну звали Софьею, другую—Екатериною, и потому явились двѣ партіи, которыя г-жа Щербакова назвала Софистами¹⁾ и Катистами; эта кличка распространилась по всей окрестности.

¹⁾ Софья сдѣлалась впослѣдствіи моей женой.

Обыкновенно, послѣ обѣда, Щербакова усаждала гостей своей превосходной артистической игрой на отличномъ роялѣ, потомъ, несмотря на маленькую комнату, принимались за танцы, и вечеръ кончался *petit jeu* и ужиномъ. Словомъ сказать, всегда было очень весело.

На другой день, когда уѣзжала большая часть постороннихъ гостей, Щербаковъ, до страсти любившій играть въ карты, усаживалъ насъ за зеленые столы, и игра длилась съ утра до вечера, все время, пока мы оставались у него. Только послѣ обѣда, жена его восхищала насъ своей игрой, а передъ ужиномъ составлялся хоръ русскихъ и цыганскихъ пѣсенъ и романсовъ, при чемъ г-жа Щербакова аккомпанировала и сама подпѣвала.

По поводу карточной игры, не могу упомянуть здѣсь объ оригинальности характера Черкасова. Онъ сначала не принималъ въ ней участія, считая, по внушенному ему, при его воспитаніи, взгляду, такое времяпрепровожденіе—грѣхомъ. Но однако не выдержалъ и, послѣ перваго раза, она ему очень понравилась, какъ вообще особенно нравятся запрещенные плоды. Несмотря на то, что мы были у Щербаковыхъ, какъ свои люди, пріѣзжали туда, чтобы оставаться нѣсколько дней, чему хозяева были очень рады, Черкасовъ не могъ отдѣлаться отъ известной церемоніальности. На другой день, послѣ праздничнаго дня, утромъ, подѣзжала къ крыльцу тройка, и Черкасовъ бралъ шапку, чтобы проститься съ хозяевами. Какъ они ни старались уговорить его, онъ не соглашался, отзвываясь необходимостью занятій, какихъ, въ сущности, вовсе не настояло, и проч. Во время этихъ разговариваній, обыкновенно, кто-нибудь распорядится развернуть скорѣе зеленый столъ и предложить Черкасову карту.

— Ну, пожалуй, одну пульку сыграю,—скажетъ онъ и сядетъ за карты.

— Такъ приказать отпречь лошадей?

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Я только одну пульку.

За первой пулкой слѣдуетъ вторая и третья. Всякій разъ его спросить, не отпречь ли лошадей, но онъ никакъ не позволялъ. Когда дѣло подойдетъ уже къ обѣду, кто-нибудь изъ насъ, жалѣя кучера и лошадей, распорядится отпречь лошадей, и вотъ Черкасовъ остается играть до ночи и ночуетъ. И такая процедура повторялась каждый день до тѣхъ поръ, пока и мы не соберемся уѣхать обратно гуртомъ.

Жена Щербакова была урожденная Лонгинова. Отецъ и мать съ семействомъ жили въ деревнѣ. Лонгиновъ былъ въ полномъ смыслѣ слова баринъ. Его усадьба, Горничное, стояла на берегу огромнаго озера—Боровно; передъ большимъ каменнымъ двухъэтажнымъ домомъ простирался большой паркъ съ тѣнистыми аллеями, протянутыми къ озеру. Домъ былъ отдѣланъ такъ, какъ только можно отдѣлывать богатые квар-

*

тиры въ столицѣ: съ бархатными обоями, всюду блестяло золото, и вообще превосходно меблированъ, въ такой мѣрѣ, что я не помню, чтобы встрѣчалъ подобную обстановку въ другихъ богатыхъ деревенскихъ усадьбахъ. Эта усадьба походила на самую роскошную дачу въ окрестностяхъ Петербурга. Самые надворныя строенія, рѣшетки и проч., были окрашены, какъ игрушки.

Щербаковъ, конечно, повезъ насъ познакомить съ семействомъ своего тестя. Мы отправились, по обыкновенію, гуртомъ, съѣхались у Черкасова, отъ котораго Горничное лежало верстахъ въ 25-ти; но можно было попасть туда по озеру изъ деревни съ противоположной стороны, и тогда приходилось проѣхать лишь 10 верстъ. Когда мы пріѣхали въ эту деревню, намъ выслали большой баркасъ и шесть гребцовъ, одѣтыхъ, какъ матросы. Пріѣхавъ въ Горничное, мы немало были удивлены обстановкой, подобной которой, какъ я уже сказалъ, въ деревняхъ никогда не встрѣчали. За столомъ служили люди во фракахъ и бѣлыхъ жилетахъ, и шампанское разливалось. Мы, конечно, остались ночевать, и каждому была отведена особая комната съ фарфоровыми рукомойниками и всѣми принадлежностями для умыванія, всѣмъ были положены новыя зубныя щетки, новые порошки и новое мыло. Постели были покрыты штофными одѣялами; все бѣлье было голландское; приготовлены были даже халаты и туфли, очевидно, державшіеся специально для гостей. На другой день обѣдъ, и опять разливное море шампанскаго. Впослѣдствіи, мы пріѣзжала въ Горничное всегда, когда Щербаковы давали знать, что они ѣдутъ туда.

Употребивъ капиталы на отдѣлку усадьбы и на широкую, роскошную монтировку дома и роскошничая не по карману, Лонгиновъ не могъ долго держаться; ресурсы его истощились, тянулся, сколько могъ, и вскорѣ умеръ во-время, не испытавъ переменъ образа жизни.

Послѣ его смерти, сосѣднее имѣніе Горы, на томъ же живописномъ озерѣ Боровно, досталось Щербаковой, гдѣ мы тоже проводили время весело. Щербаковъ вздумалъ устраивать имѣніе Горы и завести рациональное хозяйство. Онъ построилъ на свой счетъ каменные дома для крестьянъ, раздѣленные на два помѣщенія для двухъ семей, какъ въ оныя времена были устраиваемы Новгородскія военныя поселенія. Крестьяне должны были отправляться на работы по звонку, по звонку же отдыхать, ѣсть и проч. Подобныхъ условій русскій крестьянинъ не терпитъ.

Извѣстно, какъ трагически кончился огромный опытъ военныхъ поселеній; нѣчто подобное разыгрывалось и у Щербакова, съ тою разницею, что въ военныхъ поселеніяхъ игралъ роль барабанъ, а у Щербакова звонокъ. Владѣлецъ долго упорствовалъ измѣнить условія жизни крестьянъ, и, несмотря на свои добрыя намѣренія, они возненавидѣли его

въ такой мѣрѣ, что онъ не ѣздилъ уже въ деревню, опасаясь за безопасность своей жизни. Независимо отъ этого, Щербакѣвъ принялся за осушеніе и корчеваніе болотъ, которое обходилось ему рублей до 50-ти за десятину. Конечно, это было благотѣльно для будущаго, но тогда, когда можно было имѣть сѣно по 4 или 5 коп. за пудъ, его траты были не рациональны съ экономической стороны. Капиталъ былъ истраченъ, имѣніе не приносило дохода и было продано г-жѣ Громовой, которая, пользуясь живописнымъ мѣстомъ, устроила цѣлую колонію, дворець для себя и шоссе отъ Горь до станціи Окуловки.

По близости той деревни, гдѣ жилъ Черкасовъ, проживало семейство Козляниновыхъ въ своемъ имѣніи «Петровскомъ»; семейство состояло изъ мужа и жены, людей очень пожилыхъ, одного сына, гвардейскаго офицера, одного изъ храбрѣйшихъ кавказскихъ героев, перераненнаго и перестрѣленнаго, какъ рѣшето. Онъ жилъ у родителей въ отпуску, для поправленія здоровья, но службы не оставилъ и впоследствии достигъ очень скоро самой высокой, на военной іерархической лѣстницѣ ступени. Затѣмъ была дочь, дѣвушка лѣтъ 18-ти, очень красивая, видная, представительная и прекрасно образованная.

Мы рѣдко бывали тамъ потому, что старикъ не былъ человѣкомъ общительнымъ; но Черкасовъ, заинтересовавшись дѣвушкой, посѣщалъ это семейство довольно часто. Когда, въ этомъ отношеніи, сердце зашевелится нѣсколько серьезно, то обыкновенно человѣкъ не бываетъ вполне откровененъ; не менѣе того, пошли слухи, что Черкасовъ намѣренъ сдѣлать предложеніе. Между тѣмъ, онъ колебался, да и не могъ рѣшиться на подобный шагъ, безъ одобренія матери; его же мать-старуха жила въ Петербургѣ, семейство Козляниновыхъ никогда не видала, а оно не ѣздило туда. Такъ прошло года два. Вдругъ неожиданно для Черкасова, дѣвушка была объявлена невѣстой инженера Поссе, моего сосѣда по мѣсту работъ. Эта новость сильно покорибила Черкасова. Мы, его товарищи, конечно, замѣтили ему, что въ этихъ обстоятельствахъ долго раздумывать не годится.

Когда онъ нѣсколько успокоился, кто-то изъ насъ затѣялъ пошутить съ Черкасовымъ. Всѣ его товарищи собрались и поѣхали къ нему гуртомъ. Онъ подумалъ, что пріѣхали къ нему, чтобы ѣхать куда-нибудь въ гости.

— Куда вы выдумали тащить меня?—спросилъ онъ.

— Никуда, мы пріѣхали специально къ тебѣ; мы имѣемъ отъ г-жи NN достовѣрныя свѣдѣнія, что Елисавета Яковлевна (имя дѣвушки) дала слово Поссе по принужденію отца. А если это такъ, то дѣло поправить можно. Увези Елисавету Яковлевну. Поѣзжай туда, послѣ обѣда, подъ вечерокъ, предложи ей прогуляться въ паркѣ, объясни ей твое намѣреніе, она, вѣроятно, согласится; за паркомъ будетъ стоять

твоя тройка; садитесь и катите; мы же будемъ находиться съ нашими тройками въ овражѣ, близъ дороги; пустимся за тобой прямо въ церковь, явимся свидѣтелями, окрутимъ, а изъ церкви ты съ молодой и мы всѣ покатымъ къ отцу съ повинными головами. Онъ старикъ добрый, страшно любить дочь; а мать будетъ за тебя. Конечно, старикъ простить, и все кончится наиблагополучнѣйшимъ образомъ.

Видя, что планъ этотъ серьезно улыбулся Черкасову, и онъ сталъ какъ бы что-то обдумывать; мы, чтобы прекратить мистификацію, захотали, объявили, что наврали, никакихъ свѣдѣній г-жа NN намъ не передавала, что мы пошутили и пріѣхали къ нему просто для того, чтобы сыграть нѣсколько пулекъ. Черкасовъ обозвалъ насъ негодными школьниками и сѣлъ за пульку.

Все это происходило между нами; но, вѣроятно, кто-нибудь изъ насъ рассказалъ гдѣ-нибудь нашу шутку, и пошли слухи, что Черкасовъ пытался увести Елисавету Яковлевну, но ему не удалось и что между нимъ и Поссе состоится дуэль. Такъ какъ все это былъ вздоръ, то распушенные слухи не имѣли и не могли имѣть никакихъ послѣдствій. Черкасовъ, по окончаніи постройки Николаевской желѣзной дороги, женился на княжнѣ Оболенской и поселился въ своемъ имѣніи Бѣлевскаго уѣзда.

Поссе, конечно, благополучно женился на Елисаветѣ Яковлевнѣ. Это былъ человѣкъ очень умный, способный и былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ Института путей сообщенія. Онъ давно уже умеръ, но оставилъ сына, нынѣ знаменитаго профессора математики, обучающаго юношество въ университетѣ и въ Институтѣ путей сообщенія, гдѣ обучался и его отецъ.

Мы имѣли еще одно знакомое семейство Гордѣевыхъ въ самомъ Валдаѣ. Семейство это состояло изъ мужа, жены и двухъ дѣтей юношескаго возраста. Гордѣевъ былъ довольно богатый помѣщикъ, служилъ прежде въ гвардіи, потомъ былъ предводителемъ дворянства и по зимамъ жилъ въ городѣ, въ собственномъ большомъ домѣ, и жилъ очень открыто. Въ Валдаѣ стояла артиллерійская бригада, и потому въ городѣ жило много офицеровъ, быть можетъ, человѣкъ болѣе 30-ти, которые, какъ артиллеристы, были людьми образованными. У Гордѣева въ домѣ, въ большой залѣ стоялъ всегда огромный столъ, съ котораго не сходила скатерть. Утромъ чай, за которымъ всегда можно было встрѣтить офицеровъ; а въ 2 часа обѣдъ, накрывавшійся персонъ на 25, къ которому являлись безъ зова, иногда придетъ человѣкъ 3—4, а иногда десятокъ и болѣе; вечеромъ ежедневно карточная игра на нѣсколькихъ столахъ. При первой возможности устраивались танцы; ничѣмъ не стѣснялись, и всѣ находили развлеченіе. О такихъ условіяхъ жизни, нѣтъ, кажется, теперь и помину. Хозяйка была чрезвычайно умная и очень добрая

женщина. Семейство Гордѣвыхъ случайно играло роль въ моей женитьбѣ, а потому объ немъ будетъ упомянуто нѣсколько словъ дальше.

Еще было одно семейство Фроловскихъ, проживавшихъ всего ближе къ мѣсту моего жительства, въ селѣ Новотроицкомъ. Оно состояло изъ мужа, жены и двухъ маленькихъ дѣтей. Это были люди богатые, но расчетливые. Хозяинъ, прослуживши недолго въ кавалерійскомъ армейскомъ полку, вышелъ въ отставку и женился на богатой дѣвушкѣ Квашниной-Самариной, имѣя, впрочемъ, и самъ хорошее состояніе.

Я останавлиюсь нѣсколько на фамиліи Квашниныхъ-Самариныхъ. Отецъ дѣвушки, вышедшей замужъ за Фроловскаго, былъ очень богатъ и женатъ на Чириковой, тоже очень богатой, такъ что они владѣли почти всѣми имѣніями, лежащими между Валдайскимъ озеромъ и городомъ Боровичи, и далѣе, т. е. ихъ владѣнія простирались сплошь болѣе, чѣмъ на 50 верстъ. Кромѣ того, они имѣли имѣнія и въ Петербургской губерніи. Нѣсколько имѣній Квашнина-Самарина, Боровичскаго уѣзда, лежали въ сосѣдствѣ съ владѣніями фельдмаршала Суворова, съ которыми Самаринъ былъ очень друженъ, служилъ съ нимъ, и они были на «ты». Одно очень маленькое имѣніе Квашнина-Самарина, изъ числа прилегавшихъ къ имѣнію Суворова, принадлежитъ и до сихъ поръ моей женѣ. У меня было много собственноручныхъ писемъ Суворова въ конвертахъ съ печатью свѣтлѣйшаго, адресованныхъ на имя Квашнина-Самарина, относящихся ко времени ссылки фельдмаршала въ боровичское имѣніе, которыя видѣли у меня многіе мои знакомые. Но, къ величайшему сожалѣнію, эти письма пропали вмѣстѣ съ украденной у меня шкатулкой.

Жена Квашнина-Самарина, урожденная Чирикова, была, судя по портретамъ, очень хороша собою и принадлежала къ самому высшему свѣтскому обществу.

У Александра Петровича Квашнина-Самарина было два сына и три дочери. Старшій Петръ, бывшій владѣтель извѣстнаго въ окрестностяхъ Петербурга имѣнія Таицы, являлся нѣкогда въ высшемъ петербургскомъ обществѣ выдающимся джентльменомъ, потомъ женился и имѣлъ уже взрослую дочь, которую страстно любилъ, но она померла отъ холеры, а вскорѣ и онъ заболѣлъ какою-то странною болѣзнью и умеръ отъ помѣшательства. Второй сынъ, Александръ, имѣя уже около 10 лѣтъ, пропалъ безъ вѣств. Старшая дочь, Анна, вышла за Мельгунова — и имѣла дочь, сдѣлавшуюся впоследствии моей женою, вторая, Наталья, вышла за Фроловскаго, а третья, Софья, осталась дѣвушкой. Будучи молода, очень хороша собою, талантлива, страстная музыкантша и, получивши высокое образованіе, въ одинъ прекрасный день она удалилась изъ дому и поселилась въ избушкѣ въ лѣсу, гдѣ и прожила лѣтъ до 60-ти, сохранивъ, повидимому, полный разумъ.

Причина такого поступка и такого образа жизни остались тайной для всѣхъ; ибо, разъ удалившись, она не допускала къ себѣ родныхъ.

Воспитаніе въ домѣ Квашнина-Самарина производилось на французскій ладъ, начала нынѣшняго столѣтія. Все поручалось иностраннымъ гувернерамъ и гувернанткамъ, такъ что тѣ лица, которыхъ я зналъ, писали исключительно на французскомъ языкѣ потому, что не только затруднялись писать по-русски, но и употреблять русскую рѣчь въ разговорахъ. Къ этому присоединялось требованіе строжайшаго до мелочей соблюденія свѣтскихъ приличій,—что придавало всѣмъ, до конца жизни, какую-то въ характерахъ натянутость и ненатуральность, имѣвшая видъ какъ бы неоткровенности, хотя таковой, быть можетъ, и не было въ дѣйствительности.

Такъ какъ отшельница, дѣвица Софья Квашнина-Самарина представляетъ рѣдкое психическое явленіе, то я полагаю небезъинтереснымъ отвести ей особенно нѣсколько страницъ; для чего и помѣщу здѣсь рассказъ моей жены, племянницы отшельницы, которую жена моя знала въ дѣтствѣ и юности; рассказъ написанъ ею въ ея воспоминаніяхъ для нашихъ дѣтей.

Вотъ этотъ рассказъ:

Мы часто, особенно лѣтомъ, живали у бабушки, въ Новотроицкомъ. Отецъ уѣзжалъ, пріѣзжалъ, опять уѣзжалъ, а маменька, съ нами, дѣтьми, проводила цѣлые мѣсяца въ большомъ Новотроицкомъ домѣ, который я такъ любила. Привольно жилось мнѣ тамъ въ высокихъ комнатахъ, въ тѣнистыхъ садахъ, наполненныхъ цвѣтами и фруктами.

Съ бабушкой жили тогда двѣ, меньшія, незамужнія ея дочери: Наталья Александровна и Софья Александровна, а также воспитанница—Марья Антоновна и десятилѣтній мальчикъ Павушка, сынъ какого-то бѣднаго родственника. Кромѣ названныхъ мною лицъ, около бабушки толпилось всегда много разнаго люда, знакомыхъ, родныхъ, пріѣзжающихъ по дѣламъ, просящихъ помощи и благодѣянія.

Бывало, только-что няня одѣнетъ и умоетъ меня, какъ мы съ ней сейчасъ же спускаемся внизъ. Въ парадныхъ комнатахъ идетъ дѣятельная уборка: натираютъ полы, вытряхиваютъ ковры, стираютъ пыль, и весь этотъ занятой людъ встрѣчаетъ меня привѣтомъ и улыбками. Въ маленькой чайной, за круглымъ столомъ, Марья Антоновна разливаетъ чай; передъ ней, съ подносомъ въ рукахъ, стоитъ казачекъ Петя; я знаю, что онъ ждетъ чашку чаю, серебряный молочникъ съ кипяченными сливками и корзинку съ булочками, чтобы все это нести къ бабушкѣ, въ кабинетъ. Подлѣ Марьи Антоновны я почти всегда видѣла ея жениха, доктора Сперанскаго. Не знаю, когда онъ лѣчилъ больныхъ своихъ, но въ Новотроицкомъ онъ жилъ почти постоянно. Марья Антоновна

всегда ловила меня, когда я пробѣгала мимо, цѣловала и звала пить чай съ собой, за круглый столъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я къ бабушкѣ пойду!—кричала я, барахтаясь въ объятіяхъ Марьи Антоновны и, ухватя крѣпко няню за руку, тащила ее далѣе.

Въ угловой мы останавливались, и няня, а за нею и я, клали поклоны передъ образомъ Спаса Нерукотвореннаго, передъ которымъ всегда горѣла лампадка. Далѣе проходили мы черезъ темноватую бабушкину спальную, съ большимъ трюмо между двухъ оконъ. Въ огромномъ зеркалѣ я видѣла себя съ головы до ногъ: маленькую дѣвочку, съ открытыми руками и шеей и темною, коротко обстриженной головой. Вотъ бабушкина уборная, а вотъ и кабинетъ.

Бабушка сидитъ у письменнаго стола въ большомъ креслѣ. На ней чепчикъ съ широкою оборкой и шелковый капотъ, расходящійся спереди на вышитой юбкѣ.

— Здравствуй, Соня!

Она протягиваетъ мнѣ руки, я бросаюсь къ ней на шею. Потомъ мы вмѣстѣ пьемъ чай, весело разговаривая. Послѣ чаю я играю фарфоровымъ м о п с и к о м ъ, служащимъ бабушкѣ прессъ-папье, а бабушка продолжаетъ заниматься дѣлами: читаетъ какія-то бумаги, пишетъ, считаетъ. Приходитъ прикащикъ, ключница, буфетчикъ, скотница, горничныя, лакеи и какіе-то дворовые, не рѣдко появляется Марья Антоновна, а потомъ начинаютъ сходитьсь и прочіе члены семьи.

Павушка придетъ, неловко раскланяется и объявитъ, что взялъ у батюшки урокъ, и покажетъ заслуженную имъ отгѣтку.

Придетъ тетя Наталія, небольшого роста, худенькая брюнетка, очень тщательно и всегда по модѣ одѣтая. Она тоже, какъ-то особенно тщательно, выговариваетъ свое французское привѣтствіе, цѣлуя руку матери. Бабушка цѣлуетъ ее, оглядываетъ и улыбается, спрашивая о ея здоровьи.

— А Сошенька что? (Сошенькой звали въ семьѣ Софью Александровну)—робко спрашиваетъ бабушка.

Тетя Натали отвѣтитъ, что дѣлаетъ Сошенька, и уйдетъ пить чай въ столовую.

Маменька появлялась въ кабинетъ всегда попозже, въ капотѣ и въ чепчикѣ. Она всегда долго цѣловала и обнимала бабушку, говорила, что она дурно спала, что Васенька всю ночь плакалъ, а Катенька, кажется, хуже, что отъ Мишеля нѣтъ извѣстій. Бабушка утѣшала ее, успокоивала и опять робко спрашивала:

— А Сошенька что?

И онѣ, вздыхая, начинали говорить о Сошенькѣ, которая, если она

въ духѣ, весело вбѣгала въ комнату и смѣясь начинала болтать о всякой всячинѣ.

Она тоже была небольшого роста, но полная, блѣлая, съ ярко розовыми щеками и широкою короной темныхъ волосъ. Она не такъ тщательно одѣвалась, какъ тетя Натали, но всегда была туго зашнурована; и все, на ней надѣтое, было красиво. Уйдя отъ бабушки, она запира-лась въ большой гостиной и играла на роялѣ и пѣла. Тогда весь домъ ходилъ на цыпочкахъ и говорилъ шопотомъ.

Въ свои хорошіе дни, тетя Сошенька была очень весела. Бывало она по дѣльнымъ часамъ играла со мной; зазоветъ меня къ себѣ въ комнату, дверь запретъ на ключъ, надастъ мнѣ ягоду, фруктъ, конфектъ, которыя у нея не переводились, дасть книгъ съ картинками, а сама, говоря со мной, ходитъ по комнатѣ, то выдвинетъ ящикъ комода, то присядетъ къ письменному столу, то заглянетъ въ книгу, то займется цвѣтами, заставлявшими ея окна и балконъ и красующимися во всевозможныхъ вазахъ, вездѣ, гдѣ только можно было ихъ поставить.

Маменька и папенька очень не любили, когда Софья Александровна такъ завладѣвала мною.

— Сошенька, Соня у тебя?—послышится за дверью голосъ маменьки.

— Да, у меня!

— Пусти ее, она мнѣ нужна.

— Она мнѣ самой нужна,—отвѣчаетъ тетя Сошенька.

— Сонѣ нездорово сидѣть въ комнатѣ,—ей надо гулять,—продолжаетъ маменька.

— У меня окна и балконъ открыты, и здѣсь воздуху довольно,—возражаетъ тетя, посмѣиваясь и подмигивая мнѣ.

— Mais c'est ma fille, Sophie, je veux qu'elle se promène! ¹⁾—возвышаетъ тонъ маменька, и въ ея голосѣ слышно раздраженіе.

— Je ne la laisserais pas ¹⁾,—посмѣивается тетя.

Я слышу, что за дверью маменька бранить няню, зачѣмъ она не увела меня гулять. Няня плачетъ, громко сморкаясь. Тогда я тоже начинаю плакать и кричать.

Тетя Сошенька зажимаетъ мнѣ ротъ, трясетъ меня, суетъ мнѣ конфекты, картинки, но это ничего не помогаетъ, и я кричу все больше и все громче; смятеніе за дверью увеличивается. Тогда тетя съ шумомъ растворяетъ дверь и сильнымъ толчкомъ выбрасываетъ меня изъ своей комнаты. Если бы не протягивались ко мнѣ нѣсколько рукъ, готовыхъ поддержать меня, то вѣрно, я бы всякій разъ больно расшибалась отъ

¹⁾ Но это моя дочь, я желаю, чтобы она гуляла.

²⁾ Я не отпущу ее.

этого толчка. Тетя Сошенька тоже очень любила часто гостивших у насъ трехъ дѣвочекъ Базановыхъ. Она играла съ ними, говорила, надѣляла лакомствами. Отецъ этихъ дѣвочекъ былъ управителемъ у моего дѣдушки, Александра Петровича Квашнина-Самарина, и много разъ доказалъ свою преданность семьѣ. Онъ былъ, говорятъ, честенъ и уменъ, и всѣ, и старшіе и низшіе, его любили и уважали. Онъ умеръ уже долго спустя послѣ дѣдушки, а его жена съ многочисленной своей семьей жила въ небольшомъ своемъ имѣніи, подаренномъ имъ бабушкой.

— Дѣти,—часто говорила тетя Сошенька Базановымъ,—помните вашего отца, чтите его память, онъ былъ рѣдкій человекъ, такъ же, какъ и мой отецъ, о которомъ я до сихъ поръ плачу.

Тетѣ Сошенькѣ было около семи лѣтъ, когда она потеряла отца, слѣдовательно, не могла, когда ей было за двадцать лѣтъ, такъ о немъ соврушаться; но было одно обстоятельство, которое заставляло ее такъ говорить, а именно: нѣсколько лѣтъ передъ этимъ бабушка чуть не вышла вторично замужъ за человека бѣднаго, не дворянина, хотя очень образованнаго. Этого-то Софья Александровна никогда не могла простить матери.

Одинъ случай вѣззался мнѣ въ память со всѣми мельчайшими подробностями и такъ живо рисуется мнѣ, точно это было вчера.

Въ одинъ жаркій лѣтній день, я играла на островкѣ. Островкомъ называлась одна часть сада, примыкавшая къ озеру, на которомъ была устроена пристань для лодокъ. Эта часть сада отдѣлялась съ трехъ сторонъ отъ его аллеи и роцъ прокопанной широкой, какъ маленькая рѣчка, канавой, а съ четвертой она примыкала къ озеру; такимъ образомъ, образовался небольшой островокъ. Онъ весь былъ усаженъ шиповникомъ и сиренью. Желтыя дорожки капризно извивались между клумбами цвѣтовъ; подъ плакучими березами стояли скамейки и столы. Это было мое любимое мѣсто. Прилегающій къ водѣ берегъ былъ отлогій, покрытый тонкимъ бѣлымъ пескомъ, камушками и ракушками; въ водѣ, около берега, играли стаи рыбокъ, и я съ восхищеніемъ засматривалась на ихъ рѣзвыя игры. Вотъ и теперь я стояла на берегу, бросая рыбкамъ крошки хлѣба, и рассказывала нянѣ, какъ онѣ бросаются и рыщутъ на солнцѣ, а няня сидѣла, работая, на ступенькахъ пристани. Няня моя была не крѣпостная; ее наняли для меня въ Петербургъ; она была дочь дьякона и немного говорила по-нѣмецки; ее звали Анной Ивановной. Еще съ нами, въ этотъ день, на островкѣ былъ Павушка; онъ удилъ рыбу.

Вдругъ, видимъ мы, съ горы, по тѣнистой дорожкѣ, спускается къ намъ тетя Сошенька. Она, по своему обыкновенію, шла очень скоро, что-то напѣвая. Пришедъ на островокъ, она стала отвязывать одну изъ лодокъ. Тетя любила всякій спортъ. Она каталась верхомъ, на лодкѣ,

гуляла очень много и всегда одна, что было необычайнымъ явленіемъ въ то время, когда благородныхъ барышенъ ни на шагъ изъ дому не пускали однихъ.

— Соня, хочешь со мной кататься въ лодочкѣ?—спросила она меня.

— Хочу, хочу!—закричала я, протягивая къ тетѣ руки.

Не успѣла няня вскочить на ноги и подбѣжать ко мнѣ, какъ тетя подняла меня, посадила и отчалила отъ берега. А на пристани, вижу, поднялась суматоха: Павушка бросился бѣжать къ дому, няня истошно кричить и машетъ руками. Все это меня страшно перепугало, и я начала тоже вопить благимъ матомъ и биться въ лодкѣ.

— Пусти меня къ нянѣ, я къ нянѣ хочу!—кричала я.

Тетя Сошенька должна была одной рукой править весломъ, а другой держать меня; поэтому наша лодка начала кружиться на мѣстѣ и качаться, что еще болѣе пугало меня. Тетя посадила меня на дно лодки и начала грести обоими веслами, но не къ пристани, а къ противоположному берегу. Однако, все это взяло довольно времени и когда наша лодка была уже близко отъ своей цѣли, насъ окружило нѣсколько лодокъ и кутекъ (кутьками называютъ у насъ челноки, выдолбленные въ цѣломъ деревѣ, наподобіе пирогъ дивихъ). Онѣ намъ мѣшали пристать къ берегу и на вопросъ тети:—«Что вамъ нужно?»—сидящіе въ нихъ отвѣчали, что Михайло Васильевичъ требуетъ маленькую барышню. А между тѣмъ, отецъ, а за нимъ и толпа домашнихъ, прибѣжали на пристань. Отецъ сейчасъ же вскочилъ въ лодку, а мы, задержанныя цѣлой флотиліей суденышекъ, стояли и ждали его. Черезъ нѣсколько минутъ я была на рукахъ отца, въ его лодкѣ, и мы всѣ направились къ островку. Когда мы вышли на берегъ, то насъ окружила толпа прибѣжавшихъ изъ дому. Тутъ была тетя Натали, Марья Антоновна со своимъ Сперанскимъ, горничныя, лакеи, садовники, жители погоста, которые, по первой тревогѣ, поднятой Павушкой, выѣхали остановить лодку тети Сошеньки. Дѣло въ томъ, что папенька строго-на-строго запретилъ мнѣ и дѣвочкамъ Базановымъ кататься въ лодкѣ съ тетей Сошенькой, боясь оставить съ нею на водѣ однихъ дѣтей, не подозрѣвающихъ всей опасности плаванія. Людямъ тоже было приказано препятствовать катанію по озеру дѣтей. Я въ первый разъ испытывала это удовольствіе, а дѣвочекъ Базановыхъ тетя увозила съ собою часто, и одна изъ нихъ разъ упала изъ лодки въ воду, потому отецъ и счелъ нужнымъ принять строгія мѣры противъ этого.

Меня не сейчасъ повели домой и старались успокоить и привести въ порядокъ, чтобы мой разстроенный видъ не напугалъ маменьки и бабушки.

— Зачѣмъ вы, Мишель, устроили противъ меня такую облаву?—

приступила тоже возвращавшаяся на островок тетя Сошенька къ отцу.

— А затѣмъ, что я уже нѣсколько разъ просилъ васъ, Софья Александровна, не брать дѣтей въ лодку съ собой, для нихъ это опасно— отвѣчалъ отецъ.

— Какъ вы узнали, что Соня поѣхала со мной кататься въ лодкѣ?

— Спасибо Павушкѣ, онъ прибѣжалъ сказать это мнѣ и людямъ.

— А-а! И тетя Сошенька бросилась къ Павушкѣ и вцѣпилась въ его уши; кровь брызнула у бѣднаго мальчика изъ-подъ ея ногтей.

— Софья Александровна!— вскрикнулъ отецъ и, оттолкнувъ ее, освободилъ плачущаго, окровавленнаго Павушку.

Всѣ бросились къ нему, стали его утѣшать, обмывать окровавленные уши, а Софья Александровна тихо направилась къ дому.

— Ну, теперь она захандритъ, и мы ее долго не увидимъ,—замѣтила тетя Натали, приглаживая мои разстрепанные волосы.

Но тетя Сошенька не захандрила. У меня къ вечеру отъ волненія и промоченныхъ въ лодкѣ ногъ сдѣлался жаръ, и она, со всѣми другими, ухаживала за мной и, кажется, очень жалѣла, что я, по ея милости, прихворнула.

Все то, что я теперь говорила о тетѣ Сошенькѣ, происходило въ тѣ дни, когда она была въ духѣ; но когда нападала на нее хандра, то картина совсѣмъ перемѣнялась; ее нигдѣ не было видно, комната ея постоянно была заперта на ключъ.

Черезъ конюха узнавали, что она, осѣдавъ сама лошадь, уѣхала куда-то. Или какая-нибудь дворовая женщина приносила извѣстіе, что барышню видѣли на дорогѣ къ Борисову, или въ Заозерномъ лѣсу, одну, пѣшкомъ, или въ лодкѣ около Терехова; ее стерегли, когда она вернется домой, и когда кому-нибудь удавалось подсмотрѣть, какъ она, крадучись, пробиралась въ свою комнату, то тотъ съ восторгомъ прибѣгалъ объявить это бабушкѣ, за чтѣ всегда получалъ нѣсколько денегъ.

И тогда подымались хлопоты.

— Сошенькѣ чаю, обѣдать, — командовала дрожащимъ голосомъ бабушка.

И на верхъ несли полные подносы всякихъ яствъ, лакомствъ и стучали въ дверь Софьи Александровнѣ. Бабушка, маменька, тетя Натали, Марья Антоновна, всѣ по очереди подходили къ этой двери и умоляли затворницу впустить людей съ пищей, но отвѣта никакого не было ни на просьбы, ни на слезы, ни на увѣщанія.

— А вотъ я вашу дверь выломаю,—сказалъ разъ отецъ, котораго вся эта возня страшно злила.

— А я брошусь внизъ изъ окошка,—отвѣчала ему изъ-за двери тетя Сошенька.

— Не пугай ее, Мишель, она въ самомъ дѣлѣ бросится изъ окошка,—говорила, дрожа, бабушка, и отецъ, махнувъ рукой, уходилъ и рѣдко вмѣшивался въ хлопоты всѣхъ домашнихъ объ захандрившей Софѣ Александровнѣ.

Только разъ, когда дѣльный день бабушка безпокоилась, что Сошенька умретъ съ голоду, отецъ выслѣдилъ, что она ѣсть въ людской у стряпухи, на скотномъ дворѣ у молочницы и въ сосѣднихъ деревняхъ у крестьянъ, куда ѣздила кататься и ходила гулять.

Но была ли она въ духѣ или хандрила, она рѣдко сходила внизъ, когда были гости. Въ первомъ случаѣ, ей тогда носили пищу въ ея комнату.

Вотъ разъ отецъ, вернувшись въ Новотроицкое изъ долгой отлучки, привезъ съ собой своего товарища и друга Тандера и брата его жены, молодого, красиваго человѣка, Ивана Петровича Ф.

Ф. былъ довольно богатъ и представлялся выгоднымъ женихомъ. Онъ слышался, что въ Новотроицкомъ есть двѣ барышни, а ему хотѣлось жениться на дѣвушкѣ съ состояніемъ и изъ хорошей семьи.

Съ тетей Натали онъ познакомился, конечно, сейчасъ же, послѣ своего приѣзда къ намъ; но ему очень хотѣлось увидать и тетю Сошеньку, а она, какъ нарочно, не выходила ни къ обѣду, ни къ чаю, ни къ ужину.

— Я не терплю этихъ жениховъ,—говорила она и оставалась наверху, куда доступъ постороннимъ былъ не мыслимъ.

Иванъ Петровичъ былъ большой шутникъ, ему во что бы то ни стало, хотѣлось взглянуть на невидимку. И вотъ онъ началъ безпрестанно посѣщать конный дворъ, тамъ вошелъ въ дружескія отношенія съ главнымъ кучеромъ и всѣми конюхами.

Слѣдствіемъ этого было то, что ему всякій разъ давали знать, когда Софья Александровна велитъ осѣдлатъ себѣ лошадь. Одинъ разъ, когда конюхъ, запыхавшись, прибѣжалъ доложить, что, дескать, барышня ѣдетъ кататься верхомъ, Иванъ Петровичъ, посмѣиваясь въ свои красивые, длинные, черные усы, отправился на конюшню, переодѣлся конюхомъ и подвелъ осѣдланную лошадь къ подъѣзду, гдѣ въ амазонкѣ стояла тетя Сошенька. Онъ помогъ ей сѣсть въ сѣдло, вдѣлъ ей ногу въ стремя, поправилъ амазонку и подтянулъ подпругу. Тетя Сошенька только разъ взглянула на этого красиваго конюха, опустила глаза, закусилла губы и уѣхала. Возвратясь домой, она сдѣлала ужасную сцену матери и сестрамъ. Она узнала Ф. Вѣрно, она видѣла его изъ окошка съверху, когда онъ гулялъ въ саду или проходилъ по двору. Послѣ этого, она надолго захандрила, и Иванъ Петровичъ уже болѣе никогда не видалъ ее.

Вскорѣ онъ посватался за тетю Натали и получилъ ее и бабушкино согласіе. Стали готовиться къ свадьбѣ; въ домѣ стояло необычное ожив-

леніе: совѣщались о приданомъ, писали письма въ Петербургъ, изъ Петербурга сыпались письма и посылки, поздравленья, подарки, заказанныя вещи. То и дѣло скакали посланные въ нашъ уѣздный городъ и обратно, пріѣзжали поздравлять родные, знакомые; всѣ были веселы и одушевлены, одна Софья Александровна упорно хандрила и не сходила внизъ.

— Но, Сошенька, что скажутъ всѣ, не видя тебя съ нами?—съ отчаяніемъ говорила бабушка.

— Скажите, что я нездорова,—отвѣчала непокорная дочь, и даже и на свадьбу не явилась она.

А я, маленькая дѣвочка, веселилась ужасно въ этой овадебной атмосферѣ. Большой залъ былъ заставленъ пальцами и столами, за которыми горничныя шили и вышивали приданое, напѣвая свадебныя пѣсни. Старая ключница имъ безпрестанно носила лакомства: то домашніе медовые пряники, то моченую бруснику съ яблоками, то каленые орѣхи; женихъ всякій разъ, пріѣзжая, дарилъ имъ деньги, а невѣстѣ привозилъ подарки и всѣмъ другимъ барышнямъ конфеты и фрукты.

Поднялись тоже толки, что дать тетѣ Натали въ приданое? Два сына бабушки и моя мать были уже выдѣлены; выдѣлили и тетю Патали, давая ей превосходное имѣніе, Новотроицкое, съ окружающими его деревнями. Чтобы немного уравновѣсить дѣлежъ, потому, что мать моя получила въ приданое совсѣмъ неустроенную усадьбу, а Новотроицкое, въ полномъ смыслѣ, было полная чаша, то бабушка перевела на мое имя Новую деревню. Софью же Александровну боялись еще выдѣлить. Вотъ что по этому поводу писалъ бабушкѣ другъ ихъ дома X...

«Счастлива я буду, если вы выслушаете не совѣтъ мой, который слабъ, но гласъ истины, къ коему нѣкогда склоняли слухъ свой.

«Сколько я понимаю изъ письма вашего, то вы свое имѣніе, принадлежющее вамъ по праву благопріобрѣтенности, желаете упрочить или же и упрочили внукѣ вашей, минуя дочь вашу Софью Александровну. Не говорю о средствахъ, какія приняты вами, чтобы перевести имѣніе на деньги и черезъ то удовлетворить Софью А. По моимъ понятіямъ, я убѣжденъ, что имѣніе ваше вы упрочиваете вашей внукѣ. И по законамъ Божескимъ и по человѣческимъ правамъ, дочь должна занимать первое мѣсто у сердца матери; если же не такъ, то изысканья должны быть причины, почему те перь, а не гораздо прежде, она должна быть лишена правъ своихъ, наказана и поставлена ниже внуки, а тѣмъ отдаленнѣе отъ другихъ сестеръ своихъ!

«Я рѣшительно утверждаю, что слухи, до васъ дошедшіе отъ какой-то Марьи Ивановны, не имѣютъ основанія. Софья Александровна превышаетъ тѣхъ понятій, коя свойственны людямъ, вовсе ей постороннимъ, и

конхъ голось и мнѣніе, по существу и цѣли дѣлаемаго вами ей предложенія, она должна считать для себя неумѣстными. Сравнивая вознагражденіе другихъ двухъ дочерей вашихъ—я говорю языкомъ истины—Софья А. не имѣетъ еще понявѣ ничего вѣрнаго, ничего для нея упоченнаго отъ сердца матери, кромѣ одного предположенія, и то, какъ видно, шаткаго, взвѣшиваемаго на голосахъ, на мнѣніяхъ, никакими событіями не подкрѣпленныхъ; представляя все это, я нахожу, что есть судьба, которая столько же прихотлива въ дарахъ своихъ, сколько постоянна, и вѣрно то, что рано или поздно, но наступитъ время, что мы должны будемъ сознаться въ несправедливости поступковъ нашихъ. Я страшусь, чтобы вы глубоко не раскаялись. Но чтобы вы вполне почувствовали сладость и успокоились въ сердцѣ вашемъ,—передайте имѣніе безъ всякихъ условій, ограниченностей и оборотовъ дочери вашей Софьѣ А. Нѣтъ вамъ нужды до того,—согласна ли она будетъ на сіе, или нѣтъ: это покажетъ время и убѣжденіе въ совѣсти вашей, что вы сдѣлали для нея все, что могли сдѣлать».

Эти выписки изъ дѣловаго письма показываютъ, что въ семьѣ происходила драма по поводу раздѣла.

Конечно, я, маленькая дѣвочка, не могла понять, что дѣлалось вокругъ меня, но видѣла волненіе родныхъ, слышала таинственныя рѣчи прислуги о чемъ-то касающемся моихъ родителей, бабушки и тетокъ. Какъ бы то ни было, но Софью Александровичу выдѣлили наравнѣ съ сестрами, и что недоставало землей въ ея долѣ, то дополнила бабушка капиталомъ, вложеннымъ на имя Софьи Александровны въ Петербургскій банкъ.

Итакъ, бабушка, какъ король Лиръ, роздала все своимъ дѣтямъ, оставивъ себѣ лишь небольшой капиталъ, намѣреваясь жить то у одной дочери, то у другой. Но и ей, какъ королю Лиру, этотъ раздѣлъ не далъ счастья. Между старшимъ сыномъ ея и двумя сестрами явился непримиримый разладъ вслѣдствіе того, что дочери получили свыше того, что опредѣляется закономъ. Второй мой дядя, Александръ Александровичъ, въ юныхъ годахъ подавалъ много надеждъ, учился превосходно и мечталъ одѣлаться вторымъ Суворовымъ, но, поступивъ въ Артиллерійское училище, онъ совершенно опѣшилъ. Избалованный мальчижъ, выросшій на деревенскомъ просторѣ, онъ скучалъ и томился въ тѣсномъ школьномъ мѣрѣ до того, что убѣжалъ изъ училища; молодца скоро поймали и опять водворили въ школу, гдѣ съ грѣхомъ пополамъ онъ кончилъ курсъ и вышелъ въ офицеры.

Какъ только его выдѣлили, такъ онъ сейчасъ же вышелъ въ отставку и началъ чудить. Ему досталась, между прочимъ, великолѣпная усадьба, въ которой всегда прежде жила его семья и все было устроено на славу. Домъ съ флигелями и службами, сады, оранжереи, паркъ, называемый,

въ честь бабушки, Екатериненвальдомъ,—все было роскошно. Домъ внутри былъ богато убранъ и поломъ дорогими вещами, собранными поколѣніями: картины, мозаика, мебель, фарфоръ.

Взойдя во владѣніе, А. А. сейчасъ же продалъ это имѣніе, которое теперь цѣнится во сто тысячъ рублей серебромъ, за пятнадцать тысячъ ассигнаціями. Книги изъ богатѣйшей бібліотеки онъ выбросилъ на дворъ, гдѣ дворовыя крестьянскія ребятишки растащили ихъ. Смѣясь, онъ рѣзалъ ножомъ картины, чтобы онѣ не достались Рыжкову (такъ была фамилія покупателя имѣнія). Фарфоръ разбивалъ, бросая съ балкона, и, наконецъ, совершивъ все это, онъ уѣхалъ за границу. Доѣхалъ онъ до Парижа съ комфортомъ; проживъ тамъ всѣ свои денежки, онъ пустился обратно, на родину, уже пѣшкомъ. Тогда не было желѣзныхъ дорогъ, а сообщеніе въ делижансахъ было довольно дорого. Пройдя всю Германію съ котомкой на спинѣ, туристомъ, онъ на родинѣ поселился въ своемъ небольшомъ еще Крестецкомъ имѣніи.

Передъ свадьбой тети Натали, выдѣлили и тетю Сошеньку. Передали ей бумаги, и бабушка ѣздила съ ней въ передаваемую ей усадьбу Горки, чтобы ввести ее во владѣніе. Вскорѣ насталъ и день свадьбы тети Натали. Мы, кажется, за два мѣсяца до этого дня пріѣхали въ Новотроицкое. Къ этому дню набралось много гостей: нашихъ родныхъ и общихъ знакомыхъ, такъ что весь большой домъ былъ полонъ, какъ улей. Женихъ съ шаферами и съ другими молодыми людьми жилъ во флигелѣ. Можно себѣ вообразить, какое оживленіе стояло въ домѣ: бѣготня, смѣхъ, говоръ, танцы, пѣніе не смолкали до глубокой ночи. Только комнаты Софіи Александровны всегда были заперты, и въ нихъ царил тишина. Она почти что не являлась между гостями. Въ день свадьбы, большое бабушкино трюмо перенесли въ гостиную; въ угловой комнатѣ, передъ образомъ Спаса Нерукотвореннаго накрыли небольшой столъ съ хлѣбомъ и образомъ для благословенія невесты и жениха. На верху няня меня одѣвала въ бѣлое кисейное, вышитое платье, а я, сгорая нетерпѣніемъ бѣжать внизъ, все повторяла:—«Скорѣй, няня, скорѣй!»

Вдругъ въ комнату вошла тетя Сошенька, принарядившаяся и въ свѣтломъ платьѣ.

— Пойдемъ, Соня, внизъ,—сказала она и, взявшись за руки, мы спустились внизъ.

Въ большой гостиной передъ трюмо сидѣла невеста, ее чесалъ домашній парикмахеръ, а кругомъ обступившія барышни подавали шпильки, цвѣты и фату. Между барышнями вертѣлись шафера невесты, пріѣхавшіе изъ Петербурга гвардейцы.

— А а, двѣ Софіи пришли!—закричала, увидя насъ, шаловливалъ княжна У.

— Сошенька! Ахъ, Сошенька! Хочешь подавать шпильки, Сошенька? Вотъ цвѣты возьми. Вотъ фата! —защебетали барышни.

— *Ma belle cousine!*—подскочилъ къ тетѣ Сошенькѣ гвардеецъ.

Но она всѣмъ очень сухо отвѣчала и не взялась ни за какое дѣло. Подошедъ къ сестрѣ, она ее крѣпко поцѣловала и, ставъ напротивъ нея съ полными слезъ глазами, смотрѣла на одѣваніе невѣсты. Когда тетя Натали была готова, ее повели въ угловую, гдѣ князь У. и г-жа Е. ее благословили. Потомъ началось прощаніе. Тетя Сошенька нѣсколько разъ цѣловала сестру, приговаривая, крестя ее:

— Богъ съ тобой, душечка! будь счастлива, душечка!

Въ церковь тетя Сошенька не поѣхала и въ этотъ день уже не выходила изъ своей комнаты.

На другой день гости начали разъѣзжаться, а дня черезъ четыре уѣхали и молодые въ Тверское имѣніе Ивана Петровича, и все вошло въ обыкновенную колею въ опустѣвшемъ домѣ.

Мы всѣ остались въ Новотроицкомъ, чтобы бабушка не очень скучала и не была бы совершенно одна.

Вотъ въ одно пасмурное утро поздней осени, на всегдашній вопросъ бабушки:—А что Сошенька? ей отвѣчали, что Софья Александровна рано утромъ уѣхала верхомъ съ конюхомъ. Это было такое обычное явленіе, что никого не обезпокоило.

— Видно, Сошенька дѣлается благоразумнѣе,—сказали себѣ домашніе и не тревожились.

Но наступила ночь, а Софья Александровна все не пріѣзжала. Разослали людей искать ее. Насилу уговорили бабушку лечь въ постель. Отецъ мой и мать, Марья Антоновна и Сперанскій всю ночь просидѣли въ угловой комнатѣ, подлѣ ея спальни. Къ утру привезли извѣстіе, что тетя Сошенька проѣхала въ свое имѣніе Горки. Тогда отецъ мой сейчасъ же собрался ѣхать туда и узнать, въ чемъ дѣло. Всѣ въ домѣ немного успокоились, только бабушка, вслѣдствіе тревоги, расхворалась. Черезъ сутки вернулся отецъ и привезъ вѣсть, что тетя Сошенька не намѣрена жить съ матерью и проситъ всѣ ея вещи, рояль, горничную, собакъ и лошадь переслать въ Горки, гдѣ она и останется. Нѣсколько недѣль шли переговоры. Бабушка и маменька ѣздили къ тетѣ Сошенькѣ, но все безуспѣшно.

Такъ Софья Александровна и осталась тамъ жить до конца своей жизни. Вещи ей переслали, но мать и сестры никогда не переставали увѣщевать ее возвратиться къ нимъ.

Въ первый разъ, вскорѣ послѣ отъѣзда тети Сошеньки, отецъ повезъ меня въ Горки изъ Новотроицкаго по первопутку. Я и теперь хорошо помню небольшой, сѣренькій домикъ Горокъ. Мы пріѣхали съ отцомъ и съ няней. Взошедъ въ небольшое свѣтлое зальце съ балко-

номъ, мы остановились, не зная, куда далѣе идти. Къ намъ, какъ пуля, вылетѣла Дуняша, горничная тети Сошеньки, поклонилась низко отцу, бросилась цѣловать меня и няню, потомъ зашептала:

— Не примутъ онѣ васъ, батюшка, Михайло Васильевичъ, не примутъ. Иди, говоритъ, Дуняша,—скажи имъ, чтобы меня оставили въ покоѣ, я никого видѣть не хочу.

— Ну, мы и уѣдемъ,—отвѣчалъ отецъ.—Пойду къ мужикамъ, авось не выгонять, а назадъ ѣхать сейчасъ же нельзя, и лошади устали, и ребенокъ провябъ, и ѣсть хочется.

— Въ избу? Ахъ, нѣтъ, какъ можно! Я стану уговаривать Софью Александровну. Какъ же можно барышню маленькую вести въ избу!

И Дуняша выбѣжала изъ комнаты. Черезъ нѣсколько времени, намъ подали молока, яицъ, холодной дичи, принесли самоваръ, но сама хозяйка не показывалась. Я, играя, переходила изъ комнаты въ комнату; вдругъ одна изъ дверей отворилась, и вошла тетя Сошенька; она обняла и расцѣловала меня, усадила подлѣ себя и стала спрашивать про Новотроицкое, про Базановыхъ. Рука объ руку вернулись мы къ отцу. Тети Сошенька остальное время дня провела съ нами и очень много и горячо о чемъ-то спорила съ отцомъ. Призывали прикащика, отецъ отдавалъ ему какія-то приказанія, и на другое утро, очень рано, мы пустились въ обратный путь. Потомъ рассказывали, что отецъ уговаривалъ тетю Сошеньку вернуться къ матери, но что она объ этомъ и слышать не хотѣла.

— Оставьте меня здѣсь въ покоѣ,—говорила она:—мнѣ здѣсь хорошо. Тамъ, я знаю, я и хъ мучу и сама мучаюсь. Нѣтъ, нѣтъ, я ни за что опять не вернусь къ нимъ.

Такъ тетя Сошенька и осталась въ Горкахъ. Мы узнавали о ней черезъ донесеніе прикащика и черезъ ея горничную Дуняшу, отъ которыхъ получались подробныя письма о житьѣ-бытьѣ ихъ барышни. Изъ этихъ источниковъ мы узнали, что тетя Сошенька, вскорѣ послѣ своего прибытія въ Горки, призвала прикащика и, собравъ мужиковъ, объявила имъ, что землею они могутъ владѣть, что ей они должны только платить оброкъ, сколько кто можетъ, что прикащикъ будетъ собирать для нея оброкъ; чтобы во всемъ нужномъ обращались къ прикащику, а чтобы ее оставили въ покоѣ. Затѣмъ зимой она поѣхала съ Дуняшей въ Петербургъ, гдѣ пробыла мѣсяца два.

Сейчасъ же въ Петербургъ полетѣли письма отъ бабушки, маменьки и тети Натали къ роднымъ и друзьямъ, съ просьбою повидать Сошеньку и уговорить ее вернуться къ болѣе нормальной жизни. Отъ нихъ пришли извѣстія, что Софья Александровна живетъ въ хорошей гостиницѣ, часто ѣздитъ въ театры, музеи и картинныя галереи; много покупала себѣ вещей, книгъ и нотъ; но ни къ кому не ѣздила и ни-

*

кого къ себѣ не принимала. Одна какая-то родственница внезапно вошла къ ней и застала ее дома; увидя ее, Софья Александровна сейчас вскочила и выбѣжала вонъ изъ комнаты. Потомъ пришла горничная и объявила, что барышня уѣхала. Послѣ этого, всѣ петербургскіе родные и знакомые махнули на нее рукой и не стали добиваться съ нею свиданія.

Слѣдующую весну до насъ дошли слухи, что Софья Александровна приказала себѣ строить домикъ въ лѣсу. Къ концу лѣта, этотъ домикъ въ двѣ комнаты, въ лѣсу, былъ готовъ, и тетя Сошенька перебралась туда съ своими собаками, книгами и роялемъ. Дуняша оставалась жить въ усадьбѣ. Утромъ она приходила къ своей барышня, приносила хлѣбъ, молоко, ставила самоваръ, чистила платье, убирала комнаты и, получивъ приказаніе на день, уходила обратно. Конюхъ сѣдлалъ и приводилъ лошадь, когда она требовалась, Дуняша приносила обѣдъ, потомъ ужинъ, а ночью караульный наряжался изъ деревни, по распоряженію прикащика, къ барышнинному дому. Такъ и жила тетя Сошенька до старости. Родные все продолжали писать и ѣздить къ ней, а она продолжала никого не принимать и возвращать назадъ нераспечатанныя письма. Наконецъ, когда къ ней ужъ очень приставали, она бросала изъ оконъ камнями въ тѣхъ, кто надѣдалъ ей.

Я еще разъ, дѣвочкой, была въ Горкахъ съ отцомъ и матерью; мы ходили къ лѣсному домику, маменька подошла къ низкому окну и начала упрашивать тетю принять насъ. Тетя Сошенька на все это только повторяла:

— Оставьте меня въ покоѣ, я никого не хочу видѣть.

Еще одинъ разъ ѣздила я къ тетѣ Сошенькѣ, но уже большой дѣвушкой, только что вышедшей изъ института, когда и бабушки и дорогаго отца моего не было на свѣтѣ. Пріѣхавъ домой, по выходѣ изъ института, я услышала, что тетя Сошенька все еще живетъ въ лѣсномъ домикѣ, все, даже еще больше, чуждаясь людей, по зимамъ продолжаетъ ѣздить мѣсяца на два въ Петербургъ. Маменьку, повидимому, этотъ образъ жизни тети Сошеньки сокрушалъ очень. Она со слезами говорила мнѣ о ней, и что она рѣшилась къ ней не писать и не ѣздить. Знакомые рассказали мнѣ, что года два тому назадъ, нѣсколько молодыхъ сосѣднихъ помѣщиковъ, подкутившихъ на охотѣ, ворвались къ ней днемъ, когда не было сторожа, и страшно напугали ее. А что недавно священникъ Горкинскаго прихода донесъ, что она не въ своемъ умѣ, никогда не бываетъ въ церкви, не говѣетъ, и потому ее надо взять въ опеку. Пріѣхала комиссія свидѣтельствовать умственные способности Софьи Александровны. На всѣ вопросы она отвѣчала покойно, толково и замѣчательно умно. Ее признали умственно совершенно нормальною и предоставили священнику вразумлять ее. Софья Александр-

ровна выслушала внимательно его длинную витіеватую рѣчь и потомъ отвѣчала тоже очень покойно:

— Я, батюшка, христіанка, и, увѣряю васъ, болѣе христіанка, чѣмъ вы сами. А въ церковь я не хожу потому, что равнодушно не могу видѣть, какая торговля идетъ въ храмѣ Божиѣмъ, тогда какъ въ Евангеліи сказано, что Спаситель выгналъ всѣхъ торгующихъ изъ храма и столы ихъ опрокинулъ, а у васъ въ церкви мѣняють деньги, продають свѣчи и за всякую потребу платять, какъ за товаръ.

Говорять, что священникъ не нашелся, что отвѣчать на это, и ретировался.

Въ первую же осень послѣ моего возвращенія изъ института, къ намъ пріѣхалъ нарочный изъ Горокъ, съ письмомъ отъ прикащика. Старикъ писалъ, что въ одну темную ненастную ночь четыре челоуѣка, съ завязанными платками лицами, напали на сторожа, связали его, разобрали кровлю лѣснаго домика и черезъ чердакъ спустились въ комнаты, гдѣ убивъ бросившуюся на нихъ собаку, унесли все, что можно было унести цѣннаго. По утру, пришедшіе люди, нашли связаннаго сторожа, разграбленный домъ и безчувственную Софью Александровну. Ее снесли въ усадьбу, послали за докторомъ и за намп. Мы сейчасъ же собрались и поѣхали. Пріѣхавъ въ Горки къ прикащику, мы узнали, что Софья Александровна лучше, что былъ докторъ и не нашелъ ничего опаснаго, что, къ счастью, билеты и большая часть серебра находились у прикащика.

— Только вотъ шкатулочку съ ихъ драгоценностями жаль, что не отдали мнѣ, а то всѣ жемчуга, да брилліанты унесли,—говорилъ съ горемъ честный, преданный старикъ.

Надо сказать, что всѣ родные и знакомые подняли на ноги полицію, чтобы сыскать мошенниковъ, обокравшихъ Софью Александровну. Ихъ нашли—это были охотники и дворовые сосѣдняго богатаго помѣщика. Ихъ засадили въ острогъ, но вещи не отыскались; отыскалась только, гдѣ-то въ полѣ, разрубленная шкатулка изъ-подъ нихъ. Послѣ нападенія на нее, тетя Сошенька задумала оставить Горки и поселиться гдѣ-нибудь не въ такой глуши. Около нашего города Боровичъ, ей очень понравилось небольшое имѣніе, или, лучше сказать, дача, принадлежащая женѣ доктора Пр—ва, бой-бабѣ.

Софья Александровна повидалась съ г-жей Пр—ой, переговорила съ нею о покупкѣ дачи и условилась съ ней въ цѣнѣ.

— Ужь будьте покойны,—говорила докторша, я и купчую сама сдѣлаю, вамъ стоитъ только выдать деньги, а я вамъ всѣ бумаги привезу на домъ и въ руки отдамъ. Вы мнѣ деньги, а я вамъ купчую.

И въ самомъ дѣлѣ, докторша скоро пріѣхала съ бумагой, прочитала Софья Александровна, что она такая-то, Анисья Михайловна

Пр—ва, за такую-то цѣну продаетъ свою дачу дочери полнаго генерала А. П. К. С., дѣвицѣ Софьѣ Александровнѣ.

— Ну-съ давайте денежки, а я вамъ дамъ купчую, изъ рукъ въ руки, какъ водится,—сказала, смѣясь тривиальнымъ смѣхомъ, докторша.

У Софьи Александровны деньги были приготовлены, она ихъ сейчасъ же принесла, позвала прикащика и Дуняшу, сосчитала всю сумму при нихъ и при докторшѣ и передала ее Пр—вой.

Передавъ деньги, тетя Сошенька хотѣла взять бумагу изъ рукъ докторши, но та, скомкавъ ее бросила въ лицо Софьѣ Александровнѣ, выбѣжала съ хохотомъ изъ дому, бросилась въ свой экипажъ и ускакала съ деньгами прежде, чѣмъ ошеломленная тетя, Дуняша и старый прикащикъ могли понять, что происходитъ. Когда они опомнились, то прикащикъ сейчасъ же полетѣлъ въ городъ подать просьбу и заявить о случившемся.

Началось дѣло, но ни къ чему не привело. Такъ оно и кануло на дно, и тетя Сошенька поплатилась довольно кругленькой суммою за свое желаніе приблизиться къ людямъ. Она стала жить въ усадьбѣ, еще болѣе озлобленная и нелюдимая. Во всѣхъ своихъ неприятностяхъ она винила своихъ родныхъ.

— Они все это подсылаютъ ко мнѣ воровъ и обманщиковъ,—говорила она.

Крестьяне, зная нелюдимость своей барышни, не надобдали ей. Они сами отъ себя назначали караульныхъ по ночамъ охранять усадьбу своей барышни. Они любили ее. Она не обременяла ихъ ни оброкомъ, ни работами; а про ея образъ жизни они говорили такъ:

— Барышня спасается и замаливаетъ грѣхи близкихъ своихъ.

Они уважали эту жизнь въ глуши, вдали отъ людей.

Часто они приносили ей ягодъ, грибовъ, яицъ, масла, ставили свои подарки у дверей и уходили, не повидавшись съ ней.

Вскорѣ я вышла замужъ. Мужъ мой, узнавъ о тетѣ Сошенькѣ, хотѣлъ къ ней поѣхать—такъ она заинтересовала его. Но я, напуганная рассказами, что тетя стала бросать камнями и даже стрѣлять въ тѣхъ, кто къ ней подходилъ, отговорила мужа ѣхать въ Горки. Послѣ этого, я мало слыхала о тетѣ Сошенькѣ, не знаю, продолжала ли писать къ ней маменька, но знаю, что она съ нею не видалась.

Долго прожила тетя Сошенька все такой же затворницей и умерла одиноко, такъ же, какъ жила, въ своихъ Горкахъ. И все состояніе ея досталось брату Александру Александровичу.

Послѣ разказа жены небезынтересно будетъ разказать мнѣ и объ Александрѣ Александровичѣ.

Человѣка этого нельзя было признать рехнувшимся, но онъ былъ

оригиналъ и во всякомъ случаѣ человѣкъ ненормальный. Нѣсколь-ко разъ онъ подвергался оффиціальному освидѣтельствуванію докторовъ и однажды нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ на испытаніи въ правительственномъ домѣ душевно-больныхъ; но доктора не признавали его помѣшаннымъ.

Возвратившись пѣшкомъ изъ Парижа въ Петербургъ, онъ явился безъ всякихъ средствъ къ жизни, и ому весьма вліятельные родные, занимавшіе высокое положеніе въ общественномъ строѣ, тотчасъ же нашли мѣсто на службѣ; но онъ не удержался и года. Затѣмъ тѣ же родные не одинъ разъ пристраивали его, но все оказывалось тщетнымъ.

Въ характерѣ Александра Самарина было много природнаго юмора. Онъ страстно любилъ литературу, пристально слѣдилъ за нею, перечиталъ все и былъ особенно знакомъ со всѣми отраслями и прежней и новѣйшей французской литературы. Не имѣя средствъ къ жизни, онъ принялся за переводъ французскихъ романовъ, преимущественно, Польде-Кока, и перевелъ ихъ болѣе половины. Дохода не рѣдко до крайней нужды, онъ обращался тогда къ помощи родныхъ, прося одолжить ему бездѣлицу, и всегда не болѣе 3-хъ или 5-ти руб., отказываясь на отрѣзъ отъ большей ссуды. При этомъ, надо сказать, что онъ не терпѣлъ родныхъ и относился къ нимъ насмѣшливо, иронически; ко мнѣ же онъ относился иначе, хотя я былъ лишь случайнымъ родственникомъ по моей женѣ, его племянницѣ. Нося въ себѣ, какъ я сказалъ, много юмора, онъ постоянно писалъ памфлеты и комическія сцены на своихъ родственниковъ, рисовалъ ихъ въ карикатурномъ видѣ и посылалъ эти свои рукописныя произведенія тѣмъ самымъ лицамъ, которыхъ онъ тамъ осмѣивалъ. Но это не мѣшало ему просить тѣхъ же лицъ, чтобы по временамъ они одолжали ему нѣсколько рублишекъ.

Не одни однако родственники изображались въ комическомъ видѣ въ его рукописныхъ сочиненіяхъ, а часто появлялись, вообще, разные эпизоды изъ общественной жизни, и съ этими сочиненіями Самаринъ являлся то къ тому, то къ другому министру въ приемные дни. Вслѣдствіе этого, его не разъ подвергали освидѣтельствуванію докторами относительно умственныхъ его способностей. Наконецъ, онъ надоѣлъ, и его выслали изъ Петербурга, въ 1850 г., въ деревню къ его сестрѣ Фроловской, подъ ея родственныи надзоръ. Въ это-то время я и узналъ А. Самарина. Проживъ тамъ мѣсяца 3—4, онъ отправился пѣшкомъ въ Петербургъ и, спустя нѣкоторое время, явился опять въ приемную министра внутреннихъ дѣлъ, съ своимъ юмористическимъ произведеніемъ о беспорядкахъ, совершающихся въ домахъ терпимости, приложивъ это произведеніе къ форменному прошенію.

Тогда его послали въ Орелъ подъ надзоръ полиціи. Тамъ онъ въ своихъ произведеніяхъ изобразилъ въ комическомъ видѣ губернатора;

за что и былъ удаленъ въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ. Спустя нѣкоторое время, онъ отправился опять пѣшкомъ въ Петербургъ; прибывъ туда, онъ сочинилъ себѣ какой-то видъ, къ которому приложилъ накопченную печать конторы виннаго откупа, что нерѣдко практиковалось за отсутствіемъ сюргуча. Эта печать, накопченная лишь въ извѣстныхъ мѣстахъ, могла съ перваго вида вводить въ заблужденіе при неясномъ оттискѣ, представляясь какъ бы изображеніемъ двухглаваго орла. Съ такимъ видомъ, Самаринъ прожилъ чуть не цѣлый годъ; но наконецъ дѣло обнаружилось. Послѣ того его сослали въ Архангельскъ. Но когда въ Бѣломъ морѣ, во время Крымской кампаніи, появился англійскій флотъ, Самарина препроводили въ Мезень, полагая, что онъ будто-бы можетъ быть вреденъ въ политическомъ отношеніи. Затѣмъ его возвратили въ Архангельскъ, откуда онъ опять, по образу пѣшаго хожденія, появился въ Вологдѣ, гдѣ и былъ задержанъ. Изъ Вологды онъ послалъ прошеніе въ 3-е отдѣленіе о дозволеніи ему возвратиться въ Петербургъ. Дозволеніе послѣдовало, но его тотчасъ же посадили на испытаніе, на нѣсколько мѣсяцевъ, въ домъ умалишенныхъ, находящійся на 11-й верстѣ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ испытанія, доктора не признали его помѣшаннымъ. Однако надо сказать, что въ это время уже обнаруживался пунктъ нѣкотораго помѣшательства, который онъ тщательно скрывалъ передъ посторонними: это боязнь, что его постоянно преслѣдуютъ, отчего глаза его блуждали, и вообще замѣтно было на лицѣ выраженіе испуга. Самарина выпустили на свободу, и онъ сталъ пріискивать себѣ переводы; но, потерявъ связи съ издателями грошовыхъ книгъ, онъ не могъ найти себѣ достаточно работы. Между тѣмъ, все-таки перебивался такъ года четыре. Но вотъ умираетъ его сестра Софья, жившая отшельницей въ лѣсу. Ея имѣніе и небольшой капиталъ достаются въ наслѣдство ея брату А. Самарину.

Это имѣніе Самаринъ продалъ такъ же, какъ и великолѣпное Самаринское, за ничтожную сумму, которую спустилъ и опять явился оборванцомъ въ Петербургъ. При этомъ необходимо пояснить, что онъ никогда не роскошничалъ и никогда въ жизни, абсолютно, не пилъ ничего, кромѣ воды и чая, за что, какъ онъ сказывалъ, подвергался, въ бытность свою въ Парижѣ, насмѣшкамъ французскихъ гарсоновъ.

Разъ въ мѣсяцъ или рѣже, Самаринъ являлся ко мнѣ, и всегда съ какимъ-нибудь юмористическимъ произведеніемъ на русскомъ или французскомъ языкѣ. Я давалъ ему нѣсколько деньжонокъ, но онъ, какъ я уже замѣтилъ, ни за что не бралъ болѣе 3 или maximum 5 рублей. Не однажды, видя его въ ужасномъ одѣянніи, я отдавалъ ему старое платье. Между тѣмъ, въ слѣдующій разъ, онъ опять явится въ невозможномъ костюмѣ.

— Зачѣмъ же вы опять такъ одѣты?

— Monsieur,—отвѣтитъ онъ,—un habit comme il faut ne me convient pas.

Такъ какъ Самаринъ сталъ въ послѣднее время часто являться къ родственникамъ,—что не могло быть имъ пріятно,—то я предложилъ положить Самарину онъ каждому лица извѣстное опредѣленное жалованье въ мѣсяцъ. Всѣ, конечно, охотно согласились и подписали общее соглашеніе, которое составляло сумму, достаточную на наемъ комнаты и на пропитаніе. И когда Самаринъ пришелъ ко мнѣ, то я передалъ ему это соглашеніе, по которому онъ могъ бы являться каждый мѣсяцъ за полученіемъ своего опредѣленнаго жалованья, а не за подаваніемъ. Несмотря на это, всѣ замѣтили, что когда онъ приходилъ за жалованьемъ, то представлялъ по-прежнему видъ оборванца. Тогда порѣшили помѣстить его въ пріютъ за извѣстную плату, чтобы онъ имѣлъ теплый, хорошій уголь и надлежащую пищу. Въ это время ему было около 70 лѣтъ. Пробывъ тамъ мѣсяца два или три, онъ явился ко мнѣ и объявилъ, что вышелъ изъ пріюта. Съ тѣхъ поръ я его не видалъ и онъ пропалъ безъ вѣсти.

Постоянные жители Петербурга могли безпрестанно встрѣчать его на Невскомъ. У него были густые, длинные, курчавые волосы съ просѣдью, покрытые всегда измятымъ цилиндромъ. Онъ ходилъ необыкновенно быстро, осматриваясь и оглядываясь во всѣ стороны, и, непременно зимой и лѣтомъ, съ портфелемъ подъ мышкой, въ которомъ и носилъ свои произведенія.

Аристократъ по рожденію и воспитанію, А. Самаринъ былъ крайній плебей, психическое состояніе котораго, какъ и его сестры Софьи, осталось все-таки загадкой, за исключеніемъ крайней непріязненности къ роднымъ по крови и отчужденія отъ нихъ.

Возвращусь теперь къ Фроловскимъ. Они жили въ большомъ, прекрасномъ домѣ съ отлично устроенной усадьбой, гдѣ жывали прежде старики Квашнины-Самарины, переѣзжавшіе изъ одного имѣнія въ другое. У Фроловскихъ мы бывали не часто, потому что ничто не влекло туда. Но съ 1847 года для меня картина перемѣнилась. Съ этого года у Фроловскихъ стала гостить, или почти жить ихъ племянница, Мельгунова, только что вышедшая изъ Екатерининскаго института, на которой я впоследствии и женился.

Надо сказать, что въ Екатерининскомъ институтѣ служила моя тетка. Это была пожилая дѣвушка, отлично образованная, начитанная, очень умная, необыкновенно острая, добройшная и веселая. Многіе родители поручали ей воспитательный надзоръ за своими дѣтьми. Дѣти и всѣ въ институтѣ ее очень любили,—она какъ-то всѣхъ оживляла.

Однажды, въ теплый весенній день, я былъ у тетки въ институтѣ. Мы сидѣли у открытаго окна, выходящаго въ садъ. Вдругъ посыпали

изъ института дѣвнцы въ садъ. Увидавъ мою тетку у окна, большая кучка дѣвнцъ подошла къ нему, чтобы переговорить что-то съ ней.

Я замѣтилъ одну дѣвушку необычной красоты, прекраснаго роста, съ изящной фигурой и зеленокаштановыми волосами. Когда дѣвнцы отошли, я спросилъ тетку, — кто эта дѣвушка, стоявшая на такомъ-то мѣстѣ и говорившая съ ней.

— Это племянница начальницы Родзяко, по фамилии Мельгунова, первая красавица предстоящаго выпуска. Ея мать живетъ въ вашихъ валдайскихъ краяхъ.

И вотъ, годъ спустя, эта дѣвушка появляется у Фроловскихъ. До тѣхъ поръ я не зналъ, что она ихъ племянница. Мать ея, вдова, жила верстахъ въ 4-хъ отъ Новотроицкаго, никого у себя не принимала, и потому дѣвушка стала почти постоянно гостить или жить у Фроловскихъ.

Понятно, что мнѣ захотѣлось бывать почаще у Фроловскихъ. Но для этого нужно было имѣть предлоги, такъ какъ я долженъ былъ посѣщать чужой домъ, а не домъ матера дѣвушки. Тогда я сталъ ѣздить въ Валдай безъ всякой нужды. Дорога отъ меня въ Валдай, верстъ 50 длинной, пролегла мимо Новотроицкаго, которое лежало на поддорогѣ; проѣхать мимо знакомаго семейства неловко. Заѣду покормить лошадей; ѣхать далѣе поздно; хозяйка оставляетъ ночевать, а на другой день, тары да бары, подойдетъ обѣдъ. На обратномъ пути изъ Валдая повторяется то же самое. Фроловскій скоро догадался, что мои поѣздки въ Валдай суть только предлоги, и, полюбивъ меня, всячески способствовалъ задержанію меня у себя.

Однако, дѣло сближенія отношеній между мною и дѣвушкой нисколько не подвигалось впередъ, вслѣдствіе того тона свѣтскихъ приличій, господствовавшихъ въ домѣ г-жи Фроловской, усвоенныхъ ею воспитаніемъ, о которомъ я упоминалъ выше. Оставаться дѣвушкѣ одной съ молодымъ мужчиной считалось неприличнымъ, а о томъ, чтобы прогуляться однимъ въ саду, не могло быть и помину. Не менѣе того, во всей окрестности ходили слухи, что между нами все уже кончено, хотя въ дѣйствительности ничего подобнаго еще не было.

По этому поводу не могу воздержаться, чтобы не рассказать одного курьезно-комическаго эпизода.

Въ одинъ прекрасный день, въ полную весеннюю распутицу, когда нельзя ѣхать ни на колесахъ, ни на саниахъ, и ѣзда по сельскимъ дорогамъ представлялась невысказанной, подѣхалъ ко мнѣ тарантасъ, и изъ него вылѣзъ начальникъ сосѣдняго участка, нѣкій А—ій. Ни я у него, ни онъ у меня никогда не были; я только встрѣчалъ его раза три или четыре у общихъ знакомыхъ. Онъ былъ въ чинѣ подполковника, лѣтъ на 12 или болѣе старше меня, слылъ за человѣка ограниченнаго, чтобы

не сказать глуповатаго, нѣсколько нахальнаго и имѣлъ манеры низкопробнаго фата, въ родѣ нѣкоторыхъ героевъ Марлянскаго. Черты лица его были не дурны, но выраженіе ограниченности и нахальнаго самодовольства сразу бросилось въ глаза.

Пріѣзду А—аго я крайне удивился.

— Куда это васъ Богъ несетъ въ такую распутицу? вѣроятно, въ Кузнецово къ Семичеву по экстренному дѣлу?

— Нѣтъ, я специально къ вамъ съ просьбою.

— Готовъ служить—что прикажете?

— Вы, кажется, хорошо знакомы съ Фроловскими?

— Да, знакомъ!

— Я хочу съ ними познакомиться; представьте меня.

— Съ удовольствіемъ, только тогда, когда дороги сдѣлаются лучше.

— Нѣтъ, я желалъ бы теперь.

— Нагрязнуть въ такую распутицу будетъ не ловко. Отложите до другаго раза.

— Помилуйте, я пріѣхалъ за 70 верстъ. Значить, вы не желаете представить меня.

Такъ какъ это былъ намекъ на то, что я опасаюсь и не желаю имѣть конкурента, то я отвѣчалъ:

— Хорошо, хотя это не ловко, поѣдьте, а теперь отдохните съ дороги.

— А завтра будетъ другой предлогъ. Скажите лучше на прямки, что вы опасаетесь конкурента, и А—ій разразился хохотомъ.

Я уже зналъ, что онъ и глуповатъ и нахаленъ, но такой рѣчи не ожидалъ.

— Извольте, поѣдьте сегодня; но вѣдь по настоящей распутицѣ мы пройдемъ часа четыре и попадемъ часамъ къ 9-ти вечера. Поэтому неловкость нашего несвоевременнаго пріѣзда примите на себя.

— Въ деревнѣ это дѣло обыкновенное.

— Да! но не тогда, когда я долженъ представить васъ въ первый разъ.

Дѣлать было нечего, я приказалъ запрягать лошадей и пошелъ одѣться. Выхожу и вижу А—го въ дорожномъ костюмѣ, невыбритаго, а борода была у него черная, какъ сапогъ.

— Что же, вы еще не одѣлись и не побрились? Надо слѣшнить.

— Я поѣду такъ и переодѣнусь и выберюсь тамъ; хуже пріѣхать забрызганнымъ грязью. Когда пріѣдемъ, вы скажите, чтобы мнѣ отвели комнату.

Это уже было нахальство. Пріѣхавши, я побѣжалъ скорѣе къ хозяину и предупредилъ его, что я привезъ гостя, который проситъ комнату.

Дѣйствительно, мы пріѣхали часовъ въ 9-ть. Хозяева отпили уже чай, и вѣрно было, разумѣется, подать свѣжій самоваръ. Ждали А—аго почти 1½ часа; наконецъ, является выбритый, въ блестящихъ густыхъ эполетахъ, потряхивая плечами. По образу визита, хозяинъ догадался уже, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ не дальнимъ; но когда онъ явился, то съ первыхъ же словъ А—ій выдалъ себя головою.

Онъ тотчасъ же подѣлъ къ барышнѣ и вздумалъ увеселять ее и всѣхъ анекдотами.

— Вотъ я расскажу вамъ, сударыня, какъ однажды одинъ гусарскій офицеръ пріѣхалъ въ гости къ помѣщику, привезъ съ собою сѣдло съ чепракомъ, чтобы кататься верхомъ съ дочкой, и повѣсилъ его въ передней. Только вдругъ онъ видитъ, что барышня накинула на себя чепракъ и разгуливаетъ, какъ пава, по залѣ, и говоритъ офицеру: «Это вы для меня или для кого другаго привезли такую красивую мантилью?»

Всѣ засмѣялись, и въ то же время удивились такому анекдоту, который А—ій полагалъ рассказать кстати. И вслѣдъ за тѣмъ, опять разсказалъ другой анекдотъ.

— А вотъ другой офицеръ пріѣхалъ тоже къ помѣщику въ Малороссіи и послѣ сытнаго обѣда прохаживается съ барышней по залѣ. Барышня ходитъ и все вздыхаетъ. «О чемъ вы вздыхаете, сударыня?» А она ему въ отвѣтъ: «Ахъ, отставьте, отвяжитесь,—я просто наилась».

Тогда всѣ разразились гомерическимъ хохотомъ, и А—ій сталъ самодовольно потряхивать эполетами, воображая, что хохочутъ не надъ его глуповатостью, а надъ анекдотомъ, будто бы очень кстати, по случаю его пріѣзда, имъ разсказаннымъ. Словомъ сказать, черезъ ¼ часа по своемъ появленіи А—ій предсталъ въ настоящемъ своемъ видѣ. И въ это время было множество комичныхъ сценъ, но разсказывать ихъ долго; довольно и тѣхъ, которыя я разсказалъ.

На другой день я звалъ его ѣхать. Но не тутъ-то было. Какіе же хозяева отпустятъ по такой распутицѣ гостей?—сказалъ онъ. И оставался три дня. Я конечно уѣхалъ бы, но не могъ потому, что привезъ его на своихъ лошадяхъ. Видимо, онъ оставался такъ долго для того, чтобы высмотрѣть, не рѣшено ли у насъ съ дѣвушкой Мельгуновой. Убѣдившись, что дѣло между нами еще не рѣшено, онъ черезъ недѣлю пустился опять въ Новотроицкое.

Не доѣзжая версты десяти до меня, А—ій приказалъ ямщику повернуть направо, прямо въ Новотроицкое.

— Далекъ, баринъ, лошади пристали, поѣдемте на Шегринку, туда ближе, а оттуда возьмете другихъ лошадей.

— Говорятъ тебѣ ступай прямо,—на Шегринку я не поѣду.

Шегринка была мѣстомъ моего жительства.

— Да вы зачѣмъ, баринъ, въ Новотроицкое-то ѣдете?

- А тебѣ что за дѣло?
- Да вѣдь тамъ Шегринскій-то баринъ порѣшилъ!
- Ты почему знаешь?
- Какъ же не знать, вѣдь я изъ Шегринки, у насъ всѣ знаютъ.
- Вѣрно ли?
- Вѣрно, баринъ.
- Поворачивай налѣво и ступай въ Великуши, сказалъ А—ій.

Ямщикъ рассказывалъ это мнѣ и не разъ моимъ товарищамъ.—Разскажи-ка, какъ ты обвинялъ А—го,—спросятъ его, и онъ расскажетъ свой разговоръ съ А—имъ, случившійся на поворотѣ дороги.

Надо замѣтить, что А—ій, достигнувъ почти 40 лѣтъ, порѣшилъ какъ можно скорѣе жениться и былъ въ это время—à la recherche d'une promise, во что бы то ни стало. Въ деревнѣ Великуши жила вдова кн. У—ая съ дочкой, которая была пріятельницей съ дѣвушкой Мельгуновой.

Много, если А—ій, навѣстивъ раза два или три Великуши, сдѣлать предложеніе дочкѣ и женился на ней.

Фроловскіе, въ началѣ 1850 года, уѣхали, въ Петербургъ, а дѣвушка осталась съ матерью, которая никого у себя не принимала, а потому встрѣча съ ея дочерью могла быть только случайная. И вотъ, мы, всѣ инженеры нашего 6-го участка, получаемъ приглашеніе отъ нѣсколькихъ домовъ изъ Валдая на балы и празднества, имѣющіе быть на масленицѣ. Я рассчитывалъ, что, вѣроятно, встрѣчу тамъ дѣвушку Мельгунову. И дѣйствительно, по приѣздѣ, я узналъ, что мать привезла дочь, оставила ее въ семействѣ Гордѣвыхъ, а сама возвратилась въ деревню. Первый балъ былъ у проживавшихъ зиму въ Валдаѣ Азарьевыхъ, гдѣ были двѣ дѣвушки сестры, которыя, не будь онѣ очень миниатюрны, могли бы считаться выдающимися по красотѣ. На другой день предстоялъ балъ съ живыми картинами у жандармскаго полковника Виланда, имѣвшаго предестную дочь, которую ужъ положительно можно было считать красавицей. Она вышла потомъ за Щербакова, о которомъ я тоже упоминалъ выше. Въ живыхъ картинахъ должны были участвовать дочь хозяина, Мельгунова и другія дѣвицы. Картины изображались въ широкихъ, драпированныхъ дверяхъ, выходящихъ въ большую залу. На противоположной стѣнѣ была такая же дверь, ведущая въ кабинетъ. Дамъ было очень много, и онѣ занимали почти всю залу; мужчины же смотрѣли на живыя картины изъ кабинета. Прошли уже двѣ картины, въ которыхъ принимала участіе дочь хозяина, а въ слѣдующей должна была появиться Мельгунова. Въ антракты, декорированная дверь, конечно, закрывалась и распаивалась тогда, когда постановка картины была готова. Картины ставилъ самъ хозяинъ, хорошо рисовавшій. Ждали слѣдующей картины; распаивается дверь, и мы

увидали дѣвушку въ бѣломъ одѣяніи, окруженную пламенемъ. Въ первый моментъ намъ представилось, что картина изображалась съ бенгальскимъ огнемъ; но вдругъ, дѣвушка, какъ будто кѣмъ-то толкнутая, вбѣгаетъ въ залу, вся пылающая огнемъ. Первымъ къ ней успѣлъ броситься мой братъ, Ипполитъ, обхватилъ руками плечи и моментально спустил свои руки вдоль всего стана къ полу. Пламя прекратилось, а осталось лишь нѣсколько огненныхъ языковъ отъ сорваннаго тюлеваго одѣянія, и дѣвушка упала безъ чувствъ. Принесли сейчасъ холодной воды, sprysнули обгорѣвшую дѣвушку, и она очнулась.

Когда дѣвушка вбѣжала, горящая въ залу, всѣ дамы бросились для спасенія себя въ переднюю и затѣмъ въ сѣни. Въ затѣ находился только одинъ мужчина Ц—ъ, и, къ его стыду, надо сказать, что онъ, вмѣсто того, чтобы тушить загорѣвшуюся, такъ какъ онъ былъ всѣхъ ближе къ ней, выскочилъ въ сѣни вмѣстѣ съ дамами.

Случился пожаръ слѣдующимъ образомъ: картина должна была изображать даму, собирающуюся ѣхать на балъ и осматривающую себя въ трюмо; а потому на ней было воздушное тюлевое платье. За дверьми, передъ картиной, устроена была, конечно, рампа со свѣчами на полу. Виландъ сталъ устанавливать картину, Мельгунова неловко повернулась, и подолъ ея платья загорѣлся; хозяинъ хотѣлъ тушить, но не успѣлъ потому, что рядомъ стоящая его дочь тоже загорѣлась, тогда онъ распахнулъ двери и толкнулъ Мельгунову въ залу, чтобы ее спасали тамъ, а самъ бросился тушить дочь.

Всего больше обгорѣла Мельгунова, у нея вся внутренняя сторона руки была страшно обожжена, начиная отъ кисти и почти до подплечья. Дочь Виланда, хотя и обожглась, но не опасно; у самого же Виланда была сильно обожжена сплошь вся кисть одной руки.

Понятно, какой поднялся переполохъ; когда Мельгунова очнулась, всѣ старались облегчить ея страданія. Стали таскать ведрами снѣгъ, затѣмъ одинъ принесъ мыло, другой бутылку чернилъ и сталъ, не спрося никого, натирать руку тѣмъ и другимъ. Между тѣмъ, началъ натягиваться страшный пузырь, и натиравшіе руку прорвали его въ томъ мѣстѣ, гдѣ обжогъ былъ менѣе глубокъ, и потому произведенныя ими натиранія причинили такія страданія, что дѣвушка нѣсколько разъ теряла чувства, въ которыя ее приводили, поднося къ носу или напатырный спиртъ или одеколонъ; хотя на балу былъ докторъ, Торопогрицкій, но онъ, сильно интересуясь въ это время дочерью Виланда, находился при ней и отцѣ.

Видя сумбуръ, происходящій около Мельгуновой, и что нѣтъ головы для распоряженія, я принялъ на себя роль распорядителя, авторитетъ котораго всѣ неволью признали, полагая, конечно, что между мной и Мельгуновой вопросъ былъ уже рѣшенъ.

Я приказалъ принести много полотенцевъ и, намочивъ ихъ ледяною водою, обмоталъ ими руку въ нѣсколько разъ. Страданія облегчились, и часа черезъ два можно было перевезти въ возкѣ больную въ домъ Гордѣевыхъ, гдѣ она гостила. Я просилъ подругъ больной непрерывно мочить компрессы ледяною водою, и тому, что я дѣлаю распоряженія, онѣ не удивлялись.

На другой день, пріѣхавъ къ Гордѣевымъ, я узналъ, что былъ уѣздный врачъ, который слылъ за коновала и былъ вѣчно пьянъ. Онъ наложилъ на руку какую-то мазь; я увидалъ его, когда пріѣхалъ къ вечеру сдѣлать перевязку, но онъ былъ такъ пьянъ, что языкъ его не вязался. Оказалось, что положенная имъ мазь прилипла къ образовавшейся во всю руку ранѣ. Отъ новой перевязки страданія больной возобновились донельзя. Я поѣхалъ къ Торопогрицкому просить его принять на себя лѣченіе. Торопогрицкій былъ поглощенъ ухаживаніемъ за Виландами и сказалъ, что можетъ пріѣхать только завтра. Пріѣхавъ на другой день, онъ констатировалъ, что началась гангрена и если она не ограничится и достигнетъ до предплечья, до котораго оставалось меньше трехъ пальцевъ ширины, спасенія не будетъ. Читатель можетъ судить о томъ, что произошло во мнѣ. Торопогрицкій сдѣлалъ перевязку изъ другой мази, приказалъ переменить ее къ вечеру, а самъ уѣхалъ за 40 верстъ навѣстить свой лазаретъ, сказавъ, что будетъ завтра.

Подруга Мельгуновой стала дѣлать вечеромъ перевязку, но не смогла и послала за мной. Я сдѣлалъ это съ такой осторожностью, что не возбудилъ страданій. На другой день Торопогрицкій сказалъ, что гангрена не идетъ далѣе и что есть надежда на спасеніе. При такомъ серьезномъ положеніи, онъ сталъ пріѣзжать каждый день, и вскорѣ начали отваливаться куски, которые подверглись поражению гангреной. Послѣ первой моей удачной перевязки, не возбуждавшей страданій и которая понравилась поэтому больной, она попросила своихъ подругъ призывать всегда меня. Вотъ я сталъ проводить по нѣсколько часовъ около больной. Тогда-то мы и порѣшили между собой дѣло женитьбы.

По этому поводу не могу не помянуть хозяйку дома Анну Васильевну Гордѣеву съ величайшею признательностью. Она знала, что, до этого времени, у насъ не было еще ничего порѣшено, что за мной не было никакихъ правъ на распоряженіе относительно больной; но прекрасное и чуткое сердце Гордѣевой признало за мной это право въ силу того неопредѣленнаго чувства, которое, по ея догадкамъ, я питалъ къ дѣвушкѣ. И потому она, деликатнѣйшимъ образомъ, допускала меня до распоряженій въ ея домѣ, какъ бы роднаго ей и самой больной.

Больная пролежала въ Валдаѣ, въ домѣ Гордѣевыхъ, болѣе мѣсяца, до тѣхъ поръ, пока могла переѣхать къ матери въ деревню; но пере-

вязка руки должна была продолжаться долго. Затѣмъ, когда все зажило, то рука представляла бугры и ямы вслѣдствіе бывшей гангрены, которые сглаживались десятки лѣтъ и по сихъ поръ еще не изгладились совершенно.

Въ концѣ іюля, устроивъ домъ для семейной жизни, мы обвѣнчались на Валдайкѣ въ военной походной церкви, прибывавшей ежегодно изъ разныхъ полковъ Гренадерскаго корпуса, стоявшихъ близъ Новгорода.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти Ивана Петровича Корнилова.

2-го іюля въ Петергофѣ скончался почетный опекунъ и членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ Иванъ Петровичъ Корниловъ.

Съ Иваномъ Петровичемъ, на девяностомъ году жизни, скончался еще одинъ изъ послѣднихъ современниковъ эпохи царствованія императора Александра I и его сподвижниковъ и одинъ изъ старѣйшихъ воспитанниковъ Пажескаго корпуса. Въ лицѣ Ивана Петровича сошелъ въ могилу одинъ изъ усердныхъ государственныхъ дѣятелей, одинъ изъ рѣдкихъ русскихъ людей, глубоко преданный своей родинѣ, устно и письменно ратовавшій за ея спокойствіе, честь и славу «за русскую народность, за воспитаніе молодаго поколѣнія въ духѣ и направленія религиозныхъ, національных и нравственныхъ убѣжденій». Еще недавно Иванъ Петровичъ издалъ: «Очеркъ Истории Русской школы», ея современное состояніе и на какихъ незыблемыхъ началахъ она должна быть утверждена. Маститый старецъ съ пыломъ опытнаго педагога, съ любовью къ дѣтямъ, въ своемъ сочиненіи передаетъ свои воспитательные взгляды на учебно-воспитательное дѣло,—кстати сказать ни однимъ изъ ученыхъ и литераторовъ, говорившихъ по поводу учебной реформы, не затронутыхъ. Онъ говоритъ, что чело-вѣку нужны не одни только научныя знанія, искусства и ремесла, еще болѣе ему нужны твердыя и сознательныя религиозныя вѣрованія. Указывая на печальное вліяніе космополитическаго настроенія государственной политики Россіи въ минувшемъ XIX в., Иванъ Петровичъ говоритъ, что въ дѣлѣ воспитанія и образованія русскихъ юношей не такъ важны тѣ или другія учебныя программы и учебники, сколько личныя качества воспитателей и учителей и духъ и направленіе преподаванія. Высокочтимый старецъ заключаетъ свои наставленія слѣдующими безсмертными словами: «Школа должна представлять какъ бы большую, дружную семью, старшіе члены которой съ любовью и участіемъ должны относиться къ своимъ питомцамъ, а послѣдніе должны

питать къ своимъ наставникамъ чувства благодарности, сердечной привязанности и довѣрія».

Ученая и благотворная дѣятельность Ивана Петровича не ограничивалась его административною службою, ни въ званіи попечителя и педагога, но имъ посвящено было много времени и трудовъ этнографіи, статистикѣ, археологіи; имъ составлены были «Сборники статическихкихъ и справочныхъ свѣдѣній по министерству народнаго просвѣщенія». Въ Вильнѣ, въ бытность Ивана Петровича попечителемъ округа, подъ его редакціей были изданы: «Виленскій Вѣстникъ» и «Сборникъ памятниковъ народнаго творчества», имъ введены въ литовскихъ школахъ національные литовскіе учебники; благодаря его ученому содѣйствію, явилось на свѣтъ знаменитое «Туровское Евангеліе» и наконецъ, въ послѣднее время имъ изданы нѣсколько томовъ «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи».

Вспоминая съ почтеніемъ ученую и административную дѣятельность Ивана Петровича, нельзя забыть его теплую сердечность къ людямъ, его чувства истинно русскаго человѣка и христіанина, котораго вся долготѣнная жизнь была посвящена своей семьѣ и дорогой его родиной. Едва-ли не единственный былъ въ Петербургѣ домъ, который, подобно дому Ивана Петровича, привлекалъ бы подъ кровъ свой такое разнообразное общество людей всѣхъ націй, званій и различныхъ профессій. Съ давнихъ временъ субботы Ивана Петровича были любимымъ мѣстомъ, гдѣ собирались и высокостоящіе сановники, ученые, литераторы, поэты, въ средѣ ихъ можно было встрѣтить и монаха съ Афонской горы, и сербскаго митрополита, и сказателя русскихъ былинъ, и знаменитыхъ и скромныхъ братушекъ, жителей Черной горы, нашихъ родныхъ славянъ и пр. Теплый, истинно русскаго боярина пріемъ его и радушной семьи напоминалъ собою ту давнюю русскую старину, когда на землѣ нашей не было ни мѣстничества, ни табели о рангахъ, когда въ именитой русской семьѣ можно было встрѣтить и боярина, и думнаго дьяка, и нетія, и баяна, и витязя князя Краснаго Солинышка, услышать и «славу» и русскія пѣсни... Субботы покойнаго Ивана Петровича ясно напоминали намъ нашу родную старину, наше дорогое прошлое, еще мало забытое и не совсемъ забытое новшествомъ; напоминали намъ стараго боярина, привлекавшаго подъ сѣнь своего дома русскихъ людей. Помянемъ же Ивана Петровича теплымъ чувствомъ глубокаго уваженія и выразимъ увѣренность, что имя его будетъ памятно вѣчно на Руси и въ дорогихъ намъ славянскихъ земляхъ...¹⁾

Ал. Савельевъ.

---

¹⁾ Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ редакція надѣется помѣстить портретъ И. П.

Россія и папекій престолъ.

III ¹⁾.

Ложное положеніе Дмитрія.—„Совѣтъ“, данный духовенству.—Избраніе Игнатія на патриаршій престолъ.—Торжество официальнаго кандидата.—Сговорчивость Игнатія.—Попы Вишневецкаго въ Москвѣ.—Назначеніе Филарета Романова епископомъ.—Крещеніе Марини.—Пожертвованіе львовскому братству.—Іерусалимскій патриархъ Софроній.—Его письмо.—Арабскія лошади.—Предосторожность, соблюдаемая Дмитріемъ.—Положеніе полковнхъ священниковъ. — Кругъ ихъ обязанностей. — Врачъ Эразмъ Бириши. — Ночная аудіенція.

Въ странѣ столь набожной и богобоязненной, какою была въ то время Россія, для царя было весьма важно поддержать доброе согласіе съ духовенствомъ и заботиться о томъ, чтобы отношенія между церковью и государствомъ ничѣмъ не омрачались. Дмитрій вполне понималъ это, держалъ себя во всѣхъ случаяхъ, какъ царь истинно православный, и лишь въ тайнѣ успокаивалъ и ободрялъ католиковъ. Его положеніе было ложное, но онъ умѣлъ справляться съ нимъ съ замѣчательнымъ искусствомъ.

На первыхъ же порахъ ему представился затруднительный вопросъ о патриархѣ. На востокѣ монархъ немислимъ безъ патриарха. Дмитрій сравнивалъ себя съ Цезаремъ, поэтому придавалъ особое значеніе патриаршему сану. Въ началѣ своего поприща, въ Краковѣ, онъ говорилъ о московскомъ патриархѣ, какъ человѣкъ, понимающій значеніе

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1901 г.

этого высокаго духовнаго сана и который не прочь воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. За примѣромъ было не далеко ходить: Димитрій рѣшилъ пойти по стопамъ Бориса Годунова.

Еще до своего вѣзда въ столицу онъ повелѣлъ, какъ намъ извѣстно, низложить патріарха Іова. Первый патріаршій престолъ Россіи не могъ быть занятъ ставленникомъ Бориса; Димитрій рѣшилъ предоставить его человѣку, которому онъ могъ бы вполнѣ довѣрять. На другой же день послѣ своего водворенія въ Кремль, онъ созвалъ архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ и «посовѣтовалъ» имъ избрать новаго патріарха. Поводомъ къ этому были выставлены преклонныя лѣта Іова и его слабое зрѣніе. Царь сослался на свои заботы о благѣ церкви, но не упомянулъ ни о наказаніи, ни о возмездіи. Почтеніе, выказанное имъ духовенству, созванному для избранія новаго патріарха, искупало до нѣкоторой степени суровую мѣру, постигшую Іова. Пастыри церкви были убѣждены его доводами; они подпали подъ обаяніе власти новаго монарха. Мысль Димитрія показалась имъ превосходной; они отвѣчали: «рѣшеніе твое мудрое, всемилостивѣйшій государь и великій князь всея Россіи, Димитрій Ивановичъ, будь по-твоему, какъ ты прикажешь». Всѣ эти и послѣдующія подробности приведены нами со словъ очевидца, архіепископа Арсенія, который былъ въ числѣ избирателей и не имѣлъ причины исказить истины ¹⁾).

Во исполненіе царскаго совѣта, духовенство собралось въ Успенскій соборъ, гдѣ, по прочтеніи установленныхъ молитвъ, было приступлено къ избранію новаго патріарха. При первой подачѣ голосовъ былъ избранъ снова Іовъ. Но это была только дань уваженія маститому іерарху, а не серьезное противодѣйствіе царской волѣ. Рѣшеніе это было измѣнено въ томъ же засѣданіи; причины, выставленныя Димитріемъ, были приняты во вниманіе, слѣпой старецъ былъ устраненъ отъ патріаршаго престола и, собравшіеся, какъ бы по тайному уговору, единодушно подали голосъ за Игнатія, архіепископа рязанскаго. Величайшею его заслугою и величайшимъ правомъ на патріаршій престолъ была преданность, выказанная имъ Димитрію. Тотчасъ былъ составленъ и подписанъ протоколъ объ избраніи патріарха, и около 10-го іюля Игнатій былъ возведенъ въ патріаршій санъ. По этому случаю въ Кремль былъ пиръ и были розданы подарки.

— Всѣ епископы, — говоритъ Арсеній, — возвратились по домамъ весьма довольные.

Избраніе Игнатія, несомнѣнно, было побѣдою правительственнаго кандидата на патріаршій престолъ, поэтому Игнатій, будучи избранъ единогласно, предпочиталъ смиренно называть себя «избраннымъ волею

¹⁾ Дмитріевскій, стр. 100—116.

царя». Эти слова ясно показываютъ, кому онъ былъ обязанъ почестями, которыми онъ пользовался, и что воля царя значительно облегчила трудъ избирателей; вмѣстѣ съ тѣмъ они показываютъ, до какой степени доходило угодничество епископовъ. Впрочемъ, подобное вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла церкви никого не смущало въ Москвѣ; оно вполне согласовалось съ традиціями Кремля; Димитрію оставалось только идти по стопамъ своихъ предшественниковъ.

Игнатій былъ именно тотъ человѣкъ, который былъ нуженъ царю. Въ его довольно неясномъ и неуловимомъ нравственномъ обликѣ рѣзко выдѣляются двѣ отличительныя черты: ненависть къ Риму и угодничество царю. Этотъ православный архипастырь былъ заклятымъ врагомъ латинской церкви, чего онъ, впрочемъ, не скрывалъ: въ первомъ же архипастырскомъ посланіи, имъ обнародованномъ по вступленіи на патриаршій престолъ, онъ смѣло поставилъ ненавистныхъ католиковъ наравнѣ съ магометанами и желалъ тѣмъ и другимъ одинаково всякихъ бѣдъ и напастей. Переходя отъ слова къ дѣлу, онъ считалъ своимъ долгомъ ополчиться противъ всякаго стремленія къ единенію съ Римомъ и имѣлъ по этому поводу прелюбопытное столкновение съ княземъ Адамомъ Вишневецкимъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1605 года, этотъ польскій магнатъ прибылъ въ Москву, чтобы привѣтствовать Димитрія, которому онъ нѣкогда столь дѣятельно покровительствовалъ, и получить отъ него свой должокъ. Какъ ревностный сынъ православной церкви, князь Адамъ явился въ сопровожденіи цѣлой свиты духовенства; ого попы, рассчитывая на дружескій пріемъ, смѣло явились въ православную церковь, какъ вдругъ, къ величайшему ихъ изумленію, они не были допущены въ храмъ подъ предлогомъ, будто они напоминали своимъ внѣшнимъ обликомъ западное духовенство, не имѣли на головѣ скуфьи, и ихъ сопровождали пѣвчіе поляки. Попы достали свои скуфьи, поспѣшили надѣть, явились въ церковь и начали совершать службу. Присутствующіе насторожились; они были поражены, они не вѣрили своимъ ушамъ, ихъ смущалъ напѣвъ пѣвчихъ; на скуфьяхъ у поповъ не оказалось символической каемки; «это латинство, соблазнъ»,—воскликали они, — «который не можетъ быть терпимъ!» Объ этомъ былъ извѣщенъ патриархъ; онъ горячо принялся за дѣло, предалъ иноземныхъ поповъ отлученію отъ церкви и приказалъ заключить въ тюрьму ихъ мнимыхъ сообщниковъ. Несчастные были помилованы только благодаря энергичному заступничеству князя Адама Вишневецкаго, которому стоило немалого труда успокоить гнѣвъ патриарха Игнатія.

Димитрій не протестовалъ противъ дѣйствій патриарха. Враждебное отношеніе его къ католикамъ давало царю возможность успѣшнѣе скрывать свои собственныя чувства; можетъ быть, онъ даже былъ не прочь

стусеваться за нимъ. Это нисколько не стѣсняло свободы его дѣйствій, а въ будущемъ ему нечего было опасаться, такъ какъ угодливость и податливость Игнатія равнялись его ненависти къ Риму. Пришелецъ въ Россіи, онъ переходилъ удивительно легко изъ одного лагеря въ другой; его личныя выгоды не страдали отъ этой частой перемѣны фронта. Признательность была чуждою его византійскому сердцу. Борисъ Годуновъ далъ ему епархію, но онъ покинулъ своего благодѣтеля и предался Димитрію, а впослѣдствіи перешелъ на сторону искателя приключеній, извѣстнаго подъ именемъ Лжедимитрія II.

Когда ему было уже немисливо оставаться долѣе въ Москвѣ, то онъ переселился въ Польшу. Принятый Сигизмундомъ III съ почетомъ и, получивъ отъ него пожизненную пенсію, онъ позабылъ свое отвращеніе къ Риму, принялъ унію и провелъ послѣдніе годы своей жизни въ Троицкомъ монастырѣ, въ Вильно, живя въ такомъ душевномъ согласіи съ уніатами, что многіе изъ нихъ окружаютъ его ореоломъ святости. Разумѣется, въ 1605 году, послѣдующая судьба Игнатія еще никому не была извѣстна, никто не могъ предсказать тѣхъ перемѣнъ, какія произошли съ нимъ впослѣдствіи, но основныя черты его характера, безъ сомнѣнія, были хорошо извѣстны тому, кто призывалъ его къ исполненію столь высокихъ обязанностей ¹⁾.

Хотя Димитрій могъ вполне положиться на своего патріарха и рассчитывать на его усердіе, но все же онъ считалъ необходимымъ быть почтительнымъ и предупредительнымъ къ духовенству, подтвердилъ дарованныя ему права, приблизилъ его къ себѣ. На всѣхъ торжественныхъ пріемахъ въ Кремлѣ царь бывалъ окруженъ высшими архипастырями церкви, приглашалъ ихъ на пиры и щедро награждалъ; можно было подумать, что вернулись времена богобоязненнаго Θεодора Іоанновича.

«Пастыри церкви должны быть совѣтниками монарха», говорилъ Димитрій, «въ ихъ обязанность входило, съ древнѣйшихъ временъ, защищать бѣдныхъ и сирыхъ». Достоинно вниманія, что Димитрій не смѣнилъ, при своемъ вступленіи на престолъ, ни одного епископа. Онъ позволилъ себѣ сдѣлать только одно исключеніе, которое послужило на пользу Θεодора Романова. Будучи возвращенъ изъ ссылки, этотъ импровизированный монахъ не пожелалъ снять клобука и измѣнить принятаго имъ въ монашествѣ имени Филаретъ. Такъ какъ его жена также была пострижена и жила въ монастырѣ, то ничто не мѣшало ему добиваться митры. Царь возложилъ ее на голову Филарета и, желая дать ему подходящую епархію, смѣстилъ безъ церемоніи митрополита

¹⁾ Собр. Гос. Грам., т. II, стр. 204, № 92.—Наше собраніе, письмо Лавицкаго отъ 21-го сентября 1605 г.—Theiner, т. III, стр. 325.

ростовскаго Кирилла Завидова. Это было сдѣлано самовольно, вопреки каноническимъ правиламъ, но это было сдѣлано по настоянію епискоковъ. Димитрій только сообразовался въ этомъ случаѣ съ ихъ желаніемъ и дѣйствовалъ даже не по своей собственной инициативѣ ¹⁾).

Епископы, съ своей стороны, видимо, были довольны своимъ новымъ монархомъ, по крайней мѣрѣ они старались показать это. Ихъ чувства были подвергнуты въ скоромъ времени испытанію въ весьма серьезномъ дѣлѣ, о чемъ будетъ говорено ниже.

Намѣреніе Димитрія жениться на Маринѣ было твердо и непоколебимо; епископы, за исключеніемъ двухъ, съ патріархомъ во главѣ, оказались сговорчивы и изъявили свое согласіе на его бракъ съ иностранкой и католичкой. Дойти до этого значило довести свою снисходительность до крайнихъ предѣловъ! И это происходило въ самомъ сердцѣ святой Руси, въ 1606 году! Димитрій былъ признателенъ епископамъ за ихъ уступчивость и отнесся снисходительно къ тѣмъ двумъ іерархамъ, которые выказали упорство.

Царь скоро понялъ, что, имѣя дѣло съ монахами, нельзя дѣйствовать слишкомъ поспѣшно, и что ему было необходимо вооружиться терпѣніемъ. Заклятый врагъ монастырей, онъ счумѣлъ подавить въ себѣ это чувство и примѣниться къ обстоятельствамъ, переставъ совѣщаться съ полковыми священниками относительно преобразованій, которыя онъ хотѣлъ ввести въ такъ называемые имъ «притоны тунеядцевъ». Въ сущности говоря, не ему было начинать дѣло, совершенное Петромъ Великимъ. Обнародовать церковный регламентъ было преждевременно, Россія не поняла бы его. Поэтому смѣлый реформаторъ, какимъ мы видѣли Димитрія въ Путивлѣ, сдѣлался въ Кремлѣ самымъ зауряднымъ консерваторомъ; онъ не коснулся монашескаго быта, не сдѣлалъ попытки ввести въ него какихъ-либо измѣненій, не подчинилъ его никакимъ новымъ правиламъ. Даже сокровища, накопленные монастырями и возбуждавшія вожделѣнія Іоанна III и Іоанна IV, остались неприкосновенны, Димитрій не поддался корыстолюбію. Каковы бы ни были его убѣжденія, онъ ничѣмъ не выказалъ ихъ, но соблюдалъ всенародно обычаи и вѣрованія древнихъ царей, ходилъ пѣшкомъ на богомолье въ Троицкую Лавру поклониться мощамъ св. Сергія, покровителя г. Москвы. Въ монастырскихъ записяхъ сохранились слѣды щедрыхъ вкладовъ и пожертвованій, сдѣланныхъ Димитріемъ монастырямъ: онъ даровалъ имъ различныя привилегіи и подтвердилъ права, коими они пользовались ранѣе, освободилъ ихъ отъ налоговъ и барщины, далъ имъ разныя льготы и привилегіи для продажи соли и рыбной

---

¹⁾ Поповъ, Изборникъ, стр. 194, 241, 276, 410.—Точной даты назначенія Филарета въ Ростовъ не извѣстно.

ловли. Проектъ обложенія монастырей налогомъ въ пользу казны не былъ приведенъ въ исполненіе; по крайней мѣрѣ это не подтверждается никакими документами; впрочемъ, объ этомъ проектѣ упоминаетъ только одинъ нѣмецкій хроникеръ. Вообще, хотя бы Димитрій взялъ дѣйствительно изъ Троицкой Лавры тѣ тридцать тысячъ рублей, о коихъ такъ скорбѣлъ Палицынъ, онъ все-таки велъ себя такъ, что многочисленное въ Россіи монашеское сословіе могло только радоваться на своего молодого царя ¹⁾.

За границею Димитрія считали даже поборникомъ и щедрымъ покровителемъ православія. Это могло подтвердить прежде всего православное братство во Львовѣ. Ему не хватало денегъ на построеніе церкви; братія вздумала послать уполномоченныхъ къ Димитрію съ просьбою о вспомошествованіи. Какъ извѣстно, въ Польшѣ духовныя братства состояли изъ воинствующихъ православныхъ братій, которые находились въ подозрѣніи у правительства и вели ожесточенную борьбу съ католиками. Поэтому, когда до слуха Сигизмунда III дошло, что Львовское братство послало своихъ сборщиковъ къ Димитрію, то онъ заблаговременно приготовилъ для нихъ кандалы и приказалъ потребовать ихъ выдачи у русскаго правительства. Что отвѣтилъ на это Димитрій королю, намъ не извѣстно, но мы знаемъ достоверно, что просьба Львовскаго братства была удовлетворена и что оно получило отъ царя денежное вспомошествованіе ²⁾.

Восточные патріархи также не упускали случая поживиться на счетъ Московіи. При составленіи бюджета ими всегда принимались въ расчетъ щедроты московскихъ царей. Какъ было не обратиться къ вновь появившемуся монарху, ниспосланному самимъ Провидѣніемъ и котораго долгъ признательности обязывалъ позаботиться о церкви? Лишь только Софроній, патріархъ іерусалимскій, узналъ о «появленіи» новорожденнаго сына Іоанна IV, онъ тотчасъ поспѣшилъ настроичить ему посланіе, не дожидаясь даже окончанія его похода на Москву. Прекрасный случай къ тому представился самъ собою. У патріарха была тяжба съ княземъ Адамомъ Вишневецкимъ; чтобы уладить дѣло, въ Польшу были отправлены три посланца. Имъ было приказано заѣхать на короткое время въ Кремль и передать Димитрію письмо Софронія.

Посланіе патріарха представляетъ собою превосходный образецъ

¹⁾ Акты Ист., т. II, стр. 71—79, № 59—61, 64. Мухановъ, Сборникъ, стр. 203—205, № 135—137.—Буссовъ, стр. 40.—Русск. Ист. Библи., т. XIII, собр. 652, показаніе князя Катырева-Ростовскаго, по словамъ котораго, Димитрій выселилъ будто бы изъ Чудова монастыря всѣхъ монаховъ. Объ этомъ будетъ говорено далѣе.—Палицынъ, стр. 224.

²⁾ Собр. Гос. Грам., т. II, стр. 279, № 130.—Краковъ, Музей Чарторыйскихъ, 2101, f. 37, V^o.

вѣтвѣатаго восточнаго слога. Заносясь высоко, патріархъ то парить въ небесахъ, то возвращается къ земнымъ дѣламъ, но въ концѣ-концовъ все сводится въ его письмѣ къ цифрамъ. Въ началѣ онъ говоритъ, что вся Палестина возноситъ молитвы къ престолу Всевышняго и благодарить Бога за то, что онъ возвратилъ міру драгоценное сокровище, такъ долго сокрытое отъ глазъ, священнаго потомка московскихъ царей. Къ небу возносятся усердныя молитвы о томъ, чтобы Димитрій возвратился въ свои владѣнія безъ кровопролитія и войны, и чтобы, возсѣвъ на престолъ, онъ не позабылъ Святаго Гроба, его величія и того униженія, въ которомъ онъ пребываетъ; чтобы онъ пошелъ по стопамъ Іоанна IV и Θεодора, этихъ двухъ великихъ монарховъ, которые облегчили отъ налога двѣ восточныя церкви! Тутъ патріархъ уступаетъ перо дѣловому человѣку: Святой Гробъ отягощенъ долгами, пишетъ онъ; его долги доходятъ до 5.000 экю и за нихъ приходится платить чудовищныя 50 процентовъ.

Но это не все: одинъ хитрый должникъ, вмѣсто того, чтобы уплатить Софронію тысячу экю звонкою монетою, далъ ему двѣ арабскія лошади. Это было бы еще полбѣды, но этими великолѣпными лошадьми завладѣлъ князь Адамъ, и патріарху приходится посылать за ними погоню, ибо, возвративъ должнику его долговое обязательство, онъ не имѣетъ возможности получить обратно своихъ денегъ. Толикія бѣдствія не могутъ не вызвать состраданія, пишетъ патріархъ, и этимъ вошемъ заканчиваетъ свое трогательное посланіе. Историкъ ничего не остается прибавить къ тексту письма его святѣйшества; оно дошло, конечно, по назначенію, такъ какъ оно хранится въ Московскомъ архивѣ ¹⁾.

Несмотря на доброжелательное и справедливое отношеніе Димитрія къ духовенству и пріобрѣтенную имъ славу человѣка истинно православнаго, отношенія между ними были хороши только на первый взглядъ. Патріархъ далъ царю доказательство своей неизмѣнной преданности, но было бы слишкомъ смѣло разсчитывать на что-либо подобное со стороны прочаго духовенства, которое дѣлало только видъ, что оно довольно; его радость была показная; въ глубинѣ души оно было въ оппозиціи царю. Недовѣріе Димитрія къ духовенству увеличилось, когда епископы львовскій и пршемьслскій сдѣлали тайный доносъ на царя и объявили его врагомъ православной церкви ²⁾. Димитрій чувствовалъ, что почва подъ его ногами не была тверда; онъ тщательно избѣгалъ всего, что могло выдать тайну его отреченія, и принималъ такія предосторожности, о которыхъ онъ и не думалъ во время похода. Эта пе-

¹⁾ Regel, стр. СІХ, 124.

²⁾ Нѣмовскій, стр. 109.—Эти два епископа были: Гедеоув Балабавъ и Михайалъ Копыстинскій.—Изъ русскихъ епископовъ однимъ изъ главныхъ враговъ Димитрія называютъ Θεодосія, епископа астраханскаго.

ремѣна отразилась прежде всего на полковыхъ священникахъ. Они незамѣтно отделились отъ Димитрія; эта перемѣна совершилась какъ бы сама-собою, въ силу обстоятельствъ, и очень деликатно съ той и съ другой стороны *).

Иезуиты легко помирились съ этимъ, такъ какъ они были всецѣло поглощены исполненіемъ своихъ священническихъ обязанностей. Они отправлялись ежедневно пѣшкомъ въ обширное помѣщеніе, служившее имъ походною церковью, гдѣ обѣдня служилась съ музыкою, а по воскресеньямъ послѣ обѣдни говорилась проповѣдь и пѣли молитвы. Вечеромъ солдаты собирались снова въ церковь къ вечернѣ. По вычисленію иезуитовъ, въ Россіи проживало около трехъ тысячъ поляковъ; изъ нихъ многіе были взяты въ плѣнъ во время войны; въ томъ числѣ были еще участники походовъ Баторія, а также переселенцы изъ Ливоніи. Одни изъ этихъ поляковъ остались католиками, другіе приняли православіе; первые оставались безъ духовнаго пастыря въ теченіе пятнадцати, двадцати и тридцати лѣтъ. Видъ католическаго священника вызвалъ въ нихъ самыя дорогія воспоминанія, они чувствовали себя какъ бы на родинѣ и умоляли иезуитовъ не покидать ихъ. Тогда же было рѣшено соорудить костель; эта мысль была принята съ восторгомъ.

Отцы-иезуиты встрѣтили въ Москвѣ доктора католика, Эразма Бриши, посланнаго Рудольфомъ II въ 1604 г. къ Борису Годунову. Они сошлись съ нимъ съ перваго же свиданія. Старикъ - докторъ знавалъ Эдмунда Кампіона (Самріон) и не скрывалъ своей симпатіи къ сотоварищамъ этого иезуита, замученнаго англичанами. Какъ истый ученый дорожа своими книгами, онъ поспѣшилъ завѣщать иезуитамъ свою бібліотеку и подарилъ имъ экземпляръ Тита Ливія.

Такимъ образомъ иезуиты, по самому образу жизни, который они вели, должны были отдалиться отъ царя. Они выжидали, повинаясь инструкціямъ, полученнымъ изъ Кракова; къ тому же ихъ личные взгляды вполне согласовались съ мнѣніемъ ихъ начальника. «Мы далеко отъ Путивля», писали они, намекая на то, что Димитрій отдалялся отъ нихъ; впрочемъ, они не видѣли въ этомъ ни малѣйшаго признака немилости со стороны царя, такъ какъ Димитрій, назначая имъ время отъ времени аудіенцію, принималъ ихъ весьма ласково и радушно, и обѣ стороны изливали свою радость по поводу состоявшагося свиданія. Въ исходѣ 1605 г. иезуиты получили неожиданно приглашеніе явиться во дворецъ. Изъ предосторожности, имъ пришлось отправиться туда ночью. Димитрій встрѣтилъ ихъ какъ въ былое время, бросился имъ на шею, говорилъ, что онъ радъ ихъ видѣть, сраививалъ свое удоволь-

*) Нижеслѣдующія подробности заимствованы изъ дневника о. Лавицкаго и изъ писемъ полковыхъ священниковъ.

ствіе съ тѣмъ радостнымъ чувствомъ, которое онъ испыталъ во время коронованія и при встрѣчѣ съ матерью. Воспользовавшись этимъ благоприятнымъ настроеніемъ царя, священники подали ему записку, въ которой жаловались на стѣсненія, какія имъ приходилось испытывать; они поднесли царю молитвенникъ и нѣкоторыя священные вещицы, присланныя изъ Кракова. Предъ ними былъ снова тотъ новообращенный католикъ, какого они видѣли въ Краковѣ; Димитрій былъ преисполненъ усердія и ревностной вѣры, приходилъ въ умиленіе при видѣ св. мощей и, прося благословить его, низко склонялъ голову, какъ нѣкогда передъ сраженіемъ. Переходя отъ предмета къ предмету, онъ говорилъ о своихъ планахъ относительно училищъ, о предполагаемомъ посольствѣ въ Римъ, сказалъ одному изъ іезуитовъ, что онъ будетъ сопровождать это посольство, прочиталъ имъ письмо, написанное къ Павлу V, и былъ неистощимъ въ изъявленіи своей признательности и въ похвалахъ. Священники удалились вполне довольные.

Подобнаго рода аудіенціи повторялись мѣсяца черезъ три, четыре; въ промежутокъ между ними царь поручалъ кому-нибудь изъ довѣренныхъ лицъ подтвердить ксендзамъ поданныя имъ надежды. Намѣренія его неизмѣнны,—говорилъ онъ,—но исполненіемъ ихъ надобно по-временить: Борисъ Годуновъ распространялъ объ немъ слишкомъ много клеветы, а православные имѣли слишкомъ много предрассудковъ, чтобы можно было безнаказанно приступить къ нововведеніямъ. Недальновиднымъ ксендзамъ эта медлительность не казалась подозрительной, или заслуживавшей порицанія, тѣмъ болѣе, что царь по-прежнему относился къ нимъ превосходно и не только заботился о томъ, чтобы они имѣли все необходимое, но интересовался даже ихъ походною церковью и какъ въ Путивлѣ посылалъ имъ то матеріи для ризъ, то золотую чашу или драгоценную икону. Іезуиты вооружились терпѣніемъ и понемногу устраивались въ Москвѣ. Они просили прислать имъ изъ Кракова третьяго священника, который помогалъ бы имъ совершать требы, и іезуита, брата Конрада, родомъ изъ Москвы, чтобы объясняться черезъ него съ русскими. Имъ прислали изъ Польши: Духовныя пренія (Controverses) Беллармина, Анналы Бароніуса, Проповѣди св. Викентія Ферры. Отецъ Андрей усердно изучалъ славянскій языкъ, мечталъ о распространеніи католичества среди русскихъ и, какъ человѣкъ увлекающійся, восклицалъ: «отчего я не москвитя». Его мечты пока ничѣмъ не омрачались.

ГЛАВА II.

Димитрій и папы. 1604—1606.

I.

Дипломатическія миссіи. — Исконная папская политика. — Молчаніе Клементя VIII. — Конклавы. — Избраніе Павла V. — Мнѣніе, высказанное Фердинандомъ тосканскимъ и австрійскимъ посланникомъ. — Рангони поручается навести справки о Димитріи. — Дешеша 2-го іюля 1605 г. — Она не рѣшаетъ по существу. — Иалишній оптимизмъ. — Вліяніе на папскую политику. — Преобладающая мысль Павла V. — Предположеніе о послахъ посольства. — Мнѣніе Рангони. — Его переписка съ Димитріемъ. — Луиджи Пратиссоли отправленъ въ Москву. — Письмо Рангони. — Символическіе подарки. — Аудіенція Пратиссоли въ Кремлѣ. — Янъ Бучинскій въ Краковѣ. — Свадебныя тревоженія. — Посылка Андрея Лавицкаго въ Римъ. — Дешеша кардинала Боргезе. — Письма Павла V. — О. Андрей высказываетъ свое мнѣніе. — Отъѣздъ изъ Рима. — Пріѣздъ Александра Рангони. — Аудіенція въ Кремлѣ. — Заподозрѣнная любовь Димитрія. — Дипломатическіе и военные планы. — Димитрій обѣщаетъ послать посольство. — Сношенія съ Европою. — Николай де-Мелло. — Донесеніе Александра Рангони. — Посевинъ въ Ватиканѣ. — Его система и иллюзіи. — Миссіонеры кармелиты въ Москвѣ. — Прекрасный пріемъ. — Впечатлѣніе, вынесенное папою.

Не слѣдуетъ забывать, что руководящей мыслию папской политики по отношенію къ московскимъ царямъ была идея о соединеніи церквей. Припомнимъ по этому поводу посланія Сикста IV къ Іоанну III, Григорія XIII къ Іоанну Грозному, инструкціи, данныя Бонумбру (Boncompagni), донесенія Поссевина, и мы увидимъ, что въ папской политикѣ красной нитью проходитъ одна и та же программа, не измѣнявшаяся вѣками въ своихъ главныхъ чертахъ. Папы долгое время толклись безплодно на одномъ и томъ же мѣстѣ, но Павелъ V попробовалъ подвинуть дѣло впередъ.

Удивительно, что до сихъ поръ никто не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что въ Римѣ до іюня мѣсяца 1605 г. относились къ Димитрію безучастно. Клементъ VIII не имѣлъ времени, а быть можетъ и желанія такъ или иначе рѣшить этотъ вопросъ. На первое, сдержанное, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызывающее письмо Димитрія онъ отвѣчалъ извѣстной уже намъ доброжелательной грамотой, умышленно избѣгая въ ней всякаго намека на политику и ограничиваясь только одними благочестивыми пожеланіями; не того хотѣлось Димитрію. Онъ былъ не прочь послѣдовать за папою на пути аскетизма, готовъ былъ повѣдать ему свои «духовныя стремленія», заявить ему о своей преданности, повергнуть къ стопамъ св. престола свою молодость, здоровье и самую жизнь, но съ однимъ условіемъ, чтобы получить за это со вре-

менемъ вознагражденіе и имѣть возможность разсчитывать на помощь папы. Его второе письмо, отъ 30-го іюля, дышетъ такою же почтительною преданностію и преисполнено тѣми же мірскими заботами ¹⁾. На это письмо Клементъ VIII ничего не отвѣтилъ. Его молчаніе можетъ быть истолковано двояко. Быть можетъ, папу предостерегъ отъ разочарованій въ будущемъ его духовникъ и ближайшій другъ, кардиналъ Бароніусъ, извѣстный историкъ, а быть можетъ, Клементъ VIII былъ задѣтъ неловкой фразой, вырвавшейся у Димитрія. Излагая свои просьбы, новообращенный католикъ благодарилъ папу за помощь, которую онъ ему «предлагалъ». Димитрій перепуталъ тутъ роли: проситель дѣлалъ видъ, будто таковымъ былъ на самомъ дѣлѣ папа. Какъ бы то ни было, Клементъ VIII не обмолвился въ отвѣтъ Димитрію ни словомъ въ то время, какъ его застигла смерть въ мартѣ мѣсяцѣ 1605 г.

Немедленно собрался конклавъ, и завязалась ожесточенная борьба между испанской и французской партіей. Побѣда послѣдней была непродолжительна; избранный на папскій престолъ семидесяти-двухлѣтній флорентійскій кардиналъ Левъ XI занималъ его всего двадцать семь дней. На новомъ конклавѣ, который прошелъ столь же бурно, какъ и предыдущій, Франція провела снова своего кандидата; 16-го мая 1605 г. Камилль Боргезе смѣнилъ Медичи, принявъ имя Павла V.

Красавецъ собою, высокаго роста, съ величественною осанкою и внушительнымъ видомъ, онъ былъ, сравнительно, молодъ: ему было всего пятьдесятъ два года. Всегда изысканно вѣжливый въ обращеніи, онъ оберегалъ однако ревниво свои права и былъ строгимъ законникомъ. Онъ не имѣлъ большаго знакомства въ римскомъ обществѣ, довольствуясь небольшимъ кругомъ друзей и близкихъ знакомыхъ. Великій герцогъ тосканскій не ожидалъ отъ него ничего хорошаго въ будущемъ и считалъ его неподготовленнымъ къ верховной власти. Не столь дальновидный венеціанскій посланникъ Августинъ Нани, не предвидѣвшій обнародованія знаменитаго интердикта, желалъ Павлу V прожить многія лѣта для вящаго блага христіанскаго міра. Папа былъ крѣпкаго тѣлосложенія, пользовался прекраснымъ здоровьемъ и страдалъ только ревматизмомъ въ лѣвой рукѣ; онъ дѣлалъ много движенія и кушалъ два раза въ день. Все это предвѣщало долгую жизнь, какъ писалъ венеціанскому дожу Нани, добросовѣстно обо всемъ ему доносившій ²⁾.

Во время двойнаго избирательнаго періода текуція дѣла въ Ватиканѣ по обыкновенію приостановились. Кардиналъ дю-Перронъ, уча-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 499. — Rome et Démétrius, стр. 160 № 3.

²⁾ Cornet, стр. III—VIII. — Mutinelli, т. III, стр. 16, 17, 18. — Ватиканскій архивъ, шк. XI, т. 121, № XIX, XX; т. 124, № XXIII, XXIV.

ствовавшій въ конклавѣ, писалъ королю французскому Генриху IV: «Вслѣдствіе кончины папы всѣ дѣла здѣсь пріостановились, всѣ заняты исключительно конклавомъ ¹⁾».

Московскій царь не избѣгнулъ всеобщей участи. О немъ никто не думалъ въ то время, какъ папскій престолъ былъ вакантенъ. Зато Павелъ V воспѣшилъ, послѣ своего избранія, серьезно заняться этимъ вопросомъ. Еще въ бытность кардиналомъ, онъ слышалъ въ Ватиканѣ разные толки о претендентѣ, читалъ депеши Рангони и письма полковыхъ священниковъ. Римское общество уже заинтересовалось этимъ необыкновеннымъ принцемъ, и кардиналъ San-Giorgio высказалъ о немъ слѣдующее мнѣніе: «Димитрій заставитъ насъ много посмѣяться, а турокъ заставить плакать» ²⁾. 4-го іюня кардиналъ Валенти поручилъ Рангони навести самыя точныя справки о личности Димитрія, о томъ, какъ смотреть на него польское общество и какого о немъ мнѣнія король польскій. «Чѣмъ подробнѣе и обстоятельнѣе будутъ наведенныя вами справки,—писалъ онъ,—тѣмъ это будетъ пріятнѣе его святѣйшеству». 16-го іюля Рангони была послана вторая, шифрованная депеша, настоятельно требовавшая отвѣта. Валенти получилъ извѣстіе о смерти Бориса Годунова; «успѣхи Димитрія,—писалъ онъ,—походятъ на какое-то чудо, святой отецъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстій, его озабочиваетъ будущее. Если страна признаетъ новаго монарха, то что надобно будетъ сдѣлать, чтобы утвердить Димитрія въ католической вѣрѣ и упрочить его преданность папскому престолу?» Рангони просили обсудить этотъ вопросъ и дать на него отвѣтъ ³⁾; такъ какъ Рангони медлилъ отвѣтомъ, то Павелъ V самъ написалъ 12-го іюля 1605 г. грамоту Димитрію. Болѣе податливый, нежели Клементъ VIII, и менѣе сдержанный, онъ счелъ нужнымъ напомнить о себѣ и заручиться симпатіей новообращеннаго католика ⁴⁾. Въ исходѣ того же мѣсяца въ Римѣ была, наконецъ, получена съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая депеша Рангони. Написанная 2-го іюля 1605 г. на имя папы, она занимала двадцать семь страницъ большаго формата. Нунцій

¹⁾ Les Ambassades, стр. 382.—Тамъ же, стр. 382, 407, 452, подробности о конклавахъ при избраніи Льва XI и Павла V.

²⁾ Vapozzi, т. II, стр. 185, 238—241.

³⁾ Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, f. l; хранилищ. Боргезе, II, 157, f. 5.—Всѣ депеши, полученныя въ то время въ Римѣ, находятся, за весьма немногими исключеніями, въ отд. Polonia, 173. Томы II, 435 и IV, 233. Хранилища Боргезе представляютъ собою копію съ этихъ депешъ или ихъ краткій пересказъ. Тургеневъ издалъ одни извлечения изъ этихъ депешъ съ ошибками и пропусками. См. Un manuscrit du Vatican.

⁴⁾ Тургеневъ, т. II, стр. 57, № XXXVII.—Официальныя копіи съ писемъ Павла V (1605--1617) на пергаментѣ, хранятся въ Ватиканскомъ архивѣ, шк. 45, т. I—XII.

былъ не прочь распространиться въ похвалахъ Димитрію; приказаніе, полученное имъ отъ папы, давало къ тому прекрасный предлогъ. Говоря о происхожденіи и предъидущей жизни Димитрія, онъ воспроизводитъ дословно извѣстное уже намъ донесеніе князя Адама Вишневецкаго. Это донесеніе имѣло значеніе официальнаго документа: король Сигизмундъ сообщалъ его сенаторамъ, и оно ходило въ придворномъ кругу по рукамъ. Поэтому нунцій повѣствовалъ о Димитрія съ полной увѣренностью и самъ безусловно вѣрилъ всему тому, что онъ сообщалъ; въ этой удивительной исторіи его ничто не смущало и не удивляло. Такъ какъ личныя его сношенія съ Димитріемъ начались въ апрѣлѣ 1604 г., то, рассказывая о пріѣздѣ претендента въ Краковъ, объ его аудіенціи у короля, объ отреченіи отъ православія и о посланцахъ, прибывшихъ изъ Москвы, онъ говоритъ уже какъ очевидецъ. Начало похода и побѣды Димитрія описаны по письмамъ полковыхъ священниковъ. Все это уже знакомо читателю; рассказывая объ этихъ событіяхъ, мы черпали свѣдѣнія изъ тѣхъ же источниковъ, какъ Рангони, и даже заимствовали нѣкоторыя подробности изъ его донесеній.

Но матеріальный успѣхъ не есть еще доказательство права. Въ странѣ съ наслѣдственной царской властью это право дается только рожденіемъ. Что же думали въ Польшѣ о Димитріѣ? Что могли думать о немъ? Былъ ли онъ прирожденнымъ сыномъ Іоанна IV и законнымъ наслѣдникомъ московскихъ царей? Въ этомъ заключалась вся сущность вопроса, а Рангони не отвѣтилъ на это ничего положительнаго. Въ польскомъ обществѣ существуетъ на этотъ предметъ два противоположныхъ взгляда, — писалъ онъ.

Во главѣ скептиковъ стоятъ Замойскій и Янушъ Острожскій, но ихъ взглядъ эгоистиченъ и своекорыстенъ. Большая часть дворянства, въ томъ числѣ воевода краковскій, высказались въ пользу Димитрія. Что касается короля, то онъ далъ претенденту пенсію и одарилъ его подарками; онъ принимаетъ въ немъ большое участіе, общалъ принять его посланниковъ и окажетъ ему, какъ говорятъ, въ случаѣ надобности, помощь войскомъ. Слѣдовало ли заключить изъ этого, что король считалъ Димитрія истиннымъ московскимъ царевичемъ? Нунцій намекалъ на это, но уклонился отъ положительнаго отвѣта. Онъ охотнѣе распространялся о личныхъ свойствахъ молодаго монарха, о его благородномъ, рыцарскомъ характерѣ. Какъ горячо онъ относится къ вѣрѣ, писалъ Рангони, какъ онъ набоженъ! Онъ хочетъ идти противъ турокъ и заботится о соединеніи церквей.

За эту депешу Рангони была высказана 23-го іюля лестная благодарность. Его сообщеніе имѣло рѣшающее вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣлъ; папа руководствовался его депешей въ своей дальнѣйшей поли-

тикѣ. Строго говоря, Павелъ V не узналъ изъ нея ничего новаго, но она давала полный обзоръ событій и говорила въ пользу Димитрія.

Существеннымъ недостаткомъ этой депеши былъ ея излишній оптимизмъ. Припомнимъ рѣчи, произнесенныя на сеймѣ, робкія недоумовки Сигизмунда и сопоставимъ съ этимъ то, что писалъ Рангони; выводъ ясенъ самъ собою. Оптимизмъ дипломата былъ тѣмъ прискорбнѣе, что въ Ватиканѣ его не думали остерегаться. Сообщение Рангони произвело на папу такое впечатлѣніе, что молодой претендентъ осуществлялъ собою тотъ идеалъ московскаго царя, о которомъ мечтали въ Римѣ: онъ представлялся Павлу V ревностнымъ католикомъ, поборникомъ идеи объ единеніи церквей, человѣкомъ всецѣло преданнымъ папскому престолу, врагомъ ислама, находившимся въ добрыхъ отношеніяхъ съ Польшею и признаннымъ Сигизмундомъ, по крайней мѣрѣ фактически, прирожденнымъ монархомъ. Какъ много соблазнительнаго это сулило въ будущемъ! Павелъ V увлекался мыслию о религиозномъ единеніи со славянами. Въ Ватиканѣ былъ выработанъ цѣлый планъ дѣйствій, для осуществленія котораго было необходимо вступить въ переписку съ московскимъ правительствомъ и обмѣняться посольствами. Немедленно было приступлено къ дѣлу, всѣ истинные сыны католической церкви призывались содѣйствовать этому плану.

4-го августа были разосланы папскія грамоты къ королю польскому, кардиналу Маціевскому и воеводѣ Мнишеку. Павелъ V былъ поглощенъ мыслию о необходимости поддержать Димитрія и воспользоваться этимъ орудіемъ, ниспосланнымъ судьбою, чтобы утвердить въ Россіи католичество. Онъ одобрялъ все сдѣланное до тѣхъ поръ, совѣтовалъ удвоить стараніе, просилъ короля оказать Димитрію дѣятельную поддержку, писалъ нунцію, чтобы онъ возбудилъ въ немъ еще большую ревность къ вѣрѣ, а воеводѣ Мнишеку, чтобы онъ руководилъ Димитріемъ и поддержалъ его. Папа выражалъ надежду, что въ такомъ случаѣ въ Москвѣ будетъ вскорѣ провозглашено о соединеніи церквей, и думалъ, по своей собственной инициативѣ, послать въ Кремль своего представителя.

5-го августа была написана, на всякій случай вѣрительная грамота на имя графа Александра Рангони ¹⁾, но по этому поводу папа считалъ необходимымъ условиться предварительно съ нунціемъ.

Въ принципѣ, Рангони готовъ былъ одобрить всякій планъ, клонившійся къ пользѣ новаго царя. Онъ воспылялъ къ Димитрію нѣжною любовью съ той самой минуты, какъ тотъ палъ передъ нимъ ницъ и онъ возлагалъ на претендента самыя сокровенныя надежды. Новообра-

¹⁾ Тургеневъ, т. II, стр. 61 и сл., № XLI, XLII, XLIII, XLIV.—Архивъ папскаго престола, IV, f. 48. Собственноручная записка Павла V.

щенный католикъ умѣлъ искусно поддержать ихъ и охотно велъ откровенную бесѣду со своимъ духовнымъ пастыремъ. Между нунціемъ и Димитріемъ завязалась перелиска. Димитрій, или тотъ, кто писалъ за него письма, обладалъ прекраснымъ слогомъ и умѣлъ говорить полунамеками: къ рассказамъ о походѣ и сраженіяхъ примѣшивались изліянія религіозныхъ чувствъ и порывы самой ревностной вѣры; въ письмахъ Димитрія говорилось о Провидѣніи, о козняхъ дьявола, онъ просилъ Рангони защитить его отъ злыхъ духовъ. Но сквозь благочестивыя метафоры проглядывали также инаго рода просьбы: о защитѣ противъ Замойскаго и Януша Острожскаго, о поддержкѣ у папы, короля и сенаторовъ ¹⁾).

Нунцій принималъ желанія остроумнаго корреспондента близко къ сердцу и вознаграждалъ его своею предупредительностью за холодность и одержанность Клементя VIII. Политика Павла V болѣе соотвѣтствовала взглядамъ нунція, и онъ успѣшилъ одобрить мысль о посылкѣ въ Москву посла, а равно и выборъ лица, предназначеннаго на это мѣсто.

Но къ отправленію графа Александра встрѣтилась временно задержка, и сношенія съ Москвою установились инымъ путемъ. Личнымъ довѣреннымъ секретаремъ Рангони былъ аббать Луиджи Пратиссоли; нунцій послалъ его къ царю. Поѣздка этого скромнаго человѣка не могла никому внушить опасеній и могла даже пройти незамѣченной. Съ какою цѣлью онъ былъ посланъ въ Кремль, это остается тайною; въ официальныхъ депешахъ его имя не упоминается; данное ему порученіе было конфиденціальное. Быть можетъ, ему было поручено, между прочимъ, намекнуть осторожнымъ образомъ на кардинальскую шапку, о которой Димитрій вскорѣ просилъ для своего покровителя-нунція? Впрочемъ, было бы не вполне добросовѣстно высказать подобное предположеніе, не имѣя на то положительныхъ данныхъ. Въ письмѣ, коимъ былъ снабженъ Пратиссоли, объ этомъ не говорится ни слова, но это письмо должно было служить ему камертономъ: это была побѣдная пѣснь, усиленная дозою аскетизма.

Нунцій еще не писалъ Димитрію послѣ его коронованія; въ письмѣ, посланномъ съ Пратиссоли, онъ далъ волю своему долго сдерживаемому восторгу и излилъ его въ цѣломъ потокѣ текстовъ, заимствованныхъ изъ священнаго писанія; тутъ говорилось и о неисповѣдимыхъ путяхъ Провидѣнія и о тайныхъ путяхъ Господнихъ, о божественной справедливости, о благодарности Всевышнему. Подарки, посланные съ прелатомъ, послужили предлогомъ къ сопоставленіямъ религіознаго

¹⁾ Ватиканскій архивъ, хранит. Боргезе, II, 499, III, 90, в. f., 167, 231.—Архивъ папскаго престола, IV, f. 57 V°, 58, 59.—Rome et Démétrius, стр. 158, № 2; стр. 161, № 4; стр. 165, № 7.

свойства: распятіе посылалось Димитрію потому, что его походъ былъ предпринятъ во славу Христа; четки, даваемые папою въ знакъ отпущенія отъ грѣховъ и называемыя италіанскимъ вѣщомъ (*conoppe italieune*), принадлежали ему по праву, какъ побѣдителю; латинская біблія должна была открытъ ему свѣтозарный кругозоръ; развѣ онъ не былъ избранникомъ Божиимъ, подобно величайшимъ царямъ Ветхаго Завета? Подобно Давиду и Израилю, онъ будетъ имѣть во всемъ удачу, говорилъ нунцій, до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ своей миссіи. Отецеская заботливость нунція шла далѣе: онъ подарилъ Димитрію въ Краковѣ образъ Мадонны *de la ghiaga*, чтимой въ Реджіо, и кольцо, которое претендентъ долженъ былъ носить въ честь ея; узнавъ, что эти вещи затерялись, Рангони послалъ ему по второму экземпляру, сопровождая ихъ трогательнымъ увѣщаніемъ. Между всѣми этими афоризмами проскальзываетъ напоминаніе о соединеніи церквей; Димитрій обѣщалъ довершить это, пишетъ нунцій, онъ поклялся въ томъ передъ Богомъ, отъ этого будетъ зависѣть его благополучное царствованіе; впрочемъ, продолжалъ Рангони, не слѣдуетъ дѣйствовать слишкомъ поспѣшно, надобно поступать осторожно и по зрѣломъ размышленіи. Что касается совѣтовъ изъ области политики, то они сводились къ слѣдующимъ двумъ пожеланіямъ: чтобы Димитрій поддержалъ дружбу съ Польшею и питалъ сыновнюю преданность къ вновь избранному папѣ¹⁾.

Чтобы писать такимъ тономъ, нужно было быть твердо увѣреннымъ въ томъ, что пишешь. Поэтому это письмо свидѣтельствуетъ если не о проникательности писавшаго, то, во всякомъ случаѣ, о его полнѣйшемъ чистосердечіи и довѣріи къ новообращенному католику. Пріемъ, оказанный его посланному, подтвердилъ справедливость взглядовъ нунція. Пратиссоли не могъ нахвалиться своимъ пребываніемъ въ Москвѣ.

16-го октября царь принялъ отъ него письмо Рангони и символическіе подарки и въ знакъ своего особаго удовольствія сказалъ ему нѣсколько любезныхъ словъ. Ему были оказаны знаки особаго вниманія. Иезуиты просили чрезъ Бучинскаго позволенія показать Пратиссоли столицу. Димитрій опередилъ ихъ желанія. Онъ разрѣшилъ аббату остановиться въ ихъ домѣ; ему было дозволено выходить, когда онъ пожелаетъ, посѣщать знакомыхъ и принимать ихъ у себя, тогда какъ въ то время дипломаты обязывались сидѣть безвыходно у себя въ домѣ и ни съ кѣмъ не сообщаться. На этотъ разъ было сдѣлано исключеніе. Въ началѣ ноября Димитрій пригласилъ къ себѣ на обѣдъ италіанскаго

¹⁾ Ватиканскій архивъ, хранил. Боргезе, II, 499.—*Rome et Démétrius*, стр. 162, № 5.—Невѣрный переводъ письма въ Собр. гос. грам., т. II, стр. 218, № 98.

аббата, польскаго посланника Госіевскаго и двухъ іезуитовъ: странные гости за столомъ у московскаго царя!

Пратиссоли выѣхалъ изъ Москвы 22-го декабря, обременный роскошными подарками. Онъ привезъ Рангони самыя благопріятныя вѣсти; послѣ этого нунцій ни въ чемъ не измѣнилъ своего образа дѣйствій, какъ объ этомъ свидѣтельствуемъ одно довѣренное лицо посланное Димитріемъ въ Краковъ ¹⁾.

Достигнувъ верха почестей и благополучія, Димитрію приходилось все же бороться со всевозможными затрудненіями; онъ воспользовался своими правами «искренняго друга» нунція и отправилъ къ нему съ письмомъ, отъ 15-го ноября 1605 г., преданнаго челоуѣка—Бучинскаго. Царя тревожили два обстоятельства, въ коихъ вышательство Рангони могло быть полезно. Во-первыхъ, онъ предвидѣлъ, какія затрудненія могли возникнуть для польки, которой суждено было возсѣсть на престолъ православнаго царства; впрочемъ, онъ льстилъ себя надеждою, что дѣло уладится и что папа дастъ свое разрѣшеніе. Пусть только Маринѣ будетъ разрѣшено приобщиться въ день коронаванія изъ рукъ патріарха Игнатія, писалъ Димитрій, пусть ей будетъ дозволено посѣщать православныя церкви, поститься по средамъ, и никому не будетъ дѣла до ея душевныхъ убѣжденій. Во-вторыхъ, писалъ царь, всякій разъ, какъ ему приходилось вести официальные переговоры съ поляками, они не давали ему царскаго титула и тѣмъ оскорбляли его. Онъ называлъ себя милостію Божіею царемъ и императоромъ и считалъ оскорбленіемъ, когда Сигизмундъ III дерзко называлъ его великимъ княземъ; Димитрій энергично протестовалъ противъ этого.

Янъ Бучинскій пріѣхалъ въ Краковъ, чтобы передать нунцію все то, чѣмъ царь былъ недоволенъ; протестантъ Бучинскій и высшій сановникъ католической церкви обсуждали эти вопросы совмѣстно, но не пришли ни къ какому заключенію ²⁾.

Въ бумагахъ Рангони сохранились слѣды происходившихъ между ними по этому поводу переговоровъ; мы находимъ въ нихъ записку о царскомъ титулѣ, безъ даты и подписи, но которая носитъ несомнѣнно отпечатокъ той эпохи: въ ней говорится объ устарѣлыхъ взглядахъ, о смѣломъ нововведеніи. Самый тонкій законовѣдъ не могъ бы лучше защитить передъ судомъ Фридриха Барбароссу и лучше воспользоваться фактами изъ исторіи Византіи. Димитрій основывалъ свои доводы на слѣдующемъ: онъ признавалъ надъ собою только одного Бога, на себя

¹⁾ Ватиканскій архивъ, хранит. Боргезе, II, 499, письма Члжовскаго къ Стривери отъ 24-го октября и 6-го ноября 1605 г.—Наше собраніе; его же письмо къ тому же лицу отъ 29-го декабря.—Масса, т. II, стр. 152.

²⁾ Ватиканскій архивъ, хранит. Боргезе, II, 499. Rome et Démétrius, стр. 165, № 7; стр. 167, № 9; стр. 217 № 12.

же смотрѣлъ какъ на высшаго законодателя въ государствѣ, до нѣкоторой степени какъ на олицетвореніе закона, и ссылался на право монарховъ принимать какой угодно титулъ. Римская исторія свидѣтельствуетъ, говорилъ онъ, что правители имѣютъ право выбора; его высокій царскій санъ оправдываетъ его притязанія. Московское царство такъ же обширно, какъ царство ассирійское, мидійское и персидское, такъ же гуще, какъ римская имперія. Можно ли отказать главѣ этой имперіи въ титулъ, которымъ пользуется татарскій ханъ или который римскіе легіоны давали своему предводителю послѣ побѣды, одержанной надъ врагами? Московскіе монархи имѣли, несомнѣнно, право пользоваться царскимъ титуломъ, право это утверждено хартіями, которыя были признаны императорами и папами. Они не пользовались этими титулами только по простотѣ своихъ нравовъ, но это не лишаетъ права на нихъ. Укоряя мимоходомъ польскихъ королей въ томъ, что они запрашивали у людей корону, полученную ими отъ Бога, и сдѣлавъ еще нѣкоторыя ссылки изъ области исторической, Димитрій оканчиваетъ свое посланіе слѣдующимъ горделивымъ заявленіемъ: «такъ какъ мы получили благодать царской власти отъ Бога, то не будетъ слишкомъ смѣлымъ присвоить себѣ то, что принадлежитъ намъ по праву».

Подобными же доводами Бучинскій старался убѣдить Рангони; къ сожалѣнію, эти доводы не были достаточно убѣдительны. Представитель папскаго престола не могъ ничего возразить противъ классическаго представленія объ императорѣ, естественномъ покровителѣ церкви, получающемъ корону изъ рукъ папы. Но по этой именно причинѣ вопросъ о предоставленіи Димитрію императорскаго титула никогда не обсуждался имъ серьезно. Королевскій или царскій титулъ былъ болѣе доступенъ. И Рангони, знавшій настроеніе польскаго двора, рѣшилъ просить объ этомъ Сигизмунда. Но король упорствовалъ и хотя по временамъ начиналъ колебаться, но въ концѣ концовъ все же ссылался на рѣшеніе сейма и отказывался нарушить его права.

Разрѣшеніе папы, о коемъ Димитрій хлопоталъ для Марины, тревожило нунція гораздо болѣе, нежели вопросъ о громкомъ титулѣ, котораго царь добивался для себя. Относительно причащенія, очевидно, не могло быть сдѣлано никакой уступки; настаивать на строгомъ соблюденіи правилъ было также несвоевременно; казалось, изъ этого затруднительнаго положенія не представлялось выхода. Рангони разыгрывалъ роль рѣшительнаго сторонника свободы въ дѣлѣ религіозномъ и въ этомъ смыслѣ говорилъ о церемоніалѣ священнаго коронованія, ссылаясь на бывшіе примѣры, на бракосочетаніе принцессы Софіи съ Василиемъ I, но изъ всѣхъ этихъ разсужденій нельзя было сдѣлать никакого опредѣленнаго вывода; принужденный сознаться въ своей несостоятельности, онъ возлагалъ надежды на благоразуміе царя и на рѣшеніе папы.

Въ Москвѣ долго ожидали отвѣта Раинони на письмо Димитрія отъ 15-го ноября 1605 г. Его отвѣтное письмо помѣчено 3-мъ февраля 1606 г. ¹⁾. Тѣмъ временемъ Димитрій вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Павломъ V. Онъ говорилъ Раинони при первомъ же свиданіи о своемъ намѣреніи отправить въ Римъ посольство, съ изъясненіемъ своей покорности папѣ. Въ день коронаванія полковнымъ священникамъ было сообщено, что одинъ изъ нихъ будетъ посланъ въ Римъ. Но они не придали этому особеннаго значенія. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ объ этомъ посольствѣ не было слуха, можно было подумать, что эта мысль была окончательно оставлена. Но царь не отказался отъ нея. Не особенно заботясь объ объединеніи церквей, онъ любилъ строить планы о лигѣ противъ турокъ, которая дала бы ему возможность играть роль въ Европѣ. Объ этомъ вопросѣ, нѣсколько устарѣломъ и сданномъ уже на западѣ въ архивъ, онъ хотѣлъ побесѣдовать съ папою чрезъ своего уполномоченнаго. Порученіе это было возложено на отца Андрея, неисправимаго оптимиста, который вѣрилъ въ успѣхъ всякаго дѣла. Онъ выѣхалъ изъ Москвы въ первыхъ числахъ января 1606 г., снабженный инструкціями, которыя были писаны на латинскомъ языкѣ; подъ ними, въ красной строкѣ, стояла подпись: *Demetrius Imperator*. Вотъ содержаніе этихъ инструкцій:

«Инструкція, данная для памяти отцу Андрею Лавицкому, ордена іезуитовъ, посланному къ святѣйшему отцу Павлу V, первосвятителю Римскому. 18-го декабря 1605 г.

«1. Во-первыхъ, о. Андрей объявить его святѣйшеству о нашемъ намѣреніи предпринять войну противъ турокъ и заключить съ этою цѣлью союзы съ нѣкоторыми христіанскими монархами. Онъ будетъ просить его святѣйшество, чтобы онъ, по его при дворѣ пресвѣтлѣйшаго императора римскаго важности, уговорилъ его величество не заключать съ турками мира или какого перемирія, но общій союзъ противъ нихъ.

«2. Чтобы онъ склонилъ къ такому же священному союзу наяснѣйшаго короля и королевство польское.

«3. Онъ долженъ просить, чтобы его святѣйшество, принявъ во вниманіе намѣреніе наше и державнѣйшаго императора римскаго касательно этой священной войны, упомянулъ объ этомъ на сеймѣ королевства польскаго, на который нами будутъ посланы наши официальные посланники, — и чтобы это было сдѣлаво до распущенія сейма.

«4. Онъ заявитъ его святѣйшеству, что, имѣя въ виду эту цѣль, мы рѣшили послать къ пресвѣтлѣйшему императору римскому, сколь возможно послѣпнѣе, нашего посла. Онъ будетъ просить, чтобы его свя-

¹⁾ Собр. гос. грам. т. II, стр. 267, № 124.

тѣйшество послалъ въ то же время кого-нибудь къ императору, кто бы обсуждалъ вопросъ отъ имени его святѣйшества, и чтобы это лицо, буде оно пріѣдетъ ранѣе нашего посла, ожидало его.

«5. Онъ заявить его святѣйшеству, что у насъ идетъ споръ съ наисвѣйшемъ королемъ польскимъ изъ-за императорскаго титула, отъ коего мы не можемъ легко отказаться, ибо онъ принадлежитъ намъ по праву. Онъ будетъ просить его святѣйшество ознакомиться съ этимъ дѣломъ и произнести о немъ свое сужденіе.

«6. Хотя его святѣйшеству лучше, нежели намъ, извѣстны заслуги по отношенію къ святой римско-католической церкви преславнаго и достопочтеннаго отца іезуита, Клавдія Рангони, епископа и князя Реджіо, нунція папскаго престола при наисвѣйшемъ королѣ польскомъ, но, такъ какъ намъ самимъ извѣстно ревностное усердіе и неусыпное стараніе, съ какимъ его преосвященство защищаетъ святой престоль, то онъ будетъ просить его святѣйшество отъ имени нашего, чтобы онъ пожаловалъ упомянутому преосвященнѣйшему Клавдію Рангони кардинальское званіе, ибо ничто не можетъ доставить намъ большаго удовольствія, по любви нашей къ его преосвященству, какъ если онъ получитъ нашими стараніями то достоинство, коего онъ заслуживаетъ»¹⁾.

Помимо этого главнаго документа, отецъ Андрей везъ письма къ папѣ и Рангони, охранный листъ и письмо къ папѣ отъ Іоанна Папроцкаго. Этотъ «приближенный камергеръ» (Chambelau intime) Дмитрія, посвященный въ тайну его принадлежности къ католической вѣрѣ, восхваляя Павлу V Дмитрія, весьма преданнаго, какъ онъ говорилъ, католической церкви и іезуитамъ.

31-го января, въ монастырѣ св. Варвары, среди іезуитовъ и ихъ друзей, произвело большой переполохъ появленіе отца Андрея въ длинной священнической рясѣ, съ широкими рукавами, съ бороδοю и длинными волосами, съ православнымъ наперснымъ крестомъ. Его рассказы возбудили живѣйшее любопытство. 4-го февраля онъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ Сигизмундомъ III. Неизвѣстно, что было сказано съ той и съ другой стороны, но посланецъ Дмитрія вышелъ изъ Вавельскаго замка въ столь же восторженномъ настроеніи, въ ка-

¹⁾ См. латинскій текстъ въ Rome et Démétrius, стр. 166, № 8.—О посольствѣ Лавицкаго см.: Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, f. 40 v°, 44 v°, 45, 49, 51, 62, 67 v°.—Тамъ же, хранит. Боргесе, II, 499, письмо Папроцкаго къ Павлу V.—Наше собраніе, письмо Чижовскаго къ Стривери отъ 29-го декабря 1605 г.; его же письмо къ Аквавивѣ отъ 31-го декабря того же года; письма Лавицкаго къ Аквавивѣ отъ 10-го февраля, 18-го и 22-го апрѣля 1606 г.; грамота Павла V, отъ 29-го апрѣля.—Велевицкій, т. II, стр. 104, 111, 113, 121, 122, 140.—Тургеневъ, т. II, стр. 88, № LXXVI.—Собр. гос. грам., т. II, стр. 231, № 107. Du Perron, стр. 559.

комъ онъ переступилъ его порогъ. Онъ выѣхалъ изъ Кракова, въ сопровожденіи отца Станислава Крѣйскаго (Kryski); дорога была ужасная, на пути встрѣтились всевозможныя задержки, страшно замедлившія путешествіе. О. Андрей прибылъ въ Римъ около 18-го марта и былъ принятъ папою.

Павелъ V ожидалъ его дѣйствительно съ нетерпѣніемъ. Удрученный въ то время борьбою съ Венеціей, онъ находилъ отраду въ дѣлѣ Димитрія. Въ то время какъ венеціанскій дожъ, Леонардо Донато, нарушалъ права церкви, изгонялъ іезуитовъ и навлекъ на республику интердиктъ, московскій царь открывалъ іезуитамъ доступъ въ свое государство и дѣлалъ папскому престолу лестныя предложенія. Какое удивительное сопоставленіе! Папа перечитывалъ письмо Димитрія къ Клементу VIII, писанное 30-го іюля 1604 г., и приходилъ отъ него въ восторгъ. Исторія этого новообращеннаго католика казалась ему восхитительной; онъ видѣлъ въ его необычайной судьбѣ перстъ Божій и вѣрилъ въ преданность Димитрія папскому престолу. Въ случаѣ надобности, ревностная полька могла удержать его на пути истины. 7-го января 1606 г. Марина написала папѣ письмо, преисполненное глубоко религіознымъ чувствомъ: когда святые ангелы приведутъ ее въ Москву, писала она,—то она не будетъ думать ни о чемъ иномъ, какъ о единеніи церквей; она будетъ только ожидать повелѣній отъ папы, она сдержитъ свое слово ¹⁾.

Въ томъ же духѣ писали воевода Сендомирскій и кардиналъ Мациевскій. Павелъ V находилъ своевременнымъ послать въ Россію католическихъ епископовъ; онъ возобновилъ Димитрію предложеніе, сдѣланное нѣкогда Піемъ V Іоанну Грозному, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ осуществленія этихъ плановъ.

Отецъ Андрей не могъ разсѣять иллюзій, которыя онъ самъ вполне раздѣлялъ. Приглашенный неоднократно въ Ватиканъ, гдѣ онъ имѣлъ продолжительныя и интимныя бесѣды съ папою, онъ изложилъ ему настоящее положеніе дѣлъ и свои надежды на будущее. На счетъ всемогущества царя въ дѣлѣ религіи и покорности московитовъ онъ не питалъ и тѣни сомнѣнія. Онъ былъ свидѣтелемъ избранія патріарха, услужливости духовенства и на этомъ основаніи составилъ себѣ извѣстное убѣжденіе. Такимъ образомъ дальнѣйшій образъ дѣйствій выяснялся самъ собою: Димитрія было необходимо окружить ревностными католиками, удалить отъ него подозрительныхъ лицъ и затѣмъ ожидать осуществленія обѣщаній, данныхъ въ Краковѣ. Относительно титула, вопросъ былъ рѣшенъ такъ же легко: отецъ Андрей обѣщалъ прислать

¹⁾ Ватиканскій архивъ, хранил. Borgese, II, 499. На оригиналѣ подпись: „obedientissima et devotissima filia et serva Marina“.

такіе документы, которые разсвѣтъ всякія недоразумѣнія. Его бойкая откровенная рѣчь произвела на папу сильное впечатлѣніе: отдаленное видѣніе католической Россіи исторгало у него изъ глазъ слезы; онъ такъ полюбилъ іезуита, что хотѣлъ оставить его въ Римѣ и согласился отпустить его лишь подъ условіемъ, что онъ скоро возвратится.

До насъ дошла записка, составленная кардиналомъ Сципіономъ Боргезе, и цѣлый рядъ писемъ, въ коихъ излагаются подробности миссіи, возложенной на о. Андрея. Сципіонъ Боргезе, племянникъ папы и его первый министръ, жилъ въ мірѣ, не имѣвшемъ ничего общаго съ жизнію Кремля. Человѣкъ высоко одаренный, любимецъ римскаго общества, *delizie di Roma*, какъ его называли, построившій съ замѣчательнымъ вкусомъ виллу, носящую его имя, онъ вѣрилъ въ возвышенныя чувства и радѣлъ о славѣ папскаго престола. Отмѣтимъ одну оригинальную особенность его записки: посланецъ Димитрія къ папѣ превратился въ ней въ посланца папы къ Димитрію.

Всѣ текущіе вопросы были уже, такъ сказать, рѣшены по мѣрѣ возможности. Еще 4-го марта, въ отвѣтъ на депеши Рангони, ему было послано изъ Рима письмо, въ которомъ было высказано рѣшеніе папы относительно войны съ турками, королевскаго титула и даже относительно разрѣшенія, просимаго для Марины. Оставалось только подтвердить сдѣланныя распоряженія и высказать кое-какія похвалы по адресу Димитрія; кардиналъ Боргезе присовокупилъ къ этому въ упомянутой запискѣ маленькое ироническое замѣчаніе на счетъ крестоваго похода противъ турокъ, проповѣдуемаго въ Москвѣ. «Пускай царь первый объявитъ войну,—писалъ онъ,—пускай онъ увлечетъ за собою Европу и покроетъ себя безсмертною славой, тогда польская политика окажетъ ему поддержку при австрійскомъ и польскомъ дворѣ». Относительно недоразумѣнія, которое надобно было уладить съ Сигизмундомъ по вопросу, касавшемуся титула, говорилось, что папскій престоль беретъ это на себя и смотритъ на этотъ вопросъ какъ на разногласіе личнаго свойства.

Записка ограничивалась этими обнадеживаніями и неопредѣленными обѣщаніями. Въ сущности, Павелъ V рѣшилъ сдѣлать со своей стороны большой шагъ впередъ и старался найти нить, при помощи которой Димитрія можно было бы ввести въ семью монарховъ и дать ему царскій титулъ. Такое рѣшеніе вопроса примирило бы притязанія московитовъ и заносчивость поляковъ. Кремль не имѣлъ бы императора, но имѣлъ бы царя, созданнаго папою.

Но относительно одного пункта Сципіонъ Боргезе хранилъ въ своей запискѣ глубокое молчаніе, не предвѣщавшее ничего добраго: онъ не упоминалъ въ ней ни слова о Рангони и объ его кардинальской шапкѣ. Рѣшившись просить объ этомъ, Димитрій сдѣлалъ неловкость, при-

своивъ себѣ право, принадлежавшее Сигизмунду, не подозрѣвая, какія онъ вызывалъ этимъ затрудненія. вмѣсто того чтобы указать Димитрію на сдѣланную имъ ошибку, въ Римѣ предпочли обойти этотъ вопросъ молчаніемъ, сваливъ всю вину на Рангони. Ему было замѣчено, что онъ утомился и нуждался въ отдыхѣ. Дешешю, полученною 3-го іюня, Рангони былъ извѣщенъ о томъ, что на его мѣсто назначено другое лицо: столь поспѣшное отозваніе походило на опалу.

Сокровеннаго смысла бесѣдъ, которыя отецъ Андрей велъ съ папою, надобно искать не въ этой запискѣ оффиціального характера, а въ письмахъ Павла V къ Мнишекамъ, которыя служатъ ихъ вѣрнымъ отголоскомъ. Въ этихъ письмахъ служитель Христа забываетъ о политикѣ и думаетъ только о спасеніи душъ. Между папою и Димитріемъ не было заключено, какъ мы уже говорили, никакого договора, папѣ не было обѣщано за его поддержку никакого вознагражденія, но не подлежитъ сомнѣнію, что Димитрій первый выразилъ желаніе позаботиться о соединеніи церквей и добровольно далъ со своей стороны на этотъ счетъ извѣстныя обѣщанія. Поэтому папа обращается въ своемъ письмѣ къ чувствамъ царя, ссылается на письмо отъ 30-го іюля 1604 г., но не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на существованіе какого-либо договора. Идеаль, къ которому онъ стремился, былъ возвышеннѣе, его желанія шли дальше. Онъ хотѣлъ, чтобы Димитрій обладалъ честолюбіемъ Константина Великаго; твердо убѣжденный въ томъ, что царь былъ всемогущъ въ Кремлѣ, папа совѣтывалъ ему подчинить русскій народъ папскому престолу и возстановить единство церквей. Покончивъ съ этими отвлеченными вопросами, Павелъ V коопнулъ текущей жизни, предостерегалъ Димитрія относительно протестантовъ; совѣтовалъ не приближать къ престолу еретиковъ, а окружать себя исключительно людьми благочестивыми и осторожными. Значеніе этихъ словъ было достаточно ясно, но въ письмахъ къ воеводѣ Сендомірскому и Маринѣ папа выразилъ свои мысли еще яснѣе: онъ настоятельно рекомендовалъ имъ оо. іезуитовъ и превозносилъ дѣловитость о. Андрея. Въ этихъ письмахъ выяснялась цѣль, которую преслѣдовалъ папа. Его намѣреніе, которое онъ впрочемъ и не скрывалъ, было: устранить схизматиковъ, провести въ Москву іезуитовъ, добиться соединенія церквей,—вотъ о чемъ онъ мечталъ, вотъ къ чему клонились всѣ его старанія.

Въ то время какъ въ Ватиканѣ писались эти письма, отецъ Андрей готовился къ торжественному для него событію. 2-го апрѣля онъ произнесъ въ церкви Іисуса монашескій обѣтъ въ присутствіи отца Аквавивы и хотя имъ не были выполнены всѣ требуемыя для этого условія и онъ не имѣлъ званія доктора богословія, но зато онъ пользовался славой даровитаго проповѣдника. Восемь дней спустя о. Андрей былъ

снова на пути въ Москву. Доѣхавъ до Реканати, онъ заботѣль лихо-радкою и для излѣченія отправился пѣшкомъ на богомолье въ Лорето, куда его влекло желаніе поклониться святынь. Но всѣ его помыслы были обращены къ сѣверу, его рвеніе возрастало при мысли о предстоявшей ему въ Москвѣ жатвы; его увѣренность въ Димитрію была непоколебима. Обидно, что не сохранилось его письма къ Димитрію изъ Морето и подробнаго донесенія, которое онъ обѣщалъ послать папѣ и отцу Аквавивѣ изъ Болоньи. «Я буду писать вамъ,—обѣщалъ онъ,—все то, что я узнаю о «нашемъ» Димитріи». Оба эти документа утрачены для потомства. Но зато сохранилась грамата, посланная Павломъ V 29-го апрѣля 1606 г. съ о. Андреемъ къ католикамъ, проживавшимъ въ Москвѣ, которую ему было поручено обнародовать; но отцу Андрею не суждено было болѣе увидать Бѣлокаменной.

Три мѣсяца спустя послѣ его отъѣзда прибылъ въ Римъ Александръ Рангони, возвратившійся изъ своего посольства въ Москву чрезвычайно довольный своими успѣхами ¹⁾. Вѣрительная грамата была дана ему, какъ припомнимъ, 5-го августа 1605 г.; въ сентябрѣ мѣсяцѣ нунцій занялъ 1.500 венгерскихъ экю, чтобы покрыть его путевыя издержки. Съ 20-го октября его племянникъ тронулся въ путь, вмѣстѣ съ миссионерами-кармелитами, о коихъ будетъ рѣчь далѣе. Кардиналь Боргезе сильно не одобрялъ этой поѣздки; Рангони говоритъ, что противъ нея были также: король и Мнишекъ; отъѣздъ посланнаго былъ даже на нѣкоторое время отложенъ, но когда въ Римѣ произошла перемѣна во взглядахъ, то нунцій поспѣшилъ отправить своего племянника въ Москву. Такъ какъ это могло вызвать неудовольствіе Сигизмунда, то въ Ватиканѣ взволновались и въ догонку черезчуръ ретивому графу были посланы одно за другимъ самыя противорѣчивыя приказанія ²⁾. Александръ Рангони вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія очень ловко, сдѣлавъ довольно продолжительную остановку въ Смоленскѣ; когда же умы успокоились, то онъ появился 19-го, приблизительно февраля, въ Кремлѣ.

Онъ былъ не только глубоко изумленъ, онъ былъ пораженъ при видѣ бывшаго бѣглаго монаха, превратившагося въ царя, который сіялъ

¹⁾ Витязанскій архивъ, Polonia, 173, t. 3 и сл.; хранил. Боргезе, II, 232, t. 95; II, 499.—Rome et Démétrius, стр. 165, № 6, стр. 168, № 10, стр. 169, № 11, стр. 171, № 12.—Наше собраніе, письмо Чижовскаго къ Стривери отъ 20-го февраля 1606 г.—Неаполь, Нап. библ., X, g., 12, t. 47—56.—Велевицкій, т. II, стр. 98, 120.—Собр. гос. грам., т. II, стр. 222, № 101.

²⁾ Тургеневъ, т. II, стр. 57, № XXXVI, относитъ депешу отъ 28-го января 1606 г. къ 1605 г. и совершенно опустилъ депешу отъ 13-го мая, 10-го и 24-го іюня, 8-го и 15-го іюля 1606 г. Вслѣдствіе этого все касающееся поѣздки графа Рангони представляется совершенно необъяснимымъ.

алмазами и былъ окруженъ боярами и епископами. Димитрій несъ не-принужденно бремя своего царскаго величія; онъ подавлялъ имъ окружающихъ и игралъ свою роль съ достоинствомъ. На торжественной аудіенціи, данной графу Александру Рангони, произошло маленькое замѣшательство по поводу соблюденія этикета. Когда графъ заявилъ о томъ, что онъ привезъ письмо отъ папы, то Димитрій поспѣшно протянулъ руку, чтобы взять письмо; но одинъ изъ присутствующихъ предупредилъ царя, взялъ посланіе изъ рукъ графъ Рангони и опасъ этимъ честь отечества. Папская грамота была такимъ образомъ приравнена къ царскимъ грамотамъ, которыя вручаются обыкновенно подчиненнымъ: равновѣсіе было соблюдено. Изъ вѣщней осторожности, дабы не оскорбить русскихъ, въ честь посланнаго изъ Рима, явившагося во дворецъ, какъ кажется, въ сутанѣ, не было дано торжественнаго пира. Димитрій просилъ его только принять «отъ чистаго сердца» яства, которыя онъ пришлетъ ему съ царскаго стола.

Дѣйствительно, едва Рангони успѣлъ вернуться къ себѣ, какъ къ нему внесли огромное количество яствъ и напитковъ, которые были поданы на посудѣ, поражающей своимъ великолѣпіемъ и въ огромныхъ, своеобразнаго вида чарахъ; но ничего не было по вкусу этого тонкаго и избалованнаго гастронома.

Димитрій былъ весьма озабоченъ аудіенціей. Ему показалось, что на лицѣ его бывшаго друга отражалась грусть; онъ опасался, что обстановка, при которой происходила аудіенція, произвела на него удручающее впечатлѣніе. Два приближенныхъ къ царю лица постарались уладить дѣло и разъяснить недоразумѣніе. Сдержанность, съ какою держалъ себя посланный, соблюдалась имъ только для русскихъ, пояснили царедворцы и ради ихъ предразсудковъ была даже пущена въ ходъ извѣстная хитрость; такъ папскій титулъ, изложенный весьма пространно на латинскомъ языкѣ былъ переданъ по-русски кратко словами: «великій священноначальникъ Римскія церкви». Не удовольствовавшись этимъ объясненіемъ, Димитрій пригласилъ къ себѣ о. Николая и подъ предлогомъ, будто онъ хотѣлъ дать ему нѣкоторыя указанія, царь говорилъ съ нимъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о папѣ, о краковскомъ нунціи и о графѣ Александрѣ. Выборъ слушателя былъ удачный; слова Димитрія были переданы кому слѣдуетъ.

Впрочемъ, царь не даромъ расточалъ свою любезность. Онъ хотѣлъ высказать графу Александру сокровенныя свои желанія и просить его объ одной услугѣ. Онъ тяготился своимъ одиночествомъ въ Москвѣ, задыхался въ Кремлевскихъ стѣнахъ, его влекла Европа, Западъ; за что бы онъ ни взялся, тотчасъ чувствовалъ недостатокъ въ людяхъ способныхъ помочь ему въ выполненіи его плановъ. Ему пришло на мысль,

что изъ Рима могли бы прислать ему способныхъ помощниковъ, и графъ Александръ могъ служить въ этомъ случаѣ посредникомъ.

Царь былъ озабоченъ главнымъ образомъ устройствомъ дипломатической и военной части, для чего у него не было подходящихъ людей. Онъ просилъ папу прислать ему людей образованныхъ, преданныхъ дѣлу, опытныхъ, безупречнаго поведенія. Этимъ иностранцамъ, если бы ихъ выборъ былъ сдѣланъ удачно, онъ обѣщалъ предоставить высшія должности въ Имперіи. Одни изъ нихъ заняли бы мѣста секретарей и совѣтниковъ царя, который поручилъ бы имъ веденіе самыхъ секретныхъ и важныхъ дѣлъ, помимо невѣжественныхъ московитовъ. Другимъ были бы поручены дѣла военнаго вѣдомства, постройка крѣпостей, сооруженіе машинъ, изготовленіе оружія, боевыхъ снарядовъ. Чтобы царя не могли и подвергнуть нареканію въ приверженности къ латинской вѣрѣ, всѣ эти лица должны были быть свѣтскаго званія и, будучи присланы папой, они должны были дѣлать видъ, что пріѣхали по своему собственному желанію.

Димитрій, со своей стороны, обѣщалъ отправить въ Римъ торжественное посольство. Въ глазахъ православныхъ это оправдывалось бы тѣмъ, что папа первый прислалъ къ царю своего официальнаго представителя. При содѣйствіи папы это посольство могло бы установить дипломатическія сношенія Кремля съ иностранными державами: священной Римской имперіей, Франціей и даже Испаніей. Скажемъ вкратцѣ, что мысль завязать сношенія съ Пиренейскимъ полуостровомъ пришла Димитрію совершенно случайно. Дѣло въ томъ, что одинъ португальскій миссіонеръ, по имени Николай де-Мелло (N. Mello), принадлежавшій къ Августинскому ордену, возвращаясь послѣ многолѣтнихъ странствованій на родину, заѣхалъ на короткое время въ Москву. Проведя миссіонеромъ двадцать лѣтъ въ Индіи, онъ возвратился въ 1600 году въ Мадридъ черезъ Персію и Россію. Его сопровождалъ молодой индійскій принцъ. Путешественники возбудили подозрѣніе полиціи Годунова и безъ дальнѣйшихъ околичностей были сосланы, закованные въ кандалы, на Бѣлое море, въ Соловецкій монастырь. Какъ только Димитрій узналъ объ этомъ насиліи, онъ тотчасъ приказалъ возвратитъ несчастныхъ въ Москву. Когда они пріѣхали, Димитрія уже не было въ живыхъ, но ихъ предупреждали ранѣе о томъ, что на Николая де-Мелло будетъ возложена миссія къ королю испанскому Филиппу III ¹⁾.

Племянникъ нунція не мѣшалъ царю высказывать своихъ желаній,

¹⁾ Тургеневъ, т. II, стр. 190 — Нахожденіе Мелло въ Соловкахъ подтверждается Соловецкимъ сборникомъ. (Казань, Духовн. акад., № 18, т. 7). Я обязанъ этимъ свѣдѣніемъ любезности г. Платонова. Рангони интересовался участіемъ Мелло. Ватиканскій архивъ, хранит. Боргезе, III, 90, b. t. 266 V°, 279. Въ Испаніи онъ считается мученикомъ.

отмѣчалъ все сказанное имъ и держалъ себя такъ искусно, что удостоился однѣхъ похвалъ. Въ письмѣ къ Павлу V, врученномъ А. Рангони при его отъѣздѣ, Димитрій выражалъ признательность и сыновнюю преданность. Царь возложилъ также на Рангони сдѣлать отъ его имени дружескія сообщенія королю польскому. Онъ обѣщалъ папѣ оказывать Сигизмунду почтеніе, подобающее отцу, и предоставить папѣ рѣшеніе возникшихъ между ними недоразумѣній.

29-го марта Александръ Рангони и отецъ Гаспаръ Савицкій встрѣтились въ Мирѣ. Савицкій, преисполненный радужныхъ надеждъ, ѣхалъ въ Москву въ сопровожденіи воеводы Мнишека и Марины; графъ Александръ Рангони возвращался изъ Москвы, увозя самыя пріятныя воспоминанія. Остановившись въ Краковѣ на самое короткое время, графъ въ концѣ іюня былъ у ногъ папы и доложилъ ему подробно обо всемъ. Онъ особенно настаивалъ на томъ, чтобы послать къ Димитрію людей, о коихъ царь просилъ. По его словамъ, для католической пропаганды широко открывались двери; было весьма важно не впустить въ нихъ еретиковъ. Опасность существовала дѣйствительно, и не шуточная. Бучинскій и Казановскій мечтали о посольствѣ въ Лондонъ, откуда они хотѣли пригласить иностранныхъ инженеровъ; ихъ поддерживали въ этомъ намѣреніи молодые англичане, которые успѣли хорошо устроиться въ Москвѣ и хотѣли доставить заработокъ своимъ соотечественникамъ и роднымъ. Донесеніе, представленное Александромъ Рангони, было опѣнено папою по достоинству; въ награду за посольство онъ былъ назначенъ состоять при дворѣ въ званіи почетнаго камерарія.

Выслушавъ донесеніе Рангони, папа могъ считать себя вполне посвященнымъ въ текуція дѣла Московіи и могъ рѣшить, какія мѣры ему надлежало принять далѣе. Приблизительно въ то же время пріѣхалъ въ Римъ Поссевинъ, горячій сторонникъ Димитрія; онъ еще болѣе развилъ и дополнилъ планы папы. Онъ пріѣхалъ изъ Венеціи, гдѣ разыгрывались въ ту пору бурныя событія, которыя никто не въ силахъ былъ сдержать. Павелъ V далъ іезуиту аудіенцію; бесѣда, разумѣется, тотчасъ коснулась Димитрія, въ особенности титула, коимъ его величали въ Кремлѣ. Авторъ *Moscovia*, бывший представителемъ Григорія XIII при Іоаниѣ Грозномъ, былъ обстоятельно знакомъ съ этимъ вопросомъ, такъ какъ ему пришлось вести по этому поводу официальные переговоры. Онъ далъ папѣ словесныя объясненія и представилъ ему записку. Не смотря на перемѣны, происшедшія въ Москвѣ, система, которой онъ предлагалъ держаться прежде, все еще казалась ему наилучшей. Онъ возлагалъ надежды на два могущественныхъ дѣятеля: на образованіе и свободу. Основать школы, въ которыхъ католики и православные учились бы вмѣстѣ, возбудить въ нихъ соревнованіе, посылать молодыхъ людей для обученія за границу, заботиться о рас-

пространеніи въ странѣ книгъ, добиться позволенія произносить проповѣди, совершать богослуженіе, приобщать, словомъ, дѣйствовать открыто на глазахъ у всѣхъ и каждаго,—такова была, по мнѣнію Поссевина, цѣль, къ которой надобно было стремиться. Онъ рассчитывалъ на снисходительность Димитрія и на вліяніе Марины. Но забывалъ о средѣ, въ которой новымъ людямъ пришлось бы дѣйствовать. По его мнѣнію, такъ же какъ по мнѣнію отца Андрея, добрые москвиты были сговорчивы, съ ними не трудно было поладить, изъ нихъ можно было, какъ изъ расплавленнаго металла, отлить какую угодно форму. Не было челоуѣка, который могъ бы имъ сказать, что изъ нѣдръ этого, на видъ коснаго, народа выйдутъ со временемъ люди подобные попу Аввакуму и непреклонные въ своихъ убѣжденіяхъ раскольники.

Въ то время какъ Римъ и Москва обмѣнивались посольствами и вели вышеупомянутые переговоры, только одинъ вопросъ подвергся серьезному обсужденію и былъ рѣшенъ къ обоюдному удовольствію. Папскій престолъ давно уже желалъ обезпечить католическимъ миссіонерамъ, находившимся въ Персіи, свободный проѣздъ черезъ Москву. Хотя Іоаннъ IV выдалъ имъ, по настоянію Поссевина, удостовѣренія на этотъ предметъ, но они оставались мертвою буквою. Николай Мелло, вѣроятно, не зналъ даже объ ихъ существованіи. Миранда и Коста, принятые Годуновымъ, благосклонно не воспользовались ими. Кармелиты, вѣдвшіе въ Персію, чтобы основать тамъ миссію, точно также не думали воспользоваться этимъ свидѣтельствомъ, отправляясь въ Москву въ 1604 г. ⁴⁾.

Этихъ кармелитскихъ монаховъ было всего четверо: о. Павелъ Симонъ, изъ генуэзской фамиліи Риварола, о.о. Иванъ и Викентій Таддэ и испанскій дворянинъ Францискъ Риадолидъ Перальта. 30-го іюня 1604 г. Клементъ VIII далъ имъ грамоту на имя царя Θεодора Іоанновича, скончавшагося въ 1598 г. Въ первыхъ числахъ декабря 1604 г. путешественники прибыли на русскую границу, въ Невель. Они имѣли рекомендательныя письма отъ Сигизмунда III и Льва Сапѣги, ихъ сопровождало нѣсколько челоуѣкъ поляковъ, и они выдавали себя за священниковъ, состоящихъ при посольствѣ. Это было не особенно остроумно, такъ какъ въ это самое время Димитрій совершалъ

⁴⁾ Тургеневъ, т. II, стр. 54, № XXXIII, XXXIV, стр. 59, № XXXVIII.—Hist. gen. Fir. Disc., т. II, стр. 57 и сл.—Римъ, Архивъ Дорія, рукоп. Альдобрандини, VII; письмо о. Павла Симона отъ 23-го января 1605 г.—Ватиканскій архивъ, хранит. Боргезе, III, 90, с. f. 19.—Наше собраніе, письма Чижовскаго къ Стривери отъ 16-го и 20-го февраля 1606 г.—Арх. дома Сапѣговъ, т. I, стр. 428, № 527, стр. 429, № 528.—Ванопци, т. II, стр. 238—241.—Rome et Démétrius, точный снимокъ письма Димитрія къ Павлу V отъ 17-го февраля 1606 г.

своей походъ въ Россію и Польшу. Само собою разумѣется, что кармелитовъ сочли обманщиками и не пропустили черезъ границу. Возвратившись въ Варшаву, они обдумывали тамъ, какимъ способомъ проникнуть въ Россію, когда извѣстныя уже намъ событія разрѣшили самымъ неожиданнымъ образомъ всѣ ихъ затрудненія. 21-го іюля 1605 г. папа прислалъ имъ грамоту на имя Димитрія, а кардиналъ Санъ-Джорджіо (San-Giorgio), начальникъ персидской миссіи, отозвался о новомъ царѣ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ.

Этотъ разъ, дѣйствительно, все пошло какъ по-писаному. Выѣхавъ изъ Варшавы вмѣстѣ съ Александромъ Рангони, кармелиты безпрепятственно переѣхали границу, отдохнули нѣкоторое время въ Смоленскѣ, гдѣ они получали полное содержаніе отъ правительства, наконецъ, были приняты весьма благосклонно въ Кремлѣ и помѣщены въ одномъ домѣ съ іезуитами. Димитрій довелъ свою любезность до того, что выразилъ желаніе, чтобы они остались въ Россіи, построили бы себѣ монастыри, привлекли въ нихъ русскихъ монаховъ и проповѣдывали бы идею о единеніи церкви. Но долгъ повелѣвалъ кармелитамъ ѣхать далѣе. Поэтому они пустились въ путь въ мартѣ мѣсяцѣ. Царь всячески облегчилъ имъ путешествіе и далъ имъ письмо къ «своему брату королю персидскому». Онъ извѣстилъ о происшедшемъ папу, выразивъ ему свое удовольствіе по поводу того, что онъ могъ быть ему приятель.

Никогда еще католическіе миссіонеры не встрѣчали въ Москвѣ столь радушнаго гостепріимства, никогда имъ не оказывали такого вниманія и предупредительности; отнынѣ путь въ Азію былъ для нихъ открытъ. Можно себѣ представить, какое благоприятное впечатлѣніе это произвело въ Римѣ.

Такимъ образомъ все поддерживало въ папѣ благоприятное мнѣніе, которое онъ составилъ себѣ о Димитріи; ни одна фальшивая нотка не нарушала гармоніи. Краковскій нунцій, польскіе магнаты, іезуиты и кармелиты говорили о немъ въ одинъ голосъ. Самъ царь старался пріобрѣсти его довѣріе своими почтительными письмами, и его поступки были въ полномъ соотвѣтствіи съ его словами. Военная прогулка, совершенная имъ изъ Самбора въ Кремль, была лучшимъ доказательствомъ его царственнаго происхожденія, ибо кто иной, какъ не прироченный монархъ могъ такъ быстро пріобрѣсти единодушную любовь народа? Павелъ V былъ пораженъ этимъ, онъ предвидѣлъ, что въ Россіи начнется новая эра, всѣ его симпатіи были на сторонѣ Димитрія, но когда имъ былъ затронутъ принципиальный вопросъ, то Павелъ V оказался непреклоненъ.

II.

Димитрій и инквизиція.

Римская и всемірная инквизиція.—Дѣла, подлежащія ея вѣдѣнію.—Собственноручная замѣтка Клемента VIII.—Данное Димитрію разрѣшеніе отъ поста.—Другое разрѣшеніе, предоставленное папѣ.—Примѣръ Сигизмунда III.—Записка кардинала Камилла Боргезе.—Молчаніе инквизиціи.—Волненіе о Савицкаго.—Онъ хочетъ отказаться отъ возложенной на него отвѣтственности.—Предоставленное папѣ рѣшеніе сомнѣній.—Вѣра предковъ.—Неославаемая Россія.—Медленность инквизиціи.—Справки, наведенныя на счетъ Савицкаго.—Онъ вліяютъ на рѣшеніе.—Засѣданіе 13-го октября.—Уклончивый отвѣтъ инквизиціи.—Тройное разрѣшеніе, просимое для Маринны.—Нунцій заявляетъ себя некомпетентнымъ рѣшить этотъ вопросъ.—Обращеніе къ инквизиціи.—Волненіе семейства Мнишекъ.—Собраніе богослововъ у нунція.—Предварительный вопросъ.—Утвердительный отвѣтъ.—Домогательства по одному и тому же вопросу въ Римѣ и въ Москвѣ.—Волль отчаянія Мнишека.—Засѣданіе 2-го марта 1606 г.—Просьба Димитрія рѣшается голосованіемъ.—Всѣ, за исключеніемъ одного, даютъ отрицательный отвѣтъ.—Дисциплинарный приговоръ.—Денежа Сципіона Боргезе.—Дальнѣйшія дѣйствія Димитрія.—Non possumus.—Легковѣріе.

Подъ сѣнью Ватикана, близъ Кавалледжіерскихъ воротъ, возвышается скромное зданіе римской и всемірной инквизиціи. Въ семнадцатомъ вѣкѣ инквизиція не имѣла своего прежняго зловѣщаго характера, а представляла собою только духовное судилище, въ которомъ засѣдали, подъ предсѣдательствомъ папы, кардиналы и богословы, обязанные блюсти интересы католической вѣры и слѣдить за ея неприкосновенностью. Вѣдѣнію инквизиціи подлежали также дѣла о присоединеніи къ католической вѣрѣ иновѣрныхъ монаховъ и всѣ связаные съ этимъ вопросы. Поэтому московскому царю пришлось три раза предстать передъ римскими инквизиторами, разумѣется, не лично, но въ своихъ письмахъ и просьбахъ.

Первое же его письмо, писанное 24-го апрѣля 1604 г., съ изложеніемъ его религіозныхъ взглядовъ, было препровождено въ инквизицію. На обратной сторонѣ латинскаго перевода этого документа Клементъ VIII, отрѣшившійся отъ своего скептицизма, начерталъ собственноручно нижеслѣдующія, полныя довѣрія слова «*Ne ringratiamo Dio grandemente, ne daremo voto almeno nella Congregatione del Santo Officio*» ¹⁾). Вознося благодарность Богу за обращеніе Димитрія, папа находилъ однако въ большомъ затрудненіи.

Новообращенный католикъ тотчасъ послѣ своего отреченія выразилъ два желанія, о коихъ мы упоминали выше. Первое изъ этихъ же-

¹⁾ Письмо Димитрія.

ланій было удовлетворено немедленно: нунцій Рангони своей собственной властью разрѣшилъ его отъ соблюденія поста. Что касалось второй просьбы, то онъ только обѣщалъ написать объ этомъ въ Римъ; его полномочія не простирались такъ далеко: вопросъ шелъ о причащеніи, въ день коронаванія, изъ рукъ православнаго патріарха ¹⁾).

Поспѣшность, съ какою Димитрій хотѣлъ выяснить эти вопросы и получить разрѣшеніе папы, должна была поправиться въ Римѣ. Кардиналъ Санъ-Джорджіо, на обязанности котораго лежало въ то время веденіе дипломатическихъ переговоровъ, видѣлъ въ этомъ признакъ чистосердечія и былъ того мнѣнія, что это предвѣщало хорошее въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ подлежалъ обсужденію строгихъ членовъ инквизиціи. Они ни мало не были смущены имъ; кардиналы были строгіе законники въ вопросахъ принципиальныхъ, къ тому же у нихъ были въ прошломъ примѣры, на которые они могли сослаться. Не далѣе какъ въ 1593 году, они отклонили просьбу короля польскаго Сигизмунда III, просившаго разрѣшенія принять шведскую корону, съ условіемъ, что она будетъ возложена на него еретическимъ священнослужителемъ. Когда на слѣдующій годъ это событіе стало совершившимся фактомъ, то кардиналы соблагволили, правда, предать дѣло забвенію и отнестись къ королю снисходительно, но зато ихъ похвалъ удостоилась королева Анна, изъ дома Габсбурговъ, упорно отказавшаяся сдѣлать какую бы то ни было уступку ²⁾).

Желанія Димитрія превосходили своей смѣлостью просьбу Сигизмунда. Духовные совѣтники папы были поражены ими; ихъ перья забѣгали по бумагѣ, ими было написано по этому поводу нѣсколько записокъ, съ изложеніемъ ихъ взглядовъ, но до насъ дошла только одна изъ нихъ, быть можетъ, самая важная, это—записка кардинала Камилла Боргезе, будущаго папы Павла V ³⁾). Записка эта, написанная имъ собственноручно, начинена ученостью и изложена по всѣмъ правиламъ самой строгой схоластики. Автора не устрашали самыя отвлеченныя истины, онъ постигъ всѣ тонкости естественнаго права; что касается цитатъ, то въ этомъ отношеніи онъ былъ неистощимъ. Онъ приводитъ одну за другою ссылки изъ сочиненій отцовъ церкви, знаменитѣйшихъ богослововъ, канониковъ, изъ сочиненій св. Августина и св. Оомы, Суареца, Каэтана, Бербозы, Ледесмы, Сильвестра. Приведя самымъ добросовѣстнымъ образомъ тексты изъ этихъ сочиненій и искусно подобралъ ихъ, онъ приходитъ логически къ тому заключенію, что въ извѣстныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ разрѣшается прини-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, хранил. Боргезе, III, 90, b, f. 107. Rome et Démetrius, стр. 186, № 12.

²⁾ Ватиканскій архивъ, хранил. Боргезе, II, 68, f. 469—471.

³⁾ Тамъ же, II, 64, 65, f. 22.

мать причастіе отъ всякаго, законнымъ образомъ рукоположеннаго священника, будь онъ еретикъ, или раскольникъ или даже отлученный отъ церкви. Невольно возникаетъ вопросъ: почему бы не сдѣлать въ виду общаго блага то, что разрѣшается сдѣлать въ видахъ пользы частнаго лица? Въ скоромъ времени, какъ мы видѣли, Папа V отвѣтилъ на вопросъ, предложенный кардиналомъ Камилломъ Боргезе, и разсѣялъ всѣ его сомнѣнія. Но въ то время событія не ждали, и инквизиція медлила отвѣтомъ. Рѣшеніе этого затруднительнаго вопроса не было получено своевременно: Рангони еще ожидалъ отвѣта, когда Дмитрій уже былъ коронованъ.

Ничто не указываетъ, что царь былъ особенно смущенъ молчаніемъ римскаго верховнаго судилища или что онъ старался побудить его къ отвѣту. Бывшій духовникъ царя, отецъ Гаспаръ Савицкій опасался терзаній его смущенной совѣсти. Нунцій рѣшилъ, что Савицкій долженъ отправиться къ своему духовному сыну въ Москву, расходы по поѣздкѣ о. Савицкаго и его содержанію принимались на счетъ папы; тѣмъ не менѣе, эта поѣздка была сопряжена съ неимовѣрными затрудненіями ⁴⁾.

Положеніе было въ высшей степени двусмысленное и ложное, поэтому надобно было дѣйствовать съ крайней осторожностью. Въ самомъ дѣлѣ, Дмитрій дорожилъ болѣе, чѣмъ когда-либо, тайною своего отреченія, и этотъ человекъ, принявшій втайнѣ католицизмъ, долженъ былъ царствовать надъ православными, жить среди нихъ, не возбуждая ихъ подозрѣній и не вызывая жалобъ, иначе будущее церкви подверглось бы опасности и единеніе съ Римомъ не могло бы осуществиться. Какъ же было дѣйствовать при данныхъ обстоятельствахъ? Какія могли быть сдѣланы уступки? До чего можно было идти въ этомъ отношеніи, не поступаясь своей совѣстью? Всѣ эти вопросы были крайне щекотливы и обоюдоостры. Савицкій не рассчитывалъ, что онъ сумѣетъ справиться съ ними, онъ чувствовалъ себя подавленнымъ страшной отвѣтственностью и, желая снять съ себя это бремя, онъ просилъ папу разрѣшить слѣдующія его сомнѣнія:

1. Возможно ли допустить, чтобы въ то время, когда будутъ идти переговоры о единеніи съ католической церковью, Дмитрій причащался изъ рукъ православныхъ священниковъ, коль скоро святость предлагаемыхъ ими даровъ неоспорима?

2. Можетъ ли онъ, подчиняясь народныхъ обычаямъ, присутствовать при богослуженіи и другихъ православныхъ обрядахъ?

---

⁴⁾ Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, f. 1 v°.—Архивъ инквизиціи, № IV Dubia aliqua.—До конца настоящей главы всѣ данныя заимствованы главнымъ образомъ изъ этого документа.

3. Будетъ ли ему разрѣшено основывать временно православныя монастыри и церкви и дѣлать въ нихъ вклады?

4. Въ случаѣ надобности, имѣетъ ли онъ право дать клятву и какимъ именно образомъ, что онъ соблюдаетъ вѣру своихъ предковъ и что онъ намѣренъ сохранить ее среди своихъ подданныхъ?

5. Можетъ ли онъ клятвенно утвердить привилегіи, клонящіяся ко вреду католической вѣры, и какъ ему слѣдуетъ дѣйствовать въ подобномъ случаѣ?

6. Можетъ ли ему быть разрѣшено читать, какъ онъ выразилъ на то желаніе, православныя сочиненія, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, въ коихъ не встрѣчается прямыхъ нападокъ на католическую церковь, и даже всѣ остальные, если обстоятельства того потребуютъ?

Для того, чтобы пояснить, чѣмъ именно были вызваны эти вопросы, и указать на ихъ значеніе, отецъ Савицкій присовокуплялъ:

1. Что Димитрій былъ уже католикъ и принять въ лоно церкви.

2. Что его обращеніе было тайною для московитовъ и вообще для народа.

3. Что всякая надежда на единеніе будетъ утрачена, и можно будетъ опасаться страшнаго волненія, ежели царь не скроетъ своего отреченія, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ.

4. Что надобно будетъ признать недѣйствительными нѣкоторыя обѣщанія, данныя, какъ говорятъ, Димитріемъ, клятвенно и которыя онъ, разумѣется, не въ состояніи будетъ исполнить, каково напр. обѣщаніе уступить королю польскому Сѣверское княжество или выплатить ему значительныя суммы.

За отсутствіемъ другихъ достоинствъ, записка отца Савицкаго прекрасно изображаетъ его душевное состояніе и сомнѣнія, которыя его терзали.

Онъ исходилъ изъ того же основнаго взгляда, какъ Поссевинъ въ своихъ знаменитыхъ спорахъ съ Іоанномъ Грознымъ; онъ смотрѣлъ на единеніе съ Римомъ не какъ на нововведеніе, а какъ на возвратъ къ вѣрѣ, исповѣданной предками, къ вѣрѣ св. Ольги и Владиміра святого, которые были оба истинные католики, такъ какъ они жили до окончательнаго отдѣленія церквей. Эта теорія была очень проста, но русскіе упорно не хотѣли признать ее; впрочемъ, ею не рѣшались еще всѣ затрудненія. Савицкій оставался въ неизвѣстности относительно размѣра данной ему власти и тѣхъ уступокъ, какія онъ могъ сдѣлать. Онъ поступилъ крайне добросовѣстно, изложивъ свои сомнѣнія и попросивъ указать, какъ ему надлежало дѣйствовать. Изъ его записки выясняется одинъ практическій вполнѣ опредѣленный взглядъ. Патриотизмъ не затмевалъ его до такой степени, чтобы онъ не могъ понять, что царь, едва вступившій на престолъ, не могъ отдавать дѣлыя области и гра-

*

бить государственную казну. Польскій іезуитъ былъ сторонникъ «не-раздѣльной» Россіи, рискуя навлечь этимъ на себя неудовольствіе папы.

2-го іюля 1605 г. Рангони сообщилъ кардиналу Валенти вполнѣ естественныя сомнѣнія будущаго царскаго духовника и просилъ папу благосклонно высказать по этому поводу свой взглядъ. Инквизиція не спѣшила отвѣтомъ; миновали удручающія жары каникулярнаго времени, прошелъ сентябрь, съ его лихорадками, и члены инквизиціи собрались только 13-го октября въ Квириналъ, на общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ папы. Предварительно были наведены въ монастырѣ іезуитовъ свѣдѣнія о Савицкомъ. Онъ заслуживаетъ полнаго довѣрія, отвѣчали его сотоварищи, это отличный богословъ, онъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ какъ духовный отецъ. Это послѣднее обстоятельство было принято особенно во вниманіе и давало возможность выйти изъ затруднительнаго положенія. Послѣ продолжительнаго совѣщанія было рѣшено не указывать о Савицкому, какъ ему дѣйствовать, а предоставить его своему собственному умѣнію и опытности. «Пусть онъ перечитаетъ церковныя уставы и сочиненія отцовъ церкви, писалъ кардиналъ Миллио Рангони 5-го ноября, и дѣйствуетъ такъ, какъ укажетъ ему совѣсть». Савицкій, конечно, не ожидалъ такого не соответствовавшаго его ожиданіямъ отвѣта ¹⁾. Онъ считалъ себя довольно свѣдущимъ въ вопросахъ богословія и церковнаго права, его затрудняло примѣненіе ихъ въ данномъ случаѣ, а инквизиція уклонялась отъ какихъ-либо указаній на этотъ счетъ; оставалось дѣйствовать по своему собственному разумѣнію.

Впрочемъ, инквизиція удалось уклониться такимъ образомъ отъ отвѣта всего нѣсколько мѣсяцевъ. Кардиналы, неоднократно побуждаемые настойчивыми требованіями свѣтскихъ лицъ и нунція, были, наконецъ, вынуждены прервать свое молчаніе и высказать свое мнѣніе. Излагаемые ниже переговоры относятся частью къ 1606 году; хотя они происходили послѣ событій, о которыхъ еще здѣсь не было рѣчи, но, такъ какъ о нихъ естественно упомянуть въ этомъ именно мѣстѣ, то въ виду этого придется нарушить хронологическій порядокъ изложенія.

Марина, заочно обрученная въ Краковѣ съ Димитріемъ, должна была отправиться въ сопровожденіи своего отца къ жениху и короноваться въ Кремлѣ. Димитрій предвидѣлъ затрудненія со стороны религиозной, онъ боялся оскорбить вѣрованія православныхъ, и этотъ вопросъ чрезвычайно озабочивалъ его. Уже 15-го ноября 1605 года Бучинскому, какъ припомнимъ, было поручено испросить у Рангони для

¹⁾ Архивъ инквизиціи, № IV, f. 102, v°.

Марины разрѣшеніе на три предмета: на счетъ причащенія, въ день коронованія, изъ рукъ православнаго патріарха, посѣщенія православныхъ церквей и соблюденія поста вмѣсто субботы по средамъ. Нунцій счелъ себя не въ правѣ разрѣшить этотъ вопросъ, а предоставилъ высказаться по этому поводу папѣ и совершенно спокойно ожидалъ отвѣта изъ Рима.

Мнишекамъ труднѣе было сохранять спокойствіе. Бучинскій дѣлился съ сендомірскимъ воеводою своими сомнѣніями, и послѣдній сильно тревожился. Безъ сомнѣнія, онъ страстно желалъ видѣть корону на головѣ своей дочери, но онъ не хотѣлъ, чтобы она получила ея цѣною отступничества отъ своей вѣры; онъ видѣлъ только одно средство успокоить свою совѣсть: это получить просимое разрѣшеніе у папы и получить его какъ можно скорѣе и въ наиболѣе опредѣленной формѣ. Воеводѣ пришлось волей-неволей заняться серьезно обсужденіемъ спорныхъ вопросовъ вѣры. Онъ пригласилъ для этого къ нунцію ученыхъ богослововъ: кардинала Маціевскаго, отца Савицкаго и бернардинскаго монаха, отца Ансереніуса, и предложилъ имъ прежде всего вопросъ: «Имѣетъ ли папа, въ силу принадлежащей ему верховной власти, право дать Маринѣ просимое разрѣшеніе?» Всѣ эти ученые люди отвѣчали единогласно въ утвердительномъ смыслѣ. По ихъ мнѣнію, вопросъ сводился къ простому *com munication in sacris* съ людьми не католическаго вѣроисповѣданія. Но, продолжали они, подобное общеніе, по мнѣнію извѣстнѣйшихъ богослововъ, не возбраняется божественнымъ правомъ, все зависитъ отъ церковнаго устава, а въ этомъ отношеніи папа имѣетъ полное право дать просимое разрѣшеніе, лишь бы это не было сопряжено съ соблазномъ, совращеніемъ въ вѣрѣ или какимъ-либо инымъ проступкомъ. Въ виду послѣдняго предположенія, Марина могла бы заявить, принимая причастіе изъ рукъ патріарха, что она не намѣрена перемѣнять вѣры. Это должно было удовлетворить католиковъ и не могло возбудить неудовольствія православныхъ.

Однако, слишкомъ смѣлые богословы были не вполне увѣрены въ своей правотѣ, а тѣмъ менѣе въ успѣхъ ходатайства. Они совѣтовали сдѣлать одновременно шаги въ Римѣ и въ Москвѣ и обезпечить себя съ той и съ другой стороны. Она предлагали внушить Дмитрію, чтобы онъ уступилъ и отказался отъ своей просьбы: ему не возбранялось дѣйствовать по своему собственному усмотрѣнію, лишь бы онъ уважалъ свободу другихъ лицъ. На папу ученые мужи совѣтовали дѣйствовать въ противоположномъ смыслѣ: подчиняясь всецѣло его верховной волѣ, надлежало однако выяснитъ ему поводы, кои настоятельно требовали, чтобы Дмитрію было дано просимое разрѣшеніе. Поводы эти были высшаго порядка: говорилось о серьезной надеждѣ упрочить единеніе съ Россіей, о вѣчномъ спасеніи душъ, пріобретенныхъ къ истинной вѣрѣ,

о свободномъ исповѣданіи католической вѣры, о спокойствіи за тѣхъ, кто ее исповѣдуетъ.

Въ этомъ засѣданіи была выработана цѣлая программа, которую удалось провести въ Кремлѣ успѣшнѣе, нежели въ Ватиканѣ. 14-го января 1606 года Рангони препроводилъ въ Римъ протоколъ засѣданія, происходившаго подъ его предсѣдательствомъ. Мнишекъ обратился къ папѣ съ послѣдней, горячей просьбою: онъ обѣщаль промедлить отъѣздомъ со своей дочерью, говорилъ, что онъ будетъ дѣлать долги остановки по пути, чтобы только получить своевременно разрѣшеніе папы на тревожившіе его вопросы: это былъ вопль отчаянія.

Эти письма были снова препровождены въ инквизицію, но это верховное учрежденіе не чувствовало, подобно Мнишеку, надобности спѣшить и дало своимъ членамъ время основательно ознакомиться съ дѣломъ. Засѣданіе инквизиціи происходило 2-го марта, подъ предсѣдательствомъ папы. Желаніе послѣдняго исполнить просьбу Димитрія не подлежать сомнѣнію. Этотъ разъ было необходимо принять твердое рѣшеніе. Вопросъ былъ предложенъ на голосованіе, и всѣ присутствующіе, за исключеніемъ одного, дали отрицательный отвѣтъ ¹⁾. Таковъ былъ суровый и лаконическій приговоръ инквизиціи, не подкрѣпленный никакими доводами и не сопровождаемый никакими комментаріями. Онъ имѣлъ смыслъ скорѣе дисциплинарный, нежели строго-богословскій. Поэтому всѣ три вопроса, предложенные Димитріемъ, были слиты въ одинъ, хотя они были не одинаковой важности и допускали различное рѣшеніе.

Два дня спустя, а именно 4-го марта, Сципionъ Боргезе увѣдомилъ Рангони о результатѣ засѣданія и о самомъ ходѣ дѣла. Кардиналы и богословы подвергли основательному разсмотрѣнію просьбу Димитрія, но не могли придти къ рѣшенію согласному съ его желаніемъ. «Папскій престоль», писалъ кардиналъ, не желая вдаваться въ догматику и придерживаясь обычаевъ куріи, «не даетъ разрѣшеній подобнаго рода; этому до сихъ поръ не было примѣра. Когда Сигизмундъ III обратился съ подобнаго же рода просьбою во время своего коронованія въ Стокгольмѣ, то ему было отвѣчено въ томъ же смыслѣ» ²⁾. Итакъ приговоръ былъ рѣшительный и неотмѣнный, но какъ было сообщить его Димитрію?

Нунцію не пришлось взять на себя эту неблагодарную обязанность. Въ то время какъ въ Римѣ перерыли всѣ архивы и на основаніи наведенныхъ въ нихъ справокъ дали неумолимо строгій отвѣтъ, Димитрій неожиданно измѣнилъ свои взгляды. Онъ сдался на убѣжденія, пере-

¹⁾ Архивъ инквизиціи, № IV, f. 86 v°.

²⁾ Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, f. 39 v°.

сталъ настаивать на своихъ просьбахъ, по крайней мѣрѣ на самой щекотливой изъ нихъ: относительно причащенія Маринны. Въ восторгѣ отъ этой перемѣны, Рангони поспѣшно набросалъ 18-го марта слѣдующія строки: «секретарь короля встрѣтилъ по пути, проѣздомъ сюда, воеводу севдомірскаго, который ѣдетъ въ Москву. Онъ привезъ мнѣ отъ него поклонъ и передалъ, что великій князь, выслушавъ его объясненія, отказывается отъ своего требованія, чтобы его невѣста причастилась по православному обряду въ день коронаванія, какъ онъ просилъ о томъ сперва». Такимъ образомъ этотъ вопросъ былъ поконченъ.

Димитрій былъ, вѣроятно, единственный изъ московскихъ царей, коего просьбы пришлось выслушивать инквизиціонному суду и коему пришлось испытать его неумолимую строгость. Мысли, которыми обмѣнялись по этому поводу заинтересованныя стороны, и принятыя ими рѣшенія даютъ намъ возможность прослѣдить папскую политику въ самыхъ сокровенныхъ ея помыслахъ. Въ приговорѣ инквизиціоннаго суда отразились сокровенныя убѣжденія Ватикана. Итакъ, изъ тщательнаго сопоставленія документовъ оказывается, что таинственный претендентъ первый обратилъ свои взоры на Римъ и обѣщалъ добровольно позаботиться о соединеніи церквей, что Павелъ V отнесся къ его предложеніямъ съ довѣріемъ и дѣйствительно возлагалъ на него огромныя надежды, но не принесъ ему въ жертву своего долга: когда Димитрій попросилъ у него невозможныхъ уступокъ, то папа отвѣчалъ ему отказомъ. Поступивъ въ этомъ случаѣ твердо и честно, Павелъ V грѣшилъ, быть можетъ, только излишнимъ легковѣріемъ. Но развѣ этимъ не грѣшила въ то время вся Россія?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Публичные разговоры о свободѣ, съ точекъ зрѣнія столичной и мѣстной.

Одинъ изъ съѣздовъ мировыхъ посредниковъ Кіевской губерніи, въ мартѣ 1862 года, «имѣя въ виду разные ложные слухи и понятія, распространенные между крестьянами, освобожденными отъ крѣпостной зависимости, о новыхъ ихъ правахъ и обязанностяхъ, которые нерѣдко бываютъ причиною безпорядковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и принимая во вниманіе, что распространеніе такихъ слуховъ и понятій совершается неблагонамѣренными людьми, преимущественно на ярмаркахъ въ мѣстечкахъ и селеніяхъ», призналъ необходимымъ обратиться къ начальнику уѣздной полиціи съ требованіемъ, чтобы на подобныя ярмарки непременно командировался полицейскій чиновникъ съ необходимымъ числомъ прислуги, и чтобы на него возложена была обязанность, «наблюдать за дѣйствіями крестьянъ» и «воспрещать всякіе между ними публичные разговоры объ ихъ свободѣ»...

Губернское присутствіе признало распоряженіе правильнымъ и циркуляромъ сообщило о семъ, для исполненія, воѣмъ начальникамъ уѣздныхъ полицій.

Но вопросъ этотъ былъ представленъ на разрѣшеніе въ столицу. Министерство ни въ общихъ законахъ, ни въ Положеніи 19-го февраля, не нашло запрещенія для крестьянъ публичныхъ разговоровъ о свободѣ, и въ новомъ распоряженіи усмотрѣло стѣсненіе, едва-ли могущее достигнуть цѣли. По его заключенію, неблагонамѣренные люди врядъ-ли рѣшатся публично высказывать свои мысли, что же касается прочихъ обывателей, то они слишкомъ заняты вопросомъ освобожденія для того, чтобы ихъ можно бѣ было удержать отъ собесѣдованій. Не должны быть терпимы лишь толки, уклоняющіеся отъ началъ 18-го февраля.

Сообщилъ Алексѣй Мердерь.

А. С. Шишковъ—защитникъ Россійской академіи.

1.

Письмо А. С. Шишкова—князю А. Н. Голицыну.

28-го августа 1819 г.

Милостивый государь, князь Александръ Николаевичъ! Въ прошедшихъ засѣданіяхъ Россійской Императорской академіи читана была напечатанная въ журналѣ «Сынъ Отечества» подъ названіемъ критики на изданную отъ ней грамматику обидная для академіи брань. Академія нашлась принужденною поручить мнѣ бывшія по сему случаю сужденія ея препроводить къ вашему сіятельству, яко члену оной и министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, для свѣдѣнія, въ какомъ при таковыхъ обстоятельствахъ находится она положеніи, и при томъ донести, что если и впредь журналисты, и всякой, кто захочетъ, будутъ въ правѣ о издаваемыхъ ею книгахъ возвѣщать публикѣ съ своими ни разсудкомъ, ни пристойностію не обузданными толками, то ей не останется ничего другаго, какъ или таковыя происшествія съ нею для свѣдѣнія публики записывать и помѣщать въ своихъ изданіяхъ, или не издавать ничего, дабы не подвергаться стыду быть передъ цѣлымъ свѣтомъ отъ всякаго, кто захочетъ, браненой, и молчать. Прилагая при семъ бывшія по сему обстоятельству сужденія, съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Шишковъ.

Записка Императорской Россійской академіи 23-го августа 1819 г.

Въ засѣданіяхъ академическихъ, сего августа 16-го и 23-го числа, разсуждаемо было о нижеслѣдующемъ: въ 1794 году Императорская

Россійская академія, приступая къ сочиненію Россійской грамматики, поручила сдѣлать начертаніе оной тремъ членамъ своимъ: протоіерею Іоанну Красовскому, Дмитрію и Петру Соколовымъ, подъ руководствомъ его высокопреосвященства Гавріила, митрополита новгородскаго и санктпетербургскаго.

Сіе начертаніе, при сочиненіи коего руководствовались наиболѣе грамматиками Максима Грека и Ломоносова, сперва разсматриваемо было въ Невскомъ монастырѣ въ домѣ преосвященнѣйшаго митрополита Гавріила, особымъ комитетомъ, который составляли, кромѣ упомянутыхъ членовъ, еще слѣдующіе: преосвященный Меодій (бывшій тогда архимандритомъ Московскаго Новоспасскаго монастыря), Степанъ Яковлевичъ Румовскій, Иванъ Ивановичъ Лелехинъ (секретарь академіи) и Петръ Борисовичъ Иноходцевъ, а потомъ прочитываемо въ общемъ собраніи академіи.

По утвержденіи начертанія и комитетомъ и академіею приступлено было къ сочиненію грамматики, надъ которымъ трудились три вышеозначенные члены: протоіерей Красовскій и два Соколова. По окончаніи сего сочиненія, до изданія въ свѣтъ, въ собраніяхъ академическихъ было оное двукратно читано, разсматриваемо и поправляемо.

Въ первый разъ грамматика оія издана въ 1802 году, во второй разъ въ 1809; нынѣ же (въ 1819 году), по выходѣ всѣхъ экземпляровъ, напечатана вновь третьимъ тисненіемъ.

При семъ новомъ изданіи журналистъ, издающій журналъ подъ названіемъ «Сына Отечества» ¹⁾, извѣщаетъ о ней публикѣ съ своими хулительными замѣчаніями.

Академія въ собраніи своемъ хотя и удивилась такому самовольному поступку журналиста, однакожь положила прочесть замѣчанія его съ тѣмъ: 1-е, найдется ли въ нихъ что-нибудь дѣльное и основательное; и 2-е, приличнымъ ли по крайней мѣрѣ образомъ оныя написаны.

По первому положенію она не нашла ничего, кромѣ пустыхъ, несправедливыхъ умствованій, показывающихъ, что правила языка и грамматики господину журналисту мало извѣстны.

По второму весьма видно, что намѣреніе сей брани, названной критикою, состояло не въ усердіи къ языку, но въ желаніи показать, что можно всякому, кто захочетъ, печатать и говорить объ академіи со всякимъ неуваженіемъ и хулою. Словомъ, подать тому примѣръ и образецъ.

Самый первый приступъ его довольно то показываетъ: «Мы начали,—говоритъ онъ,—читать книгу сію (грамматику, сочиненную Россійскою академіею) съ великими ожиданіями, полагая, что найдемъ въ ней

¹⁾ Н. И. Гречъ.

многія переменны и новыя правила противъ прежнихъ изданій; но, къ сожалѣнію своему, ошиблись въ семь предположеній».

Академія не знаетъ, о комъ говорится здѣсь, мы; кажется, одинъ журналистъ цѣлаго свѣта въ лицѣ своемъ представлять не можетъ.

«Сіе третіе изданіе,—продолжаетъ онъ,—во всемъ подобно первому, кромѣ двухъ или трехъ мѣстъ, которыя переменены, и—не къ лучшему. Это насъ изумило».

Кого насъ? и должна ли академія воздерживаться отъ изданія книгъ своихъ, опасаясь изумленія какого-нибудь журналиста?

«Неужели,—говоритъ онъ,—въ продолженіе семнадцати лѣтъ, нельзя было прискаты ничего новаго, хорошаго для исправленія и пополненія столь важной книги, какова грамматика? Не ужели въ сіи 17-ть лѣтъ русскій языкъ, ни въ теоріи своей, ни въ практикѣ, не сдѣлалъ ни малѣйшаго шагу? Или полагаютъ, что первое изданіе сей грамматики было *non plus ultra* совершенства, къ которому нечего прибавить, въ которомъ нечего переменить?»

Жаль, что подобными вопросами отъ журналиста на рускомъ языкѣ дѣлаются шаги, какихъ прежде не примѣчалось. Но г-нъ журналистъ не довольствуется сими первыми и никѣмъ доселѣ не дѣланными шагами; онъ простираетъ ихъ далѣе, продолжая въ непристойныхъ выраженіяхъ изливать на академію слѣдующія хулы, брани, угрозы, насмѣшки и восклицанія:

«Чѣмъ ближе метода ученія къ математической, тѣмъ она совершеннѣе. Въ грамматикѣ Россійской академіи сіе правило выпущено изъ вида».

«Тутъ двѣ ошибки. Не лучше ли было бы, вмѣсто двухъ словъ *лице* и *вещь* употреблять одно выразительное: *предметъ*».

(Такое-то опредѣленіе) «и темно и неправильно». «Прекрасное правило!» (въ насмѣшку, что академія букву *и* почитаетъ составленною изъ двухъ *i*).

«Авторы грамматики (т. е. академія) догадываются о томъ, гдѣ кроется истина».

«Упомянемъ и о нескладныхъ предложеніяхъ».

«Мы дописываемъ четвертый листъ, и лишь только дошли до прои з в е н і я словъ. Отдохнемъ и, собравшись съ силами, пустимся далѣе».

«Займемся разсмотрѣніемъ Словопроизведенія, и въ этой части находимъ прежній порядокъ, или, лучше сказать, безпорядокъ, и въ ней встрѣчаются правила неполныя, сомнительныя, темныя и совершенно ложныя».

«Возможно ли предписывать такія неосновательныя правила?»

Неаг! Неаг!—восклицанія послушай! послушай! употребляемыя у англичанъ, когда хотятъ обратить вниманіе слушателей на какое-нибудь

странное или нелѣпое предложеніе. Журналистъ обращаетъ сими словами вниманіе читателей на великую, по мнѣнію его, нелѣпость академіи, которая говоритъ, что передъ простыми существительными именами приличіе слога требуетъ и прилагательныя ставить простыя же, т. е. съ простымъ окончаніемъ, какъ на примѣръ: большой палець у руки, маленькой домикъ, ветхой сарай, и проч. Ибо въ семьъ случаяхъ не хорошо бы было сказать: большій, маленькій, ветхій. Журналистъ говоритъ:

«Почему жъ не хорошо, если смѣемъ спросить? Мы не находимъ тутъ никакой ошибки, никакой несообразности и должны еще спросить разрѣшенія, гдѣ находится предѣлъ употребленія окончаній ы и о й, і й и е й».

Академія оцять повторяетъ, что она не знаетъ, о комъ говорится: мы не находимъ. Она видитъ одного журналиста и не можетъ ни по какому приличію располагать себя по его мнѣнію. Впрочемъ, разрѣшеніе, какого требуетъ журналистъ, сказано выше; сказанное читаютъ и учатся, а не переспрашиваютъ о томъ; ибо въ подобныхъ сужденіяхъ объ языкѣ, кто не чувствуетъ приличія слога, того никакая грамматика не научить.

Излишне и не достойно выписывать здѣсь всѣ тѣ хулы и брани, которыми журналисту угодно было почтить академію, называя правила ея неосновательными, сбивчивыми, несообразными, ложными, забавными, и проч. и проч. Послѣ всѣхъ сихъ столько же справедливыхъ, сколько и скромныхъ выраженій, заключаетъ онъ сужденія свои стихомъ Ломоносова:

Что вы, о поздные потомки,
Помыслите о нашихъ дняхъ?

давая чрезъ то разумѣть, что потомки наши удивляться будутъ невѣжеству академіи.

По прочтеніи сихъ замѣчаній журналиста, академія въ собраніи своемъ сдѣлала себѣ три вопроса:

1-й вопросъ: должна ли академія на сію опубликованную противъ ней, подъ названіемъ критики, не дѣльную и грубую брань дѣлать свои возраженія?

Общее мнѣніе по сему вопросу было слѣдующее:

«Россійская императорская академія, учрежденная Екатериною и Александромъ для наблюденія пользы языка и словесности, не можетъ безъ униженія достоинства своего входить въ состязаніе съ издателемъ журнала, а особливо когда видитъ въ немъ при недостаткахъ знанія въ языкѣ дерзновеніе судить академію и говорить о ней презрительно. Такое неприличное ей состязаніе съ журналистомъ, даже и между

частными лицами предосудительное, могло бы подвергнуть ее несомнѣнности вдаваться въ пренія со всякимъ, кто захочетъ хулами своими вызывать ее на непристойную съ нимъ брань».

2-й вопросъ: должно ли академія промолчать?

Общее мнѣніе по сему вопросу было слѣдующее:

«Академія по означеннымъ выше сего причинамъ не остается, конечно, ничего кромѣ молчанія. Но впрочемъ она съ прискорбною чувствуетъ, что если подобные о ней толки и укоризны отъ всякаго, кто захочетъ ихъ писать, будутъ публиковаться, то едва-ли можетъ она имя свое носить съ честію: положеніе ея будетъ затруднительно; ибо и отвѣтами своими и молчаніемъ она равному подвергается униженію».

3-й вопросъ: Имѣютъ ли журналисты право объ издаваемыхъ академіею книгахъ извѣщать публику съ своими о нихъ сужденіями и оцѣнкою?

Общее мнѣніе по сему вопросу было слѣдующее:

«Цѣлая академія не можетъ быть безграмотною; журналистъ легко можетъ быть безграмотенъ, ибо всякой можетъ быть журналистомъ. Въ цѣлой академіи предполагается болѣе знанія, нежели въ одномъ журналистѣ. Академія можетъ погрѣшать, но журналистъ еще больше. И такъ по здравому разсудку нѣтъ никакой пользы ни для нравовъ, ни для просвѣщенія и словесности, чтобы изданныя отъ академіи и слѣдовательно оцѣненные уже ею сочиненія были вновь переоцѣниваемы журналистами. Въ государственныхъ постановленіяхъ также нигдѣ не сказано, что журналисты могутъ публиковать и оцѣнивать академическія книги, какъ имъ угодно. Посему ясно, что издатель журнала подъ названіемъ *Сынъ Отечества* присвоилъ самъ себѣ сіе право. Поступокъ его не подлежитъ суду академіи, но суду правительства; а потому она, не входя въ сужденіе о семъ, полагаетъ только просить президента академіи сіи бывшія въ засѣданіяхъ ея разсужденія приказать записать въ академическія записки и списокъ оныхъ препроводить къ г. министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія».

Письмо А. С. Шишкова и записка академіи были предложены княземъ Голицынымъ на обсужденіе главнаго правленія училищъ, которое 9-го октября 1819 г. опредѣлило: «предоставить министру увѣдомить г. президента Россійской академіи, что главное правленіе училищъ, разсуждая о представляемыхъ имъ причинахъ неудовольствія академіи на издателя журнала «Сынъ Отечества», признаетъ, что дѣланіе примѣчаній на всякую издаваемую книгу, а тѣмъ паче на грамматику, не можетъ никому быть возбранено, и въ случаѣ неосновательности сихъ примѣчаній, критикъ подвергается самъ стыду предъ публикою и удобному на нихъ опроверженію, тѣмъ же способомъ, какимъ и его примѣчанія доведены до всеобщаго свѣдѣнія.—Но что касается до оскорбительныхъ для академіи выраженій и отзывовъ, каковыми наполнены тѣ замѣчанія изда-

телемъ «Сына Отечества»,—то господишь министр не преминулъ учинить надежащаго выговора цензору, дозволившему напечатать тѣ замѣчанія, и поставить сіе на видъ автору, который позволилъ себѣ толь неприличные отзывы на счетъ академіи, и предписатьъ, чтобы впредь ничего подобнаго не было въ печать издаваемо».

2.

Отношеніе ин. А. Н. Голицына попечителю Санктпетербургскаго учебнаго округа.

31-го октября 1819 г. № 33.

Г. президентъ императорской Россійской академіи при отношеніи своемъ отъ 28-го минувшаго августа, доставилъ мнѣ записку о неудовольствіи академіи, касательно напечатанной въ журналѣ: *Сынъ Отечества* критики на изданную академіею Россійскую грамматику.

Обстоятельство сіе предложено было мною на разсужденіе главнаго правленія училищъ, котораго заключеніе, съ коимъ и я согласенъ, состоитъ въ томъ, что хотя дѣлать примѣчаніе на всякую издаваемую въ свѣтъ книгу, а тѣмъ паче на грамматику, никакими узаконеніями не воспрещается, а потому не можетъ никому быть и возбранено, и въ случаѣ неосновательности сихъ примѣчаній, критикъ подвергается самъ стыду предъ публикою и удобному на нихъ опроверженію тѣмъ же способомъ, какимъ его примѣчанія доведены до всеобщаго свѣдѣнія; но оскорбительные для академіи выраженія и отзывы, какими наполнены помянутыя замѣчанія издателемъ «Сына Отечества,» совершенно противны уставу о цензурѣ: слѣдовательно, не могутъ быть никому дозволены, не только въ отношеніи къ цѣлому сословію, но и ко всякому частному лицу.

Вслѣдствіе того, покорнѣйше прошу ваше превосходительство учинить выговоръ цензору, дозволившему, вопреки цензурныхъ правилъ, напечатать тѣ замѣчанія, и при томъ не оставьте предписать С.-Петербургскому цензурному комитету, чтобъ впредь ничего оскорбительнаго ни на какое лицо печатать дозволяемо не было. Самому издателю журнала «Сынъ Отечества» прошу васъ, поставивъ на видъ таковой противный законамъ поступокъ, объявить, что хотя и запрещено строго цензурѣ о непроездѣ впредь къ напечатанію никакихъ подобно сему оскорбительныхъ на чье-либо лицо замѣчаній и изъясненій, но какъ цензура при многихъ ея занятіяхъ, съ одной стороны, будетъ всегда напрасно затрудняема исправленіемъ тѣхъ обидныхъ мѣстъ въ просматриваемыхъ ею изданіяхъ, съ другой же, можетъ иногда по неосторожности ихъ и пропустить: то въ такомъ случаѣ всегда издатель подвергнетъ себя отвѣтственности, — и, наконецъ, самый журналъ его должно будетъ запретить.

Встрѣча съ сыномъ Шамиля и его рассказы объ отцѣ.

I.

Встрѣча съ генераломъ Магометъ-Шефи-Шамилемъ въ Кисловодскѣ.—Первое знакомство съ нимъ въ 1860 году, въ Калугѣ.—Встрѣча В. П. Далматова съ Шамилемъ у меня.—Особенное вниманіе горцевъ къ сыну Шамиля.—Имѣніе, пожалованное императоромъ Александромъ II Шамилю-отцу.—Вторая женитьба Магометъ-Шефи.—Служба въ конвоѣ.—Просьба сына Шамиля въ турецкую войну.—Нечаянная встрѣча генерала Шамиля съ императоромъ Александромъ III.—Безвыходное положеніе и услуга портнаго.—Шамиль-самозванецъ въ Парижѣ.

Моя статья въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы», 1898 года, «Поѣздка къ Шамилю въ Калугу», послужила поводомъ къ новой встрѣчѣ съ сыномъ бывшего кавказскаго имама, генераломъ Магометъ-Шефи, единственнымъ изъ трехъ сыновей Шамиля, вступившимъ на русскую службу и проживающимъ въ Россіи. Встрѣча эта произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Лѣтомъ 1899 года, я жилъ въ Кисловодскѣ. Просматривая, однажды, въ «Сезонномъ Листѣ», списки лицъ, пріѣхавшихъ лечиться на минеральныя воды, я прочелъ въ этомъ спискѣ и имя генерала Магометъ-Шефи-Шамиля, прибывшаго въ Кисловодскѣ. Такъ какъ я встрѣчалъ его назадъ тому 38 лѣтъ, въ Калугѣ, когда онъ былъ еще 15-ти-лѣтнимъ юношей, то меня очень интересовало, конечно, встрѣтиться съ нимъ вновь—при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Нѣсколько дней спустя, я съ нимъ, дѣйствительно, и встрѣтился. Это произошло такъ. Я и генералъ В. А. Потто сидѣли въ паркѣ и разговаривали о прошломъ Кавказа.

— Вотъ, кто многое могъ бы поразсказать о былыхъ герояхъ Кавказской войны,—сказалъ вдругъ Василій Александровичъ,—и указалъ въ сторону подходившаго къ намъ, еще нестарого, генерала, очень полного блондина съ рыжеватою подстриженною бородою, высокаго роста и атлетическаго тѣлосложенія, въ которомъ я никакъ не могъ бы признать того, небольшого роста, безъусаго юношу, котораго встрѣчалъ въ Калугѣ. Оказалось, это и былъ средній сынъ Шамиля, Магометъ-Шефи.

Василій Александровичъ представилъ насъ другъ другу, и генераль Шамиль тотчасъ же спросилъ меня:

— Это не ваша ли статья была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы», въ прошломъ году, о моемъ отцѣ?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Очень радъ, что съ вами встрѣтился, — сказалъ Магометъ-Шефи,—и имѣю возможность поблагодарить васъ лично за эту статью. Въ ней нѣтъ ничего выдуманнаго—какъ, напримѣръ, въ статьѣ бывшаго пристава при моемъ отцѣ, полковника Пржецлавскаго.

Генераль говорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ, какимъ, обыкновенно, говорятъ наши горцы, не бывшіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но его рѣчь была правильная и округленная. Далѣе онъ продолжалъ:

— Я лѣчился въ прошломъ году морскими ваннами въ Кеммернѣ, и въ это время генераль С. прислалъ мнѣ книжку журнала съ этою вашею статьею.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ, я спросилъ его: помнитъ ли онъ, какъ я и нѣсколько другихъ офицеровъ окружили его въ одной изъ боковыхъ залъ калужскаго дворянскаго собранія и просили вынуть изъ ноженъ и показать намъ кинжалъ?

— Чуть помню,—отвѣчалъ генераль.

Съ того времени, мы стали, почти ежедневно, встрѣчаться въ Кисловодскомъ паркѣ и разговаривать. Затѣмъ, стали и бывать другъ у друга. Однажды, Магометъ-Шефи засталъ у меня извѣстнаго артиста В. П. Далматова.

— Мы немножко знакомы,—сказалъ генераль артисту; когда вы были въ Казани, я наслаждался вашею игрою въ театрѣ.

В. П. поблагодарилъ за любезность и прибавилъ:

— А я вамъ, генераль, былъ очень обязанъ тогда за черкесскій костюмъ. Вашъ сынъ ¹⁾ выручилъ меня, однажды, доставъ вашу черкеску, которая была нужна мнѣ въ одной пьесѣ.

¹⁾ Сынъ генерала Шамиля живетъ въ Казани же, при отцѣ, состоитъ чиновникомъ особыхъ порученій при тамошнемъ губернаторѣ и извѣстенъ за большаго любителя театра.

— Да, да, помню. Сынъ пришелъ ко мнѣ и говорить: дай, папа, артисту Далматову свою черкеску; она ему необходима на сценѣ, а ни у кого въ Казани ея нѣтъ. Она вамъ не была мала? — улыбаясь, спросилъ генераль.

— Какое, мала! пришлось дѣлать складки, — смѣясь, отвѣчалъ г. Далматовъ, мущина, тоже, не худенькій.

Въ концѣ августа, Магометъ-Шефи-Шамиль уѣхалъ изъ Кисловодска. Наступила зима; я жилъ въ Петербургѣ. Однажды, въ рождественскій сочельникъ, я слышу, кто-то въ передней спрашиваетъ служанку, дома ли я? Оказалось, это былъ генераль Шамиль, разыскавшій меня въ Питерѣ. Онъ пріѣхалъ на дѣлѣ мѣсяцъ и жилъ въ Офицерскомъ собраніи, на Литейной, гдѣ я потомъ и посѣщалъ его. И вотъ, во время этихъ нашихъ свиданій, какъ и въ Кисловодскѣ же, Магометъ-Шефи-Шамиль рассказывалъ мнѣ очень много о своемъ знаменитомъ отцѣ.

Я нахожу небезынтереснымъ привести здѣсь часть этихъ рассказовъ—главнымъ образомъ, то, что можетъ служить поправками къ невѣрнымъ свѣдѣніямъ, напечатаннымъ, какъ о самомъ имамѣ Шамилѣ, такъ и объ его семьѣ, а равно и такія свѣдѣнія, которыя не были напечатаны вовсе.

Но прежде скажу нѣсколько словъ о пребываніи генерала Шамиля въ Кисловодскѣ, такъ какъ это тоже представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ увидятъ читатели.

За все время своего пребыванія на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, Магометъ-Шефи-Шамиль былъ, можно сказать, самымъ популярнымъ человѣкомъ: имъ всѣ пріѣзжіе въ Кисловодскъ очень интересовались, какъ сыномъ человѣка, которому такъ еще недавно принадлежала часть этого Кавказа, который былъ полновластнымъ владыкою горцевъ, имѣвшимъ право на ихъ жизнь и смерть, и который 25 лѣтъ велъ неустанную войну съ Россіей, считавшеюся самымъ могущественнымъ военнымъ государствомъ въ мірѣ. Еще болѣе, чѣмъ пріѣзжіе на воды, интересовались сыномъ Шамиля горцы. Какъ только прошелъ по Кисловодску и сосѣднимъ ауламъ слухъ, что сынъ Шамиля пріѣхалъ на Кавказъ, и объ этомъ узнали ближайшія горскія племена—кабардинцы, карачаевцы и другія,—то вскорѣ же въ аллеяхъ Кисловодскаго парка стали появляться совсѣмъ необычные посѣтители водъ: можно было встрѣтить согбенныхъ уже, но все еще статныхъ и величавыхъ стариковъ - горцевъ, въ ихъ живописныхъ національныхъ костюмахъ, выжидавшихъ возможности взглянуть «на сына Шамиля»... И Богъ вѣсть, какое чувство западало въ душу этихъ бывшихъ героевъ, закалившихся въ своей давно минувшей, героической, чисто-легендарной борьбѣ съ Россіей, когда передъ ними проходилъ сынъ ихъ бывшего духовнаго владыки и неограниченнаго свѣтскаго повелителя,

одѣтый, обыкновенно, въ военную тужурку съ генеральскими погонами!..

Генераль Магометъ-Шефи не могъ, конечно, не замѣчать этого страстнаго любопытства, возбуждаемаго имъ въ горахъ. Все дѣло, впрочемъ, только и ограничивалось этимъ безмолвнымъ—и совершенно безвреднымъ—созерцаніемъ: горцы никогда не рѣшались заговорить съ генераломъ, или расспрашивать его о чемъ-нибудь... Самъ генераль тоже никогда ихъ не останавливалъ и не заговаривалъ съ ними. Разъ только при мнѣ, ему встрѣтилась цѣлая семья довольно, повидимому, богатыхъ кабардинцевъ въ ихъ національныхъ костюмахъ, но безъ чадръ у женщинъ, т. е. съ открытыми лицами, состоящая изъ двухъ женщинъ и дѣтей, и онъ заговорилъ съ ними на туземномъ нарѣчій: спросилъ ихъ, изъ какого онѣ аула и зачѣмъ пріѣхали?.. Оказалось, что кабардинки лѣчили въ Пятигорскѣ, а затѣмъ пріѣхали доканчивать свое лѣченіе въ Кисловодскъ. Самъ Магометъ-Шефи пріѣхалъ на воды изъ Казани, тоже ради лѣченія; онъ пользовался, собственно, эссентукскими водами, которыя пилъ, живя въ Кисловодскѣ и купаясь въ Нарзанѣ. Ничто другое не призывало его на Кавказъ и не связывало съ нимъ.

Изъ всѣхъ его родныхъ проживалъ на Кавказѣ лишь одинъ его шуринъ—Абдурахимъ, женатый на дочери Шамиля, Фатиматъ, давно уже умершей. Абдурахимъ, бывший тоже на русской службѣ, имѣлъ чинъ подполковника, получалъ пенсію и жилъ «на своемъ хозяйствѣ» въ Кази-Кумухѣ.

У генерала же Шамиля никакого имѣнія на Кавказѣ не было. Его покойному отцу императоръ Александръ II «подарилъ» въ Дагестанѣ (нынѣшняя Дагестанская губернія), въ Аварскомъ округѣ, селеніе (ауль) Гимры, гдѣ, именно, и родился имамъ, «съ прилежащими къ нему землями»; но съ этимъ высочайшимъ даромъ случилась исторія. Когда Шамиль, въ 1870 году, отправился въ Мекку, то поручилъ управленіе этимъ обширнымъ имѣніемъ своему родственнику (племяннику), Джемаль-Эдину, съ тѣмъ, чтобы половину доходовъ тотъ бралъ бы себѣ, въ вознагражденіе за труды по управленію имѣніемъ, а другую половину отдавалъ бы на содержаніе сиротъ, дѣтей вояновъ, какъ русскихъ, такъ и черкесовъ, убитыхъ въ сраженіяхъ во время Кавказской войны. Затѣмъ, прошли долгіе годы; умеръ Шамиль, равно и умеръ и Джемаль-Эдинъ,—и вотъ, въ этомъ лишь году, генераль Магометъ-Шефи, пріѣхавъ въ Петербургъ, возбудилъ ходатайство о возвращеніи ему высочайше пожалованнаго его отцу имѣнія, находящагося во владѣніи наслѣдниковъ Джемаль-Эдина. Имѣніе это довольно цѣнное: его пресованные фрукты—персики, абрикосы и пр., въ коли-

чествѣ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ, идутъ по всей Россіи, и преимущественно въ Москву и Петербургъ.

Въ настоящее время, генералъ Магометъ-Шефи-Шамиль, продолжая числиться въ Конвоѣ Его Величества, состоитъ въ распоряженіи командующаго войсками Казанскаго военнаго округа и проживаетъ постоянно въ Казани. Въ Казани же Шамиль и женился, такъ какъ его первая жена, Амминатъ, дочь Чохскаго наиба, въ Дагестанѣ, Энькоу-Хаджію, умерла тоже въ Калугѣ, не перенеся тамошняго климата. Магометъ-Шефи женился на ней еще до своего плѣна, именно въ 1858 году, когда ему, жениху, было всего только 13 лѣтъ, а не-вѣстѣ—12-тъ. Теперешняя супруга генерала Шамиля—дочь именитаго казанскаго мурзы; у нихъ двѣ дочери—красивыя молодыя дѣвушки,—судя по портретамъ, которые мнѣ довелось видѣть у ихъ отца.

Магометъ-Шефи-Шамиль принялъ присягу на вѣрнопопданство ранѣе, чѣмъ всѣ остальные члены семьи,—и уже въ 1863 году былъ зачисленъ въ Конвой. Въ сентябрѣ 1866 года, на парадѣ, бывшемъ въ день свадьбы наследника-цесаревича Александра Александровича, молодой Шамиль подъѣзжалъ, въ качествѣ ординарца отъ Конвоя Его Величества, къ государю Александру II; затѣмъ, вечеромъ, во время торжественнаго бала, въ Зимнемъ дворцѣ, на которомъ присутствовалъ и старый Шамиль, государь, подойдя къ нему, сказалъ: «я сегодня любовался твоимъ сыномъ—какимъ онъ молодцомъ былъ на конѣ».

Во время послѣдней нашей войны съ турками, Магометъ-Шефи былъ уже полковникомъ. Желая доказать свою преданность государю и своему новому отечеству, онъ, однажды, обратился къ императору съ просьбою—послать его на мѣсто военныхъ дѣйствій въ Турцію; но покойный Александръ II, съ свойственною ему деликатностью, отказавъ въ просьбѣ, пояснилъ:

— Я не хочу, чтобы ты воевалъ съ единовѣрцами.—И затѣмъ, улыбаясь, прибавилъ: вотъ, подожди войны съ европейцами,—я тебя, тогда, въ первый огонь пошлю.

Не лишень также интереса рассказъ генерала Шамиля о милостивомъ отношеніи къ нему и императора Александра Александровича. Приѣхавъ, однажды, въ Петербургъ изъ Казани въ двухъ-дневный отпускъ, чтобы повидать тяжело больного генерала Черевина, ранѣе бывшаго начальникомъ Конвоя, генералъ отправился къ нему въ Царское Село, гдѣ жилъ въ то время и Дворъ. Когда онъ сидѣлъ у больного въ спальнѣ, туда неожиданно вошелъ ординарецъ и доложилъ:

— Его величество государь императоръ.

Магометъ-Шефи хотѣлъ-было уйти въ другую комнату, такъ какъ онъ, приѣхавъ въ Петербургъ всего на два дня, не думалъ представляться ни государю, ни военному министру, и даже не имѣлъ съ собою

*

мундира и орденовъ; но генераль Черевинъ сказалъ, что это невозможно, т. е., чтобы Шамиль какъ бы прятался отъ государя.

Государь, войдя въ комнату, прямо подошелъ къ Магометъ-Шефи:
— Здравствуйте, Шамиль! Давно ли пріѣхали?

— Только вчера, ваше величество,—отвѣчалъ Магометъ-Шефи.

Государь, пробылъ у больнаго Черевина болѣе получаса и все время былъ очень любезенъ съ Шамилемъ. Такимъ образомъ, необходимо надо было представляться ему официально. Ордена достать было легко; но являлся вопросъ—гдѣ добыть генеральскій мундиръ, который пришелся бы на высокую, атлетическую фигуру Шамиля? Заказывать шить его было немыслимо, такъ какъ надо было представиться въ слѣдующій же день... Въ виду такого безвыходнаго положенія, генераль Шамиль обратился къ придворному военному портному—не сможетъ ли онъ помочь герою? Портной объявилъ, что въ одинъ день сшить мундиръ никакъ нельзя; но что у него, въ мастерской, имѣется почти законченный, обще-генеральскій мундиръ для государя, которому онъ вовсе не къ спѣху, вслѣдствіе чего онъ, портной, успѣетъ сдѣлать ему новый. Магометъ-Шефи примѣрилъ мундиръ—и онъ, къ изумленію его и портнаго, оказался сшитымъ какъ-будто бы прямо по немъ. Въ этомъ мундирѣ пріѣзжій генераль и представлялся, а для государя сдѣлали новый.

Но еще болѣе интересный эпизодъ въ жизни генерала Магомета-Шефи случился съ нимъ въ Парижѣ. Онъ жилъ тамъ вмѣстѣ съ графомъ К—ымъ; и вотъ, однажды, пробѣгая «Фигаро», графъ былъ пораженъ публикаціей-рекламой, приглашающей почтвеннѣйшую публику посѣтить въ пассажъ—сообщался адресъ—«сына знаменитаго Шамиля, бывшаго владыки Кавказа, воевавшаго съ русскими варварами въ теченіе сорока лѣтъ»; затѣмъ прибавлялось, что сынъ этотъ, по имени Магометъ-Шефи, имѣетъ множество ранъ и лишь чудомъ спасся отъ смерти во время гунибскаго боя. Въ концѣ прибавлялось, конечно, что это удовольствіе стоить всего одинъ франкъ... Нечего, конечно, говорить, какъ глубоко былъ возмущенъ этою публикаціей дѣйствительный сынъ Шамиля, находившійся, по счастью, въ это время въ Парижѣ, и графу К. стояло не малаго труда удержать бывшаго горца отъ немедленной поѣздки къ обманщику, для расправы съ нимъ... Когда чувство перваго цыла негодованія улеглось, полковникъ Шамиль и графъ К. поѣхали по указанному адресу. Заплативъ два франка, они были допущены къ лицезрѣнію «сына Шамиля»... Это былъ громаднаго роста человекъ, брюнетъ, одѣтый въ черкесскій костюмъ и обвѣшанный съ ногъ до головы оружіемъ; по національности, онъ оказался армяниномъ. Черезъ переводчика, знающаго армянскій и французскій языки, онъ изъяснялся съ публикою. Графъ К. обратился къ

нему на французскомъ языкѣ и сталъ разспрашивать... Но молодой Шамиль все-таки не вполне выдержалъ свою роль посторонняго посѣтителя: онъ спросилъ обманщика прямо по-русски:

— Вы, дѣйствительно, сынъ Шамиля?

Армянинъ, услышавъ русскій языкъ, вначалѣ сконфузился-было немного, но затѣмъ, оправившись, началъ свое безстыдное вранье...

Шамиль взялъ подъ руку графа К., отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Поѣзжайте въ посольство, расскажите посланнику всю эту исторію и попросите немедленно принять мѣры къ арестованію этого обманщика. А я останусь здѣсь и не отойду отъ него ни на шагъ.

Спустя нѣкоторое время, графъ К. вернулся обратно, въ присутствіи нѣсколькихъ французскихъ полицейскихъ чиновниковъ, и армянинъ былъ тотчасъ же арестованъ и, затѣмъ, препровожденъ въ Россію, на расправу.

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ генераломъ Шамилемъ въ Петербургѣ, въ его скромномъ номерѣ въ Офицерскомъ собраніи. Онъ жилъ одинъ, безъ семьи, сильно расхворался и находился, вдобавокъ, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ извѣстія о внезапной смерти въ Казани одного изъ близкихъ своихъ друзей, генерала П—ина, который, въ послѣднее время, жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Офицерскомъ же собраніи и только за недѣлю передъ своею смертью выѣхалъ изъ Петербурга. Между прочимъ, я сталъ рассказывать генералу о томъ сочувствіи, которое возбуждаютъ къ себѣ воюющіе буры—со стороны почти всѣхъ европейскихъ державъ и даже Америки. Шамиль внимательно слушалъ меня и, затѣмъ, вздохнувъ, проговорилъ:

— А вотъ, моему отцу, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, никто не помогалъ!..

II.

Поправка къ біографіи Шамиля и его юность.—Его первая схватка съ русскими.—Его легендарный подвигъ въ Гимрахъ.—Шашка Шамиля.—Невиновность Шамиля въ избіеніи аварскихъ хановъ.—Фатализмъ Гамзатъ-Бека и предостереженія Шамиля.—Нападеніе на соннаго Шамиля въ Веденѣ.—Религіозная терпимость Шамиля.—Его намѣреніе уничтожить рабство на Кавказѣ.

Перехожу, затѣмъ, къ тѣмъ дополненіямъ о покойномъ имамѣ Шамилѣ, которыя мнѣ довелось слышать отъ его сына, генерала Магометъ-Шефи.

Нѣкоторые біографы Шамиля сообщаютъ, что онъ въ дѣтствѣ былъ, будто бы, пастухомъ козъ въ Дагестанѣ. Это не вѣрно: Шамиль былъ сыномъ аварскаго узденя Денгау-Магомета; мать же его была дочерью аварскаго бека, Пиръ-Будоха; имя ея было Баху-Меседу. Узденъ—это именитый гражданинъ, бекъ—дворянинъ, иногда владѣтельный; собственно князей въ Дагестанѣ нѣтъ. И впоследствии, когда Шамиль предсталъ предъ княземъ Бяратинскимъ въ 1859 году, онъ самъ назвалъ себя узденемъ: «Я—простой узденъ, тридцать лѣтъ дравшійся за религію и свободу моего края»,—говорилъ онъ, между прочимъ, въ своей рѣчи... Воспитаніе Шамиля и обученіе было очень серьезное—для горца: онъ, послѣ первоначальнаго обученія, былъ отправленъ отцомъ въ Унцукуль, къ знаменитому среди горцевъ ученому Джемаль-Эддину, у котораго и пробылъ съ 12-ти до 20-ти лѣтъ, обучаясь различнымъ наукамъ и, между прочимъ, арабскому языку, философіи и законовѣднію. Въ особенности, юнаго Шамиля плѣняли рассказы о жизни и подвигахъ древнихъ героев Греціи и Рима. Вся жизнь его въ тотъ цвѣтущій возрастъ проходила въ занятіяхъ науками и молитвѣ, такъ какъ учитель его былъ, въ то же время, и очень религіозный человекъ. Лишь иногда, жизнь молодаго Шамиля разнобразилась боевыми схватками съ русскими, для чего приходилось становиться въ ряды дагестанцевъ, предпринимавшихъ набѣги въ русскіе предѣлы. Онъ обладалъ необычайною физическою силою и былъ очень отваженъ. Его физическая ловкость въ прыганьи и бѣгѣ не имѣла себѣ равныхъ,—и мы далѣе увидимъ, какъ эти, чисто-физическія доблести, въ соединеніи съ феноменальною его силою, спасали, не разъ, ему жизнь. Въ единоборствѣ онъ между своими сверстниками и горцами вообще не имѣлъ равныхъ.

Главные военныя отличія Шамиля въ рядахъ чеченцевъ начинаются, собственно, съ тридцатыхъ годовъ, подъ начальствомъ перваго имама Кавказа, Кази-Магомета (Кази-Муллы), въ учиненныхъ имъ набѣгахъ на Аварію, преданную, въ лицѣ своихъ хановъ, русскому правительству. Самый же легендарный подвигъ Шамиля, обратившій на него вниманіе всѣхъ горскихъ племенъ, произошелъ, какъ извѣстно, въ Гимрахъ, въ 1832 году, когда Кази-Магометъ, окруженный со всѣхъ сторонъ отрядомъ барона Розена и покинутый дагестанцами, заперся съ Шамилемъ и пятнадцатью, самыми преданными ему мюридами, въ башнѣ. И вотъ когда половина мюридовъ были уже перебиты, Кази-Мулла предложилъ Шамилю выскочить съ нимъ изъ башни и попытаться пробиться. Шамиль согласился. Кази-Мулла выскочилъ первымъ и былъ тотчасъ же заколотъ штыками. Шамиль же, видя у дверей двухъ солдатъ съ ружьями, готовыми выстрѣлить по тому смѣльчаку, который рѣшится выскочить, подобно Кази-Муллѣ, выпрыгнулъ изъ верхнихъ

дверей башни,—и такъ ловко и далеко, что очутился позади этихъ двухъ и, мгновенно изрубивъ ихъ, погнался за третьимъ солдатомъ, убѣгавшимъ отъ него, нагналъ его и убилъ. Такъ какъ стрѣлять въ Шамиля въ это время никто не рѣшался, потому что кругомъ были солдаты и легко можно было, повтому, попасть въ своихъ же, то борьба велась лишь холоднымъ оружіемъ. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда Шамиль рубилъ на смерть третьяго солдата, къ нему подбѣжалъ четвертый и ударилъ его штыкомъ въ грудь, и такъ сильно, что штыкъ вышелъ въ спину, у правой лопатки, и правая рука была парализована; тогда Шамиль быстро перехватилъ пашку въ лѣвую руку ¹⁾, однимъ сильнымъ ударомъ разрубилъ солдату голову и побѣжалъ къ находившимся неподалеку густымъ деревьямъ. Охваченные паническимъ страхомъ и изумленные необычайною силою и отчаяннымъ мужествомъ Шамиля, изрубившаго уже четырехъ человекъ, солдаты отхлынули отъ него... Въ этотъ моментъ, вблизи его очутился мюридъ Магометъ-Али, единственный нераненый горецъ изъ бывшихъ въ башнѣ: пользуясь тѣмъ, что всеобщее вниманіе было сосредоточено на Шамилѣ, онъ безпрепятственно выскочилъ изъ башни и съ крикомъ: «Аллахъ! Аллахъ!» явился на помощь Шамилю... Вдвоемъ они добѣжали до деревьевъ и скрылись; но вскорѣ Шамиль, истекая кровью, упалъ въ изнеможеніи, снявъ съ себя пашку и, отдавая ее Магомету-Али, сказалъ: «Сбереги мою пашку; она мнѣ не нужна больше,—я умираю»... Съ этими словами, Шамиль склонилъ голову, и изъ его рта хлынула кровь... Русскіе сочли его убитымъ и оставили въ покоѣ, а Магометъ-Али, отбѣжавъ въ сторону, наблюдалъ за Шамилемъ издали и, съ наступленіемъ вечера, поспѣшилъ къ нему на помощь и перевязалъ ему раны, а ночью отвелъ его въ ближайшій аулъ Унцукуль, гдѣ жилъ тестъ Шамиля, Абдуль-Азисъ, славившійся въ Дагестанѣ, какъ искусный врачъ. Три мѣсяца Шамиль находился между жизнью и смертію, но могучая натура превозмогла, — и онъ понемногу оправился. Раны помѣшали лишь избранію его въ имамы, каковое званіе и перешло къ Гамзатъ-Беку. Пашка Шамиля, сослужившая ему такую службу, была очень тяжелая, такъ что никто изъ горцевъ не могъ владѣть ею. Эта пашка находится въ настоящее время, какъ сообщилъ мнѣ генералъ Шамиль, въ Меккѣ, у старшаго сына Шамиля, Кази-Магомы.

Въ общемъ, Шамиль, по словамъ его сына, Магометъ-Шефи,

---

¹⁾ Во многихъ описаніяхъ и разсказахъ объ этой памятной для Шамиля и русскихъ битвѣ, утверждается, что Шамиль былъ лѣвша. Это не вѣрно: генералъ Магометъ-Шефи, передавшій мнѣ всѣ подробности этого эпизода, объяснилъ, что его отецъ могъ рубить одинаково и правою и лѣвою руками—т. е., когда уставала въ бою одна рука, онъ бралъ пашку въ другую руку.

имѣлъ 19-ть ранъ холоднымъ оружіемъ и три раны пулевыхъ; одна русская пуля такъ и осталась въ немъ навсегда и похоронена вмѣстѣ съ нимъ.

При слѣдующемъ имамѣ (второмъ), Гамзатъ-Бекѣ, въ 1834 году, произведено было нападеніе мюридовъ на Хунзахъ, принадлежавшій преданнымъ намъ аварскимъ ханамъ, при чемъ произошло и самое избиеніе этихъ хановъ. Рассказывая объ этомъ кровавомъ эпизодѣ, почти всѣ историки Кавказской войны обвиняютъ Шамиля, внушившаго, будто бы, Гамзатъ-Беку мысль воспользоваться пребываніемъ хановъ въ лагерѣ дагестанцевъ при рѣкѣ Тоботѣ и перебить ихъ, съ цѣлью подчинить своему вліянію аварцевъ и склонить ихъ, затѣмъ, къ газавату—то-есть, къ веденію священной войны противъ русскихъ,—такъ какъ ханскій аварскій домъ былъ главнымъ препятствіемъ введенію газавата въ Аваріи и къ распространенію власти имамовъ въ ея горахъ и аулахъ.

Въ дѣйствительности же, по словамъ генерала Шамиля,—отецъ его отнюдь не подстрекалъ Гамзатъ-Бека къ избиенію рода аварскихъ хановъ (Шамиль, будто бы, сказалъ Гамзатъ-Беку, когда аварскіе ханы явились въ его лагерь: «Куй желѣзо, пока горячо!..») и не хотѣлъ происшедшей рѣзни. Какъ на доказательство неучастія Шамиля въ этомъ трагическомъ и вѣроломномъ событіи, генераль Шамиль указываетъ на то обстоятельство, что, когда его отецъ, послѣ убіенія Гамзатъ-Бека, былъ избранъ имамомъ, онъ тотчасъ же приказалъ снести головы всѣмъ тѣмъ, кто, по приказу Гамзатъ-Бека, убивалъ аварскихъ хановъ и ихъ свиту. Равно, онъ приказалъ казнить и тѣхъ аварцевъ, которые потомъ, два года спустя послѣ избиенія ихъ хановъ, убили Гамзатъ-Бека. При этомъ, передавая мнѣ подробности избиенія хановъ, генераль Шамиль сообщилъ слѣдующую интересную подробность. Когда, съ наступленіемъ ночи, началась между аварцами и мюридами Гамзатъ-Бека рѣзня, то рубился, конечно, и Шамиль, защищаясь отъ нападавшихъ на него нукеровъ, которые, зная его за друга Гамзатъ-Бека, хотѣли непременно его убить. Среди самаго пыла битвы, одинъ аварскій бекъ крикнулъ: «Изрубите Шамиля! онъ въ бѣлой чалмѣ»... Тогда Шамиль быстро снялъ съ себя чалму (бѣлую) и надѣлъ ее на перваго, подвернувшася ему мюрида, а его черную папаху надѣлъ на себя; мюридъ, слышавшій, тоже, крикъ аварца, безпрекословно повиновался Шамилю—и вскорѣ былъ изрубленъ въ куски, а Шамиль остался живъ, получивъ лишь легкую рану шашкой. Какъ извѣстно, вся эта страшная рѣзня началась почти случайно. Мюриды Гамзата хотѣли, по его приказу, взять изъ свиты аварскихъ хановъ лишь одного узденя Буга, жителя селенія Цудахаръ, убившаго когда-то двоюроднаго брата Гамзатъ-Бека, вѣкоаго Амира-Али; аварцы отказались выдать Буга, и когда мюриды стали брать его силою, начался споръ,

во время котораго одинъ изъ нукеровъ сдѣлалъ въ мюрида выстрѣлъ; это и послужило сигналомъ къ общей рѣзни между давно уже враждовавшими между собою аварцами, съ одной стороны, и партією мюридовъ Чечни и Дагестана,—съ другой.

Передъ убійствомъ Гамзатъ-Бека, Шамиль всячески предостерегалъ его отъ возможности со стороны аварцевъ отмщенія за смерть ихъ хановъ: Шамиль совѣтовалъ имаму, между прочимъ, не избирать своей резиденціей аварскій Хунзахъ, а находиться по-прежнему въ Гоцатлѣ; но Гамзатъ-Бекъ не внималъ его совѣтамъ и, какъ бы фатально, шелъ на встрѣчу смерти. Чрезвычайно интересныя свѣдѣнія сообщилъ мнѣ по этому поводу генераль Магометъ-Шефи (узнавшій ихъ отъ своего покойнаго отца). Отецъ его, Шамиль, за два дня до убійства, предостерегалъ Гамзатъ-Бека отъ поѣздки, по случаю предстоящаго праздника, въ мечеть; но Гамзатъ, будучи фаталистомъ, отвѣчалъ ему:

— Не боюсь. Будетъ то, что написано мнѣ на доскахъ предопредѣленія.—Посланному же Шамиля, подавшему ему письмо, онъ сказалъ:—Никто не можетъ остановить ангела, если Аллахъ пошлетъ его за душой человѣка...

Получивъ эти отвѣты, Шамиль тотчасъ же отправилъ Гамзатъ-Беку второе письмо, въ которомъ писалъ: «Ты очень слѣпо вѣришь въ предопредѣленіе. Это хорошо; но попробуй, однако, кинуться со скалы,—и ты увидишь, что и вѣрно е погибнешь, хотя бы тебѣ, по здоровью твоему, можно было прожить еще много лѣтъ». Это второе письмо не дошло уже до Гамзата, а первое было найдено въ карманѣ архалука убитаго имама.

Не менѣе трагическіе эпизоды происходили, иногда, съ Шамилемъ и внѣ столкновеній съ партійными врагами въ горахъ и съ русскими отрядами. Такъ, напр., однажды, въ Веденѣ, ночью, произошелъ съ нимъ слѣдующій случай. Къ нему въ Веденъ былъ доставленъ узденъ (а не русскій солдатъ, какъ утверждаетъ г-жа Чичагова въ своихъ запискахъ), заподозрѣнный въ желаніи передаться русскимъ, т. е. объявить себя и свое селеніе «мирнымъ». Шамиль приказалъ его ослѣпить, а затѣмъ, посадить, пока, въ глубокую яму, служившую мѣстомъ ареста для виновныхъ. Какъ могъ выбраться оттуда ослѣпленный узденъ, какъ могъ онъ подкрасться къ двумъ соннымъ тѣлохранителямъ Шамиля, вздремнувшимъ у входа въ домъ имама и даже, безъ всякаго шума, убить ихъ обоихъ и кто далъ ему кинжалъ,—все это осталось неизвѣстнымъ... Но только жизнь Шамиля висѣла въ эту страшную для него ночь на волоскѣ: убійца, прикончивъ часовыхъ, тихо прокрался въ его спальню и ударилъ соннаго Шамиля, раздѣтаго и безоружнаго, кинжаломъ въ бокъ, нанеся ему, по счастью, не опасную рану. Шамиль спасся, благодаря лишь своей необычайной силѣ: онъ,

проснувшись, быстро обхватилъ нападавшаго руками и совсѣмъ сдавилъ его въ своихъ могучихъ, желѣзныхъ объятіяхъ, а зубами сталъ грызть его за голову. Когда, наконецъ, прибѣжали къ Шамилю на помощь и онъ разжалъ руки, то на полъ упалъ совсѣмъ уже умирающій человѣкъ, который, спустя нѣсколько минутъ, и испустилъ духъ, унеся съ собою въ могилу тайну оказаннаго ему кѣмъ-то содѣйствія... Шамиль, послѣ этого ночнаго нападенія на него, нѣсколько реформировалъ лишь свой личный конвой, состоявшій изъ двухъ-сотъ тѣлохранителей, набранныхъ, преимущественно, изъ жителей аула Чиркѣй, питавшаго особую ненависть къ русскимъ.

Въ сферѣ управленія подвластными ему племенами горцевъ и вообще въ администраціи, имамъ Шамиль не былъ особеннымъ фанатикомъ и проявлялъ, иногда, удивительную для магометанина снисходительность къ чуждой ему религіи. Такъ, напримѣръ, онъ разрѣшилъ нашимъ раскольникамъ, бѣжавшимъ къ нему въ горы отъ религіозныхъ преслѣдованій со стороны русскихъ властей, открыто отправлять свое богослуженіе въ устраиваемыхъ ими часовняхъ, а также предоставилъ имъ право устраивать и свои скиты—гдѣ пожелаютъ. Онъ даже не бралъ съ нихъ за это право никакихъ налоговъ. По словамъ генерала Магометъ-Шефя, отецъ его хотѣлъ даже освободить всѣхъ рабовъ подвѣдомственныхъ ему горскихъ племенъ; но наибы, владѣтельные «султаны» и беки, прослышавъ объ этомъ, явились въ его резиденцію, въ Ведень, и прямо угрожали имаму, что если только онъ приведетъ въ исполненіе эту мѣру, то они всѣ примутъ русское подданство—и у нихъ, слѣдовательно, будутъ существовать русскіе порядки съ ихъ крѣпостнымъ правомъ.... Это сообщеніе чрезвычайно интересно и знаменательно.

III.

Столкновеніе Шамиля съ приставомъ Пржецлавскимъ.—Отказъ Шамиля подписать петицію въ пользу поляковъ.—Мщеніе пристава Шамилю, его козни и интриги.—Жалоба Шамиля губернатору Держе.—Несостоявшееся прибытіе новаго пристава.—Обращеніе Шамиля къ заступничеству новаго калужскаго губернатора, Спасскаго.—Прибытіе въ Калугу полковника Брока на слѣдствіе.—Увольненіе пристава Пржецлавскаго.—Смертность въ семьѣ Шамиля въ Калугѣ.—Переводъ его въ Кіевъ.—Увольненіе въ Мекку.—Смерть Шамиля.—Его популярность въ Меккѣ и Константинополѣ.—Его записки о войнѣ на Кавказѣ.

По милости полковника Пржецлавскаго, бывшаго приставомъ при Шамилѣ въ Калугѣ же (послѣ А. И. Руновскаго), знаменитый цѣлн-

никъ едва не былъ сосланъ въ Вятку. Исторія этого столкновѣнія между имамомъ и приставомъ не могла быть своевременно опубликована по крайней деликатности Шамиля, не выдавшаго даже и своего врага; но теперь, когда со времени этой исторіи прошло 37 лѣтъ, представляется возможнымъ огласить истинныя причины, послужившія къ столкновѣнію, или, скорѣе, ко взаимной ненависти между Шамилемъ и его стражемъ. Объ этихъ «истинныхъ причинахъ» разсказалъ мнѣ генераль Шамиль, и его разсказъ долженъ, въ то же время, опровергнуть многія неточности и даже, просто, выдумки, занесенныя полковникомъ Пржецлавскимъ въ его «Дневникъ», появившійся въ 1877 году, на страницахъ «Русской Старины».

У пристава Пржецлавскаго произошло, уже на первыхъ порахъ, съ Шамилемъ слѣдующее неудовольствіе. Этотъ приставъ, служившій ранѣе на Кавказѣ, добылъ тамъ отъ какого-то лѣтописца-муллы рукопись на арабскомъ языкѣ «О трехъ имамахъ»—т. е. о Кази-Муллѣ, Гамзатъ-Бекѣ и Шамилѣ; затѣмъ, переведя эту рукопись на русскій языкъ съ цѣлю напечатать ее, онъ далъ переводъ (но не подлинникъ) Шамилю, прося его засвидѣтельствовать своею подписью вѣрность фактовъ, изложенныхъ въ разсказѣ. Шамиль, не видя въ глаза подлинника и не читая вовсе по-русски, категорически отказался подписать переводъ Пржецлавскаго. Это и послужило первымъ, хотя еще и не особенно важнымъ, поводомъ къ непріятнымъ отношеніямъ, установившимся между приставомъ и плѣннымъ имамомъ. Объ этомъ неудовольствіи упоминается, между прочимъ, и въ книгѣ г-жи Чичаговой о пребываніи Шамиля въ Калугѣ. Но истинная причина, особенно озлобившая пристава Пржецлавскаго противу Шамиля, была не та; она заключалась—какъ разсказалъ мнѣ генераль Шамиль—въ слѣдующемъ.

Въ концѣ 1863 года, когда польскій мятежъ былъ уже подавленъ, а надъ виновными лицами чинился судъ и расправа, полковникъ Пржецлавскій, полякъ родомъ, сталъ очень часто заговаривать съ Шамилемъ объ этомъ мятежѣ, постоянно описывая, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, тѣ жестокости, какимъ, будто бы, подвергались поляки по распоряженію Муравьева въ Литвѣ и графа Берга въ Варшавѣ. При этомъ, Пржецлавскій всячески старался внушить Шамилю, что обо всѣхъ этихъ «жестокостяхъ» государь ничего не знаетъ и не вѣдаетъ—и было бы-де истинною услугою для самого царя, если бы кто-нибудь замолвилъ ему слово за «несчастныхъ...» Шамиль, нисколько не интересовавшійся польскимъ мятежомъ, пропускалъ всѣ эти подходы пристава мимо ушей, считая ихъ лишь обыкновенными разговорами. Но вотъ, въ одно прекрасное утро, полковникъ Пржецлавскій, поговоривъ нѣсколько минутъ въ обычномъ минорномъ тонѣ о «жестокостяхъ», претерпѣваемыхъ его соотечественниками, и считая, по всей вѣроятности,

почву достаточно уже подготовленной, неожиданно вынулъ изъ кармана и подалъ Шамилю письмо на имя государя, прося подписать его... Письмо оказалось написаннымъ въ два текста—на арабскомъ и русскомъ языкахъ: на арабскомъ для Шамиля, а по-русски—для государя. Шамиль, пораженный такою назойливостью, взялъ все-таки письмо изъ рукъ Пржецлавскаго и прочелъ его арабскій текстъ. Въ письмѣ говорилось, приблизительно, вотъ что:... «Четыре года тому назадъ, русскому государю была дарована Богомъ полная побѣда надъ кавказскими горами, воевавшими болѣе полувѣка съ Бѣлымъ царемъ. По своему величайшему милосердію, государю угодно было забыть о вредѣ и кровопролитіяхъ, учиненныхъ за время войны горскими племенами, а самому имаму—даровать полное прощеніе и осыпать его величайшими благодѣяніями и щедротами. Теперь повторилося-де то же самое: побѣдоносныя войска государя одолѣли возставшихъ поляковъ—и война окончилась. Но послѣдствія побѣды, въ настоящее время, не тѣ, что были 4 года назадъ: тогда дагестанцамъ и другимъ племенамъ даровано было прощеніе; теперь же побѣжденныхъ и виновныхъ постигаетъ тяжкая кара: смертныя казни, ссылка на каторгу, тюрьма, конфискація имуществъ, и пр. И вотъ, онъ, смиренный старецъ Шамиль, освѣдомившись обо всемъ этомъ, осмѣливается-де обратиться къ сердцу великаго государя и молить его о проявленіи того же великодушія къ побѣжденнымъ полякамъ, какое онъ, государь, проявилъ въ 1859 году къ нему, Шамилю, къ его семьѣ и всѣмъ, воевавшимъ вмѣстѣ съ нимъ набамъ...» и т. д.

Вотъ смыслъ письма, преподнесеннаго, по разсказу генерала Шамиля, приставомъ Пржецлавскимъ, для подписи, плѣнному его отцу. Дѣло задумано было недурно—въ смыслѣ заступничества поляка Пржецлавскаго за своихъ, дѣйствительно несчастныхъ, собратій. Но оказалось, что Пржецлавскій мало зналъ характеръ осторожнаго и умнаго Шамиля, если позволялъ себѣ такой подходъ. Имамъ вѣжливо и терпѣливо выслушалъ своего приставника, внимательно прочелъ письмо и, возвращая его неподписаннымъ, проговорилъ твердымъ и рѣшительнымъ тономъ:

— Прошу васъ, полковникъ, не обращаться ко мнѣ съ подобными предложеніями. Я никогда не осмѣлюсь беспокоить государя такими письмами.

Полковникъ Пржецлавскій сзумѣлъ, въ это время, не только скрыть предъ Шамилемъ свое неудовольствіе, но еще и взялъ съ него обѣщаніе никому не говорить обо всемъ этомъ дѣлѣ. Вотъ этотъ-то отказъ и послужилъ главною и единственною причиною положительной ненависти и злобы, которую, съ тѣхъ поръ, сталъ питать приставъ къ своему плѣннику: съ того времени онъ и началъ, постепенно, но системати-

чески, изводить Шамиля. Полковникъ Пржецлавскій сталъ вмѣшиваться во внутренніе распорядки жизни Шамиля и его семьи, сталъ ссорить членовъ его семьи между собою и прислугою; оскорблялъ Шамиля самымъ назойливымъ досмотромъ за каждымъ его шагомъ, когда онъ выходилъ изъ дому; распускалъ о немъ по Калугѣ такіе нелѣпые слухи и сплетни, что почетные жители города почти совсѣмъ перестали посѣщать имама; затѣмъ, въ своихъ донесеніяхъ военному министру онъ сталъ сообщать о постоянномъ, будто бы, недовольствѣ Шамиля государемъ и его милостями; что онъ ропщетъ, будто бы, на скудость назначеннаго ему содержанія ¹⁾; что онъ мечтаетъ о возвращеніи своего владычества, и пр.

Шамиль, измученный всѣми этими мелочными оскорбленіями и не-пріятностями, въ конецъ отравлявшими его и безъ того тяжелую жизнь, попросилъ губернатора Лерхе походатайствовать о смѣнѣ пристава. Вскорѣ, дѣйствительно, пріѣхалъ изъ Москвы въ Калугу денщикъ капитана по фамилиі Семенова, назначеннаго на смѣну Пржецлавскаго, съ письмомъ къ нему, въ которомъ Семеновъ писалъ приставу: «Я назначенъ на ваше мѣсто: примите мои вещи», и пр.; но, спустя нѣкоторое время, стало извѣстно, что полковникъ Пржецлавскій оставленъ, по-прежнему, на своемъ мѣстѣ... Предполагалось, что имъ былъ совершенно положительный подлогъ, съ цѣлію удержаться на своей должности: по выраженному самимъ Шамилемъ подозрѣнію, въ послѣдствіи подтвердившемуся,—Пржецлавскій написалъ, отъ имени имама, письмо въ военное министерство, съ просьбою оставить при немъ, Шамиль, прежняго пристава...

Такъ прошло еще два года. Полковникъ Пржецлавскій продолжалъ по-прежнему, всячески изводить и принижать Шамиля... Тогда имамъ, съ свойственною ему прямою, обратился прямо къ генералъ-маіору Чичагову, недавно прибывшему въ Калугу на только-что учрежденную должность губернскаго воинскаго начальника, прося его доложить губернатору его, Шамиля, просьбу, чтобы тотъ, въ присутствіи всѣхъ высшихъ властей города, выслушалъ бы его жалобу на приставленнаго къ нему полковника Пржецлавскаго.

Желаніе знаменитаго плѣнника было исполнено, и въ квартирѣ губернатора Спасскаго, въ присутствіи генерала Чичагова, вице-губернатора графа Шуленберга и губернскаго предводителя дворянства Щукина, Шамиль сообщилъ, чрезъ переводчика, о причиняемыхъ ему приставомъ Пржецлавскимъ оскорбленіяхъ и не-пріятностяхъ и просилъ

¹⁾ Шамиль получалъ въ это время въ Калугѣ вполне достаточное содержаніе: готовую квартиру въ домѣ Сухотина, экипажъ и 15.000 рублей въ годъ.

собрание ходатайствовать объ его смѣнѣ. Между прочимъ, онъ разсказалъ и о своемъ отказѣ удостовѣрить рукопись «О трехъ имамахъ», но не упомянулъ все-таки ни однимъ словомъ, въ силу даннаго Пржецлавскому обѣщанія—о петиціи въ пользу поляковъ, которую предлагалъ ему къ подписи полковникъ Пржецлавскій.

Собрание внимательно выслушало Шамиля, и губернаторъ ходатайствовалъ у военнаго министра о смѣнѣ пристава. Но результаты этого представленія были для Шамиля, на первыхъ порахъ, очень неожиданны и неприятны. Въ Калугу прибылъ изъ Петербурга полковникъ Брокъ, командированный военнымъ министромъ для производства дознанія, но не надъ интриганомъ-приставомъ, а надъ плѣннымъ Шамилемъ.

Къ счастью для Шамиля, губернской воинскій начальникъ Чичаговъ успѣлъ уже, за время своего пребыванія въ Калугѣ, не только хорошо ознакомиться съ имамомъ и всею его семьею, но замѣтить также и всѣ козни и интриги, подводимыя подъ него приставомъ; онъ помогъ полковнику Броку раскрыть всѣ сложныя махинаціи и обстоятельства этого неприятнаго дѣла и всѣ интриги пристава—до подложнаго письма отъ имени Шамиля къ военному министру влючительно.

Въ концѣ концовъ, приставъ былъ смѣненъ, и Шамиль былъ, такимъ образомъ, избавленъ отъ проступка, который онъ неминуемо бы совершилъ и отъ котораго онъ, не разъ, былъ на одинъ только шагъ: онъ, хорошо понимая и чувствуя всѣ интриги, козни и клеветы пристава Пржецлавскаго и будучи человѣкомъ прямымъ, вспыльчивымъ, властнымъ и необузданнымъ, едва-едва, иногда, удерживался отъ кровавой расправы съ своимъ благороднымъ врагомъ...

Дальнѣйшая жизнь и судьба Шамиля были таковы. Суровый—сравнительно съ Кавказомъ—климатъ Калуги сдѣлалъ то, чего не могли сдѣлать 19-ть имѣвшихся у него ранъ: его исполинская, желѣзная натура стала видимо ослабѣвать... Этотъ климатъ еще сильнѣе и быстрѣе сталъ отражаться на женщинахъ семьи Шамиля: вначалѣ, умерла отъ скоротечной чахотки самая красивая изъ всѣхъ женщинъ семьи Шамиля—Каримать, жена старшаго его сына Кази-Магомы; затѣмъ, умерла отъ чахотки же любимѣйшая дочь Шамиля Нафисата, жена Абдуррахмана, и т. д.; вообще, въ Калугѣ, за время десятилѣтняго пребыванія тамъ Шамиля, умерло, всего, семнадцать человѣкъ—изъ семьи и свиты плѣнника,—считая въ томъ числѣ и прислугу. Вольнымъ сынамъ горь, привыкшимъ къ мягкому горному воздуху и дремучимъ хвойнымъ лѣсамъ своей родины, было тяжело и душно жить въ Калугѣ... Разъ, Шамиль, будучи въ Петербургѣ, въ 1861 году, просился въ Мекку; но ему дано было понять, что эта просьба преждевременна. Въ бытность же

свою въ томъ же Петербургѣ въ 1866 году, на торжествахъ бракосочетанія цесаревича Александра Александровича, онъ не рѣшился возобновлять свое ходатайство. Наконецъ, въ октябрѣ 1869 года, онъ былъ переведенъ на жительство въ Кіевъ, гдѣ климатъ былъ все-таки мягче и теплѣе. Затѣмъ, въ началѣ 1870 года, Шамиль, имѣя уже 74 года, получилъ разрѣшеніе отправиться въ Мекку со всѣмъ своимъ семействомъ—съ женами, дочерьми, зятьями и младшимъ сыномъ Магометомъ, за исключеніемъ двухъ сыновей: Казы-Магомы, проводившаго отца до Одессы, и Магомета-Шефи, уже служившаго въ то время въ Конвоѣ Его Величества офицеромъ.

Недолго—менѣе года—пожилъ старій Шамиль на волѣ: 4-го февраля 1871 года онъ умеръ, окруженный почти всею своею семьею, такъ какъ и Казы-Магомѣ было потомъ дозволено уѣхать къ умирающему отцу. По разсказу генерала Шамиля, смерть его отца произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ: имамъ, удачно совершивъ, въ 1870 году, свое первое путешествіе изъ Медины въ Мекку, пожелалъ, въ концѣ января 1871 года, поѣхать туда помолиться еще разъ. Такъ какъ онъ былъ отъ многихъ ранъ и преклонныхъ лѣтъ очень слабъ и не могъ уже ѣхать верхомъ, то ему было приспособлено особое сидѣнье-стулъ, укрѣпленное между двумя верблюдами, которыхъ и долженъ былъ вести, ровнымъ шагомъ, особый поводарь. Случилось, что, въ первую же ночь по выѣздѣ изъ Медины, поводарь не досмотрѣлъ какъ-то, и одинъ изъ верблюдовъ шагнулъ впередъ другаго, вслѣдствіе чего одинъ конецъ сидѣнья сорвался съ горба продвинувшагося впередъ верблюда, и старикъ Шамиль упалъ на землю и сильно расшибся. Караванъ тотчасъ же вернулся въ Медину, гдѣ вскорѣ Шамиль и скончался. Онъ былъ похороненъ въ Мединѣ же, на кладбищѣ Джаннатъ-Эмъ-Баки.

Популярность Шамиля между магометанскимъ населеніемъ Мекки, Медины и даже Константинополя была очень велика, и никто даже изъ владыкъ Турціи не пользовался такимъ обожаніемъ и поклоненіемъ, каковыя выпали на долю бывшаго властителя Кавказа. Напримѣръ, въ мечетяхъ Мекки въ то время, когда туда приходилъ молиться Шамиль, происходила всегда такая страшная давка, что турецкая полиція и муллы рѣшили, наконецъ, назначить для Шамиля особыя ночныя часы, когда жители города и богомольцы отправлялись спать. Народъ бросался за нимъ вслѣдъ и цѣловалъ не только его руки, ноги и одежду, но и тѣ мѣста на плитахъ мечети, гдѣ ступала его нога и гдѣ онъ стоялъ во время молитвы.

Не меньшій почетъ онъ встрѣтилъ и въ Константинополѣ, когда заѣхалъ туда по дорогѣ изъ Одессы. Султанъ принялъ его въ торжественной аудіенціи, какою удостоивалъ только хедива и царствен-

ныхъ особъ, и при всѣхъ поцѣловалъ его руку; а когда Шамилю доводилось проѣзжать или идти пѣшкомъ по улицамъ турецкой столицы, то османлисы падали предъ нимъ ницъ и лежали распростертыя на землѣ все время, пока онъ мимо нихъ проходилъ или проѣзжалъ. Таково было въ глазахъ турокъ и другихъ восточныхъ народовъ обаяніе чловѣка, провоевавшаго съ могущественною Россійскою имперіей почти 25 лѣтъ,—въ то время, какъ та же Турція, начиная съ нами свои войны, всегда вынуждаема была заканчивать ихъ невыгоднымъ для нея миромъ—по истеченіи года, или, много-много двухъ лѣтъ.

Объ этой своей войнѣ съ русскими войсками на Кавказѣ имамъ Шамиль, за время своего десятилѣтняго проживанія въ плѣну, въ Калугѣ, составлялъ подробныя записки на арабскомъ языкѣ, которыя находятся, въ настоящее время, у его старшаго сына, Кази-Магомы, проживающаго въ Мединѣ.

IV.

Дальнѣйшая судьба родственниковъ Шамиля.—Смерть его женъ, Зайдаты и Шуанаты. — Смерть отъ чахотки дочерей Шамиля и прочихъ родныхъ. — Имяна Кази-Магомы.—Судьба младшаго сына Шамиля, Магомета.—Трагическая смерть наба Хаджіо. — Ссылка его убійцъ въ Сибирь. — Поправка къ книгѣ г-жи Чичаговой о Шамилѣ.—Мнимое „скряжничество“ Шамиля по запискамъ пристава Пржецлавскаго. — Гостепримство генерала Магометъ-Шефи-Шамиля.

Теперь я нахожу небезъинтереснымъ рассказать о дальнѣйшей судьбѣ членовъ семьи Шамиля и близкихъ къ нему лицъ.

Въ женщины, жившія съ Шамилемъ въ Калугѣ—его жены, дочери и снохи—въ настоящее время не находятся въ живыхъ. Я уже упоминалъ о смерти красавицы Каримать, жены Кази-Магомы, и о смерти любимой дочери Шамиля, Нафисаты—отъ скоротечной чахотки, приключившейся отъ суроваго, сравнительно съ Кавказомъ, климата Калуги. Точно также и здоровье остальныхъ женщинъ было подорвано десятилѣтнимъ проживаніемъ въ плѣну въ названномъ городѣ. Жена Шамиля Зайдата пережила мужа лишь на три мѣсяца и умерла въ маѣ 1871 года, въ Таифѣ, близъ Мекки, и была въ Меккѣ же и похоронена. Шуаната, любимѣйшая жена имама, мужественнѣе всѣхъ другихъ женщинъ перенесла калужскій климатъ, такъ какъ была, по рожденію, армянка, а не жительница горъ; она была гораздо моложе Зайдаты, пережила мужа на шесть лѣтъ и умерла въ Константинополѣ въ 1878 году; тамъ же она была и похоронена. Умерли также и

всѣ дочери Шамиля,—Наджавать, Фатимать, Баху-Меседу и Сафіятъ, а также и жена среднего сына Шамиля, нынѣ генерала Магомета-Шефи,—Аминать. Умерли и всѣ зятя Шамиля, кромѣ Амбурахима, о которыхъ я упоминалъ выше.

Остались въ живыхъ всѣ три сына Шамиля: старшій Кази-Магома, средній—генераль-маіоръ Магометъ-Шефи и младшій,—Магометъ, родившійся у Шамиля отъ Зайдаты, въ Калугѣ, въ 1861 году. О старшемъ изъ нихъ, Кази-Магомѣ, слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Когда я встрѣчалъ его въ Калугѣ, въ началѣ 1860 года, это былъ громаднаго роста горецъ, немного сутулый и короткошей, безъ всякой растительности на лицѣ (онъ брился тогда),—что вполнѣ дозволяло видѣть его суровое, непривѣтливое и несимпатичное лицо. Съ нами, молодыми офицерами, онъ былъ угрюмъ и неразговорчивъ, составляя въ этомъ случаѣ полную противоположность своему другому брату Магомету-Шефи и мюриду Хаджію, которые были всегда очень привѣтливы и разговорчивы. Не знаю почему, но въ Калугѣ всѣ были увѣрены въ то время, между прочимъ, и въ «преданности» Кази-Магомы,—и эта увѣренность доходила до того, что назначенный, впоследствии, въ Калугу губернской воинскій начальникъ генераль-маіоръ Чичаговъ уговаривалъ даже этого угрюмаго горца ходить въ гимназію и учиться русскому языку. Но послѣдствія, однако, показали, что это были однѣ только иллюзіи и излишняя довѣрчивость, столь свойственныя добродушной русской натурѣ. Да едва-ли и можно было ожидать, чтобы этотъ гордый и самолюбивый горецъ, сынъ всемогущаго и властнаго имама, могъ примириться съ печальною участью военно-плѣннаго... При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что Кази-Магома, будучи всего семи лѣтъ отъ роду, былъ уже раненъ русскою пулею ¹⁾ и испыталъ, слѣдовательно, еще въ дѣтскомъ возрастѣ сильныя физическія мученія, которыя не легко забываются. Затѣмъ, онъ потерялъ въ Калугѣ страстно любимую имъ жену, бывшую первою красавицей Кавказа, Каримать, не вынесшую плѣна въ суровомъ климатѣ. Это едва-ли могло поселить въ сердцѣ Кази-Магомы особую пріязнь и расположеніе къ русскимъ,—въ особенности, если принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что этотъ человекъ, прежде чѣмъ попасть въ Калугу, уже закалилъ себя въ бояхъ, не разъ предводительствуя многочисленными отрядами горцевъ,

¹⁾ Это было при взятіи русскими войсками у горцевъ аула Ахульго, когда русскими же пулями была убита жена Шамиля гириянка Джовгарадъ, въ то время, когда она кормила грудью своего сына Саида, который, вскорѣ, былъ тоже убитъ русскою пулею. Шамиль спасся въ это время лишь чудомъ и только благодаря своей отвагѣ и необычайной физической силѣ: онъ спустился по веревкѣ къ обрыву рѣки Койсу, имѣя на плечахъ семилѣтнаго раненаго сына, Кази-Магому.

сдѣлавшихъ даже, подъ его начальствомъ, извѣстный побѣдоносный набѣгъ въ Грузію и Кахетію чрезъ Алазань, въ 1853 году, когда, напавъ на Цинавдалы, Кази-Магома взялъ въ плѣнъ княгинь Чавчавадзе и Орбеліани, съ ихъ дѣтьми, гувернантками и прислугой; слѣдуетъ помнить и то, что онъ и самъ, какъ старшій сынъ Шамиля, имѣлъ уже въ Дагестанѣ громадную власть и вліяніе. Все это, вмѣстѣ взятое, до извѣстной степени можетъ оправдывать вѣроломный поступокъ Кази-Магомы, совершенный имъ въ 1870 году, когда, будучи отпущенъ изъ Россіи въ Мекку, для свиданія съ тяжело больнымъ отцомъ, онъ, похоронивъ Шамиля, не пожелалъ уже вернуться въ Россію и даже не отпустилъ отъ себя младшаго брата Магомета, а также и никого изъ членовъ семьи Шамиля,— такъ что въ Россіи остались лишь средній сынъ, Магометъ-Шефи и зятья— Абдурахимъ и Абдурахманъ. Мало этого: въ 1877 году, Кази-Магома, состоявшій уже въ турецкой арміи въ чинѣ дивизіоннаго генерала, обложилъ Баязетъ и требовалъ сдачи этой крѣпости, въ которой оборонялась небольшая часть нашихъ войскъ подъ начальствомъ мужественнаго капитана Штоквича. Извѣстно, что на это требованіе Штоквичъ отвѣтилъ Кази-Магомъ слѣдующею фразой: «Кази-Магома, вѣроятно, не научился, воюя съ нами на Кавказѣ, подъ начальствомъ своего знаменитаго отца, что русскіе умѣютъ лишь брать крѣпости, но не сдавать ихъ»...

Предательство Кази-Магомы усугубляется еще и тѣмъ немаловажнымъ обстоятельствомъ, что онъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ и зятьями, принявъ, 26-го августа 1866 года, въ Калугѣ присягу на вѣрноподданство Россіи. Своимъ вѣроломствомъ Кази-Магома всего больше повредилъ своему младшему брату, Магомету, котораго предполагалось помѣстить въ Пажескій корпусъ и воспитать его такъ же, какъ былъ воспитанъ первенецъ Шамиля, Джемаль-Эддинъ, взятый въ аманаты и возвращенный впоследствии отцу, въ обмѣнъ на плѣненныхъ княгинь.

Самая злая судьба выпала на долю любимѣйшаго мюрида имама, Хаджію—его казначея, секретаря и вѣрнаго друга, добровольно раздѣлявшаго съ нимъ плѣнъ и десятилѣтнюю жизнь въ Калугѣ¹⁾. Принявъ, затѣмъ, вмѣстѣ съ Шамилемъ и его семьей, въ 1866 году, присягу на вѣрноподданство, Хаджію, по отъѣздѣ Шамиля въ Мекку, пожелалъ возвратиться на родину, и русское правительство предложило ему въ управленіе Ункратльское наибство, въ Дагестанской области, въ Бетлинскомъ округѣ, которое онъ охотно и принялъ, такъ какъ самое званіе н а и б а было очень почетное и соединялось, кромѣ того, съ большою

¹⁾ Объ этомъ Хаджію я говорилъ болѣе подробно въ своей статьѣ „Походка къ Шамилю въ Калугу въ 1860 году“ („Вѣстникъ Европы“, кв. августъ 1898 г.). И. З.

самостоятельностью и властью; на Кавказѣ это было нѣчто среднее между маленькимъ губернаторомъ и крупной величины исправникомъ.

На первыхъ же порахъ своего управленія Уикратльскимъ наибствомъ, честный и вѣрный Хаджіо возстановилъ противу себя ту худшую и безпокойную часть населенія, которая продолжала въ-тихомолку заниматься грабежами и разбоями: Хаджіо строго преслѣдовалъ грабителей и, не щадя, выдавалъ ихъ въ руки русскихъ властей на Кавказѣ. Такимъ образомъ, были сосланы въ Сибирь, за убійства и грабежи, нѣсколько вороватыхъ узденей, пользовавшихся большимъ влияніемъ среди мѣстнаго населенія. Тогда, оставшіеся родичи сосланныхъ рѣшили избавиться отъ Хаджіо и, въ то же время, отомстить ему за ссылку своихъ ближнихъ. Для приведенія своего замысла въ исполненіе, заговорщики воспользовались, однажды, пріѣздомъ Хаджіо, по дѣламъ службы, въ одинъ глухой аулъ, гдѣ онъ долженъ былъ переночевать. Передъ разсвѣтомъ, нѣсколько десятковъ горцевъ окружили саклю, гдѣ спалъ Хаджіо, и старались въ нее проникнуть; но онъ успѣлъ проснуться—и заперся. Сопровождавшій его конвой, ночевавшій у дверей его сакли и на дворѣ, тотчасъ же разбѣжался—отчасти изъ трусости, а отчасти и изъ сочувствія нападавшимъ,—и мужественный наибъ остался въ саклѣ одинъ одинѣшенекъ: онъ забаррикадировалъ дверь и окно, оставивъ лишь отверстія для ружья, и сталъ отстрѣливаться. Нѣсколько человекъ изъ числа нападавшихъ было имъ, такимъ образомъ, убито и ранено, и это еще болѣе ожесточило разбойниковъ. Наконецъ, Хаджіо разстрѣлялъ всѣ, имѣвшіеся у него ружейные патроны... Нападавшіе замѣтили это, и бросились—было къ дверямъ, но два выстрѣла изъ револьвера, почти въ упоръ, положили еще двухъ смѣльчаковъ... Толпа отхлынула, и рѣшила зажечь саклю. Но едва только имъ это удалось, какъ храбрый наибъ, распахнувъ дверь, выскочилъ изъ сакли и, съ обнаженною пашкою въ рукахъ, ринулся въ толпу нападавшихъ... Не прошло и минуты, какъ нѣсколько разбойниковъ были изрублены, но, въ то же время, подъ многочисленными ударами пашекъ и кинжаловъ, палъ и Хаджіо,—и толпа, звѣрски умертвивъ его, надругалась, затѣмъ, надъ его трупомъ...

Всѣ виновники этого убійства вѣрнаго слуги русскаго правительства были судимы и сосланы въ Сибирь. Такъ погибъ самый мужественный и храбрый изъ бывшихъ мюридовъ Шамиля и самый преданный ему другъ!...

Мнѣ остается еще сдѣлать нѣсколько поправокъ къ повѣрнымъ свѣдѣніямъ, появившимся о Шамилѣ въ печати. Такъ, напр., въ книгѣ г-жи Чичаговой—«Шамиль на Кавказѣ и въ Россіи»,—авторъ, описывая важное историческое событіе, совершившееся въ Гунибѣ 25-го августа 1859 года, когда имамъ Шамиль отдался въ плѣнъ русскимъ

*

войскамъ,—говорить слѣдующее: «...Прапорщикъ Узбашевъ прискакалъ отъ графа Евдокимова съ приказаніемъ обезоружить Шамиля. Полковникъ Лазаревъ затруднился исполнить это приказаніе..... такъ какъ обезоруженіе считается у горцевъ большимъ безчестіемъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній, полковникъ Лазаревъ рѣшился привести Шамиля вооруженнымъ, о чемъ и донесъ графу Евдокимову». И далѣе: «Князь Барятинскій, находившійся въ полуторѣ версты отъ аула Гунибъ, сидѣлъ въ рошѣ, на покатоги горы, на камнѣ. Возлѣ князя стояли графъ Евдокимовъ, переводчикъ и полковникъ Трамповскій, а нѣсколько далѣе вся свита. Князь жалѣлъ Шамиля и въ дуплѣ благодарилъ Бога, что все такъ благополучно кончилось. Шагахъ въ шести отъ князя, Шамиль останвился. Столь храбрый на войнѣ, онъ теперь струсилъ. Онъ былъ въ зеленой чухѣ и большой бѣлой чалмѣ съ хвостомъ, былъ блѣденъ, губы дрожали, но голосъ былъ твердъ. Робко, пугливо, озирался онъ вокругъ себя, въ полномъ убѣжденіи, что настала минута, когда онъ долженъ разстаться съ земною жизнію....»

Говорить о трусости Шамиля можетъ только авторъ-женщина... Слово «страхъ» было незнакомо отважному и властному повелителю Кавказа,—и если уже, разъ, зашла рѣчь объ этомъ непохвальномъ чувствѣ, то Шамиль скорѣе всего могъ бы заподозрѣть въ немъ тѣхъ, кто такъ желалъ, чтобы онъ предсталъ «обезоруженный»... И ему ли, храбрѣйшему изъ храбрыхъ, пристало бояться «разстаться съ жизнію»,—когда онъ видалъ смерть, лицомъ къ лицу, безсчетное количество разъ—и въ сраженіяхъ съ русскими, и въ междоусобныхъ битвахъ!...

Проживъ двѣ зимы въ Калугѣ—въ то время, когда тамъ жилъ Шамиль,—я и многіе другіе слышали, не разъ, отъ находившагося при особѣ Шамиля, въ качествѣ пристава, А. И. Руновскаго, закаленного кавказскаго воина, что Шамиль говорилъ впослѣдствіи, что онъ рѣшилъ заколотъ себя, на глазахъ князя Барятинскаго, при первомъ оскорбленіи, если бы таковое ему нанесли,—и самымъ, конечно, тяжкимъ оскорбленіемъ было бы отобраніе отъ него оружія... Къ счастью для Шамиля и къ чести для побѣдителей, приказъ гр. Евдокимова не былъ исполненъ.

Въ бытность мою въ Тифлисѣ, въ октябрѣ 1899 года, я видѣлъ въ тамошнемъ военномъ музеѣ «Храмъ Славы» интересную картину перваго представленія плѣннаго Шамиля князю Барятинскому. Чувство невольной жалости къ плѣнному герою вызываетъ въ зрителѣ эта картина... Интересна въ ней, между прочимъ, слѣдующая подробность: почти рядомъ съ вооруженнымъ Шамилемъ, стоящимъ потупивъ голову, виденъ, съ мрачнымъ лицомъ, Голиафъ-горецъ, тѣлохранитель имама, босой, одѣтый въ рваную черкеску и обезоруженный; но отчаянная

рѣшимость видна на лицѣ этого удалца: кажется, что, шевельни только его повелителя пальцемъ, или скажи хотя одно слово, — и вся эта блестящая толпа побѣдителей и ихъ свита будутъ моментально снесены съ лица земли... И Богъ вѣсть, конечно, что бы произошло, если бы Шамилю показалось въ это время, что ему наносится оскорбленіе...

Вторую, не менѣе серьезную, поправку я долженъ сдѣлать по поводу записокъ пристава Пржецлавскаго, печатавшихся въ «Русской Старинѣ». Между прочими дурными качествами, которыми такъ щедро надѣлилъ г. Пржецлавскій своего знаменитаго плѣнника, онъ говорить, что это былъ жалкій старикъ, слабодушный скряга, и пр. Выдуманность и несправедливость этихъ эпитетовъ, въ примѣненіи ихъ къ Шамилю, столь очевидна, что едва-ли даже и подлежитъ опроверженію. Я могу лишь, относительно мнимаго скряжничества Шамиля, привести слѣдующій фактъ. Его положительная щедрость — т. е. чувство совершенно противоположное скряжничеству — была, во время его жизни въ Калугѣ, такъ убыточна для его семьи и домашняго обихода, что мѣстныя власти вынуждены были, по просьбѣ его казначея Хаджіо, принять нѣкоторыя мѣры къ обузданію назойливости калужскихъ нищихъ, постоянно караулившихъ домъ Сухотина, гдѣ жилъ Шамиль, ожидая его выхода на прогулку. Шамиль имѣлъ обыкновеніе подавать имъ то, что попадалось подъ руку въ его кошелекъ — была ли то ассигнація, или золотой, или серебряный рубль (бывшіе въ то время въ обращеніи); и когда его спрашивали, зачѣмъ онъ подаетъ такъ много, то онъ, обыкновенно, отвѣчалъ:

— Я не могу подать нищему мѣдную монету, потому что можетъ случиться, что ему въ тотъ день никто другой не подастъ ничего... Чѣмъ же, тогда, онъ будетъ сытъ въ этотъ день?...

Этимъ я и закончу мою настоящую статью, прибавивъ къ ней лишь нѣсколько строкъ о томъ гостепріимствѣ, которое я примѣтилъ и въ сынѣ Шамиля — генералѣ Магометѣ-Шефи. Ужь кажется, какъ нелегко быть гостепріимнымъ и хлѣбосольнымъ въ номерѣ гостиницы, да еще, напр., въ Кисловодскѣ, на курортѣ, но генералъ Шамиль ухитрялся и тутъ подчивать и принимать съ необычайнымъ радушіемъ, при чемъ ему лично приходилось исполнять роль хозяйки — разливать чай, рѣзать хлѣбъ и пр. Или, напр., никакія силы не могли отклонить и уговорить Магомета-Шефи, чтобы онъ не снималъ съ вѣшалки пальто гостя и не подавалъ бы его самъ. На мои укоризны по этому поводу генералъ отвѣчалъ очень серьезно:

— Гость — твой господинъ, а ты — его слуга, — это говорилъ мнѣ покойный отецъ, и я, услуживая вамъ, исполняю, между прочимъ, его завѣтъ и приказъ.

Ив. Захарынъ (Якунинъ).

**Барклай-де-Толли при вступленіи его въ должность военнаго
министра.**

Письмо его графу Ив. Вас. Гудовичу.

24-го января 1810 г. № 1.

По непремѣнной волѣ государя императора, вступая въ управленіе военнымъ министерствомъ, я первымъ долгомъ себѣ поставляю покорнѣйше просить вашего сіятельства удостоить меня полной откровенности вашей. Сколь ни тягостно бремя возложенныхъ на меня обязанностей, но чрезъ сношеніе съ знаменитою, по достоинствамъ и заслугамъ, особою вашего сіятельства, мнѣ лестно будетъ имѣть всегда богатые способы къ скорому достиженію предполагаемой цѣли. Неограниченно желаніе мое имѣть честь заслужить вашу довѣренность; я не упущу ни одного случая доказать сіе на опытѣ, и тогда токмо почту себя счастливымъ, когда ваше сіятельство, кромѣ обыкновенныхъ сношеній по дѣламъ службы, удостоивать меня будете чрезъ письма ваши откровеннымъ объясненіемъ мнѣній вашихъ о положеніи военныхъ дѣлъ.

Примите, милостивый государь, искренное увѣреніе мое въ совершенномъ почтеніи и усердной преданности, съ каковыми чувствами и навсегда честь имѣю быть и проч. ¹⁾.

---

¹⁾ Такія же письма написаны были Тормасову, кн. Волковскому и друг. лицамъ.

**Записка Александра Ивановича Тургенева о В. А. Жуковскомъ,
представленная имъ въ 1816 году князю А. Н. Голицыну.**

Въ письмѣ отъ 2-го января 1817 года Александръ Ивановичъ Тургеневъ сообщилъ князю П. А. Вяземскому копию съ указа императора Александра I министру финансовъ, отъ 30-го декабря 1816 года, о производствѣ В. А. Жуковскому пенсіона по четыре тысячи рублей въ годъ. «Взирая со вниманіемъ на труды и дарованія извѣстнаго писателя, штабсъ-капитана Василія Жуковскаго, обогатившаго русскую словесность отличными произведеніями, изъ коихъ многія посвящены славѣ російскаго оружія,—читаемъ въ этомъ указѣ—повелѣваю, какъ въ ознаменованіе моего къ нему благоволенія, такъ и для доставленія нужной при его занятіяхъ независимости состоянія производить ему въ пенсіонъ по четыре тысячи рублей въ годъ изъ суммъ Государственнаго казначейства ¹⁾».

Указъ этотъ состоялся по всеподданнѣйшему докладу тогдашняго министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына ²⁾, передъ которымъ ходатайствовалъ за Жуковскаго его другъ, Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Безъ сомнѣнія, имъ была написана и передана князю Голицыну нижепомѣщаемая записка ³⁾, которую послѣдній, вѣроятно, и представилъ государю.

«Радуйся, другъ: ты мнѣ сдѣлалъ добро, и на всю жизнь—писалъ Жуковскій А. И. Тургеневу во второй половинѣ 1817 года ⁴⁾.— Я чув-

¹⁾ Остафьевскій Архивъ, т. I, Спб. 1899, стр. 67.

²⁾ Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, изд. Я. Гротомъ, т. III, Спб. 1886, стр. 79.

³⁾ Записка эта печатается по современной копии, сохранившейся въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, пожертвованныхъ его сыномъ Павломъ Васильевичемъ въ 1884 году Императорской Публичной Библиотекѣ.

⁴⁾ Письма В. А. Жуковскаго къ Александру Ивановичу Тургеневу, Москва. 1896, стр. 171.

ствую новую необходимость дѣятельности, и это побужденіе святое: благодарность къ государю, который далъ мнѣ лучшее благо—независимость, и имѣть на меня надежду! Этой надежды обмануть не надобно. Я теперь въ службѣ и долженъ служить по совѣсти. И какое для меня наслажденіе думать, что мое лучшее—твое! Не довольно того, что смолу мы товарищи на одной дорогѣ, но еще надобно было одному сдѣлаться хранителемъ другаго, а другому на всю жизнь получить драгоценное чувство благодарности къ своему брату!»

Вотъ записка Тургенева:

«Г. Жуковскій, всѣмъ извѣстный своими стихотвореніями, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ молодыхъ людей, кои себя совершенно посвятили наукамъ и словесности. Получивъ воспитаніе въ пансіонѣ Московскаго университета, онъ, по желанію своихъ родственниковъ, вступилъ въ гражданскую службу; но не долго могъ ею заниматься: семейственныя надобности и недостаточное состояніе принудили его оставить Москву и удалиться въ одну изъ внутреннихъ губерній Россіи. Живучи въ уединеніи, онъ все время употреблялъ на труды литературныя и въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ сдѣлать себѣ имя въ словесности. Во всѣхъ его произведеніяхъ, какъ оригинальныхъ, такъ и тѣхъ, кои написаны въ подраженіе нѣмецкимъ и англійскимъ стихотворцамъ, просвѣщенные любители литературы тогда же замѣтили необыкновенный поэтическій талантъ, воображеніе блистательное и не менѣ блестящую живость слога, вездѣ одушевляемаго благородными, возвышенными чувствами, которыми отличается характеръ автора. Но происшествія 1812-го года должны были открыть новое поприще для его службы и вмѣстѣ дать новое направленіе и новую силу его дарованіямъ. Воспламененный воззваніемъ монарха къ народу, онъ позабылъ разстроенное состояніе свое, слабое здоровье, незнаніе военной службы и бросился, въ восторгѣ усердія, на ратное поле¹⁾. Тамъ, видя, какъ постепенно глазамъ смертныхъ открывались тайныя дѣйствія Провидѣнія, видя чудесную храбрость русскихъ воиновъ, чудесную гибель враговъ, опасность отечества и возникшую изъ оныхъ славу, онъ выражалъ глубокія чувства души своей въ стихахъ тѣмъ болѣе прекрасныхъ, что они написаны, такъ сказать, при громѣ великихъ происшествій, въ виду огней непріятельскихъ и въ рядахъ тѣхъ героевъ, коихъ онъ воспѣвалъ, какъ участникъ трудовъ ихъ и близкій свидѣтель ихъ подвиговъ. Сіи обстоятельства, безъ сомнѣнія, прибавили силы и оригинальности его извѣстному стихотворенію: Пѣвецъ въ станѣ воиновъ; драматическая форма и необыкновенныя красоты сего сочи-

¹⁾ Жуковскій вступилъ въ ряды Московскаго ополченія 12-го августа 1812 года, въ чинѣ поручика.

невія сдѣлали славу онаго почти народною славою въ нашей арміи. Между тѣмъ г. Жуковскій и въ исправленіи возложенной на него должности успѣлъ заслужить вниманіе начальства и награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени ¹⁾. На границѣ остановила его опасная и продолжительная болѣзнь ²⁾, а нечаянное несчастіе почти въ то же время лишило денегъ, составлявшихъ послѣдній остатокъ его имущества. Съ ними онъ потерялъ и средства продолжать службу. Но по крайней мѣрѣ мыслями и обѣтами повсюду слѣдовалъ за торжественнымъ походомъ нашихъ войскъ и радостные восторги патріота изображалъ блистательно кистію поэта. Можно смѣло сказать, что славныя событія нашего времени ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ не были описаны такъ прекрасно, какъ на русскомъ; и симъ мы обязаны единственно г. Жуковскому. Въ своемъ послѣднемъ стихотвореніи онъ представляетъ пѣвца русскихъ воиновъ на Кремлѣ, поющаго пѣснь освобожденія среди гражданъ московскихъ, въ виду жертвы, принесенной за отчизну, и въ самый тотъ день (25 декабря), когда торжествующая Россія преклоняетъ съ благодарностію колѣна предъ Промысломъ, спасшимъ чрезъ нее всѣ народы Европы и всѣ блага свободы и просвѣщенія.

«Но талантъ г. Жуковского во всей полнотѣ цвѣта и силы; онъ обѣщаетъ новые успѣхи и, конечно, безъ дерзости можетъ предпринять одно изъ тѣхъ великихъ поэтическихъ твореній, коими ознаменованы славнѣйшіе вѣки въ словесности; влекомый желаніемъ воздвигнуть такой памятникъ себѣ и отечеству, онъ уже предполагаетъ эпохою своей поэмы назначать время, когда въ нашихъ лѣтописяхъ сумракъ баснословныхъ преданій смѣняется яснымъ свѣтомъ исторіи ³⁾. Позволительно думать, что совершеніе столь великаго труда ⁴⁾, кромѣ таланта, требуетъ еще и обстоятельствъ благоприятныхъ, особливо независимости отъ нуждъ недостаточнаго состоянія. При безкорыстномъ и благородномъ характерѣ г. Жуковского, сія независимость можетъ быть доставлена единственно чрезъ помощь отъ престола. Даръ отъ руки державной послужить для него и награжденіемъ прежнихъ заслугъ въ литературѣ, и поощреніемъ къ новымъ важнѣйшимъ предпріятіямъ, а знакъ столь лестнаго вниманія будетъ имѣть благотворное дѣйствіе на самый талантъ стихотворца, ибо долженъ въ глазахъ его еще возвысить цѣну занятій, одобряемыхъ мудрымъ монархомъ».

Сообщилъ И. А. Вычковъ.

¹⁾ И чиномъ штабсъ-капитана.

²⁾ Сильная горячка, которою Жуковскій занемогъ въ Вильнѣ, въ ноябрѣ 1812 года.

³⁾ Эпоха Владимира Великаго.

⁴⁾ Какъ извѣстно, задуманная Жуковскимъ поэма „Владимиръ“ не была имъ осуществлена.

Императорскій цензоръ.

Отношеніе князя А. Н. Голицына попечителю Санктпетербургскаго учебнаго округа.

3-го ноября 1820 г. № 3576.

Замѣчено мною, что состоящій при С.-Петербургскомъ цензурномъ комитетѣ цензоръ Спада на просматриваемыхъ имъ книгахъ подписываетъ себя императорскимъ цензоромъ (Censeur Impérial), чего никакимъ постановленіемъ ему не позволено, и другіе цензоры такъ не подписываются. Посему я обязываюсь просить ваше превосходительство запретить г. Спадѣ сіе впредь, приказавъ ему подписываться, по примѣру другихъ членовъ онаго комитета, просто цензоромъ.

Высочайшее повелѣніе Государственному Совѣту о камеръ-юнкерѣ Танѣевѣ.

21-го января 1820 г.

Коллежскому совѣтнику камеръ-юнкеру Танѣеву повелѣвается быть помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта по департаменту военныхъ дѣлъ, съ произвожденіемъ ему изъ Государственнаго Казначейства опредѣленнаго по сему званію жалованья по три тысячи рублей въ годъ и съ сохраненіемъ при немъ настоящихъ его окладовъ.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

II ¹⁾.

Министерство А. С. Шишкова.—Цензурный уставъ 1826 г.—Докладъ министра.—Неудобства устава.—Изданіе новаго въ 1828 г.—Оставленіе Шишковымъ министерства народнаго просвѣщенія.

Мдмиралу Шишкову, остававшемуся министромъ народнаго просвѣщенія и по вступленіи на престолъ императора Николая I, казалось, по общему направленію и духу его мыслей, что нравственность общественная и русская литература падаютъ. А такъ какъ тому и другому причиною недостатокъ надзора со стороны высшей власти, зависящаго столько же отъ законоположеній, сколько и отъ личности исполнителей, то онъ и рѣшилъ, что ему, какъ министру народнаго просвѣщенія, необходимо принять самыя дѣятельныя мѣры къ пресѣченію зла. Средствомъ къ этому онъ призналъ составленіе новаго цензурнаго устава и принялся за этотъ трудъ тѣмъ съ большимъ рвеніемъ, что самъ императоръ Николай I, съ самаго вступленія на престолъ, обратилъ особенное вниманіе на эту часть.

Для исторіи этого устава у насъ есть въ рукахъ два документа: во 1-хъ, всеподданнѣйшій докладъ, при которомъ Шишковъ представилъ въ 1826 году свой проектъ на высочайшее утвержденіе и, во 2-хъ, его записки.

Въ докладѣ министръ высказывался такъ: «Уставъ о цензурѣ въ Россіи изданъ въ 1804 году, онъ не чуждъ былъ несовершенствъ, не-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июль 1901 года.

разлучныхъ съ первымъ опытомъ систематическаго въ семь родѣ постановленія, изъ коихъ главнѣйшими почтеться могутъ неполнота и неопредѣленность нѣкоторыхъ статей. Убѣжденный въ необходимости усовершенствованія устава о цензурѣ, еще въ 1815 г. представлялъ я въ государственный совѣтъ мнѣніе свое (по званію члена совѣта), въ которомъ изъяснялъ, что существующая нынѣ цензура весьма недостаточна къ отвращенію вреда, приносимаго худыми книгами воспитанію, нравамъ и просвѣщенію. Причины, которыя я приводилъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, состояли въ слѣдующемъ: первое, малое число людей, употребленныхъ собственно для цензурнаго дѣла, не могущихъ съ надлежащимъ вниманіемъ обнять всю громаду издаваемыхъ книгъ; второе, недостатокъ предписанныхъ имъ правилъ, коими бы могли они руководствоваться и которыя должны быть составлены съ великою подробностью и разсмотрительностью, дабы не только не отнимали у сочинителей свободы писать и разсуждать, но одобряли бы оную, и питали, преграждая въ то же время пути къ изданію въ свѣтъ худыхъ, дерзкихъ, соблазнительныхъ, невѣжественныхъ, пустословныхъ сочиненій, отъ которыхъ развращается нравственность, умножаются ложныя понятія, темнѣетъ просвѣщеніе и возрастаетъ невѣжество. Наконецъ, третій недостатокъ существующей доселѣ цензуры находилъ я въ томъ, что она не имѣетъ довольно доступа и голоса къ защитѣ или одобренію хорошей и къ остановкѣ или обличенію худой книги. Въ заключеніе я предлагалъ кратко мысли мои, на какомъ основаніи долженствовала быть утверждена цензура въ Россіи. Мнѣніе мое не обратило на себя вниманія тогдашняго министерства народнаго просвѣщенія. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло сіе до 1820 года, когда министерство народнаго просвѣщенія поручило составленіе проекта цензурнаго устава ученому комитету при главномъ правленіи училищъ. Вступивъ въ управленіе сего министерства, я нашель проектъ устава о цензурѣ конечнымъ, но по разсмотрѣніи моемъ оказался онъ далеко не достигающимъ до желательнаго въ семь случаѣ совершенства, а потому, сдѣлавъ замѣчанія, я обратилъ его для исправленія въ ученый комитетъ. Одно изъ первыхъ попеченій вашего императорскаго величества, по восшествіи на престолъ, было составленіе новаго устава о цензурѣ. Повинуясь сей волѣ, я представилъ вашему величеству новый проектъ устава о цензурѣ, составленный подъ непосредственнымъ моимъ наблюденіемъ¹⁾, и, удостоившись получить въ руководство изъясненіе высочайшей воли

---

¹⁾ Въ „Запискахъ Шишкова“ читаемъ: „я, не могши по слабости моего зрѣнія и здоровья, заняться самъ великимъ симъ трудомъ, употребилъ на то директора канцеляріи моей, князя Шихматова, человека благоразумнаго и усерднаго къ пользамъ престола и отечества“.

о перемѣнѣ нѣкоторыхъ главныхъ въ немъ основаній, я поспѣшилъ исполнить сіе въ точности».

Въ «Запискахъ Шишкова» мы находимъ нѣсколько подробностей, дающихъ иной колоритъ этому дѣлу. Здѣсь говорится, что въ первый же докладъ свой, по вступленіи на престолъ императора Николая, Шишковъ обратился къ нему съ такою рѣчью:

— Государь, позвольте мнѣ напередъ доложить вамъ о себѣ самомъ. Ни я, ни служба моя, ни образъ мыслей моихъ, ни сношенія мои съ покойнымъ императоромъ по дѣламъ весьма не маловажнымъ, вамъ неизвѣстны, а погому и почитаю я за должное вашему величеству обо всемъ ономъ донести, дабы имѣли вы полное о томъ свѣдѣніе.

Государь позволилъ, и тогда Шишковъ разсказалъ всѣ свои прежнія сношенія и дѣйствія, и изложилъ свой образъ мыслей. «Императоръ, казалось, былъ доволенъ моею съ нимъ откровенностью, приказалъ мнѣ написать новый цензурный уставъ и отпустилъ меня еще милостивѣе, нежели принять».

Изъ этого ясно, что, собственно говоря, предначертаній самого императора Николая I въ этомъ дѣлѣ вовсе не было, и онъ только одобрилъ образъ мыслей Шишкова, почему и поручилъ ему написать новый уставъ.

Въ чемъ же состояла главная сущность, характеръ и фізіономія этого устава, въ чемъ заключалось отличіе его отъ прежняго, найденнаго недостаточнымъ?

Во-первыхъ, уже самый объемъ былъ совершенно иной: уставъ 1804-го года заключалъ въ себѣ всего только 47 параграфовъ, тогда какъ проектъ Шишкова возросъ до 230 параграфовъ, т. е. имѣлъ объемъ въ пять разъ большій противъ прежняго. Изъ одного этого можно заключать, что новый уставъ отличался несравненно большею полнотою сравнительно съ старымъ и представлялъ законоположенія о такихъ предметахъ, которые прежде были оставлены вовсе безъ регламентации, или же правила о которыхъ были разсѣяны по разнымъ отдѣльнымъ постановленіямъ правительства, накопившимся съ 1804 по 1826 годъ. Такимъ образомъ, кромѣ многочисленныхъ статей, касавшихся производства дѣлъ и сношеній, во всѣхъ инстанціяхъ цензурнаго вѣдомства, а также устанавливавшихъ правила объ опредѣленіи, увольненіи и пенсіонахъ служащихъ, новый уставъ содержалъ въ себѣ: подробныя правила для руководства цензоровъ; изложеніе правъ и обязанностей книгопродавцевъ, содержателей бібліотекъ для чтенія, типографій и литографій; правила о вѣдомостяхъ и другихъ повременныхъ изданіяхъ; особыя правила о еврейскихъ книгахъ, такія же объ адвокатскихъ голосахъ и другихъ статьяхъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, наконецъ, правила объ отвѣтственности цензоровъ и вообще

лицъ, прикосновенныхъ къ дѣламъ о печати (типографщиновъ, книгопродавцевъ, разнощиковъ и т. д.).

Все это были постановленія новыя, соотвѣтствовавшія мысли адмирала Шишкова о необходимости положить предѣлъ неполнотѣ и неопредѣлительности стараго устава.

Затѣмъ, имѣя въ виду малочисленность лицъ, употребляемыхъ для цензурнаго дѣла и потому не могущихъ съ надлежащимъ вниманіемъ обнимать всю громаду издаваемыхъ книгъ, адмиралъ Шишковъ значительно увеличилъ штатъ. Такъ, наприм., въ С.-Петербургскомъ цензурномъ комитетѣ, переименованномъ въ Главный цензурный комитетъ, вмѣсто прежнихъ трехъ цензоровъ положено шесть; вмѣсто прежнихъ 1.200 р. оклада въ годъ цензора округовъ С.-Петербургскаго и Московскаго стали получать по 4.000 р., цензора прочихъ двухъ (т. е. Виленскаго и Дерптскаго) по 3.000 р. и т. д.

Одною изъ самыхъ главныхъ особенностей новаго цензурнаго устава было учрежденіе верховнаго цензурнаго комитета изъ трехъ только членовъ, а именно: министровъ народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и иностранныхъ дѣлъ. Комитетъ этотъ назначался, какъ сказано въ уставѣ, «для пособія министру народнаго просвѣщенія въ разрѣшеніи важнѣйшихъ по цензурѣ дѣлъ и высшаго руководства цензоровъ». Новое установленіе должно было имѣть въ виду три главныхъ задачи: заботиться о наукахъ и воспитаніи юношества, пешихъ о правахъ и внутренней безопасности и, наконецъ, «направлять общественное мнѣніе согласно съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства». Комитетъ ни съ кѣмъ не имѣлъ никакихъ сношеній, и дѣла поступали въ него не иначе, какъ или по высочайшему повелѣнію, или по назначенію министра народнаго просвѣщенія. Къ этому законъ прибавлялъ, что «окончательному разсмотрѣнію комитета подлежать дѣла по цензурѣ, требующія соображеній въ государственномъ видѣ, какъ по отношенію къ внутреннему устройству Россіи, такъ и внѣшнихъ ея сношеній», и съ этою цѣлію онъ не только наблюдалъ за дѣйствіями всего вообще цензурнаго вѣдомства и долженъ былъ составлять, ежегодно, наставленіе цензорамъ, всякій разъ вносимое на высочайшее утвержденіе, но еще имѣлъ, въ числѣ самыхъ главныхъ своихъ обязанностей, долгъ изыскивать средства «къ изытію изъ обращенія въ народѣ вредныхъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, сочиненій, если бы таковыя оказались въ числѣ изданныхъ до сего времени».

Мы видѣли выше, что Шишковъ въ своемъ докладѣ указывалъ на необходимость такого устава, который бы не отнималъ у сочинителей свободы писать и разсуждать, но, напротивъ, одобрялъ бы оную и пыталъ. Къ сожалѣнію, въ самомъ уставѣ не было и тѣни такихъ мѣръ,

которыя могли бы вести къ этой цѣли, а напротивъ, въ немъ встрѣчается не одно поставовленіе въ смыслѣ противномъ. Такъ, напримѣръ, по уставу 1804 года, если цензоръ находилъ въ представленной ему рукописи мѣста, противныя цензурнымъ постановленіямъ, то онъ обязанъ былъ (§ 16), отнюдь не дѣлая въ нихъ самъ собою никакихъ поправокъ (хотя бы даже дѣло шло о мѣстахъ, противныхъ закону Божию, правленію, нравственности и личной чести гражданина) и обозначивъ только такія, отсылать рукопись къ издателю, съ тѣмъ, чтобы тотъ самъ перемѣнилъ или исключилъ ихъ. Въ уставѣ 1826 года совсѣмъ другое. Тутъ цензору именно дано право (§ 60), «для сокращенія дѣлопроизводства», замѣнять самому одни слова другими, или вымарывать нѣкоторыя выраженія. Правда, законъ предоставлялъ издателю принять или не принять подобныя перемѣны, но такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ былъ жаловаться цензурному комитету, а тотъ представлять дѣло на усмотрѣніе министра, то все это вмѣстѣ образовывало такую цѣпь затрудненій и проволочекъ, которая давала весьма мало надежды на какой-либо успѣхъ. Съ другой стороны, точно также мало могла благоприятствовать «одобренію и питанію писателей» та статья новаго устава, которая простирала свою опеку и попечительность не только на содержаніе, но даже и на языкъ сочиненія. «Сочиненія и рукописи на языкѣ отечественномъ (§ 154), въ коихъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка, или которыя исполнены грамматическихъ погрѣшностей, не пропускаются къ печатанію безъ надлежащаго, со стороны сочинителей, или переводчиковъ, исправленія». Чистота языка дѣло такое условное, спорное и вполнѣ даже произвольное (особливо если мы вспомнимъ ту продолжительную и странную борьбу, которую самъ Шишковъ велъ противъ языка новѣйшихъ русскіхъ писателей), что, конечно, въ рукахъ цензора была вся власть притѣсненія, а на писателя ложились затрудненія и хлопоты, отбивавшія всю охоту издавать что-либо въ свѣтъ.

Въ уставѣ 1804 года были указаны, въ немногихъ словахъ, сочиненія, могущія подлежать частному измѣненію, или полному запрещенію: тутъ, устанавливалось только, что не должно быть пропускаемо «ничего противнаго закону Божию, правленію, нравственности и личной чести какого-либо гражданина». Новый уставъ находилъ такое указаніе слишкомъ лаконическимъ и недостаточнымъ для того времени, къ которому онъ относился: то, что могло еще быть пригоднымъ въ первыхъ годахъ настоящаго вѣка, являлось уже вполнѣ неудовлетворительнымъ четвертью столѣтія позже. Въ этотъ періодъ совершилось столько новыхъ событій, государственныхъ и общественныхъ отношенія на столько измѣнились, что надо было подумать о чемъ-нибудь болѣе разумномъ и опредѣленномъ въ цензурѣ, и въ этомъ отношеніи,

безъ сомнѣнія, новый уставъ былъ совершенно правъ, когда съ несравненно большею, противъ устава 1804 года, подробностью исчислялъ тѣ предметы, на которые новая цензура должна была обращать самое тщательное свое вниманіе. Но, вмѣстѣ съ этимъ, въ новомъ уставѣ предусмотрительность опеки простиралась уже такъ далеко, что загромождала печать стѣсненіями, можно сказать, на каждомъ шагу. Такъ, на примѣръ, въ новомъ уставѣ впервые было высказано то правило, что «статьи, касающіяся до государственнаго управленія, не могутъ быть напечатаны безъ согласія того министерства, о предметахъ коего въ нихъ разсуждается» (§ 141), «запрещенію подлежатъ сочиненія, въ которыхъ, для привлеченія къ какимъ-либо тайнымъ обществамъ довѣрія, ложно утверждается, что существовали они въ самой якобы глубокой древности», и къ этому разряду были тутъ же причислены сочиненія магическія, астрологическія и кабалистическія (§§ 145—146); далѣе запрещались: § 149: «творенія, гдѣ, подъ предлогомъ защиты или оправданія одного изъ иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣдавій, порицается другое»; а слѣдующимъ параграфомъ равнымъ образомъ запрещался пропускъ въ печать «всѣхъ вообще отрывковъ изъ поэмъ, повѣстей, романовъ, рѣчей, разсужденій, театральныхъ сочиненій и проч., не имѣющихъ полноты содержанія въ отношеніи къ нравственной, полезной, или по крайней мѣрѣ безвредной цѣли»; § 169: «всякія частныхъ людей предположенія о преобразованіи какихъ-либо частей государственнаго управленія, или измѣненія правъ и преимуществъ, Высочайше дарованныхъ разнымъ сословіямъ и состояніямъ государственнымъ, если предположенія сіи не одобрены еще правительствомъ»; § 170: «все противное обнаруженному началу Священнаго союза, его актамъ и постановленіямъ»; наконецъ, § 171: «разсужденія, гдѣ предлагаются неумѣстные совѣты и наставленія какому бы то ни было правительству».

Но всего замѣчательнѣе были особенности новаго устава въ отношеніи къ сочиненіямъ литературнымъ и научнымъ. Мнѣнія, понятія и требованія адмирала Шишкова выразились здѣсь съ наибольшою силою, и при томъ съ такою плодovitостью изложенія, что иногда законодательныя статьи превращались въ небольшіе трактаты, или, по крайней мѣрѣ, цѣлыя разсужденія. Такъ, на примѣръ, § 176 требовалъ отъ цензора, при пропускѣ произведеній словесности, чтобъ въ нихъ «сохранялась въ особенности чистая нравственность и не замѣнялась бы однѣми красотами воображенія»; § 178 говорилъ: «Если сочинитель, описывая послѣдовавшія въ разныхъ государствахъ противъ законной власти возмущенія, старается, прямо или косвенно, оправдывать виновниковъ оныхъ и закрывать происшедшія отъ того преступленія, ужасы и злосчастія цѣлыхъ народовъ; если всѣхъ сихъ горестныхъ послѣдствій не представляетъ въ спасительное поученіе современникамъ и потомкамъ, то

сочиненіе его, осуждаемое справедливостью и челоѣчествомъ, подвергается строгому запрещенію». § 179: «Таковому же жребію подвергается всякое историческое сочиненіе, въ которомъ посягатели на законную власть, пріавшіе справедливое по дѣламъ ихъ наказаніе, представляются какъ жертвы общественнаго блага, заслуживавшія лучшую участь». § 180: «Общая или частная исторія народовъ, а также историческіе отрывки и разсужденія, которыя по образу изложенія повѣствуемыхъ происшествій и по связи другихъ, приводимыхъ въ нихъ обстоятельствъ, обнаруживаютъ неблагопріятное расположеніе къ монархическому правленію, строго запрещаются». § 181: «Исторія не должна заключать въ себѣ произвольныхъ умствованій, которыя не принадлежатъ къ повѣствованію, и коихъ содержаніе противно правиламъ сего устава». § 190: «Что касается до дидактическихъ, умозрительныхъ сочиненій о правахъ и законахъ, заключающихъ въ себѣ теоріи о правѣ естественномъ, народномъ, гражданскомъ и уголовномъ, изложенныхъ въ видѣ метафизическихъ изысканій, то всякая вредная теорія, таковая, какъ, напри- мѣръ, о первобытномъ звѣрскомъ состояніи челоѣка, будто бы естественномъ, о мнимомъ составленіи первобытныхъ гражданскихъ обществъ посредствомъ договоровъ, о происхожденіи законной власти не отъ Бога и тому подобныя, отнюдь не должны быть одобряемы къ печатанію». § 192: «При разсмотрѣніи сочиненій о всѣхъ естественныхъ и медицинскихъ наукахъ, цензоръ обязанъ назначать къ исключенію всѣ произвольныя и бесполезныя отступленія, кои отвлекаютъ читателей и учащихъ отъ вещественнаго къ духовному, нравственному или гражданскому міру. Примѣчанія и переходы сіи обыкновенно доводятъ до заблужденія и ни мало не способствуютъ къ основательному изученію естественныхъ и медицинскихъ наукъ». § 193: «По отношенію къ медицинскимъ наукамъ, въ особенности наблюдать слѣдуетъ, чтобы вольнодумство и невѣріе не употребило нѣкоторыя изъ нихъ орудіями къ колебанію, или, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію въ умахъ людей неопытныхъ достовѣрности священнѣйшихъ для челоѣка истинъ, таковыхъ, какъ духовность души, внутреннюю его свободу и высшее опредѣленіе къ будущей жизни. А потому и поставляется въ обязанность цензоровъ, чтобы они тщательно отсѣкали въ разсматриваемыхъ ими сочиненіяхъ и переводахъ всякое къ тому покушеніе».

Сверхъ всего этого, заботливость Шишкова простиралась даже на такія мелочи, какъ книгопродавческіе каталоги и объявленія о новыхъ книгахъ, относительно которыхъ предписывалось цензору наблюдать по возможности, чтобъ приписываемыя имъ, т. е. объявляемымъ книгамъ, «похвалы не противорѣчили справедливости, дабы любители чтенія не могли быть чрезъ то приводимы къ неосновательному желанію пріобрѣтать книги, незаслуживающія ихъ вниманія» (§ 157).

Наконецъ, не излишне еще указать на § 138 устава, которымъ и навсегда лишился права издавать повременныя сочиненія, какъ самъ собою, такъ и въ товариществѣ съ другими, всякій издатель, которому однажды запрещено было издавать повременное изданіе.

Таковы главныя черты цензурнаго устава 1826 года, и, безъ сомнѣнія, трудно согласиться, чтобъ этотъ уставъ ободрялъ сочинителей и «не отнималъ у нихъ охоты писать». Не должно, впрочемъ, удивляться, что уставъ, сочиненный княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ и адмираломъ Шишковымъ, былъ утвержденъ императоромъ почти вслѣдъ за его вступленіемъ на престолъ, безъ всякаго измѣненія и безъ замѣчаній: затрудненія и заботы тогдашней тревожной эпохи легко объясняютъ то обстоятельство, что Николай I, довѣрясь монархической преданности и испытанной Александромъ I опытности Шишкова, утвердилъ проектъ, не поручивъ никому предварительно разсмотрѣть его. Послѣднимъ прибавить, что молодой императоръ не замедлилъ отступить отъ новаго своего закона тотчасъ же, какъ только ему доказана была его несостоятельность и несовершенство. Результатомъ этого было высочайшее повелѣніе составить новый уставъ, что повлекло за собою негодованіе автора и, наконецъ, выходъ его изъ министерства.

Любопытныя подробности этого дѣла извѣстны изъ разсказа самого Шишкова. Въ своихъ Запискахъ онъ говоритъ, что его цензурный уставъ былъ «оклеветанъ, и внушено государю императору, якобы уставъ сей содержалъ въ себѣ многія неприличныя нынѣшнимъ временамъ строгости, стѣсняющія свободу писателей и препятствующія распространенію и успѣхамъ просвѣщенія. Между тѣмъ какъ вольнодумство и самолюбіе старались сими толками благонамѣренность устава представить въ превратномъ видѣ, учрежденъ былъ изъ довѣренныхъ лицъ особый комитетъ, которому поручено было составить цензурный уставъ для иностранныхъ книгъ, но комитетъ сей, оставя порученное ему дѣло, принялся разсматривать и опорочивать изданный уже для російскихъ книгъ цензурный уставъ. Критика сія, весьма скудоумная, сочиненная, повидимому, сколько по вольнодумству, столько же по недостаточному о вещахъ свѣдѣнію, а можетъ быть и по злобѣ на меня, опровержена возраженіями предсѣдателя цензурнаго комитета, генераль-маіора Карбоньё и моими, въ особой тетради написанными. Я имѣлъ повелѣніе присутствовать въ семъ комитетѣ, но, видя въ немъ явное противъ меня возстаніе, или, лучше сказать, противъ правилъ моихъ, отвергающихъ революціонное французское правило свободнаго книгопечатанія, я отказался отъ того, считая, что въ письмѣ моемъ къ государю императору ¹⁾ все то сказано, что сказать надлежало, и что

¹⁾ Въ письмѣ своемъ отъ 12-го декабря 1826 года Шишковъ жаловался императору на клеветниковъ и порицателей его устава, и старался защитить

послѣ сего тщетно буду я убѣждать людей, раздраженныхъ моими словами, различнаго со мною образа мыслей, и столько же надѣющихся на свое уполномоченіе, сколько не обращающихъ ни малѣйшаго вниманія на представляемые имъ доказательства. По сей причинѣ просилъ я государя императора позволить присутствовать въ комитетѣ, вмѣсто меня, г. Карбоньѣ, донося при томъ, что я готовъ на всякую статью сочиняемаго ими новаго цензурнаго устава ствѣтствовать, дѣльно ли выкинута старая и полезна ли или нѣтъ вводимая ими новая статья. По нѣкоторыхъ о томъ преніяхъ прошло болѣе полугода въ совершенномъ молчаніи, комитетъ даже не собирався и ничего не дѣлалъ. Казалось, это отложено и предано забвенію, но вдругъ вышелъ указъ, по которому на мѣсто стараго цензурнаго устава учрежденъ новый. Скоро послѣ сего и я, по желанію моему, отъ министерства народнаго просвѣщенія уволенъ».

Новый уставъ, по разсмотрѣніи его въ Государственномъ Совѣтѣ, былъ высочайше утвержденъ 22-го апрѣля 1828 года и не далѣе какъ на другой день, т. е. 23-го апрѣля, адмиралъ Шишковъ уволенъ, по его прошенію отъ должности, «по преклонности лѣтъ и по разстроенному здоровью». Уставъ же республикованъ 17-го мая. Собственно для сохраненія внѣшняго приличія и чтобы не слишкомъ бросалась въ глаза столь внезапная отиѣна едва только вышедшаго устава 1826 г., въ указѣ, при которомъ изданъ былъ новый, приводились особенныя тому причины: «Соображеніе, — говорилось въ немъ, — дѣль, производимыхъ по цензурѣ, учрежденной для разсматриванія книгъ, внутри государства печатаемыхъ, съ дѣлами по цензурѣ книгъ иностранныхъ, показало необходимость соединить обѣ сія части, нынѣ въ вѣдѣніи двухъ разныхъ министерствъ состоящія, въ одно управленіе и дать оному въ руководство правила общія, изъ самаго существа цензуры извлеченныя.

«Обративъ на сіе особенное вниманіе... Мы повелѣли составить полный уставъ о цензурѣ, долженствующій замѣнить во всѣхъ частяхъ изданнаго до нынѣ по сему предмету узаконенія».

Новый уставъ измѣнилъ въ прежнемъ все: и цѣль цензуры, и ея образованіе, и данныя въ руководство ея дѣйствій правила, и самую внѣшность формы.

Въ отношеніи къ цѣли, цензура уже не поставлена судьбою достоинства или пользы разсматриваемаго сочиненія. Она только отвѣчаетъ на вопросъ: не вредна ли книга? И весь кругъ ея вѣдомства ограничивается простымъ, рѣшительнымъ на этотъ вопросъ отвѣтомъ.

его, доказывая, что онъ былъ самою вѣрною защитою вѣры, престола, отечества и частныхъ лицъ противъ демагогін, буйства, своемудрія и вольнодумства. Но это письмо осталось безъ отвѣта.

*

Въ отношеніи къ образованію, на мѣсто верховнаго цензурнаго комитета изъ министровъ, отвлекавшихся занятіями своихъ частей, учреждено Главное управленіе цензуры, составленное изъ людей специальныхъ, такъ что по этой части остались лишь двѣ инстанціи: упомянутое Главное управленіе и мѣстные цензурные комитеты.

Въ отношеніи къ образу дѣйствія, смѣсь мелкихъ и многословныхъ правилъ устава 1826 года замѣнена, по примѣру устава 1804 года и прежнихъ цензурныхъ правилъ, нѣсколькими общими, главными началами.

Наконецъ, въ отношеніи къ внѣшней формѣ, 230 параграфовъ устава 1826 года замѣнены всего 117-ю, такъ какъ изъ числа 158 параграфовъ новаго устава 40 посвящены были правиламъ объ иностранной цензурѣ, которыхъ прежній нисколько не касался.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XLII¹⁾.

Дѣйствія Левенштерна въ тылу непріятеля. — Возвращеніе маршалу Удино ящика съ захваченными крестами Почетнаго Легіона. — Поступокъ полковника Прендела. — Отправленіе захваченныхъ фургоновъ съ деньгами въ Берлинъ.

Я воспользовался своимъ кратковременнымъ пребываніемъ въ Зонненвальде, чтобы просмотрѣть письма и депеши, захваченныя у курьеровъ, и наиболѣе важныя изъ нихъ сохранилъ, съ намѣреніемъ передать ихъ генералу Винценгероде, остальные же отдалъ почтмейстеру, у котораго я остановился, приказавъ отослать ихъ черезъ сутки послѣ моего отъѣзда въ главную квартиру Удино.

Я оставилъ себѣ серебряный сервизъ и ящикъ съ краснымъ виномъ и тутъ же распилъ нѣсколько бутылокъ.

При письмахъ, которыя посылались на имя французскихъ офицеровъ, находилось нѣсколько свертковъ съ золотомъ, которое я также оставилъ себѣ, хотя мнѣ было немного совѣстно присвоить ихъ и лишить бѣдныхъ офицеровъ денежной помощи, которой они ожидали, быть можетъ, съ нетерпѣніемъ, но дѣлать было нечего, деньги эти перешли ко мнѣ въ карманъ; они меня нисколько не стѣсняли, такъ какъ это было золото, но и не доставили мнѣ никакого удовольствія; я былъ слишкомъ богатъ въ то время.

Приложивъ свою печать къ ящику съ крестами Почетнаго Легіона и патентами на нихъ, я передалъ его подъ росписку почтмейстеру, написалъ письмо маршалу Удино и приказалъ послать ему этотъ ящикъ, также черезъ сутки послѣ моего отъѣзда. Одинъ командорскій крестъ Почетнаго Легіона предназначался, сколько мнѣ помнится, саксонскому генералу барону Герсдорфу.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июль 1901 г.

Вотъ письмо, которое было написано мною маршалу Удино:

«Г. маршалъ! Счастье благопріятствовало мнѣ, и я нахожусь въ настоящее время на вашей коммуникаціонной линіи. Мнѣ удалось захватить ящикъ, содержащій 250 крестовъ Почетнаго Легіона съ патентами на нихъ, которые предназначались для доблестныхъ воиновъ, имѣющихъ честь служить подъ вашей командою. Не желая лишать ихъ справедливо заслуженной награды, честь имѣю препроводить ихъ вашему превосходительству. Доблестные воины возбуждаютъ симпатію во всякой арміи. Это поощреніе усугубитъ ревность вашихъ солдатъ, а это въ свою очередь увеличитъ славу тѣхъ, коимъ придется съ ними сражаться.

«Примите и проч. баронъ Левенштернъ, командующій летучимъ отрядомъ въ тылу французской арміи».

Зонненвальдъ, 20-го августа 1813.

Я не рѣшилъ еще окончательно, какой путь мнѣ слѣдовало избрать, чтобы присоединиться къ нашей арміи. Я имѣлъ обыкновеніе никогда никому не сообщать своихъ мыслей и плановъ. Всѣ окружающіе знали, что, сѣвъ на лошадь, я уже ни съ кѣмъ не разговариваю; направо, налево, прямо—были единственные слова, которые я произносилъ. Я требовалъ отъ подчиненныхъ безусловнаго, пассивнаго повиновенія, и мнѣ удавалось этого достигнуть своимъ отношеніемъ къ казакамъ: я раздѣлялъ съ ними всѣ лишенія и на bivуакѣ держалъ себя весело и непринужденно.

Забравъ на почтѣ всѣхъ лошадей, я приказалъ запретъ ихъ въ мои повозки двойное число; кромѣ того я забралъ всѣ телѣги, какія я только могъ достать, чтобы размѣстить въ нихъ илѣнныхъ.

Было необходимо обмануть мѣстныхъ жителей относительно того, въ какомъ направленіи я хотѣлъ идти со своимъ отрядомъ. Съ этой цѣлью, я заявилъ о своемъ намѣреніи догнать армію маршала Блюхера и двинулся по дорогѣ къ Лузаціи. Проѣхавъ съ версту по непроходимому лѣсу, такъ что жители не могли меня видѣть, я повернулъ вправо и, имѣя проводникомъ весьма толковаго лѣснаго стражника, выѣхалъ въ ту же ночь на большую дорогу между Зонненвальдомъ и Дрезденомъ. Я рѣшился вернуться тою же дорогою, по которой я ѣхалъ накануне, рассчитавъ, что непріятель будетъ искать меня всюду, кромѣ той дороги, по которой я прошелъ. Какъ опытный охотникъ, я поступилъ такъ, какъ дѣлаютъ старыя лисицы, преслѣдуемая сворою собакъ, которые нерѣдко поворачиваютъ обратно, чтобы вѣрнѣе скрыть свой слѣдъ.

Увеличивая постоянно число упряжныхъ лошадей и не жалѣя денегъ, я добрался, не имѣвъ ни одной стычки съ непріателемъ, до одной большой деревни, гдѣ я остановился на ночь.

Я боялся идти на Герцбергъ и Швейницъ, опасаясь, чтобы коменданты Торгау и Виттенберга не преградили мнѣ путь. Этотъ маршъ, занявшій 48 часовъ, удался какъ нельзя лучше, я не встрѣтилъ нигдѣ ни живой души. Я далъ своему отряду отдохнуть нѣсколько часовъ въ великолѣпномъ лѣсочкѣ и въ это время изготовилъ донесеніе, но не могъ послать его, не зная, свободна ли Ютербокская дорога.

Въ томъ пунктѣ, гдѣ мы находились, начинается равнина, простирающаяся до Ютербока. Непрiятель могъ примѣтить меня издалека и совершить какой угодно маневръ, въ особенности же могъ опредѣлить, какъ велики были силы, коими я располагалъ. Слѣдовательно, чтобы обмануть его, приходилось прибѣгнуть къ какой-либо хитрости.

Погода стояла жаркая, почва пересоха; я воспользовался этимъ, чтобы увеличить облако пыли, которое должно было скрыть отъ непрiятеля численность нашего маленькаго отряда. Я приказалъ связать пучки соломы, которыхъ казаки тащили за собою, привязавъ ихъ къ веревкѣ. Это подняло такую пыль, что не было возможности опредѣлить, состояла ли моя колонна изъ казаковъ или изъ регулярной кавалеріи; судя по протяженію, на которое тянулось облако пыли, можно было подумать, что колонна состояла изъ 4 или 5 тысячъ человекъ.

Чтобы еще лучше обмануть непрiятеля, я поставилъ впереди колонны лейбъ-гренадеръ, съ ихъ мѣховыми шапками, и остальныхъ плѣнныхъ, которые ѣхали позади облака пыли; если бы непрiятель приблизился довѣрчиво къ этой яко бы дружественной колоннѣ, то я воспользовался бы этимъ, чтобы застигнуть его врасплохъ; а если бы случилось, что намъ на встрѣчу попался одинъ изъ нашихъ отрядовъ, то я поспѣшилъ бы вывести его изъ заблужденія.

Я не выслалъ впередъ развѣдчиковъ и авангарда, полагаясь исключительно на свое зрѣніе. Фельдмаршалъ Барклай-де-Толли часто вспоминалъ, что въ то время какъ я состоялъ при немъ адъютантомъ, въ 1812 г., онъ чаще пользовался моими глазами, нежели своей превосходной зрительной трубой, которую императоръ оставилъ ему, уѣзжая въ Полоцкъ.

Маршъ, совершенный нами по этой высохшей равнинѣ, занялъ цѣлыхъ два дня; высланные къ намъ непрiателемъ развѣдчики, подошедши къ намъ слишкомъ близко, были окружены и взяты въ плѣнъ.

Наконецъ, я добрался до Ютербокскихъ высотъ и нагвалъ страхъ на полковника Пренделя, который принималъ насъ за непрiятельскую колонну. Я произвелъ тревогу по всей его линіи, и онъ, по своему обыкновенію, уже собрался отступать.

Я былъ несказанно радъ, увидавъ его казаковъ, съ которыми я тотчасъ вошелъ въ сношеніе при помощи сигналовъ, и поспѣшилъ по-

слать офицера, чтобы успокоить Пренделя и узнать названіе отряда, съ коимъ я соединился.

Съ этого момента для меня уже не было опасности; когда пыль наконецъ улеглась, то Прендель увидѣлъ къ своему величайшему изумленію, что онъ испугался призрака.

Я бодро дефилировалъ со своими плѣнными и повозками чрезъ Ютербокъ и сталъ позади его, чтобы дать отдохнуть моему отряду и написать донесеніе.

Я подмѣтилъ на лицѣ Пренделя неудовольствіе и зависть. Онъ зналъ, что я везу съ собою деньги, но ничего не спросилъ меня и сдѣлалъ видъ, что это ему неизвѣстно. Онъ совѣтовалъ мнѣ дать отдохнуть казакамъ, предложивъ взять на себя всѣ заботы о моей безопасности, разстановку ведетовъ и т. д. Я и самъ былъ бы не прочь отдохнуть, но, зная, что это былъ человѣкъ въ высшей степени хитрый, я недоумѣвалъ, какъ объяснить его предупредительность, и мнѣ пришло на умъ, что за этой кажущейся любезностью кроется какая-нибудь западня.

Я сталъ бивуакомъ въ разстояніи одной версты отъ него и былъ занятъ составленіемъ подробнаго донесенія о моихъ дѣйствіяхъ генералу Винценгероде и графу Орурку, какъ вдругъ ко мнѣ прискакалъ одинъ изъ офицеровъ Пренделя, служившій прежде подъ моимъ начальствомъ, и сообщилъ, что Прендель намѣренъ произвести ночью ложную тревогу, сдѣлать видъ, будто на него напалъ непріятель, броситься на мой бивуакъ и захватить во время переполоха ящики съ деньгами, чтобы приписать себѣ впоследствии заслугу, что онъ спасъ его отъ непріятели, и тѣмъ пріобрѣсти правъ на эти деньги при дѣлежѣ.

Предупрежденный такимъ образомъ, я успѣлъ принять мѣры и разстроить его гнусный планъ.

Прендель въ тотъ же вечеръ посѣтилъ меня, выпилъ стаканъ пунша и видѣлъ, что у меня были зажжены бивуачные огни. Я прикинулся спокойнымъ, но какъ только онъ уѣхалъ, я отослалъ мои повозки подъ прикрытіемъ полка Ребреева, за версту отъ лагеря, а самъ остался съ Поповымъ 13-мъ на бивуакѣ, приказавъ поддерживать какъ можно лучше огни.

Уѣзжая, Прендель замѣтилъ, гдѣ именно стояли фургоны, и даже просилъ меня показать ихъ. Послѣ его отъѣзда я велѣлъ поставить на то же мѣсто пустыя повозки, въ которыхъ были перевезены плѣнные и ихъ вещи.

Прощаясь со мною, Прендель пожелалъ мнѣ доброй ночи и прибавилъ:

— Отдыхайте спокойно эту ночь, ваши казаки нуждаются въ отдыхѣ; намъ нечего опасаться, такъ какъ мои развѣдчики возвратились, не встрѣтивъ непріятели.

Я сдѣлалъ видъ, что вѣрю его словамъ, и мы разстались; онъ, вѣроятно, посмѣивался надъ шуткой, которую собирался сыграть со мною, а я смѣялся въ душѣ надъ его алчностью и далъ себѣ слово не пощадить его на слѣдующій день.

Къ двѣнадцати часамъ ночи все было готово. Мое сокровище было спрятано въ надежномъ мѣстѣ, а я стоялъ верхомъ передъ полкомъ Попова. Въ два часа ночи, на бивуакѣ Пренделя послышались выстрѣлы изъ пистолета и адскій топотъ: прямо на мой бивуакъ неслось во весь опоръ человекъ 200 или 300 бугскихъ казаковъ, съ Пренделемъ во главѣ.

Завидѣвъ меня, онъ закричалъ мнѣ, чтобы я спасалъ повозки, такъ какъ непріятель напалъ на его позицію и преслѣдуетъ его по пятамъ.

— А я всажу вамъ пулю въ лобъ, если вы тотчасъ не остановитесь,—закричалъ я въ отвѣтъ.

Убѣдившись, что я не былъ расположенъ шутить, и что его планъ не удался, Прендель закричалъ казакамъ, чтобы они остановились, постарался собрать ихъ и сказалъ:

— Ну такъ, идемте съ нами и прогонимъ вмѣстѣ непріятеля!

— Вернитесь-ка въ свою кровать,—отвѣчалъ я, смѣясь, — я тоже лягу спать.

Такъ окончилась продѣлка, затѣянная этимъ выкредомъ.

На разсвѣтѣ я получилъ отъ главнокомандующаго приказаніе присоединиться къ корпусу генералъ-адъютанта Чернышева, такъ что Прендель избѣгнулъ моихъ насмѣшекъ, но его ночная экспедиція не осталась тайною; это былъ единственный подвигъ, коимъ онъ могъ похвастать во всю свою жизнь, и этотъ подвигъ навѣрно заставилъ бы его покраснѣть, если бы человекъ, исполнявшій всю жизнь обязанности шпіона, не утратилъ способности краснѣть за свои поступки.

Я никогда не могъ понять, почему генералъ Винценгероде благоволилъ къ нему. Единственною его заслугою было то, что онъ исполнялъ въ Вѣнѣ и Парижѣ обязанности шпіона и то не особенно удачно.

Это былъ человекъ совершенно необразованный, не имѣвшій никакихъ познаній; это отражалось, разумѣется, на свѣдѣніяхъ, которыя онъ сообщалъ, такъ какъ онъ не могъ дать имъ надлежащаго освѣщенія; онъ не говорилъ какъ слѣдуетъ ни на одномъ языкѣ и походилъ на тѣхъ странствующихъ тирольцевъ, которые торгуютъ канарейками. Онъ былъ дѣйствительно уроженецъ Тироля; въ силу этого, Винценгероде, вѣроятно, и покровительствовалъ ему какъ соотечественнику.

У Пренделя хватало смѣлости дѣлать такіа дѣла, за которыя ему грозила висѣлица, если это было выгодно ему въ матеріальномъ отношеніи, но онъ не могъ хладнокровно слышать свистъ пули.

За него долго исполнялъ всѣ обязанности его подчиненный полков-

никъ Чеченскій, человекъ замѣчательно храбрый, а Прендель ловко умѣлъ приписать всю заслугу себѣ.

Онъ былъ очень хитеръ, но его чисто-жидовская хитрость и изворотливость не подходила для человека военнаго, поэтому какъ только онъ поступилъ подъ начальство графа Воронцова, его роль бы сыграна. Послѣ Лейпцигскаго сраженія онъ былъ назначенъ комендантомъ г. Лейпцига.

Я повнакомился съ нимъ въ 1809 г. въ Галиціи, въ главной квартирѣ князя Сергѣя Голицына; онъ былъ тогда поручикомъ, но уже занимался шпионствомъ. Князь Голицынъ былъ доволенъ доставленными мною свѣдѣніями, попросилъ меня прочитать замѣтки Пренделя, проверить ихъ и сдѣлать по поводу ихъ свои замѣчанія. Просматривая эти замѣтки, я увидѣлъ, что онъ былъ совершенно неспособенъ разобратъся въ томъ, что ему говорили мѣстные жители, и не могъ отличить пустыхъ сплетенъ отъ необходимыхъ и полезныхъ свѣдѣній. Съ нимъ обходились такъ, какъ онъ того стоилъ; онъ никогда не удостоивался чести быть приглашеннымъ къ столу кн. Голицына и не былъ принятъ въ обществѣ молодыхъ офицеровъ, составлявшихъ штабъ этого генерала.

Можно себѣ представить поэтому мое изумленіе, когда я увидѣлъ его въ 1813 г. полковникомъ, командующимъ превосходнымъ отрядомъ, изъ трехъ казачьихъ полковъ, и убѣдился, что генералъ Винценгероде вѣрилъ въ него какъ въ оракула.

Благополучно избѣгнувъ опасности, я принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы мои повозки и фургоны не подверглись новой опасности, которая, какъ это ни покажется странно, могла угрожать намъ скорѣе въ дружественной средѣ, нежели въ тылу непріятельской арміи.

Такъ какъ эти тяжелые фургоны чрезвычайно стѣсняли дѣйствія легкой кавалеріи, то я рѣшилъ отправить ихъ въ Потсдамъ, а оттуда въ Берлинъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ уволить меня въ двухдневный отпускъ, чтобы самому съѣздить въ Берлинъ, гдѣ я хотѣлъ отдохнуть и вмѣстѣ съ тѣмъ принять необходимыя мѣры предосторожности относительно захваченныхъ мною денегъ.

Князь Сергѣй Волконскій, которому я писалъ объ этомъ, отвѣчалъ:

«Генералъ баронъ Винценгероде поручилъ мнѣ передать вамъ его желаніе, чтобы вы продолжали еще нѣсколько дней командовать вашимъ отрядомъ, но если состояніе вашего здоровья настоятельно требуетъ поѣздки въ Берлинъ, то передайте командованіе слѣдующему за вами въ чинѣ. Во всякомъ случаѣ, генералъ надѣется, что вы не оставите командованіе въ настоящую минуту, когда готовятся великія событія; генералъ не хочетъ и не можетъ обойтись безъ васъ и съ трудомъ могъ бы замѣнить васъ.

«Его превосходительство поручилъ мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразить вамъ его благодарность за блистательное исполненіе возложеннаго на васъ порученія.

«Что касается дальнѣйшихъ дѣйствій вашего отряда, то всё инструкціи, данныя генералу Чернышеву, касаются также и васъ».

Сколько я ни размышлялъ, не было возможности уѣхать. Съ одной стороны, надобно было оберегать золото и позаботиться объ обезпеченіи своей будущности, съ другой стороны, дѣло шло о славѣ и чести. Я хотѣлъ и долженъ былъ присутствовать при сраженіи. Поэтому, поручивъ охрану военной кассы подполковнику Барнекову, я далъ ему конвой изъ 50 казаковъ и положился на волю Провидѣнія.

Пройдя не болѣе версты, Барнековъ прислалъ сказать мнѣ, что его упряжныя лошади не въ силахъ болѣе тащить фургоны по пескамъ и онъ не ручается, что ему удастся достигнуть Потсдама, откуда начиналась шоссеиная дорога; кромѣ того въ четверти верстахъ отъ дороги, по которой онъ ѣхалъ, показался непріятель; словомъ, ему грозила величайшая опасность и предстояли непреодолимыя препятствія.

Я зналъ Барнекова за человѣка храбраго въ бою, но не подозрѣвалъ, что онъ могъ такъ быстро потерять голову при первомъ же затрудненіи. Поэтому я поспѣшилъ ему на помощь, съ однимъ полкомъ и, прогнавъ, по пути, изъ одной деревни два непріятельскихъ эскадрона, которые заняли ее, чтобы имѣть тамъ обсервационный постъ, я явился къ нему, какъ свѣтъ на голову, собралъ въ окрестныхъ деревняхъ крестьянскихъ лошадей и, пустивъ въ ходъ деньги и угрозы, приказалъ впречъ въ каждую повозку по 20 лошадей; дѣло пошло на ладъ.

Я сопровождалъ обозъ до большой дороги, которая идетъ въ Бѣлицы (Beliz), а затѣмъ поспѣшно возвратился на свой постъ и началъ тревожить непріятели, надѣясь, что если сраженіе будетъ проиграно нами, то Барнековъ счумѣетъ принять надлежащія мѣры, чтобы поспѣшно проѣхать черезъ Берлинъ и двинуться къ Шпандау.

Генералъ-адъютантъ Чернышевъ весьма любезно сообщилъ мнѣ о томъ, что мое сокровище благополучно миновало Бѣлицы, гдѣ находилась его главная квартира.

Всѣ диспозиціи, сдѣланныя шведскимъ королевскимъ принцемъ, свидѣтельствовали о томъ, что онъ намѣревался дать сраженіе маршалу Удино.

Мы были къ этому готовы. Мнѣ было приказано тревожить лѣвый флангъ непріятели и дѣйствовать совмѣстно съ генераломъ Чернышевымъ.

Мои фургоны съ деньгами были между тѣмъ далеко не въ безопасности, но я объ этомъ болѣе не думалъ.

XLIII.

Сраженіе при Гросбееренѣ.—Исторія фургоновъ.—Трагикомедія.

Въ сраженіи при Гросбееренѣ, маршалъ Удино былъ разбитъ союзными войсками; побѣда осталась за шведскимъ королевскимъ принцемъ, хотя онъ командовалъ войскомъ, съ которымъ не успѣлъ еще ознакомиться.

Берлинъ былъ спасенъ: эта проститутка, какъ называли ее прускіе генералы, вернулась къ добродѣтели. Генералы Бюловъ и Тауенцинъ покрыли себя славой.

Корпусъ Винценгероде и шведы не принимали почти никакого участія въ этомъ сраженіи; въ этотъ день дѣйствовали только отдѣльные отряды Чернышева, графа Оурка и мой отрядъ, взявшій въ плѣнъ нѣсколько сотъ человѣкъ и спасшій Люкенвальде отъ разграбленія. Вся честь побѣды принадлежала шведскому королевскому принцу и пруссакамъ.

Маршалъ Удино былъ вынужденъ отступить къ Виттенбергу и Торгау.

Лишь только я убѣдился въ нашей побѣдѣ и въ томъ, что нѣпріятельская армія начала отступать, я воспользовался позволеніемъ генерала Винценгероде съѣздить въ Берлинъ.

Я послалъ полкъ Ребреева къ прусскому генералу Гиршфельду. Въ моемъ распоряженіи остался только полкъ Попова, которому я приказалъ посылать донесенія генералу Чернышеву, а самъ уѣхалъ въ Берлинъ, чтобы устроить нѣкоторыя дѣла, безотлагательно требовавшія моего присутствія въ этомъ городѣ.

Пообѣдавъ по пути въ Бѣлицахъ у генерала Чернышева, я пріѣхалъ къ 9 часамъ вечера въ Потсдамъ и въ ту же ночь былъ въ Берлинѣ.

Мнѣ стоило немало труда розыскать маіора Барнекова: я объѣздилъ всѣ гостиницы и нашелъ его наконецъ въ гостиницѣ Чернаго Орла, на Дѣнковской площади, у нѣкоего г. Матѣе.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ въ чрезвычайномъ волненіи, какъ человѣкъ, котораго только-что постигло большое несчастье. Я былъ пораженъ. Трепеща за свои деньги, участь которыхъ все время озабочивала меня, когда я не былъ занятъ исполненіемъ своихъ обязанностей на полѣ битвы, я поспѣшно спросилъ его:

— Гдѣ фургоны?

— Благодаря Бога они еще здѣсь,—отвѣчалъ онъ,—но не на долго; я только-что получилъ отъ коменданта г. Берлина приказаніе препроводить ихъ къ нему завтра же, отдавъ ихъ на храненіе въ ордонанс-гаусъ.

— Только-то,—возразилъ я, въ восторгѣ, что я еще обладаю этимъ сокровищемъ. Посмотримъ,—продолжалъ я,—кто будетъ владѣть ими, тотъ ли, кто взялъ ихъ въ тылу французской арміи, или тѣ, кто хотятъ взять ихъ въ гостиницѣ Чернаго Орла.—Нельзя терять ни минуты. Кто владѣлецъ гостиницы?

— Французъ.

— Хорошо; съ нимъ можно будетъ столкнуться, онъ не прочь будетъ заработать кое-что, мы должны быть съ нимъ откровенны, позовите его сюда.

Появился г. Матѣ; это былъ толстенный, маленький, кругленькій человекъ съ веселымъ, честнымъ лицомъ.

— Хотите заработать 1.000 экю, г. Матѣ?

— Съ удовольствіемъ!

— Такъ слушайте; позаботьтесь о томъ, чтобы къ двумъ часамъ ночи вся ваша прислуга, до послѣдняго человека, легла спать; затѣмъ предоставьте въ мое распоряженіе уголокъ на чердакѣ или въ подвалѣ, гдѣ хотите, лишь бы уголокъ былъ укромный и дайте слово молчать о томъ, что вы увидите.

— Вы пугаете меня,—сказалъ Матѣ,—въ чемъ дѣло?

— Ничего особеннаго; черезъ сутки вы можете, если захотите, рассказать всему Берлину то, что вы видѣли.

— Извольте, даю слово молчать.

— Отлично, а я съ своей стороны даю вамъ слово, что завтра, въ десять часовъ вечера 1.000 экю будутъ у васъ въ карманѣ; вотъ 25 луидоровъ въ задатокъ.

Въ два часа ночи, убѣдившись въ томъ, что въ домѣ всѣ спали, Матѣ повелъ меня на чердакъ и указалъ на маленькій чуланчикъ, передъ которымъ висѣло для просушки бѣлье; я тотчасъ приказалъ казакамъ разгрузить мои фургоны и перенести боченки съ серебромъ въ указанное мѣсто. Мои молодцы работали усердно и успѣли перенести за ночь всѣ 75 боченковъ. Трудъ былъ не легкій, такъ какъ чердакъ находился въ четвертомъ этажѣ. Когда все было окончено, я приказалъ набрать на дворѣ кирпичей, дровъ, все, что можно было найти тяжелаго. Все это было набросано кое-какъ въ фургоны; привѣсивъ къ нимъ замки, ключи отъ коихъ передалъ мнѣ арестованный казначей, я приставилъ къ нимъ часовыхъ, какъ будто фургоны имѣли для меня необычайную важность, затѣмъ я съ аппетитомъ поужиналъ и спокойно легъ спать, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій.

Все, что я дѣлалъ по вдохновенію, оказывалось всегда удачно; читатель увидитъ далѣе, какъ хорошо, что я поступилъ именно такъ, не потому, чтобы я былъ виноватъ, присвоивъ себѣ эти деньги, которыя принадлежали мнѣ по праву, такъ какъ я завладѣлъ ими съ оружіемъ въ

рукахъ, но если бы эти деньги попали въ руки пруссаковъ, то мнѣ было бы трудно получить ихъ обратно, вотъ этихъ-то хлопотъ я и хотѣлъ избѣжать. Самое лучшее держать при себѣ то, что имѣешь.

На слѣдующій день ко мнѣ явился адъютантъ русскаго коменданта, генерала Ножина (Nogine), поручикъ баронъ Будбергъ. Онъ передалъ мнѣ отъ имени своего начальника, что генераль-губернаторъ Берлина, графъ Лестокъ, сдѣлалъ ему строгій выговоръ за то, что онъ допустилъ, чтобы военная касса находилась не подъ надзоромъ мѣстнаго начальства, и приказалъ немедленно исправить эту важную ошибку.

— О какой кассѣ говорите вы, г. адъютантъ?—спросилъ я.—Мнѣ кажется, что все это приснилось г. генераль-губернатору и г. коменданту. Я имѣлъ удовольствіе доставить жителямъ Берлина пріятное зрѣлище, пославъ сюда тысячу человекъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ великолѣпныхъ гренадеръ саксонской гвардіи. Это были первые плѣнные, взятые послѣ возобновленія военныхъ дѣйствій; я захватилъ, правда, еще нѣсколько курьеровъ и нѣсколько фургоновъ, но еще не имѣлъ времени взглянуть, что именно въ нихъ содержится. Какъ бы то ни было, эти фургоны принадлежатъ мнѣ; а осмотрю ихъ, когда буду имѣть время, и сдѣлаю съ ними, что захочу. Будьте такъ любезны, передайте г. коменданту слово въ слово все сказанное мною и попросите его оставить меня въ покоѣ, такъ какъ я очень нуждаюсь въ отдыхѣ.

Адъютантъ не хотѣлъ одаваться и имѣлъ неосторожность посоветовать мнѣ добровольно препроводить фургоны въ штабъ, говоря, что «генераль-губернаторъ не изъ тѣхъ людей, съ коими можно шутить».

— Я нисколько не шучу,—возразилъ я,—и говорю вполне серьезно. Позавтракайте со мною, мнѣ это будетъ весьма пріятно, но избавьте меня отъ своихъ совѣтовъ, въ которыхъ я вовсе не нуждаюсь; я ни съ кѣмъ не совѣтовался, когда атаковалъ французскій отрядъ и захватилъ обозъ, составляющій предметъ нашего разговора. Прошу васъ, баронъ, позавтракать со мною и прекратить этотъ разговоръ.

Адъютантъ, строго относившійся къ своимъ обязанностямъ, отказался отъ завтрака и уѣхалъ.

Вскорѣ явился самъ комендантъ и спросилъ меня, дѣйствительно ли я намѣренъ довести его до крайности.

— Исполняйте свой долгъ, генераль,—сказалъ я,—я исполнилъ свой.

Положеніе становилось съ каждымъ часомъ опаснѣе. Комендантъ уѣхалъ, чтобы переговорить съ графомъ Лестокомъ. Нельзя было терять присутствіе духа; дѣло принимало дурной оборотъ.

Предвидя возможность быть выданнымъ г. Матьѣ и предполагая, что въ домѣ могъ быть произведенъ обыскъ, я отправился къ одному маклеру, который взялся доставить мнѣ такое количество золота, какое

ему удастся собрать въ часъ. Прельщенный куртажемъ, который я ему общалъ, онъ дѣйствовалъ такъ проворно, что привезъ мнѣ очень скоро 5.000 лудоровъ и 3 тысячи дукатовъ и увезъ серебро въ боченкахъ на такую же сумму.

Я спряталъ это золото подъ матрасъ, въ надеждѣ, что мою постель постынутся обыскивать. Лишь только была окончена эта первая операція, какъ появился отрядъ пруссаковъ; къ моимъ фургонамъ были приставлены часовые, и гостиница была оцѣплена.

Я уже не могъ болѣе размѣнивать деньги; между тѣмъ народъ сталъ собираться на площади, передъ моимъ домомъ, недоумѣвая, чего хотять отъ меня, и полагая, что я совершилъ какое-нибудь преступленіе.

Я одѣлся не спѣша и отправился къ генералъ-губернатору съ жалобой на то, что со мною поступали такъ безцеремонно; я просилъ его объяснить, почему задерживаютъ мою собственность, и требовалъ удовлетворенія за нанесенное мнѣ оскорбленіе, ибо гостиница, въ которой я остановился, держалась въ осадномъ положеніи, тогда какъ я пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы поправить свое здоровіе, расшатанное трудами боевой жизни.

Графъ Лестокуъ принялъ меня крайне нелюбезно и сказалъ мнѣ чрезвычайно рѣзко:

— Какъ смѣли вы, милостивый государь, забравъ кассу, не препроводить ее немедленно въ штабъ? Знаете ли, милостивый государь, что за это офицера могутъ разжаловать?

— Я не знаю вашихъ законовъ, ваше превосходительство, но по нашимъ законамъ я правъ; этого съ меня довольно. Я не пришелъ просить милости, но удовлетворенія; меня болѣе всего удивляетъ, что ваше превосходительство ставите мнѣ въ вину, что я посмѣлъ отнять кассу у непріятели въ то время, какъ его королевское величество, вашъ монархъ, пожаловалъ мнѣ крестъ за военные заслуги, а его величество шведскій королевскій принцъ выразилъ мнѣ свое одобреніе въ этомъ приказѣ.

Я подалъ ему приказъ.

— Послѣ оскорбленія, нанесеннаго мнѣ вашимъ превосходительствомъ публично,—продолжалъ я,—я не достоинъ ни того, ни другаго.

Говоря это, я сорвалъ съ шеи крестъ и положилъ его на столъ вмѣстѣ съ дневнымъ приказомъ королевскаго принца, который я все еще держалъ въ рукѣ, присовокупивъ, что я возьму то и другое обратно только тогда, когда мнѣ будетъ дано блестящее удовлетвореніе за столь постыдное обращеніе, какому я подвергся въ Берлинѣ.

— Васъ тяготить, кажется, ваша шпага, — сказалъ генералъ-губернаторъ,—я прикажу посадить васъ подъ арестъ.

— Моя шпага поражала враговъ моего монарха, но если она мо-

жетъ доставить вамъ удовольствіе, то я отдаю ее вамъ—и съ этими словами я отстегнулъ ее отъ пояса.

— Не спѣшите,—сказалъ онъ,—оставьте ее при себѣ, ступайте и не отлучайтесь изъ дома до полученія отъ меня дальнѣйшихъ приказаній.

Я вышелъ, почтительно поклонившись и оставивъ на столѣ крестъ и бумаги.

Во мнѣ кипѣла кровь при мысли о томъ, какъ со мною поступили въ тотъ моментъ, когда берлинскія газеты, начальство и всѣ вообще восхваляли мой образъ дѣйствій и превозносили оказанныя мною услуги. Въмѣсто того чтобы отдохнуть, мнѣ приходилось воевать съ нашими союзниками, чтобы сохранить то, что было взято мною у непріятеля; мнѣ приходилось хладнокровно выслушивать, какъ такой почтенный генераль, какъ графъ Лестоку, говорилъ мнѣ: «вы грабите и разоряете нашу страну, справедливость требуетъ, чтобы и мы что-нибудь взяли отъ васъ». И это говорилось въ то время, когда мы вывели Пруссію изъ того ложнаго и унижительнаго положенія, въ какомъ она находилась. И это говорилъ тотъ самый Лестокъ, который такъ доблестно сражался при Эйлау съ остатками прусской арміи и нашелъ пріютъ въ нашей арміи послѣ пораженія при Іенѣ, Магдебургѣ, Любекѣ и т. д.

Я не напомнилъ ему объ этомъ, но затаилъ злобу въ своемъ сердцѣ. Значить, пруссаки уже не считали насъ освободителями, какъ до Люценскаго сраженія, а смотрѣли на насъ какъ на грабителей, и кто же говорилъ это? Генераль-губернаторъ Берлина! Этотъ взглядъ усвоили со временемъ весьма многія лица, при томъ въ разныхъ слояхъ общества.

Какъ только я вернулся въ гостиницу, ко мнѣ явился начальникъ штаба генерала Лестока съ требованіемъ передать ему ключи отъ фургоновъ, чтобы составить инвентарь ихъ содержимаго въ моемъ присутствіи.

Я засмѣялся и сказалъ:

— Передайте генералу Лестоку, что я прошу его поискать ключи тамъ, гдѣ я взялъ фургоны, т. е. между великой арміей Наполеона и арміей, находящейся подъ командою Удино. Въ минуту опасности я не могъ думать о ключахъ, къ тому же мнѣ не приходило въ голову, что мнѣ придется давать отчетъ генераль-губернатору Берлина.

Недовольный моимъ отвѣтомъ, начальникъ штаба отправился съ докладомъ къ графу Лестоку, который приказалъ снять караулъ отъ гостиницы и взять фургоны силою. Я этому не противился, да и не могъ бы этого сдѣлать, если бы хотѣлъ, но я этого именно не хотѣлъ, чтобы имѣть право посмѣяться надъ ними. Тѣмъ не менѣе для вида я протестовалъ, заявивъ, что у меня возьмутъ фургоны только силою.

Фургоны были взяты буквально приступомъ; генераль-губернаторъ

прислалъ сказать мнѣ, чтобы я явился къ нему въ штабъ, куда отвезли фургоны, чтобы присутствовать при ихъ вскрытіи и составленіи инвентаря.

Я отвѣчалъ, что если онъ требуетъ меня только для этого, то я не пойду въ штабъ, никто въ мірѣ не заставитъ меня быть свидѣтелемъ столь несправедливаго и самовольнаго поступка, ибо если въ фургонахъ находятся, какъ предполагаетъ генераль, деньги, то онѣ принадлежатъ мнѣ по праву, но это мнѣ не извѣстно, такъ какъ я былъ занятъ все время составленіемъ списка плѣнныхъ, который я имѣлъ честь представить ему, и разборкою денегъ и писемъ, взятыхъ у кабинетскихъ курьеровъ Наполеона; поэтому я не успѣлъ осмотрѣть содержимое фургоновъ, въ которыхъ можетъ находиться серебро такъ же точно, какъ тамъ могутъ быть сапоги и штаны.

Какъ только фургоны были увезены и караулъ снятъ, я тотчасъ занялся вновь размѣною серебра на золотую монету и, не бывъ Ротшильдомъ, или Штиглицомъ, установилъ въ тотъ день курсъ на золото.

Алчность прусскихъ властей была такъ велика и они были такъ твердо увѣрены въ томъ, что мои сокровища находились еще въ фургонахъ, что имъ и въ умъ не пришло сдѣлать у меня обыскъ.

Между тѣмъ, не теряя времени, я послалъ курьера къ генералу Винценгероде, находившемуся въ Тельтовѣ, и написалъ князю Сергѣю Волконскому, пользовавшемуся его полнымъ довѣріемъ, передавъ ему все случившееся со мною. Я просилъ князя Волконскаго поспѣшить въ Берлинъ, чтобы спасти меня изъ когтей генерала Лестока и его штаба и дать мнѣ полное удовлетвореніе. Но пока пріѣхалъ бы князь Волконскій или кто-нибудь посланный генераломъ Винценгероде, мнѣ приходилось бороться одному.

Узнавъ о моемъ отказѣ присутствовать при вскрытіи фургоновъ и дать ключи, генераль-губернаторъ велѣлъ разломать фургоны топоромъ.

Приближалась развязка этой комедіи; заключительная ея сцена обѣщала быть столь же смѣхотворной, сколь несправедливы были требованія, предъявленныя мнѣ властями города Берлина.

Весь штабъ былъ въ полномъ сборѣ, чтобы присутствовать при составленіи протокола. Надѣвъ на носъ очки, заложивъ перо за ухо, аудиторъ собирался писать. Удары топора учащались, наконецъ, крышка одного изъ фургоновъ отлетѣла. Всѣ присутствующіе кинулись къ нему, чтобы взглянуть хотя однимъ глазомъ на столь желанное золото. О ужасъ, о изумленіе! Въ фургонѣ оказались только кирпичи, камни, солома и куски дерева. Тогда кинулись ко второму фургону, стали ломать его съ такою же яростью, даже съ еще большимъ остервенѣніемъ. Въ немъ оказалось то же самое! Третій фургонъ былъ взломанъ съ большимъ хладнокровіемъ; всѣ уже начали подозрѣвать истину.

Я при этомъ не присутствовалъ, какъ я уже сказалъ, но лица, видѣвшія эту сцену, передавали мнѣ, что было преинтересно видѣть, какъ всѣ эти штабные офицеры овѣмѣли отъ изумленія, переглянулись, ни слова не говоря, и разошлись съ вытянутыми лицами, одни—раскраснѣвшись отъ досады, другіе—поблѣднѣвъ отъ стыда.

Слухъ объ этомъ приключеніи разнесся вскорѣ по городу. Всѣ были за меня, объ этомъ говорили и въ салонахъ принца Фердинанда и супруги принца Вильгельма, гдѣ я удостоился на слѣдующій день весьма любезнаго приѣма. Когда же я появился вечеромъ въ большой ложѣ, предназначенной для иностранцевъ, то публика выказала мнѣ знаками свое сочувствіе.

Вскорѣ пріѣхалъ князь Сергій Волконскій, посланный генераломъ Винценгероде съ грознымъ письмомъ къ графу Лестоку.

Генералъ Винценгероде возлагалъ на генераль-губернатора отвѣтственность за оскорбленіе, нанесенное офицеру, только-что отличившемуся блистательнымъ образомъ на полѣ битвы.

Вручая это письмо графу Лестоку, князь Волконскій говорилъ такъ горячо и такъ хорошо разъяснилъ ему, какія серьезныя послѣдствія могъ имѣть его самовольный поступокъ по отношенію меня, что Лестокъ, на зная, что дѣлать, просилъ его уладить это дѣло, сказавъ, что онъ готовъ дать мнѣ письменное удовлетвореніе. Онъ присовокупилъ, что онъ былъ обманутъ русскимъ комендантомъ, генераломъ Ножинымъ, который былъ всему виною.

Ножинъ былъ тотчасъ смѣщенъ и только по моему настоянію получилъ другое назначеніе.

Генераль-губернаторъ написалъ мнѣ слѣдующее письмо:

«Препровождаю при семъ вашему высокоблагородію оставленные у меня предметы и радуюсь тому, что происшедшее между нами недоразумѣніе (*differend*), возникшее, впрочемъ, не по моей винѣ, окончательно выяснилось.

«Примите, г. полковникъ, увѣреніе и пр. Лестокъ».

Берлинъ 26-го августа 1813 г.

Одержавъ побѣду, я не чувствовалъ уже ни малѣйшей злобы ни противъ графа Лестока, ни противъ русскаго коменданта, который явился ко мнѣ съ извиненіемъ. Мы распилъ съ нимъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго и, чтобы доказать ему, что все мною забыто, я одолжилъ ему нѣсколько тысячъ рублей, въ которыхъ онъ нуждался, чтобы вступить въ бракъ.

Если онъ позабылъ возвратить ихъ мнѣ, это его дѣло; не онъ первый, не онъ послѣдній.

XLIII.

Приемъ у шведскаго королевскаго принца.—Сцена съ генераломъ Винценгероде.—Примиреніе.—Графъ Воронцовъ.—Чернышевъ.—Князь Кудашевъ.

Побѣда, одержанная нами при Гросбееренѣ, у самыхъ, такъ сказать, воротъ Берлина, дала моимъ друзьямъ возможность пріѣхать въ этотъ городъ, чтобы выразить мнѣ участіе по поводу моихъ удачъ.

Въ числѣ этихъ лицъ были Левъ Нарышкинъ, баронъ Паленъ, князь Сергій Волконскій, Пашковъ, князь Лопухинъ, Ржевскій, Панкратьевъ и нѣкоторые другіе.

Я провелъ въ Берлинѣ шесть дней, ни въ чемъ не отказывая себѣ. Уходя изъ дома по утру, я бралъ въ карманъ горсть дукаатовъ и успокоивался только, истративъ ихъ до одного.

Письмо, полученное мною отъ князя Сергія Волконскаго, положило конецъ этой разсѣянной жизни. Онъ писалъ, что я нуженъ генералу Винценгероде и что онъ недоволенъ моимъ продолжительнымъ пребываніемъ въ Берлинѣ.

Прибывъ вечеромъ въ Потсдамъ, я заболѣлъ лихорадкою и, несмотря на это, отправился на слѣдующій день въ Трейенбризенъ, гдѣ находилась главная квартира шведскаго королевскаго принца.

Я немедленно явился ему. Обо мнѣ доложилъ графъ Левенгельмъ, съ которымъ я былъ знакомъ въ Петербургѣ. Было уже семь часовъ вечера. Принцъ принялъ меня очень любезно въ постели, на которой онъ имѣлъ обыкновеніе лежать какъ можно больше, такъ какъ горизонтальное положеніе было ему полезно.

Онъ похвалялъ меня за блестящія дѣйствія, коими я началъ эту кампанію, и высказалъ надежду, что я окончу ее не менѣе блистательно.

Я имѣлъ несказанное удовольствіе встрѣтить у него нашего посланника, добраго и прекраснаго генерала Сухтелена, и моего друга, князя Кудашева, только-что пріѣхавшаго изъ арміи.

Этотъ молодой храбрый генералъ точно такъ же, какъ и я, смѣло проѣхалъ по всей коммуникаціонной линіи непріятели, но только позади Дрездена по ту сторону Эльбы, такъ что ему пришлось переплыть рѣку. Онъ привезъ намъ извѣстія изъ главной арміи, которая выступила изъ Богеміи, имѣя во главѣ императора и короля прусскаго.

Мнѣ было очень интересно увидѣться съ нимъ, такъ какъ мнѣ предстояло совершить подобную же экспедицію. Я долженъ былъ доставить императору извѣстія о положеніи нашей арміи, поэтому я спѣшилъ въ главную квартиру барона Винценгероде, чтобы получить отъ него надлежащія инструкціи.

Но происшедшая между мною и генераломъ Винценгероде прене-
пріятная и совершенно неожиданная сцена заставила отложить мою
командировку, которая состоялась нѣсколько дней позднѣе. Я понялъ,
что во мнѣ нуждались, и это придало мнѣ нравственную силу, которая
была мнѣ необходима для исполненія всѣхъ возлагавшихся на меня
порученій.

Я уѣхалъ изъ Трейенбризена, осыпанный милостями шведскаго ко-
ролевскаго принца, и вскорѣ былъ въ главной квартирѣ барона Вин-
ценгероде.

Мнѣ вышли на встрѣчу Левъ Нарышкинъ и князь Сергѣй Волкон-
скій, относившіеся ко мнѣ всегда дружелюбно. Они предупредили, что
главнокомандующій былъ взбѣшенъ противъ меня.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я. Я нечего не боюсь, у меня совѣсть
чиста, и я вошелъ въ кабинетъ барона Винценгероде, твердо рѣшивъ
постоять за себя.

У него было много посѣтителей, онъ ходилъ большими шагами взадъ
и впередъ по залу, красный, какъ ракъ, и сдѣлалъ видъ, что не замѣ-
чаетъ меня, не отвѣтилъ на мой поклонъ и продолжалъ говорить со сво-
имъ начальникомъ штаба, генераломъ Ренни. Я не трогался съ мѣста
и стоялъ, опираясь на саблю, твердо и рѣшительно, готовясь выдержать
предстоящую грозу.

Вдругъ, главнокомандующій быстро повернулся ко мнѣ и сказалъ
съ живостью:

— Что вы дѣлали такъ долго въ Берлинѣ?

— Я полагаю, это извѣстно вашему превосходительству, такъ какъ
я отправился туда съ вашего разрѣшенія.

— Почему вы не донесли мнѣ о томъ, что вами взята у непріятели
денежная касса?

— Я посылалъ объ этомъ донесеніе вашему превосходительству и
весьма сожалѣю, если оно не было получено вами; росписка въ отпра-
вленіи его находится у меня въ карманѣ.

— Я не получалъ его; это позоръ, что я, главнокомандующій, узнаю
о дѣйствіяхъ моихъ офицеровъ отъ шведскаго королевскаго принца.
Какъ осмѣлились вы донести объ этомъ непосредственно самому его
королевскому высочеству?

— Слова вашего превосходительства показываютъ, что вами по-
лучены невѣрные свѣдѣнія. Я послалъ донесеніе только вашему прево-
сходительству и генералу графу Оурку и никогда въ жизни не писалъ
шведскому принцу.

— А между тѣмъ самъ принцъ разсказалъ о вашихъ послѣднихъ
подвигахъ моему адъютанту Ржевскому, поручивъ ему поздравить
меня.

— Позвольте мнѣ замѣтить, ваше превосходительство, что слова королевскаго принца говорятъ въ мою пользу, а отнюдь не противъ меня. По всей вѣроятности, слухъ о моей экспедиціи дошелъ до королевскаго принца; мнѣ было пріятно, чтобы его высочество услыхалъ объ этомъ отъ васъ, ваше превосходительство, но кажется, я не могу на это надѣяться.

— Вы позволяете себѣ говорить дерзости.

— Никоемъ образомъ, ваше превосходительство; я осмѣлился только сказать слово въ свою защиту, тѣмъ болѣе, что я незаслуженно подвергаюсь обвиненію.

Генераль, человекъ очень вспыльчивый, не могъ успокоиться. Обратившись уже не ко мнѣ, а ко всѣмъ присутствующимъ, онъ повторилъ:

— Какъ осмѣлиться не донести мнѣ; это преступленіе, заслуживающее наказанія, я не оставляю это такъ.

И, обратясь ко мнѣ, онъ присовокупилъ:

— Вы злоупотребили моимъ довѣріемъ, я велю посадить васъ подъ арестъ, отдамъ васъ подъ судъ.

— Ваше превосходительство, вы вольны поступить, какъ желаете. Я никогда не злоупотреблялъ довѣріемъ, коимъ вы удостоили меня, и нынѣ заслуживаю этого довѣрія болѣе, чѣмъ когда-либо. Я покоряюсь своей участи, я не избалованъ судьбою, но я замѣчу вашему превосходительству, что тому, кто жертвуетъ жизнью и здоровьемъ, служа его величеству, нашему монарху, не особенно пріятно видѣть, что его труды такъ вознаграждаются.

— Вы смѣете еще рассуждать!—вскричалъ генераль, чуть не кидаясь на меня.

— Когда же мнѣ и высказать свое мнѣніе, ваше превосходительство, какъ не въ тотъ моментъ, когда надо мною тяготѣетъ столь несправедливое обвиненіе?

— Если бы вы мнѣ написали, я выхлопоталъ бы вамъ награду; а теперь я отдамъ васъ подъ судъ!

— Вашему превосходительству лучше всѣхъ извѣстно, что я не привыкъ получать награды. Я служу, исполняю свой долгъ ради своего собственнаго удовлетворенія; мои подчиненные, которымъ придется, быть можетъ, отъ этого потергѣть, скоро утѣшатся, такъ какъ я имѣю возможность смягчить ихъ горе.

Я вывелъ генерала изъ себя. Я отступилъ на нѣсколько шаговъ, показывая этимъ, что я не имѣю болѣе ничего сказать. Произнести еще хотя одно слово было бы дерзостью съ моей стороны.

Я не могъ себѣ представить, чѣмъ окончится вся эта исторія, и какимъ образомъ мнѣ удастся убѣдить генерала Винценгероде въ томъ, что я не былъ виновенъ и что я не писалъ шведскому королевскому принцу; допустивъ даже, что принцъ далъ бы мнѣ письменное удосто-

вѣреніе въ томъ, что онъ не получалъ отъ меня никакого донесенія, генераль Винценгероде никогда этому не повѣрилъ бы.

Я не рѣдко выказывалъ присутствіе духа въ тѣхъ случаяхъ, когда многіе потеряли бы голову, но никто не въ состояніи оградиться отъ черепицы, которая случайно свалится на голову.

Итакъ, я стоялъ въ почтительной позѣ среди толпы, наполнявшей зало, ожидая, чѣмъ разразится обрушившаяся на меня буря.

Въ этотъ моментъ явился ординарецъ шведскаго королевскаго принца, который приглашалъ генерала къ себѣ.

Я удалился, донельзя огорченный тѣмъ, что со мною такъ грубо обошелся генераль, даже не русскій по происхожденію и неоднократно мѣнявшій австрійскій мундиръ на нашъ.

Нѣсколько успокоившись, я сталъ думать, что дѣлать дальше; продолжать службу въ этомъ корпусѣ, очевидно, было невозможно; тутъ моя пѣсенка была спѣта.

Я рѣшилъ оправиться къ главнокомандующему русской арміи, Барклаю де-Толли, въ штабѣ коего я все еще числился и который относился ко мнѣ всегда очень благосклонно.

Принявъ это рѣшеніе, я окончательно успокоился и приказалъ подать себѣ завтракъ. Въ эту минуту вошли ко мнѣ князь Сергѣй Волконскій и Левъ Нарышкинъ. Я подумалъ, что они пришли утѣшать меня, но Волконскій сказалъ: «Вы опять уѣзжаете?»

— Да,—отвѣтилъ я,—въ главную квартиру.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—вотъ приказъ генерала Винценгероде; вамъ приказано снова принять начальство надъ вашимъ отрядомъ и отправиться немедленно къ графу Воронцову, командующему авангардомъ.

— Какимъ образомъ совершилось это чудо!—воскликнулъ я.

Волконскій рассказалъ мнѣ, что когда я вышелъ, то генераль Винценгероде спросилъ своего начальника штаба и князя Волконскаго, не попало ли мое донесеніе случайно въ его канцелярію, въ которой царствовалъ настоящій хаосъ, какъ это могутъ засвидѣтельствовать всѣ служившіе въ корпусѣ Винценгероде.

Когда эти господа отвѣчали отрицательно, то мои пріятели князь Лопухинъ и камергеръ Петерсонъ, видя, что генераль Винценгероде нѣсколько успокоился, осмѣлились напомнить ему, что онъ дѣйстви-тельно получилъ отъ меня донесеніе въ тотъ моментъ, когда онъ сѣлся на лошадь, чтобы присутствовать въ сраженіи при Гросбееренѣ, и что онъ спряталъ его, не читая и даже не распечатывая, въ карманъ своего мундира.

Онъ тотчасъ приказалъ подать мундиръ и нашелъ въ немъ мое донесеніе нераспечатаннымъ.

Такъ какъ это былъ человѣкъ честный, то онъ поспѣшилъ испра-

вить свою ошибку и, уѣзжая съ королевскому принцу, поручилъ князю Волконскому извѣстить меня объ этомъ.

Итакъ все окончилось благополучно; на начальство не полагается сердиться; къ тому же моя честь была восстановлена публично, и никто не могъ сомнѣваться въ моей правотѣ.

Передъ тѣмъ какъ уѣхать, я отправился къ генералу Винценгероде, который уже находился при шведскомъ королевскомъ принцѣ.

Я засталъ ихъ возлѣ вѣтреной мельницы, откуда вся окрестная мѣстность была видна, какъ на ладони. Оба генерала сошли съ лошади, и принцъ объяснялъ Винценгероде диспозицію войскъ для сраженія при Деневицѣ, которое произошло два дня спустя.

Выслушавъ словесныя приказанія генерала, я поспѣшилъ къ графу Воронцову.

Мнѣ пришлось первый разъ служить съ этимъ молодымъ генераломъ, съ коимъ судьба не сталкивала меня ранѣе. Онъ жилъ на какой-то фермѣ и былъ такъ же простъ въ обращеніи, какъ блестящъ на полѣ битвы. При немъ состояли графъ Оруркъ и генераль Александръ Бенкендорфъ.

Графъ Воронцовъ зналъ меня только по слухамъ, но, повидимому, былъ доволенъ имѣть меня подъ своимъ начальствомъ. Я далъ себѣ слово оправдать его довѣріе.

Я пробылъ у него не болѣе четверти часа, такъ какъ онъ приказалъ мнѣ тотчасъ принять начальство надъ моимъ бывшимъ отрядомъ, коимъ командовалъ временно генераль Рылѣвъ, который, по словамъ графа Воронцова, постоянно терялъ непріятели изъ вида.

Я тотчасъ отправился къ Рылѣву, передалъ ему приказаніе Воронцова и, оставивъ его одного на бивуакѣ, два часа спустя сообщилъ уже графу Воронцову извѣстія о непріятельской арміи. При этомъ я przeprowadилъ къ нему 50 конныхъ егерей, взятыхъ мною въ плѣнъ.

Графъ Воронцовъ былъ въ восторгѣ и приказалъ мнѣ отправиться въ Косвигъ, на Эльбѣ, къ генералу Чернышеву, который долженъ былъ дать мнѣ дальнѣйшія инструкціи.

Я уѣхалъ, успѣвъ предварительно увѣдомить графа Воронцова о франговомъ движеніи, которое совершалъ маршаль Ней, слѣдовавшій по направленію къ Ютербоку.

Пыль, оказавшая мнѣ такое содѣйствіе во время моей экспедиціи въ тылу французской арміи, помогла мнѣ и въ этомъ случаѣ; по облаку пыли, которое вздымалъ непріятель, я могъ вывести заключеніе о численности колоннъ, двигавшихся въ этомъ направленіи, и вполне точно опредѣлить, въ какомъ именно направленіи онѣ двигались.

Генераль Чернышевъ далъ мнѣ слѣдующее письменное приказаніе:
«Вслѣдствіе приказанія, полученнаго мною отъ его превосходитель-

ства генерала барона Винценгероде, согласно инструкціи его королевскаго высочества принца шведскаго, вы должны отправиться со всевозможною поспѣшностью на лѣвый берегъ Эльбы, чтобы потревожить непріятеля, взять контрибуцію съ жителей, овладѣть скотомъ и доставить извѣстія въ главную квартиру, пройдя черезъ непріятельскую армію.

«Что касается контрибуціи, то вы должны вести точный списокъ всего вами забраннаго и донести объ этомъ какъ можно скорѣе, такъ какъ все должно быть взято за счетъ арміи.

«Предлагаю вамъ поэтому сообразоваться съ данными вамъ инструкціями и исполнить такимъ образомъ желаніе его королевскаго высочества и его превосходительства барона Винценгероде; предупреждаю васъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что вы одни будете отвѣтственны въ томъ, ежели эти приказанія не будутъ въ точности выполнены. Какъ только вамъ удастся войти въ сношеніе съ аванпостами главной арміи, вы пошлите къ главнокомандующему донесеніе о состояніи нашихъ войскъ, которое должно быть вамъ хорошо извѣстно, такъ какъ вы только-что видѣли генерала Винценгероде, который, вѣроятно, говорилъ съ вами объ этомъ. По установленіи сношеній съ главной арміей, вы тотчасъ пришлите мнѣ опытнаго офицера съ 50 солдатами, который сообщитъ мнѣ о положеніи, въ которомъ находится главная армія.

«Вы предпшнете этому офицеру соблюдать на обратномъ пути всѣ предосторожности, какія будутъ приняты вами при слѣдованіи туда».

Перлеридъ, близъ Виттенберга, 5-го сентября 1813 г.

Прочитавъ внимательно эту инструкцію, я замѣтилъ, что такъ какъ порученіе, возлагаемое на меня, имѣетъ тройную цѣль: 1) взять контрибуцію; 2) потревожить непріятеля и 3) доставить извѣстіе въ главную армію, то это взаимно противорѣчитъ одно другому, ибо самая важная цѣль—пробраться къ главной арміи—требуетъ соблюденія величайшей тайны и величайшей быстроты движеній и не можетъ быть достигнута, если страна будетъ обложена контрибуціей и если я буду тревожить непріятеля.

— Я понимаю,—отвѣчалъ генералъ Чернышевъ,—что вамъ придется преодолѣть большія трудности, но я не могу измѣнить инструкцій; я передалъ ихъ вамъ буквально въ томъ видѣ, какъ онѣ даны мнѣ королевскимъ принцемъ и генераломъ Винценгероде.

— Попробуемъ,—отвѣчалъ я;—постараюсь сдѣлать все, что можно, но на нѣтъ и суда нѣтъ.

Однако, я твердо рѣшилъ прежде всего достигнуть главной арміи и заняться контрибуціей, какъ дѣломъ второстепеннымъ.

Но она интересовала, повидимому, генерала Винценгероде болѣе всего, такъ какъ едва я успѣлъ пріѣхать въ Косвигъ, какъ онъ пред-

писалъ мнѣ снова собрать какъ можно болѣе контрибуціи и захватить въ особенности какъ можно болѣе скота, водки и овса.

Всякій, кому приходилось вести партизанскую войну, легко пойметъ, какъ стѣснительно было это предписаніе и какъ несомнѣстимы были подобнаго рода приказанія съ главной цѣлью возложеннаго на меня порученія: либо я долженъ былъ, съ быстротою молніи, доставить императору свѣдѣнія о нашей арміи, въ такомъ случаѣ я не могъ быть поставщикомъ свѣстныхъ припасовъ; либо императоръ не нуждался въ моихъ свѣдѣніяхъ, въ такомъ случаѣ я могъ заняться сборомъ контрибуціи.

Тотъ, кому поручается дѣйствовать на коммуникаціонной линіи непріятели и въ его тылу, долженъ прежде всего заручиться симпатіями мѣстныхъ жителей. А можно ли этого достигнуть, облагая ихъ реквизиціями! Дѣйствуя такимъ образомъ, не достигнешь цѣли, а только потеряешь время.

Къ счастью, я былъ выведенъ изъ затруднительнаго положенія прибытіемъ адъютанта генерала Чернышева, который пріѣхалъ въ ту же ночь и передалъ мнѣ приказаніе повременить съ моей экспедиціей и отправиться немедленно къ Чернышеву въ Виттенбергъ. Это приказаніе было вызвано пріѣздомъ изъ главной арміи князя Кудашева.

Этому храброму молодому генералу не суждено было возвратиться къ своимъ пенатамъ, онъ заплатился жизнью за свою храбрость.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О непечатаніи масонскихъ пѣсней и другихъ сочиненій.

Отношеніе кн. А. Н. Голицына управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

29-го іюня 1821 г. № 1964.

Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы масонскія пѣсни и другія сочиненія, какъ произведенія такого сословія, которое не имѣетъ никакого явнаго характера, и никакими открытыми постановленіями и правилами въ государствѣ не дозволено къ существованію, вовсе печатаемы не были, а цензурные комитеты не дозволяли бѣ къ напечатанію пѣсней таковыхъ и другихъ сочиненій, хотя бы на нихъ и не означалось того, что они издаются отъ масонскихъ обществъ, коль скоро, по содержанію ихъ, довольно примѣтно, что они принадлежатъ къ симъ обществамъ.

О таковой високомонаршей волѣ предложивъ цензурнымъ комитетамъ къ надлежащему исполненію, честь имѣю сообщить о томъ къ свѣдѣнію вашего сіятельства, по главному начальству вашему надъ всѣми типографіями въ государствѣ.

Изъ архива И. Е. Великопольскаго ¹⁾.

24.

М. Я. Мудровъ—доктору Энегольму ²⁾.

26-го января 1880 г. Вильна ³⁾.

Среди жалкихъ остатковъ моей библіотеки я нашель, наконецъ, сокровище, ничтожное для васъ, милостивый государь: ибо самое-то сокровище, накопленное благодаря опытности на поляхъ сраженій, находится въ васъ самихъ. Да возвратить вамъ Милосердный Богъ зрѣніе!

Читайте эту книгу и работайте; потому что все то, что вы дѣлаете, вы дѣлаете для меня. Какое для меня счастье въ томъ, что я нашель въ васъ такую же любовь къ военной медицинѣ, что и во мнѣ, но усовершенствованную продолжительнымъ опытомъ.

Для всякаго другого я пожалѣлъ бы сообщать книга, подобныя этой; но что касается васъ,—то и я, и книги мои—всѣ къ вашимъ услугамъ. Ваша ревность къ службѣ и доброта по отношенію ко мнѣ вынудили меня сказать эту истину, даже не говорящую въ мою пользу. По чувствамъ моего сердца я скажу вамъ даже болѣе. Оставьте безъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“, 1901 г., июль.

²⁾ Илья Ивановичъ, докторъ медицины, писатель, впоследствии д. с. совѣтникъ, членъ Медицинскаго совѣта (род. въ 1763 г., ум. въ 1838 г.).

³⁾ Возвращаясь изъ-за границы, чтобы занять кафедру въ Московскомъ университетѣ, Мудровъ въ концѣ 1807 года былъ задержанъ, по распоряженію начальства, въ Вильнѣ, гдѣ находился главный военный госпиталь нашей арміи, среди которой свирѣпствовала диссентерія. Энергичными мѣрами Мудровъ воспрепятствовалъ дальнѣйшему распространенію болѣзни; за это онъ получилъ чинъ надв. сов. и награду въ 2.000 р. изъ Кабинета.

вниманія глупую и злонамѣренную критику, побѣдите ложный стыдъ и начните давать намъ уроки военной медицины; вы первый будете давать ихъ въ нашемъ дорогомъ отечествѣ; вамъ одному я уступаю эту честь, ибо я намѣренъ самъ давать такіе уроки въ Москвѣ и тогда буду вашимъ преемникомъ ¹⁾. Генераль-штабъ-докторъ Формей (Formey) ²⁾ въ Берлинѣ давалъ ихъ дважды въ недѣлю, и всѣ военные медики были обязаны на нихъ присутствовать.

Если, однако, вы этого не пожелаете дѣлать, то я прошу васъ, м. г., во имя дружескаго расположенія, которымъ вы меня всегда удостоиваете, не открывать моей тайны. Ибо, питая большую любовь къ этой отрасли знаній, я боюсь, что кто-нибудь похититъ мою мысль, чтобы лишить меня чести явиться первымъ у насъ военнымъ профессоромъ. Но сдѣлайте меня вторымъ въ ряду, ибо тогда я буду лучше, чѣмъ стоя первымъ, то-есть, я буду въ состояніи сказать только о томъ, что вы сдѣлали или что скажете при всей богатой одаренности вашего сердца и ума.

Нижайшій слуга Мудровъ ³⁾.

Н а о б о р о т ѣ: господину Энегольму, генераль-доктору и кавалеру.

25.

Записка М. Я. Мудрова объ его пациентѣ Стромилонѣ.

(1809—1819 г.).

Все, что можетъ быть гласнымъ о г. Стромилонѣ отъ моего лица, есть слѣдующее. На совѣтѣ положено было, чтобъ г. Стромилону пользоваться сельскимъ воздухомъ, для поспѣшенія къ выздоровленію. Чтобъ приняли на себя такую тягость, я просилъ людей почтенныхъ, честно-стію и добродушіемъ заслужившихъ всю мою довѣренность и уваженіе, а именно—Марю Яковлевну Кроткую и Михаила Петровича Смирнова. Первую, которая называется мать г. Стромилова своею благодѣтельницею,

¹⁾ По возвращеніи въ Москву, Мудровъ дѣйствительно началъ чтеніе курса гигиены и лекцій по болѣзнямъ, встрѣчающимся въ дѣйствующихъ войскахъ, а въ 1809 году издалъ книгу „О пользѣ и предметахъ военной гигиены“.

²⁾ Иоганнъ-Людвигъ Формей (р. въ 1766 г., ум. въ 1823 г.), известный прусскій врачъ, до 1796 года служилъ военнымъ врачомъ въ прусской арміи, въ 1797 г. былъ назначенъ членомъ военнаго медицинскаго совѣта, затѣмъ—съ 1804 г.—докторомъ главнаго штаба прусской арміи; оставилъ много сочиненій по медицинѣ.

³⁾ Письмо писано по-французски.

второго—родного дядю. Ихъ просилъ я взять г. Стромилова на свое попечение для того, что онъ дома употреблялъ вредныя вещи и лѣкарства.

Болѣзнь г. Стромилова произошла отъ того, что онъ нѣкогда былъ отравленъ и отъ сего получилъ гипохондрию и недовѣріе и иногда теряетъ и память. Сумасшествія же въ немъ я не нахожу. А что касается до домашнихъ и семейныхъ дѣлъ, то мнѣ, доктору, равно какъ и духовнику, воспрещается отвѣтствовать публично объ оныхъ, а, напротивъ, должно объ нихъ, смѣю указать,—забывать. Полиція же сама объ ономъ лучше меня знаетъ. Ежели же полиція находитъ законнымъ взять по симъ дѣламъ отъ опеки отвѣтъ, то да благоволитъ прежде отнестись къ его высокопреосвященству, дабы онъ благоволилъ отобрать свѣдѣнія отъ духовниковъ какъ г. Стромилова, такъ и жены его—о ихъ грѣхахъ: тогда и я буду просить его благословенія нарушить мои докторскія обязанности, которыя преимущественно состоятъ въ томъ, что врачъ, лѣча въ домѣ или имѣя простое только знакомство, ежели увидитъ или услышитъ что-нибудь такое, что не должно быть разглашено,—о томъ будетъ, какъ о тайнѣ, молчать.

Что же касается до сравнительнаго состоянія здравія г. Стромилова, бывшаго и настоящаго, то мнѣ, какъ врачу и другу, также не слѣдуетъ о моемъ больномъ и другѣ давать сужденіе. Мое дѣло есть—только лѣчить и помогать гдѣ бы онъ ни былъ, а для судебного дѣла есть къ тому закономъ опредѣляемая власть, то-есть, члены Конторы, которые могутъ его и нынѣ свидѣтельствовать и съ мнѣніемъ отнестись [къ] полиціи о настоящемъ его состояніи, которое, безъ сомнѣнія, есть лучшее, въ чемъ могутъ свидѣтельствовать бывшіе при послѣдней консультаціи г. инспекторъ Цемшъ ¹⁾ и г. докторъ Шнаубертъ и господинъ Ивановъ, правитель оберъ-полиціймейстерской канцеляріи; на консультаціяхъ г. Пеккена ²⁾ не было.

26.

Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ ³⁾—М. Я. Мудрову.

21-го марта 1813 г. Г. Молога.

Милостивый государь Матѣй Яковлевичъ! Книжѣ, возвращенной вами, я много обрадовался; она одна почти сохранилась изъ всей моей

¹⁾ Иванъ Христіановичъ Цемшъ (род. въ 1766 г., ум. въ 1830-хъ годахъ), съ 1808 г. бывший инспекторомъ Московской медицинской конторы.

²⁾ Матвѣй Христіановичъ Пеккенъ (род. въ 1755 г., ум. въ 1819 г.), докторъ медицины, профессоръ Московскаго отдѣленія медико-хирургической академіи.

³⁾ Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ (род. въ 1744 г., ум. въ 1817 г.), д. т. совѣтникъ, извѣстный своею любовью къ собиранію памятниковъ отечественной старины, открывшій „Слово о полку Игоревѣ“ и написавшій „Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго російскаго Тмутараканскаго княженія“ (С.-Пб. 1794 г.) по поводу найденнаго на Тамани извѣстнаго камня съ надписью XI вѣка.

библіотеки ¹⁾). Вы изъявили чрезъ . . . . ²⁾ желаніе получить отъ меня рисунокъ на Тмутароканскій камень ³⁾ и имѣете намѣреніе заказать по оному г. Кампіони ⁴⁾ сдѣлать мраморный обрацкиъ, который бы служить могъ накладкою на бумага. Охотно исполняя волю и желаніе ваше, препровождаю при семъ онаго рисунокъ съ примѣчаніемъ; покорно прошу заказать г. Кампіони два: одинъ себѣ, а другой для меня. Я надѣюсь, что Кампіони не ошибется сдѣлать, ибо онъ прежде для меня дѣлалъ таковыя и, вѣроятно, еще помнитъ.

«Съ почтеніемъ пребыть честь имѣю вамъ, ш. г., покорнѣйшій слуга графъ Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ».

Примѣчаніе ⁵⁾. Камень долженъ быть по рисунку, которой здѣланъ по маштапу, тутъ же приложенному; маштапъ должно начертить на исподи камня. На камнѣ должна назначена быть трещина и двѣ выдолбленныя ямки, по величинѣ, на рисунокѣ показанныя. Камень должно сдѣлать изъ бѣлаго мрамора, а книги—одна на другую положенная—изъ краснаго или изъ другого цвѣтнаго мрамора; на книгахъ надписи показаны на рисунокѣ.

27.

М. И. Невзоровъ ⁶⁾—М. Я. Мудрову.

22-го іюля 1814 г.

М. Г. Матвѣй Яковлевичъ! Сегодня я получилъ отъ Ивана Влади-

¹⁾ Она, какъ извѣстно, сгорѣла во время пожара Москвы въ 1812 году.

²⁾ Мѣсто заклеено сургучемъ.

³⁾ Рисунокъ его находится въ „Изслѣдованіи“ Мусина-Пушкина и въ „Письмѣ къ графу Ал. Ив. Мусину-Пушкину о камнѣ Тмутароканскомъ, найденномъ на островѣ Таманѣ въ 1792 г.“ А. Н. Оленина (С.-Пб. 1806 г.).

⁴⁾ Орнаментальный скульпторъ Сантинъ Петровичъ Кампіони (род. въ 1774 г., ум. 27-го января 1847 г.), въ 1795 г. проживавшій въ Москвѣ, гдѣ имѣлъ свою мастерскую и исполнялъ заказы по украшенію многихъ общественныхъ и частныхъ зданій мраморными, бронзовыми и др. работами („Русскій Биографич. Словарь“, изд. Историч. обществомъ, т. Ибакъ—Ключаревъ, стр. 445).

⁵⁾ Писано собственноручно; ореографія подлинника соблюдена.

⁶⁾ Невзоровъ, Максимъ Ивановичъ (род. 1763 г., ум. въ 1827 г.), масонъ, издатель журнала „Другъ юншества“ (1807—1815 г.), питомецъ Московскаго университета, а затѣмъ на средства „надзирателя“ русскихъ масоновъ Ив. Влад. Лопухина слушавшій лекціи въ нѣсколькихъ заграничныхъ университетахъ, съ 1801 года находился членомъ въ Канцеляріи Московскаго университета „для употребленія по дѣламъ учености“, затѣмъ—инспекторомъ надъ репетиторами и репетиціей университетскихъ учениковъ, помощникомъ цензора печатаемыхъ въ Университетской типографіи книгъ (1808 г.), членомъ

міровича ¹⁾ письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, увѣдомляетъ меня, что онъ отъ васъ получилъ письмо, въ которомъ вы извѣщаете его, что «я пишу и подаю бумаги въ видѣ настоящихъ извѣтовъ, кои никому не вредны и не опасны кромѣ меня», что Павелъ Ивановичъ ²⁾ будто четыре мѣсяца тщетно старался меня примирить, но, наконецъ, по моему же настоянію собственному, принужденъ онъ былъ мои бумаги формально препроводить въ правленіе и требовать отвѣтовъ, коихъ послѣдствіе ни къ чему иному, какъ ко вреду и стыду моему же» и проч. Иванъ Владиміровичъ пишетъ, что онъ не знаетъ, какія это бумаги. Я, какъ подаватель, а вы, какъ деканъ и членъ Правленія, конечно, знаемъ, что это за бумаги, потому отвѣта и отъ васъ съ прочими требуютъ; и потому о существѣ ихъ толковать намъ съ вами нечего. Но что касается до утвержденія вашего, что они должны обратиться къ стыду моему и вреду, но такими угрозами я совѣтую вамъ и вмѣстѣ Павлу Ивановичу, по приказанію котораго отнеслись къ Ивану Владиміровичу, такимъ образомъ стращать пятилѣтнихъ мальчиковъ, которые ни въ вещахъ, ни объ образѣ производства дѣлъ въ Россіи никакого понятія не имѣютъ. Вѣдь меня много пристыдить и большой вредъ мнѣ сдѣлать безъ Сената и безъ государя императора нельзя, а тамъ вѣдь еще будутъ также разспрашивать, изслѣдовать и нашему брату христіанину будетъ ему еще поле говорить; и думать надобно, что по моимъ показаніямъ учинять слѣдствіе гораздо другимъ образомъ, не-

---

училищнаго комитета при университетѣ и смотрителемъ за одѣяніемъ казенныхъ учениковъ и строеніемъ университетскихъ домовъ,—съ 1805 г. состоялъ начальникомъ Университетской типографіи. За 7 лѣтъ управленія ею, Невзоровъ доставилъ Университету «до 200.000 р. сверхъ самой большой суммы, какую только платили Университету послѣдніе содержатели типографіи». Несмотря на весьма полезную, вполне самоотверженную и совершенно безкорыстную службу, Невзоровъ, по проискамъ ректора университета И. А. Гейма, уже съ 1813 г. преслѣдовавшаго его «по поводу медленности въ отчетахъ и типографскихъ ошибокъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, и попечителя Московскаго учебнаго округа П. И. Голенищева-Кутузова, 19-го февраля 1815 г. „былъ, по словамъ Невзорова, самовластно отрѣшенъ отъ должности начальника типографіи и отставленъ отъ Университета“ министромъ гр. А. К. Разумовскимъ. Въ предлагаемомъ письмѣ ясно выражается негодованіе Невзорова на всѣ тѣ нападки и обвиненія, которыя такъ щедро сыпались на него въ это время со стороны его недоброжелателей и о которыхъ онъ такъ краснорѣчиво рассказываетъ въ своемъ извѣстномъ „Посланіи къ О. А. Поддѣву“ („Библиограф. Записки“ 1868 г., № 21, столб. 655 656, 657, 658).

¹⁾ Лопухинъ (род. въ 1756 г. ум. въ 1816 г.), „благодѣтель“ Невзорова.

²⁾ Голенищевъ-Кутузовъ (род. въ 1756 г., ум. въ 1829 г.), въ это время попечитель Московскаго учебнаго округа и севаторъ, прославившійся своими доносами на Карамзина и его „Исторію“.

жели какъ все теперь старается с...ть все это съ Суцовымъ ¹⁾, Лазаревымъ ²⁾ и подобными мошенниками. А такимъ образомъ все это можетъ еще обратиться къ вашему стыду. Вѣдь это неоспоримо, что вы изъ казарменныхъ денегъ пятьдесятъ тысячъ выпросили, а куда ихъ дѣли,—неизвѣстно, ибо за бумагу изъ нихъ Колокольникову (на что онѣ именно взяты) ничего не плачено, а что онѣ не цѣлы, то явствуетъ изъ ордера, даннаго мнѣ г. Геймомъ ³⁾, гдѣ онъ, приказывая дѣлать примѣрную смѣту на 1813 годъ, именно велитъ имѣть въ виду и означенныя пятьдесятъ тысячъ казарменныхъ денегъ. Извѣстно, только, кажется, изъ нихъ двѣ тысячи, которыя вы, за четыре дня до входа французъ въ Москву, изволили дать Павлу Ивановичу на посылку въ губерскія гимназіи нужныхъ эстафетовъ, въ томъ числѣ и въ Смоленскъ, который около мѣсяца былъ уже занятъ неприятелемъ. Что за три или за четыре мѣсяца въ 1812 году, считая съ апрѣля или съ мая по августъ, вы типографскимъ чиновникамъ и рабочимъ людямъ не давали жалованья ⁴⁾, это также явно изъ расходной 1812 года типографской суммы книги; этого также ни Лазаревъ, ни Суцовъ, ни подобное имъ г... о замазать не можетъ, ибо моей росписки тамъ нѣтъ. Что вы явно преслушались опредѣленія Комитета господъ министровъ и, слѣдственно, высочайшаго указа, въ выдачѣ награжденія типографскимъ чиновникамъ и разнымъ людямъ,—это также явно изъ опредѣленія вашего іюля 29-го дня 1813 года, съ котораго мнѣ дана выписка. Что вы мнѣ за представленіе мое, повелѣваемое государевыми указами противъ вышеозначеннаго 29-го іюля опредѣленія сдѣлали самовластно и беззаконный выговоръ,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Что вы

¹⁾ Андрей Суцовъ, тит. совѣтникъ, въ 1814 г. занималъ должность помощника начальника типографіи, то-есть, Невзорова; съ 1816 г. въ Мѣсяцесловахъ онъ уже не значится.

²⁾ Григорій Ивановичъ Лазаревъ находился на службѣ при Московскомъ университетѣ съ 1769 г. сперва въ чинѣ подканцеляриста, а съ 1778 г. состоялъ „казначеемъ у прихода и расхода денежной казны“ (формуляръ). Въ 1814 году имѣлъ чинъ колл. совѣтника.

³⁾ Иванъ Андреевичъ Геймъ (род. въ 1758 г., ум. въ 1821 г.) въ это время былъ ректоромъ университета.

⁴⁾ Въ своемъ „Посланіи къ О. А. Поадѣву“ („Библиограф. Записки“ 1858 г., № 21, столб. 657) Невзоровъ говоритъ, что онъ „при вступленіи неприятеля въ Москву, изъ повинновенія начальству жертвовалъ жизнію своею и пожертвованіемъ на жалованье чиновникамъ и рабочимъ людямъ типографскимъ, которымъ господа члены Университета, истративши всѣ типографскіе расходы,—на что, мнѣ неизвѣстно,—не хотѣли выдать даже заслуженнаго жалованья и заработанныхъ денегъ, изъ слѣдующихъ мнѣ за 1809, 1810, 1811 и 1812 годы процентныхъ денегъ собственныхъ 6.000 рублей, при совершенномъ своемъ немуществѣ, спасъ отъ расхищенія типографію...“

бездѣльника Колокольниковъ къ ущербу казеннаго интереса защищали самымъ наглѣмъ и для меня примѣрно притѣснительнымъ образомъ,— это также явно изъ данныхъ вами мнѣ выписокъ съ опредѣленій, а тѣмъ вы сами признали его бездѣльникомъ,—что также вы мнѣ сообщали чрезъ выписки. Что вы въ пользу типографіи послѣ французовъ по сію пору еще ничего не сдѣлали,—это также видно, хотя у васъ и давно есть предписанія, но кажется по всему, что, протягивая годъ отъ году, типографскими доходами по-маленьку думаете замазать свои расхищенія казенныхъ денегъ, въ томъ числѣ и пятьдесятъ тысячъ казарменныхъ денегъ, которыя, по-вашему, законно вамъ выданы, и вы, будто законно, ихъ на эстафетовъ, на поѣздки и можетъ быть на другое кое-что истратили. Но вѣдь въ Сенатѣ или какой-нибудь нарочно наряженной комиссіи должно было бы показать все на-чисто, и нынѣшнія ваши замолки вѣрно не годятся.

Вотъ, милостивый государь, случиться можетъ, что и по юриспруденціи міра сего мое дѣло не такъ-то совсѣмъ отчаянно. Я думаю, мой любезнѣйшій Матвѣй Яковлевичъ, всего лучше такъ, какъ-бы можно было вамъ меня запереть, какъ сумасшедшаго! Да то бѣда, что, кажется, еще вамъ такой самодержавной власти не дано!

Что касается до другого письма, написаннаго вами собственно къ Павлу Ивановичу, которое онъ видно какъ публикуетъ,—то оно показываетъ, что Богъ обуеваетъ мудрость міра сего, и что, наконецъ, Вавилонъ дѣлается самъ проповѣдникомъ своего безчестія. Что министръ не имѣетъ власти употреблять по своему произволію казенныхъ денегъ; что деньги, выданныя по высочайшему указу на поправление казармъ, нельзя употреблять на поправление Пансіона безъ такого же высочайшаго указа,—это также правда. Да если бы и у государя исходатайствовано было сіе позволеніе,—такъ я осмѣлился бы еще тогда сказать, что государю императору сдѣлали неправильное представленіе, и онъ обмануть; ибо, оставивши собственно Университетъ, который, конечно, по существу своему и по заведенію важнѣе Пансіона, стараться на счетъ казенный устроить дѣла частныхъ людей значить противиться и волѣ государя, и благу общему. Какъ можно бросать академическую гимназію и другія нужды казенныя, а стараться только о Благородномъ пансіонѣ, а для поправки казенныхъ нуждъ употреблять доходы другіе, съ обидою казны и бѣдныхъ лицъ! Впрочемъ, на это есть государевъ указъ, что министры не могутъ и не должны самопроизвольно вступаться въ производство дѣлъ, и мѣста, повинующіяся имъ, въ такомъ случаѣ отвѣтствуютъ. Что касается до Павла Ивановича,—онъ никогда не мирилъ меня съ вами, а что вы кругомъ виноваты, то явно изъ того, что вы со многими поданными отъ меня бумагами сидите, какъ пойманные и какъ нечего вамъ дѣлать—то молчите. Въ заключеніе сего я

опять повторю: «Горе вамъ, книжницы и фарисеи лицемѣри, яко снѣдаете дома вдовиць,—лишнее примете осужденіе». Имѣю честь быть вашъ покорный слуга М. Невзоровъ.

28.

Никол. Филип. Павловъ ¹⁾—Ив. Ерм. Великопольскому.

21-го мая 1859 г. Москва.

Я очень радъ, любезнѣйшій Иванъ Ермолаевичъ, получивъ отъ васъ вѣсть и узнавъ, что скоро могу имѣть удовольствіе видѣть васъ. Но случай, по которому вы отнеслись ко мнѣ, показываетъ, что вамъ не было ни времени, ни охоты слѣдить за моей литературной дѣятельностью въ послѣднее время. Помилуйте, да развѣ я занимаюсь критикой и разсужденіями чистаго искусства? Мое ли это дѣло? А не за свое дѣло я не возьмусь. На меня стали бы пальцами указывать, да и не чувствую особенной потребности подвизаться на этомъ поприщѣ. Смѣю сказать, что на моемъ литературномъ поприщѣ я дѣйствовалъ до сихъ поръ безукоризненно въ томъ отношеніи, что всегда писалъ единственно о томъ, что меня глубоко трогало за душу и въ чемъ я принималъ искреннее участіе и головой, и сердцемъ. Но современенъ ли «Олегъ» г. Аксакова ²⁾, или нѣтъ, истинная ли эта пародія, или ложная—это не входитъ въ область тѣхъ литературныхъ явленій, которыя разрѣшить достало бы у меня умѣнья: съ этимъ я не сладилъ бы. Ко мнѣ уже много относилось и журналистовъ, и литераторовъ съ подобными просьбами, но я всегдѣ отказывалъ и не рѣшался принимать на себя труда не по силамъ.

Не забудьте же завернуть ко мнѣ, какъ будете въ Москвѣ: вспомнимъ старину и кое-о-чемъ потолкуемъ. Н. Павловъ.

29.

Э П И Г Р А М М А

На день рожденія Харитона Андреевича Чеботарева, которую приносить ему въ знакъ своей истинной благодарности, почтенія и любви П. С.

¹⁾ Извѣстный писатель (род. въ 1805 г., ум. въ 1864 г.), переводчикъ, поэтъ, авторъ повѣстей и журналистъ; въ это время онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ „Русскаго Вѣстника“, помѣщая въ немъ публицистическія статьи.

²⁾ „Олегъ подъ Константинополемъ“, драматическая пародія въ стихахъ К. С. Аксакова, изданная въ С.-Пб. въ 1858 г., но находившаяся въ рукахъ И. Е. Великопольскаго уже съ 1840 года.

Въ послѣдній годъ вступилъ ты онаго теченья,
 Которое свершилъ Израиль на пути,
 Отъ Фараонова исшедь порабощенья,
 Въ обѣтованную страну дабы войти;
 Дѣянiя жъ твои являютъ то неложно,
 Что въ духѣ ты сей путь давно уже прошелъ:
 Сражался, побѣдилъ враговъ своихъ возможно,
 Уже блаженную страну въ себѣ обрѣлъ.
 Ты насъ во семъ пути примѣромъ поставляешь,
 Ученемъ истиннымъ и жизнью своей
 И тѣмъ часомъ своихъ минуты исчисляешь, —
 Такъ что жъ твой цѣлый годъ? — сихъ множество частей.
 (1785 г.?)

30.

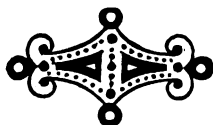
А. Евреинова—М. Я. Мудрову.

Благодарю, благодарю изъ глубины души, наилучшаго изъ человѣковъ, за его примѣрное добродушіе, которое находитъ рѣдкое удовольствіе дѣлать добро и утѣшать огорченныхъ. Да вознаградитъ васъ самъ Богъ за все, что вы сдѣлали для меня: я не въ силахъ этого сдѣлать. Помните, что я знаю вамъ цѣну, и ничего столько не желаю, какъ имѣть когда-нибудь счастье доказать это не словами. Я далеко буду, когда вы станете это читать, но ни разстояніе, ни время не встрѣбитъ моей привязанности, моей благодарности къ человѣку такому, какихъ я мало знаю! Простите! да благословитъ васъ Господь Богъ! Вспомните и меня иногда! А я, покуда жива, все буду та же: все буду почитать Матвѣя Яковлевича наилучшимъ изъ человѣковъ! Ёду сейчасъ; грустно такъ, что. . . ну! Простите! Со всѣми чувствами приверженности и благодарности пребуду на всю жизнь, вамъ покорная и истинно преданная А. Евреинова.

Modèle de bonté, ami de la sagesse,
 Un seul mot suffirait pour faire ton portrait.
 Devoué aux souffrants tu les soulages sans cesse,
 Renonçant à toi-même, tu oublies tes bienfaits;
 On te trouve partout, où la douleur t'appelle;
 Vois, lis, et tu diras, le portrait est fidèle!

Не хорошо, но справедливо! Прощайте. О, будьте счастливы!
 На оборотъ: Его высокоблагородію Матвѣю Яковлевичу Мудрову.

Сообщ. Б. Л. Модзалевскій.

*

Высочайшій рескриптъ генераль-поручицѣ Рахмановой съ замѣчаніемъ объ излишности ея совѣтовъ.

20-го ноября 1816 г. № 236.

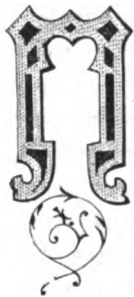
Елисавета Петровна! Въ обширномъ государственномъ управленіи нельзя довольно обращать вниманія на охраненіе благосостоянія общественнаго и частнаго. Учрежденіе злоупотребленій, вредящихъ тому и другому, дѣлаеть необходимыми неупустительныя удостовѣренія, по первымъ объ нихъ извѣстіямъ. И такъ, въ послѣдствіе письма вашего отъ 22-го октября, предоставляю самимъ вамъ разсудить: возможно ли мнѣ было, не нарушая справедливости, не употребить осмотра въ имѣніи вашемъ, получа донесеніе о не позволенной тамъ торговлѣ заповѣдными товарами, вопреки узаконеній? Невинность не должна оскорбляться сею мѣрою: подобные осмотры есть единое средство, служащее къ ея оправданію и къ открытію мнѣ истины. Послѣ сего надѣюсь я, что вы удостовѣритесь, что совѣты, въ письмѣ вашемъ мнѣ преподаваемые, по меньшей мѣрѣ излишны, и что твердо знаю, въ чемъ состоятъ мои обязанности.

Къ біографіи Я. Ө. Головацкаго.

(Всеподавнѣйшій докладъ виленскаго генераль-губернатора генераль-адъютанта Потапова).

о высочайшему повелѣнію вашего императорскаго величества, въ 22-й день марта 1862 г. послѣдовавшему, учреждеза въ Вильнѣ комиссія для разбора древнихъ актовъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Штатъ ея первоначально предполагался въ 12.472 р. ¹⁾; по возникшимъ въ Сѣверо-западномъ краѣ безпорядкамъ, дѣло это приостановилось и только въ 1864 году, по распоряженію графа Муравьева, комиссія открыла свои дѣйствія 17-го апрѣля подъ предѣтельствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кукольника, назначеннаго съ высочайшаго соизволенія вашего императорскаго величества; членами состояли: статскій, нынѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Никотинъ, соборный священникъ Пшолко и архивариусъ центрального архива коллежскій совѣтникъ Горбачевскій. Спустя 10-ть мѣсяцевъ комиссія успѣла издать 1 томъ актовъ Гродненскаго земскаго суда, до 50 листовъ печати. Затѣмъ, по ходатайству бывшаго попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Корнилова, на мѣсто Кукольника назначенъ былъ коллежскій ассесоръ Безсоновъ, но выборъ этотъ оказался неудачнымъ; въ теченіе полутора лѣтъ его предѣдательства въ комиссіи, она ничего не сдѣлала, а потому, по увольненіи его, исправленіе должности предѣдателя поручено 6-го сентября 1866 г. дѣйствительному статскому совѣтнику Никотину. Въ годъ и 4 мѣсяца завѣдыванія его комиссіею

¹⁾ Должность предѣдателя по мундиру и пенсіи V класса.

она успѣла напечатать: 1) хронологическія таблицы для ученыхъ пособій при изслѣдованіи древнихъ актовъ, составленныя членомъ комиссіи Горбачевскимъ — 12 листовъ печати; 2) ревизію королевскихъ пушъ великаго княжества Литовскаго—Воловича, до 50 листовъ и 3) второй томъ актовъ Брестскаго земскаго суда до 50 листовъ. Кромѣ того приготовлено къ печати: 1) управленіе королевскими лѣсами, до 20 листовъ; 2) выбрано изъ книгъ Брестскаго земскаго суда болѣе 1.500 актовъ, изъ коихъ списано 225, что составитъ болѣе 75 листовъ печати; 3) разсмотрѣно и выбрано изъ книгъ Гродненскаго городскаго суда до 1.200 заглавій актовъ.

22-го декабря 1867 г. по высочайшему повелѣнію вашего императорскаго величества предсѣдателемъ комиссіи назначенъ иностранный подданный, униатскій священникъ, бывшій профессоръ Львовскаго университета Головацкій, съ содержаніемъ въ 3.000 руб. По настоящему случаю священнымъ долгомъ вѣрноподданнаго считаю повергнуть на высочайшее благовозрѣніе вашего императорскаго величества слѣдующее: археографическая комиссія есть правительственное учрежденіе, важность котораго для края въ ученое и политическое отношеніи неопровержима, разработка драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ тѣмъ болѣе необходима, что, при постоянномъ стремленіи польской партіи къ насильственному подавленію искони русскаго въ Сѣверо-Западномъ краѣ начала и къ присвоенію себѣ незаконныхъ правъ на оный, древніе акты будутъ служить наглядными свидѣтелями прошедшаго и вызовутъ изъ вѣковаго уничтоженія и забвенія русскую бытовую старину, съ ея историческимъ прошлымъ. Къ подобному учрежденію правительство должно питать неограниченную довѣренность, а потому предсѣдателемъ комиссіи не можетъ быть австрійскій подданный, униатъ, носящій даже ксендзовскую одежду; тѣмъ болѣе, что членами въ ней состоятъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ и православный протоіерей; при томъ пребываніе его не только въ Вильнѣ, мѣстѣ жительства митрополита Литовскаго Іосифа, но и въ цѣломъ краѣ не умѣстно, такъ какъ по благотворному руководству преосвященнаго совершилось великое событіе нашей исторіи, сгладившее имя униата со всей сѣверо-западной окраины нашего дорогаго отечества. Не посягая на ученую извѣстность Головацкаго, я считаю вмѣстѣ съ тѣмъ невозможнымъ жертвовать религіозно-политическою стороною настоящаго дѣла и полагаю бы необходимымъ предоставить ему другое назначеніе внѣ предѣловъ Сѣверо-Западнаго края.

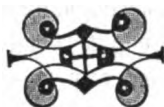

На подлинномъ написано: «высочайше повелѣно войти въ соглашеніе съ г. министромъ народнаго просвѣщенія о перемѣненіи профессора

Головацкаго изъ Вильны съ сохраненіемъ содержанія». 10-го апрѣля 1868 г. генераль-адъютантъ Потаповъ.

Представленіе Потапова не имѣло послѣдствій. Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій до самой своей кончины оставался по-прежнему предсѣдателемъ Виленской археографической комиссіи и директоромъ публичной бібліотеки и музея.—Онъ много послужилъ своими учеными трудами русскому дѣлу въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ 1868 году Я. Ѳ. Головацкій перешелъ, по давнишнему своему желанію, изъ униі въ православіе и принялъ русское подданство.

Сообщилъ **Ив. Пет. Корниловъ.**

Отношеніе тайнаго совѣтника Новосильцова князю А. Н. Голицыну о доставленіи списка книгъ, нанечатанныхъ Синодальною типографіею съ 1801 по 1806 г.

23-го марта 1808 г. № 169.

Издатель журнала «*Rusland unter Alexander I*», академикъ Шторхъ, намѣренъ помѣстить въ ономъ сочиняемое имъ «Обозрѣніе Россійской литературы въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ XIX столѣтія». Для сочиненія сего обозрѣнія нужно ему, между прочими пособіями, имѣть полное извѣстіе о книгахъ, которыя въ теченіе сихъ пяти лѣтъ, то-есть съ 1801 до 1806 года, были печатаемы въ Синодальной типографіи.— По сему покорнѣйше прошу ваше сіятельство приказать сообщить мнѣ, для доставленія г-ну Шторху, полный реестръ всѣмъ книгамъ, такъ а мелкимъ сочиненіямъ, которыя въ продолженіе сего времени вышли изъ Синодальной типографіи. Впрочемъ, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью, честь имѣю быть и проч.

Постановленіе о торжествѣ брачнаго сочетанія ихъ императорскихъ высочествъ государя великаго князя Константина Павловича съ государынею великою княжною Анной Теодоровной 1796 года.

Въ назначенный день бракосочетанія въ среду, сего февраля 13, по данному въ 8 часовъ утра изъ Санктъ-Петербургской крѣпости сигналу выстрѣломъ изъ 5-ти пушекъ всѣ здѣсь находящіеся полки лейбъ-гвардіи, артиллерійскія, полевыя и прочія воинскія команды поставлены будутъ въ строевомъ порядкѣ по площади противъ Зимняго дворца и вдоль по улицамъ, прикосновеннымъ къ той площади.

Въ 10-мъ часу поутру съѣдутся во дворецъ обоего пола придворныя и прочія до пяти классовъ особы тожь и чужестранныя министры. Дамы въ русскомъ, а кавалеры въ цвѣтномъ платьѣ и какъ скоро всѣ ихъ императорскія высочества изволятъ прибыть во внутренніе покои ея императорскаго величества и какъ скоро соизволитъ она начать шествіе въ церковь, тогда изъ адмиралтейской крѣпости дано о томъ будетъ знать выстрѣломъ изъ 21 пушки, и шествіе имѣеть быть при соблюденіи установленнаго порядка, что предшествующія предъ ея императорскимъ величествомъ идутъ по два въ рядъ, младшіе напереди, а слѣдующія за оной по двѣ-жъ въ рядъ, старшія напереди. Слѣдующимъ порядкомъ:

- 1-е, оберъ церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ съ ихъ знаками.
- 2-е, гофмаршалы ихъ императорскихъ высочествъ, ихъ же камер-юнкеры и камергеры.
- 3-е, камеръ-юнкеры и камергеры ея императорскаго величества.
- 4-е, члены учрежденнаго совѣта и первенствующіе придворныя чины.

5-е, оберъ-гофмаршалъ и правящій должность гофмаршала съ ихъ жезлами.

6-е, ея императорское величество, имѣя на главѣ малую корону и въ императорской мантии, шлейфъ несутъ шесть камергеровъ, а конецъ одинъ изъ камергеровъ, находящійся въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, по правую сторону. Немного впереди дежурный генераль-адъютантъ, а по лѣвую—оберъ-камергеръ.

7-е, ихъ императорскія высочества государь цесаревичъ съ государынею великою княгинею.

8-е, ихъ императорскія высочества государь великій князь Александръ Павловичъ съ государынею великою княгинею.

9-е, ихъ императорскія высочества государь великій князь Константинъ Павловичъ съ обрученною его невѣстою,

10-е, ихъ императорскія высочества государыни великія княжны.

11-е, штатскія дамы, камеръ-фрейлина фрейлины ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ, а генеральша Ренне идетъ за фрейлинами великой княгини Елисаветы Алексѣевны, а за нею фрейлины новобрачной невѣсты.

У дверей церкви все духовенство во облаченіи встрѣтятъ ея императорское величество и ихъ императорскихъ высочествъ со крестомъ и святою водою и, благословя ихъ пришествіе, препровождаютъ ихъ до ихъ мѣстъ.

При пѣніи псалма, приличнаго сему пришествію, ея императорское величество, взявъ за руку ихъ императорскихъ высочествъ новобрачныхъ, соизволитъ повестъ и поставитъ на вѣнчальное мѣсто, приготовленное противъ царскихъ дверей и покрытое малиновымъ бархатомъ, предъ амвономъ. На налоѣ положится святое евангеліе и крестъ, по сторонамъ налоя на двухъ серебряныхъ геридонахъ вѣнцы на золотыхъ блюдахъ.

Потомъ начнется совершаться благословленіе брака обыкновеннымъ порядкомъ восточныхъ церкви.

Вѣнцы держатъ будутъ надъ его императорскимъ высочествомъ оберъ-камергеръ Шуваловъ, надъ ея императорскимъ высочествомъ генераль-фельдцейхмейстеръ графъ Зубовъ.

Прежде вѣнчанія въ ектеніяхъ до евангелія возглашать ея императорское высочество великою княжною, а по евангеліи великою княгинею.

По совершеніи сего таинства ихъ императорскія высочества новобрачныя, сошедъ съ мѣста, а за ними ихъ императорскія высочества государь цесаревичъ, государыня великая княжна и прочія особы императорской фамилии приносятъ достодолжную благодарность ея императорскому величеству, потомъ отправленъ будетъ благодарной молебень.

При пѣніи «Тебе Бога хвалимъ», по данному отъ дежурнаго генераль-адъютанта сигналу, начнется пальба съ обѣихъ крѣпостей и отъ стоящихъ въ строю войскъ тоекратной бѣглою огонь, а по церквамъ колокольный звонъ, которой три дня продолжаться будетъ. По окончаніи «Тебе Бога хвалимъ» и по отпускѣ протодіаконъ возглашаетъ многолѣтіе, при чемъ первенствующій архіерей, осѣнивъ крестомъ, съ прочимъ духовенствомъ подносятъ всей императорской фамиліи поздравленія, потомъ ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами возвращается тѣмъ же порядкомъ во внутренніе покои и, проходя чрезъ Кавалергардскую комнату, изволить принять поздравленіе отъ чужестранныхъ министровъ, а ихъ императорскія высочества государь цесаревичъ и государыня великая княгиня, возвратясь къ себѣ, изволятъ тожь у себя принять поздравленія отъ членовъ Синода и чужестранныхъ министровъ.

Какъ скоро кушанье на столъ поставлено будетъ, потомъ отъ оберъ-гофмаршала, гофмаршала, оберъ-церемоніймейстера, церемоніймейстера доложено будетъ,—изволить ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами итти съ тою жь церемоніею къ столу, которой имѣетъ быть въ Егорьевской залѣ. Для высочайшихъ особъ императорской фамиліи на тронѣ подъ балдахиномъ; для первыхъ 4 классовъ фигурные столы по правую сторону трона, а по лѣвую таковыя жь столы для кавалеровъ тѣхъ же классовъ. Служать во время обѣденнаго стола ея императорскому величеству оберъ-камергеръ и оберъ-гофмейстеръ. А прочіе первенствующіе чины ея двора находятся тожь на тронѣ; ихъ императорскимъ высочествамъ государю цесаревичу и государынѣ великой княгинѣ ихъ дежурные камергеры, обоимъ государямъ великимъ князьямъ и государынямъ великимъ княгинямъ ихъ двора камергеры, а государынямъ великимъ княжнамъ ея императорскаго величества камеръ-юнкеры, стоя не на тронѣ, а внизу около трона по правую сторону, кавалеры ея императорскаго величества, а по лѣвую кавалеры ихъ императорскихъ высочествъ, а на срединѣ противъ самаго трона оберъ-гофмаршалъ, правящій должность гофмаршала, оберъ-церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ.

Кушанье носить пакамъ и подавать метръ-дотелю, а на столъ оное ставить, принявъ отъ метръ-дотеля одному изъ камергеровъ ея императорскаго величества, а другому изъ ея жь камергеровъ оное раздавать; питье подносятъ ея императорскому величеству одинъ изъ камергеровъ, находящійся въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, ихъ императорскимъ высочествамъ государю цесаревичу и государынѣ великой княгинѣ камергеры ея императорскаго величества, обоимъ государямъ великимъ князьямъ и обѣимъ государынямъ великимъ княгинямъ ихъ

двора кавалеры, а государынямъ великимъ княжнамъ камеръ-юнкеры ея императорскаго величества.

Во время стола при питіи за здравіе будетъ пальба съ обѣихъ крѣпостей и при томъ играть на трубахъ, бить литавры, а именно:

Его императорское высочество государь цесаревичъ изволитъ зачать здравіе ея императорскаго величества при выстрѣлѣ изъ 51 пушки.

Ея императорское величество изволитъ произнести здравіе: 1-е, ихъ императорскихъ высочествъ государя цесаревича и государыни великой княгини; 2-е, государя великаго князя Александра Павловича и государыни великой княгини; 3-е, ихъ императорскихъ высочествъ новобрачныхъ; 4-е, всѣхъ государынь великихъ княженъ каждое особенно при выстрѣлѣ изъ 31 пушки.

По окончаніи стола возвращаются ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами тѣмъ же порядкомъ во внутренніе покои. Въ 5 часовъ по полудни будетъ балъ для чужестранныхъ министровъ и російскихъ знатныхъ обоого пола особъ въ новомъ залѣ. При окончаніи бала, какъ скоро должно будетъ оберъ-церемоніймейстеромъ, что экипажи для кортежа къ отшествію въ Мраморной дворецъ готовы и какъ скоро всѣ получатъ повелѣніе собираться къ отъѣзду, такъ скоро всѣ пойдутъ садиться въ кареты, а потомъ и ихъ императорскія высочества, въ предшествіи оберъ-церемоніймейстера, обергофмаршала, правящаго должность гофмаршала и первенствующихъ придворныхъ чиновъ изволятъ идти на парадную лѣстницу, а за ними штатсъ-дамы и генеральша Ренне и отправится въ Мраморной дворецъ съ нижеслѣдующимъ на концѣ сего церемоніала приложеннымъ кортежемъ.

Отшествіе ихъ императорскихъ высочествъ изъ Зимняго дворца въ Мраморный.

Въ началѣ за нѣсколько времени изволятъ отъѣхать съ своимъ придворнымъ штатомъ ихъ императорскія высочества государь великій князь Александръ Павловичъ и государыня великая княгиня Елисавета Алексѣевна, кои будутъ принимать новобрачныхъ въ Мраморномъ дворцѣ. За ними, какъ скоро повелѣніе получить оберъ-церемоніймейстеръ, пойдутъ садиться въ кареты по порядку церемоніймейстеръ, кавалеры ихъ высочествъ новобрачныхъ, кавалеры ея императорскаго величества, и какъ скоро они сядутъ по мѣстамъ и о томъ должно будетъ, то изволятъ шествовать его императорское высочество государь цесаревичъ и государыня великая княгиня съ новобрачными, имѣя предъ собою оберъ-церемоніймейстера, гофмаршала, обергофмаршала

и первенствующіе чины двора ея императорскаго величества, а за ними штатсъ-дамы и генераль-поручица Ренне.

Кортежъ слѣдуетъ нижеслѣдующимъ порядкомъ:

1-е. Рейтъ пажъ, а за нимъ два ѣздовыхъ конюха верхами.

2-е. Команда лейбъ-гусаровъ верхами съ обнаженными саблями.

3-е. Ясельничей верхомъ.

4-е. Въ должности церемоніймейстера камеръ-юнкеръ ея императорскаго величества въ двумѣстной каретѣ, имѣя двухъ вершниковъ напереди и два лакея у кареты.

5-е. Два гофъ-фурьера верхами.

6-е. Двѣ четверомѣстныя кареты для кавалеровъ ихъ императорскихъ высочествъ новобрачныхъ, у каждой по одному лакею пѣшихъ, наблюдая обыкновенный порядокъ, чтобъ младшіе ѣхали напередѣ, а старшіе назадѣ.

7-е. 9-ть четверомѣстныхъ каретъ для камеръ-юнкеровъ и для камергеровъ ея императорскаго величества, имѣя тожъ у каждой кареты по одному лакею пѣшихъ, при томъ наблюдая тотъ же порядокъ, чтобъ младшіе сѣдѣли въ передовыя кареты, а старшіе за ними.

8-е. Одна карета для камергеровъ въ чинѣ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ.

9-е. Одинъ литавщикъ и два трубача верхами.

10-е. Тайный совѣтникъ Сакенъ съ оберъ-церемоніймейстеромъ; предъ ними два вершника, по сторонамъ два пѣшихъ лакея и у колеса конюхъ верхомъ.

11-е. Оберъ-гофмаршалъ съ правящимъ должность гофмаршала тожъ съ двумя вершниками; по сторонамъ два лакея пѣшихъ и ихъ ординарцы верхами.

12-е. Двѣ кареты каждая съ двумя вершинниками и у каждой по сторонамъ два лакея пѣшихъ. Въ первой сѣдутъ оберъ-егермейстеръ и оберъ-гофмейстеръ, имѣя у колеса своихъ ординарцевъ, во второй оберъ-камергеръ и оберъ-шталмейстеръ, имѣя тожъ у колеса своихъ ординарцевъ.

13-е. Гофъ-штабъ-квартирмейстеръ верхомъ, за нимъ шесть скороходовъ, четыре камеръ-лакея и восемь лакеевъ пѣшіе.

14-е. Гофмейстеръ пажеской верхомъ, за нимъ восемь пажей и 2 камеръ-пажа верхами жъ.

15-е. Унтеръ-шталмейстеръ, а за нимъ два рейтъ-пажа верхами.

16-е. Въ парадной каретѣ, заложеной осьмью лошадьми, ихъ императорскія высочества государь цесаревичъ и государыня великая княгиня съ новобрачными, предъ каретою сѣдутъ на ремняхъ два пажа, по сторонамъ у кареты для поддержанія пойдутъ по два гайдука и у каждой цуговой лошади по одному конюху, у кареты по правую сторону

поѣдетъ камергеръ ея императорскаго величества, а полѣвую камергеръ ихъ высочествъ новобрачныхъ верхами, а за ними тѣ, коимъ повелѣно будетъ отъ его императорскаго высочества государя цесаревича быть при его свитѣ.

17-е. Конвой Конной гвардіи, что на караулѣ съ ихъ офицеромъ съ обнаженными палашами.

18-е. Три кареты для штатсъ-дамы, предъ каждою по два вершника и по два пѣшихъ лакея по сторонамъ.

19-е. Карета для генераль-поручицы Ренне съ двумя вершниками и по одному лакею пѣшихъ по сторонамъ.

20-е. Запасная карета для его императорскаго высочества государя цесаревича, а другая для его кавалеровъ, въ которыхъ онъ возвратится изволить.

Сему кортежу ѣхать отъ крыльца Зимняго дворца, что на Невѣ, вдоль по набережной и, подѣзжая къ Мраморному дворцу, выѣзжать сквозь задній дворъ въ переулокъ, что между Мраморнымъ дворцомъ и дома графини Скворонской, и тѣмъ же порядкомъ объѣзжая около дому вице-адмиральши Рибасъ, становиться каретамъ одной за другою, начиная отъ заднихъ воротъ Мраморнаго дворца, кои въ переулкѣ.

Во время переѣзда къ Мраморному дворцу въѣзжаютъ лишь на передней дворъ Конная гвардія и команда лейбъ-гусаровъ, и то по отданіи чести ихъ императорскимъ высочествамъ, тотчасъ возвращаются по своимъ мѣстамъ: лейбъ-гусары въ свои квартиры, а конвой Конной гвардіи въ Зимній дворецъ, равномерно и карета свадебная ея императорскаго величества, всѣ пѣшіе и конные возвращаются по домамъ, кромѣ вершниковъ и лакеевъ, кои стоятъ назади, понеже всѣмъ изволяется тѣмъ же порядкомъ возвратиться въ Зимній дворецъ, гдѣ будутъ ихъ ожидать ихъ собственные экипажи, а какъ скоро съѣдутъ конвой Конной гвардіи и команда лейбъ-гусаровъ, то на мѣсто оныхъ выѣзжаютъ лишь экипажи государя цесаревича, государя великаго князя Александра Павловича и ихъ свиты.

Обо всемъ, что до свѣдѣнія какого-либо мѣста или команды или особы слѣдуетъ, сообщено будетъ о томъ отъ оберъ-церемоніймейстера.

Всѣмъ ливрейнымъ служителямъ быть въ парадной ливреѣ, а какъ сіе происходить будетъ въ вечеру, то имѣтъ по примѣру протчихъ выѣздовъ тѣмъ, кому слѣдуетъ, зажженные факелы.

На другой день, въ четвергъ по утру, въ 10 часовъ въ Мраморномъ дворцѣ подносятъ ихъ императорскимъ высочествамъ новобрачнымъ поздравленія какъ духовныя, такъ и свѣтскія обоего пола особы первыхъ пяти классовъ и потомъ отправятся ихъ императорскія высочества въ Зимній ея императорскаго величества дворецъ, къ обѣденному столу, которой будетъ въ Кавалергардской комнатѣ, къ которому приглашены

будутъ штатсъ-дамы, первыхъ двухъ классовъ особы и знатныя придворныя чины.

Во время стола служить будутъ ея императорскому величеству, государю цесаревичу и государынѣ великой княгинѣ камергеры ея императорскаго величества, обоемъ великимъ князямъ и великимъ княгинямъ ихъ дворовъ кавалеры, при столѣ будутъ пить здравіе ихъ высочествъ новобрачныхъ при выстрѣлѣ 31 пушки; въ вечеру будетъ балъ въ старой галлерей и ужинъ въ новой залѣ за фигурными столами для четырехъ классовъ обоого пола и чужестранныхъ министровъ по билетамъ. Предъ баломъ ихъ императорскія высочества государь цесаревичъ и государыня великая княгиня изволятъ принять поздравленія отъ всѣхъ знатныхъ обоого пола особъ.

Того жъ вечера въ 4 часа по полудни чужестранные министры приносятъ свои поздравленія ихъ императорскимъ высочествамъ новобрачнымъ въ Мраморномъ дворцѣ.

Въ пятницу отдохновеніе.

Въ субботу, въ 10 часовъ по утру, соберутся въ Зимній ея императорскаго величества дворецъ обоого пола знатныя особы въ 12 часовъ предъ обѣдомъ. По сигналу изъ 5 пушекъ даны будутъ народу жареные быки и виноградное вино. Потомъ ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами со всѣмъ придворнымъ штатомъ изволятъ ѣхать въ Мраморной дворецъ, гдѣ у ихъ императорскихъ высочествъ новобрачныхъ будетъ обѣденной столъ, при которомъ останутся тѣ особы, которыя будутъ приглашены отъ ихъ императорскихъ высочествъ новобрачныхъ; здоровье ея императорскаго величества при выстрѣлѣ изъ 51-й пушки. Ея величество (произнесетъ): 1) здравіе государя цесаревича и государыни великой княгини 2) государя великаго князя Александра Павловича и его супруги, 3) ихъ высочествъ новобрачныхъ, 4) государынъ великихъ княженъ каждой особенно при выстрѣлѣ изъ 31 пушки.

Въ воскресенье отдохновеніе.

Въ понедѣльникъ изволятъ ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами идти въ апартаменты государя цесаревича и государыни великой княгини къ обѣденному столу, при которомъ останутся тоже лишь тѣ особы, кои будутъ приглашены, и соблюдается при ономъ о здравіяхъ тотъ порядокъ, какой былъ въ субботу у ихъ высочествъ новобрачныхъ и того жъ вечера будетъ у государя цесаревича и у государыни великой княгини балъ.

Во вторникъ отдохновеніе.

Въ среду, то-есть 20 февраля, обѣденной столъ у ихъ императорскихъ высочествъ государя великаго князя Александра Павловича и государыни великой княгини, при которомъ тоже останутся лишь тѣ, кои къ столу будутъ приглашены, и соблюдается при ономъ о здравіяхъ тотъ же

порядокъ, а въ вечеру у ихъ же высочествъ балъ въ обыкновенное время.

Въ четвергъ отдохновеніе.

Въ пятницу, 22-го февраля, маскарадъ для дворянства и купечества.

Въ субботу отдохновеніе.

Въ воскресенье балъ въ старой галлерей и ужинъ по билетамъ для первыхъ 4 классовъ особъ и чужестранныхъ министровъ въ новомъ залѣ.

Въ понедѣльникъ на сырой недѣлѣ отдохновеніе.

Во вторникъ, 26-го февраля, фейерверкъ на Невѣ рѣкѣ противъ Зимняго дворца, на которой могутъ сѣзжаться тѣ обоего полу особы, кои ѣздятъ ко двору, и чужестранные министры, которымъ и собираться въ часовъ ¹⁾).

При всѣхъ обѣдненныхъ столахъ у его императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ (будеть) играть камерная, вокальная и инструментальная музыка.

Обѣ крѣпости и городъ будутъ иллюминованы, а именно: февраля 13, 14, 16, 24 и февраля-жъ 26 числа.

Въ день бракосочетанія, то-есть въ среду, февраля 13, играть на трубахъ и бить литавры, кои поставлены будутъ въ комнатѣ, гдѣ присутствуетъ совѣтъ, при входѣ ея императорскаго величества въ церковь, къ столу въ Мраморную галлерей и при обратныхъ ея шествованіяхъ во внутренніе ея покои.

Сообщилъ И. Парійскій.

---

¹⁾ Часъ не обозначенъ.

и 18 раненых. Результатом этого сражения было занятие города Хайлара, съ его огромными жизненными припасами.

Вторая победа русских, при Якини, 11-го августа, отдала въ наши руки всю западную часть Манчжурии, до горнаго хребта Большой Хинганъ. Сражение 11-го августа разыгралось съ замѣчательной точностью, согласно съ предположеннымъ планомъ. Одновременно, въ 6^{3/4} час. утра, были открыты артиллерійскій огонь съ фронта, и послѣдовалъ ударъ въ правый флангъ пѣхотой. Черезъ 50 минутъ неприятель дрогнулъ и обратился въ бѣгство, преслѣдуемый шестой Терской сотней охранной стражи.

Разсказавъ о подвигахъ добровольца радюваго Алексѣя Стародубова и казака Буторина, авторъ описываетъ бивуакирование отряда на Якшахъ Казачьихъ.

Далѣе авторъ описываетъ движеніе отряда впередъ, на Большой Хинганъ, развѣдки китайской позиціи и взятіе Хингана. «Въ семь съ половиной часовъ утра удачные выстрѣлы нашей батареи заставили замолчать неприятельскую артиллерию, успѣвшую сдѣлать только нѣсколько выстрѣловъ. На позиціи у китайцевъ поднялась страшная суеда, въ особенности потому, что какъ разъ въ это время раздался огонь трехъ казачьихъ баталіоновъ, обомедившихъ правый флангъ. Китайскія орудія снѣжно свалились съ позиціи и потянулись къ главному перевалу, къ кумирнѣ... Не долго продолжался бой. Дружные и одновременныя усилія русскихъ, направленные съ нѣсколькихъ сторонъ, сдѣлали свое дѣло. Китайцы дрогнули... Генераль сдѣлалъ распоряженіе относительно общаго перехода въ наступленіе всего отряда. Началось преслѣдованіе».

Дѣйствія Хайларскаго отряда получили слѣдующую оцѣнку начальства: 23-го іюля командующій войсками Приваурскаго военнаго округа телеграфировалъ: «По картѣ не успѣваю слѣдить за орлинымъ полетомъ Хайларскаго отряда. Поздравляю съ побѣдой и личнымъ занятіемъ Хайлара. Слава Забайкальскому казачьему войску! Слава и поклонъ его наказному атаману; Хайларскому казачьему отряду и его предводителю ура!!! Гродековъ».

Въ слѣдующей главѣ приведены списки георгіевскихъ кавалеровъ Хайларскаго отряда.

Въ заключительной главѣ, говоря о русской военной власти въ Манчжуріи, генераль Орловъ, между прочимъ, замѣчаетъ: Побѣдивъ китайцевъ и занявъ Манчжурію, русскіе, по обыкновенію, выказали чрезвычайное великодушіе. Они относились съ уваженіемъ не только къ собственности, чести покоренныхъ жителей и щадили ихъ жизнь, но еще принались за умротвореніе страны. Говорять о звѣрствахъ и грабежахъ русскихъ. Эти разговоры не что

иное, какъ обобщеніе отдѣльныхъ частныхъ случаевъ, которые возможны на войнѣ всегда и у всякаго народа. Но вообще русскіе въ своемъ великодушіи даже пересаливали.

По мнѣнію генерала Орлова, необходимо теперь же раздѣлить Манчжурію на извѣстное число частей, во главѣ которыхъ поставить русскихъ военныхъ губернаторовъ; они управляли бы ввѣренными имъ областями и рядомъ съ китайской полиціей учредили бы свою, русскую. Тогда жизнь страны не могла бы укрыться отъ наблюденія. А между тѣмъ держать въ своихъ рукахъ всѣ нити управленія необходимо прежде всего для того, чтобы прекратить развившееся за послѣднее время до громадныхъ размѣровъ разбойничество въ странѣ. То тамъ, то самъ появляются шайки хунхузовъ, которые совершаютъ не столько нападенія на русскіе посты, сколько имѣютъ въ виду грабежъ населенія. Во время военныхъ дѣйствій 1900 года русскіе отряды нигдѣ не налагали ни реквизицій, ни контрибуцій; между тѣмъ населеніе должно нести соответственныя повинности. При обычной обстановкѣ съ нихъ собирали эти повинности китайскія власти по приказаніямъ правительства изъ Пекина. Собранныя деньги идутъ въ карманы чиновниковъ, которые пользуются благоприятной обстановкой и тѣмъ, что русскія власти не желали вмѣшаться въ управленіе страной. Если бы подати собирались русскими, то получилось бы солидное воспособленіе тѣмъ расходамъ, которые намъ теперь приходится нести.

Для поддержанія курса русскихъ денегъ слѣдуетъ, по мнѣнію автора, наравнѣ съ бумажками выпускать для уплаты китайцамъ китайское серебро въ ямбахъ (слиткахъ), котораго было очень много въ нашихъ рукахъ. Но всѣ мѣропріятія финансоваго характера, по взиманію податей, относительно упорядоченія торговли, а также полиційскаго характера можно провести въ Манчжуріи лишь тогда, когда управленіе страной будетъ находиться въ нашихъ рукахъ, когда повсюду будутъ русскія власти.

Въ послѣсловіи авторъ объясняетъ появленіе въ свѣтъ своей книги въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Когда я возвратился изъ похода въ Манчжурію, западная половина которой была покорена Хайларскимъ отрядомъ, многіе спрашивали меня о подробностяхъ нашей боевой и походной жизни. Я разсказывалъ, читалъ въ разныхъ городахъ публичныя лекціи и все-таки всѣхъ не удовлетворилъ».

Таково содержаніе новой книги генераль-майора Н. А. Орлова.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИНАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входяція въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: перениска, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разказы и преданія.—Челобитныя, перениска и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и замѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ,
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXII-й.

СЕНТЯБРЬ.

1901 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. Дубровина.....	449—463	XI. Записная книжка „Русской Старины“: Похищеніе изъ церкви флигель-адъютан. Клейнмихелемъ своей невѣсты. Рескриптъ импер. Александра I— С. К. Вязмитинову. 25-го авг. 1816 г. (стр. 464).—Просьба С. Н. Глинки о выдачѣ ему пособія на изданіе его сочиненій. Собственноручн. письмо С. Глинки—графу Аракчееву. 8-го февраля 1817 г. Москва (480).—Объ увольненіи въ отставку прапорщика Полторацкаго за переписку съ парижскимъ книгопродавцемъ. Секретное письмо барона И. И. Дибича—гр. Ф. В. Сакену. 30-го іюня 1823 г. (622).—Рескриптъ императ. Александра I—министру внутрен. дѣлъ кв. Куракину объ уменьшеніи расходовъ на 1810 г. 21-го декабря 1809 года. С.-Петербургъ. Сообщилъ М. Мардарьевъ (642).
II. Императоръ Николай I въ Римѣ въ 1845 г. (Разсказъ Н. А. Рамазанова). Сообщ. С. Н. Великанова.....	465—479	XII. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).
III. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.	481—510	
IV. Императоръ Павелъ. Очеркъ развитія его личности. II.	511—530	
V. Воспоминанія протоіеряя I. I. Базарова.....	531—554	
VI. Былое. Изъ воспоминаній о пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ Р.	555—574	
VII. Любопытное письмо императрицы Екатерины II. А. В. Половцова....	575—578	
VIII. Россія и папскій престоль. П. Цирлинга. (Съ французскаго).....	579—621	
IX. Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи. Сообщ. А. А. Фомина.....	623—641	
X. Цензура въ царствованіе императора Николая I... ..	643—668	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ Н. А. Бичковъ.

2) Портретъ Ивана Петровича Корнилова. Грав. И. И. Хелмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1901 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольшая Подъячская, 39.

1901.

Вибліографическій листокъ.

Великій князь Николай Михайловичъ. Князя Долгорукіе, сподвижники императора Александра I въ первые годы его царствования. Біографическіе очерки. Спб. 1901 г.

Каждая историческая эпоха, — говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, — выдвигаетъ историческихъ дѣятелей, личность которыхъ, ихъ жизненная обстановка и міросозерцаніе налагають отпечатокъ на событія эпохи, даютъ имъ краски, тонъ, живо чувствуемые, хотя и не поддающиеся иногда точному опредѣленію.

Нельзя не согласиться и съ дальнѣйшими словами Великаго Князя, что біографическія подробности объ историческихъ дѣятеляхъ даютъ ключъ къ уразумѣнію истиннаго характера и хода событий, и въ этомъ случаѣ біографія приходитъ на помощь трудамъ общесоціально-историческаго содержания, имѣющимъ предметомъ не лица, а эпоху.

«Для русской исторіи XVIII и начала XIX вѣка біографическія данныя объ историческихъ дѣятеляхъ имѣють въ особенности важное значеніе, такъ какъ руководящая роль въ правительствѣ принадлежала въ это время массѣ избранниковъ и случайныхъ людей, свѣдѣній о которыхъ сохранилось сравнительно очень мало: блеснувъ яркимъ метеоромъ среди своихъ современниковъ, они обыкновенно исчезали въ ихъ памяти съ тою же быстротой, съ какой совершалось ихъ возвышеніе».

Первоначально біографическіе очерки князей Долгорукихъ, сподвижниковъ императора Александра Павловича въ первые годы его царствования, были написаны Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ для «Біографическаго Словаря», издаваемаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ обществомъ. Но въ очерки эти не могли войти многія подробности о Долгорукихъ, не отвѣчавшія задачамъ и размѣрамъ «Словаря». Это побудило высокаго автора издать свой трудъ въ болѣе полномъ видѣ, съ приложеніемъ документовъ, извлеченныхъ имъ изъ государственныхъ и частныхъ архивовъ, и снимковъ въ миниатюру членовъ семьи Долгорукихъ Александровскаго времени.

Разсматриваемая книга состоитъ изъ четырехъ біографическихъ очерковъ, снабженныхъ двѣнадцатью прекрасными снимками съ миниатюръ, частью изъ собственной коллекціи автора, частью принадлежащихъ князю П. В. Долгорукову; вслѣдъ за очерками помѣщена родословная таблица Долгорукихъ, а за нею напеча-

таны очень цѣнные приложенія на русскомъ и преимущественно французскомъ языкахъ.

Первый очеркъ знакомитъ насъ съ жизнію и дѣятельностью князя Петра Петровича Долгорукова, родившагося въ 1744 году и скончавшагося, въ отставкѣ, въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, въ своемъ помѣстьѣ Спѣшневѣ, Тульской губерніи, въ 1815 г.

Службу свою онъ началъ въ Берлинскомъ посольствѣ, но по открытіи войны съ турками отправился въ Морю и командовалъ тамъ Спартанскимъ легиономъ. При императорѣ Павлѣ князь П. П. Долгорукій былъ назначенъ начальникомъ Тульскаго оружейнаго завода; онъ возстановилъ этотъ заводъ, пришедшій въ упадокъ по удаленію отъ службы генералъ-фельдцейхмейстера Вильбоа.

По отзыву современниковъ, князь Петръ Петровичъ былъ мужъ ума обширнаго, учености всеобъемлющей, тверды и возвышенъ духомъ, безкорыстенъ и пламенно любилъ свое отечество.

Во второмъ очеркѣ дана біографія старшаго сына генерала - отъ - инфантеріи князя П. П. Долгорукова — Владиміра Петровича, родившагося въ 1773 г. и скончавшагося 24-го ноября 1817 г. Въ чинѣ подполковника онъ участвовалъ съ Смоленскимъ драгунскимъ полкомъ въ походѣ противъ турокъ въ числѣ войскъ князя Потемкина; въ 1794 г. сражался подъ знаменами Суворова въ Польшѣ, а въ 1796 г. участвовалъ, въ чинѣ полковника, въ Персидскомъ походѣ въ корпусѣ графа Валеріана Зубова. По прекращеніи этого похода императоромъ Павломъ, В. П. Долгорукій, въ числѣ прочихъ четырехъ кавалерійскихъ полковниковъ, былъ отданъ подъ судъ по обвиненію въ разныхъ злоупотребленіяхъ; по обвиненію эти оказались ложными, и всѣ четверо были оправданы. 28-го ноября 1798 г. императоръ Павелъ произвелъ его въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ въ свою свиту и лично возложилъ на него орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго.

При открытіи кампаніи 1805 года князь Владиміръ Петровичъ просилъ разрѣшенія участвовать въ ней и получилъ согласіе. Онъ прибылъ въ армію накаунтъ Аустерлицкаго сраженія, но не успѣлъ принять въ немъ дѣятельнаго участія. Желая оправдать милость новаго императора, онъ отправился въ 1806 году, при открытіи войны съ Турціей, въ Молдавскую армію. Здѣсь онъ получилъ бригаду въ корпусѣ Милорадовича; взявъ

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XII ¹⁾.

Толки о политическихъ событіяхъ.—Записка М. М. Сперанскаго.—Попытки правительства руководить общественнымъ мнѣніемъ.—Основаніе газеты „Сѣверная Почта“.—Положеніе императора Александра I.—Секретный рескриптъ главнокомандующему въ Москвѣ графу Гудовичу.—Объявленіе о заключеніи мира съ Австріею.—Поѣздка императора въ Москву.

Въ началѣ 1809 года императоръ Александръ, по соглашенію съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ, сталъ готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ, чтобы помочь ему разгромить Австрію. Хотя впоследствии война эта оказалась безкровною ²⁾, но приведеніе войскъ въ военное положеніе и движеніе ихъ къ границамъ стоило значительныхъ суммъ и разстраивало и безъ того плохіе наши финансы. Послѣдніе ухудшались еще болѣе и отъ другой войны, которую можно назвать бездымною—войны съ Англіею. Никто не слышалъ британскихъ выстрѣловъ, но всѣ чувствовали тяжесть разрыва съ этою державою. Балтійское море и Финскій заливъ были заняты англійскими крейсерами. Наши военныя суда не выходили изъ портовъ, и англичане безнаказанно и безъ всякаго снисхо-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1900 г.

²⁾ „Другаго названія,—говоритъ Н. К. Шильдеръ,—нельзя присвоить этому странному и небывалому походу русскихъ войскъ. Достаточно сказать, что въ дѣлѣ при Подгуржѣ, 2-го (14-го) іюли, важнѣйшемъ въ продолженіе всей войны 1809 года съ Австріею, были убиты два казака и ранены подполковникъ Стакельбергъ и казачій сотникъ“ („Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. II, стр. 240 и 241).

жденія обходились съ нашими купеческими судами: экипажъ высаживали на берегъ, грузъ брали себѣ, а судно сжигали или топили. Не дѣлая высадокъ, англичане отдавали приказы зрителямъ нашихъ маяковъ, которые, конечно, не исполнялись ⁴⁾, посылали на берегъ за водою, свѣжими припасами и въ то же время передавали начальникамъ нашихъ постовъ англійскія и нѣмецкія газеты съ извѣстіями о томъ, что происходило въ Австріи ⁵⁾.

Такое неопредѣленное положеніе наше съ Англіею, запрещеніе ввоза и вывоза товаровъ тяжело отражалось на внутренней жизни Россіи. Народъ ропталъ на увеличеніе повинностей, купечество банкротилось вслѣдствіе совершеннаго прекращенія торговли, упадка курса и дурнаго состоянія финансовъ. Къ 1810 году серебряный рубль былъ доведенъ до 4 руб. ассигнаціями ⁶⁾. «Я вамъ скажу, писалъ П. В. Чичаговъ графу С. Р. Воронцову ⁴⁾, что однимъ взмахомъ пера насъ обѣднили на двѣ-трети; мука въ Петербургѣ отъ 18 до 25 рублей, дрова отъ 12 до 15 р., сукно отъ 35 до 50 р. аршинъ и т. д. Я не говорю о сахарѣ ⁵⁾, такъ какъ можно обойтись безъ завтрака, но не безъ обѣда. Такимъ образомъ живущіе въ странѣ (Россіи), теряютъ еще больше, чѣмъ тѣ, которые выѣзжаютъ изъ нея, въ виду разницы образа жизни въ Россіи и въ другихъ странахъ. Удары власти неограниченной, произвольной и необдуманной уничтожили зарождающуюся промышленность, а нововведенія и постоянныя перемѣны окончательно поколебали то небольшое довѣріе, которое еще сохранялось къ мѣрамъ правительства».

Чиновничество было недовольно экзаменами, возвышеніемъ цѣнъ на всѣ жизненныя потребности и обвиняло въ томъ купечество, желавшее

⁴⁾ Во время лѣтнихъ свѣтлыхъ ночей, англичане въ плаваніи не подвергались опасности, но съ наступленіемъ темныхъ осеннихъ ночей крейсерство въ Финскомъ заливѣ, наполненномъ множествомъ опасныхъ мелей и островковъ, было сопряжено съ большими трудностями и тѣмъ болѣе, что наше правительство запретило зажигать маяки. Въ такомъ затруднительномъ положеніи англичане разсылали равныя угрозы нашимъ зрителямъ маяковъ. Одинъ изъ такихъ былъ написанъ по-русски слѣдующаго содержанія: „Вице-адмиралъ и разныхъ орденовъ кавалеръ Яковъ Сомаресъ, главно-начальникъ надъ Велико-Британское флота надъ Балтійское море, прикажетъ, что Какшкоръ маякъ былъ соженъ въ ноцію, и за то эта приказаніе будетъ довольно, и наградитъ будутъ людей, а на сопротивъ будутъ наказаны, и маякъ розеренъ, и вы отвезены въ полену въ Англію. Августа 30-го числа 1809 г.“ („Сынъ Отечества“ 1842 г., № 1. Смѣсь, стр. 4).

⁵⁾ Воспомяванія А. П. Бутенева („Русскій Архивъ“ 1881 г., кн. III (1), стр. 51).

⁶⁾ Записки графа Толстого, „Русская Старина“ 1873 г., № 2, стр. 128.

⁴⁾ 26-го марта 1810 г. изъ Парижа. Арх. князя Воронцова, т. XIX, стр. 168.

⁵⁾ За пудъ сахара платили по 80 и даже по 100 рублей.

возмѣстить свои потери на потребителейъ. При такомъ положеніи по Петербургу ходили вирши подъ заглавіемъ «Плачь здѣшняихъ жителей»¹⁾:

Лишь съ Англійей разрывъ въ коммерціи открылся,
То внутренней намъ врагъ на прибыль и пустился.
Враги же есть всѣ тѣ безстыдные глупцы,
Грабители людей, безчестные купцы,
На сахаръ цѣну вновь тотчасъ и наложили.
Полтивы стоялъ фунтъ, рублемъ ужь обложили.
Не иностраннѣй здѣсь, но внутренней грабежъ.
Потребно симъ плутамъ назначить тотъ рубезъ,
Чтобъ сахаръ прежнею цѣною продавали
И противъ совѣсти двойной цѣны не брали.
Сей мерзкій родъ не чтить ни вѣры, ни креста,
Гдѣ есть барышъ продастъ и самого Христа.
Начальство свѣтское вонми сіе моленье,
И отъ злодѣевъ сихъ подаждь намъ избавленье.

Избавленія ждать было не отъ кого; правительство не вмѣшивалось въ подробности торговли, и Карамзинъ писалъ, что «Россія наполнена недовольными. Жалуются въ палатахъ и хижинахъ, не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правительству, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры».

Высшій классъ былъ недоволенъ потерей преобладающаго вліянія Россіи въ Европѣ и войною съ Австріею, свидѣтельствовавшей о подчиненіи нашемъ Наполеону.

«Участіе,—писалъ фельдмаршалъ, князь Прозоровскій князю С. Ѡ. Голицыну²⁾,—приемлемое мною въ вашемъ сіятельствѣ, проистекаетъ отъ усердія моего къ монарху и отечеству и отъ искренняго желанія, чтобы въ настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ удержать Россію—Россіею, поелику то возможно. Министрамъ у двора надлежитъ теперь быть весьма провицательнымъ, дабы рѣшиться, къ которой сторонѣ пристать для сохраненія государства; ибо всякая ошибка произведетъ вредъ невозвратимый. Надлежитъ взять въ примѣчаніе, что если Наполеонъ свергнетъ Австрію, то останется Россія одна, дабы бороться противъ сего непримиримаго война и самодержца почти цѣлой Европы».

«Теперь,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ³⁾,—и послѣдняя преграда (Австрія), раздѣлявшая насъ отъ всемірнаго завоевателя, приближается

¹⁾ Рукопись Императорской публичной бібліотеки F IV, № 547.

²⁾ Въ письмѣ отъ 1-го мая 1809 г. изъ Брандова, „Русскій Арх.“ 1876 г. № 6, стр. 157 Князь С. Ѡ. Голицынъ былъ въ то время главнокомандующимъ арміи, назначенной для дѣйствія противъ Австріи.

³⁾ Князю С. Ѡ. Голицыну 23-го іюля 1809 года изъ Гагаца. Тамъ же, стр. 57 и 58.

къ паденію, вслѣдствіе чего уже Россія должна будетъ приносить жертвы, или бороться съ самодержцемъ пѣлой Европы. Начало несчастія ея (Россіи), какъ и вы заключаете, ознаменовано будетъ возстановленіемъ королевства Польскаго. Но кому сіе исправить, если уже не поздно; неужели графу Румянцову?.. Коленкуръ имъ руководствуетъ по собственному произволу. Прочихъ министровъ вы также знаете...

«Я пользуюсь всѣми возможными случаями и даже всѣми мѣрами выскрываю оныя (случаи), дабы безъ всякой воздержанности обнаруживать двору нашему то, чего мы ожидать должны. Хотя мнѣ на сіе не отвѣчаютъ, однако же примѣчаю я, что начинаютъ у двора открываться глаза и видѣть, что союзъ съ французами для насъ вредъ; но не въ состояніи они основать плана къ полезной перемѣнѣ. Слѣдовательно, все въ замѣшательствѣ, и они, не рѣшаясь ни на что, употребляютъ только самыя малыя и, можетъ быть, даже неприличныя интриги... Я, несмотря ни на что, пишу правду, почитая сіе обязанностью вѣрнаго сына отечества... Впрочемъ, какому бы правленію Россія ни подверглась, мы собственность свою удержимъ, хотя бы съ нѣкоторою перемѣною. Но Голштинскій домъ все потерять можетъ».

Мнѣніе князя Прозоровскаго раздѣляли многіе, и императору Александру были извѣстны многочисленныя толки, пересуды и слухи, распространяемые въ обществѣ. 20-го апрѣля 1809 года была сообщена министрамъ и другимъ лицамъ, стоявшимъ во главѣ правленія, секретная записка, составленная М. М. Сперанскимъ, подъ заглавіемъ: «О составѣ статей для напечатанія въ газетахъ ¹⁾».

Въ этой запискѣ говорилось, что для сообщенія публикѣ нужныхъ свѣдѣній, для направленія общественнаго мнѣнія на путь истинны, для отраженія неправильныхъ и вредныхъ слуховъ и для предупрежденія ложныхъ толковъ о разныхъ происшествіяхъ,—полагается составлять и издавать по временамъ въ вѣдомостяхъ статьи, каждому случаю и обстоятельству соотвѣтствующія на слѣдующемъ основаніи:

- 1) Составленіе этихъ статей, для связи и единообразія, поручается одному лицу—статсъ-секретарю Сперанскому.
- 2) Министры «по наблюденію случаевъ и происшествій» и по соображенію ихъ будутъ доставлять къ Сперанскому записки, означая въ нихъ кратко «разумъ» статей и гдѣ нужно прилагая и выписки изъ самыхъ бумагъ, по коимъ онѣ должны быть составляемы.
- 3) Статсъ-секретарь, составивъ надлежащіе проекты, будетъ представлять ихъ на высочайшее усмотрѣніе и по утвержденіи отправлять для напечатанія, увѣдомляя въ то же время и министра, отъ котораго статья поступила.

¹⁾ Изъ собранія нашихъ автографовъ.

«Исполненіе сего,—сказано въ запискѣ,—принадлежитъ къ министрамъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ и къ здѣшнему военному губернатору, коимъ и сообщить съ сего начертанія списки».

Для придаванія этимъ сообщеніямъ бѣльшей достовѣрности и подъ предлогомъ необходимости доводить до свѣдѣнія публики извѣстія, относящіяся не только до политики и «государственной полиціи», но и государственнаго хозяйства вообще, 5-го августа 1809 года было высочайше повелѣно основать при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особую правительственную газету подъ заглавіемъ: «Сѣверная Почта или новая С.-Петербургская газета».

«Главнѣйшая цѣль сего изданія,—писалъ императоръ Александръ графу Аракчееву¹⁾),—есть та, чтобы, сообщая публикѣ приличныя обстоятельствамъ времени свѣдѣнія, заслуживающія ея вниманіе, содержать всегда умы народныя въ томъ направленіи, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ благонамѣреннымъ видамъ правительства».

Первымъ редакторомъ и цензоромъ этой газеты былъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ, которому поручено было въ случаяхъ, требующихъ высочайшихъ указаній или разрѣшеній, «непосредственно» докладывать императору²⁾. Первый номеръ «Сѣверной Почты» вышелъ 3-го ноября³⁾.

Ожидая скорого появленія газеты, болѣе скорого, чѣмъ это осуществилось, М. М. Сперанскій въ концѣ августа составилъ новую записку, которая и была высочайше утверждена 29-го августа 1809 г.⁴⁾.

¹⁾ Отъ 18-го октября 1809 г., „Русская Старина“ 1870 г., т. I, стр. 485 (по третьему изданію).

²⁾ Рескриптъ князю Алексѣю Борисовичу Куракину. Полн. Соб. Законовъ, т. XXX № 23768. Министерство внутреннихъ дѣлъ приглашало начальниковъ губерній, почтъ-директоровъ и губернскихъ почтмейстеровъ къ немедленному доставленію извѣстій о всемъ томъ, что будетъ признано приличнымъ для внесенія въ газету. О. П. Козодавлевъ съ своей стороны писалъ петербургскому губернатору Бакунину, что въ „Сѣверной Почтѣ“ будутъ помѣщаются „извѣстія о происшествіяхъ достойныхъ свѣдѣнія публики: необыкновенныя происшествія въ натурѣ (т. е. въ природѣ) съ подробнымъ онаго описаніемъ, открытіе какого-нибудь полезнаго заведенія, устроеніе фабрики, распространеніе хлѣбопашества или какого другаго хозяйственнаго предмета, извѣщеніе объ ярмаркахъ и о случившихся въ оныхъ происшествіяхъ и сему подобныя свѣдѣнія, паче до народной промышленности и нравственности касающіяся, равно о хлѣбныхъ урожаяхъ“.

³⁾ Газета выходила два раза въ недѣлю, въ среду и субботу. См. Варандиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, т. I, стр. 250. Газета прекратила свое существованіе въ 1819 году.

⁴⁾ Собственноручный подлинникъ этой записки Сперанскаго находится въ нашемъ собраніи автографовъ. Записка была напечатана въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 31-го августа 1809 года, а потомъ перепечатана въ „Русской Старинѣ“ 1875 года № 3, стр. 632.

«Въ предостереженіе легковѣрности, — сказано въ ней, — признается нужнымъ объявить, что съ нѣкотораго времени, прилежнымъ надзоромъ, открыты и обнаружены здѣсь затѣи праздныхъ людей, старающихся для собственныхъ видовъ озаботить ложными слухами вниманіе публики. Отъ нихъ въ разные времена происходили разные нелѣпые толки, кои, покружась нѣкоторое время въ обществѣ, потомъ сами собой исчезли. Симъ изобрѣтателямъ былей и небылицъ всѣ происшествія служатъ предлогомъ къ страшнымъ предвѣщаніямъ.

«Возстанетъ ли война въ предѣлахъ отъ Россіи удаленныхъ? — они тутъ видятъ уже раздробленіе нашихъ провинцій, бунты, возмущенія и, если имъ повѣрять, то кажется, война уже въ Петербургѣ. Одержана ли войсками нашими побѣда? — по рассказамъ сихъ добрыхъ патріотовъ тутъ убитъ въ сраженіи Каменскій, а тамъ Багратіонъ. Появится ли непріятельскій флотъ въ Балтійскомъ морѣ? — Кронштадтъ пылаетъ по ихъ слову, а Ревель обращенъ уже въ пепель.

«Но внѣшнихъ происшествій для нихъ еще не довольно: дѣятельность политическаго ихъ злословія объемлетъ всѣ предметы и обращается ко внутреннимъ. Тутъ открывается пространное поле для новостей: сегодня выходитъ запрещеніе носить всѣмъ вообще фраки, завтра выйдетъ другое учрежденіе, еще болѣе стѣснительное, а 1-го сентября сего года непременно послѣдуетъ указъ, изпроверяющій всѣ отношенія помѣщиковъ къ поселянамъ. Такой-то министръ или вельможа сильно тому противился и за то впалъ въ немилость; а такой-то, напротивъ, сему содѣйствовалъ, а потому онъ въ силѣ.

«Если бы люди благонамѣренные знали истинные источники сихъ нелѣпыхъ толковъ, они стыдились бы быть орудіемъ злонамѣренности и игралищемъ страстей, для нихъ чуждыхъ.

«Впрочемъ, правительству уже извѣстны и изобрѣтатели сихъ рассказовъ и побужденія, коими они движутся. Происшествія не одинъ разъ посрамляли ихъ пристрастія; но время откроетъ еще болѣе, и тогда безъ пощады преданы будутъ имена ихъ всеобщему посмѣянію».

Изобрѣтателямъ слуховъ наибольшую пищу давали, конечно, военныя дѣйствія. Поэтому «въ пресѣченіе сего зла и въ отвращеніе могущихъ быть отъ того непріятныхъ послѣдствій», императоръ Александръ приказалъ военному министру графу Аракчееву доставлять редактору «Сѣверной Почты» всѣ тѣ извѣстія «по воинской части, которыя приличнымъ образомъ и въ надлежащее время могутъ быть объявляемы публикѣ».

Но ни эта мѣра, ни угрозы придать посмѣянію имена рассказчиковъ новостей не дѣйствовали, и слухи самые нелѣпые по-прежнему распространялись не только въ Россіи, но и за границею. Въ главной квартирѣ эрцгерцога австрійскаго Фердинанда серьезно рассказывали,

что императоръ Александръ отрекся отъ престола и передалъ регентство Сенату ¹⁾).

Всѣ эти слухи, главнѣйшимъ образомъ, исходили изъ Москвы.

«До свѣдѣнія моего дошло,—писалъ государь главнокомандующему въ Москвѣ генераль-фельдмаршалу графу Гудовичу ²⁾),—что въ Москвѣ между торговцами носятся весьма нелѣпыя о правительствѣ слухи. Утверждаемо было, между прочимъ, что будто въ Совѣтѣ, въ моемъ присутствіи, сдѣлано мнѣ отъ всѣхъ членовъ онаго сильное представленіе о бѣдствіяхъ, грозящихъ Россіи отъ настоящей политической системы, и что представленіе сіе вынужденъ я былъ принять и съ нимъ согласиться».

«Хотя разглашенія сему подобныя, какъ сами въ себѣ, по нелѣпости ихъ, такъ и по роду людей, между коими они разносятся, не заслуживали бы уваженія; но восходя къ источнику ихъ, нельзя не признать, что они происходятъ не отъ одной праздности и невѣжества, но паче отъ внушенія людей злонамѣренныхъ, пользующихся для собственныхъ своихъ видовъ легковѣрностью простаго народа».

«Въ семъ уваженіи, я считаю нужнымъ обратить вниманіе ваше на сіи слухи. Опровергая ихъ благоразумными внушеніями вашими, по мѣрѣ какъ они рождаются, стараться наипаче должно дойти до перваго ихъ источника. Дѣйствіемъ непримѣтнаго, но точнаго надзора, переходеніемъ отъ одного разглашенія къ другому, можно безъ огласки достигнуть до перваго и тогда не трудно уже будетъ все обнаружить. Первый опытъ сему вы сдѣлаете въ разглашеніи вышеприведенномъ и о послѣдствіяхъ его мнѣ донесете».

«Само собою, впрочемъ, разумѣется, что во всѣхъ дѣлахъ сего рода должно употреблять мѣры непримѣтныя, дабы изысканія таковыя не обратились въ настоящее слѣдствіе, коего гласность усилить только слухи, а не приведетъ къ ихъ началу».

Графъ Гудовичъ отвѣчалъ ³⁾), что, черезъ оберъ-полиціймейстера, онъ зорко слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ въ Москвѣ и часто внушаетъ населенію, «сколь мы счастливы подъ мудрою державою вашего величества, что, при столь смутныхъ въ другихъ частяхъ Европы обстоятельствахъ, мы ничѣмъ не стѣснены, но ниже малѣйшихъ своихъ выгодъ и прихотей не убавили». Фельдмаршалъ просилъ государя положиться во всемъ на него и на «извѣстія о справедливости которыхъ я доносить вашему величеству не упущу, ибо нѣкоторые, можетъ

¹⁾ Меттернихъ и его внѣшняя политика. „Русская Стар.“ 1900 № 9, стр. 532.

²⁾ Въ секретномъ рескриптѣ отъ 14-го сентября 1809 года.

³⁾ Собственноручнымъ рапортомъ отъ 27-го сентября 1809 г.

быть, стараясь оказать нѣкоторую услугу, могутъ тревожить васъ, все-милостивѣйшій государь, несправедливыми извѣстіями».

Положиться на слова и обѣщанія московскаго главнокомандующаго, по словамъ графа Ростопчина, совершенно бездѣтельнаго ¹⁾, было трудно и надб было прискаты другіе способы къ уничтоженію ложныхъ слуховъ.

Между тѣмъ политическія обстоятельства измѣнились. 5-го сентября 1809 года гр. Румянцевъ подписалъ Фридрихсгамскій миръ, по которому Финляндія съ Аландскими островами были присоединены къ Россіи, а 2-го октября Наполеонъ заключилъ съ Австріею Шенбрунскій миръ, по которому Россія получила Тарпонольскую область, а большая часть Галиціи отошла къ Варшавскому герцогству.—Оба событія не были встрѣчены изъявленіями общей радости... Только немногіе понимали всю важность присоединенія Финляндіи. Уступка же намъ Тарпонольской области вызвала полное неудовольствіе со стороны общества. Въ ней видѣли простую подачку Наполеона.—«Общее мнѣніе Россіи,—говоритъ Гречъ ²⁾,—порицало Александра. Наполеонъ осрамилъ его, давъ ему изъ земель, отнятыхъ у Австріи, не именно какую-нибудь область, а четыреста тысячъ душъ, какъ, бывало, у насъ цари награждали своихъ клевретовъ». Н. И. Гречъ повторяетъ слова своихъ современниковъ, говорившихъ, что «Россія французамъ не помогла, а австрійцевъ обидѣла. Полумѣры безсовѣстныхъ и вредныхъ».

Необходимо было возстановить общественное мнѣніе и убѣдить его въ пользѣ пріобрѣтеній. Съ этою цѣлью 1-го ноября были разсланы рескрипты почти тождественнаго содержанія: министру внутреннихъ дѣлъ, московскому главнокомандующему и другимъ лицамъ ³⁾.

«На сихъ дняхъ,—говорилось въ нихъ,—получено извѣстіе о разнѣн ратификацій мирнаго трактата, между Францію и Австріею заключеннаго, съ чѣмъ вмѣстѣ и война Россіи съ сею державою прекратилась.

«По основаніямъ сего мира Австрія остается по-прежнему сосѣдомъ нашимъ въ Галиціи; польскія провинці вмѣсто предполагаемаго ихъ соединенія пребудутъ навсегда раздѣленными между тремя державами.—Россія пріобрѣтаетъ вновь знаменитую часть сихъ областей.—Другая

¹⁾ Графъ Иванъ Васильевичъ (Гудовичъ),—чисалъ гр. Ростопчинъ,—дѣлаетъ противное калифу Гарунъ-Альрашиду, которому всякое утро напоминали для уничтоженія, что онъ человекъ. А нашему, хотя онъ и не вантрилокъ, но собственный утробный гласъ кричитъ ежесекундно:—Ты фельдмаршалъ! Гудовичъ! графъ! Главный! Грозный! Герой! Посему извольте себѣ представить, какъ онъ милъ для просителей и посѣтителей. („Русскій Арх.“ 1876 г., т. I, 375).

²⁾ Записки о моей жизни Н. И. Греча. Изд. 1866 г., 267.

³⁾ Сборникъ Археологическаго института 1879 г., кн. II, отдѣленіе II, стр. 46 и 47. Арх. минист. внутрен. дѣлъ 1809 г. дѣло № 35.

часть ихъ, смежная съ герцогствомъ Варшавскимъ, присоединяется къ владѣніямъ короля Саксонскаго.—Такимъ образомъ, окончивъ благополучно Шведскую войну, слагаемъ мы вслѣдъ за тѣмъ бремя войны австрійской.—Всѣ мечтанія объ отторженіи польскихъ областей исчезаютъ.—Настоящій вещей порядокъ преграждаетъ(?) ихъ и на будущее время.—Вмѣсто потери, Россія расширяетъ въ сей странѣ свои владѣнія.

«Возславъ Господу Богу благодареніе за столь счастливое сей войнѣ окончаніе, мы поспѣшаемъ возвѣстить вамъ о семъ радостномъ происшествіи, бывъ удостовѣрены, что всѣ вѣрные подданные наши соединятъ съ нами благодарныя ихъ моленія ко Всевышнему, сугубо благословляющему Россію славнымъ и вождѣльнымъ миромъ».

Министру внутреннихъ дѣлъ поручено было сообщить объ этомъ всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, съ приложеніемъ записки, составленной министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Румянцевымъ и высочайшее утвержденной, но отправленной отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ.

Записка эта, составленная 8 ноября, была отправлена губернаторамъ 18 ноября 1809 г. и была слѣдующаго содержанія ⁴⁾:

«На сихъ же дняхъ г. государственный канцлеръ графъ Румянецъ сообщилъ мнѣ: во-первыхъ, письмо, полученное его императорскимъ величествомъ отъ императора Наполеона, писанное прежде нежели оный миръ заключенъ былъ, въ которомъ увѣдомляетъ онъ его величество, что мирные переговоры, начатыя между Франціею и Австріею, приведены почти къ окончанію, и что сообразно съ желаніемъ государя императора большая часть Галиціи останется за Австріею,—поручаетъ въ милостивое благорасположеніе его величества герцогство Варшавское, изъясняя, что благоволеніе его величества нужно для благосостоянія сего владѣнія, и заключаетъ, что онъ примиряется съ Австріею вообще на самыхъ умѣренныхъ условіяхъ, зная, что сіе послужитъ къ благоудности его величества; во-вторыхъ, письмо къ нему, государственному канцлеру, отъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Шампаньи, писанное уже послѣ заключенія того мира. Въ семъ письмѣ оный министръ изъясняется между прочимъ положительно, что императоръ, государь его, не только не намѣренъ питать надежды о восстановленіи бывшаго королевства Польскаго и не имѣетъ о томъ никакого помышленія; но расположенъ даже содѣйствовать, дабы память онаго изгладилась въ умахъ прежнихъ польскихъ подданныхъ, и что императоръ Наполеонъ, согласуясь, чтобы названіе Польши и поляковъ уничтожилось не только въ публичныхъ актахъ, но и въ самой исторіи,

⁴⁾ Архивъ министерствъ внутрен. дѣлъ 1809 г. дѣло № 35.

повторяеть увѣренія, что его величество употребить всякое со стороны своей содѣйствіе, дабы укоренить между жителями бывшей Польши тишину, спокойствіе и повиновеніе властямъ существующимъ, въ полномъ убѣжденіи, что сіе послужитъ не только къ отвращенію отъ нихъ новыхъ бѣдствій, но и къ прочному ихъ благосостоянію.

«Вмѣстѣ съ сими письмами, графъ Н. П. Румянцевъ сообщилъ мнѣ также свое заключеніе, что, основываясь на толь положительныхъ увѣреніяхъ о расположеніяхъ императора Наполеона, онъ не сомнѣвается, что французское правительство не замедлитъ приступить къ особому съ нами постановленію, по которому навсегда исчезнутъ надежды и мечты людей легкомысленныхъ о возстановленіи королевства Польскаго и пресѣкуются всѣ недѣльны о томъ разглашенія.

«Сіи свѣдѣнія я почитаю нужнымъ сообщить вашему превосходительству съ тѣмъ, чтобы вы могли руководствоваться ими въ вашихъ отзывахъ, гдѣ нужно будетъ, а также употребить и въ руководство общаго мнѣнія о тѣхъ предметахъ внушеніями вашими, основанными на семъ изложеніи и посредствомъ людей, которыхъ сіи свѣдѣнія интересовать могутъ. Долгомъ однако же считаю примѣтить, что копій съ сего письма отнюдь никому раздавать не должно».

Зная, что Москва въ то время была головою и сердцемъ русской жизни, императоръ Александръ рѣшился самъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, посѣтить первопрестольную столицу.

Въ концѣ августа 1809 года принцъ Георгій Ольденбургскій, назначенный новгородскимъ, тверскимъ и ярославскимъ генераль-губернаторомъ, отправился для постоянного жительства въ Тверь, вмѣстѣ съ супругою Екатериною Павловною, любимою сестрою императора Александра I. Бывшій дворецъ, въ которомъ помѣстилась молодая чета, былъ наскоро отдѣланъ, и Александръ объявилъ, что желаетъ лично посмотрѣть, какъ устроились сестра и зять. Онъ намѣренъ былъ прибыть въ Тверь къ 24-му ноября, — дню именинъ великой княгини, но обстоятельства сложились такъ, что онъ могъ выѣхать изъ Петербурга только 28-го ноября ¹⁾. Въ этотъ день государь отправилъ рескриптъ главнокомандующему въ Москвѣ графу Гудовичу, въ которомъ писалъ ²⁾:

«По отличному уваженію моему къ древней россійской столицѣ, я всегда желалъ сколь можно чаще посѣщать ее. Разныя обстоятельства и положеніе дѣлъ политическихъ, призывавшихъ вниманіе мое на другіе

¹⁾ М. И. Богдановичъ въ своей „Исторіи царствованія императора Александра“ и Ф. Вигель въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ говорятъ, что Александръ пріѣхалъ въ Тверь къ 24-го ноября, что не вѣрно.

²⁾ Въ рескриптѣ отъ 28-го ноября. Сборникъ Археологическаго института 1879 г. книга II, отдѣленіе II, стр. 49 и 50.

предметы, доселѣ были сему препятствіемъ; нынѣ съ удовольствіемъ срътаю первую къ тому удобность. Мнѣ пріятно дать ей личный знакъ особеннаго вниманія моего къ обывателямъ Москвы; чувство приверженности ихъ и усердія, столь краткіе опыты любви ихъ къ отечеству требуютъ сей справедливости. Я вмѣняю себѣ особеннымъ удовольствіемъ лично ихъ въ семъ удостовѣрить».

Черезъ два дня государь писалъ ему же ¹⁾ изъ Твери: «Будучи столь близко Москвы, я желаю посѣтить сей древній первопрестольный градъ. Я предполагаю въ будущій понедѣльникъ, 6-го числа, по утру пріѣхать въ Петровскій дворецъ и оттуда прибыть къ часу по полудни прямо въ Успенскій соборъ. Никакой встрѣчи мнѣ въ Петровскомъ дворцѣ не нужно; распорядитесь, чтобъ меня ожидали въ соборѣ. Пребываніе мое въ Москвѣ я намѣренъ продлить до 12-го числа вечера».

Между тѣмъ жители столицы, не зная о намѣреніи Александра, который не былъ въ Москвѣ со времени коронаціи, и воспользовавшись близкимъ его пребываніемъ, отправили въ Тверь двухъ депутатовъ: графа Ивана Андреевича Остермана и князя Петра Алексѣевича Голицына просить императора посѣтить первопрестольную столицу. Просьба эта была принята благосклонно, ибо соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе видамъ самого государя.

Въ 9 часовъ утра, 6-го декабря, императоръ Александръ I, вмѣстѣ съ принцемъ Ольденбургскимъ и его супругою, прибылъ въ Москву и остановился въ домѣ отставнаго генераль-поручика князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго, такъ какъ Петровскій дворецъ оказался не отопленнымъ и помѣщенія его были сыры. Несмотря на запрещеніе встрѣчи, жители запрудили всѣ улицы. Сопровождаемый принцемъ и многочисленной свитой, государь и принцъ верхами, а великая княгиня Екатерина Павловна въ придворной каретѣ подѣхали къ заставѣ, гдѣ были встрѣчены фельдмаршаломъ графомъ Гудовичемъ, при громадномъ стеченіи народа. Толпа была такъ велика, что трудно было ѣхать.

— Берегитесь, берегитесь, — часто повторялъ государь, — чтобы не зашибла лошадь.

— Батюшка! — кричалъ народъ; — мы на плечахъ и тебя и лошадь твою понесемъ; намъ подь тобою легко.

Съ большимъ затрудненіемъ ѣхалъ Александръ среди толпы; народъ цѣловалъ его ноги, платье и даже лошадь, на которой онъ ѣхалъ; многіе стирали платками потъ съ лошади и говорили: «мы дѣтямъ, внукамъ и

---

¹⁾ Отъ 30-го ноября изъ Твери. Тамъ же, стр. 50. Рескриптъ этотъ перепечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1880 г. т. III, стр. 371.

правнукамъ оставимъ это на память». Вспоминая этотъ день, Александръ говорилъ: «C'était le plus beau jour de ma vie» ¹⁾. При вступленіи въ Кремль прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ о взятіи Браилова. У входа въ Успенскій соборъ собралось духовенство съ митрополитомъ Платономъ во главѣ, привѣтствовавшимъ императора краткою рѣчью. По вступленіи въ соборъ, военный министръ графъ Аракчеевъ, по приказанію государя, прочиталъ донесеніе о взятіи Браилова, а затѣмъ отслуженъ былъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Приложившись къ св. мощамъ и иконамъ, Александръ вышелъ изъ собора при громѣ пушекъ, крикахъ «ура!» и, среди колокольнаго звона всѣхъ сорока-сороковыхъ московскихъ церквей, отправился въ Слободской дворецъ, при чемъ при каждой церкви, находившейся на пути слѣдованія, его встрѣчало духовенство съ крестомъ и хоругвями. Во дворцѣ его ожидали служащіе и вся знать Москвы. Войдя въ залу, государь со многими разговаривалъ и особенно долго съ Н. С. Мордвиновымъ ²⁾, а затѣмъ особы первыхъ двухъ классовъ были приглашены къ столу. Въ тотъ же день вечеромъ Александръ посѣтилъ театръ, гдѣ давалась пьеса «Старинныя святки». При входѣ въ ложу государь былъ встрѣченъ крикомъ «ура!», а когда заплѣли арію «Слава царю», то публика встала со своихъ мѣстъ и, обратившись лицомъ къ Александру кричала: «слава нашему царю».

На другой день, 7-го декабря, государь, проѣзжая по одной изъ улицъ, уронилъ платокъ. Народъ бросился поднимать его и просилъ подарить ему платокъ.

— Батюшка! у тебя платковъ много, а ты у насъ одинъ—пожалуй намъ его.

Лишь только государь изъявилъ свое согласіе, какъ платокъ былъ разорванъ на мелкіе куски, и каждый получившій кусочекъ несъ его домой какъ святыню.

Въ тотъ же день вечеромъ былъ балъ въ Дворянскомъ собраніи, куда съѣхалось болѣе 2.000 человѣкъ. Тѣснота и духота были ужасныя.

— Здѣсь жарко, какъ въ банѣ,—замѣтилъ императоръ, обращаясь къ предводителю дворянства,—а весело какъ въ раю.

Слова эти привели всѣхъ въ восторгъ, и на другой день, 8-го декабря, старшины Дворянскаго собранія явились благодарить Александра, оставшагося на балѣ до часа по-полуночи. Государь принялъ ихъ ласково, изъявилъ желаніе записаться въ члены собранія, на общихъ

¹⁾ Это былъ лучшій день въ моей жизни.

²⁾ Вскорѣ послѣ разговора Н. С. Мордвиновъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ департамента экономіи.

правилахъ ¹⁾), и пригласилъ старшинъ къ обѣду, а вечеромъ—всѣхъ дворянъ на балъ.

Москвичи были въ восторгѣ отъ государя, а государь отъ москвичей. «Кто жъ изъ владыкъ земныхъ когда-либо былъ такъ встрѣчаемъ?—спрашивали они съ самодовольствомъ.—Какой побѣдитель, съ триумфомъ входящій, осыпаемъ былъ столь простыми выраженіями сердечныхъ чувствованій ²⁾)?

Императоръ Александръ не скрывалъ, что чистосердечная преданность москвичей произвела на него глубокое впечатлѣніе и выражена была всѣми классами народа въ такой трогательной формѣ, что у него невольно навертывались слезы на глазахъ ³⁾.

9-го декабря императоръ Александръ обѣдалъ у гр. Остермана и былъ на балу у гр. Гудовича. На слѣдующій день онъ присутствовалъ въ маскарадѣ, данномъ купечествомъ, гдѣ было до 3.000 человекъ. 11-го декабря онъ посѣтилъ Московскій университетъ, обѣдалъ у гр. Гудовича, а вечеромъ былъ въ театрѣ.—Московскіе праздники закончились днемъ рожденія государя 12-го декабря. Въ этотъ день былъ съѣздъ при дворѣ, обѣдъ, а вечеромъ маскарадъ, на который было роздано до 20.000 входныхъ билетовъ. Въ 12-мъ часу ночи, прямо съ маскарада, Александръ въ открытыхъ саняхъ выѣхалъ въ Петербургъ, о чемъ жителямъ Москвы было возвѣщено пушечными выстрѣлами; 14-го декабря, въ десять часовъ вечера, онъ былъ уже въ Зимнемъ дворцѣ.

¹⁾ Въ 1810 году онъ возобновилъ подписку. „Господа старшины Россійскаго благороднаго собранія!—писалъ Александръ отъ 29-го декабря 1810 г.—Мнѣ всегда пріятно вспомнить время, когда личнымъ моимъ среди васъ присутствіемъ могъ я дать Московскому благородному обществу новый опытъ отличнаго моего къ нему вниманія. Принявъ тогда званіе члена благороднаго собранія, нынѣ съ удовольствіемъ оно возобновляю. Симъ желаю и означить, сколь много цѣню я чувства приверженности, коими сословіе сіе всегда отличалось. Союзъ, полагаемый усердіемъ его членовъ и моимъ къ нимъ благорасположеніемъ, пребудетъ неразрывенъ. И въ отсутствіи моемъ среди васъ я находиться буду“. Получивъ этотъ рескриптъ, старшины Благороднаго собранія „усердно“ просили П. И. Голенищева-Кутузова „сочинить на сей случай хоръ“.—„И,—писалъ онъ гр. Разумовскому,—и по внушеніямъ сердца моего и по ихъ желанію, сіе исполнивъ, имѣю честь послать къ вашему сіятельству нѣсколько экземпляровъ, прося, буде заблагоразсудите, довести сіе до свѣдѣнія ихъ императорскихъ величествъ“. (Письмо отъ 9-го января 1811 г. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, т. II, стр. 328).

²⁾ Журналъ посѣщенія Москвы императоромъ Александромъ I и краткаго пребыванія въ семъ первопрестольномъ градѣ въ 1809 г. Москва, изд. 1810 г. Воспоминанія гр. Мордвиновой, изд. 1873 г., стр. 47. Арх. Синода, д. № 1040. Исторія жизни и царствованія Императора Александра, С. Глинки. Изд. 1828 г., стр. 65.

³⁾ Слова, сказанныя имъ Коленкору послѣ возвращенія изъ Москвы. Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ“, т. II, стр. 304, прим. 433.

Замѣчательно, что почти въ одно и то же время и на двухъ противоположныхъ концахъ Европы, въ Москвѣ и Парижѣ, два друга-друга праздновали плоды своихъ нравственныхъ побѣдъ. Но какая была между ними разница!

— Теперь недостаетъ только того, — говорили свидѣтели встрѣчи государя въ Москвѣ, — чтобы Наполеонъ взглянулъ на Александра и на русскій народъ.

Въ то время когда Александръ «былъ затѣсенъ народомъ и сердцами россиянь», Наполеонъ при вѣздахъ своихъ въ Парижъ «прячется среди грозной стражи; онъ страшится лицомъ къ лицу встрѣтиться съ народомъ французскимъ»¹⁾.

Закончивъ самымъ блестящимъ образомъ политическій 1809 годъ, Наполеонъ съ особымъ торжествомъ праздновалъ 3-е декабря (21-е ноября) — день своей коронаціи.

Шествіе изъ Тюильрійскаго дворца въ соборную церковь Богородицы, начавшееся въ половинѣ 11-го часа утра, продолжалось цѣлые два часа, между поставленными въ два ряда войсками. Императоръ ѣхалъ въ великолѣпной каретѣ съ королемъ Вестфальскимъ. Карету окружали знатнѣйшіе чиновники верхами. У входа въ церковь Наполеонъ былъ встрѣченъ всѣмъ духовенствомъ и, въ предшествіи его, подъ балдахиномъ взшелъ на приготовленный тронъ. Ниже по обѣ стороны заняли мѣста короли Вестфальскій и Неаполитанскій, принцы, министры и проч. Императрица стояла противъ императора и по обѣ стороны ея находились: короли Саксонскій и Вюртембергскій, королевы Голландская и Вестфальская и принцесса Боргозе. Двѣнадцать кардиналовъ и множество епископовъ присутствовали при богослуженіи. При входѣ въ церковь и по выходѣ изъ оной императоръ передъ алтаремъ колѣнопреклоненно молился.

По окончаніи божественной службы Наполеонъ отправился въ законодательное собраніе, гдѣ были ему представлены вновь избранные члены и приведены къ присягѣ. Затѣмъ императоръ обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой исчислилъ «все свои дѣянія, со времени послѣдняго засѣданія совершенныя». Онъ говорилъ о покореніи Аррагоніи, Кастилии, постановленіи французскихъ орловъ на стѣнахъ Вѣны, и присоединеніи къ Франціи Тосканы, Рима, провинцій Иллирійскихъ, о расширеніи земель, принадлежащихъ союзнымъ съ Франціею королямъ и проч. Потомъ упоминалъ о неудачахъ Англіи и союзныхъ съ нею державъ; о потеряхъ Швеціи, терпимыхъ отъ союза съ Англіею,

¹⁾ Исторія жизни и царствованія императора Александра I, С. Н. Глинки. Изд. 1828 г., стр. 65 и 66.

и бѣдствіяхъ Порты отъ того же. При этомъ не стѣсняясь Наполеонъ сказалъ, что счумѣетъ наказать Порту, если она не перестанетъ слѣдовать внушеніямъ Англіи. Въ заключеніе своей рѣчи онъ упомянулъ о союзѣ съ Россією и выразилъ, что чувства расположенія его къ императору Александру вполне согласуются съ политическими его видами ¹⁾).

Русскій императоръ не раздѣлялъ этихъ послѣднихъ словъ и былъ другаго мнѣнія. Хотя онъ и возвѣстилъ своимъ подданнымъ о выгодѣ для Россіи мира, заключеннаго Наполеономъ съ Австрією, но не могъ не сознать, что основы этого мира противны его желаніямъ и пользѣ Россіи.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1810 г. № 1, стр. 7—79.

**Похищеніе изъ церкви флигель-адъютантомъ Клейнмихелемъ
своей невѣсты.**

Рескриптъ императора Александра I С. К. Вязмитинову.

25-го августа 1816 г.

Сергѣй Козьмичъ! Изъ рапорта вашего о происшествіяхъ въ С.-Петербургѣ увидѣлъ я, что тамошній плацъ-маіоръ, флигель-адъютантъ мой Клейнмихель увезъ изъ церкви дочь г-жи Кокоскиной и противъ воли матери ея на ней женился. Поступокъ предосудительный тѣмъ болѣе, что онъ по должности обязанъ охранять то благочиніе, правила коего имъ нарушены и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ самая святость должна была остановить его. Таковымъ поступкомъ заслужилъ онъ всю мѣру законнаго взысканія. Я повелѣваю вамъ арестовать его на двѣ недѣли, замѣтя ему, что онъ строжѣе не наказывается единственно изъ уваженія къ безпорочной и ревностной прежней его службѣ. Пребываю вамъ благосклонный.

Императоръ Николай I въ Римѣ

въ 1845 году

(Разсказъ Н. А. Рамазанова)¹⁾.

Еще задолго до прибытія императора Николая I въ Римъ, этотъ городъ наполнился слухами объ его пріѣздѣ. Каждый итальянецъ, исполненный удивленіемъ предъ славнымъ именемъ Николая I, по-своему рисовалъ образъ богатыря Сѣвера.

По слухамъ, дошедшимъ до нашей художественной братіи, русскіе дворяне, бывшіе въ Римѣ, встрѣтили государя спѣтымъ въ стихахъ привѣтствіемъ, въ посольскомъ дворцѣ подлѣ Пантеона. Посланныкъ же А. П. Бутеневъ выѣзжалъ на время присутствія государя въ Римѣ, въ Hôtel de Russie.

Государь пріѣхалъ въ Римъ изъ Чивита-Веккіи, въ страшно бурную ночь съ 12-го на 13-е декабря (нов. ст.), такъ что порывы вѣтра ломали деревья и заставляли римлянъ ранѣе обыкновенной поры возвращаться къ своимъ домашнимъ очагамъ.

Вотъ чтò мы слышали чрезъ служащихъ въ нашемъ посольствѣ о посѣщеніи императоромъ Николаемъ I папы Григорія XVI. При первыхъ привѣтствіяхъ со стороны обоихъ вѣнценосцевъ, папа выразилъ сожалѣніе, что пріѣздъ высокаго гостя сопровождался яростной бурей.

---

¹⁾ Извѣстный ваятель Николай Александровичъ Рамазановъ былъ въ то время посланъ Академіею художествъ за границу для усовершенствованія въ искусствѣ ваянія. Въ примѣчаніи къ разсказу авторъ говоритъ: „Написалъ правдиво, сохраняя въ совершенной памяти всю точность словъ, сказанныхъ государемъ, безъ вычуръ и прикрасъ. 2-го февраля 1855 года“.

Р е д.

— Не беспокойтесь, ваше святѣйшество,—отвѣчалъ государь,— я къ бурямъ привыкъ.

Дальнѣйшій разговоръ двухъ владыкъ и представителей православія и католицизма, длившійся слишкомъ часъ, замеръ въ стѣнахъ Ватикана и извѣстенъ одному Богу.

Государь пріѣхалъ къ папѣ въ парадномъ, если не ошибаюсь, конногвардейскомъ мундирѣ въ двухмѣстной каретѣ посланника, на сѣрыхъ бойкихъ лошадяхъ. Я видѣлъ его мелькомъ на площади Св. Петра при самомъ вѣздѣ на Ватиканскій дворъ. При видѣ государя, сердце мое рвалось наружу. «Полюбуется ватиканскій старикъ»,—подумалъ я,—«каковъ нашъ царь!» и тутъ же бросился въ Петропавловскій соборъ, выжидать тамъ появленія нашего монарха; но вышло иначе. Пришлось увидѣть императора при торжественномъ выходѣ изъ ватиканскихъ залъ, что подъ Бертилевской колоннадой. Последняя была наполнена множествомъ городскихъ обывателей и пріѣзжихъ иностранцевъ всѣхъ націй; широкія ступени сходовъ подъ колоннадой были засыпаны красивыми щеголеватыми офицерами папской гвардіи и пестроодѣтыми швейцарцами. Эта грубая наемная стража безпрестанно пугала столпившійся народъ своими блестящими алебардами, для очищенія свободнаго схода царя къ коляскѣ. И вотъ завидѣли мы вдаль спускавшаго съ лѣстницы вѣнценоснаго красавца, и все смолкло. Самые швейцарцы, дотолѣ сдерживавшіе любопытныхъ, были поражены величественнымъ видомъ нашего монарха и тѣмъ дали возможность одному старому молодцоватому трансверинцу просунуться между ними и почти въ глаза воскликнуть приближавшемуся государю:

— О, какъ бы хорошо было, если бъ ты былъ нашъ государь!

Въ эту минуту восторгъ мой не имѣлъ предѣловъ. Представитель Трансверера, великорослый дородный старикъ, съ прядями сѣдыхъ волосъ по плечамъ, въ чистой рубахѣ, съ перекинутой чрезъ плечо синюю бархатной курткой, съ звучнымъ своимъ голосомъ, прямой потомокъ истыхъ римлянъ, созерцая блага царя, дотога былъ пораженъ его видомъ, что забылся въ преддверіи дворца своего государя и главы своей Церкви.

Дверцы посольской кареты захлопнулись, и изумленная толпа долго провожала глазами удалявшійся экипажъ, въ который сѣлъ государь.

До пріѣзда императора въ Римъ, намъ отъ князя Волконскаго велѣно было сбрить бороду и усы. Мы оголились такъ, что никто насъ не узнавалъ. При этомъ иностранные художники, обѣдавшіе съ нами въ отелѣ Лепре, украдкой подсмѣивались надъ нами, а мы смѣялись надъ ними въ-явѣ, гордясь тѣмъ, что ожидаемъ нашего высокаго гостя,

въ угоду которому способны жертвовать не только бороδοю и усами, но въ случаѣ нужды и жизнью.

Въ тотъ же день государь переодѣлся въ статское платье и поѣхалъ въ соборъ Св. Петра. Мы всѣ, т. е. пенсіонеры его величества и проживавшіе здѣсь на свой счетъ русскіе художники, собрались за завтракомъ у того же Лепре. Вдругъ посланный вице-президента, графа Толстаго, объявилъ намъ, чтобы мы немедленно ѣхали въ Петропавловскій соборъ для представленія его величеству. Мигомъ мы долетѣли въ коляскахъ до римскаго каменнаго чуда и вошли въ этотъ необъятный храмъ; но послѣдній—насъ уже не занималъ, а все наше вниманіе было сосредоточено на колоссальной фигурѣ человѣка, одѣтаго въ коричневаго цвѣта пальто, застегнутаго на всѣ пуговицы. Съ нимъ ходилъ графъ Ѡ. П. Толстой. Медленно мы приблизились къ нашему государю въ числѣ слишкомъ двадцати человѣкъ. Онъ обернулся, привѣтствовалъ насъ легкимъ наклономъ головы и мгновенно окинулъ насъ своимъ быстрымъ, блестящимъ взглядомъ.

— Художники вашего величества,—сказалъ графъ, указывая на насъ.

— Говорятъ, гуляютъ шибко.

— Государь,—отвѣтилъ графъ,—какъ работаютъ, такъ и гуляютъ.

— Посмотримъ!—замѣтилъ царь.

Обратившись снова къ вице-президенту, онъ указывалъ ему то на одно, то на другое произведеніе, съ которыхъ желалъ имѣть снимки и копии.

Не могу при этомъ не замѣтить слѣдующаго:

По стѣнамъ, окаймляющимъ средину храма Петра и Павла, прикнута большое число деревянныхъ будочекъ, назначенныхъ для исповѣди католиковъ всевозможныхъ націй; на каждой будочкѣ есть надпись, такъ: *lingua spagnola*, *lingua illirica*, и проч. Когда государь, сопровождаемый графомъ Толстымъ и нами, вышелъ на средину храма, ни въ одной изъ многочисленныхъ будочекъ не было ни поповъ, ни монаховъ, лишь въ исповѣдницѣ, съ надписью *lingua polaca*, зашевелился, весь одѣтый въ бѣломъ, капуцинъ. Царь пошелъ прямо къ нему... Мы всѣ были поражены этимъ движеніемъ монарха и неожиданнымъ присутствіемъ поляка. Государь облокотился рукою на выступъ будочки и въ этомъ положеніи говорилъ съ польскимъ капуциномъ минутъ десять. На какомъ языкѣ и что было сказано, мы не слышали.

Когда императоръ отходилъ отъ будочки, капуцинъ благоговѣнно и долго кланялся ему вслѣдъ. Мы снова послѣдовали за нашимъ монархомъ, который, быстро обозрѣвая украшенія храма, отдавалъ приказанія графу Толстому поручить сдѣлать копии то съ того, съ другаго произведенія и много восхищался великолѣпіемъ храма.

*

— Вотъ такой бы храмъ у насъ построить!—замѣтилъ государь.

— Онъ строился вѣками и до сихъ поръ еще не совсѣмъ оконченъ,—возразилъ графъ.

— Ну, полно, вы всегда одно и то же говорите!—сказалъ царь.

Потомъ онъ обратилъ вниманіе на линію, поведенную, вдоль храма, на полу съ обозначеніемъ длины самыхъ большихъ церквей въ Европѣ и въ томъ числѣ петербургскаго собора Св. Исакія. Дѣйствительно, послѣдній оказался очень малъ въ сравненіи съ колоссомъ Браманте, Рафаэля, Микель Анжело, что, повидимому, не мало поразило императора.

Во все это время въ нишахъ и малыхъ алтаряхъ сновали фигуры монашескихъ и священниковъ католическихъ.

Предъ выходомъ изъ церкви императоръ Николай сотворилъ православное крестное знаменіе, поклонился храму апостоловъ и уѣхалъ домой.

О выставкѣ русскихъ живописцевъ для императора заимствую изъ письма покойнаго Ставассера къ своимъ родителямъ въ Петербургъ, писаннаго въ январѣ 1844 года.

«Нашъ директоръ Киль—человѣкъ преупрямый (по-моему просто глупый вообще и въ особенности большой невѣжда въ искусствахъ), который не слушаетъ никакихъ резоновъ. Затѣялъ выставку русскихъ художниковъ; оно, кажется, резонно, но живописцевъ въ Римѣ немного. Историческихъ только два: Михайловъ, который только недавно пріѣхалъ, и тотъ теперь въ Неаполѣ, занимается копіей, которая очень понравилась его величеству ¹⁾, и Ивановъ, котораго прекрасная картина, по огромности своей, не можетъ быть выставлена. Ландшафтистъ Воробьевъ въ Палермѣ, его оконченная картина отослана въ Петербургъ; Фрилье также уславъ свои работы; Мокрицкій тоже. Слѣдовательно, у нихъ остались одни этюды, но не картины. Согласитесь, можно ли сдѣлать выставку? Скульпторы хотѣли заставить нести свои

¹⁾ Михайловъ, копировавшій въ монастырѣ Св. Рибери, предувѣдомленный о томъ, что въ этомъ монастырѣ будетъ государь, шелъ туда пѣшкомъ. На дорогѣ его обогнала коляска, въ которой сидѣли ихъ величества нашъ императоръ и неаполитанскій король. Что дѣлать, какъ бы поспѣть быть на мѣстѣ? Михайловъ тутъ же наткнулся на осѣдланнаго осла, стоявшаго у портона одного дома; вскочилъ на него и помчался въ гору при крикахъ толпы народа, принявшей его за вора. Вслѣдъ за прибытіемъ къ монастырю государя, художникъ соскочилъ съ осла и опрометью бросился въ церковь. Царь остался очень доволенъ прекрасной копіей Михайлова и спросилъ его: Для кого ты ее дѣлаешь? — Для нашей Академіи, — отвѣтилъ Михайловъ. — Ну, ей ты сдѣлаешь другую; а эту пришли мнѣ! Слышишь? — Слышу, ваше величество! — отвѣтилъ Михайловъ и, по выходѣ изъ монастыря, высыпалъ пригоршню мелкой серебряной монеты запыхавшемуся отъ бѣготни и досады хозяину осла.

работы; но мы отдѣлялись, потому что Антона Иванова оконченная статуя отослана; другая мраморная неокончена; а третья съ глинѣ, слѣдовательно, вести ее нельзя. У Рамазанова также въ глинѣ,—вести невозможно. У меня статуя мраморная къ концу; но не окончена же. Положимъ, если бъ я снесъ ее,—это можно, но глиняная группа, которую мнѣ очень хотѣлось, чтобы видѣлъ государь, также не могла быть выставлена.

Киль же настаивалъ, чтобы скульпторы непременно несли на выставку и глиняныя работы. Хорошъ директоръ художниковъ въ Римѣ! Послушаться его—значитъ переломать въ переноскѣ всѣ свои работы.

Архитекторы ни за что не хотѣли выставлять, и какъ хотѣли такъ и сдѣлали; они представили свои работы во дворецъ и получили лично благодарность отъ его величества.

Спрашивается, какая же выставка могла быть?—и гдѣ же?! Въ палаццо Фарнезино, гдѣ фрески Рафаэля по стѣнамъ; какая картина можетъ выстоять противъ нихъ?! Все это было говорено Килью, но онъ не хотѣлъ слушать. Ему также говорили, что такъ какъ живописныхъ произведеній не много, то они могутъ быть выставлены въ студию живописца Иванова, даже избѣгнуть нарицанія выставки;—явтъ, Киль уперся, и ни шагу назадъ. Нечего дѣлать: послушались, снесли въ сосѣдство Рафаэлевыхъ фрескамъ живописные этюды, составили изъ нихъ выставку, и государь былъ приглашенъ на нее. Безъ сомнѣнія, онъ не могъ быть ею доволенъ, чего мы и ожидали. Что за цѣль была у директора—не знаю! Я былъ очень опечаленъ этимъ событіемъ, какъ и всѣ наши. Сажу въ студию и думаю: ну, прощай моя Нимфа⁴⁾; тебя, можетъ быть, государь и не увидитъ! (это было во вторникъ утромъ въ 11-ть часовъ). Вдругъ прибѣгаютъ ко мнѣ извѣстить, что императоръ сейчасъ будетъ ко мнѣ. Я чуть было не перекувырнулся отъ радости и думаю: ахъ, если бъ понравилась!—и мое желаніе исполнилось. Царь былъ чрезвычайно доволенъ. Лишь только онъ вошелъ, взглянулъ на группу и сказалъ окружающимъ:—*Voilà c'est une autre chose!*⁵⁾. Хвалилъ меня такъ, что если бъ я повторилъ всѣ сказанныя имъ слова, вы бы не повѣрили. Заказалъ группу изъ мрамора и спрашивалъ, нельзя ли увеличить немножко въ мраморѣ.

— Очень легко,—отвѣчалъ я,—если угодно вашему величеству; но я держалъ величину ровно въ натуру, и самый сюжетъ не позволяетъ сдѣлать больше.

---

⁴⁾ Превосходная группа Нимфы съ Сатиромъ, который, повязывая ей сандалию, засмотрѣлся на красавицу.

⁵⁾ Передъ тѣмъ онъ былъ въ мастерской какого-то иностраннаго скульптора.

Тутъ принялъ мою сторону графъ Орловъ, и государь сказалъ: — Ну, дѣлай, какъ знаешь!

Статуя Русалки ему также понравилась; спросилъ для кого? спрашивалъ еще, которая же модель тебѣ больше нравилась, т. е. которая служила для Русалки или для Нимфы. Я отвѣчалъ, что мнѣ нравятся обѣ. Онъ улыбнулся и сказалъ: должно быть, у тебя прекрасныя модели! Уходя, онъ опять посмотрѣлъ на группу и опять похвалилъ.

— Мнѣ очень нравится, старайся, я не ошибся въ тебѣ; смотри, не залѣнься!

Вышедши изъ студии, царь сказалъ: *je n'ai jamais vu une chose si gracieuse! Вотъ, дорогіе мои, все, что государь мнѣ говорилъ»* ¹⁾).

На другой день утромъ, въ среду, архитекторы были позваны во дворецъ, гдѣ его величество очень ихъ хвалилъ за работы и, наконецъ, сказалъ:

— Я доволенъ въ особенности вами и скульпторами; старайтесь, господа!

Государь посѣтилъ также мастерскія товарищей моихъ скульпторовъ Иванова и Клименко и, какъ сказано выше въ письмѣ Ставассера, остался и ими очень доволенъ; моя же мастерская, на бѣду, находилась почти совершенно на концѣ города, именно подлѣ Базилики Маріа Маджіоре, въ улицѣ Св. Пуленціаны, и потому я уже терялъ всякую надежду быть осчастливленнымъ посѣщеніемъ государя, тогда какъ статуя моя Нимфа съ бабочкой была совершенно окончена въ глинѣ; грустно и больно мнѣ это было; однако вечеромъ того же дня я зашелъ къ графу Э. П. Толстому и высказалъ ему о моемъ горѣ. Онъ меня утѣшилъ, говоря, что государь непременно намѣревался осмотрѣть Базилику Маріа Маджіоре, и какъ только его величество тамъ будетъ, такъ онъ предложитъ ему посѣтить мою мастерскую. Отблагодаривъ графа за его теплое участіе, я опростетью бросился въ мастерскую, чтобы прибрать ее; позвалъ слугу моей студии Ченчіо и велѣлъ ему немедленно купить красноватаго песку, какимъ обыкновенно посыпаются улицы, во время выѣздовъ папы по городу. Черезъ часъ, уже въ потемкахъ, Ченчіо распорядился молодецки, и къ утру жители квартала Monti, гдѣ была моя мастерская, были не мало поражены, что изъ-подъ воротъ моей мастерской, по направленію къ церкви Маріа Маджіоре, улица была посыпана яркимъ краснымъ пескомъ. Послѣ того въ двери студии постучались ко мнѣ три карабинера.

¹⁾ Ставассеръ умолчалъ здѣсь о словахъ царя, съ которыми послѣдній обратился къ одному изъ своихъ адъютантовъ, не помню фамиліи, особенно близко любовавшемуся Нимфой. „Смотри, — сказалъ онъ, — не заглядывайся; а то скажу женѣ; приревнуетъ“.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я ихъ.

— По какому праву вы посыпали пескомъ улицу? Вы знаете, что это дѣлается только для выѣздовъ его святѣйшества!

— А я это сдѣлалъ для его величества, моего императора.

— Развѣ онъ будетъ къ вамъ?

— Надѣюсь!

Карабинеры смолкли, улыбнулись и оставили въ покоѣ меня и песокъ на улицѣ.

Я все утро былъ какъ на горячихъ угольяхъ. Близъ полдня меня посетилъ русскій путешественникъ Э., который, войдя въ студию, обратился прямо ко мнѣ съ просьбою:

— Я въ жизнь мою не видалъ близко нашего государя; позвольте остаться въ вашей мастерской!

— Да я самъ навѣрное не знаю,—отвѣтилъ я,—буду ли я удостоенъ этого счастья!

— Я былъ сегодня утромъ у графа Толстаго,—началь Э.,—и онъ сказалъ мнѣ, что государь будетъ у васъ сегодня непременно.

У меня такъ и ёкнуло сердце. Вслѣдъ за этимъ пріѣхали ко мнѣ товарищи мои Ставассеръ, Климченко и младшій секретарь посольства, которые сообщили, что его величеству угодно видѣть вечеромъ въ мастерскихъ скульпторовъ женскія модели, съ которыхъ мы работаемъ.

— Устроить это будетъ не легко; крайне хлопотливо,—замѣтилъ Ставассеръ,—и потому мы привезли Луизу.

— Предупреди исполненіемъ желаніе государя,—прибавилъ Климченко.

— Давайте,—сказалъ я,—гдѣ она?

— Она въ каретѣ, на заднемъ дворѣ.

Натурщица, вошедши, раздѣлась и разулась, а съ плечъ русскаго путешественника Э. взявъ былъ прекрасный синій бурнусъ съ капишономъ и бахромой, который мы и накинули на обнаженную Луизу. Вдругъ двери студии распахнулись, и вбѣжавшій стремглавъ историческій живописецъ Ивановъ, въ вѣчномъ плащѣ съ краснымъ подбоемъ, отъ послѣдственности, чуть не растянулся на порогѣ.

— Государь здѣсь близко, въ Базиликѣ Марія Маджіоре и сейчасъ будетъ къ вамъ!—вскрикнулъ онъ.

— Я знаю безъ васъ,—отвѣтилъ я ему сухо,—потому что имѣлъ до того побудительныя причины разлюбить этого человѣка. Что можно дѣлать для императора,—замѣтилъ я Иванову,—того нельзя дѣлать для всѣхъ ¹⁾.

¹⁾ Незадолго до пріѣзда государя, Ивановъ употреблялъ все свое краснорѣчіе, всѣ средства, чтобы я показалъ въ студию мою натурщицу министру

Немедля Ивановъ скрылся изъ мастерской, послѣ чего я услышалъ шумъ коляски, подъѣхавшей къ воротамъ, и тотчасъ выбѣжалъ на встрѣчу нашему высокому и единственному покровителю искусства. Я счелъ должнымъ предупредить государя, окруженнаго гр. Орловымъ, гр. Адлербергомъ, принцемъ Ольденбургскимъ, нашимъ вице-президентомъ и другими, что въ студіи моей теперь находится натурщица.

— Тѣмъ лучше: увидимъ тебя за работой!—замѣтилъ онъ.

При входѣ въ мастерскую его величество обратилъ все свое вниманіе на мою статую въ глинѣ: Нимфа ловить бабочку на плечѣ. Я началъ поворачивать статую на станкѣ, чтобы показать ее со всѣхъ сторонъ, при чемъ государь удостоилъ меня нѣсколькими лестными похвалами.

— Сдѣлай ее мнѣ изъ мрамора!—сказалъ онъ.

— Я уже удостоенъ заказа этой статуи изъ мрамора отъ вашего величества, чрезъ посредство нашего покойнаго директора П. И. Кривцова,—отвѣтилъ я.

— А я пріѣхалъ заказать!—возразилъ государь.

— Я приготовилъ эскизъ группы въ pendant группѣ Ставассера, также Нимфу съ Сатиромъ,—сказалъ я и поднесъ на разсмотрѣніе его величеству эскизъ.

Сюжетомъ группы былъ взять Сатиръ, который, поймавши Нимфу у фонтана и обхвативши ее по нижнимъ оконечностямъ, просить у стыдливой красавицы вытянутыми своими губами поцѣлуя.

— Но это черезъ чуръ выразительно!—замѣтилъ государь.

— Это первая мысль и первый набросокъ, ваше величество,—отвѣтилъ я.

— Онъ эту группу обрабатываетъ,—прибавилъ графъ Э. П. Толстой.

— Ну, это дѣло другое; а въ такомъ видѣ нельзя будетъ поставить ее въ моихъ комнатахъ. Заказать изъ мрамора!—сказалъ царь, обращаясь къ графу Толстому, и послѣдній внесъ мое имя въ списокъ удостоенныхъ заказовъ отъ его величества.

Въ это время остальные лица, сопровождавшія государя и подъѣхавшія позже, цѣлою толпою хлынули было въ мою студію, но государь, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Запри двери; здѣсь безъ того тѣсно!

Я бросился къ дверямъ, повинуюсь волѣ государя, и мнѣ пришлось

двора.— У Иванова, Ставассера и Климченки министръ смотрѣлъ статуи, пусть и у меня посмотреть статую, которая встаети окончена; но натурщица онъ у меня не увидитъ! Эти слова были постояннымъ моимъ отвѣтомъ Иванову, и я ихъ сдержалъ. Подробности этой продѣлки со стороны Иванова очень любопытны; но объ нихъ будетъ особо.

запереть двери изнутри задвижкою, надъ самымъ почти носомъ нашего посланника въ Римѣ, который и до того вообще мало былъ расположенъ къ русскимъ художникамъ, а послѣ такого случая, можно себя представить, какъ онъ особенно-меня не любилъ!? Но мнѣ было не до него; я видѣлъ только одного государя, который спросилъ меня:

— Ты постоянно работаешь съ натуры?

— Постоянно, ваше величество.

— Это натурщица?—спросилъ онъ, указывая на женскую модель, которая, будучи окутана въ бурнусъ, была необыкновенно хороша, очаровательна и, при взглядѣ на нее государя, вспыхнула, какъ маковъ цвѣтъ, и дотога растерялась, что осталась сидящею и не поклонилась.

— Встаньте и поклонитесь его величеству!—сказалъ я ей.

Она встала и поклонилась.

— Она раздѣвается?—спросилъ государь.

— Этимъ она добываетъ себѣ хорошей кусокъ хлѣба, ваше величество,—отвѣтилъ я.

— Вели ей раздѣться!

Въ мгновеніе ока бурнусъ, покрывавшій Луизу, скатился съ ея бѣлыхъ плечъ и упалъ къ ногамъ; она стала въ позу моей статуи.

— Очень хороша, прекрасна!—повторилъ царь нѣсколько разъ.— Скажи ей, что она очень хороша!

Я перевелъ ей слова государя и повторилъ ихъ еще два раза, по приказанію его величества.

— Ну, работай, работай!—сказалъ милостиво монархъ и вышелъ изъ мастерской.—Послѣдовавшіе за нимъ графъ Орловъ, графъ Адлербергъ, принцъ Ольденбургскій, графъ Толстой и другіе поздравляли меня съ успѣхомъ и царскимъ заказомъ. Полный восторга, который описать невозможно, я не помню, кто именно изъ приближенныхъ государя спросилъ меня:

— Я думаю, вы дорого платите такимъ моделямъ?

— Не дешево!—сказалъ я.

Кто-то другой замѣтилъ мнѣ, что я громко говорилъ съ императоромъ.

— Почему же мнѣ не говорить съ моимъ царемъ громко, если я ни въ чемъ предъ нимъ не виноватъ?!—отвѣтилъ я.

По отъѣздѣ государя и сопровождавшихъ его, выпала сцена, которой я совершенно не ожидалъ. Цѣлыя толпы зрителей бѣднѣйшаго въ Римѣ квартала Монти окружили и осадили мою мастерскую, съ требованіемъ отъ меня денегъ. Я заперъ на ключъ двери мастерской, начали стучать и ломиться въ студию. Я не могъ объяснить себѣ этой дерзости, но Ставассеръ сказалъ мнѣ, что когда наслѣдникъ, въ бытность свою въ Римѣ, посѣтилъ въ этой самой мастерской скульптора Логанов-

скаго, то велѣлъ оставить художнику нѣсколько десятковъ скудъ, для раздачи бѣднымъ жителямъ квартала Монти. Вѣроятно, они и теперь ждутъ подобной раздачи. Я тотчасъ подошелъ къ единственному большому окну мастерской, отворилъ его и закричалъ толпѣ, что ничего не имѣю имъ дать! Но крики не умолкали, а въ дверь студіи начали барабанить еще сильнѣе.

— Это невозможно, — кричала толпа, — когда сынъ императора былъ здѣсь, то оставилъ намъ деньги, а теперь былъ самъ императоръ отецъ — денегъ, денегъ!

Шумъ сдѣлался ужасный, и дверь готова была слетѣть съ петель; я опять къ окну и началъ звать моего слугу, который блѣдный и испуганный явился въ толпѣ на дворѣ.

— Позови сейчасъ карабинеровъ, или ты самъ будешь взять въ полицію, — сказала я ему.

Крики этихъ нищихъ дошли до рева и когда до слуха ихъ коснулись мои слова о карабинерахъ, раздались угрозы и проклятія. Я со Ставассеромъ того и ждали, что толпа ворвется въ мастерскую, и тогда, безъ сомнѣнія, не уцѣлѣтъ бы моей статуѣ. Испуганная въ свою очередь Луиза вдругъ стала блѣдна, какъ ея манишка; но вскорѣ за дверью послышались гремящія палаши полицейскихъ. Отворивъ двери студіи, мы пошли къ ожидавшей насъ каретѣ, подъ прикрытіемъ трехъ карабинеровъ. Толпа продолжала шумѣть, но уже гораздо тише.

Мы прослышали, что папа Григорій XVI въ разговорѣ съ государемъ очень хвалилъ ему скульптора Фабриса, дѣлавшаго бюстъ его святѣйшества. Этотъ художникъ сдѣлался скульпторомъ, кажется, точно такъ же, какъ сдѣлался директоромъ Ватикана, т. е. чрезъ протекцію папы, которому онъ доводился землякомъ по мѣсту рождения. Этому-то бездарнѣйшему скульптору было поручено производство памятника Торквато-Тассу, назначеннаго въ римскій монастырь св. Онуфрія, мѣстопогребеніе поэта. Государь, посѣщая мастерскія иностранныхъ художниковъ, приказалъ везти себя и въ студію Фабриса. При входѣ въ нее, царь позвалъ скульпторовъ. Ставассерь, Ивановъ, Клименко и я выдвинулись впередъ и стали за спиною государя. Старикъ Фабрисъ, ломаннымъ французскимъ языкомъ, началъ объяснять его величеству содержаніе мраморныхъ, до крайности уродливыхъ, барельефовъ, исполненныхъ для памятника Тассу; худшую же и каррикатурнѣйшую часть монумента составляла фигура поэта. На объясненія Фабриса, царь разсѣянно отвѣчалъ: «*c'est charmant, c'est sublime!*» и въ то же время, вполнину оборачиваясь къ намъ, говорилъ уже по-русски: «экая мерзость, экая дрянь!» Положеніе наше было самое затруднительное, смѣхъ такъ и порывался изъ насъ, но смѣяться было невозможно, — иначе мы бы измѣнили государю. Фабрисъ, восхищенный возгласами императора,

вызванными лишь одною учтивостью къ хозяину студіи, продолжалъ объяснять дѣйствительно запутанное и до ребячества наивное содержание барельефовъ.

— *C'est superbe, superbe!*— снова говорилъ царь и, опять вполонину оборачиваясь къ намъ, прибавлялъ по-русски: каковы, каковы же у нихъ скульпторы, да это просто срамъ!

При выходѣ изъ студіи бездарнаго скульптора, который лишь славно испортилъ нѣсколько глыбъ превосходнаго мрамора, мы увидѣли мраморный бюстъ папы Григорія XVI. Фабрисъ обратилъ на него вниманіе его величества; но государь взглянулъ на него мелькомъ, потому что работа бюста дѣйствительно не стоила бѣльшаго вниманія, и чрезъ секунду сидѣлъ уже въ коляскѣ, мчавшейся въ виллу Альбани. Когда мы подъѣхали къ этой виллѣ, ворота ея распахнулись настежь, и мы вслѣдъ за царемъ впервые прокатились по широкимъ дорожкамъ ея роскошныхъ садовъ до самаго палаццо виллы. Государь былъ въ особенно веселомъ расположеніи духа, впрочемъ, мы постоянно видѣли его въ Римѣ въ такомъ расположеніи.

Онъ многіе антики осматривалъ подробно и безпрестанно говорилъ графу Э. П. Толстому о формовкѣ той или другой статуи, для доставленія въ Петербургъ. Ставассеръ и я, увлеченные красотами статуй, находящихся во второмъ этажѣ палаццо, ушли впередъ государя и всѣхъ его сопровождавшихъ. Посреди восторговъ, сообщаемыхъ другъ другу, вдругъ мы слышали въ смежной залѣ голосъ его величества. Воротиться и присоединиться къ прочимъ уже было поздно. Почувствовавъ свою ошибку, мы плотно прижались къ окну, желая быть незамѣченными его величествомъ, но взглядъ царя, вошедшаго въ залу, въ которой мы находились, упалъ какъ нарочно прямо на насъ, и упалъ такъ, что мы невольно, въ его же глазахъ, начали пятиться ко всѣмъ вошедшимъ съ нимъ вмѣстѣ.

— Я никогда не забуду этого взгляда!—сказалъ я Ставассеру.

— Да и я, братъ, тоже!—отвѣтилъ послѣдній.

Осмотрѣвъ весь палаццо, гдѣ за рѣдкость въ одной комнатѣ также показывали деревянный паркетный полъ, государь уѣхалъ, и мы провожали его, насколько хватило силъ у лошадей нанятаго нами витурина.

Когда мы послѣдовали за государемъ въ термы Каракаллы, тамъ, любуясь кирпичною кладкою огромныхъ стѣнъ, онъ вызвалъ архитекторовъ, въ числѣ которыхъ были пенсіонеры его величества Бенуа, Резановъ, Кракау, Росси и другіе. Они отдѣлились отъ насъ и вышли предъ государя.

— Вотъ какъ нужно строить!—сказалъ онъ имъ, указывая на толстыя стѣны развалинъ;—посмотрите-ка, какая кладка кирпича, точно акварелью нарисована!

— Это только наружная обшивка, государь, а внутри все мусоръ,— отвѣтилъ Бенуа.

Царь, не ожидавшій такого отвѣта, сдѣлалъ движеніе всѣмъ тѣломъ и громко, и скороговоркой сказалъ:

— Это не можетъ быть!

— Я пять лѣтъ изучаю Римъ, ваше величество, и ручаюсь за это!

И съ этими словами Николай Леонтьевичъ Бенуа подошелъ къ стѣнѣ, поднялъ съ земли камень и, найдя небольшое отверстіе въ кирпичной кладкѣ, началъ разбивать ее. Дѣйствительно оказался одинъ рядъ кирпича въ обшивкѣ, и мусоръ посыпался изнутри.

— Ну, Римъ-то вы изучаете,—сказалъ взволнованный государь,— а вотъ въ Петербургъ пріѣдете и начнете воровать.

Въ это время графъ Э. П. Толстой не выдержалъ, понявъ хорошо, къ кому именно относилось настоящее негодование царя. Старый художникъ и вице-президентъ Академіи счелъ долгомъ оправдать предъ лицомъ монарха молодыхъ людей, честность и благородство которыхъ были ему извѣстны, и сказалъ:

— За честность этого поколѣнія, ваше величество, я ручаюсь.

— Ручайся за нихъ здѣсь, старикъ, но не въ Петербургѣ!—сказалъ государь, идя далѣе осматривать термы, и за минуту грозное лицо его снова засіяло весельемъ.

Бенуа и Резановъ объясняли его величеству устройство теплыхъ ваннъ и бань у древнихъ, и царь охотно слушалъ ихъ. Резановъ сказалъ ему, что на верху термъ сохранилась часть казармъ преторіанской стражи, гдѣ на полу видна мозаика и оттуда неподобный видъ на Римъ.

— Наверхъ сдѣлана хорошая деревянная лѣстница, и по ней удобно всходить,—прибавилъ Резановъ.

— Ну, ты прытокъ, такъ и полѣзай самъ туда, а въ мои годы не приходится ноги ломать,—отвѣтилъ государь, смѣясь.

При выходѣ изъ термъ Каракаллы, кустодъ ихъ отворилъ дверь деревянной перегородки, отдѣлявшей большую нишу отъ главнаго прохода, въ которой хранятся осколки порфира, яшмы и мрамора, и, не говоря ни слова, наклоненіемъ своей фигуры, повидимому, предлагалъ его величеству взглянуть на остатки украшеній почти уничтожившагося великолѣпнаго зданія. Государь вошелъ туда и выбралъ два куска порфира, дабы взять ихъ на память съ собою. Мы бросились къ этимъ камнямъ, чтобы донести ихъ до коляски царя; но насъ отстранили отъ этой пріятной нѣщи графъ Адлербергъ и графъ А. Э. Орловъ, хотя они замѣтно съ трудомъ дотащили эти тяжести до экипажа.

Историческій живописецъ Александръ Андреевичъ Ивановъ встрѣтилъ государя въ своей мастерской, съ бумагою въ рукахъ, по которой

готовился прочитатъ подробное содержаніе своей колоссальной картины; онъ сталъ уже въ соответствующую позу, но царь остановилъ его.

— Ты читай про себя,—сказалъ онъ,—а мнѣ покажи твою картину.

Этимъ прекраснымъ произведеніемъ его величество остался очень доволенъ.

Мы слышали, что папа, больной въ это время, былъ удержанъ самимъ нашимъ монархомъ отъ визита, который намѣревался сдѣлать ему намѣстникъ св. Петра. Государь отказался также отъ предложеній папы освѣтитъ римскій Петропавловскій соборъ и сдѣлать джирандолу на крѣпости св. Ангела, говоря, чтобъ его святѣйшество, во время болѣзни своей, не беспокоился. На освѣщеніе же залъ Ватикана огнями государь согласился. Если не ошибаюсь, освѣщеніе Ватикана было наканунѣ дня отъѣзда его величества изъ Рима, именно 17-го января. Уже поздно, темнымъ вечеромъ мы отправились въ Ватиканъ, имѣя на то разрѣшеніе государя, но при входѣ въ галереи многочисленная толпа иностранцевъ-итальянцевъ достигла крайнихъ предѣловъ. Безпорядокъ, шумъ, гамъ, давка, визготня, поступки съ публикою грубыхъ швейцарскихъ алебардчиковъ,—все это представляло какъ бы штурмъ Ватикана; и дѣйствительно, мы, русскіе художники, собравшись въ одну группу, пошли на проломъ швейцарцамъ; нами предводительствовалъ живописецъ Ломтевъ.

— Мы русскіе!—кричали мы по-итальянски,—и намъ не только позволено, но и велѣно быть вечеромъ въ Ватиканѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже были тамъ и выжидали пріѣзда его величества. Видъ залъ, сплошь освѣщенныхъ многочисленными канделябрами, былъ чрезвычайно оригиналенъ и картиненъ; толпы народа прибывали, какъ волны. Наконецъ, вошелъ государь, опять въ постоянномъ своемъ костюмѣ инкогнито въ пальто, въ черномъ галстугѣ, безъ воротничковъ.

Простота его костюма дѣлала разительную противоположность съ пышными малиновыми костюмами ватиканскихъ слугъ, которые, чело-вѣкъ по восьми, шли съ обѣихъ сторонъ его величества, съ большими свѣтильниками въ рукахъ. Когда царь подходилъ къ лучшимъ статуямъ, то остальные слуги Ватикана рассыпались около ближайшихъ къ намъ канделябръ и металлическими щитами закрывали ихъ свѣтъ, дабы онъ не мѣшалъ главному свѣту, сосредоточенному въ группѣ свѣтильниковъ, обращенныхъ на статую, предъ которою останавливался любоваться императоръ. Ни одна изъ лучшихъ статуй не была имъ пропущена. Два раза государь подзывалъ къ себѣ Ставассера и заставлялъ его любоваться красотою древняго міра вмѣстѣ съ собою. Предъ Аполлономъ Вельведерскимъ царь остановился, совершенно пораженный его видомъ. Дѣйствительно, сѣрый цвѣтъ вообще всѣхъ стѣнъ Ватикана крайне не

выгоденъ для античныхъ статуй и бюстовъ, вдревле помѣщавшихся почти всегда на цвѣтныхъ стѣнахъ, почему огненное освѣщеніе сильнѣе выказывало рельефность мраморныхъ произведеній и вмѣстѣ всю игру въ нихъ тѣней, свѣтовъ и рефлексій. Когда занесли свѣтильники въ глубину ниши и Аполлонъ освѣтился сзади, то онъ, сдѣлавшись по краямъ контуровъ совершенно прозраченъ, представился какимъ-то чудеснымъ, призрачнымъ видѣніемъ, существомъ какого-то другаго, прекраснѣйшаго міра.

— Это неподобно!—воскликнулъ государь, въ восторгѣ.

Зато и самъ онъ былъ какъ-то особенно хорошъ и необыкновенно величавъ въ эти минуты.

— Аполлона-то мы еще увидимъ,—говорили мы между собою,—а вѣдь царь нашъ ѣдетъ завтра домой, и потому, глядя болѣе на государя, мы хотѣли вдоволь имъ налюбоваться.

Кажется, на третій день по пріѣздѣ его величества была обѣдня въ посольскомъ дворцѣ. Наканунѣ мы просили доктора Енохина, находившагося при царской особѣ, исходатайствовать намъ отъ государя позволеніе спѣть обѣдню, на что получили разрѣшеніе. Когда узнали объ этомъ князь Григорій Петровичъ Волконскій и первый секретарь посольства Устиновъ, то захотѣли участвовать въ нашемъ хорѣ, и Волконскій, до того никогда не удостоивавшій насъ своимъ посѣщеніемъ у Лепре, пріѣхалъ туда и предлагалъ къ нашимъ услугамъ свой басъ. Надо было спѣться, и Волконскій предложилъ свою квартиру и свой рояль. Спѣвки большой не было; Волконскій все шушукался съ Устиновымъ, а мы пили чай, да лакомились фруктами.

— Ну, если князь Волконскій дѣлаетъ все такъ, какъ эту спѣвку,—говорили мы между собою,—то съ нимъ далеко не уѣдемъ.

Утромъ, когда мы пришли въ церковь, государь уже былъ въ ней и стоялъ по правой сторонѣ отъ входа у стѣны, позади дьячка. Клиросовъ въ этой церкви нѣтъ, и потому намъ надо было пойти и стать впереди государя, ближе къ дьячку, на что Волконскій и Устиновъ, одѣтые въ раззолоченные мундиры камергеровъ, никакъ не могли рѣшиться, какъ мы ихъ ни уговаривали. Тогда Ставассеръ, Серебряковъ, Клименко, Резановъ, я и еще два-три изъ нашихъ художниковъ, подойдя къ государю, поклонились его величеству и помѣстились впереди его. Надо сказать правду, что такое близкое присутствіе государя, пріобытшаго къ превосходному пѣнію своей капеллы, заставило насъ начать обѣдню дрожащими голосами; но вскорѣ мы свыклись съ своимъ положеніемъ и пѣли отъ глубины души и довольно стройно. Вся обѣдня прошла бы удовлетворительно, если бы мы спѣли наканунѣ «Благочестивѣйшаго». При перечисленіи новорожденныхъ въ наше отсутствіе изъ Россіи великихъ князей мы сбились такъ, что дьячекъ пѣлъ одинъ; но

потомъ мы поправились и окончили обѣдню стройно словамъ: «и сохрани ихъ на многая лѣта!» Мы обернулись къ его величеству, снова поклонились и вышли изъ церкви, раздосадованные на свою оплошность болѣе, нежели когда-нибудь въ жизни. Черезъ день представился случай оправиться. Мы узнали, что государь передъ отъѣздомъ хотѣлъ отслужить обѣдню, и мы снова обратились къ г. Енохину для испрошенія у государя позволенія пѣть.

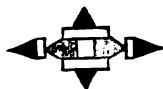
— Придите за отвѣтомъ вечеромъ!—сказалъ Енохинъ.

Когда мы пришли, почтенный докторъ сообщалъ намъ слѣдующее:

— Неудача, господа! Государь мнѣ сказалъ: «Нѣтъ, Енохинъ, ужъ мы лучше съ тобой пропоемъ обѣдню, а этихъ козловъ не нужно!»

Государь выѣхалъ изъ Рима въ часъ ночи съ 17-го на 18-ое декабря; слѣдовательно, пробылъ въ этомъ городѣ пять дней.

Сообщ. С. Н. Великанова.

Просьба С. Н. Глинки о выдачѣ ему пособия на изданіе его сочиненій.

Собственноручное письмо С. Глинки графу Аракчееву.

8-го февраля 1817 г. Москва.

Вашему рвенію къ общей пользѣ милосердый государь поручилъ обзорнїе состоянїя смоленскихъ дворянъ, въ числѣ которыхъ и я нахожусь. Разоренїя по тамошнему краю я не потерпѣлъ, ибо не имѣю никакой собственности. Отцовское наслѣдство отдалъ я въ приданое моей сестрѣ и упоминаю о семъ для того, чтобъ показать, что оно не было расточено. Все состоянїе мое заключается въ трудахъ моихъ и сочиненїяхъ, погибшихъ въ Московское разоренїе. Желая оныя возобновить, предлагаю подписку въ пользу моего семейства.

Сїятельнѣйшій графъ! Счастливымъ себя почту, если, ходатайствуя за меня, какъ за дворянина и уроженца смоленскаго, вы удостоите представить всемилостивѣйшему воззрѣнїю увѣдомленїе о моихъ сочиненїяхъ. Къ напечатанїю оныхъ весьма достаточно 5-ть тыс. руб. Здѣсь осмѣлюсь сказать, что мать дѣтей моихъ, въ пользу которыхъ предлагаю печатать мои сочиненїя, а моя жена ничего не щадила для вспоможенїя неимущимъ чиновникамъ, поступившимъ въ 1812 г. въ ополченїе.—Въ сіе время она продала послѣднїя свои вещи, не только по убѣжденїю моему, но и по собственному усердїю къ отечеству.

Не дерзнулъ бы никогда утруждать просьбою, если бы я былъ одинъ, но я одними своими трудами содержу мое семейство. — Если воля Божїя прекратитъ труды и жизнь мою, тогда жена и дѣти мои пойдутъ по міру.

Сїятельнѣйшій графъ! Сопричислите и мое семейство къ смоленскимъ семействамъ, оживотвореннымъ вашимъ предстательствомъ у престола милосердаго государя! Благодарность къ вамъ навсегда запечатлѣтся въ сердцѣ моемъ и въ сердцахъ моего семейства.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXIII ¹⁾.

Литературный кружокъ сороковыхъ годовъ.—В. Г. Бѣлинскій и его значеніе.—Субботы у И. И. Панаева.—И. С. Тургеневъ.—А. И. Герценъ.—Г. М. Толстой.—Ф. М. Достоевскій и его „Бѣдные люди“.—Н. А. Некрасовъ; его прошлое и настоящее.—Д. В. Григоровичъ.—Ив. Ив. Панаевъ.—„Мертвыя души“ Гоголя и ихъ значеніе.—Некрасовъ, какъ издатель „Современника“.—Участіе въ немъ Н. Г. Чернышевскаго.—Славянофилы.—М. Н. Катковъ и его изданія.

Ослѣ производства въ офицеры, въ 1842 году, я оставался еще, какъ было уже сказано выше, два года въ офицерскихъ академическихъ классахъ и потому могъ чаще посѣщать Ив. Ив. Панаева. Его домъ былъ тогда сосредоточіемъ передоваго литературнаго кружка того времени. Это средоточіе являлось, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ притягательной силы, которой обладалъ Бѣлинскій, и характера Ив. Ив., искренно, горячо и безкорыстно преданнаго литературѣ, а равно и привѣтливости его, какъ хозяина дома.

Изъ предшествующихъ моихъ разсказовъ уже видно, что Ив. Ив. и Бѣлинскій были искренними друзьями, при чемъ дружбу Ив. Ив. можно было сравнить съ восторженной любовью, подобной той, какую питаютъ къ женщинамъ.

Но въ чемъ заключалась притягательная сила Бѣлинскаго,—это вопросъ весьма не безынтересный.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1901 г.

Бѣлинскій въ дѣйствительности не обладалъ ни особенными знаніями, ни начитанностью, не зналъ даже иностранныхъ языковъ; а между тѣмъ, онъ приобрѣлъ небывалый ни прежде, ни послѣ него, авторитетъ, какъ среди созидавшагося тогда свѣжаго литературнаго круга, такъ и среди интеллигентной, читающей публики.

Не столько умъ и логика обусловили его силу, сколько совокупность ихъ съ нравственными его качествами. Это былъ рыцарь, сражающійся за правду и истину. Это былъ палачъ всего искусственнаго, дѣланнаго, фальшиваго, не искренняго, всякихъ компромиссовъ и всякой неправды, гдѣ бы таковая ни являлась. При этомъ, онъ обладалъ громаднымъ талантомъ, рѣдкимъ эстетическимъ чувствомъ, страшной энергіей, жгучимъ словомъ, горячею возвышенною душою, восторженностью и теплѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и отзывчивымъ сердцемъ во всемъ. Словомъ сказать, его можно назвать: могучій критикъ-поэтъ.

По моему глубокому убѣжденію, въ перечисленныхъ-то мною свойствахъ и заключалась притягательная сила Бѣлинскаго. Я зналъ Бѣлинскаго въ теченіе девяти лѣтъ, до дня его смерти, и во все это время я не подмѣтилъ въ немъ ни одной черточки, которая показывала бы, что онъ признаетъ за собою необыкновенную силу и вліяніе на другихъ. Онъ такъ былъ естественъ во всемъ, что можно съ увѣренностью сказать, что ему и въ голову не приходило анализировать главныя причины своего вліянія, которыми и не помышлялъ кичиться. Если бы онъ подмѣтилъ въ себѣ эту вичливость, то, конечно, казнилъ бы самъ себя.

Мы можемъ гордиться не малымъ числомъ, являвшихся въ нашемъ отечествѣ, великихъ литературныхъ талантовъ, какъ Державинъ, Фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ, Достоевскій, Некрасовъ, Тургеневъ, Толстой, Григоровичъ, Гончаровъ, и великихъ геніевъ, какъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ; но мы имѣли одного великаго критика—Бѣлинскаго.

Значеніе Бѣлинскаго и вліяніе его на литературу громадно; но это вліяніе до сихъ поръ еще не оцѣнено должнымъ образомъ. Все, что подлежитъ развитію,—требуетъ питанія. Зерно, попавшее на дурную почву, хотя и дастъ ростокъ, но затѣмъ погибаетъ. Чтобы онъ развился, надо питать его, или пересадить на хорошую почву и уничтожить растущій около него бурьянъ, который, иначе, заглушитъ ростокъ. Достоевскій, Некрасовъ, Тургеневъ, Толстой, Григоровичъ, Гончаровъ и Ив. Ив. Панаевъ суть дѣти Бѣлинскаго, его вскормленники.

Когда нѣтъ авторитетной, искренней оцѣнки прекраснаго, художественнаго, возвышеннаго и истиннаго, и, въ то же время, могучаго меча надъ фальшью, безобразіемъ и глупостью; когда критика не способна подмѣчать истинные таланты въ зародышѣ и безсильна давить возрастающую бездарность, тогда воцаряется анархія, какъ въ лите-

ратурѣ, такъ и во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, — каковая картина и стоитъ нынѣ передъ нашими глазами.

Въ 1842 году Ив. Ив. Панаевъ жилъ у Аничкина моста въ домѣ Лопатина. Въ томъ же домѣ жилъ и Бѣлинскій. По субботамъ, у Ив. Ив. собирались литераторы, а также прилѣпившіеся къ литературѣ и, вообще, знакомые. Изъ числа литераторовъ помню князя Одоевскаго, Соболевскаго, Башуцкаго, которые бывали рѣдко; графа Солмогуба, бывавшаго довольно часто; А. А. Комарова, воспитателя юношества и преподавателя русской словесности въ военно-учебныхъ и другихъ заведеніяхъ; Вас. Петр. Боткина, когда онъ бывалъ въ Петербургѣ; Кетчера, переводчика Шекспира, пока онъ не возвратился въ Москву; Анненкова, впоследствии издателя сочиненій Пушкина; Бранта, писавшаго великосвѣтскіе повѣсти и романы, который, нѣсколько лѣтъ спустя, былъ изображенъ карриатурой въ литературномъ сборникѣ, приложенномъ къ «Современнику» 1849 г., въ видѣ Наполеона I, потому что претендовалъ на нѣкоторое съ нимъ сходство.

Изъ знакомыхъ Ив. Ив. помню Ник. Петр. Боткина, брата В. П.; Маркевича, который не занимался еще тогда литературой; А. С. Комарова, инженера, профессора въ Институтѣ путей сообщенія; офицера Московскаго полка Булгакова, извѣстнаго въ то время всѣмъ своимъ остроуміемъ и оригинальными шутками; молодыхъ красавцевъ: лейб-гусара Полторацкаго, царско-сельскаго кирасира Ольховскаго и морскаго флигель-адъютанта Колзакова и затѣмъ поклонниковъ литературы: Маслова, Кульчицкаго, Тютчева и друга Ив. Ив.—М. А. Языкова; послѣдніе были постоянными посѣтителями субботъ.

Въ скоромъ времени, кто-то привезъ Ив. Ив. изъ Парижа краткую исторію революціи конца прошедшаго столѣтія, о которой русское общество, за исключеніемъ тѣхъ не многихъ лицъ, которымъ случалось бывать за границей, не имѣло никакого сколько-нибудь вѣрнаго представленія; даже литературный міръ пребывалъ, въ этомъ отношеніи, въ невѣдѣніи, такъ какъ, абсолютно, ни одно историческое сочиненіе, относящееся къ этой эпохѣ, не было допущено въ продажѣ въ Россіи.

Кромѣ означенной исторіи, Ив. Ив. доставлялась газета «Moniteur Universel» того времени, конечно, далеко не въ полномъ составѣ, но все-таки имѣлось множество нумеровъ, относящихся до болѣе важныхъ моментовъ революціи. Въ эти нумера были завернуты разные предметы, вывезенные изъ-за границы, и, такимъ образомъ, они и очутились въ Петербургѣ.

Когда Ив. Ив. имѣлъ уже въ рукахъ поименованные источники, у него тотчасъ же родилась мысль перевести, для Бѣлинскаго, исторію революціи, вставляя для полноты выборки изъ «Moniteur Universel». Онъ сообщилъ Бѣлинскому, что будетъ читать по субботамъ все, что

*

успѣть перевести и скомпилировать за недѣлю. Съ тѣхъ поръ, характеръ этихъ субботъ измѣнился; всѣ, интересующіеся вопросомъ, стали собираться раньше, чтобы успѣть прослушать чтеніе до прихода менѣе интимныхъ лицъ, которымъ, впрочемъ, такъ или сякъ, давали почувствовать, что посѣщеніе ихъ не совсѣмъ во-время, и, въ концѣ концовъ, посѣщеніе этихъ людей сдѣлалось гораздо рѣже.

Къ концу зимы переводъ Ив. Ив. подходилъ тоже къ концу, и вотъ, къ одному вечеру онъ приготовилъ переводъ знаменитой рѣчи Робеспьера: о «Существовѣ высшемъ», дословно помѣщенный въ «*Moniteur Universel*». Замѣчу здѣсь, что впоследствии я не встрѣтилъ ни въ одномъ изъ обширныхъ сочиненій о революціи полного текста означенной рѣчи. Даже въ громадной специальной исторіи Робеспьера, сочиненія Hamel'a, обнимающей болѣе 2.000 стр., означенная рѣчь помѣщена отрывками, а не дословно, при чемъ выброшены нѣкоторые выраженія, не понравившіяся, повидимому, автору.

Упомянутая рѣчь Робеспьера произвела на Бѣлинскаго и на всѣхъ слушателей поражающее впечатлѣніе своимъ содержаніемъ, совершенно неожиданнымъ для насъ. Въ тотъ же вечеръ, я упросилъ Ив. Ив. дать мнѣ списать прочитанную имъ рѣчь. Ив. Ив. согласился съ тѣмъ, чтобы я завтра же до обѣда доставилъ ее обратно. Рѣчь была такъ велика, что пришлось переписывать ее, вслѣдствіе даннаго краткаго срока, втроемъ; принялись за это: я, мой братъ и товарищъ Кусаковъ. Я сохранилъ эти листки до сихъ поръ.

Передъ своею смертью Ив. Ив. отдалъ мнѣ на память всю составленную имъ для Бѣлинскаго компиляцію французской революціи, обнимающую 5 лѣтъ, съ 1789 г. по 1794 г., которая и хранится нынѣ у меня. Эта рукопись могла бы составить книгу до 20 печатныхъ листовъ. Кромѣ этого, Ив. Ив. передалъ мнѣ и разные другіе переводы, дѣлавшіеся имъ для Бѣлинскаго, изъ Леру, Жоржъ-Занда и другихъ писателей, которые тоже сохранились, отчасти, у меня.

Пусть же поставитъ себѣ читатель вопросъ: какова же была привязанность и любовь къ Бѣлинскому у людей, его знавшихъ, чтобы человѣкъ не праздный, а самъ для себя трудящійся, посвятилъ почти полгода безкорыстнаго труда для того только, чтобы дать возможность Бѣлинскому ознакомиться съ тѣмъ, что въ его роли писателя-критика ему нужно было знать.

Итакъ, извѣстный небольшой кружокъ здѣсь, въ Петербургѣ, ознакомился еще въ началѣ 1843 года дословно съ знаменитою рѣчью Робеспьера, тогда какъ я, впоследствии, встрѣчалъ множество французовъ, даже изъ міра писателей, которые хотя и слышали о ней и объ ея содержаніи, но самой рѣчи не читали.

Вскорѣ, появился у Ив. Ив. Панаева Иванъ Сергѣевичъ Турге-

невъ. Въ это время онъ только-что напечаталъ свою первую поэму: «Параша».

Хотя Тургеневъ написалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что «Параша» появилась, впервые, въ 1849 году, но это или опечатка, или память измѣнила Ив. Сер. Какъ же согласить эту дату съ другимъ мѣстомъ тѣхъ же воспоминаній, гдѣ Тургеневъ говоритъ о статьѣ Бѣлинскаго, въ «Отечественныхъ Запискахъ», по поводу выхода «Параша». Бѣлинскій оставилъ «Отечественныя Записки» въ концѣ 1846 года и болѣе туда не возвращался. Ясно, что «Параша» была напечатана гораздо ранѣе 1849 г. Впрочемъ, о воспоминаніяхъ Тургенева мнѣ придется упомянуть въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ.

По внѣшности, Тургеневъ былъ очень представительный молодой человѣкъ, большого роста, весьма пріятной наружности, съ особенно мягкими глазами, характеризовавшими его лицо. Онъ принадлежалъ къ родовитой, богатой семьѣ, получилъ блестящее образованіе, побывалъ уже за границей и посѣщалъ высшій кругъ. Помню, какъ теперь, что я увидалъ Тургенева у Ив. Ив. первый разъ пріѣхавшимъ послѣ свѣтскихъ визитовъ и одѣтымъ въ синій фракъ съ золотыми пуговицами, изображающими дѣвьины головы, въ свѣтлыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ, въ бѣломъ жилетѣ и въ цвѣтномъ галстухѣ. Такого рода была, въ то время, мода.

Вообще, въ Тургеневѣ замѣтна была еще тогда ходульность, а также замѣчалось желаніе рисоваться, отсутствіе искренняго жара и, тѣмъ болѣе, пыла. Во всемъ была сдержанность, но выступала одна черта—это—пренебреженіе ко всему, что отзывалось Россіей, условій жизни которой онъ, видимо, не понималъ, не зналъ и въ нихъ не вдумывался. Замѣтно было еще въ разговорахъ самое поверхностное отношеніе въ бесѣдахъ къ вопросамъ, ни на чемъ твердо не останавливающимся, нѣчто въ родѣ порханія или фланерства мыслей. Но я возвращусь къ Тургеневу болѣе подробно, когда я сталъ встрѣчать его, часто въ Парижѣ, а именно — когда я основалъ тамъ ежедневную газету: «L'Homme Libre».

Въ то время и Евгенийъ Онѣгинъ Пушкина служилъ образцомъ для молодыхъ людей, находившихся въ условіяхъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ находился Тургеневъ, и потому, весьма естественно, что онъ желалъ походить на героя Пушкинской поэмы. Многіе старались ломать изъ себя Онѣгинныхъ, но они являлись по преимуществу карикатурными, чего никакъ нельзя было приписать Тургеневу. Въ немъ было столько общаго по всемъ условіямъ съ Онѣгиннымъ, что его можно было призвать за роднаго брата Пушкинскаго героя, какъ и Григорія Михайловича Толстаго, о которомъ я упомянулъ въ одной изъ предшествующихъ

щикъ главъ, и они, можно сказать, выдержали болѣе или менѣе эту роль до конца жизни.

Здѣсь, кстати замѣчу, что впоследствии наплодился какъ муравьи, Лермонтовскіе Печорины, но скоро пропали; а позже — Тургеневскіе Базаровы, которые исчезли еще скорѣе. Но, что касается до Пушкинскаго героя, то онъ болѣе живучъ и можетъ появляться еще долгое время.

Вслѣдствіе высказанныхъ мною особенностей характера, будетъ понятно, что Тургеневъ смотрѣлъ на всѣхъ свысока, и въ манерахъ его обращенія съ людьми было замѣтно вначалѣ нѣкоторое фатовство. Это, конечно, не могло нравиться тому кружку, гдѣ онъ появился, и Бѣлинскій, по природной своей прямотѣ, не терпящій ничего дѣланнаго и искусственнаго, сталъ безъ церемоніи замѣчать Тургеневу при всякомъ подходящемъ случаѣ о томъ, что могло коробить присутствующихъ, конечно, если не было при этомъ не интимныхъ людей.

Вотъ, напримѣръ, эпизодъ, случившійся со мною. Но прежде изложенія этого эпизода, я долженъ сказать, что въ литературномъ кружкѣ, собиравшемся у Ив. Ив., всѣ, за исключеніемъ Бѣлинскаго, смотрѣли на людей, носящихъ эполеты, съ явнымъ предубѣжденіемъ. Одинъ Лермонтовъ не могъ разрушить въ этомъ кружкѣ предвзятаго предубѣжденія. Коль скоро офицеръ,—значить, не развитой человекъ, не знакомъ съ философійю, т. е. съ наукой. Разговоры о философійи и наукѣ подымалъ преимущественно В. П. Боткинъ. Онъ начитался Гегеля и еще кое-чего и въ виду того, что другіе были мало знакомы съ тѣмъ, чего начитался Боткинъ, онъ придавалъ себѣ видъ мыслителя, и ему многіе въ то время вѣрили на слово.

— Наука, батюшка, наука,—повторялъ онъ на каждомъ шагу.— Безъ нея нельзя ступить ни шагу ни въ искусствѣ, ни въ литературѣ.

Онъ былъ положительно смѣшонъ своею напыщенностью знанія будто бы философскихъ истинъ. Вообще, разговоры о наукѣ, возбуждаемые Боткинымъ, представляли, отчасти, комическую сторону кружка. О какой наукѣ разсуждали въ немъ, это остается «темной водой во облацѣхъ». Итакъ, офицеры разсматривались въ кружкѣ какъ люди, которымъ не могутъ быть доступны таинства науки, которую, однако, никто изъ кружка не могъ формулировать хотя бы малѣйшей черточкой.

По поводу взгляда на офицеровъ мнѣ припоминаются слова Герцена, въ гораздо позднѣйшее время, а именно, въ 1858 году, которыя я кстати приведу здѣсь. Наже, въ своемъ мѣстѣ, я подробно опишу мое знакомство съ Герценомъ, а здѣсь скажу только нѣсколько словъ изъ разговора съ нимъ, при первой нашей встрѣчѣ въ Лондонѣ.

— Чѣмъ вы можете объяснить,—спросилъ онъ меня,—слѣдующій

фактъ. Надо вамъ сказать, что меня атакуютъ разные посѣтители изъ Россіи, принадлежащіе къ разнымъ сферамъ, включая и генераловъ; а на-дняхъ, явился какой-то господинъ изъ Архангельска, приплывшій сюда, за неимѣніемъ средствъ, въ качествѣ матроса. Можете ли себѣ представить, что, по моимъ убѣжденіямъ, я встрѣчаю несравненно болѣе развитыхъ и болѣе образованныхъ людей въ средѣ офицеровъ, чѣмъ въ средѣ учившихся въ университетахъ.

— Позвольте мнѣ пояснить вамъ ваше недоумѣніе, — отвѣчалъ я приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ.—По обстоятельствамъ, которыя мнѣ извѣстны, вы не могли ознакомиться со всѣми отраслями русской жизни до вашего отъѣзда за границу; а съ тѣхъ поръ, Россія совсѣмъ вамъ невѣдома, а потому у васъ могли сложиться вообще воззрѣнія невѣрныя. Вамъ неизвѣстно, что императоръ Николай Павловичъ всѣми мѣрами старался поднять образованіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; вслѣдствіе чего начальство привлекало къ этимъ заведеніямъ наилучшія силы. Въѣвъ въ Дворянскомъ полку русскую словесность преподавалъ Гребенка. Въ юнкерской школѣ и въ другихъ заведеніяхъ русскую словесность читалъ Комаровъ, о которомъ вы должны имѣть понятіе, если не знали его лично. Затѣмъ, гениальный геометръ-философъ, академикъ Остроградскій, былъ дотогу отвлеченъ лекціями въ разныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, что не имѣлъ времени читать въ университетѣ. Знаменитый математикъ, академикъ Буяковскій тоже читалъ въ нѣкоторыхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Между тѣмъ, напримеръ, профессоръ Казанскаго университета, весьма извѣстный въ математической литературѣ, Лобачевскій, въ собственномъ сочиненіи, трактуя одинъ вопросъ, призналъ, что онъ не знакомъ по этому вопросу съ трудами молодого Штурма. Насъ же въ заведеніи, еще до производства въ офицеры, ознакомили съ означенными трудами великаго математика, оставившаго по себѣ навсегда громкое имя.

Я упомянулъ о словахъ Герцена потому, что придаю имъ нѣкоторое значеніе, въ виду того, что Герценъ, въ прежнее время, принадлежалъ къ тому же кружку, о которомъ идетъ рѣчь, и раздѣлялъ его мнѣніе относительно людей, носившихъ эполеты, оттого-то онъ, конечно, и поставилъ мнѣ вопросъ, приводившій его въ недоумѣніе.

Послѣ изложеннаго мною замѣчанія, маленькій эпизодъ, который я расскажу теперь, явится уже понятнымъ.

Тургеневъ, посѣщая Ив. Ив., гдѣ не разъ встрѣчалъ меня, при чемъ никогда не только не здоровался, но и не кланялся мнѣ, несмотря на мои близкія отношенія къ хозяину дома. По всей вѣроятности, Бѣлинскій подмѣтилъ это. Я былъ въ то время очень молодымъ офицеромъ.

Однажды я находился у Ив. Ив., гдѣ былъ и Бѣлинскій. Во время

своихъ разговоровъ, онъ любилъ ходить по комнатамъ. Я сидѣлъ. Бѣлинскій остановился передо мною и что-то говорилъ. Въ это время пришелъ Тургеневъ, подошелъ къ Бѣлинскому, поздоровался съ нимъ, стоя глазъ на глазъ передо мною, но не поклонился мнѣ. Бѣлинскій тотчасъ же взялъ Тургенева подъ руку, прошелся съ нимъ раза два по комнатамъ и опять остановился передъ мной, продолжая держать Тургенева подъ руку.

— Знаете ли вы, Тургеневъ, кто это сидитъ?

Тургеневъ вставилъ монокль въ глаза, взглянулъ на меня съ высоты и выразилъ на своемъ лицѣ недоумѣніе.

— Знайте же, Иванъ Сергѣевичъ, это сидитъ Остапъ! да! Остапъ!

Затѣмъ Бѣлинскій повернулся и отошелъ. Въ то время Тарасъ Бульба чрезвычайно высоко цѣнился, какъ въ обществѣ, такъ и въ литературномъ мѣрѣ, и будетъ, конечно, цѣниться еще долгое время. Изъ одной прежней главы читатель уже знаетъ, что Бѣлинскій меня любилъ. Болѣе деликатно, болѣе умно и болѣе находчиво нельзя было поступить, какъ поступилъ Бѣлинскій. Съ тѣхъ поръ Тургеневъ не только здоровался со мною, но сдѣлался весьма предупредительнымъ при встрѣчахъ и сталъ вступать въ разговоры.

Приблизительно къ тому же времени относится и увлеченіе Бѣлинскаго карточной игрой. Втянули его въ эту игру Капгеръ и Кульчицкій.

Бѣлинскій, какъ человѣкъ увлекающійся, увлекся этой игрой, и, по выходѣ, ежемѣсячно въ свѣтъ нумера «Отечественныхъ Записокъ», нѣсколько дней съ азартомъ придавался карточной игрѣ, которая являлась отдохновеніемъ мысли,—что совершенно вѣрно для людей постоянно трудящихся.

Когда я засталъ первый разъ Бѣлинскаго за зеленымъ столомъ, то ужасно удивился этому. Затѣмъ, по субботамъ, у Ив. Ив., Бѣлинскій всякій разъ игралъ въ преферансъ. Постоянными его партнерами были: Кульчицкій, Тютчевъ и Масловъ; иногда, по необходимости, замѣняли ихъ Ив. Ив. и Языковъ, которые тоже не имѣли никакого призванія къ игрѣ, какъ и Бѣлинскій, и всѣ они обучались еще игрѣ въ преферансъ.

По поводу карточной игры я приведу одинъ курьезный эпизодъ. Однажды Тургеневъ, заставши компанію за игрой, сказалъ:

— Что вамъ за охота играть въ скучный преферансъ; если хотите, я вамъ покажу прѣинтересную игру, къ интичь, въ которой могутъ принять участіе, по желанію, всѣ здѣсь присутствующіе, только надо имѣть не менѣе четырехъ колодъ, и даже болѣе, смотря по числу играющихъ. Мы будемъ играть по маленькой и назначимъ кушъ въ 10 копѣекъ.

Въ предложенной Тургеневымъ игрѣ приняли участіе человѣкъ 10-ть, если не болѣе.

Послѣ перваго, пробнаго тура, безъ денегъ, для ознакомленія съ игрой, тотчасъ же назначили первоначальный кушъ въ 10 коп., при первой же раздачѣ по одной картѣ, такъ, что всякій, получившій эту карту, хотя бы, найдя ее неудобной для дальнѣйшей покупки, и бросилъ ее, былъ уже обязанъ заплатить 10 копѣекъ.

Но послѣ перваго тура настоящей игры, нѣкоторые проиграли уже десятки рублей. Игра приняла серьезный оборотъ, и въ скоромъ времени пошли куши въ 100 рублей и достигли 200 рублей. И, когда, въ одну изъ слѣдующихъ сдачъ, двумъ лицамъ пришелъ счетъ по 15-ти, и, дошедши до 200 рублей, одинъ изъ нихъ объявилъ 400 рублей, то всѣ опсмыслились, запротестовали, сказали, что дальше 200 рублей идти соперниковъ не допускать и пригласили ихъ вскрыть карты.

Играли долго, чуть не до утра, Бѣлинскій былъ въ проигрышѣ болѣе 100 рублей. Онъ игры не прекращалъ, а выигравшимъ бросить игру было, конечно, не ловко. Бѣлинскій проигралъ въ общей сложности слишкомъ 200 рублей. Онъ вскочилъ и, вынувъ сторублевую бумажку, сказалъ:

— Довольно, больше со мною денегъ нѣтъ, заплачу послѣ завтра.

Затѣмъ, схвативъ шапку, обратился къ Тургеневу:

— Ну, спасибо вамъ, Иванъ Сергѣевичъ, за вечерокъ; какъ же вы, не зная характера игры, вздумали обучать ей; кто же могъ знать, что кушъ въ 10 копѣекъ обратился въ сотни рублей и могъ обратиться въ тысячи, если бы мы не спохватились въ-время.

Съ этими словами Бѣлинскій ушелъ въ сильномъ волненіи.

Вечеръ этотъ произвелъ на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Всѣ знали, что проигрышъ Бѣлинскаго въ 200 рублей равнялся жалованью за мѣсяцъ, получаемому имъ отъ А. А. Краевского, и что другихъ источниковъ для жизни онъ не имѣлъ и былъ уже въ это время женатъ.

Тургеневъ былъ страшно сконфуженъ случившейся бѣдой по его инициативѣ. Всѣ стояли молча, никто не могъ еще собраться съ мыслями. Вдругъ, легендарный миротворецъ всего кружка, М. А. Языковъ сказалъ:

— Что, голубчики, не веселы, что вы головушки повѣсили?—все можно легко поправить, стоитъ лишь Бѣлинскому отыграться.

Слова эти, какъ молнія, пролетѣли въ ухахъ всѣхъ, и Тургеневъ, немедленно, пригласилъ всѣхъ присутствующихъ обѣдать къ нему на послѣ завтра, съ тѣмъ, чтобы послѣ обѣда сыграть въ квинтичъ. Всѣ тотчасъ же сообразили, что такимъ образомъ, по характеру игры, всякій можетъ проиграть столько, сколько самъ былъ приблизительно въ выигрышѣ, и проиграть именно Бѣлинскому.

Понятно, что Тургеневъ, черезъ день пригласилъ къ обѣду Бѣлинскаго, которому, конечно, не было сообщено о предстоящей игрѣ.

Иванъ Сергѣевичъ жилъ тогда съ своимъ братомъ, слѣдовательно, у нихъ было домашнее хозяйство. Послѣ обѣда, мы сѣли играть въ квинтичь, безъ Бѣлинскаго, который не хотѣлъ играть; но, наконецъ, его уговорили.

Такимъ образомъ, Бѣлинскій могъ отыграть, приблизительно, весь свой проигрышъ, не получивъ ни малѣйшаго сознанія о томъ, что играющіе дѣйствовали умышленно. Этотъ заговоръ остался, конечно, тайной на всегда. Если я высказываю этотъ фактъ теперь, то я, кажется, не копрометирую этимъ ни памяти умершихъ, ни тѣхъ, которые, быть можетъ, еще живы изъ числа игравшихъ заговорщиковъ.

Въ ту же зиму, въ Петербургѣ, послѣ перерыва чуть-ли не въ 20 лѣтъ, впервые открылась вновь итальянская опера съ тремя величайшими артистами: Рубини, Віардо и Тамбурини. Тургеневъ сильно заинтересовался m-me Віардо и съ тѣхъ поръ остался ея поклонникомъ, и во всю жизнь слѣдовалъ за нею. Къ m-me Віардо я возвращусь по поводу впечатлѣнія, какое производила эта несравненная артистка на публику, и равно по поводу того, когда я жилъ около двухъ лѣтъ въ Парижѣ, специально для того, чтобы дать возможность моей дочери совершенствоваться въ пѣніи.

Весной 1844 года, субботы у Ив. Ив. прекратились, и онъ задумалъ ѣхать за границу. Мы же, т. е. я и братъ мой, окончили къ этому времени академическій курсъ и отправились на дѣйствительную службу, на постройку Николаевской желѣзной дороги.

Зиму 1845 года Ив. Ив. провелъ за границей и, вернувшись оттуда, поѣхалъ въ деревню, откуда прибылъ въ Петербургъ уже осенью того же года. Тогда опять начали собираться у него литераторы и знакомые. Въ это время появились три новыя литературныя личности, а именно: Некрасовъ, Достоевскій и Григоровичъ. Среди знакомыхъ появилось новое для литературнаго кружка лицо: Григорій Михайловичъ Толстой, котораго я зналъ съ дѣтства и о которомъ я упомянулъ выше. Это былъ, какъ я уже сказалъ, образованнѣйшій человекъ и въ полномъ смыслѣ джентльменъ, какъ въ жизни, такъ и по характеру, и по манерамъ. Толстой проводилъ постоянно время за границей, гдѣ и познакомился съ нимъ Ив. Ив. Онъ только-что пріѣхалъ оттуда и жилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, до отъѣзда въ свою деревню Новоспаское, Казанской губерніи, Лаишевскаго уѣзда, куда и пригласилъ на лѣто Ив. Ив. съ женой, а также Некрасова, для дивной охоты на дупелей, которые водились въ неисчислимомъ количествѣ въ окрестностяхъ означенной деревни. Во время пребыванія въ этой деревнѣ,

Ив. Ив. рѣшалъ вопросъ объ изданіи «Современника» и заключилъ по этому дѣлу союзъ съ Некрасовымъ.

Въ это время Некрасовъ готовилъ уже изданіе «Петербургскаго Сборника», въ которомъ долженъ былъ быть помѣщенъ первый романъ Достоевскаго: «Бѣдные люди». Бѣлинскій, Некрасовъ и Григоровичъ знали уже этотъ романъ по рукописи, и Ив. Ив. устроилъ вечеръ, исключительно для прочтенія еще рукописи этого произведенія другимъ литераторамъ и знакомымъ.

Я присутствовалъ на этомъ чтеніи; читалъ самъ Достоевскій, тогда человекъ конфузливый; но его чтеніе произвело на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе.

Я очень мало зналъ Достоевскаго. Быть можетъ, не болѣе десятка разъ встрѣтился я съ нимъ и никакого серьезнаго разговора вести съ нимъ не случилось. Онъ скоро пересталъ бывать у Ив. Ив.; вышелъ какой-то разладъ, въ которомъ послѣдній не былъ ни въ чемъ виноватъ. Причину разлада приписывали Тургеневу; и если я не ошибаюсь, то враждебность между этими двумя писателями продолжалась до конца ихъ жизни.

Итакъ, я не имѣю никакихъ данныхъ для того, чтобы вывести какое-либо заключеніе о Достоевскомъ изъ моихъ личныхъ къ нему отношеній. Одно только можно было замѣтить, даже въ то короткое время, когда онъ посѣщалъ Ив. Ив., что Достоевскій былъ очень раздражителенъ и шекотливъ.

Но, пользуясь случаемъ, я не могу воздержаться, чтобы не высказать въ краткихъ словахъ моего личнаго взгляда на Достоевскаго, какъ писателя.

Меня всегда нѣсколько коробило и коробить, когда даже поклонники Достоевскаго стремятся проводить параллель между нимъ и другими писателями: Тургеневымъ, Толстымъ и Гончаровымъ. Каждый предметъ долженъ, для сравненія съ другимъ, мѣряться соответствующей ему мѣрою. Линіи должны мѣряться линіей, площади—квадратной и объемъ—кубической единицами. Я привелъ эту метафору, чтобы лучше пояснить мою мысль, а именно, что къ одному писателю можно прилагать единицу мѣры линейную, къ другому нужно прилагать единицу мѣры квадратную, а къ третьему—единицу мѣры кубической, т. е. если одного достаточно мѣрить въ одну длину, то другаго надо мѣрить въ длину и ширину, а третьяго—въ длину, ширину и глубину.

Достоевскій былъ глубочайшій мыслитель, какъ Гоголь. Ихъ надо мѣрить не только въ длину и ширину, но и въ глубину, тогда какъ къ поименованнымъ предъ симъ тремъ писателямъ подходитъ мѣра квадратная. Вотъ почему я и сказалъ, что меня коробить, когда я слышу проведеніе параллелей между ними и Достоевскимъ. Я отнюдь не хочу

умалить этимъ достоинства означенныхъ писателей, но дѣло въ томъ, что они представляютъ предметы, по существу своему, не соизмѣримые съ двумя другими предметами, какъ Гоголь и Достоевскій.

Достоевскаго, до конца его жизни, признавали крайне раздражительнымъ и не общительнымъ, и нѣкоторые считали его даже не нормальнымъ. Конечно, вся предшествующая его жизнь могла перервать всѣ его нервы; но вѣдь прошло много лѣтъ, что онъ находился въ весьма благоприятныхъ условіяхъ: онъ пользовался большимъ почетомъ, особеннымъ уваженіемъ, сильною популярностью и не терпѣлъ уже нужды. И потому, можно предполагать, что его раздражительность поддерживало то обстоятельство, что къ его оцѣнкѣ прилагали мѣрку, къ нему не подходящую, и не измѣряли страшную глубину его мыслей, которыя онъ старался передать людямъ.

Конечно, мнѣ могутъ сказать, что Достоевскій не отличался художественностью въ своихъ произведеніяхъ. Но вѣдь художественность есть поверхностное условіе творчества. Дѣйствительно, не рѣдко, Достоевскій давалъ нѣкоторыхъ лицъ въ формѣ не отдѣланной, но зато онъ, мѣстами, достигалъ такой художественности и, въ то же время, глубины, какъ никто.

Перейду теперь къ Некрасову, который появился у Ив. Ив. Панаева, одновременно съ Достоевскимъ, въ концѣ 1845 г.

Я расскажу то, что передавалъ мнѣ самъ Некрасовъ о себѣ, до 1847 года, когда онъ явился уже соиздателемъ «Современника».

Отецъ Некрасова былъ ярославскій помѣщикъ средней руки, т. е. не богатый и не бѣдный. Онъ былъ человекъ мало образованный и грубоватый, подобный всѣмъ среднимъ помѣщикамъ того времени, съ достоинствами и недостатками, которые были присущи этой средѣ. Отецъ Некрасова, кромѣ сельскаго хозяйства, занимался содержаніемъ почтовой гоньбы и потому имѣлъ въ Ярославлѣ контору.

Когда подошло время обучать дѣтей, отецъ Некрасова отдалъ ихъ въ Ярославскую гимназію и помѣстилъ ихъ жить въ своей конторѣ подъ надзоромъ какого-то крѣпостнаго дядьки.

— Мы учениемъ,—говорилъ Некрасовъ,—не занимались, а занимались больше кутежемъ, и я сильно приударялъ въ картежъ и въ прочія забавы.

Прикащику въ конторѣ приказано было денегъ барченкамъ не давать, но удовлетворять ихъ требованія. Когда отецъ наѣзжалъ въ Ярославль и повѣрялъ счета прикащика, то сталъ замѣчать, что расходы на хереса и проч. для барчатъ все росли и росли; затѣмъ, Некрасовъ сталъ брать и деньги у прикащика на картежъ. Послѣдній не осмѣлился отказывать будущему своему барину. Отецъ страдалъ то тѣмъ, то другимъ, но, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія и чуть не побилъ сына.

— Тогда,—разказывалъ Некрасовъ,—я объявилъ отцу, что не хочу учиться въ гимназіи, а хочу поступить въ университетъ. Отецъ согласился отправить меня въ Петербургъ, а не въ Москву, потому что въ Петербургѣ жила родственница, старуха Маркова. Далъ мнѣ 500 руб. ассигнаціонныхъ и письмо къ Марковой, чтобы она оказала покровительство его сыну и пристроила его для приготовленія въ университетъ. Надо тебѣ сказать,—повѣствовалъ Некрасовъ,—что хотя въ гимназіи я плохо учился, но страстишка къ писанію была у меня сильная, такъ, что я писалъ сочиненія почти для всѣхъ товарищей. Прибывъ въ Петербургъ, я отправился къ старухѣ Марковой; жила она въ своемъ деревянномъ домѣ ¹⁾, на Лятейной, противъ Симеоновскаго переулка. Прихожу, вижу древнюю старуху, сидящую у окна и вяжущую чулокъ; подаль я ей письмо отъ отца, она позвала приживалку прочесть.

— А, такъ ты изъ Ярославля?—спросила она.

— Изъ Ярославля, бабушка.

— Сюда въ Петербургъ пріѣхалъ?

— Сюда, бабушка.

— Учиться?

— Учиться, бабушка.

— Хорошо, учись, учись!

Сижу и жду—что будетъ дальше.

— Такъ отецъ твой живъ?—спросила она опять.

— Живъ, бабушка.

— Вѣдь ты изъ Ярославля?

— Изъ Ярославля, бабушка.

И затѣмъ пошли одни и тѣ же вопросы нѣсколько разъ. Вижу, что толку нѣтъ никакого, и ушелъ. Разочекъ еще сходилъ и опять то же.— Ты изъ Ярославля—и т. д. Плюнулъ и больше туда ни погой.

Надо замѣтить, что я зналъ старуху Маркову и нѣсколько разъ бывалъ у нея въ домѣ. Ея сынъ былъ товарищемъ моего отца по Лейбъ-Уланскому полку, дѣлалъ съ нимъ походъ 1812-го года, и они были очень дружны, почему я и посѣщалъ этотъ домъ, приблизительно въ то время, когда Некрасовъ являлся къ старухѣ. Очень ясно помню ее, постоянно сидящую у окна съ чулокъ. Сынъ ея былъ въ то время полковымъ командиромъ лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Высочества полка, который стоялъ въ Новгородскихъ поселеніяхъ и потому бывалъ рѣдко въ Петербургѣ, поэтому Некрасовъ и не встрѣтилъ его у старухи; иначе, Марковъ, какъ человекъ задушевный, вѣроятно, не бросилъ бы Некрасова на произволъ судьбы.

— Такъ я и сталъ проживать,—говорилъ Некрасовъ,—въ какой-то

¹⁾ На этомъ мѣстѣ стоитъ теперь великолѣпный дворецъ Юсуповой-Шево.

грязной гостиницѣ, шлифоваль тротуары, да денежки спускалъ. Наконецъ, я пристроился у одного профессора, который взялся приготовить меня въ университетъ. Денегъ у меня почти уже не было, надо было писать отцу, а кто его знаетъ—прислалъ ли бы онъ или нѣтъ? Между тѣмъ, у профессора была жена смазливенькая, и я сталъ за нею при-волакиваться. Замѣтилъ это профессоръ, да и вытолкалъ меня вонъ. Куда голову преклонить—не знаю? Оставалось еще нѣсколько рублишекъ, я нанялъ себѣ уголь за два рубля въ мѣсяцъ. Пить, ѣсть надо, я и задумалъ стишонки забавныя писать. Напечаталъ ихъ на листочкахъ и сталъ гостинодворскимъ молодцамъ продавать. Разошлись. Маленько оперился и комнатку на Васильевскомъ островѣ нанялъ. Вотъ послѣ этого ты и встрѣтилъ меня у Даненберга. Ну, потомъ, я сталъ уже маленькія стихотворныя книжки издавать, мало-по-малу поправляться и достигъ я знакомства съ Бѣлинскимъ. Бѣлинскій сталъ мнѣ работу давать, и я тогда совсѣмъ уже оправился. А потомъ познакомился съ Ив. Ив. и на твоихъ глазахъ издалъ «Петербургскій Сборникъ», а теперь, какъ ты видишь, издаемъ съ Ив. Ив. «Современникъ».

Главнѣйшая клевета, взводившаяся и повторяемая иными и теперь, состоятъ въ томъ, что Некрасовъ вель, будто-бы, нечистую игру. Эта клевета до такой степени вопіюще-гнусна, что объ ней не можетъ быть и рѣчи. Подобное гнусное подозрѣніе явилось отъ того, что Некрасовъ выигрывалъ большія деньги, и эти выигрыши продолжались постоянно, долгое время. Не говоря объ его счастья, умѣньи и выдержкѣ характера, я расскажу то, что знаю объ его игрѣ.

Сначала, въ первые годы изданія «Современника», Некрасовъ не вель серьезной игры въ карты, но любилъ играть у себя дома въ одну изъ коммерческихъ игръ, которая кончалась 10—15 рублями не болѣе. Однако, и при этой игрѣ замѣтно было, что онъ большой мастеръ, пріобрѣтшій опытность.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, пріятели записали его въ англійскій клубъ, куда, вскорѣ, онъ и былъ выбранъ членомъ. Тогда Некрасовъ и сталъ похаживать въ клубъ.

Не помню, въ 1855 или въ 1856 году, у Некрасова обнаружилась горловая болѣзнь, которая постепенно развилась до того, что онъ сталъ терять голосъ, и извѣстные тогда доктора, Шипулинскій и Экъ, обрекли его на смерть. Хотя они прямо этого не говорили, но у Некрасова сложилась уже мысль, что ему не долго жить.

Вотъ однажды, въ это время, онъ отправился въ клубъ, захвативъ съ собою тысячу рублей, и выигралъ въ этотъ вечеръ, въ палки, около 5-ти тысячъ рублей. На другой день, онъ опять пошелъ въ клубъ, взявъ съ собою уже 2 тысячи рублей, и выигралъ еще болѣе. Тогда же Некрасовъ сказалъ мнѣ:

— Я, братецъ, повель теперь игру покрупнѣе, надоѣло канитель тянуть; своихъ я вѣкогда много не проиграю; дальше того, что на лицо въ карманѣ, я не хожу. Если же повезеть, то останавливаться не намѣренъ, а проигрывать чужія деньги, пока онѣ не въ карманѣ, не жаль; да мнѣ, братъ, не долго и жить.

Если я не ошибаюсь, то въ эту зиму, Некрасовъ, по его словамъ, выигралъ до 25 тысячъ.

Лѣтомъ, по совѣту докторовъ, Некрасовъ поѣхалъ за границу для лѣченія. Тамъ онъ пробылъ менѣе полугода и вернулся почти въ томъ же состояніи здоровья, въ какомъ поѣхалъ, и не переставалъ разсматривать себя, какъ не жильца на этомъ свѣтѣ.

Вернувшись въ Петербургъ, Некрасовъ сильно поднялъ размѣръ своей игры.

Къ этому времени относится слѣдующій эпизодъ. Одинъ разъ, рано утромъ, я получилъ записку отъ Некрасова, весьма лаконическаго содержания: «пріѣзжай скорѣе, мнѣ очень нужно тебя видѣть».

Обыкновенно Некрасовъ возвращался домой, послѣ карточной игры, часовъ въ 5 утра или позже, и вставалъ часу во второмъ. Я удивился его запискѣ и тотчасъ же поѣхалъ часовъ въ 10 утра. Я засталъ Некрасова одѣтымъ, ходящимъ по комнатѣ въ волненіи и видимо не спавшимъ ночью.

— Я къ тебѣ съ большею просьбою, будь моимъ секундантомъ. Знаю, что по твоему видному положенію въ службѣ тебѣ это не къ лицу; но я думалъ, думалъ и ни на комъ остановиться не могъ; у меня теперь здѣсь никого изъ близкихъ нѣтъ.

— Да скажи мнѣ прежде, въ чемъ дѣло?

— Сильно сегодня ночью повздорилъ за картами съ барономъ Ф—ъ, и мы обмѣнялись съ нимъ карточками.

— Послушай, Николай Алексѣевичъ, я могу еще понять дуэль изъ-за женщины, изъ-за оскорбленія жены, сестры или матери, но дуэль изъ-за картъ,—это какъ-то гадко.

— Какъ ни толкуй, а дѣло сдѣлано, и я объявилъ, что сегодня пришло къ барону секунданта. Если ты мнѣ другъ, то не откажи.

— Хорошо, я поѣду, но предупреждаю тебя, что я употреблю всѣ мѣры, чтобы прекратить это дѣло. Согласись, что мнѣ должно быть противно быть секундантомъ въ дуэли изъ-за карточной игры. Но что же я долженъ сказать барону объ условіяхъ дуэли и о времени ея назначенія.

— Хоть сегодня, но не позже, какъ завтра, на пистолетахъ и черезъ платокъ.

— Да это не дуэль, а убійство!

— А мнѣ все равно, вѣдь мнѣ не долго жить. Говори барону, что

хочешь, но повторяю тебѣ мои условія, которыхъ ни за что не измѣню.

Дѣлать было нечего, я поѣхалъ. Баронъ жилъ въ своемъ домѣ у Пѣвческаго моста. Приѣхавши къ барону, я заявилъ, что присланъ отъ Некрасова, который поручилъ мнѣ передать его условія дуэли. Баронъ былъ уже весьма зрѣлыхъ лѣтъ, и онъ подивился безобразнымъ условіямъ Некрасова.

Послѣ того, я повелъ барону, приблизительно, такую рѣчь:

— Не знаю, баронъ, семейный вы человѣкъ или нѣтъ, но Некрасовъ бобыль, его смерть не принесетъ никому особеннаго горя. Если же вы человѣкъ семейный, то подумайте о вашемъ семействѣ, о положеніи, которое вы занимаете въ свѣтѣ, и вдругъ дуэль изъ-за карточной игры! Я не знаю, въ чемъ заключается обида съ той или другой стороны; Некрасовъ мнѣ ничего не сказалъ объ этомъ, а просилъ меня тотчасъ же поѣхать къ вамъ. Неужели нѣтъ возможности объясниться? Посылали ли вы секунданта къ Некрасову?

— Я еще не успѣлъ.

— А кто вашъ секундантъ?

— Вѣроятно, будетъ N.

Баронъ назвалъ человѣка, котораго я не зналъ и фамилію котораго не припомню.

— Хотя Некрасовъ поставилъ категорически главное условіе дуэли, но оно столь безобразно, что, быть можетъ, мы достигнемъ измѣненія его, а равно и срока, назначеннаго имъ для дуэли.

Подумавъ немного, баронъ сказалъ:

— Передайте Некрасову, что по вашему предложенію я согласенъ на объясненіе съ тѣмъ, чтобы онъ заявилъ свою готовность на обоюдныя съ нашихъ сторонъ извиненія.

Я вернулся къ Некрасову и передалъ ему слова барона. Послѣ того надо было установить мѣсто для объясненій. Раза два я еще ѣздилъ для того къ барону, и былъ выбранъ одинъ изъ свидѣтелей ссоры, куда должны были собраться вечеромъ и прочіе свидѣтели.

Я пробылъ у Некрасова до тѣхъ поръ, пока онъ не поѣхалъ въ это собраніе.

— Приѣзжай пожалуйста завтра пораньше. Не знаю, чѣмъ кончится!

Когда я приѣхалъ на другой день, Некрасовъ сказалъ:

— Обошлось все благополучно, и на мировую выпили всѣ нѣсколько бутылокъ шампанскаго.

Хотя я Некрасову и не отказалъ, но если бы дуэль должна была состояться, то въ такомъ случаѣ отказался бы отъ дальнѣйшаго секундантиства, ибо мнѣ сильно претило явиться въ этой роли въ дуэли изъ-за карточной игры.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти И. И. Панаева, Некрасовъ, не довольствуясь уже игрой въ палки въ клубѣ, принялся за игру въ банкъ. Для этого собирались въ частныхъ домахъ, въ томъ числѣ и у Некрасова. Стали уже ворочаться сотни тысячъ рублей, и мнѣ извѣстно, что одинъ господинъ, назову его Х., проигралъ Некрасову нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Однажды я пришелъ къ Некрасову около полудня; онъ еще спалъ. Вскорѣ пріѣхалъ Х., и человекъ тотчасъ же пошелъ разбудить Некрасова. Некрасовъ не замедлилъ выйти въ халатъ, не умытый. Пріѣхавшій, не разсуждая долго, предложилъ Некрасову сыграть теперь же.

— Да зачѣмъ?—опять проиграете,—сказалъ Некрасовъ.

— Это не ваше дѣло,—отвѣтилъ Х.

— Ну, подай столъ, Василій.

Поставили столъ, и я тотчасъ же уѣхалъ.

Я знаю, что Х., конечно, не въ этотъ разъ, а вообще, успѣлъ отыграть половину своего проигрыша, а другую уплатилъ; но и эта половина составляла не одну сотню тысячъ рублей.

Съ каждымъ годомъ Некрасовъ усиливалъ игру; расходы его лились широкой рѣкою, и жилъ онъ необыкновенно роскошно. На однѣ медвѣжки охоты, устраиваемыя имъ, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ, онъ тратилъ много тысячъ рублей и перебилъ множество медвѣдей.

Пока жила въ домѣ жена И. И. Панаева, она все-таки по возможности старалась умирать чрезмѣрную роскошь расходовъ. Когда же она уѣхала и вышла замужъ за Головачева, картина перемѣнилась, и трепаніе денегъ Некрасовымъ дошло до безобразія.

Карточная игра велась на чистыя деньги и расширилась до такой степени, что Некрасовъ завелъ у себя специальный столъ, во всю длину огромной комнаты, для игры въ банкъ, съ полукруглымъ вырѣзомъ въ столъ, для банкюмета.

Собственно у Некрасова собирались разъ или два въ недѣлю. Чтобы судить о трепаніи денегъ, то скажу, что ужины въ эти дни сервировалъ у Некрасова первостепенный ресторанъ, получавшій съ виномъ до 100 руб. съ персоны.

Въ эту зиму я рѣдко посѣщалъ Некрасова. Однажды получаю отъ него записку: «Давно тебя не видѣлъ, приходи обѣдать, будутъ еще такой-то и такой-то». Это обозначало, что карточный періодъ прекратился и что Некрасовъ собирается ѣхать въ деревню. Въ подобное время мрачность у Некрасова пропадала, и онъ являлся прежнимъ, веселымъ, остроумнымъ и наипрятнѣйшимъ собесѣдникомъ.

— Что ты давно у меня не былъ?—спросилъ меня Некрасовъ, когда я пришелъ.

— По утрамъ ты до 2—3 часовъ спишь, а по вечерамъ въ карты дуешь. Вонъ ты какой столъ выдвинулъ.

— Теперь, братецъ, забастоваль.

— Ну что же, много ты выигралъ за это время?

— Такъ себѣ, не много и не мало.

— Скажи мнѣ пожалуйста, по совѣсти, какъ крупна твоя игра?

— Не мелкая, братецъ, вотъ, напримѣръ, на-дняхъ здѣсь, у меня, я имѣлъ на картѣ 25 тысячъ; я взялъ да и загнулъ на «пе»; думаю, какъ дадутъ, то забастую и дальше не пойду.

— Ну что же,—дали?

— Нѣтъ, лопнулъ.

И это Некрасовъ говорилъ съ такимъ равнодушіемъ, безъ малѣйшаго соболѣзнованія о томъ, что не забастоваль на 25-ти тысячахъ, какъ будто дѣло шло о 25 рубляхъ. Во время нашего разговора легендарный человѣкъ Некрасова, Василій, накрываль столъ.

— Я-то лопнулъ, а вотъ онъ,—указывая на Василю,—такъ выигралъ тысячу рублей,—смѣясь, сказалъ Некрасовъ.

— Какъ, да развѣ и Василій сталъ играть въ банкъ?

— Нѣтъ братецъ, не то. Когда мы кончили игру и собирались ужинать, Василій пришелъ выметать карты на полу, да и поднялъ пачку въ 1.000 руб., въ бандеролѣ и сталъ спрашивать: кто обронилъ деньги? Одинъ говоритъ: не я, другой: не я, третій: не мои, всѣ и отказались.—Ну говорю, Василій, коли не чьи, такъ, значитъ, твои. Кто ихъ знаетъ, быть можетъ, и мои, на столѣ-то кучи пачекъ лежали.

Замѣчу здѣсь, что когда Василій отошелъ отъ Некрасова, то были слухи, что у него составился капиталъ больше 50-ти тысячъ рублей.

У Некрасова не осталось много денегъ. Въ послѣднее время онъ проигрывалъ и, затѣмъ, не могъ играть по болѣзни.

Послѣ изложенныхъ мною фактовъ относительно карточной игры Некрасова, для читателя должны, болѣе или менѣе, выясниться причины крупныхъ и постоянныхъ, долгое время, выигрышей Некрасова.

Его сила крылась въ твердомъ характерѣ и въ твердой волѣ въ отношеніи карточной игры. Некрасовъ считалъ выигрышемъ лишь то, что привезетъ домой. Положимъ, онъ выигралъ извѣстную сумму. На завтра онъ беретъ для проигрыша лишь десятую долю этой суммы и прекращаетъ тотчасъ игру, если онъ проигралъ ее. Никогда онъ не возвращался домой за деньгами, чтобы продолжать игру; въ этомъ отношеніи онъ былъ непоколебимъ. Такимъ образомъ, онъ имѣлъ въ резервѣ 10 дней, чтобы выждать счастливаго дня и счастливой серіи. По зимамъ, онъ игралъ каждый день, за исключеніемъ довольно частыхъ поѣздокъ на медвѣжьей охоты. Вотъ причины постоянныхъ въ результатѣ его выигрышей. Что же касается до размѣра выигрышаемыхъ имъ

кушей, то въ этомъ дѣлѣ играло большую роль его убѣжденіе, что онъ, не сегодня, такъ завтра, долженъ умереть, и потому игралъ необыкновенно рѣшительно, смѣло и не считалъ выигрываемые имъ куши, во время игры, своими, пока не получить расчета.

Некрасова укоряютъ за то, что его слово не сходилось съ дѣломъ; что онъ рисовалъ мрачныя картины участи простолюдиновъ и бѣдняковъ, а самъ швырялъ тысячами, какъ рублями. На это скажу, что у Некрасова не было ничего дѣланнаго и напускнаго. То, что онъ писалъ, было у него прочувствовано, и искренность этого прочувствованнаго слишкомъ выразительно выливалась въ его, зачастую, вдохновенномъ словѣ.

Что же касается до безобразнаго трепанія денегъ, то этого я оправдывать не стану. Можно лишь сказать одно, что Некрасовъ испытывалъ баснословную нужду; тѣмъ, отчасти, и старался глушить въ себѣ голосъ совѣсти, подымавшійся при швыряніи деньгами.

На Некрасова, послѣ его смерти, стали клеветать, что онъ не только былъ кулакомъ въ отношеніи сотрудниковъ журнала, но будто бы не рассчитался и остался имъ долженъ. Болѣе худшей лжи, по отношенію къ Некрасову, нельзя и придумать.

Не Некрасовъ остался долженъ сотрудникамъ, а они остались должны ему не одинъ десятокъ тысячъ рублей.

Братъ мой, который завѣдывалъ бухгалтеріей и счетами по «Современнику», хранить до сихъ поръ денежныя книги и личные счета сотрудниковъ, изъ коихъ и видно—кто кому долженъ.

Кромѣ того, Некрасовъ часто выдавалъ сотрудникамъ деньги безъ счета, которыя и не попадали въ кассовую книгу. Множество разъ я былъ тому свидѣтелемъ. Бывало, придуть къ нему утромъ за деньгами и ждуть, пока Некрасовъ не встанетъ.

— Вамъ, вѣрно, деньжонокъ нужно, господа?—спросить Некрасовъ.

— Да нужно бы, Николай Алексѣевичъ.

— Ну, пожалуйста!

Позоветь тогда въ кабинетъ, отворить крышку стола, на которомъ лежать, кучками, груды сторублевыхъ, измятыхъ бумажекъ, повытасканныхъ изъ кармановъ, по возвращеніи изъ клуба наканунѣ, схватить оттуда столько, сколько можетъ схватить ладонь, дать тому, другому и росписки не возьметъ, да и самъ не знаетъ, сколько роздалъ. Конечно, это бывало тогда, когда, наканунѣ, онъ выиграетъ хорошенькій кушикъ. Рѣдко случалось, чтобы онъ отвѣтилъ: «подождите»—и уходилъ бы за тѣмъ въ заднія комнаты.

Некрасовъ—это громадный самородокъ, какъ и Кольцовъ. Оба она самые характерные выразители абсолютно русской народной поэзіи, совершенно самостоятельные и другъ на друга не похожіе. Некрасовъ

писалъ много стихотвореній и не народнаго характера, и достигалъ иногда такой силы и такой звучности, какой не достигалъ никто. Укажу, напримѣръ, на «Старыя хоромы», гдѣ, впрочемъ, къ ущербу этого произведенія, нѣсколько строкъ при печати замѣнены другими. Съ другой стороны, въ стихотвореніяхъ народнаго характера Некрасову не удавалось выражать характеръ и пошибъ русскаго народа такими сильными и рельефными словами, какъ это удавалось, почти постоянно, Кольцову. Напримѣръ, мнѣ сейчасъ пришли на память заключительныя слова одного его стихотворенія:

„Въ ночь подъ бурей, я коня сѣдлалъ;
 „Безъ дороги въ путь отправился,—
 „Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
 „Съ злою долей перевѣдаться“.

Относительно третьяго, новаго литератора, Дмитрія Васильевича Григоровича, появившагося въ литературномъ кружкѣ въ концѣ 1845 года, одновременно съ Достоевскимъ, я не имѣю права говорить собственно о личности этого пріятнѣйшаго и полного жизни человѣка, такъ какъ онъ еще живъ ¹⁾. Но, пользуясь случаемъ, считаю обязанностью обратить вниманіе на то несправедливое мнѣніе, которое почему-то распространилось въ обществѣ, а именно, что будто бы Тургеневу принадлежитъ честь инициатора въ ознакомленіи образованнаго общества съ крестьянами и простолюдинами, и что этимъ будто бы онъ, главнымъ образомъ, расположилъ общественное мнѣніе къ эмансипаціи крестьянъ. Это несправедливое мнѣніе такъ сильно пропагандировалось, что на обѣдѣ, данномъ въ честь Тургенева литераторами, художниками и артистами, одинъ изъ ораторовъ, перечисляя заслуги Тургенева, въ своемъ увлеченіи дошелъ до того, что честь эмансипаціи крестьянъ приписалъ Тургеневу, а не императору Александру II.

Приписываніе такихъ заслугъ коробило самого Тургенева. Ничего подобнаго онъ не видѣлъ за собою, и приписываніе ему великихъ заслугъ, въ вопросѣ объ эмансипаціи крестьянъ, было для него совершенною новостью. Между тѣмъ, такое мнѣніе распространилось въ извѣстныхъ сферахъ общества и какъ бы установилось.

Тургеневъ, въ «Запискахъ охотника», далъ только нѣсколько эпизодическихъ, граціозныхъ картинокъ, гдѣ попадались простолюдины, и только. Тогда такъ, раньше этого, первымъ явился Григоровичъ съ своими романами изъ народнаго быта и написалъ цѣлую серію такихъ романовъ. Онъ первый рѣшился показать образованному обществу, что въ простолюдинѣ живутъ такія же чувства, какъ и въ насъ грѣшныхъ; что между ними совершаются романы, какъ и между нами. Это былъ

¹⁾ Писано до смерти Григоровича.

шагъ необыкновенно смѣлый и въ высшей степени полезный, не въ смыслѣ литературномъ, а въ смыслѣ социальномъ; и за это ему должно быть вѣчное спасибо.

Романы Григоровича читаль покой императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ графъ Сологубъ ¹⁾, который передавалъ, что это чтеніе не разъ вызывало у ней слезы. Такое отношеніе императрицы къ произведеніямъ Григоровича не могло не распространиться въ высшихъ сферахъ, и если чьи-либо литературныя произведенія могли предрасположить общество къ эмансипаціи крестьянъ, то, конечно, романы Григоровича. Тургеневъ тутъ ни при чемъ.

Теперь обращусь къ Ивану Ивановичу Панаеву. Конечно, читатели могутъ подумать, что мои сужденія пристрастны влѣдствіе близкихъ родственныхъ отношеній. Но я постараюсь, по преимуществу, сгруппировать лишь одни факты, почти всѣмъ извѣстные, и такимъ образомъ отнесусь къ нему совершенно объективно.

По характеру, это былъ человѣкъ мягкаго и горячаго сердца, искренній, съ дѣтской душой, баснословною непрактичностью, абсолютнымъ безкорыстіемъ и полнѣйшимъ отсутствіемъ самомирія; напротивъ, онъ не придавалъ никакого значенія ни себѣ, ни своему таланту. Единственный упрекъ, который ему дѣлали, это тотъ, что онъ былъ барачъ. Дѣйствительно, онъ былъ избалованъ съ дѣтства и имѣлъ нѣкоторые замашки, но онъ постоянно старался отдѣлываться отъ нихъ и, въ концѣ концовъ, отдѣлался.

Онъ обладалъ особенною наблюдательностью и природнымъ юморомъ. Онъ не выносилъ ничего дѣланнаго, ходульнаго, напускнаго и неестественнаго, и ловко подмѣчалъ самыя тонкія смѣльныя стороны въ человѣкѣ, которыхъ другіе и не замѣчали. Надо было быть очень внимательнымъ къ самому себѣ, чтобы не попасть на его зубокъ. Почти съ самаго начала своей литературной дѣятельности, Иванъ Ивановичъ сталъ выводить на посмѣяніе людей, заслуживающихъ того. Всего болѣе онъ разилъ то, что можно характеризовать: «мѣщанствомъ во дворянствѣ». Затѣмъ, онъ разилъ типъ чиновниковъ, доходя до той высоты ихъ служебнаго положенія, до котораго допускала цензура; не шадилъ онъ и литераторовъ, и всякихъ прыщей въ общественномъ строѣ. Въ тѣхъ сферахъ, которыя онъ выводилъ на посмѣяніе, Ивана Ивановича не только не терпѣли, но, можно сказать, ненавидѣли его. Не менѣе того, во свое время, его произведенія читались въ обществѣ съ жадностью, и многіе стали тщательно скрывать тѣ черты, которыя были имъ осмѣяны.

---

¹⁾ О Сологубѣ я упомяну тогда, когда я сталъ встрѣчаться съ нимъ часто, во время пребыванія моего, долгое время, въ Парижѣ и въ Ниццѣ.

Вообще, въ прежнія времена, литература имѣла, положительно, воспитательное значеніе. Напримѣръ, по выходѣ «Мертвыхъ Душъ» Гоголя, года черезъ два, провинція сдѣлалась неузнаваема. Громадный авторитетъ, пріобрѣтенный «Мертвыми Душами», имѣлъ благотворное воспитательное значеніе для всей Россіи. Сверхъ того, болѣе или менѣе, повсюду сдѣлалось извѣстнымъ, что самъ императоръ далъ средства Гоголю для его работы, дабы онъ не былъ вынужденъ быть поденщикомъ изъ-за куска хлѣба. Слѣдовательно, общество знало, что произведеніе Гоголя было санкціонировано въ высшемъ слоѣ общества.

Скромныя произведенія Ивана Ивановича дѣйствовали также воспитательно въ извѣстныхъ сферахъ.

Писалъ Иванъ Ивановичъ языкомъ простымъ, гладкимъ и вполнѣ непогрѣшимымъ. Писанное имъ полстолѣтія тому назадъ читается какъ бы написанное вчера. Пусть читатель возьметъ на выдержку любое произведеніе Ивана Ивановича, и онъ убѣдится въ томъ. Мѣткость его наблюденій доказывается уже тѣмъ, что данныя имъ клички пріобрѣли на всегда всеобщее право гражданства, напримѣръ: «п р и ж и в а л к а», «х л ы щ ь».

Переставъ писать повѣсти и романы, Иванъ Ивановичъ появился въ «Современникѣ» съ Записками Новаго Поэта. И здѣсь онъ остался вѣрнѣе своему призванію, т. е. осмѣивать все фальшивое, напускное и безнравственное, конечно, въ болѣе легкомъ и бѣгломъ жанрѣ и въ иныхъ сферахъ. Эти его фельетоны не пропадали, въ оное время, безслѣдно. «Записки Новаго Поэта» можно назвать фельетонными *chef-d'œuvre*'ами. Его ядовитость была тонкая, не бьющая прямо въ лобъ, но способная проникать глубже. Въ этомъ отношеніи онъ не замѣщенъ еще ни кѣмъ въ нашей литературѣ. Жаль, что нѣтъ подобнаго ему фельетониста; а сколько теперь, съ измѣненіемъ условій жизни, появилось новыхъ типовъ, подлежащихъ юмору? Ихъ безчисленное множество: адвокаты, концессионеры, разнаго сорта чиновники, фигурирующие нынѣ по частнымъ учрежденіямъ и правленіямъ, гласные, гешефтъ-махеры, непризванные ораторы и проч.

Иванъ Ивановичъ принесъ пользу русской литературѣ, а слѣдовательно, и публикѣ еще инымъ путемъ, болѣе существеннымъ.

Когда Краевскій основалъ «Отечественныя Записки», Иванъ Ивановичъ убѣдилъ его призвать къ дѣлу Бѣлинскаго. Ѣдетъ въ Москву, даетъ Бѣлинскому средства переселиться въ Петербургъ и содержитъ его до тѣхъ поръ, пока онъ могъ уже опериться и проявить свой могучій талантъ. Это—заслуга, но, въ то же время, этотъ фактъ доказываетъ особенную способность, которая проявлялась у него и впоследствии на каждомъ шагу. Онъ почувствовалъ въ Бѣлинскомъ большую силу, возлюбилъ его и привязался къ нему безкорыстно, всею душою.

Затѣмъ, когда Бѣлинскій, работая у Краевского и будучи уже семейнымъ человѣкомъ, таялъ въ своемъ здоровьи, Иванъ Ивановичъ реализуетъ все свое состояніе, и все, до послѣдней копѣйки, кладетъ на изданіе «Современника» съ большимъ рискомъ, такъ какъ «Отечественныя Записки» господствовали во всемъ обществѣ. При этомъ, самою сильнѣйшею пружиною для сказанной рѣшимости было намѣреніе, и это всѣмъ тогдашнимъ литераторамъ извѣстно, вырвать Бѣлинскаго изъ его батраческаго положенія. Вѣдь такая рѣшимость могла вытекать только изъ принципа полезнаго служенія литературѣ и обществу и изъ восторженнаго, горячаго сердца. Этою рѣшимостью онъ открылъ тоже ворота и для развитія таланта Некрасова.

Вскорѣ, по основаніи «Современника», Бѣлинскому даны были широкія средства для поѣздки за границу, ради отдохновенія и поправленія здоровья. Къ несчастью, змѣя уже грызла знаменитаго критика, и, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ сталъ уже сильно хворать и умеръ ранней весной 1848 года. Во время этой предсмертной его болѣзни я тоже былъ очень боленъ и три мѣсяца не могъ выходить изъ дому. Въ первый же день, когда меня выпустили, я поѣхалъ къ Бѣлинскому. Онъ жилъ тогда на Лиговкѣ, противъ Кузнечнаго переулка. Я засталъ его сидящимъ на постели, въ халатѣ, но съ спущенными ногами такъ, что когда я сталъ передавать ему мои впечатлѣнія по поводу статей Эмиля-де-Жирардена, появлявшихся, въ это время, послѣ февральской революціи, онъ моментально оживился и вскочилъ было на ноги. Худоба была поразительная, щеки ярко горѣли, руки были горячія; слѣдовательно, я попалъ къ нему въ сильный лихорадочный моментъ, а потому глаза его показались мнѣ настолько оживленными, что можно было подумать, что до конца еще далеко. Черезъ три дня Бѣлинскаго не стало.

Иванъ Ивановичъ обладалъ еще однимъ полезнымъ стремленіемъ. Это—постоянно и неумоимо пропагандировать дѣйствительные таланты, на чтѣ онъ имѣлъ возможность, посѣщая разныя сферы общества. Напримѣръ, когда Некрасовъ напишетъ, бывало, стихотвореніе, которое не пропускала въ то время цензура,—а такихъ было много,—Иванъ Ивановичъ знакомилъ съ ними общество въ рукописяхъ. Также Толстой появился черезъ 8 лѣтъ послѣ смерти Бѣлинскаго, и кто же открылъ поле для Толстаго? Для писателя важенъ первый шагъ. Я помню, въ какой восторгъ пришелъ Иванъ Ивановичъ отъ перваго произведенія Толстаго. Помню, какъ онъ повсюду возглашалъ, что родился новый могучій талантъ.

Напомню здѣсь еще разъ о безкорыстныхъ большихъ трудахъ Ивана Ивановича, о которыхъ я упомянулъ уже выше, единственно, для ознакомленія Бѣлинскаго съ французской литературой. Впослѣдствіи по

этому дѣлу трудился и Тургеневъ, но его труды были отрывочны и дѣлались мелькомъ, такъ какъ Тургеневъ бывалъ въ Петербургѣ только наѣздами.

Не обязанъ ли также литературный кружокъ сороковыхъ и, отчасти, пятидесятыхъ годовъ Ивану Ивановичу за то, что онъ широко отворялъ двери своего дома, гдѣ преимущественно и собирались литераторы.

Здѣсь не могу не упомянуть объ одномъ обстоятельстве. Въ литературномъ кружкѣ пріятели Ивана Ивановича, за исключеніемъ его друга Бѣлинскаго, который иначе смотрѣлъ на него, обзывали Ивана Ивановича человѣкомъ легкомысленнымъ. Этотъ взглядъ пропагандировали, по преимуществу, во-первыхъ, одинъ изъ самыхъ пустѣйшихъ и легкомысленнѣйшихъ людей, Боткинъ, и во-вторыхъ, отчасти, Тургеневъ, который, будучи великимъ художникомъ, отнюдь не отличался тоже, ни въ то время, ни позже, глубокомысліемъ, что выражалъ не разъ Бѣлинскій и что будетъ пояснено далѣе въ своемъ мѣстѣ.

Въ чемъ же обнаруживалось легкомысліе Ивана Ивановича? Развѣ привлеченіе къ дѣлу Бѣлинскаго и оказаніе ему помощи—есть фактъ легкомыслія, и отдать все свое состояніе на изданіе «Современника»—есть поступокъ легкомысленный? Почему же тѣ, которые были въ 15 или 20 разъ богаче Ивана Ивановича, не рѣшились основать журнала, а Тургеневъ сталъ брать большія деньги съ «Современника». Пожалуй, этотъ поступокъ Ивана Ивановича можно назвать легкомысленнымъ съ матеріальной точки зрѣнія,—противъ этого спорить нельзя. Развѣ привлеченіе къ изданію «Современника» такой литературной силы, какою былъ Некрасовъ,—есть дѣло легкомыслія?—Пускай будетъ побольше такихъ легкомысленныхъ людей!

Боткинъ и Тургеневъ относились къ Ивану Ивановичу какъ къ легкомысленному человѣку потому, что: могъ ли быть, въ ихъ глазахъ, человѣкъ нелегкомысленнымъ, если онъ не изучалъ Гегеля и проч. философовъ и не слушалъ лекцій въ заграничномъ университетѣ. Но, главнымъ образомъ, литературные пріятели обзывали Ивана Ивановича легкомысленнымъ потому, что онъ былъ легендарно безкорыстный человѣкъ, съ теплѣйшимъ сердцемъ, готовый помочь каждому, чѣмъ былъ въ силахъ, и относившійся къ сплетнямъ и къ отзывамъ своихъ пріятелей съ добродушнѣйшею индифферентностью, безъ злобы.

Замѣчу еще, что хотя Иванъ Ивановичъ не имѣлъ въ послѣднее время прямого вліянія на «Современникъ», но это вліяніе, имъ самимъ не замѣчаемое и другимъ не сознаваемое, было вліяніе косвенное. Доказательствомъ тому служить то обстоятельство, что послѣ его смерти журналъ зашатался, потерялъ довѣріе и вѣсъ въ правительствѣ, и потому былъ закрытъ.

Въ заключеніе скажу, что Ивану Ивановичу не отвели еще должнаго мѣста въ литературномъ мірѣ.

Въ пятидесятихъ годахъ появлялся у Ивана Ивановича изрѣдка Фетъ. Я ничего не могу сказать о немъ, развѣ только то, что онъ былъ тучный человѣкъ. А какъ онъ попалъ въ званіе замѣчательнаго поэта, это загадка, которую пускай разгадываетъ критика. Общій жанръ его твореній очень ловко пародировалъ Иванъ Ивановичъ въ своихъ «Запискахъ Новаго Поэта».

Впослѣдствіи появились у Ивана Ивановича Дружининъ и Дудышкинъ. Это были тоже люди умные, образованные и весьма пріятные.

Некрасовъ слылъ за весьма практическаго человѣка; отчасти онъ и былъ таковъ; но, не менѣе того, онъ не спасъ «Современника», носившаго названіе журнала литературнаго и политическаго. До 1856 года, конечно, кличка: политическаго была кличкой фиктивной, но съ 1856 года цензурныя условія измѣнились, правительство стало на иной путь и искренно искало содѣйствія въ обществѣ и въ литературѣ. Некрасовъ, сдѣлавшійся уже, въ это время, главнымъ издателемъ журнала, не понялъ данныхъ обстоятельствъ, не понялъ, что надвинулась серьезно новая эра, или, если и понималъ это отчасти, то понималъ слишкомъ смутно, относился къ искреннимъ взглядамъ правительства недовѣрчиво и поэтому не придавалъ серьезнаго значенія вопросамъ политическаго свойства.

Въ это время, я, можно сказать, прожужжалъ уши Некрасову и Ивану Ивановичу, взывая ихъ открыто выставить свое политическое, соціальное и экономическое знамя, чтобы журналъ явился энергичнымъ помощникомъ правительству, просвѣтителемъ взглядовъ общества въ означенныхъ вопросахъ, и что, въ такомъ случаѣ, ихъ органъ, стоящій во главѣ другихъ, окажетъ великую благотворную для всѣхъ услугу. Если же они не встанутъ на этотъ путь, то Москва скоро перебьетъ ихъ. Увѣщанія мои остались тщетными. Редакторы выражали, во-первыхъ, сомнѣніе въ искренности правительства и, во-вторыхъ, ссылались на отсутствіе писателей, подготовленныхъ къ политическимъ и экономическимъ вопросамъ. Мои слова скоро оправдались появленіемъ статьи профессора Казанскаго университета Бабста, напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», которая была первой брешью, пробитой Катковымъ въ цензурѣ.

А затѣмъ, всѣмъ извѣстенъ быстрый ростъ «Русскаго Вѣстника» и, потомъ, «Московскихъ Вѣдомостей», издававшихся Катковымъ. И какъ же могъ быть неуспѣхъ его изданій? Катковъ обладалъ большимъ политическимъ умомъ, начитанностью, смѣлостью, твердымъ характеромъ, большою практичностью, опредѣленными взглядами и доктринерствомъ въ такой мѣрѣ, что, живи онъ въ прежнихъ столѣтіяхъ,

онъ непремѣнно былъ бы, по своему характеру, инквизиторомъ, сожигающимъ и пытающимъ людей, не поморщась, во имя доктрины.

Вскорѣ направленіемъ «Современника» овладѣлъ Чернышевскій, привлечшій съ собою, впоследствии, Добролюбова для беллетристической критики. Иванъ Ивановичъ и Некрасовъ сложили оружіе, въ особенности по вопросамъ философскимъ, научнымъ, политическимъ и экономическимъ уже потому, что въ трехъ послѣднихъ они ровно ничего не понимали и, сверхъ того, не заключали въ себѣ ни малѣйшей политической жилки. Не менѣе того, со стороны Ивана Ивановича очень часто появляется протестъ. Бывало, Иванъ Ивановичъ прибѣжить на половину Некрасова и съ жаромъ возопіеть:

— Да это невозможно, этого помѣщать нельзя, это невыносимо по самой формѣ.

Протесты эти оставались безъ результата.

Дѣйствительнымъ хозяиномъ «Современника» былъ Некрасовъ вслѣдствіе извѣстнаго закона общественной жизни: «у кого есть деньги, тотъ и хозяинъ».

Некрасовъ воровалъ сотнями тысячъ, а Иванъ Ивановичъ, положивъ разъ все свое состояніе на основаніе «Современника», не имѣлъ лично ничего. До денежныхъ дѣлъ Иванъ Ивановичъ не касался и бралъ для своихъ карманныхъ расходовъ не болѣе 75 руб. въ мѣсяцъ. Некрасовъ же, имѣя всегда массу личныхъ денегъ, широко снабжалъ ими сотрудниковъ, и потому они вполне зависѣли отъ него. При чемъ онъ смотрѣлъ на Чернышевскаго и Добролюбова, какъ на самые необходимые элементы для журнала, тѣмъ болѣе, что, для оспариванія Чернышевскаго въ сферахъ его писаній, Некрасовъ былъ положительно некомпетентенъ и подчинялся вполне Чернышевскому. Мнѣ только однажды случилось испытать проявленіе нѣкоторой самостоятельности Некрасова.

Еще въ 1851 году, я по обстоятельствамъ сталъ изучать вопросъ о характерѣ пользованія крестьянами землею и столкнулся на практикѣ съ принципомъ общиннаго пользованія.

Проводя, по роду моихъ занятій, большую половину времени среди сельскихъ крестьянъ и рабочаго люда, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи,—и на сѣверѣ, и на югѣ, и на востокѣ, и въ центрѣ,—я вездѣ пристально наблюдалъ и изучалъ принципъ общиннаго землевладѣнія, и, ознакомившись съ нимъ въ достаточной мѣрѣ, сталъ убѣждать редакторовъ «Современника» поднять этотъ вопросъ въ литературѣ. Но мои убѣжденія остались тогда безъ послѣдствій.

Я же, поглощенный, можно сказать, по горло обязательными специальными занятіями по службѣ, и не проживая постоянно въ Петербургѣ,—не могъ взять на себя трудъ по этому вопросу, хотя и очень

близко мнѣ знакомому, ибо возбужденіе его должно было неминуемо вызвать горячую и продолжительную полемику.

Между тѣмъ, въ концѣ 1856 года, въ обществѣ сложилось уже убѣжденіе, что правительство, въ скоромъ времени, подыметъ вопросъ объ эмансипаціи крестьянъ. Съ этимъ вопросомъ, конечно, долженъ былъ связаться вопросъ о характерѣ пользованія землею. Тогда я, съ бѣльшею настойчивостью, сталъ взывать къ редакторамъ поднять означенный вопросъ лишь съ точекъ зрѣнія: экономической, практической и сельско-хозяйственной, такъ какъ общинный бытъ съ точекъ зрѣнія: юридической, административной и государственной, въ историческомъ его развитіи, былъ блестящимъ образомъ уясненъ партією, такъ называвшихся, славянофиловъ, пробудившихъ русское общество къ самосознанію, а вслѣдъ за ними и нѣкоторыми добросовѣстными ихъ противниками. Поэтому, я убѣждалъ также редакторовъ «Современника» бросить, недостойное серьезнаго органа, слѣпое враждованіе противъ поименованной партіи, видимо вставшей уже,—по причинѣ глубокаго, особенно серьезнаго и искренняго отношенія своего къ историческимъ наукамъ и къ народнымъ вопросамъ,—на вѣрный путь, по сравненію съ своими противниками.

Увѣщанія мои, или, лучше сказать, мои постоянныя долбленія по означенному вопросу не остались на этотъ разъ гласомъ вопіющаго въ пустынь. Въ «Современникѣ», въ 1857 году, появилась статья главнаго сотрудника журнала, Чернышевскаго, затронувшая вопросъ общиннаго пользованія землею. Статья эта вызвала полемику между «Современникомъ» и «Экономическимъ Указателемъ». Увидавъ, что авторъ статей «Современника» (ознакомившійся съ практической стороною общиннаго землевладѣнія, по преимуществу, изъ моихъ разсказовъ) не усвоилъ еще себѣ вполнѣ значенія этого принципа, не стоитъ поэтому на твердой почвѣ, черпаетъ аргументы не изъ жизни, подпалъ видимо подъ вліяніе теорій, на западѣ породившихся, и вдался, въ хозяйственномъ вопросѣ, на путь доказательствъ слишкомъ абстрактныхъ, основанныхъ на гадательныхъ расчетахъ,—я счелъ своею обязанностью, по мѣрѣ моихъ силъ, установить истинную точку зрѣнія и потому, урвавъ время, написалъ статью: **Община**.

Сдавъ эту статью въ редакцію, я уѣхалъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, по дѣламъ службы, изъ Петербурга. Вернувшись, я спросилъ Некрасова:

— Почему же не появилась моя статья?

— Я хотѣлъ печатать ее,—сказалъ Некрасовъ,—да Чернышевскій противится почему-то.

— А ты читалъ статью?

— Признаться тебѣ, я только мелькомъ просмотрѣлъ ее.

— Хочешь, я тебѣ прочту ее?—тогда и объясни, по какому резону статья не можетъ быть напечатана.

— Пожалуйста, прочти!

Когда я прочелъ ее Некрасову, онъ, нѣсколько раздраженный, сказалъ:

— Какъ себѣ хочеть Чернышевскій, я сейчасъ пошлю твою статью въ наборъ. Я рѣшительно не понимаю, почему Чернышевскій противится.

Я же понялъ, что въ вопросъ замѣшалось, должно быть, авторское самолюбіе. Чернышевскій не могъ не сознать, что вопросъ изучень мною практически со всѣхъ сторонъ, и что поэтому мои доводы въ защиту общиннаго землевладѣнія являлись болѣе вѣскими, чѣмъ его доводы теоретическаго и тенденціознаго свойства. Хотя моя статья, пролежавшая въ редакціи нѣсколько мѣсяцевъ, и появилась, по инициативѣ Некрасова, въ мартовской книжкѣ «Современника» за 1858 г., послѣ заключительной статьи Чернышевскаго по тому же вопросу; но я очень хорошо понялъ, что мнѣ не можетъ быть дѣла въ «Современникѣ», пока Чернышевскій будетъ фактическимъ его редакторомъ.

Въ то время, когда Чернышевскій постепенно захватывалъ главенство въ «Современникѣ»,—въ Москвѣ выросъ Катковъ.

Эти два писателя рѣзали глубокій слѣдъ въ современной русской печати. Я остановлюсь нѣсколько на характеристикѣ ихъ. По моему крайнему убѣжденію, каждый изъ нихъ принесъ не пользу, а извѣстный вредъ нашему отечеству. Оба были отчаянные доктринеры, а доктринерство, помимо врожденнаго лицу того или другаго свойства, налагаетъ на человѣка, неспремѣнно, печать неискренности; кромѣ того, доктринеръ необходимо проявляетъ тупость пониманія во всемъ, что выходитъ изъ круга его доктрины. Оба были люди холодные и скрытные, съ тою разницею, что Катковъ былъ умнѣе, хитрѣе, смѣлѣе и много практичнѣе Чернышевскаго.

Знаменемъ доктрины Чернышевскаго было: отрицаніе всего, а слѣдовательно и отрицаніе вѣры въ добро и въ абсолютность нравственнаго начала. Я не говорю здѣсь о доктринѣ философской или религиозной, а о доктринѣ политической. Затѣмъ, само собою, являлась другая доктрина: разрушеніе, а не созиданіе. О созиданіи не могло быть и рѣчи¹⁾.

Означенныя доктрины сформировались въ нигилизмъ. Но считать Чернышевскаго прародителемъ нигилизма было бы не вѣрно.

Какъ бы то ни было, нигилизмъ развивался и, при томъ, не въ одной молодежи. Такъ называемая, интеллигентная масса, конечно, заклю-

¹⁾ По поводу этой доктрины мнѣ придется упомянуть объ одномъ фактѣ, гораздо далѣе, при моемъ знакомствѣ съ Герценомъ.

часть всегда болѣе людей невѣжественныхъ и ограниченныхъ; между тѣмъ, знаменемъ отрицанія и разрушенія можно было прикрывать и то и другое; потому-то и вербовалось множество людей подъ это знамя, которымъ и гордились: «Мы-де люди передовые, развитые, лишенные предрасудковъ и болѣе образованные; а вы-де, остальные,—недоумки и ретрограды».

Такому-то направленію и курилъ Чернышевскій, и приобрѣталъ тѣмъ извѣстную популярность. Самъ Чернышевскій былъ человѣкъ честный и нравственный, но относился съ полнымъ равнодушіемъ и невозмутимымъ хладнокровіемъ къ нравственнымъ качествамъ въ другихъ. Въ немъ не было и тѣни того огня, который загорался въ Бѣлинскомъ при всякой фальшивой или не нравственной мысли, обнаруживавшейся гдѣ бы то ни было и въ комъ бы то ни было.

Доктрина отрицанія и разрушенія относилась въ Чернышевскомъ, какъ я уже сказалъ, преимущественно къ вопросамъ политическаго и социальнаго свойства. И вотъ, послѣдователи этихъ доктринъ явились въ большомъ числѣ фактическими жертвами ихъ.

Это одно, если можно такъ сказать, частное зло. Но такія доктрины не могли не возбудить недовѣрія къ обществу въ самомъ правительствѣ, которое, естественно, охладилось въ своихъ благихъ стремленіяхъ, не могли не вызвать ретрограднаго движенія, извѣстныхъ общихъ репрессалій, отразившихся на всѣхъ, и тѣмъ не приостановить временно прогрессивнаго движенія впередъ. Это было уже зло не частное, а общее.

Но главнѣйшее зло, вытекающее изъ доктрины отрицанія и разрушенія, выразилось стремленіемъ къ разрушенію вообще нравственныхъ началъ. Въ данное время, доктрина эта не скрывалась и выступала съ полнымъ цинизмомъ: «хорошо лишь то, что выгодно мнѣ». Эгоизмъ открыто возводился на пьедесталъ, и христіанской истинѣ не было мѣста.

Чернышевскій не предвидѣлъ того, куда поведетъ излюбленная имъ доктрина. Отрицаніе господства нравственныхъ началъ довело массу людей до вопіющаго безобразія, какъ въ политическихъ, такъ и въ социальныхъ воззрѣніяхъ. Конечно, нравственные начала попирались и прежде, будутъ попирались и впредь, но я, во время моей жизни, не припомню такого открытаго циничнаго попиранія ихъ. Прежде люди все-таки старались скрывать ихъ, а въ ту эпоху, о которой я говорю, они, можно сказать, кичились этимъ попираніемъ, и глубокіе слѣды такого циничнаго настроенія остаются еще и теперь.

Обращусь теперь къ Каткову. Катковъ въ юности и въ молодости принадлежалъ къ кружку, гдѣ царилъ скептицизмъ и господствовало совершенно индифферентное отношеніе къ понятію о высшей, разумной силѣ и къ факту явленія Божественнаго Спасителя. Въ зрѣлости, такія воззрѣнія, повидимому, исчезли у Каткова изъ его міросозерцанія, но,

было ли это исчезновеніе искреннее, объ этомъ ни я и никто знать не можетъ.

Я уже сказалъ, что Катковъ былъ отчаяннымъ доктринеромъ. Онъ избралъ своей доктриной—патріотизмъ, *quand-mêте*, т. е. одну изъ самыхъ благородныхъ и благодарныхъ доктринъ.

Но патріотизмъ патріотизму рознь. Напримѣръ, патріотизмомъ воодушевлены были: Константинъ и Иванъ Сергѣевичи Аксаковы. Ихъ патріотизмъ былъ горячій, искренній, вытекавшій изъ глубокаго чувства беззавѣтной любви къ народу, къ его призванію, къ его характеру и къ его нравственнымъ идеаламъ. Патріотизмъ Каткова, по моему мнѣнію, былъ патріотизмъ холодный, дѣланный, ходульный и вытекалъ вовсе не изъ любви къ народу, котораго,—кстати сказать,—не вѣдалъ и не изучалъ, а изъ разсчета, украшеннаго соображеніями политическаго свойства.

Оставляю, однако, этотъ вопросъ въ сторонѣ и обращаюсь къ нѣкоторымъ фактамъ.

Вскорѣ, послѣ начатія изданія «Русскаго Вѣстника», Катковъ, однимъ весьма неожиданнымъ, смѣлымъ и ловкимъ, подходящимъ къ моменту, маневромъ, заручился сильною поддержкою въ обширной средѣ вліятельныхъ высшихъ сферъ. Совершившаяся эмансипація крестьянъ породила, конечно, массу недовольныхъ, и, въ извѣстныхъ кругахъ общества, сложилось, почему-то, убѣжденіе, что главная пружина, двигавшая вопросомъ эмансипаціи, заключалась въ одной изъ самыхъ высшихъ правительственныхъ сферъ, и потому недовольные относились къ этой сферѣ недоброжелательно.

Вдругъ разражается польскій мятежъ. Катковъ, сильный уже несомнѣнной поддержкою въ высшихъ сферахъ, смѣлый по характеру, рѣшился воспользоваться сложившимися обстоятельствами и дерзнулъ рельефно намекать, что причина мятежа кроется въ той высокой сферѣ, которая двигала вопросъ эмансипаціи крестьянъ.

Съ перваго же момента такого смѣлаго шага, несказанно угодившаго массѣ недовольныхъ, страшно загремѣла популярность Каткова:

— Вотъ такъ истинно храбрый патріотъ; вотъ такъ гражданинъ, не боящійся кары, ради служенія родинѣ,—завопили повсюду и ринулись на «Московскія Вѣдомости».

Катковъ хорошо зналъ, что ни какой карѣ за свой смѣлый шагъ онъ не подвергнется, а, напротивъ, будетъ поддержанъ, и потому всталъ на почву твердой ногой, подкрѣпившись, сверхъ того, приобрѣтенною означеннымъ путемъ огромною популярностью. Словомъ сказать, онъ сразу явился политической силой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императоръ Павелъ.

Очеркъ развитія его личности.

Въ одной изъ статей, посвященныхъ характеристикѣ личности императора Павла I, высказано между прочимъ ¹⁾: «Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнью, что личность Павла Петровича возбуждаетъ у насъ не только большой интересъ, но и какое-то странное сочувствіе къ себѣ, не охлаждаемое самыми мрачными картинами его времени, набрасываемыми современниками. Сочувствіе это не можетъ быть объяснено недостаточнымъ знакомствомъ съ характеромъ и дѣйствіями Павла I: напротивъ, для запечатлѣнія въ умахъ читателей неблагоприятнаго представленія о немъ, подчасъ краски сгущаютъ слишкомъ сильно. Характеръ Павла Петровича весь состоялъ изъ контрастовъ свѣта и тѣни, въ немъ пробивались какія-то чисто гамлетовскія черты, а такіе характеры вездѣ и всегда возбуждали и возбуждаютъ къ себѣ невольное сочувствіе. Люди любятъ натуры порывистыя, страстныя и легко прощаютъ имъ ихъ заблужденія, въ особенности тогда, когда имъ приходится сталкиваться съ ними въ книгѣ и не испытывать на себѣ ихъ неприятныхъ и часто тяжелыхъ сторонъ. А Павелъ Петровичъ весь былъ порывъ, огонь, вспыхивавшій быстро, горѣвшій ярко; пламя его, подчасъ красивое, въ большинствѣ случаевъ обжигало немилосердно, перебрасываясь изъ стороны въ сторону по произволу случайныхъ вѣяній. Павелъ не зналъ середины. «Его умъ и его страсти,—пишетъ

¹⁾ „Русская Старина“ 1897 г. ноябрь: „Императоръ Павелъ въ его дѣяніяхъ и приказахъ“.

о немъ баронъ Гейкинъ,—его чувствительность и его жестокость, его добродѣтели и его пороки, его энтузіазмъ въ дружбѣ и его упорная ненависть къ тому же лицу, его признательность за все, что, какъ ему казалось, искренно дѣлали въ его пользу, и его бѣшеный гнѣвъ при малѣйшемъ упущеніи, замѣченномъ относительно его собственной особы,— все это доходило въ немъ до крайности»...

Вполнѣ естественно, что интересъ къ личности Павла Петровича долженъ былъ проявиться съ особою силою по случаю исполнившагося столѣтія со дня его кончины, и несомнѣнно, этому обстоятельству мы обязаны появленіемъ превосходнаго труда Н. К. Шильдера «Императоръ Павелъ Первый».

Русская историческая литература богата различными воспоминаніями и тому подобными матеріалами, касающимися личности императора Павла, но до самаго послѣдняго времени не было изслѣдованія, по которому можно было бы прослѣдить, какъ постепенно слагался и развивался обликъ, встающій въ воображеніи каждаго при словахъ: Императоръ Павелъ Петровичъ.

Пробѣлъ этотъ и восполненъ нынѣ упомянутымъ выше сочиненіемъ Н. К. Шильдера, скромно названнымъ авторомъ «Историко-біографическимъ очеркомъ».

Пользуясь этимъ «очеркомъ», составленнымъ частью по неизданнымъ матеріаламъ, а также и нѣкоторыми другими данными, мы прослѣдимъ, какъ формировался характеръ Павла Петровича, жизнь котораго, по выраженію Н. К. Шильдера, отличалась трагическими чертами, подобныхъ которымъ не встрѣчается въ жизни ни одного изъ вѣнценосцевъ не только въ русской, но и во всемірной исторіи.

I.

Историки и біографы выдающихся дѣятелей, останавливаясь на ихъ дѣтствѣ, часто ищутъ въ немъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложился впослѣдствіи ихъ характеръ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобнымъ путемъ дѣйствительно объясняются такія стороны характера историческихъ лицъ, которыя иначе оставались бы непонятными или казались бы неестественными. Но, конечно, при этомъ необходимо удерживаться отъ увлеченій, чтобы не видѣть чего-либо особеннаго въ такихъ чертахъ, которыя присущи всѣмъ дѣтямъ вообще.

Для воссозданія дѣтскаго образа Павла Петровича, въ періодъ 10—11-лѣтняго возраста, русская историческая литература обладаетъ

столь драгоценнымъ матеріаломъ, какъ записки Семена Порошина, состоявшаго при юномъ великомъ князѣ «кавалеромъ» и изо дня въ день, съ 20-го сентября 1764 г. по 13-ое января 1766 года, т. е. почти за все время своего пребыванія при дворѣ, записывавшаго все, касавшееся его августѣйшаго воспитанника. По словамъ Н. К. Шильдера, того, «что завѣщало намъ честное перо Порошина, вполне достаточно, чтобы сказать: предъ нашимъ взоромъ, въ лицѣ десяти и одиннадцатилѣтняго мальчика, является законченный образъ будущаго императора съ его привлекательными и дурными особенностями характера, съ его увлеченіями и намѣреніями, принимавшими фантастическій отбѣнокъ: предъ нами обрисовывается тотъ «*prince adorable despotе implacable*», о которомъ высказался впоследствии Суворовъ въ столь мѣткихъ выраженіяхъ».

Но прежде чѣмъ прослѣдить, что представлялъ собою Павелъ Петровичъ въ дѣтствѣ, посмотримъ, какія начала было рѣшено положить въ основу его воспитанія.

Съ 1758 по 1760 годъ воспитаніе Павла Петровича было поручено Федору Дмитриевичу Бехтѣеву, бывшему повѣренному въ дѣлахъ при версальскомъ дворѣ, а въ 1760 году императрица Елисавета Петровна избрала для воспитанія внука новаго руководителя, Никиту Ивановича Панина, назначеннаго вслѣдъ за тѣмъ оберъ-гофмейстеромъ при великомъ князѣ и остававшагося при немъ вплоть до его женитьбы. Свой взглядъ на задачи воспитанія юнаго великаго князя Панинъ изложилъ въ особой запискѣ, названной имъ: «Все подданныйшимъ предъявленіемъ слабаго понятія и мнѣнія о воспитаніи его императорскаго высочества государя великаго князя Павла Петровича». Императрица Елисавета Петровна, съ своей стороны, въ отвѣтъ на эту записку, преподала Панину особую «инструкцію». Хотя въ «инструкціи» и выражалась аппробація мнѣніямъ, высказаннымъ Панинымъ въ своей запискѣ, но въ общемъ «инструкція» стоитъ несравненно выше предъявленнаго Панинымъ «слабаго понятія и мнѣнія о воспитаніи» Павла Петровича. Правда, въ «слабомъ понятіи» проводилась мысль, что «нѣтъ народу наивящшей отъ Бога милости, какъ поданіемъ ему государя Боголюбиваго, правосуднаго и милосердаго», что «добрый государь не имѣетъ и не можетъ имѣть ни истиннаго интереса, ниже истинной славы раздѣленными отъ пользы и благосостоянія ему Божескимъ призрѣніемъ подданныхъ народовъ, которые устрояютъ ему жертвенники въ сердцахъ своихъ»; что необходимо, чтобы еще «въ дѣтскихъ хотѣніяхъ у его императорскаго высочества нечувствительно произрасла склонность и желаніе подражать добру и честности, претительность же къ дѣламъ худымъ и честности повреждающимъ»; что «несомнѣнно наиважнѣйшій пунктъ добраго вос-

питанія»—обученіе закону Божію, чуждое «всякаго предувѣренія и суетвѣрства»; что «всякое излишество, великолѣпіе и роскошь, искушающія молодость», должны быть удалены отъ юнаго великаго князя. Но наряду съ этими мыслями проводилась и та, что избранные помазанные являются намѣстниками Бога во плоти.

Въ «инструкціи» же императрицы Елисаветы Петровны, какъ бы въ пророческомъ провидѣніи того вреда, который эта мысль принесла въ послѣдствіи Павлу Петровичу, проводилась и подробно развивалась, какъ разъ противоположная мысль о равенствѣ всѣхъ передъ Богомъ. «Доброправіе, снисходительное и добродѣтельное сердце, читаемъ мы въ инструкціи,—паче всего нужны человѣку, котораго Богъ возвышаетъ для управленія другими; ничѣмъ же больше не возбуждаются сіи внутреннія чувства, какъ воспоминаніемъ равенства, въ которомъ мы по человѣчеству предъ Создателемъ нашимъ состоимъ. Сіе есть истинный источникъ, изъ котораго изливаются человѣколюбіе, милосердіе, кротость, правосудіе и прочія добродѣтели, обществу полезныя. Мы повелѣваемъ вамъ оное полагать главнымъ началомъ правоученію его высочества и безпрестанно ему о томъ толковать, дабы при всякомъ взорѣ на различныя состоянія, въ которыхъ человѣкъ бываетъ, обращаясь мыслию къ сему началу, его высочество побуждаемъ былъ къ помянутымъ добродѣтелямъ, къ благодаренію Всевышняго за милосердый объ немъ промыселъ и къ учиненію себя званія своего достойнымъ.

«На семъ основаніи не токмо не возбраняемъ, но паче хотимъ, чтобы всякаго званія, чина и достоинства люди добраго состоянія, по усмотрѣнію вашему, допущены были до его высочества, дабы онъ чрезъ частое съ ними обхожденіе и разговоры узналъ разныя ихъ состоянія и нужды, различныя людскія мнѣнія и способности, также научился бы отличать добродѣтель и принимать каждаго по его чину и достоинству».

Къ сожалѣнію, Панинъ, ведя воспитаніе Павла Петровича, руководился не «главнымъ началомъ», преподаннымъ императрицей, а соображеніями своего «слабаго понятія». Это отступленіе отъ программы Елисаветы Петровны не можетъ быть искуплено всѣмъ тѣмъ несомнѣнно хорошимъ и благотворнымъ, что заключала въ себѣ система воспитанія Панина.

Что касается взглядовъ, которыми руководился Порошинъ въ своей столь кратковременной дѣятельности въ качествѣ «кавалера», то онъ «наблюдалъ, чтобъ въ его высочествѣ осталось за законъ и основаніе, чтобъ разсматривать и отличать прямыя достоинства, не ослѣпляясь блистательною и часто обманчивою наружностью; чтобъ любить народъ російскій, отдавая потомъ справедливость каждому достойному изъ чужестранныхъ; чтобъ твердо и непоколебимо быть въ глубокомъ почтеніи туды, куды онымъ его высочество долженъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы не развивать въ великомъ князѣ страсти къ мелочамъ военнаго дѣла. Поэтому его постоянно радовало, когда при Павлѣ Петровичѣ происходили разговоры, способные воздѣйствовать на него въ томъ же направленіи. Всѣ подобныя случаи онъ старательно отмѣчаетъ у себя въ запискахъ. Такъ, въ одномъ случаѣ, передавалъ обѣденные разговоры, Порошинъ съ явнымъ удовольствіемъ записалъ у себя: «Графъ Захаръ Григорьевичъ (Чернышевъ) разсуждалъ о военномъ дѣлѣ такъ, какъ генераль искусной; разсказывалъ... съ насмѣшкою, съ какою точностію король прусской отправлялъ военную службу, тако жъ и о нѣмецкихъ принцахъ, кои, когда въ службѣ, всю по знанію своему, которое на себя приняли, должность отправляютъ съ такимъ повиновеніемъ и съ такимъ подобострастіемъ, какъ и-партикулярные въ равныхъ съ ними чинахъ по арміи. О сихъ подробностяхъ мнѣ и прежде отъ нѣкоторыхъ слышать случалось; но не тѣмъ тономъ говорили они, коимъ говорилъ графъ Захаръ Григорьевичъ; приводили то какъ бы въ примѣръ для подражанія его высочеству. Сіе подало мнѣ причину въ себѣ подумать, каково бѣ было, если бѣ въ его высочество вложить охоту къ подражанію онымъ примѣрамъ? И вотъ какія разсужденія у меня обращались. Нѣмецкіе принцы имѣютъ по большей части весьма малыя владѣнія: въ разсужденіи оныхъ и намѣренія ихъ заключены въ тѣсныхъ предѣлахъ; не представляются мнѣ они иначе, какъ людьми партикулярными, окруженными только государскою пышностію въ уменьшительномъ видѣ; между тѣмъ, пышность сія разжигаетъ славолібіе; оному куды удобнѣе обратиться, какъ на Марсово поле? Своего войска, которое бы войскомъ назвать было можно, у нихъ нѣтъ; для того служить, стараются отличить себя въ трудахъ и подвигахъ военныхъ; таковыя старанія иногда до самыхъ излишнихъ малостей распространяютъ.

«Его императорское высочество приуготовляется къ наслѣдію престола величайшей въ свѣтѣ имперіи Россійской; многочисленное и преславное воинство ждуть будетъ его мановенія, науки и художества просить себѣ провиданія его и покровительства, коммерція и мануфактуры неутомимаго попеченія и вниманія, пространныя рѣки удобнаго соединенія требовать будутъ; словомъ сказать, обширное государство неисчетные пути открыть, гдѣ можетъ поработать ученіе, остроуміе и глубокомысліе великое, и по которымъ истинная слава во всей вселенной промчится и въ роды родовъ не умолкнетъ. Таковыя ли огромныя дѣла оставляя, пуститься въ офицерскія мелкости? Пренебрежено бѣ тѣмъ было великое служеніе, къ коему его императорское высочество призываетъ Промыслъ Господній. Я самъ до военнаго дѣла великой охотникъ. Главнѣйшее мое упражненіе всегда было въ немъ и въ

*

тѣхъ наукахъ, кои ему основаніемъ служатъ, кои его освѣщаютъ и приводятъ въ систему. Но въ семъ случаѣ не своей охотѣ слѣдую, а беру въ разсужденіе званіе государя и благополучіе согражданъ своихъ. Я не говорю, чтобъ государю совсѣмъ не упоминать про дѣло военное. Никакъ! въ томъ опять было бы сдѣлано упущеніе; но надобно влггать въ мысли его такія свѣдѣнія, кои составляютъ великаго полководца, а не исправнаго капитана или прапорщика. Сверхъ сего, въ бездѣлки пускаться весьма опасно. Онѣ и такого человѣка, который совсѣмъ къ намъ не склоненъ, притянуть къ себѣ могутъ. Лѣности нашей то весьма угодно, а тщеславіе не преминетъ уже стараться прикрыть оную видомъ пользы и необходимости. Легче въ бездѣлкахъ упражняться, нежели въ дѣлахъ великихъ. Такимъ образомъ, пораздумавшись, положилъ я въ себѣ твердо, чтобъ государю къ онымъ и тому подобнымъ мелочамъ отнюдь вкусу не давать, а стараться какъ можно приучить его къ дѣламъ генеральнымъ и государскія великости достойнымъ»...

Вотъ, между прочимъ, и образчикъ наставленій, которыя Порошинъ давалъ своему царственному воспитаннику. Такъ, однажды, онъ сталъ разсуждать съ великимъ княземъ о богатствѣ и бѣдности и при этомъ отмѣтилъ у себя въ запискахъ слѣдующее: «Изволилъ онъ войти во всѣ подробности моего разсужденія, то-есть, что богатство не придаетъ достоинства человѣку; что бѣдность въ порокъ и укориизну не служить, и что со всѣмъ тѣмъ она тѣмъ скучна и тягостна, кои ее чувствуютъ; что благоразумныхъ государей долгъ наблюдать того, дабы награждены были всегда прямыя только достоинства и не были бы гонимы бѣдностью; что въ бѣдности, по большей части, люди бываютъ робки и унылы; что надобно ободрять ихъ и предупреждать нужды ихъ своею щедротою и своимъ снисходительствомъ и проч.».

Послѣ всего, только что приведеннаго о программѣ и взглядахъ Порошина, невольно приходится особенно пожалѣть, что Павель Петровичъ такъ рано былъ изъятъ изъ-подъ его вліянія.

II.

Что же представлялъ собою мальчикъ Павель Петровичъ?

Въ малолѣтнемъ Павлѣ Петровичѣ прежде всего поражаетъ сила воображенія, способность создавать въ своемъ представленіи сложныя комбинаціи и затѣмъ жить съ созданными имъ самимъ образами.

«Его высочество,—отмѣчаетъ Порошинъ, — все себѣ можетъ такъ

ясно и живо представить, какъ бы предъ нимъ то уже дѣйствительно происходило: веселится тогда, попрыгиваетъ и откидываетъ, по прыжкѣ своей, руки назадъ безпрестанно».

Однажды Порошинъ спросилъ великаго князя, что значить, «когда онъ изволилъ кругомъ бѣгать и голосомъ своимъ то палбу, то барабанной, то литаврной бой производить и разныя распоряженія дѣлать, какими тогда играми живое его воображеніе увеселяется? Удовольствоваль его высочество мое желаніе и изволилъ мнѣ о томъ рассказывать. Давно уже, давно, т. е. въ 1762 году, представлялось ему, что двѣсти человѣкъ дворянъ набрано, кои всѣ служили на коняхъ. Въ семь корпусѣ былъ онъ, въ воображеніи своемъ, сперва ефрейтъ-капраломъ, потомъ вахмистромъ, и оную должность отправлялъ еще въ то время, какъ мы отсюда въ ономъ годѣ въ Москву ѣхали. Вотъ какъ мы издадека взяли исторію воображенія его высочества! Изъ онаго корпуса сдѣлался пѣхотный корпусъ въ шести стахъ, потомъ въ семи стахъ человѣкъ. Въ ономъ его высочество былъ будто прапорщикъ. Сей корпусъ превратился въ полкъ дворянъ, изъ 1.200 человѣкъ состоящій. Тутъ его высочество былъ поручикомъ и на ординаціи у генерала князя Александра Голицына. Отсюда попалъ онъ въ гвардію, въ Измайловскій полкъ, въ сержанты, и былъ при турецкомъ посланникѣ. Потомъ очутился въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ кадетомъ. Оттуда выпущенъ въ Новгородской карасинерной полкъ поручикомъ, теперь въ томъ же полку ротмистромъ. Такимъ образомъ, его высочество, въ воображеніи своемъ переходя изъ состоянія въ состояніе, отправляетъ разныя должности и тѣмъ въ праздное время себя иногда забавляетъ».

Павель Петровичъ составлялъ списокъ этимъ войскамъ, назначалъ къ нимъ полковниковъ изъ числа офицеровъ, которыхъ зналъ лично; въ число полковниковъ включилъ и самого себя подъ именемъ Павла Романова, а надъ всѣмъ «онимъ въ воображеніи пребывающимъ войскомъ изволилъ учредить шефомъ» Порошина.

Любопытно, что подъ вліяніемъ чтенія «исторіи объ ордентѣ Мальтійскихъ каваровъ» великій князь представлялъ себя и кавалеромъ мальтійскимъ и мальтійскимъ посломъ, при чемъ какъ-то, въ последнемъ случаѣ, говорилъ даже рѣчь передъ товарищемъ своихъ дѣтскихъ игръ княземъ Куракинымъ.

Однажды, смотря на поставленную на столъ пирамиду и вспоминая о подаренной ему модели корабля, Павель Петровичъ замѣтилъ: «Я такъ въ свой корабль вглядѣлся, что и эта пирамида кораблемъ мнѣ кажется, когда немножко позадумаюсь».

При большой силѣ воображенія, Павель Петровичъ отличался въ дѣтствѣ впечатлительностью. По словамъ Порошина, всякое внезапное или чрезвычайное происшествіе «весьма трогало» его. Въ такихъ

случаяхъ, живое воображеніе не давало ему покоя и ночью. Такъ, когда онъ узналъ о казни Мировича, онъ очень плохо спалъ ночью.

Подобно всѣмъ крайне впечатлительнымъ людямъ, Павелъ Петровичъ уже въ дѣтствѣ обнаруживалъ большую измѣнчивость въ привязанностяхъ. «Его высочество, — отмѣчаетъ у себя Порошинъ, — будучи живаго сложенія и имѣя начеловѣколюбнѣйшее сердце, вдругъ влюбляется почти въ человѣка, который ему понравится; но какъ никакія усиленныя движенія долго продолжаться не могутъ, если побуждающей какой силы при томъ не будетъ, то и въ семь случаевъ оная крутая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, которой имѣлъ счастье полюбить. Словомъ сказать, гораздо легче его высочеству вдругъ весьма понравиться, нежели на всегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую отъ него дружбу и милость».

Въ извѣстной степени той же впечатлительностью слѣдуетъ объяснить наклонность мальчика Павла Петровича поддаваться чужому мнѣнію. «Примѣчу, — пишетъ Порошинъ, — что часто на его высочество имѣютъ великое дѣйствіе разговоры, касающіеся до кого-нибудь отсутствующаго, которые ему услышать случится. Неоднократно наблюдалъ я, что когда при немъ говорятъ что въ пользу или въ похвалу какого-нибудь человѣка, такого человѣка послѣ увидя, его высочество особливо склоненъ къ нему является; когда же, напротивъ того, говорятъ о комъ невыгодно и хулительно, а особливо не прямо къ его высочеству съ рѣчью адресуясь, но будто въ разговорѣ мимоходомъ, то такого государь великій князь послѣ увидя, холоденъ къ нему кажется».

Уже въ дѣтствѣ Павелъ Петровичъ проявлялъ большую нетерпѣливость. Особенно часто онъ обнаруживалъ ее на большихъ придворныхъ собраніяхъ. Конечно, къ 10—11 лѣтнему мальчику и нельзя было предъявлять особо строгихъ требованій, но Порошинъ всѣми силами старался искоренять эту нетерпѣливость, внушая ему, что его нетерпѣніе худо и предосудительно для него; что въ публикѣ надо стараться преодолевать себя и слабостей своихъ не обнаруживать; что, замѣтивъ ихъ, сперва всѣ будутъ плакать и печалиться, а потомъ и возненавидѣтъ мсгутъ.

— Avec les meilleurs intentions du monde, vous vous ferez haïr, monseigneur (При самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, вы заставите возненавидѣть себя, государь)—сказалъ ему въ одномъ случаѣ Порошинъ.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ цесаревича за это время сказывалась какая-то нервная торопливость. Онъ торопился ложиться спать и торопился вставать; торопился поскорѣ сѣсть за столъ и поскорѣ встать изъ-за него. Малѣйшее промедленіе въ чемъ-либо вызывало немедленно слезы. За столомъ онъ ѣлъ быстро, не разжевывая кусковъ, и это служило

даже причиною постоянныхъ заболѣваній его желудкомъ или, какъ Порошинъ называлъ ихъ, «индигестій». Вслѣдствіе этого, его часто тошнило, и приходилось переводить его на положеніе больного. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что Павелъ Петровичъ съ раннихъ лѣтъ страдалъ расстройствомъ пищеварительныхъ органовъ въ такой формѣ, которая, по заключенію свѣдущихъ людей, приводитъ къ расстройству воображенія и нервной напряженности.

Повидимому, Павелъ Петровичъ сознавалъ нѣкоторые изъ своихъ слабостей и былъ способенъ критически относиться къ нимъ. Подтверженіемъ этого можетъ служить слѣдующій случай, приводимый Порошинымъ. Во время одного изъ разговоровъ о Петрѣ Великомъ было упомянуто, что онъ приказывалъ съ самаго утра готовить себѣ студень и всегда рано садился за столъ.

— Въ этомъ,—замѣтилъ цесаревичъ,—могъ бы и я легко блаженныя памяти государю послѣдовать, и весьма бы радъ былъ, если бъ дозволили. Желая только, чтобъ могъ послѣдовать и въ прочемъ, почему онъ великимъ названъ.

Въ характерѣ 10—11 лѣтняго Павла Петровича замѣчалось проявленіе упорства, желанія настоять на своемъ. «Его высочество,—замѣчаетъ Порошинъ,—имѣетъ за собою недостаточекъ, всѣмъ такимъ людямъ свойственной, кои болѣе привыкли видѣть хотѣнія свои исполненными, нежели къ отказамъ и терпѣнію. Все хочется, чтобъ (дѣлалось) по-нашему».

«За столомъ особливое сдѣлалось приключеніе,—записалъ Порошинъ 21-го сентября 1765 года.—Его высочество попросилъ съ одного блюда себѣ кушать. Никита Ивановичъ отказалъ ему. Досадно то показалось великому князю: разсердился онъ и, положи ложку, отворотился отъ Никиты Ивановича. Его превосходительство, въ наказаніе за сію неучтивость и за сіе упрямство, вывелъ великаго князя изъ-за стола во внутренніе его покои и приказалъ, чтобы онъ остался тамъ съ дежурными кавалерами. Пожуря за то его высочество, пошелъ Никита Ивановичъ опять за столъ, и тамъ нѣсколько еще времени сидѣли. Государь цесаревичъ между тѣмъ плакалъ и негодовалъ. Пришедъ изъ-за стола, его превосходительство Никита Ивановичъ взялъ съ собою великаго князя одного въ другую (учительную) комнату и тамъ говорилъ ему съ четверть часа о непристойности его поступка, которую, конечно, никто не похвалитъ»...

— *C'est une tête de fer*, — сказалъ по этому случаю Сальдернъ, почти ежедневно обѣдавшій за великокняжескимъ столомъ.

Однажды утромъ, великій князь пожелалъ одѣтъ имѣвшійся у него зеленый бархатный кафтанъ. Камердинеръ доложилъ ему, что кафтанъ этотъ ужé старъ, замшился, и что не прикажетъ ли онъ принести дру-

гой. Но оны съ гнѣвомъ выслалъ его изъ комнаты, приказавъ принести тотъ кафтанъ, который оны приказалъ подать первоначально. «Тутъ,— пишетъ Порошинъ,— говорилъ я великому князю: «а вѣдь Карла XII за упрямство мы не любимъ. Хорошо ли это, не принимать резону? Вы приказали прежде не вспомня, что кафтанъ старъ; а теперь, когда правильно представляютъ, для чего не перемѣнить своего мнѣнія и не согласиться?» Его высочество тотчасъ приказалъ кликнуть камердинера и изволил сказать ему, чтобъ ужъ того кафтана не носилъ, а принесъ бы другой, который поновѣе». «Изъ сей поступки и изъ другихъ прежде,— заключилъ Порошинъ,— сдѣлалъ я наблюдение, что очень возможно исправлять въ его высочествѣ случающіяся иногда за нимъ погрѣшности и склонить его къ познанію добраго; надобно знать только, какъ за то браться».

Въ виду послѣднихъ словъ Порошина, особенно приходится пожалѣть, что оны былъ вынужденъ такъ рано оставить свою должность «кавалера» при великомъ князѣ.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть о своеобразной воспитательной мѣрѣ, примѣнявшейся къ великому князю въ еще болѣе раннее время. По мысли его воспитателя Бехтѣева печатались особыя вѣдомости. Вѣдомости эти давались для прочтенія Павлу Петровичу, и въ нихъ «подъ артикуломъ изъ Петербурга», сообщалось о всѣхъ его поступкахъ и погрѣшностяхъ. Вѣдомости эти, конечно, дальше дворца не шли, но великаго князя увѣрили, что оны рассылаются по всей Европѣ, и такимъ путемъ надѣялись воздѣйствовать на него, непосредственно затрогивая его самолюбіе.

Что касается учебныхъ занятій, то, повидимому, они шли не особенно успѣшно. «Не могу изобразить я,— записалъ Порошинъ 14-го іюля 1765 года,— какъ внутренно терзаюсь, когда въ немъ такую легкость и отвращеніе отъ полезныхъ знаній примѣчаю. Сверхъ того, и то неприятно, когда человекъ, съ усердіемъ и неусыпными трудами наилучшее и наисущественнѣйшее изъ нужныхъ ученій выбирая, предложить старается, а учащійся, ни мало къ тому не прилѣпляясь, совсѣмъ въ дѣло не входитъ и о мельчайшихъ бездѣлакахъ между тѣмъ помышляетъ». Въ одномъ случаѣ ученіе такъ не шло, что Порошинъ, бросивъ бумаги, взявъ шляпу и уѣхалъ домой. Послѣ приведеннаго неудивительно, что въ «Запискахъ» встрѣчаются такія выраженія, какъ «большой ребенокъ и очень разсѣянъ», «лѣнтяй», «все болѣе разсѣянъ» и т. п.

При всемъ томъ, Павелъ Петровичъ, по отзыву его наставниковъ, былъ надѣленъ математическими способностями и даромъ мыслить точно и здраво. «Оны имѣетъ такъ называемый *esprit géométrique* и *justesse d'esprit*»,— читаемъ мы у Порошина. «И подлинно, когда его высочество не залѣнитса, то провождаемые съ нимъ въ ученіи часы неописанное

приносятъ услажденіе: съ такою остротою и основательностью вникать изволить». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ, повидимому, любознательнъ отъ природы. По крайней мѣрѣ, Порошинъ сохранилъ намъ слѣдующее замѣчаніе цесаревича: «хорошо учиться-то: всегда что-нибудь новенькое узнаешь».

Но на-ряду съ этимъ проскальзывало иногда какъ-бы пренебрежительное отношеніе къ книгѣ. Такъ, однажды онъ замѣтилъ: «куда какъ книгъ-то много, ежели всё взять, сколько ни есть ихъ! А все-таки пишутъ да пишутъ». Въ другомъ случаѣ, приказывая камердинеру подать себѣ подаренную ему «мундирную» книжку, онъ сказалъ: «Подай-ка мнѣ вонъ этотъ курсъ философіи!»

Въ послѣднихъ словахъ какъ-бы крылось предзнаменованіе наступившей позднѣе эпохи парадоманіи, вахтъ-парадовъ и экзерцирмейстерства.

Невольно поражаетъ тотъ почетъ, которымъ Павелъ Петровичъ былъ окруженъ въ 10—11 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ онъ давалъ иностраннымъ посламъ аудіенціи и произносилъ заранѣе заученныя рѣчи; принималъ участіе въ разныхъ официальныхъ торжествахъ; въ Академіи художествъ онъ произноситъ благодарственную рѣчь, въ отвѣтъ на рѣчь Бецкаго по поводу зачисленія его въ члены Академіи. Часто Павлу Петровичу представляются по случаю полученныхъ наградъ и назначеній; ему откланиваются отъѣзжающіе; между прочимъ и всесильный Григорій Григорьевичъ Орловъ приводитъ къ нему откланяться своего брата Ивана Григорьевича, уѣзжавшаго въ свои деревни. Первѣйшіе сановники и вельможи Имперіи оказываютъ ему всевозможные знаки вниманія: подносятъ книги, карты, ружья и т. п. Между прочимъ, Алексѣй Орловъ подноситъ ему особый конскій уборъ, выложенный хрусталами, топазами и композиціями. Съ днемъ рожденія ему приносятся торжественныя поздравленія, въ чемъ участвуютъ морской и сухопутный генералитетъ, гвардейскіе и артиллерійскіе штабъ и оберъ-офицеры и чужестранные министры. По случаю переѣзда Павла Петровича на жительство изъ Лѣтняго дворца въ Зимній президентъ Главнаго магистрата представлялъ ему депутацію отъ петербургскихъ купцовъ съ хлѣбомъ-солью, поздравлявшихъ его съ новосельемъ. Въ качествѣ генераль-адмирала онъ получалъ недѣльные рапорты по морскому вѣдомству, подписывалъ патенты, давалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предписанія Адмиралтейской коллегіи (напримѣръ, о переводѣ на російскій языкъ со шведскаго описанія Балтійскаго моря), представлялъ императрицѣ вновь произведенныхъ морскихъ офицеровъ и пр. Въ качествѣ голштинскаго герцога, Павелъ Петровичъ иногда возлагалъ собственноручно знаки ордена св. Анны.

Въ особенности поражаетъ вниманіе, съ которымъ относился въ то

время къ Павлу Петровичу всемогущій фаворитъ Григорій Григорьевичъ Орловъ. Онъ часто заходилъ къ великому князю. Въ одномъ мѣстѣ у Порошина отмѣчено даже, что Орловъ игралъ въ воланъ, шалилъ и показывалъ свою ловкость; какъ-то онъ поѣхалъ съ великимъ княземъ въ манежъ, гдѣ вмѣстѣ съ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ Чернышевымъ прыгалъ черезъ стулья. Иногда Орловъ являлся съ порученіями отъ императрицы Екатерины: звать въ церковь, передать въ подарокъ часы, осыпанные брилліантами, вручить вылѣпленные изъ воску фрукты, дотого хорошо сдѣланные, что Павелъ Петровичъ принялся за персякъ, чтобы разрѣзать его; пригласить великаго князя на обсерваторію, находившуюся надъ покоями императрицы и т. д. Орловъ же первый предложилъ Павлу Петровичу посѣтить фрейлинь на ихъ половинѣ. Такъ какъ это предложеніе было сдѣлано въ присутствіи императрицы, то великій князь не зналъ, какъ быть. Но Екатерина вывела его изъ затруднительнаго положенія, сказавъ, что разрѣшаетъ ему отправиться туда. По этому поводу Порошинъ замѣчаетъ у себя въ запискахъ: «никогда повелѣніе съ такою охотою исполняемо не было, какъ сіе».

Вполнѣ естественно, что воспитаніе при подобной обстановкѣ должно было способствовать развитію въ мальчикѣ-великомъ князѣ самолюбія. И оно развивалось въ немъ, чуткое до болѣзненности. Въ запискахъ Порошина особенно выдѣляется слѣдующій случай, свидѣтельствующій о самолюбіи Павла Петровича въ этомъ возрастѣ. Какъ-то 10-ти лѣтній великій князь былъ въ придворномъ театрѣ въ отсутствіе императрицы. «Изволилъ его высочество, — рассказываетъ Порошинъ, — аплодировать многократно, особливо въ балетѣ танцовщику Тимофею, Парису и Меркуршѣ. Два раза партеръ безъ него захопалъ, что ему весьма было непріятно. Пришедши къ себѣ, долго ропталъ о томъ. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ говорилъ его высочеству, что въ послѣдній разъ на комедіи и государыня дозволила при себѣ аплодировать, хотя она и не изволила зачать. Великій князь на сіе изволилъ отвѣчать ему:

— Да объ этомъ я не слышалъ, чтобы государыня приказывать изволила, чтобы при мнѣ аплодировали, когда я не зачну. Впередъ я выпрошу, чтобы тѣхъ можно было высылать вонъ, кои начнутъ при мнѣ хлопать, когда я не хлопаю. Это противъ благопристойности.

Ежедневно за столомъ мальчика-великаго князя обѣдало нѣсколько человекъ изъ придворнаго и дѣловаго міра. Разговоры за столомъ велись самые разнообразныя; здѣсь говорили и о политикѣ, и о наукахъ, и о театрѣ, вспоминали прошлое, передавали анекдоты и сплетни, составлявшія злобу дня, прохаживались на счетъ отсутствующихъ и, по обычаю и нравамъ того времени, касались предметовъ самаго фривольнаго свойства, не удерживаясь подчасъ и отъ крупной соли. Царствен-

ный мальчикъ слушалъ всѣ эти разговоры, и несомнѣнно ихъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснить преждевременную зрѣлость, которая проглядываетъ часто во всѣхъ его сужденіяхъ, относящихся къ этому времени. Конечно, иногда онъ слушалъ и повторялъ слышанное, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что говорилъ. Такъ, по словамъ Порошина, онъ въ 11 лѣтъ «не имѣлъ еще явственнаго понятія о разности между мужскимъ и женскимъ поломъ, хотя (желая) часто, но безуспѣшно любопытствовалъ объ этомъ. Между тѣмъ, когда однажды «зашла рѣчь объ актрисѣ Лангладшѣ, и говорили, что она очень худа стала, то его высочество изволилъ сказать: *c'est qu'elle a passé par plusieurs mains* (это потому, что она прошла черезъ нѣсколько рукъ), не зная вѣрно, что значить—*passer par plusieurs mains*».

На развитіе въ цесаревичѣ преждевременной зрѣлости должно было оказать свое вліяніе и то обстоятельство, что уже въ 10—11 лѣтъ ему читали Вольтера, Буало и т. д. и давали въ руки французскія газеты.

Въ запискахъ Порошина разсѣяна масса примѣровъ этой преждевременной зрѣлости сужденій Павла Петровича. Мы ограничимся лишь нѣкоторыми изъ нихъ, особенно характерными при сопоставленіи ихъ съ позднѣйшимъ обликомъ Павла императора.

Однажды Никита Ивановичъ Панинъ спросилъ у великаго князя:

— Какъ вы думаете: повелѣвать ли лучше или повиноваться?

— Все свое время имѣть,—возразилъ Павелъ Петровичъ—въ иное время лучше повелѣвать, въ иное—лучше повиноваться.

Въ другомъ случаѣ Павелъ Петровичъ высказалъ:

— Мнѣ кажется, кто повиноваться не можетъ, тотъ и повелѣвать не умѣетъ.

Въ началѣ 1765 года великій князь долженъ былъ участвовать на придворномъ театрѣ въ одномъ балетѣ. Онъ дѣятельно и задолго готовился къ представленію, проходя свою роль подъ руководствомъ танцовщика Гранже. Наконецъ, наступилъ день чего-то въ родѣ генеральной репетиціи. «Весь почти партеръ,—пишетъ Порошинъ,—положенъ былъ зрителей. Отъ хлопанья въ ладоши, въ танцованья его высочество нѣсколько сбился, оробѣлъ. Конецъ балету танцовали еще разъ. Тутъ шло получше. Пришедъ къ себѣ, гнѣвался его высочество, для чего бьютъ въ ладоши. Изволилъ сказать:

— Не успѣлъ еще выйти я, такъ ужъ и аплодируютъ; то-то ужъ настоящіе персики; ой, дворъ, дворъ.

«Персики,—объясняетъ Порошинъ,—значить у насъ ласкательство: есть тому особливая деривація изъ нѣкоего случившагося при дворѣ анекдоту».

Въ одномъ разговорѣ цесаревичъ высказалъ между прочимъ слѣдующую, въ высшей степени, тонкую и вѣрную мысль: «какъ можно легко

смѣшнымъ себя сдѣлать, если слѣпо послѣдуешь какому предубѣжденію».

Семень Васильевичъ Хвостовъ, отецъ дипломата и писателя Александра Семеновича, былъ уличенъ въ «покражѣ казеннаго». Когда однажды зашелъ объ этомъ разговоръ за столомъ, Павелъ Петровичъ замѣтилъ:

— Пуще всего жаль жены его, что она съ нимъ же несчастлива по его безпутству... Пускай хотя государыня отъ жестокова наказанія его избавитъ (да куда уже онъ дѣнется), кто обходиться съ нимъ будетъ? Вину безъ наказанья оставить можно, а честь возвратитъ невозможно.

По одному поводу 10-ти-лѣтній Павелъ Петровичъ высказалъ, что «запрещеннаго всегда намъ хочется, и что это основано въ человѣческой натурѣ».

Когда по какому-то поводу зашелъ разговоръ о кадетскомъ корпусѣ, цесаревичъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,— у нихъ уже черезчуръ много ружьемъ учатся. Некогда кадетамъ въ классѣ ничего выучить.

Во время обѣдовъ очень часто говорили о Петрѣ Великомъ. Однажды разговорились о точности, требуемой военною службою, и о строгости военныхъ судовъ. При этомъ однимъ изъ обѣдавшихъ было рассказано, что при Петрѣ Великомъ былъ случай, когда цѣлый судъ былъ сосланъ на каторгу за то, что осудилъ одного офицера не по законамъ, а по собственному своему усмотрѣнію.

Порошинъ, постоянно заботившійся о томъ, чтобы у Павла Петровича не составилось неблагопріятнаго или ложнаго представленія объ его великомъ прадѣдѣ, возразилъ, что и онъ слышалъ объ этомъ судѣ; что государь разгнѣвался за то, что судейское дѣло—судить по тѣмъ законамъ, кои даны имъ, а умягчить, перемѣнить или совсѣмъ простить зависить отъ его монаршеской воли. «Однако,—продолжалъ онъ,— вотъ этихъ судей послѣ простилъ государь и приказалъ очень скоро возвратитъ ихъ; хотѣлъ только дать острастку».

На это цесаревичъ возразилъ:

— Хороша острастка—отобрать чины да послать на каторгу!

Вообще, записки Порошина приводятъ къ заключенію, что отъ природы Павелъ Петровичъ былъ надѣленъ мягкимъ, сострадательнымъ сердцемъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе этого.

Узнавъ, что такое представляла собою тайная канцелярія, и что она упразднена Петромъ III, онъ замѣтилъ:

— Такъ поэтому покойный государь очень хорошее дѣло сдѣлалъ, что отмѣнилъ ее.

Когда однажды зашелъ разговоръ о поварахъ и мясникахъ, цесаревичъ сказалъ:

— Въ поварскомъ и мясничьемъ чину съ жалостливымъ сердцемъ, мнѣ кажется, быть не можно. Изъ мясниковъ, вишь, и въ палачи выбираютъ.

«Разговаривали о физикѣ, о химіи, ботаникѣ и о анатоміи, записаль Порошинъ 16-го марта 1765 года. Какъ стали говорить, что иногда для показанія, какъ сокъ въ кровь претворяется, живыхъ скотовъ анатомятъ, и что нѣкогда въ Англіи случилось, что и человѣка живаго анатомили, то его высочество, показывая свое отвращеніе, просилъ, чтобы матерію разговора перемѣнили, и называлъ оное тиранствомъ».

Заслуживаетъ вниманія, что въ малолѣтнемъ великомъ князѣ проявлялись любовь ко всему русскому и гордость тѣмъ, что онъ русскій. Такимъ образомъ старанія Порошина, повидимому, не пропадали даромъ. Слѣдующіе случаи наглядно свидѣтельствуютъ объ этомъ:

«Какъ-то за обѣдомъ зашелъ разговоръ о сравнительной честности народовъ. Никита Ивановичъ Панинъ и графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, — записаль у себя Порошинъ, — разсуждали, что если (бы) въ другихъ мѣстахъ жить такъ оплошно, какъ мы здѣсь живемъ, и такъ открыто, то бѣ давно все у насъ перекрали и насъ бы перерѣзали: запираемъ ворота деревяннымъ запоромъ; дворъ огороженъ бездѣльнымъ бревенчатымъ оплотомъ, вмѣсто того, что въ другихъ земляхъ строятся замкомъ, а ворота всякую ночь запираютъ большими замками и желѣзными запорами, а и тутъ по срединѣ города воруютъ и разбойничаютъ. Причиною такой у насъ безопасности полагали Никита Ивановичъ и графъ Иванъ Григорьевичъ добродушіе и основательность нашего народа вообще. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ сказалъ къ тому: *«courez-moi, que ce n'est que bêtis. Notre peuple est ce que l'on veut bien qu'il soit (вѣрьте мнѣ, что это лишь дѣло глупости. Нашъ народъ таковъ, какимъ хотять, чтобы онъ былъ)»*.

Его высочество на сіе послѣднее изволилъ сказать ему: «а что жъ, развѣ это худо, что нашъ народъ таковъ, какимъ хочешь, чтобы былъ онъ. Въ этомъ, мнѣ кажется, худобы еще нѣтъ. Поэтому и стало, что все отъ того только зависитъ, чтобы тѣ хороши были, коимъ хотѣтъ то надобно, чтобы онъ былъ таковъ». Разговаривая о полицмейстерахъ, сказалъ графъ Александръ Сергѣевичъ: «да гдѣ жъ у насъ возьмешь таково человѣка, чтобы данной большой ему власти во зло не употребилъ». Государь съ нѣкоторымъ сердцемъ изволилъ на то молвить: «что жъ, сударь, такъ развѣ честныхъ людей у насъ совсѣмъ нѣтъ?»

Патріотизмъ мальчика Павла Петровича сказанъ и въ слѣдующемъ ничтожномъ обстоятельстве. Было принято, что на великокняжескій столъ, для общаго употребленія, ставили илецкую соль, а въ солонку для цесаревича насыпали испанскую. Это не понравилось Павлу

Петровичу, и онъ просилъ, чтобы и ему ставили идецкую. «C'est par esprit de patriotisme que je vous en prie (я прошу васъ объ этомъ изъ чувства патриотизма),—замѣтилъ онъ при этомъ Никитѣ Ивановичу Панину.

Когда въ Петербургѣ было получено извѣстіе о смерти «цесаря», то за однимъ изъ обѣдовъ стали «шпынять» надъ великимъ княземъ, что эта кончина ему, какъ принцу нѣмецкой имперіи, болѣе всѣхъ должна быть чувствительна; что на сколько милостивъ будетъ къ нему новый цесарь и пр.

— Что вы ко мнѣ пристали,—возражалъ Павелъ Петровичъ,—(какой) я нѣмецкой принцъ? Я—великій князь россійскій!

Въ виду позднѣйшихъ пруссофильскихъ тенденцій Павла Петровича, удивительно его нерасположеніе къ нѣмецкому языку и, повидимому, вообще ко всему нѣмецкому, которое онъ проявлялъ въ дѣтствѣ.

— Какой-то грубой и строгой языкъ,—выразился онъ однажды о нѣмецкомъ языкѣ.—Если гдѣ надобно сказать—получить пользу или употребить въ пользу, такъ говорить (Nutzen Ziehen) вытянуть пользу (выломать пользу); притащить къ совѣту, вмѣсто того, чтобъ сказать: призвать къ совѣту,

На пышномъ торжествѣ, которое устроилъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ по случаю своего новоселья въ концѣ января 1765 г., великому князю былъ поднесенъ экземпляръ программы торжествъ, написанный на нѣмецкомъ языкѣ.

— Извольте этотъ у себя удержать,—замѣтилъ великій князь,—я бы лучше арабской взялъ, если бъ былъ, нежели нѣмецкой.

По какому-то поводу у великаго князя зашелъ разговоръ о Твери, и Порошинъ напомнилъ Павлу Петровичу, что однажды онъ называлъ ее маленькимъ Петербургомъ.

— Какъ выстроится Тверь,—сказалъ на это цесаревичъ,—такъ маѣ она милѣе будетъ, нежели всѣ нѣмецкіе города.

Относительно же своихъ симпатій къ разнымъ народамъ Павелъ Петровичъ высказался въ одномъ случаѣ, что ему «послѣ россійской націи нравится лучше всѣхъ аглинская, а потомъ французская».

Уже въ 10 лѣтъ Павелъ Петровичъ понималъ, на сколько смѣшно пересыпать русскую рѣчь французскими словами, и передразнивалъ тѣхъ, у которыхъ замѣчалась подобная слабость.

Въ дѣтствѣ Павла Петровича несомнѣнно большую роль игралъ театр. Его очень часто водили на спектакли, называвшіеся тогда «позорищами» и дававшіеся на придворной сценѣ. Обычный составъ этихъ представленій былъ слѣдующій: большая и маленькая драматическія пьесы (иногда вмѣсто одной изъ нихъ ставилась опера) и балетъ съ названіемъ въ родѣ «Аполлонъ и Дафна», «Ацисъ и Галатея», «Дере-

венская ревность», «Наказанная кокетка» и т. п. За обѣдомъ разговоры тоже очень часто вращались около театра. 10—11-лѣтнему мальчику давали читать драматическія сочиненія, комическія оперы и пр.

Павелъ Петровичъ и самъ выступалъ на сценѣ. Мы уже упоминали о прохожденіи цесаревичемъ роли изъ балета «Ацисъ и Галатея». Но изъ записей Порошина видно, что Павлу Петровичу не осталось чуждымъ и драматическое искусство: онъ готовился выступить въ роли Олейнда изъ «Зенеиды» и проходилъ свою роль подъ руководствомъ французскаго актера Боманъ. Для того же, чтобы ему «къ акціи лучше можно было присмотрѣться», Боманъ являлся со своею женою, тоже актрисою, и она исполняла роль Зенеиды, а цесаревичъ—Олейнда. По поводу одной изъ такихъ репетицій Порошинъ записалъ у себя слѣдующее характерное для Павла Петровича замѣчаніе: «его высочество роль свою изволитъ знать твердо, только слова не съ такою страстью и не съ такою живостью (нѣжностью) выговариваетъ, съ какой они говорены быть должны. Впрочемъ, имѣеть государь цесаревичъ видъ весьма пріятный и веселой, а голосъ мягкой; а какъ начнетъ декламировать, то какъ будто нарочно въ самыхъ страстныхъ мѣстахъ голосъ сдѣлаетъ суровой и видъ угрюмой».

Павелъ Петровичъ попробовалъ свои силы даже въ области драматическаго авторства. Такъ, онъ писалъ «шуточную» французскую «трагедію», въ которой между прочими дѣйствующими лицами были его сослуживцы Султанъ и Филидоръ.

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что приводимый Порошинымъ отрывокъ изъ этой трагедіи мѣстами просто непонятенъ, и этой «пробѣ пера» нельзя придавать другаго значенія, какъ значенія «шутки».

Театральныя представленія и, въ частности, балеты съ ихъ любовными сюжетами, довольно игривые разговоры, допускавшіеся за столомъ, наконецъ, самый духъ того времени неизбѣжно должны были оказать свое вліяніе на 10—11-лѣтняго Павла Петровича. Дѣйствительно, послѣ одного разговора о балетѣ и о тѣхъ, кто танцевалъ въ немъ, Порошинъ отмѣтилъ у себя въ дневникѣ: «Разговоръ его утверждалъ всегдашнее мое мнѣніе о чувствительности его сердца и подавалъ мнѣ поводъ думать, что онъ со временемъ не будетъ лѣнливымъ или непослушливымъ обитателемъ въ странахъ цитерскихъ».

И Екатерина, и Панинъ шутили въ некоторыхъ случаяхъ тоже направляли мысль Павла Петровича въ «цитерскія» страны. Любопытно также, что, когда однажды Павелъ Петровичъ посѣтилъ Смольный монастырь и, по прибытіи туда, прошелъ «въ классы благородныхъ дѣвицъ», тамъ ему прогѣли по-французски пѣсню изъ комической оперы: «*Charmant objet de ma flamme, ne doutez point de mes feux etc.*».

Особенно сильное впечатлѣніе произвело на 11-ти-лѣтняго Павла Петровича первое посѣщеніе имъ половины, на которой жила фрейлины. Послѣ этого посѣщенія, — рассказываетъ Порошинъ, — «изволилъ его высочество съ особливымъ восхищеніемъ рассказывать о своемъ походѣ и, кто ни приходилъ, изволилъ спрашивать: «отгадай, гдѣ я былъ сегодня?» Послѣ разговоровъ вошелъ въ нѣжныя мысли и въ томномъ услажденіи на канапе повалился... Потомъ читали мы *Dictionnaire encyclopédique*. Его высочество сыскалъ тамъ слово «amour» и читалъ на него изъясненіе, которое чтеніе однакожь перервать старались».

Какъ-то однажды, послѣ обѣда, шутя говорили, что приспѣваетъ время государю великому князю жениться. Краснѣлъ онъ и отъ стыдливости изъ угла въ уголъ изволилъ бѣгать; наконецъ, изволилъ сказать его высочество:

— Какъ я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнивъ буду. Рогъ мнѣ имѣть крайне не хочется. Да та бѣда, что я очень рѣзовъ. Намедни слышалъ, что такихъ рогъ и не видишь и не чувствуешь (не чувствуетъ) тотъ, кто ихъ носитъ».

«Смѣялись много о сей его высочества заботливости».

Послѣ всего изложеннаго неудивительно, что въ своихъ запискахъ Порошинъ называетъ нѣсколько барышень (княжну Юсупову, Екатерину Николаевну Чоголову, княжну Хованскую), удостоившихся чести обратить на себя вниманіе царственнаго отрока. Но съ подробностями рассказано лишь одно увлеченіе, повидимому, болѣе продолжительное, увлеченіе фрейлиной Вѣрой Николаевной Чоголовой. Это былъ чистый дѣтскій романъ, трогающій своей простотой и непосредственностью. Здѣсь мы встрѣчаемъ и выписываніе на запотѣвшемъ стеклѣ дорогаго имени, и пожиманіе украдкой «нѣкоторой рученьки», и поднесеніе незамѣтно бергамота, и радость при мысли о предстоящемъ свиданіи, и посыланіе при случаѣ поклоновъ «Вѣрушѣ», и разговоры о ней «аллегоріями». Любовь свою Павелъ Петровичъ выражалъ даже математическими формулами. Такъ, однажды, по окончаніи ученія, онъ спрашивалъ у Порошина, такъ ли онъ свою «любезную» любить, какъ онъ свою. Когда же Порошинъ отвѣтилъ, что, конечно, не меньше, то Павелъ Петровичъ сказалъ, что въ такомъ случаѣ ихъ «любви» могутъ быть выражены слѣдующей геометрической пропорціей:

$$P : W = S : A.$$

Съ своей стороны, «любезная» не отвѣчала холодностью. По поводу одного маскарада Порошинъ записалъ у себя: «особливо государь цесаревичъ очень часто танцовать изволилъ со вторымъ членчикомъ вчерашней геометрической пропорціи, разговаривалъ и махалъ весьма всѣмъ примѣтно. Признаться надобно, что севодни она особливо хороша была и приступы его высочества не отбивала суровостью».

Въ другомъ случаѣ Порошинъ рассказываетъ: «отучась, изволил играть въ цинкъ, и тамъ въ окно маханіе происходило. Комната, гдѣ сія игра была, стоитъ окошками на дворъ, и противъ самыхъ тѣхъ окошекъ, гдѣ живутъ фрейлины. Оттуда онѣ выглядываютъ и съ государемъ цесаревичемъ перемигиваются, особливо модная наша особа».

Состояніе влюбленности, вполне естественно, повлекло за собою стремленіе къ франтоватости.

«Четвертый уже день,—отмѣтилъ у себѣ Порошинъ 19-го октября 1765 г.,—какъ (великій князь) приказываетъ себѣ на каждой сторонѣ класть по семи буколь, а прежь сего обыкновенно только по одной буклѣ или, по крайней мѣрѣ, по три на сторонѣ бывало; въ большіе иногда праздники по пяти класть приказывалъ, и то почти съ принужденіемъ: *l'amour fait des prodiges*. Чулки раза два или три нынѣ въ день приказываетъ перевязывать, чтобы были глаже. Ходя со мною по комнатѣ, изволил сказать его высочество: «мнѣ кажется, что ты мною недоволенъ, что я такъ ражусь». Отвѣтствовалъ я, что нарядовъ не только не отвергаю, но говорю, что молодому человѣку, конечно, надобно быть хорошо прибрану и опрятну; но что, напротивъ того, и то я говорю, что въ наряды одни все свое вниманіе устремлять отнюдь не годится, особливо для такого человѣка, который, на семь свѣтѣ живучи, болѣе что-нибудь сдѣлать хочетъ, какъ только по верхамъ глядѣть, во всѣ зеркала смотрѣться и только то переговаривать, что говорятъ другіе».

Приведемъ нѣкоторые изъ эпизодовъ этого трогательнаго романа.

«Между прочихъ разговоровъ,—записалъ Порошинъ въ октябрѣ 1765 г.,—изволил сказать его высочество мнѣ одному за повѣренность, что какъ въ польскомъ, танцуя шенъ, подавалъ онъ руку своей любезной, то сказалъ ей: «теперь, если бѣ пристойно было, то я поцѣловалъ бы вашу руку». Она, потупя глаза, отвѣтствовала: «что это было бы уже слишкомъ». Потомъ сказала она государю цесаревичу: «посмотрите, какъ на васъ пристально Бомантша смотритъ» (первая актриса на здѣшнемъ французскомъ театрѣ, которая также была въ маскарадѣ). Его высочество съ страстнымъ движеніемъ отвѣчалъ ей только: «а я на васъ смотрю!»

«Вотъ какова натура! Кажется, никто не училъ этому»,—прибавилъ въ заключеніе Порошинъ.

«За чаемъ,—записалъ онъ въ другой разъ,—изволил разговаривать со мною о вчерашнемъ маскарадѣ и сказывалъ мнѣ, между прочимъ, какіе у него были разговоры съ Вѣрой Николаевной. Онъ называлъ ее вчерась червонной десяткой, подавая тѣмъ знать, что она многимъ отдаетъ свое сердце. Она говорила, что одно только имѣетъ и, слѣдовательно, дать его не можетъ болѣе, какъ одному. Государь цесаревичъ

спрашивалъ у нея: «отдано ли жъ сіе сердце кому или нѣтъ?» И какъ она сказала, что отдано, то еще изволилъ спрашивать: «далеко ли оно теперь?» Она сказала, что не далеко. Его высочество изволилъ спрашивать, что если бы онъ ее кругомъ обошелъ, то нашелъ ли бы ея сердце? Говорила она, что оно такъ къ нему близко, что и обойти нельзя, и проч.»

«Разсказывалъ мнѣ государь цесаревичъ,—отмѣтилъ Порошинъ подь 11 декабря 1765 г.,—какъ ему было весело, когда изволилъ быть на дачѣ у оберъ-маршала Сиверса; тамъ была любезная его Вѣра Николаевна. Изволилъ сказывать, что много танцовалъ съ нею и разговаривалъ. «Говорилъ-де я ей то, что тебѣ много разъ говаривалъ, то-есть, чтобъ я всегда хотѣлъ быть вмѣстѣ съ нею». Какъ она сказала его высочеству, что ей очень хочется поцѣловать у него руку, то онъ отвѣтствовалъ, что ему еще больше хочется поцѣловать у нея руку. Какъ назадъ ѣхали, то она ѣхала въ салазкахъ передъ его высочествомъ. Тутъ, оборачиваясь, другъ другу поцѣлуи бросали. Великій князь говорилъ ей: *je crois, que nous n'aurons pas de si tôt une journée aussi favorable; et elle répondait par un «assurance, Mon Seigneur».*

Вполнѣ естественно, что разыгрывались и неизбежныя въ подобныхъ случаяхъ сцены милой ревности и съ той, и съ другой стороны. Въ высшей степени характерно для личности Павла Петровича, что однажды, въ самомъ разгарѣ, весь этотъ романъ чуть было не оборвался сразу. «Съ начала маскараду,—отмѣтилъ Порошинъ 28-го октября 1765 г.,—государь цесаревичъ налюбезную свою очень холодно поглядывалъ и разговаривать изволилъ съ другими; но потомъ, какъ я ему шутя сказалъ, что постоянство въ числѣ добродѣтелей, а непостоянство порокъ, то сцена перемѣнилась. «На другой-же день его высочество изволилъ мнѣ признаться, что, если бы вчерашняго напоминанія ему отъ меня не было, то бь, можетъ быть, вчерась между любезною разрывъ послѣдовалъ, такъ какъ прошлаго года, 30-го августа, будучи крайне влюбленъ въ Анну Родіоновну (Ведель), вдругъ почувствовалъ къ ней холодность».

П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія протоіерія І. І. Базарова.

Х 4).

Избраніе І. Базарова въ члены общества св. Нины.— Прибытіе въ Киссингенъ императора Александра II и императрицы Маріи Александровны.— Кончина короля Виртембергскаго.— Похороны его въ русской церкви.— Прибытіе въ Киссингенъ наслѣдника Николая Александровича.— Встрѣча его съ о. М. И. Горчаковымъ.— Императрица Марія Александровна въ Швальбахъ.— Посланникъ Лабенскій.— Баронъ Брюднеръ.— Герцогъ Нассаускій.— Принцъ Александръ Гессенскій.— Устройство сына Базарова въ Тюбингенскомъ университетѣ.— Православная церковь въ Карлсруэ.— Письмо о. Іоанна Янышева изъ Копенгагена.— Болѣнь І. Базарова.— Кончина цесаревича Николая Александровича.— Обращеніе въ православіе іезуита Джунковскаго и всегда Ковальскаго.

Стродивъ своего сына въ университетѣ, я возвратился въ свой Стутгартъ и узналъ здѣсь, что меня избрали въ члены общества св. Нины для распространенія христіанства на Кавказѣ и выслали мнѣ знакъ этого общества 2-го класса для ношенія на шеѣ. Но такъ какъ эти знаки раздавались только за денежные взносы, то, чтобы не обременять насъ, меня, о. Васильева въ Парижѣ и о. Янышева въ Висбаденѣ, возведенныхъ въ это достоинство для почета, взносы эти, въ размѣрѣ 500 рублей ежегодно, отнесены были на капитулъ орденовъ.

Лѣто 1864 года мнѣ привелось провести почти все на службѣ при императорской фамилии. Уже въ іюнѣ ожидалось прибытіе въ Киссин-

4) См. „Русск. Старину“ августъ 1901 г.

генъ ихъ величествъ, и какъ наша великая княгиня съ супругомъ отпралялись туда же, то рѣшено было перенести туда нашу походную церковь и устроить богослуженія съ нашимъ причтомъ и пѣвчими на все время высочайшаго пребыванія въ Киссингенѣ. Но едва мы устроились тамъ и начали службу, какъ 13-го (25-го) іюня получается извѣстіе изъ Стутгарта, что тамъ скончался престарѣлый король, отецъ кронпринца, супруга Ольги Николаевны, вслѣдствіе чего они eo ipso восходили на виртембергскій тронъ, и наша великая княгиня дѣлалась королевою. Это заставило наши новыя величества оставить тотчасъ же Киссингенъ и возвратиться въ Стутгартъ; а какъ предвидѣлось, что скончавшійся король будетъ похороненъ на Ротенбергѣ въ нашей русской церкви, которую онъ выстроилъ на свой счетъ, какъ мавзолей своей, какъ гласитъ надпись на внѣшней стѣнѣ церкви, «*vielgeliebten Gemahlin, Katharina Pawlowna Grossfürstin von Russland*», то и намъ со всѣмъ причтомъ и пѣвчими приходилось оставить Киссингенъ и возвратиться въ Стутгартъ, чтобы присутствовать при погребеніи короля, хотя и протестанта, но пожелавшаго успокоиться подъ сѣнію нашей православной церкви. Но какъ было оставить царскую фамилію въ Киссингенѣ безъ службы? Церковь мы могли оставить тамъ, такъ какъ это была походная, т. е. складная, бывшая прежде посольскою до пріѣзда великой княгини Ольги Николаевны въ Стутгартъ, куда она привезла съ собою собственную, установленную въ ея дворцѣ; но причтъ? но пѣвчіе? Откуда было ихъ взять, если не выписывать изъ Петербурга? По счастью, въ это время находился въ Киссингенѣ для пользованія водами о. Рудаковъ изъ Петербурга. Вотъ его и пригласили совершать богослуженія; мы же нашли возможнымъ оставить тамъ одного изъ нашихъ псаломщиковъ и одного изъ пѣвчихъ для составленія хора изъ любителей, которыхъ нашлось такъ много, что одна молодая русская дама со слезами добивалась чести пѣть передъ ихъ величествами.

Устроивъ такимъ образомъ службу въ Киссингенѣ на время нашего отсутствія, мы отправились въ Стутгартъ. Здѣсь наши предположенія о желаніи короля быть похороненнымъ въ нашей церкви на Ротенбергѣ подтвердились. Въ открытомъ послѣ смерти его завѣщаніи было сказано, что онъ желаетъ быть погребеннымъ рядомъ съ своею супругою Екатериною Павловною, которую одну изъ трехъ своихъ супругъ при жизни онъ любилъ искренно и незабвенно. По его завѣщанію похороны его должны были совершиться безъ помпы, гробъ его долженъ быть перевезенъ на Ротенбергъ ночью въ сопровожденіи только нѣсколькихъ лицъ, поименованныхъ въ завѣщаніи, и одного только взвода любимой его гвардіи, быть опущенъ въ могилу при первомъ лучѣ восходящаго солнца, и моментъ этотъ возвѣщенъ однимъ пушечнымъ выстрѣломъ. Все это такъ и было исполнено. Я отправился съ вечера на Ротенбергъ, и

оттуда при разсвѣтѣ мы могли наблюдать, какъ этотъ скромный кортежъ поднимался между виноградниками на нашу гору. Впереди ѣхалъ взводъ гвардіи съ музыкою, игравшею бетховенскій погребальный маршъ; за нимъ слѣдовала погребальная колесница, влекомая шестью арабскими лошадьми изъ собственнаго завода покойнаго короля, сзади слѣдовали три кареты съ назначенными для сопровожденія лицами, изъ которыхъ въ первой находился придворный проповѣдникъ. Когда этотъ кортежъ прибылъ къ нашей церкви и гробъ былъ снятъ съ колесницы, я въ качествѣ хранителя надгробной церкви, въ рясѣ, но безъ облаченія, встрѣтилъ его на порогѣ церкви и предшествовалъ этой процессіи, пока гробъ не былъ поставленъ на устроенный посреди церкви катафалкъ. Потомъ я сталъ на клиросъ, предоставивъ протестантскому пастору совершить передъ гробомъ обрядъ погребенія. По совершеніи молитвы и благословенія гробъ сталъ медленно опускаться съ катафалка внизъ, гдѣ устроенъ склепъ, въ которомъ находится саркофагъ съ гробомъ королевы Екатерины Павловны и рядомъ съ этимъ гробомъ въ томъ же саркофагѣ помѣщенъ и гробъ короля. Въ это время раздался выстрѣлъ изъ привезенной на Ротенбергъ пушки, и дѣйствительно въ тотъ же моментъ показался изъ-за горы первый лучъ восходящаго солнца. При этомъ погребеніи никого не было изъ королевской фамиліи, но въ тотъ же день вечеромъ въ 6 часовъ назначена была торжественная панихида на Ротенбергѣ, на которую прибыли и молодой король съ нашей королевой, и вдовствующая королева, и всѣ прочіе члены королевской фамиліи. Здѣсь мы поминали на ектеніи королеву виртембергскую Екатерину Павловну и новопреставленнаго супруга ея.

Между тѣмъ, какъ мы оставались въ Стутгартѣ, я получалъ постоянныя извѣстія изъ Киссингена отъ моего псаломщика М. Горчакова о ходѣ богослуженія и обо всемъ тамъ происходившемъ. Особенно интересна была встрѣча Горчакова съ покойнымъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, прибывшимъ въ Киссингенъ уже послѣ нашего отъѣзда оттуда. Онъ встрѣтился съ М. Горчаковымъ въ церкви, когда тотъ былъ одинъ тамъ, приготавливая нужныя книги къ предстоявшей свѣвкѣ. Подойдя къ Горчакову, онъ отрекомендовался ему такими словами:

— Честь имѣю представиться: наслѣдникъ всероссійскаго престола. Затѣмъ у нихъ произошелъ такой разговоръ.

— Изъ какой вы семинаріи, — спрашиваетъ наслѣдникъ, — изъ Петербургской или Московской?

— Изъ академіи, ваше высочество.

— Даже изъ академіи! Извините, что я подумалъ, что вы изъ семинаріи.

— Я былъ и въ семинаріи, — говорилъ Горчаковъ.

— О, конечно!

— Но не только ученикомъ,—продолжаетъ объяснять Горчаковъ,— а и учителемъ.

— Такъ вы изъ профессоровъ семинаріи?

— И изъ учителей женской гимназіи.

— А! Я надѣюсь быть знакомымъ съ вами!

«На другой день,—продолжаетъ Горчаковъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ,—государь наслѣдникъ явился на спѣвку, говорилъ со мною, шутилъ и шалилъ. Послѣ спѣвки, въ паркѣ увидавши меня, онъ отсталъ отъ гулявшихъ съ нимъ, подошелъ ко мнѣ и сталъ говорить о музыкѣ, о Донъ-Жуанѣ (въ это время играли пьесу изъ Донъ-Жуана), о фисгармоніи, на которой я игралъ. Онъ говорилъ со мною минутъ семь; насъ начинала окружать толпа; я чувствовалъ, что краснѣю. Потомъ наслѣдникъ призывалъ меня въ свою комнату, былъ милостивъ со мною до высшей степени».

Это извѣстіе меня очень порадовало, особенно въ томъ отношеніи, что моя мысль объ ученыхъ псаломщикахъ за границею нашла такое оправданіе себѣ въ первыхъ представителяхъ этого званія, какими были у меня Горчаковъ и Розановъ. Оказалось на дѣлѣ, что не мѣсто чело-вѣка красить, а чело-вѣкъ мѣсто.

Еще анекдотъ изъ пребыванія нашей церкви въ Киссингенѣ. Я говорилъ, что, кромѣ псаломщика М. Горчакова, мы оставили тамъ одного изъ нашихъ пѣвчихъ—Сидоренко. Вотъ разъ на его спѣвку съ любителями, между которыми кромѣ фрейлинъ находились и министръ двора графъ Адлербергъ и самъ наслѣдникъ, приходитъ канцлеръ князь Горчаковъ и обращается къ Сидоренко съ словами:

— Жаль, что у меня голоса нѣтъ, а то бы и я пѣлъ съ вами.

— Помилуйте, ваше сіятельство,—отвѣчалъ ему Сидоренко,—у васъ голосъ европейскій.

Пораженный такимъ неожиданнымъ комплиментомъ, канцлеръ потрещалъ по плечу Сидоренко и съ словами: «браво, Сидоренко!» оставилъ залу спѣвки.

Но пока мы освободились отъ нашихъ службъ въ Стутгартѣ, дворъ уже собрался оставить Киссингенъ, и какъ императрицѣ предстояло еще лѣченіе въ Швальбахѣ, то рѣшено было перенести туда нашу церковь, куда и мы со всѣмъ причтомъ должны были переѣхать для служенія, тѣмъ болѣе, что наша королева отправилась на морскія купанія въ Бельгію. Такъ какъ въ Швальбахѣ не было государя, а одна только императрица съ младшими дѣтьми, то придворная жизнь тамъ была очень скромная и тихая. Мы, т. е. небольшая свита императрицы, къ которой былъ причисленъ и я, каждодневно собирались за-просто къ столу ея величества. Изрѣдка приглашался только кто-нибудь изъ при-

взжавшихъ. Такъ, разъ обѣдалъ нашъ посланникъ въ Дармштадтѣ, Лабенскій, извѣстный острякъ. Во время обѣда подають императрицѣ телеграмму, вскрывши которую, она бросаетъ ее съ негодованіемъ въ сторону Лабенскаго съ словами:

— Что я могу сдѣлать, не зная ни дѣла капуцина, котораго приговорили къ повѣшенію въ Варшавѣ, ни этой дамы, которая за него просить. Не знаете ли вы, кто эта дама?

Тотъ, посмотрѣвъ на подпись, самымъ невозмутимымъ тономъ отвѣчалъ:

— *Probablement, madame, une sarusine.*

Неприятное впечатлѣніе было сглажено общимъ смѣхомъ. Въ другой разъ мы сидимъ за столомъ въ самомъ тѣсномъ кругу; кромѣ царской семьи никого не было; обѣдали въ маленькомъ садикѣ при отелѣ, гдѣ жила императрица; какъ вдругъ подъѣзжаетъ какая-то дорожная коляска, и изъ нея выходитъ молодой еще человѣкъ въ дорожномъ костюмѣ, и какъ отъ нашего стола виденъ былъ подъездъ, то всѣ ахнули и повскакали изъ-за стола.—Сама императрица встала и пошла навстрѣчу пріѣзжему, котораго сейчасъ же привели въ садъ и запыленного, какъ онъ былъ, и съ дорожной сумкой черезъ плечо усадили за столъ.

— Кто это?—спрашиваю у своей сосѣдки по столу, А. Ф. Тютчевой.

— Какъ! Вы не знаете? Графъ Алексій Толстой!

Изъ этого видно было, какъ его любили при дворѣ, и какъ всѣ его сочиненія, не исключая даже его шуточной исторіи Россіи въ стихахъ отъ Гостомысла до Тимашева, читались прежде всѣхъ передъ императрицею. Но въ этотъ разъ за столомъ онъ былъ угрюмъ и молчаливъ, отъ того ли, что онъ усталъ съ дороги, или это была его обыкновенная манера держать себя, пока подъ руками у него не было какого-нибудь поэтическаго вдохновенія.

Вообще же жизнь въ Швальбахѣ была довольно однообразная и довольно скучная. Тихая и однообразная жизнь въ Швальбахѣ на время оживилась пріѣздомъ наслѣдника Николая Александровича. Изъ видѣнных мною въ Швальбахѣ русскихъ былъ между прочими одинъ замѣчательный человѣкъ. Это баронъ Крюднеръ, потомокъ—внукъ или племянникъ—знаменитой г-жи Крюднеръ, современницы императора Александра I-го. Служа морскимъ офицеромъ, баронъ Крюднеръ во время осады Севастополя такъ разстроилъ свое здоровье, что принужденъ былъ выйти въ отставку и отъ нечего дѣлать пустился, по примѣру своей бабушки, въ мистицизмъ. Онъ сталъ изучать пророковъ, Апокалипсисъ и особенно Пѣснь Пѣсней; все это онъ переводилъ и толковалъ по-своему, сопровождая свои изложенія оригинальными иллюстраціями. При этомъ онъ вдавался и въ мистическую политику. Ко мнѣ въ Швальбахъ онъ явился съ новымъ планомъ будущей Россіи,

на которомъ столица предназначалась въ самой серединѣ около Курска, окраины же ея предназначались для поселенія евреевъ, которыхъ Россія созоветъ къ себѣ со всѣхъ концовъ вселенной, и съ ними притекутъ къ намъ всѣ богатства міра. Этотъ проектъ вмѣстѣ съ новыми замысловатыми иллюстраціями по Апокалипсису, по его просьбѣ, я долженъ былъ представить императрицѣ. На мой докладъ объ этомъ ея величество отвѣчала:

— Да сколько ему надо дать? Онъ вѣдь всегда проситъ пособія!

— Я не знаю, ваше величество, въ какихъ размѣрахъ дается ему пособие, но думаю, что онъ будетъ счастливъ получить 100 червонцевъ.

— Ну, такъ я скажу, чтобы выдали ему эту сумму.

Получивъ это пособие, Крюднеръ, дѣйствительно, остался доволенъ; но эта удача такъ ему понравилась, что онъ потомъ не разъ являлся ко мнѣ въ Стутгартѣ съ новыми откровеніями, говоря каждый разъ, что онъ является ко мнѣ, какъ тать въ нощи, сначала получая по моей просьбѣ отъ королевы пособие, а потомъ, когда ему стали отказывать, выпрашивая у меня займы. Но какъ эти займы бывали безъ отдачи, то онъ и ко мнѣ сталъ являться рѣже, и, наконецъ, я совсѣмъ потерялъ его изъ виду.

Въ концѣ августа окончилось высочайшее пребываніе въ Швальбахѣ, и мы сняли нашу походную церковь и отправили ее въ Стутгартъ; сами же мы, причтъ и пѣвчіе, должны были слѣдовать за императрицею въ Югенгеймъ, близъ Дармштадта, для совершенія только комнатныхъ службъ, такъ какъ церкви поставить тамъ было негдѣ.

Мое пребываніе на службѣ въ Швальбахѣ въ герцогствѣ Нассаускомъ ознаменовалось для меня тѣмъ, что, при раздачѣ герцогомъ различныхъ наградъ свитѣ императрицы, пожалованъ былъ и мнѣ орденъ Адольфа Нассаускаго для ношенія на шеѣ. По этому случаю я счелъ своимъ долгомъ представиться герцогу, чтобы благодарить его за милость. Въ это время праздновался юбилей его 25-ти-лѣтняго царствованія, и вся страна ликовала. Пользуясь этимъ случаемъ, я напомнилъ герцогу 1848 годъ, который я пережилъ въ его столицѣ, въ Висбаденѣ, говоря, какъ утѣшительно видѣть теперешній восторгъ нассаусцевъ по случаю юбилея ихъ государя, когда вспомнишь, что было въ годъ революціи. На это мнѣ герцогъ отвѣчалъ:

— Ахъ, любезный другъ! не вѣрьте этимъ манифестаціямъ. Тотъ же народъ, который нынѣ кричитъ мнѣ осанна, завтра же готовъ будетъ кричать: распни, распни его!

Бѣдный герцогъ, произнося эти слова, вѣрно и не подозрѣвалъ, что они такъ скоро сбудутся надъ нимъ. Не прошло двухъ лѣтъ послѣ этого, какъ его вѣрноподданные совсѣмъ отступились отъ него, бросившись въ объятія Пруссіи, завоевавшей себѣ вмѣстѣ съ другими королевствами и

княжествами и герцогство Нассауское, и теперь этот лишенный своего трона герцогъ странствуетъ по свѣту, не приближаясь даже къ своимъ владѣніямъ, гдѣ у него было столько великолѣпныхъ дворцовъ, какъ, напримѣръ, въ Бибрихъ на Рейнѣ, столько знаменитыхъ виноградниковъ и всякихъ минеральныхъ водъ, какъ Эмсъ, Швальбахъ, Шлангенбадъ, Соденъ и всемірно извѣстный своею водою Сельтерсъ. Sic transit gloria mundi!

Въ Югенгеймѣ къ 30-му августа прибылъ государь. Назначенный на этотъ день молебенъ совершенъ былъ нами въ раскинутой для этой цѣли палаткѣ въ саду. Прелестное это имѣніе принца Александра Гесенскаго, брата покойной императрицы Маріи Александровны, расположенное на лѣсистой возвышенности въ 2-хъ часахъ ѣзды отъ Дармштадта, довольно помѣстительное для немалочисленной семьи принца, оказалось слишкомъ тѣснымъ, чтобы вмѣстить въ себя всю свиту императора и императрицы, такъ что большая часть первыхъ чиновъ двора размѣщены были въ лежащей у подножія замка деревни Югенгеймъ, а для нашего причта отведено было помѣщеніе въ Дармштадтѣ. Семья принца Александра была не только родственная, но и любимая нашими государемъ и императрицею, и они, живя въ Югенгеймѣ, чувствовали себя дома. Удостоенный приглашенія къ высочайшему столу 30-го августа, я имѣлъ случай познакомиться съ принцемъ и его супругою, носившей титулъ княгини Баттенбергской; оба они говорили по-русски и были чрезвычайно ласковы и просты въ обращеніи. Сожалѣю, что мало обратилъ тогда вниманія на маленькаго семилѣтняго сына ихъ, принца Александра, которому впоследствии суждено было сыграть такую печальную роль въ судьбахъ Болгаріи.

Но на службѣ въ Югенгеймѣ мы оставались недолго. Королева наша возвратилась съ морскихъ купаній, и намъ предстояло возвращаться въ Стутгартъ, чтобы оттуда ѣхать въ Фридрихсгавенъ, лѣтнюю резиденцію виртембергскаго короля на Констанцскомъ озерѣ, куда должны были прибыть и наши государь съ императрицею. Въ Фридрихсгавенѣ мы не устанавливали своей походной церкви, ограничиваясь комнатными службами, обѣдницами, молебнами и всенощными. Здѣсь я удостоился получить первый виртембергскій орденъ короны 3-го класса въ петлицу, а отъ нашего государя былъ награжденъ брилліантовымъ крестомъ за служеніе при ихъ величествахъ въ теченіе лѣта.

Къ осени, когда, проводивъ всѣхъ высочайшихъ гостей, мы собрались опять въ Стутгартъ, ко мнѣ пріѣхалъ мой старшій сынъ изъ Петербурга, чтобы продолжать начатое имъ въ Петербургскомъ университетѣ ученіе за границею, гдѣ онъ въ теченіе трехъ лѣтъ слушалъ лекціи въ Тюбингенѣ, Гейдельбергѣ, Лейпцигѣ и Берлинѣ, пока не получилъ степень доктора химіи, съ которою онъ и отправился потомъ въ Россію,

чтобы выдержать тамъ экзаменъ на степень магистра. Помню, какъ устраивалъ я его на первый разъ въ Тюбингенѣ. Не желая, чтобы онъ велъ тамъ жизнь нѣмецкаго Corpsbursch'a, я хотѣлъ нанять ему приличную квартиру и обставить его порядочными людьми. Но въ какой порядочный домъ мы ни заходили съ нимъ, чтобы нанять комнату, вездѣ былъ одинъ отвѣтъ: «Мы студентовъ не принимаемъ», пока, наконецъ, въ одномъ домѣ узнали, кто я и чего я ищу для своего сына. Устроивъ его здѣсь въ семьѣ одного барона, я взялъ слово отъ своего сына, что онъ не будетъ вступать ни въ одну корпорацію, гдѣ онъ былъ бы принужденъ принимать участіе въ студенческихъ дуэляхъ. И онъ долго держался въ сторонѣ отъ всѣхъ камарадовъ; но, наконецъ, видя, что онъ такимъ образомъ лишень всякаго товарищества, такъ какъ сходиться и бесѣдовать съ студентами не было другой возможности, какъ за кружкой пива въ кнейпахъ, то онъ испросилъ у меня разрѣшеніе вступить въ ихъ общество Сопкневрап'омъ, что его обязывало только пить пиво, но освобождало отъ обязанности драться на дуэли. На это я далъ свое согласіе, признавъ истину пословицы: съ волемъ жить — по-волчьи быть.

Въ это время, именно въ концѣ 1864 года, ко мнѣ обратилась великая княгиня Марія Максимиліановна, бывшая въ замужествѣ за принцемъ Баденскимъ, съ просьбою помочь ей устроить въ ея дворцѣ въ Карлсруэ домовую церковь и порекомендовать ей священника, по возможности изъ служащихъ за границею. Такъ какъ церковь эту принцесса устраивала на свой счетъ, то надобно было соблюсти экономію какъ въ приобрѣтеніи всего необходимаго по богослуженію, такъ и содержанію причта. По тогдашнему времени все это было возможно устроить дешевымъ образомъ; даже жалованье причта до утвержденія новыхъ штатовъ въ 1867 году было довольно скромное. Такъ, посольскій священникъ получалъ только 1.500 рублей серебромъ, и не золотомъ, какъ теперь, а потому я могъ обратиться къ любому изъ заграничныхъ священниковъ съ предложеніемъ принять мѣсто въ Карлсруэ, которое хотя и не было штатное или казенное, но имѣло ту выгоду и преимущество, что священникъ тамъ становился духовникомъ высочайшей особы. Поэтому о. Толмачевъ, находившійся тогда въ Стокгольмѣ, съ радостью принялъ мое предложеніе промѣнять свое посольское мѣсто на придворное въ Карлсруэ. Такимъ образомъ, я приобрѣлъ себѣ новаго товарища по службѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ Стутгарта. Церковь, устроенная Марією Максимиліановною собственно для себя, сдѣлалась настоящимъ благодѣніемъ для многочисленныхъ русскихъ, проживавшихъ въ Баденѣ, этомъ въ тогдашнее время притонѣ азартной игры и соединенной съ нею всякаго рода распущенностью жизни. Скоро затѣмъ въ самомъ Баденѣ открылась на счетъ русскихъ домовая церковь, въ

которой разъ въ недѣлю совершались богослуженія прѣвзжавшимъ для этого священникомъ изъ Карлсруэ.

Но въ то время, какъ я приобрѣлъ себѣ новаго товарища и сосѣда въ Карлсруэ, я терялъ, хотя и временно, моего стараго пріятеля, въ лицѣ о. Янышева въ Висбаденѣ. Онъ былъ назначенъ законоучителемъ невѣсты наслѣдника и для этого отправился въ Копенгагенъ. Оттуда онъ часто писалъ мнѣ, то спрашивая у меня совѣта, то сообщая мнѣ свои наблюденія. Вотъ одно изъ первыхъ его писемъ ко мнѣ изъ Копенгагена, интересное по его отношенію къ возложенной на него обязанности и по его наблюденію надъ тамошнею жизнью.

«Высокоуважаемый и достолюбезнѣйшій Іоаннъ Іоанновичъ.

«Изъ отдаленнаго Копенгагена простираю гласъ мой къ вамъ, которые отсюда кажетесь какъ будто за тридевятью землями, въ тридесятомъ царствѣ,—и наоборотъ, какъ я вамъ долженъ представляться въ морскомъ туманѣ, чуть не на озерѣ Селигерѣ. Приближаясь къ занятію русскою церковною исторіею, я вспомнилъ, что, кажется, нѣкогда подъ вашимъ руководствомъ явилась въ свѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ исторія русской церкви Муравьева. Здѣсь книгопродавцы не такъ дѣятельны и сообщенія съ нѣмецкою территоріею далеко не такъ быстры и регулярны, какъ въ Германіи,—и вотъ я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, не соблаговолите ли вы одинъ или еще лучше два экземпляра помянутой книги по почтѣ переслать въ Копенгагенъ на имя *Légation impériale de Russie*, съ передачею мнѣ; я увѣренъ, что по любви къ общему благу вы не потяготитесь удовлетвореніемъ этой просьбы. Если бы къ этому вы вздумали приложить что-нибудь, относящееся и къ общей церковной исторіи, какъ особенно интересное и поучительное (ученыхъ трудовъ у меня довольно), я былъ бы вамъ премного обязанъ.

«Что вамъ сообщить о своей жизни и своихъ занятіяхъ здѣсь? Всего не описать: такъ все ново и занимательно здѣсь, особенно для меня, непривычнаго къ тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ Богъ поставилъ меня такъ нечаянно. Королевская фамілія все еще живетъ въ Фреденсборгѣ, около 2 часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Копенгагена, и я, чередуясь съ здѣшнимъ отцомъ Вознесенскимъ, ѣзжу туда черезъ день, который отъ 6 часовъ утра до 7 часовъ вечера поглощается разѣздами, урокомъ, завтракомъ и отдыхомъ. Незанятый урокомъ, день быстро исчезаетъ за письмомъ, неизбѣжными свиданіями и приготовленіемъ къ слѣдующему дню. Разлученный съ семьею, которая здѣсь была бы и себѣ и мнѣ нѣсколько въ тягость, я почти ежедневно переписываюсь съ Висбаденомъ, куда не перестаютъ присылать письма и важныя комиссіи мои старыя знакомые и прихожане. Слава Богу, что есть предлогъ хотя нѣсколько уклониться отъ этихъ ежедневныхъ

тревогъ. Къ концу января, вѣроятно, королевская фамилія переселится въ Копенгагенъ, гдѣ все еще не отдѣланы покои во дворцѣ, тогда я успокоюсь и отъ разѣздовъ.

«О занятіяхъ съ высокою слушательницею не считаю себя въ правѣ много распространяться; радуюсь отъ души, что мой нѣмецкій языкъ понятенъ ей высочеству, а истины нашей вѣры такъ сами по себѣ просты, святы и высоки, что чистая душа ея не можетъ не сочувствовать имъ. Смотрю больше на то, чтобы самому во всѣхъ отношеніяхъ быть хотя вмалѣ сноснымъ посредникомъ церкви нашей, повстинѣ единой на свѣтѣ, правой и незыблемой. Гораздо труднѣе мнѣ нѣкоторыя стороннія, неизбѣжныя, вѣроятно, ни при какомъ дворѣ, отношенія, по моей непривычкѣ къ нимъ; но думаю, лишь бы все дѣлалось отъ доброй воли и чистаго намѣренія, а за неумѣніе Богъ не взыщетъ; а если кому что и не такъ покажется, то нельзя же всѣмъ все знать; надобно ближнему дать случай и оказать снисхожденіе.

«Быть можетъ, ваша строка изъ Стутгарта, если вы меня почтете ею, дастъ случай продолжить эту бесѣду. Отъ всей души желая вамъ всѣхъ благъ и съ вашими молодцами, имѣю честь быть вамъ искренне преданнымъ и покорнѣйшимъ слугою. Протоіерей Іоаннъ Янышевъ.

5-го (17-го) декабря 1864 г. Копенгагенъ.

1865-ый годъ начался для меня болѣзнию, отъ которой я долго не могъ поправиться, и которая потомъ стала повторяться почти ежегодно, всегда въ одно и то же время при переходѣ отъ зимы къ веснѣ, самое неудобное время для моей службы, такъ какъ я сваливался въ постель въ среднѣхъ великаго поста и начиналъ выздоравливать очень медленно только послѣ Пасхи. Поэтому на время службы страстной недѣли и Пасхи вызывали священника то изъ Амстердама, то изъ Веймара, то изъ Гаги, пока, наконецъ, не пришли къ тому убѣжденію, что мнѣ нужно было дать помощника въ лицѣ младшаго священника. что и совершилось въ 1882 году.

Когда я началъ оправляться отъ своей болѣзни уже въ іюнѣ, меня послали для перемѣны воздуха въ маленькое мѣстечко Нидернау подлѣ Тюбингена. Здѣсь мнѣ улыбалось только то, что мой старшій сынъ находился тамъ въ университетѣ, и потому я могъ съ нимъ часто видѣться. Безъ того это самое скучнѣйшее мѣсто, наполняющееся однѣми дамами изъ Стутгарта, между которыми я очутился единственнымъ «кавалеромъ», и оживляемое только по четвергамъ наѣздомъ тюбингенскихъ студентовъ, которые распивали свой боль или kalte Schale, смѣсь вина съ ромомъ или шампанскимъ, распѣвая свои студенческія пѣсни. Поэтому я не могъ долго выдержать въ этомъ цѣлебномъ мѣстечкѣ, и только что я собрался тамъ съ силами, какъ меня отпраздвали въ

Берхтесгаденъ, близъ Зальцбургъ, чтобы пользоваться тамъ солеными ваннами и дышать цѣлительнымъ горнымъ воздухомъ. Здѣсь я ожилъ, и хотя я былъ тамъ совсѣмъ одинъ, не скучалъ, дѣлая прогулки по окрестностямъ, которыя были одна живописнѣе другой. Тамъ я пробылъ недѣль шесть, и меня наконецъ стали посѣщать тамъ сперва мои сыновья, потомъ мои добрые знакомые изъ Стутгарта, какъ молодые князья Гагарины и графъ Путятинъ съ сыномъ. Помню я одну прогулку, которую мы сдѣлали въ большомъ обществѣ въ одну изъ замѣчательныхъ окрестностей, именно на Königsee. Это озеро извѣстно своею дикою живописностью, заключенное между отвѣсными скалами, изрѣдка прерываемыми красивыми долинками. Чтобы видѣть его въ подробности, обыкновенно садятся въ лодку и переѣзжаютъ вдоль его съ одного конца на другой. Съли и мы въ одну изъ такихъ лодокъ; насъ было человѣкъ восемь, все молодежь, и между ними путался только я да графъ Путятинъ, котораго, какъ адмирала, мы посадили къ рулю; молодежь гребла веслами. Только мы отчалили, какъ раздалась русская пѣсня: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», огласившая своею удалью угрюмыя скалы, спускавшіяся вертикально въ береговыя воды озера. Время было около полудня, и въ эту пору обыкновенно дуетъ вѣтеръ съ одного конца озера въ другой. Волненія не было никакого, и только, такъ какъ вѣтеръ былъ навстрѣчу, слышался равномерный плескъ воды въ носъ нашей лодки. Мы были какъ разъ на срединѣ озера, извѣстнаго въ этомъ мѣстѣ страшною глубиною, и продолжали весело и безопасно подвигаться впередъ, какъ вдругъ я замѣчаю, что нашъ рулевой адмиралъ начинаетъ блѣднѣть и беспокоиться.

— Что съ вами, графъ?—спрашиваю его.

— Да становится опасно!—говорить.

— Отчего же? вѣдь качки нѣтъ!

— Да-съ! но у насъ лодка-то плоскодонная, а слышите, какъ ее бьетъ волна съ носу? можетъ, пожалуй, дно выбить.

Вотъ какъ опасно быть опытнымъ морякомъ. Мы и не подумали бы беспокоиться и портить тѣмъ нашей прелестной прогулки, а тутъ вотъ по совѣту нашего адмирала мы принуждены были причалить къ берегу и выждать здѣсь, когда уляжется этотъ полуденный вѣтеръ, который никогда не продолжается больше часу, и затѣмъ продолжать наше плаваніе на крайній конецъ озера.

Изъ Берхтесгадена я возвратился въ концѣ августа на свой Ротенбергъ совершенно здоровымъ и снова способнымъ къ жизни и дѣятельности, которой у меня еще было не мало.

Въ то время, какъ я лежалъ больной въ постели, насъ постигла печальная вѣсть о кончинѣ цесаревича въ Ниццѣ. Вотъ депеша государя къ королевѣ Ольгѣ Николаевнѣ, которою онъ извѣщалъ объ этой

рановременной утратѣ: «Notre cher Nica a rendu dernier soupir à minuit 50 minutes. Que la volonté divine soit faite! Marie et jeune promise furent admirables. Communiquez à toute la famille. Alexandre».

Между тѣмъ, въ Россіи продолжались грустныя послѣдствія польскаго возстанія, выражавшіяся въ различныхъ мѣропріятіяхъ, то жестокихъ, то распущенныхъ, въ усмиренномъ краѣ. По этому поводу мнѣ писалъ изъ Тегернзее графъ Путятинъ въ іюлѣ слѣдующее: «сюда прибылъ на нѣсколько дней генералъ Потаповъ. Я имѣлъ съ нимъ разговоръ объ управленіи графа Муравьева въ Литвѣ, въ которомъ онъ самъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей. По его словамъ, край доведенъ до изнеможенія, я введенная система, которою обязали руководствоваться и генерала Кауфмана, вскорѣ должна сама собою рушиться, по невозможности ее продолжать. Муравьевъ не былъ доволенъ своимъ удаленіемъ и полагалъ, что его будутъ уговаривать остаться на своемъ посту, тогда какъ при первомъ заявленіи имъ разстройства своего здоровья, государь объявилъ, что онъ его болѣе удерживать не будетъ послѣ оказанныхъ имъ важныхъ услугъ». Далѣе, въ томъ же письмѣ графъ Путятинъ мнѣ пишетъ: «благодарю за присылку журнала «День». Я прочиталъ указанную вами статью и нахожу ее довольно основательною, но не согласенъ съ другою того же автора въ сужденіяхъ его объ открытыхъ и закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. У насъ послѣднія больше чѣмъ неудачны, но это не доказываетъ, чтобы ихъ нельзя было устроить на хорошихъ основаніяхъ. А чтобы проводить въ общество извѣстное направленіе, которое можетъ быть хорошимъ, а иногда и дурнымъ, закрытыя заведенія необходимы, и опытъ Англіи подтверждаетъ, что въ нихъ можетъ сохраняться нравственность и образоваться благородный характеръ». Графъ Путятинъ былъ большой англоманъ и поэтому старшаго сына своего воспитывалъ въ Оксфордскомъ университетѣ. Но это воспитаніе не спасло молодаго юношу, подававшаго столько блистательныхъ надеждъ, отъ преждевременной гибели. Онъ умеръ самымъ загадочнымъ образомъ въ окрестностяхъ Парижа, гдѣ его тѣло вытащили изъ воды, никогда не объяснивъ, была ли то нечаянная случайность или предумышленное самоубійство.

Новый министръ народнаго просвѣщенія, смѣнившій на этомъ посту графа Путятина, Головинъ повелъ дѣло университетскаго образованія на новыхъ, совершенно противоположныхъ путятинской методѣ, основаніяхъ, стараясь приравнять наши университеты къ высотѣ заграничныхъ.

Осенью этого года мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ изъ ренегатовъ нашей церкви, теперь возвращавшимся снова въ ея лоно. Это былъ извѣстный въ свое время Джунковскій, числившійся въ

Almanach de Gotha подъ именемъ préfet apostolique pour la partie septentrionale и вмѣстѣ духовникомъ королевы шведской Христины. Исторія его, по его собственнымъ разсказамъ, такова: сынъ одной изъ нашихъ дворянскихъ фамилій (братъ его состоялъ въ званіи генерала при великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ), воспитанный въ строгомъ духѣ православія, онъ молодымъ юношей поступилъ въ Петербургскій, университетъ, гдѣ съ любовію занимался философскими науками. По окончаніи курса, онъ отправился за границу и въ Берлинѣ слушалъ лекціи тогдашнихъ знаменитостей по кафедрѣ философіи. Здѣсь, по словамъ его, ревность по родному дому и особенно родной церкви такъ снѣдала его, что онъ нерѣдко вступалъ въ споръ за православіе съ тамошними представителями богословской науки. Не убѣдивъ протестантовъ въ истинѣ православнаго ученія, онъ рѣшился отправиться въ Римъ, чтобы въ самомъ центрѣ католичества выставить во всемъ свѣтѣ правду православія. Но самонадѣянный юноша не рассчитывалъ, что ему придется тамъ встрѣтиться съ непріателемъ, вооруженнымъ съ головы до ногъ, тогда какъ онъ выходилъ на бой, подобно Давиду, съ одной пращей противъ Голиафа, закованнаго въ латы. И какъ онъ не имѣлъ въ себѣ ни Давидовой вѣры, ни смиренія, то онъ и палъ въ неравной борьбѣ, сдѣлавшись жертвою ловкости іезуитовъ, которые успѣли сдѣлать изъ него послушное орудіе своихъ козней. Самъ не замѣчая того, Джунковскій сдѣлался въ рукахъ іезуитовъ отъявленнымъ врагомъ православія и ревностнымъ распространителемъ папской власти. Чтобы закалить его въ этой новой миссіи, іезуиты заставили его пройти долгій искусь послушанія, принявъ его noviceмъ въ свой орденъ, потомъ отправивъ его миссіонеромъ въ Лапландію. Цѣлыхъ 20 лѣтъ служилъ Джунковскій римской церкви съ ревностію и самоотверженіемъ. Заслуги его вознаграждались расширеніемъ его власти, и мы видимъ его къ концу на высшей степени апостольскаго викарія сѣверныхъ странъ съ юрисдикціею епископской власти. Уже готовился ему и жезлъ епископскій, какъ вдругъ съ нимъ случилось нѣчто человѣческое. Встрѣтившись во Франкфуртѣ съ одною англичанкою, онъ влюбился въ нее и рѣшился на ней жениться. Скандалъ этотъ скоро сталъ извѣстенъ въ Римѣ. Прежніе друзья Джунковскаго, прелаты и іезуиты, всячески старались уговорить его не прерывать изъ-за этого связи съ католической церковью. Они даже обѣщали игнорировать эту связь его съ женщиною, только бы онъ не жилъ съ нею открыто. Но какъ его подруга была изъ хорошей семьи, то ни она сама, ни ея родные не согласились на такой компромиссъ, и Джунковскій принужденъ былъ жениться по англійскому обряду на избранницѣ своего сердца. Поселившись съ нею въ маленькомъ городѣ Людвигбургѣ, близъ Стутгарта, онъ все еще не прерывалъ своихъ связей съ римскою церковью, которая, съ своей

стороны, не налагала на него за это преступленіе никакого наказанія, даже разрѣшила ему имѣть свою домовую церковь, въ которой онъ могъ целибровать свою мессу, только бы онъ никому не показывалъ своей незаконной жены, а между тѣмъ за нимъ былъ устроенъ тайный надзоръ изъ опасенія, чтобы онъ не возвратился опять въ православіе. Одно время онъ опасался, чтобы его не убили, и потому принужденъ былъ обратиться къ помощи полиціи, которая его и охраняла, особенно по ночамъ.

Вотъ въ это-то время онъ и явился ко мнѣ съ созрѣвшею въ немъ рѣшимостью возвратиться въ православіе и въ свое отечество, которое онъ оставилъ самовольно 20 лѣтъ тому назадъ. Интересно его первое письмо ко мнѣ по этому поводу. Въ немъ видно не одно только вынужденное обстоятельствомъ ренегатство отъ церкви, которой авторъ этого письма служилъ съ самоотверженіемъ въ теченіе 20-ти лѣтъ, но и пробудившееся сознаніе истины, отъ которой онъ уклонился въ молодыхъ лѣтахъ. Въ разговорахъ со мною объ этомъ предметѣ, онъ сознавался, что онъ былъ увлеченъ римскою церковью идеалью, пока онъ, какъ, новичекъ, стоялъ вдали отъ дѣйствительности. Но съ тѣхъ поръ, какъ возвышаясь въ духовныхъ степеняхъ, онъ приблизился къ самимъ дѣятелямъ и увидѣлъ ихъ закулисную жизнь, онъ понялъ, что въ этой церкви все расчитано на виѣшнія выгоды іерархіи, а о спасеніи душъ подъ руководствомъ пастырей не было и помину. Вслѣдствіе этого тогда же прошелъ его юношескій энтузіазмъ къ этой вселенской, называющей себя единою истинною, церкви. Зародилась ли въ немъ уже тогда мысль о возвращеніи въ родную среду церковную и гражданскую, ему самому было не извѣстно. Но нужно было явиться поводу къ тому, чтобы все некрасивое, все ложное въ этой вселенности всплыло наверхъ и заставило Джунковского не только подумать, но и рѣшиться порвать связь съ людьми и учрежденіями, такъ долго державшими его въ рабствѣ *ad maiorem gloriam* папы и его куріи. Вотъ это интересное письмо:

23-го октября (4-го ноября) 1865 г.

„Ludwigsburg, villa Ernst

Наканунъ праздника явленія иконы Пресвятыя Богородицы, всѣхъ скорблящихъ радости.

«Ваше высокопреподобіе, многоуважаемый Иванъ Ивановичъ.

«Помню съ дѣтства, какъ священникъ Стефанъ Маловъ, сравнивая православіе съ другими христіанскими ученіями, уподоблялъ его плоду, очищенному отъ шелухи, но не испорченному червями, т. е. вредными преувеличеніями. Эта мысль пришла мнѣ на память наканунѣ дня, въ который за четыре года перстъ Божій заставилъ меня не только статьями (напечатанными еще въ 1853 году), но и притѣромъ под-

держивать уваженіе къ браку, презрѣніе котораго, вслѣдствіе римскаго безбрачія духовныхъ, было и есть, по моему убѣжденію, причиною главнаго нравственнаго зла, особенно во Франціи. Статистика XIX вѣка будетъ пятномъ исторіи въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, римскія преувеличенія важности безбрачія не только причиною безнравственности римско-католическихъ странъ, но и разводовъ, напримѣръ въ Польшѣ, несмотря, что римская церковь считаетъ бракъ абсолютно неразрывнымъ. Но этотъ догматъ сравнительно съ безбрачіемъ духовства обращаетъ мало вниманія, тогда какъ, напримѣръ, я слышалъ отъ знаменитаго іезуита Равиньяна эти собственные слова, говоря о французской революціи: «Le péché du régicide a été une bagatelle en comparaison avec le mariage des prêtres!» Не только въ догматахъ, но и въ обрядахъ, даже, напримѣръ, въ празднованіи наканунѣ праздниковъ церкви, преувеличенія Рима противны и преданію и здравому смыслу. Когда Минуцій Феликсъ и Плиній называли христіанство ночью религіею за то, что праздники совершались наканунѣ ночью, то, разумѣется, русское празднованіе Пасхи въ полночь, а не римское богослуженіе Пасхи въ 8 часовъ утра наканунѣ въ субботу,—согласно съ первыми вѣками христіанства. Мнѣ кажется, я бы могъ написать огромную книгу, гдѣ, разбирая всѣ римскіе догматы, правила, законы, обряды, одинъ за другимъ доказалъ бы, что какъ Христосъ былъ распятъ среди двухъ разбойниковъ, такъ истина находится среди преувеличеній и что самое тяжелое для человѣчества иго находится въ преувеличеніяхъ римскихъ. Въ римскихъ проповѣдяхъ моихъ я дотогу былъ проникнутъ римскимъ духомъ, что, какъ мнѣ говорили, еще усиливалъ до послѣднихъ границъ аргументы Белармина, но это именно и открыло мнѣ глаза, что не любовь къ истинѣ, а склонность къ преувеличеніямъ направила меня къ римской церкви и направляетъ до сихъ поръ къ ея лону людей недовольныхъ святою серединою. Вотъ причина, почему я понялъ, что хотя изъ любви къ Богу, но по ошибкѣ вступилъ въ римскую церковь и, слѣдовательно, сознавши, что ошибся, обязанъ и какъ рожденный въ православіи, и какъ русскій, возвратиться въ церковь и отечество, среди которыхъ Божья воля удостоила создать и поставить меня. Если бъ не чистое зрѣлое убѣжденіе, а земныя предположенія изгѣли на меня вліяніе, хотя все мое прошедшее сдѣлало для меня самоотверженіе привычкою, то я бы оставилъ римскую церковь при бракѣ моемъ въ 1861 г., не писалъ бы о сомнѣніяхъ моихъ въ Москву, въ пользу православія въ 1862 г., когда родные жены моей не давали мнѣ никакой надежды къ ея возврату, хотя я всегда любилъ и люблю ее. Какъ бракъ, такъ и соединеніе съ женою свершились въ то время, когда Римъ мнѣ предлагалъ земныя выгоды, и убѣжденіе мое въ возвратѣ въ православіе развивалось независимо отъ всякаго земнаго,

стало быть, безусловно. Если я говорил о службѣ, то только повторяя слова Ал. Н. Муравьева, и потому, что заглавить потерянное для отечества время полезною службою—моя нравственная обязанность. Кроме того, трудъ, дѣятельность необходимы для моей природы, и я страдаю отъ нечего дѣлать въ уединеніи Лудвигсбурга, но какъ дѣйствовать безъ цѣли и особенно безъ точки исхода. Пока будетъ отвѣтъ изъ Россіи, жизнь въ Канштатѣ правилась бы мнѣ болѣе по сосѣдству съ старымъ пріятелемъ графомъ Путятиннымъ, и съ вами, кормчимъ корабля, на который съ вѣрою и надеждою я бросаюсь среди житейскаго моря, жертвуя друзьями послѣднихъ лѣтъ. Вотъ почему изливаю вамъ душу наканунѣ моего брака за четыре года, не имѣя на землѣ другаго болѣе способнаго, болѣе избраннаго для этого Богомъ,—безъ воли котораго и волосъ не падаетъ съ головы,—какъ васъ, чтобы утѣшать меня среди важнаго шага жизни. Ничего не прошу, ничего не желаю, кромѣ дружбы и довѣренности отъ васъ и если Богъ приведетъ мнѣ служить въ Синодѣ или гдѣ-либо въ отечествѣ, съ однимъ словомъ въ мою пользу отъ королевы, которой, вѣроятно, понравится жена моя, то благодарность русскаго человѣка, который добро помнить, будетъ утѣшеніемъ моей жизни. Мое положеніе такъ исключительно, что желаніе исключительнаго участія, *protection exceptionnelle*, не удивитъ васъ, который знаетъ всю мою подноготную и любить меня.

Вашъ in aeternum et ultra Степанъ Джунковскій.

«Прилагаю найденную карточку отца Сабинина и посылаю вамъ журналъ».

Между тѣмъ, я обратился въ этомъ исключительномъ случаѣ за совѣтомъ къ моему дядѣ Рождественскому, сдѣлавшемуся въ это время засѣдающимъ членомъ Св. Синода. Вопросъ на счетъ принятія Джунковскаго въ православіе осложнялся особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ съ этимъ переходомъ соединялъ желаніе и возвращенія въ отечество, конечно, съ прощеніемъ за самовольное оставленіе родины и даже съ надеждою быть принятымъ на службу въ Россію,—что ему въ послѣдствіи и удалось. На мое представленіе объ этомъ И. В. Рождественскій отвѣчалъ мнѣ слѣдующее:

6-го октября 1865 г. Царское Село.

«Спѣшу дать отвѣтъ на ваше интересное письмо. Вчера я получилъ его, а сегодня имѣлъ случай въ Синодѣ переговорить по вашему порученію. Заявленіе о возвращеніи подъ матерній кровъ заблудшаго сына порадовало нашихъ отцовъ и братій. Дома мы слышимъ чаще о совращеніяхъ; какъ же не порадоваться, что на чужбинѣ неожиданно являются обращенія. Недоумѣнія ваши, на первый разъ, рѣшаются очень просто. Надобно, чтобы г. Джунковскій, съ возможною обстоятельностью, пись-

менно изложилъ свое желаніе и намѣренія и представилъ, или самъ или черезъ васъ, преосвященному митрополиту Исидору (какъ вашему епархіальному начальнику), который внесетъ дѣло въ Синодъ, гдѣ оно будетъ обсужено и рѣшено окончательно. Рѣшеніе сообщится вамъ для исполненія. Вотъ вся процедура воссоединенія съ церковью. Что же касается возвращенія г. Джунковскаго въ Россію,—это дѣло, какъ вы сами пишете, внѣ круга дѣятельности духовной власти и можетъ быть рѣшено или черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, или черезъ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. Синодъ можетъ сдѣлать одно (и сдѣлаетъ, конечно): поручить оберъ-прокурору—словесно доложить государю, что воссоединяемый съ церковію искренно сознаетъ свои заблужденія и, отрекаясь отъ нихъ на всегда, обѣщаетъ, по мѣрѣ силъ, быть полезнымъ, какъ для церкви, такъ и для государства. Чтобы имѣть возможность дать такое ручательство передъ государемъ, преосвященный митрополитъ поручилъ мнѣ просить васъ, чтобы вы потрудились собрать для него возможно достовѣрныя свѣдѣнія какъ о прошедшей жизни г. Джунковскаго, такъ и о настоящемъ настроеніи его духа, и сообщить эти свѣдѣнія, въ видѣ дополненія къ письменному изложенію самого просителя. Кажется, я сказалъ все, что нужно для того, чтобы вы съ увѣренностью могли приступить къ пастырскому подвигу спасенія ближняго.

«Я началъ отвѣтъ со второй половины вашего письма, какъ болѣе важной, чтобы, въ случаѣ нужды, первую половину оставить вовсе безъ отвѣта. Свободныхъ минутъ теперь у меня, къ сожалѣнію, очень мало, и нерѣдко случается—начавши письмо, бросить его неоконченнымъ на цѣлую недѣлю. Много лѣтъ уже я ищу себѣ успокоенія, или, по крайней мѣрѣ, временнаго отдыха; а жизнь, какъ водится, дѣлаетъ свое дѣло,—идетъ наперекоръ моимъ желаніямъ. Сидѣлъ на привязи цѣлыхъ 15 лѣтъ, не зная даже каникулъ—единственной отрады школьника: и вотъ, вмѣсто облегченія, неожиданно-негаданно легло на плечи новое бремя, которое заставило всѣ прежнія занятія втѣснить въ три дня недѣли, а въ другіе три дня озабочивать измученную голову дѣлами непривычными, разнообразными, то мелкими до ничтожества, то огромными до необъятности, почти всегда тяжелыми для сердца и почти никогда не обѣщающими успѣха вѣрнаго и плодотворнаго. И съ этою-то новостью вы поздравляете меня! Вѣрю искренности вашихъ чувствъ и благодарю за добрыя желанія, но радоваться отъ поздравленія не могу»....

Такимъ образомъ, дѣло затягивалось, а мой новый адептъ терялъ терпѣніе, опасаясь особенно козней римской партіи, которая зорко слѣдила за всѣми его поступками, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго его письма ко мнѣ:

4-го (16-го) ноября 1865 года.

Ludvigsburg, villa Ernst

«Благодарю васъ за письмо ваше отъ 26-го октября старо-го стилиа и за благородное участіе, въ немъ изложенное. Если Господь судить за всякое излишнее слово, то, разумѣется, награждаетъ и наградитъ васъ за утѣшенія ваши. Если Спаситель въ притчѣ о блудномъ сынѣ представляетъ отца, встрѣчающаго его съ отверстыми объятіями, то это—слабое изображеніе любви Отца Небеснаго, не только встрѣчающаго, но бѣгущаго на встрѣчу всякаго желающаго возвратиться или приблизиться къ Нему. Церковь, созданная изъ ребра Спасителя, какъ Ева изъ ребра Адама, по выраженію св. отцевъ, всегда имѣла знакомъ святости своей и своихъ служителей подобную ревность, которая превышаетъ ревность, желающихъ возвратиться или приблизиться къ ней. Несмотря на мое недостойство, не могу забыть, съ какою невыразимою радостью я встрѣчалъ, быть можетъ, сотни людей, которыхъ, какъ Саула къ Ананію, посылала ко мнѣ благодать отъ невѣрія въ вѣрѣ, если не совершенной, то все-таки Христовой. Поэтому заключаю, что вы тѣмъ болѣе уже награждены внутренно за ваше ко мнѣ участіе, что меня утѣшаетъ при мысли, что я быть можетъ беспокою васъ. Иначе эта мысль была бы для меня тяжела, ибо я не привыкъ, какъ говорятъ: обременять или напращиваться. Но что дѣлать? Воля и милосердіе Божіе указали мнѣ васъ, какъ праведника на пути истины, и хотя я мужественно смотрю на будущность, но не хочу теперь и шагу сдѣлать безъ васъ. Вотъ почему переписка, какъ легчайшее средство пользоваться вашими совѣтами, становится для меня необходимою, тѣмъ болѣе, что я привыкъ всегда еженедѣльно исповѣдываться и пользоваться совѣтами духовника. Ваши письма замѣняютъ для меня въ настоящее время все это, какъ молитва, воздухъ души, замѣняетъ въ эти тяжкія, но не лишеныя утѣшеній, минуты, главную отраду души: тѣло и кровь Христовы. Но воля Божія и покорность даже въ этомъ утѣшаютъ меня! Ваше письмо тѣмъ болѣе было мнѣ приятно, что въ совѣтахъ вашихъ я нашелъ отголосокъ собственныхъ моихъ желаній во славу Божію. Давно уже пишу подъ заглавіемъ: «Souvenirs d'un homme heuřeux»—изложеніе моего прошедшаго, на которомъ, какъ на канвѣ, составляю рѣшенія на вопросы и сомнѣнія нашего времени. Говорятъ въ Римѣ, что Богъ избралъ его центромъ вѣры, ибо нигдѣ не было болѣе безвѣрія. Прибавляю къ этому: Господь избралъ святую Русь поддержать с в я т у ю с е р е д и н у и с т и н ы, ибо нигдѣ нѣтъ болѣе крайностей, если только взглянуть на преувеличенія, которыя русскіе поклонники обѣихъ крайностей: ультрамонтанизма и Фейербаха, позволяютъ себѣ въ заграничной русской литературѣ. Кто опровергаетъ русскихъ подражателей Фейербаха, Бюхнера, перещего-

лявшихъ ихъ въ безвѣрїи въ книжонкахъ, издаваемыхъ въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ, Лейпцигѣ? Это предметъ моихъ мемуаровъ, опровергаемый силою православїя. Готовъ также, если вы согласны, въ минуты отдыха, переводить на русскій языкъ, для нашихъ духовныхъ журналовъ, лучшіе новѣйшіе замѣчательные труды, какъ «Le traité de la paix intérieure» или знаменитую исландскую находку «Lilium» XIV вѣка, въ стихахъ, что утѣшило бы загробную память вашего дяди отца Стефана Сабинина, котораго визитная карточка можетъ служить вамъ какъ загробная для меня рекомендація. Въ часы грусти, въ прошломъ году, я нерѣдко писалъ русскіе стихи и готовъ посвятить ихъ для скандинавской духовной рѣдкости: «Lilium». Говоря о стихахъ, приведу здѣсь нѣсколько моихъ строкъ, которыя вамъ покажутъ, что даже, когда я былъ оставленъ всѣми, то тогда, какъ теперь, утѣшенія Господа заставляли меня забывать холодность людей:

„Оставленный всѣми и всѣми забытый,
 Какъ будто корабль среди бури разбитый;
 Подобную участь оставилъ намъ рокъ:
 Ему пѣну волнъ, а мнѣ слезный потокъ.
 Оставленный всѣми и всѣми забытый,
 Какъ будто живой среди мертвыхъ зарытый,
 Но всякихъ счастливецъ счастливѣе я:
 Всегда Исусъ утѣшаетъ меня!“

«Но теперь дѣло не въ утѣшенїяхъ, а въ моихъ дѣйствїяхъ. Время течетъ. Нужно дѣйствовать для Бога и ближняго. Въ мемуарахъ думаю изложить, какъ вы выражаетесь, капитальный трудъ въ пользу православія — и занимаюсь имъ. Но жажду отвѣта высокопреосвященнаго изъ Петербурга. Только рѣшеніе этого дѣла дастъ энергію моей дѣятельности, а безъ этого строки льются, но безъ точки опоры, необходимой, чтобы производить впечатлѣніе. Даже не посѣщаю церковную службу. Въ послѣднее воскресенье былъ въ Стутгартѣ и думалъ присутствовать при св. обѣднѣ, но боязнь обезпокить васъ этимъ предложенїемъ удержала меня, хотя мнѣ кажется, такъ какъ я въ завѣщанїи изложилъ мужественно мой возвратъ въ родную церковь, то также мужественно долженъ бы дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ. Ни на шагъ не хочу теперь уклоняться отъ вашихъ совѣтовъ, но желаю, чтобы дѣло подвигалось. На-дняхъ получилъ письмо отъ дочери баронессы Александры Михайловны Гюгель, которой писалъ конфиденціально изъ Монтре о моемъ возвратѣ въ православіе. Она приглашаетъ меня, какъ старая знакомая, посѣтить ее, при возвратѣ ея въ Стутгартъ, Seite Strasse, 3. Она, вѣроятно, говорила обо мнѣ нашему новому посланнику Н. А. Столыпину, товарищу моего брата, и котораго я знаю съ дѣтства и особенно чрезъ наши частыя дружескія сношенїя въ Баденѣ. Но, не зная вашего

мнѣнія на счетъ посѣщенія Николая Аркадьевича и моего дѣла, еще не былъ у его превосходительства. Разумѣется, въ моемъ дѣлѣ, кромѣ исключительнаго положенія, нужно имѣть въ виду также исключительное положеніе духовныхъ дѣлъ въ матушкѣ Россіи, гдѣ нельзя ихъ коснуться безъ участія правительства, или, точнѣе сказать, государя. Но, если вспомнить, что сводъ законовъ положительно говоритъ, что съ возвращеніемъ въ православіе возвращаются всѣ гражданскія права и даже, напримѣръ, прощаются политическія и другія преступленія жидамъ, принимающимъ христіанство, то, казалось бы, не только со стороны церкви, но и правительства (должны быть) отверстыя объятія и даже поощренія. А между тѣмъ, вездѣ затрудненія, но они-то и возбуждаютъ во мнѣ ревность, ибо «только поддѣльные цвѣты дождя боятся».

«Готовъ остаться за границею искать службу здѣсь или гдѣ-либо, если ворота отечества заперты, ибо дѣло мое не возвращеніе въ любимую родину, но въ родную церковь, для которой долженъ пожертвовать даже имъ, если, вопреки довѣренности, будутъ отвѣчать недовѣрчивостью и отвергать службу и опытность русскаго, тогда какъ ищутъ иностранцевъ, какъ я помню, выражался въ Дармштадтѣ В. А. Жуковскій, съ такою вспылчивостью, какая съ нимъ никогда не случалась. То же мнѣ говорилъ покойный посланникъ Мейендорфъ въ 1854 году, хотя самъ былъ нѣмецъ и неправославный. Думалъ было писать по-французски, въ родѣ заключенія, романы: *Le maudit, la Religieuse et le Jesuite* (такъ какъ романы болѣе читаются), *le Russe*, гдѣ показалъ бы, что всѣ церковныя недостатки, указанные въ этихъ трехъ романахъ, находятъ средство излѣченія и улучшенія въ православіи, но хочу прежде кончить мои мемуары. Для этого и чтобы не отравлять отъ природы любящее мое сердце холодностью, напримѣръ, графа Путятина въ Кайштатѣ, гдѣ не могъ видѣть его, продолжилъ на годъ мою квартиру здѣсь и жду у моря погоды, надѣясь, что и на нашей улицѣ будетъ праздникъ. Одинъ швейцарскій знакомый печатаетъ на свой счетъ каталогъ моей здѣшней бібліотеки, и я занимаюсь также имъ, и едва напечатаютъ, пришлю къ вамъ, чтобы вы могли брать по желанію книги изъ моей бібліотеки. Тамъ много интереснаго на счетъ восточныхъ церквей.

«Въ заключеніе скажу, что братъ мой генералъ, находящійся при великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ, писалъ мнѣ два раза на этой недѣлѣ, совѣтуя дѣйствовать и съ моей стороны, и что все зависитъ отъ одного слова государя, а иначе попадетъ дѣло въ долгій ящикъ, т. е. будутъ откладывать и бюрократически запутываться тамъ, гдѣ каждая минута дорога для утѣхи души, для пользы ближняго, для славы Господа. Вотъ почему снова взываю къ вамъ дѣйствовать въ моемъ дѣлѣ, какъ въ вашемъ собственномъ,—и Господь наградитъ его успѣхомъ. Посылаю

вамъ послѣдніе листки: «La verité», не смѣя, безъ вашего позволенія, прислать или доставить болѣе и не довѣряясь слугѣ, который воруетъ, и когда я замѣчаю, грозитъ жалобою здѣшнему римскому священнику на счетъ сношеній съ вами, какъ будто бы я этого боялся. Если будетъ время, утѣшайте меня вашими строками и всегда—молитвами. Недостойный вашъ Степанъ Джунковскій.

«Супруга моя имѣетъ честь вамъ свидѣтельствовать свое почтеніе».

Сдѣлавшись посредникомъ въ переходѣ Джунковскаго въ православіе, я цѣнилъ пріобрѣтеніе для нашей церкви такого человѣка, прошедшаго строгую школу іезуитизма, богатаго опытностью по миссіонерской дѣятельности, ученаго писателя, заявившаго свою способность на этомъ поприщѣ капитальными трудами, какъ, напримѣръ: *Dictionnaire des missions catholiques*, въ которомъ Джунковскій помѣщалъ свои статьи и принималъ участіе въ редакціи подъ титуломъ: *D-r Etienne de Djoukowsky, ancien préfet apostolique, promoteur de l'académie des Quirites à Rome, membre de la société royale littéraire d'Islande, de la société orientale etc.* Поэтому я съ одной стороны хлопоталъ у нашего духовнаго начальства о принятіи Джунковскаго на службу нашей церкви, а съ другой внушалъ ему самому направить теперь свою дѣятельность на пользу и славу родной церкви, въ лоно которой онъ возвращался послѣ долгаго скитанія по чужимъ странамъ. На это онъ отвѣчалъ мнѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ слѣдующее:

«Думаю и я дѣйствовать съ помощью жаждущаго счастья человѣческаго Господа Иисуса. Мысли, которыя Онъ внушаетъ мнѣ, теперь мнѣ кажутся тѣми же, какія я имѣлъ за двадцать лѣтъ. «Маякъ» 1849 года нѣсколько разъ печаталъ отрывки изъ моихъ писемъ изъ славянскихъ странъ и Германіи о поддержаніи православія въ первыхъ и о разсадникахъ его въ Германіи посредствомъ основанія русскихъ церквей и пр. Теперь, послѣ двадцатилѣтняго опыта, желаю въ первомъ посланіи моемъ къ моимъ бывшимъ собратіямъ римской іерархіи возобновить развитіе прежней моей мысли и доказывать важность сближенія съ цѣлью соединенія съ православіемъ не только католическихъ странъ, но и церквей скандинавскихъ и англо-саксонскихъ, т. е. епископальныхъ Англіи, Шотландіи, Сѣверной Америки и пр., не забывая, разумѣется, и востока, отпавшаго отъ православія, несторіанъ и пр. Семилѣтняя моя дѣятельность въ скандинавскихъ странахъ представляетъ мнѣ первое средство, первый шагъ къ этому, съ надеждою успѣха, если идти тѣмъ же путемъ, какой я избралъ для возрожденія римской церкви въ семи епархіяхъ Скандинавіи, гдѣ съ 1550 года всѣ попытки Рима оставались безъ успѣха. Какъ за двадцать лѣтъ, не бывши духовнымъ, я, несмотря на мое недостоинство, имѣлъ въ виду подобную цѣль для православія, такъ и теперь не считаю необходимымъ быть духовнымъ

для достиженія ея. Цѣня всегда болѣе мысли другихъ, чѣмъ мои собственныя, я, разумѣется, съ особеннымъ вниманіемъ остановился на вашей мысли на счетъ службы въ Синодѣ, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, нашелъ бы лучшее средство употребить во славу Божию мое прошлое и загладить его. О, сколько бы можно было сдѣлать не только для развитія духовныхъ заведеній и внѣшнихъ православныхъ миссій, но и для всеобщаго внутренняго и внѣшняго, богословскаго и практическаго торжества русскоѣ церкви. Когда я въ 1862 г. читалъ Н. А. Столыпину мою статью «О призваніи Россіи», напечатанную послѣ, то онъ одобрялъ меня почти при каждой мысли. А что болѣе можетъ содѣйствовать торжеству и призванію Россіи, какъ русская церковь, не чрезъ развитіе догматовъ, которые неизмѣнны, но чрезъ развитіе практической жизни для пользы человѣчества, чтобы свѣтитъ ему, какъ говоритъ Спаситель. Читая Овербека, подкрѣпляюсь въ этихъ мысляхъ. При первыхъ шагахъ подобнаго дѣйствія, всѣ возраженія противъ православія упадутъ, и частные люди, какъ народы, будутъ искать въ немъ источника воды не только вѣчной жизни, но и для утоленія жажды возможнаго на землѣ счастья. Разумѣется, одинъ Богъ можетъ сдѣлать это, но кто чувствуетъ въ сердцѣ своемъ призваніе къ высокому дѣлу, подтвержденное всѣмъ прошлымъ, какъ перстомъ Божиимъ, безъ воли Коего и волосъ не падаетъ съ головы, то онъ подлѣ, какъ солдатъ, стоящій въ первомъ, самомъ опасномъ мѣстѣ и покидающій его изъ боязни отличиться. Въ Римѣ мнѣ часто говорили: васъ Богъ назначилъ давать инициативу, первый толчекъ, первую организацію труднымъ дѣламъ. Я отвѣчалъ на это извѣстными словами:

Da me nullo posso,
Per amor di Dio voglio far tutto,
Con Dio posso tuto,
A Dio l'honor, a me il disprezzo.

«Не знаю, писали ли вы, какъ думали, г. оберъ-прокурору, но если Богу угодно, чтобы до праздниковъ свершилось мое соединеніе и въ январѣ повтореніе брачнаго обряда, какъ вы говорили, то съ простымъ званіемъ чиновника особыхъ порученій при Синодѣ или оберъ-прокурорѣ я бы могъ начать дѣйствовать первые мѣсяцы за границею и потомъ въ матушкѣ Россіи. Но—ничего не желаю, кромѣ воли Божіей. Вашъ Степанъ Джунковекій».

Дѣло Джунковскаго кончилось тѣмъ, что онъ былъ принятъ въ православіе простымъ міряниномъ, въ чемъ онъ самъ усмотрѣлъ справедливость, «ибо,—какъ онъ выразился,—этимъ дается болѣе вѣсу русской церкви предъ римскою». Виѣстѣ съ этимъ ему разрѣшено было возвратиться въ Россію со всепрощеніемъ за его долгое бѣгство изъ отечества и его враждебную дѣятельность противъ православія. Его даже приняли

на службу при духовно-учебномъ управленіи. Но ему не долго удалось послужить родной церкви и заслужить предъ нею вину свою. Онъ скоро умеръ въ Россіи, не оставивъ по себѣ никакого значительнаго слѣда ни въ духовной литературѣ, ни въ администраціи.

Въ слѣдующемъ 1866 году мнѣ привелось принять въ лоно православія еще подобнаго же скитальца. То былъ польскій ксендзъ Викторъ Ковальскій. Исторія его была такова. Находясь сельскимъ священникомъ въ одной изъ польскихъ деревень, онъ во время возстанія Польши въ 1863 году принужденъ былъ, по его словамъ, подъ пистолетомъ приводить къ присягѣ повстанцевъ; когда же бунтъ былъ подавленъ, онъ изъ страха наказанія бѣжалъ въ Галицію. Отсюда ему захотѣлось пробраться въ Римъ, чтобы въ центрѣ папства найти пищу своему католическому энтузіазму. Но уже въ Венеціи одинъ-изъ тамошнихъ прелатовъ предупредилъ его, говоря: «напрасно вы, молодой человѣкъ, думаете найти себѣ въ Римѣ пищу для вашего католическаго настроенія. Вы встрѣтите тамъ одно разочарованіе». Такъ и случилось. Ковальскій самъ мнѣ рассказывалъ, что его поразило въ Римѣ прежде всего политическое настроеніе курии. Тамъ, гдѣ онъ искалъ увидѣть величіе церкви, единой, вселенской, ведущей къ Богу и спасенію милліоновъ разноплеменныхъ народностей, онъ встрѣтилъ однѣ политическія интриги. Самую Польшу, его дорогое отечество, трактовали тамъ не какъ любимое дѣтище, взывавшее къ духовному отцу своему о спасеніи, а играли ею, какъ мячемъ, въ угоду то тому, то другому государству, смотря по тому, отъ котораго римская курия надѣялась получить больше выгодъ для себя. Присмотрѣвшись поближе къ руководящимъ личностямъ папскаго двора, онъ къ ужасу увидѣлъ въ нихъ не людей вѣры, заботящихся о вселенской паствѣ, а только сановниковъ, часто сибаритовъ, проводящихъ время въ свѣтскихъ салонахъ, занимающихся болѣе политикою, чѣмъ интересами церкви и религіи. Послѣ этого въ немъ сложилось убѣжденіе и рѣшимость бѣжать, бѣжать какъ можно скорѣе не только изъ Рима, но изъ римской церкви. Но куда? Конечно, въ свое отечество и въ православіе. Но какъ онъ былъ политическій преступникъ, то онъ и обратился ко мнѣ съ просьбою исходатайствовати ему прощеніе и разрѣшеніе воротиться въ Россію. «Пусть, говорилъ онъ, сошлютъ меня въ Сибирь, только бы мнѣ не жить въ этой римской церкви», которой ложь онъ теперь узналъ и увидѣлъ собственными глазами въ самомъ центрѣ ея. Пользуясь пребываніемъ государя въ Стутгартѣ, я легко испросилъ ему черезъ графа Шувалова, бывшаго тогда шефомъ жандармовъ, всепрощеніе и разрѣшеніе возвратиться въ Россію, но только не въ Польшу. Ему назначили мѣстомъ жительства Смоленскъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто при желѣзной дорогѣ, такъ какъ онъ былъ принятъ въ православіе простымъ міряниномъ. Изъ переписки его со мною еще до принятія имъ православія интересны нѣкоторыя замѣчанія

дѣланныя имъ касательно католической церкви вообще, которую онъ вездѣ въ своихъ письмахъ называетъ «римскимъ костеломъ», и польской въ особенности. Такъ изъ римскихъ писемъ Муравьева онъ вычиталъ осужденіе римской церкви за то, что въ ней имѣется много людей духовнаго званія и чина, подъ рясою аббатовъ, обращающихся въ салонахъ свѣтскаго общества или живущихъ въ семействахъ въ качествѣ учителей и воспитателей и потому, будто бы, совсѣмъ ненужныхъ и не приносящихъ никакой пользы римскому костелу. На это Ковальскій замѣчаетъ:

— Напротивъ, я вижу въ этомъ великую силу западнаго костела, который чрезъ такихъ преданныхъ себѣ людей старается распространить корни своей власти, и такіе люди чрезъ свое вліяніе на юношескія сердца приносятъ большую пользу владычеству костеловъ, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятые парохіи.

Въ другомъ мѣстѣ онъ вдается въ разсужденіе о томъ, почему въ русской Польшѣ столько фанатическаго патріотизма, тогда какъ въ Галиціи его вовсе незамѣтно. По мнѣнію Ковальскаго, это происходитъ оттого, что австрійская система германизации идетъ незамѣтнымъ, но твердымъ и вѣрнымъ шагомъ.

— Австрійская система оставляетъ полякамъ, какъ малымъ, еще недоросшимъ дѣтямъ, игру въ такъ называемую свободу. Спросите самыхъ закоренѣлыхъ польскихъ патріотовъ, отчего въ русской Польшѣ чаще случаются бунты, и они вамъ скажутъ, что русское правительство не слѣдуетъ системѣ австрійской. Я бы, напримѣръ, не запрещалъ носить польское платье, не преслѣдовалъ бы конфедератовъ, а только слѣдилъ бы строже за тѣми, которые сами выставляютъ себя на показъ. Въ Галиціи же каждый полякъ чувствуетъ себя безопаснымъ въ своемъ національномъ костюмѣ.

Касательно сближенія поляковъ съ православною церковью Ковальскій высказываетъ полное убѣжденіе, что если бы разрѣшено было употребленіе польскаго языка при богослуженіи, то большинство народа съ радостію приняло бы православіе и отстало отъ папы, котораго народъ не знаетъ и воображаетъ его себѣ, по наущенію, конечно, своихъ ксендзовъ, какимъ-то безкорыстнымъ защитникомъ польской національности противъ насильственнаго обращенія со стороны Москвы.

— О, какъ бы я хотѣлъ, — прибавляетъ этотъ восторженный патріотъ, — дожить до той минуты, когда эти двѣ сестры, Польша и Россія, покончивъ вѣковую вражду между собою, съ искреннимъ миромъ въ душѣ и одной вѣрой въ сердца, рука объ руку пошли бы къ благоденствію подъ однимъ жезломъ великаго государя на страхъ врагамъ, сѣющимъ раздоръ между родными дѣтьми одного отца для своей собственной выгоды.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЫЛОЕ.

Изъ воспоминаній о пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ.

I.

Дѣтскіе годы въ деревнѣ. — „Преступная“ любовь съ трагическимъ концомъ. — Дворовый человѣкъ Вардакъ. — Пансіонъ Гершельмана въ Верро.

Невеликъ, казалось бы, срокъ—полстолѣтія, а какъ, проживъ его, оглянешься назадъ, то во многомъ замѣтишь значительную перемѣну. Условія жизни, понятія, чувства, стремленія—на всемъ этомъ видна рука всеобновляющаго времени. Одно измѣнилось къ лучшему, другое—къ худшему, но во всякомъ случаѣ многое стало уже непохоже на прежнее. Многие изъ того, что было, дѣлалось и думалось 50 и даже менѣ лѣтъ тому назадъ, уже отходитъ въ область преданій и, вѣроятно, вскорѣ пріобрѣтетъ легендарный характеръ—вскорѣ потому, что съ шестидесятихъ годовъ минувшаго столѣтія русская жизнь пошла ускореннымъ ходомъ. Великія реформы тѣхъ годовъ положили у насъ конецъ старому міру и старому духу; онѣ (не во гнѣвъ будь сказано ихъ противникамъ) широко распахнули ворота для новой, лучшей жизни нашей родины. Пусть мы бредемъ пока по новой дорогѣ робко и неуверенно, озираясь и, по новости дѣла, относясь съ опаскою ко многому такому, что не должно бы страшить разсудительныхъ людей, — это не бѣда: важно то, что залежавшаяся при крѣпостномъ правѣ Россія встала, наконецъ, на ноги и тронулась въ дорогу, пошла отыскивать свою «судьбу». Мы, старики, должны отъ всего сердца пожелать ей счастливаго пути.

«Что было, то не будет вновь»; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы бывое подлежало забвенію. Напротивъ, тѣмъ подробнѣе будетъ оно возстановлено въ правдивыхъ очеркахъ, тѣмъ легче будетъ воспользоваться прошлымъ для нуждъ настоящаго. Въ этомъ смыслѣ даже очерки, написанные зауряднымъ человѣкомъ, не игравшимъ никакой общественной роли, не могутъ быть совсѣмъ уже бесполезны. Поучительно читать мемуары государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также записки людей, близко стоявшихъ къ нимъ; но не мѣшаетъ иногда прислушаться и къ голосу человѣка изъ толпы, жившаго ея думами и интересами. Быть можетъ, и въ его безпритязательныхъ воспоминаніяхъ отыщется та или другая черточка, которая когда-нибудь пригодится при составленіи общей картины миновавшей эпохи. Надо только, чтобы воспоминанія изложены были правдиво, безъ ухищреній и подтасовокъ, безъ тенденціозной окраски описываемыхъ лицъ и явленій. Именно такого изложенія я и намѣренъ держаться въ моихъ запискахъ.

Въ годы моего дѣтства существовало одно основное воззрѣніе, раздѣляемое нынѣ уже лишь очень немногими: полагали, что не всѣ люди рождаются одинаково. Одни признавались благородными (*enfants bien-nés*), а другіе «простыми». Такое дѣленіе людей на два несходныхъ между собою сорта служило источникомъ множества нелѣпостей въ людскихъ отношеніяхъ. Человѣкъ благородный считалъ унижительнымъ для себя водиться съ людьми, родившимися въ «простомъ» званіи, а между тѣмъ почти всегда былъ обязанъ имъ тѣмъ, что могъ, не трудясь самъ, жить на ихъ средства. Водиться съ ними признавалось неприличнымъ, а жить трудами ихъ рукъ не только не считалось зазорнымъ, но даже вмѣнялось въ достоинство. Въ большемъ почетѣ бывалъ тотъ, у кого больше было кормильцевъ изъ простаго званія; кто же кормильцевъ имѣлъ мало, или вовсе не имѣлъ, къ тому относились уже съ меньшимъ почтеніемъ, цѣня въ немъ единственно только благородное происхожденіе. Кормильцы же, крестьяне, вопреки всякой логикѣ, называли своими кормильцами именно тѣхъ благородныхъ «господъ», которыхъ сами же кормили. Подобныя отношенія, кажуціяся теперь верхомъ нелѣпости, считались въ тѣ времена правильными—и даже настолько, что всякая критика ихъ приравнивалась къ «потрясенію основъ».

Мнѣ посчастливилось оказаться въ числѣ *des enfants bien-nés*, за что я, впрочемъ, весьма признателенъ судьбѣ. Не будь этой случайности и родился я въ «простомъ» званіи, житейскій путь мой былъ бы совершенно иной и, во всякомъ случаѣ, болѣе обильный терніями. Оба дѣда мои—со стороны отца и со стороны матери—а потомъ и мои родители, владѣли извѣстнымъ (хотя и небольшимъ) числомъ «простыхъ» людей,

т. е. были помѣщиками. Въ нынѣшнее время было бы дико услышать, что такой-то «владѣть» людьми, владѣть настолько, что можетъ въ любую минуту сдѣлать съ ними, что ему взбредетъ въ голову: женить или выдать замужъ по собственному произволу, продать, вымѣнять на салопа или на свору собакъ, засѣчь или сдать на всю жизнь въ солдаты. Но въ дни моего дѣтства это ничуть не казалось дикимъ или противоестественнымъ, а, напротивъ, представлялось совершенно натуральнымъ. Разъ люди пріобрѣтены покупкою или пожалованы въ награжденіе, то почему же и не «владѣть» ими? Мы, дворянскія дѣти, уже съ первыми проблесками сознанія, воспринимали представленіе, что всѣ эти Прошки, Ѳедьки, Палашки только для того и рождаются, чтобы принадлежать тому или другому барину. Въ пору нашего ранняго дѣтства намъ ни откуда не доводилось слышать даже намека на то, что это могло бы быть и иначе. Сами крѣпостныя нянюшки — эти самоотверженныя существа, съ которыми насъ обыкновенно соединяла горячая взаимная привязанность — сами онѣ признавали крѣпостническія отношенія дѣломъ совершенно нормальнымъ. Съ ихъ стороны бывали порою сѣтованія (да и то по секрету) на чрезмѣрную крутость тѣхъ или другихъ «господь», но въ этомъ усматривали онѣ единственно несчастную для крестьянъ случайность, которая нисколько не колебала сущности рабовладѣнія, какъ неоспоримаго принципа. Нетрудно представить себѣ, какъ растлѣвался дѣтскій умъ въ средѣ убѣжденныхъ въ своей правотѣ рабовладѣльцевъ и покорныхъ своей участи рабовъ. Въ памяти моей запечатлѣлось происшествіе, случившееся со мною, когда мнѣ было (если не ошибаюсь) лѣтъ пять.

Мы гостили у одной изъ моихъ бабушекъ, въ ея имѣніи близъ Николаева, Херсонской губерніи. Однажды, блуждая одинъ по саду¹⁾, я пролѣзъ сквозь плетень на задній дворъ; здѣсь я былъ крайне пораженъ, увидѣвъ красиваго смуглаго молодого человѣка въ кучерской поддевкѣ, который вышелъ въ ту минуту изъ-за сарая. Поразило меня то, что ноги его были закованы въ кандалы, которыхъ я до тѣхъ поръ не видывалъ и не зналъ значенія. Молодой человѣкъ съ ласково-грустной улыбкой молча смотрѣлъ на меня, а я смотрѣлъ на него. Болѣе 50-ти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я и до сихъ поръ помню его добрый, печальный взглядъ, да и вообще всю эту сцену нашего неожиданнаго свиданія. Осмотрѣвшись по сторонамъ, онъ поманилъ меня къ себѣ, завелъ за сарай и осторожнымъ, пониженнымъ голосомъ сказалъ мнѣ, что сейчасъ сдѣлаетъ мнѣ хорошій кнутикъ. Пока онъ дѣлалъ кнутикъ, я съ любопытствомъ оцупывалъ на немъ кандалы и, наконецъ, спро-

---

¹⁾ Вѣроятно, я попалъ туда безъ провожатаго по недосмотру нянюшки, которой, можетъ быть, потомъ и досталось за это.

силъ его, зачѣмъ онъ ихъ носить. Оказалось, что кандалы надѣты на него по приказанію бабушки, въ наказаніе за что-то. Человѣкъ этотъ говорилъ по-русски, что нечасто встрѣчалось тогда подъ Николаевомъ; въ послѣдствіи мнѣ стало извѣстно, что онъ былъ купленъ бабушкой въ одной изъ внутреннихъ губерній, откуда и переселенъ въ Новороссію.

Помнится, мнѣ стало очень жаль этого человѣка, и я не сомнѣвался, что бабушка скоро проститъ его, потому что она добрая; но чѣмъ могъ онъ заслужить эту кару и почему меня самого никогда не заковывали въ кандалы ни за какія провинности,—эти вопросы едва-ли остановили тогда на себѣ мое вниманіе. Осчастливленный подареннымъ мнѣ кнутикомъ, я тотчасъ же по возвращеніи домой освѣдомился у бабушки о добромъ человѣкѣ въ кандалахъ и живо помню такъ огорчившій меня тогда сухой и короткій отвѣтъ бабушки. Она сказала, что это не мое дѣло, что я еще слишкомъ малъ и что будетъ гораздо лучше, если я займусь какою-нибудь игрою. Отчего этотъ черствый отвѣтъ навсегда остался въ моей памяти? И отчего до сихъ поръ, несмотря на протекшіе съ того времени десятки лѣтъ, я какъ теперь вижу передъ собою еще одного человѣка, произведшаго на меня тогда сильнѣйшее впечатлѣніе? То была бабушкина комнатная дѣвушка. Я давно уже забылъ ея имя, но и донинѣ вспоминаю ея молодое, искаженное ужасомъ лицо въ ту памятную для меня минуту. Она стояла въ бабушкиной спальнѣ, подъ образами. На ней было затрапезное платьѣ изъ домашней пестрядины; обнаженная шея ея была сплошь искусава блохами—это рѣзко запечатлѣлось въ моей памяти (вмѣстѣ съ другими дѣвучками двора, эта дѣвушка спала обыкновенно въ дѣвичьей на полу, на тонкой войлочной подстилкѣ). Расширившимися отъ страха глазами она въ упоръ смотрѣла въ лицо бабушкѣ, наносившей ей, одинъ за другимъ, звонкіе удары туплею по щекамъ, и при каждомъ ударѣ, зажмуриваясь, вздрагивала. Дочь бабушки—моя тетка—въ то время невѣста, сидѣла тутъ же неподалеку и спокойно поправляла передъ зеркаломъ свою прическу; происходившая въ ея присутствіи расправа, очевидно, ни мало не беспокоила ее. Помню, что я съ плачемъ бросился къ бабушкѣ, обнялъ ее около колѣнъ (выше не могъ достать по малому росту) и началъ умолять ее, чтобы она простила дѣвучку. Но экзекуція и безъ того уже подходила къ концу: еще нѣсколько ударовъ, и просьба моя была услышана. Бабушка прогнала «поганку» вонъ, и дѣвушка со всѣхъ ногъ бросилась изъ комнаты. Мнѣ же прочитана была нотація за неумѣстное появленіе въ спальнѣ, причѣмъ было объяснено, что дѣвка эта—дрянная тварь, что не бить ее нѣтъ никакой возможности и проч. А такъ какъ я все еще продолжалъ плакать, то бабушка тотчасъ же ве-

лѣла запречь въ мою телѣжку имѣвшихся у нея двухъ ученыхъ козловъ, чтобы я могъ развлечься катаньемъ по деревнѣ.

Я хорошо знаю, что ни бабушка, хлеставшая дѣвушку по щекамъ туфлюю, ни тетка, спокойно разглядывавшая себя при этомъ въ зеркалѣ, не были, въ сущности, ни жестоки, ни даже просто злы; но ни той, ни другой такое обращеніе съ беззащитнымъ человѣкомъ нисколько не казалось противорѣчающимъ хотя бы простому чувству порядочности. Впослѣдствіи, уже юношею, я узналъ и причину, вызвавшую какъ этотъ эпизодъ съ дѣвушкой, такъ и появленіе на заднемъ дворѣ человѣка въ кандалахъ. Причиной была «преступная» любовь между обоими этими лицами. Преступною же любовь эта оказалась потому, что бракъ ихъ не входилъ въ расчеты бабушки, не желавшей лишиться своей служанки. Я слышалъ потомъ, что дѣвушкѣ остригли косу и выдали несчастную за свинопаса, такъ что хотя бабушка и лишилась-таки ея комнатныхъ услугъ, но за то порокъ былъ, по крайней мѣрѣ, наказанъ, и основы помѣщичьей власти остались не потрясенными. Человѣкъ же, за любовь свою поплатившійся кандалами, сталъ—какъ рассказывали—буйствовать, былъ нѣсколько разъ сѣченъ до полусмерти, но такъ и отбился отъ рукъ. Въ виду этого, его, какъ «мерзавца» и человѣка отпѣтаго и ни на что уже не годнаго, сдали, наконецъ, въ солдаты. Вѣроятно, предполагалось, что на дѣло защиты отечества онъ все-таки годится.

Не сомнѣваюсь, что немало подобныхъ эпизодовъ осталось въ памяти всѣхъ вообще моихъ сверстниковъ, росшихъ въ одинаковыхъ со мною условіяхъ. Тѣ изъ нихъ, которыхъ судьба надѣлила въ дѣтскомъ возрастѣ извѣстною впечатлительностью, выросли въ то темное время среди полной путаницы понятій и чувствъ. Инстинктивный ужасъ, который вызывали въ насъ различныя потрясающія сцены, непостижимымъ образомъ уживался въ нашихъ сердцахъ съ любовью къ роднымъ, «владѣвшимъ» людьми на общемъ основаніи, т. е. на всей своей волѣ. Вся обстановка нашего дѣтства была такова, что усыпляла въ насъ всякую попытку вникнуть въ сущность отношеній между «людьми» и «господами». Многимъ изъ людей нашего круга даже до послѣднихъ лѣтъ юности едва удавалось освободиться отъ взглядовъ и привычекъ, усвоенныхъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ, а нѣкоторыхъ сама крестьянская реформа застала совершенно неподготовленными. Оказались, наконецъ, и такіе, которые донныи считаютъ отпѣну крѣпостного права историческою ошибкой. И пусть себѣ считаютъ: того, что было, имъ все равно не вернуть.

Къ счастью для моего развитія, я лишь самое раннее дѣтство провелъ въ тогдашней деревнѣ: по шестому году родители мои взяли меня

съ собою въ Петербургъ. Здѣсь я попалъ уже въ гораздо лучшую атмосферу. Отецъ мой, быть можетъ, и не былъ безусловнымъ противникомъ крѣпостныхъ отношеній, но, сколько я помню, а потомъ слышалъ и отъ другихъ, никогда не злоупотреблялъ ими. Онъ принадлежалъ къ числу просвѣщенныхъ людей того времени, т. е. конца сороковыхъ годовъ, люди же эти, какъ извѣстно, хотя и придерживались гуманныхъ взглядовъ, но, въ большинствѣ, отъ помѣщичьихъ правъ своихъ не отказывались. Мой отецъ водилъ знакомство съ нѣкоторыми изъ писателей кружка Бѣлинскаго, которые, при всей просвѣщенности своихъ общихъ взглядовъ, съ спокойною совѣстью продолжали пользоваться даровымъ трудомъ своихъ крестьянъ. Онъ, конечно, раздѣлялъ ихъ убѣжденія, а можетъ быть и ихъ конечные выводы. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что вліяніе этого кружка отразилось на немъ благотворно. Состоя на службѣ, онъ былъ свободенъ отъ пресмыкательства передъ вліятельными людьми и былъ вообще, какъ говорятъ, «порядочнымъ человѣкомъ». Онъ много читалъ, началъ было принимать активное участіе въ литературѣ, напечатать въ «Современникѣ» обширную біографію Байрона, но вскорѣ умеръ въ расцвѣтѣ лѣтъ, не успѣвъ составить себѣ литературное имя. Такихъ людей, какъ онъ, было тогда въ Петербургѣ уже немало, и въ семьяхъ ихъ дѣти, конечно, находились въ лучшихъ воспитательныхъ условіяхъ, чѣмъ въ провинціи.

Припоминая время моего ранняго дѣтства, я вижу, что отецъ мой былъ превосходнымъ педагогомъ. Шутя и играя со мною по вечерамъ, онъ незамѣтно научилъ меня чтенію и письму по-русски и по-французски. Но главное, что не часто встрѣчается въ заурядныхъ семьяхъ, какъ онъ, такъ и моя мать съумѣли поставить себя со мною такъ, что я всегда и во всемъ былъ совершенно откровененъ съ ними, не говоря уже о томъ, что я безпредѣльно любилъ ихъ. Я никогда не утаивалъ отъ нихъ ни одного изъ своихъ поступковъ. Зато и наказаній я не испытывалъ никакихъ: ихъ замѣняли спокойныя разъясненія. Въ нашемъ домѣ не было мѣста нелѣпой педагогической теоріи, по которой всякій проступокъ долженъ непременно влечь за собою, какъ логическое слѣдствіе, соответственное возмездіе, причемъ забота педагога должна, будто бы, заключаться въ томъ, чтобы ребенокъ самъ видѣлъ, что слѣдствіе неизбежно вытекаетъ изъ причины. У насъ было проще: бывало, расскажешь о какой-нибудь своей шалости, а отецъ (или мать, смотря по случаю) только покачаетъ головой и скажетъ что-нибудь въ родѣ того, что «вотъ ужъ, молъ, никакъ не ожидалъ отъ тебя такой глупости; вѣдь отъ этого могло бы произойти то-то и то-то». И все это ничуть не докторальнымъ тономъ наставника, всегда несноснымъ для дѣтей, а просто и естественно, какъ говорятъ съ товарищемъ, котораго любятъ. Я высоко цѣню эту воспитательную манеру и на всю жизнь

сохранилъ самую теплую память объ отцѣ и матери. Манера эта мало того, что способствуетъ развитію сообразительности въ ребенкѣ, но еще и зарождаетъ въ немъ чувство собственного достоинства. Сколько благихъ послѣдствій могло бы имѣть ея примѣненіе и въ семьяхъ, и въ учебныхъ заведеніяхъ!

Вскорѣ послѣ нашего переселенія въ Петербургъ, мать моя, едва достигшая двадцативосьмилѣтняго возраста, умерла, оставивъ намъ моего новорожденного брата. Мы съ маленькою сестрой часто ходили смотрѣть его въ ту комнату, гдѣ стояла его люлька и жила кормилица. Поднявшись на цыпочки, мы (ради устойчивости) опирались носами о край люльки и съ любопытствомъ разглядывали маленькую красную рожицу брата, теряясь въ соображеніяхъ о томъ, откуда онъ взялся. Сестра моя, старше меня двумя годами, сильно горевала о матери, я же какъ-то довольно скоро утѣшился: я еще не понималъ значенія смерти и, кажется, считалъ отсутствіе матери временнымъ. Что касается отца, то онъ, переболѣвъ своимъ горемъ, черезъ полтора года женился вторично—быть можетъ, ради насъ, дѣтей, которыхъ не рѣшался поручить навсегда боннѣ, прісканной имъ для насъ послѣ смерти матери. Впрочемъ, мачиха прожила съ нами всего годъ и умерла въ холеру 1852 г. Подъ влияніемъ этихъ ударовъ, здоровье отца серьезно разстроилось; онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку и перебраться на югъ. Очевидно, не желая жить въ небольшомъ родовомъ малороссійскомъ имѣніи, которое предоставлено было имъ въ распоряженіе его вдовствовавшей матери ¹⁾, онъ принялъ мѣсто секретаря или, скорѣе, компаніона, у

¹⁾ Любопытная подробность. Имѣніе бабушки я посѣтилъ впервые послѣ дѣтства черезъ десятокъ лѣтъ, причемъ поневолѣ познакомился съ нѣсколькими сосѣдними помѣщичьими семьями. Изъ окрестныхъ некрупныхъ помѣщичь (въ районѣ 15 верстъ въ окружности) единственною грамотною женщиной была моя бабушка. Остальныя не только не умѣли ни читать, ни писать, но и разговоры вели слогомъ кухарокъ. Это было въ 1863 г., въ малороссійскомъ мѣстечкѣ, находившемся въ разстояніи всего 25 верстъ отъ уѣзднаго города. Маленькія помѣщичьи дѣти почти ничѣмъ не отличались отъ деревенскихъ крестьянскихъ мальчиковъ: такъ же ходили грязными и босоногими, такъ же вели себя дикарами при постороннихъ и, наравнѣ съ уличными дѣтьми, находили развлеченіе въ забрасываніи щенковъ и котятъ въ рѣку, въ выколупываніи глазъ у пойманныхъ птицъ и т. п. Домъ бабушки считался въ округѣ аристократическимъ только потому, что въ немъ была мягкая пружинная мебель и обѣдненный столъ сервировался чисто; у большинства сосѣдей обѣдали даже безъ скатерти. Мнѣ припоминается забавный эпизодъ: къ бабушкѣ пріѣхала съ визитомъ одна изъ сосѣдокъ, довольно зажиточная помѣщица, толстая и потливая особа. Не имѣвъ до тѣхъ поръ случая видѣть пружинную мебель, она съ размаха грузно опустилась на мягкое кресло. Пружины подъ нею подались, и она, испуганная этою неожиданностью, закричала благимъ матомъ, прекомично брык-

богача-помѣщика, графа А., очень цѣнившаго моего отца и пожелавшаго дѣлать съ нимъ свои занятія и досуги. Чтѣ было дѣлать съ нами? Малютку-брата отправили съ родственницею въ Малороссію, къ бабушкѣ, а меня съ сестрою отецъ рѣшилъ помѣстать въ нѣмецкіе пансіоны, пользовавшіеся въ то время прекрасною репутаціей: одинъ изъ нихъ былъ въ Дерптѣ (нынѣ Юрьевъ), а другой неподалеку оттуда, въ Верро. Отецъ, какъ ни былъ слабъ отъ болѣзни, самъ отвезъ насъ туда.

Въ то время желѣзныхъ дорогъ было только двѣ: Царскосельская да Николаевская, по которой ѣздили въ Москву, кажется, около двухъ сутокъ. Въ Дерптъ надо было ѣхать на лошадахъ, чтѣ было сопряжено съ немалыми хлопотами. Для большихъ поѣздокъ брали обыкновенно на прокатъ у каретника грузный и неуклюжій, но крѣпкій тарантасъ, способный выдержать ѣзду по ухабистымъ дорогамъ. Заготавлились запасы провизіи, такъ какъ на почтовыхъ станціяхъ нельзя было бы найти ничего, кромѣ помятаго и нечищеннаго самовара. Позади тарантаса привязывали сундукъ съ вещами и чемоданъ, да, сверхъ того, на крышкѣ экипажа укрѣпляли широкій плоскій ящикъ, называвшійся «важей» и тоже предназначенный для укладки вещей. А въ дорогѣ надо было почаще выглядывать изъ тарантаса, чтобы убѣдиться, не срѣзаны ли чьей-нибудь злоумышленною рукою привязанные сзади сундукъ и чемоданъ, потому что на большихъ дорогахъ въ ту пору сильно «пошаливали». Кромѣ того, надо было заручиться «подорожною», въ которой прописывалось, что ѣдетъ-де надворный совѣтникъ такой-то «съ будущимъ», причемъ путнику предоставлялось самому догадываться, чтѣ можетъ означать эта непонятная приписка. Затѣмъ оставалось послать на почтовую станцію за тройкою лошадей, которыя и являлись къ дому, понурья и разбитыя на ноги; на одной изъ нихъ сидѣлъ верхомъ ямщикъ, съ дугою и связкою возжей въ рукѣ.

Мы съ сестрою съ любопытствомъ смотрѣли изъ окна, какъ ямщикъ нашъ запрягалъ лошадей; помнится, я очень завидовалъ ему, такъ какъ самъ желалъ бы сидѣть на козлахъ и править тройкой. Тѣмъ временемъ, прислуга укладывала все нужное въ тарантасъ. Въ одинъ изъ его боковыхъ кармановъ была засунута неизбѣжная при тогдашнихъ путешествіяхъ жареная курица, завернутая въ синюю сахарную бумагу. Наконецъ, все готово; отецъ, сестра и я, одѣтые по-дорожному, выходимъ и садимся поудобнѣе на своихъ мѣстахъ; поклоны прощающихся, всхлипываніе оставляемой въ городѣ нянюшки... «Съ Богомъ, трогай!»

нувъ ногами въ воздухъ. Помню также одного помѣщика, съ интересомъ спрашивавшаго меня о желѣзной дорогѣ и никакъ не хотѣвшаго повѣрить, что паровозъ ходитъ самъ, безъ лошадей. Онъ настаивалъ, что этого быть не можетъ, и что лошади навѣрное только скрыты, для вида, внутри паровоза.

И тарантась, дребезжа всёми желѣзными частями, выѣзжаетъ со двора на улицу и начинаетъ подпрыгивать по убійственной булыжной мостовой. На козлахъ сидитъ въ небрежной позѣ, бокомъ, ямщикъ въ заношенной поярковой шапкѣ съ павлиньимъ перомъ, а рядомъ съ нимъ помѣщается незадолго передъ тѣмъ появившійся въ нашемъ домѣ молодой человекъ со странною кличкою «Вардакъ». О немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Изъ оставшихся послѣ смерти моего отца бумагъ мнѣ отчасти извѣстна судьба этого человека. Вардакъ былъ дворовымъ одного малороссійскаго помѣщика и, сколько можно догадываться, не пользовался его расположеніемъ; по крайней мѣрѣ, помѣщикъ пожелалъ, въ видѣ любезности за какую-то услугу, «подарить» Вардака моему отцу, какъ дарятъ щенятъ добрымъ знакомымъ. Отецъ подарка не принялъ, а предложилъ за Вардака опредѣленную годовую плату и, съ согласія помѣщика, взялъ его съ собою въ Петербургъ. Вардакъ оказался добрымъ, но довольно глупымъ и крайне лѣнивымъ малькомъ. У насъ онъ прижился и видимо былъ доволенъ своею новою судьбой: онъ быстро раздобылъ и всегда бывалъ въ отличномъ расположеніи духа. Мнѣ неразъ случалось заставить его за его любимую забаву: выкидываніемъ ружейныхъ приемовъ кочергой. Онъ и во мнѣ стремился развить любовь къ этой забавѣ, но не имѣлъ въ томъ успѣха, такъ какъ меня въ то время манила другая мечта—сдѣлаться ямщикомъ. Тѣмъ не менѣе, между нами установились извѣстнаго рода дружественныя отношенія, и я очень огорчился бы, если бы зналъ, что была минута, когда мы съ нимъ были на волосъ отъ разлуки. По причинамъ, оставшимся неизвѣстными, владѣлецъ Вардака неожиданно возымѣлъ противъ отца моего злобу, тупую и упорную, къ какой особенно способны малороссы. Онъ послалъ въ полицію доносъ, въ которомъ заявлялъ, что по случайно дошедшимъ до него слухамъ, его бѣглый дворовый человекъ укрывается у такого-то надворнаго совѣтника (имя рекъ). Словомъ, онъ обвинилъ моего отца въ пристанодержательствѣ. Началось, какъ водится, изнурительное дѣло, сопровождавшееся, по тогдашнему обыкновению, обширною перепиской и доходившее почему-то до третьяго отдѣленія. Чѣмъ кончилась эта исторія на бумагѣ, я не знаю, но догадываюсь, что козни злобнаго помѣщика были разоблачены, потому что Вардакъ остался у насъ и, какъ уже сказано, сопутствовалъ намъ въ поѣздкѣ въ Дерптъ и Верро, сидя въ ватномъ картузѣ на козлахъ тарантасы.

Описывать эту поѣздку нѣтъ надобности; достаточно сказать, что она, какъ и всякія поѣздки въ то время, сопряжена была съ немалыми неудобствами и проволочками. На каждой станціи производилась прописка подорожной, причемъ моему больному, измученному дорогой

отцу приходилось всюду вести одни и тѣ же изнурительные разговоры со станціонными зрителями: всѣ они, словно сговорившись, сперва увѣряли и клялись, что свободныхъ лошадей нѣтъ, а потомъ все-таки находили вужную намъ тройку. Въ пути, мы почевали на одной изъ грязныхъ станцій, расположившись на принесенныхъ въ комнату ворохахъ сѣна.

Въ Дерптѣ мы пріѣхали около полудня и остановились въ какой-то гостинницѣ, на дворѣ которой, какъ разъ въ это время, уличные акробаты давали представленіе. Дворъ былъ наполненъ собравшеюся съ улицы публикой; изъ оконъ гостинницы торчали высунувшіяся до половины фигуры любопытствующихъ изъ проезжающихъ. Помню, что во всей гостинницѣ не оказалось ни одного человѣка, который понималъ бы по-русски; изъ насъ же троихъ никто не зналъ по-нѣмецки. Поэтому заказываніе обѣда представляло собою не столько разговоръ, сколько пантомиму. Помнится, что намъ и подали совсѣмъ не то, чего мы хотѣли. Переговоры съ директрисою пансіона, куда на другой день отецъ отвезъ мою сестру, происходили на французскомъ языкѣ, потому что директриса тоже не знала по-русски.

Не безъ слезъ простившись съ сестрою, я поѣхалъ съ отцомъ, все въ томъ же тарантасѣ, и съ тѣмъ же Вардакомъ на козлахъ, далѣе въ Верро. Этотъ маленькій, очень скромнаго вида, но чистенькій городокъ Лифляндіи славился въ то время пансіономъ почтеннаго г. Гершельмана, куда и опредѣлилъ меня отецъ. Пансіонъ помѣщался въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, одинъ фасадъ котораго выходилъ въ просторный садъ, а за садомъ было озеро, служившее зимою питомцамъ Гершельмана для катанія на конькахъ. Я съ живѣйшею признательностью вспоминаю о времени, проведенномъ мною въ этомъ пансіонѣ. Не знаю, существовало ли у насъ въ то время и существуетъ ли теперь другое учебное заведеніе, въ которомъ дѣло воспитанія было бы поставлено такъ хорошо, какъ у Гершельмана. По типу онъ отчасти походилъ на извѣстныя англійскія среднеучебныя заведенія, въ родѣ Итонскаго и Гарроускаго, съ тою разницею, что онъ былъ свободенъ отъ свойственнаго этимъ британскимъ училищамъ кастоваго духа и аристократизма. Никакихъ различій по сословіямъ здѣсь не дѣлалось, и пансіонская жизнь носила чисто семейный характеръ. Гершельманъ и его жена, завѣдывавшая хозяйствомъ, относились къ воспитанникамъ съ истинно родительскою ласкою, участливо входили въ ихъ маленькіе личные интересы и своимъ добрымъ, всегда ровнымъ обращеніемъ съ мальчиками умѣли снискать ихъ общую любовь и уваженіе. Обѣдали мы всѣ за общимъ столомъ, въ присутствіи супруговъ Гершельманъ, причемъ директриса, точно мать большой семьи, сама разливала супъ. Директоръ, видомъ своимъ напоминавшій лютеранскаго пастора, открывалъ трапезу

чтеніемъ молитвы по-нѣмецки, а когда, по окончаніи обѣда, мы поочередно подходили къ нему благодарить, онъ степенно напутствовалъ каждого сокращеннымъ: «Mahlzeit!» послѣ чего мы весело гурьбой отправлялись рѣзвиться въ садъ, какая бы ни была погода. Въ саду имѣлись и гимнастическіе аппараты, и кегельбанъ для болѣе сильныхъ, и особая площадка для метанія деревянныхъ копій и дисковъ; на озерѣ стояла купальня, а зимою устраивался катокъ. Вообще, для физическихъ упражненій дѣтей сдѣлано было все, что только возможно, и я не помню изъ среды моихъ товарищей ни одного блѣднаго или унылаго мальчика, въ родѣ тѣхъ, какими изобилуетъ среда современныхъ учениковъ. Всѣ были бодры, подвижны, жизнерадостны.

Еще одна особенность, сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчающаяся ни въ какомъ другомъ учебномъ заведеніи: каждому изъ насъ директоръ ежемѣсячно выдавалъ на руки карманныя деньги (Taschengeld), причемъ расходованіе ихъ мы должны были записывать въ особыя тетрадки, подлежащія контролю директора по истеченіи мѣсяца. Выдача была невелика — всего по 20 коп. въ мѣсяцъ, но важно было то, что, располагая собственными деньгами, мы до извѣстной степени приучались къ самостоятельности въ поступкахъ. Часть денегъ мы сберегали, чтобы смастерить себѣ какой-нибудь замысловатый костюмъ (преимущественно изъ цвѣтной бумаги) ко дню рожденія директора, когда въ пансіонѣ устраивался маскарадъ. День этотъ былъ для насъ днемъ общаго веселья: мы искренно любили Гершельмана. Въ тайнѣ отъ него, ради вящаго эффекта, сооружались вензеля и гирлянды изъ бумажныхъ цвѣтовъ, фонарики, транспаранты и картонныя щиты, и всѣмъ этимъ украшаема была къ торжественному дню большая рекреационная зала. Старшій классъ заготовлялъ стихотворныя и прозаическія поздравленія директору и его женѣ, разучивалъ пѣсни и хоралы, и придумывалъ общую программу праздника. Надо было видѣть, какое одушевленіе господствовало въ разукрашенной залѣ, когда вечеромъ, при свѣтѣ горѣвшихъ въ кенкетахъ салновыхъ свѣчей (стеариновыхъ тогда еще и въ заводѣ не было), она наполнялась веселою толпой мальчишекъ въ одеждѣ рыцарей, матросовъ, бандитовъ, индѣйцевъ и т. п. Растроганный и радостный, возсѣдалъ старикъ Гершельманъ, рядомъ съ его милою женой, на убранныхъ бумажными цвѣтами креслахъ, любуясь общимъ весельемъ. На торжество приглашались также и члены мѣстныхъ бургерскихъ семей, съ дочерьми; устраивались танцы и игры, смѣнявшіяся музыкою и хоровымъ пѣніемъ. Чистыя, свѣтлыя впечатлѣнія выносили мы съ этихъ вечеровъ.

Подборъ преподавателей въ пансіонѣ былъ настолько хорошъ, что ученіе во всѣхъ классахъ шло безъ заминки, лѣнивыхъ и отсталыхъ почти не бывало. Учителя, очевидно, умѣли заинтересовать своихъ

слушателей; къ тому же и слушатели-то были все здоровые, бодрые мальчики. Мое положеніе у Гершельмана оказалось, однако, на первых порахъ, очень затруднительнымъ: я ни слова не зналъ по-нѣмецки, а въ пансіонѣ никто не понималъ по-русски; лишь нѣсколько времени спустя прибылъ туда маленькій сынъ француза-парикмахера изъ Петербурга, свободно владѣвшій русскимъ языкомъ. Впрочемъ, можетъ быть именно вслѣдствіе трудности положенія, вышло какъ-то такъ, что я довольно скоро освоился съ нѣмецкою рѣчью, а потомъ и овѣмечился настолько, что даже пріучился думать по-нѣмецки. Къ сожалѣнію, впоследствии, по переходѣ въ гимназію, я въ значительной степени утратилъ пріобрѣтенный въ Верро навыкъ въ нѣмецкомъ разговорѣ.

Поступивъ въ пансіонъ весною, я вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими мальчиками остался тамъ и на каникулы, тогда какъ большинство другихъ моихъ товарищей разъѣхалось по домамъ. Остался же я потому, что отецъ мой, уѣхавъ въ Малороссію, въ имѣніе графа А., умеръ въ дорогѣ, о чемъ я узналъ только спустя годъ. Объ этомъ каникулярномъ времени я храню самое пріятное воспоминаніе. Вмѣстѣ съ товарищами, подъ руководствомъ одного изъ учителей, мы совершали экскурсіи въ окрестности Верро, слегка гербаризировали, рисовали съ натуры (воображаю, каковы были наши рисунки!), посѣщали развалины какого-то стариннаго замка, о бывшихъ владѣльцахъ котораго ходили мрачныя легенды; словомъ, большую часть времени мы проводили на лонѣ природы. И чѣмъ дольше жилъ я въ пансіонѣ, тѣмъ сильнѣе привязывался къ нему. Много ли найдется учебныхъ заведеній, которыя, подобно гершельмановскому, оставляли бы по себѣ добрую память въ ихъ питомцахъ? Теперь, когда поднялись у насъ толки о школьной реформѣ, я невольно обращаюсь мыслью къ дорогому для меня пансіону Гершельмана, какъ къ образцу, котораго слѣдовало бы держаться. Говорятъ, вѣтъ людей для подбора надлежащаго педагогическаго персонала. Но отчего же тогда, въ ту уже далекую отъ насъ пору, найти такихъ людей, при добромъ желаніи, было возможно?

II.

Мой переѣздъ въ Петербургъ.—П. Г. Рѣдкинъ.—Петропавловская школа.—Пансіонъ Софьи Ивановны.—Н. И. Пироговъ.—Оживленіе въ домѣ дяди послѣ окончанія крымской кампаніи.—Н. А. Милютинъ.

Въ пансіонѣ Гершельмана я пробылъ года полтора: за смертью отца, заботу обо мнѣ взялъ на себя его двоюродный братъ, мой дядя,

жившій въ Петербургѣ и, по просьбѣ бабушки, согласившійся заняться устройствомъ моей судьбы. Тяжело было мнѣ разставаться съ четою Гершельманъ, къ которой я успѣлъ всѣмъ сердцемъ привязаться, но надо было ѣхать въ столицу. Найдены были надежный человекъ для препровожденія моего въ Дерптъ, откуда мы съ сестрою поѣхали въ Петербургъ—сколько помнится, въ дилижансѣ. Тотъ же надежный человекъ доставилъ насъ обоихъ на дядину квартиру.

Дядя мой, Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ, былъ человекъ далеко не заурядный. Родомъ малороссъ, сынъ городничаго въ Ромнахъ (Полтавской губ.), онъ въ раннихъ лѣтахъ обнаружилъ большую охоту и способность къ ученію и, благодаря хорошимъ средствамъ родителей, получилъ наилучшую первоначальную подготовку, какую только можно было въ тѣ времена ¹⁾ получить въ провинціальномъ городѣ. Затѣмъ онъ былъ отданъ въ Нѣжинскій лицей Безбородко. Родители очень гордились его учебными успѣхами, заранѣе суля ему блестящую служебную карьеру. Каково же было ихъ удивленіе и неудовольствіе, когда сынъ ихъ, по окончаніи лицейскаго курса, заявилъ имъ о своемъ намѣреніи посвятить себя не службѣ, а ученой дѣятельности! Онъ пожелалъ поступить въ Московскій университетъ, окончилъ тамъ курсъ и былъ посланъ въ Дерптъ, въ университетъ котораго правительство направило тогда нѣсколькихъ молодыхъ людей, въ видахъ подготовки ихъ къ занятію профессорскихъ кафедръ. Дядинъ отецъ, какъ рассказывалъ мнѣ позже самъ дядя, съ университетскимъ образованіемъ еще мирился, но о безразсудной, на его взглядъ, затѣвѣ сына посвятить себя профессурѣ и слышать не хотѣлъ. Должность профессора представлялась ему такою же низменною, какъ и учительская; пустить же сына въ «учителишки» онъ считалъ унизительнымъ для своего городническаго достоинства. Мать дяди плакала навзрыдъ, предвидя гибель карьеры сына и позоръ для семьи. Но сынъ стоялъ на своемъ; ни приказанія отца, ни заклинанія матери не могли сломить упорства будущаго профессора: недаромъ онъ былъ хохоль. Вышла размолвка, но сынъ все-таки уѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ и началъ упорно работать, терпѣливо вынося лишенія, пріостекавшія изъ скудости средствъ, отпускавшихся ему отцомъ, упрямымъ не менѣ сына. Цѣли своей настойчивый юноша, какъ извѣстно, добился: въ концѣ тридцатыхъ годовъ онъ, вмѣстѣ съ группою другихъ кандидатовъ на профессуру, былъ посланъ на казенный счетъ за-границу. Едва-ли не пѣшкомъ исходилъ онъ всю Европу, потомъ засѣлъ въ Берлинѣ и сталъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ Гегеля. Память этого философа онъ свято чтилъ во всю свою послѣдующую жизнь; въ кабинетѣ его, много лѣтъ спустя, всегда висѣла, вѣшанная въ рамку

¹⁾ Онъ родился въ 1808 г.

краткая собственноручная надпись Гегеля на его имя ¹⁾). Въ Москву онъ вернулся истиннымъ гегелианцемъ, какимъ и оставался до старости, когда началъ склоняться къ Огюсту Конту. Занявъ катедру энциклопедіи права въ Московскомъ университетѣ, онъ вмѣстѣ съ другими извѣстными молодыми учеными внесъ въ университетскія стѣны свѣтъ тогдашней европейской науки. Студенты любили его, находя въ немъ всегдашнюю готовность помочь, кому нужно, дѣльнымъ совѣтомъ и цѣня въ его лицѣ хорошаго лектора. Петръ Григорьевичъ отличался необыкновенною работоспособностью; постоянно слѣдя за наукой, каждый годъ тщательно перерабатывая свои лекціи, онъ находилъ время еще и для занятій педагогикою, причѣмъ издавалъ «Библіотеку для Воспитанія», а также и «Юридическія Записки», изданіе которыхъ перенесъ потомъ и въ Петербургъ. Эта эпоха Московскаго университета достаточно извѣстна, чтобы здѣсь нужно было останавливаться на ней; напомнимъ только, что, подъ вліяніемъ событій конца сороковыхъ годовъ на Западѣ, положеніе молодыхъ профессоровъ въ этомъ университетѣ стало очень тяжелымъ: наука, а съ нею и служители ея заподозрѣны были въ распространеніи опасныхъ идей. Повидимому, въ ту пору преобладало во вліятельныхъ кругахъ убѣжденіе, что не жизнь рождаетъ идеи (каковы бы онѣ ни были), а идеи созидаютъ жизнь. Какъ бы то ни было, дѣятельность многихъ изъ молодыхъ профессоровъ пресѣклась. Опуская подробности, замѣчу, что въ 1849 году, мой дядя несмотря на всю свою любовь къ профессорской дѣятельности, уже перебрался въ Петербургъ, гдѣ и зачислился на службу, сперва по министерству внутреннихъ дѣлъ, а потомъ перешелъ въ Департаментъ Удѣловъ. Въ 1854 году, когда мы съ сестрою прибыли къ нему, онъ былъ уже довольно значительнымъ чиновникомъ. Еслибы родители его были еще живы, они, конечно, порадовались бы тому, что сынъ ихъ взялся, наконецъ, за умъ и бросилъ «учительство». А Герценъ, принадлежавшій въ Москвѣ къ тому же кружку, въ которомъ вращался и мой дядя въ бытность свою профессоромъ, взглянулъ на дѣло иначе и впоследствии съ грустью отмѣтилъ въ своихъ запискахъ переходъ его къ чиновничьей карьерѣ. Такихъ несходны бываютъ воззрѣнія людей.

Впрочемъ, мой дядя, хотя и обратился въ чиновника, все-таки остался, прежде всего, жрецомъ науки ²⁾) и неуклонно продолжалъ свои ученныя занятія. Онъ обладалъ рѣдкою въ русскомъ челоѣкѣ выдержкой. Еще въ годы студенчества онъ поставилъ себѣ правиломъ вставать очень рано, въ 5 часовъ утра, обливаясь ледяною водою и

¹⁾ Гдѣ находится теперь этотъ автографъ?

²⁾ Извѣстно, что въ 1864 г. онъ снова сталъ профессоромъ, но уже Петербургскаго университета, гдѣ потомъ былъ ректоромъ.

все утро, до ранняго завтрака, посвящать научнымъ занятіямъ. Правила этого онъ не нарушалъ до глубокой старости и вообще велъ жизнь правильную до педантизма. Съ переѣздомъ въ Петербургъ, онъ ежедневно послѣ завтрака дѣлалъ во всякую погоду опредѣленную прогулку, потомъ, позанившись, сколько положено было по росписанію, за своею грузною конторкой стариннаго вида, уходилъ на службу и пѣшкомъ же возвращался къ обѣду домой. Часа полтора послѣ обѣда онъ проводилъ въ кругу семьи, сидя всегда на одномъ и томъ же креслѣ, около котораго ему ставили на столикѣ огромный стаканъ воды со льдомъ, емкостью не менѣе двухъ бутылокъ. Послѣдователь (въ то время) водолюбивой системы Присница, онъ, среди разговоровъ, выпивалъ весь этотъ стаканъ; съ послѣднимъ глоткомъ онъ вставалъ и удалялся въ кабинетъ, гдѣ вновь становился за конторку и работалъ безъ перерыва до чая, т. е. до того времени, когда другіе пили чай, а ему подавалось согрѣтое молоко. Благодаря строго размѣренному и воздержному образу жизни, онъ обладалъ крѣпчайшимъ здоровьемъ и, кажется, никогда не бывалъ серьезно боленъ. Женился онъ еще въ Москвѣ, на англичанкѣ, дочери лектора англійскаго языка при университетѣ, мистера Гарве, и пользовался тихимъ семейнымъ счастьемъ. Тетка моя, красивая, стройная женщина, обладала практическимъ умомъ, была хорошо, по-англійски, воспитана, серьезна и сдержанна и, повидимому, нисколько не тяготилась установившимся въ домѣ размѣреннымъ, почти автоматическимъ ходомъ жизни. Въ то время, когда мы съ сестрою поселились въ семьѣ дяди, у тетки была уже первая дочь, маленькая, пухленькая, но крѣпкая дѣвочка, которую она содержала въ безукоризненной чистотѣ, подвергала разъ навсегда строго установленному режиму и приучала къ порядку и систематичности въ дѣйствіяхъ.

Жизнь въ домѣ дяди носила отчасти монастырскій характеръ. Гости бывали здѣсь крайне рѣдко. Въ большихъ, высокихъ комнатахъ обширной квартиры обыкновенно господствовала почти полная тишина. Изъ кабинета, гдѣ работалъ за книгами дядя, лишь каждую четверть часа доносилась игра старинныхъ стѣнныхъ часовъ съ курантами; тетка молча сидитъ, бывало, за какимъ-нибудь рукодѣльемъ ими за книгою у себя, не упуская изъ вида своей безшумно играющей на коврѣ дочери. Голосовъ прислуги, помѣщавшейся въ дальнихъ покояхъ, не слышно; и мы съ маленькой сестрой, пріютившись гдѣ-нибудь у стола, разсматриваемъ книги съ картинками, сдерживая голоса, чтобы не нарушить жуткое для насъ безмолвіе квартиры. Вскорѣ сестру мою опредѣлили въ Николаевскій сиротскій институтъ; я же былъ еще слишкомъ малъ для поступленія въ гимназію и остался одинъ. Вѣроятно, дядя понималъ, что одиночество не можетъ быть ни пріятно, ни полезно такому живому мальчику, какимъ я былъ въ то время, и принялъ мѣры

противъ развитія во мнѣ наклонности къ праздности. Мнѣ были куплены водяныя краски и принадлежности рисованія, задаваемы были легкія упражненія въ переводѣ съ французскаго и нѣмецкаго, при чемъ дядя, при всѣхъ своихъ занятіяхъ, находилъ время руководить моими работами, что дѣлалъ чрезвычайно умѣло. Но такъ какъ мнѣ едва исполнилось тогда восемь лѣтъ и объ опредѣленіи моемъ въ гимназію ранѣе года нечего было и думать, то дядя призналъ за лучшее отдать меня на зимній семестръ приходящимъ въ Петропавловскую школу, болѣе извѣстную въ Петербургѣ подъ нѣмецкимъ названіемъ Petri-Schule.

Я лишь смутно помню короткое время, проведенное мною въ этомъ училищѣ. Ученья отъ меня, очевидно, не требовалось: мнѣ не задавали никакихъ уроковъ и никогда меня не «спрашивали». Вѣроятно, имѣлось въ виду единственно только то, чтобы я проводилъ дни не въ одиночествѣ, а въ среди сверстниковъ, и если такъ, то это было благоразумнымъ рѣшеніемъ со стороны дяди: все же я не утрачивалъ общительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ прислушивался и къ тому, что преподавалось въ классѣ. Преподаваніе велось на нѣмецкомъ языкѣ, но это уже не представляло для меня затрудненій послѣ моего «огѣмеченія» въ Верро. Общій «нѣмецкій» складъ школы, во многомъ разнящійся отъ русскаго, тоже не былъ мнѣ чуждъ, и потому я не чувствовалъ себя въ классѣ отверженцемъ. А главное, шумная школьная жизнь въ теченіе дня существенно скрашивала тоску, которую я испытывалъ въ долгіе вечера, просиживая одинъ за тѣмъ или другимъ занятіемъ гдѣ-нибудь въ дальнемъ углу тихой, какъ бы погруженной въ дремоту дядиной квартиры, при уныломъ свѣтѣ высоко повѣшенной на стѣнѣ аргантовой лампы. Лѣтомъ этого года дядя уѣхалъ съ семьей въ свое родовое роменское имѣніе, а я былъ отданъ на попеченіе вдовы одного изъ преподавателей Петропавловской школы, содержавшей въ школьномъ домѣ небольшой пансіонъ. Помнится, въ числѣ непрѣмьныхъ условій при опредѣленіи въ ея пансіонъ, отъ новичка требовалось представленіе серебряной ложки и вилки, а также постельныхъ принадлежностей; все это поступало въ собственность хозяйки. Содержательница пансіона была высокая, чопорная нѣмка, Софья Ивановна, съ большимъ зубомъ, очень чистоплотная, несловоохотливая и расчетливая. Кормила она насъ преимущественно картофельными кушаньями, а воспитательную миссію свою ограничивала наблюденіемъ за чистотою нашей одежды и постелей. Спали же мы у нея въ особаго устройства комодахъ, изъ которыхъ на ночь выдвигался ящикъ, служившій кроватью. Лѣтомъ изъ всѣхъ пансіонеровъ остался у хозяйки я одинъ, и она взяла меня съ собой на дачу въ Саратовскую колонію, что на Невѣ. Поселившись тамъ съ своею старушкой-сестрой, она пред-

оставила меня самому себѣ. Я могъ сидѣть въ палисадникѣ, ходить въ поле, отъ котораго всегда убійственно пахло, благодаря обильному унавоженію городскими отбросами, или бродить по берегу Невы и наблюдать изрѣдка подходившіе къ пристани пароходы изъ Петербурга и Шлюссельбурга. Все это было однообразно и скучно, но Софья Ивановна и ея сестра, повидимому, были очень довольны своимъ лѣтнимъ мѣстопробываніемъ. Запросы ихъ были видимо очень невысоки и не простирались далѣе желанія жить въ сытости и приличной, на среднюю мѣрку, обстановкѣ. Дачная жизнь ихъ протекала ровно и безмятежно; монотонность ея только однажды во все лѣто оживилась пріѣздомъ какого-то родственника хозяйки, котораго она называла Karl. Это былъ упитанный остзеецъ съ гордою осанкой и выхоленными усами. Онъ собирался куда-то на Liedertafel и по пути прибылъ къ намъ въ тирольскомъ костюмѣ, причемъ привезъ съ собою обвитую лентой гитару и свою Frau Gemahlin. Я до сихъ поръ живо помню его безпредѣльно самодовольную фигуру, надменно-развязную повадку и такъ непонравившійся мнѣ тонъ покровителя по отношенію къ миловидной нѣмочкѣ-женѣ, повидимому, боготворившей его. Нѣмочка была очень болтлива, звонко смѣялась по всякому пустому поводу и внесла веселье въ нашу скучную жизнь. Остзеецъ, съ своей стороны, нѣсколько разъ пѣлъ очень громко, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, а я въ это время смотрѣлъ, какъ надувались у него при этомъ жилы на шеѣ и на лбу. Онъ пилъ съ нами кофе на открытомъ воздухѣ, много рассказывалъ о себѣ и на утро уѣхалъ съ первымъ пароходомъ, забравъ съ собою и гитару, и жену, и оставивъ по себѣ самое приятное воспоминаніе въ сердцахъ хозяйки и ея сестры. Нѣсколько дней у нихъ только и разговора было, что про милаго Карла.

Мой дядя не могъ, конечно, не знать, что въ пансіонѣ Софьи Ивановны мнѣ нечего будетъ почерпнуть, и я догадываюсь, что онъ помѣстил меня туда по особымъ соображеніямъ. По случаю болѣзни глаза, я нуждался тогда въ наблюденіи со стороны опытнаго врача. Изъ врачей же дядя всего болѣе довѣрялъ своему товарищу по Дерптскому университету Ник. Ив. Пирогову, уже пользовавшемуся въ то время громкою извѣстностью первокласснаго хирурга. Если не измѣняетъ мнѣ память, Пироговъ принималъ въ то лѣто больныхъ въ Максимилиановской лѣчебницѣ. И вотъ было рѣшено, чтобы разъ въ недѣлю пріѣзжала за мною на дачу на пароходѣ оставленная мною на дядиной городской квартирѣ служанка, которая возила бы меня на визитацию въ лѣчебницу. Я отчетливо помню впечатлѣніе, произведенное на меня знаменитымъ впоследствии педагогомъ. Войдя въ его приемную, я увидѣлъ сидѣвшаго за письменнымъ столомъ нескладно согнушагося челоуѣка съ некрасивымъ, но удивительно добрымъ лицомъ.

Довольно сильное носогласіе страннымъ образомъ нисколько не умалало пріветливости его взгляда.

— А, чижики! Ну, здравствуй, чижики!—весело воскликнулъ Пироговъ, простирая ко мнѣ обѣ руки. (Слово «чижики» пришло ему на умъ, вѣроятно, потому, что я одѣтъ былъ въ желтую канаусовую рубашку и черныя плисовые шаровары). — Ну, покажи, что у тебя такое?

Этотъ человѣкъ обладалъ рѣдкимъ даромъ сразу располагать къ себѣ дѣтей (говорили, что также и взрослыхъ); я тотчасъ же почувствовалъ себя съ нимъ просто и естественно. Осматривая меня, онъ продолжалъ шутить, отъ времени до времени вставляя нужные ему вопросы; потомъ сосредоточился на минуту и написалъ рецептъ, послѣ чего ясно, просто и тѣмъ-же добродушнымъ тономъ далъ нужныя наставленія сопровождавшей меня служанкѣ. А отпуская меня, разспросилъ о дядѣ и, на прощаніе, потрепалъ меня по плечу, прибавивъ, что у меня «все отлично» и чтобы я пріѣхалъ на будущей недѣлѣ.

Манера его обращенія была плѣнительна по простотѣ и безыскусственности: въ ней не чувствовалось ни слѣда присюсюкиванія, столь обычнаго въ обращеніи взрослыхъ съ дѣтьми, когда они рассчитываютъ расположить ихъ къ себѣ. Это была та самая манера, къ которой я привыкъ въ родительскомъ домѣ. Мнѣ кажется, она дается только тѣмъ, кто истинно любитъ дѣтей и знаетъ ихъ инстинктивное нерасположеніе ко всякой фальши. Я былъ потомъ у Пирогова еще раза два, и, право, поѣздки къ нему доставляли мнѣ огромное удовольствіе. Искренность дѣтскаго расположенія—вотъ лучшій пробный камень для опредѣленія хорошаго человѣка и особенно хорошаго педагога.

Не знаю навѣрное, раньше или позже этого лѣта Пироговъ ѣздилъ въ Крымъ, гдѣ Россія въ жестокой борьбѣ платилась тогда за свои внутренніе недуги и, истекая кровью своихъ сыновъ, въ изнеможеніи завоевывала себѣ лучшее будущее. Я былъ еще слишкомъ ребенокъ, чтобы понимать важность совершавшихся событій. За обѣдами въ домѣ дяди мнѣ доводилось, конечно, слышать разговоры взрослыхъ о войнѣ, но я интересовался ими съ чисто внѣшней стороны. Особенно любопытнымъ казалось мнѣ то, что разговоры эти велись какъ-бы тайкомъ отъ прислуги и прерывались или переходили на французскую рѣчь съ появленіемъ у стола лакея, вносившаго блюда или перемѣнявшаго тарелки.

Припоминаю, какъ съ воцареніемъ императора Александра II-го и окончаніемъ войны, въ домѣ дяди, обыкновенно такомъ тихомъ, съ почти монастырскою унылостью, внезапно зазвучали отголоски радостно встрепенувшейся жизни. Чаше стали собираться здѣсь дядины ближайшіе знакомые; въ числѣ гостей я нерѣдко видывалъ Ник. Алексѣевича

Милютин, бойко поднимавшагося тогда по іерархической лѣстницѣ. Какъ бывшій сослуживецъ моего покойнаго отца, онъ зналъ меня и ранѣе, и теперь, жалѣя во мнѣ осиротѣвшаго мальчика, относился ко мнѣ съ особенною лаской; я, съ своей стороны, очень любилъ его. На взрослыхъ онъ тоже производилъ видимо пріятное впечатлѣніе. Рослый, прекрасно сложенный, хотя и съ наклонностью къ тучности, съ раннею просѣдою въ густыхъ волосахъ, онъ привлекалъ къ себѣ открытымъ выраженіемъ лица и необыкновенно располагавшимъ въ его пользу мягкимъ взоромъ сѣро-голубыхъ, нѣсколько мечтательныхъ глазъ. Изящество манеръ, пріятный грудной голосъ, даже сама легкая картавость на буквѣ р—все это, въ связи съ недюжиннымъ даромъ слова и яснымъ умомъ, вполне оправдывало его успѣхи въ высшихъ аристократическихъ и правительственныхъ сферахъ. Присутствіе его всегда вносило въ домъ дяди много оживленія. Правда, что и помимо него въ домѣ этомъ уже пронеслась новая струя. За обѣдомъ, вмѣсто прежней бесѣды въ минорномъ тонѣ, слышались уже бодрые, оживленные разговоры. Сообщали послѣднія новости, которыхъ всегда находилось великое множество, называли имена государственныхъ людей, стоявшихъ за необходимость реформъ, выражали наилучшія надежды. Дядя повеселѣлъ и оживился и даже началъ отъ времени до времени посѣщать англійскій клубъ, членомъ котораго состоялъ, но куда раньше ѣздилъ крайне рѣдко. Во всемъ остальномъ онъ остался вѣрнѣе своей раз навсегда установленной программѣ; по-прежнему вставалъ съ пѣтухами, обливался ледяною водою, въ положенные часы работалъ дома и на службѣ и т. д. Не знаю, насколько онъ подходилъ въ англійскомъ клубѣ подъ общій фонъ, и готовъ предположить, что онъ былъ тамъ не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ. Средняго роста, крѣпкій и коренастый, всегда стриженный подъ гребенку, онъ говорилъ съ малороссійскимъ акцентомъ «на о», и какъ говорится, совсѣмъ не имѣлъ «манеръ»; одѣвался онъ небрежно и былъ, казалось, рожденъ домосѣдомъ. Привычка прямо, безъ обиняковъ, высказывать свое мнѣніе, что иногда выходило у него немного грубовато, и полное отсутствіе того, что называется свѣтскостью обращенія, едва-ли дѣлали его присутствіе въ клубѣ особенно пріятнымъ кое-кому изъ сочленовъ. Но, съ другой стороны, солидное служебное положеніе, помимо всѣми признаваемой учености, обеспечивало ему извѣстнаго рода уваженіе и непослѣднее мѣсто въ кругу лицъ высокаго ранга. При томъ, природная сметка несомнѣнно помогала ему находить нужный тонъ въ сношеніяхъ съ людьми, выше его стоявшими, не роняя собственнаго достоинства, ничуть не принижаясь. Въ служебныхъ сферахъ цѣнили его дѣловитость, извиняя «странности» его манеры принадлежностью его къ «ученому сословію». И дядя мой, кажется, отлично понималъ удобства своего положенія, избавлявшія его

отъ надобности кривить, при случаѣ, душою. Доживъ до глубокой старости (83 лѣтъ), онъ не запятналъ себя ни однимъ недостойнымъ поступкомъ на службѣ, что было дѣломъ нелегкимъ въ своеюправную эпоху сороковыхъ годовъ. Кстати отмѣчу еще одну черту въ характерѣ этого оригинальнаго человѣка: онъ всегда былъ полнымъ хозяиномъ своего настроенія. При его умственныхъ запросахъ, служебныя занятія не могли быть для него интересны, но, разъ придя на службу, онъ цѣликомъ погружался въ свое дѣло и дѣлалъ его уже безупречно; стоило же «присутствію» окончиться, и онъ тотчасъ же совлекалъ съ себя чиновника и выходилъ на улицу совершенно другимъ человѣкомъ, т. е. сразу возвращался къ мыслямъ и интересамъ, которыми поглощенъ былъ ранѣе, до «присутствія». Точно такъ же, едва окончивъ одно занятіе и перейдя къ другому, онъ умѣлъ заставить свою мысль сейчасъ же, безъ перерыва, вполне сосредоточиться на новомъ занятіи. Въ этомъ отношеніи онъ обладалъ рѣдкою силой воли.

Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Любопытное письмо императрицы Екатерины II.

Въ 1897 году городокъ Заандамъ, въ Голландіи, недалеко отъ Амстердама, торжественно праздновалъ 200-лѣтнюю годовщину памятнаго пребыванія въ этомъ городѣ царя Петра Алексѣевича въ качествѣ простаго рабочаго.

Мнѣ случилось присутствовать на этомъ симпатичномъ юбилей¹⁾, послѣ котораго я посѣтилъ цѣлый рядъ голландскихъ музеевъ и архивовъ съ цѣлью розысканія новыхъ матеріаловъ о Петрѣ Великомъ и его пребыванія въ Голландіи.

Зашелъ я, между прочимъ, и въ университетскую бібліотеку въ Амстердамъ, чтобы спросить, не найдется ли тамъ нѣсколько нужныхъ мнѣ гравюръ и книгъ Петровскаго времени. Кое-что, дѣйствительно, нашлось.

— Больше у васъ о царѣ Петрѣ ничего нѣтъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, есть еще одно письмо,—отвѣтилъ бібліотекаръ. Я вамъ покажу.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ принесъ мнѣ цѣлый ворохъ бумагъ.

— Здѣсь много русскихъ бумагъ,—пояснилъ бібліотекаръ.—Перевода нѣтъ, такъ что мы не знаемъ даже, чтѣ собственно тутъ имѣется. Можетъ быть, вамъ что-нибудь и пригодится. Тутъ и письмо царя Петра и вообще это, кажется, автографы.

— Да откуда же у васъ все это?!—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Судя по надписи, это подарено бібліотекѣ университета какимъ-то господиномъ П. А. Дидерихсомъ; больше мы ничего не знаемъ.

Я съ любопытствомъ принялся за изученіе неожиданной находки, которая оказалась состоящею изъ довольно значительнаго количества русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ автографовъ августѣйшихъ особъ, государственныхъ дѣятелей и литераторовъ.

¹⁾ Я изложилъ воспоминанія объ этомъ событіи въ очеркѣ „Петровский юбилей въ 1897 году въ Заандамѣ“, составляющемъ приложение къ книгѣ: „Питръ Михайловъ, историко-бытовыя картины голландской жизни XVII вѣка, въ 4-хъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ, Геррита Яна Гонига. Перевелъ съ разрѣшенія автора съ голландскаго и снабдилъ примѣчаніями А. В. Половцовъ“. Спб. 1898 г.

Мнѣ некогда было заняться перепискою документовъ въ Голландіи, но благодаря любезности администраціи амстердамской университетской бібліотеки, интересная коллекція была переслана въ Петербургъ, въ Императорскую публичную бібліотеку, гдѣ мною и были сняты копии съ этихъ документовъ.

Выдѣляю на первый разъ любопытное и оригинальное письмо императрицы Екатерины II, написанное на полулистѣ желтоватой бумаги. Все письмо написано, равно какъ и подписано, собственноручно государынею.

Вотъ самый текстъ письма съ соблюденіемъ правописанія подлинника:

«Графъ Іаковъ Александровичъ письмо ваше отъ м.м. Марта я вчерашней получила [.] при семъ прилагаю отвѣты къ присланнымъ письмамъ.

Планы и смѣты погоревшимъ магазинамъ аждать буду.

Днепръ, исчезаетъ то есть ледъ днепровской, entendons nous.

Аняѣ Никитишнѣ скажитѣ что съ будущимъ курьеромъ она непременно получить обѣщанный гостиницъ, но чтобы она оной на головѣ не приколола, въ волосахъ не тыкала, на башмаки не нашивала, не прибавляла не убавляла ширины, руки имъ не оцарапала, излишно не цѣловала, но содержала, чесно, стройно, не кормя излишно, наипаче-же гр. Строгонова не допускала близко да бы не изгрызъ. *Ne montrés cette lettre a personne, elle est trop folle, mais dite a qui Vous voudrés que je me porte bien de meme que tout le monde* ¹⁾). Пребываю къ вамъ доброжелательна».

Екатерина.

Изъ Кіева 19 Марта 1787.»

Съ перваго же взгляда видно, что письмо это писано императрицею Екатериною II къ графу Якову Александровичу Брюсу изъ Кіева, во время путешествія, предпринятаго государынею въ 1787 году на югъ Россіи.

Но о какомъ пожарѣ упоминается здѣсь и о какомъ гостинцѣ Аняѣ Никитичнѣ (Нарышкиной) говорить съ такимъ юморомъ императрица?

Обстоятельства эти выясняются сопоставленіемъ даннаго письма императрицы съ другими письмами ея, писанными ею къ графу Брюсу.

Генераль-аншефъ Яковъ Александровичъ Брюсъ пользовался особеннымъ довѣріемъ императрицы Екатерины Алексѣевны. Передъ отъѣздомъ своимъ въ дальній путь, она, 24-го декабря 1786 года, особеннымъ рескриптомъ поручила ему главное начальство надъ Петербургомъ, надъ Петербургскою губерніею и надъ всѣми войсками, въ городѣ и въ тамошней дивизіи состоящими, на правахъ главнокомандующаго, съ присутствіемъ въ Сенатѣ. Приказано было доносить о происшествіяхъ

¹⁾ Не показывайте этого письма никому, оно слишкомъ сумасбродно, но скажите кому хотите, что я здорова, какъ и всѣ остальные.

разъ въ недѣлю, но объ экстренныхъ съ нарочными. Графу Брюсу при этомъ, до возвращенія императрицы въ Петербургъ, было назначено прибавочнаго жалованья по 1.000 рублей въ мѣсяцъ ¹⁾).

Императрица Екатерина аккуратно отвѣчала на всѣ письма и донесенія графа Брюса. Всего набралось 55 писемъ къ нему государыни, которыя и были напечатаны въ 1887 году, въ видѣ приложенія, къ Камеръ-Фурьерскому журналу 1787 года.

Письма, найденнаго мною въ Амстердамѣ, между ними не оказывается. Оно приходится между № 24 отъ 15-го марта и № 25 отъ 23-го марта.

28-го января 1787 года, произошелъ въ Петербургѣ большой пожаръ въ винныхъ и соляныхъ магазинахъ, находившихся на Фонтанкѣ, противъ Лѣтняго дворца (въ мѣстности, которая и теперь носить названіе Солянаго городка). Загорѣлось въ первомъ часу дня отъ лопнувшей трубы въ квартирѣ бочаровъ.

Получивъ это неприятное извѣстіе, императрица Екатерина отозвалась въ письмѣ отъ 6-го февраля: «Удивительное дѣло, какъ давали бочарамъ жить въ магазейнахъ, гдѣ окромя караульной не положено было имѣть кому жилище».

2-го марта императрица писала по тому же поводу: «Мнѣніе о соляныхъ и винныхъ магазинахъ и починки оныхъ надѣюсь получить еще ко времени и не премину васъ снабдить резолюціею, чтобъ скорѣе возстановить попорченное нелѣпнымъ пожаромъ».

Объ этомъ же дѣлѣ императрица упоминаетъ и въ письмѣ отъ 19-го марта, о которомъ идетъ рѣчь, продолжая ожидать «планы и смѣты погорѣвшимъ магазинамъ».

Загадка съ гостинцемъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ:

16-го февраля императрица писала графу Брюсу: «faites mes compliments а Анна Никитишна и скажи ей, что я скоро къ ней пришло гостинцу да такую на которой она долго будетъ радоваться».

Анна Никитична Нарышкина (рожд. Румянцова, р. 1730 г.) состояла въ это время статсъ-дамою (съ 15-го сентября 1773 г., т. е. со дня торжественнаго миропомазанія великой княгини Наталіи Алексѣевны, первой супруги цесаревича Павла Петровича). Императрица Екатерина была къ ней очень расположена, но въ путешествіе ее съ собой не взяла, зато въ письмахъ упоминаетъ о ней неоднократно и старается при всякомъ случаѣ доставить ей какое-нибудь удовольствіе. Такъ 15-го марта, она пишетъ графу Я. А. Брюсу: «Еще приказала къ вамъ отправить превеликая тюба съ турецкими парчами здѣшнѣй ярмарки, прошу оныхъ отдать такъ, какъ на каждой связкѣ на оба сторуна написано, а именно: графинѣ Марьѣ Андреевнѣ Румянцовой, гр. Аннѣ Алек. Матюшкиной, кня. Дарьѣ Алек. Голицыной, Аннѣ Ни-

¹⁾ См. Г. В. Есиповъ „Путешествіе императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г.“, „Кіевская Старина“ 1890 и 1891 гг.

китишнѣ Нарышкиной (сей вы скажите что парча есть другой гостинецъ ¹⁾), а третья вскорѣ послѣдуетъ) еще генеральшѣ Ливенъ; буде они моими парчами недовольны будутъ, или имъ покажется мало на платье, то выпросите у нихъ оныхъ себѣ на покрытье тулупа».

Черезъ четыре дня, 19-го марта, императрица снова (въ «Амстердамскомъ» письмѣ) возвращается къ обѣщанному, третьему, гостинцу и даетъ волю своей веселости и своему юмору. На этотъ разъ, если графъ Яковъ Александровичъ прочелъ письмо отъ 19-го марта Аннѣ Никитичнѣ, то послѣдняя не могла не догадаться, въ чемъ заключается обѣщанный сюрпризъ. Наступала Пасха, а Анна Никитична все еще не была кавалерственной дамой! Очевидно, гостинецъ, который не слѣдовало ни на голову прикалывать, ни въ волосахъ не тыкать, ни на башмаки не нашивать, и о который не слѣдовало руки царапать, не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ орденомъ св. великомученицы Екатерины или освобожденія. Завѣтному желанію Анны Никитичны предстояло исполниться въ ближайшемъ будущемъ.

Въ этотъ самый день, 19-го марта, въ пятницу Страстной недѣли, орденъ св. Екатерины былъ пожалованъ графинямъ Мнишекъ и Браницкой и, вѣроятно, одновременно знаки ордена отправлены Аннѣ Никитичнѣ.

23-го марта, императрица писала по этому поводу графу Брюсу: «Надѣюсь что третій гостинецъ до Анны Никитичны довхалъ, увѣдомьте мнѣ какое дѣйствіе учинилъ?»

Анна Никитична обрадовалась, разумѣется, чрезвычайно. Получивъ гостинецъ 29-го марта вечеромъ, она, по словамъ Гарновскаго, въ его запискахъ, тотчасъ разослала всѣхъ офиціантовъ въ разныя церкви для принесенія благодарственныхъ Богу моленій.

Въ послѣдній разъ императрица Екатерина упоминаетъ объ этомъ эпизодѣ въ письмѣ отъ 14-го апрѣля. «Что Анна Никитишна обрадовалась тому не сумнѣваюсь и того мнѣ и хотѣлось; вижу что мое пророчество сбылось».

Графъ Строгановъ, шуточно упоминаемый въ письмѣ отъ 19-го марта («наипаче же гр. Строганова не допускала близко да бы не изгрызъ»), по всей вѣроятности, камергеръ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, бывший впоследствии оберъ-камергеромъ и президентомъ Императорской академіи художествъ.

Я сравнивалъ «Амстердамское» письмо съ подлинниками остальныхъ писемъ императрицы Екатерины II къ графу Я. А. Брюсу. Ни въ бумагѣ, ни въ почеркѣ не замѣтно никакой разницы.

Какимъ образомъ это любопытное письмо исчезло изъ общей серіи и попало къ г. Дидерихсеу, а потомъ въ Амстердамъ—остается загадкою.

А. В. Половцовъ.

¹⁾ Въ чемъ состоялъ первый гостинецъ—не видно.

Россия и папекій престолъ.¹⁾

ГЛАВА III.

Димитрій и Польша. 1605—1606.

Требованія Сигизмунда и стремленіе Димитрія уклониться отъ исполненія данныхъ обѣщаній.—Скрытая враждебность.—Ложное положеніе.—Отправленіе въ Москву Корвина Гостѣвскаго.—Цѣль его посольства.—Странная откровенность.—Донось.—Димитрій отклоняетъ любезность.—Швеція.—Карль IX и принцъ Густавъ.—Политика Димитрія.—Она подчиняется вопросу о титулахъ.—Онъ не забываетъ Марины.—Аѳанасій Власѣвъ въ Краковѣ.—Подарки, присланные Мнишеку.—Празднества.—Тройное порученіе, возложенное на Власѣва.—Заочное бракосочетаніе Марины.—Краснорѣчивыя слова.—Левъ Сапѣга.—Рѣчь, произнесенная кардиналомъ Маѣвскимъ.—Странное поведеніе Власѣва.—Обрядъ вѣнчанія.—Свадебный пирь.—„Гвоздь“ празднества.—Тосты.—Танцы.—Прощавіе.—Налутствіе короля, слезы Марины.—Золотой вѣкъ поэтовъ.—Льготы, коихъ требовалъ тосканскій посланникъ.—Поздравленіе Павла V и поощреніе съ его стороны.—Тактика противниковъ царя.—Янъ Бучинскій въ Краковѣ.—Требованія, предъявленныя Димитріемъ относительно Марины.—Интимное письмо.—Подкладка дѣла.—Гостомскій и Борша.—Порученіе, возложенное на Безобразова.—Жалобы бояръ противъ Димитрія.—Свидѣтельство Станислава Жолкѣвскаго.—Анонимное письмо изъ Стокгольма.—Признаніе короля.—Комедія, разыгранная Безобразовымъ.—Письмо Сигизмунда къ Рудницкому.—Инструкція, данныя имъ Олесницкому и Гостѣвскому.—Уступка земель.—Помощь противъ Швеціи.—Наступательный и оборонительный союзъ.—Вопросъ о титулахъ.—Встрѣча съ Александромъ Рагони.—Намѣренія, высказанныя Димитріемъ относительно Польши.—Уступки.—Предостереженіе, сдѣланное Сигизмунду.—Скандинавскій король и сѣверные французы.—Рокосъ.—Сношенія съ Димитріемъ.—Подозрѣнія и намеки; отсутствіе доказательствъ.—Официальная и тайная политика.

За отсутствіемъ доказательствъ, подтверждавшихъ его царственное происхожденіе, Димитрій могъ ссылаться отнынѣ на одержанную имъ побѣду и на торжественное признаніе его народомъ. Это должно было отразиться самымъ выгоднымъ образомъ на его сношеніяхъ съ Польшею. Сигизмундъ III не призналъ претендента передъ Борисомъ Годуновымъ и передъ сеймомъ; тѣмъ не менѣе, онъ рассчитывалъ на безграничную признательность

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1901 г.

царя и ссылался на оказанныя ему помощь и благодѣянія. Но лишь только король дѣлалъ шагъ впередъ, Димитрій шелъ на попятный. Съ наглостью и самоувѣренностью выскочки, онъ позабылъ обѣщанія, данныя имъ въ тяжкія времена, и уклонялся отъ ихъ выполненія. Благовидный предлогъ къ этому представлялся самъ собою.

Самоувѣренность Димитрія возрастала по мѣрѣ того, какъ въ Польшѣ усиливалась оппозиція королю. Переговоры, происходившіе между Кремлевскимъ дворцомъ и Вавельскимъ замкомъ, были внезапно прерваны. Впрочемъ, при томъ способѣ, какимъ они велись, не было никакой надежды, что они могли привести къ желаемому концу.

Желая возобновить дипломатическія сношенія съ Димитріемъ, Сигизмундъ III рѣшилъ отправить въ Россію посла; выборъ палъ на старосту велижскаго, Александра Корвина Госѣвскаго ¹⁾. Его вѣрительныя грамоты помѣчены 23-мъ августа 1605 г., но онъ прибылъ въ Москву только въ октябрѣ мѣсяцѣ. Оффиціально, дѣль его посольства была объяснена требованіями этикета; ему было поручено привѣтствовать царя по поводу его коронаванія и пригласить его на бракосочетаніе короля польскаго съ эрцгерцогиней Констанціей, но въ сущности Сигизмунду было необходимо условиться съ Димитріемъ относительно Швеціи; объ остальномъ можно было уговориться впоследствии.

Госѣвскій былъ скорѣе военный, нежели дипломатъ, и сдѣлалъ на первыхъ же порахъ неловкость, подсказанную ему, впрочемъ, въ Краковѣ. Въ столицѣ Польши появился подозрительный иностранецъ—сказалъ онъ царю.—Бывшій любимецъ и крестникъ Годунова, челоувѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, онъ распространялъ странные слухи, будто бы его крестный отецъ живъ, а вмѣсто него погребенъ другой челоувѣкъ; онъ же, Годуновъ, взявъ съ собою свои сокровища, отплылъ съ ними въ Англію. Но его отсутствіе не будетъ продолжительно: колдуны предвѣщали ему, что, бѣжавъ изъ Москвы, онъ спасетъ этимъ государство и въ скоромъ времени вернетъ свою власть. Слѣдовательно, спокойствію Димитрія угрожала опасность. Госѣвскій обѣщалъ отъ имени короля навести справки въ Лондонѣ, учредить строгій надзоръ на границѣ и загородить путь злополучному пришельцу съ того свѣта.

Эти рассказы не произвели на Димитрія никакого впечатлѣнія; онъ не испугался опасности, не повѣрилъ колдовству. Впрочемъ, онъ счелъ

¹⁾ Краковъ, музей Чарторыйскихъ, 2101, f. 1—3, 14 v°.—Ватиканскій архивъ, хранит. Боргезе, II, 499, письмо Чижовскаго къ Стривери отъ 6-го ноября 1605 г.—Собр. гос. грам., т. II, стр. 213, № 96; стр. 216, № 97.—Русск. вст. биба., т. I, собр. 402.

долгомъ искренно поблагодарить посланника, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрилъ его, что смерть Бориса Годунова несомнѣнна, просилъ его не заботиться объ этомъ и не принимать никакихъ мѣръ предосторожности.

Также сдержанно и сухо Димитрій отнесся и къ другому предложению, сдѣланному Госѣевскимъ. Сигизмундъ III заявилъ подозрѣніе на одного изъ своихъ собственныхъ сановниковъ, находившагося въ Вильнѣ, и предоставилъ Димитрію разузнать, дѣйствительно ли этотъ сановникъ былъ въ заговорѣ противъ него съ Годуновымъ. Царь отклонилъ и эту любезность, не потребовалъ выдачи виновнаго и обѣщалъ только произвести слѣдствіе.

Послѣ того, какъ эти болѣе или менѣе щекотливыя предложенія, которыя могли подкупить Димитрія, были имъ отклонены, посланникъ приступилъ къ обсужденію шведскаго вопроса, который, по словамъ Сигизмунда, требовалъ быстрого рѣшенія. Чудная страна олафовъ и эриковъ была объята возстаніемъ; къ религіозной борьбѣ присоединилась борьба за престолонаслѣдіе. Племянникъ Сигизмунда III, Карлъ IX, бывший герцогъ Зюдерманландскій, силою овладѣлъ престоломъ, который принадлежалъ по праву дядѣ похитителя. Поддерживала партія, требовавшая преобразованій, и онъ не думалъ о соблюденіи своей вѣрноподданнической присяги; споръ пришлось рѣшить силою оружія. Сигизмундъ велъ съ племянникомъ ожесточенную войну, одержалъ надъ нимъ побѣды въ Ливоніи и рассчитывалъ на помощь Димитрія, чтобы покончить съ врагомъ. Подобныя же надежды питалъ со своей стороны и Карлъ IX, тревожно обращавшій свои взоры къ Москвѣ. Не зная въ точности, что происходило въ Россіи, и опасаясь быть застигнутымъ врасплохъ, онъ сосредоточилъ свои войска въ Финляндіи; но предпочиталъ быть въ союзѣ съ Россіей, нежели съ Польшей. Его тактика была слишкомъ ясна, чтобы Сигизмундъ могъ не понять ее; поэтому онъ требовалъ, чтобы Димитрій отнесся къ Карлу IX какъ къ самозванцу, къ его посланникамъ какъ къ измѣнникамъ своему законному монарху и чтобы они были выданы полякамъ, если они отважатся явиться въ Кремль.

Благодаря случайному стеченію обстоятельствъ, вся выгода положенія была такимъ образомъ на сторонѣ царя. Очутившись между двумя врагами, изъ коихъ каждый домогался его помощи, онъ могъ дѣйствовать, какъ ему заблагоразсудится. Борисъ Годуновъ сумѣлъ воспользоваться подобными обстоятельствами; Димитрій дѣйствовалъ менѣе рѣшительно. Въ шведскомъ вопросѣ его политика ограничилась довольно неопредѣленными уступками, сдѣланными Польшѣ, и уловками весьма сомнительнаго свойства.

Царь обѣщалъ потребовать объясненія у «герцога Карла» (ему было отказано въ королевскомъ титулѣ) и увѣдомить короля польскаго,

какъ только шведскіе посланцы появятся въ Москвѣ ¹⁾). Вопросъ о Густавѣ былъ рѣшенъ еще скорѣе. Честолюбивые замыслы Годунова привлекли этого искателя приключеній въ Москву. Не законнорожденный сынъ свергнутаго съ престола короля Эрика XIV, онъ странствовалъ по Европѣ, не имѣя убѣжища и средствъ, въ то время, какъ Годуновъ вздумалъ сдѣлать его своимъ зятемъ, пригласилъ его въ Кремль, осыпалъ милостями и выдалъ бы за него свою дочь, если бы Густавъ не жилъ открыто съ любовницею къ великому соблазну московитовъ. За свое безпутное поведеніе и за пренебреженіе обычаями страны онъ былъ высланъ изъ столицы въ Угличъ, гдѣ жилъ, какъ особа царскаго происхожденія, окруженный почестями, которыя Сигизмундъ считалъ чрезмѣрными, требуя ихъ отъ себя. Исполнить это было не трудно.

Строго говоря, Дмитрій былъ обязанъ сдѣлать эти уступки. Онъ былъ связанъ словомъ. Но онъ все же попытался уклониться отъ исполненія своихъ обѣщаній и тѣмъ самовольно предъявить новыя условія. Онъ потребовалъ, чтобы за помощь противъ Швеціи король призналъ титулъ, который онъ такъ великодушно себѣ присвоилъ. Преклонить главу предъ самозваннымъ императоромъ Россіи было для короля польскаго равносильно отказу отъ исконныхъ традицій и одобренію дѣйствій похитителя престола. Царь понималъ, разумѣется, всю важность поднятаго имъ вопроса. Русскіе давно уже пользовались этимъ оружіемъ; Дмитрій, въ свою очередь, захотѣлъ воспользоваться имъ и примѣнить его своей мощной рукою. Царскій титулъ сдѣлался средоточіемъ, вокругъ котораго вертѣлась вся его дипломатія, и самымъ надежнымъ оплотомъ противъ притязаній поляковъ.

Не получивъ надлежащихъ полномочій для обсужденія этого щекотливаго вопроса, Гостевскій только отиѣтилъ въ своемъ донесеніи притязанія московскаго царя. Быть можетъ, ими обсуждались и другія дѣла, но во всякомъ случаѣ они не были приведены къ концу. Впрочемъ, переговоры окончились миролюбиво, даже дружелюбно. На прощальномъ обѣдѣ, на которомъ присутствовали, какъ припомнимъ, полковыя священники, Дмитрій былъ отиѣнно вѣжливъ съ поляками, къ которымъ лежало его сердце. Ни война, ни одержанныя имъ побѣды не вытѣснили изъ его сердца воспоминанія о Самборѣ и образа Марины. Дмитрій горѣлъ желаніемъ видѣть ее въ Кремлѣ, раздѣлить съ нею свое величіе. Но дочь польскаго сенатора не могла располагать своею судьбою по своему благоусмотрѣнію, не могла при-

¹⁾ Въ печати неоднократно появлялось письмо Дмитрія къ герцогу Карлу, написанное въ повелительномъ, высокомерномъ тонѣ, съ угрозою начать войну и съ приказаніемъ покориться. Копія съ этого документа хранится въ Ватиканскомъ архивѣ, рукоп. Боргезе, IV, 21, f. 1. Мы не имѣемъ доказательствъ того, что оно было послано по назначенію.

нять корону безъ согласія короля. Поэтому Дмитрію надобно было дѣйствовать осмотрительно и не вооружать противъ себя Сигизмунда, такъ какъ еще не всѣ формальности были исполнены; можно было предвидѣть всякія случайности. Вскорѣ долженъ былъ настать конецъ сомнѣніямъ, и тогда Дмитрій съумѣетъ заговорить иначе.

Согласно уговору, заключенному съ Юріемъ Мнишекъ, тотчасъ послѣ коронованія Дмитрія, въ Краковъ должно было отправиться отъ него посольство и тамъ положено было совершить заочно бракосочетаніе Маринны. Великіе міра сего позволяли еще себѣ въ то время роскошь заочныхъ бракосочетаній. Царь рѣшилъ этимъ воспользоваться: это былъ прекрасный случай показать Кремль въ новомъ свѣтѣ и если не снискать симпатію поляковъ, то во всякомъ случаѣ возбудить ихъ восторгъ ¹⁾. Дмитрій руководствовался этими соображеніями при отправленіи посольства, которое было снаряжено со всевозможной роскошью; послы привезли въ Краковъ великолѣпные подарки, свидѣтельствовавшіе о богатствѣ ихъ монарха; но глава посольства, Аванасій Власьевъ, былъ дотою чуждъ лоска западной цивилизаціи, что вызывалъ только снисходительныя улыбки блестящаго и образованнаго польскаго общества. Имъ руководилъ сопровождавшій посольство полякъ Станиславъ Слонскій, но и онъ не могъ помочь бѣдѣ. Ему было поручено вести какіе-то секретныя переговоры, и онъ поневолѣ находился на второмъ планѣ. Всеобщее вниманіе было обращено на дьяка Власьева и его свиту, состоявшую изъ трехсотъ человѣкъ, которые поражали всѣхъ своею роскошью. Въ день пріѣзда, 11-го ноября 1605 г. Власьевъ поднесъ Мнишеку отъ имени Дмитрія вороную въ яблокахъ лошадь, съ сбруей, сверкавшей золотомъ и драгоценными камнями, драгоценное оружіе, художественныя произведенія, дорогія матеріи, восточныя ковры, живаго соболя, трехъ кречетовъ съ золотыми звоночками и колпачками, унизанными жемчугомъ. Осмотръ подарковъ произвелъ сильное впечатлѣніе на зрителей; самые взыскательные люди считали ихъ достойными истинно царской щедрости; въ душѣ разоренныхъ магнатовъ они должны были вызвать самыя фантастическія мечты.

Тотчасъ по пріѣздѣ посольства начался рядъ празднествъ. 14-го ноября посолье представлялся царю; 15-го числа Мнишекомъ былъ данъ роскошный обѣдъ, 18-го числа происходила аудіенція въ Вавельскомъ замкѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ сенаторовъ. Въ одномъ современномъ документѣ мы читаемъ, что на Власьева было возложено тройкаго рода порученіе: ему велѣно было до свидѣнія короля о коронованіи Дмитрія патриархомъ Игнатіемъ, подтвердить дружбу

¹⁾ Turkowski, Wesele, стр. 395 и сл.—Велевицкій, т. II, стр. 101. Русск. ист. библ., собр. 42.—Краковъ, музей Чарторыйскихъ, 2101, f. 12 v°.

съ Польшею, поднять вопросъ о Турціи и союзѣ противъ нея, наконецъ, испросить позволеніе короля на бракъ Марины и пригласить его величество къ царю на свадьбу ¹⁾. Отвѣтъ Сигизмунда былъ любезенъ и исполненъ достоинства. На слѣдующій день невѣста прибыла въ Краковъ со своею матерью. Болѣе года прошло съ тѣхъ поръ, какъ она встрѣтилась впервые съ Димитріемъ въ Самборѣ; теперь роли переменялись: Димитрій превзошелъ Мнишека ведичіемъ, но его любовь къ Маринѣ возростала вмѣстѣ съ его благополучіемъ; это было для нея хорошимъ предзнаменованіемъ.

29-го ноября, около полудня, Рынекъ (Rynek), аристократическій кварталъ Кракова, преобразился. Вся площадь была заполнена парадными экипажами, которые останавливались передъ дворцами Фирлея и Монтелупи, которые стояли рядомъ, и между которыми, ради этого случая, было устроено внутреннее сообщеніе. Тутъ, а не въ костелѣ, изъ уваженія къ православнымъ, должно было совершиться бракосочетаніе Марины. На это торжество съѣхалось самое избранное общество: король, принцесса шведская Анна, принцъ Владиславъ, нунцій Рангони, представители Венеціи и Флоренціи, сенаторы, придворные сановники, родственники и друзья Мнишековъ. Можно было подумать, что Димитрій былъ признанъ истиннымъ царемъ московскимъ, что Сигизмундъ отрѣшился отъ своихъ сомнѣній, а сенатъ отказался отъ противодѣйствія царю. Никто не выказывалъ ни малѣйшаго сомнѣнія или недовѣрія: всѣ радовались и ликовали.

Въ одной изъ залъ, превращенной въ часовню, былъ воздвигнутъ алтарь; передъ нимъ москвиты разостлали шелковый подножникъ для невѣсты, а вокругъ алтаря стало духовенство съ кардиналомъ Мацѣевскимъ во главѣ. Тогда появилась Марина, въ сопровожденіи двухъ сенаторовъ; она сіяла красотой и счастьемъ, ея глаза радостно сверкали; на ней было бѣлое шарчевое платье, усыянное сапфирами и жемчугомъ, на плечахъ было накинуто прозрачное покрывало, на головѣ сверкала алмазная корона, волосы виспадали на спину двумя роскошными косами, перевитыми драгоценными камнями. Какую разительную противоположность она представляла съ Власьевымъ съ его грубыми чертами лица, одутловатыми щеками, растеряннымъ взоромъ, недолгими манерами и одеждою изъ золотой парчи, напоминавшею собою попону ¹⁾. Тутъ встрѣтились два противоположныхъ міра!

Церемонія началась рѣчами. Первымъ говорилъ Власьевъ: его официальная рѣчь была произнесена безъ увлеченія и лишнихъ фразъ; кремлевскій дьякъ не позволилъ себѣ никакихъ поэтическихъ сравне-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 499;—Кіампи, Esame, стр. 65, № VI.—Баятышъ-Каменскій, Переписка, т. II, стр. 65.

ній; онъ строго придерживался данныхъ ему инструкцій. Зато поляки любили разглагольствовать и завираться. Станиславъ Минскій отвѣчалъ Власеву отъ имени Мишека пространной рѣчью, въ которой онъ не сказалъ, впрочемъ, ничего новаго. Но зато Левъ Сапѣга, говорившій отъ имени короля, повергъ своихъ сотоварищей по сейму въ изумленіе. Припомнивъ рѣчь, произнесенную имъ 1-го февраля на сеймѣ, его сомнѣнія, его строгіе совѣты, его мрачныя предчувствія, мы увидимъ, до чего доходила его безцеремонность. Канцлеръ видѣлъ уже въ этомъ бракѣ символъ единенія обоихъ народовъ и выражалъ громко свою благодарность Провидѣнію. Онъ рассыпался въ самыхъ восторженныхъ похвалахъ жениху и невестѣ. Что Марина могла быть въ его глазахъ идеаломъ добродѣтели, красоты и ума, это само собою понятно; но и Димитрій сдѣлался неожиданно въ его устахъ самымъ лучшимъ, примѣрнымъ монархомъ. Сапѣга предвѣщалъ имъ обоимъ блестящую роль въ будущемъ, говорилъ между прочимъ, что Провидѣніе уготовало имъ великое дѣло, которое они, конечно, съумѣютъ выполнить. Впрочемъ, патриотизмъ внушилъ ему слѣдующую оговорку, «честь носить корону велика,—сказалъ онъ,—но она будетъ по силамъ польской матронѣ: Польша дала не мало королевъ Европѣ!» Сапѣга положительно видѣлъ все въ радужномъ свѣтѣ или прекрасно игралъ свою роль.

При совершеніи религіознаго обряда также должны были быть произнесены рѣчи. Кардиналъ Мацѣевскій сказалъ слово, въ которомъ было всего понемногу: и богословскій взглядъ на таинство брака, и практическая мораль, и упоминаніе о Москвѣ, и привѣтствіе московскому «царю». Кардиналъ смѣло далъ ему этотъ титулъ въ присутствіи короля и упомянулъ о благодѣяніяхъ, оказанныхъ Димитрію Польшею. По окончаніи слова запѣли *Veni Creator*. Всѣ преклонили колѣна, за исключеніемъ принцессы Анны, которая была протестантка, и православнаго представителя русскаго царя.

Когда былъ пропѣтъ гимнъ, кардиналъ продолжалъ слово и пояснилъ текстъ св. писанія, который всѣ проповѣдники говорятъ молодымъ супругамъ: «жена да оставяетъ отца своего и мать свою и прильпится къ мужу». По этому поводу онъ съумѣлъ подыскать въ Ветхомъ Завѣтѣ лестное сравненіе: Димитрій, подобно Аврааму, послалъ за Ревеккой своего преданнаго слугу Аванасія Власова.

Если московскій дьякъ былъ пораженъ, очутившись въ столь избранномъ обществѣ, то и онъ со своей стороны удивилъ присутствующихъ своими рѣчами и манерами. На обычный вопросъ, не давалъ ли царь обѣщанія какой-нибудь другой женщинѣ, онъ отвѣчалъ, не сморгнувъ глазомъ, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно. На настойчивыя требованія присутствующихъ онъ отвѣчалъ, наконецъ, осторожно:

«Если бы мой государь былъ женатъ, но онъ не послалъ бы меня сюда». Когда обмѣнялись кольцами, то онъ вложилъ кольцо Димитрія въ футляръ, не прикоснувшись къ нему пальцемъ, и ни разу не дотронулся руки Марины, не обернувъ предварительно свою холопью руку платкомъ. Когда надобно было произнести брачный обѣтъ, то произошелъ настоящій споръ. Власевъ не соглашался на вѣнчаніе кардинала. «Я долженъ обмѣняться обѣщаніями съ невѣстой, а не съ вами», — сказалъ онъ съ упрямствомъ. Едва удалось добиться отъ него отвѣта на обычные вопросы. Наконецъ, когда брачный договоръ былъ заключенъ, и обрядъ вѣнчанія оконченъ, москвиты поклонились въ пояс своей новой царицѣ. Одинъ польскій дворянинъ, по имени Липницкій, тотчасъ вскочилъ на лошадь и помчался во весь опоръ въ Москву: онъ повезъ Димитрію обручальное кольцо и извѣстіе о совершившемся бракѣ.

Брачный пиръ прошелъ весьма торжественно подъ звуки оркестра, состоящаго изъ сорока музыкантовъ. За почетнымъ столомъ воссѣдалъ король, имѣя по правую руку Марину и Власева, а по лѣвую принцессу Анну и Владислава; напротивъ сидѣли кардиналъ Мацѣвскій и нунцій Рангони. Столовая посуда сверкала золотомъ и серебромъ; у стола прислуживали высшіе сановники. Власевъ до конца держалъ себя своеобразно. Его пришлось силою усадить рядомъ съ его монархиней и такъ какъ Марина была слишкомъ взволнована, чтобы дотронуться до ѣды, то и Власевъ, несмотря на неоднократное напоминаніе короля, ничего не ѣлъ кромѣ хлѣба и соли.

Всеобщій интересъ возбудилъ осмотръ подарковъ, присланныхъ невѣстѣ Димитріемъ, которые были внесены въ залъ во время пира. Они поразили зрителей своимъ великолѣпіемъ. Драгоценные камни переливали всѣми цвѣтами радуги! Ни одна польская королева не получала такихъ роскошныхъ и цѣнныхъ свадебныхъ подарковъ: тутъ были догія матеріи, венеціанскій кармазинный бархатъ, атласъ всевозможныхъ цвѣтовъ, золотая и серебряная парча, уборы изъ рубиновъ и изумрудовъ, кресты изъ сапфира, пеликаны, сдѣланные изъ топазовъ, фантастическіе Нептуны и Діаны; на серебряныхъ волнахъ плылъ корабль, осыпанный жемчугомъ, изъ чрева золотого быка сыпались алмазы, и—чудо изъ чудесъ,—на спинѣ слова, сдѣланнаго изъ чистаго золота, стояли художественной работы часы съ музыкой, подражавшей барабанному бою и флейтамъ, а на циферблатѣ проходили передъ зрителемъ разныя фигуры и сцены.

Олесницкій благодарилъ за подарки отъ имени Марины; по излюбленному поляками обычаю за столомъ были произнесены нескончаемые тосты и здравіицы. Король, вставъ съ мѣста, пилъ съ непокрытой головою за здоровье молодой царицы. Вслѣдъ за нимъ всѣ остальные

подняли чаши и привѣтствовали Марину болѣе или менѣе низкими поклонами, согласно съ требованіями самаго утонченнаго этикета. Власевъ превзошелъ всѣхъ своимъ рабскимъ, почтительнымъ обращеніемъ: всякій разъ, какъ произносили имя Дмитрія, онъ преклонялся до земли.

Вскорѣ раздались звуки болѣе веселой и оживленной музыки, и начались національные танцы, которые польки умѣютъ исполнять съ такимъ достоинствомъ и граціей. Царицей бала была Марина. Она обошла первый кругъ съ королемъ, послѣдній съ своимъ отцомъ; позади ихъ выступали сенаторы; красавица Марина вызывала всеобщій восторгъ присутствующихъ; безъ сомнѣнія, многіе въ тайнѣ завидовали ей. По окончаніи танцевъ, воевода Сендомірскій и его дочь откланялись королю. Насталъ часъ разлуки, часъ послѣдняго прощанія.

Что могъ сказать Сигизмундъ бѣдной молодой дѣвушкѣ, не знакомой съ шумомъ большихъ городовъ и съ придворными интригами, которой приходилось такъ неожиданно попасть въ бурный водоворотъ Кремлевской жизни? Король былъ строгаго образа мыслей и имѣлъ относительно Москвы опредѣленные взгляды, которыхъ онъ строго держался; его рѣчь дышала благочестіемъ и заботою о политикѣ. Со всею почтительностію, подобающе монархинѣ, онъ изобразилъ Маринѣ обязанности, какія ей придется выполнять въ Россіи; а именно заботиться о распространеніи въ отдаленнѣйшихъ странахъ славы Божіей, блюсти ненарушимо любовь къ родной землѣ, охранять дружбу между обоими народами, заботиться о выполненіи обѣщаній, данныхъ Польшѣ, поддерживать въ душѣ своего супруга чувства признательности къ королю. Онъ пожелалъ Маринѣ всякаго благополучія въ чужой странѣ, желалъ ей возродиться въ своихъ дѣтяхъ и пользоваться благословеніемъ Божиимъ! Король, какъ отецъ, благословилъ Марину, которая обнимала его колѣна и горько плакала. Она пыталась отвѣчать ему, но рыданія заглушали ея голосъ. Кардиналь Мацѣевскій пришелъ ей на помощь. Ея чувства были вполне понятны; въ эту минуту, гордая и свободная полька жертвовала всѣмъ, что есть лучшаго и дорогаго на свѣтѣ: любимой отчизной, семействомъ, друзьями, подругами. Уготовила ли ей за это судьба хоть долю счастья или же ей было суждено поразить міръ своей злосчастной судьбою?

Царственные гости удалились, когда Марина, предшествуемая принцессой Анной, отправилась къ своей матери, которая была не совсемъ здорова и не принимала участія въ свадебномъ пиршествѣ. Власевъ уѣхалъ къ себѣ поздно вечеромъ. Если не считать его странныхъ отвѣтовъ и низкопоклонныхъ манеръ, то можно сказать, что онъ держалъ себя во всѣхъ отношеніяхъ благопристойно и даже безупречно. Нѣкоторыя лица подмѣтили съ злорадствомъ, что у нѣкоторыхъ его спутниковъ походка была не особенно тверда; но, вѣроятно, въ тотъ

день у многихъ поляковъ также двоилось въ глазахъ. Среди гостей царствовало большое оживленіе. Танцы продолжались до двухъ часовъ ночи. Послѣ Марины героемъ дня былъ отсутствовавшій Дмитрій: отнынѣ ихъ имена произносились вмѣстѣ, они возбуждали одинакія симпатіи, на нихъ возлагались одинаковыя надежды. Никто не позволялъ себѣ сдѣлать относительно Дмитрія какого-нибудь колкаго, язвительнаго замѣчанія, какъ это было на сеймѣ; никто не высказывалъ какихъ-либо подозрѣній или зловѣщихъ предсказаній; свадебныя пѣсни звучали восторженно. Поэты старались превзойти ораторовъ. Ими кишмя кишѣлъ въ то время Краковъ, но они отличались скорѣе усердіемъ, нежели талантомъ. Гроховскій, Юрковскій, Забичъ настроили свои лиры и воспѣли дружбу двухъ народовъ, радости Гименея, прощаніе Марины съ дорогою Польшею. Если послушать ихъ, то всѣ сердца бились единомудно, Вавельскій замокъ братался съ Кремлемъ, для славянъ наступалъ золотой вѣкъ.

Посланникъ великаго герцога тосканскаго, Родриго-ди-Мендоза, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Краковъ, уѣхалъ подъ впечатлѣніемъ полнаго единомудія между поляками и москвитянами. Онъ пріѣзжалъ съ тѣмъ, чтобы присутствовать при бракосочетаніи короля Сигизмунда и переговорить съ воеводою Сендомірскимъ. Герцогъ тосканскій, хорошо освѣдомленный о походахъ Дмитрія, рассчитывалъ найти въ Россіи сбытъ для предметовъ флорентійской торговли и рассчитывалъ на Мнишека, который могъ замолвить по этому поводу слово русскому царю. Мендоза обратился съ этой просьбою и чистосердечно повѣрилъ увѣренію Мнишека, что герцогству тосканскому будутъ предоставлены всевозможныя льготы ⁴⁾.

Венеціанскій посланникъ Фоскарини былъ лучше освѣдомленъ или, быть можетъ, рѣшилъ не спѣшить; какъ бы то ни было, онъ ни о чемъ подобномъ не хлопоталъ.

Восторженное настроеніе, охватившее Краковъ, нигдѣ не нашло такого живаго отголоска, какъ въ Римѣ. Брачныя союзы играли еще въ то время видную роль въ жизни народовъ; это отражалось не только на политикѣ, но и на дѣлахъ религіи. Павелъ V давно одобрилъ бракъ, возведшій на московскій престолъ польку и католичку. По его мнѣнію, этотъ бракъ несомнѣнно долженъ былъ имѣть самыя благія послѣдствія; папа съ удовольствіемъ упоминалъ объ этомъ въ своихъ письмахъ къ жениху и невѣстѣ и къ воеводѣ Сендомірскому. Всѣ извѣстія, доходившія до него изъ Кракова, поддерживали въ немъ эти ожиданія; изъ всѣхъ его корреспондентовъ самымъ радужнымъ надеж-

⁴⁾ Флорентійскій архивъ, рукоп. Медичи, 4292. f. 121, письмо Мнишека къ Ферванди отъ 21-го декабря 1605 г.— См. также f. 118.

дамъ предавался кардиналъ Мацѣвскій. Высокое положеніе, которое онъ занималъ среди духовенства и въ обществѣ, а также его родственныя связи съ семействомъ Мнишекъ выдѣляли его изъ среды польскаго духовенства. Павелъ V поручилъ ему верховный надзоръ за интересами католической вѣры, которые были затронуты событіями, происходившими въ Москвѣ. 3-го сентября 1605 года кардиналъ отвѣчалъ папѣ и превозносилъ въ письмѣ своего двоюроднаго брата Юрія Мнишека, всецѣло преданнаго папскому престолу и преслѣдовавшаго въ Москвѣ только одни высшіе интересы. Это могутъ засвидѣтельствовать всѣ друзья воеводы, говорилъ онъ; поразительныя побѣды, одержанныя Димитріемъ, еще болѣе педвердятъ это; все совершающееся несомнѣнно носить печать Провидѣнія. Послѣ бракосочетанія Марины, кардиналъ снова писалъ папѣ, прося его благословить молодую чету, которую онъ соединилъ брачными узами, и которой судьба сулила столь блестящую будущность. Одинъ Богъ могъ совершить подобное чудо, писалъ онъ Сципіону Боргезе, подражая библейскому слогу ¹⁾. Павелъ V искренно радовался и былъ готовъ дать молодой четѣ свое благословеніе; онъ не могъ ни въ чемъ отказать тому, кто долженъ былъ насадить въ Москвѣ католическую вѣру, кого онъ считалъ вѣроятнымъ союзникомъ Сигизмунда въ борьбѣ съ Турціей и врагомъ полумѣсяца ²⁾.

Шумныя и великолѣпныя празднества, происходившія въ Краковѣ, не вездѣ возбуждали однако одинаковый восторгъ. Оппозиція не сложила оружіе. Браги Димитрія продолжали дѣйствовать скрытно тайными путями и даже явно на виду у всѣхъ. Измѣнники, орудовавшіе въ Москвѣ, имѣли своихъ тайныхъ агентовъ въ самой столицѣ Ягеллоновъ. Одинъ изъ преданныхъ слугъ Димитрія замѣтилъ опасность и предупредилъ о ней царя.

Въ то время какъ Власевъ былъ всецѣло поглощенъ своимъ представительствомъ на празднествахъ, въ Краковѣ прибылъ въ первыхъ числахъ января 1606 г. изъ Москвы другой посланный, Янъ Бучинскій, довѣренный человекъ Димитрія, его секретарь и совѣтникъ, человекъ проникательный и довольно образованный. Онъ пріѣхалъ не съ пустыми руками. Онъ привезъ Мнишеку двѣсти тысячъ золотыхъ: пріѣхавъ съ туго набитымъ кошелькомъ, могъ ли онъ не быть желаннымъ гостемъ? Царскому тестю не приличествовало нуждаться въ деньгахъ;

¹⁾ Тургеневъ, т. II, стр. 73, № LVI; стр. 75, № LVII.—Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 232, f. 101, 107; II, 38, f. 45.—Rome et Démétrius, стр. 214 № 9.

²⁾ Ватиканскій архивъ, шк. XLV, т. I. f. 208. r°, письмо Павла V къ Мацѣвскому отъ 14-го января 1606 г.

воевода получилъ возможность расплатиться съ долгами, по крайней мѣрѣ съ самыми вопіющими изъ нихъ.

Помимо этого Бучинскому было поручено, какъ припомнимъ, заняться вопросомъ о царскомъ титулѣ и выхлопотать разрѣшеніе, просимое для Марины. Что касалось невѣсты, то Дмитрій былъ внимателенъ къ ней до мелочности; онъ не упустилъ изъ вида никакой бездѣлицы. Будущая московская царица должна держать себя въ Краковѣ, какъ подобаеть ея высокому сану, писалъ онъ; она не должна допускать къ своему столу никого кромѣ самихъ близкихъ родственниковъ и,—это уже касалось народныхъ обычаевъ,—должна причесывать волосы такъ, какъ принято въ Россіи. Всѣ эти замѣчанія были адресованы воеводѣ Мишкеу. Бучинскому было велѣно слѣдить за строгимъ выполненіемъ и въ особенности было приказано торопить Марину отъѣздомъ, такъ какъ Дмитрій все еще опасался, чтобы она не замѣшкалась въ Польшѣ¹⁾.

Бучинскій, оффиціально занятый соблюденіемъ этикета, посвящалъ свободное время бесѣдѣ съ мѣстными жителями съ цѣлію разузнать настроеніе польскаго общества. Какъ полякъ, онъ имѣлъ доступъ во всякую среду; съ нимъ говорили откровенно. Наведенныя имъ справки были столь тревожнаго свойства, что онъ долго не рѣшался довѣрить ихъ бумагѣ. До насъ дошло одно интимное его письмо, писанное въ январѣ 1606 г. Бучинскій рѣшился наконецъ передать въ немъ слышанное, рискуя навлечь этимъ гнѣвъ царя и прослѣть трусомъ. Умъ его помутился, писалъ Бучинскій, онъ боится нарушить спокойствіе Дмитрія, но важныя обстоятельства заставляютъ его взяться за перо. Онъ слышалъ, что существуютъ измѣнники, передающіе въ Краковъ тайны Кремля. Кто же эти измѣнники? Второстепенные служащіе. А какія это тайны? Бучинскій этого не говоритъ, но особенно настаиваетъ на томъ, что послѣдствія распространяемыхъ злонамѣренныхъ слуховъ уже дали себя чувствовать; враждебное отношеніе къ Дмитрію усиливается, пишетъ онъ, его дѣйствія строго критикуютъ, и его упрекаютъ въ непостоянствѣ. Лучше было бы придти къ соглашенію съ Борисомъ Годуновымъ, говорили въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ было бы извѣстно, чего ожидать.

Къ этому разочарованію присоединилось негодованіе по поводу того, что царь упорно продолжалъ присвоивать себѣ титулъ непобѣдимаго императора. Воевода познанскій, Іеремія Гостомскій, слова котораго служатъ отголоскомъ взглядовъ его сотоварищей, говорить: «Негѣпо провозглашать самого себя непобѣдимымъ императоромъ, самое большое можно допустить, чтобы этотъ титулъ былъ данъ дру-

¹⁾ Собр. гос. грам., т. II, стр. 227—230, №№ 104, 105, 106; стр. 258—263, № 121, 122.

гими. Непобѣдимъ только одинъ Богъ; христіанинъ не можетъ присвоивать себѣ это священное свойство». Воевода называлъ это горделивое заявленіе неблагодарностью по отношенію къ королю и оскорбленіемъ, заслуживающимъ возмездія. «Пусть Дмитрій будетъ изобличенъ передъ лицомъ всего міра, говорилъ онъ, пусть московиты сдѣлаютъ это не колеблясь».

Въ этихъ словахъ чувствовалась угроза, но они были недостаточно ясны и могли быть истолкованы двояко.

Станиславъ Борша, служившій офицеромъ въ польскомъ легіонѣ Дмитрія, поясняетъ ихъ смыслъ. Онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ однимъ изъ братьевъ Хрипуновыхъ, которые были замѣшаны какимъ-то образомъ въ исторію претендента и пользовались довольно двусмысленной репутацией. Въ минуту откровенности, болтливый спутникъ открылъ Боршѣ, подъ величайшею тайною, что въ Москвѣ царя называли Лжедмитріемъ и замышляли противъ него заговоръ. Бучинскій былъ пораженъ этимъ и, чтобы прекратить разомъ эти слухи, рѣшилъ увезти Боршу изъ Польши.

Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвело на Дмитрія это письмо и сообщенныя въ немъ вѣсти и какія мѣры онъ счелъ нужнымъ принять, но въ Краковѣ эти слухи распространились весьма быстро и принимались за достовѣрныя. Самые ужасные извѣты были сдѣланы московитами. Заговорщики воспользовались официальнымъ посольствомъ для того, чтобы прикрыть свои происки. Въ 1606 г. царь вздумалъ послать своихъ представителей на сеймъ. Иванъ Безобразовъ былъ посланъ въ Польшу заблаговременно для того, чтобы хлопотать имъ охранные листы¹⁾. Соглядатай и измѣнникъ, онъ былъ орудіемъ враговъ Дмитрія, и, чтобы лучше скрыть свои замыслы, и принялъ возлагаемое на него правительствомъ порученіе какъ бы нехотя. По пріѣздѣ въ Краковъ, онъ держалъ себя въ обществѣ, какъ подобало официальному представителю царя, но, оставаясь наединѣ, по словамъ однихъ, со Львомъ Сапѣгою, а по словамъ другихъ, съ Госѣвскимъ, онъ назвалъ себя уполномоченнымъ Шуйскихъ и Голицыныхъ и сталъ держать совсѣмъ инныя рѣчи. Обѣ эти княжескія фамиліи, которыхъ Дмитрій облагодѣтельствовалъ и которыя съ виду соперничали въ преданности ему, въ дѣйствительности старались погубить его. Безобразовъ жаловался отъ ихъ имени на то, что король послалъ въ Москву человѣка низкаго, вѣтреннаго, жестокаго, расточительнаго, недостойнаго занимать царскій престолъ. Бояре хотятъ свергнуть его съ престола, говорилъ онъ, и предпочли бы предоста-
вить корону принцу Владиславу.

¹⁾ Краковъ, Музей Чарторыйскихъ, 2101, f. 21. — Бантыш-Каменскій, Обзоръ, т. III, стр. 111.

Разумѣтся, никто не ожидалъ подобнаго предложенія, да и теперь еще, триста лѣтъ спустя, невольно задаешь себѣ вопросъ, что оно означало. Въ русскихъ болѣе или менѣе официальныхъ источникахъ объ этомъ эпизодѣ, разумѣтся, не упоминается. Мы знаемъ о немъ только по разсказу поляка гетмана Станислава Жолкѣвскаго, на котораго обыкновенно ссылаются историки ¹⁾).

Впрочемъ, объ этомъ упоминаетъ не одинъ Жолкѣвскій; его слова могутъ быть провѣрены, если не во всѣхъ подробностяхъ, то по крайней мѣрѣ въ наиболѣе существенныхъ чертахъ. Для этого надобно обратиться прежде всего къ Скандинавіи. Въ Швеціи, въ замѣѣ Браге (Braghe) найдена памятная записка, принадлежавшая перу Феликса Крыскаго и которая была передана на храненіе въ Королевскій архивъ въ Стокгольмѣ. Она содержитъ рѣчь, произнесенную неизвѣстнымъ ораторомъ на польскомъ сеймѣ въ первыхъ годахъ семнадцатаго вѣка. Ораторъ дѣлаетъ въ ней историческій обзоръ войнъ, веденныхъ Московскимъ государствомъ, о чемъ будетъ рѣчь далѣе. Безусловный сторонникъ короля, онъ обвиняетъ во всемъ Мнишека и жестоко порицаетъ его замыслы. Оратору было извѣстно о порученіи, возложенномъ на Безобразова; онъ говоритъ объ этомъ почти въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ Жолкѣвскій: этотъ честный и добропорядочный чловѣкъ (Безобразовъ) предсказалъ Льву Сапѣгѣ скорое паденіе Димитрія, говоритъ онъ, и выразилъ желаніе, чтобы русскій престоль перешелъ къ Сигизмунду или съ принцу Владиславу. Того же желали, по его словамъ бояре, онъ былъ только выразителемъ ихъ мыслей ²⁾).

Мало того: мы имѣемъ по этому поводу свидѣтельство самого короля. 6-го декабря 1608 г. онъ высказалъ эту тайну преемнику Рангони, нунцію Франческо Симонетти. Славянскій міръ въ скоромъ времени преобразуется, сказалъ онъ, русскіе призываютъ короля польскаго, и онъ не прочь откликнуться на ихъ зовъ, но единеніе обоихъ народовъ повлечетъ за собою расходы, которые трудно будетъ покрыть. Въ надеждѣ палучить отъ папы денежное вспомошествованіе, Сигизмундъ сообщилъ нунцію о переговорахъ, происходившихъ съ москвитями, и настаивалъ на ихъ важности и значеніи. «Они начались, говоритъ онъ, въ то время, когда я вступилъ въ бракъ съ эрцгерцогиней Констанціей, и съ тѣхъ поръ продолжаются непрерывно по сейчасъ». Король обѣщаль передать Симонетти объяснительную записку, которую нунцій, въ свою очередь, долженъ былъ препроводить въ Римъ. Къ со-

¹⁾ Жолкѣвскій, Записки, стр. 9.—Тотъ же авторъ передаетъ, будто паприца Марев велѣла объявить въ Польшѣ, что она не признаетъ Димитрія. Тамъ же, стр. 10.

²⁾ Стокгольмъ, Королевскій архивъ, рукоп. Браге, 339, *Causae consilium-que belli Moscovitici*.

жалѣнію, этотъ документъ, который могъ бы служить намъ превосходнымъ источникомъ, утраченъ, иначе мы могли бы почерпнуть изъ него не мало любопытныхъ свѣдѣній¹⁾».

Въ концѣ концовъ, несомнѣнно, что враги Димитрія обратились въ исходѣ 1605 г. къ Сигизмунду и къ его сыну съ упомянутыми предложеніями. Послѣдующія событія подтвердили тотъ фактъ, что въ Кремлѣ дѣйствительно существовала сильная партія, желавшая передать московскій престолъ полякамъ. Но въ то время умы не были еще достаточно подготовлены къ этому. Король болѣе чѣмъ когда-либо держался двуличной нерѣшительной политики. Безобразову былъ данъ черезъ Жолкѣвскаго, какъ говорятъ, уклончивый отвѣтъ: король выразилъ сожалѣніе, что онъ повѣрилъ обманчивымъ увѣреніямъ Димитрія, обѣщалъ не вмѣшиваться въ его дѣла, отрицалъ существованіе съ его стороны какихъ-либо честолюбивыхъ стремленій и предоставлялъ себя волѣ Провидѣнія. Московскій посланникъ, со своей стороны, разыгралъ комедію до конца и уѣхалъ, не принявъ королевскихъ писемъ на томъ основаніи, что въ нихъ не значилось полнаго царскаго титула.

Эти вѣншія формы этикета являлись истиннымъ камнемъ преткновенія. Однако Сигизмундъ все-таки не желалъ окончательно прервать переговоры съ Димитріемъ. Кто бы онъ ни былъ, прирожденный царь или самозванецъ, онъ обратился къ королю съ просьбою о поддержкѣ и со своей стороны далъ извѣстныя обѣщанія. Сигизмундъ похвалялся тѣмъ, что онъ сдѣлалъ ему не мало одолженій, и требовалъ съ его стороны исполненія обѣщаній. 14-го ноября 1605 г. онъ писалъ Симону Рудницкому, епископу варманскому, что будущему сейму предстоитъ установить основы прочной дружбы между Польшею и Москвою²⁾. Порученіе, возложенное на Безобразова, не заставило Сигизмунда измѣнить своего образа дѣйствій. Вся сущность его тогдашней политики, по отношенію къ Россіи, выразилась въ дипломатическомъ документѣ перво-степенной важности, а именно въ инструкціяхъ, данныхъ королемъ Олесницкому и Госѣвскому, которые сопровождали Марину въ Москву. Инструкціи эти помѣчены 6-мъ февраля 1606 г. и контрастированы Львомъ Сапѣгою. Никогда еще государственный человѣкъ не лелѣлъ болѣе обманчивыхъ надеждъ! Сигизмундъ набросалъ въ этомъ документѣ картину воображаемаго союза Польши съ урѣзанной Россіей, лишенной въ пользу своей соперницы самыхъ цвѣтущихъ ея областей. Полагая, что только онъ самолично можетъ произвести эту ампута-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе. II, 226. Письмо Симонетти къ Боргезе отъ 6-го декабря 1608 г.

²⁾ С.-Петербург. публ. библ., автографы, 63, т. II, f. 28.—Пташицкій, письмо, стр. 44.

цію, король приказалъ посланнымъ ничего не рѣшать окончательно, а только намѣтить планъ въ общихъ чертахъ. Затѣмъ представители Димитрія, снабженные обширнѣйшими полномочіями, должны были прибыть въ Краковъ, гдѣ Россія была бы расчленена въ пользу Польши ¹⁾).

Какія же притязанія предъявлялъ Сигизмундъ? Во-первыхъ, онъ рассчитывалъ на огромныя территоріальныя уступки, надѣясь уже получить не только Смоленскъ и Сѣверскъ, какъ въ 1600 г., но кромѣ того Новгородъ, Псковъ, Луки, Торопецъ, Вязьму, Дорогобужъ и нѣкоторые другіе близъ лежащіе города. Эти уступки назывались имъ «возвратомъ» этихъ земель. Не вдаваясь особенно подробно въ изученіе этого вопроса, можно было подумать, что эти земли принадлежали нѣкогда Литвѣ и что царь долженъ былъ почитать себя счастливымъ возстановить ея собственность и возвратить ей то, что принадлежало ей по праву. Сигизмундъ мечталъ, что ему будетъ возвращено однимъ почеркомъ пера то, что полякамъ не удавалось завоевать силою меча: такимъ образомъ республика, не воюя, округлила бы свои владѣнія. Впрочемъ, король былъ сговорчивъ: если бы ему было отказано въ томъ, что онъ просилъ, то онъ согласился бы ограничиться нѣкоторыми избранными надѣлами.

Относительно Швеціи онъ уже не довольствовался тѣми неопредѣленными обѣщаніями, которыя нѣкогда были даны Госѣевскому. Король требовалъ, чтобы польскимъ войскамъ было дозволено пройти чрезъ Финляндію; царь долженъ былъ принять на себя обязательство доставить имъ, за извѣстное вознагражденіе, съѣстные припасы и боевыя снаряды. Король польскій воображалъ уже себя королемъ шведскимъ, полновластнымъ хозяиномъ страны, обсуждающимъ въ Стокгольмѣ, во дворцѣ Вазовъ, условія лиги противъ Турціи. Пока Димитрію, поднявшему вопросъ о походѣ противъ турокъ, предоставлялось воевать съ ихъ союзниками, татарами. Это былъ самый лучший совѣтъ, какой могъ дать ему король.

Достигнувъ исполненія самыхъ смѣлыхъ своихъ желаній, получивъ московскія области и Швецію, идеальная Польша, рисовавшаяся въ воображеніи Сигизмунда, протянула бы руку развѣчанной и чуть не обезглавленной Россіи, чтобы заключить съ нею оборонительный и наступательный союзъ. Дойдя до этого, король воспроизводитъ въ упомянутомъ документѣ почти цѣликомъ статью договора, который поляки предлагали Годунову заключить еще въ 1600 году, и которыя превратили бы Россію въ такое же второстепенное государство, какимъ была Литва ²⁾). Бояре Годунова дали тогда суровый отпоръ Льву Сапѣгѣ, какъ только

¹⁾ Краковъ, Музей Чарторыйскихъ, 2101, f. 24 v° и сл.

²⁾ Соловьевъ, т. VIII, стр. 23.—La Russie et le Saint Siège, т. II, стр. 374.

онъ зайкнулся о второстепенной роли для Москвы; но урокъ не пошелъ въ прокъ, король не отказался отъ своего заблужденія. Быть можетъ, онъ рассчитывалъ на содѣйствіе новой польской партіи, образовавшейся въ Кремлѣ, или на нескончаемый вопросъ о царскомъ титулѣ, который все еще не былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, какъ того желалъ царь. По мнѣнію поляковъ, Дмитрій предъявлялъ слишкомъ большія требованія для себя и слишкомъ скупился по отношенію къ Сигизмунду. Посланникамъ было наказано сдѣлать Дмитрію по этому поводу въ мягкой формѣ упрекъ, напомнить ему о благодарностяхъ, оказанныхъ ему королемъ, подать ему нѣкоторыя надежды и дать понять, что вопросъ о титулѣ могъ быть рѣшенъ окончательно только на сеймѣ.

Посланники, которымъ было поручено заключить предварительныя условія этого оригинальнаго договора, встрѣтились по пути въ Россію, точно такъ же, какъ и о. Савицкій съ Александромъ Рангони, о возвращеніи коего въ Римъ и аудіенціи у папы мы уже говорили. Возвратимся къ этому событію и скажемъ по поводу его еще нѣсколько словъ. Дмитрій бесѣдовалъ со своимъ бывшимъ другомъ не только о Римѣ, но и о Польшѣ; онъ далъ ему даже инструкціи, уполномочивавшія его вести переговоры съ королемъ ⁴⁾. Показавъ эти инструкціи посланникамъ, Рангони избавилъ бы ихъ отъ многихъ непріятностей, но такая чрезмерная любезность не согласовалась съ принципами дипломатіи. Рангони долженъ былъ сообщить эти подробности Павлу V и кардиналу Боргезе, чтобы папа могъ составить себѣ опредѣленное понятіе о положеніи дѣлъ.

Между тѣмъ положеніе это становилось все болѣе и болѣе натянутымъ. Царь узналъ изъ писемъ, полученныхъ имъ изъ Кракова, быть можетъ, даже изъ писемъ Бучинскаго, что его акціи быстро падали и что король польскій сомнѣвался въ его дружбѣ. Онъ, со своей стороны, подозрѣвалъ короля въ томъ же и, ни мало не смущаясь, выражалъ по этому поводу свое удивленіе, чуть ли не негодованіе. Въ чемъ можно было заподозрѣть его? спрашивалъ онъ. Можно ли было отрицать его преданность, его признательность къ королю Сигизмунду, его желаніе быть ему пріятнымъ? Дмитрій надѣялся, что Рангони опровергнетъ неблагоприятныя для него слухи. Онъ обѣщалъ относиться къ королю съ величайшимъ почтеніемъ, скорѣе какъ къ отцу, нежели къ брату, и въ доказательство своихъ словъ возобновлялъ сдѣланныя имъ предложенія относительно Швеціи: стоитъ Сигизмунду сказать слово, говорилъ царь, и самозванецъ Карлъ и принцъ Густавъ будутъ наказаны.

⁴⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 499, *Instructio ad S. Regem Poloniae.—Rome et Démétrius*, стр. 169, № 11.—Собр. гос. грам., т. II, стр. 226, № 103.

Этимъ ограничивались его уступки, въ награду же за нихъ онъ выражалъ одно желаніе, чтобы официально былъ призванъ его полный царскій титулъ. Это былъ не простой капризъ съ его стороны. Кромѣ требованій этикета этотъ вопросъ имѣлъ для него самое серьезное значеніе, какъ онъ подробно объяснилъ Рангони. «Пронесся слухъ,—говорилъ онъ,—будто я обѣщаль уступить королю польскому нѣкоторыя области; необходимо категорически опровергнуть этотъ слухъ, вотъ почему я такъ настаиваю на титулѣ». Говоря это, царь былъ правъ только на половину: объ этомъ не только говорили, но, повидимому, этотъ слухъ былъ вполнѣ справедливъ. Теперь же Дмитрій отвергалъ данныя обѣщанія и хотѣлъ при посредствѣ Рангони предупредить Сигизмунда, чтобы онъ не настаивалъ на территориальныхъ уступкахъ. Коснувшись вопроса о Польшѣ, Дмитрій высококомѣрно ограничился одними общими мѣстами и обѣщаль высказать окончательное рѣшеніе по прїѣздѣ Сендомірскаго воеводы. По всему вышесказанному не трудно себѣ представить, какой прїемъ ожидалъ посланниковъ, которые смѣло именовали «необѣдимаго императора» великимъ княземъ и прїѣхали съ цѣлью добиться у него уступки чуть не половины его имперіи.

Дмитрій, въ свою очередь, не старался скрыть перемены, происшедшей въ его взглядахъ; онъ сдѣлалъ это неожиданно и въ довольно рѣзкой формѣ, не теряя времени на бесполезныя извиненія. Откуда вѣдалась въ немъ эта самоувѣренность; не была ли она вызвана какими-либо извѣстіями, пмъ полученными? Это вопросъ не праздный, онъ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться.

Въ то время какъ Дмитрій торжествовалъ въ Москвѣ, Польша переживала опасный кризисъ. Сигизмундъ III не сумѣлъ снискать любви своихъ подданныхъ; его скандинавскій характеръ не подходилъ къ характеру сѣверныхъ французовъ; ихъ увлекающійся, непостоянный нравъ составлялъ полную противоположность его холодному, ледяному обращенію. Также непопулярна была и его политика. Онъ не обладалъ общительностью и добротою Ягеллона, или твердостью Баторія; народъ не сочувствовалъ ему и не раздѣлялъ его взглядовъ. Главное его качество: твердость религиозныхъ убѣжденій, за что такъ любили его папа и католическая партія, было причиною, что диссиденты и ихъ сторонники относились къ нему съ нескрываемой враждебностью. Постоянно возраставшая оппозиція перешла въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1605 г. въ *rokosz*, т. е. возстаніе, которое иные называли вполнѣ законнымъ. Въ сущности, кумиръ «польской вольности» былъ только предлогомъ для того, чтобы начать возстаніе. Оно вспыхнуло на этотъ разъ съ немощною силою. Противники правительства созвали сеймики, изложили на нихъ причины своего неудовольствія, держали мятежныя рѣчи, организовали войска, объявили о низложеніи короля и вели съ нимъ пере-

говоры, какъ равный съ равнымъ. Сигизмундъ находился въ большой опасности и едва не лишился престола. Только 8-го октября 1606 г. удалось съ великимъ трудомъ подавить возстаніе и водворить порядокъ ¹⁾.

Оказывается, что лица, участвовавшія въ «*gokosz'ѣ*», были заподозрѣны въ тайныхъ сношеніяхъ съ царемъ и даже предлагали ему корону Ягеллоновъ; говорятъ, будто Димитрій изъявилъ согласіе принять ее и, дабы привести дѣло къ желаемому концу, обѣщаль оказать мятежникамъ помощь деньгами и войскомъ. Обвиненіе это, безъ сомнѣнія, весьма важное, но оно не подтверждается достаточно вѣскими доказательствами, хотя на это обстоятельство встрѣчаются нѣкоторыя указанія. Такъ, напр., духовникъ короля, о. Барчъ, сожалѣеть въ своемъ письмѣ къ нунцію Рангони о томъ, что Димитрій слушалъ льстецовъ, которые сулили ему польскій престолъ, и предается размышленію о томъ, простятъ ли это ему при польскомъ дворѣ ²⁾. Одинъ анонимный авторъ высказываетъ еще категоричнѣе и опредѣленнѣе, будто онъ слышалъ изъ устъ самого Сигизмунда, что «Димитрій собирался послать участникамъ «*gokosz'a*» сто тысячъ флориновъ и что поляки видѣли въ Москвѣ войска, посланныя имъ на помощь ³⁾. Слѣдовательно, эти слухи ходили, по крайней мѣрѣ въ высшихъ сферахъ, и всякій обсуждалъ ихъ по-своему, но нунцій Рангони считалъ ихъ не болѣе, какъ выдумкою. Велевицкій пишетъ прямо, что былъ моментъ, когда Димитрій хотѣлъ «лишить Сигизмунда престола» ⁴⁾.

Кое-какія двусмысленныя слова, сказанныя царемъ и его дружественныя отношенія къ нѣкоторымъ лицамъ, участвовавшимъ въ «*gokosz'ѣ*», придавали этимъ слухамъ долго вѣроятіе. Въ самомъ дѣлѣ, душою возстанія и его главнымъ вождемъ былъ тотъ самый Николай Зебржыдовскій, который обращалъ претендента въ католическую вѣру и всегда энергично защищалъ его. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ оппозиціи былъ Станиславъ Стадницкій, прозванный «дьяволомъ»; онъ былъ другъ Димитрія, родственникъ Марины, братъ ея гофмейстера, посылалъ царю въ подарокъ великолѣпныхъ лошадей ⁵⁾, а короля осыпалъ неистовой бранью.

Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, вышеупомянутыя заподозрѣнія можно считать вполне основательными. Идея объединенія сла-

¹⁾ Велевицкій, т. II, стр. 120—217, подробно описываетъ эти событія.

²⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 230, собственноручная приписка Рангони къ депешѣ отъ 25-го декабря 1606 г.

³⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, IV, 81, анонимная записка.

⁴⁾ Тургеневъ, т. II, стр. 136, № LXXVIII. Велевицкій, т. II, стр. 145.

⁵⁾ Нѣмоевскій, стр. 94.

вянскаго міра прибрѣтала популярность, никакая выдумка не смущала главарей «гокоsz'a»; они ненавидѣли Сигизмунда и не боялись прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Тѣмъ не менѣе было бы слишкомъ смѣло утверждать, что Димитрій принималъ какое-либо участіе въ «гокоsz'ѣ». Можно сказать только, что на это имѣются указанія; но положительныхъ доказательствъ нѣтъ.

Король польскій и царь московскій оба вели двуличную политику. Одинъ требовалъ, чтобы ему было уступлено нѣсколько московскихъ провинцій, а другой прикрывался вопросомъ о титулахъ, чтобы не дѣлать этимъ уступокъ. Русскіе предлагали въ тайнѣ Сигизмунду московскую корону, а нѣкоторые поляки предлагали, быть можетъ, Димитрію корону Ягеллоновъ. Всѣ интересы перепутались; интрига была въ полномъ ходу.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Р А З В Я З К А.

ГЛАВА I.

Коронованіе Марины 18-го мая 1606 г.

Кратковременное царствованіе.—Разнорѣчивые слухи.—Новый типъ царя.—Наслажденіе жить и царствовать.—Новый дворецъ.—Придворныя должности.—Почетная стража.—Церковь остается неприкосновенной.—Никакихъ нововведеній въ школьномъ дѣлѣ.—Учрежденіе государственнаго совѣта.—Отсутствіе свѣдѣній.—Самодержавіе Димитрія.—Крѣпостное право.—Права помѣщиковъ.—Плательщики податей.—Военные вопросы.—Походъ противъ турокъ.—Скромныя реформы.—Орудійный заводъ.—Адская машина.—Маленькое честолюбіе.—Торговля.—Импровизированная система.—Поляки и литовцы.—Покровительство англичанъ.—Аугсбургскіе и италіанскіе кушцы.—Драгоценные камни принцессы Анны.—Охота на медвѣдя.—Скандальная хроника Кремля.—Тридцать беременныхъ дѣвушекъ.—Дола истины.—Красавица Ксенія.—Увѣщанія Мнишека.—Исправленіе Димитрія.—Марина въ Пронднѣ.—Свадьба Сигизмунда III.—Самборскій караванъ.—Родственники и друзья Мнишека.—Женскій персоналъ.—Помасскій, Савидкій, семь бернардинскихъ монаховъ.—Всего двѣ тысячи поляковъ.—Оркестръ и шуты.—Двѣ іезуитскія коллегіи.—Пріемъ, сдѣланный Маринѣ въ Россіи.—Проповѣдь отъ Савидкаго.—Встрѣча съ боярами.—Дубно и Смоленскъ.—Можайскъ.—Посѣщеніе монастыря.—Мнишекъ въ Москвѣ.—Душевное состояніе Марины.—Бесѣда съ Савидкимъ.—Въѣздъ въ столицу.—Марина въ Вознесенскомъ монастырѣ.—Бурная аудіенція польскихъ посланниковъ.—Оцѣнка бракосочетанія, совершеннаго въ Краковѣ.—Разрѣшеніе.—Мнѣніе русскихъ.—Фанатики требуютъ вторичнаго крещенія.—Умѣренные удовлетворяются муропоманіемъ.—Обманъ.—Оффициальная программа.—Марина въ Кремлѣ.—Церемоніаль обрученія.—Подходящія къ случаю рѣчи.—Разбитая бутылка.—Затрудненіе по поводу этикета.—Отсутствіе посланниковъ на пирю.—Рѣчь, произнесенная Димитріемъ.—Танцы и турниръ.—20-ое мая.—Совѣщаніе посланниковъ.—Остроумная комбинація.—Пиршество 21-го мая.—Приключеніе съ Госѣвскимъ.—Празднество 25-го мая.—Угроза.—Признаніе Олесницкаго.—Дѣла.—Отвѣтъ Димитрія.

Царствованіе Димитрія продолжалось всего одиннадцать мѣсяцевъ. Онъ промелькнулъ на престолѣ подобно метеору съ обманчивымъ бле-

свомъ, послѣ котораго быстро наступаютъ сумерки. Исторія Димитрія трагична, почти неудовима. Съ самаго начала къ нему всё относились пристрастно; всё свидѣтельскія показанія въ его пользу и противъ него одинаково не заслуживаютъ довѣрія; въ довершенію бѣды, большая часть документовъ, которые могли бы служить намъ неопровержимыми доказательствами, истреблены временемъ, войнами, пожарами. До насъ дошли только одна противорѣчивые отголоски той эпохи.

Въ сомнительномъ потомкѣ Рюрика не было ни одной черты, свойственной древнимъ русскимъ царямъ. Онъ ни мало не походилъ на Ивановъ Васильевичей и Василіевъ Ивановичей ни складомъ своего ума, ни характеромъ, ни привычками и вкусами, ни даже своею внѣшностью. Это былъ типъ совершенно новый, своеобразный. Въ нравственномъ отношеніи Димитрій не обладалъ какими-либо рѣзкими, опредѣленными чертами. Окружающая среда, успѣхи и неудачи, имъ испытанныя, наложили печать на его впечатлительную натуру. Тотъ же Димитрій былъ совершенно инымъ человѣкомъ въ разныя эпохи своей жизни.

По прибытіи въ Москву послѣ всѣхъ пережитыхъ испытаній въ Димитріи наступила реакція. Онъ наслаждался сознаниемъ того, что онъ живетъ и царствуетъ; это отразилось въ его стремленіи къ роскоши и къ блеску. Строгое жилище древнихъ московскихъ царей казалось неподходящимъ юному повелителю Кремля. Ему нужно было что-нибудь болѣе видное, болѣе подходящее къ его новому веселому образу жизни. Наскоро былъ сооруженъ новый дворецъ, раздѣленный на два флигеля, изъ коихъ одинъ предназначался для царя, а другой для его супруги. Съ точки зрѣнія искусства, этотъ дворецъ, конечно, не могъ соперничать съ образцовыми произведеніями Фіоравенти и Солари, но онъ былъ просторенъ, имѣлъ нѣсколько отдѣльныхъ входовъ и ничѣмъ не напоминалъ прежніе мрачные покои царскихъ дворцовъ. Внутреннее убранство комнатъ было роскошное, стѣны были обтянуты драгоцѣнной шелковой матеріей, полы были покрыты роскошными коврами, всюду виднѣлась позолота, вездѣ было обиліе свѣта. Общій видъ дворца производилъ впечатлѣніе даже на поляковъ; Димитрій наслаждался этою роскошью. Онъ возстановилъ придворныя должности со всѣми іерархическими подробностями, заимствованными нѣкогда у византійцевъ, сформировалъ почетную стражу, исключительно изъ иностранцевъ. Ея обязанностью было сопровождать царя и наблюдать за его личною безопасностью. Эта стража состояла изъ трехсотъ рослыхъ молодцовъ, раздѣленныхъ на три роты, стрѣлковую и двѣ роты алебардщиковъ. Стрѣлки составляли цвѣтъ этого отборнаго войска и находились подъ командою капитана Якова Маржерета, служившаго нѣкогда въ войскѣ Годунова. Имъ была дана роскошнѣйшая форма: плащи изъ бархата и

парчи, и бердыши съ дrevками, сдѣланными изъ серебряной проволоки. Алебардщикамъ, состоявшимъ подъ командою англичанина Матвѣя Кноустона и шотландца Альберта Ланціа, были даны мундиры изъ фіолетоваго сукна, отличавшіеся цвѣтомъ лацкановъ: у однихъ они были зеленаго, а у другихъ краснаго бархата. Офицеры и солдаты получали большое жалованіе; царь хотѣлъ обезпечить себѣ ихъ преданность ⁴⁾.

Изъ своего дворца, построеннаго на новый ладъ, Дмитрію приходилось управлять странною отсталюю, раздираемою внутренними смутами. Онъ первый изъ русскихъ царей преступилъ закоддованный кругъ и видѣлъ своими глазами уголокъ Европы. Его кругозоръ расширился въ Польшѣ; разница съ Москвою была поражающая и не особенно лестная для русскихъ, но и Россія, признавая Дмитрія, была уже не прежняя первобытная страна, которую было легко направлять по своему благоусмотрѣнію; это уже была не Россія Іоанна III, озаренная блѣднымъ лучемъ эпохи возрожденія, это была Россія опричины, отброшенная назадъ Іоанномъ IV, глубоко пораженная вынесенными ею бѣдствіями, еще не излѣчившаяся отъ нихъ, кипѣвшая измѣною и интригами, объята борьбою партій и страстей.

Источенное червями, распозавшееся по своимъ швамъ государственное зданіе не внушало Дмитрію ни малѣйшей любви; онъ охотно снесъ бы его до основанія и перестроилъ наново; но приходилось считаться съ оппозиціей и осмотрительно соразмѣрять свои силы.

Если судить по задушевнымъ бесѣдамъ, которыя Дмитрій велъ въ Путивлѣ, во время похода, то можно было ожидать преобразованій прежде всего въ школьномъ дѣлѣ и въ духовномъ вѣдомствѣ. Однако по достиженіи престола, царь не особенно спѣшилъ осуществить эти планы. Мы видѣли уже, что онъ вовсе не коснулся православной церкви. Помимо обычнаго внимательства гражданской власти въ дѣла церкви, Дмитрій не касался духовныхъ дѣлъ; въ бытѣ бѣлаго и чернаго духовенства не произошло при немъ никакихъ перемѣнъ; проектъ единенія съ Римомъ былъ также забытъ; о полемикѣ съ католиками болѣе не вспоминали; мысль о созывѣ собора, о которомъ въ Краковѣ шла рѣчь съ Рангони, также осталась въ проектѣ. Въ странѣ, гдѣ всякаго ученаго считали колдуномъ, а на науку смотрѣли какъ на ересь, было опасно слишкомъ много заботиться о школѣ. Борисомъ Годуновымъ былъ сдѣланъ въ этомъ отношеніи нѣкоторый починъ; онъ послалъ нѣсколько молодыхъ людей изучать иностранные языки въ Любекъ и Лондонъ и пригласилъ иностранныхъ ученыхъ въ Россію. Дмитрій не пошелъ такъ далеко, онъ общалъ многое, но сдѣлалъ весьма мало въ исполненіе этихъ обѣщаній.

⁴⁾ Маржереть, стр. 87. Масса, т. II, стр. 145, 148. Руссель, стр. 8.

Въ сферѣ гражданской и административной было легче сдѣлать опытъ преобразованія, нежели въ области церкви и школы. Однимъ изъ главныхъ правительственныхъ актовъ новаго царя было учрежденіе нѣкотораго подобія государственнаго совѣта. Это было до нѣкоторой степени возвратомъ къ стариннымъ учрежденіямъ, но съ нѣкоторой попыткой къ ихъ усовершенствованію и приспособленію къ требованіямъ времени. Бояре и епископы принимали нѣкогда участіе въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Знатнѣйшіе изъ нихъ составляли Думу, или ближайшихъ совѣтниковъ царя, самодержавіе котораго этимъ нѣсколько ограничивалось. Въ этомъ учрежденіи таился зародышъ вольности, который не особенно соответствовалъ стремленію царей къ деспотизму. Поэтому мы видимъ, что по мѣрѣ того какъ московскіе цари все болѣе и болѣе стремились къ византійскому самодержавію, значеніе Думы постепенно падало. Самоволіе Іоанна IV и бѣдствія послѣдующихъ лѣтъ окончательно подорвали ея значеніе. Когда кризисъ миновалъ, было рѣшено преобразовать это учрежденіе.

Весьма возможно, что Дмитрій дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не вполне самостоятельно, что онъ былъ связанъ обѣщаніями. Если вѣрять Петру Аркюдису, вольности польскаго народа соблазнили русскихъ, и они заблаговременно поставили царю свои условія. Дмитрій отлично понималъ, какъ ему надобно было дѣйствовать для того, чтобы передъ нимъ открылись ворота Москвы, поэтому онъ не скупился передъ боярами на обѣщанія. Самъ воевода Мнишекъ, въ своихъ письмахъ къ боярамъ и рыцарству, увѣрялъ ихъ, что Дмитрій всегда будетъ заботиться о расширеніи ихъ правъ. Сопоставляя эти данныя, можно предположить, что учрежденіе государственнаго совѣта имѣло цѣлью удовлетворить вполне опредѣленному образу мыслей и желаній.

Внѣшній составъ совѣта, четыре категории его членовъ, самый способъ ихъ назначенія напоминаютъ организацію старинной Думы. Первый разрядъ составляли духовныя лица съ патриархомъ Игнатіемъ во главѣ. Онъ занималъ почетное мѣсто по правую руку отъ царя. Возлѣ него, но на почтительномъ разстояніи сидѣли четыре митрополита, семь архіепископовъ и три епископа. Фамиліи тѣхъ тридцати шести бояръ, которые составляли второй разрядъ, говорятъ весьма многое. Мы видимъ въ числѣ ихъ Нагихъ, близкихъ родственниковъ царя, далѣе начальниковъ войска, посланнаго нѣкогда противъ претендента, жертвъ, пострадавшихъ въ царствованіе Бориса Годунова, и любимцевъ новаго монарха. Списокъ этихъ именъ составляетъ самъ по себѣ страничку исторіи. Въ двухъ послѣднихъ разрядахъ находилось семнадцать окольничьихъ и шесть дворянъ. Допедашій до насъ списокъ членовъ совѣта писанъ рукою секретаря Яна Бучинскаго. Говоря о совѣтѣ, онъ называетъ его сенатомъ; это слово навѣяно, очевидно, вос-

поминаніемъ о Польшѣ: подъ нимъ, очевидно, надобно понимать преобразованную Думу. Этимъ спискомъ ограничиваются всѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ объ этомъ учрежденіи. До насъ не дошло ни одного акта, имъ обнародованнаго, намъ не извѣстно, какими онъ пользовался правами, чѣмъ ограничивалась его дѣятельность и въ чемъ именно она состояла ¹⁾. Въ глубинѣ души Димитрій несомнѣнно склонялся болѣе къ самодержавію. Отвѣты, которые онъ давалъ боярамъ, были всегда, если припомнимъ сказанное по этому поводу П. Аркудіусомъ, сдержанны и уклончивы, а бесѣдуя съ нунціемъ Рангони о дѣлахъ церкви, онъ любилъ сравнивать себя съ вѣздомъ, умѣющимъ взнуздать свою лошадь.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ его актахъ выразился болѣе либеральный духъ. Въ царствованіе Годунова, народъ утратилъ свою свободу, крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, Россіи была привита язва крѣпостнаго права. Нѣкоторые указы Димитрія свидѣтельствуютъ объ его заботѣ возстановить равенство и справедливость. Такъ, наприм., отецъ семейства былъ лишенъ права продавать въ крѣпостную зависимость свое потомство. Всякій могъ закрѣпостить себя какому-нибудь хозяину по своему благоусмотрѣнію, но по отношенію къ дѣтямъ таковыя обязательства считались недѣйствительными и, хотя узы рабства распространялись только на личность, но онѣ служили источникомъ вопіющихъ злоупотребленій. Права помѣщиковъ по отношенію къ крѣпостнымъ были ограничены Димитріемъ, и въ иныхъ случаяхъ даже отмѣнены совершенно: помѣщикъ могъ владѣть крестьянами только подъ непремѣннымъ условіемъ заботиться объ ихъ существованіи; если же въ случаѣ голода онъ былъ не въ состояніи прокормить своихъ крестьянъ, то онъ лишался тѣмъ самымъ права на владѣніе ими. Способъ взиманія податей, производившійся зачастую несправедливо и совершенно произвольно, также былъ измѣненъ въ пользу плательщиковъ въ томъ отношеніи, что отъ сбора податей были устранены корыстолюбивые посредники ²⁾. Разумѣется, всѣ эти мѣры были болѣе или менѣе случайныя. На нихъ нельзя смотрѣть, какъ на начало какого-либо аграрнаго законодательства или реформы въ государственныхъ финансахъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что Димитріемъ руководили человѣколюбивыя стремленія.

Важнымъ административнымъ вопросомъ были въ глазахъ Димитрія вопросы военные, которые вполне соответствовали его пылкому характеру и занимали его непрестанно. Эти вопросы были первостепен-

¹⁾ Соб. гос. грам., т. II, стр. 207, № 93; стр. 210, № 94. См. превосходный трудъ Ключевского „Боярская дума“.

²⁾ Акты истор., т. II, стр. 76, 77, №№ 61, 62.—Акты собр., т. II, стр. 95, № 40.

ной важности, они могли возникнуть ежечасно и настоятельно потребовать рѣшенія. Русскимъ границамъ то и дѣло угрожали на востокѣ татары, а на западѣ нѣмцы, не говоря уже о полякахъ, съ которыми Россія находилась официально въ мирныхъ отношеніяхъ. Димитрія озабочивала не только мысль объ оборонѣ государства, но въ своихъ заботахъ о войскѣ онъ имѣлъ еще заднюю мысль. У него не выходила изъ ума мечта о фантастическомъ походѣ противъ турокъ; онъ представлялъ себя мысленно идущимъ по стопамъ Стефана Баторія, главою лиги, образованной противъ Турціи.

Для человѣка гениальнаго открывалось обширное поле дѣятельности. Димитрій понималъ это, но если онъ и задался мыслию совершить преобразование, то надобно сознаться, что имъ не было выработано плана коренныхъ или обширныхъ реформъ. Онъ не мечталъ о созданіи новаго, прочнаго государственнаго строя, не старался искать за границею образца для подражанія; онъ довольствовался находившимися въ его распоряженіи, случайными средствами, которыя давала ему страна, и содѣйствіемъ нѣсколькихъ инженеровъ, коихъ онъ надѣялся выписать изъ Италіи и Англій; за то въ этой ограниченной сферѣ онъ старался сдѣлать все возможное. Обученіе солдатъ составляло одну изъ его главныхъ заботъ; онъ учащалъ военныя упражненія, спѣшилъ съ изготовленіемъ оружія и боевыхъ снарядовъ. По близости отъ дворца находился литейный заводъ, который онъ нерѣдко посѣщалъ. Ему приписываютъ даже изобрѣтеніе новаго военнаго снаряда, по поводу котораго создалось не мало легендъ, но который унесъ особенно много жертвъ. Въ лѣтописяхъ онъ окрещенъ зловѣщимъ названіемъ адской машины. Это была, по всей вѣроятности, одна изъ тѣхъ подвижныхъ крѣпостей, которыя были въ большомъ употребленіи у русскихъ; крѣпости эти катились на толстыхъ дубовыхъ доскахъ, и въ нихъ скрывались стрѣлки; подобная крѣпость была, вѣроятно, приспособлена Димитріемъ на новый ладъ. Особенно сильное впечатлѣніе производили на зрителей зловѣщія сцены, изображенныя на стѣнахъ этого сооруженія: на нихъ были нарисованы сражавшіяся чудовища и огромныхъ размѣровъ черти, изрыгавшіе пламя. Въ то время этого было достаточно для того, чтобы навлечь на себя подозрѣніе въ черной магіи ¹⁾.

Къ увлеченію военнымъ дѣломъ въ душѣ Димитрія примѣшивалась доля честолюбія; подъ предлогомъ лиги противъ турокъ онъ мечталъ составить себѣ выдающееся положеніе въ Европѣ. Припомнимъ, что, предлагая папѣ обнажить мечъ противъ невѣрныхъ, царь дѣйствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ образомъ, чтобы войти въ концертъ западныхъ

¹⁾ Неаполь, національная бібліотека, X, g., 12, f. 47. — Нѣмоевскій, стр. 119. — Масса, т. II, стр. 149. — Платоновъ, Сказаніе, стр. 4.

державъ; къ этому прибавлять нечего. Другимъ средствомъ войти въ сношеніе съ остальнымъ міромъ, заставить его узнать Россію и искать сближенія съ нею была торговля. Димитрій понялъ и оцѣнилъ ея значеніе. Теоріи свободной торговли и покровительственной системы, разумѣется, были ему незнакомы, но онъ чувствовалъ инстинктивно, что безчисленные препоны, воздвигаемыя торговлѣ въ Московскомъ государствѣ, отжили свой вѣкъ; съ другой стороны непопулярныя привилегіи, предоставляемыя иностранцамъ, не вызывали его одобренія. Его система, если таковая была у него, состояла въ томъ, чтобы открыть новые рынки, привлечь купцовъ, поощрять въ широкихъ размѣрахъ обмѣнъ товаровъ, хотя бы даже въ ущербъ государственнымъ доходамъ, которые были бы покрыты со временемъ сторицею. Такимъ образомъ онъ даровалъ полякамъ и литовцамъ право прїѣзжать въ Москву съ товарами: ихъ не задерживали болѣе на границѣ, имъ не приходилось болѣе подчиняться дорого стоящимъ и неприятнымъ формальностямъ. Подобныя льготы были обѣщаны и русскимъ въ Польшѣ.

Еще лучше были обставлены англичане, за коихъ хлопотали, вѣроятно, ихъ соотечественники. Димитрій, еще во время похода своего на столицу, интересовался уже Великобританіей. Прибывъ въ Тулу, онъ приказалъ извѣстить объ этомъ англійскаго агента Джона Меррика, который поспѣшилъ на встрѣчу будущаго царя. Поселившись въ Кремлѣ, Димитрій послалъ гонцовъ въ Архангельскъ, оттуда долженъ былъ отплыть на родину британскій посланникъ, Тома Смитсъ. Отъ него потребовали письма, полученные имъ отъ Бориса Годунова, которыя были замѣнены другими на имя Іакова I; англичанамъ были обѣщаны большія льготы и королю сообщалось о посылкѣ въ Лондонъ русскаго посольства. Англичане были не прочь воспользоваться этими предложеніями: исполненная приключеній поѣздка Ричарда Чанселлора (Richard Chancellor) открыла имъ путь въ Бѣлое море; съ тѣхъ поръ они наживались въ Россіи, дѣйствуя съ тою смѣлою предприимчивостью, которою отличается современный Кароагенъ. Борисъ Годуновъ даровалъ имъ огромныя привилегіи, которыя приводили русскихъ въ негодованіе; Димитрій выказывалъ намѣреніе превзойти Годунова. Онъ разрѣшилъ Джону Меррику свободный проѣздъ повсемѣстно въ Россію, въ чемъ нѣкогда было отказано Паолетто Центуріоне; англичанамъ было дозволено торговать беспошлинно ¹⁾.

Вообще, со вступленія на престолъ Димитрія, въ особенности во время коронаванія Маринны, торговля въ Россіи замѣтно оживилась. Въ Польшѣ къ поѣзду царицы присоединялись купцы. Въ Аугсбургѣ

¹⁾ Smithes, стр. 91, 103.—Въ Queen's College d'Oxford (N CCCLXXXIV) хранится грамота, данная Димитріемъ англійскимъ купцамъ.

тогда же образовалась вторая купеческая компанія, во главѣ которой находился еврей Натанъ. Въ числѣ его сотоварищей находился Иванъ-Георгъ Пайерле (Jean-Georges Payerle), которому пришлось въ скоромъ времени повѣствовать о своихъ бѣдствіяхъ. Жажда наживы привлекла въ Москву даже нѣсколькихъ италіанцевъ, какъ напр. Иванъ-Амбруаза Целлари (Jean-Ambrois Cellari) изъ Милана. Димитрій пользовался такою славой, его считали человѣкомъ столь расточительнымъ и такимъ любителемъ драгоценныхъ камней, что даже сестра короля Сигизмунда, принцесса Анна, не устояла передъ желаніемъ совершить выгодную продажу и послала въ Кремль цѣлую коллекцію драгоценныхъ камней, которые одному польскому дворянину было поручено продать царю ¹⁾).

Несмотря на столь разнообразныя занятія, Димитрій имѣлъ достаточно свободнаго времени для своихъ удовольствій. Онъ вознаграждалъ себя за лишенія, испытанныя имъ до тѣхъ поръ. Жизнь текла въ Кремлѣ припѣваючи. Любимою забавою царя была охота, въ которой онъ выказывалъ большую храбрость и проворство. Однажды, въ присутствіи воеводы Мишика онъ приказалъ спустить въ поле медвѣдя, погнался за нимъ верхомъ и съ такою силою бросилъ въ него рогатину, что звѣрь палъ мертвый. Этотъ подвигъ отмѣченъ въ лѣтописяхъ той эпохи, какъ выдающійся случай. Однако не всѣ развлеченія Димитрія были столь высокаго полета, какъ это царственное препровожденіе времени. До тѣхъ поръ, въ Краковѣ, въ Самборѣ и во время похода никто не подмѣчалъ въ Димитріи ни малѣйшей слабости къ прекрасному полу, по крайней мѣрѣ, никто не говоритъ объ этомъ. Но когда верховная власть дала ему возможность удовлетворять свои прихоти, и деньги дали къ тому средства, то въ немъ произошла въ этомъ отношеніи большая перемѣна. Царская власть отуманила его такъ же точно, какъ она отуманиваетъ многихъ другихъ. Скандальная хроника Кремля богата въ его царствованіе событіями. Современники изображали Димитрія циническимъ сатрапомъ, но въ сущности всѣ рассказываемыя о немъ анекдоты болѣе пикантны, нежели достовѣрны. Большинство историковъ передаютъ рассказъ о тридцати беременныхъ дѣвушкахъ. Можно ли считать его правдоподобнымъ? Молодой голландскій купецъ, Исаакъ Масса, утверждаетъ, что онъ былъ уполномоченъ обиженными дѣвушками предъявить искъ къ тому, кто попраля ихъ честь; это было въ то время, когда въ Кремлѣ происходили тѣ кровавыя сцены, о которыхъ

¹⁾ Вѣна, государственный архивъ, Rossica, 27-го января 1607 г.; P o l o n i c a, 1608, réclamations en faveur de „Philippus Holbein, Andreas Nathan, Iacob Beckler, Georg Peuerle (alias Joannes Georgius Baierle) mit Consorten“. — Нѣмоевскій, стр. IX, 93.

рѣчь будетъ далѣе. Голландцу повѣрили на слово, не доискиваясь, откуда ему могли были павѣстны эти тайны. Хотя подробности этого разсказа походятъ на сплетни, но въ немъ есть большая доля правды. Мы имѣемъ свидѣтельство нѣкоторыхъ лицъ, исполнѣ заслуживающихъ довѣрія, которыя искренно сокрушались по поводу непристойнаго поведенія царя; его сторонники также скорбятъ объ этомъ; многіе называютъ его поведеніе развратнымъ ¹⁾. Дѣло дошло до того, что Мнишекъ счелъ долгомъ протестовать и прочитать царю нравоученіе. Нелегко было ему взять на себя эту неблагоприятную роль.

Припомнимъ, въ какой критическій моментъ Сендомірскій воевода уѣхалъ изъ арміи Дмитрія: это было на другой день послѣ того, какъ въ войскѣ вспыхнуло возмущеніе, когда Дмитрію приходилось бороться со всякаго рода затрудненіями и неожиданностями. По пути воевода успокоился и по пріѣздѣ въ Самборъ подарилъ своимъ друзьямъ, бернардинскимъ монахамъ, шитую золотомъ, Московскую хоругвь, которая была ими принята, какъ трофей побѣдоноснаго гетмана ²⁾. Съ тѣхъ поръ утекло не мало воды, и Мнишекъ явился къ царю уже въ качествѣ просителя. У него были по обыкновенію долги, которые было необходимо уплатить; ему надобно было ввести просроченныя подати; кромѣ того нужны были деньги на покрытіе свадебныхъ расходовъ Марины; а единственнымъ источникомъ его доходовъ былъ Дмитрій, коему онъ нѣкогда покровительствовалъ и который снабжалъ его теперь деньгами. 25-го декабря 1605 г. Мнишекъ написалъ Дмитрію отчаянное письмо, съ просьбою о высылкѣ денегъ; онъ краснорѣчиво излагалъ свои надобности, говорилъ о крайней нуждѣ, но въ разоренномъ и нуждающемся магнатѣ все еще чувствовался прежній горделивый самборскій владѣлецъ. Онъ мечталъ о великой будущности для своего отечества и для своей семьи, предвидѣлъ возможность союза Польши съ Москвою, и вдругъ всѣ его мечты разлетались прахомъ: Дмитрій ускользалъ изъ рукъ тестя, онъ возстановлялъ противъ короля, измѣнялъ Маринѣ. Воевода былъ крайне взволнованъ, онъ обратился къ своему непостоянному зятю съ самыми серьезными упреками, умолялъ его не раздражать короля и въ концѣ письма затронулъ щекотливый вопросъ, который былъ особенно близокъ его отеческому сердцу.

Въ Польшѣ, писалъ онъ, ходятъ странные слухи. Говорятъ, будто въ числѣ московскихъ женщинъ есть одна, славящаяся необыкновеннымъ умомъ и красотою—это Ксенія, дочь Бориса Годунова. Она одна изъ всей семьи избѣгла смерти и пытокъ. Даже русскіе лѣтописцы, обыкно-

¹⁾ Масса, т. II, стр. 152.—Нѣмцовскій, стр. 15, 118.—Велевицкій, т. II, стр. 145.

²⁾ Самборъ, архивъ бернардинскихъ монаховъ, A c t a, f. III.

венно весьма сдержанные на похвалы, отдавали дань ея красотѣ и отзывались о ней восторженно. Тщательно воспитанная своимъ отцомъ, она умѣла читать и писать, и привлекала взоры своимъ гибкимъ станомъ, поразительно бѣлымъ цвѣтомъ лица, яркимъ румянцемъ, большими темными глазами и черными, какъ смоль, волосами, ниспадавшими на плечи пышными косами. Злые языки говорили, что Ксенія жила въ Кремлѣ и что Димитрій былъ къ ней далеко не равнодушенъ. Это встревожило Мнишека; онъ дорожилъ честью своей дочери и не допускалъ, чтобы у нея была соперница. Онъ смѣло потребовалъ, чтобы Димитрій удалилъ изъ дворца молодую дѣвушку, которая была слишкомъ хороша собою, чтобы не возбуждать подозрѣній¹⁾.

Что именно отвѣтилъ на это царь, намъ не извѣстно; какъ бы то ни было, онъ умѣлъ успокоить своего тестя. Ксенія была заточена въ монастырь, долги Мнишека были уплачены, и Димитрій снова сталъ торопить свою невѣсту прїѣздомъ. Все было готово къ ея прїему, но бояре, посланные ей на встрѣчу тшетно ожидали ее на границѣ; Марина не спѣшила. Это было тяжкое испытаніе для Димитрія; онъ всячески убѣждалъ ее, просилъ, умолялъ, угрожалъ самъ прїѣхать за ней, ничто не помогало²⁾. Онъ терялся въ догадкахъ, не зная, чѣмъ объяснить медлительность Мнишека. Дѣло въ томъ, что воевода выжидалъ изъ Рима разрѣшенія, коего онъ просилъ для Марины. Ему не хотѣлось ѣхать съ неуспокоенной совѣстью, и онъ двинулся въ путь только тогда, когда у него явилась надежда, что отвѣтъ будетъ полученъ своевременно. Путешествіе Сендомірскаго воеводы съ его многочисленною свитою походило на настоящее переселеніе народа. Мы оставили Марину въ Краковѣ во время празднествъ мечтающею о коронѣ и проливавшю слезы при прощаніи съ родиною. Она выѣхала изъ Кракова 3-го декабря и провела нѣкоторое время въ Прондникѣ, дабы избѣжать затрудненій, сопряженныхъ съ требованіями этикета, ибо на слѣдующій день, 4-го декабря, долженъ былъ состояться торжественный въѣздъ въ Краковъ невѣсты Сигизмунда, эрцгерцогини Констанціи; присутствие въ повѣздѣ двухъ монархинь могло привести церемоніймейстеровъ въ совершенное отчаяніе. Отсутствие Марины разрѣшало ихъ недоумѣнія и облегчило имъ трудную задачу. Бракосочетаніе короля совершилось 11-го декабря 1605 г. съ необычайною пышностью и великолѣпіемъ; пиршествъ, продолжавшіяся цѣлыхъ три дня, могли привести въ отчаяніе самаго отъявленнаго лакомку. Въ числѣ приглашенныхъ находился

¹⁾ Русск. ист. библ., т. XIII, собр. 621, 652.—Собр. гос. грам., т. II, стр. 241, № 112.

²⁾ Пять писемъ по этому поводу напечатаны въ Собр. гос. грам., т. II, стр. 254—282, №№ 118, 123, 128, 131, 132.

Власевъ, который и тутъ не упустилъ случая накуралесить. Какъ посланникъ царя, онъ пожелалъ занимать мѣсто болѣе почетное, нежели нунцій. Это требованіе казалось ему вполне законнымъ по слѣдующей причинѣ: такъ какъ кардиналъ Мацѣвскій исполнялъ обязанности папскаго легата, то Власевъ утверждалъ, что у папы не могло быть двухъ легатовъ при одномъ и томъ же дворѣ, поэтому онъ смотрѣлъ на Рангови, какъ на простаго епископа. Поляки быстро образумили его, предложивъ ему либо подчиниться ихъ требованію, либо не присутствовать вовсе на пиршествѣ. Вынужденный подчиниться, онъ занялъ указанное мѣсто ¹⁾.

Въ то время, какъ король наслаждался медовымъ мѣсяцемъ, Мнишеки были заняты послѣдними приготовленіями къ отъѣзду. Ихъ свита и прочіе спутники снаряжались цѣлыхъ три мѣсяца: поѣздъ организовался окончательно въ Самборѣ. По именному указу Сигизмунда, всякое судебное преслѣдованіе противъ сендомірскаго воеводы было пріостановлено на время его путешествія ²⁾. Эта милость была равносильна одобренію свыше. Неизвѣстно, приказалъ ли король Мнишеку принять какія-либо мѣры предосторожности и намекнулъ ли онъ ему на секретныя переговоры, которые велись съ москвитями. Какъ бы то ни было, ничто не нарушало спокойствіе отъѣзжающихъ. Связанные между собою узами кровнаго родства и дружбы, они мечтали только объ удовольствіяхъ, какія ожидали ихъ въ Кремлѣ. Мнишекъ везъ съ собою своего сына Станислава, своего брата Ивана, племянника Павла, своего зятя Константина Вишневецкаго, Сигизмунда и Павла Тарло, трехъ Стадницкихъ, изъ коихъ одинъ, Мартинъ, былъ церемоніймейстеромъ Марини, Казановскаго, Любомірскаго, Доморацкаго, Голуховскаго. Вокругъ Марини группировалась женская свита: пани Гербертъ, Шмелевская, супруги обоихъ братьевъ Тарло; ея гофмейстериною была Казановская ³⁾.

Духовенство имѣло въ свитѣ Мнишека многочисленныхъ представителей. Самборскій священникъ, Францисъ Помасскій, отправился въ Москву по своему собственному желанію. Отецъ Савицкій былъ посланъ нунціемъ на счетъ папы. Миссія іезуита должна была начаться въ Кремлѣ, гдѣ его присутствіе должно было напомнить царю объ отреченіи, произнесенномъ въ Краковѣ. Что касается Марини, то она относилась болѣе сочувственно къ бернардинскимъ монахамъ, своимъ друзьямъ дѣтства; имъ пришлось быть домовыми священниками царицы, и они должны были напоминать ей незабвенный Самборъ. Воевода раздѣлялъ симпатіи дочери; онъ избралъ своимъ духовникомъ также одного изъ бернардинскихъ монаховъ, коихъ въшло съ ними всего семь человекъ.

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 232, f. 85.

²⁾ Собр. гос. грам., т. II, стр. 239, № 111.

³⁾ Собр. гос. грам., т. II, стр. 239, № 111.

Самымъ извѣстнымъ изъ нихъ былъ отецъ Ансеринусъ, съ которымъ Димитрій велъ нѣкогда споръ. Будущее представлялось Ансеринусу въ мрачномъ свѣтѣ. Болѣе скромнымъ, но столь же преданнымъ былъ отецъ Антоній Люблинскій, котораго только смерть разлучила съ Мариной.

Бѣлецъ, по имени Петръ, бывшій въ числѣ спутниковъ, былъ искуснымъ врачомъ ¹⁾. Бернардины, какъ испытанные друзья, держались, какъ свои люди, такъ что Савицкій, по крайней мѣрѣ, во время пути, чувствовалъ себя человѣкомъ пришлымъ, и ему казалось, что безъ него легко могли бы обойтись; впрочемъ, это было чисто личное впечатлѣніе, которое не подтверждалось никакими непріятными для него столкновениями.

Число всѣхъ лицъ, ѣхавшихъ съ Мнишекомъ, доходило, согласно польскимъ источникамъ, приблизительно до двухъ тысячъ человѣкъ и столькихъ же лошадей. Эта весьма значительная цифра объясняется большимъ числомъ слугъ, коими польскіе магнаты имѣли обыкновеніе окружать себя. Станиславъ Мнишекъ не отказалъ себѣ даже въ роскоши имѣть свой собственный оркестръ; онъ нанялъ двадцать музыкантовъ и взялъ съ собою шута, Антонія Ріати, уроженца Болоньи. Впослѣдствіи оказалось, что подборъ слугъ былъ весьма неудаченъ. Въ самое тяжелое время, они предались пьянству, разврату, ссорамъ, дуэлямъ и убійствамъ. Одна женщина, чтобы скрыть свой позоръ, разрѣзала своего ребенка и бросила на крышу его окровавленные останки.

Семейство Мнишекъ выѣхало изъ Самбора 2-го марта 1606 года. Кто могъ бы подумать, видя, съ какою радостью они отправлялись въ путь, что это уѣзжали будущіе заложники? Путешествіе, прерываемое продолжительными остановками, совершалось медленно. Аеанасій Власевъ, не разлучавшійся болѣе къ Мариною, проклиналъ эту медлительность. Желая сдѣлать пріятное своему монарху, онъ хотѣлъ бы мчаться во весь опоръ, что онъ и высказывалъ откровенно. Его напоминанія были такъ настойчивы, что Мнишекъ былъ выведенъ, наконецъ, изъ терпѣнія. Онъ пожаловался своему зятю, ссылаясь на свою старческую немощь и на вниманіе, съ какимъ слѣдуетъ относиться къ женскому полу, о которомъ Власевъ имѣлъ весьма смутное понятіе:

— Не можемъ же мы летѣть къ вамъ,—писалъ Мнишекъ, съ досадою, и не ускорялъ своей поѣздки ²⁾.

По пути въ Москву находились двѣ іезуитскія коллегіи, одна въ Люблинѣ, другая въ Нѣвежѣ. Первую посѣтила съ отцомъ Марина,

¹⁾ Самборъ, Архивъ бернардиновъ, Kronika, f. 189, 190, 191.—Краковъ, музей Чарторыйскихъ, Тека Naguszewicza, № 108, f. 1681.

²⁾ Собр. гос. грам., т. II, стр. 284, № 133.

вторую посѣтилъ только ея отецъ. Учащіеся въ коллегіи юноши воспѣли героиню дня въ стихахъ и прозѣ, на польскомъ и на латинскомъ языкахъ. Эти восторженные звуки были прощальной пѣснью смѣлой дѣвушки, которая шла отважно на неизвѣстное, чтобы возложить на свою главу корону. Въ Оршѣ путешественники видѣли послѣдній костель; 18-го апрѣля они вступили во владѣнія Димигрія.

Россія встрѣтила прїѣзжихъ непривѣтливо: погода была хмурая, пасмурная, воздухъ былъ сырой, холодно-пронзительный, дорога вся въ рытвинахъ. Къ счастью, въ болотистыхъ мѣстахъ были перекинуты мосты; иначе трудно было бы проѣхать. Два дня передъ тѣмъ, 16-го апрѣля, о. Савицкій говорилъ проповѣдь о томъ, какъ слѣдовало держать себя въ чужой странѣ, и, какъ человѣкъ, опытный, онъ убѣждалъ своихъ соотечественниковъ жить въ мирѣ съ москвитями и подавать имъ добрый примѣръ. Напрасный трудъ: отношенія между ними сдѣлались вскорѣ столь натянуты, что Мнишекъ былъ вынужденъ издать строгія «правила» и назначить судей, чтобы предупредить споры и столкновенія, а въ случаѣ надобности, возстановить доброе согласіе. Поляки чистосердечно признаются, что эти знаменитыя правила остались мертвою буквою. Савицкій лично не могъ пожаловаться на москвитовъ. Четыре боярина, какъ онъ ихъ называетъ, коихъ онъ увидѣлъ впервые въ одной деревнѣ, смотрѣли на него во всѣ глаза, какъ бы желая изучить его во всѣхъ подробностяхъ. Ихъ любопытство было ненасытное: они хотѣли знать все подробно; спрашивали, зналъ ли Савицкій греческій или латинскій языкъ, священникъ онъ или монахъ; были ли при Маринѣ другіе священники или монахи, какого они были вѣроисповѣданія и сколько именно ихъ было? Іезуитъ не былъ расположенъ открывничать и, находя бояръ болѣе болтливыми, нежели любезными, прекратилъ разговоръ.

20-го апрѣля, состоялась официальная встрѣча Марины въ Лубно. Все было предусмотрѣнно и обставлено такъ, чтобы поразить умы. Полякамъ хотѣлось сразу дать почувствовать, что они будутъ гостями великаго монарха. Ихъ привѣтствовали и поздравили съ благополучнымъ прибытіемъ Михаило Нагой и князь Масальскій: они горячо благодарили воеводу за то, что онъ былъ ангеломъ хранителемъ ихъ царя, били челомъ Маринѣ, съ восторгомъ цѣловали ея царскую руку и выразили готовность исполнить всѣ ея желанія. Далѣе Марина поѣхала въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ московскихъ всадниковъ, уже не какъ дочь воеводы сендомірскаго, а какъ невѣста русскаго царя. Народъ стекался со всѣхъ сторонъ, чтобы взглянуть на нее; духовенство выходило ей навстрѣчу съ иконами и святой водою; въ городахъ жители предавались шумному веселью.

Въ Смоленскѣ, русской крѣпости, которая перешла вскорѣ въ руки

поляковъ, о. Савицкій любовался русскимъ войскомъ. Стрѣльцы, съ ихъ широкими красными кафтанами и длинными мушкетами на плечѣ, показались ему молодцами. Можайскъ представлялъ для поляковъ особаго рода интересъ. Савицкій съ любопытствомъ слушалъ мѣстныхъ преданій, осматривалъ богатыя иконы и видѣлъ, какъ народъ высоко чтить чудотворца. Ему показывалъ достопримѣчательности города священникъ, которому онъ выразилъ желаніе посѣтить одинъ изъ монастырей Можайска. Монахи, послѣ нѣкотораго колебанія, впустили его въ монастырь и угостили пивомъ и медомъ. Завязался разговоръ. Савицкій пожелалъ видѣть игумена. «Онъ рѣдко показывается,—отвѣчали ему,— онъ проводитъ все время въ молитвѣ». Вдругъ дверь отворилась, и появился набожный отшельникъ; по его нетвердой походкѣ и заплетавшемуся языку не трудно было угадать, какому богу онъ поклонялся. Его веселость сообщилась всей компаніи и сдѣлалась вскорѣ шумною. Савицкій былъ крайне смущенъ и старался поскорѣе уйти; ему едва удалось проскользнуть въ дверь, преслѣдуемому игуменомъ, со стаканомъ въ рукахъ. Этотъ случай навелъ его на серьезные размышленія.

Между тѣмъ Мнишекъ опередилъ свою дочь; 4-го мая онъ уже былъ въ Москвѣ и извѣстилъ Дмитрія о скоромъ пріѣздѣ Марины. Тотчасъ начались аудіенціи, пиры, и была назначена знаменитая охота на медвѣдя. Что касается Марины, то передъ вѣздомъ въ столицу она должна была отдохнуть съ дороги. Съ этой цѣлью у воротъ столицы были воздвигнуты роскошныя палатки. Самая обширная изъ нихъ, обитая обоями и украшенная надписями изъ священнаго писанія, была превращена въ походную церковь, въ которой, въ присутствіи путешественниковъ, ежедневно совершалось богослуженіе.

Остановка продолжалась до 12-го мая; день знаменательный для Марины, въ который долженъ былъ совершиться ея вѣздъ въ Москву. Отецъ Савицкій былъ свидѣтелемъ ея приготовленій, которыя выдавали тревожное настроеніе ея души. Она пригласила Савицкаго къ себѣ рано утромъ и пожелала исповѣдаться у него. Она впервые обращалась къ нему въ такую минуту. Послѣ исповѣди Марина отстояла обѣдню и приобщилась св. тайнъ. Молодая дѣвушка была преисполнена вѣры и надежды въ Провидѣніе, и не думала о предстоявшихъ ей препятствіяхъ. Бесѣда съ о. Савицкимъ возвратила ее къ дѣйствительности: онъ напомнилъ ей обѣщанія, данныя ею въ Польшѣ тѣмъ лицамъ, кои надѣялись видѣть въ ней посредницу въ дѣлахъ вѣры; зная, что доступъ къ царю былъ весьма затруднителенъ, Савицкій просилъ ее, какъ личную милость, чтобы она облегчила ему сношенія съ Дмитріемъ. Руководствуясь внушеніями своего сердца, она обѣщала исполнить все то, о чемъ онъ просилъ. Успокоенный этимъ, Савицкій тотчасъ отправился

*

въ Москву и поспѣшилъ обнять отца Николая. Она присутствовали вмѣстѣ при торжественномъ вѣздѣ царской невѣсты.

Зрѣлище превосходило самыя пылкія мечты; можно было подумать, что настала часъ единенія славянъ. На сторонѣ московитовъ было превосходство численности и богатства нарядовъ; поляки отличались своей воинственной осанкой и роскошнымъ оружіемъ. Эти два народа, коихъ раздѣляло вѣковое соперничество, позабыли свою исконную вражду; они шли подъ сѣнью общихъ знаменъ, дружески протягивали другъ другу руки и наперерывъ привѣтствовали героиню дня. Молодая полька, подобно сказочной феѣ, заставляла всѣ сердца биться единодушно. Она была очаровательна въ своемъ бѣломъ атласномъ платьѣ и сіяла радостью; вокругъ ея кареты, запряженной двѣнадцатью лошадьми въ яблокахъ, ѣхали сановитые бояре; толпа шумно проявляла свой восторгъ. Сопровождаемая колокольнымъ звономъ и звуками трубъ, Марина остановилась передъ Вознесенскимъ монастыремъ, гдѣ жила Марѳа, мать Димитрія, и гдѣ она должна была провести, среди монахинь, тѣ нѣсколько дней, которые оставались до ея коронованія. Тутъ ее посѣтилъ Димитрій. Какъ только Марина вошла въ отведенные ей покои, какъ только передъ сопровождавшими ее польками захлопнулись двери монастыря, онѣ пришли въ отчаяніе, стали горько плакать и сѣтовать на свою судьбу. Онѣ были далеко отъ родины, отдѣлены отъ всего міра; что ожидало ихъ въ этомъ монастырѣ, который представлялся имъ тюрьмою? Мариною также овладѣла грусть: московская кухня была ей не по вкусу. Это было доведено до свѣдѣнія Димитрія, который поспѣшилъ помочь горю. Столъ былъ тотчасъ измѣненъ, а приближеннымъ Марины напомнили, что онѣ имѣютъ полное право возвратиться въ Польшу. Марина получила отъ Димитрія ларецъ съ драгоценными вещами, которыя она роздала своимъ подругамъ. Опасенія мало-по-малу разсѣялись; женскій полъ успокоился.

Царь былъ непреклоненъ только въ одномъ отношеніи; онъ воспретилъ католическому духовенству входить въ монастырь и не отбѣнилъ своего рѣшенія, несмотря на самыя настоятельныя просьбы, даже по случаю Троицы: праздникъ прошелъ грустно, безъ священника и обѣдни.

Одновременно съ Мариной, 12-го мая, прибыли посланные Спигизмунда, Николай Олесницкій и Александръ Госѣвскій, которые ѣхали все время въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Марины и ея свиты во избѣжаніе большаго скопленія народа въ мѣстахъ остановки. По пріѣздѣ поляковъ въ Москву начались празднества.

Въ субботу, 13-го мая, въ десять часовъ утра, свита Марины представляла царю въ Грановитой Палатѣ. Мартинъ Стадницкій, въ качествѣ церемоніймейстера, сказалъ рѣчь, употребивъ императорскій

титулъ; Власевъ вѣжливо благодарилъ его отъ имени своего монарха.

Все шло какъ нельзя лучше; но гроза разразилась при представленіи царю посланниковъ. Имъ было приказано, какъ припомнимъ, не дѣлать ни малѣйшей уступки относительно титула; это было равносильно вызову. Дѣйствительно, лишь только первый посланникъ назвалъ Дмитрія великимъ княземъ, а не непобѣдимымъ императоромъ, лицо царя омрачилось, его глаза стали метать молніи. Но онъ выслушалъ Олесницкаго до конца и взялъ изъ его рукъ королевское посланіе. Власевъ взглянулъ на подпись: она была написана не такъ, какъ слѣдуетъ. Письмо Сигизмунда, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, было возвращено посланнику съ замѣчаніемъ, что въ Москвѣ нѣтъ великаго князя. Это вызвало страшное смятеніе среди присутствующихъ.

Тотчасъ завязался горячій споръ, длившійся болѣе часа: дьяки, посланники и царь говорили вмѣстѣ, осыпая другъ друга самыми рѣзкими бранными словами. Олесницкій былъ человѣкъ вспыльчивый и рѣзкій; его рѣчь была полна угрозъ и укоризнъ. Онъ угрожалъ Дмитрію, что если письмо будетъ возвращено королю, то это можетъ повести къ нарушенію мира, грозилъ войною, но ничто не могло убѣдить человѣка, ослѣпленнаго своею властью, не признававшаго ничего выше своего собственнаго я. Горе тѣмъ, кто не преклонится передъ нимъ,—говорилъ Дмитрій,—ихъ покараетъ московскій мечъ, который обратится противъ поляковъ, вмѣстѣ того, чтобы поразить турокъ. Трудно было разсчитывать на то, что разговоръ могъ кончиться миролюбиво, какъ вдругъ Дмитрій послѣ многихъ гнѣвныхъ словъ предложилъ прибѣгнуть къ слѣдующей уловкѣ: пусть Олесницкій поцѣлуетъ царю руку не какъ посланникъ короля,—сказалъ онъ,—а просто, какъ польскій дворянинъ. Но это было недостойно гордаго поляка: приходилось уступить или идти на разрывъ. Дмитрій уступилъ; онъ побоялся скандала накануне своей свадьбы и ограничился словеснымъ отстаиваніемъ своихъ правъ.

Побѣда поляковъ была полная, такъ какъ русскіе приняли даже письмо съ обидной для нихъ надписью. Ободренный успѣхомъ, Олесницкій сталъ еще несговорчивѣе и началъ придирается къ разнымъ мелочамъ, но Аванасій Власевъ, строгій блюститель старинныхъ обычаевъ, давалъ ему на все рѣзкій отпоръ. Къ концу аудіенціи спокойствіе восстановилось, посланники поднесли подарки и были приглашены къ царскому столу. Но вопросъ о титулѣ все-таки не былъ рѣшенъ, онъ еще болѣе осложнился.

Въ тотъ моментъ царь былъ озабоченъ совѣмъ инымъ; онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе обвѣнчаться и короновать свою невѣсту. Въ сущности, его бракъ былъ заключенъ 22-го ноября 1605 г. Аванасій

Власевъ произнесъ отъ имени Димитрія брачный обѣтъ, составляющій сущность брачнаго контракта, а таковой неразрывно связанъ съ церковной церемоніей. Въ этомъ смыслѣ «Совѣтъ тридцати» объясняетъ бракосочетаніе, совершаемое заочно. Въ такомъ смыслѣ понималъ его и кардиналъ Мацѣвскій. Онъ извѣстилъ 26-го ноября 1605 г. папу и кардинала Боргезе о томъ, что онъ «благословилъ торжественно» бракъ Маринны и Димитрія; Павелъ V утвердилъ 14-го января 1606 г. бракъ, совершенный кардиналомъ, а Велевицкій упоминаетъ о томъ, что бракъ совершился *more principum*¹⁾. Слѣдовательно, въ Москвѣ не было надобности заключать контракта, но можно было повторить церковную церемонію и обставить ее со всевозможнымъ блескомъ. Незадолго передъ тѣмъ былъ подобный случай при французскомъ дворѣ. Генрихъ IV сочелся заочно бракомъ во Флоренціи, а 17-го декабря 1600 г., по пріѣздѣ невѣсты, Маріи Медичи, былъ торжественно совершенъ обрядъ бракосочетанія въ церкви св. Іоанна Ліонскаго. Въ виду этого, нунцій заранѣе принялъ предосторожности и даже просилъ разрѣшенія совершить бракосочетаніе во время поста, если бы отъѣздъ Маринны въ Москву замедлился. Разрѣшеніе было получено, но о. Савицкому было предписано воспользоваться имъ только въ случаѣ крайности по своему собственному усмотрѣнію безъ соблюденія какихъ-либо юридическихъ формальностей²⁾. Любопытно отмѣтить сдержанность римскаго престола: на вопросъ о времени, когда можетъ быть совершено бракосочетаніе, кардиналъ Боргезе успѣшилъ отвѣтить совершенно опредѣленно, устранивъ всякія недоразумѣнія, но онъ не спросилъ при этомъ, гдѣ именно и какимъ образомъ будетъ совершена брачная церемонія. Московскіе богословы, вѣроятно, не входили въ обсужденіе подобныхъ тонкостей; они считали, конечно, все совершившееся въ Краковѣ пустою формальностью, не имѣвшею ни малѣйшаго значенія, по ихъ мнѣнію настоящее бракосочетаніе могло быть совершено только въ Москвѣ. Димитрій навѣрно раздѣлялъ ихъ образъ мыслей, и въ этомъ смыслѣ обсуждалъ съ ними щекотливый для него вопросъ о своемъ бракосочетаніи. Такъ какъ его считали православнымъ, а Марина была католичка, то является вопросъ: «могъ ли московскій царь жениться на полькѣ и католичкѣ? А если супруги не могли исповѣдывать разную вѣру, то какое ручательство могла дать невѣста въ томъ, что она приметъ православную религію?» Вопросъ былъ далеко не праздный, ибо въ этомъ отношеніи въ умахъ московитовъ царствовалъ пол-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, шк. 45, т. I, f. 208, v^o; рукоп. Боргезе, II, 232, f. 85, 308. — Rome et Démétrius, стр. 214, № 9. — Велевицкій, т. II, стр. 101.

²⁾ Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, f. 23, 47 v°; рукоп. Боргезе, I, 933 III, 108, f. 2.

ный хаосъ, и обсуждался весьма серьезно; разногласіе существовало лишь относительно того, какимъ образомъ Марина могла заявить о своей принадлежности къ православной вѣрѣ: ибо то, что она не останется католичкой, подразумѣвалось само собою. Епископъ казанскій Гермогенъ и епископъ коломенскій Іосифъ, люди непреклонные, требовали, чтобы Марина крестилась вторично. По ихъ словамъ, польская дѣвка была ни болѣе ни менѣе, какъ язычница, недостойная носить корону до тѣхъ поръ, пока она не очистится троекратныхъ погруженіемъ въ воду по обряду восточной церкви. Этотъ странный взглядъ проистекалъ изъ предразудковъ византійской церкви. Тогда какъ папы, вѣрные традиціи, признавали крещеніе, совершенное по греческому обряду, въ Константинополѣ хвастали тѣмъ, что восточная церковь не признавала крещенія по католическому обряду. Догматы православной церкви въ то время еще не вполне установились. Необходимость вторичнаго крещенія, отвергнутая впоследствии, была установлена только на соборѣ 1620 г. Слѣдовательно, Димитрій могъ предъявлять требованія и вести борьбу со своими противниками на законномъ основаніи. Онъ одержалъ надъ ними, въ концѣ концовъ, побѣду, но она далась ему не легко. Въ современныхъ лѣтописяхъ сохранились воспоминанія о происходившихъ по этому поводу бурныхъ пререканіяхъ; Гермогенъ былъ неожиданно лишенъ казанской епархіи, и отецъ Николай писалъ отцу Стривери 20-го февраля 1606 г., что Димитрій благополучно усмирилъ бурю, поднятую «духовенствомъ» по поводу его брака. Виновные, — прибавляетъ онъ, — наказаны, но никто не казненъ ¹⁾.

Рядомъ съ фанатиками, стоявшими за вторичное крещеніе и которыхъ заставили смолкнуть, были лица болѣе умѣренныя, требовавшія одного: чтобы Марина была мвропомазана. Этотъ обрядъ свидѣтельствоваъ бы также о ея принадлежности къ православной вѣрѣ и на ряду съ прочими обрядами предоставлялъ то преимущество, что легко могъ ввести прочихъ людей въ обманъ. Въ самомъ дѣлѣ, при коронованіи также должно было совершиться мвропомазаніе, слѣдовательно, одинъ и тотъ же обрядъ могъ быть принятъ одними за помазаніе на царство, а другими за отреченіе отъ католической вѣры. Мы не имѣемъ данныхъ утверждать, что Димитрій сознательно принялъ это двуличное рѣшеніе, но можно предполагать, что заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ лица обратили вниманіе на это сопоставленіе. Какъ бы то ни было, русскіе и поляки истолковали каждый по-своему мвропомазаніе Марины, и такимъ образомъ удалось избѣжать скандала и огласки.

Чѣмъ ближе къ свадьбѣ, тѣмъ болѣе возрастала тревога Димитрія,

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, письмо Чижовскаго къ Стривери отъ 20-го февраля 1606 г.

тѣмъ болѣе онъ считалъ нужнымъ принимать предосторожности. Объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ дошедшій до насъ отрывокъ весьма сложнаго церемоніала бракосочетанія¹⁾. Въ немъ упоминается о причащеніи Марины въ рукъ патріарха. Никто не могъ заподозрѣть обмана; самые недовѣрчивые люди должны были повѣрить очевидности и могли думать, что ихъ будущая монархиня будетъ исповѣдывать православную вѣру.

Марина оставила монастырь въ ночь съ 16-го на 17-е мая и при зловѣщемъ свѣтѣ факеловъ переѣхала въ приготовленное для нея помѣщеніе въ царскомъ дворцѣ. Бракосочетаніе и коронованіе должны были совершиться черезъ два дня, 18-го (9-го) мая, въ четвергъ, наканунѣ Николина дня. Въ этотъ день Москва огласилась звуками колокольнаго звона. Въ полночь мѣрные звуки колокола возвѣстили жителямъ, что у нихъ скоро будетъ царица. Населеніе, разодѣтое по-праздничному, высыпало на улицу, войска заняли Кремль, самые именитые бояре и польскіе гости собрались во дворецъ въ тронный залъ, гдѣ, какъ сказано въ официально утвержденномъ церемоніалѣ, протопопъ Ѳеодоръ обручить царскую чету, сочетавшуюся уже бракомъ заочно въ Краковѣ.

Поляки, присутствовавшіе при этомъ обрядѣ, ничего не подозрѣвали, русскіе такъ же не провѣряли совершавшагося. Мы знаемъ, что должно было совершиться, но намъ неизвѣстно, что именно совершено. Послѣ обрученія въ Грановитой Палатѣ были провнесены подходящіе къ случаю рѣчи, а затѣмъ обрученные отправились въ Успенскій соборъ.

Эта православная святыня, не доступная обыкновенно католикамъ, широко растворила въ тотъ день передъ ними свои двери. Свадебный поѣздъ протекалъ медленно, подобно золотому ручью. Никогда еще поляки и москвиты не братались такъ всенародно, и, вещь неслыханная въ Россіи, они собирались присутствовать при коронованіи женщины. Марина, полька, католичка, дочь сенатора, не царская дочь, пользовалась тою честью, которой тщетно добивались Палеологи и Ягеллоны, а царь, увѣнчавшій ее короною, считался еще недавно разстригою и какимъ-то таинственнымъ претендентомъ на московскій престолъ. Великое и низменное, возвышенное и смѣшное смѣшивалось во время этой церемоніи. Хотя присутствующіе были, повидимому, довольны и преисполнены почтительности, но въ глубинѣ души многіе изъ нихъ таили коварные замыслы.

На встрѣчу новообрученнымъ вышелъ патріархъ Игнатій, окруженный епископами и архіепископами; онъ принялъ ихъ у воротъ собора. Димитрій и Марина взошли на приготовленный для нихъ амвонъ;

¹⁾ Собр. гос. грам., т. II, стр. 289, № 138.

началось коронованіе Марины, сопровождаемое чтеніемъ многочисленныхъ молитвъ и церковнымъ пѣснопѣніемъ. Патриархъ помазалъ Марину мвромъ, возложилъ на ея голову корону, а на плечи знаки царскаго достоинства ¹⁾. Дмитрій не препятствовалъ этому; впоследствии императоры присвоили себѣ право самимъ короновать императрицъ. Царь и царица, сидя на тронахъ, отслушали обѣдню, по окончаніи которой, протопопъ Ѳеодоръ совершилъ обрядъ вѣнчанія: этимъ завершился романъ, завязавшійся въ Самборѣ.

Церемонія не прошла вполне гладко. Русскіе были предупреждены, что Марина приобщится св. тайнъ. Согласно официально утвержденному церемониалу, архидіаконъ и протодіаконъ должны были громкогласно предложить ей приблизиться къ алтарю, куда долженъ былъ сопровождать ее Дамитрій. Но вѣдь папа не далъ на это своего согласія, а царь обѣщалъ Мнишеку не настаивать. Что же было дѣлать въ столь затруднительномъ обстоятельствѣ? Или, лучше сказать, что было сдѣлано въ этомъ случаѣ, какое рѣшеніе было принято? Большинство историковъ отвѣчали на этотъ вопросъ слишкомъ поспѣшно и легкомысленно. Въ настоящее время относительно этого не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Очевидецъ событія, архіепископъ Арсеній, долгое время безмолвствовавшій, произнесъ, наконецъ, по этому поводу свое вѣское, рѣшающее слово; онъ участвовалъ лично въ церемоніи, не упустилъ изъ вида ни малѣйшей подробности, и вотъ что онъ говоритъ объ этомъ въ своихъ запискахъ: «а послѣ бракосочетанія, оба (Димитрій и Марина) не выказали желанія приобщиться св. тайнъ. Это чрезвычайно опечалило присутствующихъ, не только патриарха и епископовъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто это видѣлъ и слышалъ. Таково было первое и великое огорченіе, такова была причина соблазна и источникъ многочисленныхъ бѣдствій, постигшихъ русскій народъ и всю Россію» ²⁾. Это свидѣтельство неопровержимое: оно высказано лицомъ столь высокопоставленнымъ, что можетъ считаться вполне безпристрастнымъ. Самое точное соблюденіе всѣхъ прочихъ народныхъ обычаевъ не могло искупить смѣлость молодой четы и уничтожить тягостное впечатлѣніе, произведенное этимъ на окружающихъ. Все остальное было сравнительно мелочью. Такъ, напримѣръ, молодымъ дали испить вина; бутылка, въ которой оно было подано, была брошена о землю, растоптана и разбита въ дребезги. По выходѣ изъ собора толпѣ, собравшейся поглазѣть на царя и царицу, бросали золотыя и серебряныя монеты ³⁾.

¹⁾ Дмитріевскій, стр. 109, 126.—Музей Чарторыйскихъ, № 1654, f. 67.

²⁾ Дмитріевскій, стр. 111, 112.—Никто изъ очевидцевъ не подтверждаетъ, чтобы Марина приобщилась изъ рукъ патриарха.

³⁾ Корзинкинъ, стр. 7, 29.—Нѣмовскій, стр. 50.—На медаляхъ была слѣдующая надпись: Demetrius. Ioannis. D. G. Imperator. Russiae. Anno. Aetat. Suae. 24.

День, въ который были попораны самыя священныя народныя вѣрованія, близился къ концу. Торжественные обряды православной церкви длились такъ долго, часъ былъ уже столь поздній, что пришлось отложить брачный пиръ до слѣдующаго дня. При этомъ не было обращено ни малѣйшаго вниманія на то, что это приходилось въ пятницу и Николинъ день. Многіе поляки были возмущены этимъ; набожный православный народъ покачивалъ головою, но вскорѣ всеобщее вниманіе было поглощено требованіями этикета. Когда дьякъ Грамотинъ явился къ польскимъ посланникамъ съ приглашеніемъ на пиръ, то они припомнили, что во время бракосочетанія Марины въ Краковѣ Власьевъ сидѣлъ за королевскимъ столомъ и потребовали того же. Это было сообщено боярамъ, которые, какъ истые мандарины, заявили, что это никоимъ образомъ не можетъ быть допущено. Можно себѣ представить бѣшенство поляковъ. Съ нимъ могло сравняться только упорство московитовъ. Къ посланникамъ для обсужденія этого вопроса былъ посланъ Леонасій Власьевъ. Между ними завязался продолжительный споръ; съ той и съ другой стороны были пущены въ ходъ всевозможные доводы; наконецъ, измученные посланники, наскучивъ споромъ, заявили, что они не примутъ участія въ пиршествѣ. Сендомирскій воевода, имѣвшій всегда возможность сослаться на припадокъ подагры, также отсутствовалъ на пиру, который прошелъ однако весьма оживленно. Онъ начался позднѣе обыкновеннаго, такъ какъ новобрачные должны были, по обычаю, очиститься омовеніемъ въ банѣ. Оркестръ Станислава Мнишека, игравшій во время обѣда, придалъ ему отчасти западный характеръ; все остальное совершилось согласно съ обычаями страны. Духовенство окропило царя святой водою; приглашенные размѣстились на простыхъ скамьяхъ, разставленныхъ вокругъ столовъ, получили свою порцію хлѣба, упражнялись въ гимнастикѣ, дѣлая низкіе и глубокіе поклоны, и послѣ многочисленныхъ здравицъ приняли участіе въ традиціонной раздачѣ сливъ.

Впрочемъ, во время пира, вслѣдствіе его оффиціального характера, все-таки чувствовалось нѣкоторое стѣсненіе. Дмитрій почувствовалъ себя вполне свободно только тогда, когда онъ удалился въ свои покои и отпустилъ своихъ приближенныхъ московитовъ. Оставшись одинъ среди поляковъ, онъ могъ держать себя непринужденно. Снова раздалась музыка, чаши наполнились «зеленымъ виномъ», языки развязались. Всѣ столпились вокругъ царя; онъ былъ неистощимъ, говорилъ обо всемъ, отпускалъ остроты, разыгрывалъ роль полководца, императора, государственнаго человѣка и былъ особенно остроуменъ, насмѣшливо веселъ. Его преслѣдовало воспоминаніе объ Александрѣ Македонскомъ; въ Москвѣ ходило много разсказовъ о македонскомъ героѣ. Дмитрій восторгался его гениемъ, завидовалъ его военной славѣ и со-

жагѣлъ объ одномъ, что онъ не былъ современникомъ этого великаго человѣка, не могъ помѣриться съ нимъ силами и доказать ему свою преданность. Эти слова ясно говорили, что онъ считалъ себя также великимъ воиномъ. Зато съ какимъ презрѣніемъ, съ какимъ пренебреженіемъ онъ отзывался объ императорѣ Рудольфѣ, этомъ дикарѣ, который боялся показаться народу. О королѣ польскомъ онъ говорилъ болѣе сдержанно, хотя и въ немъ находилъ недостатки. Никакой санъ, какъ бы онъ ни былъ высокъ, не внушалъ Димитрію почтенія; онъ подсмѣивался слегка даже надъ папою и смѣялся надъ обычаемъ дѣловать его туфлю. Мимоходомъ онъ задѣлъ и самборскаго священника, передъ которымъ онъ нѣкогда исповѣдывался, и немного посмѣялся надъ нимъ. Эти насмѣшки, весьма сомнительнаго свойства, подхватывались шуткомъ Антоніемъ Ріати, который былъ не прочь заработать кое-что своими чудачествами. Что касается поляковъ, любителей поспорить и умѣвшихъ постоять за себя, то они возражали царю весьма сдержанно. Ни у одного изъ нихъ не сорвалось съ языка ни одного слова, которое отплатило бы Димитрію за все сказанное имъ, заставило бы его прервать насмѣшки и выказало бы ихъ патріотизмъ. Они видѣли передъ собою новаго Димитрія, который былъ хозяиномъ у себя дома и которому никто не смѣлъ противорѣчить.

Подъ конецъ вечера царь предложилъ гостямъ танцевать. Станиславъ Мнишекъ и князь Вишневецкій открыли балъ, остальные пустились въ плясъ вслѣдъ за ними; поляки танцевали со свойственнымъ имъ увлеченіемъ: веселье было въ полномъ разгарѣ. Димитрій, стоя у окна, поощрялъ танцующихъ взглядомъ; но его неугомонный нравъ искалъ уже новой забавы; онъ нашелъ вскорѣ средство проявить свою дѣятельность. Около дворца столпились польскіе солдаты. Царь приказалъ отворить настежь двери въ залъ, сказалъ имъ нѣсколько словъ, предложилъ каждому по стакану вина, велѣлъ роздать имъ денегъ и наобѣщавалъ имъ въ будущемъ чудеса. Его рѣчь воодушевила солдатъ. Они выпросили у царя, впрочемъ съ большимъ трудомъ, позволеніе устроить турниръ, но имъ пришлось вскорѣ отказаться отъ этого опаснаго увеселенія, такъ какъ при первомъ же столкновеніи была убита лошадь и равенъ всадникъ. Пора была отдохнуть; празднества были еще далеко не окончены.

На слѣдующій день, въ субботу, 20-го мая, Марина появилась уже не въ русскомъ одѣяніи, какъ въ день коронаванія, а въ польскомъ костюмѣ и принимала поздравленія и подарки отъ своихъ новыхъ подданныхъ. Ей явились на поклонъ: патріархъ, высшее духовенство, бояре, купцы, ремесленники. Во время пира въ залъ вошли лапландцы со своей монгольской наружностью и узкими глазами, въ одеждѣ, спитой изъ звѣриныхъ шкуръ мѣхомъ наружу; они смотрѣли настоящими дика-

рями. Въ то время какъ они повергли къ ногамъ Марины произведенія своего искусства и привезенные ими мѣха, которые поляки нашли довольно посредственными, воевода Мнишекъ совѣщался съ посланниками. Можно было ожидать, что ихъ пригласятъ вторично на пиръ и что это вызоветъ новыя затрудненія относительно вопроса о мѣстѣ за царскимъ столомъ. Могли ли они снова отказаться отъ приглашенія, не возбудивъ этимъ царскаго гнѣва? Его настойчивая воля шла въ разрѣзъ съ приказаніемъ короля. Какъ было согласовать это? Въ ухахъ Мнишека раздавались еще высокоумныя слова Дмитрія: «Хотя бы самъ король прѣхалъ въ Москву, сказалъ онъ, я не посажу его за свой столъ», а съ другой стороны, посланникамъ было строго-на-строго запрещено сдѣлать въ этомъ отношеніи малѣйшую уступку. Оставалось одно средство—положиться во всемъ на Мнишека.

Благодаря ловкости, съ какою онъ умѣлъ все уладить, когда Власевъ явился въ тотъ день съ приглашеніемъ на пиръ, былъ найденъ, наконецъ, выходъ изъ этого затруднительнаго положенія. Олесницкій былъ посаженъ по правую руку царя, но за маленькимъ столомъ, поставленнымъ нарочно для него. Такимъ образомъ честь была соблюдена; Дмитрій и Марина сидѣли одни за почетнымъ столомъ; Олесницкій удовольствовался такимъ условнымъ соблюденіемъ требованій этикета. Что касается его помощника, Госѣвскаго, то для него легче было найти мѣсто, соотвѣтствовавшее занимаемому имъ положенію. Когда этотъ трудный вопросъ былъ благополучно разрѣшенъ, то посланники отправились, въ воскресенье, 21-го мая на пиръ. Ихъ зрѣніе было болѣе удовлетворено, нежели ихъ желудки; всѣ кушанья подавались на золотыхъ и серебряныхъ блюдахъ, но были приготовлены самымъ первобытнымъ способомъ. Жалкіе московскіе гастрономы довольствовались самой грубой ѣдою, лишь бы она подавалась въ изобиліи: кушанья отличались количествомъ, но не качествомъ. За обѣдомъ случилось одно обстоятельство, которое могло имѣть самыя прискорбныя послѣдствія. Не памятуя зла, Дмитрій предложилъ здравицу за здоровье Госѣвскаго; этимъ посланнику была оказана великая честь.

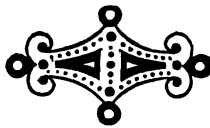
Но медаль имѣла обратную сторону. Царь потребовалъ, чтобы посланникъ всталъ съ мѣста и поблагодарилъ его. Не могло ли это компрометтировать достоинство короля польскаго? Опасаясь этого, его представитель не тронулся съ мѣста. Бучинскій, крайне этимъ встревоженный, сказалъ ему на ухо: «Бога ради подойдите; иначе можетъ произойти скандалъ». Полякъ покорился.

Это было не единственное оскорбленіе, нанесенное Дмитріемъ своимъ гостямъ. Послѣ трехъ дней отдохновенія, 25-го мая, когда празднества возобновились, царь любезно заявилъ Олесницкому, что въ этотъ день не будетъ ни царя, ни посланника; такимъ образомъ всѣ затруд-

ненія устранялись, и этикетъ отмѣнялся. Царское слово было принято за истину. Олесницкій предупредительно уступилъ мѣсто первому появившемуся гостю и сталъ танцовать, не снимая шапки. Но Дмитрію это не понравилось. Онъ сдѣлалъ Мартину Стадницкому знакъ подойти и сказалъ ему, что онъ сниметъ голову съ плечъ того, кто осмѣлится танцовать въ шапкѣ, и приказалъ ему передать эти слова злополучному танцору. Тонъ, которымъ были сказаны эти слова, жестъ и взглядъ, которыми они сопровождались, не допускали противорѣчія. Олесницкій повинился и, обнаживъ свою лысую голову, сознался съ грустью, что посланника болѣе не было, но императоръ все-таки существовалъ.

Дѣла шли также не особенно гладко. Посланники, не взирая на всѣ испытанныя ими неудачи, не отказались отъ своихъ обманчивыхъ надеждъ и держались буквально данныхъ имъ инструкцій. Въ тотъ же день, 25-го мая, они вели переговоры съ боярами, которые оказали имъ по нѣкоторымъ пунктамъ молчаливое, но упорное сопротивленіе. Обсуждался вопросъ о крестовомъ походѣ противъ турокъ. Олесницкій распространялся прежде всего въ похвалахъ Дмитрію, затѣмъ предложилъ боярамъ всевозможные вопросы относительно общаго плана войны, количества наличнаго войска и времени, когда будетъ начатъ походъ. Бояре были возмущены столь неумѣстнымъ любопытствомъ; они не привыкли легкомысленно выдавать государственныя тайны. Въмѣсто того, чтобы серьезно заняться обсужденіемъ вопроса, обѣ стороны обмѣнялись укорами и колкостями. Объ этомъ тотчасъ было донесено Дмитрію, который рѣшилъ лично обсудить этотъ вопросъ съ посланниками. Онъ рассчитывалъ на время, которое болѣе не принадлежало ему; подъ его ногами уже разверзлась пропасть.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Объ увольненіи въ отставку прапорщика Полторацкаго за переписку съ парижскимъ книгопродавцемъ.

Секретное письмо барона И. И. Дибича графу Ф. В. Сакену.

30-го іюня 1823 года.

Милостивый государь графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ!

По дошедшимъ его императорскому величеству свѣдѣніямъ чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, по заграничнымъ сношеніямъ, свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части прапорщикъ Полторацкій оказался виновнымъ въ перепискѣ съ парижскимъ книгопродавцемъ, въ которой онъ отзывался, въ весьма неприличныхъ и дерзкихъ выраженіяхъ, на счетъ правительства нашего.

Какъ таковая переписка съ иностранцами вообще противна для всякаго вѣрноподданнаго Россіи, особливо же непозволительна для офицера, находящагося въ службѣ его императорскаго величества; почему прапорщикъ Полторацкій, за столь предосудительный поступокъ противъ своего отечества, подвергалъ себя военному суду. Но государь императоръ, снисходя единственно къ молодымъ его лѣтамъ и въ надеждѣ исправленія въ будущемъ своемъ поведеніи, высочайше повелѣтъ соизволилъ: отставить его только отъ службы. Сверхъ того, его величеству угодно, дабы ваше сіятельство, призвавъ къ себѣ прапорщика Полторацкаго, объявили ему причину сей отставки и приказали бы обязать его подпискою, дабы онъ, отправясь въ свои деревни, никуда изъ оныхъ не отлучался, впредь до разрѣшенія правительства, которое будетъ имѣть за нимъ надзоръ, пока не удостовѣрится въ дѣйствительномъ его исправленіи своего поведенія.

О сей высочайшей волѣ я имѣю честь увѣдомить ваше сіятельство для подлежащаго исполненія, прося покорнѣйше, по отправленіи прапорщика Полторацкаго въ его деревни и по обязаніи подпискою, почтить меня увѣдомленіемъ, гдѣ именно будетъ онъ находиться на жительствѣ.

Николай Иванович Тургеневъ

ВЪ СВОЕМЪ ОПРАВДАНИИ.

II 1).

Затѣмъ слѣдуетъ главный пунктъ моего обвиненія.

«По крайней мѣрѣ достовѣрно, что между ними были разговоры и пренія, которыя инымъ могли казаться правильными совѣщаніями, о разныхъ образахъ правленія... Въ началѣ 1820 года было, какъ показываетъ полковникъ Пестель, въ С.-Петербургѣ собраніе Коренной Думы (или Управы), которая по уставу имѣла въ Союзѣ власть законодательную.—Въ семь собраній, Пестель, по вызову члена, исправлявшаго должность Блюстителя, исчислялъ выгоды и невыгоды правленій монархическаго и республиканскаго и послѣ многихъ разсужденій собиралъ голоса; всѣ, утверждая Пестель, объявили, что предпочитаютъ республиканское правленіе (между прочимъ Николай Тургеневъ слѣдующими словами: *un President sans phrase*)²⁾, кромѣ одного полковника Глинки, который говорилъ въ пользу монархическаго и предлагалъ вручить скипетръ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Сіе заключеніе Коренной Управы, по увѣренію Пестеля, опредѣлено было сообщить всѣмъ другимъ, и онъ сообщилъ его Тульчинской. Съ тѣхъ поръ, прибавляетъ онъ, республиканскія мысли стали брать верхъ надъ монархическими, хотя члены еще говорили, что если императоръ Александръ самъ даруетъ Россіи

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1900 года.

²⁾ „Объявлю безъ фразъ, что хочу Президента“.

хорошіе, по ихъ мнѣнію, законы, то они будутъ его вѣрными приверженниками и оберегателями. Но сіи показанія полковника Пестеля не всѣ подтверждены другими допрошенными; одинъ (Глинка) говоритъ, что все рассказываемое происходило не на правильномъ совѣщаніи, а въ обыкновенномъ разговорѣ о разныхъ политическихъ предметахъ. Фонъ-деръ-Бригенъ утверждаетъ, что большая часть присутствовавшихъ тутъ членовъ была не готова къ разсужденіямъ сего рода и къ объявленію какого-либо рѣшительнаго мнѣнія, что, между прочими, онъ и Глинка отреклись дать свое, что Тургеневъ, вмѣсто приписываемыхъ ему словъ, сказалъ просто: «республиканское правленіе съ Президентомъ очень хорошо, но главное всегда зависитъ отъ устройства въ народномъ представленіи». Титулярный совѣтникъ Семеновъ прибавляетъ, что не было сдѣлано никакого опредѣленія, и совѣщаніе кончилось споромъ, въ коемъ полковникъ Глинка доказывалъ, что въ Россіи не можетъ существовать никакое правленіе кромѣ монархическаго. Наконецъ, ни одинъ не упоминаетъ о предложеніи касательно императрицы Елисаветы“.

Судя по этому высококопарному вступленію, читатель ожидаетъ, вѣроятно, что тутъ будетъ рѣчь о какомъ-нибудь гнусномъ преступленіи— и что же! Этотъ доказанный фактъ заключается лишь въ томъ, что между членами общества происходили разговоры относительно различныхъ формъ правленія. Да развѣ преступно бесѣдовать, разговаривать о формахъ правленія? Съ тѣхъ поръ, какъ на свѣтѣ существуютъ правительства, люди всегда говорили о формахъ правленія. Я неоднократно бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ съ самимъ редакторомъ съ неменьшею откровенностью, какъ съ членами тайнаго общества. Но развѣ эти разговоры имѣли какой-нибудь особый оттѣнокъ или какое-либо особое значеніе? Повидимому нѣтъ, такъ какъ въ «Донесеніи» ясно говорится, что они могли показаться нѣкоторымъ членамъ настоящими совѣщаніями. Слѣдовательно, они не были такими на самомъ дѣлѣ. Разумѣется, комиссія постаралась бы всѣми возможными средствами прослѣдить, были ли эти бесѣды настоящими совѣщаніями и постаралась бы удостовѣриться въ этомъ, ибо въ этихъ двухъ выраженіяхъ есть нѣкоторая разница; между тѣмъ изъ этихъ словъ «Донесенія» видно, что на эти разговоры нельзя смотрѣть иначе какъ на простыя бесѣды. Въ этомъ мѣстѣ текстъ «Донесенія» по крайней мѣрѣ достаточно точенъ и ясенъ; но въ такомъ случаѣ, скажите ради Бога, и во имя справедливости, исходящей изъ него, какое обвиненіе и въ особенности какой приговоръ можетъ быть основанъ на простыхъ разговорахъ? Всѣми законами въ мірѣ признается, что слова могутъ

сдѣлаться преступными только тогда, когда они перейдутъ въ дѣйствіе? Если это такъ — а этого разумѣется никто не будетъ отрицать—въ такомъ случаѣ, все относящееся къ этимъ разговорамъ должно считаться недѣйствительнымъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что никакой обвинительный пунктъ не могъ быть построенъ на этихъ разговорахъ, и этого было бы достаточно для моего оправданія, но что подумаетъ читатель, увидавъ, что это есть не только главный обвинительный пунктъ, на основаніи котораго я приговоренъ къ смертной казни, но что изъ самыхъ документовъ судебного слѣдствія явствуетъ, что слова, приписанныя мнѣ, даже не были доказаны? Что подумаетъ онъ, когда я скажу, что не только не доказано, что я когда-либо произносилъ эти слова, но что даже весьма мало вѣроятія, что они вообще когда-либо были произнесены мною или, лучше сказать, что я не имѣлъ никакого повода произносить ихъ.

Справедливость требуетъ сказать, что слѣдственная коммиссія устранила это обвиненіе, какъ недоказанное, но за то это же обвиненіе послужило главнымъ основаніемъ приговора верховнаго уголовного суда, осудившаго меня на смертную казнь.

Такимъ образомъ одно и то же обстоятельство признано недостаточнымъ для обвиненія и достаточнымъ для смертнаго приговора.

Слѣдовательно, осужденіе состоялось безъ наличности преступленія.

Перейдемъ къ изложенію самаго преступленія и къ доказательствамъ.

На одномъ изъ засѣданій Общества, въ 1820 г., по словамъ Пестеля, я заявилъ, что отдаю предпочтеніе республиканскому образу правленія передъ монархическимъ, употребивъ выраженіе: «Президентъ безъ фразъ».

Однако, говорится далѣе въ «Донесеніи», показанія полковника Пестеля не подтверждены прочими обвиняемыми.

Дѣйствительно, мы видимъ, что одинъ изъ нихъ, яко бы присутствовавшій на такъ-называемомъ засѣданіи (Глинка) заявилъ, что все сказанное происходило не въ настоящемъ совѣщаніи, а во время бесѣды о разныхъ политическихъ вопросахъ.

Другой (Фонъ-деръ-Бригенъ) заявилъ, что вмѣсто приписанныхъ мнѣ словъ я сказалъ, что республиканскій образъ правленія съ президентомъ во главѣ очень хорошъ, но что все зависитъ отъ народныхъ представителей.

Теперь я спрашиваю, найдется ли въ цѣломъ мірѣ судья, который призналъ бы человѣка виновнымъ въ намѣреніи учредить республиканскій образъ правленія только на основаніи подобнаго показанія? Ниже говорится, что въ продолженіе вѣ-

сколькихъ послѣдующихъ засѣданій не было болѣе рѣчи о республиканскомъ образѣ правленія. Можно ли допустить, что если дѣйствительно происходило настоящее совѣщаніе по поводу введенія республиканскаго образа правленія, если дѣйствительно излагались преимущества и неудобства различныхъ формъ правленія и этотъ вопросъ рѣшался голосованіемъ, можно ли допустить, что этотъ важный вопросъ былъ окончательно и безповоротно рѣшенъ въ одномъ засѣданіи, такъ что объ немъ не нашли даже нужнымъ упомянуть въ послѣдующихъ засѣданіяхъ? Уже одно это соображеніе доказываетъ, болѣе всего инаго, что мнимое совѣщаніе было только простою или отвлеченной бесѣдою, не относившейся ни къ какой странѣ въ частности.

Обхожу молчаніемъ все, что говорится въ «Донесеніи» о послѣдствіяхъ этого мнимаго засѣданія. Показанія обвиняемыхъ въ этомъ отношеніи противорѣчивы; изъ нихъ можно вывести только одно заключеніе, что Пестель имѣлъ намѣреніе убѣдить своихъ друзей отъ Тульчина до Петербурга въ томъ, что всѣ члены Общества хотѣли республики. Это ясно вытекаетъ изъ всего сказаннаго имъ и остальными обвиняемыми, и этого достаточно, чтобы объяснить его показаніе противъ меня.

Посмотримъ, есть ли хоть какое-либо вѣроятіе, что я когда-либо произносилъ приписываемыя мнѣ слова. Во-первыхъ, надобно спросить, предпочиталъ ли я монархіи республиканскую форму правленія съ президентомъ во главѣ въ теоріи, а priori, или это означало, что я подалъ голосъ за учрежденіе республики съ президентомъ въ Россіи?

Что касается перваго изъ этихъ предположеній, которыя слѣдовало бы строго разграничить, такъ какъ между ними существуетъ громадная разница, то крайне неправдоподобно, чтобы я обсуждалъ преимущества республиканскаго образа правленія съ президентомъ во главѣ или подавалъ за него голосъ. Я не имѣлъ въ то время яснаго понятія о формѣ правленія, существующей въ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ, и могъ нарисовать въ своемъ воображеніи картину республики только по слабымъ воспоминаніямъ изъ того, что я училъ въ юности, проходя исторію Греціи и Рима; поэтому очень трудно допустить, чтобы я могъ высказать столь явное предпочтеніе къ республиканскому образу правленія съ президентомъ во главѣ.

Что касается втораго предположенія, то возможно ли, чтобы я рѣшилъ вопросъ объ учрежденіи республики, не высказавшись сначала за уничтоженіе монархіи? И далѣе, какимъ, образомъ могъ бы я подать голосъ за уничтоженіе монархіи, не обсуждая вопроса о судьбѣ монарха? И какого монарха? Конечно, осужденному, изгнаннику не идетъ хвалить царя, бывшаго вѣкогда его монархомъ, но его уже нѣтъ на свѣтѣ; къ тому же я обращаюсь къ читателю, который хотя и мо-

жетъ произнести обо мнѣ свое сужденіе, но не можетъ осудить меня, даже если бы онъ того хотѣлъ, не можетъ ни простить меня, ни возстановить моей чести. Я любилъ государя, какъ рѣдко любятъ монарха, и это чувство подсказывали мнѣ совѣсть и сердце. Какимъ же образомъ, спросить читатель, могъ Пестель высказать столь опредѣленное, поразительное обвиненіе, которое такъ легко могло удержаться въ его памяти? Вотъ этотъ именно вопросъ я задавалъ себѣ тысячу разъ и никогда не могъ найти на него вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта. De mortuis nil nisi bene. Принявъ во вниманіе трагическую кончину Пестеля, это правило надобно соблюдать по отношенію къ нему особенно строго. Чтобы доказать, что я говорю все это не для того, чтобы надругаться надъ его памятью, скажу, по чистой совѣсти, что онъ не былъ бы приговоренъ къ смертной казни ни во Франціи, ни въ Англии, такъ какъ преступленія, задуманныя имъ, не начали даже приводиться въ исполненіе. Поэтому я заявляю, что нѣкоторые лица, объясняя сдѣланный имъ доносъ, говорили мнѣ, что онъ обнаружилъ во время слѣдствія и разбирательства дѣла склонность замѣшать въ немъ какъ можно большее число лицъ и взвести на нихъ всевозможныя обвиненія. Это объясненіе подтверждается показаніемъ, сдѣланнымъ полковникомъ Глинкою и касающимся императрицы Елисаветы, показаніемъ, кстати сказать, не менѣе обстоятельнымъ, нежели то, которое было сдѣлано противъ меня. Я могу присовокупить, что тѣ два или три раза въ жизни, когда я видѣлъ Пестеля, въ особенности послѣдній разъ, я не могъ, очевидно, произвести на него особенно благоприятнаго впечатлѣнія.

До тѣхъ поръ, когда я услышалъ эти подробности о поведеніи Пестеля во время разбирательства дѣла, а онѣ были сообщены мнѣ въ гораздо болѣе положительной и обстоятельной формѣ, нежели я рѣшаюсь передать ихъ читателю, изъ боязни произвести неблагоприятное впечатлѣніе въ его или въ мою пользу, до тѣхъ поръ я воображалъ, что Пестель, услыхавъ во время разговора выраженія: «Это только однѣ фразы!» «Это цѣлая уйма фразъ!» «Это безконечное множество фразъ!»¹⁾, какъ кто-то дѣйствительно выразился однажды въ моемъ присутствіи, услыхавъ, быть можетъ, эти слова (что весьма возможно, ибо я помню, что я писалъ статью, въ которой доказывалъ, что во время республики и Имперіи, Франція управлялась фразами), будучи при томъ начиненъ республиканскими идеями и желая убѣдить своихъ тульчинскихъ друзей въ томъ, что и въ Петербургѣ стремились къ республикѣ, Пестель счелъ быть можетъ жела-

---

¹⁾ Toux cela ce sont des phrases! C'est un bataillon de phrases! C'est un regiment de phrases!

тельнымъ сообщить своимъ друзьямъ заключеніе, къ которому пришли на этихъ мнимыхъ засѣданіяхъ, якобы происходившихъ въ Петербургѣ, выразивъ этотъ результатъ въ этой всеѣмъ извѣстной печальной памяти фразѣ. Неоднократно повторяя эту ложь, онъ могъ въ концѣ концовъ самъ повѣрить ей. При томъ, развѣ на этихъ совѣщаніяхъ говорили по-французски?

Въ назиданіе читателю, расскажу слѣдующій анекдотъ: когда одного изъ моихъ судей попросили подать голосъ по моему дѣлу, то онъ отвѣтилъ коротко: «Смертная казнь безъ разсужденій!»—отвѣтъ, какъ видите, столь же остроумный, какъ благородный. Я не могу сердиться на того, кто сказалъ это: тѣ же самыя слова были произнесены при осужденіи на казнь добродѣтельнаго короля! Но, къ сожалѣнію, этотъ французскій эмигрантъ не замѣтилъ, кому онъ подражалъ въ эту минуту.

Въ замѣчаніи, не приложенномъ къ «Донесенію», о которомъ я еще упомяну, въ заключеніи сказано кромѣ того, что заявленіе Пестеля относительно «президента безъ фразъ» было подтверждено всего двумя обвиняемыми, Никитою Муравьевымъ и Сергѣемъ Муравьевымъ, а трое другихъ: Семеновъ, Бриггенъ, Колошинъ отрицали его, тогда какъ четвертый (Глинка) отрицалъ даже самый фактъ этого совѣщанія.

Читателю извѣстно, что въ Россіи, какъ во всякой иной странѣ, число 4 считается больше 3-хъ, и слѣдовательно законъ не признаетъ доказаннымъ показанія, которыя подтверждаютъ трое, въ томъ числѣ самъ показывающій, и отрицаютъ четверо.

Но читатель можетъ еще спросить: какимъ образомъ могли два обвиняемыхъ подтвердить сказанное Пестелемъ? Да позволено мнѣ будетъ отвѣтить на этотъ вопросъ вопросомъ: какъ могло случиться, что нѣкоторые обвиняемые показали, будто я подалъ голосъ за удаленіе императора, на засѣданіи, происходившемъ въ Петербургѣ въ то самое время, когда я былъ въ Неаполѣ? Разумѣется, я далекъ отъ мысли приписывать это совпаденіе какимъ-нибудь безчестнымъ побужденіямъ. Мнѣ нѣтъ надобности даже прибѣгать къ этому, такъ какъ я нахожу гораздо болѣе правдоподобное и простое объясненіе въ той путаницѣ, которая замѣтна во всѣхъ показаніяхъ. Однажды случилось даже, что, выслушавъ одно изъ обвиненій противъ меня (о подачѣ мною голоса за удаленіе императора), Матвѣй Муравьевъ, который первый обвинилъ меня въ этомъ, взялъ назадъ свои слова, когда его спросили о томъ вторично; можно предполагать, что и эти два обвиняемые также взяли бы назадъ свои слова, если бы ихъ попросили повторить или подтвердить показаніе, сдѣланное Пестелемъ. Весьма возможно, что они приписали мнѣ вышеозначенныя слова только на основаніи слышаннаго ими отъ самого Пестеля. Это особенно возможно по отношенію къ Сергѣю Муравьеву, который всегда жилъ въ Тульчинѣ и съ кото-

рымъ, сколько мнѣ помнится, я встрѣчался въ Петербургѣ только въ обществѣ. Что касается Никиты Муравьева, то онъ далъ относительно меня еще болѣе удивительныя показанія, которыя будутъ приведены далѣе съ доказательствами, свидѣтельствующими объ ихъ невѣрности.

Чтобы покончить съ этимъ пунктомъ обвинительнаго акта, напомнимъ читателю, что уголовные законы предписываютъ относиться къ обвиненіямъ, вводимымъ обвиняемыми на своихъ товарищѣхъ, съ большою осторожностью. Это правило, какъ видно, не соблюдалось достаточно строго при произнесеніи приговора, коимъ я осужденъ къ смертной казни, ибо обвиненіе, введеное на меня однимъ изъ сообвиняемыхъ, опровергнутое большимъ числомъ лицъ и даже устраниенное слѣдственной комиссіей, какъ ничѣмъ не доказанное, фигурируетъ однако какъ самый главный обвинительный пунктъ, между тѣмъ въ «Донесеніи» говорится, что комиссія руководилась принципомъ, указаннымъ его императорскимъ величествомъ, а именно, что его величество хотѣлъ лучше простить десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго.

Развѣ это правило было менѣе обязательно для верховнаго уголовного суда, нежели для комиссіи? Въ томъ пунктѣ «Донесенія», гдѣ говорится о томъ, что происходило въ Тульчинѣ, я нахожу одно мѣсто, гдѣ сказано, что на одномъ собраніи, происходившемъ, по всей вѣроятности, въ 1821 г., Пестель потребовалъ, чтобы былъ утвержденъ составленный имъ планъ республиканскаго образа правленія, который онъ предлагалъ ввести при помощи вооруженной силы. Такимъ образомъ тутъ признается, что мысль о республикѣ была подана имъ и что имъ же было избрано средство къ осуществленію этого плана: не ясно ли изъ этого, что республика точно такъ же, какъ и выраженіе «президентъ безъ фразъ», существовала только въ воображеніи Пестеля? Въ дальнѣйшемъ изложеніи «Донесенія» я нахожу, что Пестель, по возвращеніи изъ Петербурга, въ 1824 г. утверждалъ, что всѣ петербургскіе члены, послѣ многихъ противорѣчій, присоединились къ его мнѣнію относительно республики. Итакъ вопросъ о республикѣ обсуждался вторично и былъ одобренъ въ 1824 г., послѣ того какъ онъ былъ рѣшенъ окончательно въ 1820 г.! Не смѣшиваетъ ли Пестель даты и не относитъ ли онъ къ 1820 г. то, что ему было извѣстно въ 1824 г.? При томъ значеніе показаній Пестеля относительно послѣдняго засѣданія, на коемъ обсуждался вопросъ о республикѣ, умалывается тѣмъ, что въ донесеніи сказано, что прочія лица дали совершенно иныя показанія. Не менѣе разнорѣчивы были и ихъ показанія относительно перваго засѣданія, происходившаго въ 1820 году. Подобная неточность или такое отсутствіе правдивости должно бы было заставить оцѣнить показаніе Пестеля по достоинству, тѣмъ болѣе, что

оно опровергнуто показаніями другихъ лицъ. Слѣдственная коммиссія, повидимому, чувствовала это, такъ какъ, упомянувъ объ этомъ показаніи, она отвергла проистекавшее изъ него обвиненіе.

«На многихъ, бывшихъ послѣ собраніяхъ не говорено о республиканскомъ правленіи, а разсуждали о перемѣнѣ образованія и ходѣ Союза Благоденствія; и самъ Пестель свидѣтельствуетъ, что отъ начала до разрушенія сего Союза, ни одно правило не было постоянно признаваемо, и часто все единогласно рѣшенное, черезъ нѣсколько часовъ, также единогласно отмѣняли. Должно однакоже замѣтить, что вскорѣ послѣ вышеописаннаго совѣщанія или разговора, нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ ономъ членовъ опять собирались, но случайно, какъ сказываетъ Пестель, и продолжая прежнія разсужденія, одинъ ¹⁾, подаль мысль о покушеніи на жизнь императора Александра. Никита Муравьевъ утверждаетъ, что кромѣ его и Пестеля всѣ бывшіе съ ними члены отвергли сіе предложеніе какъ преступное; доказывали, что неминуемымъ послѣдствіемъ такого злодѣйства были бы всѣ бѣдствія, всѣ ужасы безначалія. Пестель отвѣчалъ, что оныя могутъ быть отвращены учрежденіемъ временнаго правленія изъ лицъ, принадлежащихъ къ ихъ тайному обществу. На него возстали единодушно, съ жаромъ; но ужасное предложеніе, если вѣрить показанію одного Сергѣя Муравьева-Апостола, было снова сдѣлано на другомъ собраніи и принято большинствомъ голосовъ. Изъ бывшихъ на семъ послѣднемъ онъ помнитъ только себя, Никиту Муравьева и Пестеля».

Собраніе, о которомъ тутъ говорится, ни коимъ образомъ меня не касается. Обо мнѣ тутъ даже вовсе не упоминается. Прошу читателя обратить вниманіе на то обстоятельство, что хотя во время слѣдствія часто говорилось о покушеніи на жизнь императора и императорской фамиліи и въ этомъ обвиняются многія лица, но никто не обвиняетъ меня въ подобнаго рода преступныхъ замыслахъ, хотя во время этого слѣдствія на меня взведено не мало обвиненій. То же можно сказать и объ обществѣ, разсматриваемомъ какъ отдѣльная единица.

Никто не приписывалъ ему, во время разбирательства дѣла, подобной цѣли или подобной мысли, и я вижу въ этомъ достаточное доказательство, что общество было чуждо всѣхъ тѣхъ гнусныхъ замысловъ, кои проглядываютъ въ показаніяхъ нѣкоторыхъ его членовъ.

Вотъ на чемъ я основываю это доказательство: выше говорится, что въ нѣсколькихъ послѣдующихъ засѣданіяхъ не было болѣе рѣчи о республикѣ. Здѣсь же говорится, что вскорѣ

¹⁾ Пестель и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ говорятъ, что Никита Муравьевъ, а Никита Муравьевъ показываетъ, что Пестель.

Послѣ означеннаго засѣданія продолжались вышеупомянутыя пренія (т. е. пренія о республикѣ), и была высказана мысль о покушеніи на жизнь императора. Я спрашиваю: гдѣ же продолжались эти пренія? Происходили ли они на засѣданіяхъ общества? Безъ сомнѣнія, нѣтъ, такъ какъ въ нѣсколькихъ послѣдующихъ засѣданіяхъ объ этомъ не было рѣчи, слѣдовательно, этого не могли говорить всѣ орѣ послѣ вышеупомянутаго засѣданія, да и показаніе Пестеля о томъ, что о покушеніи была рѣчь въ случайномъ собраніи показываетъ, что это вовсе не было засѣданіе общества. Я спрашиваю еще: кто же участвовалъ въ этихъ преніяхъ! Въ донесеніи говорится: и ѣ к о т о р ы я л и ц а, но при всемъ стараніи доискаться, кто именно были эти лица, оказывается, что этими разговорами забавлялись всего трое: Сергѣй Муравьевъ, Никита Муравьевъ и Пестель. Очевидно, что они одни и могутъ быть отвѣтственны за то, что они говорили между собою. На общество не должно падать гнусное обвиненіе за ихъ разговоры. Если бы общество раздѣляло подобныя мысли, если бы оно поощряло ихъ, то мы въ правѣ предположить, что эти три лица упомянули бы объ этомъ на первомъ же и на всѣхъ послѣдующихъ засѣданіяхъ? Между тѣмъ изъ «Донесенія» видно, что они не только объ этомъ не упоминали, но что на этихъ засѣданіяхъ не было даже и рѣчи о республиканскомъ образѣ правленія. Съ другой стороны, развѣ умолчаніе объ этомъ со стороны этихъ господъ, въ присутствіи прочихъ членовъ общества, или если хотите на засѣданіяхъ общества, и полная преступная откровенность, съ какою они говорили объ этихъ планахъ, оставаясь одни, не доказываетъ, что они не дерзали упоминать о нихъ въ присутствіи прочихъ членовъ Общества?

«Между тѣмъ присоединеніе новыхъ членовъ къ Союзу Благоденствія продолжалось: многіе могли быть прельщены разсѣянными въ уставѣ, впрочемъ весьма обыкновенными, филантропическими и патриотическими мыслями; другихъ завлекали побужденія дружбы, довѣренность къ нѣкоторымъ людямъ, или вліяніе моды, ибо есть мода и на мнѣнія, а симъ пользовались дѣятельнѣйшіе въ обществѣ, возбуждая въ слабыхъ боязнь сдѣлаться смѣшными, или суетное любопытство, а въ иныхъ, буде вѣрять нѣкоторымъ показаніямъ, даже виды личной корысти. Но также многіе начинали чувствовать свое заблужденіе и одинъ изъ первыхъ полковникъ Александръ Муравьевъ. «Лучъ горней благодати, — говоритъ онъ, — коснулся моей души омраченной; я вдругъ увидѣлъ бездну, надъ которою стоялъ съ несчастными сообщниками, и долго, въ слезахъ раскаянія, молилъ небо простить мнѣ ихъ и мои преступленія. Богъ услышалъ грѣшника; Онъ въ теченіе шести лѣтъ испытывалъ меня тяжкими крестами, смертію дѣтей, страданіемъ жены, разстройствомъ имуществъ,

наконецъ, праведнымъ гнѣвомъ государя и карою закона». Нѣсколько времени онъ не могъ побѣдить ложнаго стыда и только уклонялся отъ прежнихъ занятій и разговоровъ; но въ 1819 году превозмогъ себя, письменно объявилъ Коренному Союзу о своемъ мнѣніи про сіе, заклиная всѣхъ послѣдовать его примѣру, отказаться отъ всякихъ противозаконныхъ предпріятій и мыслей. Вскорѣ послѣ того, оно и въ самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, стало приходить въ упадокъ: нѣкоторые члены, не имѣвъ рѣшительности явно отказаться, удалялись отъ онаго; въ томъ числѣ три члена перваго тайнаго общества, раскаяніемъ своимъ заслужившіе совершенное отеческое прощеніе вашего императорскаго величества: двое около 1821 г., одинъ же хотя и позднѣе, но до того разорвалъ тяготившія связи его связи, что, наконецъ, даже избѣгалъ встрѣчи съ прежними товарищами».

Читатель прочтетъ этотъ пунктъ съ удивленіемъ, быть можетъ, даже со страхомъ; изложеніе редактора отличается тутъ непослѣдовательностью разсужденія и непристойностью рѣчи: онъ вступаетъ откровенно на путь романиста или фельетониста, распространяется о пошлости фидантропическихъ затѣй, дѣлаетъ пикантныя замѣчанія о всеильной власти моды и о томъ, съ какою насмѣшкою встрѣчается всякое желаніе уклониться отъ нея. Трудно не быть возмущеннымъ при мысли, что документъ, написанный съ такимъ полнымъ отсутствіемъ чувства всякаго достоинства, послужилъ основаніемъ для столь важнаго процесса.

Судя по тому, что я наблюдалъ въ Обществѣ, и по моему личному опыту, члены оставляли это Общество не потому, что они признавали свои заблужденія, но просто потому, что, вступивъ въ Общество, они не находили въ немъ никакого дѣла, даже не знали, что говорить, забывали мало-по-малу о своей принадлежности къ Обществу и даже о самомъ существованіи Общества.

Здѣсь я нахожу довольно важное для себя обстоятельство, а именно упоминаніе о 1819 годѣ, когда Александръ Муравьевъ сообщилъ Коренному Союзу свое рѣшеніе письменно. Что касается меня, то я никогда не видалъ подобнаго рода заявленія и даже узналъ объ немъ впервые изъ «Донесенія». Что касается лица, писавшаго его, то я никогда въ жизни не видалъ его; съ другой стороны, вступивъ въ Общество, я слышалъ, что Александръ Муравьевъ былъ прежде его членомъ, но что, предавшись религіи и мистицизму, онъ вышелъ изъ Общества. Все это легко можетъ быть доказано на основаніи чиселъ. Изъ этого ясно, что я не могъ вступить въ Общество ранѣе 1819 года.

Знаменитый авторъ «Духа законовъ» говорилъ о величіи римской имперіи прежде, нежели говорить о ея паденіи: редакторъ предпочелъ

слѣдовать обратному методу: сказавъ объ Обществѣ только то, что о н о вербовало членовъ, онъ заявляетъ, что въ описываемое имъ время оно приходило въ упадокъ; когда же было время его процвѣтанія? Онъ присовокупляетъ, правда, что такъ было по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, но такъ какъ я никогда не имѣлъ никакихъ сношеній съ прочими отдѣлами Общества и такъ какъ я не нахожу въ «Донесеніи» никакого указанія на ихъ значеніе или процвѣтаніе, то я позволяю себѣ думать, что этотъ упадокъ, наступившій безъ процвѣтанія, былъ одинаково присущъ всѣмъ отдѣламъ Общества: по крайней мѣрѣ у меня не будутъ оспаривать права говорить объ Обществѣ все, что зналъ о немъ. И такъ я скажу, и это объяснить загадочный смыслъ этого любопытнаго мѣста «Донесенія», что для Общества никогда не существовало ни эпохи процвѣтанія, ни эпохи упадка: употребляя выраженіе одного нѣмецкаго историка, я скажу, что оно находилось съ самаго возникновенія своего и до распаденія въ зачаточномъ состояніи. Можно даже сказать, что оно было мертворожденнымъ. Мы видѣли выше, что нѣкоторые лица, мучимыя смутнымъ желаніемъ преобразованій, составили уставъ этого Общества, взявъ за образецъ тайныя общества, существовавшія въ Германіи (столь тайныя, что ихъ уставы были списаны изъ газетъ); этотъ уставъ показывался всѣмъ и каждому; мнѣ самому этотъ уставъ былъ принесенъ человѣкомъ, котораго я зналъ когда-то только по виду. Люди прочитывали этотъ уставъ, не дѣлали на него никакихъ возраженій, заявляли, что они вступаютъ въ Общество, давали или не давали письменныя обязательства (по крайней мѣрѣ я не помню, чтобы я давалъ таковое) и затѣмъ, видя, что въ Обществѣ не было никакого дѣла, переставали думать объ немъ и такимъ образомъ удалялись отъ него. Вступивъ въ Общество безъ труда, они такъ же легко покидали его. Мнѣ называли многихъ лицъ, вступившихъ въ Общество и затѣмъ оставившихъ его.

Впрочемъ, тутъ говорится въ «Донесеніи» о тѣхъ лицахъ, которые не имѣли смѣлости публично отказаться отъ своего участія въ Обществѣ; слѣдовательно, были люди, которые дѣлали это? Но я таковыхъ не зналъ; въ «Донесеніи» упоминается объ Александрѣ Муравьевѣ какъ объ единственномъ примѣрѣ въ этомъ родѣ; но такъ какъ его отреченіе, если хотите публичное, произошло до моего поступленія въ Общество, то это нисколько не измѣняетъ моего взгляда на легкость, съ какою можно было выйти изъ Общества, и на непрочность подобнаго рода узъ.

Мнѣ незнакомы тѣ три члена, о коихъ тутъ упоминается, будто они вышли изъ Общества, но я увѣренъ, что это произошло именно такъ, какъ я описалъ.

Я часто слышалъ отъ Никиты Муравьева и отъ остальныхъ, что Общество приходило въ упадокъ и, такъ сказать, пре-

кратило свое существованіе; я чистосердечно вѣрилъ этому и до сихъ поръ вѣрю, что они говорили это также чистосердечно, такъ какъ это вполне согласовалось съ истиною, какъ я это видѣлъ своими собственными глазами.

Замѣчу здѣсь, что, высказавшись объ Обществѣ въ этомъ именно смыслѣ въ моей первой оправдательной запискѣ, я узналъ впоследствии, что многіе были возмущены тѣмъ, что я говорилъ какъ о чемъ-то незначительномъ и пустяшномъ, тогда какъ это Общество повело къ столь ужаснымъ событіямъ. Эта записка не только не послужила къ моему оправданію, но, напротивъ, усугубила гнѣвъ моихъ судей; но могъ ли я говорить не то, что мнѣ было извѣстно? Хотя бы отъ этого зависѣла моя судьба, я повторю то же самое, что я говорилъ въ то время, т. е. что Общество, членомъ котораго я состоялъ, не имѣло ничего общаго съ возмущеніемъ 1825 года.

Лица, осуждавшія мою записку, читали ее въ то время, когда преступные замыслы членовъ всѣхъ существовавшихъ обществъ были имъ извѣстны. Я же писалъ свою записку въ Эдинбургъ до чтенія «Донесенія» слѣдственной комиссіи; поэтому я не могъ изобразить Общество иначе какъ такимъ, какимъ оно мнѣ представлялось до моего отъѣзда изъ Петербурга, послѣдовавшаго 9-го апрѣля 1824 г. Всѣ ужасы, рассказанные обвиняемыми и изложенные въ «Донесеніи», были для меня такимъ же точно открытіемъ, какъ и для всякаго посторонняго читателя. Далѣе изъ «Донесенія» выяснится, что вѣтъ и тѣни вѣроятія въ предположеніи, что я когда-либо зналъ обо всѣхъ этихъ ужасахъ. Поэтому всѣ тѣ, кои судили обо мнѣ по моей запискѣ, должны бы были стать на мое мѣсто и подумать, могъ ли я говорить что-либо иное объ Обществѣ кромѣ того, что я сказалъ.

«На югѣ, полковникъ Павелъ Пестель, будучи тогда адъютантомъ графа Витгенштейна и живучи въ Тульчинѣ, главной квартирѣ 2-й арміи, старался всѣми средствами распространять свои мнѣнія. Вліяніе его, какъ видно по единогласнымъ свидѣтельствамъ, было рѣдко оспариваемо близкими къ нему сообщниками; однако жъ въ исходѣ 1820 г. и между бывшими въ семь краѣ начали оказываться холодность и несогласія въ мнѣніяхъ и возникали жаркіе споры».

Все происходившее въ Тульчинѣ меня не касается, однако я не могу не обратить вниманіе читателя на то пагубное легкомысліе и отсутствіе метода, которыя встрѣчаются такъ часто въ редакціи «Донесенія». Приступая къ описанію Тульчинскаго общества, редакторъ говоритъ, что Пестель жилъ въ то время въ Тульчинѣ. «Въ то время» можетъ относиться только ко времени упадка Общества въ Петербургѣ въ 1819 г., о чемъ упоминалось немного выше.

Изъ этого же видно, что въ то время, т. е. 1819 г. Пестель навѣрбовалъ много членовъ.

Между тѣмъ, по словамъ «Донесенія», уже въ 1820 г. замѣчалось охлажденіе и раздоры. Это даетъ право предполагать, что упадокъ Общества обнаруживался не въ одномъ только Петербургѣ и что редактору можно было не говорить выше «по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ». Это по крайней мѣрѣ слѣдовало бы замѣнить словомъ исключительно; въ томъ же 1820 г. происходило знаменитое республиканское засѣданіе въ Петербургѣ: какъ видно, редактору не умѣеть провѣрять.

«Пестель предложилъ, для прекращенія разномыслія, учредить временное диктаторство. Сіе предложеніе, равно и другое, чтобы замѣнить диктатора триумвиратомъ, отвергнуты, а положено быть въ Москвѣ съѣзду депутатовъ Союза, для точнѣйшаго опредѣленія цѣли и дѣйствія онаго. Пестелю нельзя было ѣхать въ Москву; полномочными отъ его Управы назначены полковникъ Бурцовъ и подполковникъ Комаровъ, который, замѣтивъ въ Обществѣ явную наклонность къ революціоннымъ правиламъ и даже къ предпріятіямъ противозаконнымъ, думалъ уже тогда воспользоваться долженствовавшимъ быть на семъ съѣздѣ разнословіемъ, чтобы склонить членовъ къ уничтоженію Союза. Генераль-маіоръ Фонвизинъ пріѣзжалъ изъ Тульчина въ Петербургъ для приглашенія депутатовъ, и въ Москву отправились Николай Тургеневъ и Глинка. Кромѣ ихъ и выше поименованныхъ, были на съѣздѣ: два брата Фонвизины, генераль-маіоръ Орловъ, полковникъ Граббе, Якушкинъ, Михайло Муравьевъ, Охотниковъ. Симъ членамъ, на многихъ предварительныхъ собраніяхъ, генераль-маіоръ Фонвизинъ предлагалъ раздѣлить Общество на три разряда: 1) высшій, главноуправляющій и законодательствующій — незнаемыхъ; 2) исполнителей: изъ онаго хотѣли отряжать членовъ для наблюденій, разъѣздовъ, словесныхъ сообщеній, прекративъ всѣ письменныя; наконецъ, 3) нововводимыхъ. Тутъ опять начались несогласія и споры. Предложеніе Фонвизина отвергали, Николай Тургеневъ (избранный предсѣдателемъ на время съѣзда и, по словамъ Комарова, показавшій себя весьма умѣреннымъ), генераль-маіоръ Орловъ, Бурцовъ, Колошинъ и Комаровъ. Послѣднему Якушкинъ сказалъ однажды: «Я на лицѣ твоёмъ вижу, что ты измѣняешь Обществу». — «Да, отвѣчалъ Комаровъ, если оно не войдетъ опять въ предѣлы извѣстнаго мнѣ устава». — «Это невозможно». Вскорѣ затѣмъ генераль Орловъ письменно объявилъ, что онъ уже не хочетъ принадлежать къ Обществу, и остался твердъ, не смотря на убѣжденія и просьбы товарищей; а въ концѣ февраля (1821 г.), на общемъ засѣданіи, положено уничтожить Союзъ.

Тургеневъ, какъ предсѣдатель, отъ имени всѣхъ уполномоченныхъ членовъ, объявилъ прочимъ, что ихъ сообщество разрушилось совершенно и навсегда, какъ по возникшему въ ономъ разномыслию, такъ и для того, чтобы не возбудить подозрѣній правительства. Уставъ Союза Благоденствія и прочія бумаги сожжены; многіе члены, въ томъ числѣ Бурцовъ и Комаровъ, искренно вѣрили и радовались уничтоженію онаго».

Раздоры, происходившіе въ Тульчинѣ, были таковы, что члены рѣшили собраться въ Москвѣ, чтобы выяснитъ болѣе точнымъ образомъ цѣль Общества и способы его дѣйствій.

Но въ чемъ же выражалась дѣятельность Общества до этого времени?

Оно уже было близко къ распаденію, а между тѣмъ члены говорили еще о необходимости выяснитъ цѣль Общества! Слѣдовательно, эта цѣль была очень неопредѣленная! Этого, конечно, нельзя отрицать; объ этомъ свидѣтельствуетъ уставъ Общества, но въ такомъ случаѣ какое же значеніе имѣетъ заявленіе секретаря о томъ, что цѣлью этого Общества, которая была извѣстна большинству его членовъ, было преобразование государственнаго строя и въ особенности, что можно сказать о постановленіи, принятомъ на томъ торжественномъ засѣданіи (или собраніи), когда было рѣшено ввести республиканскій образъ правленія и говорилось о «президентѣ безъ фразъ»? Это засѣданіе происходило въ томъ же 1820 году, когда было рѣшено выяснитъ болѣе опредѣленно цѣль Общества.—Хотя все это довольно сбивчиво и туманно, но я не буду обвинять въ этомъ редактора. Эта сбивчивость присуща самымъ фактамъ, которые онъ излагаетъ, но эта именно сбивчивость должна была бы навести его на мысль, что не слѣдовало называть совѣщаніемъ, постановленіемъ и заговоромъ то, что было, вѣроятно, только простымъ разговоромъ, безсвязной и безцѣльной болтовнею, которая велась какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Тульчинѣ людьми, не имѣвшими между собой ничего общаго.

Если рѣшеніе, принятое въ Тульчинѣ собраться въ Москвѣ, чтобы выяснитъ цѣль Общества, было принято послѣ знаменитаго петербургскаго засѣданія, а это можно предположить, принявъ во вниманіе, что выше въ «Донесеніи» говорится, будто это засѣданіе происходило въ началѣ 1820 г., въ такомъ случаѣ какимъ же образомъ въ Тульчинѣ могло обсуждаться снова то, что, по словамъ Пестеля, было торжественно рѣшено въ Петербургѣ? или, лучше сказать, какой смыслъ имѣетъ все рассказанное Пестелемъ объ этомъ торжественномъ засѣданіи, о рѣшеніи центрального правленія, облеченнаго, какъ говорится въ «Донесеніи», законодательной властью, сообщить постановленіе объ учрежденіи республики всѣмъ прочимъ правленіямъ, что Пестель, по его словамъ,

исполнилъ, передавъ это тульчинскому правленію? Мнѣ кажется, было бы болѣе согласно съ здравымъ смысломъ вывести изъ всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ данныхъ то заключеніе, что всѣ эти торжественныя постановленія, вся эта подача голосовъ за республику или монархію, эти «президенты безъ фразъ» существовали только въ воображеніи самого Пестеля. Если это не вѣрно, то повторяю, какъ согласовать тотъ фактъ, что члены обсуждали вопросъ о цѣляхъ Общества, послѣ того какъ постановленіе о президентѣ и республикѣ было утверждено законодательной властью?

Съ другой стороны, если рѣшеніе, принятое въ Тульчинѣ собраться въ Москвѣ, предшествовало республиканскому засѣданію въ Петербургѣ, то остается рѣшить, какимъ образомъ члены, вмѣсто того чтобы отправиться въ Москву, очутились въ Петербургѣ и занимались обсужденіемъ вопроса объ учрежденіи республики? Какимъ образомъ Пестель, который не могъ, какъ говорится въ «Донесеніи», отправиться изъ Тульчина въ Москву, очутился въ Петербургѣ? Судя по связи, которая устанавливается донесеніемъ между рѣшеніемъ, принятымъ въ Тульчинѣ, и засѣданіемъ, происходившимъ въ Москвѣ, естественнѣе будетъ предположить, что тульчинское рѣшеніе состоялось послѣ мнимаго республиканскаго засѣданія въ Петербургѣ; въ такомъ случаѣ, все сказанное объ этомъ засѣданіи рушится само собою.

Чтобы не пропустить безъ вниманія ничего, что можетъ касаться Общества, какъ совокупности всѣхъ его членовъ, я долженъ замѣтить, что имѣется еще одно заявленіе, въ коемъ Общество изображено иначе, нежели о немъ можно судить по уставу.—Сдинъ изъ тульчинскихъ членовъ говоритъ, что онъ замѣтилъ въ Обществѣ революціонныя стремленія, замѣчу на это со своей стороны одно, что какое бы направленіе ни существовало въ Тульчинѣ, это нисколько не можетъ касаться обвиненія тѣхъ лицъ, кои находились въ Петербургѣ. Въ самомъ дѣлѣ, могу ли я быть отвѣтственъ за направленіе нѣкоторыхъ личностей, изъ коихъ большинство мнѣ совершенно неизвѣстно? Къ тому же, это обвиненіе слишкомъ неопредѣленно, чтобы его стоило опровергать.

Совершенно безразлично, по какой причинѣ я отправился въ Москву; но, чтобы изобразить событія въ томъ именно видѣ, какъ они происходили, хотя это не согласуется со стараніемъ редактора подчинить все извѣстной послѣдовательности, я скажу, что въ это время мнѣ надобно было отправиться въ Москву и Симбирскъ (въ 800 верстахъ отъ Москвы) по семейнымъ дѣламъ. Узнавъ проѣздомъ, что нѣкоторые члены Общества, наскучивъ его бездѣятельностью, выразили желаніе, чтобы въ Москвѣ состоялось общее собраніе, я сказалъ имъ, что я

могъ бы присутствовать на этомъ собраніи: вотъ **какимъ** образомъ я заслужилъ званіе депутата, коимъ я названъ редакторомъ.

Весьма возможно, что я оспаривалъ проектъ новой организаціи Общества. Я припоминаю, что я доказывалъ такъ же, какъ и многіе другіе, что не было никакой возможности реорганизовать Общество, точно такъ же, какъ основать новое, и вообще имѣть какое бы то ни было общество. Я долженъ впрочемъ протестовать противъ приписываемой мнѣ чести, будто я былъ все время предсѣдателемъ собранія, поблагодаривъ однако за выданный мнѣ аттестатъ въ большой умѣренности. Я никогда не видѣлъ, чтобы на этихъ засѣданіяхъ избирался предсѣдатель, только однажды,—именно въ то засѣданіе, когда дѣйствительно кое-что было рѣшено—нашли необходимымъ установить нѣкоторый порядокъ и меня просили позаботиться о томъ, чтобы одновременно не говорило болѣе четырехъ ораторовъ. Въ этомъ засѣданіи было рѣшено распустить Общество, и я, въ качествѣ якобы его предсѣдателя, объявилъ объ его окончательномъ и безповоротномъ распущеніи. Многіе члены были этимъ очень довольны, говорится въ «Донесеніи»; я скажу со своей стороны, что я не видѣлъ ни одного члена, который былъ бы этимъ не доволенъ, опечаленъ или разочарованъ.

Прежде чѣмъ продолжать, я долженъ замѣтить, что если бы не пренебрегали датами, то можно было бы избѣжать не мало бесполезныхъ розысковъ и несправедливыхъ обвиненій. Даты имѣютъ важное значеніе въ исторіи; но развѣ онѣ имѣютъ меньшее значеніе въ уголовныхъ дѣлахъ? Въ «Донесеніи» говорится, что Общество было распущено въ концѣ февраля. Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ этого я уѣхалъ изъ Москвы въ Симбирскъ. День моего отъѣзда легко можетъ быть опредѣленъ по числу, когда мнѣ была выдана подорожная; изъ этого можно заключить, существовало ли какое-либо вѣроятіе или была ли какая-либо возможность, чтобы я принималъ участіе въ томъ, что происходило, какъ говорятъ, въ Москвѣ послѣ распущенія Общества. Позабывъ о своемъ отъѣздѣ при составленіи своей первой записки и слыша, что меня обвиняютъ въ образованіи втораго Общества, я не могъ объяснить себѣ этого обвиненія иначе какъ различными догадками, которыя могли только затемнить эту часть моей записки. Уже то обстоятельство, что въ «Донесеніи» не упоминается болѣе обо мнѣ при описаніи подробностей этого событія, могло навести на мысль, что едва-ли я принималъ участіе въ томъ, что происходило въ Москвѣ послѣ распущенія Общества; между тѣмъ довольно невѣроятно, чтобы «предсѣдатель» не обнаружилъ въ это время никакой дѣятельности. Посмотримъ однако, въ чемъ выразилась дѣятельность членовъ въ Москвѣ послѣ того, какъ Общество прекратило свое существованіе.

«Но истинныя причины, побудившія сдѣлать сіе объявленіе, какъ показываетъ Якушкинъ, Фонвизинъ и Никита Муравьевъ, были чувство, что Уставъ не ясно опредѣлилъ цѣль Общества, отчего дѣятельность онаго уменьшалась, и желаніе удалить членовъ, кои уже охладѣли въ усердіи къ сей цѣли, или не знали оной, и по характеру своему и образу мыслей казались неспособными содѣйствовать Коренной Управѣ.—Бывшіе въ Москвѣ руководители оной тогда же рѣшились (сіе объявляютъ генераль Фонвизинъ и Якушкинъ) со временемъ составить новое Общество и раздѣлить его на двѣ степени, съ тѣмъ чтобы только принадлежащимъ къ первой была извѣстна настоящая цѣль онаго: готовить Россію къ измѣненію государственныхъ установленій.—Въ сію первую степень принимать не иначе, какъ по согласію Главнаго Правленія въ Петербургѣ; для принятія во вторую, нужно было бы единодушное утвержденіе членовъ двухъ отдѣленій; оныхъ полагалось четыре: въ Петербургѣ, Москвѣ, въ Смоленской губерніи и въ Тульчинѣ.—Якушкинъ утверждаетъ, что сіе тайное общество съ названіемъ, коего онъ не помнитъ, и новымъ Уставомъ, тогда же и составилось; генераль-майоръ Фонвизинъ напротивъ, что все кончилось одними предположеніями и признаніемъ, нѣсколько разъ повтореннымъ, что никакая цѣль не оправдываетъ средствъ.—Первый прибавляетъ, что назначенныя въ Москвѣ и Смоленскѣ отдѣленія не были учреждены».

Во-первыхъ, трое членовъ говорятъ, что цѣль прежняго Общества была слишкомъ неопредѣленна и что изъ Общества хотѣли удалить тѣхъ, которые уже охладѣли къ этой цѣли, и тѣхъ, коимъ она еще не была извѣстна.

Да скажите же, ради Бога, что это была за цѣль? Если она была неизвѣстна нѣкоторымъ членамъ Общества, то, разумѣется, послѣ всего сказаннаго, эта цѣль еще менѣе понятна читателю. До сихъ поръ въ «Донесеніи» говорилось только о цѣли, выраженной въ уставѣ Общества, и о той, какую приписывалъ ему ея секретарь. О которой же изъ этихъ двухъ цѣлей говоритъ редакторъ, называя ее слишкомъ неопредѣленною. Первая цѣль была, если хотите, дѣйствительно неопредѣленна; вторая была яснѣе; при томъ, по словамъ секретаря, члены догадывались объ этой цѣли; быть можетъ, редакторъ подразумѣваетъ тутъ цѣль, вытекающую изъ постановленія о республикѣ и о президентѣ безъ фразъ? Эта цѣль была бы болѣе опредѣленная. Боже мой, да развѣ такъ должно было вестись слѣдствіе, отъ котораго зависѣла жизнь людей!

Возвращаясь снова къ тому республиканскому засѣданію, которое оказалось для меня столь роковымъ, я спрошу, какимъ образомъ въ «До-

несеніи» не упомянуто даже объ общемъ, рѣшающемъ собраніи, происшедшемъ въ Москвѣ, о томъ, какое постановленіе о формѣ правленія было принято на этомъ собраніи? Не доказываетъ ли это обстоятельство, въ связи съ нѣкоторыми другими фактами, что ни республиканскаго засѣданія, ни постановленія объ учрежденіи республики въ дѣйствительности никогда не существовало? Иначе, повторяю, можно ли было обойти молчаніемъ событіе столь важное для Общества?

Тогда, говорится далѣе въ «Донесеніи», тѣ изъ членовъ, кои находились въ Москвѣ, рѣшили образовать новое общество.

Исключаетъ ли тутъ редакторъ тѣхъ членовъ, кои вовсе не были въ Москвѣ, и тѣхъ, которые уѣхали оттуда послѣ того, какъ Общество было распушено? Перечисленіе этихъ лицъ поименно устранило бы многія недоразумѣнія точно такъ же, какъ ихъ можно было бы устранить во многихъ другихъ случаяхъ, приводя точныя даты. Далѣе упоминается объ истинной цѣли Общества, которая состояла въ томъ, чтобы подготовить Россію къ преобразованію основныхъ законовъ государства.

Надобно признать, что заговорщики выказали при обсужденіи этого вопроса большую скромность по сравненію съ тѣми, какъ они держали себя на знаменитомъ республиканскомъ засѣданіи. Впрочемъ, означенная цѣль была предложена для Общества, которое имѣло возникнуть въ будущемъ; ибо тутъ говорится совершенно опредѣленно, что это Общество предполагали учредить современемъ. Одинъ изъ членовъ, который говорилъ о проектѣ образованія новаго Общества, утверждаетъ, что это Общество было основано, что оно имѣло уставъ, который здѣсь не приведенъ, и что оно имѣло названіе, которое онъ позабылъ.

Другой говоритъ напротивъ, что все дѣло ограничилось пустыми проектами и что члены неоднократно приходили къ заключенію, что никогда цѣль не могла бы оправдать средствъ.

Припомнивъ вкратцѣ все, что происходило въ Москвѣ, мы видимъ, что:

1) Тайное общество, называемое Союзомъ Благоденствія, уставъ коего извѣстенъ подъ названіемъ Зеленой книги, было распушено;

2) Что въ послѣдствіи нѣкоторые изъ членовъ, бывшихъ въ Москвѣ, говорили объ основаніи новаго Общества, говорили, повторяю я, такъ, какъ ничего инаго объ этомъ не можетъ быть сказано, наконецъ,

3) Что членами было признано, что никогда цѣль не можетъ оправдать средствъ.

Наставшая особенно на этой послѣдней резолюціи или на этомъ постановленіи, я слѣдую методу редактора, который говоритъ въ «Донесеніи» и о другихъ постановленіяхъ совершенно инаго характера, кото-

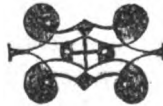
рыя ни по формѣ, ни по существу не были болѣе убѣдительны и не были выражены опредѣленно.

Чтобы покончить съ собраніемъ, происходившимъ въ Москвѣ, я замѣчу, что, не принимая участія въ образованіи Общества, я участвовалъ въ его распушеніи и объявилъ, что оно распущено окончательно и безповоротно. Это произошло въ 1821 г.

Мы увидимъ далѣе, что обо мнѣ будетъ упомянуто, когда будетъ говоритья о попыткахъ къ образованію новыхъ обществъ; мы увидимъ даже, что нѣкоторыя изъ этихъ обществъ дѣйствительно были учреждены и что меня называютъ учредителемъ одного изъ нихъ. Если у читателя хватить терпѣнія внимательно прослѣдить мои замѣчанія, то я докажу ему, что я не участвовалъ ни въ какомъ обществѣ кромѣ того, которое было распущено. Пока я скажу только, что такъ какъ распушеніе Общества не измѣнило и не могло измѣнить моихъ личныхъ отношеній къ нѣкоторымъ изъ бывшихъ членовъ, съ коими я былъ знакомъ, и что, продолжая по-прежнему время отъ времени видѣться съ ними, весьма возможно, что послѣ катастрофы 1825 г., будучи отданы подъ судъ и говоря въ своихъ показаніяхъ все, что приходило имъ въ голову они могли, даже не выдавъ меня два года, въ минуту душевной тревоги и страха, примѣшать мое имя къ событіямъ, которыя были имъ хорошо знакомы, но съ которыми я не имѣлъ ничего общаго.

Сообщ. А. А. Фоминъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Рескриптъ императора Александра I — министру внутреннихъ дѣлъ князю Куракину объ уменьшеніи расходовъ на 1810 годъ.

21-го декабря 1809 года, С.-Петербургъ.

Князь Алексѣй Борисовичъ!

Заботливое положеніе нашихъ финансовъ заставляетъ помышлять о способахъ къ ихъ возстановленію. По послѣднимъ счетамъ казначейства открывается, что расходы на будущій годъ, по смѣтамъ министровъ назначенные, превышаютъ доходы необъятнымъ количествомъ и болѣе нежели вдвое. Если прибѣгнуть къ новому выпуску ассигнацій, то затрудненія еще увеличатся, и самыя исчисленія издержекъ потеряютъ всю достовѣрность, ибо, съ умноженіемъ бумагъ, цѣны на всѣ потребности вдругъ возвысятся, и, слѣдовательно, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, смѣты сіи превратятся въ мнимыя только исчисленія.

Изъ сего видно, что какія бы средства ни были приняты, но возстановить равновѣсіе безъ знатнаго уменьшенія издержекъ невозможно.

Постановивъ общія правила на сіе уменьшеніе, я поручилъ особенному комитету, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Завадовскаго составленному, заняться симъ уменьшеніемъ и въ теченіе недѣли его окончить. Для сего онъ будетъ приглашать министровъ, по мѣрѣ сей работы, и будетъ съ ними сноситься.

Я приму особеннымъ доказательствомъ истиннаго усердія къ пользамъ государственнымъ всякое сбереженіе и умѣренность въ издержкахъ, которыя министры найдутъ возможнымъ сдѣлать каждый по своей части, хотя бы то было съ нѣкоторымъ стѣсненіемъ на 1810 годъ; но стѣсненіе сіе спасетъ государство отъ самыхъ гибельныхъ послѣдствій упадающаго кредита. Я не сомнѣваюсь, что съ порядкомъ и съ экономіею и при томъ съ улучшеніемъ нашихъ денегъ, которое отъ самаго уменьшенія издержекъ должно произойти, вы найдете способы по вѣреннѣйшимъ вамъ частямъ оказать въ общей нуждѣ государственной самое дѣятельное пособіе. Рескриптъ сей для единственнаго вашего свѣдѣнія вы сохраните.

Пребываю вамъ благосклонный.

Сообщ. М. Мардаревъ.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

III ').

Цензура при министрѣ народнаго просвѣщенія князѣ Ливенѣ.—Его циркуляръ и отношенія какъ къ цензурѣ, такъ и къ правительственнымъ лицамъ.—Пререкавіа князя Ливена съ княземъ Волконскимъ, съ графомъ Канкринымъ, генераломъ Эссеномъ и графомъ Бенкендорфомъ по поводу ихъ требованій.—**Ө. В. Булгаринъ.**—Строгое исполненіе цензурныхъ правилъ.

Адмиралъ Шишковъ былъ замѣщенъ генераломъ-отъ-инфантеріи княземъ Ливеномъ, который передъ тѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ состоялъ попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа. Онъ былъ человекъ чрезвычайно набожный и, хотя безъ высшаго образованія, но хороший, справедливый и, въ особенности, необыкновенно твердый и самостоятельный. Каждое изъ этихъ качествъ положило свою печать на всю министерскую дѣятельность князя Ливена, и всѣ они отразились также на направленіи цензуры и другихъ событіяхъ по этому вѣдомству за время его управленія, по крайней мѣрѣ въ первые его годы.

Въ самомъ первомъ циркулярѣ, разосланномъ ко всѣмъ попечителямъ округовъ немедленно по вступленіи своемъ въ должность и написанномъ вчернѣ собственною его рукою, новый министръ говорилъ, что онъ «не осмѣлился бы, въ справедливомъ недоувѣрїи къ собственнымъ своимъ силамъ, принять на себя столь тяжкое бремя (т. е. управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія), если бы съ одной стороны не видѣлъ рѣшительнаго на то соизволенія всемилостивѣйшаго монарха, а съ другой, въ самомъ семъ изволеніи не усматривалъ опредѣленія Всевышняго Промысла, и не укрѣплялся упованіемъ на милосердіе и все-

') См. „Русскую Старину“ августъ 1901 г.

могущество Того, непостижимымъ судьбамъ Коего благоугодно было возложить на него, князя Ливена, труды новаго званія». Но придавая такое высокое значеніе своему призванію и считая себя какъ бы орудіемъ Всевышняго, выдѣленнымъ изъ общей массы, князь Ливенъ смотрѣлъ на эту остальную массу не весьма благосклонными глазами. «Человѣкъ, говорилъ онъ въ томъ же циркулярѣ, при самомъ рожденіи своемъ вноситъ стремленіе ко злу, дурныя наклонности возрастаютъ въ немъ съ лѣтами, соблазнительные примѣры питаютъ и навѣкъ укрѣпляетъ ихъ». Разумѣется, соображаясь съ такимъ направленіемъ министра, подчиненные немедленно отвѣчали въ подобномъ же тонѣ. Такъ, напримѣръ, московскій попечитель, генераль-маіоръ Писаревъ, въ отвѣтъ на циркуляръ Ливена, какъ бы для зарекомендованія себя, писалъ:

«Будучи самъ воспитанъ подъ бдительнымъ надзоромъ строжайшаго исполнителя всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, графа Ангальта, его одними охранительными наставленіями прошелъ я все трудное военное поприще 30-ти лѣтняго моего служенія царю и отечеству, сиротою безъ покровителей и родственниковъ; одна спасительная вѣра и долгъ вѣрно-подданническій къ государю вѣще подкрѣпляли меня въ семъ медленномъ и постепенномъ пути моего прямого служенія. И потому, съ нѣкоторымъ надежнымъ любочестіемъ завѣрить могу вашей свѣтлости, что всѣ сіи отечественныя ваши предписанія мною со всею строгостью усерднаго подчиненнаго исполняются».

Разумѣется, что такое настроеніе должно было придать болѣе или менѣе особый колоритъ и цензурѣ въ періодъ князя Ливена; но, при всемъ томъ, въ этомъ отношеніи не могутъ не поражать его умѣренность, покровительство благоразумной свободѣ слова, пропускъ многого такого, чего не рѣшались допускать въ печать или что положительно желали запретить слишкомъ усердные или робкіе цензоры, и, наконецъ, отстаиваніе противъ разныхъ вѣдомствъ, съ крайнею твердостью, того, что онъ самъ считалъ справедливымъ и правильнымъ. Приводя тому нѣсколько примѣровъ, мы прежде должны замѣтить, что если здѣсь князь Ливенъ постановлялъ резолюціи не прямо своимъ именемъ, а отъ лица главнаго цензурнаго управленія, то нѣтъ сомнѣнія, что онѣ вполне согласовались съ образомъ его мыслей, и нигдѣ по дѣламъ не осталось слѣдовъ малѣйшаго даже разногласія между княземъ и прочими членами главнаго управленія.

Въ 1828 г., Виленскій цензурный комитетъ считалъ нужнымъ не допустить до печати рукопись на польскомъ языкѣ: «Избранныя восточныя повѣсти» (Wybor baiek wschodnich), на томъ основаніи, что представленіе въ ней волшебныхъ, сверхъестественныхъ явленій можетъ распространять суевѣріе, и что неприлично вводить въ самыя обыкновенныя происшествія государей, лица изъ ихъ семействъ и вер-

ховныхъ государственныхъ чиновниковъ. Главное цензурное управленіе нашло, что запрещать эту рукопись нѣтъ причины, что ея содержаніе никого не введетъ въ заблужденіе, потому что каждый человѣкъ понимаетъ, какъ надо смотрѣть на сочиненіе, носящее названіе «сказокъ», и при томъ «волшебныхъ»; хотя же тутъ описаны наказанія злыхъ лицъ, иногда не весьма осторожнымъ, даже грубымъ образомъ, но въ сказкахъ обыкновенно подвергаются наказанію хотя и короли, принцы и другія вымышленныя лица, но злыя, а добрыя получаютъ награду; наконецъ, если бы даже были предосудительны эти мѣста, то надо было бы осудить ихъ однихъ, а не всю книгу. Согласно съ этимъ мнѣніемъ, рукопись дозволено напечатать (27-го сентября 1828 года).

Петербургскій попечитель Бороздинъ, соглашаясь съ цензоромъ Сербиновичемъ, затруднялся пропустить въ печать, въ началѣ 1829 г., въ комедіи «Арзамасскіе гуси» слѣдующіе стихи, какъ вредныя и могущіе обратиться въ пословицу въ народѣ:

Побродяжкинъ (говоря о наводненіи 7-го ноября 1824 года).

А кто несчастію причина?
Блаженной памяти покойный государь
Петръ Алексѣвичъ! Былъ умный государь,
А къ морю черезъ чуръ подѣхалъ близко.
Какъ въ ямѣ строятся, когда есть материкъ?
Вотъ то-то, матушка, и былъ великъ
А выстроился нивко.

Лихвинъ.

Смотри, Егоръ, укороти языкъ,
Ты слишкомъ говорить изволишь фамильярно.

Побродяжкинъ (испугавшись).

Помяните! Петру Великому
Отечество всегда пребудетъ благодарно.

Цензурный комитетъ не находилъ ничего непозволительнаго въ этихъ стихахъ, потому что «они показываютъ только въ смѣшномъ видѣ тѣ поспѣшныя заключенія людей недалшняго образованія и ума, которыя нерѣдко бывають въ откровенной бесѣдѣ семейнаго круга». Съ этимъ мнѣніемъ согласилось Главное управленіе (9-го января 1829 г.), комедія была напечатана вполнѣ, и время оправдало этотъ приговоръ.

Въ томъ же 1829 году Виленскій цензурный комитетъ представилъ въ Главное управленіе цензуры рукопись, на польскомъ языкѣ «W układ wiary Mahometanskieu» (изложеніе вѣры магометанской, Соболевскаго), которая казалась ему противною цензурнымъ постановленіямъ. Въ этомъ сочиненіи, составленномъ изъ извлеченій изъ Корана и повелѣній пророка, найдены были непозволительными мѣста въ родѣ слѣдующихъ: «Богъ желаетъ вѣры отъ вѣрныхъ и усердія отъ боя-

щихся Его, и Онъ самъ желаетъ также, чтобъ былъ и невѣрный и невѣріе, и безбожный и безбожіе»... «Богъ производитъ въ людяхъ набожность, пороки, добро, зло, вѣру и невѣріе»... «Должно вѣрить, что Евангеліе было ниспослано съ неба Іисусу пророку»... «Кто не любитъ всѣхъ собратій пророка, кто противится истинѣ хотя одного изъ пророковъ, кто не вѣритъ ихъ проповѣдямъ или сомнѣвается въ томъ, что они проповѣдывали въ мірѣ, тотъ отступникъ и негодяй»... «Справедливо и непремѣнно осуществится все, что объявилъ Магометъ пророкъ о знакахъ суднаго дня, напимѣръ о пришествіи антихриста, сошествіи съ неба пророка Іисуса, умерщвленіи антихриста симъ послѣднимъ»... «Невѣріе, безбожіе ненабожныхъ и мерзкія дѣла ихъ происходятъ по божественному Провидѣнію и волѣ, и все то происходитъ по предопредѣленію, написанному на скрижаляхъ, оберегаемыхъ самимъ божественнымъ Промысломъ»... и т. д. Но Главное управленіе цензуры признало, 23-го ноября 1829 года, что нѣтъ надобности запрещать печатаніе этого сочиненія, такъ какъ оно назначено для однихъ магометанъ и составлено магометаниномъ, что и на самомъ заглавіи означено.

С.-Петербургскій цензурный комитетъ, тоже въ концѣ 1829 года, представилъ Главному управленію о сомнѣніяхъ, встрѣченныхъ имъ къ пропуску сочиненія «Галедъ и Зонгосъ», гдѣ, «авторъ оправдываетъ возстаніе грековъ тѣмъ, что они несли самое ужасное иго деспотизма, и говоритъ, что воспоминаніе о безсмертныхъ подвигахъ предковъ и собственнаго достоинства пробудились въ семъ народѣ съ тѣхъ поръ, какъ его единовѣрцы, русскіе, при Екатеринѣ II, сокрушили турокъ; что турки, по правиламъ Алкорана, могутъ быть только врагами христіанъ, и при этомъ авторъ намекаетъ на бѣдствія Европы, если Англія, Франція, Австрія будутъ препятствовать Россіи въ ея войнѣ противъ турокъ, которыхъ она поражаетъ за вѣроломство, вовсе не помышляя о завоеваніяхъ». Главное управленіе нашло (4-го декабря 1829 г.), что это сочиненіе можетъ быть дозволено, и надо только предложить автору замѣнить часто повторяемые у него выраженія: «деспотизмъ», «деспотъ», словами: «тиранство», «невѣрныя», и т. д., а вмѣсто слова «либераль» поставить другое какое-либо выраженіе. Что же касается до общаго вопроса, возбужденнаго комитетомъ по этому предмету, то Главное управленіе полагаетъ, что факты и историческія событія не могутъ и не должны быть скрываемы, но что, впрочемъ, духъ самаго сочиненія покажетъ (въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ) благоразумію цензора, въ какой степени оно направлено къ оскорбленію дружественныхъ съ Россіею державъ, и потому должно ли оно, или нѣтъ, подлежать запрещенію.

Тотъ же цензурный комитетъ не рѣшался печатать стихотвореніе «Псковитянинъ», отрывокъ изъ поэмы барона Розена: «Рожденіе Іоанна

Грознаго» (назначенный для альманаха «Царское Село»), на томъ основаніи, что тутъ «описывается чувство глубокаго негодованія псковитянина противъ царя московскаго, лишившаго согражданъ его политической свободы, произведенія же изящной словесности требуютъ, можетъ быть, большей строгости, нежели исторія, изображающая дѣянія людей, какъ они были». Несмотря, однако же, на такіе доводы, Главное управленіе цензуры, не входя ни въ какія дальнѣйшія разсужденія, прямо разрѣшило (20-го декабря 1829 г.) печатаніе этого отрывка.

Въ началѣ 1830 года, Петербургскій цензурный комитетъ не рѣшился запретить или позволить, самъ собою, нѣсколько стихотвореній, назначенныхъ для альманаха «Незабудка», на томъ основаніи, что «о нѣкоторыхъ изъ ихъ числа сужденія могутъ быть разныя, и какъ оправданіе, такъ и осужденіе ихъ зависитъ отъ произвольнато толкованія читателя». Стихотворенія эти были слѣдующія:

1. Мелкошерстныя мыши.

Далеко отъ Руси, есть гдѣ-то государство,
И въ немъ, какъ говорятъ,
Сѣдая шерсть мышей вошла, какъ анти-ядъ,
Въ универсальное лѣкарство.
И бысть сѣдымъ мышамъ ужасный переводъ!
Пока не смастерилъ одинъ ученый котъ
Проектъ, чтобъ отвратить несчастье такое,
Какъ новый Демосѣенъ, онъ убѣдилъ мышей,
Что долгъ велитъ имъ стричь мышей.
„Конечно, иногда—промолвилъ такъ злодѣй,—
„Не худо окорнать ихъ длинный хвостъ и уши,
„Но не губить отнюдь невинныя ихъ души“.
Проектъ разсмотрѣнъ былъ тремя изъ мудрецовъ,
И котъ съ тѣхъ поръ прослылъ первѣйшимъ изъ дѣльцовъ.
У насъ въ Европѣ точно то же,
Все ладно, хорошо, всегда такая тишь:
Когда жъ приказная, мелкочиновнамышь
Подъ лапу попадетъ вельможей,
Они ее прегладко обстригутъ,
И приговоръ вотъ такъ произнесутъ:
Вмѣнивъ ей въ казнь арестъ и, не лишая мѣста,
Подвесьте ее подъ пунетъ благаго манифеста.
Мышь снова шерстью обростетъ,
И снова въ пасть къ нимъ попадетъ.

2. Хамство.

Къ богатству странное влеченье у людей:
Хоть бѣдный бѣдняку дружнѣе помогаетъ,
Но, несмотря на то, спѣсивыхъ богачей
Бѣднякъ поклонами въ присядку потѣшаетъ,
То въ ихъ передней посидитъ,
То въ ихъ гостиной постоитъ,

И часто изъ того проползаетъ два года,
 Чтобъ, вздернувъ носъ предъ нимъ, преврѣнный сибарить
 Спросилъ: „Что, братецъ, какова погода?“
 „Прекрасная-съ“—и самъ чуть на ногахъ стоитъ.
 И такъ текутъ въ столицахъ наши годы!
 Вертится между тѣмъ фортуны колесо,
 И всѣ бѣгутъ, кричатъ, не вѣдая свободы...
 Брани людей, Вольтеры!.. Плачь, добрый мой Руссо!

3. Предразсудки и просвѣщеніе.

Прошло пять тысячъ лѣтъ,
 А мумія лежитъ въ могилѣ какъ живая,
 Но вдругъ къ отшельницѣ проникъ тлетворный свѣтъ,
 И отъ нея лишь пылъ осталась вѣковая.

Само собою разумѣется, что при тогдашнихъ понятіяхъ объ аристократіи и высшихъ членахъ администраціи, первыя двѣ пьесы, явно съ сатирическимъ намекомъ на извѣстныя современныя личности и отношенія, не могли быть допущены даже либеральнымъ и доброжелательнымъ княземъ Ливеномъ. Что же касается третьей, то Главное управленіе цензуры безъ всякаго затрудненія позволило ее напечатать (5-го февраля 1830).

Вслѣдъ затѣмъ, тотъ же Петербургскій цензурный комитетъ не рѣшался пропустить большинства статей того же самаго альманаха «Незабудка», потому что «многія мысли и выраженія, отмѣченныя цензоромъ, казались или нарушающими приличіе, или несогласными съ цензурными правилами»; особенно это замѣчено было въ статьяхъ: «О свободѣ», «О крестьянахъ», «О настоящемъ положеніи вещей въ Россіи», «О статуяхъ въ Лѣтнемъ саду», «О раболѣпствѣ передъ знатными», «О музѣ Байрона въ сравненіи съ демономъ Апокалипсиса», «О Сибири наряду съ адомъ»; что же касается до стихотворенія «Старый другъ лучше новыхъ двухъ», то его уже рѣшительно не слѣдуетъ пропускать, потому что оно «заключаетъ въ себѣ сатиру на гордость министра и недоступность къ оному». Издатель (литераторъ, скрывавшій свое имя подъ псевдонимомъ «Трилуный») ¹⁾ принужденъ былъ представлять противъ всего этого объясненія, и вотъ что онъ писалъ, между прочимъ: «Не пропускается стихотвореніе «Старый другъ лучше новыхъ двухъ» вѣроятно потому, что въ немъ упомянуто о министрѣ. Другихъ причинъ быть не можетъ, ибо, не имѣя въ виду ничей личности, я не сдѣлалъ ни малѣйшихъ намековъ, мѣстныхъ обстоятельствъ и всего, что могло бы дать превратное понятіе о какомъ-либо извѣстномъ лицѣ. Вельможа представленъ у меня идеально; онъ позабылъ своего стараго друга—вотъ завязка пьесы. Дѣйствующія лица—провинціалъ Баклушкинъ и

¹⁾ Извѣстный въ то время литераторъ и музыкантъ, Дмитрій Юрєвичъ Струйскій.

дежурный; имя же министра упоминается только въ одномъ мѣстѣ, и то мимоходомъ, безъ малѣйшаго оскорбленія для министровъ. Всѣмъ извѣстно, что люди въ знатности и въ богатствѣ иногда забываютъ старыхъ друзей—сія истина напечатана была уже не одинъ разъ. Можетъ ли она кого-либо оскорбить, если нѣтъ постороннихъ намековъ на чью-нибудь личность? Нигдѣ не сказано ни полслова объ управленіи министерствомъ, нигдѣ не сказано о способностяхъ и образѣ мыслей министра: дѣло идетъ о старой его дружбѣ съ добродушнымъ провинціаломъ, и сюрпризъ, сдѣланный сему послѣднему, можетъ только разсмѣшить читателя. Въ нѣкоторыхъ комедіяхъ люди чиновные и богатые выведены на сцену съ пороками ихъ, но никто симъ не оскорбляется. Въ разговорѣ шута съ поэтомъ замѣчено цензурою нѣсколько стиховъ, именно тамъ, гдѣ поэтъ негодуетъ на тѣхъ молодыхъ дворянъ, которые, пользуясь заслугами своихъ предковъ, не хотятъ служить своему отечеству и, нерѣдко утопая въ роскоши—слѣдствіе праздности—смѣются надъ полезными трудами поселянъ, считая ихъ дикарями. Чтобъ убѣдиться въ нравственности сей мысли, я бы могъ сослаться на указъ Великаго Петра касательно недорослей и на многія новѣйшія узаконенія, но считаю сіе излишнимъ, ибо самая цѣль и совѣсть меня оправдываютъ».

Главное управленіе цензуры, обративъ полное вниманіе на эти и другія объясненія автора, признало (19-го февраля 1830 г.) позволенными всѣ вообще вышеозначенныя пьесы «Незабудки», исключая одно лишь мѣсто, да и то, въ статьѣ «О крестьянахъ».

С.-Петербургскій цензурный комитетъ не хотѣлъ пропускать въ печать критическаго разбора письма г. Усова и лекцій профессора Соколова, сочиненія доктора изящныхъ наукъ Масловяча, вмѣстѣ съ письмомъ сочинителя съ издателямъ «Литературной Газеты».

Письма цензура не хотѣла пропускать по той причинѣ, что тутъ рассказанъ былъ частный разговоръ сочинителя съ издателемъ «Сѣверной Челы», при представленіи своего разбора въ газету, а самого сочиненія цензура не пропускала потому, что кромѣ охудженія преподаванія профессора Соколова, а также и принятаго имъ намѣренія читать лекціи безденежно, оно заключало «неприличныя отзывы» о преподаваніи наукъ въ русскихъ университетахъ. Главное управленіе цензуры нашло (19-го февраля 1830 г.), что дѣйствительно не слѣдуетъ печатать частныхъ разговоровъ, но что касается до разбора лекцій Соколова, то соображенія и опасенія цензурнаго комитета за честь и неприкосновенность русскихъ университетовъ излишни, а потому разборъ напечатать можно.

Основываясь на мнѣніи цензора Щеглова, тотъ же цензурный комитетъ встрѣчалъ затрудненіе пропустить статью Пушкина объ Илиадѣ въ переводѣ Гявдича, потому что тутъ говорилось о личныхъ отноше-

ніяхъ между Гнѣдичемъ и Дельвигомъ, въ слѣдующихъ словахъ: «Принужденнымъ нахожусь сказать, что нынѣшнія отношенія барона Дельвига не суть дружескія», а этихъ словъ, несмотря на просьбу цензора, не соглашался измѣнить издатель Литературной Газеты. Главное управленіе нашло (19-го февраля 1830 г.), что замѣченное цензурою выраженіе можетъ быть допущено въ печати.

Въ февралѣ 1830 года все тотъ же комитетъ не смѣлъ пропустить въ Сѣверномъ Меркуріѣ статью: Русскій театръ, заключающую въ себѣ критику на игру актеровъ, во-первыхъ, потому что эта критика относилась не рѣдко къ пьесамъ, еще непечатаемымъ и, значить, цензурѣ неизвѣстно было: опущены ли тѣ или другія мѣста во время представленія, во-вторыхъ, потому, что сужденія о дѣйствующихъ лицахъ касались прямо или косвенно распоряженій театральнаго начальства и могли, въ отношенія къ оному, казаться непозволительными даже въ такихъ случаяхъ, которыхъ посторонняя цензура не въ состояніи предупредить, не зная распоряженій и представленія. Поэтому комитетъ ходатайствовалъ, чтобъ къ § 12 цензурнаго устава было прибавлено, въ видѣ дополненія, «чтобъ всякія подобнаго рода сужденія предварительно представляемы были на засвидѣтельствованіе или театральнаго дирекціи, или III-го отдѣленія Собственной его величества канцеляріи, такъ какъ послѣдней принадлежитъ разрѣшеніе къ представленію». Но Главное управленіе не раздѣлило робкихъ опасеній и предусмотрительной заботы комитета: оно нашло и тѣ и другія излишними, и 19-го февраля 1830 г. постановило, что нѣтъ повода и оно не считаетъ себя въ правѣ ограничивать данное § 12-мъ цензурнаго устава дозволеніе печатать разсужденія о театральныя представленія.

Въ мартѣ 1830 г. С.-Петербургскій цензурный комитетъ не находилъ возможнымъ пропустить статью для Отечественныхъ Записокъ подъ названіемъ: Письмо въ Москву о маскарадахъ въ домѣ г-жи Энгельгардтъ, потому что тутъ съ невыгодной стороны выставлялось общественное заведеніе, правительствомъ дозволенное и при томъ дважды удостоенное посѣщеніемъ государя императора. Сочинитель же статьи, Свиньинъ, объяснялъ при этомъ цензору, что «желая остановить заблужденіе на счетъ маскарадовъ, онъ не можетъ отказаться отъ обязанности открыть глаза публикѣ и устыдить новыхъ просвѣтителей Россіи, кои хотятъ, чтобъ русскіе и веселились не иначе, какъ по-французски, потому просить комитетъ внести статью его на разрѣшеніе высшаго начальства, представя причины, побудившія его къ сочиненію оной». Разсмотрѣвъ статью, Главное управленіе нашло (5-го марта 1830 г.), что въ ней нѣтъ ничего, что могло бы подвергаться запрещенію, потому что авторъ, какъ кажется, не думалъ представлять заведеніе г-жи Энгельгардтъ съ невыгодной сто-

ровы, а только хвалили россиянъ за то, что они вообще предпочитаютъ тихія семейныя удовольствія шумнымъ публичнымъ праздникамъ, какковы маскарады.

Въ маѣ 1830 г., С.-Петербургскій цензурный комитетъ усомнился пропустить статью для Сѣвернаго Муравья подъ заглавіемъ «Внутреннія извѣстія», не смотря на § 12 цензурнаго устава, дозволяющій всякія сужденія о предметахъ научныхъ, литературныхъ и художественныхъ, также объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, земледѣлія, фабрикъ и т. п., потому что подобныя сужденія, въ примѣненіи къ Россіи, могутъ быть иногда не согласны съ нынѣ существующими правительственными распоряженіями. Такъ именно и случилось въ настоящей статьѣ, гдѣ очень невыгодно говорено было о транзитной торговлѣ, а между тѣмъ распоряженія по этому предмету не составляли коренныхъ государственныхъ постановленій, ограждаемыхъ § 3-мъ устава. Вслѣдствіе того, комитетъ просилъ Главное управленіе разрѣшить его сомнѣніе касательно частныхъ сужденій вообще, такъ какъ подобное затрудненіе встрѣчается очень часто. Въ разрѣшеніе этого недоумѣнія, Главное управленіе постановило (28-го мая 1830 г.) сообщить цензурному комитету, что по § 12-му устава всякій можетъ излагать свои сужденія о предметахъ, въ томъ § поименованныхъ, хотя бы эти сужденія были несогласны съ распоряженіями правительства и сами по себѣ несправедливы; но необходимо, чтобъ въ формѣ изложенія и въ тонѣ соблюдено было надлежащее приличіе. По сей причинѣ, содержащаяся въ статьѣ для «Сѣвернаго Муравья» сужденія могли бы быть дозволены къ напечатанію, еслибъ они были изложены не въ столь рѣзкомъ тонѣ.

Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобъ доказать то благосклонное и доброжелательное настроеніе цензуры, которое, въ первые годы управленія князя Ливена, замѣнило прежнее деспотическое, полное подозрѣній и стѣсненій, настроеніе адмирала Шишкова.

Но, съ другой стороны, не менѣе характерно было самостоятельное отношеніе князя Ливена и цензуры къ высшимъ административнымъ личностямъ того времени. Князь Ливень очень часто не склонялся передъ ними, какова бы ни была ихъ сила и положеніе, противился ихъ требованіямъ и давалъ имъ самый рѣшительный отпоръ. Подтвержденіемъ сказанному здѣсь могутъ служить слѣдующіе случаи:

Въ началѣ 1829 г., министръ двора, князь Волконскій, жаловался князю Ливену, что издатель «Сѣверной Пчелы», Булгаринъ, печатаетъ въ ней цѣлыя программы даваемыхъ въ Петербургѣ концертовъ, и даже ранѣе, нежели о томъ объявлено въ театральной афишѣ, чѣмъ нарушается съ одной стороны привилегія, данная Плюшару, содержателю театральной типографіи, по контракту его съ Императорскимъ теа-

травальнымъ управленіемъ, а съ другой стороны и высочайшее повелѣніе 9-го января 1804 года, коимъ предписано, чтобъ афиши на маскарады, концерты и всѣ вообще публичныя зрѣлища печатались въ театральной дирекціи, обязанной наблюдать, чтобы въ этихъ афишахъ не было печатаемо ничего лишняго и неприличнаго. Не взирая, однако же, на требованіе столь вліятельнаго и могущественнаго въ то время князя Волконскаго, и при томъ по дѣлу, гдѣ рѣчь шла о подрывѣ казеннаго интереса, Ливень отвѣчалъ (8-го апрѣля 1829 г.), что повелѣніе 1804 года, какъ специально назначенное для министерства двора, не было до тѣхъ поръ извѣстно министерству народнаго просвѣщенія, да при томъ же не можетъ быть и принято въ соображеніе въ настоящемъ случаѣ, потому что предоставляетъ театральной дирекціи преимущественно только напечатаніе подъ своимъ надзоромъ отдѣльныхъ афишъ и билетовъ для концертовъ, маскарадовъ и проч., но не заключаетъ въ себѣ запрещенія печатать въ газетахъ и журналахъ извѣщенія о такихъ предметахъ, по желанію лицъ, предполагающихъ давать концерты и проч., или же отъ самихъ издателей, не въ видѣ особыхъ афишъ, а вмѣстѣ съ прочими статьями и извѣстіями, и съ подлежащаго дозволенія цензуры. Поэтому, безъ особаго высочайшаго повелѣнія, нельзя запретить газетамъ помѣщать у себя вышеозначенныя объявленія тѣмъ болѣе, что новымъ уставомъ цензурнымъ (1828 г.) замѣнены всѣ прежнія узаконенія по цензурѣ, а въ этомъ уставѣ не только не содержится запрещенія печатать въ газетахъ объявленія о концертахъ, но даже § 12-мъ дозволены статьи и разсужденія о публичныхъ зрѣлищахъ.

Еще болѣе важно и характерно слѣдующее дѣло, которое мы, по причинѣ его особеннаго интереса, изложимъ здѣсь въ подробности. Въ февралѣ 1830 г., министръ финансовъ, графъ Канкринъ, жаловался князю Ливену на статью «Сѣвернаго Меркурія», гдѣ было сказано, что, по предначертанію академика Гамеля, одно министерство испросило высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Технологическаго института, между тѣмъ какъ Технологическій институтъ учреждается по проекту и зачину самого министерства финансовъ, а не по плану академика Гамеля (который желалъ учрежденія на совершенно иныхъ основаніяхъ и, между прочимъ, хотѣлъ дать всѣмъ московскимъ мѣщанскимъ дѣтямъ публичное воспитаніе). Поэтому Канкринъ просилъ, либо чтобъ цензоръ Гаевскій объяснилъ, на основаніи какихъ доказательствъ онъ пропустилъ въ печати этотъ фактъ, «когда не надлежитъ писать о дѣйствіяхъ министерствъ, не спрося ихъ напередъ, либо чтобъ объявилъ въ этой же газетѣ, что это обстоятельство министерствомъ финансовъ признается несогласнымъ съ ходомъ дѣла, и имъ пропущено безъ намѣренія». Къ этому графъ Канкринъ прибавилъ: «я признаю сіе тѣмъ болѣе необходимымъ, что если допустить, что всякъ можетъ себѣ присво-

ивать дѣйствія министерствъ, то министерства или должны пускаться на неприличную у насъ газетную войну, или лишиться въ публикѣ уваженія».

На это требованіе Ливень отвѣчалъ (13-го февраля), что, на основаніи § 12-го устава, онъ не можетъ признать, чтобъ цензоръ имѣлъ какое-либо право не одобрить къ напечатанію извѣстіе о рѣчи, публично произнесенной академикомъ и не содержащей въ себѣ ничего для кого-либо оскорбительнаго. Входить же въ разсмотрѣніе справедливости или неосновательности мнѣній писателя, если оныя не противны общимъ правиламъ о цензурѣ, цензоръ не долженъ былъ, въ силу § 13-го устава; а извѣстіе, что какое-либо министерство, разсмотрѣвъ и одобрявъ представленныя ему какимъ-нибудь ученымъ и знающимъ лицомъ мысли о полезномъ общественномъ учрежденіи, привело ихъ въ исполненіе, не можетъ быть оскорбительно для того министерства. Впрочемъ, если графу Канкрину угодно, то онъ, министръ народнаго просвѣщенія, предпишетъ цензорамъ, чтобъ о поступающихъ къ нимъ на разсмотрѣніе статьяхъ, касающихся до министерства финансовъ, всегда предварительно дѣлано было сношеніе съ тѣмъ министерствомъ. Что же касается настоящаго случая, то цензоръ не имѣетъ никакого права, ни повода дѣлать какое-либо отъ себя объявленіе, а если министерство финансовъ признаетъ необходимымъ опровергнуть извѣстіе о Технологическомъ институтѣ, то можетъ со своей стороны объявить о неосновательности оваго.

Графъ Канкринъ остался крайне недоволенъ такимъ отзывомъ и тотчасъ же отвѣчалъ, что соображенія князя Ливена, по его мнѣнію, не относятся къ содержанію того, что ему писано было Канкринымъ. «Въ настоящемъ случаѣ, говорилъ министръ финансовъ, дѣло идетъ не о разсужденіяхъ и ученыхъ предположеніяхъ, свободѣ коихъ онъ нисколько вредить не желаетъ, а о невѣрномъ фактѣ. Частное лицо говорить, что министерство финансовъ устроило заведеніе по предположенію его, въ противность истины. Это уже по гражданскимъ законамъ не дозволено. Чтобъ министерства у насъ занимались печатаніемъ въ газетахъ опроверженій на подобныя статьи и себя защищали предъ публикою противъ тщеславія авторовъ, этого у насъ еще не введено и едва-ли введено быть можетъ, не допуская совершенной необузданности прессы; и еще мнѣе можно предполагать, чтобъ за каждое невѣрное показаніе входить въ процессъ. Что академикъ сказалъ публично о министерствѣ фактъ несправедливый, то это не служитъ оправданіемъ, потому что печатать или говорить публично имѣетъ тѣ же послѣдствія. Вовсе нѣтъ вопроса о томъ, чтобъ министерству стыдно было исполнить предположеніе ученаго. Это, какъ графу Канкрину давно извѣстно, не только не стыдно, но похвально, и публично должно быть

признаваемо, если только дѣйствительно такъ было; равно какъ должно воспользоваться всякимъ полезнымъ и умѣреннымъ разсужденіемъ въ публичныхъ бумагахъ. Для графа Канкринна, впрочемъ, все равно, кто помѣститъ въ газетѣ отзывъ о несправедливости такового удостовѣренія, цензоръ ли, или издатель газеты. Но онъ, графъ, долженъ въ семь дѣлъ просить справедливости у князя Ливена не потому, чтобъ вмѣлъ малѣйшее личное вниманіе къ подобнымъ самохвальнымъ статьямъ, а для избѣжанія вообще столь вреднаго примѣра, чтобъ въ газетахъ распространяемы были о правительствѣ или о министерствахъ факты, несогласные съ истиною, ибо, допустивъ первый шагъ, трудно предусмотрѣть, гдѣ кончится дѣло. Что касается предположенія князя Ливена о предварительномъ сообщеніи министерству финансовъ всѣхъ статей о немъ, то онъ, графъ Канкринъ, съ одной стороны, весьма далекъ отъ того, чтобъ препятствовать сужденіямъ публики, а съ другой, если законъ, чтобъ не писать о министерствахъ безъ вѣдома ихъ, еще въ своей силѣ, то не настоятъ въ томъ особой надобности; буде же постановленіе это измѣнилось, то безъ испрошенія высочайшаго повелѣнія такія распоряженія вновь дѣлать нельзя».

Въ заключеніе, Канкринъ иронически просилъ Ливена увѣдомить, что министерство финансовъ впредь должно дѣлать, если о немъ будутъ печатаны факты, противные истинѣ, кои могутъ имѣть болѣе или менѣе вліянія на государственныя дѣла, или по крайней мѣрѣ на уваженіе публики, и въ чемъ состоитъ обязанность и отвѣтственность цензора относительно допущенія къ печатанію фактовъ, до лицъ и публичныхъ мѣстъ касающихся, «дабы онъ, графъ Канкринъ, со своей стороны могъ принять дальнѣйшія мѣры».

Князь Ливенъ на все это отвѣчалъ, что прежнее правило о непечатаніи статей о какомъ-нибудь министерствѣ безъ согласія онаго, уже не существуетъ болѣе по цензурному уставу 1828 года, и что цензура не имѣетъ права заставлять издателя, какъ не подвѣдомственное ей частное лицо, принять въ его изданіе какую бы то ни было статью. «Что же касается до послѣднихъ двухъ вопросовъ» (т. е. чѣмъ должно впредь руководствоваться министерство финансовъ, и въ чемъ состоятъ обязанности цензора), то, говорилъ Ливенъ, «повѣрка и опроверженіе извѣстій зависятъ совершенно отъ благоусмотрѣнія министерствъ, а обязанности и отвѣтственность цензора опредѣлены въ высочайше утвержденномъ уставѣ о цензурѣ». Этотъ послѣдній отвѣтъ такъ, повидимому, огорчилъ графа Канкринна, что онъ, «видя, что князю Ливену неугодно принять какую-либо мѣру», вошелъ къ государю со всеподданнѣйшимъ докладомъ, но и тутъ не получилъ того удовольвенія, на которое разсчитывалъ: государь, очень уважавшій и любившій князя Ливена, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень благосклонно всегда относившійся къ академику

Гамелю, не далъ торжества жаловавшемуся на Ливена противнику ихъ и ограничился только повелѣніемъ, чтобы «доложить его величеству, когда подобное случится впредь»; министерству же финансовъ не разрѣшить защищать себя въ газетахъ. На этомъ дѣло и кончилось.

Любопытенъ также отпоръ, данный княземъ Ливеномъ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору Эссену. Въ сентябрѣ 1830 года послѣдній писалъ князю, что съ нѣкотораго времени замѣтно въ с.-петербургской публикѣ негодование на издателей «Сѣверной Пчелы» за помѣщеніе статей, рождающихъ унизительное понятіе о чиновникахъ гражданскихъ. Въ № 102 они названы рябчиками; при всякомъ же случаѣ издатели стараются придавать имъ видъ карикатуръ. Поэтому, одни говорятъ, что чиновники отданы какъ бы на поруганіе «бѣглому поляку» (Булгарину), другіе, что онъ одинъ остается судьбою для ихъ чести, званія, добраго имени, а цензура все это пропускаетъ. Иные же, наконецъ, гворятъ, что, пользуясь этимъ правомъ, Булгаринъ истощаетъ всю злобу свою на униженіе и презрѣніе цѣлаго сословія чиновниковъ гражданской службы. А между тѣмъ Булгаринъ по высочайшему повелѣнію состоитъ подъ надзоромъ полиціи. Но Ливенъ отвѣчалъ на это (19-го сентября 1830 г.), что онъ разсматривалъ № 102 «Сѣверной Пчелы» и, принявъ въ соображеніе § 14 цензурнаго устава, которымъ предписано: не препятствовать печатанію сочиненій, гдѣ, подъ общими чертами, осмѣиваются пороки и слабости, свойственныя людямъ въ разныхъ возрастахъ, званіяхъ и обстоятельствахъ жизни, не могъ поставить цензурѣ въ вину пропуска къ напечатанію какъ этой статьи, не содержащей въ себѣ ничего оскорбительнаго для чести какого-либо лица, такъ и вообще сатирическихъ изображеній недостатковъ и слабостей, встрѣчаемыхъ въ обществѣ и въ различныхъ сословіяхъ ¹⁾.

---

¹⁾ Въ этомъ случаѣ князь Ливенъ какъ бы заступался за Булгарина. Но слѣдующій случай, гдѣ онъ вовсе не выгораживалъ того же самаго Булгарина отъ тяготѣвшаго надъ нимъ презрѣнія общества, доказываетъ, что князь имѣлъ въ виду оба раза не личность, а общій принципъ. С.-Петербургскій цензурный комитетъ хотѣлъ было (въ 1830 г.) не пропускать въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ Инвалиду“ статью: „Два слова оба исторіи Видока, писанной имъ самимъ“; онъ видѣлъ тутъ намеки на Булгарина, потому что въ № 50 „Литературной Газеты“ была напечатана статья: „О Видокѣ, полицейскомъ сыщикѣ“, и около того же времени ходила по рукамъ въ рукописи, эниграмма (Пушкина):

Не та бѣда, что ты полякъ!
 Костюшка ляхъ,
 Мицкевичъ ляхъ,

Но безъ сомнѣнія, всего болѣе выказались независимость мнѣнія и твердость князя Ливена въ самостоятельномъ отношеніи его къ графу Бенкендорфу. Несмотря на тогдашнее его могущество и на родственную ихъ связь ¹⁾, министръ народнаго просвѣщенія никогда не уступалъ требованіямъ начальника III-го отдѣленія Собственной его величества канцеляріи, если не признавалъ ихъ правильными, и сопротивлялся имъ очень рѣшительно и упорно. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ. 10-го августа 1830 г. Бенкендорфъ писалъ Ливену, что въ III-е отдѣленіе доставленъ переводъ разговора, находящагося при словарѣ румынскаго или молдаво-воложскаго языка, напечатаннаго въ 1825 г. въ «Буддѣ» не славянскими, издревле для того діалекта принятыми буквами, а латинскими или итальянскими. Въ упомянутомъ разговорѣ сочинитель явно ругается надъ славянскими буквами; почему кишиневскій архіерей Дмитрій считалъ бы весьма полезнымъ запретить ввозъ означенной книги въ Бессарабію, какъ могущей охладять тамошнихъ жителей къ русскому языку, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ко всему русскому. «Разговоръ» (между дядей и племянникомъ), приложенный въ переводѣ къ отношенію Бенкендорфа, не содержалъ въ себѣ ничего инаго, кромѣ длинныхъ доказательствъ той, весьма не новой, въ ученѣмъ мірѣ, истины, что языкъ румынскій происходитъ отъ латинскаго, и что если въ языкахъ западныхъ славянъ встрѣчается не мало словъ, одинаковыхъ съ латинскими, то это происходитъ отъ того, что славяне многое заимствовали отъ римлянъ, а не римляне отъ славянъ. Разсмотрѣвъ какъ этотъ «Разговоръ», такъ и запросъ Бенкендорфа, князь Ливенъ отвѣчалъ (28-го августа 1830 г.), что Главное управленіе цензуры хотя и признало, что изъ помянутаго «Разговора» можно видѣть нѣкоторое намѣреніе стуждать соплеменныхъ и единовѣрныхъ съ нами народовъ отъ всего, что напоминаетъ сродство ихъ съ Россіей, но вредъ этого сочиненія не можетъ быть великъ на столько, чтобы нужно было запретить ввозъ книги, особенно въ настоящемъ положеніи политиче-

Пожалуй будь себѣ татаринъ,

И въ томъ не вижу я стыда.

Будь жидъ—и это не бѣда,

Но то бѣда, что ты Видокъ—Фигляринъ.

А вслѣдъ за тѣмъ, въ № 17 „Сынъ Отечества“ и „Сѣвернаго Архива“, эта самая эпиграмма напечатана, но вмѣсто „Видокъ—Фигляринъ“ сказано „Фаддей Булгаринъ“. Почему цензурный комитетъ, послѣ такой гласности, считалъ, что статья „Два слова объ исторіи Видока“, содержащая явные намеки на русскаго писателя, прямо относится къ Булгарину и не можетъ быть напечатана. Но не взирая на такіе доводы, Главное управленіе цензуры нашло, что если въ самой статьѣ: „Два слова“ нѣтъ ничего, относящагося прямо къ сочиненіямъ или дѣйствіямъ Булгарина, то ее нельзя запрещать. И статья появилась въ печати.

¹⁾ Братъ князя Ливена былъ женатъ на сестрѣ графа Бенкендорфа.

скихъ обстоятельствъ. Лучше бы, чтобъ кто-нибудь знающій молдавскій языкъ опровергъ излагаемыя въ томъ «Разговорѣ» мнѣнія и далъ своему опроверженію надлежащую гласность и извѣстность въ томъ краю, на который имѣетъ намѣреніе дѣйствовать сочинитель «Разговора».

Въ томъ же августѣ, 23-го числа, графъ Бенкендорфъ обращалъ вниманіе князя Ливена на одну статью въ смѣси № 45 «Литературной Газеты», которая, по его мнѣнію, должна была, конечно, своею неприличностью поразить князя, въ особенности при тогдашнихъ политическихъ происшествіяхъ; при этомъ онъ просилъ увѣдомить, какъ эта статья могла быть пропущена цензурою и кто именно ея сочинитель? Статья, о которой шла тутъ рѣчь, содержала въ себѣ нѣсколько не совсѣмъ ловкихъ отзывовъ о русскихъ дворянахъ и недворянахъ¹⁾. Князь Ливенъ отвѣчалъ на это только тѣмъ, что препроводилъ въ III Отдѣленіе отзывы: издателя «Литературной Газеты», барона Дельвига, и цензора Щеглова. Въ первомъ говорилось очень лаконически, что издатель не знаетъ имени автора, потому что статья была къ нему прислана на домъ безъ подписи сочинителя, а во второмъ, цензоръ Щегловъ объяснялъ, что статья была имъ пропущена в-о-п-е-р-в-ы-хъ потому, что въ ней не было ничего противнаго ни религіи, ни духу русскаго правительства; в-о-в-т-о-р-ы-хъ потому, что онъ находилъ заслуживающими опроверженія постоянныя нападки Московскаго Телеграфа на наше дворянство; особенныхъ же политическихъ обстоятельствъ нынѣшняго времени онъ, цензоръ Щегловъ (6-го или 7-го августа), еще не зналъ. На томъ дѣло такъ и кончилось.

¹⁾ Вотъ главныя мѣста означенной статьи: „Новыя выходки противъ такъ называемой литературной нашей аристократіи столь же не добросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежащихъ, будто бы, къ этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ С ѣ в е р в а я П ч е л а помнитъ, кто упрекалъ поминутно г. Полеваго тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальною нетерпимостью нѣкоторыхъ чиновныхъ журналистовъ. При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ писателей дворяне, то сіе доказываетъ только, что дворянство наше (не въ примѣръ прочимъ) грамотное: этому смѣяться нечего. Если же званіе дворянина ничего у насъ не значило, то и это было бы вовсе не смѣшно. Но пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ г.г. Полеваго, Греча и Булгарина, не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами—глупо. Недворяне (особливо не русскіе), позволяющіе себѣ насмѣшки на счетъ русскаго дворянства, болѣе извинительны. Но и тутъ шутки ихъ достойны порицанія. Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII столѣтія (которыхъ, впрочемъ, ни въ какомъ отношеніи съ нашими сравнить невозможно) пріуготовили крики: „А р и с т о к р а т о в ѣ к ѣ ф о н а р ю!“ и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: „П о в ѣ с и м ѣ и х ѣ , п о в ѣ с и м ѣ и х ѣ !“ Avis au leusteur“.

22-го декабря 1830 года, графъ Бенкендорфъ написалъ князю Ливену: «покорнѣйше прошу вашу свѣтлость приказать воспретить издателю французской газеты «Le fuget» помѣщать въ оной статьи объ императорскихъ театрахъ, поручивъ цензурѣ надлежащее за симъ наблюденіе». Князь Ливенъ тотчасъ же отвѣчалъ, что онъ этого не можетъ исполнить, потому что цензурнымъ уставомъ 1828 г. дозволены всякія сужденія о театрахъ. «Если же, прибавляя онъ, есть высочайшая государя императора воля, либо вы находите изволите нужнымъ, чтобъ во всѣхъ журналахъ вообще, или только въ «Fuget», по причинѣ какого-либо съ его стороны упущенія, не печатались сужденія о театрахъ, то для учиненія надлежащаго распоряженія я долженъ имѣть высочайшее о томъ повелѣніе, которымъ бы отмѣнялось прежде данное его величествомъ узаконеніе».

Графъ Бенкендорфъ опять со своей стороны отвѣчалъ: «На отзывъ вашей свѣтлости, въ коемъ вамъ угодно было спросить меня, по высочайшему ли повелѣнію просилъ я васъ запретить издателю «Le Fuget» помѣщать въ семъ изданіи статьи объ императорскихъ театрахъ, честь имѣю отвѣтствовать, что помѣщеніе въ журналѣ «Le Fuget» статей объ императорскихъ театрахъ воспрещается издателю онаго по высочайшему повелѣнію государя императора, и что въ первомъ отношеніи моемъ по сему предмету къ вашей свѣтлости не употребилъ я высочайшаго имени его величества, бывъ увѣренъ, что само собою разумѣется, что таковыя запрещенія дѣлаются не мною, а государемъ, священное имя коего намъ вообще надлежало бы употреблять гораздо рѣже въ обыкновенныхъ нашихъ отношеніяхъ».

Этотъ отзывъ, повидимому, сильно взволновалъ князя Ливена, и онъ немедленно, въ тотъ же день, отвѣчалъ: «Изъ отношенія вашего, полученнаго мною сего дня, и съ удивленіемъ увидѣлъ, что вы, милостивый государь, изволите полагать, будто я спрашивалъ васъ, по высочайшему ли повелѣнію вы относитесь о запрещеніи издателю «Le Fuget» помѣщать статьи о театрахъ. Прочитавъ вновь прежнее мое отношеніе, я не нашелъ въ ономъ вышеозначеннаго вопроса. Въ немъ я выписалъ параграфъ высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, въ силу коего Главное управленіе цензуры не можетъ воспрещать издателямъ журналовъ печатать сужденія о театрахъ, дабы показать, что я не въ правѣ исполнить требованія вашего безъ высочайшаго повелѣнія. Никто, конечно, не благоговѣетъ болѣе меня предъ августѣйшимъ именованіемъ его величества и не можетъ быть осторожнѣе въ употребленіи онаго. Сей урокъ мнѣ не нуженъ и въ бумагахъ вашей ко мнѣ излишенъ. Но бумага, въ которой требуется противное закону, утвержденному священнымъ именованіемъ государя императора, не есть обыкновенное отношеніе и не можетъ имѣть никакого дѣйствія безъ объявленія высо-

чайшей на то воли. Въ такомъ случаѣ подразумѣваніе непозволительно, и онаго требовать никто права не имѣеть. Вслѣдствіе же послѣдняго отношенія вашего о высочайшемъ повелѣніи запретить печатать въ «Furet» статьи о театрахъ, я сдѣлалъ надлежащее о томъ распоряженіе».

Но, несмотря на всю свою умѣренность и либеральность, князь Ливень былъ вмѣстѣ строгимъ исполнителемъ постановленій цензурнаго устава 1828 года и не допускалъ ни въ малѣйшей мѣрѣ ничего, выходившаго за предѣлы дозволеннаго этимъ уставомъ.

Такъ, въ октябрѣ и ноябрѣ того же года запрещены Главнымъ управленіемъ цензуры очень многія статьи: одна, назначенная для «Невскаго альманаха», гдѣ императрица Жозефина поставилась наравнѣ съ императрицей Елизаветой Алексѣевной и называлась ангеломъ, сѣвшимъ на престолѣ; далѣе стихотвореніе Машкова Русская душа, гдѣ описывается кончина Александра I, вступленіе на престолъ императора Николая I, происшествія 14-го декабря, судъ надъ преступниками, ихъ казнь, наконецъ, коронація. Главное управленіе нашло, что это стихотвореніе, по чрезвычайно слабому изложенію и совершенному ребячеству въ описаніяхъ и изображеніяхъ, представляетъ разительное неприличіе и несоотвѣтственность съ достоинствомъ и важностью изображаемыхъ въ оныхъ предметовъ; потомъ еще, стихотвореніе Ѳ. Глинки «На войну съ турками 1828 года», гдѣ авторъ утвердительно говорилъ, что по взятіи русскими Константинополя, еще прежде истеченія 1828 года, въ минаретахъ этого города будетъ праздноваться Пасха. Главное управленіе нашло неприличнымъ такое утвердительно назначеніе времени для событія, коего совершеніе сокрыто въ неизвѣстности будущаго, но при этомъ примѣчательно, что въ то же самое время Главное управленіе пропустило въ печать другое стихотвореніе, также по поводу войны 1828 г., въ которомъ также предсказывалось паденіе Турецкой имперіи, но въ общихъ выраженіяхъ, и безъ опредѣлительнаго обозначенія времени, когда именно это событіе совершится. Наконецъ, Главное управленіе, находя много непозволительныхъ мѣстъ въ статьѣ, назначенной для Отечественныхъ Записокъ, подъ заглавіемъ Замѣтки на записки Манштейна, гдѣ описывались многія «событія при высочайшемъ дворѣ», дозволило напечатать эту статью не иначе, какъ съ тѣми измѣненіями и смягченіями, которыя сдѣлалъ членъ Главнаго управленія, статсъ-секретарь Д. Н. Блудовъ.

IV.

Разрѣшеніе книгопродавцамъ продавать не строго запрещенныя книги лицамъ, извѣстнымъ своею благонадежностью. — Увольненіе С. Глинки отъ званія цензора. — Измѣненія въ направленіи цензуры. — Высочайшія повелѣнія: 4-го августа 1830 г. и 28-го іюля 1831 г. — Статья „Сѣвернаго Меркурія“. — Распоряженіе о непечатавіи статей безъ подписи авторовъ. — Образованіе Комитета для разрѣшенія вопросовъ о цензурѣ.

Цензурѣ даровано было право дозволять отпускъ, отъ книгопродавцевъ, нѣкоторыхъ изъ числа мѣнѣе строго запрещенныхъ книгъ «лицамъ извѣстнымъ» и «благонадежнымъ». Вслѣдствіе того, Главное управленіе цензуры и министръ народнаго просвѣщенія постоянно были осаждасмы цѣлою тучею писемъ и просьбъ, словесныхъ и письменныхъ, преимущественно со стороны высшихъ должностныхъ лицъ и аристократіи: каждый просилъ исключенія изъ общаго правила, падѣясь на свои отношенія и связи. Нѣкоторыя изъ подобныхъ требованій не оставались безъ удовлетворенія, и эти дозволенія или, наоборотъ, соотвѣтствующіе имъ отказы даютъ поводъ къ любопытнымъ замѣчаніямъ.

Такъ, напр., нельзя не замѣтить, что, говоря вообще, лица, обращавшіяся съ просьбами объ изыятіяхъ, обыкновенно просили всѣхъ одніи и тѣ же книги, точно будто бы по общему уговору. Всѣхъ просителей занимали, казалось, лишь тѣ изъ числа запрещенныхъ книгъ, въ которыхъ сообщались какія-либо мелкія подробности о значительныхъ личностяхъ, русскихъ или иностранныхъ, являвшихся на политической аренѣ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій и т. п. Напротивъ, массу читателей весьма мало привлекали сочиненія болѣе серьезныя, съ какою-нибудь дѣйствительно научнымъ интересомъ.

Для заключенія характеристики перваго періода цензурнаго вѣдомства при князѣ Ливенѣ, надо упомянуть еще о слѣдующихъ фактахъ.

Издателю Олину запрещено было перепечатать въ «Карманной книжкѣ 1830 года» высочайшій манифестъ 1743 года о мнѣномъ заговорѣ Лопухиныхъ противъ императрицы Елизаветы Петровны, на томъ основаніи, что «неприлично помѣщать такой актъ въ журналѣ, назначенномъ для легкаго чтенія».

Согласно съ мнѣніемъ управляющаго Главнымъ штабомъ, генераль-адъютанта графа Чернышева, не позволено напечатать въ «Отечественныхъ Запискахъ» нѣкоторые листки рукописной газеты, составленной русскими офицерами подъ Варной. А именно, графъ Чернышевъ проситъ: 1) «помѣщенное въ рукописи описаніе заразы, свирѣпствовавшей въ Варнѣ въ 1829 г., вовсе исключить, или по крайней мѣрѣ сколь можно смягчить всѣ тѣ мѣста, гдѣ о ней упоминается. Сіе нужно

какъ потому, что само правительство въ свое время считало излишнимъ обнародовать въ подробности о существованіи заразы, такъ и для того, что обстоятельное описаніе всѣхъ бѣдствій, оною причиненныхъ, легко можетъ произвести на нѣкоторые умы непріятное и даже вредное впечатлѣніе; 2) помѣщенное въ № 9, извѣстіе изъ Шумлы о томъ, что турки во время переговоровъ о мирѣ нечаянно вырѣзали передовой отрядъ корпуса генераль-лейтенанта Краевскаго (Красовскаго?), изъ 300 человекъ состоящій, равновѣрно не дозволять печатать, ибо извѣстіе сіе, изъ уваженія къ обстоятельствамъ дѣла, было также признано ненужнымъ для всеобщаго свѣдѣнія».

Въ 10 № «Московского Телеграфа» 1830 г. цензоромъ С. Глинкою была пропущена статья: «Утро въ кабинетѣ знатнаго барина», содержащая сатиру на извѣстнаго аристократа и богача князя Юсупова. Статья эта произвела сильное впечатлѣніе и тысячи толковъ въ Москвѣ, вслѣдствіе чего московскій попечитель, князь Сергій Голицынъ, находя ея «соблазнительною по дерзкимъ и явнымъ намекамъ на особу, извѣстную по заслугамъ своимъ государству», отнялъ цензурованное «Московского Телеграфа» у Глинки и передалъ оное другому, а Глинкѣ назначилъ другой журналъ. Глинка, бывший когда-то прежде (въ 1812 г.) военнымъ, и человекъ горячій, напрасно представлялъ разные доводы въ свое оправданіе и, наконецъ, увлеченный чувствомъ своей правоты и возмущенный аристократическими пристрастіями московскаго попечителя, наговорилъ дерзостей и грозилъ пожаловаться на него министру. Слѣдствіемъ этого былъ докладъ князя Ливена, по которому государь за недостаткомъ со стороны Глинки осторожности при цензурованіи поступающихъ на его разсмотрѣніе сочиненій и за живостью характера, увлекавшей его иногда за предѣлы приличій, былъ уволенъ отъ должности цензора ¹⁾).

Событія 1830 года имѣли рѣшительное вліяніе не только вообще на ходъ русскихъ политическихъ дѣлъ, внутри и внѣ государства, но и на цензурное дѣло. Сначала іюльская революція въ Парижѣ, замѣна одной династии и одной формы правленія другою, а потомъ Бельгійская война за независимость, тревожныя народныя волненія въ разныхъ концахъ Европы и, наконецъ, польское возстаніе—откликнулись какъ громовые удары въ образѣ дѣйствія нашего правительства и вызвали очень крутыя мѣры, какъ предупредительныя, такъ и репрессивныя. Все это вмѣстѣ измѣнило, можно сказать, до самаго основанія первоначальную систему и направленіе князя Ливена и Главнаго управленія цензуры.

¹⁾ Два года спустя, нашлись издатели, которые желали перепечатать эту статью, но Главное управленіе цензуры 7-го іюля 1832 г. это запретило.

Одною изъ первыхъ мѣръ въ новомъ смыслѣ надо считать высочайшее повелѣніе 4-го августа 1830 года, сообщенное министру народнаго просвѣщенія генераль-адъютантомъ княземъ Ливеномъ (братомъ министра). Государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ, сказано было тутъ, чтобы «во всѣ издаваемые въ Россіи журналы и газеты заимствованы были извѣстія о Франціи токмо изъ одной прусской газеты, выходящей подъ заглавіемъ «Preussische Staats Zeitung», и чтобы статьи изъ сей газеты, которыя должны быть помѣщаемы во французскомъ журналѣ «Journal de St.-Petersbourg», были представляемы мнѣ (т. е. генераль-адъютанту князю Ливену) на предварительное разсмотрѣніе». Спустя два мѣсяца, 30-го октября, графъ Бенкендорфъ писалъ князю, что въ 61 № «Литературной Газеты» помѣщены «ни къ какой стати» четыре стиха Казимира Делавиня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагають воздвигнуть жертвамъ 27-го, 28-го и 29-го іюля, и потому онъ просилъ сообщить ему, для доклада государю, кто именно прислалъ эти стихи къ напечатанію, и какими правилами руководствовался цензоръ, позволивъ напечатать, въ русской газетѣ, на французскомъ языкѣ, стихи, которыхъ содержаніе, мягко сказать, неприлично и можетъ служить поводомъ къ неблаговиднымъ толкамъ и сужденіямъ. Далѣе Бенкендорфъ указывалъ на то, что въ журналѣ «Figet» часто помѣщаются статьи совершенно неумѣстныя, напримѣръ: «Le prince royal de France à l'aube»». Наконецъ, онъ просилъ внушить цензорамъ, чтобы они не пропускали (какъ это сдѣлалъ цензоръ Семеновъ въ «Литературной Газетѣ») такихъ статей, которыя выставляли бы на свѣтъ ложность извѣстій, печатаемыхъ въ «Сѣверной Пчелѣ», по распоряженію его, графа Бенкендорфа, для успокоенія публики на счетъ иностранныхъ дѣлъ и событій. По послѣднимъ двумъ статьямъ тотчасъ сдѣлано было распоряженіе, а по первому потребовали отъ издателя и цензора объясненій. Издатель «Литературной Газеты», баронъ Дельвицъ, отвѣчалъ, что стихотвореніе Делавиня прислано ему отъ неизвѣстнаго, какъ произведеніе поэзіи, имѣющее достоинство новости, и напечатано въ газетѣ, какъ многія другія чисто литературныя произведенія, безъ всякаго примѣненія къ обстоятельствамъ или отношеніямъ, съ разрѣшенія цензуры. Цензоръ Семеновъ съ своей стороны отозвался, что въ тѣхъ стихахъ онъ по чистой совѣсти не нашелъ ничего противнаго отечественнымъ законамъ и цензурнымъ правиламъ, тѣмъ болѣе, что смерть людей, на памятникъ которыхъ предположено сдѣлать надписи, сопряжена съ новымъ правительствомъ Франціи, которое признано и Россією и прочими державами Европы. Онъ, Семеновъ, никакъ не могъ предполагать, чтобы стихи Делавиня могли сколько-нибудь быть примѣнены къ Россіи, которая блаженствуетъ подъ скипетромъ мудраго монарха и находится

въ совершенно другихъ отношеніяхъ, нежели Франція; что же касается напечатанія французскихъ стиховъ въ русскомъ журналѣ, онъ не имѣлъ права не дозволить этого, такъ какъ ни въ одномъ § цензурнаго устава нѣтъ запрещенія подобнаго рода. Князь Ливенъ сообщилъ всѣ эти отзывы графу Бенкендорфу, но тотъ отвѣчалъ, что находитъ объясненіе Дельвига «не только недостаточнымъ, но даже непростительнымъ для человѣка, коему сдѣлано довѣріе издавать журналъ». «Личный мой разговоръ по сему предмету съ барономъ Дельвигомъ, прибавлялъ графъ Бенкендорфъ, и самонадѣянный, нѣсколько дерзкій образъ его извиненій меня еще болѣе убѣдилъ въ семъ моемъ заключеніи». Тутъ же графъ Бенкендорфъ снова требовалъ сообщенія имени того, кто представилъ стихи для напечатанія. На это требованіе Ливенъ все-таки ничего не отвѣчалъ, а вмѣсто того высказалъ мнѣніе, что дѣйствительно Дельвигу не слѣдовало печатать стиховъ Делавиня въ «Литературной Газетѣ», и что за это нарушеніе правилъ журналъ его подлежитъ запрещенію. Такъ дѣло и было доложено отъ III отдѣленія государю императору, который положилъ высочайшую резолюцію: «Семенову сдѣлать строгій выговоръ, а Дельвигу запретить изданіе газеты». Изданіе «Литературной Газеты» передано, по желанію барона Дельвига, дворянину Оресту Сомову.

Для полноты характеристики нашей цензуры, въ это время, въ отношеніяхъ ея къ Франціи, Іюльской монархіи и Людовику-Филиппу, упомянемъ еще слѣдующее высочайшее повелѣніе, сообщенное секретно князю Ливену 28-го іюля 1831 года управлявшимъ иностранною коллегією, Дивовымъ: «по высочайшему повелѣнію не дозволяется ни одной изъ нашихъ газетъ вмѣщеніе рѣчи, произнесенной королемъ французовъ при открытіи камеръ».

Въ концѣ 1830 года, и именно 28-го декабря, графъ Бенкендорфъ писалъ опять князю Ливену, что государь императоръ повелѣлъ выскать со всею строгостью съ цензора, пропустившаго въ «Сѣверномъ Меркуріи» статью: «Общій статистическій взглядъ на Петербургъ»¹⁾. «Хотя издателю, находящему по сердцу подобныя статьи, какъ онъ самъ признается (замѣчалъ графъ Бенкендорфъ) и слѣдовало бы вовсе запретить изданіе журнала, но его величество, не желая поступить на сей разъ съ должною строгостью, повелѣваетъ

¹⁾ Когда оказалось, что статья эта пропущена въ печать не отдѣльнымъ которымъ-либо цензоромъ, а самимъ Главнымъ управленіемъ цензуры, которое нашло тутъ только общее сатирическое описаніе цѣлаго сословія, безъ примѣненія къ какому-либо лицу въ частности, то государь повелѣлъ: „Сдѣлать выговоръ Главному управленію цензуры, за пропускъ столь неприличной статьи“.

сдѣлать издателю словесное замѣчаніе и внушить ему, что при первомъ подобномъ случаѣ ему будетъ воспрещено издавать журналъ».

Статья, привлекая вниманіе самого государя императора и напечатанная въ №№ 120 и 121 журнала «Сѣверный Меркурій», издаваемого Бестужевымъ-Рюминымъ, заключала въ себѣ разные рассказы о положеніи тогдашнихъ русскихъ чиновниковъ. Вотъ нѣсколько главныхъ мѣстъ оттуда: «Предметомъ моихъ заключеній, — говорилъ авторъ, — на этотъ разъ есть исключительно поколѣніе (caste) чиновниковъ. Сюда не относятся ни директоры департаментовъ, входящихъ въ составъ главы о людяхъ государственныхъ, ни дородные секретари, ни помытчики, ни прочіе подъячіе, ниже секретари и приказные прочихъ присутственныхъ мѣстъ, ни квартальные, ни ихъ помощники, и не тѣ члены высшей молодежи нашей, вскормленные стихами Ламартина и знающіе наизусть Чайльдъ-Гарольда, которые разъ или много два въ годъ посѣщаютъ канцелярію или даже не знаютъ, гдѣ она находится, проводятъ жизнь шаркая по паркету гостиныхъ, ожидая открытія мореходства, чтобы ѣхать къ водамъ и лечиться отъ праздности. Нѣтъ... къ сей главѣ принадлежитъ поколѣніе собственно такъ называемыхъ чиновниковъ. Это звеня лѣстницы общей гражданской іерархіи, которая начинается съ начальника отдѣленія у compris, и нисходитъ до канцелярскихъ служителей у compris... Главнѣйшая характеристическая черта сего поколѣнія есть безкорыстіе, можетъ быть не столько изъ добродѣтели, сколько по необходимости; трудолюбіе, также больше изъ принужденія, нежели изъ собственной склонности, и, наконецъ, умѣренность, или еще болѣе, нежели умѣренность, словомъ состояніе, предшествующее нищетѣ»... Далѣе авторъ описывалъ ихъ бѣдную жалкую одежду, употребленіе дыма, нравы, и продолжалъ: «Столоначальники и старшіе помощники говорятъ только съ равными себѣ, жмутъ руку только у такихъ же важныхъ особъ, какъ они сами, и Боже сохрани, чтобы они спросили, о чемъ бы то ни было, у служителей нижней степени. Занятія сихъ людей состоятъ въ точномъ приходѣ въ канцелярію и исполненіи, безъ всякаго прекословія, воли начальниковъ, которая состоятъ въ томъ, чтобы они въ бумагахъ, ими сочиняемыхъ, слѣдовали слѣпо прежнимъ образцамъ. Напримѣръ, если въ прежнихъ бумагахъ писалось лѣкаръ, свѣденіе, врачъ, присудствіе, отсутствіе, Тимофѣй, то горе тому либералу, который вздумалъ бы написать: лекаръ, свѣдѣніе, врачъ, присутствіе, отсутствіе, Тимофей! Горе тому дерзновенному, который осмѣлился бы употребить: «на отношеніе вашего превосходительства, вмѣсто «въ слѣдствіе отношенія вашего превосходительства», и проч., если такъ дѣлалось прежде. О! овященная древность... Не распространяясь далѣе, мы сдѣлаемъ общій обзоръ умственного образованія, нра-

вовъ, образа и способовъ жизни сего замѣчательнаго и едва ли не исключительно одному Петербургу принадлежащаго поколѣнія... «У сына титулярнаго совѣтника слухъ съ самой юности поражается однимъ чтеніемъ бумагъ, которыя производитъ отецъ его по вечерамъ—въ родѣ священнаго обряда индѣйцевъ—чтобы не забыть, гдѣ что должно выскоблить, гдѣ исправить ошибки. Такимъ образомъ, юный чиновникъ, достигнувъ 10 или 11-лѣтняго возраста и весь напитанный духомъ департаментизма, вступаетъ въ одно изъ увѣздныхъ училищъ»... «Кругъ мысленія его опредѣленъ; онъ пристращается болѣе и болѣе къ своей службѣ, и никто его не разуверитъ въ превосходствѣ ея»... «Позже, онъ проводитъ жизнь свою (на Пескахъ) далеко отъ бурь умственныхъ и политическихъ, и достигаетъ лѣтъ маститыхъ въ канцеляріи»... «Разговоръ ихъ ограничивается производствомъ въ первый чинъ, опредѣленіемъ къ мѣсту, наградами за труды ихъ и хорошимъ или худымъ расположеніемъ ихъ начальниковъ. Симъ обществамъ чужды искусство, литература и науки точныя: имъ врожденна одна канцелярія. Къ чести сего племени должно сказать, что имъ чуждо и искусство брать взятки, коимъ снабдилъ сей авторъ книжки своихъ соотечественниковъ, и которое имѣетъ столь большое химическое сродство съ поколѣніемъ секретарей и помытчиковъ, сирѣчь вообще подъячихъ»...

Въ примѣчаніи къ концу статьи издатель приписалъ: «Напрасно авторъ не подписалъ своего имени. Искренно благодарю его за доставленіе сей пьесы: вотъ такихъ-то статейкъ намъ и надо, понеже онѣ зѣло намъ по сердцу».

Для полученія этого замѣчанія, издателю вѣрно было явиться къ начальнику III-го отдѣленія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, говорилъ въ заключеніе графъ Бенкендорфъ: «Его императорскому величеству благоугодно было повелѣть, по сему случаю, принятіе общей мѣры, чтобы никакая статья не могла быть напечатана въ газетахъ и журналахъ безъ подписи сочинителя». Оказалось, однако, что мѣра эта представляла множество неудобствъ и затрудненій на практикѣ, такъ что С.-Петербургскій цензурный комитетъ былъ поставленъ въ необходимость немедленно же высказать Главному управленію цензуры неудобство или даже невозможность точнаго исполненія сказаннаго высочайшаго повелѣнія. Такъ, на примѣръ, спрашивалось, что если всѣ, безъ изъятія, печатаемыя статьи должны носить подпись сочинителя, то какой подписи можно требовать отъ издателей, если ими печатаются статьи, сочиненныя министрами, или начальниками управленій, дабы приготовить публику къ принятію извѣстнаго правительственнаго распоряженія, или разрѣшить ея недоумѣнія и опровергнуть ложные толки? Какой подписи требовать, если печатаются историческіе акты, или записки и разсужденія прежнихъ временъ, коихъ сочинители неизвѣстны? Какой

подписи требовать, если печатаются статьи, присланныя къ издателямъ безъ подписи именъ сочинителей, или извлеченія изъ частныхъ писемъ, коихъ сочинители не всегда могутъ соглашаться на объявленіе ихъ именъ? Какія могутъ быть удостовѣренія, что имя, выставленное подъ статью, истинное, а не вымышленное?

Между тѣмъ, пока цензурное вѣдомство высказывало всѣ эти сомнѣнія, высшее начальство уже само почувствовало, что вышеизложенное правило слишкомъ неудовлетворительно и затруднительно, и потому III-е отдѣленіе, не дальше какъ черезъ недѣлю послѣ перваго распоряженія, и именно 6-го января 1831 г., сообщило князю Ливену высочайшее повелѣніе объ обсужденіи и постановленіи новыхъ правилъ о прямой отвѣтственности сочинителей и издателей за каждую напечатанную статью. Но Главное управленіе цензуры нашло, что неудобно было бы присоединить такія правила къ уставу о цензурѣ, потому что они прямо противорѣчили бы § 47 этого устава, гдѣ сказано, что отвѣтственность за напечатаніе книги или статьи лежитъ на цензорѣ или цензурномъ комитетѣ, давшемъ пропускъ. Поэтому князь Ливень, по порученію Главнаго управленія, вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ заключенія котораго было сказано: «Въ настоящихъ обстоятельствахъ, со стороны правительства можетъ быть потребно обратить особенное вниманіе на образъ мыслей и намѣренія лицъ, предпринимающихъ дѣйствовать на публику чрезъ повременныя изданія: по сему я осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить вашему императорскому величеству, не благоугодно ли повелѣть сдѣлать секретное предписаніе цензурнымъ комитетамъ о наблюденіи вышеизложенныхъ правилъ. Такимъ образомъ, цѣль сего распоряженія будетъ удобнѣе достигнута оттого, что принятая мѣра не получитъ общей гласности».

Эта докладная записка имѣла слѣдствіемъ назначеніе, по высочайшему повелѣнію, комитета, составленнаго изъ вице-канцлера графа Несельроде, генераль-адъютанта Васильчикова, статсъ-секретаря Дашкова и графа Бенкендорфа, для совѣщанія по этому предмету (князь Ливень былъ при этомъ обойденъ). Этотъ комитетъ нашелъ, что уставъ 1828 года, безъ сомнѣнія, имѣлъ цѣлю облегчить стѣсненія прежняго устава и потому возложилъ (§ 47) отвѣтственность за изданіе книги или статьи на цензора или членовъ комитета, подписавшихъ опредѣленіе о пропускѣ. «Но такое постановленіе стиюдь не могло освободить и не освобождаетъ отъ законнаго преслѣдованія самихъ сочинителей или переводчиковъ, во всѣхъ случаяхъ, когда они, по существу представленной ими книги или статьи, подлежатъ дѣйствію общахъ уголовныхъ законовъ. Пропускъ къ напечатанію вредной книги есть собственно вина цензора; но что было преступленіемъ до изданія оной, то не перестаетъ быть преступленіемъ и послѣ, и авторъ безбожнаго или воз-

мутительнаго сочиненія, представившій оное въ цензуру, слѣдовательно, изобличенный въ намѣреніи обнародовать оное, долженъ быть преданъ суду на основаніи общихъ законовъ, несмотря на данное ему отъ цензора одобреніе. Изъ сего слѣдуетъ, что правительство, отнюдь не нарушая цензурнаго устава и оставляя отвѣтственность за изданіе книги исключительно на цензорѣ, имѣетъ однако же полное право требовать объявленія ему имени каждаго сочинителя или переводчика, въ произведеніяхъ коего будетъ усмотрѣно нарушеніе общихъ уголовныхъ законовъ, или стремленіе къ вредной для общаго спокойствія цѣли, для преданія его суду, или же для учрежденія за нимъ полицейскаго надзора. Въ первомъ случаѣ, нѣтъ никакой нужды дѣйствовать секретными предписаніями (намекъ на всеподданнѣйшую записку Главнаго управленія цензуры): ибо само собою очевидно, что невинная свобода, даруемая авторамъ, скрывать предъ публикою имена свои, не можетъ ни въ какомъ отношеніи служить имъ ни предлогомъ, ни средствомъ къ укрытію себя отъ заслуженнаго по общимъ законамъ наказанія... Второй случай, т. е. объявленіе имени виновнаго сочинителя или издателя также разрѣшенъ высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 25-го апрѣля 1828 года, коимъ предписано включить въ частные наказы цензорамъ, что когда бы представлены были на разсмотрѣніе цензуры книга или художественное произведеніе, клонящіяся къ распространенію безбожія, или обнаруживающія въ сочинителѣ или художникѣ нарушителя обязанностей вѣрно подданства, то о семъ немедленно извѣщать высшее начальство, для учрежденія за виновнымъ надзора, или же и преданія его суду по законамъ». Поэтому комитетъ находилъ, что въ существующихъ законахъ уже есть достаточныя мѣры для обузданія неблагонамѣренныхъ авторовъ и издателей. Къ исполненію же высочайшей воли, остается только обратить вниманіе на то, чтобы виновные не могли избѣгать заслуженнаго ими наказанія или надзора сокрытіемъ именъ своихъ отъ правительства. Для этого комитетъ считалъ нужнымъ: 1) до составленія наказовъ цензорамъ (которые должны бы быть составлены въ возможной скорости), вмѣнить цензорамъ въ обязанность, хотя частными предписаніями, чтобы они о сочиненіяхъ, показывающихъ духъ неблагонамѣренности, извѣщали высшее начальство; 2) объявить черезъ цензурные комитеты всѣмъ издателямъ журналовъ, что они обязаны имѣть свѣдѣніе о лицахъ, отъ коихъ получаютъ статьи, хотя, впрочемъ, авторамъ дозволено подписываться буквами или псевдонимами; въ случаѣ присылки статьи отъ челоуѣка вовсе неизвѣстнаго, издателю велѣно объявлять о томъ цензору; при этомъ, отвѣтственность за статью ложится на самого издателя, въ отношеніи всего могущаго имѣть характеръ уголовный, а отвѣтственность за пропускъ статьи—на цензорѣ.

Въ заключеніе, комитетъ прибавлялъ, что, «вникая въ причины нѣкоторыхъ недоразумѣній и противорѣчій въ исполненіи устава, онъ не можетъ не отнести ихъ отчасти къ недостатку въ Главномъ управленіи цензуры свѣдѣній о настоящемъ расположеніи умовъ и о соотношеніяхъ между обстоятельствами времени и стремленіемъ людей неблагонамѣренныхъ. Для отвращенія сего неудобства, комитетъ единогласно полагалъ, что въ Главное управленіе цензуры надлежало бы опредѣлить, сверхъ членовъ отъ министерства иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, еще члена со стороны шефа жандармовъ». Этотъ докладъ былъ высочайше утвержденъ 28-го марта 1831 года. Главное же управленіе, приведя въ исполненіе означенное высочайшее повелѣніе, и съ своей стороны распорядилось сообразно съ новымъ духомъ: оно предписало цензорамъ вести секретный журналъ именамъ авторовъ статей.

Пока шло это дѣло, стали возникать, одно за другимъ, и несравненно чаще прежняго, вопросы, которые восходили до самого государя и вызывали высочайшія резолюціи ограничительнаго свойства. 2-го января 1831 года министръ двора, князь Волконскій писалъ: «государь императоръ, съ крайнимъ неудовольствіемъ усмотрѣвъ, что въ издаваемыхъ здѣсь «С.-Петербургскихъ» академическихъ и разныхъ другихъ вѣдомостяхъ, помѣщаются придворныя извѣстія безъ всякаго на то отъ правительства разрѣшенія, высочайше повелѣтъ мнѣ изволилъ сообщить вашей свѣтлости, чтобы вы строжайше предписали всѣмъ редакторамъ публичныхъ вѣдомостей, дабы они ни подъ какимъ видомъ не осмѣливались ничего печатать, касающагося до особы государя императора и всѣхъ членовъ императорской фамиліи, а также о торжествахъ или сѣздахъ, бывающихъ при дворѣ, безъ особаго на то высочайшаго разрѣшенія, которое имѣетъ быть сообщаемо отъ министра императорскаго двора». Но это правило было вскорѣ отчасти измѣнено. 29-го марта тотъ же князь Волконскій сообщилъ Ливену, что государь императоръ, вслѣдствіе доклада упомянутаго выше особаго комитета для дополненія цензурныхъ правилъ, разрѣшаетъ статьи, не касающіяся частной жизни его величества и высочайшей фамиліи, а относящіяся къ «дѣйствіямъ всенароднымъ, какъ-то: извѣстія о прибытіи въ столицу и о выѣздѣ высочайшихъ особъ, о присутствіи ихъ въ общенародныхъ мѣстахъ, объ аудіенціяхъ иностранныхъ посланниковъ и т. п., писать и печатать на прежнемъ основаніи, но съ тѣмъ, чтобы они предварительно присылались на разсмотрѣніе къ министру двора».

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА ВЪ ИЗД. 1901 г.

ТОМЪ СТО СЕДЬМОЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН

- I. Воспоминанія Валеріана Александровича Па-
паева . . . . . 31—66, 285—320, 481—510
- II. Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.
77—96, 241—266, 531—554
- III. Изъ записокъ стараго преображенца, 1858 г.
Князя Н. К. Имеретинскаго . . . 189—199
- IV. Записки генерала В. И. Левенштерна.
205—224, 405—425
- V. Былое. Изъ воспоминаній о пятидесятихъ и
шестидесятихъ годахъ . . . . . 555—574
-

Портреты.

- I. Портретъ Всеволода Порфиріевича Кохов-
скаго. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 7-ой книгѣ).
- II. Портретъ Марины Мнишекъ. Грав. И. И.
Хелмицкій.
(При 8-ой книгѣ).
- III. Портретъ И. П. Корнилова. Грав. И. И. Хел-
мицкій.
(При 9-ой книгѣ).
-

Исследования. — Исторические и биографические очерки. — Переписка. — Раз-
сказы, материалы и замѣтки.

	ОТРАН.
I. Великій князь Николай Павловичъ съ 1814 по 1822 годъ. Н. К. Шильдера	5—29, 225—238
II. О не именованіи князя А. В. Суворова титуломъ свѣтлости. 6-го декабря 1799 года	30
III. Императоръ Николай I и Наполеонъ III (Изъ бумагъ генерала де-Кастельбажака, бывшаго посланникомъ въ Россіи)	67—76
IV. Изъ неизданныхъ писемъ В. А. Жуковского. Сообщ. И. А. Бычковъ	97—109
V. Къ заботамъ администраціи Юго-Западнаго края о помѣщичьихъ крестьянахъ. Сообщ. А. л. Мердеръ	110
VI. Россія и папскій престоль. П. Пирлинга. (Съ французскаго)	111—144, 323—359, 579—621
VII. Всеволодъ Порфиріевичъ Коховскій. (Биографическая замѣтка)	145—149
VIII. Сіонисты въ 1830-хъ годахъ. Сообщ. А. л. Мердеръ	150
IX. Цензура въ царствованіе императора Николая I. 151—167, 395—404, ...	643—668
X. Собственноручное письмо И. И. Дмитріева—графу Н. П. Румянцеву съ благодарностью за радушный приемъ Н. М. Карамзина. 11-го апрѣля 1816 г.	168
XI. Удаленіе В. И. Даля изъ Николаева. Николая Лернера	169—170
XII. Изъ архива И. С. Великопольскаго. Сообщ. Б. Модзалевскій.	171—186, 427—435
XIII. Письмо князя Багратіона—Барклаю-де-Толли объ отставномъ полковникѣ графѣ Виттѣ. 10-го октября 1811 г. Житомиръ	187—188
XIV. Письмо О. Козодавлева—В. Н. Каразину, по поводу устройства въ Москвѣ конторы Филотехническаго общества, 17-го апрѣля 1815 г.	200
XV. Поклоненіе тѣлу императора Павла I. А. В. Половцова	201—204
XVI. Выговоръ императора Павла I—генераль-аудиториату. Сообщ. профессоръ Лузановъ.	239—240
XVII. Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи. Сообщ. А. А. Эоминъ	267—283, 623—641
XVIII. Крестьянинъ вольнодумецъ	284
XIX. Памяти Ивана Петровича Корнилова. А. л. Савельева	321—322
XX. Публичные разговоры о свободѣ, съ точекъ зрѣнія столичной и мѣстной. Сообщ. Алексѣй Мердеръ	360
XXI. А. С. Шишковъ—защитникъ Россійской академіи.	361—366

XXII.	Встрѣча съ сыномъ Шамиля и его рассказы объ отцѣ. И в. Захарьина (Якунина)	367—389
XXIII.	Барклай-де-Толли при вступленіи его въ должность военнаго министра	390
XXIV.	Записка А. И. Тургенева о В. А. Жуковскомъ, представленная имъ въ 1816 г. Сообщ. И. А. Бычковъ	391—393
XXV.	Императорскій цензоръ.—Высочайшее повелѣніе о камеръ-юнкерѣ Танъевѣ	394
XXVI.	О непечатаніи масонскихъ пѣсней	426
XXVII.	Высочайшій рескриптъ генераль-поручицѣ Рахмановой съ замѣчаніемъ объ излишности ея со- вѣтовъ	436
XXVIII.	Къ біографіи Я. О. Головацкаго. Сообщ. И. П. Корниловъ	437—439
XXIX.	О доставленіи списка книгъ, напечатанныхъ Си- нодальною типографіею съ 1801 г. по 1806 г.	440
XXX.	Церемоніаль бракосочетанія великаго князя Кон- стантина Павловича въ 1796 году. Сообщ. И. Парійскій	441—448
XXXI.	Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Сообщ. Н. Ѳ. Дубровинъ	449—463
XXXII.	Похищеніе изъ церкви флигель-адъютантомъ Клейнмихелемъ своей невѣсты.—Рескриптъ импе- ратора Александра I—С. К. Вязмитинову.	464
XXXIII.	Императоръ Николай I въ Римѣ въ 1845 г. Сообщ. С. Н. Веліканова	465—479
XXXIV.	Просьба С. Н. Глинки о выдачѣ ему пособія на изданіе его сочиненій. Собственноручное письмо С. Глинки—графу Аракчееву.	480
XXXV.	Императоръ Павелъ. Очеркъ развитія его лич- ности. II.	511—530
XXXVI.	Любопытное письмо императрицы Екатерины II. Сообщ. А. В. Половцовъ	575—578
XXXVII.	Объ увольненіи въ отставку прапорщика Полто- рацкаго за переписку съ парижскимъ книгопро- давцемъ. Секретное письмо барона И. И. Дибича— графу Ф. В. Сакену	622
XXXVIII.	Рескриптъ императора Александра I—министру внутреннихъ дѣлъ князю Куракину объ умень- шеніи расходовъ на 1810 годъ. Сообщ. М. Мар- дарьевъ	642
XXXIX.	Систематическое оглавленіе 107-го тома	669—672

Библиографическій листокъ.

1. Викторъ Острогорскій. Первое знакомство съ А. С. Пушкинымъ. Спб. 1901 г. Н. П. (На оберткѣ юльской книги).
2. Д-ръ Ал. Тилле. Упадокъ политическаго и военнаго могущества Англїи. Переводъ и, отчасти, пересказъ А. Рѣдина. Спб. 1901. Н. И. Кашкадамова (тамъ же).
3. Н. Орловъ. Забайкальцы въ Манчжурїи въ 1900 году. Очерки изъ похода Хайларскаго отряда генерала Н. Орлова въ Китаѣ въ 1900 г. Съ картою и планами. Спб. 1901 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ августовской книжки).
4. Великій князь Николай Михайловичъ. Князь Долгорукіе, сподвижники императора Александра I въ первые годы его царствованія. Биографическіе очерки. Съ 12-ю портретами. Спб. 1901 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ сентябрьской книги).

Приложенія.

Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ А. И. Бычковъ. 113—128

городъ Галацъ, въ которомъ были большіе непріятельскіе магазины; участвовалъ въ дѣлахъ при Турбовѣ, Журжевѣ и Браиловѣ, но, потерявъ здоровье главнымъ образомъ вслѣдствіе климатическихъ условий, окончательно вышелъ въ отставку.

Третій очеркъ заключаетъ въ себѣ биографію князя Петра Петровича Долгорукаго, второго сына генерала П. П. Долгорукаго. Небезынтересенъ слѣдующій эпизодъ изъ жизни князя П. П. Долгорукова. Двадцати одного года онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ императора Павла. По пріѣздѣ въ Петербургъ, князю Долгорукову удалось еще болѣе поправиться государю, на котораго произвелъ впечатлѣніе его смѣлый и прямой характеръ. Въ это время былъ сдѣланъ ложный доносъ государю на отца князя, бывшаго тогда начальникомъ Тульского оружейнаго завода. Императоръ обратился къ своему генералъ-адъютанту, сказавъ ему, что предоставляетъ его батюшкѣ выборъ наказанія его клеветникамъ.

— Накажите ихъ презрѣніемъ, ваше величество, — отвѣчалъ князь, и Павелъ I, обнявъ его, воскликнулъ:

— Вотъ Долгорукаго кровь!

Участвовалъ ли онъ въ мартовскихъ событіяхъ 1801 г., достоверно не извѣстно, но съ воцаренія императора Александра I, князь П. П. сразу выдвигается изъ ряда сотрудниковъ молодого государя въ первые годы его царствованія. При Аустерлицѣ онъ командовалъ правымъ флангомъ пѣхоты и получилъ за отличіе орденъ Георгія 3-й степени.

Осенью 1806 г. князь Петръ Петровичъ былъ посланъ въ армію генерала Михельсона, предназначенную для дѣйствій противъ турокъ, для осмотра вѣрбанныхъ Михельсоу войскъ, и выполнилъ это порученіе съ успѣхомъ. Получивъ повелѣніе вернуться, онъ совершилъ обратное путешествіе крайне быстро и прибылъ въ Петербургъ усталый и больной, съ зародившемъ злокачественной лихорадкой. Въ самый день своего пріѣзда былъ принятъ государемъ въ продолжительной аудіенціи, которая врядъ ли носила пріятный для него характеръ; въ тотъ же вечеръ онъ, огорченный и изнеможенный, слегъ въ постель, съ которой болѣе и не вставалъ. Онъ умеръ всего 29-ти лѣтъ отъ роду.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи приведены сужденія о князѣ П. П. его современниковъ: графа Ланжерова, князя Ад. Чарторыйскаго и др. Мнѣніе князя Чарторыйскаго особенно инте-

ресно потому, что почти въ каждомъ его словѣ чувствуется глубокая, затаенная злоба польскаго магната, замысли котораго относительно политики Россіи и возстановленія Польши были разбиты, благодаря энергичному вмѣшательству юнаго, но смѣлаго князя Долгорукаго.

Вотъ какъ отзывается о немъ генералъ Беннигсенъ въ своихъ запискахъ: «смерть этого генерала въ цвѣтѣ лѣтъ была большой потерей не только для арміи, но и для самого государя. Онъ обладалъ живымъ и проицательнымъ умомъ и былъ рѣдкой дѣятельности на службѣ».

Послѣдній, четвертый очеркъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности князя Михаила Петровича, младшаго брата кн. П. П. Долгорукова. Въ послужномъ его спискѣ значится: «въ Аустерлицкой баталіи, гдѣ раненъ пулею въ грудь въ вылетѣ, за что награжденъ золотою шпагою съ надписью: за храбрость». За участіе въ дѣлахъ кампаніи 1805 г. награжденъ Георгіемъ 4-й степени, а за сраженіе при Прейсмишъ-Эйлау — Георгіемъ 3-й степени.

Въ 1808 г., во время войны съ Швеціей, князь Михаилъ Петровичъ былъ назначенъ начальникомъ Сердобольскаго отряда и былъ убитъ при Иденсалми. «Замѣтивъ отступленіе своихъ войскъ, — говоритъ авторъ, — онъ кинулся впередъ, хотѣлъ возстановить порядокъ, но былъ пораженъ ядромъ». Тѣло его было привезено въ Петербургъ и съ великими почестями предано землѣ въ церкви Влагвѣщенія Александровской лавры.

Генералъ Беннигсенъ далъ о немъ слѣдующій отзывъ: этотъ молодой человѣкъ имѣлъ всѣ качества, необходимыя для военнаго человѣка. При непрерывныхъ занятіяхъ военными науками, онъ обладалъ большимъ природнымъ умомъ, здравымъ сужденіемъ, обдуманною рассудительностію, положительнымъ, установившимся характеромъ. Онъ былъ серьезенъ при необходимости, а также веселъ и оживленъ, когда слѣдовало ободрять и воодушевлять; онъ былъ предпримчивъ, но съ осторожностію, и храбръ, безъ слишкомъ большой отваги.

Таково содержаніе интересной книги Его Высочества Великаго Князя Николая Михайловича, составляющей солидный складъ въ нашу историческую литературу. Для изучающихъ исторію Россіи начала XIX столѣтія она представляетъ большую цѣнность.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

~~Въ~~ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Живеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

~~Въ~~ Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.